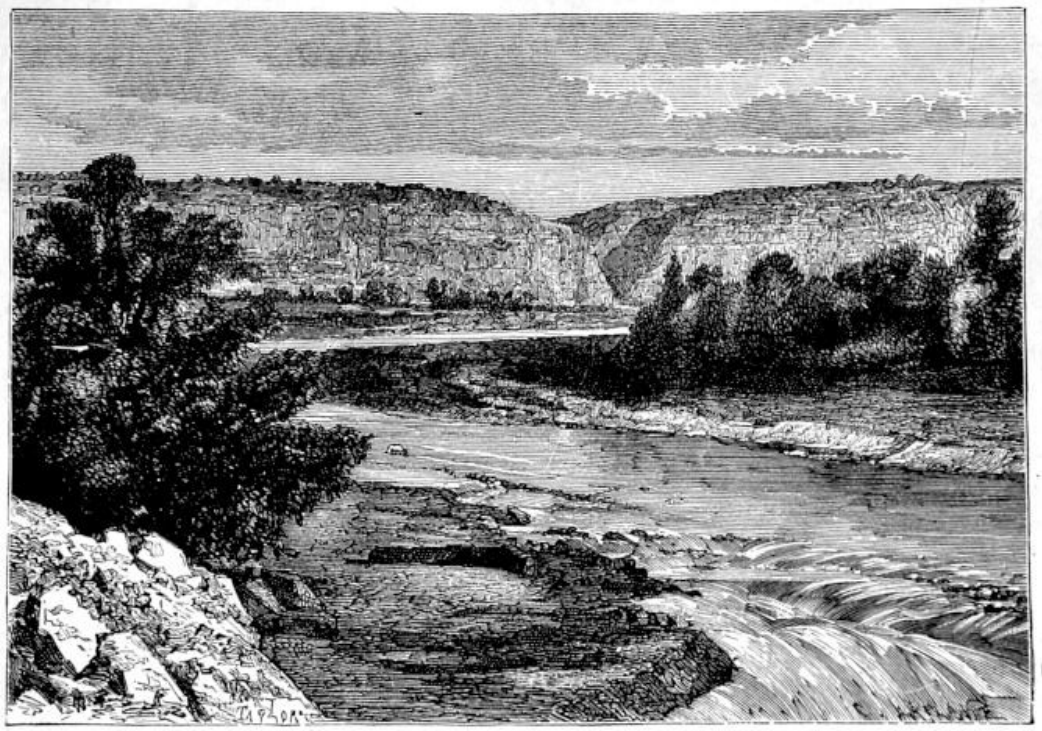
ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ УДЕШЕВЛЕННОЕ ИЗДАНІЕ

ЗЕМЛЯ и ЛЮДИ.

ВСЕОБЩАЯ ГЕОГРАФІЯ

ЭЛИЗЕ РЕКЛЮ.

ДЕВЯТНАДЦАТЬ ТОМОВЪ ВЪ ДЕСЯТИ КНИГАХЪ.



КНИГА ПЕРВАЯ

Томъ 1 и 2.

ПЕРЕВОДЪ СДѢЛАНЪ СО 2-ГО ИСПРАВЛЕННАГО И ДОПОЛНЕННАГО ИЗДАНІЯ

подъ редакціей **С. П. Зыкова.**

ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Высочайше утвержденнаго Товарищества «Общественная Польза» и К°.
Большая Подъяческая, № 39.
1898.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ УДЕШЕВЛЕННОЕ ИЗДАНИЕ
ЗЕМЛЯ и ЛЮДИ
ВСЕОБЩАЯ ГЕОГРАФИЯ
ЭЛИЗЕ РЕКЛЮ.

ДЕВЯТНАДЦАТЬ ТОМОВ В ДЕСЯТИ КНИГАХ.

КНИГА ПЕРВАЯ Том 1 и 2.

ПЕРЕВОД СДЕЛАН СО 2-ГО ИСПРАВЛЕННОГО И ДОПОЛНЕННОГО ИЗДАНИЯ

под редакцией С. П, Зыкова.

ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО Общества.

С.-ПЕТЕРБУРГ.

Издание Высочайше утвержденного Товарищества «Общественная Польза» и К°.
Большая Подъяческая, № 39
1898.

Дозволено цензурою. С.-Петербург, 10 Октября 1897 года.

От редакции.

Приступая к новому, удешевленному, изданию «Всемирной Географии» Реклю, редакция не находит нужным много говорить по этому поводу. Вышедшие девятнадцать томов этого капитального труда известного ученого заслужили ему Всемирную известность и многолетний труд Реклю переведен на многие иностранные языки. Что же касается до перевода на русский язык, то наша публика знакома с ним по первому изданию, заслужившему самые лестные отзывы в литературе как за точный и хороший перевод, так и за наружный вид самого издания. Наконец говорит само за себя уже то, что не взирая на дороговизну первого издания, оно все разошлось.

Приступая ныне ко второму удешевленному изданию редакции остается только указать на разницу между обеими изданиями. Оплаченное право перевода, самый перевод и рисунки дали возможность значительно удешевить цену нового издания, нисколько не уменьшая достоинства самого труда. Наконец иной формат, другой более убористый шрифт и не роскошная бумага, значительно сократив расходы по изданию, дадут возможность большинству русской публике иметь этот капитальный труд по доступной цене.

За исключением сказанного второе издание будет полное воспроизведение французского оригинала без всяких сокращений или каких либо изменений как в тексте, так и в рисунках. Исключение составят только некоторые цифровые данные. Как в первом так и во втором изданиях у самого Реклю встречаются некоторые устарелые уже цифры. Поэтому редакция, где только будет возможно постарается вставить новейшие цифры более точные, руководствуясь современными статистическими данными, помещаемыми в заграничных статистических ежегодниках.

Для сведения же лиц, подписавшихся на новое издание, редакция прилагает при сем таблицу, из которой можно видеть годы последних изданий в Париже каждого тома.

Томы: I—1887 г, II—1885 г, III—1884 г, IV—1887 г, V—1885 г, VI—1887 г, VII—1882 г, VIII—1883 г, IX—1884 г, X—1885 г, XI—1886 г, XII—1881 г. XIII—1888 г, XIV—1889 г, XV—1890 г, XVI—1891 г, XVII—1892 г, XVIII—1893 г, XIX—1894 г.

Наконец мы можем указать на некоторые пособия при чтении самого сочинения. Указать на такой Атлас, по которому можно было бы проследить каждый пункт, упоминаемый во Всемирной Географии нельзя потому, что такого атласа вовсе не существует. Для этого существуют дорого стоющие и по цене доступной только для немногих специальные карты каждой страны. Из атласов же по цене своей доступных для большинства можно указать на некоторые как то:

«Stieler's Hand-Atlas».—Джонстон. «The Royal Atlas».—Шрадер. «Atlas de geographie moderne.—Ильин. Подробный атлас всех частей света.

В продаже имеются из этих атласов и карты отдельных государств и стран.

С. П. Зыков.

Предисловие автора к 1-му тому.

Издание всемирной географии может показаться предприятием слишком смелым, но оно оправдывается замечательными успехами, сделанными в последнее время и продолжающими совершаться в научном завоевании нашей планеты. В странах, находящихся с давнего времени во владении цивилизованного человека, раскрыта большая часть тайн; обширные пространства, еще не посещавшиеся европейцем, присоединены к миру известному; самые законы, которым повинуются земные явления, исследованы ныне с большою точностью. Приобретения науки так многочисленны и так важны, что вряд-ли можно их ввести, в виде резюме, в какое-нибудь старое сочинение, как бы ни было оно замечательно, как, например, сочинение знаменитого Мальт-Брена. В новое время нужны новые книги.

Мне хотелось бы описать все страны Земли и представить их глазам читателя так, как

будто я сам объехал их все и лично ознакомился с ними с различных сторон; но для отдельного человека Земля почти бесконечна, и я принужден воспроизводить бесконечный ряд земных картин лишь при посредстве путешественников. Впрочем, я старался не следовать слепо моим путеводителям, а проверял их описания и рассказы непрерывным чтением, и привожу чужия слова лишь после строгого обсуждения, сопоставляя их с представлением о живой природе.

Но сама природа постоянно изменяется, вместе с людьми, которых она питает. Внутренния движения то поднимают, то опускают горы; проточные воды сносят землю и влекут ее в море; течения подмывают скалы и строят архипелаги; жизнь кипит в волнах и беспрестанно изменяет поверхность земли; сами, наконец, люди—земледелием, промышленностью, торговыми путями изменяют вид и первичные условия материков, на которых они живут, и в то же время не перестают изменяться сами, вследствие переселений и смешения народностей Подвижность всего окружающего нас—безконечна, но тем не менее следует попытаться дать о ней понятие, изобразить как среду первичную, так и среду изменяющуюся. Уже в книге «.Земля», составляющей в некотором роде предисловие к настоящему сочинению, я пытался описать в общих чертах все движения, происходящие на поверхности земного шара; теперь же следует проследить их в подробностях на материках и на море. Я чувствую, что подобное сочинение не легко довести до конца, но извинение своей смелости нахожу в самой громадности задачи, которой я искренно посвящаю быстро летящие часы моей жизни. Почти незаметная капля паров, блеснувшая на минуту в пространстве, отражает в себе вселенную, которая окружает ее своею неизмеримостью. Так и я постараюсь отразить окружающий мир.

Формальная география, состоящая в указании долгот и широт, в перечислении городов, деревень, политических и административных делений, займет в моем труде второстепенное место. Все желательные сведения для этой части географической науки найдутся в атласах, словарях, в оффициальных документах. Я не желал бы увеличивать бесполезно размеры сочинения, которое будет и без того уже весьма пространно, нетрудною выпискою многочисленных таблиц, цифр и имен, и боюсь вдаться в область картографии и чистой статистики.

В моем долгом путешествии от берегов Греции, где начинается европейская цивилизация, до грозных ледяных гор, заграждающих человеку доступ к землям Антарктическим, я не буду принуждать себя к абсолютно строгому порядку. Сама природа представляется весьма разнообразною и не подчиняется какой-либо условной правильности, а поэтому и рутинный порядок, которому обыкновенно следуют при описании различных стран, есть порядок чисто-внешний. Мне кажется более верным руководствоваться в этом предпринятом мною труде относительною важностью описываемых явлений и отличительным характером и состоянием культуры тех народов, которые будут проходить друг за другом в моих описаниях.

Приступая к столь пространному труду, я должен дать читателю обязательство крайней воздержанности в языке. Было бы слишком много—обещать избегнуть всякого лишнего слова, но я буду краток, на сколько это будет возможно без вреда для ясности изложения. Земля так велика и полтора миллиарда её жителей представляют столько разнообразия и контрастов, что вряд-ли возможно будет избежать иногда бесполезных повторений.

Несмотря на тщательное составление и редакцию, мое сочинение, к несчастию, не будет свободно от многочисленных ошибок, из коих некоторые неизбежно произойдут вследствие непрерывных видоизменений самой природы и человечества, и, следовательно, не потребуют с моей стороны никакого извинения, так как я не могу иметь претензий опережать время. Правда, я предвижу еще и другие ошибки, которые могут произойти или от незнакомства с какими-либо трудами моих предшественников, или, что еще важнее, от какого-нибудь предразсудка, от которого я еще, быть может, не совсем отделался,—поэтому заранее прошу у читателей извинения. Впрочем, я могу обещать им строгость в работе, прямоту в суждениях, постоянное уважение к истине. Вот что позволяет мне обратиться к ним с полной доверчивостью и пригласить их к изучению вместе со мною той «Благодатной Земли», которая носит всех нас и на которой так хорошо было бы жить братьями!

Элизе Реклю.

Предисловие автора к 2-му тому.

Я должен выразить мою особенную признательность тем, кто соблаговолил помочь мне своими советами и дал возможность пользоваться во время моей работы печатными или письменными документами. Прежде всего я должен благодарить моих издателей, которые оказали мне услуги с безграничною обязательностью. Г. Эрнест Дежардэн, время которого употребляется на более важные занятия, согласился посмотреть мои опыты и отметить важные ошибки и упущения. Брат мой г. Онезим Реклю, имевший большую, чем я, связь с Франциею, её холмами, лесами и реками, также читал мои корректурные листы до выхода книги в свет.

Из корреспондентов, помогших мне своими советами и критическими замечаниями, я считаю долгом упомянуть также г. де-Мортилье, за доисторические времена Франции; гг. Жозефа Ногарэ, Шарля Ногарэ, Франца Шрадера, Трюта, Поля Раймона, Роша, Кальвэ — за Пиренеи; гг. Монтейля и Бруссэ — за Эбро; гг. Газелля и Гроца — за Гард; гг. Ипполита Пе и Армана Реклю — за дельту Роны; г. А. Делакруа — за Франш-Контэ; г. Бимона — за Овернь; гг. Маршгэ, Шарля Боттона, Летелье — за Сентонж; г. Гамбона — за Ньевр; г. Брэнгье — за Шер; гг. Селистэна Пора и Кирхберга — за нижнюю Луару; г. Лево — за Финистер; г. Огюста Боттона — за Сен-Мало; гг. Альфреда Дюмениля и Эжена Ноэля — за Нормандию; г. Вакез-Лало — за Северный департамент; г. Плока — за Дюнкирхен и берега Фландрии, г. Шарля Града — за Вогезы; г. Поля Герэна — за вопросы, относящиеся до администрации Франции. Я прошу их принять благосклонно выражение моей благодарности, и благодарю также от всего сердца г. Ш. Шиффера, который посвятил свое время в отсутствие автора надзору за печатанием сочинения.

Э. Реклю.

Главнейшие источники к 1-му тому.

Полная библиография стран южной Европы занимает целые томы и, кроме того, разбросана по разным специальным сборникам. Ниже указанные источники суть те, которые оказали мне наибольшую пользу, почему добросовестность, столько же,как и признательность, обязывают меня указать на них.

Я должен также выразить мою благодарность лицам, оказавшим мне свое содействие и сделавшим поправки. В числе таких лиц я должен назвать: гг. Рейе, Пико, Мортиллье, Мапцони, Альберта Гейма, Иокима Торреса и барона Давилье. Г. Эрнест Дежарден простер свою любезность до того, что просмотрел большую часть корректур, и, благодаря его драгоценным указаниям, мною были переделаны целые страницы.

В следующих томах источники будут указаны в самом тексте.

Европа.

Houzeau, Histoire du sol de l'Europe. — Carl Ritter, Europa. — Kohl, Die geographische Lage der Hauptstadte Europa's.

Средиземное море.

Hr. H. Smith, the Medierranean. — Bureau de la Malle, Geographie de la mer Noire et de la Mediterranee. — Bottger, das Mittelmeer.

Греция.

Archives des Missions scientifiques, in memoires de Burnouf, Mezieres Beule, Houzey, Foucart, About, etc. — Leake, Travels in Northern Greece. — Nursian, Geographie von Griechenland. — Puillon Boblaye, Virlet, Expedition scientifique de Morce. — Bory de Saint-Vincent, Voyage en Morce. — Curtius, Peloponnesos. — Beul, Etudes sur le Peloponnese. — Ludw. Ross, Griechische Inseln. — J. Sclimidt, Vulkanstudien. Santorin. 1866 bis 1872.

Турция.

R. Pasbley, Travelsin Crete. — Raulin, Description physique de Vile de Crete. — G. Perrot, Vile de Crete. — Viquesnel, Voyage dans la Turquie d'Europe. — Albent Dumont, le Balcan et l'Adriatique. — Lejean, Ethnographie de la Turquie d'Europe. — Von Mammer, Konstantinopel

und der Bosporus. — P. de Tcbihatchef, le Bosphore. — Heuzey, Voyage archeologique en Macedoine. — Fanshawe Tozer, Researches in the Highlands of Turkey. — Bartli Beisen in der Eurspaischen Turkei. — Von Hahn, Albanesische Studien. — Hecquard, Histoire et description de la Haute-Albanie. — Dora d'Istria, Nationalitc albanaise.— Fr.Maurer. Heise durch Bosnien. — E. de Sainte Marie, Herzegovine. — Kanitz, Donau-Bulgarien und der Balkan.

Румыния.

Vaillant, la Boumanic. - Bolliac, Memoires pour servir d'Hhistoire de la Botmanie. — Fr. fame, la Boumanie contemporaine. — V. Duruy, De Paris d'Bucharest. — Von Roessler, Bomanische Studien. — E. Desjardins, Embouchures du Danube et projet d'canalisation maritime.

Сербия и Черногория.

Kanitz, Serbicn. — Ubicini, les Serbes de Turquie. — Cyprien Robert, les Slaves de Turquie. — Louis Leger, le Monde slave. — Lejean, Visite au Montenegro.

Италия.

Zuccagni Orlandini, Corografia fisica, storica e statistica dei Italia e delle sielsole. — Marmocchi, Descrizione d'Italia. — Amato Amati. Vitalia sotto Vaspetto fisico, storlco, artistico e statistico. Tainp, Voyage en Italie. — Gregorovius, Hranderjahre in Italien; Geschichte der Stodt Boms. — Ann. di Saluzzo, le Alpi che cingo no Vitalia. — Cattaneo e Lombardini, Notizic naturali e civili su la Lombardia. — Lombardini, Pianura subapeninna — Lombardini, Condizione idraulico del Po. — Martins, Gastaldi, Terrain superficiels de la vallee du Po. — De Mortillet, Anciens glaciers du versant meridional des Alpes, et Memoires divers. — Bertolotti, Liguria maritia, — Targioni Tozzetti. Voyage en Toscane. — Salvagnoli Marchetti, Maremme Toscane, — Noel der Vergers, l'Etrurieetles Etrusques. — Beule, Fouitles et decouvertes. — Giordano, Roma e suo territorio, — Ponzi, Histoire naturelle du Latium, — De Prony, Marais Pontins. — Ouvrages d'Ampere et de Stendhal, etc. — Davies, Pilgrimage of the Tiber. — Francis Wey, Home, — Spallanzani, Voyage dans les Deux-Siciles. — Smyth, Sicdy anditslslands. — Dolomieu, Voyage aux tres de Lipari. — De Quatrefages, Souvenirs d'un naturaliste. — Mantegazza. Profili epciesaggi delta Sardegna. — Non Maltzan, Reise auf der Insel Sardinien. — Spano, Itinerario delta Sardegna, — Correnti e Maestri, Statistica del l'Italia.

Корсика.

Marmocchi, Geographie dela Corse, — Gregorovius, Corsica

Испания.

Coello, F. de Luxan y A. Pascual, Resonas geogrdfica, geologica y agricola de Espana. — Baron Davillier et Gust. И)orё, Voyage en Espagne. — De Laborde, Itineraire descriptif de l'Espagne. — de Saint-Vincent, Resume geographique de Peninsule iberique. — De Vernenil et Collomb, Memoires geotogiques sur l'Espagne. — Ford, Handbook for travelers in Spain. — Fern. Gerrido, l'Espagne contemporaine. — Cherbuliez, l'Espagne politique, — Ed. Quinet, Mes Vacanees en Espagne. — Th. Gautier (Trastos Montes), Voyage en Espagne. — M. Willkomm, die Pyrendisclie Hatbinsel; Strand-und Steppengebiete der iberischen Hatbinsel. — George Sand, Un Hiver d'Majorque, — Ludw. Salvator, Balenren in Wortund Bild-Blade, Etudes geographiques sur la vallee d'Andorre. — V. von Humboldt, Urbewohner Spaniens-Eug. Cordier, Organisation de la famille chez les Basques. — Paul Broca, Memoires d-anthropologie.

Португалия.

Link und Hoffmann-egg, Voyage en Portugal. — Portugal und seineKolonien. — Vogel, le Portugal et ses Colonies, — Lady Jackson, Fair Lusitania. — Latouche, Travels in Portugal.

Le Bultetin de la' Societe de geographie la Revue des Deux-Mondes, Ausland Globus la Revue d'anthropologie.

Для того, чтобы читатели, при встрече с метрическими мерами и различными монетными единицами, могли иметь под рукою справку об отношениях этих мер к русским, мы прилагаем здесь сравнительную таблицу.

1 метр равен 3,28 рус. или английск. футам.

1 километр = 1000 метр. = 0,93 р. версты.

1 мириаметр = 10.000 м. = 9,37 р. в.

1 льё равно 4 километрам.

1 кв. метр = 10,76 рус. квадр. футов.

1 кубич. метр = 35,31 рус. кубич. футов.

1 гектолитр = 100 литр. = 3,81 четвер. = 8,?? р. ведра.

1 килограмм = 2,44 р. фунта.

1 гектар = 10.000 кв. метров = 0,91 р. десят. = 2.197 кв. саж.

1° Цельзия = 0°,8 Реомюра 1° Реом. = 1,25 Цельзия.

4° Реомюра = 5° Цельзия = 9° Фаренгейта.

1 нов. франц. фут = 73 метра.

1 нов. туаз = 2 метрам.

1 франк = 25 к. = 40 австр крейцерам (которых в гульдене 100) = 80 герм. пфеннигам; 5 франков = 1 доллару; 100 пфеннигов = 1 марке; 3 марки = 1 талеру: 1 ф. стерлингов = 25 франкам. Расчет верен при сравнении с металлическим рублем.

Примечание. При переводе мер приняты только две десятичные цифры.

ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ
ВСЕОБЩАЯ ГЕОГРАФИЯ
Э Л И З Е Р Е К Л Ю

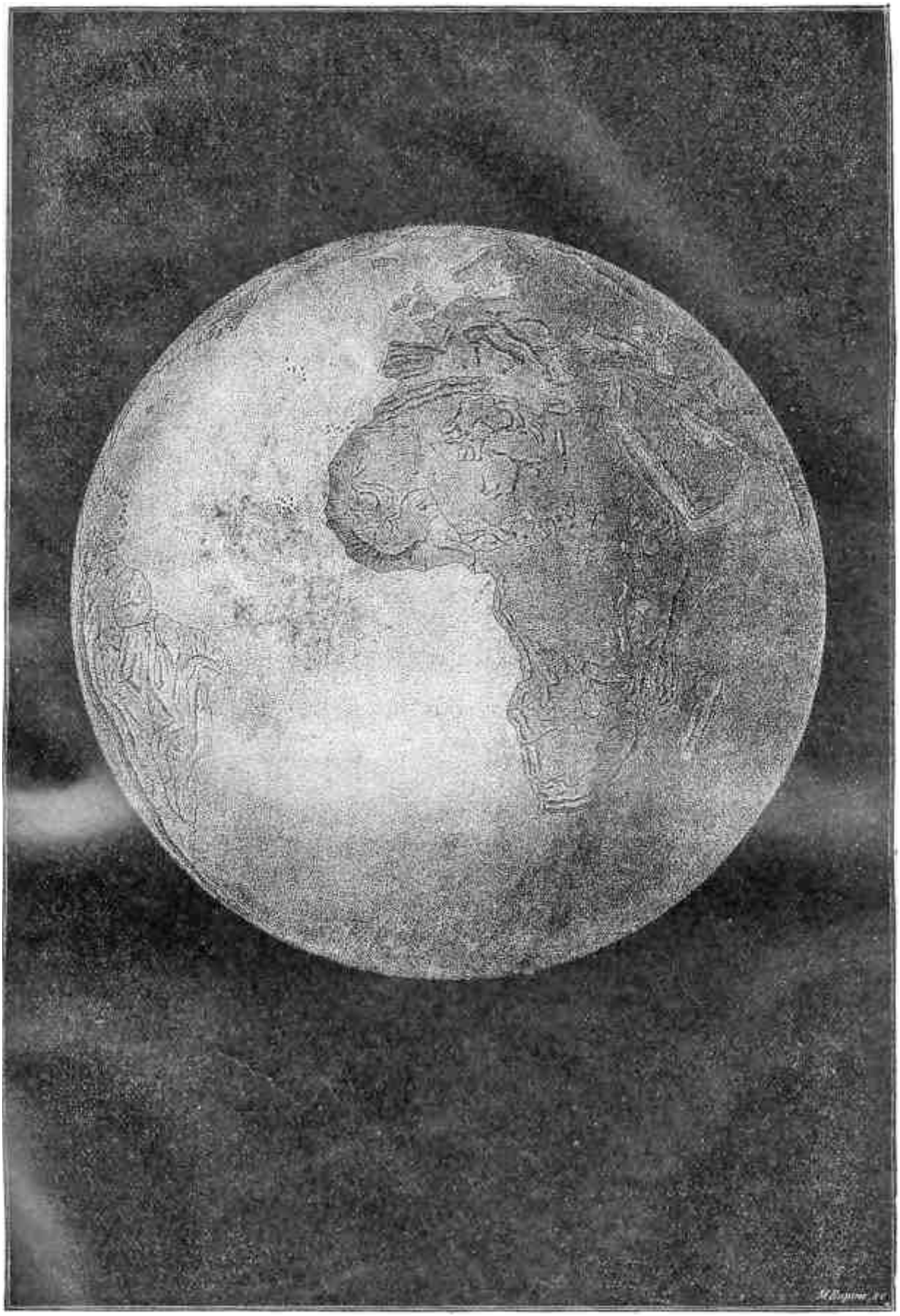
Т о м I.

Греция-Европейская Турция-Болгарские земли-Румыния-Сербия-Черногория-Италия-Испания и Португалия

Перевод под редакцией С. И. Зыкова,
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

С.-ПЕТЕРБУРГ

Издание Высочайше утвержденного Товарищества «Общественная Польза»
Большая Подъяческая, 39.



Земля в пространстве

Глава I Общий взгляд

Земля есть не что иное, как точка в мировом пространстве, одна из звездных молекул; но для людей, ее населяющих, эта молекула все так же безгранична, какою казалась и в отдаленные времена нашим диким предкам. Говоря относительно, она бесконечна, потому что ее никто еще не обошел всю, и невозможно предвидеть, когда она станет известна нам окончательно. Геодезист и астроном говорят нам, что наша планета кругла и сжата у обоих полюсов; метеоролог и физик изучили в неизвестном полярном поясе, по научным данным, вероятное направление ветров, течений и движения льдов; но ни один исследователь не видал этих концов земли: никто не может сказать,—моря или материки простираются за великими ледяными преградами, перешагнуть чрез которые не удалось еще никому. Правда, смелые моряки, честь нашего времени, сократили постепенно таинственное пространство в северном поясе, так что в наше время остается подтвердить там круглоту земли только в пространстве сотой части земной поверхности, но зато по другую сторону земли исследованиям мореплавателей открыто еще громадное пространство, на которое луна могла бы упасть, не коснувшись даже границ доступных и исследованных нами областей.

Впрочем, не одни только полярные моря, представляющие столько препятствий предприимчивости человека, принадлежат к числу неведомых пространств земли: даже между известными нам странами есть такия, которые были бы нам вполне доступны, если бы только дело шло о природе, но, как это ни странно при нашей цивилизованной гордости, сами же люди не дают к ним доступа. Есть много народов, которые имеют города, законы и, относительно, просвещенные нравы, но живут изолированно и так же незнакомы нам, как жители другой планеты, ибо война со всеми ея ужасами, рабство, религиозный фанатизм и наконец торговая конкурренция сторожат их границы и преграждают туда доступ. Только по неопределенным слухам знаем мы о существовании этих народов, но между ними есть и такие, о которых нам неизвестно ничего, кроме басен. И даже в наше время, в век паровых машин, печати, непрерывной, лихорадочной деятельности, центр Африки, часть Австралийского материка, столь прекрасный и вероятно столь же богатый остров Новая Гвинея, обширные плато внутренней Азии—принадлежат все еще к области неизвестного. Даже те места, которые большая часть ученых считают обыкновенно колыбелью наших первоначальных предков, арийцев, исследованы еще весьма недостаточно.

Что касается до стран, уже посещавшихся путешественниками и изображенных на наших картах с сетью дорог, то подробности их внутренней географии могут сделаться известными лишь после длинного ряда сравнительных исследований. Сколько времени понадобится для устранения противоречий и исправления ошибок всякого рода, допущенных исследователями в их описаниях и рассказах! Какой громадный труд потребуется для полного изучения климата, рек и гор, растений и животных! Сколько нужно систематических и серьезных наблюдений, чтобы объяснить медленные видоизменения, совершающиеся во внешнем виде и физических явлениях различных стран! Сколько предосторожностей придется принять, чтобы съуметь верно констатировать перемены, происходящие вследствие самопроизвольной игры природы, и видоизменения, производимые хорошим или дурным влиянием человека! Вот что нужно еще сделать для того, чтобы иметь право сказать, что мы знаем землю.

Но и это еще не все. Вследствие естественной склонности нашего ума, всякое исследование мы пытаемся свести на изучение самих себя, самого человека, как центра всего сущего, и таким образом изучение планеты должно необходимо дополняться, оправдываться, так сказать, изучением населяющих ее народов. Но если земля, которая носит на себе людей, мало известна, то сами люди известны относительно еще меньше. Не говоря уже о первоначальном происхождении племен и рас, которое нам совершенно неизвестно, их ближайшая родословная, родственные связи, смешение большей части племен и народов, места их исхода и остановок—составляют еще тайну для самых ученых людей и предмет самых противо-

речивых мнений. Какое влияние испытывают различные народности от окружающей их природы, от среды, в которой жили их предки, от инстинктов расы, от различных смешений, от внесенных извне традиций?—Мы не знаем,—и разве только иногда блеснет луч света в этом мраке. И важнее всего то, что не одно только незнание составляет причину наших заблуждений: антагонизм страстей, инстинктивная ненависть между племенами и народами часто также представляют людей в превратном виде, а не такими, каковы они на самом деле. Дикари отдаленных стран представляются нашему воображению какими-то призраками, и даже наши соседи, наши соперники в цивилизации, являются нам в искаженном виде. Чтобы видеть их в истинном свете, нам нужно сперва отрешиться от всяких предразсудков, от всех разъединяющих народы чувств презрения, ненависти, страха и т. д. Еще нашими мудрыми предками сказано, что самое трудное дело это—познать самого себя; насколько же труднее изучить человека разом во всех его племенах.

Итак, в настоящее время невозможно написать истинно Всемирной Географии, т.е. представить полное описание земли и людей. Это дело предстоит соединенному труду будущих наблюдателей всех стран мира, которые соединятся для составления великой книги человеческих познаний. Отдельный работник нашего времени может отважиться лишь на составление небольшой картины, и при том должен строго придерживаться правил перспективы, т.е. отводить места различным странам сообразно степени их значения и глубине знакомства с ними.

Всякий народ, конечно, склонен думать, что первое место в описании земли должно принадлежать его стране. Всякое ничтожное дикое племя, ничтожная группа людей, пребывающая еще в чисто первобытном состоянии, воображает себя центром вселенной, совершеннейшим представителем человеческой природы. И язык его непременно свидетельствует об этой наивной иллюзии, происходящей от крайней узкости его умственного горизонта: река, орошающая его поля, называется «Отец Вод»: гора, защищающая его становище,—«Пуп Земли». Имена, которыми эти, находящиеся в младенчестве, народы называют соседния племена, выражают презрение: они ставят иностранцев ниже себя, называя их «Глухими», «Немыми», «Бормоталами», «Неряхами», «Дураками», «Дьяволами». Так, китайцы, которые, в некоторых отношениях, действительно, представляют один из самых замечательных народов и превосходят все другие народы, по крайней мере численностью, не довольствуясь тем, что видят в своей прекрасной стране «Срединный Цветок», приписывают ей такое превосходство, что, вследствие высказываемого ими к другим презрения, назвали себя «Сынами Неба». Что же касается народов, разбросанных вокруг «Небесной Империи», то их только четыре: «Собаки», «Свиньи», «Дьяволы» и «Дикари»! Да и заслуживают ли они, чтобы давать им какое-нибудь имя? Не проще ли называть их «Погаными», по четырем странам света: западные, северные, восточные и южные?

Если мы отводим в нашем описании земли первое место цивилизованной Европе, то это вовсе не вследствие предразсудков: это место принадлежит ей по праву. Прежде всего европейский материк—единственный, которого поверхность вся обойдена и исследована научно, карта почти полна, материальный перечень почти закончен. Не имея столь густого населения, как Индия и Центральный Китай, Европа заключает в себе тем не менее около четверти всего населения земного шара, и её народы, несмотря на их недостатки и пороки, несмотря на состояние варварства, в котором они пребывают еще во многих отношениях, все-таки руководят остальное человечество в трудах промышленности и мысли. Именно в Европе в течение почти двадцати-пяти веков не потухал главный светоч, испускавший свет для наук, искусств и новых идей, перемещаясь постепенно с юго-востока к северо-западу. Даже смелые европейские переселенцы, перенесшие за моря свои языки и нравы и имевшие громадное преимущество—возможность свободно расселиться на девственной земле, вовсе не доставили Новому Свету того значения в развитии современной истории, каким пользуется маленькая Европа.

Более деятельные, более смелые, сбросившие с себя часть тяжелого груза феодального

прошлого, наши американские соперники еще слишком немногочисленны, чтобы сумма их трудов могла равняться с нашею. Они могли узнать лишь незначительную часть богатств своей новой родины, и даже дело предварительного исследования у них далеко еще не окончено. «Старая» же Европа, где каждый кусок имеет свою историю, где каждый человек по своим преданиям и по месту своей деятельности является уже наследником сотни последовательных поколений, сохраняет все-таки первое место, и сравнительное изучение народов убеждает нас, что нравственная гегемония и промышленное превосходство останутся за нею еще надолго. Однако, не подлежит сомнению, что равенство, наконец, возьмет верх не только между Америкою и Европою, но и между всеми частями света. Благодаря непрерывному скрещиванию народа с народом, племени с племенем, благодаря совершающимся в огромных размерах переселениям, благодаря возрастающей легкости обмена и путям сообщения, —в различных странах установится постепенно равновесие населения, каждая страна доставит часть своего богатства в великое достояние человечества, и так называемая цивилизация распространится на земле так, что не будет иметь ни «центра, ни предела».

Известно, как могущественно было благодетельное влияние географической среды, в смысле климатических условий, на успехи европейских наций. Их превосходство не обусловливается, как гордо воображают некоторые писатели, качествами тех народов, к которым они принадлежат, ибо те же самые племена в других странах древнего мира были далеко не так способны к восприятию цивилизации. Именно счастливые условия почвы, климата, формы и положения материка доставили европейцам честь стать первыми в познании земли в её целом и оставаться долгое время во главе человечества. Не без основания историко-географы упирают обыкновенно на очертания различных материков и на вытекающие отсюда последствия для судеб народов. Форма возвышенностей, высота гор, направление и обилие рек, соседство океана, изгибы берегов, температура атмосферы, обилие или недостаток дождей, тысячи взаимных отношений почвы, воздуха и воды, все явления планетной жизни—имеют в их глазах смысл и служат к объяснению, по крайней мере отчасти, характера и первобытной жизни народов. Они объясняют таким образом большую часть различий между народами, подчиненными различным влияниям, и указывают на земле те пути, которым неминуемо должны были следовать люди в своих исторических приливах и отливах, переселениях и войнах.

Но во всяком случае нельзя забывать, что общая форма материков и морей и все особенные черты земли имеют в истории человечества чрезвычайно изменчивое значение, смотря по состоянию культуры, достигнутому народами. Если собственно география, занимающаяся только формою и рельефом планеты, показывает нам пассивное состояние народов в их прошлой истории, то, наоборот, география историческая, и статистическая представляют людей в их деятельной роли, побеждающими своим трудом окружающую среду. Так, река, которая для какого-нибудь народца, чуждого цивилизации, составляла непреодолимую преграду, для племени более просвещенного превращается в торговый путь, а впоследствии, быть может, обратится в простой оросительный канал, направление которого человек изменит по своему произволу. Так, гора, которую переходили только пастухи и охотники, и которая преграждала путь народам, в более цивилизованную эпоху привлекла рудокопов и промышленников, а затем, благодаря перерезавшим ее дорогам, вовсе перестала быть препятствием. Так, маленькая морская бухточка, в которой стояли небольшие суда наших предков, теперь уже покинута, а другая, глубокая бухта, когда-то страшная для судов, защищенная ныне громадною плотиною, построенною из обломков скал, сделалась пристанищем для больших кораблей.

Эти бесчисленные изменения, производимые человеческою промышленностью на всех точках земного шара, обусловливают один из важнейших переворотов в отношениях человека к самим материкам. Форма и высота гор, размер плоскогорий, извилистость береговой линии, расположение островов и архипелагов, пространность морей-мало-по-малу теряют свою относительную важность в истории народов, по мере того, как последние выигрывают в силе

и свободе действий. Подчиняясь влиянию среды, человек в то же время видоизменяет ее в свою пользу; он, так сказать, смягчает природу, и силы земли обращает в служебные для себя силы. Можно привести в пример высокие плоскогорья Центральной Азии, отнимающие ныне всякое географическое единство у окружающих их земель и полуостровов, но будущее исследование и промышленные победы дадут в результате для Азии ту целостность, которая до сих пор существует только по виду. Даже тяжелая и массивная Африка, однообразная Австралия, наполненная лесами и сетью вод Южная Америка—будут пользоваться впоследствии теми же выгодами и достигнут той же подвижности, как и Европа, когда торговые пути, прорезав эти страны во всех направлениях, преодолеют реки, озера, пустыни, горы и возвышенности. С другой стороны, преимущества Европы, которыми она обязана расположению гор, разветвлению рек, очертанию своих берегов, общему равновесию своих форм, утратили свое относительное значение с тех пор, как к первобытным средствам, доставляемым природою, люди присоединили свои промышленные механические орудия.

Чтобы понять общую географию Европы, надо помнить именно этот главный факт постепенного изменения в историческом значении внешнего вида земель. Изучая пространство, надо принимать в соображение и другой, столь же важный элемент—время.

Глава II Европа

I. Границы

Уже со времени первых военных и торговых экспедиций жители восточных берегов Средиземного моря должны были научиться отличать три встречающиеся здесь друг с другом материка. В этом центре древнего мира Африка едва соединяется с Азиею узкою полосою бесплодных песков, а Европа отделяется от Малой Азии непрерывным рядом морей и проливов с опасными течениями. Деление известной земли на три отдельные части света зародилось в уме еще юных народов, и когда мифы и устные предания, с возмужалостью эллинского племени, заменились писаной историей,—имя Европы являлось уже пережившим, вероятно, длинный ряд поколений. Геродот наивно утверждает, что ни одному смертному не суждено узнать когда-либо истинное значение этого слова. Новейшие ученые, однако же, пытались истолковать это завещанное праотцами наименование, и одни видят в нем древнее название, применявшееся первоначально к «широко-равнинной» Фракии, которое распространилось впоследствии на всю Европу; другие же производят его от прозвища «широкоглазый»,—присвоенного Зевсу, древнему богу солнца, покровителю материка. Некоторые этимологи думают, что Европа была названа так финикиянами, обозначавшими этим названием страну «Белых людей». Но во всяком случае вероятнее, что слово Европа имело первоначально, как греческое слово Эребос, смысл «запада», в противоположность Азии, стране солнечного восхода. Точно таким же образом Италия, а потом Испания, назывались Гесперией, Западная Африка названа мусульманами Магреб, а долины за рекою Миссисипи уже в наше время стали называться «Far West» т.е. Дальний Запад.

Но каково бы ни было первоначальное значение этого слова, Европа, по всем древним мифам,—дочь Азии. Финикийские мореплаватели первые исследовали европейские берега и при помощи меновой торговли ввели их населения в сношения с народами восточного мира. Когда же дочь превзошла в цивилизации свою мать, и когда эллинские путешественники продолжали открытия, начатые тирскими моряками, то все земли к северу от Средиземного моря стати уже считаться принадлежностью Европы. Эта часть света, заключавшая в себе первоначально, может быть, только большой Фракийско-Эллинский полуостров, увеличи-

ваясь постепенно, стала обнимать Италию, Испанию, Галлию и все северные страны, лежащие по ту сторону Альп и Дуная. По Страбону, Европа, уже известная в своей наиболее неровной и «оживленной» части, ограничивалась на востоке Меотийскими болотами и рекою Танаисом.

Новейшие географы отодвинули границу между Европою и Азиею дальше к востоку, но, конечно, и это деление весьма условно, ибо Европа, ограниченная со всех других сторон морями, на востоке сливается с территориею Азии так, что, начиная от границ Сибири и Кавказа, она на самом деле есть не что иное, как просто полуостров Азиатского материка. Однако же различие между этими двумя частями света слишком значительно, чтобы наука могла устранить разделение Европы и Азии, как двух особых континентальных масс. Но где же истинная линия раздела? Картографы придерживаются обыкновенно административных границ, которые русское правительство провело между своими громадными европейскими и азиатскими владениями, то-есть руководствуются произвольным разграничением. Другие же принимают границею двух материков Кавказский хребет и Уральские горы; это деление кажется на первый взгляд разумнее, но и оно в сущности не верно. Склоны одной и той же горной цепи не могут быть рассматриваемы как принадлежащие к различным формациям, и всего чаще они бывают населены народами одного происхождения. Истинный пояс раздела между Европою и Азиею определяется вовсе не горными системами, а, напротив, рядом низменностей, которые занимал некогда морской рукав, соединявший Средиземное море с Ледовитым океаном. Степи Маныча, к северу от Кавказа, отделяющие Черное море от Каспийского и теперь еще частию покрытые солеными озерами, само Каспийское море, а также Аральское и другие озера, раскинутые по направлению к Обской губе, представляют собою остатки древнего моря, и промежуточные между этими бассейнами пространства суши сохраняют еще следы наполнявших их некогда вод.

Не говоря уже о переменах, которые должны были совершиться во внешнем виде Европы в предшествовавшие геологические периоды, можно сказать положительно, что форма материка значительно изменилась и в новейшую эпоху. Если Европа была отделена прежде от Западной Азии морским рукавом, то, с другой стороны, было время, когда она соединялась с Анатолиею посредством перешейка, в котором открылся впоследствии Константинопольский пролив. Даже Испания соединялась с Африкою, пока воды океана не ворвались в Средиземное море; а Сицилия, вероятно, соединялась с Мавританиею. Наконец, Британские острова составляли часть материка. Размывание земли морем, равно как поднятие и понижение земель не переставали и не перестают еще изменять очертания морских берегов. Многочисленные измерения, произведенные в морях, омывающих Западную Европу, открыли существование подводного плато, которое с геологической точки зрения должно быть рассматриваемо как составная часть материка. Окруженный безднами в несколько тысяч метров глубины и покрытый водою в высоту от 50 до 200 метров, этот пьедестал Франции и Британских островов есть не что иное, как основание древних земель, смытых постепенною работою волн, разрушенный фундамент исчезнувшего континентального здания. Если бы присоединить к Европе все подводные отлогости берега океана, то они увеличили бы материк приблизительно на четверть его поверхности, но в то же самое время они отняли бы у Европы то богатство полуостровов, которое доставило ей историческое превосходство над другими частями света.

Если бы мы вообразили себе, что материк, вместо поднятия на 200 метров, опустился бы на столько же, то Европа, средняя высота которой, по Лейпольдту, 297 метр., занимала бы только половину своего теперешнего протяжения: все низменные равнины, большая часть которых составляли некогда морское дно, вновь погрузились бы в океан, так что над водою остался бы только остов от возвышенностей и гор, гораздо более изрезанный заливами и окаймленный полуостровами, чем ныне существующий берег. Вся западная и средиземная Европа составила бы огромный остров, окруженный на половину затопленными землями, как напр. Сицилия и Великобритания, и отделяемый широким проливом от слегка выпук-

лых равнин внутренней Россия. Эта-то масса как для истории, так и для геологии, и есть истинная Европа. Россия, на половину азиатская, уже по своему исключительному климату, по виду своих однообразных равнин и бесконечных степей, соединена весьма тесно с Азиею как своими племенами, так и историческим развитием; можно даже сказать, что она стала частью Европы только немного более века тому назад. Итак, новейшая цивилизация, результат бесчисленных цивилизаций, счастливо соединившихся в один общий поток, родилась среди островов, полуостровов, долин, небольших бассейнов, среди различных уровней морской и гористой Европы, среди её живой и исполненной неожиданных контрастов природы. Подобно тому, как воды, стекая с гор, удобряют окружающие равнины плодоносным илом,—прогресс во всех его видах распространялся из этого центра мало-по-малу по материкам до крайних пределов земли.

II. Естественные разделы и горы

Европа, заключая в себе, кроме трех средиземных полуостровов, Францию, Англию и Германию, делится естественным образом на несколько частей. Британские острова, благодаря окружающему их морю, представляют первую, совершенно отдельную группу; Пиренейский полуостров также вполне отделен от остальной Европы, ибо граничит с Францией настоящим горным валом, который принадлежит к числу самых неприступных на всем материке; кроме того, непосредственно к северу от Испании, лежит глубокая низменность, которая соединяет океан с Средиземным морем и имеет раздельный порог, не достигающий и двухсот метров высоты. Полное географическое единство существует только для Альпийской системы и примыкающих к ней горных цепей Франции, Германии, Италии и Эллинского полуострова:—это и есть остов континентального здания.

Альпийская система, обязанная своим старым кельтским названием, вероятно, белизне своих высоких снеговых вершин, тянется громадною кривою линиею, более чем в 1.000 километров, от берегов Средиземного моря к бассейну Дуная. В действительности, она представляет десятка три каменных гряд, образующих столько же различных геологических групп, соединенных между собой весьма высокими порогами; её скалы, состоят ли они из гранита, шифера, песчаника или известняка, расположены непрерывным валом над низкими равнинами. В предшествовавшие нам времена Альпы были гораздо выше, как в этом можно убедится из наблюдения обвалов и полуразрушенных естественными силами геологических слоев; но как бы ни было значительно это понижение, они все еще сотнями вершин восходят в область постоянных снегов, и в верхния долины их текут со всех высоких гребней огромные ледяные реки. Из Пьемонта и Ломбардии ледники эти представляются взорам наблюдателя в виде блестящей диадемы, покрывающей вершины гор.

В западной части Альпийской системы, т.е. от Средиземного моря до Мон-Блана, высочайшего пункта в Европе, средняя высота горных групп увеличивается постепенно от 2.000 метров до 4.000 и более. К востоку от большего углового узла Альп, образуемого Мон-Блаком, система изменяет свое направление и, за двумя могучими твердынями Мон-Розы и Оберланда, начинает постепенно понижаться, так что к востоку от Швейцарских Альп ни одна вершина не достигает высоты 4.000 метров, а средняя высота гор уменьшается приблизительно на целую треть; но, понижаясь, горная область зато постепенно раздвигается, вследствие расширения горных масс и расхождения цепей. Между тем, как главная ось Альп сохраняет направление к северо-востоку, Швейцарские Альпы отделяют от себя к северу, к востоку и к юго-востоку весьма значительные цепи, ширина которых увеличивается более, чем вдвое, так что, приближаясь к Вене, собственно Альпы становятся не менее 4.000 километров шириною.

Растягиваясь, таким образом, Альпийская система теряет свой первоначальный характер и вид: в ней уже нет ни больших горных масс, ни ледников, ни снежных полей; к северу она опускается постепенно в долину Дуная, а к югу разветвляется на второстепенные цепи, рас-

ходящиеся по плоской возвышенности Турции. Несмотря на крайнее различие, представляемое картиною великих Альп и видами Черногории, Гемуса, Родопа, Пинда, все эти горные хребты принадлежат к одной и той же орографической системе: весь Фракийско-Эллинский полуостров должен быть рассматриваем, как естественное продолжение Альп. То же самое надо сказать и об Итальянском полуострове, ибо, изогнутый по длинной кривой, Апеннинский хребет составляет продолжение цепи Приморских Альп, так что нельзя сказать наверно, где должна быть проведена между ними условная граница. Наконец, к числу горных цепей, примыкающих к Альпийской системе, надо причислить и Карпаты, которые отделены от них постепенною деятельностью воды уже в позднейший геологический период. Несомненно также, что полукруг гор, образуемый Малыми Карпатами, Бескидами, Татрою, Большими Карпатами и Трансильванскими Альпами, некогда соединялся с одной стороны с Австрийскими Альпами, с другой—с передними отрогами Балкан. Дунай пробил в этих каменных валах двое ворот, но ворота эти узки, утесисты и обставлены высокими стенами.

Форма альпийских групп и лабиринта восточных цепей должна была иметь самое решительное влияние на историю Европы, а следовательно, и на историю всего мира. Единственными дорогами для варваров были дороги, устроенные самой природою; азиатские народы могли проникнуть в Европу двумя путями: или морем, или чрез равнины севера. К западу от Черного моря они находили прежде всего озера и непроходимые болота долины Дуная; но, преодолев эти препятствия, они встречали высокие горы, за которыми начинается лабиринт лесистых ущелий и стремнин, а затем и недоступные тогда области великих снегов. Таким образом Карпаты, Балканы и все выдвинутые вперед цели Альпийской системы составляли для Западной Европы громадный вал почти в 1.000 километров длиною, наталкиваясь на который кочующие завоевательные племена рисковали потерять свою силу. Привыкнув к степям, к безграничному горизонту сплошных равнин, они не решились карабкаться на эти обрывистые горы, и поэтому им не оставалось ничего более, как только повернуть к северу, на великия германские равнины, где последовательные переселения могли совершаться свободнее. Что же касается завоевателей, увлекаемых слепою страстью к победам, которые, несмотря ни на что, пускались в горные ущелья, то они оказывались как бы в западне и запутывались в лабиринте долин. Вот откуда происходит то множество народов и отрывков племен, которые кишат в придунайских странах. В этом уголке материка, как в водовороте реки, в котором скопляются все обломки, занесенные туда течением, перемешались остатки почти всех пришедших с востока народностей.

К югу от великой горной преграды движение народов между Европою и Азиею могло совершаться только морем, т.е. таким путем, который был открыт только для тех народов, которые уже настолько подвинулись в цивилизации, что умели строить суда. Были ли они разбойники, купцы или воины,—они давно уже стояли выше первобытного варварства и даже своими завоевательными экспедициями вносили всегда какую-нибудь прибавку с человеческим знаниям. Впрочем, вследствие трудностей снаряжения судов и самого плавания, группы эмигрантов никогда не могли быть многочисленны. Приставая то к одному, то к другому месту, эти новые немногочисленные пришельцы приходили в столкновение с различными племенами первоначального населения, и из этих встреч рождались местные цивилизации, имевшие каждая свой особенный характер; но никогда влияние иноземцев не достигало в них преобладания. Всякий остров архипелага, всякий полуостров, всякая долина Эллады отличались от соседних как социальным устройством, так и языком, и нравами, и однако же все оставались греческими, вопреки финикийским и другим влияниям, которым они подвергались. Таким образом, благодаря расположению гор и берегов, цивилизация, развившаяся постепенно в средиземном мире, на южных склонах Альп, в целом должна была отличаться большею самобытностью стремлений, большим разнообразием и контрастами, нежели оставшаяся значительно позади цивилизация северных народов, передвигавшихся то в одну, то в другую сторону на великих однообразных равнинах.

Итак, Альпийские горы и предгорья, от Пинда до Карпат, действительно представляли

границу двух отдельных миров, в которых исторический ход был совершенно различен. Однако, несмотря на отсутствие путей сообщения, раздельность двух склонов не была полною. Альпийская система вовсе не представляет таких больших, холодных и пустынных плоскогорий, которые, как в Андах и в Тибетских горах, образовали бы своими громадными массами непреодолимую преграду. Альпийские горные массы всюду прорезаны долинами, и климат страны вообще довольно мягок, так что здесь возможно не только существование, но и размножение народонаселения. Горцы, покровительствуемые самой природой, охраняющей их независимость, служили некогда посредниками между народами противоположных равнин: через них именно совершался обмен между севером и югом и проложены между вершинами первые торговые тропинки. Направления долин и ущелий давно уже показывали те места, в которых впоследствии должны были пройти чрез горы широкие пути и железные дороги, и которые должны были поставить населения в дружественные или во враждебные между собою отношения. Та часть Альп, которая направляется с севера на юг, между кряжами Савойи и горами береговой полосы Средиземного моря, раньше других должна была перестать останавливать движение вооруженных народов, ибо в этом месте Альпийская система, при большой высоте, имеет наименьшую ширину: сверх того, климаты обоих склонов групп Сениса и Визо совершенно сходны, а вследствие этого и населения их более близки друг к другу по нравам и образу жизни. По ту сторону Мон-Блана, в направлении к северовостоку, простирается часть Альп, представляющая уже препятствие более серьезное, так как она образует границу двух различных климатов.

Другие горные цепи, по сравнению с Альпами, играют в истории Европы совершенно второстепенную роль и имеют лишь местное значение, хотя и они также оказывали очевидное влияние на судьбы народов. Так, раздельною стеною между шведами и норвежцами служат Скандинавские Альпы; четырехугольный бастион гор Богемии, населенный сплошь чехами и почти со всех сторон окруженный немцами, представляет как-бы остров в центре Европы, осаждаемый волнами моря. В Англии горы Уэльса и верхней Шотландии защищали кельтское племя от англосаксов, датчан и норманнов, а во Франции бретонцы не офранцузились совершенно только благодаря своим скалам и ландам; плато же Лимузэна, Овернские горы и Севенны составляют главную причину разительной противоположности, существующей еще между населениями, которые разделены этими возвышенностями. Пиренеи из всех гор Европы, после Альп, представляли наибольшее препятствие движению народов: они и до сих пор были бы неприступным валом Испании, если бы их нельзя было легко обходить морем.

III. Морской пояс.

Долины, расходящиеся по всем направлениям от великой горной массы Альп, расположены так счастливо, что почти всей Европе придают замечательное единство, несмотря на крайнее разнообразие её внешнего вида и физических условий. По, Рона, Рейн, Дунай текут в самых различных климатах и однако же берут начало в одной и той же области гор, и наносы, которыми они удобряют землю своих бассейнов, происходят от разрушения тех же самых скал. Между этими основными большими долинами Альпы и их предгория по всей окружности прорезаны еще множеством других расходящихся долин, которые несут к морю свои воды, с перетертыми обломками гор. Текучия воды всюду дают природе жизнь и движение: в Европе нет ни пустынь, ни больших безводных плоскогорий, ни замкнутых бассейнов, каких много на материках Африки и Азии; нет также и разливающихся на громадные пространства рек, какие на половину затопляют некоторые части Южной Америки. Реки Европы отличаются известною умеренностью, которая должна была благоприятствовать поселению земледельцев и облегчить таким образом зарождение местной цивилизации в каждом бассейне. Впрочем, большая часть этих рек, довольно широких для того, чтобы замедлять переселение народов, не могли останавливать их надолго, так что даже в то время,

когда человеческая промышленность еще не овладела почвою Европы посредством дорог и мостов, варварским переселенцам было не трудно пробраться от берегов Черного моря к берегам Атлантического океана.

К числу преимуществ перед другими частями света, доставляемых Европе строением гор и расположением речных бассейнов, со времени начала мореплавания присоединилась еще новая, гораздо более важная выгода, которую ей дает извилистая форма её берегов. Двойственный характер единства и разнообразия Европы, отличающий ее от других материков, объясняется главным образом очертанием её берега. Она едина по своей центральной массе, но разнообразна по многочисленным, входящим в состав её, полуостровам и островам; можно сказать, что она организована и представляет как-бы большое тело, снабженное членами. Страбон сравнивал Европу с драконом, а географы Возрождения изображали ее обыкновенно в виде коронованной девы, голова которой—Испания, сердце—Франция, а Англия и Италия—руки, держащие скипетр и державу. Россия же, тогда еще мало известная и смешиваемая с неизследованными странами Азии, представляла громадные складки её влачащагося платья.

По величине поверхности Европа вдвое меньше Южной Америки и втрое меньше обширной Африки; но она превосходит оба эти материка развитием своего берега: пропорционально своему пространству, она имеет вдвое более длинную береговую линию, чем Южная Америка, Африка и Австралия и немного меньшую, чем Северная Америка, у которой, впрочем, большая часть морских берегов приходится на страны холода и постоянных льдов. Европа имеет то преимущество над двумя другими, омываемыми Арктическим Ледовитым морем, материками, что почти весь её берег удобен для мореплавания, между тем как большая часть берегов Азии и Северной Америки не имеют в настоящее время для человека никакой цены. При том же море не только глубоко проникает внутрь Южной Европы и разрезывает ее на длинные полуострова, но и в каждом из этих полуостровов вырезывает множество заливов и средиземных морей в миниатюре. Так, все берега Греции, Фессалии, Фракии изрезаны полукруглыми заливами и широко вдающимися в землю бассейнами; Италия и Испания, на всем своем наружном крае, представляют также ряд заливов и дугообразных вырезок; наконец северные полуострова Европы, Ютландия и Скандинавия, точно также изрезаны морскими водами на множество второстепенных полуостровов.

Отношение берегового протяжения к общему контуру видно из следующей сравнительной таблицы:

Пространство в квадратных километрах: Европа 9.860.000, Азия 43.440,000, Африка 29.820.000, С. Америка 20.500.000, Ю. Америка 18.000.000. Австралия 7.709.000.

Геометрический контур в километрах: Европа 11.153, Азия 23.342, Африка 19.122, С. Америка 16.084, Ю. Америка 15.037, Австралия 9.834.

Береговая линия в километрах: Европа 31.900, Азия 57.750, Африка 28.500, С. Америка 48.240, Ю. Америка 25.770, Австралия 14.440.

-Полезные берега в километрах: Европа 31.900, Азия 47.000, Африка 28.500, С. Америка 40.000, Ю. Америка 25.700, Австралия 14.440.

Отношение геометрического контура к береговому протяжению: Европа 1:2.$_{86}$, Азия 1:2,$_{47}$, Африка 1:1.$_{49}$, С. Америка 1:3, Ю. Америка 1:1,$_{7}$, Австралия 1:1,$_{46}$.

Острова Европы должны быть рассматриваемы как придатки материка, от которого они, в большинстве случаев, отделены лишь неглубокими водами. Крит и многочисленные острова, усеявшие Эгейское море, архипелаги Ионического моря и далматского берега, Сицилия, Сардиния, Корсика, остров Эльба, острова Балеарские—не составляют ли в действительности продолжений или выдвинутых вперед морских постов соседних полуостровов? Острова Зеландия и Фиония, при входе в Балтийское море, представляют собою те земли, которые всего более доставили Дании важное политическое и торговое значение. Великобритания и Ирландия, составлявшие некогда нераздельную часть континента, все так же принадлежат к нему, хотя неглубокия воды двух рукавов моря и уничтожили соединявшие их с материком

перешейки, теперь покрытые водами, впрочем неглубокими, морского пролива. Англия стала даже торговым складочным местом европейских стран и в движении всемирной торговли играет ныне такую же роль, какую некогда Греция играла в ограниченном мире Средиземного моря.

Замечательно, что каждая полуостровная страна Европы имела свой черед торгового преобладания. Сперва Греция, «эта самая прекрасная индивидуальность древнего мира», в эпоху своего величия, пользовалась господством на Средиземном море, составлявшем тогда почти весь мир. В средние века Амальфи, Генуя, Венеция и другие республики Италии сделались посредницами торгового обмена между Европою и Индиею. С открытием морского пути вокруг Африки и с открытием Нового Света монополия крупной торговли перешла в Кадикс, Севилью, Лиссабон, на Иберийском полуострове. Затем негоцианты маленькой Голландской республики сосредоточили в своих руках часть наследства Испании и Португалии, —и богатства всего мира стали стекаться на их, осажденные морем, острова и полуострова. В наше время главным мировым рынком сделалась Великобритания. Лондон, самый населенный город на земле, есть в то же время и самый сильный центр притяжения сокровищ человеческого рода. Но, рано или поздно, центр этот начнет перемещаться в другое место, и хотя Англия занимает чрезвычайно выгодное положение в самом центре половины земного шара, обнимающей почти все континентальные массы, но успехи культуры, открытие новых торговых путей, изменение равновесия в группировке народов могут низвести Лондон на второстепенное место. Быть может, цивилизация, как предсказывают американцы, в своем постоянном движении к западу, заменит Лондон каким-нибудь городом Соединенных Штатов, а может быть, вследствие обратного движения к востоку, род человеческий изберет центром торговли и главным местом сношений Константинополь или Каир.

Как бы то ни было, столь замечательные перемены, совершившиеся в короткий период двадцати веков в относительном значении полуостровов и островов Европы, ясно доказывают, что значение географических черт мало-по-малу изменяется с течением истории. Самые преимущества, которыми природа наделила известные страны, могут превратиться с течением времени в серьезные неудобства. Так, например, маленькия и узкия долины, горные пояса, бесчисленные изгибы берегов, которые некогда благоприятствовали развитию греческих городов и доставляли афинскому порту господство над всем Средиземным морем, теперь удаляют Элладу от остального материка и не позволят ей еще долго примкнуть к сети европейских путей сообщения. Что некогда давало силу стране, то теперь составляет её слабость. В первобытные времена, когда человек еще боялся вверять себя судну и пускаться по опасным морским путям, бухты и внутренния моря составляли непреодолимые препятствия движению народов; позднее, благодаря развитию мореплавания, те же самые бухты и моря сделались главными дорогами для торговых народов и весьма благоприятствовали цивилизации, а теперь они снова мешают проложению путей и железных дорог.

IV. Климат

Если рельеф почвы и очертание берегов принадлежат к числу элементов, имеющих в истории народов значение изменчивое, то свойства климата, наоборот, оказывают постоянное и прочное влияние. В этом отношении Европа поставлена в наиболее благоприятные условия между всеми частями света: с незапамятных времен она пользуется, говоря вообще, самым умеренным, самым ровным, самым здоровым климатом на всем земном шаре.

Прежде всего, все части Европы, благодаря заливам и внутренним морям, глубоко вдающимся в землю, открыты умеряющему влиянию океана. За исключением средины России, представляющей страну на половину азиатскую, в Европе нет ни одного пункта, отстоящего от моря более чем на 600 километров, и действие морских ветров, вследствие однообразия общего склона от центра к окружности материка, чувствуется повсюду. Таким образом, несмотря на большую поверхность, европейская территория пользуется теми же преимуще-

ствами, как и острова: дыхание океана смягчает одинаково как летний зной, так и зимний холод.

Благодаря постоянному движению с юго-запада на северо-восток, воды северной части Атлантического океана влияют также самым благоприятным образом на омываемые ими земли Европы. Течение, известное под именем Гольфстрема, выходя из большого теплого бассейна Антильского моря, где оно кружится под лучами тропического солнца, направляется прямо к Европе. Его громадная масса воды, равная двадцати тысячам таких рек, как Рона, заключая в себе большое количество теплоты, сообщаемой солнцем тропическим морям, несет эту теплоту к западным и северным берегам Европы. Приток этих теплых вод действует на климат так, как-будто удаляет материк от ледяного пояса и приближает его к экватору, заменяя непосредственную теплоту солнечных лучей. И этим повышением нормальной температуры пользуются не только прибрежные страны Пиренейского полуострова, Франции, островов Британских, Скандинавии, но течение это согревает постепенно всю Европу до самого Каспия и Урала.

Воздушные течения, как и течения океана, оказывают на общий климат Европы также благодетельное влияние. На берегах материка преобладают ветры, идущие с юго-запада, над Гольфстремом, которые, как и океаническое течение, отдают теплоту, собранную ими в тропических областях. Ветры же северо-западные, северные и северо-восточные, дующие меньшую часть года, охлаждают меньше, чем можно было бы ожидать, вследствие того, что они должны проходить над поверхностью вод, согретых Гольфстремом. Наконец, Европа согревается еще частию соседством Сахары, этой истинной печи Старого Света.

Под этим двойным влиянием морских и воздушных течений, средняя температура европейского материка возвышается так, что при одной и той же широте превосходит температуру других частей света на 5, на 10, даже на 15 градусов, вследствие чего изотермы, т.е. линии одинаковой средней теплоты, нигде, даже на западных берегах Северной Америки, не подходят так близко к полярному поясу; различные страны Западной Европы пользуются столь же теплым климатом, как и американские берега, лежащие на 1.500-2.000 килом. ближе к экватору. Сверх того, при переходе от юга к северу температура уменьшается в Европе далеко не так быстро, как в других частях земного шара. Но главная выгода Европы состоит в том, что по своему климату вся она заключена в поясе умеренной температуры, между изотермами от 20 до 0 градусов по стоградусному термометру, между тем как в Америке и в Азии этот привилегированный пояс имеет вдвое меньшую ширину.

То же замечательное единство, представляемое годичною температурою Европы, замечается и в распределении её дождей. Море, омывающее большую часть её окружности, дает всем странам необходимую влажность, так что в Европе нет ни одной местности, которая бы не получала ежегодно достаточной доли дождей, и, за исключением части Каспийского берега и маленького уголка на Иберийском полуострове, полных неурожаев вследствие недостатка влажности не бывает. Все страны Европы пользуются дождями не только вообще, но и почти во всякое время года; за исключением берегов Средиземного моря, где дождливыми периодами бывают по преимуществу осень и зима, облака в течение всего года распределяют носимую ими влагу почти совершенно правильно. Впрочем, несмотря на большое разнообразие рельефа и очертаний различных стран Европы, вообще говоря, дожди бывают умерены, хотя иногда они увлажняют почву в виде тонких туманов, как в Ирландии, а иногда разражаются быстрыми ливнями, как в Провансе и на южном склоне Альп. Если не считать крутых скатов гор, о которые разбиваются влажные токи, то среднее количество дождевой воды не превышает одного метра в год. Относительное же постоянство и умеренность дождей обеспечивают Европе весьма правильный порядок речного орошения, так что не только реки и речки, но даже маленькие ручьи, по крайней мере на севере Пиреней, Альп и Балканов, текут целый год, и прибыль и убыль их воды колеблются обыкновенно в весьма тесных пределах, вследствие чего поля редко затопляются на большие пространства и редко бывают лишены всякого орошения. Благодаря более равномерному естественному распределению

воды, из меньшего количества её Европа может извлекать большую пользу для земледелия и судоходства, нежели другие, обильнее орошенные части света. Высокие Альпы в высшей степени способствуют поддержанию правильности стока воды в речные ложа. Излишек получаемой ими влажности сгущается в снега и льды, которые медленно текут в долины и тают в самое жаркое время года, т.е. именно тогда, когда реки питаются водою всего слабее и теряют наибольшее количество воды испарением, так что они часто высыхали бы вовсе, если бы горные льды не являлись на помощь небесным водам. Таким образом в общей экономии рек устанавливается известное равновесие.

Следовательно, климат Европы представляет наибольшее разнообразие в целом и наибольшее равновесие в противоположностях. Океанические течения, ветры, тепло и холод, дожди и текучия воды имеют в Европе правильный и умеренный ход, чего не представляют другие части света. Вот в чем заключаются те великия преимущества, которыми пользовались народы в своей прошедшей истории и которые не перестанут покровительствовать им в будущем. Как ни мал материк Европы, он представляет наибольшую поверхность легкой акклиматизации: люди могут без большой опасности перемещаться из России в Испанию, из Греции в Ирландию, и, благодаря этой же относительной мягкости переходов климата, народы, пришедшие с Кавказа и с Урала, могли перейти равнины и горы до самых берегов Атлантического океана и приспособиться к новой среде везде, где какие-либо особые причины, как, например, порча вод в болотах, не отравляли атмосферу. Одинаково благоприятные людям, почва и климат поддерживали в них полноту физических и интеллектуальных сил, и переселяющийся народ во всякой стране Европы находил себе отечество. Товарищи его труда: собака, лошадь, бык не покидали его на пути, и семена, принесенные им с собою, приносили жатву, на каком бы поле они ни были посеяны.

V. Племена и народы

Путем изучения почвы и терпеливого наблюдения климатических явлений мы можем понять в общих чертах, каково было влияние природы на развитие народов; но гораздо труднее определить для каждого племени, для каждой нации, степень её участия в успехах европейской цивилизации. Конечно, различные группы первобытных невежественных людей, находившихся в борьбе с жизненными нуждами, должны были воздействовать на нее различно, смотря по их физической силе и ловкости, по степени природного ума, по вкусам и стремлениям духа. Но кто были эти первобытные люди, которые умели пользоваться средствами, представляемыми средою, и научились побеждать препятствия?—Неизвестно: факты, совершившиеся несколько тысяч лет тому назад, скрыты от нас густым мраком времен доисторических.

Неизвестно даже, каково было происхождение европейских народов. Были ли мы «сынами Земли», «отростками дубов», как говорили на своем поэтическом языке древние предания, или же нашими настоящими предками были обитатели Азии, которые принесли нам наши языки и зачатки наших искусств и наук? Наконец, если Европа была населена своими первобытными жителями, когда в ней поселились пришельцы из соседнего материка, то в какой пропорции произошло между ними смешение? Азиатское происхождение европейских народов еще недавно считали фактом почти неопровержимым, и даже старались отыскать на карте Азии то место, в котором жили наши первые прародители; но в настоящее время большинство ученых ищет следов наших предков на той самой земле, на которой живут потомки. Почти во всех частях Европы, в инкрустациях гротов, на берегах озер и морей, в наносах древних рек, геологи находят остатки человеческой промышленности и даже скелеты, которые свидетельствуют о существовании промышленного населения гораздо более давнего, чем предполагаемые переселения из Азии. Уже со времени первого лепета истории, многие народы считались первобытными жителями Европы, и между их нисходящими потомками есть такие, которые, как например баски, не имеют ничего общего с пришлыми за-

воевателями с соседнего материка. Затем, еще далеко не всеми учеными признано, что арийцы, т.е. предки пелазгов, греков, латинян, кельтов, немцев, славян,—азиатского происхождения. Родство языков заставляет предполагать родство европейских арийцев с персами и индусами, но отсюда еще далеко до несомненности гипотезы об общем отечестве, находившемся, будто-бы, на берегах Оксуса. По мнению Латама, Бенфея, Кюно, Шпигеля и других,—первобытными жителями Европы были арийцы. Невозможно, однако, сказать что-либо определенное по этому предмету. Конечно, не подлежит сомнению, что в доисторические времена совершались многочисленные переселения из одного материка на другой, но в каком направлении они совершались—мы не знаем, и потому должны держаться относительно движения народов того, что рассказывает нам история. Со времени начала европейских летописей эта часть света дала другим материкам галатов, македонян, греков и бесчисленное множество переселенцев уже в позднейшее время; сама же приняла в себя гуннов, аваров, турок, монголов, евреев, армян, цыган, мавров, берберов и негров всяких племен, а теперь принимает японцев и китайцев.

Не принимая в рассчет второстепенных по значению групп населения, а также племен, представители которых не представляют собою наций, можно сказать вообще, что Европа разделяется на три большие этнографические области, имеющие своими общими границами горные кряжи Альп, Карпатов и Балканов. Горы эти, разделяющие речные бассейны и служащие границами климатов, должны были определять частью и распределение племен.

Первая группа европейских народов занимает южный склон Альпийской системы—Пиренейский полуостров, Францию и половину Бельгии. Это—совокупность населений греко-латинских языков, числом всего около ста миллионов человек. Вне этого этнологического пояса, заключающего в себе почти все европейские территории древнего Рима, есть еще в некоторых местах латинские земли, окруженные со всех сторон народами другого языка. Таковы румыны нижних равнин Дуная и Трансильвании, а также романцы—верхних альпийских долин. Зато и среди совершенно латинизованного населения есть два островка: один, сохранивший кельтский язык, в Бретани; другой—иберийские наречия, в Пиренеях. Но, взятые в целом, все расы Юго-Западной Европы—кельты, иберы и лигуры—подчинились романским наречиям. Каковы бы ни были их первоначальные отличия, нет никакого сомнения, что родство языков мало-по-малу заменило у них или сильнее закрепило родство происхождения.

Группа народов германских языков занимает меньший пояс и по пространству, и по населению: она населяет весь центр Европы к северу от Альп и примыкающих к ним цепей и простирается чрез Нидерланды и Фландрию до входа в Ла-Манш. Дания и большой Скандинавский полуостров по ту сторону Балтийского моря принадлежат к той же группе, в которой они занимают отдельное место, вместе с отдаленною Исландиею. Что касается Британских островов, разсматриваемых обыкновенно как отрывок германской этнографической области, то их скорее следует считать местом смешения между восточными и южными племенами и языками. Древнее кельтское население Великобритании, сохранившееся еще в чистоте в некоторых отдаленных провинциях, тем не менее всюду смешалось с завоевателями—англами, саксами и датчанами, и язык этих победителей смешался с французским языком средних веков, результатом чего вышло смешанное наречие, происшедшее на столько же от латинского, на сколько же и от древне-германского языка. Находясь в изолированном положении среди морей, англичане выработали мало-по-малу в своих чертах, в своем языке и нравах замечательную национальную индивидуальность, которая резко отличает их от соседей материка—немцев, скандинавов или кельто-латинов.

Славяне образуют третью группу европейских народов, несколько меньшую численностью в сравнении с греко-латинскою, но занимающую гораздо большее пространство: почти всю Россию, Польшу, большую часть Балканскаго полуострова и половину Австро-Венгрии. К востоку от Карпатов все великия равнины населены славянами, чистыми или смешанными с татарами и монголами; к западу же и к югу от этих гор славянское племя разделяется

на множество отдельных народностей, находящихся среди целаго хаоса других наций. В этом лабиринте придунайских стран славяне встречаются с румынами языка латинскаго, равно как с двумя расами азиатскаго происхождения—турками и мадьярами, имеющими по числу значение второстепенное. С этой стороны миры славянский и греко-латинский большею частью отделены друг от друга промежуточным поясом народов различнаго происхождения, а с севера между славянами и германцами помещаются финны, ливы и латыши.

Впрочем, предполагаемые границы европейских племен вовсе не совпадают с границами их языков. В мире греко-латинском, а также между германцами и славянами есть много племен иного происхождения, но говорящих на том же языке, и много родственных племен, не понимающих друг друга. Что касается политических делений, то они уже вовсе не согласуются с естественными границами, которые могли бы установиться по добровольному выбору народов. За исключением границ, образуемых высокими горами или водами, лишь очень немногие границы империй и государств представляют в то же время раздельные линии племен и языков. Тысячи превратностей нападения и сопротивления, а также дипломатические сделки разрезали европейские земли на части совершенно случайные. Некоторые народы, защищенные неровностями почвы и личным мужеством, успевали сохранить свое независимое существование со времени великих переселений; но зато сколько их погибло в последовательном ряду нашествий! Сколько народов бывали то побежденными, то победителями, и видели, как их отечество то уменьшалось, то увеличивалось, то снова сокращалось и изменяло свои границы несколько раз при жизни одного и того же поколения!

«Европейское равновесие», основанное на праве войны и на соперничестве честолюбия,—уже по существу своему неустойчиво. С одной стороны, оно насильственно разделяет такие народы, которые созданы для того, чтобы жить одною политическою жизнью; с другой—насильно соединяет такие народы, которые не чувствуют между собой никакого естественного сродства; оно старается смешать в одной и той же нации притеснителей и притесняемых, которых разделяют друг от друга воспоминаний кровопролитных битв и войн. Оно вовсе не принимает в соображение свободную волю самого народонаселения, а эта воля есть сила, которая никогда не исчезает, а продолжает действовать и, рано или поздно, разрушает искусственное здание воинов и дипломатов, и политическая карта Европы, столь часто перекраивавшаяся со времен древняго царства, должна будет неминуемо переделаться снова. Истинное равновесие установится только тогда, когда все народы будут в состоянии решать свое судьбы сами, откажутся от претензий на завоевания и станут свободно вступать в союзы со своими соседями ради общих интересов. Произвольныя политическия деления имеют переходное значение, которого, конечно, нельзя игнорировать, но мы, в своих последующих описаниях, постарается держаться главным образом естественных делений, на которые указывают нам и рельеф почвы, и форма речных бассейнов, и группировка народов, соединяемых единством происхождения и языка. Впрочем, и эти деления постепенно теряют свою важность, благодаря путям сообщения, проходящим через большие реки и пробивающим туннелями высокие горы, благодаря в особенности общему пользованию завоеваниями науки и общему пониманию прав и обязанностей.

Становясь на точку зрения истории и успехов, достигнутых человеком в познании земли, нам следует начать описание Европы с прибрежных стран Средиземного моря, и именно с Греции, с Фракийским полуостровом, которая должна стоять впереди всех других стран бассейна внутреннего моря. В начале нашей европейской цивилизации Эллада была центром всего известного в то время мира; в ней жили поэты, которые воспевали экспедиции странствующих мореплавателей; историки и ученые, которые повествовали об открытиях и классифицировали факты, относящиеся к отдаленным странам. Позднее, Италия, расположенная в самой середине Средиземного моря, сделалась, в свою очередь, центром великого «Круга известных земель», и от неё исходила инициатива географических исследований. Роль эта принадлежала ей в течение пятнадцати веков. Риму наследовали Генуя, Венеция, Флоренция, как города, управлявшие цивилизованным миром и служившие точками от-

правления путешествий и открытий в отдаленных краях. Народы тяготели к Средиземному морю и Италии до тех пор, пока сами итальянцы не разорвали этого круга, открыв Новый Свет за океаном; этим открытием и закончился цикл собственно средиземной истории. Иберийский полуостров, получивший на короткое время преобладающую роль, завершил движение, начатое в другом конце Средиземного бассейна Греческим полуостровом. Последний служил посредником между просвещенными уже нациями Азии и Африки и варварскими еще народами Европы, а Испания и Португалия, благодаря своим мореплавателям, сделались представителями европейского мира в Америке и на крайнем Востоке. История следовала в своем ходе по направлению оси Средиземного моря.

Поэтому весьма естественно соединить в одном томе описания трех южных полуостровов Европы, тем более, что они почти целиком принадлежат к группе народов греко-латинских. Франция же, хотя тоже латинизованная, занимает, однако, отдельное место, ибо она прилежит к Средиземному морю только покатостью Прованса и Лангедока, всею же остальною территориею обращена к океану; по своему географическому очертанию, равно и по своей роли в истории, она представляет великое место перехода, обмена и столкновения между прибрежными народами двух морей. Благодаря движению идей, сходящихся сюда из всех частей Европы, она играет совершенно специальную роль общего посредника между народами Севера и латинами Юга. Поэтому описание Франции и соседних с нею стран должно составить предмет особого тома. Затем мы перейдем к описанию стран германских, Британских островов, полуостровов Скандинавских и закончим географию Европы изучением обширной России.

Народонаселение Европы простирается до 365.000.000 душ.

По племенам население этой части света в 1885 г. распределялось следующим образом:

Греко-латины.

Греки и албанцы 6.000.000. Итальянцы 29 000.000. Французы 38.000 000. Испанцы и португальцы 21.000.000. Румыны 8.000.000. Швейцарцы, бельгийцы и др. 3.000.000. Итого 105.000.000.

Славяне

Северные славяне 75.000.000. Южные славяне 24.000.000. Итого 99.000.000.

Германцы.

Немцы, швейцарцы-немцы и евреи немецкой речи 60.000.000. Голландцы и фламандцы 7.000.000. Скандинавы 9.000.000. Итого 76.000.000.
Англо-кельты 36.000,000-
Мадьяры, турки, финны, кельты, баски и пр. 21.000.000.

Глава III Средиземное море

I. Форма и воды бассейна

Пример Греции и окружающих ее островов доказывает, что изменчивые волны Средиземного моря имели более важное значение для развития истории, чем самая земля, на которой жил человек. Действительно, западная цивилизация никогда не родилась бы, если бы Средиземное море не омывало берегов Египта, Финикии, Малой Азии, Эллады, Италии, Испании и Карфагена. Без этого моря, служившего связью между тремя континентальными массами: Европы, Азии и Африки, между арийцами, семитами и берберами, без этого великого посредствующего агента, который умеряет климаты всех прибрежных стран и облегчает

к ним доступ, носит корабли и распределяет богатства, ставит народы во взаимные отношения друг к другу,—все мы, европейцы, оставались бы в состоянии первобытного варварства. Долгое время думали даже, что существование человечества связано с соседством этого «Средиземного моря», ибо вне его бассейна находили только племена, которые были в упадке или не родились еще для умственной жизни: «как лягушки вокруг болота, мы все сидим на берегу моря», говорил Платон, разумея при этом Средиземное море. Поэтому оно так же заслуживает подробного описания, как и омываемые им земли, населенные человеком. Хотя однообразная поверхность его вод скрывает еще много тайн, однако почти все его бездны уже измерены.

Как изучение берегов, так и предания народов показывают нам, что Средиземное море часто изменяло свои очертания и протяжение, и ворота, чрез которые воды его смешиваются с водами океана, часто перемещались с севера на юг и с запада на восток. В то время, как полуострова, например Греция, и даже малые острова, например скалистая Мальта, составляли в недавнюю геологическую эпоху часть великих континентальных равнин—как это доказывает их ископаемая фауна,—обширные пространства африканских земель, Южной России, даже Азии были покрыты водою. Изыскания Спратта, Фукса и других ученых почти несомненно доказали, что от берегов Аральского моря до Сиракуз, чрез Россию, Валахию, низменные равнины Дуная и Эгейское море,—тянулось громадное пресноводное озеро. Это было около конца миоценового периода. В последующее же время пресную воду сменили соленые воды океана. Было также время, когда Греческое море соединялось с Обскою губою посредством Понта Эвксинского и Гирканского моря. В другую эпоху, а может быть и в то же самое время, Сиртский залив вдавался далеко в низкие равнины, известные ныне под именем Ливийской пустыни и Сахары. Гибралтарский пролив, который, как говорили древние, был открыт рукою Геркулеса, в действительности есть результат новейшего геологического переворота, и сравнительные описания древних авторов позволяют думать, что он значительно расширился в исторические времена. С другой стороны, Суэцкий перешеек некогда соединял Средиземное море с Индийским океаном, а не разделял их, и древний пролив так ясно обозначен самою природою, что человеческого труда оказалось достаточным для его возстановления. Непостоянство соседних материков, скалы которых сдвигаются в складки, подымаются и понижаются на подобие волн, изменяет, с течением времени, береговую линию. Кроме того, «реки-работники», каковы Нил, По, Рона, беспрерывно прибавляют все новые и новые наносы к тем равнинам, которые они уже образовали в заливах. Форма Средиземного моря с приблизительной точностью представлена на географических картах лишь со времени работ Делиля, в 1725 году. Благодаря ему аристотелевская традиция была порвана, и в морской гидрографии, на основании постоянных и непосредственных наблюдений, произошел резкий переворот. Грубые портуланы (описания берегов) уступили место более точным и близким к истине картам. И только с этих пор явилась возможность более или менее точных исчислений поверхности морского бассейна.

В настоящее время Средиземное море и его второстепенные моря, от Гибралтарского пролива до Азовского моря, занимают поверхность, равную, приблизительно, шести площадям французской территории. Но размер этот, по отношению к протяжению морей, гораздо меньше, чем можно бы было думать при первом взгляде на огромное развитие берегов Средиземного моря, на многочисленность омываемых им составных частей материка, на живой и стройный вид, придаваемый им целой трети древнего мира. Средиземное море, которое, по своей исторической роли, занимает первенствующее место между всеми другими морями и к которому наклонены речные бассейны значительного прибрежного пояса Азии и большой части Африки[1], представляет, по протяжению, не более одной сто-двадцать-шестой части

1 Поверхность бассейна Средиземного моря в квадратных километрах:

Европейский склон	1.770.000
Азиатский	600.000
Африканский	4.500.000

Тихого океана. При том поверхность его не составляет одного целого, а делится на несколько морей, из коих некоторые так малы, что мореплаватель, в ясную погоду, не теряет из виду берегов. На востоке находится Черное море, со своими двумя придатками-морями: Азовским и Мраморным; между Грециею, Малою Азиею и Критом расположено Эгейское море, усеянное так же обильно островами и островками, как обильно соседние берега изрезаны заливами и бухтами; между полуостровами Апеннинским и Балканским—Адриатическое море, которое тянется к северо-западу, параллельно континентальной Италии; наконец, собственно Средиземное море распадается на два бассейна, которые, по историческому воспоминанию, можно обозначить именами морей: Финикийского и Карфагенского, или Средиземного греческого и Средиземного римского, из которых каждое, в свою очередь, подразделяется на части: первое островом Критом, второе—островами Сардиниею и Корсикою.

Эти бассейны, неравные по пространству, еще больше различаются по глубине. Маленькое Азовское море почти заслуживает названия «Palus», болота, которое дали ему древние, ибо в нем корабль не мог бы затонуть так, чтобы мачты не были видны на поверхности воды. Черное море, в самых низких местах своего дна, имеет около двух километров глубины, а изливается в Мраморное море проливом, который мельче многих рек материка. Глубину же Мраморного моря едва можно сравнивать с глубиною иных внутренних озер, а Дарданеллы, равно как и Босфор, представляют собою обыкновенные реки. В Эгейском море и восточном бассейне собственно Средиземного моря неровности дна соответствуют неровностям выступивших из воды земель. Среди «круга» Циклад, ямы и пропасти 500 и даже до 1.000 метров встречаются в непосредственном соседстве с обрывистыми островами, между тем как при берегах Египта дно морское нечувствительно опускается к центральной впадине Сирийского моря, где глубина достигает, по измерениям, 3.000 метров. Это уже такия бездны, которые можно сравнивать только с пучинами океана; но к востоку от Мальты есть место в 4 километра глубиною. Таким образом, глубочайшее место Средиземного моря почти совпадает с географическим центром всего бассейна. Если бы все Средиземное море обратилось в шар, то шар этот имел бы в диаметре около 140 километров, т.е., упав на землю, он не покрыл бы вполне даже такую страну, как Швейцария.

Ионическое море ясно отделяется от впадины Адриатического моря порогом, возвышающимся в Отрантском проливе, но с запада оно ограничено еще резче мелями, соединяющими Сицилию с Тунисом и образующими подводный перешеек, упоминаемый уже Страбоном. Таким образом Средиземное море оказывается в геологическом отношении перерванным, ибо единственными воротами, соединяющими оба его бассейна, служит лощина глубиною не более 200 метров. Западный бассейн, который меньше восточного и по пространству, и по глубине, представляет еще пропасти: в Тирренском море—более 2.000 метров глубиною, а в Балеарском до 2.500 и даже до 3.000 метров,—и затем оканчивается испано-африканским порогом, находящимся не между Гибралтаром и Цеутою, где глубина достигаете 920 метров, а дальше к западу, в том месте, где пролив расширяется к океану.

	Западная часть Средиземного моря	Восточная часть Средиземного моря	Адриатическое море
Поверхность кв. кил.	920.000	1.300.000	130.000
Наибольшая глуб. мет.	3.000	4.000	900
Средняя глубина	1.000	1.500	200
	Эгейское море	Черное море и др.	Все Средиземное
Поверхность кв. кил.	157.800	480.000	2.987.000
Наибольшая глуб. мет.	1.000	2.000	5.000
Средняя глубина	500	500	1.000

Это разделение великого моря на озерные пространства, между которыми сообщение затрудняется подводными порогами, островами и мысами, служит объяснением того различия, которое замечается в явлениях океана и Средиземного моря, из коих последнее, как извест-

Морская поверхность	2.987 000
Всего	9.857.000

но, представляет почти у всех своих берегов неправильность и непостоянство приливов и отливов. К востоку от Гибралтарского пролива и пространства между берегом Андалузии и Марокко, прилив и отлив так слабы, нарушения их правильности ветрами и течениями дотого часты, что наблюдатели чрезвычайно затруднялись в определении истинной амплитуды прилива, и часто противоречат друг другу. Однако же, повышение и понижение воды, вследствие прилива и отлива, настолько ощутительны, что моряки Греции и Италии должны были всегда принимать их в соображение. На берегах Каталонии, Франции, Лигурии, Неаполитанской области, Малой Азии, Сирии и Египта колебания уровня почти незаметны, но на берегах Западной Сицилии и в Адриатическом море вода может подниматься более, чем на один метр: когда же прилив поддерживается бурею, денивелляция вод в некоторых местах может доходить даже до трех метров. Близ острова Родоса, в юго-западном углу Малой Азии, амплитуда приливов и отливов доходит до 60 сантиметров. Мессинский пролив и пролив Эврипийский острова Эвбеи также имеют правильные смены уровня в виде прилива и отлива; наконец, в Габесском заливе явление совершается наиболее нормально, с тем же ритмом, как и в океане. Еще в очень недавнее время полагали, что приливы совершенно незаметны в Черном море, но Видаль-Накэ открыл там, у южных берегов, близ Инеболи, хоть и незначительное, но несомненное присутствие прилива, доходящего, смотря по силе ветра, от 9 до 12 сантиметров. Уверяют, что явление прилива и отлива заметно и в озере Мичигане, которое в пять или шесть раз меньше Черного моря.

Отличаясь от океана слабостью и неодинаковостью приливов и отливов, Средиземное море отличается от него и недостатком нормального течения, которое бы правильно передвигало всю массу воды. Его разные бассейны слишком разделены друг от друга, чтобы течения значительного объема могли поддерживать постоянное передвижение воды от Гибралтара к берегам Малой Азии. Поэтому на различные течения из одного бассейна в другой надо смотреть, как на действие явлений местных, не зависящих непосредственно от великих законов планеты. По гипотезе одного итальянского географа прошлого века, Монтанари, береговое течение, проникающее в Средиземное море чрез Гибралтарский пролив, идет вдоль берегов Варварийских владений, Киренаики, Египта и, обогнув берега Азии, входит в архипелаг, затем обтекает моря Адриатическое, Тирренское, французские берега и, совершивши таким образом полный круг, возвращается в океан. Подробные карты даже изображают это предполагаемое течение, но самые авторитетные наблюдатели тщетно старались констатировать его существование: они признали только существование частных течений, порождаемых либо притоком воды из Атлантического океана, либо общим направлением ветров, переполнением речными водами, или наконец чрезмерным испарением. Таково правильное движение моря, распространяющееся от запада к востоку, вдоль берегов Марокко и Алжира. Другое ясно заметное течение, течение Адриатического моря, направляется к Сетту и Порт-Вандру. Впрочем, если бы в Средиземном море и существовало общее течение, то оно могло бы быть только поверхностным, по причине высокого порога, соединяющего Сицилию с Тунисом и разделяющего, таким образом, Восточный и Западный бассейны.

Из местных течений Средиземного моря всего лучше определены течения, передающие воды Азовского моря в Черное чрез Еникальский пролив и выносящие избыток воды из Черного моря в Эгейское—посредством проливов Константинопольского и Дарданельского. Тут мы имеем дело с настоящими реками. Дон, восполняющий с избытком испарение Азовского моря, продолжает свое течение чрез Еникальский пролив, а Днестр, Днепр, Кубань, Рион, реки северного склона Малой Азии, и в особенности Дунай, который один вливает в Черное море столько воды, сколько все остальные его притоки, взятые вместе, должны продолжать течение чрез Босфор и Геллеспонт, так как это есть необходимое следствие равновесия воды в двух сообщающихся бассейнах. Архипелаг же и Мраморное море, в свою очередь, посредством глубоких противотечений и боковых водоворотов, взамен получаемой ими в изобилии пресной воды, возвращают Понту Эвксинскому некоторое количество соленой. Иначе невозможно было бы объяснить соленость Черного моря, ибо, потеряв с незапамятных времен свободное сообщение с Каспийским морем и Ледовитым океаном, его воды,

благодаря Дунаю и другим рекам, сделались бы совершенно пресными, если бы не было притока более тяжелой соленой воды чрез глубокия части дна Дарданелл и Босфора. Простое вычисление показывает, что притоки Черного моря в тысячу лет очистили бы его совершенно от всех соленых частиц.

На другом конце собственно Средиземного моря происходят подобные же явления. В этом замкнутом море, расположенном на юге Европы близ горна Сахары и Ливийской пустыни, испарение очень сильно, и свободно несущиеся над морем ветры быстро поглощают и рассеевают брызги волн. Эта потеря жидкости но может быть меньше полутора метра в год, так как уже на юге Франции теряется в пространстве почти такое же количество влажности. Возмещение же воды дождями может быть определено не более, как в полметра, а слой воды, доставляемый ежегодно реками, едва достигает и 25 сантиметров, из чего следует, что Атлантический океан должен доставлять своему побочному морю ежегодно слой воды по крайней мере в один метр толщиною, т.е., приблизительно, гораздо большую массу воды, чем Амазонская река во время своих разливов. Этот приток воды из океана чрез Гибралтарский пролив так силен, что дает себя чувствовать далеко в Средиземном море, даже, может быть, у берегов Сицилии, и при том, как и все течения, окаймлен боковыми водоворотами, идущими в противоположном направлении. В часы отлива пролив, во всю свою ширину, бывает занят водою, идущею из Атлантического океана; во время же прилива Средиземное море борется энергичнее против напора океана, следствием чего являются два противоположных течения: одно, идущее вдоль берегов Европы, другое, вдвое шире и сильнее первого, следует африканским берегом, от оконечности Цеуты к мысу Спартель. Сверх того, нижнее противотечение выносит в Атлантический океан более соленые и, следовательно, более тяжелые воды Средиземного бассейна.

Весьма возможно, что все эти течения и противотечения сопровождаются некоторой разницей уровня, так как результаты геодезических нивеллировок, произведенных, через Испанию, Францию, Германию и Австро-Венгрию, между берегами океана и берегами заливов Лионского и Венецианского, постоянно дают большую высоту для Атлантического океана. Средняя разность уровня, по исчислениям Бурдалу, Ибаньеса и Тило, составляет около семи дециметров.

Смешение вод, происходящее в Средиземном море вследствие встречи течений, совершается не настолько быстро, чтобы придать им одинаковую соленость. Среднее содержание соли в нем больше, чем в Атлантическом океане, по причине более сильного испарения, особенно при берегах Африки; в Черном же море соленость вдвое меньше и значительно разнится в разных местах, вследствие изливающихся в него рек[1]. Пороги и проливы, мешающие полному слиянию вод, определяют в Средиземном море совершенно иные, чем в Атлантическом океане, законы и для температуры подводных глубин этого моря. В океане свободный ход течений несет под всеми широтами слои воды различного происхождения, как согретые тропическим солнцем, так и охлажденные полярными льдами; но эти слои воды неравной плотности правильно располагаются друг над другом, смотря по температуре: сверху теплые, снизу—приближающиеся к точке замерзания. В Средиземном же море подобное распределение слоев воды замечается только в слое приблизительно в 200 метров толщиною, равной толщине течения, проникающего из Атлантического океана в Гибралтарский пролив. На большой глубине Средиземного моря термометр не показывает никакого понижения температуры: громадная масса воды, почти неподвижная, неизменно держится между 12 и 13 градусами по Цельзию, и в глубинах от 200 метров до 3 километров наблюдения дают один и тот же результат. Карпентер утверждает, впрочем, что в глубоких местах, соседних с вулканическими областями, вода на несколько десятых градуса теплее, чем в других частях Средиземного бассейна, и, быть может, факт этот, допуская его достоверность, следует при-

1 Средняя соленость Атлантического океана 36 тысячных.
Средняя соленость Средиземного моря. . - 38 -
Средняя соленость Черного моря 16 »

писать влиянию расплавленной лавы под морским ложем.

II. Фауна, рыболовство и соляные промыслы

Другое замечательное явление глубин Средиземного моря—это бедность животной жизни. Конечно, нельзя сказать, чтобы её совсем не было; о существовании её свидетельствуют телеграфные кабели, вытащенные с морского дна с целым грузом раковин и полипов, но все-таки в сравнении с безднами океана глубины Средиземного моря можно назвать настоящими пустынями. Эдвард Форбс, исследовавший воды Архипелага, полагал даже, что глубины совершенно «лишены органической жизни»; но он впал в ошибку, желая возвести в закон то, что было только исключением. Если самые низшие слои Средиземного моря так бедны животными видами, то причина этого, по мнению Карпентера, заключается в большом количестве, приносимых реками бассейна, органических остатков, которые, поглощая содержащийся в воде кислород, выделяют угольную кислоту в ущерб животной жизни, и при том так, что первый из этих газов во многих местах убавляется, по сравнению с Атлантическим океаном, до четвертой части своего нормального содержания, а второй увеличивается на половину. Прекрасный лазурный цвет Средиземного моря, зависящий от поглощения красных лучей, видоизменяется до бесконечности взвешенными в воде пылинками. Волны, ударяясь о берега, отрывают от них мириадами твердые частицы, которые плавают в верхних слоях и придают поверхности вод ту чудную окраску, которую воспевают поэты[1]. Сравнительные исследования Делесса доказали, что дно Средиземного моря почти повсюду покрыто тиною.

Под верхним слоем воды, особенно в местах, прилежащих к обеим Сицилиям, животная жизнь чрезвычайно богата видами, рыбами, черепокожими и др., которые почти все атлантического происхождения, и, таким образом, в отношении фауны, несмотря на свое огромное пространство, Средиземное море есть не что иное, как простой залив Лузитанского океана. Его общее расположение в направлении от запада к востоку, при мало отличающихся друг от друга климатах его разных частей, облегчало переселение животных из Гибралтарского пролива в Сирийское море. Некоторые животные, переселившиеся из Атлантики, размножились сильнее в Средиземном море, чем в своей первоначальной родине[2]; но, в соседстве с точкою отправления, органическая жизнь является в большем числе форм, и индивиды, населяющие западные воды, вообще крупнее представителей фауны восточных бассейнов. Небольшая пропорция неатлантических видов напоминает о существовавшем в древности соединении Средиземного моря с Аравийским заливом и Индийским океаном: на восемьсот слишком видов моллюсков, проникших в моря Греции и Сицилии через Гибралтарский пролив, приходится всего лишь около тридцати явившихся сюда через Суэцкий проход, быть может в третичный период, когда проход этот еще не был загражден песками[3]. Число видов уменьшается постепенно по направлению от запада к востоку и достигает своего минимума за двумя шлюзами, которые образуют Дарданеллы и Босфор. Черное море совершенно отличается от собственно Средиземного своею температурою. Скользящие по его поверхности северо-восточные ветры так охлаждают его, что оно покрывается иногда у берегов тонким льдом, а Азовское море часто совсем исчезает под толстым слоем льда, да и самое Черное море в некоторые исключительные годы замерзало совершенно. Холодная вода поверхности, смешиваясь с водою, приносимою большими реками, спускается на дно и понижает там температуру в ущерб животной жизни. Лучистых животных и животнорастений в фауне Черного моря совсем нет; некоторые классы моллюсков, относительно редкие уже в Сирийском море и Архипелаге, вовсе не встречаются в Понте Эвксинском, где число видов

1 John Aitken, Colours of the Mediterranean, Proceed. of the R. S. of Edinburgh, Session 1881-82.

2 Alph. Milne Edwards, Bulletin de la Societe de Geographie de Paris, 1-er trimestre 1882.

3 Рыбы Средиземн. моря 444 видов (Годвин Аустен).
Моллюски 850 . » Джефрей.
Фораминиферы 200 (?)

моллюсков в десять раз менее, чем в Средиземном море. Точно также рыбы, очень многочисленные, как особи, по сравнению с Средиземным морем, не представляют здесь даже трети видов; но, по исследованиям Кесслера, иммиграция продолжается. По своей фауне рыб солоноватой воды, или живущих безразлично в пресной или в соленой воде, Черное море больше походит на Каспийское, от которого оно в настоящее время отделено, чем на моря Греции, с которыми соединяют его проливы Мраморного моря.

Кроме видов, свойственных Средиземному морю, в нем есть и такие, которые следует считать уже только гостями. Таковы акулы, рыскающие в Сицилийских морях и встречающиеся в Адриатическом море и у берегов Египта и Сирии, большие китообразные, киты обыкновенные и гренландские, кашалоты, которые, впрочем, являются только местами в Тирренском бассейне, и посещения которых из века в век становятся все реже и реже. Тунцы Средиземного моря суть также путешественники, являющиеся от берегов лузитанских. Эти чрезвычайно сильные пловцы заходят сюда весною, чрез Гибралтарский пролив, обходят все Средиземное море, огибают Черное и осенью возвращаются в Атлантический океан, совершив, таким образом, путь в 9.000 километров. Рыбаки думают, что тунцы проплывают море тремя большими стаями, и что средняя из этих стай, блуждающая около берегов Тирренского моря, состоит из самых крупных и самых сильных особей. Во всяком случае, каждый отряд составлен, повидимому, из особей одного и того же возраста, плывущих вместе огромными стадами, не имеющими в море никакого пастуха, который защищал бы их от бесчисленных неприятелей. Дельфины и хищные рыбы яростно преследуют их; но главный их истребитель—человек. При берегах Сицилии, Сардинии, Неаполя, Прованса многие бухты бывают заняты летом заколами, или *тоннаром*, то-есть сетями, обнимающими собою пространство в несколько километров, которые мало-по-малу съуживаются вокруг попавших в них животных, при чем последние переходят из одной сети в другую и оканчивают «камерой смерти», подвижный пол которой поднимается и передает их в руки убийц. Массы мяса, вытаскиваемые рыбаками на свои плавучия бойни, считают миллионами килограммов, и все-таки тунцы-путешественники каждый год являются во множестве к знакомым берегам. Вероятно, число их несколько уменьшилось, но, тем не менее, и в наше время, как и двадцать пять веков тому назад, они наполняют еще своими густыми стаями Византийский Золотой Рог и другие бухты, в которых их наблюдали древние греческие натуралисты.

Кроме ловли тунца, важное экономическое значение представляет также ловля сардинок и анчоусов. «Плоды моря»: морские ежи и осьминоги составляют также весьма важное подспорье к прокормлению прибрежных жителей, особенно в Италии; но в Средиземном море вовсе нет таких мест, в которых бы животная жизнь представлялась в таких огромных размерах, как на мелях Ньюфаундленда, у берегов Португалии и Канарских островов, в Атлантическом океане. Большая часть рыбачьих флотилий употребляется не на рыбные ловли, а на собирание предметов убранства и туалета. Ныне уже не ловят пурпурных раковин на берегах Финикии, Пелопоннеза и Великой Греции, но зато многие суда заняты постоянно в хорошую погоду исканием кораллов и губок.

Коралл встречается преимущественно в западных морях: ловцы, большею частью итальянцы, собирают его не только у неаполитанских берегов и в Сицилии, в Мессинском проливе, при берегах Сардинии, но и в проливе Бонифачио, около мыса Креуса в Испании и в Варварийскпх морях. Обыкновенные губки собираются в заливе Габес и на другом конце Средиземного моря, при берегах Сирии, Малой Азии и в рукавах моря, извивающихся между Цикладами и Спорадами. Губки живут обыкновенно на меньшей глубине, чем кораллы, а именно—на глубине от 5 до 50 метров, так что иногда можно вырывать их, просто ныряя в воду, между тем как кораллы собираются весьма грубым способом, посредством железных инструментов, которые ломают и подбирают обломки, смешанные с тиною, водорослями и мелкими морскими животными. Промысел этот находится еще, как видно, в состоянии варварства, и прибрежные жители далеко еще не ознакомились с морем и его обитателями настолько, чтобы могли методически вести промысел добывания коралла и губок. Им нужно

ухитриться отнять у переменчивого бога Протея надзор за его морскими стадами.

Важнейшим, после рыболовства, промыслом на берегах Средиземного моря является соляной промысел; но и он, как и рыбная ловля, во многих местах находится еще в первобытном состоянии, и только в нынешнем веке начали производить научным образом добывание соли, соды и других веществ, содержащихся в морской воде. Средиземное море удивительно удобно для добывания соли, как по высокой температуре воды, по большому содержанию в ней соли, так и по слабости явлений прилива и отлива, и по большому протяжению почти горизонтальных кряжей, чередующихся со скалистыми берегами и высокими мысами. Самые производительные и всего удобнее расположенные солончаки находятся, вероятно, во Франции, на берегах озера То (Thau), в Камарге и на берегах Гиерских островов. Но есть также весьма обширные солончаки на берегах Испании, Италии, Сардинии, Сицилии, Истрийского полуострова и в «соленых лиманах» Бессарабии, при Черном море. Количество соли, собираемое ежегодно на берегах Средиземного моря, можно считать, в среднем, в полтора слишком миллиона тонн, т.е. более всего груза, какой может поднять весь французский коммерческий флот. Но относительно морского богатства это количество чрезвычайно мало: это ничто в сравнении с теми сокровищами, которые наука даст возможность извлекать когда-нибудь из этих «безплодных» пучин.

Добыча морской соли на берегах Средиземного и Черного морей распределяется приблизительно так:

Испания	200.000 тонн.
Франция	250.000 „
Италия	300.000 „
Австрия	70.000 „
Россия	600.000 тонн.
Другие страны	200.000 (?) „
	1.620,000 (?) тонн.

Рыбная ловля приносит в год приблизительно	80.000.000 фр
Добывание кораллов	12.000.000 „ „
губок	3.000.000 „
соли и пр	15.000.000 „

III. Торговля и мореплавание

Выгоды, которые человек может извлекать из непосредственной эксплоатации Средиземного моря, имеют весьма малое значение в сравнении с выгодами экономическими, интеллектуальными и моральными, доставлявшимися человечеству судоходством по этому внутреннему морю. Так, историки указывали неоднократно на то, что берега, острова и полуострова греческого и финикийского морей расположены удивительно хорошо для того, чтобы облегчить первые начатки морской торговли. Близость земель, белеющие вершины которых мореходец видит, еще не выехавши из своего порта; изгибы берега, в которых может спастись захваченное бурею судно; правильные береговые и общие ветры, дующие попеременно то с материка, то с моря; одинаковость климата, позволяющая матросам чувствовать себя везде как на родине; наконец, разнообразие произведений природы, обусловливаемое столь разнообразной конфигурацией прибрежных стран,—все это способствовало тому, что Средиземное море сделалось колыбелью европейской торговли. Но что такое торговый обмен, с известной точки зрения, как не встреча народов на нейтральной почве мира и свободы, как не свет, распространяющийся в умах, при общении идей? Форма берегов, благоприятствующая взаимным сношениям народов, помогала уже сама собою развитию цивилизации. Смотря на многочисленные острова Эгейского моря, на извилистость берегов, окаймленных полуостровками, и на большие полуострова: Пелопоннез, Италию, Испанию, есте-

ственно сравнивают их со складами мозга, в которых вырабатывается человеческая мысль.

Ход цивилизации долго следовал направлению с юго-востока на северо-запад: Финикия, Греция, Италия и Франция были последовательно центрами человеческой интеллигенции. Главная причина этого исторического явления заключается в самом очертании моря, служившего ареной народов в их движении; ось цивилизации, если можно так выразиться, сливалась с центральною осью Средиземного моря, от Сирийских вод до Лионского залива. Но с тех пор, как средиземный мир перестал быть единственным центром тяготения для Европы, и призыв торговли влечет корабли в обе Америки и на крайний Восток, общее движение цивилизации уже не следует однообразному направлению с юго-востока на северо-запад, а расходится по всем направлениям. Если бы нужно было обозначить её главные токи, то следовало бы указать на один—направляющийся из Англии и Германии в Северную Америку, и другой—из латинизованных стран Европы в Южную; но, направляясь постоянно к Западу, оба эти тока отклоняются к югу, и это изменение в направлении общего движения народов было вызвано климатом, формою материков и распределением морей.

Интересно проследить перемены, происшедшие в исторической роли Средиземного моря. Так как это внутреннее море всегда составляло большую дорогу для сообщения народов, то коммерческие республики заботились только о продолжении её на восток посредством караванных путей, по направлению к Персидскому заливу, в Индию и Китай. В средние века генуэзские конторы были рассеяны по берегам Черного моря, и ряд их продолжался в Закавказье до Каспийского моря. Европейские путешественники, в особенности итальянцы, хорошо знали дороги в Малую Азию, и многие пути, которые в наше время уже неизвестны, в ту эпоху были часто посещаемы. Но уж пятьсот лет, как сфера торговли в центральной Азии сократилась, и сношения народов стали там затруднительны.

Факт этот объясняется тем, что в этот промежуток времени Средиземное море перестало быть великим морем для судоходства. Мореплаватели, освободившись от страха, внушаемого им безбрежными морями, пустились на своих кораблях по всему океану. Сухопутные дороги, всегда затруднительные и усеянные опасностями, были оставлены; посредствующие рынки центральной Азии опустели, и Средиземное море превратилось для торговли в настоящий глухой закоулок. Такое положение вещей продолжалось довольно долго; только начиная с половины настоящего века сношения стали мало-по-малу возобновляться, и новое завоевание потерянной почвы совершилось быстро. Сверх того, одно великое событие, которое можно считать настолько же геологическим, насколько коммерческим переворотом, снова открыло древние ворота Средиземного моря, которое еще недавно не имело никакого выхода к востоку; теперь оно вновь сообщается с Индийским океаном посредством Суэцкого канала, став большою дорогою для пароходов между Западною Европою, Индиею и Австралиею. Надо надеяться, что в близком будущем будут прорыты другие каналы, между Черным морем и Каспийским и Аральским, к рекам центральной Азии, Аму-Дарье и Сыр-Дарье, и дадут возможность проникнуть морской торговле в самое сердце древнего материка.

Таким образом, великие центры человеческих сношений, которые можно назвать жизненными точками планеты, перемещаются, с течением истории, по берегам морей и по поверхности материков. Порт-Саид, импровизированный город на пустынном морском берегу, сделался одним из тех мест, к которым стремится движение людей и всякого рода товаров, между тем как недалеко оттуда, на берегу Сирии, древние царственные города Тир и Сидон —теперь не более как жалкия деревни, в которых тщетно ищешь остатков их прежнего величия. Так же погиб Карфаген, так же упала Венеция. Прибрежные наносы земли, употребление гораздо более крупных, чем в древности, кораблей, политические перемены всякого рода, потеря свободы, насильственные разрушения—уничтожили многие из этих жизненных центров на берегах Средиземного моря; но почти везде вместо разрушенного порта открылся где-нибудь по соседству другой, или же его заменили несколько второстепенных гаваней. Большая часть великих торговых путей сохранила свое первоначальное направление, и точки их соединения и порты находятся в тех же морях.

В некоторых местностях, лежащих на пути кораблей или в местах необходимой их встречи, неизбежно должны возникать значительные города. Таковы проливы Гибралтарский и Мессинский, таковы конечные бухты заливов, глубоко вдающихся в землю, как Генуэзская, Триестская, Салоникская. Порты, представляющие наиболее удобные пункты для погрузки товаров, назначаемых в иноземные моря, становятся также естественными центрами притяжения, куда должен стекаться торговый люд, каковы Марсель и Александрия. Наконец, в Средиземном море есть один город, который соединяет в себе разом все географические преимущества, так как расположен на проливе, в точке соединения двух морей и двух материков—это Константинополь. Несмотря на угнетающее его правительство, самое географическое положение делает его одним из великих городов мира.

Хотя порты Средиземного моря не обладают уже торговою гегемониею, какою они пользовались в течение длинного ряда поколений, однако это внутреннее море, говоря относительно, все еще гораздо больше населено судами, чем большие океаны. Не считая рыболовных судов, в его портах имеется не менее 35.000 судов, коих общая вместимость равняется 2.730.000 тонн, что составляет четвертую часть всего коммерческаго флота в мире, но только с шестою частью вместимости, ибо, в силу привычки, в греческих и итальянских портах дольше сохранились старинные типы судов с малой вместимостью; впрочем, незначительная длина рейсов, относительная их безопасность, близость портов-убежищ облегчают мелкий каботаж.

К собственно средиземному флоту следует присоединить и суда, присылаемые сюда для торговли портами океана, преимущественно английскими. Для покровительства торговле своей нации, правительство Великобритании позаботилось стать в число средиземных держав; оно овладело испанским Гибралтаром, составляющим западные ворота бассейна, итальянскою Мальтою, составляющею его центральную крепость, греческим Кипром, сторожащим берега Малой Азии и Сирии. До недавнего времени оно оффициально не владело выходными воротами морского бассейна, т.е. искусственным проливом из Порт-Саида в Суэц, но посредством своих капиталов и торговли было истинным его владельцем, и, кроме того, оно могло, если бы признало то нужным, запереть его в конце длинного наружного корридора, образуемого Красным морем, ибо английские гарнизоны расположены на острове Перим и на скале Адена, при входе в Индийский океан. Теперь Египет занят английскими войсками, и сам хедив является не только вассалом, но почти пленником английского правительства. Надо, однако, думать, что захват этот лишь временный, так как вряд-ли европейские державы согласятся позволить англичанам окончательно завладеть Египтом, этой промежуточной станцией между Великобританией и Индией.

Хотя в руках Англии сосредоточивается большая часть торговли Средиземного моря, но тем не менее почти каждый прибрежный народ имеет также значительную долю участия в движении меновой деятельности. С торговой точки зрения море, простирающееся от Гибралтара до Египта, настолько же французское озеро, как называл его один государь, добивавшийся всемирной империи, насколько эллинское, далматское, испанское и еще более итальянское. Последними хозяевами его были варварийские пираты, которые появлялись внезапно на своих легких судах в прибрежные селения, хватали жителей и уводили их в рабство. С истреблением этих хищнических флотилий торговля сделала Средиземное море общею собственностью, в которой петли международной навигационной сети становятся все меньше и меньше. Корабли не соединяются, как было некогда, в вооруженные караваны, чтобы перевезти свои товары из одного порта в другой; море стало так безопасно, что одинокия суда могут пускаться во всякое время. Не изменилась только всегда грозящая опасность от рифов и бурь, и хотя искусство мореплавания сделало огромные успехи, хотя большая часть мысов, по крайней мере при берегах Европы, освещаются маяками, входы в порт указываются огнями, вехами, баканами,- кораблекрушения в Средиземных водах бывают все-таки часто. Даже большие корабли не раз исчезали так, что не могли отыскать ни одной доски от их корпуса.

В наше время пароходы, следующие из гавани в гавань по начертанному пути, все более и более вытесняют собою парусные суда. Некоторые навигационные линии, соединяющиеся своими концами с железными дорогами берегов Средиземного моря, сделались как-бы постоянной колеей, по которой корабли ходят взад и вперед, как паромы на реках. Правильность и быстрота этих паровых паромов, легкость, с которою совершаются на них всякого рода перевозки, возрастающее число железных дорог, которые оканчиваются в портах и несут к ним товары, наконец подводные телеграфные линии, разветвившиеся уже по всем направлениям, которые соединяют друг с другом различные берега и объединяют человеческие мысли,—все это способствует развитию торговли на Средиземном море, которая и теперь уже, не считая транзита чрез Гибралтар и Суэц, представляет обороты приблизительно на одиннадцать с половиною миллиардов франков. В сравнении с оборотами Англии, Бельгии и Австралии, торговля эта, для прибрежного населения почти в сто миллионов человек, еще не так велика; но она с каждым годом значительно увеличивается. Притом надо принять в соображение, что рядом с живым организмом европейских полуостровов знойная Африка в большей своей части является относительно торговли еще инертной массой. За исключением пространства от Орана до Туниса и от Александрии до Порт-Саида, её берега редко посещаются и почти не имеют населения; моряки нашего времени избегают их, как и древние эллинские мореплаватели. Но удивительно, что области, к которым прежде направлялись массы судов, каковы Киренаика, Кипр и прелестный остров Крит, находящийся при самом входе в Эгейское море, оставались так долго в стороне от главных линий современного мореплавания.

Навигация Средиземного моря в 1885 г. (приблизительное исчисление) без рыболовных судов.

	Коммерческий флот				
	Парусный	Паровой	Тоннаж	Движение судоходства в портах	Сумма оборотов.
Испания средиземная	2.500	100	350.000	6.000.000 тонн	900.000.000 фр.
Франция „	2000	250	350.000	8.000.000	3.000.000.000
Италия	11.000	150	1.080.000	28.000.000	2.500.000.000
Австро-Венгрия	8.500	110	350.000	12-000.000	1.000.000.000
Греция	15.100	20	250.000	10.000.000	300.000.000
Турция Европ. и Азиатская	2.200	10	210.000	25.000.000	600.000.000
Румыния	100(?)	(?)	10.000	1.700.000	300.000.000
Россия средиземная	2.100	100	200.000	2.050.000	1.000.000.000
Египет	1.200	56	(?)	12.000.000	500.000.000
Кипр, Мальта и Гибралтар	(?)		(?)	12.000.000	1.000.000.000
Алжир и Тунис	450		25.000	14000.000	450.000.000
Триполи, Барка, Марокко и др	200		5.000	1.500.000	150.000 000
Итого	35.350(?)	776(?)	2.730.000	132.700.000 тонн	11.700.000.000 фр.

Глава IV Греция

I. Общий вид

Политическая Греция, в своих тесных границах к югу от Олимпа и залива Воло Арта, занимает около 65.000 квадратных километров и представляет не более $^1/_{7800}$-ой части земной поверхности. В огромных территориях, какова, например, Российская империя, более обширные области, чем Греция, не имеют в себе ничего, что бы отличало их от соседних областей, и имя их не возбуждает в уме почти никакого представления; как много, напротив,

воспоминаний вызывает в нас эта маленькая, незначительная на наших картах, в сравнении с большими государствами, страна эллинов! Нигде человечество не достигало столь стройной в целом и столь благоприятной для развития индивидуальной свободы цивилизации. Даже в наше время, вступив в несравненно более обширный цикл истории, чем греческий, мы всегда принуждены оглядываться назад к этим маленьким греческим народам, которые все-таки остаются нашими учителями в искусствах и первыми наставниками в науках. Город, бывший «школою Греции», по своей истории и примерам, представляет все еще школу для целого мира, которая, через двадцать веков после своего падения, не перестала еще просвещать нас, как те звезды, которые уже потухли, но еще продолжают освещать землю.

Столь важное значение народов Греции, которым они пользовались в течение долгого периода всемирной истории, очевидно, объясняется географическим положением страны. Действительно, племена того же самого происхождения, но живущие в стране менее счастливой, например пелазги в Иллирии, которых считают предками албанцев, не могли подняться выше варварского образа жизни, между тем как эллины стали во главе просвещенных наций, для которых они проложили еще неведомые до того времени пути. Если бы Греция, так счастливо изрезанная морем, в настоящем геологическом периоде продолжала быть, как в третичном периоде, обширною континентальною равниною, соединенною с Ливийскими пустынями, в которой рыскали львы и носороги, могла ли бы она сделаться родиной Фидия, Эсхила, Демосфена? Конечно, нет. Она оставалась бы тем же, чем остается поныне Африка, и не приняла бы на себя, как это было в действительности, инициативы цивилизации, а дожидалась бы какого-нибудь толчка извне. Вследствие прогрессивного расширения горизонта посредством путешествий, открытий, торговых путей, Греция постепенно умалялась в сравнении с известным миром, и кончила тем, что утратила те преимущества, которые первоначально доставляли ей её географическое положение и счастливая форма её очертаний.

Греция, представляющая полуостров Балканского полуострова, была защищена с севера лучше, чем Фракия и Македония, поперечными горами, благодаря которым эллинская культура могла развиваться, не опасаясь быть подавленною в зародыше нашествиями варваров. На севере и востоке Фессалии Олимп, Пелион, Осса составляют уже, со стороны Македонии, первые грозные преграды; на границах Фессалии возвышается второй барьер—обрывистая цепь Отриса; при завороте Ламисского залива новое препятствие: проход заперт рядом гор Эты, так что пробраться можно только между скалами и морем чрез узкое Фермопильское ущелье. Перейдя горы Локриды и спустившись в котловину Фив, остается еще перейти через Парнас или передния горы Киферона, чтобы достигнуть равнин Аттики. Далее, перешеек защищен еще другими поперечными горами, наружными валами великой горной цитадели Пелопоннеза, этого «акрополя Греции». Элладу часто сравнивали с рядом комнат, двери которых крепко заперты; трудно войти в них, но еще труднее выйти, если их сторожат. «Греция устроена как ловушка с тремя днами, говорит Мишле. Вы можете войти в нее, но вы будете заперты сперва в Македонии, потом в Фессалии, потом между Фермопилами и перешейком». Но проникнуть за перешеек еще труднее, почему Лакедемон и был долгое время неприступен.

В ту эпоху, когда мореплавание, даже в почти закрытых водах Архипелага, было весьма опасно, море достаточно защищало Грецию от нападений восточных народов; но зато ни одна страна не привлекала столько мореходцев к мирным торговым экспедициям. Открытая к Эгейскому морю своими заливами и портами и окруженная многочисленными островами, удобными для пристанища и стоянок судов, Греция легко могла вступить в торговые сношения с более цивилизованными народами, жившими напротив, на извилистых берегах Малой Азии. Колонисты и путешественники восточной Ионии приносили своим братьям, ахеянам или пелазгам, но только съестные припасы и товары, но и мифы, поэмы, науку и искусства своей родины. По общей форме своих берегов и по расположению гор, Греция смотрит преимущественно на Восток, откуда исходил для неё свет: именно с этой стороны всего дальше выдаются в море её полуострова, и всего больше рассеяно островов; к востоку же открыва-

ются её удобные и хорошо защищенные гавани: на восточном же берегу, в полукруге гор, раскидываются равнины, расположенные как нельзя более удобно для возникновения многолюдных городов. И в то же время Греция не имеет неудобств Турции, лишенной прямого сообщения с Западом вследствие препятствий, представляемых широкою полосою трудно проходимых гор и обрывистыми берегами. Ионическое море на западе Пелопоннеза, правда, довольно широко и нелюдимо, но зато Коринфский залив, прорезывающий почти весь Эллинский полуостров, и ряд Ионических островов, с которых видны горы Италии, должны были побуждать к мореплаванию и по западным морям. В древние времена акарнаняне гораздо раньше римлян умели строить суда и, благодаря торговле, могли научить этому искусству итальянские народы, а впоследствии греки легко сделались цивилизаторами всего западного средиземного мира.

Отличительную черту Эллады, в отношении её рельефа, составляют множество небольших самостоятельных котловин, отделенных друг от друга скалами и горными кряжами. Прежде всего такое расположение почвы способствовало раздроблению греческих племен на множество самостоятельных республик. У всякого города была своя река, свой амфитеатр холмов или гор, свой акрополь, свои поля, сады и леса, а также и свой выход к морю. В этих независимых группах населения соединялись все элементы, необходимые для существования свободного общества, а соседство других городов, обладавших такими же преимуществами, поддерживало соперничество между ними, превращавшееся слишком часто в вооруженную борьбу и битвы. Острова Эгейского моря еще более увеличивали политическую раздробленность: каждый из них, как и котловины Эллинского полуострова, представлял собою республику; местная инициатива всюду имела свободное развитие, и самый маленький островок Архипелага мог давать истории великих людей.

Но если по рельефу почвы, по множеству островов и котловин полуострова Греция представляет бесконечное разнообразие, то она в то же время и едина, так как одно и то же море, омывая её берега, проникает внутрь её, изрезывает ее на полуострова и дает её берегам необыкновенное развитие. Бухты и бесчисленные порты Эллады сделали из её прибрежных жителей моряков, «амфибий», как говорил Страбон. И действительно, греки как-бы восприняли в себя известную долю подвижности морских волн. Во все времена они увлекались страстью к путешествиям. Когда жители какого-нибудь города становились настолько многочисленны, что земля уже недостаточно обеспечивала их существование, они начинали роиться, как пчелы, обходили берега Средиземного моря и, высмотрев себе место, напоминавшее родину, возводили там новый акрополь. Таким образом всюду возникали эллинские города: от Меотийских болот (Азовского моря) до Геркулесовых столбов, от Танаиса и Пантикапеи до Гадеса и Тингиса, нынешнего Танжера. Благодаря этим рассеянным всюду колониям, из которых многие значительно превосходили славою и могуществом свои бывшие метрополии, истинная Греция, Греция наук, искусств и республиканского самоуправления, вышла далеко за пределы своей колыбели и раскинулась по всей окружности Средиземного моря. По отношению к тому, что у древних считалось вселенною, греки были тем же, чем теперь являются англичане относительно всего мира. Таким образом, замечательное сходство маленького полуострова Греции и её соседних островов с архипелагом Великобритании, находящимся как раз на противоположном конце континента, распространяется и на историческую роль населяющих их народов. Одинаково выгодные географические условия привели к одинаковым результатам, несмотря на разность места и времени: воды Эгейского моря и воды, омывающие берега Англии, придали своим материкам одну и ту же историческую миссию.

Чувство восторженности, с которым путешественники смотрят на Грецию, вызывается главным образом воспоминаниями, связанными с каждою развалиною, с каждым ручейком, с каждым подводным камнем её морей. Местности Прованса или Испании, которые не уступают лучшим из пейзажей Эллады или даже превосходят их грациею и смелостью очертаний, известны лишь немногим ценителям; индифферентная же толпа проходит мимо, почти

не замечая их, потому что они не носят славных имен Марафона, Левктров или Платеи; о них не трубила молва прошедших веков. Впрочем, берега Греции, если бы они не отличались от всех других отражающимся на них блеском прошедшей славы, все-таки были бы не менее прекрасны и достойны удивления. В пейзажах Афинского и Аргосского заливов художника увлекает не только синева моря, «нескончаемая улыбка волн», прозрачность неба, перспектива убегающих берегов и их резкие выступы, но также чистый и ясный профиль гор, с их слоями известняка и мрамора; это, можно сказать, архитектурные громады, и многие увенчивающие их храмы кажутся не более, как повторением форм самих гор. Все вершины—Олимп, Киферон, Парнас,—были местопребыванием богов.

Но чего недостает берегам Греции, так это—зелени и светлых источников. Почти все приморские горы лишены больших деревьев; остаются только кустарники, тамариск, мастиковое дерево, дикий виноград, можжевельник, каменный дуб; даже ароматные травы, одевающие отлогости и ощипываемые козами, во многих местах представляют какие то жалкие лоскутья, так как проливные дожди сносят растительность до-чиста вместе с землею, и обнаженная скала на своих скатах имеет издали сероватый вид, с раскиданными там и сям пятнами тощего кустарника. Почти все прибрежные горы потеряли свои леса уже во времена Страбона, а в наше время, по словам одного писателя, «Греция представляет только скелет того, чем она была некогда». И как-бы в насмешку имена, заимствованные от названии деревьев, чрезвычайно многочисленны во всех частях Эллады и Эллинской Турции: Кария—город орешин, Валанидия—город дубов, Кипарисси—город кипарисов, Платанос или Платаники—город платанов; всюду встречаются деревни, лесные названия которых, к несчастью, не оправдываются действительностью.

Леса существуют почти единственно на внутренних горах и на Ионийском берегу. Гора Эта, несколько гор Этолии, высоты Акарнании и Пелопоннеза, Аркадия, Элида, Трифилия, склоны Тайгета сохранили еще на себе большие леса. Только в этих лесистых местах, посещаемых одними пастухами, удержались и дикия животные: волки, лисицы, шакалы. Серны, говорят, еще не совсем исчезли и встречаются на Пинде и Эте; что же касается эримантского вепря, представлявшего здесь, судя по древним скульптурным изображениям, совершенно особенную породу, то он уже не встречается более в Греции, а лев, о котором упоминает еще Аристотель, не существует здесь уже около двух тысяч лет. Из мелких животных в некоторых частях Пелопоннеза весьма обыкновенна черепаха, на которую жители смотрят с таким же отвращением, какое многие у нас испытывают при виде жабы или саламандры.

Греция не велика, но различие климатов в разных её местах весьма значительно. Противоположности гор и равнин, лесистых местностей и сухих долин, берегов, обращенных к северу, и берегов, обращенных к югу,—производят резкия различия в местных климатах. Но, не принимая в соображение этих различий, можно сказать, что Греция, в целом, представляет, в направлении от севера к югу, такую климатическую гамму, богаче которой вряд-ли можно найти где-либо в других странах. На севере горы Этолии, склоны которых покрыты буками, принадлежат к умеренным областям центра Европы, тогда как южные и восточные острова и полуострова, со своими оливковыми и фиговыми лесками и рощами лимонных и апельсинных дерев, а иногда и группами пальм, кактусами и агавами, составляют уже часть суб-тропического пояса. Некоторые местности, находясь в непосредственном соседстве друг с другом, имеют весьма различные климаты: таковы, например, озерная впадина Беотии, с холодной зимой и знойным летом, и восточный берег Эвбеи, то освежаемый, то согреваемый морскими ветрами. Итак, Греция на маленьком пространстве совмещает значительный пояс земли. Нет сомнения, что это чрезвычайное разнообразие климатов, со всеми происходящими от него различиями, в результате возбуждало живее умственную деятельность и без того уже подвижных эллинов, подстрекало их любопытство и развивало склонность к торговле и промышленный дух.

Впрочем, это большое разнообразие в климате суши вознаграждается в Греции единством морского климата. Конечно, Греция не может в этом отношении сравниться с

Португалией и островами Атлантического океана; она находится под влиянием полярных ветров, которые, пройдя Сибирь, южную Россию, Турцию, не успели уравнять свою температуру и поглотить большое количество паров при проходе над Эгейским морем: разность температуры между летними жарами и зимними холодами здесь значительна, и в худое время года перемены погоды резки и неприятны. Ветер, дующий в Эгейском море, переходит в переменные бризы, как в горных долинах. Большие очаги африканских пустынь в течение почти всего лета притягивают к себе атмосферные токи из восточной Европы, вследствие чего с севера Архипелага и Македонии воздух несется в виде стремительного ветра к югу и так быстро гонит корабли, что завоеватели, обладавшие северными берегами моря, не раз пользовались этим ветром, чтобы нападать внезапно на жителей более южных местностей Малой Азии или Греции. Этот правильный атмосферный ток, известный под именем этезийского, или «ежегоднаго» ветра, оканчивается с прекращением теплого времени года, когда солнце переходит в южное полушарие. Но, независимо от этого, он прерывается каждую ночь, когда свежий морской воздух притягивается к согретым во время дня берегам. После заката солнца ветер этот мало-по-малу стихает, атмосфера остается в течение нескольких минут спокойною, затем воздух незаметно начинает двигаться в противоположном направлении,—и суда, направляющиеся к северу, подымают паруса. Этот-то тихий ветер и воспевали древние поэты. Впрочем, как главные ветры, так и местные ветерки изменяют свой ход и направление у берегов, соответственно форме и расположению заливов и горных цепей. Так, Коринфский залив, над которым с юга и севера возвышаются высокие горные хребты, остается открытым воздушным течениям с обоих концов, так что ветер дует в нем попеременно то туда, то обратно, «подобно дыханию животнаго», как говорит Страбон.

Дожди, как и ветры, во многих местах уклоняются от своего нормального хода, и в некоторых долинах, окруженных со всех сторон обрывистыми горами, льются как из ведра, тогда как в других местах, напротив, дождевые облака проходят, не роняя ни капли; ко всем местным контрастам, проистекающим из различия рельефа и разнообразия климатов, присоединяются еще другие различия в проценте ежегодного осадка влаги. Говоря вообще, дожди, которые выпадают зимой и преимущественно в декабре, во всех частях Греции,—гораздо обильнее на западных берегах, чем на восточных,—отсюда тот веселый вид, который представляют холмы Элиды, и особенно горы Корфу, в сравнении с голыми кручами Арголиды и Аттики. Климат Западной Греции гораздо правильнее, чем климат восточных берегов; лето там прохладнее, а зима теплее. Точно также на западе полуострова с большею правильностию разражаются грозы, приносимые ветрами с Средиземного моря, так что в Элиде и Акарнании весною—самое богатое грозами время года—гром гремит часто по целым неделям, регулярно каждый день после полудня. Молнии сверкают беспрерывно. Записывающие приборы насчитали их 56.000 в продолжение 4-х часов. Нигде не могло быть более подходящего места для храмов Зевса-Громовержца, главное святилище которого находилось в Додонских лесах. Но во всей Греции, дожди и грозы не оставляют после себя пасмурного неба, как в З. Европе. Ясность неба, воспетая поэтами, составляет привилегию Греции.

Климат Афин и Корфу:

	Сред. темп.	Январь	Июль	Средн. влажн.	Дожд. дней	Дней с грозой	Колич. дождя
Афины	16°,35	8°,2	27°	60%	73	19	400 мм
Корфу	17°,9	10°,28	26°,36	70,5%	104	39	1.280 мм

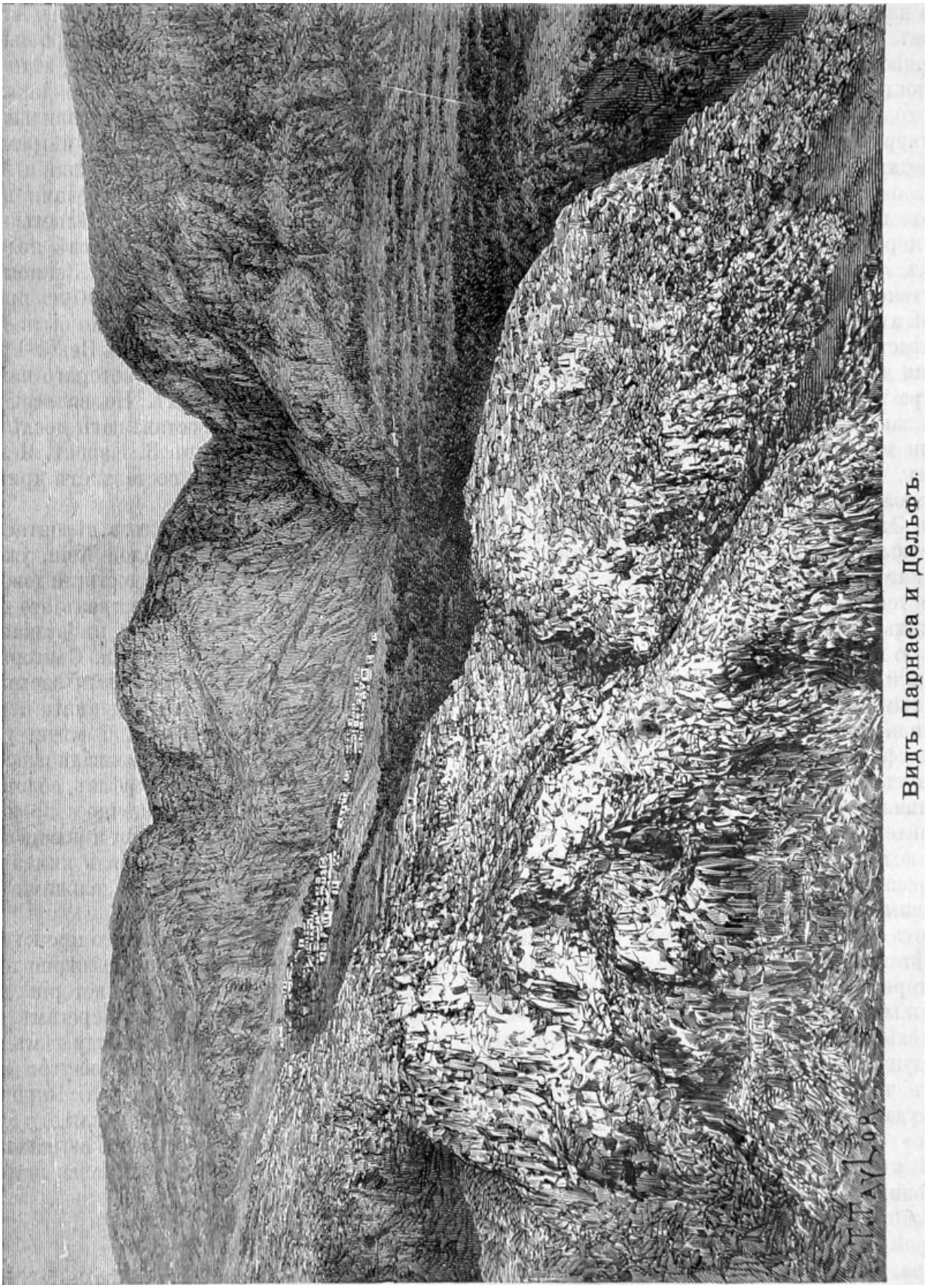
Древние обитатели Циклад, а вероятно также и берегов Эллады и Малой Азии, уже задолго до исторической эпохи достигли довольно высокой степени цивилизации, как это доказали раскопки, произведенные в вулканическом пепле Санторина и Теразии. Санторинцы в ту эпоху, когда дома их были засыпаны, начинали уже выходить из каменного периода и вступать в период чистой меди, умели строить каменные своды, выделывали известку, употребляли гири, сделанные из обломков лавы, знали ткацкое и горшечное производства, искусство красить материи и расписывать свои дома фресками, возделывали ячмень, горох, чечевицу и торговали с дальними странами.

Были ли это люди одинакового происхождения с эллинами—неизвестно; но верно то, что с самых первых времен истории греки различных родов жили по берегам и на островах Эгейского моря, между тем как пелазгические племена обитали внутри и по западным берегам полуострова. Впрочем, пелазги, или «древние», происходили от одного корня с греками и говорили на языках того же происхождения, как и эллинские наречия. Те и другие, будучи арийцами по языку, должны были распространиться по Греции, придя из Малой Азии через Геллеспонт и Фракию, или через острова Архипелага, если только они не были первобытными жителями этой самой страны. По преданиям, пелазги родились из горы Ликеос, в центре Пелопонеза, и хвалились тем, что они «аутохтоны», «люди Черной Земли», «Дети Дубов», «люди, родившиеся прежде Луны». Вокруг них жили многочисленные племена того же происхождения, называвшиеся эолийцами и лелегами, к которым впоследствии присоединились ионийцы и ахейцы, или «Добрые». Ионийцы, которые позднее должны были оказывать столь значительное влияние на судьбы мира, занимали только полуостров Аттику и Эвбею. Что же касается ахейцев, то они долгое время пользовались преобладанием над всеми греческими народами и сообщили им свое имя. Впоследствии, когда дорийцы, переправившись через Коринфский залив, в самом узком его месте, поселились как победители в Пелопонезе, все жители полуострова и островов получили от амфиктионий, находившихся в Фермопилах и Дельфах, родовое имя эллинов, которое принадлежало прежде маленькому народу Фессалии и Фтиотиды. Название же «греки», составляющее синоним слова «горцы», или, может быть, слов «древние», «Сыны Земли», распространилось мало-по-малу в самом народе и, наконец, сделалось общеупотребительным. Ионийцы Малой Азии и карийцы Спорад, соперники финикиян, плавали из одного порта в другой, торгуя с этими полудикими племенами, и как пчелы, разносящие плодотворную цветочную пыль, распространяли между этими народцами египетскую и восточную цивилизацию.

Финикийские купцы и римские завоеватели мало изменили элементы эллинского населения, но зато варвары, со времени начала своих переселений, стали во множестве проникать в Грецию. Более двух веков владели Пелопоннезом авары, затем пришли славяне, сопутствуемые не раз голодом и чумой. Греция сделалась «Славониею», и славянский язык, вероятно—сербский, стал главным наречием, как это доказывает еще и теперь множество местных названий. Что бы ни говорили иные писатели, но суеверия и легенды греков не есть простое наследие от древних эллинов: их сверхъестественный мир значительно обогащен призраками и вампирами славянского происхождения, и самый костюм греков завещан им их северными завоевателями. Впрочем, развитой эллинский язык постепенно снова вступил в свои права, и самая раса вновь достигла такого преобладания, что в настоящее время невозможно найти в населении сербских элементов. Но после почти полного ославянения, Эллада, в особенности во время венецианского господства, чуть-было не сделалось албанскою. Еще в начале нынешнего века албанский язык преобладал в Элиде и Арголиде, Беотии и Аттике, да и в настоящее время более ста тысяч мнимых эллинов говорят еще на этом языке. Нынешнее население Греции весьма смешанное, и трудно сказать, в какой именно пропорции соединились в нем эллинский, славянский и албанский элементы. Думают, что наиболее чистых греков по крови представляют майноты или миниоты полуострова Тенаре, которые сами называют себя прямыми потомками спартиатов, и еще до сих пор между своими укрепленными замками показывают замок «царя Ликурга». С незапамятных времен до самой войны за независимость их собрания старейшин сохраняли название «Лакедомонского Сената», и всякий клялся любить до смерти «первое из благ—свободу, наследие спартанских предков». Между тем названия множества местностей Майны—сербского происхождения и свидетельствуют о долгом пребывании в стране славян. У майнотов существует «vendetta» (кровная месть), как у черногорцев; но этот обычай свойствен почти всем еще варварским племенам.

Как-бы то ни было, греческая национальность, вопреки нашествиям и смешениям, быть может, под влиянием климата, в котором она живет, восстановила, наконец, большую часть своих отличительных черт. Прежде всего она сумела сохранить свой язык, и действительно,

надо удивляться тому, что народный греческий язык так мало отличается от древнего литературного. Все изменения, подобно изменениям в языках новолатинских, сводятся почти только к сокращению слов посредством исключения слогов без ударения и к употреблению



Видъ Парнаса и Дельфъ.

в спряжениях вспомогательных глаголов. Следовательно, современным грекам стоит только очистить понемногу свой язык от варварских оборотов и иностранных слов, чтобы приблизиться к языку Фукидида. Физически раса также почти нисколько не изменилась; во мно-

гих местах новой Греции вы узнаете древний тип: у беотийца та же тяжелая походка, которая была предметом насмешек между другими греками; молодой афинянин обладает тою же гибкостью, стройностью и осанкою, которым мы удивляемся в скульптурных всадниках на фризах Парфенона; спартанская женщина сохранила ту здоровую и гордую красоту, которую прославляли поэты в дорийских девушках. В моральном отношении родословная новых эллинов не менее очевидна. Современный грек, как и его предки, любит перемены, любопытен, очень любит расспрашивать иностранцев: происходя из свободных граждан, он сохранил чувство равенства и, всегда упивающийся своею диалектикою, предается бесконечным прениям, как-будто он еще на форуме; он нисходит иногда до лести, но без убеждения, а ради красного словца. Наконец, как и древний грек, интеллектуальное достоинство он очень часто ставит выше морального: по примеру «мудрого Улисса», героя гомеровых песен, он лжет умно и обманывает ловко; для него правдивый акарнанец и «тугой на обещания, но крепкий в слове» майнот—смешные чудаки. Одна из характерных черт, отличающих как древнего, так и нового грека от других европейцев, состоит еще в том, что он редко увлекается сильными страстями, за исключением патриотизма, но и не знает меланхолии, а любит жизнь и хочет наслаждаться ею: он охотно отдаст ее в день битвы, но в этом случае и сама смерть составляет акт, в котором сосредоточивается вся мужественная энергия. Самоубийство неизвестно у современных греков: как бы ни был несчастен человек, он все-таки привязан к своему существованию. Сумасшествие в Греции точно также—явление чрезвычайно редкое.

В настоящее время греческая национальность, несмотря на различие составляющих ее элементов, принадлежит к числу таких, которые в целом представляют наиболее однородный характер. Албанцы, люди пелазгического происхождения, не уступают эллинам в патриотизме и, быть может, именно сулиоты, гидриоты, спецциоты—всего мужественнее сражались за общее дело национальной независимости. Восемьсот семейств куцо-валахских или румынских зинзаров, пасущих свои стада в горах Акарнании и Этолии и известных под именем Кара-Гуни или «Черных Капотов», говорят на двух языках и часто женятся на гречанках, но никогда не отдают своих дочерей замуж за эллинов:—они горды и свободны, но слишком малочисленны и разрознены, чтобы иметь большое значение. Турки, некогда столь многочисленные в некоторых частях Пелопоннеза, в Беотии и на острове Эвбее, должны были бежать все до единого из страны, в которой присутствие их вызывало печальные воспоминания рабства, и единственным свидетельством их пребывания здесь остались только феска, кальян и туфли. Евреи, которые встречаются во множестве во всех городах славянского и мусульманского Востока, не осмеливаются водворяться между греками, которые, впрочем, представляют для них опасных соперников по орудованию деньгами. В сколько-нибудь значительном числе их можно встретить только на Ионических островах, куда они пробрались во времена британского протектората. В этом же архипелаге живут потомки древних венецианских переселенцев и некоторое число эмигрантов из разных частей Италии. Несколько семейств французского и итальянского происхождения составляют еще отдельную группу населения на островах Наксос, Санторин и Сира. Что касается мальтийских носильщиков и садовников в Афинах и Корфу, находящихся почти всегда в положении подчиненных, то они живут отдельно, как иностранцы.

Присоединение в 1881 г. почти всей Фессалии и албанского округа Арта к Греции дало ей несколько десятков тысяч турецких подданных, но не успели еще во вновь присоединенном крае появиться греческие власти, как началась усиленная эмиграция турок. Мусульмане перешли греческую границу и эмигрировали в Македонию. Их место в Фессалии заняли вернувшиеся на родину константинопольские греки, а также переселенцы из Афин.

Однородность населения Греции не позволяет разделить эту страну на этнологические провинции, как Австро-Венгрию и Турцию, но она делится географически на четыре совершенно отдельные естественные области: Греция континентальная, известная, под именем Румелии, названной так в воспоминание Византийской «римской» империи; древний Пело-

поннез, называемый в наше время Мореею,—слово, представляющее, быть может, искажение слова «Ромея», или скорее славянского названия «поморье», применявшагося некогда в Элиде; затем Спорадские и Цикладские острова Эгейского моря и острова Ионические. При описании различных частей Греции нам часто придется употреблять преимущественно древние названия гор, рек и городов, ибо сами нынешние эллины, ревнуя о бывшей славе Греции, стараются понемногу очистить карту своей страны от названий славянского или итальянского происхождения.

Греция в своих политических границах, включая присоединения 1881 года, заключает:

	Поверхность.	Население в 1885 г.	Население на 1 килом.
Новейш. присоединения	13.369 кв. кил.	299.953 чел.	22 чел.
Континент. Греция	19.856 „	452.848 „	23 „
Пелопоннез	22.201 „	743.494 „	33 „
Остр. Эгейского моря	6.634 „	227.156 „	34 „
Ионич. остр.	2.628 „	363.194 „	152 „
Всего	64 688 кв. кил.	2.086.645 чел.	32 „
По данным 1893 г	65.119„	2.319.900 „	35,5 „

II. Континентальная Греция

Горы Пинда, образующие средний хребет южной Турции, продолжаются в Греции и придают ей подобный же орографический характер. По обеим сторонам условной границы те же скалы, та же растительность, одинаковые пейзажи, и население почти всюду одного и того же происхождения. Разделяя Эпир и отдавая Греции Фессалию, европейская дипломатия не заботилась о согласовании своего деления с указаниями природы. По трактату 1881 года восточная граница начинается от южной подошвы Олимпа, охватывает всю нижнюю долину Пенея, затем пересекает его приток Сарандапорос, или «Сорок бродов», линией водораздела, по гребню Хассионских гор до массива Пинда, доминируемого эоценовымп скалами горы Перистери. К западу от Пинда, политическая граница идет по глубокой долине Арты, оканчивающейся заливом того же имени. На востоке, турецкий Олимп отделен от Пинда Титаресскою долиною, но Осса и Пелион принадлежат Греции. Несмотря на свою меньшую высоту сравнительно с Олимпом, «остроконечная» Осса и «длинный» Пелион, известные ныне под именами Киссово и Цагора, производят впечатление величественных гор, благодаря дикости их долин, обрывистости и скалистости выступов. Эта цепь, заканчивающаяся на севере острова Эвбеи полуостровом Магнезией, имеющим форму крючка, была для древней Греции одним из вернейших оплотов. Варварские набеги останавливались пред нею и разбивались, как волны о крепкий утес. Они могли только проникнуть к западу от этой цепи, чрез долину Пенея, справедливо считаемую естественной границей Греции. Отсюда та чрезвычайная важность, которую имела в стратегическом отношении Фарсальская позиция,—она прикрывала, на юге Фессалии, доступ в проходы Отриса и в равнину Сперкиус. По той же причине заботливо охранялся и Петрасский проход, на северной оконечности Олимпа.

Перистери, или «Голубиная гора», этот угловой пограничный столб теперешней Греции, к высочайшим вершинам Пинда не принадлежит, но дает начало множеству рек: на северо-западе с него сбегает Виоза к Адриатическому морю, на северо-востоке спускается Вистрица к Салоникскому заливу, на юго-востоке Саламбрия—верхний приток Пенея, на юго-западе и юге две реки, Арта и Аспро-Потамос текут к Ионическому морю. Параллельно верхней долине «Белой реки» тянется главный хребет Пинда, фланкируемый на востоке, на фессалийском склоне, террасами из красноватого конгломерата, принадлежащими к миоценовому периоду и разрезанными действием вод на башни, пирамиды, призмы. Поселяне Фессалии прозвали эти причудливые образования «чудесами природы».

Одинокая вершина горы Тимфрест или Велухи, подымающаяся в том углу, где Отрис отделяется от главной цепи Пинда, хотя не самая высокая вершина в континентальной Гре-

ции, но составляет, так сказать, центр, из которого расходятся в разные стороны и реки, и горы. К югу и юго-востоку, её отроги, ограждающие собою прекрасную долину Карпенизи, соединяются посредством высокого хребта с самою значительною горною группою новой Греции, группою, увенчанною пирамидами почти всегда снежных вершин Вардуссии и Хионы, склоны которых покрыты еловым лесом, и с величественной Катавотрою, древней Этою, где возвышался костер Геркулеса. Горы Вардуссия и Хиона стоять прямо против живописных и также лесистых и снежных горных групп северной Мореи.

К западу от Велухи и Вардуссии, горы Этолии, хотя и не столь высокие, но обрывистые и непроходимые, представляют настоящий хаос хворостника, диких скал и ущелий, в которые отваживаются пускаться только валахские пастухи. В южной Этолии местность становится доступнее по берегам озер и рек, но там также возвышаются горы, которые посредством извилистых отрогов соединяются с системою Пинда. Горы Акарнанского побережья, против Ионических островов, обрывисты, покрыты деревьями и кустарниками; это—горы того «Черного материка», о котором говорит Улисс. К востоку от Ахелоя тянется другая береговая цепь, хорошо известная морякам,—Зигос,—южные склоны которого, суровые и голые, виднеются над Миссолунги; далее же к востоку, другая цепь выдвинулась в море и вместе с мысами Мореи образует узкое гирло Коринфского залива. У самого входа, между прибрежными горами Этолии, возвышается Варассова, с очень крутыми скатами, которая походит на громадную глыбу или чудовищный камень. Это та самая скала, которую, по местным сказаниям, древние титаны хотели бросить в середину пролива, чтобы она служила порогом между обоими берегами; но камень оказался слишком тяжелым, и они выронили его на том месте, где он находится и поныне.

Горная группа Катавотры продолжается на восток, к Эгейскому морю, параллельно горам острова Эвбеи, в виде прибрежной цепи, или скорее в виде ряда групп, отделяющихся друг от друга глубокими проломами, широкими впадинами и даже речными долинами. Хотя горы эти не высоки и перерезаны многими проходами, но по своим крутым скатам, обрывистым выступам, многочисленным пропастям они весьма трудно доступны, так-что во время войн древней Греции нужно было весьма небольшое число людей для защиты их от целых армий. На одном из концов этой цепи находится Фермопильский проход, а на другом, при подошве Пентеликона, с восточной её стороны,—знаменитое Марафонское поле.

Группы вершин, возвышающихся на северном берегу Коринфского залива, на юге Беотии, или Виотии, составляют также, в своей совокупности, нечто в роде горной цепи, идущей параллельно гряде, которая тянется вдоль Эвбейского пролива, но только красивее и живописнее последней. Нет ни одной из этих вершин, которая не пробуждала бы самых приятных поэтических воспоминаний и не воскрешала бы образы древних богов. На западе прежде всего является «двуглавый Парнас», на котором укрылись Девкалион и Пирра, предки всех греков, и где афиняне, потрясая факелами, плясали по ночам в честь Бахуса. С вершин Парнаса, почти столь же высоких, как и Хиона, возвышающаяся пирамидою на северо-западе, видна вся Греция, со всеми заливами, берегами и горами, от Олимпа в Фессалии до Тайгета на оконечности Пелопоннеза; прямо под ногами у себя зритель видит восхитительную долину Дельф, составлявшую «пуп» земли—место мира и согласия, где греки забывали взаимную вражду. Не менее прекрасна и группа, следующая за Парнасом к востоку. Геликон Муз, как и во времена античной Греции, представляет собою горную группу с живописными и плодородными долинами; в особенности восточные склоны их имеют чрезвычайно привлекательный вид: их рощи, луга, сады, в которых журчат ключи, представляют совершенную противоположность с голыми и иссушенными равнинами Беотии. С Парнаса бежит Кастальский источник, а с Геликона - источник Гипокрены, брызжущий под копытом Пегаса. Длинный горный кряж Киферона, на котором, по эллинской мифологии, родился Бахус, соединяет горы южной Беотии с горами Аттики, представляющими мраморные скалы, которые прославились, благодаря соседству защищаемого ими города. К северу от Афин лежит Парнес, профиль которого отличается правильностью и чистотою, к востоку—Пенте-

ликон, в котором находятся знаменитые ископаемыми костями Пикермийские пещеры; к югу—гора Гимет, славившаяся своими цветами и пчелами; далее Лаврион, замечательный богатством серебряной руды, тянется к юго-востоку и оканчивается мысом Суниум, посвященным Минерве и Нептуну и сохранившим еще на себе двенадцать колонн древнего храма.

На юге Аттики находится другая отдельная группа, занимающая Мегарский перешеек во всю его ширину и служившая валом, защищавшим афинян от нападений пелопоннезских соседей,—это Геранея, ныне Пера-Хора. За нею следует собственно Коринфский перешеек, сжатый Коринфским и Эгинским заливами, представляющий просто порог, шириною менее шести километров между обоими берегами, бесплодные и безводные известковые скалы которого возвышаются над морем лишь на 40-70 метров. Этот перешеек, составляя нейтральное пространство, разделяющее две различные географические области, был как-бы назначен самою природою для собраний, празднеств и торговли. Еще и теперь на перешейке можно заметить остатки поперечной стены, защищавшей пелопоннезцев, а на берегу Коринфского залива были найдены следы канала, начатого по распоряжению Нерона, но затем заброшенного; только в новейшее время предприятие это было доведено до конца, и с 1893 канал открыт для прохода судов. Главные высоты континентальной Греции:

Цигос 1.600 метр. Перистери 2.100 метр. Осса (Киссово) 1.600 метр. Пелион (Цагора) 1.564 метр. Велухи (Тимфрест) 2.119 метр. Хониа 2.495 метр. Вардуссия 2.512 метр. Катавотра (Эта) 2.000 метр. Варассова 2.459 метр. Лиакура (Парнас) 918 метр. Палеовуна (Геликон) 1.749 метров. Элатеа (Киферон) Парнеса 1.376 метр. Пентеликон 1.126 метр. Гимет 1.036 метр. Пера-Хора (Геранея) 1.366 метр.

Известковые горы Греции, как и горы Эпира и Фессалии, богаты котловинами, в которых вода собирается в озера, между тем как вся окружающая их земля, покрытая пропастями, в которых теряются горные потоки, суха и бесплодна. Южная Акарнания, часть которой, вследствие недостатка текучей воды, получила название *Ксеромерос*, т.е. «сухой страны», также усеяна озерными лощинами. Артский залив представляет собою не что иное, как озеро, соединенное с морем посредством узкого пролива, порог которого запирает вход всем судам, имеющим более 4-х метров посадки. Вулканические явления бывают в этом заливе и теперь. Недавно Декигалла констатировал там поднятие подводного холма в 30 метров ширины и 7 метров вышины. К югу от Артского залива находится множество озер,—остатков внутреннего моря, наполненного наносами Ахелоя. Самое значительное озеро этой страны получило от туземцев даже название Пелагос (т.е. «море»), по причине его большего протяжения и сильного прибоя его волн, - это древний *Трихонис* этолийцев. Озеро это считалось бездонным—и действительно оно очень глубоко, и воды его чисты, но оно медленно изливается в другой, не столь обширный, бассейн, который окружен болотами и сам изливается, посредством мутного потока, в Ахелой. Берега озера Трихонис покрыты деревьями и обработанными полями, между тем как вокруг нижнего озера местность безлюдна, вследствие господствующих там лихорадок. Тем не менее, местность эта очень красива. Сейчас же по выходе из узкого ущелья или *клиссуры* Цигосских гор, дорога, на протяжении почти двух километров, идет чрез мост, построенный одним турецким губернатором чрез болота, разделяющие оба озера. Мост этот, на половину уже опустившийся в тину, еще достаточно высок для того, чтобы с него можно было свободно осматривать воды и берега: дубы, платаны, дикия маслины переплетаются над ним своими ветвями: дикий виноград свешивается с этих стройных деревьев, и фестоны его красиво обрамляют картины голубой поверхности вод и обступивших озеро высоких гор.

К югу от Цигоса, между наносными землями Ахелоя и Фидариса (Эноса), находится другое озеро, представляющее на половину болото пресной или солоноватой воды, на половину соленый залив, который со времени древних греков, вследствие небрежности жителей, значительно увеличился насчет обработанных земель. Героический Миссолунги получил свое название, обозначающее «средину болот», именно благодаря своему положению на этой

большой лагуне. Узкая береговая полоса, или «рамма», местами разорванная волнами, отделяет бассейн Миссолунги от Ионического моря. Во время войны за независимость, все входы озера защищались небольшими фортами и свайными перемычками; теперь же они загорожены камышевыми плетнями, которые рыбаки открывают весною, чтобы впустить из моря рыбу, и заделывают летом, чтобы закрыть ей выход. Миссолунги, хотя и лежит среди соленых вод, имеет, однако, благодаря морскому ветру, довольно здоровый климат, между тем как более оживленный торговый городок Этолико (Анатолико), построенный на западе, на самом болоте, и соединенный с твердою землею двумя мостами, имеет воздух тяжелый и наполненный миазмами. Между Этолико и Ахелоем рассеяно множество скалистых холмов, возвышающихся, словно пирамиды среди равнины: очевидно, это древние островки, подобные тем, которые образуют поныне целый архипелаг между берегом материка и островом св. Мавры. Наносы Ахелоя постепенно заполнили отделявшие их друг от друга промежутки и присоединили их к твердой земле. Древний торговый город Эниад находился на одном из этих островов, т.е. занимал «землю, которая еще не была землею». Эта геологическая работа, которую наблюдал уже Геродот, совершается и на наших глазах; мутные воды реки, доставившие ей её нынешнее название Аспрос, т.е. «Белая», непрерывно продолжают расширять своими наносами землю, в ущерб морю.

Ахелой, который древние за силу его течения и многоводье сравнивали с диким быком,—самая значительная река Греции. Вырвать у него один рог, т.е. запрудить реку и отвоевать у ней когда-то затопленные её блуждающими волнами земли,—было одним из великих подвигов Геркулеса. С нею невозможно сравнивать даже соседок—быструю Фидарис, которую перешел центавр Нес, неся Геркулеса и Деяниру, и Морнос (Морнапотамос), берущий начало из снегов Эты, не говоря уже про речки Аттики, текущие по склону Эгейского моря: Ороп, два Цефиза (Кефисса) и Илиссус, русло которого «смачивается только тогда, когда идет дождь».

Главная река Греции, Саламбрия или Пеней, возвращенный от Турции, в отношении многоводности тоже уступает Ахелою. Она берет начало также близ Цигоса, затем, собрав в себя все воды Фессалии, от Олимпа до Отриса, прорывается меж отрогов Олимпа и Оссы, по узкому проходу, названному древними эллинами Темпейской долиной. Этот проход, обязанный своим образованием, без сомнения, медленному, но беспрерывному разрушающему действию горных вод, считался у греков лучшим, прекраснейшим уголком мира. Так велика была слава Темпейской долины, без сомнения, по причине связанных с нею легендарных воспоминаний, что каждые девять лет сюда направлялось посольство из Дельф, с поручением именно здесь, а не где-либо в другом месте, сорвать лавры, предназначавшиеся для украшения будущих победителей на ливийских играх. Долина, действительно, очень живописна: ясные воды Пенея, ветвистая зелень платанов, лавры, олеандры, красноватые откосы скал—все это создает виды столько же прекрасные, сколько и грандиозные. Но, в общем, Темпейская долина слишком тесна и мрачна и вполне заслуживает свое теперешнее наименование: Ликостомская (Волчья Пасть). В той же Фессалии, особенно в долинах Пинда, есть много местностей более красивых, оживленных и веселых.

Подобно равнине Ахелоя, Пенейская долине была некогда покрыта стоячими водами. Озеро Карлаское или Бебейское, совершенно высыхающее в годы без дождя, есть не что иное, как остаток значительного бассейна, в который стекают воды болотистой и посещаемой лихорадками Ларисской равнины. Прибрежные жители Карласа рассказывают, что часто слышат глухой гул, выходящий откуда-то из глубины озера. Гул этот, происходящий, может быть, от внезапного сжатия воздуха в глубоких полостях, суеверие жителей приписывает рычанию какого-то невидимого зверя. Несколько других озерных впадин окружают с запада и северо-запада подошву Олимпа; наконец, различные долины верхних бассейнов Пенея и его притоков покрыты аллювиальными землями. Все эти фессалийские озера были опорожнены, по одним мифам,—Геркулесом, а по другим—Нептуном, посредством спуска вод чрез Темпейское ущелье.

На юге Фессалии залив Воло, отделенный от моря узкой, загибающейся на подобие крючка полосой, тоже походит на внутреннее море: он соответствует заливу Арта, расположенному почти под той же широтой, на западном берегу. Разница между ними та, что вход в Артский залив затруднен порогом, а в залив Воло имеют свободный доступ большие, глубокосидящие суда.

Лишь только Фессалию вернули под власть Греции, как города её почти совершенно утратили турецкую часть своего населения. Из всех греческих областей ни одна не возмущалась так часто, как Фессалия, с целью низвергнуть ненавистное турецкое иго; ни на одну область не отстаивали так горячо греки своих притязаний, как на этот отрывок своей родины, колыбель своей нации. По своим традициям, по своему языку, по общему виду земли и неба, Фессалия, действительно, есть часть Греции и даже лучшая её часть—самая живописная, самая плодородная, самая богатая растительностью. Правда, у берегов Фессалии, как в нижней Македонии, нет той изумительной прозрачности атмосферы, той глубокой синевы неба, которою отличается южная Греция. Постоянные испарения Эгейского моря, подымающиеся к вершинам Олимпа и других гор, являются порой причиною туманной и пасмурной погоды, но эти же испарения придают больше прелести отдаленным пейзажам и, главное, способствуют плодородию почвы, препятствуя летнему зною иссушать ее, как в Аттике и Арголиде.

Греческое население Фессалии довольно сильно смешано с другими элементами, которые она, впрочем, постепенно ассимилировала, так что теперь нет более в стране ни сербов, ни болгар, хотя один из главнейших рукавов Титарезы и носит название Вургариса, т.е. «река болгар». Что касается зинзар или македоно-валахов, столь многочисленных в средние века на обоих склонах Пинда, то они занимают всего несколько деревень, преимущественно в южной группе Олимпа. Хотя они очень гордятся своим римским происхождением, тем не менее они должны мало-по-малу эллинизоваться, под влиянием окружающей среды. Почти все слова их наречия, обозначающие предметы цивилизованной жизни, слова, так сказать, позднейшей формации, имеют греческие корни; их священники и учителя проповедуют и учат по-гречески; сами они все знают греческий язык и, как национальность, они теряются еще вследствие чрезмерной любви к переселениям, ибо даже земледельцы сохранили в своих нравах нечто кочевое: им нравится бродячая жизнь пастухов и странствующих торговцев. До присоединения Фессалии к Греции низменные равнины, окружающие Лариссу, были плотно населены турками, да и самая Ларисса была городом преимущественно мусульманским. Точно также населены были турками и гористые местности, лежащие далее к северу между долиною Индже-Карасу и озерами Островo и Кастория; но эти турки отличались, впрочем, от всех других османлисов империи: это коньяриды. Согласно некоторым писателям, коньяриды, призванные восточными императорами в качестве колонистов, водворились в Македонии и Фессалии с одиннадцатого века. Те из них, которые остались и поныне в Фессалии, управляются сами собою республиканскими общинами и пользуются общим уважением за свою честность, гостеприимство и простоту нравов.

Греки уступают этим турецким земледельцам в нравственных качествах, но значительно превосходят их за то живою сметливостью и подвижностью. В семнадцатом столетии у них проявилось даже нечто в роде эпохи Возрождения, как в Западной Европе, и любовь к искусствам развилась настолько, что в деревнях Олимпа возникла своя школа живописи. Верные своим древним преданиям и историческим инстинктам своей нации, фессалийские греки, как и вообще все греческие племена, находившиеся под турецкой властью, старались устроиться автономными общинами, управляющимися собственными законами, маленькими республиканскими городками,—в роде древних полисов, для полного сходства с которыми им недоставало только политической независимости. В *кефалохориях*, или вольных деревнях, в Турции они избирают своего собственного начальника, организуют школы, выбирают каких им надо учителей, и благодаря крепкой и тесной взаимной связи и денежным взносам, находят средства отклонить пашей от всякого вмешательства в управление их горо-

дами. Подобно тому, как предки их платили дань афинянам или другим грекам, они вносят налоги туркам, но во всем остальном управляются, сами, как свободные граждане. Но совсем не то, по сравнению с этими автономными общинами, представляют *чифлики*, в кото-

Майноты, жители Спарты.

рых собственниками земли являются мусульмане, а греки только их арендаторы. Здесь греки находятся в полной зависимости, и в них нет уже той поражающей энергии, какою отличаются жители Кефалохорий. И это понятно: при свободе земледельца, самая бесплодная

земля, холодный и голый камень становится плодородным, дает обильные жатвы, обогащает население.

Здравый смысл и похвальное честолюбие Фессалийских греков доказываются главным образом их особенною, ни пред какими жертвами не останавливающейся, заботою об образовании молодого поколения. Не говоря уже о богатых селениях, самые бедные горные деревни Пинда содержат на свой счет школы, которые посещаются юношеством до пятнадцатилетнего возраста. Чтобы дать понятие о практическом уме фессалийцев, можно указать на тот замечательный факт, что с прошлого столетии ткачи прелестного города Амбелакии, расположенного среди фруктовых садов и виноградников на высотах, господствующих с юга над Темпейскою долиною, образовали ассоциацию мелких товариществ взаимного участия в общих прибылях. Эта обширная ассоциация, выдавая благоразумно ежегодного дивиденда лишь десять процентов, остаток прибыли употребляла на расширение дел и долго пользовалась значительным благосостоянием; но войны империи разорили ее, закрыв ей германский рынок, куда сбывались почти все её ткани. Частью благодаря также началу ассоциации, двадцать-четыре богатые греческие деревни полуострова Магнезии, к северу от залива Воло, могли доставить благосостояние не только своим ткацким фабрикам, но всем вообще жителям. Это положительно самый зажиточный округ во всей Греции. Немалую роль играло здесь и то обстоятельство, что, благодаря своему счастливому положению вне главных стратегических путей, он всегда оставался в стороне от театра военных действий и счастливо избегал разорительных следствий войн.

Ларисса сохранила за собой ранг столицы Фессалии. Переход её территории к Греции лишил ее половины населения, но эта потеря была быстро вознаграждена большим числом греков, переселившихся сюда с юга и севера и бесконечно довольных тем, что получили возможность вернуться в этот город своих предков. Быстрый рост Лариссы ручается за то, что в ближайшем будущем она станет вторым городом в королевстве: в ней будет вскоре свой университет, как в Афинах, и она уже обладает железно-дорожной линией, которая соединяет ее, с одной стороны, с садами Валестино, а с другой с портом Воло, ставшим за последнее время одною из главных гаваней Эгейского моря:—это древний Иолкос, откуда отправились аргонавты за Золотым Руном. Пути сообщения, прежде очень затруднительные в Фессалии, по причине болот центральной равнины, ныне улучшены, и Фарсал, Кардица, Домокос и Турнавос принимают вид вполне греческих городов. Трикала, главный город западной Фессалии, расположена в верхней долине Саламбрии, близ Пинда, знаменитого своими «феоктистами» (божественными творениями), т.е. уцелевшими обломками источенных водами скал, возвышающимися в виде столбов, башен и призм. Некоторые из них оканчиваются площадками, и монахам, ревностным подражателям Симеона Столпника, пришла идея построить там монастыри. Поселившиеся в них и обреченные никогда не спускаться вниз, калугеры получают съестные припасы и принимают посетителей лишь посредством сети, которая, крутясь, качается на конце веревки, поднимающейся при помощи ворота. В Валаамский монастырь приходится подниматься таким образом по воздуху, качаясь во все стороны и стукаясь о камни, на высоту до 67 метров. Ведут туда, кроме того, и связанные одна с одной лестницы, но этот способ сообщения еще опаснее. Религиозное рвение, увлекавшее монахов жить в этих орлиных гнездах,—ныне мало-по-малу ослабевает, так что из двадцати бывших там монастырей в настоящее время их только семь, из которых более или менее значителен только один—Метеор, насчитывающий в своих стенах до двадцати монахов.

К югу от Отриса, в древней Румелии, Сперкиус, подобно Ахелою и Пенею, много поработал для изменения вида нижней равнины. В ту эпоху, когда Леонид со своими храбрецами защищал Фермопильское ущелье от персов, Ламийский залив гораздо глубже вдавался в землю, но река мало-по-малу отодвинула берег и приняла в себя, в качестве притоков, несколько речек, изливавшихся прямо в море. Перемещая постепенно свою дельту, Сперкиус расширил на несколько километров тесный прежде проход между подошвою Каллидромоса и морем, так что теперь здесь могли бы свободно маневрировать целые армии. Бьющие

из скал теплые серные ключи также способствовали увеличению Фермопильского морского берега отложением каменистого слоя. Впрочем, эта вулканическая местность в течение двух тысяч лет могла быть изменена и землетрясениями. В соседнем море и теперь еще матросы показывают скалу Лихас, представляющую небольшой кратер из шлаков, в котором древние видели товарища Геркулеса, сброшенного разгневанным полубогом с высоты Эты. Насупротив этого места, на берегу острова Эвбеи, теплые источники бьют в таком изобилии, что образовали по склонам громадное количество осадков, которые издали кажутся ледником. Основанное в Фермопилах терапевтическое заведение утилизирует серные воды и дает повод иностранцам посещать столь богатые историческими воспоминаниями местности. Пьедестал, на котором стоял мраморный лев, воздвигнутый в честь Леонида, существовал еще до 1856 года, когда его срыли для постройки мельницы.

Бассейн Цефиза (Кефисса), который представляет как-бы борозду между цепями Эты и Парнаса, также весьма замечателен с гидрологической точки зрения. Река течет сперва по дну существовавшего некогда озера; затем, по выходе из ущелья, образуемого отрогами Парнаса, огибает скалу, на которой стоял древний город Орхомен, и вступает в обширную равнину, на которой болота и резервуары глубоких вод окружены возделанными полями и камышем. Множество ручьев, из коих один, Ливадия, получает обильную воду из знаменитых источников «Памяти» и «Забвения»—Мнемозины и Леты—стекают в этот болотистый бассейн с Геликона и соседних гор. Летом большая часть этой равнины высыхает, и её поля дают богатые урожаи маиса, стебли которого сладки, как сахарный тростник: но, после сильных дождей, осенью и зимою, уровень воды поднимается на 6, даже на $7^1/_2$ метров, так что вся низкая равнина затопляется водою и становится озером, поверхность которого равняется 230 кв. километрам; миф же об Огигесовом потопе заставляет думать, что вода заливала иногда и все обитаемые долины, открывающиеся в этот бассейн. Кефиссом называлась у древних только западная часть бассейна; более же глубокия места его на востоке носили название Копаиса, а теперь озеро называется по имени города Тополиаса, расположенного на одном из мысов его северного берега.

Понятна необходимость урегулировать движение воды и предотвратить внезапные разливы озера по обработанным землям его берегов;—поэтому еще древние греки предпринимали в этом отношении некоторые попытки. К востоку от большего Копаисского озера есть другое озеро, лежащее на 40 метров ниже последнего и окруженное со всех сторон неудобными для обработки скалистыми крутизнами,—это *Гилиса* виотийцев,—резервуар, назначенный, повидимому, самою природою принимать в себя избыток вод Копаиса; и теперь еще заметны на равнине следы канала, который должен был отводить излишнюю воду в огромную впадину Гилиса, но незаметно, чтобы эта работа была в древности доведена до конца. Ее выполнили только недавно посредством прорытия тоннеля в 760 метров длины. Нужно было бы также очистить различные воронки, или *катавотры*, в которые изливается вода озера Копаиса и выносится в море посредством подземных каналов. Первый подземный резервуар, на северо-западе, против Орхоменской скалы, из которой вытекает Мела, принимает в себя эту последнюю реку и несет ее в Аталантский залив; другие скрытые проводники, на востоке, направляются к озерам Гилису и Паралимни, но главные пропасти находятся на северо-востоке, в заливе Коккино. В этом углу озера, представляющем собственно Копаис древних, река Цефиз, прорезывающая болотистую равнину во всю её ширину, ударяется о подошву горы Скропонери и разделяется на подземные рукава.

В расстоянии около километра к северу два другие рукава реки уходят в скалу, а затем вскоре соединяются вместе и текут к северу, под излучистою долиною, которая в древности служила ложем для вод, текущих теперь под землею. Греческие инженеры вырывали здесь некогда колодцы, чрез которые спускались к уровню воды для очистки ложа, в случае его засорения. От начала *катавотр* до того места, где вода снова появляется наружу насчитывают шестнадцать таких колодцев, из которых некоторые имеют до 10 или даже до 30 метров глубины, но большая часть их завалена мелким камнем и осыпавшеюся землею. Сооружения

эти, разрушившиеся тысячи лет тому назад и безуспешно исправлявшиеся в эпоху Александра инженером Кратесом, относятся, вероятно, еще к почти мифическим временам миниян Орхоменских. Осушение болот вокруг Копаиса и регуляризация подземных рек доставили этому древнему народу те громадные богатства, о которых свидетельствует Гомер. Таким образом греки гомеровых времен умели возводить такия искусственные сооружения, пред осуществлением которых долго останавливалась новейшая индустрия.

Вся западная часть Румелии, занятая горами Акарнании, Этолии и Фокиды, по самой природе своей, должна была иметь весьма ограниченное значение в сравнении с восточными провинциями. Еще во времена древних греков страны эти считались почти варварскими, и, действительно, этолийцы и в наше время—самые невежественные из греков. Торговое движение существует лишь в городе Агринион, или Врахори, среди табачных плантаций бассейна р. Аспро-Потамос, да в нескольких привилегированных местностях на берегу моря, как напр. в Миссолунги, Этолике, Салоне, Галаксиди. Последний из этих городов, расположенный на берегу бухты, в которую изливается Плейстос,—дельфийский ручей, посвященный некогда Нептуну, хотя почти всегда безводный,—до войны за независимость был верфью и самым оживленным торговым местом в Коринфском заливе, которому даже дал свое имя. Что касается Навпакта, названного итальянцами Лепантом, имя которого также служило для обозначения Коринфского залива, то он ныне уже не имеет стратегического значения, несмотря на свое положение при входе в пролив. Много морских сражений происходило из за попытки форсировать проход через этот морской дефилей, который защищают теперь два форта: Риум—со стороны Мореи и Анти-Риум—со стороны Румелии. В этом канале, составляющем вход в Коринфский залив, замечается любопытное физико-географическое явление. Порог, имеющий в самом глубоком месте не более 66-ти метров глубины, постоянно изменяется в своей ширине, вследствие противоположных действий земляных наносов и морских течений: что приносится одною силою, то уносится другою. В эпоху Пелопоннезской войны пролив имел семь стадий, т.е. около 1.255 метров ширины; во времена Страбона он съузился до пяти стадий, а в настоящее время ширина его удвоилась, так что от выступа одного берега до выступа другого теперь около 2 километров. Во входе в залив Арто, между турецким Эпиром и греческою Акарнаниею, не замечается уже подобных явлений, и ширина его остается такою же, как ее определяли все писатели, т.е. немного менее одного километра. Арта, главный город Эпира, присоединенная теперь к Греческому королевству, расположена не на самом берегу залива, но в долине реки того же имени (Аркта).

Долины и озерные бассейны восточной Греции, и в особенности её существенно полуостровное положение между Коринфским заливом, Эгинским морем и длинным Эвбейским каналом, должны были создать из этой области самую оживленную часть Эллады; это страна по преимуществу историческая, где возникли города Фивы, Афины, Мегара. Между двумя важнейшими частями этой области, Беотиею или Виотиею и Аттикою, существует большая противоположность. Первая из них представляет закрытую котловину, в которой обильные воды скопляются в озера и носятся в виде густых туманов, а жирная наносная почва питает богатую растительность. Аттика же, напротив, бесплодна, террасы её гор покрыты весьма тонким слоем растительной земли; долины её совершенно открыты к морю, горы с их вершинами ясно рисуются на её чистом небе, а подошвы их омывают голубые воды Эгейского моря; весь полуостров далеко вдается в море и продолжается в нем цепью Цикладов. Если бы греки, избегая опасностей моря, продолжали заниматься, как в первобытные времена, преимущественно обработкою своих полей, то Беотия, без сомнения, сохранила бы то преобладание, которым она пользовалась во времена миниян, жителей богатого Орхомена; но успехи мореплавания и непреодолимое стремление эллинов к торговле должны были мало-по-малу доставить главную роль населению Аттики. Город Афины, построенный на самой открытой равнине полуострова, занимал именно то положение, которое было, так сказать, заранее предназначено для великой исторической роли.

В свое время сильно порицали выбор места, сделанный правительством Оттона, первого короля новой Греции, или, вернее сказать, его отцом Лудвигом Баварским, для столицы Эллинского королевства, у подножия Акрополя, там, где находилась турецкая деревушка Сеттинье. Конечно, времена переменились, и движения наций переместили мало-по-малу центры торговли. Выбор Коринфа, господствующего разом над двумя морями и стоящего в точке соединения континентальной Греции с Пелопоннезом, был бы удачнее; отсюда были бы гораздо удобнее сношения, с одной стороны, с Константинополем и всеми греческими берегами Востока, оставшимися под властью турок, с другой—с Западным миром, откуда теперь притекает в Грецию цивилизация, которую некогда распространяла она сама. Если бы Эллада, вместо того чтобы сделаться маленьким централизованным королевством, образовала из себя федеративную республику, что согласовалось бы с духом народа и его преданиями, то нет никакого сомнения, что другие города Греции, расположенные выгоднее Афин для поддержания быстрых сношений с европейскими странами, легко превзошли бы их по населению и торговому богатству. Тем не менее, разрастаясь постоянно на своей равнине и соединяясь с Пиреем посредством железной дороги, Афины снова приобрели весьма важное естественное значение, сделались снова морским городом, как в дни своего античного величия, когда они, благодаря своей тройной стене, своим «ногам», упиравшимся в море, составляли один организм с своими двумя портами: Пиреем и Фалерою.

Уже в настоящее время Пирей занял видное место, но вскоре он сделается одним из жизненных пунктов Европы, благодаря тому, что в нем сходятся железнодорожные и морские пути[1]. Два южные порта—Цеа и Мунихиа—слишком мелки для того, чтобы принимать значительные суда, но западный порт отлично защищен и достаточно глубок для самых больших судов. Близ набережной находится центральная станция греческих железных дорог, которая рано или поздно протянет свою ветвь к портам Эпира, против Бриндизи, и сделается конечной станцией транс-европейского железнодорожного пути к Африке и Азии.

Афины, ограниченные с восточной стороны амфитеатром холмов, выдвигают свои новые кварталы в верхния долины Илисса, к откосам горы Гимета; но главным образом они расширяются на запад и на северо-запад, по направлению к масличной равнине, орошаемой Цефизом, и к плоскому холму Колона, напоминающему несчастия Эдипа и мщение Эвменид; там находятся могилы Готфрида Мюллера и Шарля Ленормана. В Афинах есть и широкия улицы, и изящные мраморные здания—университет, например, но какая разница между памятниками нового города и развалинами античного! Храм Парфенона, хотя разбитый бомбами венецианца Морозини и лишенный своих лучших скульптурных украшений, по своей чистой и простой красоте, так прекрасно гармонирующий с окружающей его скромною природою, остается все-таки первым между образцовыми произведениями зодчества. Рядом с этими величественными руинами,на Акропольском плато, на котором мореходцы, входившие в Эгинский залив, еще издалека видели золотое копье Афины-Паллады, находятся другие памятники, хотя не столь прекрасные, но относящиеся к тому же великому периоду искусства, именно Эрехтейон и Пропилеи. За городом, на выступе горы, стоит храм Тезея,—здание, сохранившееся лучше всех других остатков греческой древности; далее, недалеко от Илиссуса, группа колонн напоминает о великолепии храма Юпитера Олимпийского, на постройку которого афиняне потратили семьсот лет и который для потомков их послужил простою каменоломнею. Во многих других пунктах местоположения древнего города сохранились еще замечательные остатки древности, видеть которые тем интереснее, что с ними связываются воспоминания о великих людях: на этой горе был ареопаг, в котором судили Сократа; с этой каменной трибуны говорил Демосфен; в этом саду учил Платон!

Не меньший исторический интерес представляет и остальная Аттика, как например де-

1 Движение судоходства в Пирейском порте в 1894 г.: по заграничной торговле: вошло 1.191 судно, вмест. 1 449 560 тонн; вышло 1 292 судна, вмест 1 450.932 тон. Кроме того, было в приходе и отходе 6-360 (в том числе 1.584 парохода) греческих судов, вместим. 874-000 тонн.

Ввоз в 1893 г. простирался до 45 миллионов франк.

ревня Элевзис, прославившаяся таинствами Цереры, город Мегара с его двойным акрополем, поля Марафона, берега острова Саламина. Точно также и за пределами Аттики воспоминания прошлого влекут путешественников к Платее, Левктрам, Фивам Эдипа, Орхомену, Херонее, колоссальный лев которой, напоминающий последние усилия свободной Греции, лежит на земле, разбитый руками невежественных патриотов. После Афин, Пирея и Фив, между находящимися на материке городами восточной Греции, имеют еще в наше время некоторое значение Ламия, расположенная среди низменностей Сперкиуса, и беотийская Ливадия, некогда прославившаяся пещерою Трофония, которую археологи не могут еще указать с достоверностью. Принадлежащий к Аттике остров Эгина точно также пришел в упадок, как и соседняя с ним великая земля; в древности на нем теснилось около двухсот тысяч жителей, в 30 раз больше, чем ныне; после прохода Барбаруссы, он долго оставался в запустении. По крайней мере, остров этот сохранил живописные развалины своего храма Минервы и удивительный вид, представляемый полукругом гористых берегов Арголиды и Аттики. Эгиноты—самые искусные ловцы губок на всем Средиземном море.

III. Морея или Пелопоннез

Пелопоннез, в географическом отношении, вполне заслуживает данное ему древними название острова, ибо это особый мир, совершенно отделенный от гористого полуострова Греции низким Коринфским перешейком,—мир очень маленький, если судить по занимаемому им на карте месту, очень большой по той роли, которую он играл в истории человечества.

Вступая в Морею через Коринфский перешеек, вы прежде всего видите Онеинские горы, которые, возвышаясь, как вал, защищали вход на полуостров, и на одном из выступов которых была расположена крепость Акрокоринф, главный стратегический пункт Пелопоннеза (второй—Итомея). Горы эти, за которыми жители Пелопоннеза жили в безопасности от всякого нападения, не представляют отдельной горной группы, а соединяются с общею системою гор всего острова. Прямо на запад от Коринфа, километров на пятьдесят во внутренность Мореи, возвышается главная группа гор, или «узел», из которого расходятся все горные цепи к оконечностям полуострова. Тут высятся Киллен древних греков, или Цирия, с темными от хвойного леса склонами, и Хельмос, или группа Ароанийских гор, из снегов которых льется к северу в мрачную долину, в виде каскада, или скорее в виде длинной туманной завесы, «река» Стикс, с холодной водою, страшная когда-то для клятвопреступников, которая исчезает затем в извилинах ущелья, превратившихся в мифологии в девять кругов ада. На западе Хельмос соединяется, посредством ряда лесистых вершин, с группою Олонос,—древнею Эриманто́ю, прославленной охотами Геркулеса. Все эти горы, от Коринфа до Патраса, образуют как бы стену, параллельную южному берегу залива, к которому постепенно спускаются их отроги, заключающие между своими склонами весьма наклонные боковые долины. На склоне одной из этих долин, Бурайкос, открывается огромный грот Мега-Спилеон, который служит помещением для монастыря, и при входе к который лепятся на скалах чрезвычайно странные постройки, в роде павильонов всевозможных форм и цветов, имеющие вид ячеек огромного «осиного гнезда».

Ограничиваемое на севере величественными горами побережной цепи, центральное плоскогорье Пелопоннеза с западной стороны ограничено другой цепью, начинающейся также от Киллена; это—массив Гауриас, известный на юге больше под именем Малево, или Артемизия, а затем под именем Парфениона. Прерываемая широкими проломами, цепь эта снова поднимается к востоку от Спарты и образует гряду Гагиос-Петрос или Парнон, а затем, понижаясь мало-по-малу, оканчивается против Черигo длинным выступом мыса Мале или Малиа. Сюда, рассказывает легенда, укрылись последние центавры, т.е. варварские предки нынешних цаконов. Для эллинских моряков не было ничего страшнее мыса Мале, вследствие резких порывов ветра: «Обогнув мыс, забудь имя твоей родины», говорила древняя пословица. Здесь открыли железные рудники, разрабатывавшиеся древними, и ко-

торые, говорят, еще очень богаты.

Горы, возвышающиеся на западе Мореи, не имеют уже той правильности в ориентировании, какую представляет восточная цепь полуострова. Изрытые в различных направлениях вытекающими из них реками, они разветвляются, к югу от Ароаньенских гор и Эриманты, на множество небольших цепей, которые местами соединяются в узлы и придают этой части плоскогорья весьма разнообразный вид. В долинах всюду открываются неожиданные пейзажи, которым часто придают удивительную прелесть какая-нибудь простая группа деревьев, ручей, стадо овец, пастух, сидящий на развалинах;—это и есть та прекрасная Аркадия, которую воспевали древние поэты. Она все еще прекрасна, хотя частию уже лишена своего леса и стала слишком сурова; но западные склоны плоскогорья, обращенные к Ионическому морю, отличаются еще большею прелестью, потому что там к голубым волнам, отдаленным островам и чистому небу присоединяются еще богатые леса с обильными водами—элемент красоты, которого почти нет на всех других берегах Греции.

К югу от Аркадского плато, доминируемого на западе вершинами Меналя, есть несколько довольно высоких групп, служащих точкою разветвления для различных отдельных цепей. Одна из этих групп, Котилион, или Палеокастро, дает начало Мессенским горам, между которыми возвышается знаменитая Итомея, и горам Эгалеи, которые продолжаются в виде полуострова с западной стороны Коронского залива и затем вновь появляются в море, в виде скалистых островков Сапиенцы, Кабреры и Венетико. Другой массив, Ликея или Диафорти, Олимп Аркадии, который пелазги считали своею колыбелью, возвышается почти в центре Пелопоннеза и тянется к западу от Лаконии в виде длинного кряжа гор, который образует самую характерную и самую высокую цепь Мореи. Главная вершина его—знаменитый Тайгет, называемый также Пентедактилос («пятипалый»), вследствие венчающих его пяти больших вершин, и св. Илии, названного так, вероятно, в воспоминание Гелиоса, Солнца или Аполлона дорийского. Леса каштанов и ореховых дерев, к которым примешиваются кипарисы и дубы, покрывают большую часть нижних склонов горы; голая же вершина бывает покрыта снегом три четверти года: белеющий Тайгет еще издалека указывает морякам землю Греции. Подъезжая к берегу, они видят подымающиеся из синевы вод передния горы и пригорки «Дурной Горы», или Какавуни, затем выступ Тенар, с двумя его мысами—Матапаном и Грассо, представляющий громадную глыбу белого мрамора, высотою до двухсот метров, на которую садятся миллионы усталых, перелетевших из Египта и Барки и совершивших путь над морем перепелок. В гротах же его основания вода бьется с глухим рокотом, который древние принимали за лай Цербера. Матапан, как и мыс Мале, страшен морякам, как большой «истребитель людей».

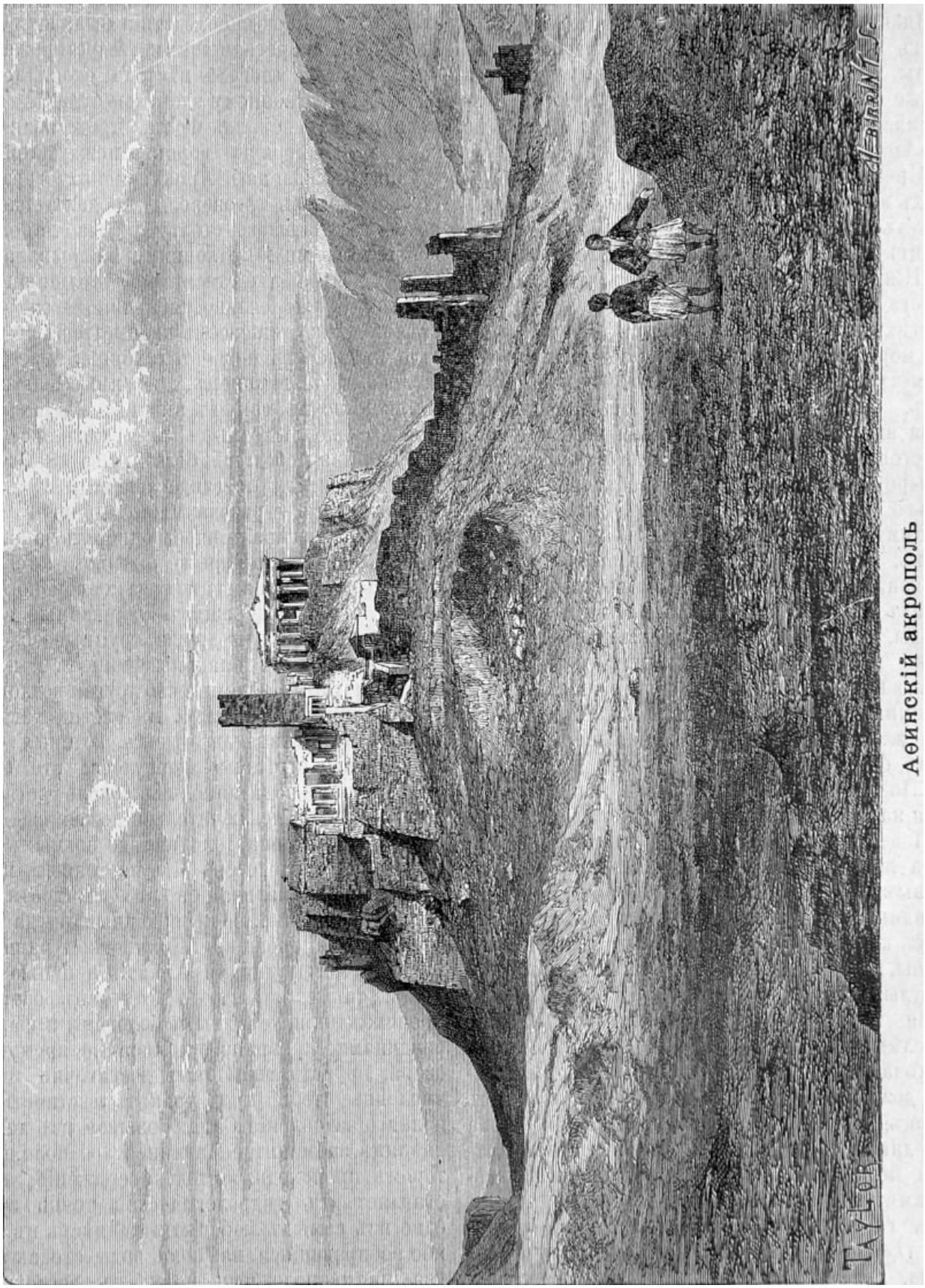
Таким образом, три южные оконечности Пелопоннеза заняты горами и высокими скалистыми уступами. На востоке, на всем протяжении полуострова Арголиды, также возвышаются ряды высот, соединяющихся с Килленом: массив Гауриас и горы Аркадии. Следовательно, вся Морея сплошь состоит из плоскогорий и гор.

Главные высоты Пелопоннеза:

Средняя высота полуострова 600 метров; Киллен (Цирия) 2.402 метр.: Ароаньенские горы (Хельмос) 2.361 метр.; Эриманта (Олонос) 2.118 метров; Артемизион (Малево) 1.672 метров; Парнон (Гагиос Петрос) 1.937 метр.; Ликея (Диафорти) 1.420 метров; Итомея (778?) 802 метр.; Тайгет 2.408 метр.; Арахнейон (Арголида) 1.199 метров.

За исключением равнин Элиды, состоящих из наносов, принесенных потоками Аркадии, и внутренних озерных бассейнов, которые постепенно засоряются, полуостров всюду представляет местность гористую. Скалы, составляющие главные горные группы: Киллен, Тайгета, Гагиос Петрос, как и горы континентальной Греции и на Цикладах, состоят из кристаллических сланцев и метаморфических мраморов. Рядом с этими формациями местами залегают слои юрской эпохи и мощные известковые пласты мелового периода. В прибрежной полосе, в Арголиде и на склонах Тайгета, сквозь верхние пласты кое-где пробились наружу серпентин и порфир. Наконец, на северо-восточном берегу Арголиды, именно на маленьком

полуострове Метане, есть вулканы и, между прочим, вулкан Кайменипетра, в котором Фуке узнал ту огнедышащую пасть, о которой говорит Страбон, и которая в последний раз выбрасывала лаву двадцать один век тому назад. Без сомнения, эти вулканы представляют собою



отдушины подводного горна, простирающагося на юге Эгейского моря, чрез острова Милос, Санторин и Низирос. Грот Сузаки, из которого истекает настоящий газовый поток угольной кислоты, многочисленные теплые источники, а также сольфатары, свидетельствуют, что вул-

каническая деятельность в Арголиде еще не совсем прекратилась.

Многочисленность серных ключей, бьющих на западном берегу Пелопоннеза, быть может, указывает на то, что и там происходит некоторое внутреннее давление на почву. Некоторые геологи полагают, что западные берега Греции незаметно поднимаются; во многих местах, особенно в Коринфе, древние морские гроты и пляжи теперь на несколько метров выше уровня воды. Таким образом, быстрое распространение в области моря наносных земель Ахелоя и наростание берегов Элиды, присоединившее к материку четыре скалистые острова, объясняются не только речными наносами, но, быть может, и этим поднятием почвы. В других местах, главным образом в заливе Марафонизи, или Лаконском, и на восточных берегах Греции замечаются явления понижения почвы, о котором свидетельствует превращение полуострова Элафонизи в остров; но и там наносы рек далеко оттеснили воды Средиземного моря. Город Каламата, при заливе того же имени, теперь вдвое дальше от моря, чем был во времена Страбона. Точно также Лаконский залив оставил далеко позади себя на суше следы древнего Гелосского порта.

Известковые скалы внутреннего Пелопоннеза не менее богаты катавотрами и подземными водовместилищами, чем Беотия и западные области всего полуострова. Одни из этих катавотр—простые решета каменистой почвы, которые трудно распознать под травою и булыжником; другие же представляют широкия ворота, пещеры, в которых можно проследить подземное течение ручья. Зимою, у входа их, часто сидят стаями хищные птицы, дожидаясь добычи, которую принесет им поток; летом же в этих пещерах снова поселяются лисицы и шакалы, выгнанные оттуда половодьем. Вода, поглощенная расселинами плоскогорья, появляется с другой стороны гор в виде источников, или *кефаларий* (kephalovrysis); она всегда бывает очищена, имеет температуру почвы и бьет или из трещин скал, или из наносной земли равнин, или, наконец, среди вод морских. Но подземная география Греции не настолько известна, чтобы можно было всегда определить, какой из верхних катавотр в горном кряже соответствует та или другая кефалария у подножия горы.

Древние очень заботились об очистке этих естественных воронок, чтобы облегчать выход воде и тем предупреждать образование нездоровых болот. Во времена же варварства, в которое впоследствии была низведена Греция, пренебрегали этими предосторожностями, и вода во многих местах скопилась, во вред общественному здоровью страны. Так, равнина Фенеос, или Фониа, представляющая как бы широкую воронку между горными группами Киллена и Ароавьенских гор, часто обращалась в озеро, и не далее как в половине прошлого столетия вода наполняла всю эту огромную котловину и покрывала поля слоем воды более ста метров толщиною. В 1828 году, уже сильно уменьшившееся, озеро имело, однако, еще семь километров ширины и до пятидесяти метров глубины; через несколько лет, наконец, подземные шлюзы открылись, но в самых низких местах разнины, около выходных расселин, все-таки остались два небольшие болота, а в 1850 г. озеро снова достигло шестидесяти метров глубины. Геркулес,—разсказывает древняя легенда,—прорыл канал, чтобы очистить равнину и открыть воронки; теперь же довольствуются просто тем, что помещают во входах воронок решетки, чтобы задерживать увлекаемые водою стволы деревьев и другие крупные обломки.

К востоку от впадины Фенеос и южной подошвы горы Киллен есть другая котловина, знаменитая в греческой мифологии, как место обитания птиц-людоедов, которые были истреблены стрелами Геркулеса: это Стимфала. Зимою вода наполняла около трети котловины, но в исключительно дождливые годы случалось, что она доходила до полных размеров древнего озера. В настоящее время правильной канализацией эта местность осушена совершенно, и проведенные оттуда воды служат для орошения Коринфской равнины. К югу, между горами Аркадии и цепью Гауриас, также есть много котловин озерного происхождения, усеянных болотами и сырыми впадинами, превращающимися во временные озера; но катавотры там достаточно многочисленны, чтобы предохранять местность от полного затопления. Самая большая из таких равнин, знаменитое Мантинейское поле, на котором происходило столько сражений, представляет с гидрологической точки зрения одно из самых лю-

бопытных мест в мире, ибо собирающиеся на нем воды стекают в два противоположные моря; к востоку—в Навплийский залив, к западу—в Алфей и в Ионическое море; может быть также, как думали древние греки, у него есть несколько подземных ручьев, которые направляются на юг к Эвротасу и Лаконскому заливу.

Исчезновение дождевой и снежной воды в подземных жилах обрекло на бесплодие многие местности Пелопоннеза. Ручьи дождевой воды, текущие по поверхности почвы, быстро исчезают под камнями, между группами олеандр. Между тем где-нибудь в глубине течет постоянный ручей, скрытый от взоров, и там, где он наконец явится на поверхность земли, воспользоваться им почти всегда бывает поздно, потому что он выходит на свет Божий уже где нибудь на берегу. Так, равнина Аргос, окаймленная полукругом величественных гор, с обильно орошаемыми склонами, еще беднее влагою, чем Мегара и Аттика, ибо её всегда сухая почва пропускает воду, как решето: отсюда и произошла древняя басня о бездонной бочке Данаид. Но к югу от этой равнины, там, где горы, приблизившись к морю, оставляют для полей лишь узкую полосу, из скал струится сильный поток, Эразинос или «Любезный», названный так за красоту своих вод, восхищавшую аргосцев. На южном конце равнины, в Лернейском ущелье, множество других источников, происходящих, как полагают, подобно Эразиносу, из бассейна Стимфалы, бьют из подножия горы на краю пропасти, называемой «неизмеримою», в которой плавает масса черепах, и разливаются в виде болот, кишащих ядовитыми змеями: это—кефаларии, «головы» Лернейской гидры, захваченные руками укротителя чудовищ, Геркулеса, или вернее «каптированныя», как сказали бы наши инженеры. Наконец, далее к югу, есть еще один сильный ключ, который не нашел себе необходимого выхода в твердой земле и пробился сквозь дно морское, более чем в трехстах метрах от берега. Этот ключ, древний Доине, или Анавуло, как называли его греческие мореходцы, есть не что иное, как один из ручьев, поглощенный Мантинейскими катавотрами; когда залив спокоен, то струя, выбрасываемая Доине, поднимается так высоко, что производит клокотанье моря на пространстве пятнадцати метров шириною.

Подобные же явления происходят в двух южных долинах полуострова, а именно—в долинах Спарты и Мессении. Так, река Ири или Эвротас, по выходе из длинного ущелья, прорытого в мраморных скалах водами Спартанского озера во время какого-нибудь древнего наводнения, впадает в Лаконский залив, но в ней редко бывает достаточно воды, чтобы смыть бар, заграждающий вход в залив, и река чаще всего теряется в песках побережья. Напротив, Базили Потамо, или Царская река, выходящая из подошвы одной скалы, недалеко к западу от Эвротаса и имеющая всей длины не более десяти километров, во всякое время года несет значительную массу воды, и устье её всегда широко раскрыто. Что касается Мессенской реки, древнего Памизос, называемого ныне Пирнацою, то она представляет единственную в Греции реку, образующую порт, и по которой могут подыматься километров на десять вверх небольшие суда; этим преимуществом она обязана могучим источникам Гагиос Флорос, вытекающим из гор восточного берега. Эти ключи, образующие при своем выходе из земли довольно обширное болото, и составляют собственно реку; орошаемая и оплодотворемая ими земля была прозвана древними за её плодородие «Благодатною».

Западные области Пелопонеза, получающие сравнительно, наибольшую долю дождей, заключают и наиболее значительный речной бассейн, а именно—бассейн Алфея, называемого ныне Руфия, по имени его самого обильного притока, древнего Ладона. Этот последний поток, который, по своему объему, может считаться настоящею рекою, был прославляем греками наравне с Фессалийским Пенеем, за прозрачность воды и прелестные виды берегов. Он питается частью снегами Эриманты, но, как большая часть рек Мореи, имеет и подземные притоки, происходящие из воронкообразных пропастей центрального плоскогорья; он принимает в себя, между прочим, воды озера Фенеоса. Собственно Алфей получает дань из подземных источников, открывающихся на берегах древних озер Орхомена, Аркадии и Мантинеи; пробежав котловину Мегалеполис, бывшую в доисторическую эпоху также озером, и целый ряд живописных ущелий, он вступает в свою низменную долину и затем впадает в

море, окаймленный прибрежными болотами; речные наносы простираются в море на 3-4 километра от берега и этим уменьшают на половину ширину залива, ограниченного с запада длинным скалистым полуостровом мыса Ихтис; берега озера Агуленица указывают на место нахождения древнего морского побережья. По одному поэтическому преданию, которое вспоминает древние торговые и дружественные отношения между Элидою и Сиракузами, Алфей погружался в море и снова появлялся в Сицилии у своей возлюбленной у источника Аретузы. При таком множестве подземных источников в Пелопоннезе, это подводное путешествие Алфея едвали было чудом в глазах древнего грека.

Как Алфей, так и все другие реки Элиды, при выходе своем из гор часто меняли русло и покрывали прибрежные равнины своими наносами. Геологические исследования, сделанные во время раскопок развалин Олимпии, показали, что исчезновение остатков храмов и статуй обусловлено не наносами Алфея, а обвалами соседней горы; осыпавшиеся обломки скал и массы растительных остатков мало-по-малу скрыли под собою памятники Олимпии и сохранили эти драгоценные сокровища для современных исследователей древности. Со времени раскопок, предпринятых на средства Германии в 1875 г., восстановлен план древнего города, с его площадями, колоннадами и храмами, и, среди тысячи различных произведений скульптуры, найдены великолепная статуя богини Победы—произведение Пеониоса, и статуя Гермеса—произведение Праксителя. Все единичные экземпляры хранятся в Олимпийском музее, дублеты же принадлежат берлинскому музею.

Из рек Элиды всего более перемен течения испытал Пеней, называемый ныне Гастуни. Прежде он изливался к северу от гористого мыса Хелонатас, на котором находится самая красивая франкская руина Греции—замок Хломуци, называемый также Кляренца, Клермон и Кастель-Торнезе; теперь же река эта круто поворачивает к югу и изливается в море по крайней мере в двадцати километрах от своего прежнего устья. Может быть, перемене русла способствовали ирригационные работы, но и природа, с своей стороны, сделала, конечно, много для постепенного изменения вида этой части Греции. Острова, находившиеся далеко от первоначального берега, приблизились к земле; многие бухты постепенно отделились от моря естественными песчаными плотинами и обратились в пруды пресной воды, принесенной изливающимися в них ручьями. Одна из таких лагун, в расстоянии нескольких миль к югу от устья Алфея, окаймлена со стороны моря прекрасным сосновым лесом. Этот величественный лес, в котором древние трифилийцы поклонялись «Спокойной Смерти», окрестные холмы, усеянные группами дерев, и, на склонах горы Ликеи, долина, в которую льется водопад Неда, «первородная из источников Аркадии и кормилица Зевса», доставляют величайшее наслаждение любителю природы, путешествующему в этой части Мореи.

Пелопоннез, как и континентальная Греция, представляет один из самых замечательных примеров того, какое влияние форма страны имеет на историческое развитие населения. Соединяясь с Элладою узкою полосою и защищенный при входе двойным поперечным валом гор, «остров Пелопса», в те времена, когда местные препятствия еще могли удерживать армии, естественно должен был сделаться родиною независимого народа; перешеек был свободным путем для торговли, но запирался при вторжении неприятеля.

Распределение и роль различных народов внутри полуострова также, большею частию, объясняются рельефом страны. Все центральное плоскогорье, представляющее совокупность закрытых бассейнов, которые не имели никакого видимого выхода к морю, должно было принадлежать именно таким племенам, как аркадцы, которые не вступали в сношения ни с соседями, ни друг с другом. Коринф, Сикион и Ахайя занимали весь северный склон Аркадских гор по берегу залива, но населения отдельных долин, будучи разделены друг от друга высокими поперечными горными отрогами, оставались изолированными, и когда между ними, наконец, установилось достаточно связи, чтобы соединиться в один союз против чужеземцев, было уже слишком поздно. На западе, Элида, со своими широкими устьями долин, нездоровым приморским поясом, не имея гаваней, могла играть в истории полуострова лишь самую второстепенную роль. Её жители, неспособные защищать свою, открытую для

всяких вторжений, страну, были бы заранее обречены на рабство, если бы не успели поставить себя под покровительство всех греков и сделать свою Олимпийскую равнину местом, где собирались все эллины Европы и Азии, материка и островов, и в продолжение нескольких дней празднеств забывали свое соперничество и взаимную ненависть. На другой стороне Пелопоннеза, Аргосская котловина и гористый полуостров Арголиды представляли, напротив, совершенно ограниченную и удобозащищаемую естественную область; поэтому-то аргосцы и могли сохранить свою автономию в течение многих веков, и уже в гомерическую эпоху пользовались гегемониею над всеми греческими народами. Их сменили спартанцы. Географическая область, в которой они поселились, имела двойное преимущество: она была совершенно защищена от всякого нападения и изобиловала плодородными землями. Укрепившись прочно в прекрасной долине Эвротаса, они легко могли овладеть прибрежьем и несчастным Гелосом; затем с высоты скал Тайгета они стали кидать завистливые взоры на хлебородную равнину, расстилающуюся на западе. Но эта часть Греции, «благодатная» Мессения, составляла также естественную, совершенно отдельную котловину, защищенную высокими горными валами, и потому мессенцы, братья спартанцев по крови и равные им по мужеству, противились им в течение целых веков. Итомея, с своими крутыми склонами (802 метра), была их главной крепостью; Филипп Македонский, чтобы покорить Пелопоннез, должен был прежде всего завладеть Итомеей и Акро-Коринфом, этими двумя главными стратегическими пунктами полуострова. Когда же они покорились наконец, и весь юг полуострова подчинился Спарте, то последняя могла уже надеяться на господство во всей Греции. Тогда-то опоясанное горами плоскогорье, которое находится на дороге из Лакедемона в Коринф, и на котором стояли города Тетей и Мантинея, сделалось полем битв между враждующими народами, обратилось в «Танцевальный зал Марса».

По замечательному географическому контрасту, этот остров Пелопса, с извилистыми берегами, представляет, по сравнению с Аттикою, существенно континентальный характер, который и отразился в истории его народов. В древние времена пелопоннезцы были больше горцами, нежели моряками, и, за исключением Коринфа, в котором почти касаются друг с другом два моря, и некоторых изолированных пунктов прибрежья, именно в Арголиде, представляющей вторую Аттику, население вовсе не имело склонности к морской торговле; в своих горных долинах или замкнутых речных бассейнах оно должно было находить себе все средства к существованию или в пастушеском промысле, или в земледелии. Аркадия, занимавшая центральную часть полуострова, была населена только пастухами и хлебопашцами, и её имя, обозначавшее первоначально «Страну Медведей», осталось за сельскими по преимуществу местностями, и прилагается еще и ныне ко всем странам, богатым рощами и лугами. Поэтому жители Лаконии, отделенные от моря горными группами, стесняющими в конце долину Эвротаса, долго сохраняли нравы воинов и земледельцев и с трудом привыкали к случайностям моря. «Когда спартанцы, говорит Эдгар Кине, ставили во главе своих героев Эвротаса и Тайгета, то делали это сознательно, ибо признавали один и тот же характер и в природе долины, и в судьбе населявшего ее народа».

В самые древние времена, до которых восходит предание, финикияне имели значительные конторы на берегах Пелопоннеза, между прочим, в Навплии, в Аргосском заливе, и в Кранэ, в Лаконии, сделавшемся ныне портом Марафонизи или Гитиуме; в последнем они скупали раковины для окраски пурпурных тканей. Сами греки имели несколько довольно деятельных портов, как напр., «песчаный Пилос», город древнего Нестора, замененный ныне городом Наварином, по другую сторону залива. Впоследствии, когда Греция сделалась центром торговли Средиземного моря, первое место между греческими городами занял столь хорошо расположенный у входа в Пелопоннез, между двумя морями, Коринф, но не по своему политическому значению, не по любви к искусствам, не по ревности к свободе, а просто по богатству жителей и по количеству народонаселения: в его стенах заключалось, говорят, до трехсот тысяч человек. Даже срытый до основания римлянами, он вновь достиг важного значения; но его открытое положение и впоследствии подвергало его стольким опустошениям, что торговля его совершенно прекратилась, и он представлял уже жалкое местечко к

тому времени, когда был уничтожен землетрясением (в 1858 г.). После того он отстроен вновь, под названием Нео-Коринфа, в семи километрах от старого, разрушенного, города, на самом берегу того залива, которому сообщил свое имя, и скоро продолжится на север, к западной оконечности канала, соединяющего два моря. Пути из Марселя и Триеста в Смирну и Константинополь, вероятно, соединятся теперь в Коринфском проливе, где движение судов, может быть, будет равняться движению в других подобных же естественных или прорытых каналах, каковы: Зунд, Босфор, Суэцкий канал. До открытия Коринфского канала пассажирское и товарное движение между двумя маленькими портами противоположных берегов, Нео-Коринфом и Каламаки, сосредоточивалось на железной дороге, построенной через перешеек. Древние, которые не могли осуществить своих проектов соединения Коринфского залива с Эгинским и которые, впрочем, до попытки Нерона, боялись предпринять подобное дело, полагая, что которое-нибудь из морей выше другого и затопит противоположный берег, напали, по крайней мере, на остроумную идею облегчить сообщения при помощи машин, которые перевозили маленькие корабли с одного берега на другой; на этом «волоке» Греции идея поезда, перевозящего корабли, была применена за две тысячи лет до того времени, когда европейцы познакомились с Тегуантепекским перешейком[1].

После Крестовых походов, когда могущественная Венецианская республика сделалась хозяйкою на побережье Мореи, она естественно привлекла население к берегам, которые вскоре оказались усеянными торговыми колониями, каковы: Аркадия, остров Продано (Протей греков), Наварин, Модон, Корон, Каламата, Мальвазия, Навплия Арголидская. Таким образом, Пелопоннез, сделавшись, благодаря венецианским купцам, страною вывоза и торговли, мало-по-малу утратил свой континентальный характер, сообщенный ему горами и плоскогорьями, и принял роль морской страны, каковою он был отчасти в эпоху финикиян. Турецкое иго, оскудение почвы и бывшие их последствиями гражданские войны снова принудили население отказаться от внешних торговых сношении и запереться на своем острове, как в тюрьме. Тогда жители сгруппировались главным образом в самом центре полуострова, в городе Триполисе, или Триполице, названном так, говорят, потому, что он представляет собою преемника трех древних городов—Мантинеи, Тегеи и Палланциума. С восстановлением греческой независимости, жизнь, как-будто повинуясь какой-то ритмичности, снова перешла к окраинам Пелопоннеза. В настоящее время над большею частью городов первенствует по своему значению Патрас, расположенный далеко от входа в Коринфский залив, при устье самых плодородных и наиболее обработанных долин западного берега. В предвидении будущего величия, которое обещает ему его торговля, и теперь уже весьма значительная с Англиею и другими европейскими странами, так распланировали кварталы нового города, как-будто он должен современем сравняться с Триестом или Смирною. Торговые обороты Патраса простираются от 35 до 40 милл. фран. в год (в 1893 г. ввоз: 14,7 милл., вывоз: 20,9 миллионов). В сравнении с этим торговым центром Пелопоннеза все другие города полуострова, даже те, которые отличались наибольшею деятельностью в венецианскую эпоху, являются уже совершенно второстепенными рынками. Эгиум, или Востица, расположенная на берегу Коринфского залива, на изрытой пещерами террасе,—есть простая гавань, замечательная не столько своею торговлею, сколько удивительным платаном или чинаром, который «старше оттоманской империи», и дуплистый ствол которого, в 15 метров в окружности, служил еще недавно тюрьмою. Пиргос на Алфее богат коринкой (коринфский виноград) и другими продуктами плодородной Пизатиды; он не имеет своего порта и пользуется гаванью Катаколон, которая соединена с ним железной дорогой и защищена плотиною, выстроенною французскими инженерами. В прекрасной бухте Наварина, защищенной с открытого моря от волн и ветра длинным скалистым островом Сфактериею, все еще гораздо больше турецких кораблей, потопленных в войну 1828 г., чем плавающих на её водах торговых судов. Модон и Корон—также в упадке. Каламата, при выходе плодоносных долин Мессении, веду-

1 Наименьшая ширина Коринфского перешейка 5.940 метров; наименьшая высота его 40 метров (76 метров в части перешейка, выбранной для прорытия канала).

щая торговлю шелком и смоквами, идущими на подделку кофе, представляет лишь плохой рейд, в котором суда не всегда могут стоять на якоре. Знаменитая Монемвазия или «Единственный порт», Мальвазия народов Запада,—есть не более, как полуразрушенная крепость, и её окрестные виноградники, производившие превосходное вино, имя которого присвоено теперь другим винам, давно уже не существуют. Наконец, Навплия, вспоминающая немногие годы, в которые она была столицею новорожденного королевства, хотя и обладает хорошим и хорошо защищенным портом, но её стены, форты и бастионы делают ее скорее военным городом, нежели торговым.

Внутренние города, как бы ни велика была соединенная с их именами слава, представляют большею частью не что иное, как большие деревни. Самый знаменитый из них Спарта, или «город дрока», или может быть «разбросанная», названная так по кучкам домов, раскиданных среди тутовых рощ, у подножия высокой горы, обещает, благодаря плодородию долины, сделаться одним из самых цветущих городов Пелопоннеза. В средние века Спарта отступала на второй план пред своею соседкою Мистрою, готические постройки которой, на половину уже разрушившиеся и опустелые, дома, дворцы, церкви и укрепленные замки покрывают крутой холм на западе долины Эвротаса; в настоящее же время Спарта вторично начинает занимать место первенствующего города Лаконии. Аргос, который еще древнее Лакедемона, мог бы, как и последний, возродиться из своих развалин вследствие своего положения в равнине, хотя часто страдающей от засухи, но по природе весьма плодородной. Впрочем, если многие иностранцы и объезжают Пелопоннез, то не для того, чтобы посетить эти восстановленные города, где лишь кое-какие камни напоминают античную Грецию,—их привлекают древние памятники искусства.

В этом отношении Арголида—одна из самых богатых провинций Эллады. Около самого Аргоса, на крутом скате холма Лариссы, высечены ступени театра. Между Аргосом и Навплиею, среди равнины, возвышается небольшая скала, на которой был древний акрополь Тиринфа, с могучими циклопическими стенами, из которых некоторые достигают 18 метров толщины; древние греки считали их работой демонов. К северу, на каменистых склонах, стоят древние Микены, с знаменитыми гробницами, в которых Шлиман открыл драгоценные памятники искусства. Там же находятся известные «Львиные ворота», грубо высеченные еще в первобытные времена греческого искусства, и обширное подземелье, известное под именем сокровищницы Атридов. Этот памятник есть один из самых любопытных остатков первобытной архитектуры аргивян, и он сохранился всех лучше, так что в нем можно любоваться всеми подробностями солидной постройки, в которой один из камней, составляющий притолку входной двери, весит не менее 169 тонн. В той же Арголиде, в Эпидавре, на берегу Эгинского залива, рядом с древним святилищем Эскулапа, находится наименее пострадавший от времени античный греческий театр, в котором, среди зарослей и кустарников, можно еще различить пятьдесят-четыре ступени из белого мрамора, на которых могло поместиться двенадцать тысяч зрителей. Между прочими остатками древности в Арголиде замечательны развалины храма Зевса, в Немее, и семь дорических колонн в Коринфе, которые считаются самыми древними во всей Греции. Но самый замечательный памятник полуострова находится на противоположном конце Пелопоннеза, в очаровательной долине Неды, близ Фигалеи в Аркадии,—это храм Аполлона Защитника, построенный Иктинием. Окружающие его большие дубы и величественные горы еще более усиливают красоту этого изящного здания.

Самые многочисленные постройки в Пелопоннезе—цитадели, из которых многие с стенами и акрополем, находятся еще совершенно в том же состоянии, как во времена древней Греции. Так, крепостные стены Фигалеи и Мессены сохранили еще свои башни, ворота и редюиты. Другие акрополи, которыми пользовались франки во время крестовых походов, затем венецианцы или турки, усажены зубчатыми башнями и башенками. У самого входа в Пелопоннез возвышается одна из таких древних крепостей, обращенных в средневековую цитадель,—это Акро-Коринф, страж всего полуострова, с укреплений и развалин которого видна почти вся Греция, заключенная в голубоватом круге горизонта.

Некоторые из греческих островов Эгейского моря должны быть рассматриваемы как естественные придатки Пелопоннеза, соединенные с ним подводными перешейками и цепями рифов; поэтому они справедливо присоединены к полуострову и в административном отношении.

Острова при берегах Арголиды, населенные албанскими моряками, которые во время войны с турками были самыми храбрыми защитниками эллинской независимости, утратили большую часть своего прежнего коммерческого и политического значения. Во время этой войны красивый маленький албанский город Порос, находящийся на острове того же имени и расположенный на полуострове вулканического происхождения, служил столицею восставшему народу. Он и теперь еще довольно оживлен, благодаря своему порту и своему вполне защищенному, прекрасному рейду, который правительство избрало местом стоянки своих морских сил. Но Гидра и соседний с ней островок, известный под итальянским именем Специи, со времени восстановления самостоятельного существования Греции, пришли в упадок. Они представляют скалистые массы, почти совершенно лишенные плодородной земли, не имеющие ни деревьев, ни текучей воды, и все-таки на этих скалистых островах могли существовать торговлею более пятидесяти тысяч жителей. Чудо это произвела относительная свобода. В 1730 г. несколько албанских поселенцев, утомленных непомерными вымогательствами морейского паши, убежали на остров Гидру, где они и оставались в покое, платя небольшую подать тем, что должны были доставлять 50 матросов в оттоманский флот; вследствие этого у них быстро возросла торговля, смешанная иногда с морским грабежем. Правда, Гидра занимает весьма счастливое положение, господствующее над входом двух заливов Арголиды и Аттики, но не имеет ни порта, ни пристани, сколько-нибудь достойной этого названия, и все-таки, вопреки самой природе, гидриоты сделали из своего острова торговый центр, в котором корабли должны были тесниться в излучине берега, прижавшись один к другому и держась на месте посредством четырех канатов. Перед войною за независимость, судохозяева Гидры владели почти четырьмя стами кораблей, от ста до двухсот тонн каждый, и во время войны выставили против турок более ста кораблей, вооруженных двумя тысячами пушек. Но, сражаясь за независимость Греции, гидриоты, сами того не желая, способствовали упадку своего города, и, когда их цель была достигнута, торговое движение должно было постепенно переместиться и сконцентрироваться в лучше расположенных портах Сире и Пирее. Герои в борьбе за независимость,—Миаулис, Булгарис, Кондуриотти—были гидриоты.

Более крупный, чем острова Арголиды, Лаконский остров Цитера, более известный у моряков под именем Чериго, полученным, быть может, от славянских завоевателей, недавно составлял часть семи-островной республики, находившейся под управлением англичан. Но он лежит не в Ионическом море и, очевидно, принадлежит к Пелопоннезу, соединяя его с островом Критом посредством подводного порога и островка Чериготто, населенного критскими сфакиотами. Цитера теперь уже не остров Венеры и не имеет рощ, посвященных культу этой богини; напротив—издали он кажется громадою обнаженных скал; однако, на нем есть богатые поля, прекрасные оливковые плантации, а его маленькия долины, усеянные домами и деревнями, имеют довольно густое население. Туземные крестьяне ежегодно, во время жатвы, отправляются целыми партиями на заработки в Грецию и Малую Азию. Положение Чериго между двумя морями, Ионическим и Архипелагом, придавало некогда его гавани-убежищу важное значение; но с тех пор, как мыс Мале перестал быть страшилищем для моряков, порт этот почти опустел совершенно. На берегах его найдены кучи раковин, выброшенных из финикийских мастерских, приготовлявших пурпур. Сирийские купцы и промышленники ввели на этом острове культ Астарты, сделавшейся впоследствии, под именем Афродиты, самой национальной из греческих богинь.

IV. Острова Эгейского моря

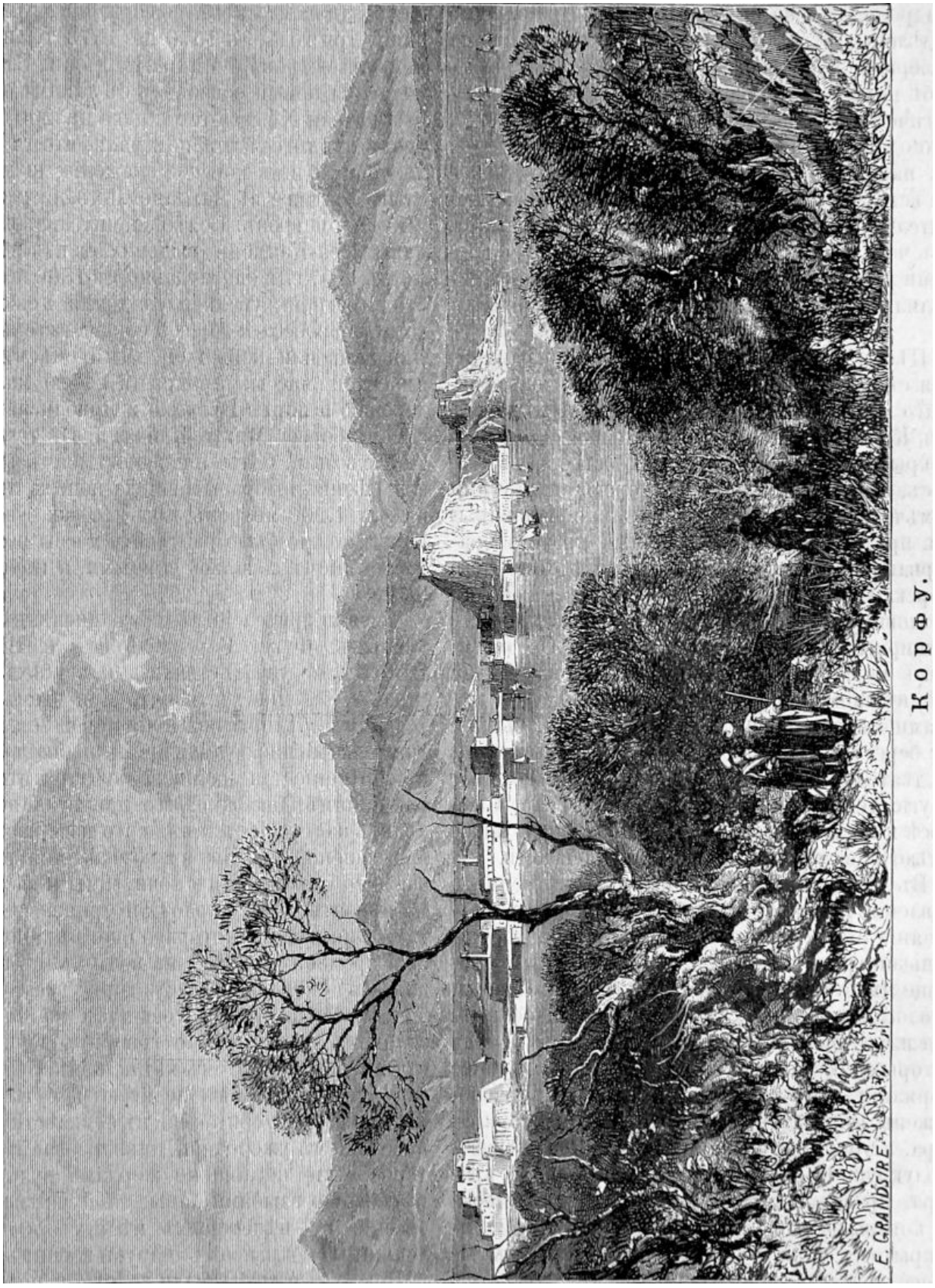
Среди пенистых волн, вид которых, без сомнения, и доставил «Великому Морю» Греции, или «Архипелагу», название Эгейского, т.е. «Козьего моря», разбросаны в совершенном беспорядке острова и островки, которые так многочисленны, что название Архипелага, по странной метафоричности, вместо того, чтобы обозначать морские бассейны, перенесено на группы множества островов. На севере, Спорады тянутся длинным рядом, загибающимся к Афонской горе; далее, к югу, возвышается совершенно отдельно остров Скирос, на котором, по преданию, родился герой Ахилл и умер Тезей; большой остров Эвбея подошел к материку и протянулся параллельно берегу материка, а затем, в открытом море Пелопоннеза, со всех сторон виднеются белеющие горы Циклад, или «круга островов», которые древние греки сравнивали с хороводом Океанид, танцующих вокруг бога.

Все острова греческого архипелага состоят в связи с материком или по своей геологической формации, или посредством поддерживающего их подводного плато. Северные Спорады представляют отроги цепи Пелиона. На острове Эвбее господствуют довольно высокие известковые горы, общее направление которых параллельно цепям Аттики, Арголиды, Олимпа и Афона. Скирос представляет каменистый кряж, параллельный горам центральной Эвбеи. Вершины Циклад, составляющих юго-восточное продолжение горных цепей Эвбеи и Аттики, принадлежат к одной и той же с последними формации. «Эти заблудившиеся в море горы Греции» состоят также из слюдяных и глинистых сланцев, из скал известковых и кристаллического мрамора. В Афинах есть Пентеликон, но Циклады имеют блестящие мраморы Наксоса и еще более прекрасные мраморы Пароса, из которых были изваяны статуи героев и богов. В известковых слоях существуют любопытные гроты, а именно: грот Антипароса, которого древние вовсе не знали, так как не упоминают о нем, и еще более правильный Силлакский грот, на острове Цитносе, или Термии, славившемся своими теплыми водами. На некоторых островах встречается также гранит, особенно на маленьком Делосе, священной земле греков. Наконец, на южном своем конце, ряды Циклад, направляющиеся с северо-запада к юго-востоку, перерезаны цепью островов и островков огненного происхождения, покрытых лавой, слоями базальта, пемзой и пеплом; эта цепь островов продолжается с одной стороны до Арголидского полуострова Метаны, с другой—до острова Коса и берегов Малой Азии.

Эвбея всегда считалась землею полу-континентальною. Это—остров, но морской пролив, отделяющий его от Беотии и Аттики, в действительности есть не что иное, как продольная и весьма неглубокая в некоторых местах долина, представляющая, как и материковые долины, правильный ряд ущелий и котловин. Самое узкое ущелье этой морской долины имеет не более шестидесяти-пяти метров ширины, так что уже двадцать три века тому назад могли без труда перекинуть с берега материка к столице Эвбеи—Халцису (Эврипо)—мост, замененный ныне плотом, отводимым для пропуска судов. Эврипийский пролив пользовался некогда большою известностью, благодаря проявлениям в нем прилива и отлива, совершающихся довольно неправильно; это явление считалось одним из великих чудес природы в Греции, и, благодаря ему, весь остров получил свое простонародное название *Негрипона*, переделанное итальянцами в Негропонте. Остров Эвбея так тесно связан с материком, что не мог вообще не испытывать на себе превратностей благосостояния и упадка в судьбах соседних стран Аттики и Беотии. Когда греческие города были в периоде своей славы и могущества, Эвбейские города: Халцис, Эретрия и Кумы также были центрами, население которых выделяло из себя рои, основавшие колонии по всем берегам Средиземного моря. Впоследствии, различные завоеватели, разорявшие Аттику, опустошали одинаково и Негропонт, и теперь этот остров, представляющий простую принадлежность соседнего полуострова, участвует во всех его политических и социальных движениях.

Южную часть Эвбеи украшают леса различных древесных пород—дуба, сосны, ольхи, чинара; все деревни окружены рощами плодовых дерев, и вид их окрестностей напоминает пейзажи Элиды и Аркадии. Но напрасно стали бы мы искать этих приятных сельских кар-

тин на Цикладских островах, из которых лишь немногие местами сохранили остаток природной красоты, придаваемой тенистыми лесами и проточными водами. Большая часть их как-будто окаменены головою Медузы, как рассказывает античная легенда об острове Сери-



Корфу.

фосе; масличные рощицы, группы дубов, несколько сосновых лесков, финиковые деревья— вот все, что являют, по части древесной растительности, даже самые тенистые острова. Но зато как голы, серы и угрюмы скалы остальных! Мысы Греции бесплодны, но большая часть

этих островков Архипелага имеют еще меньше зелени, и все-таки на них смотришь с чувством некоторого расположения, ибо их имя раздавалось в истории. Большая часть высоких вершин на греческих Цикладах, как и на Цикладах эллинской Турции, посвящены пророку Илии, библейскому преемнику Аполлона, бога солнца,—и, действительно, солнце царит на этих суровых скалах, сожигает их, пожирает траву и кустарник.

Один из этих необитаемых человеком островов, Антимилос, дает еще убежище каменному барану (capra caucas'ca), который уже исчез в остальной Европе и встречается только на Крите и, может быть, на Родосе. Внутри того же острова Антимилоса водятся также дикия свиньи. В пещерах некоторых Цикладских островов живет множество кроликов, занесенных туда с Запада, которые особенно расплодились на Миконосе и Делосе, и странно, что нигде не упоминают об них древние греческие писатели. Полибий, видевший их в Италии, дает им латинское название. Любопытно, что зайцы и кролики не живут на одних и тех же островах, а каждый вид живет на своем отдельном острове, при чем исключение составляет только остров Андрос, да и на нем обе породы совершенно отделены друг от друга: зайцы живут на северной оконечности острова, а кролики роют себе норы в южной части. Относительно зоологических особенностей надо заметить еще, что один крупный вид ящерицы, известной в народе под именем «крокодила», вовсе не встречается на материке, а водится исключительно на некоторых островах Архипелага, из чего надо заключить, что уже много времени прошло с тех пор, как Циклады отделились от фрако-эллинского полуострова.

Цепь вулканических островов, ограничивая с юга круг Циклад, тянется вдоль большого морского рва, отделяющего Архипелаг от Критского моря. Самый большой из этих, покрытых пеплом и лавою, островов, Милос, известный своей «Венерою» и другими замечательными статуями, недавно найденными, представляет неправильный кратер, разорванный с северо-запада, вследствие чего морская вода проникает во внутреннюю его котловину, представляющую один из самых обширных и безопасных портов Средиземного моря. Милос не имел извержений в позднейшие времена, но еще дымящаяся местами серная почва и теплые ключи, бьющие на берегу и в самом море, свидетельствуют о деятельности подземной лавы. Некоторые другие теплые источники, на Серифосе, Сифносе и на островках этой области моря, также имеют связь с вулканическим очагом.

В настоящее время центр внутреннего давления проявляется почти на равном расстоянии от берегов Европы и Азии, в маленькой группе островов, обозначаемых вообще именем Санторина, или Святой Ирины. Геологам они представляют обширное поле для исследований. Острова эти, главную основу которых составляют скалы мрамора и те же формации, как и на других Цикладах, расположены в виде круга около обширного кратера, глубина которого не менее 390 метров. Полукруг Феры, на востоке, со стороны кратера, представляет большие отвесные утесы, с которых сыплется окалина, а со стороны открытого моря—отлогие склоны, покрытые превосходными виноградниками. На запад от кратера возвышается, как полуразрушенная стена вулкана, маленький островок Теразия, а риф Аспронизи указывает на существование подводной стены. Почти в центре этого бассейна, в глубине моря, еще действует подземный огонь, который подолгу остается почти усыпленным, но затем просыпается вдруг и начинает выбрасывать груды шлака. Скоро будет двадцать-один век, как выдвинулся здесь первый островок, который удивленные древние назвали «Святым», а ныне он называется Палеа-Каймени (древний горелый). В шестнадцатом веке извержения, продолжавшиеся три года, с 1570 по 1573 г., породили меньший остров—Микра-Каймени. В 1650 г. поднялся новый островок с таким шумом, что жители Хиоса, отстоящего на 200 километров от того места, подумали, что где-то вдали происходит морское сражение; шум был слышен даже в Дарданеллах, на расстоянии 400 километров. Более значительный конус лавы, Неа-Каймени, выдвинулся из недр моря в 1707 г., и еще недавно, с 1866 по 1870 г., этот остров увеличился двумя новыми мысами: Афроесса и горою Георгия, которые более чем удвоили первоначальный объем вулканической массы, прикрыв собою маленькую де-

ревню и порт Вулкано и приблизившись к самому берегу Микра-Каймени. В течение пяти лет было более пятисот тысяч частных извержений, выбрасывавших пепел иногда на высоту 1.200 метров, так что даже с острова Крита можно было различить массы пепла, которые днем казались черными, а ночью красными.

Тысячи зрителей, в том числе несколько ученых: Фуке, Горсей, Рейс и Штюбель, Шмидт и другие, стеклись из всех частей мира, чтобы присутствовать при этом удивительном зрелище рождения новой земли, и их тщательные наблюдения представляют большое приобретение для науки. Благодаря этим наблюдениям, доказано, что из вулканов выходит настоящее пламя, и что извержения имеют свои периоды покоя и возбуждения, имеющие связь со сменою дня и ночи, зимы и лета. Весьма вероятно, что жерло Санторина есть результат взрыва, от которого еще в доисторические времена взлетела на воздух, в виде пепла, вся центральная часть горы; громадное количество обваливающагося туфа на внешних склонах острова ясно говорит изучающему их геологу об этом катаклизме. Фера, Феразия, Аспронизи, как полагают, суть остатки большой земли, обитаемой в неизвестную эпоху населением уже очень цивилизованным, которое было поглощено жерлами вулкана или раздавлено глыбами лавы; слой пемзы, достигающий в некоторых местах 50 метров толщины, покрывает остатки жилищ народа, которому известны были золото и, по всей вероятности, медь, который пользовался орудиями из обсидиана и украшал вазы изображениями растений и животных.

Албанцы населяют южную часть Эвбеи и образуют колонии вокруг порта Гавриона, на острове Андросе; во всем же остальном Архипелаге население греческое или, по крайней мере, совершенно эллинизованное. Несколько итальянских или французских семейств Скироса, Сиры и Санторина слишком малочисленны, чтобы их принимать в рассчет; они считают себя французами, и на Архипелаге их называют франками. Во время войны за независимость Греции они всегда ставили себя под покровительство Франции. Прежде класс землевладельцев состоял почти исключительно из этих западно-европейцев, которые поселились здесь в средние века. Говорят даже, что господству крупной земельной собственности, долго поддерживаемому этими семействами, и следует приписать относительную малочисленность населения Наксоса. Некогда остров этот легко прокармливал сто тысяч человек; во времена Геродота он мог выставить 8.000 солдат; теперь же он стал слишком мал даже для двенадцати-тринадцати тысяч жителей.

Циклады более удалены от берегов Греции, чем Эвбея, а потому и политическая жизнь их более отличалась от политической жизни Эллады, и очень часто история имела там иной ход. По своему положению в средине Архипелага, острова эти должны были естественно служить этапами для всех мореходных народов Средиземного моря, а, следовательно, жители их должны были подвергаться самым разнообразным влияниям. Некогда останавливались на Цикладах мореходцы Малой Азии и Финикии, направляясь к берегам Греции; в средние века их властителями были византийцы, потом крестоносцы, венецианцы, генуэзцы, родосские рыцари; затем через них проходили турки, и наконец, в наше время, благодаря торговле, в Архипелаге преобладают народы Западной Европы, вместе с самими греками.

Вследствие всех этих исторических превратностей, центр Циклад перемещался то на один, то на другой остров. Колонизованный ионийцами, остров Аполлона, Делос, был священною землею, куда со всех сторон стекались верующие и купцы. Делийские игры справлялись каждое четырехлетие; Афины отправляли туда каждую весну торжественное посольство (феорию). Так как Латона, Великая Мать, на этом именно острове родила солнце и луну, то здесь не позволялось ни рожать детей, ни хоронить мертвых. В делосском храме Греция хранила казну, собранную ею для отражения персидских нашествий, и частные лица сносили туда свои драгоценности, желая охранить их от случайностей во время войн и гражданских междоусобий. Святилище это играло, таким образом, роль банка: оно ссужало за умеренные, сравнительно, проценты те слитки, которые стекались в его склады; эти банкирские операции расширились еще после падения Коринфа. Со всех сторон стекались туда верующие и заемщики, а за ними купцы, главным образом работорговцы. Торговля че-

ловеческим мясом сделалась наконец главною специальностью Делоса, так что во времена римских императоров там нередко в один день сбывалось по десяти тысяч рабов. Но рынки, храмы, памятники исчезли как в Делосе, так и на соседнем острове, Ренейя, который служил последнему кладбищем и соединялся с священною землею мостом. Делос представляет теперь лишь каменистые пространства, на которых несколько стад овец щиплют тощую траву; в этой каменистой почве Гомолль открыл храм Аполлона делийского.

В средние века гегемония принадлежала большому Наксосу, или Незосу, то-есть острову по преимуществу, любимой земле Бахуса, острову виноградников и садов. Ныне Тинос—самый священный из островов, благодаря своей высоко чтимой церкви Панагии (Пресвятой Девы Марии), которая привлекает массы богомольцев и эллинских патриотов; ко дню праздника из Смирны туда отправляются целые караваны судов с паломниками. Но в торговом отношении главным центром Циклад сделался маленький остров Сира или Сирос, хотя на нем нет ни деревьев, ни воды. Город его, известный больше под именем самого острова, хотя оффициально называемый Гермуполис, есть третий город Греции по населению и второй по торговле. До войны за независимость город Сира не имел никакого значения, но его нейтральность во время войны, оказанная ему защита со стороны французских эскадр, скопление многочисленных беглецов с турецких островов Хиоса и Псары, наконец его счастливое положение в центре Цикладских островов сделали его главным складочным местом, верфью и центральною станцией Эгейского моря. В порте Сиры сходятся, как в узловом пункте, навигационные линии восточного Средиземного моря, так что Гермуполис представляет неизбежный этап для путешественников, отправляющихся в Салоники, Смирну или Константинополь. Оттого город, построенный первоначально, из боязни нападений пиратов, на возвышенности, мало-по-малу спустился по склону и устроил набережные и магазины по берегу. С рейда весь Гермуполис виден раскинувшимся по склону горы, как-бы по ступеням пирамиды ослепительной белизны[1].

Торговля населила дикую скалу Сиры, но она еще далеко не воспользовалась всеми рессурсами Архипелага и не возвратила всем его островам того значения, какое они имели в древности. Остров Эвбея уже более не «богат быками», как утверждает его название, и вывозит только зерновые хлеба, вина, плоды и лигнит (ископаемый бурый уголь), добываемый в изобилии в Кумских копях. Сады Наксоса дают отменные апельсины, лимоны, цедры; Скопелос, Андрос, Тинос, наиболее обработанный из островов,—производят вина; те же продукты дает Санторин, который греки, за его превосходные произведения, называли некогда Каллисте, «лучший». Сверх того, этот остров и другие вулканические Цикладские острова доставляют торговле лавы, жерновые камни, пуццоланскую землю, цимолосскую глину, или «валяльную землю», употребляемую для беления тканей; Наксос дает наждак, Тинос—мраморы с прожилками. Вот и все. Даже мраморы Пароса не эксплоатируются, и редко-редко какой-нибудь корабль покажется в прекрасном порте этого острова. За исключением земледелия и местами разведения шелковичного червя, жители Циклад не имеют никакой промышленности, и острова, переполненные населением, каковы Тинос и Сифнос, должны выделять ежегодно в Константинополь, Смирну, в города Греции известное число эмигрантов, которые и занимаются там разным делом, в качестве ремесленников, поваров, горшечников, каменщиков и скульпторов. Но если некоторые из островов имеют излишек населения, то иные, наоборот, вовсе необитаемы или дают только убежище пастухам. Так, большая часть островов между Наксосом и Аморгосом—не что иное, как пустынные скалы. Антимилос, как и Делос, представляет собою лишь усеянные камнями пастбища. Наконец, Серифос и Гиура, древний Гиарос,—все те же угрюмые пустыни, как и во времена римских императоров, сделавших их местами ссылки; впрочем, надеются, что остров Серифос получит скоро некоторое значение, благодаря своим железным рудам, считающимся превосходными. Остров же Антипарос рассчитывает на свои богатые свинцовые месторождения.

1 Движение судоходства в Гермуполисе (Новая Сира) в 1893 г.: вошло 2.234 парусных и 532 паровых судна, общей вместимостью 501.085 тонн; вышло 2.540 судов, вместимостью 500.937 тонн. Ввезено товаров на сумму 9.630.696 драхм, вывезено на сумму 3.692.112 драхм.

Главные высоты островов суть: Дельфы на острове Эвбее 1.743 метра, Св. Илии на острове Эвбее 1.404 метра, Гора Юпитера (Наксос) 1.007 метров, Св. Илии (Сифнос) 850 метров, Св. Илии на Санторине 800 метров.

V. Ионические острова

Остров Корфу, лежащий в открытом море против берегов Эпира, Кефалонийский архипелаг, находящийся на западе от континентальной и полуостровной Греции, и, наконец, остров Цитера, омываемый разом волнами Ионического и Эгейского морей, испытали в течение последнего столетия исключительные превратности в политическом отношении. Из всех естественных составных частей Балканского полуострова только одному Корфу удалось отразить все приступы магометан и остаться европейскою землею, благодаря покровительству Венецианской республики. Когда последняя была отдана Бонапартом Австрии, в 1797 г., Корфу и Ионические острова заняли французы. Через несколько лет истинными распорядителями их сделались русские, которые ограничились, повидимому, только тем, что организовали здесь нечто в роде аристократической республики под верховною властью Турции. В 1807 г. французы снова овладели Ионическими островами, но они были отняты у них один за другим англичанами, за исключением Корфу, который они удержали за собою до 1814 года. Но затем Ионические острова, под именем «Семи-островной республики», сделались чем-то в роде ленов, которыми управляли фамилии крупных землевладельцев во имя Англии и при помощи её войск. Дарованную англичанами конституцию два раза пришлось изменять в более демократическом духе, но греческий патриотизм жителей не хотел ни за что примириться с сюзеренитетом Великобритании, которая, наконец, решилась покинуть свое приобретение, и население Семи Островов, следуя естественному родству, присоединилось к Греции, составляя теперь самые образованные, состоятельные и деятельные её общины, и, несмотря на пророчества некоторых пессимистов, оно много выиграло от этой перемены управления. Конечно, предоставляя свободу своим ионическим подданным, Англия имела в виду своей собственный интерес, но она съумела понять, что нравственное влияние выше пушек, и поступила в этом случае с замечательным благородством, возвратив не только Цитеру и архипелаг Кефалонии, представлявшие для неё только торговый интерес, но и крепость Корфу, которая давала ей возможность господствовать над входом в Адриатическое море, как она господствует над входами Средиземного, Сицилийского и Красного морей. Вот политика великодушия, которая находила немного подражателей между правительствами мира, и которую сама Англия имела бы случай, если б захотела, приложить во многих других местах земного шара!

Корфу, Керкира у греков и Корцира у римлян, всегда имела наибольшее между Ионическими островами значение, благодаря соседству Италии и торговым выгодам, доставляемым ей её превосходным портом и большим рейдом, похожим на обширное озеро. По мнению его жителей, которые любят в этом случае ссылаться на свидетельство Фукидида, Корфу есть тот самый остров феакийцев, о котором говорит Одиссей; они рассказывают даже, будто найден источник Крессида, тот самый ручей, в котором Навзикая полоскала белье своего отца; а те великолепные сады, в которых жители прогуливаются по вечерам около города, носят название садов Алкиноя. Из всех Ионических островов только Корфу—группа возвышенных островков, окружающих центральную равнину—имеет маленькую реку, Мессонги, которая не высыхает летом, и по которой на некоторое расстояние могут подниматься вверх барки. Холмы, расположенные экраном против равнин нижнего Эпира, совершенно открыты бурям, приносимым юго-западным ветром, и получают большое количество дождевой воды, почему растительность их чрезвычайно богата: вокруг города тянутся ароматные рощи апельсинных и лимонных дерев; виноградники и оливковые деревья закрывают своими ветвями и листьями сероватые скалы холмов, а в равнинах, прорезанных хорошими дорогами, волнуются густые нивы зерновых хлебов. К несчастию, Корфу очень открыт для юго-восточ-

ных ветров, между которыми часто дует и сироко, что значительно уменьшает преимущество этого острова, как места зимовок для больных. Раньше вся земля принадлежала помещикам, но мало-по-малу число фермеров и арендаторов увеличилось; последние делаются собственниками и обогащают остров более старательным возделыванием земли.

Город Корфу, расположенный на треугольном полуострове, прямо против берега Эпира, есть самый значительный и первый по торговле из всех городов бывшей Ионической республики; это рассадник цивилизации для албанцев и эпиротов; в смысле географическом, это маленький спутник твердой земли, но тем не менее он служит очагом жизни для соседнего материка[1]. Вместе с тем он представляет также сильную крепость, которую попеременные обладатели ее—венецианцы, французы, русские, англичане—старались сделать неприступною. С её бастионов можно любоваться весьма красивым видом, который, однако значительно уступает картине, открывающейся с горы Пантократор или «Властелин», с которой в хорошую погоду можно разглядеть, через пролив, Отрантские горы, в Италии. Близость Апеннинского полуострова, торговые сношения и предания, оставленные господством Венеции, сделали из Корфу полу-итальянский город, в котором многие семейства принадлежат разом к двум национальностям по происхождению и по языку, и итальянский язык перестал быть оффициальным языком острова и всего архипелага только с 1830 г. Среди космополитического населения, теснящагося в стенах города, можно заметить также много мальтийцев, служащих здесь носильщиками и садовниками, которые последовали на остров за своими британскими хозяевами.

Корфу владел некогда городами Бутринто и несколькими деревнями на Эпирском берегу, но один из английских губернаторов подарил их свирепому Али-паше, так что теперь к острову принадлежат только окрестные островки: на севере—Фано, Самофраки, Мерлера, а на юге—Паксос, с гротами в скалах, и Антипаксос, скалы которого выделяют асфальт. Паксос производит, говорят, самое лучшее растительное масло во всей западной Греции.

Против Патрасского залива, вдоль берегов Акарнании и Элиды, раскинулись красиво изгибающимся архипелагом: Левкада (Санта Мавра), Кефалония, Итака, Занте и несколько соседних с ними островков. Взятые вместе, островки эти составляют цепь известковых гор, попеременно то омываемых дождями, то сожигаемых солнцем. Их возделанные долинки, как и долины Корфу, производят апельсины, лимоны, коринку, вино, масло, составляющие предмет довольно оживленной торговли. По населению острова эти также походят на своих северных соседей: в греческом населении их довольно силен итальянский элемент, за исключением острова Итаки.

Остров Левкада или «Белый», названный так по цвету своих меловых мысов, составляет в действительности продолжение материка. Древние называли его Актэ или «полуостров», и рассказывали, что коринфские переселенцы превратили его в остров, прокопав канал в соединявшем его с материком перешейке; но исследование местности вовсе не подтверждает этой легенды. Вероятно, коринфяне просто прорыли, как недавно англичане, судоходный ров в лагуне, отделяющий остров от материка, глубина которой не превышает шестидесяти сантиметров, так что если бы Ионическое море имело приливы и отливы, то остров Левкада, как Нуармутье во Франции, два раза в день обращался бы в полуостров. В самом узком месте пролива, в южной части лагуны, берега соединялись некогда мостом, остатки которого сохранились еще и теперь; к северу же от него, на островке, находится капелла и охраняющая вход в канал крепость Санта-Мавра, имя которой часто дается и всему острову Левкаде. Этот остров еще недавно был единственным в Греции местом, в котором была рощица финиковых дерев. Великолепный водопровод, в двести шестьдесят арок, служивший также к шоссе, соединял крепость с городом Амаксики, главным портом и столицею Левкады, но этот памятник турецкого искусства, сооруженный в царствование Баязета, сильно пострадал от землетрясений. Можно было бы подумать, что среди солончаков и мелких лагун, в которых можно плавать только в челноках или плоскодонных лодках, господствует непрерывная

1 Allfred Gillieron, Greet Turquie.

лихорадка: но на самом деле Амаксики, как и Миссолунги, в своей затопляемой равнине,—город, относительно говоря, здоровый, и тамошния женщины отличаются замечательной свежестью и красотой. На юге острова находятся покрытые лесом горы, оканчивающиеся против Кефалонии знаменитым мысом Нерикос, на котором стоял прежде храм Аполлона. Мыс этот, «Левкадский прыжок», представляет утес в шестьдесят метров высоты, с которого обвиняемых в преступлении, с привязанными к ногам и рукам крыльями из птичьих перьев, бросали в море, подвергая их таким образом суду Божьему; с этого же утеса бросались любовники—между прочим одна из женщин, прославивших имя Сафо, чтобы найти или в страхе смерти, или в самой смерти забвение своей страсти.

Кефалления (Кефалония)—самый большой из Ионических островов, а возвышающаяся на нем гора Айнос, или Элатос, у итальянцев Монтенеро, представляет самую высокую вершину архипелага, так что со средины Ионического моря, в хорошую погоду, матросы могут видеть с одной стороны Этну в Сицилии, а с другой—Айнос на Кефаллении. Хвойные леса, от которых гора получила итальянское название Монтенеро, большею частию истреблены пожаром, но в нескольких уцелевших еще частях их растет великолепная ель особой породы. На самой вершине горы видны еще остатки храма Юпитера. Остров плодороден и населен; но величайшее его несчастие—недостаток воды: большая часть ручьев летом высыхает, и жители находятся иногда в очень бедственном положении. Известковая почва, вся в расщелинах, пробуравленная бесчисленными воронками, пропускает, как решето, дождевую воду, которая бьет ключами в самом море, далеко от томимых жаждой берегов. Но зато море в Кефаллении представляет явление странное и. быть может, единственное, а именно, оно вливает в гроты острова два большие ручья соленой воды, которые теряются где-то далеко в неизвестных галлереях.

Место этого странного исчезновения морских вод находится недалеко к северу от Аргостоли, города, который, благодаря своему прекрасно защищенному, хотя не глубокому порту, сделался одним из значительнейших торговых городов острова и имеет великолепное шоссе от одного берега залива к другому. Два морские ручья имеют достаточно сильное течение, чтобы ворочать колеса больших мельниц, которые не переставали правильно действовать—одна с 1835, а другая с 1859 г. Общее количество воды, доставляемой обоими потоками, равно, приблизительно, двум кубическим метрам в секунду, или точнее 160.000 кубических метров в день. Но куда девается эта вода? Собирается ли она под землей в обширные озера, в которых одинаковый уровень воды поддерживается одним её постоянным испарением, а соль скопляется на дне толстыми слоями, или, как думает геолог Вибель, излишек этих морских вод, распределяясь в трещинах почвы по бесчисленным жилам, поступает, вследствие гидростатического явления втягивания, в подземные ручьи пресной воды, протекающие в пещеристой почве острова, и образует вместе с ними ключи солоновато-пресной воды, бьющие в разных местах у подножия холмов? Положительно неизвестно; но вероятно то, что это подземное царство пресных, соленых и серных вод составляет одну из главных причин столь частых и опасных на Кефаллении землетрясений, хотя не столь частых, как на Санта-Мавре. Дома в Аргостоли, для большей устойчивости при сотрясениях почвы, строятся обыкновенно низкие. Остров Астерия, между Кефалониею и Фиаки, у которого, как описывает Гомер, было два порта, и на котором позднее стоял город Алалкоменас, теперь уже не существует; вероятно, он разрушен землетрясением, ибо в простом Даскалионском рифе нельзя видеть остатков этой некогда обитаемой земли.

Остров Фиаки, или Итаки, знаменитая Итака «божественного Улисса», может быть рассматриваема как продолжение Кефалонии, отделенной от него каналом Вискардо, с параллельными берегами, названным так в воспоминание завоевателя Роберта Гюискара. Остров этот так мал, что на нем легко можно было найти все места, о которых говорит Одиссей: источник Аретузы, высокую скалу, у подошвы которой Эвмей пас свое стадо, и даже, говорят, дворец Улисса; но не так давно пришлось разочароваться в достоверности всех этих фактов: как есть две Трои, две Пергамы, две Скамандры и два Симоиса,—говорит путеше-

ственник Жильерон,—так же точно существует две Итаки, два источника Аретузы и два грота Нимф. Неутомимый Шлиман, так много сделавший для исследования века Гомера, отыскал город, который, по всей вероятности, был столицей Итаки, и местонахождение которого вовсе не было исследовано прежними путешественниками. Между циклопическими остатками этого древнего города, где видны еще развалины 190 домов, но где их могло бы поместиться тысячи две, особенно замечательны валы и башни «замка Улисса» и акрополь, расположенный на треугольной площадке вершины Аэтоса, на высоте 360 метров над поверхностью моря. Черепки глиняной посуды, найденные в развалинах древнего города, не похожи на те, которые открыты во время раскопок Микен: они скорее приближаются к памятникам Трои; некоторые из них имеют надписи, еще неразобранные. На острове уже нет тех «темных лесов», которые некогда покрывали склоны горы Нериты. Жители Итаки очень гордятся своею маленькою, воспетою Гомером, родиною, и в каждой семье есть по крайней мере одна Пенелопа, один Улисс, один Телемак, хотя, несмотря на свои претензии, они вовсе не потомки хитроумного сына Лаэрта. В средние века остров этот был совершенно разорен опустошителями, так что венецианский сенат, в 1504 г., должен был предлагать даром земли Итаки колонистам с материка, с целью обратить эту пустыню в коммерческий порт. Большая часть переселенцев пришли с берегов Эпира, почему и греческое наречие островитян сильно переполнено албанскими словами. В настоящее время остров Итака хорошо обработан, и его порт, называемый Бати, т.е. «глубокий», близ которого расположился новый город, ведет довольно значительную торговлю коринкою, апельсинами, оливковым маслом и вином. Как во времена Гомера, остров Итака отличная «кормилица храбрых мужей». Жители его великорослы и сильны и, если верить энтузиасту Шлиману, добродетельны до того, что даже не знают о своей добродетели и не имеют никакого понятия о зле. Они очень серьезны, некоторые даже с меланхолическим оттенком в характере, и многие из них заболевают сумасшествием, столь редким среди остальных греков. Шлиман видит в них потомков финикиян и причисляет их к семитской расе; слово Итака так же, как имя африканской «Утики»,—происхождения финикийского и означает «колонию». Между фиакиотами нет ни богатых, ни бедных, но любовь к путешествиям побуждает значительное число их удаляться из отечества, почему их можно встретить во всех многолюдных городах Востока, особенно в Галаце и Браилове, где они занимаются хлебной торговлей, и некоторые из них, соединившись в товарищества, владеют большими судами на Дунае.

«*Zante, fior dei Levante*» (Занте—цветок Леванта)—говорят итальянцы, и действительно, древний Закинф богаче всех Ионических островов фруктовыми садами, возделанными землями, загородными домами: он имеет даже рощи, остатки лесов, о которых упоминают Гомер и Виргилий. Средину «Золотого острова» занимает большая равнина, расположенная между двумя рядами холмов средней высоты и представляющая обширный сад, в перемежку с виноградниками, которые дают превосходный коринфский виноград (коринку) и другие сорта винограда, получаемые из которых вина могут соперничать с лучшими винами Испании. Промышленные жители его не ограничиваются возделыванием своих собственных земель, а ходят еще обрабатывать поля в Акарнанию либо за плату, либо за часть урожая. Они выделывают также шелковые ткани, отличающиеся прочностью и красотою рисунка и очень ценимые на Востоке. Город Занте, расположенный на восточном берегу острова, против берегов Элиды, имеет вид вполне итальянского города; можно подумать, что он до сих пор представляет венецианскую колонию, как в прошлом столетии, во время рождения там поэта Гуго Фосколо. Над городом возвышаются развалины крепости, откуда можно видеть «всю Грецию, от Тайгета до Парнаса». Занте—самый богатый и самый чистенький из городов Кефалонского архипелага, но многие строения, разрушенные землетрясениями, еще не восстановлены. Около юго-восточной оконечности острова, т.е. около «Воскового мыса» (Кири), существуют источники горной смолы, эксплоатированные уже во времена Геродота; они дают еще при ежегодном сборе в апреле месяце около ста бочек смолы. Кроме того, есть источники нефти (которые одно время разрабатывались английскими промышленниками), вытекающие на берегу и даже бьющие со дна моря:— так, около мыса Скинари, на северной

стороне острова, вода постоянно бывает покрыта жирным, вонючим слоем этой жидкости.

К Занте принадлежат также островки Стривали, древние Строфады, на которых, по мифологическим рассказам, летали отвратительные гарпии.

VI. Нынешнее состояние Греции

Греческий народ, без сомнения, сделал большие успехи с тех пор, как он свергнул турецкое иго; но он далеко еще не достиг всего того, чего ожидали от него рьяные эллинофилы. Видя его равным по мужеству грекам Марафона и Платеи, думали, что он в короткое время поднимется до умственного и художественного уровня тех поколений, которые произвели Аристотеля и Фидия. Но эти большие надежды далеко еще не осуществились. Невозможно, чтобы народ в течение двух поколений мог освободиться вполне от варварства, отрешиться от давивших его дух всякого рода предразсудков, переменить нравы, привыкшие во время рабства к насилию, вероломству, лености, усвоить себе научные приобретения двадцати веков и занять место в ряду руководящих народов Европы. Впрочем, надо принять в соображение, что число эллинов в Греции едва равняется населению четырех департаментов Франции, и при том слишком рассеяно по гористой, суровой и неимеющей дорог территории. Изрезанные заливами, берега полуостровов и островов Греции удивительно благоприятны для торговли, и жители её не преминули воспользоваться этим и, как известно, с большим успехом; но зато мало стран в Европе, рельеф которых был бы менее благоприятен для утилизации земледельческих и промышленных рессурсов страны. Свойства почвы всюду мешают устройству дорог, а глубокое море всюду улыбается в заливах и манит вдаль к путешествиям и торговле, потому-то эмиграция идет не из Оттоманской империи в Грецию, а наоборот,— масса греков, особенно с Ионических и Цикладских островов, отправляется ежегодно искать счастия в Константинополе, Каире и даже в Индии. Люди работящие и предприимчивые удаляются, дома же остаются интриганы, которые из политики делают себе доходное ремесло, да миролюбивые чиновники, будущее которых зависит от милости министра. Из этого выходит результат весьма странный: самыми богатыми, цветущими и даже более свободными и благоустроенными являются те общины греков, которые развиваются за границею. Самый маленький новогреческий городок Фракии или Македонии, несмотря на то, что состоит под надзором паши, мог бы служить образцом ведения общественных дел для самостоятельного и державного королевства Греции. Это потому, что он непосредственно заинтересован в хорошем управлении своими делами, которые составляют, так сказать, дела семьи, между тем как в Элладе беспокойная и жадная бюрократия во все вмешивается, с целью попользоваться общественными грошами, подкупает избирателей, чтобы удержать свое положение, и старается нажиться, поддерживая, под разными, более или менее легальными, формами, традиции пиратства и грабительства, так долго господствовавшие в их стране.

Нынешнее население Греции, вместе с присоединенными недавно областями, может быть определено в два миллиона триста тысяч человек, т.е. составляет около половины всех эллинов Европы и Азии. При равной поверхности, Эллада, положение которой так выгодно для торговли, населена не только слабее цивилизованных стран Западной Европы. но даже стоит в этом отношении ниже Турции. Между тем, если верить писателям, хорошо изучившим прошлую историю эллинов, собственно Греция, в эпоху своего наибольшего благосостояния, имела по крайней мере от шести до семи миллионов жителей. Одна Аттика была населена вдесятеро гуще, чем ныне, а некоторые острова, на которых теперь увидишь разве нескольких пастухов, были покрыты многолюдными городами; среди самых пустынных плато, на берегу ничтожного ручья, на всяком мысе, заметны следы древних городов; карта эллинского мира от Кипра до Корфу и от Фазоса до Крита усеяна древними городищами, paleochori, palecastro, palaeopoli, при чем континентальная Греция не менее богата подобными воспоминаниями, чем её острова и берега Малой Азии. В настоящее время число рожде-

ний значительно превышает смертность[1]; оффициальным статистическим данным, число мущин значительно превышает число женщин; но верен ли этот факт, стоящий в противоречии с тем, что мы видим во всей остальной Европе?[2].

Хотя страна заселяется вновь с некоторою медленностью, но тем не менее прогресс в этом отношении неоспорим. До войны за независимость число жителей Греции, с Ионическими островами, было, может быть, больше миллиона, но битвы и в особенности резня в Морее значительно уменьшили население, так что в 1832 году греков и ионийцев вместе было не более 950.000. С того времени ежегодное приращение населения колебалось между 9.000 и 14.000 человек, но довольно неодинаково. Если быстро возрастало население городов, то многие острова Архипелага и Ионического моря, как-то: Андрос, Санторин, Гидра, Занте, Левкада, теряли вследствие эмиграции более, чем давал перевес родившихся над умершими. На материке всего более замедляют возрастание населения Греции болотные лихорадки. Почва её совершенно здорова по своему естественному климату, но во многих местах она стала весьма вредною для здоровья жителей, вследствие застоя в болотах воды;—поэтому завоевание вновь земель культурой было бы в одно и то же время и обогащением страны, и удалением ужасного бича.

Население значительнейших городов Греции (по переписи 1889 г. в круглых числах):

Афины 108.000, Пирей 35.000 ч.,итого 143.000 ч.; Патрас 34.000 ч.; Гермуполис или Н. Сира 22.000 ч.; Корфу 28.000 ч.; Занте 17.000 ч.; Ларисса 14.000 ч.; Триполис или Триполица 11.000 ч.; Аргос 10.000 ч.; Пиргос или Летрини 13.000 ч.: Аргостоли (Кефалления) 9.000 ч.; Каламита 11.000 ч.; Халцис (на Евбее) 10.000 ч.; Филиатра 9.000 ч.; Гидра 6.000 ч.; Миссолонги 10.000 ч.; Мессена 6.000 ч.; Ликсури (Кефалления) 6.000 ч.; Краниди, в Арголиде 6.000 ч.; Триккала 15.000 ч.; Ламия 7.000; Порос 5.000 ч.; Мегара 6.000 ч.; Эгион или Востица 7.000 ч.; Агринион 7.000 ч.; Воло 11.000 ч. Население Греции без Ионических остр. в 1832 г. 713.000 ч. Население Греции без Ионических остр. в 1870 г. 1.226.000 ч.; с Ионическими островами 1.458.000 ч.; по переписи 1889 г., 2.187.208 ч.

С 1870 г. площадь возделываемых земель увеличилась более чем на 200.000 гектаров; тем не менее собираемых в стране продуктов недостаточно для прокормления населения. Удобные для обработки земли удивительно пригодны для культуры винограда, плодовых деревьев, промышленных растений, как например: хлопчатника, кунжута, табаку. Фиги и апельсины—превосходны; вина Санторина и других Цикладских островов—одни из лучших, производимых на берегах Средиземного моря. Масла Аттики, хотя не так чисты, как прованское, но так же хороши, как и в те времена, когда богиня Афина посадила своими руками священную маслину. За исключением коринки, которая вывозится из Патраса и с Ионических остров, оливкового масла и свинца, Греция продает за границу лишь ничтожную часть своих земледельческих продуктов, и только весьма малую долю этих продуктов доставляет труд мелкого земледельца: почти все виноградники, дающие коринку, принадлежат крупным собственникам[3]. Один из главных предметов вывоза составляют желуди особой породы дуба (валлонея), собираемые в лесах; их употребляют красильщики.

В стране, где земледелие развито так слабо, естественно, что и промышленность должна быть почти ничтожна, если не считать Пирея, где есть несколько фабрик и заводов (прядильные и ткацкия мануфактуры, стеклянный завод, 14 паровых мельниц и пр.). Поэтому все необходимые мануфактурные товары Греция получает из-за границы, особенно из Англии, и не имеет даже необходимых орудии для серьезной эксплоатации своих мраморных ломок, которые богаче Каррарских. На всем пространстве Греции существует только один значительный разрабатываемый рудник, именно Лаврионский. Еще древние в течение мно-

1 Движение населения в Греции в 1890 г.: 78.226 рождений; 55.813 умсрш.; перевес рождаемости: 22.413

2 По переписи 1889 г.: Мужчин 1.133.625; Женщин 1.053.583.

3 Площадь под виноградниками в 1893 г.: 135.945 гектар.; сбор 2.998.000 гектол.; под коринфск. виноградом 67.972 гектар., сбор 158.757.000 килограм.; под маслинами 174.787 гектар., сбор 6.803.880 килограм. Среднее производство коринки—около 97 миллионов килограм. в год.

гих веков пользовались в этой части Аттики копями сереброносного свинца, около которых теперь в разных местах возвышаются еще целые холмы шлака. Эти-то кучи перерабатывают с 1863 г. на Эргастирийском заводе—одной из самых больших свинцеплавилен во всем свете, и извлекают из этих остатков ежегодно до десяти тысяч тонн свинца, не считая значительного количества серебра. Около завода образовался небольшой промышленный город, порт которого принадлежит к числу самых оживленных во всей Греции. Но это замечательное заведение Эргастирии создалось не без труда: завидуя иностранным промышленникам, эксплоатировавшим эти богатства, туземные спекуляторы начали устраивать им всяческие препятствия, так что по поводу Лаврионских куч шлака эллинское правительство чуть-было не поссорилось с Францией и Италией.

Так как греки извлекают из своей почвы количество продуктов, недостаточное для собственного потребления, а промышленность их не имеет большего значения, то они должны были бы умереть с голоду, если бы их пять тысяч судов, находящихся постоянно в движении, не занимались в Средиземном море прибыльным перевозочным ремеслом. Их торговый флот в пять раз больше торгового флота Бельгии; к этому надо присовокупить еще, что большая часть купеческих кораблей под турецким флагом принадлежат также эллинам.

Торговля и мореходство Греции:

Торговый флот в 1893 г.: 116 пароходов, общей вместимостью 83.508 тонн, и 944 парус. судна, вместимостью в 249.378 тонн; всего 1.060 судов дальнего плавания, вместимостью 332.886 тонн. Движение в портах в 1892 г.:

Вошло 6.582 нагруженных корабля, вместимостью в 2.788.815 т.; вышло 5.482 нагруженных корабля, вместимостью в 2.340.720 т. Ввоз в 1893 г.: 91.500.000 драхм: вывоз 88.000.000 драхм.

Древняя наклонность племени к мореходству выражается только в каботажном плавании. Крупные быстроходные пароходы принадлежат большим западно-европейским компаниям; эллинские же суда, с ограниченною вместимостью и разнообразным грузом, плавают только около берега из одного порта в другой, не выходя обыкновенно за пределы древнего греческого мира; но зато ни одно судно не плавает с меньшими расходами, чем греческое, ибо все матросы сами заинтересованы в нагрузке, и все живут чрезвычайно воздержно, чтобы получить больше прибыли; при том одни из них доставили лес для постройки судна, другие—такелаж, третьи—ту или иную часть груза, а необходимые деньги на покупку товаров дали им их же сограждане или однодеревенцы просто на-слово. На многих судах весь экипаж состоит из товарищей, братски разделяющих труды и не имеющих над собою никакого хозяина:—все одинаково равны. Капитан является командиром судна только оффициально.

Но каковы бы ни были умеренность и предприимчивость эллинских моряков, им грозит та же участь, которой подвергается вообще мелкая торговля и мелкая промышленность. Экономические перевозочные суда Греции могут долго еще состязаться с пакетботами больших компаний, но, рано или поздно, они должны будут уступить им свое место, или преобразоваться в промысловые суда для ловли кораллов и губок. Тогда Греция рискует утратить свое торговое значение, если не увеличит быстро свои внутренние рессурсы развитием земледелия и промышленности и устройством дорог для перевозки продуктов. В настоящее время Греция еще очень бедна проезжими дорогами, но не только вследствие препятствий, представляемых скалами и горами, а главным образом вследствие беззаботности жителей, которые всегда довольствовались морем. Телемак не проехал бы ныне в своей колеснице, как в гомерические времена,—если только они не басня—из Пилоса в Лакедемон, ибо ему пришлось бы пробираться по краю пропастей по опасным тропинкам. Из всех независимых стран Европы Греция, вместе с Сербией, оставалась дольше всех без железных дорог. В наше время Афины соединены с Пиреем, Лаврионом, Коринфом и Навплией; Воло соединен с Ларисой и Триккалой, Катаколон с Пиргосом; в Пелопоннезе проведена железнодорожная линия по всему южному берегу Коринфского залива и далее, до Пиргоса и Олимпии.

Железнодорожного пути в Греции 1 января 1893 г.: 918 километр. Длина телеграфных линий в 1892 г.: 8.958 километр.; телеграмм отправлено: 1.186.000; писем в 1891 г. 9.322.000; периодических изданий и произведений печати 7.397.000.

Если большие общественные сооружения так запоздали в Греции, то главная причина

Крестьяне изъ окрестностей Аѳинъ.

этого заключается в непрерывном банкротстве эллинского правительства: равновесие греческого бюджета есть совершенная фикция. Государственный долг, который уплатить невозможно, достигал бы слишком семисот миллионов, т.е. более трехсот франков на человека,

если бы уже давно не перестали платить процентов по первым займам[1].

Общей бедности страны соответствует и частная бедность большинства жителей Греции. Разоряемые уплатою налогов (десятины), которые казна увеличивает иногда вдвое или даже втрое против нормального размера, большая часть поселян влачит жалкое существование: несмотря на крайнюю природную воздержность, поселяне не имеют достаточной пищи; их жилища—нездоровые лачуги; жители часто не могут уделить себе ничего на одежду и на предметы первой необходимости. Потому-то молодые люди беднейших местностей толпами и выселяются из Греции, либо на год, либо на неопределенное время. Аркадия в этом отношении может быть сравниваема с Овернью, Савойею и большею частью гористых стран центральной Европы. У этолийцев, которые с большим трудом решаются покинуть свои прекрасные дикия долины для чужестранных городов, существует один обычай, показывающий, до какой безнадежности доведены они непосильными податями. Вместо того, чтобы сопротивляться,—как сделали бы их суровые предки, пока не были сломлены рабством, эти несчастные, разоренные сборщиками податей, выходят из своей деревни и складывают на краю большой дороги кучу камней, которая навсегда должна оставаться свидетельством совершонной над ними несправедливости. Эта куча значит «анафема», и каждый поселянин, проходя мимо этого памятника немого проклятия, набожно кладет в кучу и свой камешек: общая мать—Земля—должна отомстить за обиженных.

Обычный спутник нищеты—невежество, также велико в деревнях Греции, особенно в труднодоступных местах, каковы: Этолия и Майна или полуостров Тайгетский. Еще в 1870 году было 55 общин, в которых ни одна женщина не умела ни читать, ни писать; в то же время число неграмотных в армии простиралось до половины. В Греции, как и в Албании и Черногории, верят в водяных, которые появляются в виде драконов, в коварных русалок, которые заставляют молодых людей полюбить себя и увлекают их в волны; верят в вампиров, в дурной глаз, в чудеса магии и т. д. Обычай запрещает заключать браки в мае месяце, велит откапывать умерших через три года после смерти, очищать и натирать благовонными мазями их кости, заставляет каменщиков при постройке домов помещать угловой камень на трупе петуха или какого-либо животного[2]. Между стариками и людьми зрелых лет грамотные еще и теперь редкость; также мало распространена грамотность среди женщин. Но зато почти все мальчики и значительная часть девушек обучаются в настоящее время чтению и письму.

Процент неграмотных в 1879 г.:

Мужчин 69 на 100. женщин 93 на 100.

В 1890 г. число неграмотных составляло 30 проц. населения.

К счастию для греков, несмотря на нищету, в которой влачит свое существование большая часть населения, у них есть желание учиться, есть стремление к знанию, хотя-бы и неглубокому. Так, на острове Итаке жители останавливают образованных путешественников и просят читать им песни Гомера.

Безденежье правительства не помешало основанию начальных школ почти во всех деревнях Греции, а во многих местах, где нет для школ помещений, преподавание ведется под открытым небом, и дети не только не прогуливают классов, а даже едва отрывают глаза от тетрадей, чтобы взглянуть на прохожих или на порхающих птиц. Воспитанники гимназий и университетов в Афинах и Корфу посвящают себя труду совершенно добросовестно, хотя часто только затем, чтобы научиться разглагольствовать. Среди молодых людей, посещающих Афинский университет, есть и такие, которые, чтобы заниматься днем наукою, часть ночи проводят за какою-нибудь механическою работою, и даже такие, которые поступают в лакеи и кучера, чтобы заработать средства приобрести себе диплом юриста или врача.

Подобная любовь к учению может обеспечить греческому народу более значительное

1 Бюджет 1894 года: доходы 87.134.169 фр.; расходы 86.370.249 фр. Государственного долга в 1893 г.: 569.220.353 драхмы в золотой и 161.758.822 др. в бумаждой валюте.

2 Bikelas, De Nikopolis a Olympie.

влияние, чем можно было бы предполагать при небольшой его, в сравнении с соседними народами, численности. Греки всех восточных частей, от Эпира до Кипра, смотрят на Афины как на умственный центр, куда и посылают учиться свою молодежь. Даже больше: чтобы способствовать славе и благоденствию возрождающагося народа, они уделяют часть своих доходов на основание или на поддержание афинских школ, и не только богатые греческие негоцианты Марсели, Триеста, Салоник, Смирны и других мест так заботятся об истинных интересах родины, но и простые земледельцы, неграмотные вдовы Фракии и Македонии точно также употребляют свои сбережения на дело общественного образования. Народ сам устраивает себе школы, музеи и платит профессорам. Афинская академия, политехническая школа, университет, Арсакейон—превосходная коллегия для воспитания девиц,—обязаны своим существованием не правительству, а усердию эллинских граждан всех стран. Понятно, с каким интересом весь народ следит за этими заведениями, основанными на пожертвования всех, и какое большое влияние будут иметь в своих родных местах молодые люди и молодые девушки, вышедшие из школ общего отечества.

Итак, общая связь греков, заключающаяся в общности языка, преданий и надежд,—вот что делает из них нацию, осуществляет лучше всяких трактатов то объединение расы, которое они называют «великою идеею». Проведенные дипломатиею границы не имеют никакого смысла с точки зрения эллинского патриотизма. Обитают ли они в собственно Греции, или в Европейской и Азиатской Турции, греки все-таки составляют один народ, живут общею национальною жизнью, не зависящею от константинопольского и афинского правительства. Даже именно за границею всего лучше сохранились предания и порядок общинной жизни, и там греческий гражданин действует всего свободнее. Нацию же должно составлять все племя, взятое в его совокупности, а оно простирается до нескольких миллионов человек. Вот то, уже значительное и возрастающее с каждым днем население, которое должно иметь важное влияние на будущие судьбы Средиземной Европы.

Часто утверждали, будто греки, вследствие единства религии, склонны благоприятствовать русским притязаниям и проложить России путь к Константинополю. Но это неправда: эллины вовсе не думают жертвовать своими интересами для чуждой им нации. У них есть естественные связи, на которых основываются истинные союзы, но не с Россией византийской традиции. Климат, географическое положение, исторические воспоминания, торговые отношения и в особенности внутренния связи единства цивилизации соединяют Грецию с группою наций латинских: с Италиею, Испаниею и Франциею. В великом разделе Европы, совершающемся постепенно силою вещей, эллины занимают место не между славянами, а между латинами. В 1870 г., когда Франция, во время нашествия на нее, боролась за свое национальное существование, к ней явилось на помощь больше тысячи греческих волонтеров: франкофилы пришли уплатить долг эллинофилам, сделанный Грецией в первой половине нынешнего столетия.

Начальные школы в Греции:

В 1830 г.—110 школ, 1.000 учащихся. В 1880 г.—1.528 школ, 100.000 учащихся. В 1891 г.—2.730 школ, 116.575 учащихся.

Афинский университет и политехникум имели в 1893 г. свыше 2.600 слушателей.

В 1892 г. выходило 131 периодическое издание.

VII. Управление и политическое деление

Покровительствующие державы, в подражание государствам Западной Европы, дали Греции парламентарное и конституционное правительство. По теории, «греческий король царствует, но не управляет»,—его министры ответственны пред палатами, переменное большинство которых дает преобладание то одной, то другой партии, следуя колебаниям общественного мнения. На самом деле, «королевская власть умеряется только дипломатиею».

Кроме того, формы государственного устройства, внесенные в Элладу, не имеют ничего соответствующего преданиям и духу греков, и со времени объявления их независимости они три раза переделывали свою хартию, не успев сделать ее лучше соблюдаемой.

В силу конституции 1864 г. все греческие граждане, владеющие какою-нибудь собственностью или имеющие какой-либо независимый род занятий, могут быть избирателями, в возрасте от двадцати одного года, и избираемыми—от тридцати лет. Депутаты, члены национального собрания (по 1 на каждые 12.000 жителей) избираются на четыре года, и во время сессии получают жалованье. Исполнительная власть сосредоточена в министерстве, состоящем из семи членов; государственный совет из 15-25 человек, созываемый монаршей властью по представлению министров, рассматривает законы, предлагаемые палатой, и делает поправки. Сумма, отпускаемая на содержание государя и наследного принца, составляет 1.325.000 франков. Армия, набираемая путем обязательной воинской повинности, по образцу великих армий Европы, состоит в мирное время из около тридцати тысяч солдат (в 1894 г. 1.880 офицеров, 22.997 нижних чинов, 2.490 лошадей); по штатам военного времени, должна состоять из 66.250 человек. Флот в 1894 г. состоял из 57 судов, из которых 3 броненосца; морской экипаж—около 2.800 человек. Всех епископов 39, в этом числе один митрополит в Афинах, 16 архиепископов и 22 епископа.

Православная греческая церковь в Элладе не зависит от константинопольского патриарха и управляется святейшим синодом, заседающим в столице под председательством епархиального архиепископа. Королевский коммисар присутствует в заседаниях синода без права голоса и контрасигнирует акты этого собрания. Всякое решение, не скрепленное оффициальною подписью коммиссара, не имеет никакой силы. С другой стороны, король не может ни отставить, ни сменить епископа иначе, как с ведома синода и согласуясь с каноническими правилами. Хотя, по силе конституции, все вероисповедания свободны, но оффициальные права православной церкви часто позволяют ей пользоваться инквизиционною властию и опираться в этом случае на власть гражданскую; синод надзирает за точным исполнением догматов; он указывает власти на уклоняющихся от православного вероучения проповедников и писателей и требует репрессивных мер против ереси; далее в круг его функций входит цензура религиозных книг и картин, а также возбуждение, в случае надобности, преследования против их авторов в гражданских судах.

Единственное вероисповедание, кроме оффициальной церкви, имеющее значительное число последователей,—римско-католическое, которое господствует в городском населении Наксоса и других Циклад. Духовное управление католической церкви состоит из трех архиепископов (в Афинах, Корфу и Наксосе) и пяти епископов.

Греция разделяется на номы, или номархии, которые, в свою очередь, подразделяются на семьдесят епархий. Округа епархии носят название димы, или димархии, и различные, составляющие их, сельские общины управляются паредрами или помощниками димарха. Все они назначаются королем и получают небольшое жалованье. Число чиновников в Греции (более 12.000 в 1889 г.), сравнительно, больше, чем во всякой другой стране Европы: они составляют шестидесятую, а со своими семьями двенадцатую часть всего населения королевства, и хотя жалованье их весьма скромно, но, по бюджету, они поглощают более половины всех доходов.

Пелопоннез.

Аркадия. Пов. 4.301 кв. кил.; епархии: Мантинея, Кинурия, Гортиния, Мегалеполис.

Лакония. Пов. 4.240 кв. кил.: Лакедемон, Гитион, Итилос, Эпидаурос, Лимера.

Мессения. Пов. 3.341 кв. кил.: Калашэ, Мессини, Пилиа, Трифилия, Олимпия.

Арголида и Норинеия. Пов. 5.244 кв. кил.: Навплия, Аргос, Коринф, Специа и Гермионис, Гидра и Трезена, Цитера.

Континентальная Греция.

Аттика и Беотия. Пов. 6.306 кв. кил.; епархии: Аттика, Эгина, Мегара, Фивы, Ливади.

Фтиотида и Фокида. Пов. 6.084 кв. кил.: Фтиотис, Парназис, Локрис, Дорис.

Акарнания и Этолия. Пов. 7.489 кв. кил.: Миссолунги, Валтос, Трихония, Эвритания, Навпаксия, Воница и Ксеромерос.

Ахайя и Элида. Пов. 5.075 кв. кил.: Патрас, Эгилиа, Калаврита, Илиа (Элис).

Острова.

Эвбея и Спорадские. Пов. 4.199 кв. кил.; епархии: Халцис, Ксерохорион, Каристия, Скопелос.

Циклады. Пов. 2.695 кв. кил.: Сирос, Цеа, Андрос, Тинос, Наксос, Тира (Санторин), Милос.

Корфу. Пов. 1.092 кв. кил.: Корфу, Мези, Орос, Паксос, Левкада (Санта-Мавра).

Кефалония. Пов. 815 кв. кил.: Кранея, Пали, Зами, Итака.

Занте. Пов. 438 кв. кил.: Занте.

Новейшие присоединения: **Арта**, **Триккала**, **Кардица или Фессалия**, **Ларисса**, **Воло**. Пространство 13.800 кв. кил.

Глава V Европейская Турция

I. Общий вид

Из трех полуостровов южной Европы самое счастливое географическое положение имеет, может быть, Балканский полуостров, пользующийся наибольшими, пред остальными полуостровами, естественными преимуществами. Форма его превосходит богатством контуров форму Испании и даже Италии; берега его, омываемые четырьмя морями, изрезаны заливами и бухтами, окаймлены, как бахромою, ветвями полуостровов и окружены многочисленными островами. Многие из его долин и равнин не менее плодородны, чем берега Гвадалквивира и равнины Ломбардии; на нем встречаются два растительные пояса, и смешиваются в красивых пейзажах флоры двух разных климатов. Горы в Турции, живописная красота которых не прославляется только потому, что там редко бывают путешественники, не уступают, по своему величию, цепям других полуостровов и большею частью отличаются еще тою прелестью, которую придают горам леса. Правда, почти совершенное отсутствие дорог делает их в настоящее время не столь доступными, как Апеннины в Италии или сиерры в Испании, но во всяком случае средняя высота их меньше, и хребты их пересечены многочисленными проходами, а составляющие их подножие плоские возвышенности уже и более изрезаны долинами, чем высокие равнины Кастилии. Наконец, Испания и Италия совершенно загорожены с севера трудными для перехода горными стенами; турецкий же полуостров соединяется с телом материка незаметными переходами, не имея никаких естественных границ. Цепи Австрийских Альп продолжаются непрерывно в Боснии; Карпаты переходят через Дунай и связываются с системою Балконов, прорезанных многочисленными проходами.

Турция пользуется почти единственным на земле преимуществом, доставляемым её полуострову Фракии близостью и параллельностью берегов двух материков. Европа и Азия сходятся друг с другом и разделены только морскою рекою, соединяющею Черное море с

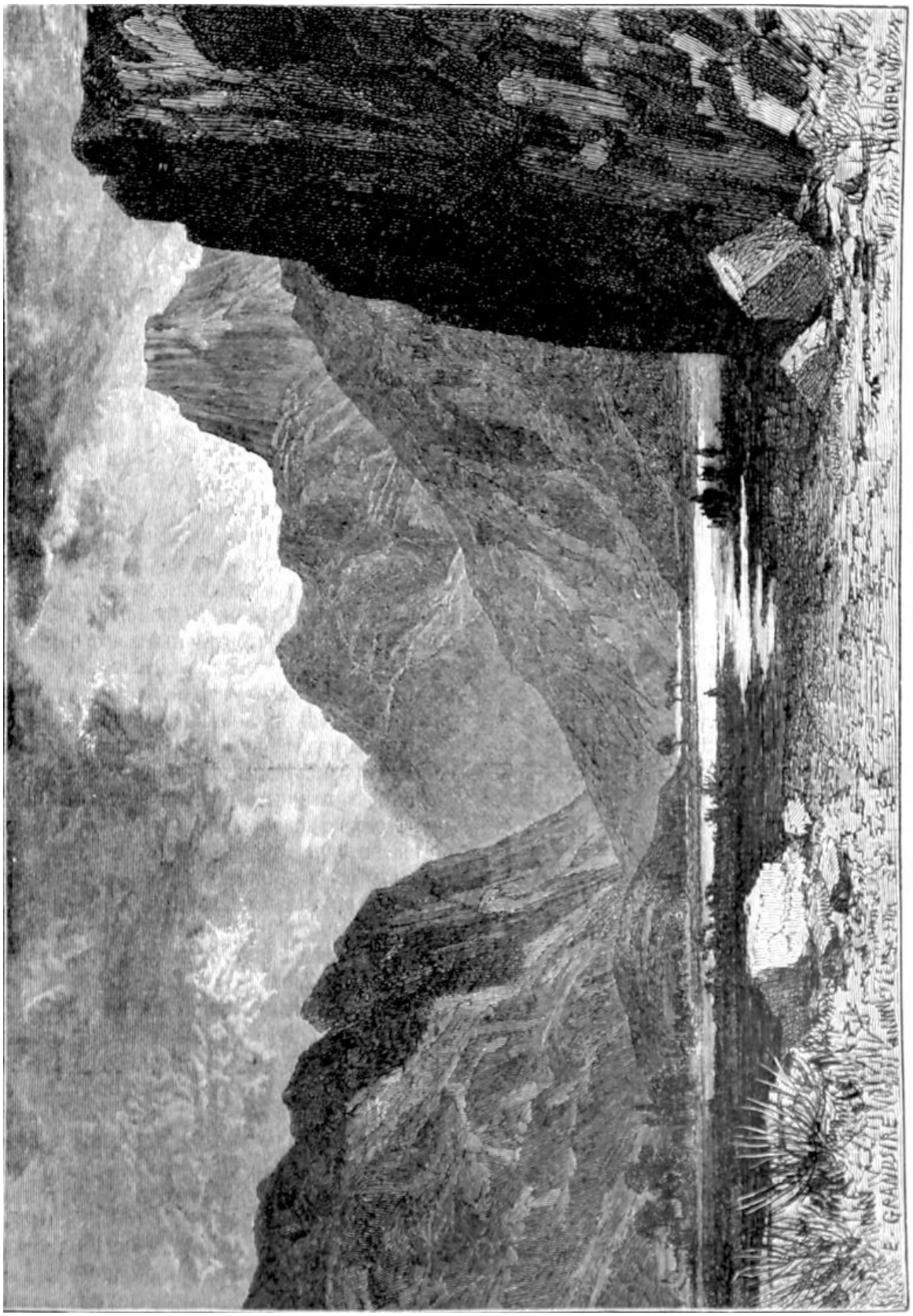
Эгейским, у турок «Белым». Таким образом в этой части древнего мира пересекаются две оси—ось материков и ось внутренних морей. Представляя разом и перешеек, и пролив, Босфор и Дарданеллы, в одно и то же время, служат путем для коммерчерских флотов и местом перехода при движениях народов с одного материка на другой. Если бы Черное море вдавалось дальше внутрь земель и составляло бы, как было некогда, в древние геологические периоды, бассейн, соединенный с Каспийским и другими азиатскими морями, Константинополь сделался бы «Средиземным городом» всего Старого света. Он и был таким в течение тысячи лет, и хотя-бы даже ему никогда не суждено было вновь приобрести это название, он во всяком случае всегда останется центром тяготения, вокруг которого будут вращаться судьбы народов. Нынешний город может быть уничтожен, но он скоро возродится в том или другом месте, на берегу того или другого пролива, в этой области обмена между Европою и Азиею. На заре нашей истории могущественный Илион господствовал над входом в Дарданеллы. Он возродился затем на Босфоре; но если бы не возникла Византия, многие другие города, хотя и не столь облагодетельствованные природою, каковы—Александрия, Троя, Халкедон, Никея, Никомидия, могли бы сменить его.

Эта посредническая роль области проливов естественным образом должна принадлежать, хотя и в меньшей мере, всему побережью Эгейского моря. Известно, чем была Греция в истории человечества; но оставляя в стороне эту, политически-отдельную от Турции, страну, нельзя не признать того первостепенного значения, которое имели в летописях мира Фракия и Македония. Отсюда именно, после нашествия персов на Грецию, направилось обратное движение народов в страны Эвфрата и Инда. Здесь держалось римское могущество еще тысячу лет после того, как оно пало в самом Риме, и здесь же сохранилось то драгоценное сокровище греческой цивилизации, которое должно было «возродить» Западную Европу. Правда, пришествие турок вдруг прервало в стране всякую историю и всякое цивилизаторское действие. Эти завоеватели туранского племени успели утвердиться на полуострове Фракии, благодаря общему волнению, которое три тысячи лет не переставало увлекать народы с востока на запад. Прошло уже более пяти веков, как они поселились здесь, и более четырех веков, как сделались хозяевами всего полуострова,—и во все это время восточный Рим был как-бы отрезан от остальной Европы. Непрестанные войны между христианским миром и магометанами, необходимо вызываемые присутствием последних, роковое унижение побежденных и даже обращенных в рабство народов, наконец, беззаботный фатализм самих хозяев страны совершенно остановили нормальный прогресс в этих странах, которым гак покровительствует сама природа. Но уже пришло время для столь важной части Европы восстановить свое значение в общей экономии земли. «Мир клонится к Востоку»,—сказал Виктор Гюго.

Обширный фрако-эллинский полуостров так же мало известен, как центральная Африка. Несколько лет тому назад, путешественник Каниц удостоверил, что обозначенные на картах наобум реки, холмы и фантастические горы около Виддина,в непосредственном соседстве с Дунаем,—вовсе не существуют, и напротив, указал в различных частях центральной Болгарии втрое и вчетверо больше деревень, чем было означено на самых подробных картах. Другой географ, француз Лежан, убедился, что мнимое ущелье, перерезывающее поперек Балканскую горную систему,—совершенный миф. Затем, русские геодезисты, на которых было возложено измерение продолжения дуги меридиана на пространстве всего полуострова, нашли, что город София находится почти в сутках пути от того места, на котором он значился по лучшим картам, и, сверх того, по их же измерениям, оказалось, что положение всей цепи Балканских гор севернее, чем принимали до того времени. Сколько же подобных важных ошибок придется исправить относительно гор Пинда и плоскогорий Албании, куда до сих пор заглядывало такое ничтожное число ученых? А если не кончена еще предварительная работа простых открытий, то тем более должно быть не полно ближайшее исследование страны во всех её топографических подробностях и скрытых богатствах.

Во всяком случае, благодаря путешествиям и трудам многих ученых, между которыми

следует упомянуть главным образом: Ляпи, Буэ, Викнеля, Лежана, Каница, Барта, Гохштеттера, Абдул-бея. и русских и австрийских рисовальщиков, сопровождавших свои армии во время последних войн с Турцией, почва Балканского полуострова уже известна во всех наи-



Входъ въ ущелье Харіо-Румели.

более крупных чертах её рельефа и геологического строения. Это было делом не легким, ибо горные группы и цепи полуострова не представляют никакой правильной системы; в них нет какой-либо центральной гряды, от которой бы ветви расходились направо и налево и, понижаясь постепенно, сливались с равнинами. Напротив, центр Турции далеко не пред-

ставляет самой её возвышенной местности, и самые высокие вершины группируются весьма не одинаково в разных частях страны. Орьентировка горных хребтов не менее разнообразна: они направляются во все стороны горизонта. Можно только сказать вообще, что цепи западной Турции развиваются параллельно берегам морей Адриатического и Ионического, а гряды гор Болгарии и восточной Румелии тянутся перпендикулярно к Черному морю и Архипелагу. По своему рельефу гор и общему склону Иллирийский полуостров, так сказать, оборачивается к европейскому материку спиною: высочайшие его вершины, самые обширные плоскогория и непроходимые леса находятся на западе и северо-западе и как-бы удаляют его от Адриатических берегов и равнин Венгрии; точно также и все его реки, направляющиеся к северу, к востоку, к югу,—в конце-концов изливаются в Черное и Эгейское моря, орошая своими водами прибрежные области, обращенные к Азии.

Крайний беспорядок горных цепей и групп влечет за собою подобный же беспорядок и в распределении народов полуострова. Различные группы переселенцев, были ли то дикия орды или мирные колонисты, шли ли они чрез проливы из Малой Азии, или чрез равнины Скифии по долине Дуная,—все они вскоре рассыпались по замкнутым долинам и безвыходным котловинам. Самые различные племена, запутавшись в этом лабиринте гор, сходились друг с другом как-бы случайно и почти всегда вступали в столкновение. Одни из них, более многочисленные, более храбрые в войне или более искусные в мирных промыслах, мало-помалу увеличивали свои владения на счет соседей; другие же, напротив, побежденные в борьбе за существование, теряли всякую связь и разделялись на бесчисленные фракции, переставшие даже знать друг друга. Население Венгрии, несмотря на смешение племен и языков, может был названо однородным, в сравнении с населением Турции, в некоторых округах которой есть общины, состоящие из представителей восьми или десяти различных рас, живущих рядом друг с другом на пространстве нескольких миль.

Тем не менее, однако, не могло не произойти, наконец, в этом хаосе общей осадки, и в наши дни война грубо распределила расы путем иммиграций и массовых изгнаний, сопровождавшихся эпидемиями и резней. В настоящее время, если не принимать в соображение бесконечной чрезполосности всякого рода и величины, территория полуострова может быть разделена на четыре большие этнологические пояса. Крит и острова Архипелага, прибрежье Эгейского моря и восточный склон Пинда и Олимпа—населены греками; пространство между Адриатическим морем и Пиндом—албанцами; область Иллирийских Альп, на северо-западе, занята славянами, известными под разными именами:—сербов, кроатов, босняков, герцеговинцев, черногорцев; наконец, оба склона Балкан, Деспото-Даг и равнины Восточной Румелии принадлежат болгарам. Что же касается самих завоевателей страны—турок, то они рассеяны по разным местам более или менее значительными группами, в особенности около столицы и укрепленных мест. До недавнего времени единственной и обширной частью страны, где они являлись обладателями в этнологическом смысле, был северо-восточный угол полуострова, между Балканами, Дунаем и Черным морем.

Иллирийский полуостров и турецкие острова:

	Поверхн. в кв. кил.	Население.
Собственно Турция	168.533	5.600.000 д.
Сербия, Болгария, Восточная Румелия, Черногория	153.850	5.773.000
Всего:	322.383	11.373.000 д.

Предсказания насчет Турции, которыми Европа услаждает себя уже полвека, все еще не исполнились. Давно уже минуло четыре века со времени взятия Константинополя, а Турция все еще «не переброшена через пролив». «Больной человек»—как называют дипломаты империю Османов,—борется с смертью гораздо успешнее, чем ожидали, и соседния державы никак не могли еще столковаться насчет дележа её останков. Правда, что без перемежающейся поддержки Англии, без соперничества Австрии с Россией, Турция давно бы уже покончила свое существование; несмотря на трактаты «вечного мира», ей грозит серьезная опасность от врагов, а враги Турции—это все пограничные с ней государства,—опасность

тем большая, что в сербском, болгарском и греческом элементах своего народонаселения Турция имеет крайне горючий материал, готовый ежеминутно вспыхнуть в грозное восстание. Пока лучшая защита Турции—это интересы европейского «равновесия», или, вернее сказать, взаимная зависть европейских держав. Но, тем не менее, эта обширная империя, простирающаяся до самой Аравии и чрез своего вассала, хедива египетского, владевшая еще недавно, в качестве сюзерена, Нубией, Дарфуром и частью Абиссинии, дала уже трещины в разных местах. Весь северный склон Балкан только номинально подчиняется еще владычеству Турции; ни единая капля дунайских вод не течет по турецкой территории, и даже истоки многих рек, впадающих в Эгейское море, перестали орошать землю Османов, Батум отошел к России и причислен к Закавказью; Кипр стал английским островом; Тунис принадлежит отныне французам. Центр тяжести Оттоманской империи переместился, он более уже не в Европе, а Малая Азия, в середине которой он ныне находится, истощена, в конец разорена голодом и совершенно беззащитна относительно России.

Оттоманская империя занимает громадное пространство, от пяти до шести миллионов квадр. километров,—пространство, точные границы которого указать невозможно, ибо к югу и юго-западу владения султана теряются в неисследованных пустынях Судана. Однако, Нильский бассейн, собственно говоря, не может уже идти в счет; внутренняя Аравия принадлежит вагабитам; южные берега Гадрамаута населены или свободными, или подчиненными Англии народцами. Наконец, даже между Сирией и Евфратом многие округа хотя и управляются номинально турецкими пашами, но, в сущности, совершенно открыты набегам и грабежам бедуинов.

Собственно Оттоманская империя заключает в себе, кроме европейских провинций, Малую Азию, Сирию, Палестину, двойной бассейн Тигра и Евфрата, Геджас и Иемен в Аравии и Триполи в Африке. Эта территория занимает пространство в 400 миллионов гектаров, т.е. приблизительно в восемь раз больше Франции, но население её далеко не так густо, как население Западной Европы, и едва-ли переходит за 30 миллионов человек, при чем некоторые статистики полагают, что число это миллиона на два или на три превышает истинную цифру населения.

Европейская Турция, в состав которой Босния, Герцеговина, Болгария и Восточная Румелия уже не входят, представляет собою государство средней величины, поверхность которого не более двух пятых территории Франции.

Со времен Шатобриана вошло в поговорку выражение, что турки остановились в Европе лишь временным лагерем, и что они сами ждут не дождутся, как-бы им поскорее вернуться в степи, из которых они некогда пришли. И словно в предчувствии этого, многие стамбульские турки завещают погребать себя на Скутарийском кладбище, как-будто желая спасти прах свой от попирания нечестивой ногой гяуров, когда они явятся в Константинополь в качестве хозяев. Во многих местах и живые подражают в этом отношении мертвым: незначительное, но постоянное переселение с островов Архипелага и побережья Фракии ежегодно уносит в Азию известное количество старотурецких семейств, недовольных всей этой европейской цивилизацией, все глубже и глубже вторгающейся в их неподвижную, восточно-ленивую атмосферу. Но переселения эти слишком единичны и не могут идти в сравнение с тем массовым «исходом», который произошел в Балканах, благодаря последней русско-турецкой кампании. Число выселившихся со времени русской оккупации мусульман простирается до миллиона. Некоторые округа совершенно изменили свое население; турки ушли, взамен их явились славяне, и все стало другое—язык, религия, нравы. Интересно знать, повторится ли и в каких именно размерах это явление, в случае полного изгнания турок из Европы? По крайней мере «юруки» в Македонии и те коньяриды, которые живут в горах Румелии с одиннадцатого века, вовсе не думают покидать землю, издавна ставшую их родиной. Чтобы подавить турецкий элемент на фрако-эллинском полуострове, пришлось бы приступить к их полному искоренению, т.е. поступить с магометанами свирепее, чем поступали они некогда, в эпоху завоевания, в ту эпоху, когда они говорили, что там, где прошел их конь, не выро-

стет и трава. Надо принять в соображение и то обстоятельство, что, как-бы ни были турки Балканского полуострова малочисленны по сравнению с другими племенами, они, во всяком случае, опираются на миллионы магометан албанских, боснийских, болгарских, черкесских и ногайских. Мусульман в Европейской Турции около трети всего населения и, несмотря на различие племен, их скрепляет друг с другом общая религиозная ненависть к остальным народностям. Не надо забывать также и того, что турецкие мусульмане являются представителями ста пятидесяти миллионов своих единоверцев остального мира, и что эти народы принимают, все большее и большее участие в общем, движении человечества в Азии и Африке.

Не может быть сомнения, чти в недалеком будущем не-магометанское население Турции, стоящее далеко выше турок как по численности, так и по промышленной деятельности, по уму и развитию, достигнет превосходства над своими теперешними властителями и по политическому значению: это неизбежный результат истории. Приверженцы доброго старого времени, османли, сохранившие еще зеленую чалму своих предков, с отчаянием ждут наступления этой неминуемой развязки. Поэтому они противятся всеми силами всяким административным или материальным переменам, могущим, по их мнению, ускорить полную эмансипацию презренных «райев», и прибегают с этой целью или к открытому противодействию, или к намеренной медленности в практическом осуществлении этих перемен. Все европейские новшества представляются им, как это есть и на самом деле, прелюдиею большего социального преобразования, которое совершается против них. И действительно, не райям ли в особенности приносят пользу книги и школы; не райи ли пользуются путями и железными дорогами, торговыми портами и всеми новыми фабричными и земледельческими машинами? Благодаря европейским искусствам, и науке, босняки, болгары и сербы начали уже сознавать свое родство; албанцы и валахи стали сближаться с греками, все давние подданные султана—сознавать себя европейцами, подготовляя, таким образом, в будущем Дунайскую конфедерацию.

Между материальными переворотами, совершающимися в Турции, наибольшее значение для общих интересов Европы и всего мира представляет открытие прямого железно-дорожного пути из Вены в Константинополь. Эта давно обещанная железная дорога, устройство которой замедлялось из году в год финансовыми стеснениями, дополняет собою большую диагональ материка на пути из Англии в Индию. Полуостров разом, так сказать, повернется лицом. Он смотрел до сих пор к Архипелагу и Малой Азии, а теперь начинает обращаться и к Европе, от которой он отделен Скаром и Балканами,—а это влечет за собою весьма важную экономическую перемену. Путешественники и товары, вместо того, чтобы делать большой крюк по Дунаю или Средиземному морю, будут следовал прямым путем, из Босфора в Центральную Европу, и Константинополь будет утилизировать все сходящиеся в нем торговые пути, а следовательно и изменение торгового равновесия отзовется постепенно во всех концах мира. Но еще гораздо более серьезное значение будут иметь те изменения, которые должны совершиться в среде» самого населения. Для связанных друг с другом различных народностей Балканского полуострова и Австро-Венгрии откроется тогда более обширное поле столкновений. Все эти народы или фрагменты народов, занимающие более четверти Европы, от берегов Балтийского до берегов Эгейского морей, требующие себе равноправности и политической автономии, будут сгруппировываться соответственно своему естественному родству и подготовлять себя нравственною солидарностью к учреждению свободных федераций. Каков бы ни был исход готовящихся в Турции событий, можно сказать с уверенностью, что страна эта вообще по своему политическому движению, по социальным условиям, правам и идеям, становится все более и более страною европейскою. Теперь уже не то время, когда стамбульские дипломаты, вовсе не понимавшие слова «республика», решились признать французскую «республику» только потому, что она, как особа женского рода, не могла жениться на австрийской принцессе.

II. Крит и острова Архипелага

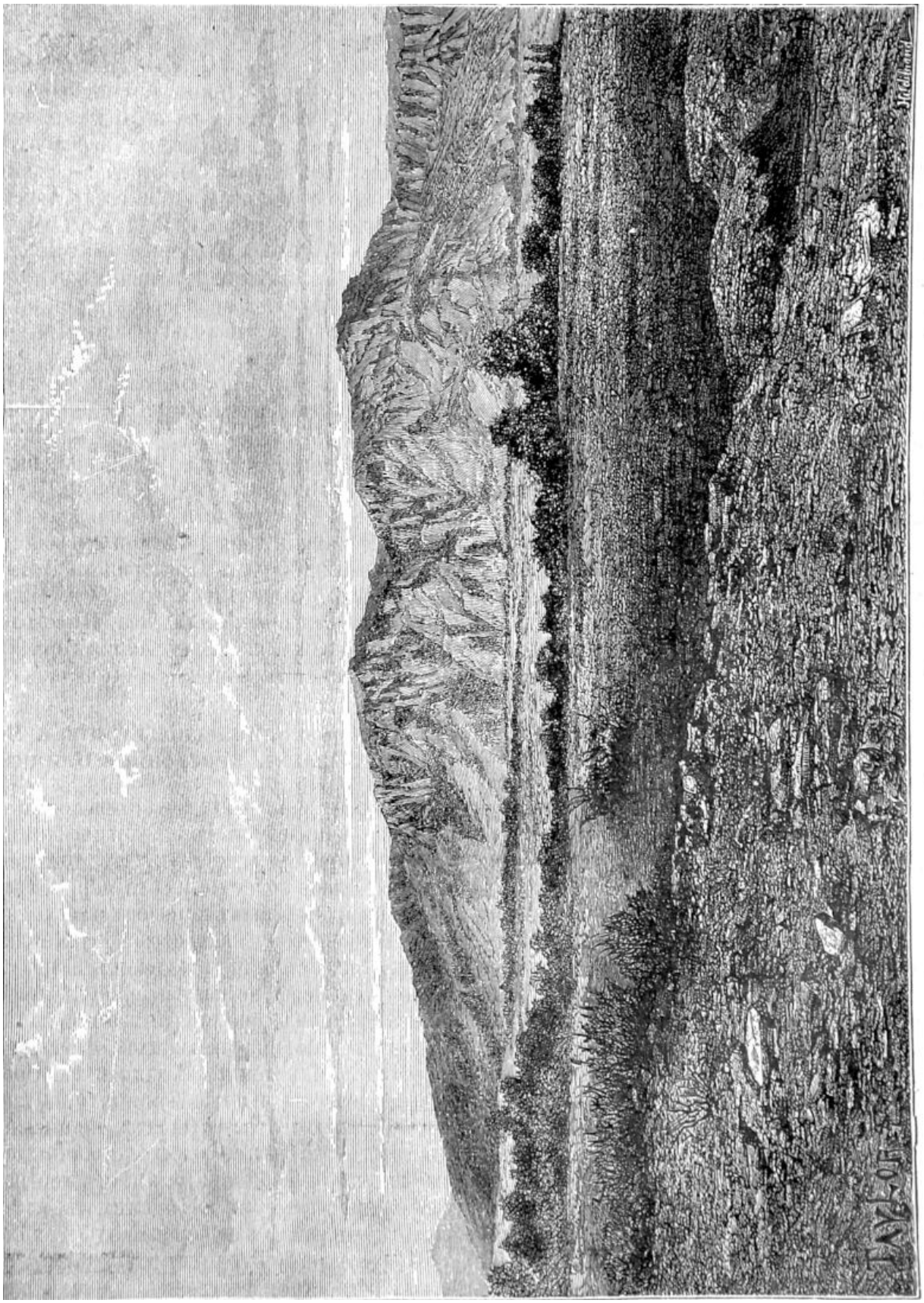
Крит, при поверхности в 7.800 кв. кил., самый обширный после Кипра из островов с греческим населением, представляет естественное продолжение Эллинского полуострова, хотя трактаты, тасующие народы, не советуясь с ними, сделали его островом турецким. Крит—греческий остров, не только по стремлениям большинства его народонаселения, но и по своей почве, климату и географическому положению, ибо, будучи окружен со всех сторон глубокими морями, на северо-западе он соединяется с Цитерою (Чериго) и Пелоннезом посредством подводных рифов.

Не много стран в мире, которые были бы так облагодетельствованы природою, как остров Крит. Климат его приятен, хотя летом часто бывает слишком сух; земля плодородна, несмотря на недостаток рек на его известковых плоскогориях; порты просторны и хорошо защищены; виды местностей очаровательны и грандиозны. По своему поперечному положению в устье Архипелага, между Европою, Азиею и Африкою, он, казалось бы, должен быть главным торгово-складочным местом этой части моря, и уже самою природою предназначен, как заметил еще две тысячи лет тому назад Аристотель, служить главным посредником торгового обмена для востока Средиземного моря. Такова, действительно, и была роль этого острова, по всем греческим преданиям, уже более трех тысяч лет тому назад. Ему принадлежала в то время «фалассократия», т.е. господство над морями: Циклады были «островами Миноса», критские колонии были распространены в Сицилии, критские корабли ходили ко всем берегам Средиземного моря. Но, к сожалению, Крит не в состоянии был долго сохранять свое торговое преобладание, ибо разделялся на множество соперничавших друг с другом маленьких республик, почему им и завладели другие греческие народы дорийского племени, а коренные жители его сделались их «клиентами» и наемниками. Впоследствии остров был порабощен римлянами, и с того времени не мог уже восстановить своей самостоятельности,—византийцы, арабы, венецианцы и турки владели поочередно Критом, опустошая и разоряя его.

Продолговатая форма острова и проходящий по нем от одного конца до другого горный хребет достаточно объясняют, почему Крит, в те древние времена, когда у большей части греков отечество ограничивалось стенами родного города, должен был разделиться на множество отдельных республик, и как все попытки конфедерации и «синкретизма» разных маленьких государств должны были оканчиваться неудачами. В действительности жители острова были более разделены друг от друга, чем жители различных островных групп Архипелага, так как прибрежные долины острова почти все заперты между высокими выступами и имеют только один легкий выход—к морю. Велик или мал был город, занимавший средину каждой долины, он не мог сообщаться с соседними иначе, как посредством узких тропинок, которые одно какое-нибудь простое укрепление делало недоступными. Поэтому, если бы какому-нибудь городу и удалось овладеть силою или хитростью одною или несколькими прибрежными долинами, то препятствия почвы мешали бы ему расширить дальше свои завоевания, так как по всей окружности острова, между небольшими равнинами и долинами, возвышаются крутые горные отроги. На всем Крите есть только одна местность, которая заслуживает название настоящей равнины,—это житница острова, Мессара, на южной стороне центральной горной группы, где протекает не совсем высыхающая летом река Иеропотамо, т.е. «Святая».

Внешняя форма Крита соответствует рельефу его гор. Длинный прямоугольник острова, почти геометрически правильный по своим основным очертаниям, то расширяется, то съуживается, смотря по высоте горных вершин цепи. В центре Крита, именно в том месте, которое представляет наибольшую ширину, возвышается главная группа вершин, над которыми господствует Ида (Псилорити), где, по эллинской мифологии, родился Зевс-Громовержец. Её уединенная высокая и почти всегда покрытая снегом вершина, напоминающая величественную фигуру Этны, её могучие отроги и зеленеющие долины у подошвы придают ей грандиозный вид; но она была еще прекраснее в древности, когда леса оправдывали её на-

звание Иды, «Лесистой». С вершины её весь остров, как на ладони: к северу видны раскиданные по бесконечному горизонту острова и полуострова, от высот Тайгета до гор Малой Азии, а к югу—за голым и лишенным заливов островом Гаудо, или Гоццо,—нельзя разгля-



Гора Олимпъ.

деть берегов Киренаики только вследствие относительно слабого их возвышения.

В западной части острова возвышается другая, еще более неприступная, по своим крути-

знам, главная группа гор, которая среднею высотою превосходит группу Иды, но, вероятно, уступает последней в величии остроконечных вершин: это и есть Белые горы, Леука-Ори или Аспро-Вуно, названные так или вследствие их снежных вершин, или вследствие беловатых известковых стен. Горы эти совсем безлесны, и только на дне долин заметна кое-какая зелень. Белые горы называются еще иначе Сфакиотскими горами, по имени древнего дорийского населения, сохранившагося в горах чистым от всякой примеси и живущего там, как в крепости. В самом деле, немного найдется горных групп, которые были бы так круты и так хорошо защищены природою от всякого внешнего нападения: в некоторые деревни можно пробраться только по каменистым руслам ручьев, спускающихся с гор каскадами, так что во время дождей, когда овраги наполняются шумящею водою, прекращается всякое сообщение, и тогда говорят: «ворота заперты». Таково ущелье или «фаринкс» (*pharynghi*) Гагио-Румели, на южном склоне Белых гор: когда тучи угрожают разразиться ливнем, никто не смеет пуститься в узкое ущелье, из опасения быть подхваченным и унесенным течением ручья. Во время войны за независимость турки тщетно пытались форсировать эти ворота горной цитадели. Но на высотах расстилаются довольно ровные пространства, которые в состоянии были бы прокормить большое население, если бы там не было так холодно. Так, необитаемые зимою, вследствие весьма высокого их положения, деревни Аскифо занимают равнину, окруженную со всех сторон горным валом и представлявшую некогда озеро, как показывают древние откосы местами заметных еще и теперь берегов и скалы, возвышающиеся островами по средине бассейна. Вода, падающая в эту огромную воронку, находит себе катавотры (khonos), чрез которые и изливается теперь прямо в море: один из значительных ключей бьет в самом ущелье Гагио-Румели. Зимой сфакиоты спускаются с гор в Лутрон и другие селения на морском берегу.

Другие горные цепи и группы острова уже не так высоки и суровы, как Белые горы. Ида (Псилорити) 2.498 метров, Белые горы 2.462 метра, Лассити 2.155 метров.

Самые замечательные из них—горы Лассити и еще далее к востоку—горы Диктэ, или Сития, которые возвышаются на восточной оконечности острова, составляя пару с группою Сфакиотских вершин; но они не защитили, как последние, от рабства населяющих их жителей. На северном склоне этих гор заметен древний морской берег, раковины которого, совершенно сходные с раковинами нынешних песчаников, доказывают, что остров поднялся по крайней мере на 20 метров уже во время новейшего геологического периода.

Северный берег острова, от Белых гор до гор Диктэ, извилистее южного: его мысы или «конечности», выступая далеко в море, образуют больше заливов, бухт и безопасных гаваней. Поэтому на этом же берегу построены и все торговые города, так что берег, обращенный к Эгейскому морю, наполненному кораблями, можно назвать живым берегом, по сравнению с относительно пустынным южным, который обращен к еще более пустынным берегам Африки. Все города северного берега стоят на тех же местах, которые занимали древние города-республики. Мегало-Кастрон, известный более под именем Кандии, которым обозначают также и весь остров, есть Гераклейон греков, знаменитый порт Кносс. Ретимо, при подошве горы Иды, с западной стороны, почти не изменил даже древнего имени «Ретимнос»; наконец Канея, белые дома которой почти сливаются с бесплодными склонами Белых гор—древняя Кидония греков, славившаяся своими лесами. Теперь это главный, хотя и не самый многолюдный город на острове, и важен, как главное торговое складочное место Крита. Турецкое правительство сделало попытку дополнить его вторым портом, основанным к востоку от Канеи, на берегу бухты Суда, естественной и совершенно защищенной гавани, которая обещает сделаться одною из главных морских станций Средиземного моря. Лакус, окруженный померанцевыми рощами,—излюбленное дачное место канейцев. Одно из предместий Канеи исключительно занято прокаженными. Больных этого рода здесь масса, и Зибер полагает, что собственно остров Крит и есть первоначальный рассадник проказы (лепры).

Внутри острова и на южном берегу нет городов в собственном смысле, есть лишь незначительные деревни, одна из которых, Агиос-Дека, на притоке Иеропотамоса, приобрела не-

Приблизительная статистика племен и религий Европейской Турции до войны 1878 г.

ПЛЕМЕНА		Приблизительное население	Мусульмане	Православные	Католики	Армяне	Другие христиане	Еврейск. вероисповед.
Славяне	Сербы	1.775.000	650.000	945.000	180.000	—	—	—
	Болгары	4.500.000	60.000	4.400.000	40.000	—	—	—
	Рус. казаки	10.000	—	—	—	—	10.000	—
	Поляки	5.000	—	—	5.000	—	—	—
Латины	Румыны	75.000	—	75.000	—	—	—	—
	Зинзары	200.000	—	200.000	—	—	—	—
Греки		1.200.000	—	1.200.000	—	—	—	—
Албанцы	Геги	600.000	400.000	50.000	150.000	—	—	—
	Тоски	800.000	600.000	200.000	—	—	—	—
Турки	Османлисы	1.500.000	1.500.000	—	—	—	—	—
	Татары	35.000	35.000	—	—	—	—	—
Семиты	Арабы	5.000	5.000	—	—	—	—	—
	Израильтяне	95.000	—	—	—	—	—	95.000
Армяне		400.000	—	—	20.000	380.000	—	—
Черкесы		90.000	90.000	—	—	—	—	—
Цыгане		140.000	140.000	—	—	—	—	—
Франки		50.000	—	—	45.000	—	5.000	—
Все население		11.480.000	3.480.000	7.070.000	440.000	380.000	15.000	95.000

давно известность, благодаря находке там древнейшего открытого до сих пор текста эллинского закона[1].

По населению и богатству, Крит, конечно, теперь стоит ниже, чем был некогда; он уже далеко не заслуживает своего названия «Стоградного Крита», данного ему древними греками. Жалкия деревни, построенные из остатков древних стен, стоят теперь на месте прежних городов, для постройки которых когда-то высечены были огромные каменоломни, как напр. так называемый «лабиринт», с южной стороны горы Иды. Несмотря на свое плодородие, Крит производит ничтожное количество земледельческих продуктов, и в нем теперь нельзя уже узнать плодородного острова, на котором Церера родила Плутуса на ложе из снопов. Земледельцы считаются собственниками своих полей, но они не свободны и лениво обрабатывают землю.

Тем не менее, культура улучшилась; оливковые деревья дают масло в изобилии; виноградники доставляют, впрочем помимо воли возделывателей, хорошее вино, но не производят уже дивной «мальвазии»; хлопок, табак, плоды всякого рода возделываются очень небрежно, и единственный успех, достигнутый критскими земледельцами в настоящем веке,— это разведение апельсинных деревьев, превосходные плоды которых высоко ценятся на всем востоке. Путешественник Перро сообщает любопытный факт, что, за исключением винограда и оливок, все породы разводимых деревьев произрастают в различных частях острова: каштаны растут только на западном конце острова, дуб и кипарис—единственные деревья высоких Сфакиотских долин; в провинции Ретимо растут дубы уже другой породы, ливанской; в горах Диктэ—пирамидальная сосна и рожковое дерево; наконец, на одном из мысов юго-восточной оконечности Крита, со стороны Африки, существует лучший во всем греческом архипелаге финиковый лес.

Население Крита и соседних островов в большинстве не перестало быть эллинским, несмотря на последовательные нашествия народов различных племен, и говорит языком, в котором узнают испорченное дорийское наречие. Следы славян, овладевших островом в начале средних веков, остались только в названиях нескольких деревень. Арабы и венецианцы точ-

1 Egger, Journal des Debats, 20 aout 1885.

но также слились с коренными критянами, но осталось еще значительное число албанцев, потомков арнаутских солдат, которые сохранили свои язык и нравы. Что касается мусульман, или так называемых турок, составляющих почти пятую часть всего населения, то многие из них носят итальянские фамилии и происходят вероятно, от венецианских сеньоров, перешедших в ислам, чтобы сохранить свои привилегии; но в огромном большинстве—это потомки критян, обратившихся некогда в магометанство, во избежание преследований, и из всех восточных эллинов только одни они приняли в столь значительном числе вероисповедание завоевателей. Но когда миновал страх религиозного преследования, многие магометанские семейства греческого происхождения возвратились к религии своих предков. Превосходя численностью, эллины превосходят остальное население и по промышленности, торговле и богатству; они скупают земли, и мусульманин отступает пред ними шаг за шагом. Все критяне, за исключением албанцев, говорят греческим языком, и только в столице да в некоторых частях Мессары, где греки-мусульмане поселились довольно плотными массами, они приобрели некоторое знание турецкого языка. Между всеми критянами особенно выделяются красотой сфакиоты. Их женщины поражают путешественников благородством черт и изяществом движений.

Не удивительно поэтому, что греки домогаются возвращения в свое владение страны, в которой так сильно их преобладание; но, несмотря на свою храбрость, будучи изолированы, они не могли восторжествовать над посылавшимися против них турецкими и египетскими войсками. Может быть, и справедливо обвиняют критян в сходстве со своими предками по купеческой жадности и нелюбви к истине; может быть, они и действительно «греки из греков, лжецы из лжецов»; но они наверно не заслуживают упрека в равнодушии к своему отечеству, который делали их предкам, когда те толпами нанимались в солдаты к чужим народам. Напротив, они много страдали за отечество; почти во всех частях острова, особенно между горою Идою и Белыми горами, видны места сражений, в которых они проливали свою кровь за независимость. Обширные пещеры Мелидони, на западных склонах Иды, были театром одного из ужасных событий войны. В 1822 г., более трехсот эллинов, почти все женщины, дети и старики, скрылись в пещере. Турки же разложили пред узким входом её большой огонь, так что ветер, помогавший им в этом истреблении, гнал дым в подземелье. Несчастные забрались в самую глубину пещеры; но напрасно:—они все задохнись. Трупы оставались на земле, не имея другого гроба, кроме покрывшего их мало-по-малу известкового осадка, и даже еще ныне местами виднеются кости, не покрытые еще сероватым каменным саваном.

С 1878 года, греки христиане получили непосредственное участие в управлении островом. *Вали*, или губернатор Крита, назначаемый султаном, избирается непременно из христиан, и два из четырех *мутассерифов* также принадлежат к этому вероисповеданию. «Народное собрание» состоит из 49 христиан и 31 мусульманина. Совет при вали состоит из десяти членов, на половину христиан. Трибунал сфакиотов составлен всецело из христиан, и ни один турецкий солдат не имеет права вступить в их владения[1].

На севере Крит отделяется от островов Архипелага глубокими пучинами древнего «моря Миноса», центральная впадина которого имеет более 1.000 метров глубины. Почти все эти острова принадлежат Греции, и только один из Цикладских островов, как и Крит, остался под властию турок, а именно Астипалея, называемый в просторечии Астропалея, или Стампалия, который древние, за его удивительное плодородие, называли «Столом Богов». Хотя остров этот, по геологической природе своей почвы и по расположению подводных рвов, принадлежит неоспоримо к восточной цепи Циклад, но дипломатия сочла нужным оставить его Турции, со всеми окружающими его островками.

Между прочими островами с греческим населением принадлежит Турции и остров Фазос, который лежит ближе всех к берегу Европы и геологически может быть рассматриваем

1 Значительнейшие города Крита: Мегало-Кастрон (Кандия) 18.000 жителей, Канея 15.000 жителей, Ретимо 9.000 жителей. Население всего острова в 1887 г. 294.200 жителей.

как часть её, ибо отделяется от берега Македонии проливом не более пяти километров шириною, в котором, сверх того, лежит остров Фазопуло и существует песчаная мель, почему парусные суда в сильные бури с трудом лавируют в этом проходе. Хотя он составляет естественную принадлежность Македонии, но управляется мудиром вице-короля египетского, которому Порта подарила его. Когда Магомет II положил конец существованию Византийской империи, остров этот, вместе с соседними островами, составлял княжество итальянской фамилии Гателлуцци.

Фазос—одно из тех мест древнего греческого мира, настоящее положение которых представляет самую печальную противоположность с прошедшим. Будучи финикийскою колониею, Фазос был сперва соперником, а потом богатым и могучим союзником Афин; его жители, число которых простиралось, может быть, до ста тысяч, разрабатывали богатые рудники золота и железа и ломки прекрасного белого мрамора, возделывали виноградники, славившиеся своими произведениями, и вели значительную торговлю со всеми берегами Эгейского моря. Теперь же рудники и каменоломни заброшены, так что и не знают даже, где находились золотоносные залежи, доставлявшие столько сокровищ древним фазийцам; виноградники дают лишь посредственное вино; земледельческих продуктов недостаточно для десяти тысяч жителей, а древний порт Фазоса, на северной стороне острова, посещают теперь только каики. С тех пор, как Магомет II велел переселить в Константинополь почти все его население, остров заселялся вновь весьма медленно, а боязнь нападений пиратов, сделавших остров местом своих сборищ, заставлял жителей строить себе жилища вдали от берегов, в высоких долинах и на крутых скалах. Жители—греческого происхождения, но говорят на «ужасном греческом языке, переполненном варварскими оборотами и турецкими словами». У них вовсе нет того сильного стремления к образованию, которое обнаруживается во всех греках, как на материке, так и на островах: это павшие греки. Впрочем, они и сами сознают это; разговаривая с путешественником Перро, они часто повторяли: «Мы—бараны, вьючные животныя».

Но Фазос сохранил то, что отличает его от всех островов Архипелага, а именно—красоту своих лесистых гор, своих зеленеющих пейзажей. Дожди, приносимые ветрами в глубину Македонского залива, выливаются на высоты Фазоса и доставляют растительности необходимую влажность. В долинах журчат ручьи; склоны горы покрыты большими деревьями: деревни, расположенные на первых выступах гор, прячутся в тени кипарисов, ореховых и масличных ветвей. а выше—великолепные чинары, высокоствольный лес лавров, белые буки и каменные дубы, разбросанные группами в беспорядке, наполняют долины, расходящиеся по всем направлениям к окружности острова. Наконец, верхния крутизны поросли сосновым лесом разных пород, темная листва которых составляет резкий контраст с мрамором скал. Обнажены только высокие вершины св. Илии и Инсарио, возвышающиеся на 1.000 метров и более; стены их, состоящие из кристаллического известняка, гнейса, слюдяного сланца и омываемые частыми дождями, сверкают необыкновенным блеском, отражая солнечные лучи.

Остров Самофракия (Семадере), хотя не так обширен, как Фазос, но зато гораздо выше его. Фенгари и другие его горы представляют величественные массы гранита, сланца, мрамора, известняка, трахита, господствующие на востоке Эгейского моря, как Афон на западе. С севера или с юга остров Самофракия, с его могучим горным хребтом, имеющим во всю длину почти одинаковую вышину, походит на колоссальный гроб, положенный на море, а с востока и с запада профиль его кажется возвышающеюся над волнами гигантскою пирамидою. Восседая на вершине Самофракии, говорит нам Гомер, Посейдон смотрел, через более низкий остров Имброс, на борьбу греков с троянцами; в диких, почти исключительно дубовых лесах Черной горы кабиры совершали свои таинства, заимствованные из тайных культов Азии. Гора, имеющая столь грандиозный вид, не могла не сделаться в эллинском мире предметом совершенно особенного почитания: и действительно, Самофракия была для древних греков тем же, чем Афон для их потомков, т.е. «Святою Горою». Многочисленные остатки и

надписи свидетельствуют еще о том усердии, с которым стекались сюда со всех сторон набожные путешественники. Но с тех пор, как языческий боги лишились своих алтарей, остров Самофракия стал пустынею; на нем есть только одна деревня, посещаемая только летом несколькими рыбаками, обитатели которой живут здесь как узники, не зная, что творится на белом свете. Совершенное отсутствие при берегах его заливов и опасное течение, отделяющее его от острова Имброса, отвратили от него мореплавание, и хотя долины его так плодородны, что могут, по словам туземцев, оживить человека только-что погребенного, однако ни один переселенец с материка не чувствует влечения к этой покинутой земле. Статуя Победы, воздвигнутая на Самофракии Димитрием Полиоркетом, составляет теперь одно из сокровищ Лувра. Имброс и Лемнос, отделенные от Самофракии морскими пучинами в тысячу метров глубины, составляют как-бы юго-западное продолжение цепи Херсонеса Фракийского. Имброс—ближайший к материку и в то же время самый высокий из этих двух островов, но, тем не менее, возвышающаяся на нем гора св. Илии едва достигает трети высоты пика Самофракии. Склоны её совершенно безлесны, долины голы и каменисты, и едва лишь одна восьмая часть почвы острова годна для обработки. И, однако же, положение острова на великом пути народов, почти при входе в Дарданеллы, всегда обеспечивало за ним некоторое значение. Его народонаселение гуще всего группируется в северо-восточной части острова, в долине небольшого, часто высыхающего, ручья, которому дано громкое название Мегалос-Потамос—«Великой-Реки».

Лемнос (Лимно), по-новому Ста-Лимен, есть самый большой из островов Фракии, но зато и самый низкий, и самый голый: по нем можно проходить несколько часов—и не найти ни одного дерева; на его полях нет даже маслины, и деревенские сады бедны фруктовыми деревьями: дрова же приходится получать с Фазоса и с материка. Между тем Лемнос весьма плодороден: он в изобилии производит ячмень и другие зерновые хлеба, а луга на его холмах прокармливают больше сорока тысяч овец. Остров этот состоит из многих, врезывающихся в море глубокими мысами, отдельных горных групп, от трех до четырех сот метров вышиною, которые были некогда вулканами, и между которыми лежат низкие равнины, покрытые окалиною. Во времена древних греков подземные огни Лемноса были еще в действии: свергнутый с неба Вулкан работал со своими циклопами в горных пещерах острова. Незадолго до нашей эры на нем провалились в воду один холм, гора Мозихлос и мыс Хризэ, и место, где стояли эти высоты, обозначаются теперь, вероятно, теми обширными подводными плоскогориями и рифами, которые тянутся на восток от острова по направлению к Имбросу. Со времени же исчезновения Мозихлоса, Лемнос не испытывал ни извержений, ни землетрясений. и его довольно многочисленному населению бояться было нечего, кроме людей. Жители его в большинстве греки; турки же, постепенно вытесняемые завоеванным ими, но превосходящим их по интеллигенции и деятельности, племенем, уменьшаются в числе все более и более. Торговля, находящаяся вся в руках эллинов, сосредоточивается главным образом в древнем Мирине, известном ныне под именем Кастро и находящемся на мысе, который возвышается между двумя бухтами в западной части острова. Между предметами лемносской торговли замечательна особого рода глина, так называемая «печатная» земля, славившаяся на всем востоке с глубокой древности, как вяжущее средство. Ее собирают в центре острова, но она имеет силу, говорят, только тогда, когда собрана утром в Спасов день, 6 августа, перед восходом солнца, и при том при совершении молитв и разных церемоний.

Маленький остров Стратио (Гагиос Эвстратиос), к югу от Лемноса, принадлежит к этому последнему как в политическом, так и в торговом отношениях, и населен также греками. Что касается до островов, окаймляющих берег Малой Азии и геологически составляющих часть последней, как-то: Митиленэ, Хиос, Родос и группа азиатских Спорад, то в административном отношении они зависят от Европейской Турции, но в действительности это только фикция, до которой вовсе нет дела географии.

Величина островов Фракии, а также население и высоты их видны из нижеследующих строк:

Пространство: Фазос: 192 кв. кил., высочайшие горы: Ипсарио 1.000 метров. Население: 10.000 чел. Пространство: Самофракия 170 кв. кил. Высочайшие горы Фенгари 1.646 метров: Население 2.200 чел. Пространство: Имброс 220 кв. кил. Высочайшие горы: Св. Илии 595 метров. Население: 3.600 чел. Пространство: Лемнос 440 кв. кил. Высочайшие горы: Скопия 430 метров. Население: 13.000 чел.

III. Поморье Эллинской Турции и Болгарии. Фракия, Македония и Олимп

Замечательно, что все Эгейское поморье Турции принадлежит в этнологическом отношении эллинскому племени, что доказывает, какое большое значение имело море в распределении средиземных народов и в ходе истории. Подобно тому, как островом Кандия Греция продолжается под водою к Египту, так точно на севере, по направлению к придунайским странам, она продолжается длинным рядом земель, окружающих Эгейское море. Фессалия, Македония, Халкидика, Фракия—земли греческие, и даже Константинополь этнологически находится в Элладе. Эллинская Турция, состоящая из стольких различных естественных бассейнов, не имеет географического единства, если не принимать в соображение омывающих её берега вод Архипелага.

Полуостров Турции, всюду столь богатый неожиданностями в своих формах и неровностями своего рельефа, становится еще более разнообразным, более подвижным, так сказать, на берегах Эгейского моря и его передового бассейна—Мраморного моря. Пригорки, холмики, группы гор возвышаются неожиданно среди равнины: заливы вдаются далеко в землю: разветвленные полуострова выступают в глубокия воды, и кажется, будто материк старается образовать такие же архипелаги, какими усеяно море далее к югу.

Узкая полоса земли, на которой стоит Константинополь, представляет замечательный пример независимости форм, отличающей берега этой части Европы. В геологическом отношении весь Константинопольский полуостров представляет совершенно азиатский характер и имеет свой ряд холмов, отделенный от гранитных гор Европы широкою равниною новейшей формации. Истинную границу между двумя материками составляют приблизительно развалины стены Афанасия, защищавшей в прежния времена окрестности столицы. Скалы по обе стороны Босфора принадлежат к одной и той же формации, содержат одинаковые ископаемые, имеют одинаковый вид, и образование их относится к одной и той же эпохе. Клочок вулканической почвы, при северном входе в пролив, представляет также одинаковый характер на обоих берегах; по всему видно, что этот европейский полуостров составлял первоначально часть Малой Азии и был отделен от неё впоследствии вторжением вод.

По словам византийской легенды, сам Аполлон указал место, где должен был возникнуть город, который Константин сделал, в 330 г., столицей Римской империи. И место это не могло быть выбрано лучше; город расположился как нельзя более удачно на берегу большой расселины Босфора. В этом месте отлогие холмы покрывают полуостров, выдающийся между Мраморным морем и извилистою бухтою, которая, благодаря своей форме и богатству своей торговли, получила название «Золотого Рога». Быстрое течение Босфора, проникающее в гавань и очищающее ее от грязи, стекающей из города, теряется далее в море, у поворота внешнего полуострова, позволяя, таким образом, парусным судам доплывать до места якорной стоянки без особенной борьбы с силою вод. Превосходное якорное место порта, так удобно расположенное для помещения бесчисленного множества судов, представляет в то же время естественный резервуар для рыбной ловли, ибо, несмотря на непрерывное волнение воды от весел каиков и от винтов и колес пароходов, в Золотой Рог входят ежегодно длинными фалангами тунцы и другие рыбы. Наконец, Константинопольский порт, столь доступный для мирного торгового флота[1], легко может запереться для судов военных; берега его,

1 Движение судоходства в Константинопольском порте в 1893 г.: всего вошло и вышло 17.876 судов, вме-

хотя и не слишком круты, тем не менее, доминирует над всеми подступами, а съуживающийся вход в гавань представляет род пролива, чрез который осажденные жители не раз протягивали запорную цепь. Самый город, занимая возвышенный полуостров, отделенный от тела материка низменностями, весьма легко может быть укреплен против всякого нападения извне. Чтобы рискнуть на осаду, неприятель, уже овладевший Дарданельским проливом и Босфором, должен бы был иметь в своем распоряжении как флот, так и сильную сухопутную армию. Ко всем этим удобствам местоположения, которые должны были упрочить за Константинополем его важное значение, присоединяются еще преимущества климата, который здесь несколько теплее, чем в городах по берегу Черного моря или на азиатском берегу Босфора, ибо, благодаря ряду возвышенностей, находящихся к северу от города, Константинополь защищен в некоторой степени от суровых полярных ветров.

В первые времена истории, когда торговля едва нарождалась, благоприятное положение Византии могло привлекать лишь соседние народы; но когда началась эра дальних плаваний, то только «слепые», как говорил древний оракул Аполлона, могли не замечать удобств, представляемых берегами Золотого Рога. Именно в Константинополе перекрещиваются континентальная ось европейско-азиатского мира и морская ось Средиземного моря. Кроме того, естественный путь, идущий в Архипелаге вдоль берегов Фракии, продолжается в Черном море вдоль берегов Малой Азии, а линия побережья между Дунайским заливом и Босфором продолжается за Дарданеллами в направлении к Смирне, Самосу и Родосу. Таким образом, Константинополь стоит и на главном континентальном пути народов, и на нескольких больших морских путях; географически можно сказать, что он расположен при устьях Дуная, Днестра, Днепра, Дона, Риона и Кизиль-Ирмака, ибо сторожит их общий исток через пролив Босфор. Избранная для того, чтобы сделаться Римом востока, и так счастливо расположенная Византия должна была быстро достигнуть процветания и заслужить название города по преимуществу (Polis), что, в сущности, означает и теперешнее её турецкое название Стамбул (s'ten Polin). Для отдаленных племен, живущих в горах Малой Азии и по ту сторону Евфрата, Константинополь занял место древнего Рима, так что они и не называют его иначе, как «Рим», а страну, которой он сделался столицею,—«Румелией».

По красоте своего внешнего вида, Константинополь также один из первых городов в мире; это «Райский город восточных народов». Его можно сравнить с Неаполем и с Рио-Жанейро; но многие путешественники признают его самым красивым и из этих трех городов. Когда плывешь по заливу Золотого Рога на легком каике, который грациознее венецианской гондолы, то с каждым ударом весел вид необъятной панорамы изменяется. За белыми стенами сераля и массою окружающей его зелени, на семи холмах полуострова, возвышаются амфитеатром дома Стамбула, башни, огромные главные куполы мечетей, окруженные множеством мелких куполов, и изящные минареты, испещренные балконами. По другую сторону порта, через который перекинуты плавучие мосты, сквозь снасти и испещренные флагами мачты, также виднеются мечети и башни, поднимающиеся друг над другом, по склонам холма, на котором возвышаются правильные дома и дворцы Перы. На севере, по обоим берегам Босфора, тянется верст на тридцать целый город загородных домов; на востоке подобные же постройки, окруженные садами и тенистыми деревьями, покрывают выдающийся мысом азиатский берег. Там же и Скутари, азиатский Константинополь, со своими розовыми домами и обширным кладбищем, усаженным прелестными кипарисовыми деревьями; далее виден Кады-Киой, древняя Халкедония, и местечко Принкипо, расположенное на одном из островов архипелага Принцев, зеленые рощи и желтые скалы которых ярко выделяются среди синих вод Мраморного моря. Между всеми этими городами, купающими в лазурной волне свои подножия, снуют беспрестанно взад и вперед пароходы и всевозможные другие гребные, парусные и паровые суда, своим движением придающие жизнь этой великолепной

стимостью 11.638.735 тонн.

Общее количество ввезенных в 1893 г. товаров составляло 380.350, вывезенных 24.766 квинталов (в 100 килограм.).

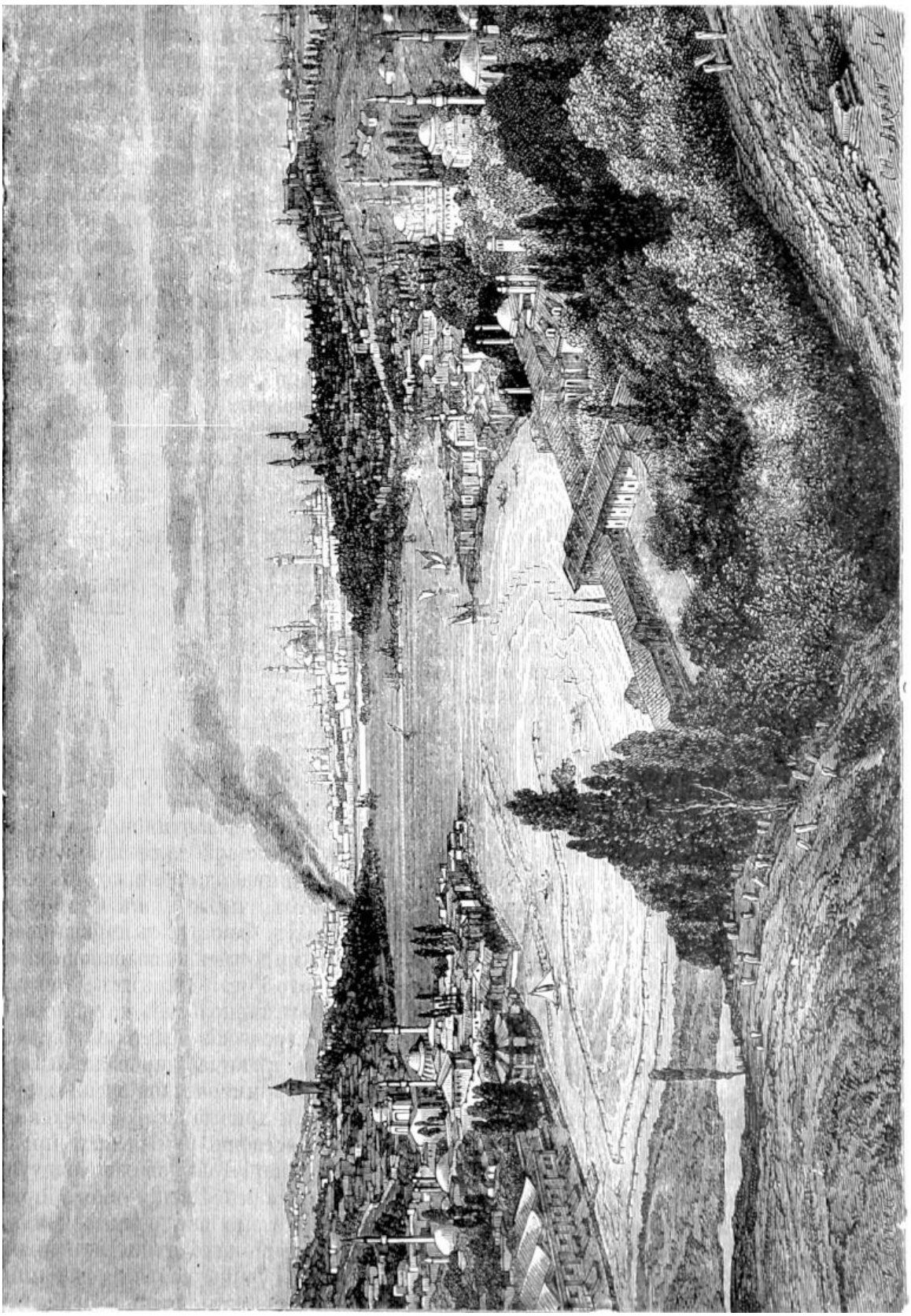
картине. С высот, господствующих над Константинополем и Скутари, открывается еще более красивый вид; отсюда видны все очертания как европейского, так и азиатского берегов; взор обнимает все извилины Босфора и Никомидийского залива, а вдали, над тенистыми долинами, вздымается, почти всегда покрытая снегом, пирамида Вифинийского Олимпа.

Но, представляя такой феерический вид снаружи, Константинополь, как известно, большею частью весьма грязен внутри. Во многих частях города посетитель не решается продолжать свой путь между скверными домишками, по извилистым гадким переулкам, в которых рыскают бродячия собаки и бродят свиньи; турецкая беззаботность дает полную свободу, среди этого хаоса лачуг, зарождению всяких болезней, почему очищающие город частые пожары составляют, пожалуй, своего рода благодеяние в отношении общественного здоровья. Даже в России, даже в Северной Америке нет города, в котором бы дома так часто превращались в целое море пламени. Случается, что сторож, осматривающий с высоты Сераскирской башни раскинувшийся под его ногами город с его предместьями, подает сигнал о пожаре десять и двенадцать раз в неделю, и не проходит года, чтобы целые тысячи построек не уничтожались пламенем. Таким образом, Константинополь, очищаемый огнем, мало-помалу обновляется; но пока франки не построили своего каменного города на холме Перы, т.е. «по ту сторону», уничтоженные кварталы восстановлялись почти в таком же жалком виде, какой они имели до своего пожара. К счастию, употребление камня распространяется все более и более, и в настоящее время деревянные дома заменяются строениями более прочными, сделанными из беловатого известняка, богатого ископаемыми, который находится в изобилии у самых ворот Константинополя. Для роскошных зданий архитекторы имеют в своем распоряжении синий и серый мрамор Мраморного моря и прекрасный телесного цвета мрамор Сизикского залива в Малой Азии. Пера соединена ныне с Галатой подземной канатной дорогой.

Многочисленные пожары Стамбула, а также военные нападения, которым столько раз подвергался город до завоевания магометанами, уничтожили почти все памятники древней Византии, и только на площади ипподрома еще можно видеть драгоценный бронзовый треножник с тремя обвившимися змеями, который платейцы поставили в Дельфийском храме, в память своей победы над персами. Даже от эпохи византийских цезарей остались только колонны, обелиски, арки водопроводов, частию развалившиеся городские стены, недавно найденные остатки дворца Юстиниана, да еще две церкви святой Софии, обращенные ныне в мечети. Главный храм святой Софии, возвышающийся на последнем склоне Константинопольского полуострова, рядом с сералем, не представляет уже, как во времена Юстиниана, самого великолепного здания в мире. Он далеко не имеет той грации и того удивительного изящества, как Ахмедиэ и другие мечети с арабскими минаретами, построенные мусульманами; напротив, неуклюжия подпорные стены, наружные контрфорсы, чередующиеся с лавочками и прокаженными домишками, придают зданию чрезвычайно тяжелый вид. Внутри же подпорные столбы и турецкая окраска стен поверх блестящей мозаики изменили характер церкви; но могущественный купол производит удивительный эффект, представляя собою чудо силы и легкости. Четыре колонны из зеленой брекчии, между колоннами главного купола, взяты, как говорят, из Эфесского храма.

Сераль стоит на месте древней Византии и имеет прелестные павильоны, прекрасные тенистые сады, но также и ужасные воспоминания преступлений и убийств: так, например, еще и теперь показывают за наружною его стеною крутую наклонную плоскость, на которую рабы бросали, по ночам, мешки с живыми султаншами и одалисками. Вода, поглощавшая тела их. течет под этим катком так же быстро, как река, и крутится зловещими водоворотами. Но гораздо замечательнее древнего дворца султанов те дивные здания арабской и персидской архитектуры, которые окаймляют берега Босфора, украшая их киосками, фонтанами, мостами, арками и зелеными рощами. Эти чудные здания, кажущиеся еще более прекрасными от окружающей их природы, от сияния неба и вод, придают предместьям главного города самый восхитительный вид восточного великолепия.

Самые интересные для посетителя здания внутри Константинополя—базары; но они интересны не по богатству и разнообразию нагроможденных там товаров, а главным образом



Константинополь.

по толпящемуся там люду всевозможных племен и климатов. Между странами Европы Турция представляет наиболее удивительные контрасты в населении и языке, и нигде, даже в Добрудже, нельзя встретить большего этнического хаоса, чем в Стамбуле, ибо в качестве метрополии Оттоманской империи он привлекает к себе обитателей Анатолии, Сирии, Ара-

вии, Египта, Туниса и даже оазисов, равно как и обитателей самого Турецко-Эллинского полуострова. Кроме того, франки целой Европы: итальянцы и французы, англичане, австрийцы и немцы, целыми толпами стремятся принять выгодное участие в возрастающей торговле Босфора. Разнообразие типов всех цветов и всех племен увеличивается еще благодаря контрабандной торговле невольниками, за которыми отправляются караваны внутрь Африки, даже к самым истокам Нила. Оффициально продажа человеческого мяса запрещена в Константинополе: но, несмотря на всевозможные дипломатические уверения, «почтеннейшая корпорация торговцев невольниками» все еще наживает большие деньги на операциях по продаже негритянок, черкешенок и белых и черных евнухов. Да и может ли быть иначе в стране, где сам государь и главные сановники полагают, что самый сан их требует богатых гаремов? Число рабов в Константинополе, привезенных большею частью из центральной Африки, англичанин Миллинген определяет в 30.000. Замечательно, с антропологической точки зрения, что негритянские семейства, привезенные в Стамбул, не дали живучего потомства. В течение четырехсот лет в Турцию, конечно, было привезено более миллиона негров; но трудность акклиматизации, жестокость хозяев и нищета почти совершенно уничтожили этот элемент населения.

Приблизительные статистические таблицы, которые пытались составить относительно населения Константинополя и его предместий, не достаточно верны, чтобы по ним можно было сказать, к какому племени принадлежит большинство жителей. Главною причиною ошибок было то, что обыкновенно смешивают мусульман с турками. В провинциях большею частью легко поправить такую ошибку, ибо босняка, албанца или болгарина легко узнаешь, какого бы вероисповедания они ни были; но в круговороте большего города, где нравы изменяются так быстро, где типы перемешиваются всевозможным образом, всех, кто посещает мечети, в конце-концов соединяют под одним общим именем. В действительности же настоящих турок в так называемом турецком населении Константинополя может быть не более одной трети, остальные же—арнауты, болгары или азиаты и африканцы различных племен. Большая часть перевозчиков—лазы из окрестностей Трапезунда. Впрочем, уже лет двадцать пять, по крайней мере, магометане составляют меньшинство, и разность все увеличивается в пользу «райев», число которых возрастает все более и более, благодаря их предприимчивости в промышленности и торговле. В старом Стамбуле, куда еще недавно франки едва осмеливались заглядывать, мусульмане все еще составляют, большинство; но в «константинопольской аггломерации», от Приникпо до Терапии, их гораздо меньше, чем греков, армян и франков, а некоторые местности, между прочим Татавла или Арнаут-Кей, населены исключительно христианами.

Население Константинополя, в Европе и в Азии, по оффициальной переписи 1885 г.

	Мужчин	Женщин	Всего
Мусульман	205.239	179.581	384.910
Греков-райя	84.808	60.937	145.741
Армян, грегорианцев и униатов	83.870	65.720	149.590
Евреев	22.384	21.967	44.351
Католиков-райя	3.209	3.233	6.442
Болгар	3.977	400	4.377
Армян-протестантов	488	331	819
Армян-католиков	528	554	1.082
Иностранных колоний	101.125	28.038	129.162
Итого	504.774	360.781	865.555

Между райями Константинополя и его округа, по значению и пожалуй даже по численности, первое место занимают греки, которые, подобно самим туркам, имеют в Стамбуле свой особый квартал, Фанар, с церквами и большими каменными домами, возвышающимися над водами Золотого Рога. Здесь имеет свою резиденцию константинопольский патриарх и живут знатные греческие фамилии. Благосклонность султана некогда даровала им право

политической и коммерческой эксплоатации значительной части христианского населения империи и преимущественно румынских провинций. Могущество фанариотов, значительно упавшее с тех пор, как Греция вновь приобрела автономию, вытекало из религиозной зависимости, в которой находились все православные христиане Турции: славяне, албанцы, румыны и болгары в отношении к грекам. Все последователи православной церкви составляют для Порты «нацию римлян», и, как таковые, даже в делах чисто гражданского свойства подчинены управлению греческих архиереев, к которым они должны обращаться по поводу браков, разводов, наследств, и которым подлежат всякого рода споры и заведывание школами и благотворительными заведениями. Впрочем, независимость церквей Сербии и Румынии и отпадение части болгарского духовенства сильно ослабили политическое влияние Фанара на христианское население Востока, и если греки желают удержать первенствующую роль, то не должны рассчитывать ни на что более, как только на свою сметливость, коммерческую ловкость, любовь к образованию, патриотизм и свойственный им дух солидарности. Более 15.000 греческих детей получают образование в 200 слишком школах: Цаппион, главное учебное заведение университетского характера в Византии, был основан эллином.

«Нация» армян также весьма многочисленна в Константинополе, пожалуй даже многочисленнее турок, ибо, как говорят, она составляет до полутораста тысяч человек; во всей же Европ. Турции до четырехсот тысяч. Подобно «нации римлян», она управляется сама собою во всех своих внутренних делах и избирает исполнительный совет. В руках армян находится главная часть торговли Константинополя. Хотя они водворились в Турции и в столице её с самых первых времен мусульманского завоевания, но всегда имели в своих нравах нечто чужеземное: они холодны, осторожны, держатся в стороне, уважают свою собственную личность, имеют приличный вид и отличаются с выгодной стороны от своих соперников по профессии, евреев, которых жители Константинополя называют базиргиянами или «купцами», и которые населяют бедный квартал Галата, загромоздивший своими развалившимися лачугами верхний конец Золотого Рога. Армяне охотно помогают друг другу и, подобно парсам Бомбея, любят делать добрые дела, но их не поддерживает, как греков, горячая вера в судьбы своего народа. Большая часть из них утратили даже свой язык, или если и говорят на своем национальном гайканском наречии, то примешивают к нему множество иностранных слов: обыкновенно же они говорят турецким или греческим языком, смотря по тому, среди какого населения живут.

Гораздо более сильное влияние имеют на столицу Босфора «франки», которые по численности еще значительно уступают туркам, грекам и армянам. Это они присоединяют Константинополь к миру западной цивилизации и, благодаря своим журналам, школам, обществам, предприятиям, мало-по-малу одерживают верх над старым фатализмом Востока. Им обязаны своим происхождением фабрично-заводские предместья на западной стороне Константинополя и около Скутари, а также железные дороги, имеющие, соединиться с сетью европейских линий и проникающие далеко внутрь Малой Азии. Подобно армянам и грекам, франки тоже сгруппировались отдельными «нациями» и пользуются известными привилегиями самоуправления, гарантированного посольствами. Все цивилизованные народы имеют своих представителей в этом космополитическом мире, не исключая даже североамериканцев, которым принадлежит честь основания, в их Робертс-Колледже, первого геологического музея в Константинополе. Но если судить по языкам, на которых говорят в Пере, европейском квартале по преимуществу, то первенство по влиянию и по численности принадлежит итальянцам, французам и грекам Эллады.

Благодаря иммиграции франков, Константинополь не переставал расти, в особенности со времени Крымской войны, так что множество городов и деревень, расположенных вне его стен, превратились в простые кварталы столицы. Весь залив Золотого Рога окружен домами, и постройки тянутся далеко внутрь долин Сидариса и Барбизеса. По берегам Мраморного моря, на запад от древнего Семи-Башенного замка и на юго-восток от Халкедонии к заливу Никомидийскому, тянутся промышленные кварталы. Наконец, вдоль обоих берегов Босфора

идет целая набережная вилл, дворцов, киосков, кофеен и отелей. Этот морской проспект и предшествующий ему обширный бассейн между Константинополем и его азиатскими предместьями имеют протяжение приблизительно в тридцать километров, и на всем этом пространстве дивное разнообразие прелестных ландшафтов. Пролив извивается крутыми излучинами, подобно горной долине; берега его образуют то заливы, то выступы, а самая река морской воды то съуживается, то расширяется, затем снова съуживается и, наконец, разверзается в безбрежное Черное море, воды которого так часто бушуют под напором северных ветров. Это беспокойное море, окруженное мрачными скалами, в которых вьют гнезда морские ласточки, и спокойный пролив представляют разительный контраст. Однообразному и дикому морю противополагаются пейзажи Босфора, которые со свою красотою соединяют еще прелесть неожиданности: группы скал, дворцы и сады, суда всевозможной формы и величины, тони болгарских рыболовов и самая скатерть текучих вод—все это разнообразно до бесконечности.

Из всех этих очаровательных загородных мест Балта-Лиман, Терапия и Буюк-Дере—самые замечательные, по совершившимся в них событиям и по имеющему там пребывание оффициальному миру; вообще же вся приморская долина так прелестна, что восхищенный взор не знает, на чем остановиться. Весьма вероятно, что в близком будущем к этим чудесам природы присоединится еще и чудо человеческого труда. В самом узком месте, между двумя замками, Румелийским и Анатолийским, построенными Магометом II, канал имеет всего 550 метров от одного берега до другого. Близ этого места Мадрокл, из Самоса, построил тот мост, по которому Дарий, идя на скифов, перевел свою семьсоттысячную армию, и, быть может, здесь же будет построен железнодорожный мост, который соединит европейскую железнодорожную сеть с азиатскою. Впрочем, по проекту Идса и Ламберта, он соединит непосредственно Перу и Скутари и будет построен на 15 железных устоях, высотой в 100 метр. над уровнем вод; средний пролет будет иметь 225 метр. ширины. Вся длина пролива 30.000 метров. Средняя ширина 1.600 метров. Средняя глубина 27 метров. Наибольшая глубина 52 метра.

Жаль, что еще не приступали к нивеллированию вод Босфора, и неизвестно: выше ли уровень воды в Черном море, чем в Мраморном. По Венюкову, морская река имеет заметный наклон от Черного моря к Золотому Рогу. Правда, течение, выходящее из Понта-Эвксинского, направляется к Мраморному морю с средней скоростью от 3 до 8 километров в час; но образование этого течения возможно и без существования наклона от одного моря к другому. Босфор, как и Гибралтар, есть канал обмена двух токов: одного, более обильного, состоящего из воды не столь соленой и текущего сверху, и другого, движущагося в глубине канала и состоящего из более соленой воды. Самая впалая часть Босфора имеет 52 метра глубины, но, в среднем, мощность жидкой массы не достигает 30 метров.

Два древние замка при самом узком месте Босфора, Румили-Кавак и Анадоли-Кавак, могут считаться северною границею непрерывного ряда дворцов и загородных домов, который тянется от Константинополя к Черному морю. Граница эта совпадает вполне с границей геологических формаций. Здесь начинается те крутые долеритовые и порфировые береговые скалы, которые продолжаются до входа в Понт-Эвксинский и оканчиваются Цианейскими, или Симплегадскими скалами, знаменитыми подвижными рифами, упоминаемыми в мифе о походе Аргонавтов. На обоих берегах, как на европейском, так и на азиатском, местности с вулканической почвой голы, тогда как берега южной или девонской части пролива покрыты прекрасною густою зеленью. К счастию, турки, в противоположность испанцам и другим южным народам, любят и уважают природу. Они любят красивые леса и стараются сохранять их. Чинары, кипарисы и терпентинные деревья еще и теперь украшают берега пролива, а обширный Белградский лес, на севере от Константинополя, занимает целую группу холмов, где бьют ключи, доставляющие большую часть воды для снабжения города. Птицы также более уважаются в Турции, чем в большей части христианских стран: всюду слышится жалобное воркованье голубей, над поверхностью Босфора кружатся стаи ласточек и мор-

ских птиц, а местами показывается величественный аист, сидящий на вершине дерева или минарета. Этот своеобразный отряд голенастых, вместе с общею физиономиею растительности и стилем построек, придает этой части Европы совершенно южный вид.

Между тем климат Константинополя гораздо суровее, чем можно было бы ожидать. Холодные ветры русских степей свободно проникают в пролив, устье которого обращено прямо к северу, и зимы в Стамбуле бывают довольно холодны, так что термометр спускается иногда на 20 градусов ниже точки замерзания. Но еще важнее то обстоятельство, что, несмотря на влияние соседних морей, несколько уравнивающее климат, отсутствие преград для ветров имеет следствием чрезвычайно быстрые изменения температуры. Средний климат в различные годы бывает поразительно разнообразен: то он бывает одинаков с климатом Пекина или Балтиморы, то с климатом Тулона или даже Ниццы. Случались годы, правда, совершенно исключительные, когда Босфор покрывался льдом, и следовательно температура в Константинополе была такая же низкая, как в Копенгагене. Но вскрытие наступало быстро, и глазам представлялась картина в одно и то же время и страшная, и прекрасная: ледяные глыбы ударялись о стрелку сераля, затем, крутясь, мчались далее по Мраморному морю. В 762 г. льдины, плывшие из Черного моря и из Босфора, были так многочисленны, что образовали в Дарданеллах громадный ледяной мост, и теплое Эгейское море представляло вид залива полярного океана.

Подобно Константинопольскому полуострову, все побережье Мраморного моря представляет, по своему геологическому образованию, полнейшую независимость от остальной Турции. Широкий бассейн Эршеника (Эркене) отделяет его от внутренних гор, и береговая область имеет свою особую маленькую цепь холмов, окаймляющую море. Довольно низкие на севере Мраморного моря, высоты эти поднимаются по направлению к западу, образуя крутизны Текир-дага, или Святых Гор, состоящих частию из гранита. Со стороны моря склоны их сероваты, там и сям покрыты кустарниками и возвышаются на 700 или 800 метров.

Полуостров Галлиполи, древний Херсонес Фракийский, соединяется также с этою береговою цепью узким и маловозвышенным перешейком. Но сам он состоит из земель новейшей формации, которые тождественны по обеим сторонам Дарданельского пролива, так что береговые скалы европейского берега во всех своих слоях соответствуют скалам азиатского, и ископаемые, собранные Спратом и другими геологами по сю и по ту сторону пролива, принадлежат к одним и тем же видам. В древние времена часть Фракии и более половины пространства, покрытого ныне водами Эгейского моря, занимало большое озеро пресной воды: когда же эти местности выступили из-под воды, то Херсонес составлял часть азиатского материка, и лишь впоследствии воды, вытекающие из Понта-Эвксинского через Босфор, проложили себе путь через расселину Геллеспонта, или Дарданельский пролив, носящий название древних дарданийцев. Измерения глубины соседних морей показывают, что, по рельефу своей подводной плоской возвышенности, равно как и по своему географическому образованию, полуостров Галлиполи принадлежит к Азии,—и что длинный и глубокий залив Сарос отделяет его от берега Македонии, как настоящая пропасть. Быть может, вулканические извержения, следы которых видны на восток и на запад от полуострова, как и на маленьком Мраморном архипелаге и около устья Марины, совпадали со временем его отделения.

Если измерения ширины пролива, данные Плинием и Страбоном, точны, то Геллеспонт, вероятно, расширился со времен древней Греции, вследствие действия течений. В самом узком месте, у Абидоса, ныне Нагары, он имел всего семь стадий ширины, т.е. около 1.295 метров, между тем как теперь имеет около двух километров. В этом именно месте был построен Ксерксом двойной мост из судов для прохода его армии. Ложе морской реки здесь весьма глубоко, и, в то же время, течение очень быстро, так что невозможно было бы, по крайней мере для деревянного флота, форсировать проход через Дарданеллы, если бы только батареи на обоих берегах, в Европе и Азии, были достаточно хорошо вооружены. Геллес-

понт, как и Босфор, имеет также два течения. Зимою, когда реки, впадающие в Черное море, скованы льдом, и Мраморное море не снабжается водами Босфора, течение соленой воды из Архипелага проникает в Дарданеллы с большею силою, но вследствие тяжести, придаваемой солью, постоянно идет ко дну. Таким образом, в проливе всегда текут две реки, одна поверх другой: нижняя, с более соленою водою, направляющаяся к Мраморному морю, и верхняя, с водою сравнительно пресною, идущая к морю Эгейскому.

Вся длина Дарданельского пролива 68.000 метров; средняя ширина 4.000 метр.; наименьшая ширина 1.950 метр.: средняя глубина 55 метр.; наибольшая глубина 97 метров,.

Галлиполи, Константинополь Геллеспонта, расположенный у западного края Мраморного моря, был первым городом, завоеванным турками в Европе. Они владели им около ста лет, прежде чем овладели Стамбулом. Но, тем не менее, в населении Галлиполи, как и в столице Турции, османлисы не составляют большинства. Как в Родосто и других портах поморья Пропонтиды, здесь встречаются мусульмане различных племен, греки, армяне, евреи, из которых каждые живут хотя в одном и том же городе, но совершенно особняком. Население сел и деревень состоит почти исключительно из греков, которые являются собственниками обрабатываемой ими земли. Замечательно, что самые обширные этнологические владения греков, вне области Пинда, находятся именно в виду Азии, в той части Балканского полуострова, которая всего ранее была занята турками: греки занимают здесь не только поморье, но и всю внутреннюю часть страны, так что, за исключением больших городов и разбросанных там и сям немногочисленных деревень болгар, им принадлежит вся восточная Фракия: от Босфора до Адрианополя и от Дарданелл до залива Бургас всюду находишься на земле эллинов.

Низменная часть этой области, большая треугольная равнина, ограниченная с юга Текир-Дагом и холмами побережья, с запада отрогами Родопа, а с северо-востока гранитными горами Странча, представляет самую монотонную местность в Турции. Болотистые и запущенные лощины напоминают степи, а летом, когда ветер поднимает целые столбы пыли, страна принимает вид совершенной пустыни. Угрюмое однообразие равнины прерывается только далекими силуэтами гор, да группами искусственных холмов неизвестного происхождения. Эти древние памятники, служившие, без сомнения, могилами, столь многочисленны на полях Фракии и Болгарии, что составляют необходимый элемент пейзажа, и художник согрешил бы против действительности, если бы, рисуя вид этой местности, не изобразил на своей картине один или два кургана. На протяжении каких-нибудь 200 километров Вейзер насчитал более трехсот двадцати таких могильных холмов, часто раскапываемых искателями кладов,.

Город Адрианополь, расположенный почти на северном краю этой неприглядной равнины, производит удивительный эффект зеленью своих садов, представляющих совершенную противоположность с предшествовавшими обширными пространствами, совершенно лишенными деревьев. Ни один город не имеет такого улыбающагося вида и не содержит в себе столько полей и рощ, как Адрианополь. За исключением центра города, т.е. кварталов, окружающих цитадель, Адрианополь, у турок Эдирнэ, походит на агломерацию отдельных деревень, так как группы домов разделяются между собою фруктовыми садами и рядами кипарисов и тополей, из-за которых там и сям возвышаются минареты его ста-пятидесяти мечетей. Журчащая вода водопроводов, многочисленные ручьи и три большие реки: Марица, Тунджа и Арда—оживляют предместья и сады этого разбросанного города. Впрочем, Адрианополь не только прекрасный город, но и самый важный центр населения во внутренней Турции. Слияние трех рек и соединение путей, идущих от верховьев Марицы, с северного склона Балканов и от морей Мраморного и Эгейского, одним словом, все выгодные условия географического положения предуказывали это место для основания значительного города. Здесь возвышалась древняя Орестия, сделавшаяся столицею царей Фракии; здесь же построили римляне свой Адрианополис. Турки, когда они не владели еще Константинополем,

сделали этот город столицею своей империи, и еще теперь можно видеть прекрасный, но, к сожалению, плохо сохранившийся дворец персидской архитектуры, который был построен султанами в конце четырнадцатого столетия. Но и в древней столице, как и в Стамбуле, османлисы составляют меньшую часть населения, и греки равняются им по числу и превосходят их по деятельности. Болгары, находящиеся здесь на границе своей этнологической области, также многочисленны. Кроме того, до недавнего времени здесь, как и во всех восточных городах, можно было видеть самую пеструю толпу людей всевозможных племен, от музыканта-цыгана до персидского купца. Евреи сравнительно многочисленнее в Адрианополе, чем в других городах Турции. Один из базаров, говорят, принадлежит к числу лучших базаров на всем Востоке.

После Адрианополя, значительнейшим городом является Кирк-Килиссия (Саранта Экклезия), население которой состоит главным образом из болгар, занимающихся виноделием. Этот город, расположенный на западном склоне горного хребта, параллельного горам Странча, как-бы отделен от моря и не представляет Адрианополю удобного сообщения ни с Мидией (древним греческим городом, с подземными храмами), ни с остальными портами Черного моря. Низменность, в которой он находится, имеет только два естественные выхода: это—дорога через долину Эргине, или Эршеника к Чорлу и Родосто, на Мраморном море, и дорога, спускающаяся к югу, чрез Демотику, по долине извилистой Марицы. Недавно еще моряки избегали устьев Марицы, по причине мелких озер и топей, заражающих прибрежные местности; но компания румелийских железных дорог провела от Адрианополя к Эгейскому морю железную дорогу, которая оканчивается именно в этом месте. Залив Энос далеко вдается здесь внутрь страны и доставляет судам прекрасное убежище, закрытое от всех ветров, за исключением юго-западного. Недавно устроенная искусственная гавань Деде-Агач[1] дает возможность судам подходить к самым насыпям пристани. Впрочем, жители Эноса ничуть не спешат на призыв торговли и не покидают своего живописного, горделивого акрополя, окруженного валами и башнями, для смертельной атмосферы нижних озер.

На запад от Марицы полоса греческой территории сильно съуживается, так что только побережье занято моряками и рыболовами эллинского племени; горы же, возвышающиеся к северу, заселены почти исключительно турецкими крестьянами и болгарскими пастухами или земледельцами. Крутизны Родопа образуют в этой части Турции как-бы разграничивающую стену между племенами. Болотистая береговая область, мелкие речные бассейны южного горного склона и несколько уединенных групп вулканических и кристаллических скал составляют весьма узкую соединительную полосу между греками Фракии и греками Халкедонии и Фессалии. Да и то в некоторых местах турки, сохранившие здесь нравы номадов и потому известные между своими соотечественниками под названием «юруков», т.е. «ходоков», проходят, во время своих кочевок, всю страну вплоть до морского берега; живут же они собственно в горной группе Панге или Пилав-Тепе, возвышающейся к северо-западу от Фазоса. Это те самые горы, которые во времена македонских царей были так богаты драгоценными металлами. По народному преданию, «взятое лопатой золото тотчас же снова родилось в недрах земли, подобно тому, как в полях выростает срезанная косою трава». К северу от Пилав-Тепе и Босдага, местность, орошаемая рекою Карасу, уже несколько лет как сделалась важным центром земледельческих продуктов. Кроме зерновых хлебов и стручковых растений, здесь культивируют в большом размере хлопок и табак. Живописный город Канала, древний Неаполь, построенный на берегу залива, против острова Фазоса, теперь приобрел значение как складочный пункт для произведений этой плодородной области; его двойной порт регулярно посещается пакетботами Леванта. Кавала—родина Мегемета-Али. В нескольких льё от города находятся развалины Филиппии и знаменитое поле битвы, где решилась судьба римской республики. Тотчас же к западу от граничных масс Пилав-Тепе, по берегам Стримона, или Струма, питаемого многочисленными источниками долины Драмы,

1 Торговые обороты Деде-Агача в 1884 г.: Импорт—12.900.000 франков. Экспорт—27.587.000 франков. Итого 40.487.000 франков.

бьющими из земли в виде настоящей реки, разстилается плодороднейшая равнина, центр которой занимает большой город Серес, умственный центр Македонии. Вокруг этого главно-

Типы:
1. Военный. 2. Мусульманка изъ Призрена. 3 и 4. Мусульмане изъ Андріанополя.

го места разбросаны целые сотни деревень среди плодовых садов и полей хлопчатника и риса, отчего с высоты гор Родопа вся равнина имеет вид одного огромного города с бесчисленным множеством садов. К несчастно, равнина эта в иных местах весьма нездорова.

Тройной полуостров Халкедонии, далеко выдающийся в море, подобно гигантской простертой над водами руке, совершенно отделен от отрогов Родопа и соединяется с материком узким и невысоким перешейком. Почти все основание полуострова занято озерами, болотами и наносною землею. Этот полуостров походит на Грецию в миниатюре, как по форме своих берегов, причудливо разрезанных в виде бухт и мысов, так и по отдельным группам гор, возвышающимся среди низменных местностей, подобно островам среди вод Архипелага. Первая группа сланцевых вершин, с главною горою Кортач, возвышается на самом стволе полуострова, и на каждом из его трех разветвлений проходят отдельные системы крутых высот. Походя на Грецию по внешнему виду, этот странный придаток материка имеет греческий характер и по своему населению, и, что весьма редко в Турции, обитатели его принадлежат все к одному и тому же племени, за исключением маленького городка Нисворо, в котором живут турки, и горы Афона, где есть тысячи монахов славянского происхождения.

Из трех лопастей Халкедонии, выступающих в Эгейское море, восточная, и без того уже почти совершенно изолированная, окончательно отделилась от материка, когда чрез соединявший ее перешеек был прокопан Ксерксом канал в 1.200 метров длиною, для избавления своего флота от опасного обхода мыса Акте, или же просто для того, чтобы дать изумленному населению доказательство своего могущества. Этот полуостров называемся Гагион-Орос, у итальянцев Монте-Санто (Святая Гора). На самом конце его возвышается величественная гора из известковых скал, быть может, самая красивая во всей восточной части Средиземного моря: это знаменитая Афонская гора, где зодчий Динократ, или Демофил, хотел высечь каменную статую Александра, держащего в одной руке город, а в другой источник потока; на эту же вершину, по местному преданию, дьявол переносил Иисуса, чтобы показать ему расстилающиеся под ногами царства мира. Что бы ни говорили греческие монахи, открывающаяся отсюда панорама не так обширна: тем не менее, все побережье Халкедонии, Македонии и Фракии, неясные очертания берега Азии, крутой конус Самофракии и синия воды моря представляют великолепное зрелище; взор обнимает громадное пространство, от Олимпа Фессалийского до горы Иды в Малой Азии, резкия же очертания укрепленных зданий, выдающихся там и сям по склонам горы, среди каштановых, дубовых и еловых лесов, составляют приятный контраст с убегающей вдаль линией морских берегов.

Высоты упомянутых гор побережья суть следующие:

Гора Панге (Пилав-Тепе) 1.885 метров; гора Кортач 1.187 метров; гора Афон 2.066 метров.

Гагион-Орос, который один путешественник сравнивает с «сидящим на воде сфинксом», принадлежит республике монахов, избирающих свой собственный совет и управляющихся согласно своим обычаям. Благодаря платимой ими дани, они имеют исключительное право жить на этом полуострове, так что попасть на него можно только с их разрешения. Отряд христианских солдат сторожит на перешейке границу, чтобы ни одна женщина не осквернила своим присутствием священной земли: даже турецкий губернатор должен оставлять свой гарем вне Гагион-Ороса. В течение четырнадцати столетий, говорит история Афона, ни одна женщина не ступила на Святую Гору: но в последнее время бывали случаи отступления от закона для жен высокопоставленных лиц. Строго запрещено даже пребывание на ней животных женского пола; даже куры профанировали бы монастыри своим соседством, почему яйца привозятся обыкновенно с Лемноса. За исключением всякого рода поставщиков, живущих в деревне Карие, в центре полуострова, все остальные жители, в числе приблизительно шести тысяч монахов и послушников, живут в монастырях или скитах, разбросанных вокруг 935 церквей. До недавнего времени почти все монахи были греки; однако, из двадцати больших монастырей один основан русскими и два выстроены на счет прежних государей Сербии. Обители, построенные на выступах горы в виде цитаделей, с высокими стенами и оборонительными башням, предоставляют большею частью весьма живописный вид, а одна из них, Симопетра, воздвигнутая на утесе на западном берегу, кажется положительно непри-

ступной. В этих-то убежищах «добрые старцы», или калугеры, проводят свою жизнь в бездеятельном созерцании. По их правилам, они должны молиться восемь часов днем и два часа ночью, никогда не садясь во время молитвы; половина дней в году постные. Оттого монахи не имеют ни силы, ни времени на какое-либо умственное занятие или даже на самую простую ручную работу. Восемь тысяч рукописей, хранящихся в их библиотеках, были несколько раз рассмотрены учеными: но для них самих эти манускрипты—совершенная тарабарщина: впрочем, теперь некоторые из афонских монахов получают образование в Афинском университете. Несмотря на свою воздержность, монахи Афона рисковали бы умереть с голода, если бы мирские братья не работали для них, и если бы они не имели на материке многочисленных мыз. Орехи, увозимые отсюда на нескольких судах, составляют все, что дает плодородный полуостров Афонской горы. Управление Святой Горы имеет пребывание в Кариесе, куда каждый из 20 монастырей посылает своего депутата. Константинопольский патриарх владеет еще несколькими сотнями крепостных в качестве сюзерена Св. Горы[1].

На месте, где стояли города Олинф и Потидея, у основания западного полуострова Халкедонии, теперь находим лишь незначительные деревни; но древняя Терма, впоследствии Фессалоники македонцев, а затем Салоники Востока и франков, не могла исчезнуть. Салоники занимают слишком счастливое положение, чтобы не возникать из своих развалин после осад и пожаров; в них видны остатки всех эпох: циклопические и эллинские стены, триумфальные арки, обломки римских храмов, византийские сооружения и венецианские замки. Прекрасный порт и отлично защищенный рейд, в котором воды так же спокойны, как в озере: соединение двух больших долин: долины Вардара и долины Инджe-Карасу, представляющих дороги в верхнюю Македонию и в Эпир; наконец, положение в углу Егейского моря, у самого основания греческого полуострова,—все это сделало город Салоники необходимым, и в настоящее время он занимает по значению второе место в Европейской Турции. Как и в других городах Востока, здесь имеют своих представителей все племена, но евреи сравнительно весьма многочисленны и происходят преимущественно от тех израильтян, которые изгнаны из Испании инквизициею, так что их обычный язык все еще кастильский. Чтобы избежать новых преследований, весьма многие из них сочли нужным обратиться внешним образом в магометанство, но мусульмане всегда с презрением отталкивали их от себя. Они вообще известны под названием «маминов».

Город Салоники, вблизи которого возникло некогда могущество македонян, уже и теперь ведет обширную торговлю, но его виды на будущее еще шире. Подобно Марселю, Триесту и Бриндизи, он желает служить пунктом, участвующим в торговле Индии с Англиею, и, действительно, когда будет окончена дорога через материк от Ла-Манша до Эгейского моря, Салоники будут исходной станцией той линии европейской сети, которая направлена к Суэзскому перешейку, а это преимущество, в совокупности с другими, не преминет утвердить за ним весьма важное значение в мировой торговле. С этнологической точки зрения, главный торговый город Македонии также предназначен к значительной роли, ибо господствующее племя Турции, ославянившиеся болгары, которые всюду, за исключением Бургаса на Понте-Эвксинском, отделены от моря населением другого происхождения, в этой части Македонии распространяется до самых берегов Средиземного моря и, через Салоники, находится в сношениях с остальною Европою. После политического режима, главная причина, по которой Салоники так замедлили в достижении своего великого значения,—это окрестные болота. Летом всякий, кто может, бежит в более здоровую местность, Каламерию, к западу от города. Впрочем, вредный и наполненный миазмами воздух тяготеет над всем северным берегом Эгейского моря. По своей полуостровной форме и по многочисленности своих заливов, Македония, казалось бы, представляет одну из стран, наилучше расположенных для торговли; но, за исключением Салоник, она осталась вне великого торгового движения, ибо в коммерческом отношении её озера и болотистые низины гораздо более отделили её вну-

1 Times, feb. 11, 1886.

тренния долины от береговой полосы, чем самые горы. На северо-западе от Салоник почти вся Вардарская долина принадлежит болгарам, по ремеслу-пастухам или земледельцам. Верховые области бассейна заняты отчасти сербами.

На западном берегу Салоникского залива, по ту сторону Вардара с перемещающимся устьем и Индже-Карасу или Быстрицы с соленою водою, местность, сначала низменная и болотистая, мало-по-малу возвышается: сначала идут холмы, потом следуют настоящие горы и, наконец, громадные высоты, едва оставляющие узкую тропинку около самого берега, громоздятся одна за другою вплоть до величественных вершин, увенчанных Олимпом, «тройною вершиною Неба». Из множества гор, носивших название Олимпа, эта гора самая высокая и самая красивая, и она есть именно та, которую воспевали греческие поэты и которую, благодаря им, мы привыкли представлять себе местом пребывания эллинских богов. В тени этого Олимпа, по равнинам Фессалии, жили эллины в юную пору своей истории, и самые дорогия их традиции были связаны с этими прекрасными местами. Горы, укрывавшие их колыбель, остались для них троном их богов-покровителей. Даже и в наше время, хотя Зевс, Вакх и другие большие и малые боги исчезли, место их на Олимпе заняли пророки и апостолы: святой Илия, святой Дионисий, и монахи построили свои монастыри в тех священных лесах, в которых когда-то ходили вакханки. Одна из вершин, Калогерос, по словам легенды, служит крышкою гроба святого Дионисия; другая же, пик Метаморфозис, была местом, где совершилось Преображение Господне.

Недавно еще клефты или бандиты, между которыми греческие восстания находили себе героев, были, вместе с монахами, единственными обитателями высоких долин Олимпа, где с трудом могли преследовать их арнаутские солдаты. Эта горная масса действительно составляет как-бы особый мир, образуя со всех сторон грозные крутизны: «сорок два пика служат зубцами этой крепости, и пятьдесят два источника струятся в ней». Каким же образом ненавистный турок мог бы похитить у клефта «горную свободу», которою он так гордится? Прекраснейшие леса лавров, чинар, каштанов и дубов покрывали и те склоны нижнего Олимпа, которые обращены к морю и в эпохи смут служили убежищем всему населению: но они уступлены итальянским спекулаторам и, быть может, в скором времени Олимп будет представлять такую же голую пирамиду, как и большая часть гор Архипелага. К тому же верхняя граница произрастания деревьев довольно низка на Олимпе, как и на других высоких горах полуострова. На скалистых крутизнах верхнего Олимпа еще встречаются серны, а ниже весьма многочисленны дикия кошки; медведи же все исчезли: святой Дионисий, нуждаясь в верховом животном, превратил всех их в лошадей.

Уже один древний геометр, Ксенагор, пытался измерить высоту Олимпа и нашел, что она равна десяти стадиям слишком, т.е. приблизительно 1.877 метрам, но он ошибся на целую треть, ибо высочайшая вершина имеет вышину почти в три километра. Весьма может быть, что Олимп представляет самую высокою гору на фракийско-эллинском полуострове, ибо в самых верхних своих ложбинах постоянно сохраняет некоторое количество снега. Крутые выступы его верхних скал делают восхождение на него весьма затруднительным, так что, кажется, никто не восходил еще до высшей его точки, хотя существуют и противоположные мнения. Греческий миф говорит,что Пелиона, взгроможденного на Оссу, не было достаточно возмутившимся титанам, чтобы подняться до высоты Олимпа; и действительно эти две горы, поставленные одна на другую, были бы немногим выше Олимпа[1]. Олимп есть естественная граница греческого мира, но греки перешли его на север и распространились вдоль всего берега; политическая же граница Турции до сих пор еще проходит на южной стороне этой горы. Эта часть территории, заключенная между Фессалией и собственно Македонией, небогата городами. Из них Верриа, стоящая на одной из «Черных Рек», впадающих в Салоникский залив, имеет наибольшее число жителей[2].

1 Олимп 2.972 метра, Осса 1.600 метров, Пелион 1.564 метра.

2 Главные города эллинской и болгарской Турции и их приблизительное народонаселение;

IV. Албания и Эпир

Название «Шкипери», которое дают своей родине сами албанцы, значит, по всей вероятности, «страна скал», и никакое наименование не может быть более подходящим, ибо каменистые горы покрывают всю эту страну, начиная от Черногории до границ Греции. Единственную, довольно обширную равнину в Албании представляет бассейн Скодры, или Скутари (Александрия), который ограничивает с юга плоскую возвышенность Черногорья и, действительно, может считаться естественной границею албанской территории. В глубине этого бассейна лежит обширное озеро Блато, или Скодра, остаток древнего, еще гораздо более обширного внутреннего моря. Здесь же находится и устье самой большой албанской реки Дрины, одной из немногих рек турецкого полуострова, по которым суда могут подниматься вверх на некоторое разстояние от моря. Еще недавно Дрина, образующаяся из двух рек—«Белой» и «Черной», была только временным притоком озера Скодры и наполняла в половодье сначала нижнюю его равнину, а затем, несмотря на плотины, которыми пытались удержать ее, изливалась в озеро сбоку, становясь таким образом данником Бояны. В 1858 году река избрала себе новый путь, против деревни Мьет, километрах в сорока от своего впадения в море, и теперь направляет к Скодре наибольшую массу своих вод, часто наводняя его низменные окрестности. Болотистая местность нижней Дрины, с её неопределенною и изменчивою покатостью, весьма опасна в жаркое время года, так как «боннская лихорадка»—одна из самых опасных и смертоносных на всем побережье.

Большая часть южных разветвлений Боснийских Альп населены албанцами, но они отделены от собственной Албании, лежащей на восток от озера Скодры, ущельем, в глубине которого течет Дрина и которое похоже на ущелье Скалистых гор Северной Америки. В ущелье это не проложено ни одной тропинки, а пики стен его имеют около тысячи метров высоты. Две системы гор соединяются не прямо, а лишь посредством ряда хребтов и плоскогорий, направляющихся к юго-востоку от горы Глиба к Скару, Скардусу древних. Массив этот, отличающийся от прочих цепей западной Турции направлением своего гребня, идущим перпендикулярно к общей массе возвышенностей, может быть рассматриваем, как центральный «узел» гор полуострова. Главные вершины его, между которыми особенно выделяется уединенная пирамида Любатрин, не достигают, правда, высоты гигантов турецкой Славонии—Кома и Дормитора, но зато здесь соединяется система Балканов с системами Боснии и Албании. Скар имеет большое значение в отношении вод Турции, ибо с него стекают две большие реки, болгарская Морава и Вардар, из которых первая направляется к Дунаю, а вторая к Салоникскому заливу. Здесь, как и в цепях Пинда и Родопа, встречаются еще серны и каменные бараны, а Вит, между красными зверями здешних лесов, упоминает одно животное, которое мирдитам известно под именем lucerbal'a и которое, без сомнения, при надлежит к семейству леопардов или рысей.

На запад от Скара, по другую сторону глубокой долины Черной Дрины, возвышается горная твердыня, хотя имеющая не более 1.000 метров вышины, но совершенно недоступная: это цитадель Верхней Албании, страна дукагинов и мирдитов. Громадные серпентиновые утесы выступают здесь из известковой почвы, вокруг долин поднимаются всюду высокие стены, а внешние склоны, изрытые глубокими ложами потоков, отличаются крутизною. В общем, эти горы следуют направлению к югу и к юго-востоку, параллельно южным отрогам Скара, при чем они мало-по-малу понижаются, принимая менее грозный вид и уступая место обширным бассейнам, в которых скопляются воды. Виды этой озерной области чрезвычайно живописны. Самое обширное в Верхней Албании озеро, Окрида, не уступает Женевскому; вода в нем и синее, и прозрачнее, чем в последнем, так что на глубине пятнадцати и двадцати метров видны гоняющиеся друг за другом рыбы, отчего и происходит древнее греческое название озера—Лихнидос. При истоке озера стоят, словно стражи, хорошенький

Константинополь 874.000 человек. Адрианополь 71.000 чел. Салоники 150.000 чел Гиллиполи 30.000 чел. Кирк-Килиссия 16.000 чел. Родосто 17.000 чел. Серес 25.000 чел. Кавалла 20.000 чел. Демотика 8.000 чел. Веррия 10 000 чел. Гомулджина 5.400 чел.

городок Окрида, расположенный амфитеатром, и гора Пьериа, с древним римским замком; по скатам разбросано около дюжины белых деревень, расположенных среди дубовых лесов. Весьма возможно, что прежде озеро Окрида, вместо того чтобы стекать на север, через уз-

Албанскіе типы.

кую, стесненную ущельями долину Черной Дрины, изливало избыток своих вод к юго-западу, в маленькое озеро Малик, через которое протекает река Девол. Если верить туземцам, то озеро Окрида имеет своими данниками два озера, Пресбу и Дреново, расположенные на вос-

токе, в глубокой впадине, образовавшейся вследствие провала, а ключи, бьющие могучими фонтанами голубой воды, представляют собою подземные истоки этого двойного бассейна.

К югу от этой озерной области, над которою с запада возвышается прекрасная изолированная вершина Томор, начинается цепь Пинда, называемая здесь Грамос. Сначала она довольно низка и перерезана многочисленными ущельями, представляющими легкий переход из Албании в Македонию, но затем она постепенно поднимается и на востоке от Янины образует массив Мецово, исходный пункт собственно Пинда. Эта группа, в которой соединяются четыре цепи, ниже пиков Боснии и Скара, но красивее последних: пирамиды её разбросаны в живописном беспорядке; склоны, в особенности восточные, покрыты сосновыми и буковыми лесами, а равнины, расстилающиеся у её подножья, носят более южный характер. Гора Цигос, Лакмон древних греков, состоящая из эоценовых скал и представляющая самый центр группы, недостаточно высока, чтобы господствовать над этою прекрасною панорамою, но стоит взобраться на соседния разорванные и утесистые вершины Перистера-Вуны или Смолики, чтобы увидеть разом и воды Эгейского моря, и воды Ионического, и даже различить берега Греции, по ту сторону Артского залива.

В обширной известковой котловине с западной стороны, у подножия группы Мецово, находится знаменитое озеро Янина. Ни одна область во всей территории Эпира не представляет столь интересных явлений, как берега этого озера. Имея, по измерениям Гвидо Кора, менее 10 метров средней глубины, оно принимает в себя обильные, бьющие из основания скал источники и не имеет ни одного видимого истока. Но, по словам путешественника Лика, каждый из двух образующих его бассейнов, соединенных между собою болотистым каналом, загроможденным островами и камышем, имеет скрытое истечение. Северное озеро, или Лабшитас, изливается в пропасть и затем появляется на юго-западе, в виде большого потока, который впадает в Ионическое море против Корфу: это Тиамис, нынешний Мавропотамос. Далее к югу струится из скал древний Ахерон, который ниже увеличивается от впадения в него другого, не менее знаменитого, но вредного для здоровья потока Коцита, Бобоса у туземцев. Залив, в который впадают все эти воды, в древние времена носил, благодаря им, название «Залива Пресных Вод». Самое озеро Янина в мелководье имеет только один исток, ниспадающий каскадом в пропасть, над которою вертятся колеса мельницы; над этою же наполненною клокочущими водами воронкой возвышаются циклопические постройки пелазгийского города Геллы. На значительном расстоянии далее к югу, подземный поток снова выходит наружу и течет не в Ионическое море, как Ахерон, а в Артский залив. Но когда поверхность озера бывает выше, то избыток воды принимают еще четыре другие «пасти», открывающиеся в скалах в виде решет, которые «проглатывают» воду, как говорят местные греки, и относят в тот же канал истечения. Маленькия же озера, расположенные в некотором расстоянии одно от другого над подземным каналом, представляют как-бы «окна», в которые выглядывает скрытый поток. Большое значение, приобретенное в мифологии Греции истоками Янины, этими грозными адскими реками, Коцитом и Ахероном, свидетельствует о том влиянии, которое имели пелазги этих местностей на цивилизацию эллинов. Мифы древних геллопийцев сделались мифами всех греков, и никакой храм Эллады не почитался больше Додонского леса, где, в шелесте дубовых листьев и в журчании ручьев, слышали предсказания будущего. Весьма может быть, что это священное место находилось близ развалин одного из столь многочисленных здесь циклопических городов, но некоторые писатели полагают, что этот таинственный лес был расположен на самом берегу Янинского озера; некоторые же, без сомнения совершенно ошибочно, утверждают, что он находился именно на том самом месте, где стоит укрепленный замок, в котором жил в начале столетия грозный паша Эпира Али-Тепелени—чудовище, с гордостью называвшее себя, «горящим факелом для истребления людей». В настоящее время известно, благодаря Карапаносу, изыскания которого вполне подтвердили гипотезы Дональдсона и Вордсворта, что развалины Додоны находятся в 18 километрах к юго-западу от Янины, в долине Чараковица.

К западу от бассейна Янины только горы страны Сули достигают еще тысячи метров вы-

шины; другие же, хотя весьма круты и недоступны, но гораздо ниже их, а около моря состоят лишь из небольших скалистых мысов, скудно поросших низким кустарником, среди которого рыскают шакалы. Лагуны, сообщающиеся с морем, запертые долины, в которых скопляется дождевая вода, и ложа потоков, заросшие олеандрами, прерывают горные цепи и распространяют в жаркое лето свои вредные миазмы по окрестным деревням. Но к северу от лагуны Бутринто и к западу от величественной одинокой горы Кундуси поморье начинает подниматься, образуя суровую цепь Химера-Мала или Акрокерауния, так пугавшую древних, вследствие гроз, скоплявшихся около её скал, и потоков, или «химер», низвергавшихся с её склонов. На вершине этих Акрокераунских гор и восседал Юпитер-Громовержец. У основания далеко выдающагося каменного мыса, имеющего вид языка (linguetta или *glossa*) и указывающего вход в Адриатическое море, ветер часто превращается в неожиданный шквал: здесь-то и находятся те «проклятые рифы», о которых говорит латинский поэт, и у которых погибло столько матросов. В этом месте канал, отделяющий Турцию от Итальянского полуострова, имеет в ширину всего 72 километра и менее 200 метров глубины. Быть может, прежде эти две соседния земли соединялись между собою посредством перешейка.

Главные высоты описанного пространства суть: Самая выс. верш. Скара 2.500 (?) мет. Томор 2.200 мет. Акрокераунские горы 2.045 (?) мет. Кундуси 1.960 мет. Смолика 1.820 мет. Цигос, или Лакмон 1.678 мет. Озеро Окрида 655 мет. Озеро Янина 350 (?) мет.

Албанское или шкипетарское население разделяется на два главные племени: тосков и гёгов, которые оба происходят, без сомнения, от древних пелазгов, но в иных местах перемешались с элементами славянским, болгарским и румынским. Быть может, впрочем, оно имело еще и других этнологических родоначальников, ибо здесь встречаются как лица самого благородного эллинского типа, так и безобразные, отталкивающие физиономии. Гёги самого чистого происхождения занимают, под разными названиями, всю Албанию с севера до реки Шкумба; к югу же от этой границы простирается территория тосков. Язык этих двух народов весьма различен, так что южный тоск с трудом понимает мирдита или какого-либо другого северного албанца. К различию наречий присоединяется большею частью и племенная вражда. Гёг и тоск ненавидят друг друга до такой степени, что в турецких войсках принято разъединять их, из опасения, чтобы между ними не происходило драк, и когда приходилось усмирять шкипетарское восстание, правительство всегда употребляло для этого албанские войска враждебного племени, утилизируя, таким образом, их взаимную ненависть.

До переселения варваров албанцы занимали всю западную часть полуострова Гемуса до Дуная, но были принуждены отодвинуться, и тогда вся территория Албании была занята сербами и болгарами. Множество славянских имен, встречающихся во всех частях страны, напоминают о том периоде завоеваний, в котором история не называет даже первобытных населений. Но как только могущество сербов было подавлено османами, албанцы выдвинулись снова, и с тех пор не переставали напирать на своих соседей славянского происхождения. На северо-востоке они мало-по-малу добрались до долины болгарской Моравы, а одна из их колоний проникла даже в независимую Сербию. Они окружили, как море своими волнами, острова и архипелаги славянского населения; оттого и произошло, что группы сербов, отделенные от своей нации, все еще встречаются по соседству с Акрокераунией, по берегам озера Окриды и на всех горах, окружающих роковую равнину Коссово, где были перебиты их предки. Наплывы албанцев объясняются в особенности выселением сербов из отечества. Чтобы избавиться от турецкого владычества, эти последние эмигрировали сотнями тысяч, под предводительством своих патриархов, и находили себе убежище в Венгрии: шкипетарским завоевателям, по преимуществу мусульманам, оставалось только занимать пустые пространства; но там и сям все еще остаются места незанятые, ожидающие заселения. Местные сербы быстро становятся албанцами по языку, религии и обычаям, называют себя турками, как и арнауты, и имя сербов становится приложимым у них лишь к христианам по ту сторону границы. Впрочем, нравы гёгов сходны с нравами их соседей, славян, до такой степени,

что ясно доказывают довольно значительное смешение обоих племен.

Но расширяя свои земли к северу, албанцы теряют их с юга. Будучи несомненно эпирского, т.е. пелазгийского происхождения, часть жителей южной Албании, тем не менее, говорит по-гречески. Арта, Янина, Превеза—города эллинизованные, и только несколько мусульманских фамилий сохранили здесь албанские обычаи. Почти на всем пространстве между Пиндом и цепями прибрежных гор у Адриатического моря господствует греческий язык, а в областях, которые простираются к западу до самого моря, все население говорит на обоих языках. Таковы, напр., знаменитые сулиоты, которые дома говорят на тоскском языке, а с посторонними по-гречески. Впрочем, там, где встречаются оба племени разом, всегда албанцы бывают принуждены учиться языку эллинов, которые не снисходят до изучения наречия первых и презирают его. Впрочем, значительное число тосков принадлежит к православному вероисповеданию и находится, таким образом, в духовной зависимости у греческого духовенства, которое деятельно ведет политическую пропаганду. Это тем более легко, что во всей стране существуют только одни греческие школы. Албанская литература характера строго национального, но еще очень бедна и заключается в религиозных книгах, эротической поэзии, сказках, народных песнях и отрывочных былинах, повествующих о жарких битвах с турецкими полчищами.

Влияние греков в южной Албании возрастает тем легче, что может опираться на другое племя, рассеянное гораздо более многочисленными группами среди шкипетарского населения, чем среди греков Олимпа и Акарнании. Это—племя зинзаров, называемых также македоно-валахами, «хромыми валахами», или, просто, южными румынами. Действительно, это соплеменники тех румын, которые живут на севере равнин Валахии и Молдавии; но значительною сплошною массою, составляющею целое племя, они населяют только оба склона Пинда, к югу и к востоку от озера Янины, где, по некоторым писателям, их насчитывается до двухсот тысяч. Подобно дунайским румынам, это, по всей вероятности, латинизованные даки. Они похожи на валахов по чертам лица, по манерам, по характеру и, подобно им, говорят на новолатинском языке, перемешанном, правда, со множеством греческих слов. В долинах Пинда зинзары—по преимуществу кочующие пастухи и часто оставляют свои деревни на целые месяцы; но многие из них употребляют ловкость своих рук и свои весьма значительные умственные способности и на другие занятия. Почти все каменщики в Турции,—исключая столичные города,—из зинзаров. Часто один и тот же человек составит план дома и сам выстроит его, превращаясь постепенно из архитектора в плотника, из плотника в столяра, из столяра в слесаря. Из румын Пинда бывают также отличные серебряники.

Опытные в ведении всякого рода дел, зинзары исполняют внутри Турции такую же роль естественных посредников торговли, как греки по берегам моря. Рассказывают, что прежде валахи Мецово и многих других округов находились под непосредственным покровительством Порты, конечно, потому, что они давали в займы деньги. Всякий путешественник, как христианин, так и мусульманин, обязан был расковывать своих лошадей перед выездом из территории Мецово, «чтобы не унести нечаянно частицы непринадлежащей ему почвы». Конторы валахов Пинда встречаются во всех городах Востока и даже в Вене, где один из самых значительных банкирских домов основан валахом. Заграницею их обыкновенно принимают за греков, потому что они все говорят на этом языке, и зажиточные из них посылают своих детей в афинские школы. Затерянные среди мусульман, зинзары Пинда чувствуют необходимость примкнуть душевно к какому-либо отечеству, от которого они могли бы ждать себе свободы. Долго они думали, что это отечество представляет для них греческий мир, к которому в 1881 г. была присоединена часть их родного края, и лишь в самое недавнее время почувствовали себя солидарными с северными румынами; они слишком изолированы, чтобы надеяться сохраниться как отдельная раса. Кажется, что путем постепенных преобразований, столь частых в истории, многочисленные македоно-валахские населения эллинизировались совершенно. В средние века почти вся Фессалия была населена зинзарами, отчего византийские писатели и называли ее Великою Валахиею. Переселялись ли они в

нынешнюю Румынию, как полагают некоторые писатели, или же были постепенно ассимилированы греками, во всяком случае они в настоящее время малочисленны на восточном склоне Пинда и разбросаны маленькими отдельными колониями. Наконец, тысячи румын-

Костюмъ богатыхъ арнаутовъ.

ских семейств, живущих в приморских городах, сделались мусульманами, хотя еще сохранили валахский язык.

Кроме этих зинзаров, греческих эпиротов, сербов и немногочисленных османлисов в

больших городах, население западной Турции, между горами Боснии и Грециею, состоит из полу-варваров гёгов и тосков, социальное положение которых не изменилось в течение трех тысяч лет. Черты лица у них правильные; большинство—белокурые, с голубыми или серыми глазами; грудь выпячена, талия тонкая, члены грациозные и сильные; по Вирхову, между европейцами у албанцев форма черепа наиболее благородная. Веселые, смелые, скорые на ответ, албанцы походят на греков; по своим нравам, по чувствам и мыслям, они представляют еще нам пелазгов древних времен; многие сцены, при которых присутствует путешественник, переносят его вполне в Одиссею. Георг Ган, всех лучше изучивший шкипетаров, считал их настоящими дорийцами, какими должны были быть гераклиды, когда они покидали горы Эпира, отправляясь на завоевание Пелопоннеза. Они имеют то же мужество, ту же любовь к войне и к господству, тот же племенной дух и даже почти тот же костюм, ибо их белая фустанелла, изящно перетянутая в талии,—не что иное, как древняя хламида. Между прочим, гёги, как и дорийцы прежних времен, склонны к той таинственной страсти, которую историки древности смешивали, к несчастию, с неестественным пороком, и которая привязывает взрослых людей к детям чистою и преданною любовью, любовью идеальною, без всякого участия чувственности.

В настоящее время нет ни одного народа, военные летописи которого представляли бы более удивительные примеры мужества, чем летописи албанцев. В пятнадцатом столетии у них был Скандербег, их «Александр Великий», который, правда, не имел такой обширной арены для своей славы, как Александр Македонский, но не уступал последнему по своему гению и был велик своею справедливостью и добротою. Какой народ превосходил когда-либо в мужестве этих горных сулиотов, где из тысяч не нашлось ни одного старика, ни одной женщины, ни одного ребенка, которые бы попросили милости у убийц, посланных Али-пашею? Героизм этих сулиотских женщин, зажигавших ящики с патронами, бросавшихся с вышины скал или кидавшихся в глубокие потоки с пением погребальных песен, всегда останется одним из исторических фактов, вызывающих удивление потомства.

Но к этому мужеству у многих албанских племен примешивается крайняя дикость. Человеческая жизнь ценится весьма мало у этих воинственных людей, и кюль скоро кровь пролита, она требует крови: жертвы отмщают за себя новыми жертвами. Албанцы верят в вампиров, в привидения, и случалось, что сожигали стариков, подозреваемых в способности убивать других своим дыханием. Рабства у них не существует, но женщина всегда бывает слугою; на нее смотрят как на существо низшее, бесправное, не имеющее собственной воли. Обычай воздвигает между двумя полами преграду, которая непреодолимее бдительно охраняемых стен гинекея. Девушка не имеет права говорить ни с каким молодым мужчиною: это было бы преступление, которое отец или брат смыл бы, быть может, кровию. Родители, задумав женить сына, принимают иногда во внимание его желание; с дочерью же не советуются никогда. Часто они просватывают ее еще с колыбели; а когда она достигает двенадцати летнего возраста, уступают ее избранному молодому человеку за полное приданое и определенную обычаем сумму денег, не превосходящую средним числом двадцати пяти франков. За эту цену отцы отделываются от своих дочерей, а покупатели становятся, в свою очередь, безусловными властителями над ними, но при этом, согласно обычаю почти всех древних народов, все-таки разыгрывают комедию тайного похищения. С этого времени бедная проданная женщина, как раба, должна работать изо всех сил за себя и за мужа; она в одно и то же время и хозяйка, и земледелец, и работница: в поэзии ее именно сравнивают с «ткацким челноком, который постоянно в движении», тогда как отца семейства изображают «в виде величественного барана, идущего впереди стада и звенящего своим колокольчиком». Тем не менее эта презираемая женщина, это вьючное животное, поглупевшее от работы, совершенно ограждена от всяких оскорблений; она могла бы пройти всю страну, от одного конца до другого, не боясь услышать ни одного неуместного слова, и несчастный, ставший под её покровительство, делается существом священным.

Семейные узы весьма сильны у албанцев. Отец сохраняет права верховного владыки до

самых дряхлых лет, и пока он жив, все, что приобретают его дети и внуки, принадлежит ему; часто семейная община не распадается и после его смерти: его сменяет старший сын. Потеря члена семьи, в особенности молодого мужчины, служит для женщин поводом к ужаснейшим слезам и рыданиям, которые часто имели следствием продолжительные обмороки и даже сумасшествие; но о тех умерших, которые достигли естественных пределов жизни, почти не плачут. Различные семейства общего происхождения никогда не забывают своего родства, даже хотя-бы имя предка давно забылось; они соединяются в кланы, называемые *фис* или *фарас*, которые тесно сплачиваются для защиты, для нападений и для ведения общих дел. У албанцев, как и у сербов и многих древних народов, братство по выбору не менее крепко, чем и по крови; молодые люди, желающие сделаться братьями, произносит торжественные клятвы в присутствии своих семейств и, надрезав себе жилу, пьют друг у друга по несколько капель крови. В Албании до такой степени сильна потребность в этом семейном единении, что часто дети, воспитанные вместе, остаются связанными на всю жизнь, образуя правильные общества, имеющие свои определенные дни для собраний, свои праздники и общий бюджет.

Однако, вопреки этой замечательной склонности, заставляющей албанцев соединяться в кланы и общины, вопреки их страстной любви к родине, шкипетарское население осталось без политической связи: физические условия почвы, на которой они живут, и их несчастная страсть к битвам обрекли их на раздробленность сил и, следовательно, на порабощение. К тому же результату должна была привести и религиозная вражда между мусульманами и христианами, между греками и латинами.

Обыкновенно полагают, что число албанцев-магометан превосходит число албанцев-христиан различных исповеданий, но отсутствие серьезной статистики не позволяет утверждать в этом отношении что-либо положительно. Когда турки сделались властителями страны и когда самые мужественные из албанцев эмигрировали в Италию, чтобы спастись от притеснений своих врагов, то большая часть оставшихся была вынуждена принять ислам; кроме того, некоторые предводители, жившие разбоем, нашли выгодным сделаться мусульманами, чтобы безопасно продолжать свои грабежи; под предлогом священной войны, они не переставали увеличивать насилием свои владения и богатства. Вот причина того общего правила, что магометанское население Албании представляет аристократический элемент, по крайней мере во всех городах. Им принадлежит земля, а земледелец-христианин, хотя и свободный по закону, тем не менее, находится в порабощении у господина, который дает деньги ему вперед и всегда держит его в кабале. Впрочем, албанцы-мусульмане являются скорее воинственными фанатиками, чем ревнителями веры, и множество их церемоний, в особенности относящихся к воспоминанию о родине, ничем не отличаются от христианских. Они обратились в магометан, но без малейшего убеждения, и сами выражаются: «где меч, там и вера». Крест, полумесяц—это внешние знаки, менее важные в их глазах, чем символические знаки племен. Таким образом, во многих местах обращение было только формальное, и ревностные христиане продолжали втайне держаться своего культа, и как только позволила терпимость правительства, множество албанцев, сделавшихся магометанами по виду, поспешили открыто вернуться к своим прежним обрядам. Что же касается воинственных горных кланов: мирдитов, сулиотов, акрокераунцев, то им нечего было ждать разрешения Турции: они всегда оставались христианами греческой или римской церкви.

Еще в конце прошлого столетия южная Албания и Эпир были землею совершенно феодальною. Предводители кланов и турецкие паши, полунезависимые сами по себе, жили в построенных на скалах укрепленных замках, из которых они выходили по-временам, в сопровождении своих вооруженных людей, или, вернее сказать, разбойников, находившихся в их распоряжении. Война была постоянная, и границы владений различных племен и различных властителей изменялись беспрестанно, смотря по успехам оружия. Но грозный Али-паша Янинский изменил такой порядок вещей: это был Ришелье шкипетарской аристократии, и как только он уравнял больших и малых, воцарился мир, и центральная власть уве-

личилась настолько же, насколько потеряли силы отдельные властители и главы семейств.

Нужно отправиться в северную Албанию, к независимому населению, чтобы встретить социальное положение, напоминающее средние века. Пройдя Мати, к северу от Тиранны, тотчас же замечаешь перемену. Здесь все вооружены: и пастух, и земледелец имеют при себе карабин; женщины и даже дети носят за поясом пистолет, у каждого в руках и жизнь другого, и защита своей собственной. Семья, клан, племя—все организовано на военный лад, и стоит кликнуть клич, как все будут на ногах, готовые к битве. Ружья стреляют часто как будто сами собою; не хватит в стаде одной штуки скота, произнесет кто-нибудь бранное слово в минуту гнева—и между племенами возгорается война. Недавно главным врагом их был черногорский серб, ибо бедный горец, уединившийся в своих высоких долинах, среди крутых скал, часто бывает принужден для своего существования заниматься разбоем и снимать жатву с полей соседа. Властители старательно поддерживали эту взаимную ненависть между албанцами и черногорцами. Племена Крайны, между Черногориею и озером Скутари, кланы малисоров, клементи, дукачинов вознаграждались за их воинские услуги освобождением от налогов. Но они только номинальные подданные Порты, в сущности же независимы, так что если коснуться их привилегий, то племена эти легко могут обратиться против пашей, соединившись со своими кровными врагами—черногорцами.

Мирдитов можно считать типом этих независимых племен северной Албании. Населяя высокие долины, поднимающиеся цитаделью, к югу от ущелья Дрины, они далеко не многочисленны и составляют всего каких-нибудь двадцать пять тысяч, но их независимость и воинственный характер дают им значительное влияние во всей западной Турции. Запертые в горном пространстве, в которое можно проникнуть лишь через три затруднительные для прохода теснины, мирдиты господствуют в ущельях, через которые необходимо должны проходить турецкия войска, действующие против Черногории. Вот почему Высокая Порта, понимая, как трудно было бы побороть грозных горцев, предпочла привязать их к себе почестями и признанием их полной административной автономии. С своей стороны, мирдиты, хотя и христиане, всегда с величайшею преданностью сражались в рядах турецких войск и в Морее, и в Крыму, и в самой империи, против своих единоверцев Черной Горы. В военном отношении, мирдиты разделяются на три горных «знамени» и два знамени равнин, а во время войны к бандам мирдитов присоединяются еще пять знамен округа Леша, или Алессио; во главе же всех стоит знамя клана Орош, самого малочисленного, но особенно славящагося своею храбростью. По Бианкони, в Албании развевается 39 «католических» знамен.

Мирдития или Мирдита представляет олигархическую республику и управляется по древним обычаям. Князь, или паша орошский (варошский)—первый по титулу, но не может дать никакого приказания; все вопросы разрешаются старшинами каждой деревни, делегатами различных знамен и предводителями кланов, соединенных в совет; последние имеют авторитет лишь благодаря нравственному влиянию, которое они умели приобрести. Впрочем, старые традиции клана имеют достаточно силы, чтобы заменять всякий закон. Еще недавно обычай требовал, чтобы жена была отнята у врага, и во многих деревнях равнины мусульманские девушки, без особенного, правда, страха, ждали похищения себя воинственными мирдитами в какой-нибудь мародерский набег. Месть бывает самая неумолимая: у этих варваров кровь может быть смыта только кровью. Злоупотребление гостеприимством также наказывается смертью. Блудная жена закидывается грудою камней своими ближайшими родственниками, а голова соучастника заранее выдается мужу; вот вкратце суд мирдитов. Понятно, что образования в этой стране нет никакого, и школ вовсе не существует. В 1866 году всего пятьдесят христиан Мирдитии и всей области Леш умели кое-как читать, и человек десять умели подписать свое имя. Но зато земледелие, по словам Вита, относительно развито у мирдитов; принужденные, ради существования, старательно возделывать долины своих суровых гор, они достигли того, что снимают более обильные жатвы, чем в равнине, заселенной сравнительно с ними беспечным народом.

Замечательно, что самые прямые потомки тех древних пелазгов, которым мы обязаны на-

чатками нашей европейской цивилизации, принадлежат еще к числу самых варварских населений материка. Но и они должны измениться мало-по-малу под общим влиянием постоянно изменяющейся среды. Один из замечательнейших примеров этого постепенного преобразования представляют эмиграции эпиротов и шкипетаров юга. Еще недавно эти страшные бойцы, совсем не похожие на горцев других племен, например, зинзаров, постоянно отправляющихся зарабатывать хлеб трудом или торговлею, оставляли родину единственно для войны; подобно древним, тяжело вооруженным пехотинцам Эпира, которых можно было видеть на всех полях битв Греции и Великой Греции, они любили только легкий и унизительный промысел наемных солдат. С XV в. отряды албанской конницы фигурируют между французскими войсками, а немного позднее и в наемной армии Венецианской республики. Еще в первой половине XIX столетия молодые люди Акрокераунии в довольно значительном числе продавались неаполитанскому королю, и образовали целый «Королевско-Македонский» полк. Даже в настоящее время множество тосков, как магометанского, так и христианского вероисповеданий, продолжают наниматься к пашам и беям. Известные под искаженным названием арнаутов, они встречаются даже в самых отдаленных частях империи: в Армении, в Багдаде, на Аравийском полуострове, и, прослужив более или менее долгое время, ветеранами поселяются большею частью на уступаемых им правительством землях, отчего и происходит такое множество арнаутских деревень (арнаут-кеи), встречающихся во всех турецких владениях.

Но войны становятся все более и более редкими, промысел наемных солдат постепенно потерял свои выгоды, вследствие чего число албанцев, эмигрирующих с целью зарабатывать хлеб честным трудом, возрастает с каждым годом. Подобно граубюнденским швейцарцам и принуждаемые тою же экономическою необходимостью, шкипетары покидают свои горы до начала зимы и отправляются на промысел далеко в равнины; весною же большая часть из них возвращается, заработав маленькую сумму денег, которой не могло бы дать им возделывание их неблагодарных скал: но случается, что они эмигрируют целыми толпами без намерения когда-либо возвратиться.

Странствующие ремесленники Эпира и южной Албании давно уже поняли выгоды разделения труда; поэтому всякая долина здесь имеет свою специальность: одна дает мясников, другая булочников, третья садовников, а одна деревня окрестностей Аргиро-Кастро доставляет Константинополю всех нужных ему фонтанщиков; округ Загори, откуда, по всей вероятности, вышли греческие Асклепиады, рассыпает из себя по всем городам Европейской и Азиатской Турции—лекарей, или лучше сказать, «костоправов». Большая часть разбогатевших албанцев остаток дней своих проводят на родине, где и строят себе красивые дома, которые так странно встречать на диких скалах Эпира. В некоторых уединенных местах такия богатые жилища заменяют собою древние владельческие замки, т.е. грубо построенные башни, в нижних этажах которых нет никаких отверстий, кроме бойниц, в которых блестели часто ружейные стволы.

Вечные междоусобицы между албанцами мало-по-малу стихают. Главною причиною раздоров между албанскими племенами была рознь религий, и, главным образом, благодаря этому шкипетары до сих пор еще не смогли завоевать своей независимости, как сделали это сербы и болгары. Воинственные горные кланы, мирдиты, сулиоты, акрокераунцы, более свободные и независимые сравнительно с албанцами равнин, принужденными принять магометанство, остались христианами латинского или греческого вероисповедания, и религиозная вражда присоединилась к племенной ненависти. К северу от Шкумба живут албанцы-католики, к югу православные, и между ними, в свою очередь, существовала та же вражда, словно взаимной враждой они хотели смыть позор своей подчиненности турецкому полумесяцу. Так тянулось долго, пока наконец войны, превратившие Румынию, Сербию, Черногорию, Болгарию и Восточную Румелию в независимые государства, не показали шкипетарам, что они, как нация, сгинут навсегда, если не бросят своих раздоров. Под страхом увидать свое отечество разделенным между греками, северными сербами и черногорцами, мусульманские

албанцы соединились и сделали воззвание к своим вчерашним врагам—албанцам-католикам. «Да будет трижды проклят,—провозгласило собрание албанцев в Призренде,—да будет трижды проклят тот, кто думает о себе, когда отечество в опасности. Да не будет в нашем союзе ни мусульман, ни христиан—одни шкипетары». Католические племена: пулаты, малисоры, касменты, мирдиты и другие соединились с мусульманскими племенами в лигу или «конгру», и все дали торжественную клятву верности и союза «на веки вечные». На хоругвях и знаменах изображение луны было сброшено и заменено красным на золотом поле львом—герб Албании; каждый член союза обязывался уплачивать по 12 франков ежегодно в общую кассу.

Таким образом, не называясь так оффициально, они образовали федеральную республику: племена, совершенно самостоятельные во внутренних своих делах, являются, в случае внешнего давления, одним целым, единой нацией. Их армия, состоящая из контингентов от всех кланов, представляется весьма солидной: от 14 до 60 лет каждый шкипетар-воин и принадлежит отечеству. Благодаря этому, они могли воспротивиться завладению Гуссинийской территорией, отнятой было у них Берлинским трактатом, но не смогли удержать за собой Ольгун или Дульчиньо, который был присоединен к Черногории, хотя он находится среди албанской территории, и хотя балканская война велась во имя «принципа национальностей». Жители месяцы сопротивлялись флотам держав, но наконец должны были покинуть свой родной город. Несмотря на кровопролитные их схватки с Турцией, вырвать от неё свою независимость им не удалось,—турецкое золото съумело подкупить большую часть их предводителей. Но во всяком случае, какова бы ни была их политическая будущность, они сплотились, из мелких, бессильных племен превратились в один народ; можно сказать, что они только в наши дни покончили с средними веками.

Таким образом, албанцы сами собою вовлекаются в общее движение, и когда они вступят в правильные сношения с другими народами, то вполне можно надеяться, что будут играть важную роль, так как они отличаются вообще тонкостию ума и силою характера. Горцы Албании имеют то преимущество пред босняками и черногорцами, что обладают морским берегом; но они почти не пользуются этим преимуществом, не только вследствие разбоев, внутренних распрей и недостатка промышленности, но также и вследствие крутизны гор, недостатка мостов и дорог, вследствие береговых лихорадок и постоянного затягивания берегов илом, наносимым грязными реками. Но как бы ни были велики эти затруднения, все-таки нельзя не удивляться, до какой степени слабо развито мореплавание при берегах Албании. Эпироты и гёги принадлежат к одному и тому же племени с гидриотскими корсарами, которые, во время войны за независимость эллинов, съумели создать в Архипелаге целые флоты и с тех пор оставались первыми между отличными моряками Греции. Порты албанского берега производят лишь самую ничтожную розничную торговлю, обслуживаемую на две трети триестскими кораблями и их австро-далматскими экипажами; весь же торговый обмен этого берега едва достигает двадцати миллионов франков. За исключением акрокераунцев, ни один турецкий албанец не пускается в море ни для рыбной ловли, ни для торговли. Несмотря на плодородие долин, из которых иные производят зерновые хлеба, оливки и даже довольно хорошие вина, вывоз продуктов Албании еще незначителен по причине недостатка дорог и отсутствия безопасности. Главное богатство Эпира—стада коз и овец, прокармливаемых его обширными пастбищами.

В римскую эпоху страны эти были также в забросе, и только на мысе, к северу от нынешнего города Превезы, стоял великолепный город Никополь, построенный Августом, в память своей победы при Акциуме; на развалинах его теперь бродят стада. Турки укрепили Превезу, чтобы командовать входом в залив Арта, против римского Акциума, принадлежащего ныне Греции. Она окружена огромным оливковым лесом; к северу же от неё Пара, преданная некогда англичанами неистовству Али-паши, вся тонет в лимонных рощах. Буртинто, против Корфу, замечателен лишь как место рыбной ловли. Дирахиум (у итальянцев Дураццо), окружаемый цыганскими таборами, имел некоторое значение, как место высадки

римских легионов и как конечный пункт *Via Egnatia*, пролегавшей чрез весь Фрако-Эллинский полуостров, с востока к западу; этот город, стало-быть, соединял восток с Италиею; домишки его построены из обломков римско-византийского города; церкви обращены в мечети. Весьма возможно, что рано или поздно место Дирахиума, как посредника между двумя странами, займет порт Авлона, который сделается Калэ итальянского Дувра—Бриндизи, ибо Авлона, как точка отправления железной дороги через весь полуостров, расположена так же удобно, как и Дураццо, и, кроме того, представляет то преимущество, что гораздо ближе к итальянскому берегу и имеет глубокий и безопасный порт, совершенно защищенный с моря островом Сазено и «linguett'ою» (языком) Акрокераунии. Это главный город племени арберцев, некогда самых страшных между наемными воинами из албанцев. На северном берегу находится Медуа, посещаемая каботажными судами гавань местечка Леш (Алессио или Александрия), доминируемого цитаделью и горой в 400 м., с старинным монастырем на вершине.

В ожидании же основания на берегу торгового города и замены им тех жалких «пристаней», которые величают портами, все торговое движение сосредоточивается в нескольких внутренних городах. Самый значительный из них—Призренд, на Марице, притоке Дрины, в плодородной равнине Метойи; он служит рынком для горских албанцев, и его именитые граждане, разбогатевшие от торговли, щеголяют великолепием своего наряда и красотою оружия. К юго-западу, в верхней долине Дрины, расположен мусульманский город Дибре или Дибра, замечательный фанатизмом жителей и искусной выделкой сафьяна. К северо-западу от Призренда, города Ипек, Гуссинье, Дьякова или Дьяконица,—расположенные при подошве Скара,—главные места самых воинственных племен верхней Албании. Приштина, на железной дороге из Митровицы в Салоники, командует великолепной равниной, где необходимо должен совершаться торговый обмен между Македониею и Босниею, между Сербиею и Албаниею. К востоку от бассейна Дрины находится «Коссово поле»—знаменитое место битвы 1389 года, где сербы похоронили и свою славу, и свое могущество. В приморской области: живописная Кругия или «город фонтанов», Тирана, Берат, Эльбассан, древний Альбанон, имя которого смешивается с именем самой страны, точно также имеют некоторое значение. Наконец, Корица, к югу от Орхидского озера, благодаря своему положению на переходном пороге между склонами Адриатического и Эгейского морей, является также довольно оживленным торговым местом. К юго-востоку Кастория—незначительный, но живописный город. У восточной подошвы Албанских гор города принадлежат уже на половину, по своему народонаселению, болгарам. Здесь—Калкандело, Скоплиа, Киёприли, Кручево, Прилиц и Бетолиа или Монастырь. Последний—один из важнейших городов полуострова по своим оживленным ярмаркам; это—город сильно эллинизованный. Скодра (Шкодра) и Янина, подобно Призренду, расположены при горных выходах, в таких местностях, где население должно было скучиться вследствие соединяющихся в них естественных удобств. Наиболее живописным из этих двух городов является Янина, город Эпира, расположенный на берегу прекрасного озера, против тяжелых масс Пинда, но и в виду «светло-серых» гор Греции, «блестящих как шелк». Во времена Али-паши, Янина, сделавшись столицею, была гораздо многолюднее Скодры, но теперь последняя одержала верх; ее часто называют также Скутари. Расположена она удивительно удобно, именно там, где пути из дунайских стран и Эгейского плоскогорья слились с дорогами нижней долины Дрины и Адриатическаго залива.

Скодра—первый восточный город, который встречается на пути из Италии, и путника поражают на первый раз его многочисленные сады, обнесенные высокими стенами, пустынные улицы, беспорядочность построек. Зато с вершины известкового пригорка, на котором стоит замок Розафа, открывается удивительная панорама: куполы Скодры, её двадцать минаретов, роскошная зелень, амфитеатр причудливых гор, сверкающее на солнце озеро, серебряная лента Дрины и Бонны—все это представляет великолепное зрелище.

Главные города Албании и греческого Эпира и их приблизительное население:

Призренд 46.000 чел.; Монастырь (Битолия) 45.000 чел.; Скодра (Скутари) 30.000 чел.;

Янина 29.000 чел.; Дьякова 25.000 чел.; Скоплиа 25.000 чел.; Калканделе 22.000 чел.; Инек 20.000 чел.; Дибре 19.000 чел.; Охрида 16.000 чел.; Эльбассан 12.000 чел.; Берат 12.000 ч.; Артро-Кастро 12.000 чел.; Пристина 11.000 ч.; Тирана 10.000 чел.; Горица (Корица) 9.000 ч.; Мецово 8.500 чел.; Превеза 7.000 чел.; Кастория 6.000 чел.; Авлона 6.000 чел.; Круя 6.000 чел.

V.

Турецкая нация находится еще совершенно в периоде средних веков, и ей предстоит еще много внутренних переворотов, прежде чем она будет в состоянии занять место в ряду просвещенных народов Европы и Америки. Территорию её занимают взаимно враждебные племена, и если бы она не удерживала их силою, то они кинулись бы друг на друга: сербы вооружились бы против албанцев, болгары—против греков, и все соединились бы против турок. К племенной вражде» присоединяется еще религиозная ненависть, и во многих местах босняки ничего не желали бы больше, как схватиться с другими босняками, а тоски—с своими братьями по языку и происхождению, гёгами. Впрочем, властители этих разных племен, считающиеся османлисами, но в действительности принадлежащие ко всем расам Востока, угнетают их всех, и все искусство их состоит в том, чтобы восстановлять племена друг против друга, основывая свое спокойное владычество на их раздорах.

Да и не может быть иначе в такой империи, где царствует произвол. Падишах в одно и то же время властелин души и тела своих подданных, главный полководец, верховный судья и первосвященник. Прежде власть его ограничивалась практически дальними вассалами, которым часто удавалось добиться понемногу независимости, но с падением Али-паши и избиением янычар, султану уже нечего бояться, и существенным ограничением его произвола служат обычай, предания предков и интересы европейских правительств. Сверх того, он сам добровольно пожелал регулировать отправления своей власти некоторыми актами: так, он установил для всей империи бюджет, по которому берет себе около десятой части доходов. Он самый неограниченный из монархов Европы и получает больше всех, относительно суммы доходов страны; но и этот особый бюджет недостаточен, и очень часто приходится покрывать дефицит займами за пятнадцать, даже за двадцать процентов, под обеспечение налогами, десятинами и таможенными сборами. Расходы на содержание дома султана и членов его семейства по-истине непомерны. Во дворце целая армия слуг и рабов обоего пола; сверх того, сама прислуга окружена целым скопищем лизоблюдов, проживающих около дворца и питающихся на императорских кухнях, так что поставщики обязаны, по контрактам, поставлять ежедневно средним числом по тысяче двести штук баранов; уже по одному этому предмету потребления можно судить о громадности суммы, поглощаемой остальными. Текущие расходы увеличиваются еще тратами на постройку дворцов и киосков, на приобретение всяких феерий Востока, фабрикуемых в Париже и Вене, на фантастическия коллекции, всевозможное мотовство и бесконечные кражи и расхищения.

Министры, вали и другие сановники империи стараются изо всех сил подражать своему повелителю и, подобно ему, поневоле должны выходить из пределов своего фиктивного бюджета, Впрочем, им платят очень щедро, ибо на Востоке принято, чтобы высшие сановники отличались блеском богатства и расточительностью роскоши. Таким образом, на полезные работы не остается ничего. Что касается до низших чиновников, то жалованье их, конечно, если снизойдут заплатить его, является какою-то насмешкою; впрочем, зато существует немое разрешение удовлетворять себя как угодно насчет подчиненной им толпы. Поэтому в Турции все продажно, и правосудие в особенности. Положение турецких финансов дотого плачевно, займы делаются за такие непомерные проценты, и служебный беспорядок дотого велик, что не раз предполагалось учредить особый синдикат от европейских держав для. управления оттоманским бюджетом. Но много ли между этими державами таких, которые бы сами могли похвастать, что у них существует полное равновесие между приходом и рас-

ходом[1].

При подобном управлении, земледелие и промышленность должны развиваться, конечно, весьма медленно. Недостатка в земле нет, напротив—огромные пространства самой плодородной земли пустуют, и никто не знает, кому они принадлежат, так что всякий может завладеть ими; но горе тому, кто извлечет из них хорошую выгоду или вздумает обогатиться ею: обработанная им земля тотчас оказывается принадлежащею к землям священным или придется по вкусу какому-нибудь паше, который и завладевает ею, отдувши предварительно владельца палками. Поэтому во многих местностях иной, даже самый экономный и деятельный земледелец с умыслом уменьшает свой урожай до самых необходимых размеров, и был бы в отчаянии от обильной жатвы, ибо увеличение количества произведений повлекло бы за собою увеличение налога и могло бы навлечь на него подозрительные розыски сборщика податей. Точно также в маленьких городах купец, дела которого пойдут на лад, опасается как-нибудь обнаружить свое богатство: он будет прикидываться униженным, покорным и держать свой дом в крайней нищете. Кроме того, разбойничество опустошает деревни, гайдуки (грабители) из греков, болгар, албанцев, валахов бродят вокруг городов и при всяком удобном случае захватывают богатых и влиятельных жителей, с целью получить за пленников большой выкуп.

Что касается мусульманских фамилий, то большая часть их, для спокойного пользования своею поземельною собственностью, уступили свои права собственности мечетям, оставив за собою только пользование доходами; но они имеют в этом случае ту выгоду, что им не нужно платить налогов, ибо земля стала священною, и их потомки могут пользоваться доходами имения до прекращения рода. Земли эти, называемые *вакуфами*, составляют около трети всей территории и не приносят государству решительно ничего. Они имеют ничтожную цену и для самих жертвователей, которые освободили себя от права собственности только вследствие недостатка всякой предприимчивости, ибо когда церковные земли увеличились до непомерных размеров, то большая часть их стала оставаться невозделанною. Вся тяжесть налога, следовательно, падает на землю, обрабатываемую несчастными крестьянами, турками или христианами, и все-таки доход с этого налога должен необходимо уменьшаться по мере распространения вакуфных земель. Таким образом, рано или поздно должна быть произведена секуляризация этих закрепощенных имений, и уже турецкое правительство, к большому скандалу староверов, протянуло тихонько руку к земле, принадлежащей мечетям Стамбула.

Если сербский, албанский и болгарский земледельцы успевают в настоящее время удержать свою землю в состоянии производительности, то это, можно сказать, происходит случайно. Об этом можно судить по одному следующему факту. Для избежания обмана, некоторые сборщики десятины не нашли более остроумного средства для контроля, как обязать земледельцев складывать вдоль поля всю собранную ими жатву, и так как агенты не отбирают своевременно каждый десятый сноп, то выходит, что груды маиса, риса и ржи остаются на поле под ветром, дождем, на истребление животным, так что часто, пока правительство отберет наконец десятину, сбор жатвы теряет половину своей цены. Иногда крестьяне и не трогают даже винограда и других плодов, чтобы не платить налога. Впрочем, земледелец имеет право жаловаться не на одну только казну,—его обирают и все посредники, покупающие у него его произведения: «Болгарин пашет, а грек держит соху»,—говорит древняя пословица, которая и теперь еще довольно верна, по крайней мере на южном склоне Балкан, где земледелец никогда не бывает собственником засеваемой им земли. Впрочем, даже и там, где он владеет собственным полем и работает непрямо на господина, грека или мусульманина, хлеб его, часто еще до жатвы, принадлежит ростовщику; не имея надежды когда-нибудь расплатиться с ним, он работает, таким образом, всю жизнь, как несчастный раб.

И между тем, несмотря на отсутствие дорог и несмотря на мечети и казну, на грабительство и воровство,—плодородие почвы на обоих склонах Гемуса, во Фракии и Македонии, та-

1 Консолидированный долг Турции составляет около 2 с половиной миллиард. франк.

ково, что земледелие доставляет торговле весьма значительное количество продуктов. Маис (кукуруза) или «турецкий хлеб» и все зерновые хлеба родятся в изобилии. Долины Карасу и Вардара производят хлопок, табак и красильные вещества; прибрежье и острова доставляют вино и масло, которые, при небольшом уменье, можно было бы сделать отличными; вино в долине Марицы превосходно; наконец, в некоторых частях Фракии и Румелии—целые леса шелковицы, и вывоз коконов в Италию и Францию с каждым годом принимает все большие и большие размеры. При таком плодородии земли, при прекрасных влажных долинах, обращенных к югу, Турция должна будет в недалеком будущем занять одно из первых мест между странами Европы по доброкачественности и разнообразию своих произведений. Скотоводство в последнее время значительно расширилось, особенно в Македонии и Эпире. Что касается промышленности, то, при устройстве новых путей, она должна будет, вероятно, мало-по-малу перейти в другие места, как и во всех странах, открытых для свободной внешней торговли. Различные мануфактуры внутренних городов: фабрики оружия, материй, ковров, галантерейных вещей, должны будут много пострадать от иностранной конкурренции, и, без сомнения, многие из них закроются или перейдут в руки иноземцев. Точно также большие годичные ярмарки в Монастыре, Сливно и других местах Турции, куда собираются для обмена купцы со всей империи и куда разом наезжает тысяч до ста посетителей, будут заменены постепенно правильными отправлениями торговли.

В последние годы торговое движение в портах Турции, благодаря эллинам, армянам и европейцам всех наций, увеличивается все более и более, так что торговый оборот во всей Европейской и Азиатской Оттоманской империи доходит приблизительно до миллиарда франков. Но эта сумма весьма не велика для страны, обладающей таким плодородием почвы, таким разнообразием произведений, такою многочисленностью портов, расположенных так хорошо в центре древнего мира, в точке пересечения больших естественных дорог, соединяющих материки[1].

Сами европейские турки принимают весьма незначительное участие в общем труде населения империи, и эта их меньшая, по сравнению с представителями других племен, активность объясняется многими особенными причинами. Прежде всего, только из них выбираются управители страны, и тщеславие, конечно, влечет их к почестям и удовольствиям кейфа, т.е. вялого бездействия. Из презрения ко всему немагометанскому, а также по беззаботности и вялости ума, они весьма редко учатся иностранным языкам и, следовательно, много проигрывают в сношениях с другими племенами, из которых большая часть говорят на нескольких языках. Собственный же их язык представляет орудие, владеть которым довольно трудно, вследствие различных систем знаков и употребления множества вошедших в литературный язык персидских и арабских слов. Кроме того, фатализм, внушаемый туркам кораном, лишает их всякой предприимчивости, так что они ничего не умеют делать иначе, как рутинными способами. Еще две важные причины их деморализации составляют—многоженство и рабство. Хотя роскошествовать гаремом могут только богатые, тем не менее и бедные научаются, по примеру своих господ, не уважать женщину, развращаются, унижаются и принимают участие в торговле человеческим мясом, которую необходимо влечет за собою многоженство. Впрочем, несмотря на бесчисленность невольников, которые уже более четырех веков привозятся со всех окраин Оттоманской империи и увеличивают турецкое население, несмотря на миллионы молодых девушек с Кавказа, из Греции, Архипелага, Нубии, внутреннего Судана, которые населили гаремы Турции, число османлисов остается все-таки гораздо ниже других этнических элементов полуострова: господствующее племя, если только можно назвать племенем людей, происходящих от таких различных смешений крови, едва составляет одну пятую часть всего населения остатка империи, который европейские

1 Движение в турецких портах в 1890-91 гг.—179.317 суд., вмест. 30.509.861 тон.; движение Константинопольск. порта в 1890-91 гг.—37.454 суд., вмест. 7.025.000 тон.; внешняя торговля Оттоманской империи в 1891-92 гг.: импорт—2.455.394.000 пиастр.; экспорт—1.537.005.000 пиастр. Железные дороги Европ. Турции в 1894 г.—1.449 километр., телеграфные линии в Оттоманской империи в 1889 г. на суше—32.223 километров, кабелей—597 километр.

державы оставили падишаху.

И эта численность турок будет становиться все меньше и меньше, так как число выживающих детей в магометанских семьях, именно вследствие многоженства, меньше, чем в христианских семействах. Хотя в этом отношении нельзя опереться на какое-нибудь точное вычисление, но не подлежит никакому сомнению, что турецкое население действительно уменьшается. Рекрутские наборы, производившиеся до недавнего времени исключительно в турецком населении, становятся все труднее и труднее за недостатком молодых людей.

По закону, все национальности в империи, без различия происхождения и вероисповедания, считаются равными, и христиане имеют такое же право на занятие различных должностей в империи, как и мусульмане. Но само собой разумеется, что турки везде, где только представляется удобный случай, отлично обходят все эти прекрасные постановления. При всей своей неповоротливости, паши умеют очень тонко отбивать охоту у искателей законных прав своими формальностями, придирками и бесконечными проволочками. В некоторых отдаленных от Константинополя областях реформы представляют собою мертвую букву. Но было бы несправедливо не признать, что Турция вообще сделала весьма многое к решительному уравнению прав. Впрочем, тут все дело в настойчивости самого населения: оно достигает свободы по мере того, как приходит к сознанию свой национальной силы и своего достоинства. От него самого зависит осуществить ту федерацию народов, к которой Ламартин, проезжая, в 1833 г., через Болгарию, считал его уже созревшим и которую европейские дипломаты стараются предупредить, учреждая маленькия королевства, враждебные друга» другу и всегда вынужденные, в своем бессилии, искать поддержки больших государств.

Турецкий деспотизм не есть деспотизм просвещенный, основанный на знании людей и методически добивающийся порабощения: османлисы не знают еще того искусства «угнетать умно», которое когда-то ставили себе задачею голландские управители Зондских островов, и которое вовсе не известно во многих других странах. У турок главное дело в том, чтобы паши и их любимцы могли обогащаться сколько им угодно, продавать за дорогую цену свои милости и правосудие и бить от времени до времени палками тех несчастных, которые не успевают посторониться во-время, но, затем, они охотно предоставляют обществу идти по своему усмотрению. Они вовсе не любопытствуют о том, что делают им подвластные люди, и вовсе не входят в отношения частных лиц и семейств. Господство их выражается часто насилием и жестокостью, но оно чисто внешнее и не касается, так сказать, внутреннего мира человека. Конечно, при подобном управлении не легко может родиться и развиться общественный дух, но частные лица могут сохранять неприкосновенными свою личную сферу и сильные национальные учреждения, каковы: греческий приход, мирдитское колено, славянская община, которые легко могут существовать при таком капризном и неимеющем никакого плана господстве, так что в некоторых отношениях автономия различных групп населения в Турции полнее, чем в самых передовых странах Западной Европы. При существовании такого хаоса народностей и племен, который трудно было бы подчинить какому-либо однообразному порядку, леность турецких властей избрала самое простое—предоставила их самим себе. Европейцы, которые служат турецкому правительству в Константинополе, во многих случаях оказываются для управляемых беспокойнее, стеснительнее, чем именитые мусульманские паши.

Султан, или *падишах*, который в то же время и *эмир-эль-муменин*, т.е. глава правоверных, совмещает в своей особе все власти и не имеет никаких правил для своих действий, кроме предписаний корана и преданий своих предков. Самым значительным после него лицом в империи является *шейх-уль-ислам* (старейшина Ислама)—глава духовного ведомства и юстиции. Первый министр, называемый *великим визирем*, ныне утратил это звание и уже не стоит во главе всей администрации; совет министров или *муширов* сообщается прямо с султаном. *Кизляр-агази*, или начальник черных *эвнухов*, которому доверен надзор за императорским гаремом, является также одним из высших сановников Турции и в действительности пользуется самым большим влиянием и наделяет милостями по своему произволу.

Члены юрисконсульты различных советов министерств называются *муфти*. Титулы: *эффенди* («образованный»), *ага* («человек сабли») представляют собою почетные названия или титулы, с которыми обращаются к разным чиновникам или к важным лицам; звание *бей* соответствует нашему полковнику. Точно также титул *паша*, означающий «великий глава», относится к занимающим высшие гражданские и военные должности и ближе всего соответствует нашему генералу. Известно, что достоинство их, смотря по рангу, обозначается одним, двумя или тремя развевающимися на конце копья лошадиными хвостами—обычай, напоминающий те легендарные времена, когда еще кочующие турки разъезжали на лошадях по степям центральной Азии.

Государственный совет (*шурай-девлет*) и другие советы: военный, морской, народного просвещения, полиции и т. д. состоят при каждом министерстве, и совокупность их бюро составляет государственную канцелярию или *диван*. Сверх того верховный суд, разделенный на два отделения, ведает дела гражданские и уголовные. Члены высших оффициальных учреждений назначаются непосредственно верховною властью. Единственный признак права, предоставленного различным нациям империи, состоит в том, что в высшем совете, администрации, или в государственном совете от каждой из них заседают по два представителя, впрочем тщательно выбираемые первым министром. В провинциях то же самое. *Вали* управляет вилайетом, *мутесариф*—санджаком, *каймакан*—казою и *мудир*—общиной. При всех этих начальствах состоят, конечно, только для формы, советы, составленные из главных гражданских и духовных чинов и нескольких членов из мусульман и немусульман, которые выбираются по избирательному списку из именитых жителей, хотя в действительности назначает членов совета вали. Поэтому на простонародном языке советы эти называются «советами поддакивателей», так как все дело их состоит только в изъявлении согласия. Условия, которые соизволило установить само себе высшее правительство, определены в Гюльханейском *гаттишерифе*, обнародованном в 1839 г., в *гати-гумайуне* 1856 г. и в конституции 1876 г. С тех пор эти обещания, долженствующие гарантировать всякому жителю империи неприкосновенность жизни, чести и имущества, обратились в статьи закона, который отчасти и применяется.

Духовная и судебная организация, ревностно охраняемая шейх-уль-исламом, не могла подвергаться никаким изменениям. Собственно духовное сословие, т.е. сословие *имамов*, составляют: *шейхи*, обязанность которых состоит в проповедывании; *хатибы*, которые читают оффициальные молитвы, и собственно *имамы*, которые совершают обряды брака и погребения. Судьи, составляющие вместе с имамами группу *улемов*, подчинены непосредственно *кази-аскеру*, или великому судье, и разделяются иерархически на *муллл*, *кази* (кади) и *наибов*. Они вовсе не получают жалованья от государства, но имеют доходы, взимаемые с ценности спорных имуществ и наследств, т.е. закон сам уполномочил их на взятки. В Турции существуют два вида судов: суды духовные, шериаты, и суды реформенные, низамие, разбирающие дела по кодексу, весьма схожему с французским. Немагометанским жителям империи доставляют некоторую гарантию смешанные суды.

Константинопольский патриарх, как глава греческой церкви в Европейской Турции и как гражданский управитель общин своей нации, пользуется весьма значительным влиянием. Он назначается синодом, состоящим из восемнадцати членов, который установляет церковный бюджет и решает вопросы по предметам веры. Латинское вероисповедание имеет здесь трех главных лиц: патриарха, пребывающего в столице, и двух архиепископов в Антивари и Дураццо. Оба армянские вероисповедания имеют каждое своего патриарха, живущего в Константинополе.

Для османского могущества в Европе было бы слишком опасно допустить в армию много христиан, поэтому прежде они совсем исключались из войска и, взамен военной службы, должны были платить тяжелую поголовную подать. В настоящее же время оффициально допущено, что «райи» могут служить для национальной защиты и дослужиться постепенно до степени *ферика* (генерала) и *мушира* (маршала), но в действительности войска состоят все-

таки почти исключительно из османлисов и магометан разных племен. Для получения сведений о числе подданных, годных в рекруты и на работы, правительство по-временам приказывает произвести в своих провинциях общую народную перепись. Действующая армия (*низам*), организованная по прусскому образцу, составляет не более 50.000 солдат, служащих по три года; добавлением к армии являются два резерва: *идатиаль* и *редиф*. Общий состав военных сил по штатам мирного времени—180.000, по штатам военнаго—800.000 человек; но в случай необходимости армия может быть увеличена до неопределенного количества иррегулярным войском волонтеров, *баши-бузуков*, одно имя которых напоминает столько кровавых и ужасных сцен.

Военный флот весьма значителен по сравнению с коммерческим: в нем считается 62 судна всякой величины, с 500 пушек.

За исключением Константинополя и его округа, состоящих в ведении министерства полиции, страна разделена на семь *вилайетов* или провинций; кроме того, острова Лемнос, Имброс, Самофракия и Астипалея, вместе с Родосом и островами Анатолийского побережья, составляют восьмой вилайет. Впрочем, эти условные деления империи довольно часто меняются. Вилайеты разделяются на *мутезарифлики* или *санджаки*, которые, в свою очередь, делятся на *казы*, соответствуиоиция французским кантонам, а казы—на общины или *нагиэ*. Европейские вилайеты, их главные города и приблизительная цифра населения видны из следующей таблицы (один из главных городов, Дарданеллы, находится в Азии):

	Вилайеты	Население	Главные города
1	Эдирнэ или Адрианополь (Фракия)	950.000	Адрианополь
2	Салоники (Македон.)	515.000	Салоники
3	Монастырь (Верхн. Македония)	550.000	Монастырь
4	Коссово (Верх. Албания)	580.000	Пристина
5	Скутари или Скадра (Верх. Албания)	322.000	Скутари
6	Янина (Эпир и Фессалия)	698.000	Янина
7	Крит или Кандия (о. Крит)	278.000	Канея
	Европейские острова вилайета на Архипелаге	40.000	Дарданеллы
	Константинополь и его европейский округ	700.000	Стамбул
	Санджак Новобазарский (с австрийск. гарниз.)	125.000	Новый Базар

Глава VI Болгарские земли

I. Деспото-Дагг и Восточная Румелия

В силу Берлинского трактата, часть Турции, расположенная к югу от главной цепи Балкан и заключающая в себе весь верхний бассейн Марицы, Тунджи и несколько равнин, спускающихся к Бургасскому заливу, была преобразована в отдельное княжество. Данник и вассал Турции, княжество это, в действительности, находилось под непосредственным покровительством европейских держав; разъединенное политически от северной Болгарии, оно оставалось тем не менее в близкой с нею связи, благодаря национальному единству жителей, болгар в огромном большинстве. Последние были уверены, что их маленькое государство рано или поздно соединится с более обширным княжеством Болгарии, с которым оно граничит на севере гребнем Балкан, а на западе—условной линией и высоким водораздельным хребтом между бассейнами Марицы и Искера. В 1885 году смелым и удачным шагом они добились этого политического единства: болгары севера и юга разорвали оковы Берлинского трактата и у Сливницы, на поле битвы, подкрепили право силой. В центре полуострова, от

Дуная до Деспото-Дага, образовалась единая нация в три миллиона человек. Оффициально объединение Болгарии с Румелией было актом произвола, совершенным по личной инициативе князя и не закрепленным согласием европейских держав; но болгарский народ, не дожидаясь этого согласия, соединился и докончил это политическое преобразование: администрация, министерства, армия—все было соединено.

По климату и общему характеру почвы, Восточная Румелия является частью собственно Фракии; слишком незначительная по пространству (35.900 кв. килом.), чтобы заключать в себе весь горный кряж, она владеет только склонами его; на севере эти склоны принадлежат Балканам, на юго-западе—Деспото-Дагу. Несколько небольших отдельных отрогов, идущих параллельно Балканам, образуют на севере страны ряд длинных, извилистых равнин, прекрасно орошенных и весьма плодородных. Эти небольшие самостоятельные цепи означены на картах их болгарскими именами—«Средняя Гора» и «Черная Гора»; сюда же принадлежат Водо-Балканы и Кучук-Балканы. О незначительности этих гор можно судить уже по тому, что самые высшие их вершины, в Средней-Горе, не превышают 1.300 метров.

На юго-западе Восточной Румелии горы выше. Горная страна Рюджица, прорезанная бесчисленными долинами, представляет собою род передового вала Караколас-Дага и соединяется на западе с горными массами Карлук-Балкана, превышающими 2.000 метров, и с Деспото-Дагом, некоторые вершины которого еще выше. Цепь эта, разделяющая бассейн Марицы от бассейна Месты и Восточную Румелию от Македонии, принадлежащей Турции, представляет собою главный кряж древнего Родопа. Её вершины одеты прекрасной растительностью,—пихты, лиственницы, буки, то группирующиеся в целые леса, укрывающие медведей и серн, то раскидывающиеся рощами, между которыми виднеются обработанныя поля; деревни в долинах окружены лугами, виноградниками и дубовыми рощами. По склонам разбросано множество монастырей, отчего собственно и происходит турецкое название Деспото-Даг, т.е. «Гора Священников», под которым вообще разумеется древний Родоп.

В стране, принявшей имя Восточной Румелии, турецкий элемент еще не утратил всего своего былого значения; побоища, добровольное выселение уменьшили его численность, но теперь эмиграционное движение, кажется, прекратилось, и мусульмане наравне с христианами боролись за национальную автономию. Греки, прежде претендовавшие на главенство, тоже все еще сильны и многочисленны. Во всякой деревне можно встретить одного или двух греков, которые занимаются торговлею и всякими ремеслами: они необходимы во всякой местности, ибо умеют все сделать, на все готовы, оживляют край и население своей подвижностью, энергией, умом. Образуя в стране что-то в роде большего франк-массонского общества, они, при своей взаимной солидарности и постоянной страстной деятельности, успели приобрести гораздо большее влияние, чем это можно было ожидать по их численности. Местами они образуют среди болгар и несколько значительных групп. Так, например, они довольно многочисленны в Филиппополе и Базарджике, а в одной из долин Родопа исключительно ими населен довольно многолюдный город Стенимахо, в котором не могли поселиться ни турки, ни болгары. Остатки древних зданий и особенное наречие жителей, в котором более двухсот эллинских слов, неизвестных в ново-греческом языке, доказывают, что город Стенимахо находится в руках греков уже более двадцати веков. Судя по одной плохо сохранившейся надписи, археолог Дюмон считает его эвбейскою колонией. Во времена римской империи население Фракии говорило греческим языком.

Обитатели восемнадцати деревень Рубджуза, к югу от Филиппополя, суть мусульмане, причисляемые, по их племенным признакам, к болгарам, и в силу недавнего трактата должны вернуться под власть султана. Известны они под именем помаков. Высокие, черноволосые, порывистые в движениях, веселые характером, энтузиасты и поэты по натуре, они, по мнению историков, являются потомками древних фракийцев. Ученые сильно были заинтересованы их богатой народной поэзией[1]. Их песни, бедные по языку, но страстные и об-

1 Verkovie, Le Veda Slave; - Dozon, Les Chanispopulaires bulgares\-Fligier, Ethrwlog. Fntdeckungen im Rhodope. Gebirge.

разные, запечатлены какой-то особой своеобразностью; они нисколько не походят на болгарские, и в них несомненно видны следы древне-греческой мифологии. Наиболее пылкие из исследователей видят в них наследие эллинской мифологической поэзии и находят даже в герое этих песен—Орфене следы Орфея, божественного музыканта, заставлявшего плакать деревья и камни, останавливавшего звуками полет птиц и чаровавшего человека могущественною силою музыки. Некоторые слова и обороты в этих песнях, необъяснимые ни греческим, ни албанским, ни славянскими языками, считают остатками древнего фракийского наречия. В последнюю болгарскую революцию нейтралитет помаков был куплен болгарами за формальное обещание уважать местную автономию.

Наиболее плотно население сосредоточивается, конечно, в плодородной долине Марицы, по которой проходит железнодорожный путь в Константинополь. Важнейшим населенным пунктом верхней части этого края является город Базарджик, называемый также Татар-Базарджик, хотя потомки татарской колонии, расположившейся здесь в конце пятнадцатого века, давно уже и совершенно смешались с общею массою населения. Дальше в глубь страны лежат главный город, основанный некогда Филиппом, отцом Александра Македонского, —Филиппополь, просто Фелиб у турок и Пловдив у болгар. Тут сходятся дороги Родопа, Стенимахо, Карлова, Калофра и путь, ведущий в собственно Болгарию.

Между Филиппополем и Адрианополем, двумя важнейшими, хотя и расположенными вдали от железной дороги, городами являются Чирпан, к северу от Марицы, и Хаскиой—к югу. Наиболее богатые по обработке местности Восточной Румелии лежат у южной подошвы Шипкинских Балкан. Роскошная Казанлыкская долина славится на всем востоке. Сам Казанлык окружен великолепными ореховыми рощами и розовыми плантациями, где из 3.200 килограммов роз добывается 1 килограмм розового масла,—чрезвычайно дорогой эссенции, служащей ценным предметом торговли. Далее к югу,—Стара-Загора или, как зовут ее турки, Эски-Загра, производит лучшие шелковые ткани и превосходнейшую пшеницу, из которой готовится хлеб к столу султана. Лучшее вино на всем полуострове производится виноградниками Сливно. Этот город, расположенный также у подошвы Балкан, на маленьком притоке Тунджи, знаменит своими ярмарками, но, к сожалению, не имеет удобных путей сообщения с другими городами полуострова, тогда как Ямболи, лежащий от него к юго-западу, на Тундже, соединен железною дорогой с Адрианополем и остальной Турцией. Карнабад и Аидос—также более или менее значительные города, благодаря своему положению при море. Наиболее оживленным из портов является Бургас[1] (Пиргос—у румелийских греков), расположенный на небольшом полуострове между озером и заливом. Он прибрел теперь еще более важное значение благодаря постройке к нему железной дороги из Филиппополя, составляющей ветвь линии Белград-Константинополь. Кроме вышепоименованных, немало есть и других, не столь значительных, но весьма удобных якорных стоянок[2].

На севере Бургасского залива, составляющего самую западную часть Черного моря, идут один за другим три небольших мыса треугольной формы. Два из них заканчиваются песочными косами, связывающими островок с материком. Каждый из этих островков является, таким образом, естественною крепостью, чем и воспользовались для постройки на них городов: Агиолю и Мизиври (древняя Мезембрия).

Восточная Румелия или «Автономия», как любят называть её жители свое «независимое» отечество, оффициально представляет из себя не что иное, как турецкий лен, управляемый генерал-губернатором, которого султан назначает на пять лет, и народным собранием, которое, как сказано выше, в настоящее время одно для Восточной Румелии и северной Болгарии. Страна делится на шесть департаментов: Филиппополь, Татар-Базарджик, Хаскиой, Стара-Загора, Сливны и Бургас, подразделенные в свою очередь на 28 кантонов и 1.343 общины[3].

1 Торговое движение в Бургасе в 1883 г.: 223 судна, вместительностью 106.302 тонн.

2 Торговый оборот Восточной Румелии: 1882 год 17.010.000 франков; 1883 год 24.710.000 франков.

3 Главные города Восточной Румелии с их приблизительным населением: Филлиппополь (Фелибе)

В 1881 году бюджет Восточной Румелии превышал 16 миллионов франков, и армия, командуемая иностранными офицерами, достигла 5.500 человек, набранных из всех трех национальностей. Впрочем, следует принимать в рассчет и довольно хорошо подготовленную милицию, достигающую до 36.000 чел. В последнюю войну за независимость под знаменами встало до 50.000 людей.

II. Балканы и собственно Болгария

Вмешательство России, в 1877 году, в дела Балканского полуострова имело главным результатом создание независимого княжества Болгарского, которое, как по пространству, так и по народонаселению, еще далеко не самое маленькое в Европе. Но болгарских патриотов это не удовлетворило. Они смотрят на свое настоящее княжество, даже увеличенное присоединением Восточной Румелии, лишь как на зародыш будущей болгарской державы, долженствующей вместить в себе все некогда болгарские земли, все земли, принадлежащие им по историческому праву и ныне еще населенные их народом, всю территорию, расстилающуюся к югу по Вардарской долине, до окрестностей Салоник, или даже до самого города Салоник включительно, на который зарятся также албанцы, греки, австрийцы. И, как бы становясь уже ногой на македонские земли, княжество болгарское захватило, на юге Сербии, южные склоны Балкан и весь верхний бассейн Стримона[2].

Центральное плоскогорье Турции, на западе которого возвышаются высокие вершины Скара, представляет наименее исследованную область полуострова, хотя именно здесь-то и перекрещиваются диагональные дороги из Фракии в Боснию и из Македонии на Дунай. Это плоскогорье верхней Мезии, называемое так географами, за неимением местного названия, есть не что иное, как обширная гранитная площадь в шестьсот метров средней высоты, поверхность которой разнообразят многочисленные *планины*, или горные цени, не представляющие ничего особенно грандиозного, вследствие значительной высоты поддерживающего их пьедестала; местами возвышаются на ней трахитовые вершины, остатки древних вулканов. Некогда все впадины этого плоскогорья заполнялись многочисленными озерами, но они были или постепенно загромождены наносами, или унесены пересекающими плоскогорье реками, хотя очертания их еще совершенно заметны. Между этими озерными впадинами, обратившимися в плодородные поля, следует упомянуть в особенности равнины Ниша, Софии и Ихтимана.

Гордые группы сиенитовых и порфировых гор Витоша составляют восточный оплот плоскогорья Мезии. Непосредственно к востоку открывается глубокая долина реки Искера или Искры, которая, пройдя равнину Софии, и перерезав Балканы во всю их ширину, изливается в Дунай. Недавно еще думали, что точно также перерезывает все Балканы и другой приток великой реки—Вид, и даже тщательно вычерчивали на большей части карт это воображаемое пересечение, но на самом деле Вид, как доказал впервые путешественник Лежан, берет начало просто на дунайском склоне гор. Высокая долина Искера и равнина Софии могут быть рассматриваемы, как истинный географический центр Европейской Турции. София представляет именно пункт, в котором сходятся посредством легчайших переходов дорога от нижнего Дуная по долине Искера, дорога из Сербии по Мораве, дорога из Фракии и Македонии по Марице и Стримону. Утверждали, впрочем без доказательств, будто первый Константин, пораженный большими преимуществами местоположения Сердики, нынешней Софии, возымел мысль перенести сюда столицу своей империи, и если бы он избрал Софию вместо Византии, то ход истории значительно бы изменился. Сделавшись ныне столицею но-

36.000 чел.; Сливно (Сливен) 23.000 чел.; Стара-Загора (Эски-Загра) 18.000 чел.; Татар-Базарджик 16.000 чел.: Хаскиой 14.000 чел.; Чирпан 12.000 чел.; Казанлык 11.000 чел.; Стенимахо 10.000 чел.; Ямболи 11.000 чел.; Бургас 6 000 чел.

2 Болгария, включая Вост. Румелию. Пространство 96.660 кв. клм.; население (в 1893 г.) 3.310.000 душ; число жителей на 1 кв километр 34,2.

вого княжества, София значительно преобразилась и в некоторых частях приняла физиономию города вполне европейскаго.

Турки называют Балканами все цепи и горные группы полуострова, какой бы формы и направления они ни были: географы же обозначают этим именем обыкновенно только Гемус древних. Этот вал начинается на восток от Софийской равнины и вовсе не составляет горной цепи в обыкновенном смысле этого слова, а образует скорее нечто в роде террасы, которая полого наклоняется или спускается ступенями к придунайским равнинам, между тем как южный склон её представляет резкую крутизну: как-будто с этой стороны плоскогорье обрушилось. Таким образом, Балканы имеют вид горной цепи только с одной стороны, да и то, если смотреть с простирающихся к югу от них равнин и древних озерных бассейнов, профиль их гребня представляется слабоволнистою линией, не имеет ни резких выступов, ни скалистых пирамид, и вершины его рисуются на всей северной стороне горизонта продолговатыми выпуклостями. Единственные исключения из этой мягкости очертаний представляют порфировые горы Чатал, возвышающиеся к югу от главной цепи, между Казанлыком и Сливно. Хотя они и уступают по высоте вершинам Балкан, но поражают своими крутыми стенами, изорванными гребнями и беспорядком нагроможденных скал. Эта могучая горная группа, усыпанная скалами, составляет совершенную противоположность с окружающими ее известково-мергелевыми холмами.

Северные склоны Балкан так однообразны, что можно подняться на самую высокую вершину, не видавши гор. Когда Гемус будет обезлесен,—а жители его, к несчастию, имеют неблагоразумие вырубать леса на высотах,—то его склоны потеряют свою красоту; теперь же, пока еще растительность украшает их, высокие Балканы представляют одну из самых привлекательных областей Турции. Во всех балканских долинах, среди зеленых, как в Альпах, лугов, текут реки; довольно многочисленные деревни расположены в тени буков и дубов; вид гор везде веселый, так что один путешественник говорит, что природа здесь совершенно «райская». Напротив, равнины, расстилающиеся к Дунаю, голы и унылы; на них не видно ни одного деревца, так что местные жители, не имея дров и употребляя для топлива высушенный на солнце коровий навоз, должны вырывать в земле логовища, чтобы согреваться зимою.

Ядро Балкан, от равнины Софии до равнины Сливно, составляют гранитные скалы; но различные террасы, понижающиеся к Дунаю, представляют весь ряд геологических ярусов, от переходных до четвертичных формаций. Различные скалы мелового периода занимают в этой области Болгарии наибольшее пространство в ширину и изрезаны стекающими с Балкан реками наиболее живописно, в виде полукругов и ущелий. Древние крепости охраняют проходы этих долин, в устьях которых расположены города равнины. Самую замечательную из этих древних крепостей представляет древний город болгарских царей—Тырнов. Янтра, при выходе своем из Балкан, развертывается и свертывается как лента, и образует семь излучин, над которыми поднимаются амфитеатром высокие прибрежные утесы и два скалистые острова, окруженные некогда стенами и башнями. Дома города покрывают собою отлогость и тянутся в предместьях у подошвы крутых утесов. В Тырнове состоялось первое народное собрание в 1879 г.

На северном склоне Балкан замечается полная параллельность всех видоизменений почвы: округлые высоты больших гор, верхи второстепенных цепей, границы геологических образований, лощины, в которых реки делают изгибы, наконец, самое течение Дуная везде сохраняют одно и то же направление с запада к востоку. Поэтому и все параллельные долины, спускающиеся с Балкан, имеют почти одинаковые выходы, одинаковые бассейны, одинаковые ряды изворотов, а также и самое население распределено одинаковым образом; города и деревни занимают подобные одно другому положения. Единственное замечательное исключение представляет долина реки Ломы, которая, до входа своего в долину Дуная, около Рущука, течет с юго-востока на северо-запад. Прекрасные сады, расположенные по краям этой долины, ограничиваются известковыми, до тридцати метров средней высоты, стена-

ми, белизна которых кажется из-за зелени ослепительною. Впадина, по которой течет Лома, представляет собою часть той общей линии, по которой извивается и Камчик на черноморском склоне. Параллельно с этим течет и Девно, впадающий в лиман, заканчивающийся Варнской бухтой. С этой стороны Балканы заканчиваются небольшой пограничной цепью —«Дели-Орман», обитаемой до сих пор турками, мирными потомками грозных когда-то завоевателей. Дальше, к северо-востоку, начинает уже проявляться степной характер поверхности.

На востоке Балканы заканчиваются не общим гребнем, а несколькими параллельными рядами, идущими от запада к востоку. Приток Камчика, Дели-Камчик, отделяет эти ряды от собственно Балкан. Сходя к морю, Балканы образуют множество мысов; из них наиболее выдающийся—мыс Эмине, массив из эруптивного порфира, заканчивающийся так же остро, как и соседние мысы: на севере Карабурун, на юге Мизиври, Ахиолу. Крутой утес, омываемый волнами Черного моря, есть «Finis Haemi» римлян. Место, где возвышался прежде храм Юпитера, занято теперь греческим монастырем Св. Николая. Дорога, взбирающаяся на крайния скалы Гемуса, есть та самая, по которой шел Дарий во время своего похода на скифов. Этой же дорогой шли и русские во время кампании 1829 г.

В торговом смысле значение этого пути не меньшее, чем в военном. По ней исключительно очень долго совершалось все торговое движение между Константинополем и скифскими, ныне русскими землями. В настоящее же время она если и имеет значение, то исключительно лишь местное, для селений, расположенных при подошве Эмине-Балкан. С одной стороны пароходы, а с другой две дороги из Ямболи в Шумлу, чрез Карнабад и Сливно, имеющие быть вскоре замененными железной дорогой, дали полную возможность торговому пути оставить Эмине в стороне.

Долго думали, что «великия Балканы» недоступны для перехода, и древние авторы говорили о переходе какой-то македонской армии через Гемус, как о чуде. Еще даже в начале текущего столетия историк Гаммер указывал только восемь проходов по всей Балканской цепи. Каниц перечисляет тридцать проезжих дорог, самая высокая из которых, в Розалпейском ущелье, между Калофером и Ловетой, доходит до высоты 1.930 метров; высота самой бойкой дороги, идущей из Лом-Паланки в Софию, по Глинчискому ущелью, равняется 1.475 метрам, средняя же высота дорог не превышает 1.000 метров, а дорога из Богас-дере возвышается всего на 138 м. Кроме этих, указанных Каницом, дорог существует еще несколько второстепенных, доступных тем не менее как для верхового, так и для экипажного прохода. Стратегически, эта линия Балкан представляет серьезное препятствие лишь при том условии, если она защищена хорошими укреплениями и храбрыми воинами, каковы были с той и другой стороны в последнюю войну борцы на Шипке. К западу от Средней-Горы, одной из этих параллельных гряд, Балканы соединяются с группами Родопа посредством гористого порога, который можно бы назвать Ихтиманским по имени его главного города. Вообще, весь верхний бассейн Марицы, между Балканами и Родопом, имеет форму продолговатого треугольника, вершина которого, направленная к Софийской равнине, указывает место соединения двух систем. Это большое треугольное пространство и его боковые низменности занимали некогда озера, заменившиеся теперь удивительно плодородными лощинами. Проходы этого раздела горных систем, при вершине треугольника, представляют, конечно, чрезвычайно важные стратегические и торговые пункты. Чрез один из них, в котором еще видны развалины знаменитых «Траяновых ворот» и который сохранил свое древнее название, проходила большая военная дорога римлян; здесь же пройдет, между двумя склонами полуострова, главная линия железных дорог. С самых отдаленных времен истории народы боролись между собою за обладание этими воротами Константинополя, и множество могильных холмов, рассеянных по соседним долинам, и теперь еще свидетельствуют о войнах, происходивших в этой части Фракии.

Разветвления гор Родопа перекрещиваются с ветвями Балкан, и самый низкий, отделяющий их проход—Дубница—имеет более одного километра высоты. Самая высокая группа

Родопа—Рило-Даг—занимает северный его конец и образует, по выражению Барта, «лопатку» этого сочленения. Его зубцы, пики, окружающие его утесистые пирамиды и не вполне горизонтальные столы его верхнего плоскогорья, столь отличные от продолговатых вершин Балкан, поднимаются до высоты 3.000 метров, выступая далеко за пределы лесной растительности. Но книзу от величественного амфитеатра больших обнаженных вершин, второстепенные вершины одеты прекрасною растительностью пихт, лиственниц, буков, которые то группируются в леса, укрывающие медведей и серн, то раскидываются рощами, перемежающимися с обработанными полями; деревни в долинах окружены лугами, виноградниками и дубовыми рощами. По склонам разбросано множество монастырей, отчего и происходит турецкое название Деспото-Даг т.е. «Гора Священников», под которым вообще разумеется древний Родоп. Рило-Даг, знаменитый своими богатыми монастырями Рило, или Рила, имеет совершенно вид швейцарской альпийской группы. Зимою и весною тучи с Средиземного моря приносят ему большое количество снега: летом же эти тучи разрешаются дождями, которые быстро уничтожают на горных склонах последние остатки снегов. Эти внезапные перемены представляют весьма замечательное зрелище. После полудня туманы, окутывавшие высокие вершины, сгущаясь мало-по-малу, собираются наконец на склонах в тяжелые тучи бронзового цвета, и около трех часов разражаются дождем; затем они постепенно редеют и, сквозь разрывы паров, начинают показываться одна за другою вершины, так что к вечеру воздух очищается снова, и горы блестят отражениями лучей заходящего солнца.

К югу от Рило-Дага возвышается горная группа Перим, или Перин, которая разве немного уступает ему в высоте,—это древний Орбелос греков и одна из тех многочисленных гор, где показывают еще кольца, за которые держался Ноев ковчег, когда сбывали воды потопа; мусульмане ходят сюда на поклонение этому священному месту. Это последняя большая вершина Родопа с южной стороны, и за нею средняя высота гор быстро понижается, так что до самых берегов Эгейского моря не превышает 1.000 или 1.200 метров. Но за то совокупность составляющих эту систему гранитных гор растягивается на огромную ширину, от равнин Фракии до гор Албании. Группы древних вулканов, с мощными излияниями трахита, еще более увеличивают протяжение горной области Родопа[1]. Реки, стекающие с центральнаго плоскогорья Турции, могли достигнуть Эгейского моря только прорезавши в этих гранитах и лавах глубокие проходы, каковы, например, знаменитые «Вардарские железные ворота», которые под именем Демир-Капу получили такую известность, что когда-то на большей части карт их обозначали в центре Турции значительным городом.

По мнению Викенеля и Гохштеггера, ни в одном из этих древних озерных бассейнов не встречается ледниковых осадков, и склоны окружающих их гор не представляют никаких следов течения ледяных рек. Любопытно, что такия невысокие горы, как Вогезы и Овернские, имели свой ледяной период, между тем как ни Перестери, ни Рило-Даг. ни Балканы, которые лишь немного южнее Пиренеев, не имеют рытвин, которые были бы когда-нибудь наполнены двигавшимися льдами. Это одно из замечательнейших явлений в геологической истории Европы.

Обширное четыреугольное пространство, занятое горными системами Гемуса и Родопа и ограниченное с севера Дунаем, составляющее около половины прежней Турции, составляет болгарскую страну. Хотя название Болгарии относится оффициально только к северному склону Балкан, увеличенному прибавкою Софийского плато, тем не менее, настоящая Болгария занимает по крайней мере вдвое большее пространство. Вся земля полуострова, от берегов нижнего Дуная до склонов Пинда, принадлежит болгарам, за исключением этнографических островков и архипелагов, занятых турками, валахами, зинзарами или греками. В

1 Приблизительные высоты Болгарии, по Гохштеттеру, Викенелю, Буэ. Барту, Каницу и измерениям русского и австрийского генер. штабов:

Балканы. Балканы (в среднем) 1 700 метр. Ущелье Розалита 1.932 метр. Гумрукчал 2.376 метр. Ущелье Глинчи 1.508 метр. Шипка 1.407 метр. **Дефиле** Богас-Дере 138 метр. Бана (Эмине) 437 метр. Траянское ущелье 1.653 метр. Траяновы ворота 800 метр. Ущелье Дубайцы 1.085 метр. Ловница (Рило-Даг) 2.900 метр. Перим-Даг 2.400. метр. **Другие группы** Витош 2.462 м. Бассейн Софии 522 метр.

средние века они занимали еще гораздо большее пространство, так как вся Албания входила в состав их царства, столицею которого была Охрида. Тысячи могильных курганов напоминают проход всех этих завоевателей. На холмах около Варны курганы так многочисленны, что издали их можно принять за лагерь, уставленный гигантскими палатками.

Но что это за племя, которое и по численности, и по пространству своих владений занимает, очевидно, первое место на турецком полуострове? Ужасные опустошители, называвшиеся у византийцев болгарами, которые с конца пятого столетия разоряли равнины Фракии и имя которых, несколько видоизмененное, сделалось в западных жаргонах выражением позора, принадлежали, вероятно, к угрскому племени, как и гунны; язык их походит на язык нынешних самоедов, почему и полагают, что они были ближайшими предками этих несчастных народцев северной России. Во всяком случае, эти свирепые завоеватели, придя с берегов Волги, которой предки их, как полагают некоторые писатели, обязаны своим названием, изменились так сильно, что напрасно было бы искать в их языке следов их древнего происхождения. Из туранцев они обратились в таких же славян, как и соседи их: сербы и русские.

Быстрая славянизация болгар, совершившаяся в средние века, представляет замечательнейшее этнологическое явление. С половины девятаго века все болгары уже понимали посербски, а вскоре совершенно перестали говорить на своем родном языке, и хотя они говорят не так правильно, как сербы, и произношение их грубее, но теперь в их славянском наречии с трудом можно найти несколько хозарских слов. Но, не имея до недавнего времени ни литературы, ни политического единства (хотя два брата, Кирилл и Мефодий, родом болгары, дали славянскую азбуку русскому и другим родственным языкам), они не могли установить свой язык и придать ему своеобразный характер. Наибольшею чистотою наречие их отличается, говорят, в округе Калофер, к югу от Балкан. Некоторые писатели полагают, что способность чрезвычайно легкого усвоения, которою отличаются болгары, достаточно объясняет их постепенное превращение в ославянившийся народ; но гораздо проще предположить, что во время прилива и отлива переселений и воинственных набегов, завоеванные сербы и завоеватели болгары перемешались друг с другом, при чем первые внесли в смешанную народность свои нравы, свой язык, свои отличительные черты, а вторые—дали ей свое имя. Как бы то ни было, население Болгарии составляет теперь часть славянского мира. Вместе с боевиками и сербами, подчиненными еще власти Турции, они дают южно-славянскому элементу большой перевес в этнологическом отношении во всей Европейской Турции. Если бы гегемония в империи должна была принадлежать самому многочисленному племени, то она осталась бы за сербо-болгарами, а вовсе не за греками, как думали еще недавно.

Вообще болгары меньше ростом, чем их соседи - сербы, коренасты, крепко сложены, широкоплечи; голова у них замечательно круглая и хорошо сформированная. Впрочем, многие болгарские черепа, исследованные Коперницким, Вирховом, Беддо, отличаются некоторыми чертами, встречающимися у австралийских дикарей: узкий лоб, слишком широкой затылок и пр. Ноздри часто очень широки и сильно приподняты. Глаза голубые или серые и русые волосы, кажется, преобладают у болгар. Многие путешественники, и между прочими Лежан, бретонец, нашли в них поразительное сходство с поселянами Бретани. В некоторых местах, как напр. в окрестностях Филиппополя, они бреют себе волосы на голове, оставляя только косу, которую отращивают и старательно заплетают, как китайцы. Греки и валахи смеются над ними, и в насмешку им составлено много поговорок, в которых болгары выставляются безтолковыми и грубыми. Но эти насмешки несправедливы. Не обладая живостью румына и изворотливостью эллина, болгарин, тем не менее, имеет понятливый ум; но рабство отозвалось на нем тяжело, и потому в местностях, где его еще притесняет турок и эксплоатирует грек, он имеет несчастный и пасмурный вид; но в северных равнинах и в отдаленных горных деревнях, где он страдает меньше, он весел, любит развлечения, речь его жива, ответ находчив. На том же северном склоне Балкан народонаселение, быть может, вследствие тесного слияния с сербами, представляет самый красивый тип лица и одевается с большим вку-

сом. Болгарин носит вышитую рубаху с широкими рукавами, шальвары, затянутые поясом, суконную куртку, овчинную шубу и на голове—барашковую «чубару».

Болгары, в особенности болгары равнины,—вообще народ мирный и вовсе не соответствуют тому представлению, которое составилось об их свирепых предках, опустошителях Византийской империи. В отличие от сербов, они не имеют никакого военного тщеславия, не поют про древние битвы и даже утратили всякую память о своих предках. В песнях своих они ограничиваются описанием маленьких драм обыденной жизни или страданий угнетенного, как и подобает порабощенному народу; власть, в виде жандарма, «*скромного заптия*», играет большую роль в их коротеньких стихотворениях. Настоящий болгарин является спокойным, работящим и смышленым селянином, хорошим мужем и добрым отцом, любящим домашний комфорт и обладающим всеми семейственными добродетелями. Почти всеми отправляемыми за границу земледельческими продуктами Балканский полуостров обязан труду болгарских земледельцев: это они, будучи еще в некоторых местах соединены в *задруги*, или родовые общины, обращают южные равнины Дуная в обширные маисовые и ржаные поля, которые соперничают с полями Румынии. Наконец, болгары, живущие на северном склоне Балкан, между Пиротом и Тырновом, отличаются значительною промышленною деятельностью. Каждая деревня имеет свой особый род труда: в одной фабрикуют ножи, в другой металлические безделки, в третьей горшки, ткани, ковры, и везде эти простые работники обнаруживают большую ловкость рук и чистоту вкуса. При северном проходе Шипкинского ущелья, знаменитого со времени геройской защиты его русскими войсками в минувшую кампанию, в недавнее время возникший город Габрово живет самой деятельной жизнью: его ножи, ятаганы, кожи и сукна известны всему полуострову. По словам Каница, в Габрове, в 1835 году, открылась первая болгарская школа. К западу Габрова находится Травна—болгарский Нюренберг, город кузнецов, резчиков по дереву и иконописцев. Самаков, к югу от Софии, является центром железоделательного производства.

Но эти, столь мирные, столь привыкшие к труду и работе, болгары начали тяготиться своею долгою зависимостью еще раньше, чем Россия, с оружием в руках, ополчилась на их защиту. Они не думали, конечно, о революции, и бывшие восстания были произведены несколькими горцами или молодыми людьми, принесшими энтузиазм свободы из Сербии или румынских стран: но хотя болгары в большинстве еще оставались покорными подданными Турции, тем не менее они стали мало-по-малу поднимать голову, начали сознавать друге друга принадлежащими к одной и той же народности, начали сплочиваться и соединяться для общей защиты; одним словом, они приходят в себя после тысячелетнего самозабвения. И первый шаг к восстановлению своей национальности сделан был ими в религиозной сфере. Со времени нашествия турок, некоторое число болгар, конечно, наиболее притесняемых, обратилось в магометанство, преимущественно помацы, живущие на севере Балкан, между реками Искер и Осма; но, посещая мечети, большая часть их, однако же, сохраняли религию своих отцов, почитали те же священные источники и верили в те же талисманы. Со времени завоевания некоторая часть населения обратилась в западный католицизм; большинство же племени принадлежит к греческому вероисповеданию. Недавно еще греческие священники и монахи пользовались огромным влиянием, ибо они в течение многих веков угнетения хранили предания побежденной веры и самым своим существованием напоминали некоторым образом былую независимость; и так как их церкви составляли для гонимого поселянина единственное убежище, то народ относился к ним с чувством признательности. Однако, болгары не захотели более оставаться под управлением духовенства, которое не давало себе даже труда говорить с ними на их родном языке, и намеревалось подчинить их другой, отличной от них нации—эллинов. Не желая заводить религиозного раскола, они решили выйти из-под власти константинопольского патриарха, как сделали сербы и сами греки нового Эллинского королевства, и установить свою национальную церковь, которая управляла бы сама собою. И, несмотря на протесты константинопольского Ватикана—«Фанара», несмотря на неблагосклонность правительства, которое вовсе не любит эмансипации своих народов, отделение двух церквей уже почти совершилось еще до появления русских

войск, и греческое духовенство должно было удалиться, а из некоторых городов даже бежать с поспешностию. Это событие совершилось бы гораздо скорее, если бы не продолжили кризиса женщины, которые больше мужчин привязаны к древним обычаям и которым малей-

Типы.

1. Болгаринъ-христіанинъ изъ Виддина. 2. Христіанка изъ Скодры. 3. Болгаре-мусульмане изъ Виддина. 4. Болгаринъ изъ Койютепе.

шее изменение в обрядах и одежде священника кажется ужасною ересью.

Эта мирная революция, совершившаяся против греков, имела, однако же, большое значение и относительно самих турок. Все болгары, от Дуная до Вардара, действовали в этом

общем деле согласно и, таким образом, несмотря на свою зависимость и, быть может, сами того не зная, сделали попытку образовать из себя впервые нацию. Со времени возникновения их независимого княжества, главное внимание болгар было посвящено школам: обязательность обучения для каждого, бесплатное обучение бедных и неустанная заботливость о снабжении каждой деревушки учителем. В 1890 г. в Болгарии было 3.844 начальных школ, с 172.000 учащихся.

Мягкое и восприимчивое по натуре, болгарское население быстро, конечно, изменит свои нравы и привычки под влиянием европейской цивилизации, свободно проникающей ныне на Балканский полуостров. Болгарской же нации необходимо нравственно подняться. Насколько албанцы одичали от войны, настолько болгары принизились от векового рабства. В городах, где они ближе стояли к мусульманам, их нравственное падение особенно заметно. Бесконечные оскорбления и подавляющее презрение мусульман сделали их в конце-концов низкими, презренными даже в их собственных глазах.

Но, впрочем, многое и значительно уже изменилось со времени освобождения северной Болгарии. В общем турки, может быть, превосходят болгар честностью и твердостью раз данного слова, но в смысле, трудолюбия они стоят бесконечно ниже. Ленивые и неподвижные, как истые сыны Востока, они спокойно отдаются в распоряжение «фатума», и в результате теряют мало-по-малу свое положение хозяев и впадают в заслуженную нищету.

Но что важнее всего—это стремление болгар к самообразованию. С лихорадочной поспешностью основывают они школы, коллегии, гимназии, издают книги, посылают свою молодежь в иностранные университеты. В смешанных высших школах Константинополя лучшие ученики—болгары. Это большой знак живучести. Если и в будущем явление это не изменится, то можно с уверенностью сказать, что нация, столь долго исторически подавляемая и третируемая как стадо рабов, с честью вернет свое место на сцене мира.

В деревнях земля постепенно переходит в руки прежних «райя». Так как большинство турецких крупных землевладельцев бежали во время войны, то земли их были отчуждены путем выкупной операции и перешли в собственность бывших арендаторов. То же самое нужно сказать и в отношении торговли,—она почти вся сосредоточилась в руках христиан. Однако, морская торговля их, сосредоточенная в главном порте Варне, еще не сделала больших успехов. Маленький порт Балчик обладает более безопасной гаванью[1].

По количеству своему турки весьма немногочисленны в селениях болгарской страны к западу от долины Ломы; но в городах, особенно в тех, которые имеют важное стратегическое значение, они составляют значительные общества. Сверх того, большая часть восточной Болгарии, между Дунаем и Бургасским заливом, населена турками и болгарами, которые дотого слились с своими победителями по языку, костюму, привычкам и образу мыслей, что их невозможно отличить от последних и должно считать вообще представителями турецкой нации. Даже местные греки, и те говорят по-турецки. Здесь нет ни одного христианского монастыря, но много мест, почитаемых мусульманами и пользующихся славою святости. Вот где самая прочная точка опоры для османлисов на всем полуострове; в остальных же местах хозяевами страны являются иностранцы. Но и здесь уже вечные убийства и массовое эмигрантство поглотили большую часть населения. В настоящее время число выселившихся отсюда надо считать близким к миллиону. Ловча, где прежде преобладали магометане, теперь населена исключительно болгарами и цыганами.

Болгары и турки, греки и валахи, местами колонии сербов и албанцев, общества армян, довольно многочисленные группы евреев-«испанцев», европейские купцы в городах, поселения румынов, зинзары и кочующие толпы цыган, считающихся мусульманами, представляют в болгарской стране настоящее смешение народов; в Добрудже, между нижним Дунаем и морем, это смешение еще значительнее: там к представителям всех племен, живущих в Болгарии, присоединяются еще и ногайские татары, которые, не смешиваясь с другими пле-

1 Внешняя торговля Болгарии в 1891 г.: привоз - 81.349.000 франк.; вывоз - 71.055.000 фр.; в 1894 г.: привоз - 99.229.000 фр.; вывоз - 72.851.000 фр.

менами, как их братья по крови османлисы, сохранили еще довольно хорошо свой азиатский тип.

После Крымской войны, двенадцать тысяч ногайцев, скомпрометировавших себя оказанною ими союзникам помощию, покинули свою прекрасную горную страну и поселились колониями в западной Болгарии, рядом с своими татарскими соотечественниками Добруджи. Наоборот, несколько тысяч болгар, испугавшись этих крымских татар, которых им описали —и совершенно ошибочно—как свирепых и порочных, ушли из своей страны под покровительство русского царя, при чем им назначены были для жительства именно те самые места, из которых выселились татары. Две империи поменялись, таким образом, народами, но, к несчастию, беглецы обеих наций должны были много выстрадать на своих новых родинах от перемены климата и нищеты, и как с той, так и с другой стороны многие погибли жертвами болезней и огорчения. В конце-концов все почти болгары принуждены были покинуть русские пределы и вернуться на родину, но ногайцы успели обжиться на новых местах, снискать общее уважение и вообще акклиматизироваться. Гораздо печальнее была участь черкесов и других переселенцев с Кавказа, которые, убегая от русских или гонимые ими, просили в 1864 и последующие годы убежища у Порты. Их было четыреста тысяч; поэтому нелегкое дело было приготовить для них место в Европейской и Азиатской Турции. Паша, на которого был возложен Портою надзор за переселением, озаботился водворить новых пришельцев в западной части Болгарии, надеясь—хотя, напрасно—порвать таким образом этнологическую связь между сербами и болгарами. «Райев», конечно, заставили уступить им земли, дать скот и семена, построить им деревни и даже целые города, но не так легко было им внушить любовь к труду. В Болгарии они встретили недоверчивый прием и вскоре, разочарованные, замкнулись в своей высокомерной гордости и отказались приняться за работу. Рассказывают, что многие предводители, прибыв на место, втыкали свои сабли в землю в знак того, что земля принадлежит им, и что отныне население стало их рабами. Множество их погибло от голода, эпидемий, от климата, который так непохож на их горный климат, и в первый же год вымерло более трети этих выходцев. Их молодые девушки и дети сделались предметом отвратительной торговли, и барыши, извлеченные при этом случае некоторыми пашами, рождают вопрос, не умышленно ли был выморен голодом весь этот народ? Гаремы так переполнились черкешенками, продававшимися за четвертую или даже за восьмую часть своей обыкновенной цены, что Константинополь уступил свой излишек Сирии и Египту. Впоследствии, когда болезни, праздность и распутство получили свою добычу, черкесское население мало-по-малу начало приспособляться к новой среде, но минувшая кампания вновь пробудила их дикие, кровожадные инстинкты. Они-то главным образом и образовали из себя те таборы башибузуков, с которыми пришлось столько раз сталкиваться русским казакам. Враги кавказских ущелий, волею судеб, опять столкнулись на высотах Балкан.

Черкесы с безумной отвагой отдались на служение новому отечеству, но слава, ими приобретенная, принадлежит не столько их мужеству, сколько зверству, с которым они вырезывали безоружное население,—женщин, старцев и детей. В свою очередь, и они не нашли себе пощады. Их теперь нет более в Болгарии, и земли, данные им султаном, взяты обратно общинами или прежними владельцами. Современная Болгария не превращена, однако, в государство совершенно независимое. Она, вместе с Восточной Румелией, находится под верховным владычеством султана, имеющего право, в случае необходимости, оккупации Балкан. Кроме того, титул князя болгарского может быть возложен на то или другое лицо не иначе, как с утверждения европейских держав. Болгарская армия доходит до 36.000 человек, по штатам военного времени—до 130.000 человек. Каждый болгарин до сорокалетнего возраста числится в списках народного ополчения. Бюджет княжества в 1896 г.—около 90 миллионов франков (левов), из которых 1.300.000 отчисляются в личное распоряжение князя.

Болгарское княжество делится на округи, которые, в свою очередь, подразделяются на

кантоны (околии) и общины. Следующая таблица дает список этих административных делений Болгарии:

Округа	Население в 1881 г.	Число кантонов	Число общин	Главные города	Население в 1894 г.
София	226.499	8	68	София	47.000
Тырново	216.731	5	98	Тырново	13.000
Шумла	178.725	5	53	Шумла	26.000
Варна	169.270	5	53	Варна	28.000
Вратица	160.503	4	58	Вратица	12.000
Кустендили	143.172	4	55	Кустендили	11.000
Рущук	132.613	4	32	Рущук	28.000
Разград	121.412	3	59	Разград	13.000
Лом-Паланка	102.983	3	40	Лом	8.000 (1888)
Силистрия	101.225	3	41	Силистрия	12.000
Виддин	99.925	3	31	Виддин	15.000
Севлиево	119.254	3	50	Севлиево	8.000 (?)
Систово	76.680	2	33	Систово	13.000
Плевна	155.039	4	45	Плевна	16.000

Глава VII Румыния

Румынский народ, наследники великого имени завоевателей древнего мира, представляет одну из самых любопытных национальностей, как по своему происхождению, так и по тому факту, что это единственная из всех латинских рас, так уединенно и далеко выдвинувшаяся на восток. Со стороны Азии это самая передовая группа наций латинского языка, населяющих большую часть Западной Европы и большую половину американского материка. Еще несколько десятков лет назад румынская группа была почти неизвестна. Видя ее как-бы затерявшеюся между самыми разнородными расами и языками, ее обыкновенно все смешивали с ними. Но последние события, происшедшие в средине нынешнего века в бассейне нижнего Дуная, обратили на них внимание соседей: сербов, болгар, мадьяр, турок, греков и русских. Румыны имеют большое значение в этнографии Восточной Европы и по своей численности занимают первое место среди придунайских народностей. Если суждено когда-нибудь образоваться восточно-европейской конфедерации, то новые народы найдут в Румынии естественный центр тяготения.

С точки зрения племенной, а не с оффициально-политической, истинная Румыния гораздо больше, чем ее обыкновенно представляют на карте. Она заключает в себе не только Молдавию и Валахию дунайского склона Карпат и русскую Бессарабию, но простирается на половину Буковины, а с другой стороны гор охватывает значительную часть Трансильвании и вдается широкою дугою в Банат и восточную Венгрию. Кроме того, румыны перешли и за Дунай, колонизовав многие округа Сербии и полуострова Добруджи, который теперь, по Берлинскому трактату, принадлежит им.

Наконец их братья, зинзары или македоно-валахи, местами населяют Пинд и другие горы Албании, Фессалии и Греции; их же можно встретить до самой Истрии. Тогда как собственно Румыния, уменьшенная отнятием Бессарабии и увеличенная присоединением Добруджи, занимает пространство в 131.020 кв. килом., равное четверти Франции—все земли, населенные румынами, занимают пространство почти вдвое большее. При политическом объединении всего племени, население румынов удвоилось бы против ныне считаемого: всех румын считается около 9.800.000 душ, а именно:

В Румынии 5.600.000 чел.; в Австро-Венгрии 2.896.000 чел.; в Бессарабии 1.000.000 чел.; в Сербии 150.000 чел.; в Болгарии 65.000 чел. Остальные в Турции и Греции.

Патриоты, насилующие статистику согласно своим желаниям, увеличивают приведенную цифру до 15-ти миллионов.

Оставляя в стороне валахов, обитающих у Пинда, можно видеть, что территория латинского населения дунайских округов замыкается почти в правильный круг около восточных масс Карпатских гор. Но только одна половина этого круга вошла в состав независимого государства: другая же половина принадлежит Австро-Венгрии и России. Если бы мечта румынов об объединении всего своего племени в одно политическое целое могла осуществиться, то естественный центр Румынии не был бы уже в нынешних пределах, но его пришлось бы перенести в какой-либо пункт верхней долины Ольты, на южный склон Карпат, где, в былое время, центр этот и находился. Но заключенная ныне на внешнем склоне Карпат между «Железными Воротами» и верхними притоками Прута, Румыния приняла весьма странную и, так сказать, не уравновешенную форму: она состоит из двух частей, разграниченных линиею, очерченною течением Серета и маленького притока, соединяющего наиболее выдающийся из восточных отрогов Карпат с большою дунайскою дугою. К северу от этой границы лежит Молдавия, названная так по имени одного из притоков Серета, а к юго-востоку и к юго-западу—Валахия—«*Равнина Вальков*», то-есть латинян. Эта равнина *tzara Romaneasca*, или, собственно говоря, румынская земля, прорезывается параллельными реками, составляющими второстепенные подразделения; рекою Ольта или Алута Валахия разделяется на две части: Большую Валахию к востоку от Алуты и Малую —к западу от неё. Нижнее течение Дуная составляет на юге политическую границу Румынии. Так как Дунай, ниже «Железных Ворот», слишком широк, окружен лесами, образует озера и болота, то река эта не могла здесь, подобно тому, как в Австрии и Баварии, служить путем передвижения завоевательных народов, которые, напротив, продолжая свое движение к западу, обходили ее, направляя свой путь чрез горные дефилеи. Дунай представляет огромное препятствие, и даже ныне еще могущественные армии не могут переходить чрез него, не подвергаясь большой опасности. Кроме того, крутой поворот к северу, который делает в своем течении нижний Дунай, и значительное расширение его дельты всегда служили как-бы щитом для валахских равнин и заставляли завоевателей направлять свой путь к Карпатам. Параллельные течения Днепра, Буга, Днестра и Прута, хотя и в меньшей мере, но также прикрывали земли нижней Молдавии.

Факт, что румыны среди жестоких столкновений на их территории различных рас, опустошавших эту землю, сохранили свои предания, язык и национальность—составляет весьма интересное явление, свидетельствующее о большой устойчивости и жизненности румынского народа. Со времени удаления римских армий, здесь проходило столько полчищ, оторванных от главных масс опустошителей варваров: готов, аваров, гуннов, печенегов, славян, болгар и турок, поочередно угнетавших мирных земледельцев, что совершенное исчезновение румын, как особого племени, казалось неизбежным. Но, несмотря на эти потоки разных народностей, затоплявших собою в различные эпохи латинизованную дакскую народность, она все-таки, вероятно благодаря более высокой культуре своих предков, преодолевала эти потопы, которые ей грозили полным поглощением. И вот ныне, отделенные от чужих народностей, румыны являются среди других народов и требуют себе между ними места, как самостоятельная нация. Они оправдывают таким образом свою древнюю поговорку: «Romanoul non pere»—румын не погибнет. К тому же и численность их постоянно возрастает, не столько от естественного прироста, сколько благодаря переселению сюда в значительном числе австро-венгерских румын.

Трансильванские Альпы заняты по обоим склонам их румынами, но как по ту, так и по другую сторону этих Альп, высокие долины едва обитаемы, и можно путешествовать по ним целые дни, не встречая никакого жилья, кроме пастушеских хижин. Политическая граница между Румыниею и Австро-Венгриею, проходящая по главным вершинам гор, есть идеальная линия, идущая посреди обширных пустынных лесов. За исключением мест, прилежащих к железной дороге, пока только единственной, и тропинок через перевалы, высокие

Альпы остаются вполне девственными, и леса их сохранили свою первоначальную прелесть, среди которых охотник охотится за сернами и в которых еще недавно жил бизон, фигурирующий ныне в гербе Молдавии. В этих же лесах цыгане ловят черных и бурых медведей, которых заставляют танцевать по деревням. Обыкновенно они соблазняют животных водкою и медом, которые ставят у их берлоги. Когда медведи напьются мертвецки пьяными, являются цыгане и берут медведей на цепь.

На внешнем склоне Карпат общий вид поверхности Румынии имеет самую простую форму. В Молдавии низкие цепи, параллельные главным, тянутся от северо-запада к юго-востоку и, отделяясь друг от друга долинами Быстрицы, Молдавы и Серета, нечувствительно понижаются и, наконец, вовсе исчезают из дунайских равнинах. В Валахии отроги Трансильванских Альп разветвляются к югу с замечательною правильностию, и текущие в них потоки имеют одно и то же направление. Все реки, берущие начало в южных долинах, и наиболее многоводные потоки, прорезывающие Карпаты и разделяющие их на отдельные отроги, как-то: Сил или Шил, Ольта или Алута и Бузео, описывают однообразные дуги, тем более крутые, чем ниже река впадает в Дунай.

От верхних горных склонов до Дунайской равнины средняя покатость различных отрогов почти одна и та же, почему поясы температур и растительности по направлению от севера к югу весьма однообразны. В верху, на трансильванской границе, поднимаются вершины, одетые хвойными лесами и березами, которые зимою покрываются снегом; затем—второстепенные хребты, на которых господствуют бук и каштан, между которыми живописно мешаются все другие европейские лесные породы: еще ниже, идут слегка всхолмленные и усеянные кленовыми и дубовыми рощами долины, солнечные склоны которых заняты виноградниками. Наконец, внизу расстилается равнина с береговыми дунайскими озерами, усеянная самыми разнообразными плодовыми деревьями. Средний пояс, заключенный между высокими Альпами, внизу изобилует восхитительными видами, вследствие живописности скал, богатства и разнообразия зелени и прозрачности вод. Именно здесь, в этой «счастливой Аркадии», находится большая часть монастырей, великолепных, укрепленных замков, украшенных куполами и башнями и окруженных парками и садами. Что же касается до равнины, то она во многих местах гола и однообразна, но расположенные в ней деревни, на половину как бы вросшие в землю и выглядывающие между травою, все-таки имеют перед собою прекрасный горизонт с синеющими вдали горами. Предметы, наиболее обращающие на себя внимание среди общего однообразия, это—стоги сена, подобные тем, которые изображены римскими скульпторами на колонне Траяна.

Румынская равнина—вторая Ломбардия, конечно, не по совершенству земледелия, а по чрезвычайному плодородию почвы, по красоте неба и красивым видам. К сожалению, она не защищена горным валом, как Милан и Венеция, от слишком часто дующих здесь северо-восточных ветров, почему и климат впадает из одной крайности в другую и бывает то очень тепел, то слишком холоден[1], так что для предохранения виноградников виноградные лозы покрывают на зиму слоем земли. В юго-восточной части валахской равнины, наиболее открытой для сильных ветров, случается иногда, что целые стада быков и лошадей, испуганные снежными бурями, мчатся от урагана и кидаются в прибрежные озера Дуная. Некоторые местности, в которых не бывает достаточно дождей, представляют настоящие степи, как, напр., Бараганская степь, между Дунаем и Яломицею, в которой живет большими стаями драхва и в которой на пространстве нескольких миль нет ни одного деревца.

В геологическом отношении Румыния, начиная от горных хребтов до равнины Дуная, представляет правильный ряд формаций, от гранита вершин до новейших наносов, отложившихся по берегам рек. Замечательно, что южный склон Карпат состоит из ряда таких же горных пород, как и северный склон в Галиции, и представляет те же минеральные произведения—целые горы каменной соли, гипс, литографский известняк и чрезвычайно обильные

1 Средняя температура Бухареста 8° Ц; высшая температура 45° Ц; низшая температура 36° Ц; разность температуры 75° Ц.

нефтяные источники, ждущие приложения человеческих рук. Большая часть равнин состоит из третичных земель, но все равнины, простирающиеся к востоку от Плоешти и Бухареста, сплошь покрыты четвертичными слоями глины и округленного булыжника, в которых найдено множество костей мамонтов, слонов и мастодонтов. Мутные реки, перерезывающие эти равнины, текут между крутыми каменистыми берегами в извилистых руслах, похожих на огромные рвы.

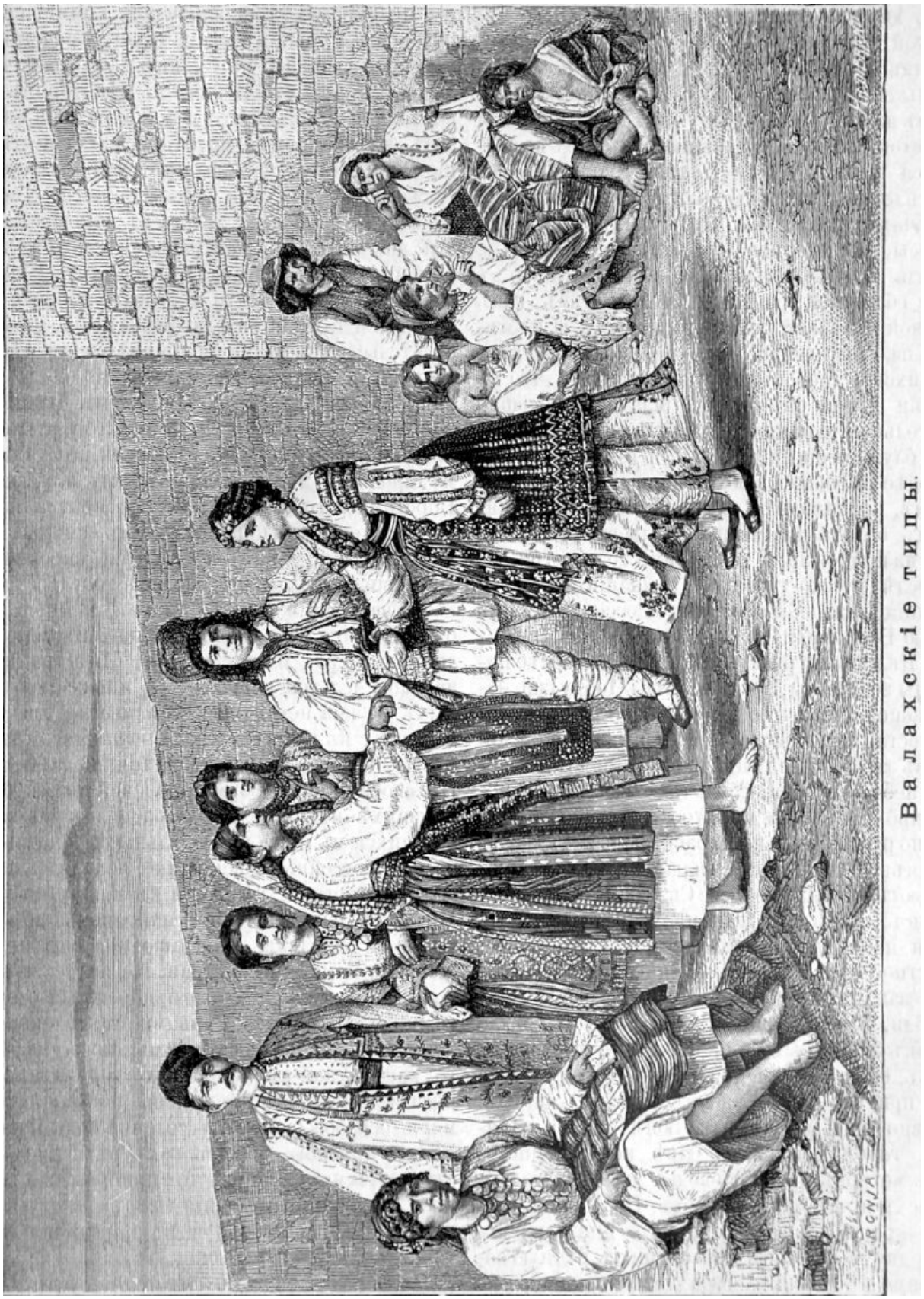
Как и Ломбардия, на которую так похожа Румыния по своим физическим чертам и даже по населению, равнина последней представляет древний морской залив, выполненный принесенными водою обломками гор. Но если море исчезло, то сам Дунай, который тянется на юге валахской равнины кривою линиею в 850 килом. длиною, представляет собою другое море, как по массе несомой им воды, так и по удобствам для навигации. При самом вступлении своем в низкие равнины в знаменитой теснине «Железных Ворот», Дунай имеет 50 метров глубины; средняя же масса его воды превосходит соединенную массу воды всех рек Западной Европы, от Роны до Рейна. И однако же, римляне перекинули через Дунай, немного пониже Железных Ворот, мост, который, по справедливости, считается одним из чудес мира; но император Адриан, из чувства низкой зависти, велел, говорят, разрушить этот памятник, который должен был напоминать грядущим поколениям славу Траяна. Теперь видны только устои у берегов реки, а когда вода очень низка, то и шестнадцать оснований колонн, которых всех было двадцать и которые поддерживали все сооружение. На валахской территории есть одна римская башня, сообщившая свое название маленькому городку Турну-Северину и обозначающая то место, где римские легионы вступили впервые на землю Дакии. Место перехода из Сербии в Румынию сохранило и поныне свое значение, но новейшее искусство ничем не заменило еще Траянова моста, и лишь во время войны перекинули русские свой понтонный мост у Зимницы и некоторые другие, сооруженные для перехода войск. До 1885 года из постоянных мостов был лишь один железнодорожный, ниже Видека; два другие—близ Белграда и близ Силистрии—не были еще окончены.

К югу от румынских равнин, Дунай, как и почти все реки северного полушария, не перестает напирать на правый берег, к стороне Болгарии, последствием чего является замечательное различие между обоими берегами. Изрытый водою, высокий южный берег подымается круто небольшими холмами и террасами; северный же берег, уравненный разливами рек, тянется обширною плоскостью и сливается с низменными равнинами. Болота, озера, вымоины, остатки бывших русл Дуная переплетаются здесь между собою и образуют сеть ложных рек, окружающих множество островов и полузатопленных отмелей. На этом пространстве, по которому прежде свободно разгуливали воды, заметны, к югу от Яломницы, следы даже целой реки, которая, прекратив свое самостоятельное существование, избрала себе ложе другой реки и оставила после себя лишь лагуны и болота. Все выровненные и оставленные рекою низкие земли присоединяются к Валахии и увеличивают её болотистый и пустынный пояс, между тем как Болгария постоянно утрачивает землю, но за то обладает здоровым климатом, прекрасными торговыми складочными местами и прибрежными городами, которые почти все построены на её берегу. Говорят, что на полузатопленных землях валахского берега водится еще довольно много бобров, которые уже истреблены почти во всех других частях Европы.

Не доходя шестидесяти километров, по прямой линии, до моря, Дунай наталкивается на гранитные высоты Добруджи и, поворотив к северу, обходит их и образует дельту в большом заливе Черного моря. При этом-то повороте и изливаются в него его последние большие притоки: молдавский Серет и на-половину русский в верхнем течении Прут. Но усиленный этими двумя реками, Дунай сохраняет свой целостный вид только на протяжении около 50 километров, а затем раздваивается. Большой рукав его, известный под именем Килийского, несет около двух третей всей массы воды и образует границу между русскою Румыниею и территорией, уступленной румынам Турцией. Южный же, раздваивающийся в свою очередь рукав, Тульчинский, весь течет по румынской территории и устьем своим, Сулинским гир-

лом, составляет главную артерию судоходства.

Главная ветвь реки имеет большое значение в нынешней истории земли, вследствие тех



Валахскіе типы.

быстрых изменений, которые производят её наносы на берегу Черного моря. К низу от Измаила, Килийский Дунай разветвляется на множество рукавов, которые беспрестанно изменяются то от убыли воды и половодья, то от сносов и наносов песку. Дважды воды соединя-

ются в один канал, прежде чем выступить в море гусиною лапою и образовать второстепенную дельту, независимо от главной. Наружный край этих новых земель имеет около двадцати километров и увеличивается каждый год новым количеством ила в 200 метров шириною[1]. Однако, несмотря на быстрое увеличение наносов в устье Килии, нормальная линия морского берега выдается в этом месте к востоку меньше, чем в южной части дельты, а отсюда можно заключить, что Килийский Дунай—относительно новейшего происхождения, и что большая часть воды изливалась некогда чрез южные устья. Рассматривая карту Дунайской дельты, нельзя не видеть, что береговая линия, идущая столь правильно поперек соленых заливов Бессарабии, в продолжении своем на юг чрез дельту слегка отклоняется к востоку: это и есть древний берег. Он возвышается над полузатопленной равниной в роде плотины, которую должны были прорвать различные устья реки, чтобы излиться в море. Наносы, принесенные рукавами Сулины и Св. Георгия, распределились за этою плотиною в виде обширной равнины, между тем как большой новейший рукав выдвинул за плотину только архипелаг еще не вполне установившихся островов, откуда и следует, что в истории Дуная он —самый младший. Большая треугольная равнина дельты еще усеяна озерами и блуждающими ручьями, и только несколько более высоких земель, поросших густым лесом, поднимаются над унылым пространством болот и камышей. Устьев 1800 лет тому назад было 6, теперь их только три.

После русско-турецкой кампании 1878 г., Румыния должна была уступить России, вместе с частью Бессарабии, левый берег самого северного, Килийского рукава, изливающего более половины всей воды Дуная, взамен Добруджи, обнимающей дунайскую дельту, поверхность которой составляет около 4.000 кв. кил. Килийский рукав загроможден при входе слишком высоким песчаным порогом, так что здесь не могут проходить даже не глубоко сидящие в воде суда, но русские инженеры работают над устранением этого препятствия и рано или поздно преодолеют его. Южное устье Св. Георгия, или Хидриллис, точно так же непроходимо; самый же легкий проход представляет среднее устье, известное под именем Сулинского, которым с незапамятных времен пользовались все корабли. Между тем, Сулинское устье было бы так же закрыто для больших торговых судов, если бы инженерное искусство не сделало при его входе существенного улучшения. Недавно еще, в апреле, июне и июле месяцах, глубина воды на баре не превышала двух метров и в половодье доходила только до трех и четырех метров. Но порог бара был опущен еще на три метра ниже, при помощи двух плотин, проводящих речную воду прямо в глубокое море, так что теперь во всякое время года здесь свободно могут проходить суда, сидящие в воде на шесть метров. Сулинское устье сделалось одним из важнейших портов Европы и в то же время одним из лучших портов-убежищ Черного моря, которое так опасно для моряков своими внезапными шквалами. Правда, эта великая работа для общественной пользы совершена вовсе не Турцией, а европейской коммисией (в которой и Румыния имеет своего представителя), пользующейся в Сулине и во всей части Дуная к низу от Исакчи в некотором роде верховной властью. Это международный синдикат, имеющий свое политическое существование, свой флот, свой флаг, свой бюджет, а также, конечно, свои займы и долги. Таким образом, дунайская дельта в действительности находится в нейтральном положении и служит на пользу всем нациям Европы. Около половины всего торгового оборота производится там под флагом Англии, но председательство в коммисии принадлежит Австро-Венгрии, и прибрежные народы не без основания опасаются, что со временем Дунай сделается русской рекой по Килийскому рукаву, и австро-венгерской, т.е. немецкой, по Сулинскому проходу. Часть Дуная, между Железными Воротами и Браиловым, также нейтрализована и состоит под наблюдением «смешанной» коммисии из делегатов Австрии, европейской коммисии и трех прибрежных государств.

1 Средняя масса воды, уносимой Дунаем, по Ч. Гартлею, 9.200, наибольшая 28.000 куб. метр в секунду. Средняя масса воды Килийского устья 5.800 куб. метр. в секунду. Средняя масса воды Святогеоргиевского 2.600 куб. метр. в секунду. Средняя масса воды, вытекаюицей чарез Сулинское гирло, 800 куб. метр. в секунду. Среднее количество наносов 60.000.000 куб. метр. в год.

Захватывая все более и более у моря, река отделила от него постепенно значительной величины озера. Между устьем Днестра и дунайскою дельтою существует множество соленых, весьма неглубоких заливов, или «лиманов», в которых вода, испаряясь от теплоты, оставляет на земле тонкий слой соли. По своей общей форме, по свойствам окружающих их земель и по расположению изливающихся в них параллельных ручьев, эти водные бассейны совершенно походят на те озера, которые встречаются к западу от устья Прута, только последние наполнены пресною водою и отделены песчаною полосою не от Черного моря, а от Дуная. Не подлежит никакому сомнению, что эти прибрежные озера и реки были некогда лиманами с соленою водою, как прибрежные лагуны, но но мере того, как Дунай загромождал свой залив наносами, озера эти, отделяясь постепенно от моря, освобождались от соленой воды и наполнялись пресною, и так как река продолжает оттеснять море, то прибрежные соленые лагуны, получающие сверху чистую воду ручьев, испытывают и в настоящее время точно такое же изменение.

Непосредственно к северу от этих приморских и придунайских озер, вход валахских равнин был защищен линиею римских укреплений и рвов, известных под именем «Траянова вала» или «стены». Народ приписывает их обыкновенно Цезарю, хотя в действительности они возведены гораздо позднее Траяном против визиготов. Этот охранительный барьер, почти совпадающий с политическою границею между Молдавией и русскою Бессарабиею, теперь трудно распознать на весьма значительной части его протяжения. Вероятно, он продолжается к западу от Прута, в виде другого вала, чрез всю нижнюю Молдавию и Валахию; следы его местами заметны еще и теперь и известны под именем «Дороги Аваров». Между Прутом и Днестром Траянова стена была двойная; вторая стена, следы которой находятся все на русской территории, между Леовом и Бендерами, закрывала доступ в долину Дуная. И действительно эти двойные стены не были излишни, ибо защищали вход в плодородную долину, естественные богатства которой должны были возбуждать зависть всех завоевателей.

Несмотря на то, что румынскую территорию проходили, завоевывали и опустошали самые различные племена, жители Румынии сохранили гораздо большую, чем все их соседи, национальную связь и обладают тем, чего недостает Венгрии, Трансильвании, Буковине и Болгарии, а именно—единством племени и языка. Валахи и молдаване составляют один народ, и, не уступая своей территории другим, сами расселяются по окружающим их странам. Нерумынские жители составляют в провинциях Румынии меньшинство, за исключением Добруджи, как недавно присоединенной.

Происхождение этого народа латинского языка покрыто еще тайною. Представляют ли собою жители древней Дакии, румыны, исключительно потомков гетов или латинизованных даков, или в них преобладает кровь итальянских переселенцев, приведенных сюда Траяном? В какой пропорции примешались к румынскому народу различные элементы окружающих его племен, славянских и иллирийских? Какое участие в образовании валахской национальности принимали кельты? Были ли их потомками «мало-валахи» берегов Ольты, люди «с двадцатью четырьмя зубами», как названы они за свою храбрость? Наверное сказать нельзя; первоклассные ученые, как Шафарик и Миклошич—дают на эти вопросы противоречащие ответы. Обширные равнины, населяемые ныне румынами, были если не вполне, то большею частию оставлены ими, когда в третьем столетии, по приказанию императора Аврелиана, они должны были переселиться на другую сторону реки. Если правда, что потомки этих изгнанников возвратились когда-нибудь на свою родину, то когда именно они пришли сюда и вытеснили славян, мадьяров и печенегов? Миклошич думает, что это было около пятого века. Реслер же полагает, что на восемьсот лет позже, но мнение его, очевидно, ошибочно, ибо хроники упоминают о существовании румынов в области Карпатов с одиннадцатого века. Наконец, другие писатели полагают, что нового переселения вовсе не было, но что остатка романизованного народонаселения было достаточно для постепенного восстановления национальности. Как бы то ни было, этот народ, происхождение которого так неопреде-

ленно, разросся удивительным образом и сделался преобладающим племенем на нижнем Дунае и в Трансильванских Альпах.

Еще в семнадцатом веке румынский язык считался простонародным наречием; в богослужении же и в судах сами валахи должны были употреблять славянский язык. В настоящее время, напротив, румынские патриоты усердно стараются очистить свой язык от всех сербских слов, которые составляют около десятой части всех слов языка, и от турецких и греческих терминов, вошедших в язык во время господства османлисов. Как новые греки стараются приблизить свой ново-греческий язык к языку классических авторов, так и дунайские «римляне» стараются отделать свой латинский язык и возвести его на ту же ступень, на которой стоят западные романские языки: французский и итальянский. Они отказались от славянского письма и приняли латинские буквы, но, к сожалению, реформа эта произведена несколько насильственно, несогласно с истинным произношением слов, и грамматики не согласились еще относительно правильной орфографии, так что буковинцы, трансильванцы, валахи—все пишут по-своему, но последние, благодаря своей политической независимости, без сомнения, возьмут верх. Как бы то ни было, румынский язык, как по своему словарю, так и по синтаксису, становится с каждым годом все более и более новолатинским, чему помогает чтение французских сочинений, которые составляют главную литературу Румынии. Замечательно, что в городах, где прежде, вследствие посещений иностранцами, наречие было испорченнее, чем в деревнях, теперь оно стало наиболее латинским и наиболее очищенным от славянских элементов. По словам поэта Александри, румынский язык заключает в себе около 200 латинских слов, сохраненных Рабле, хотя исчезнувших из современного французского языка. Но в нем остается еще множество слов, которых не встречается ни в каком известном языке и которые считаются остатками древнего дакийского языка, употреблявшагося до занятия страны римлянами. Сверх того, валахский язык существенно отличается от западных романских языков употреблением члена и указательнаго местоимения после существительного. То же самое явление замечается в языках албанском и болгарском, и, по мнению Миклошича, представляет черту древнего туземного языка страны, перешедшую и к позднейшим её жителям. Не менее характеристичную черту румынского языка составляет также способ произношения гласных.

Но эти признаки драгоценны только для лингвиста, масса же румынского народа не знает их, и если бы знала, то не останавливалась бы на подобных мелочах. Самый последний валахский крестьянин, все еще гордясь славою древних римских завоевателей, воображает себя потомком римских патрициев. Многие из его обычаев, относящихся к рождению детей, бракам и похоронным церемониям, напоминают собою римские обряды: так, пляска *калушаров* есть не что иное, говорил, как пляска древних насельников Италии, и изображает похищение сабинянок[1]. Валах любит говорить о своем «отце» Траяне и приписывает ему все, что он видит великого в своей стране,—не только развалины мостов, укреплений и дорог, но и такия сооружения, которые у других народов приписывались бы Роланду, Фингалу и божественным или адским силам. Многие горные ущелья произошли от удара мечем Траяна; сорвавшаяся с вершины горы лавина производит «гром Траяна»; даже млечный путь сделался у них «дорогою Траяна»; одним словом—с веками совершилось полное обоготворение. Избрав древнего императора представителем своей нации, румын не хочет считать своими предками готов и даков; он не знает, что такое были геты, и если правда, что он родня им по своему происхождению, то он потерял сходство с ними, за исключением разве только жителей гор, где встречается много людей большого роста, с голубыми глазами и развевающимися русыми волосами, каковы были, вероятно, первобытные жители страны. Но по стройности и гибкости, как горцы, так и жители придунайских селений, отличаются от северного населения и приближаются к южным народам.

Вообще румыны равнины, также как и карпатские, имеют красивое смуглое лицо, выразительные глаза, изящно очерченный рот, показывающий при улыбке два ряда ослепитель-

1 L. de Rosny. Les populations danubiennes.

но белых зубов. Они любят длинные волосы, и многие молодые люди, как говорят, уклоняются от военной службы только затем, чтобы сохранить свои прекрасные, падающие по плечам локоны. Стройные по складу тела, легкие и грациозные в движениях, они, кроме того, неутомимы в ходьбе и выносят без жалоб сильнейшую усталость. Платье свое они носят удивительно ловко, и даже валахский пастух, со своею высокою *кошулею* или шляпою из овечьей шерсти, широким кожаным поясом, служащим в то же время и карманом, с накинутою на плечо овчинною шкурою и в штанах, напоминающих штаны даков, изображенные на Траяновой колонне, отличается благородством осанки. Румынские женщины—олицетворение грации. Сохраняют ли они еще старинные моды и носят широкия вышитые рубахи, развевающиеся кофты, большой разноцветный передник, с преобладающими красным и синим цветами, на волосах сетку с золотыми блестками и цехинами, или приняли современный туалет,—они всегда очаровывают своим изяществом и вкусом. К этим внешним преимуществам румынка присоединяет еще быстрый ум, заразительную веселость, бойкость языка, которые делают из неё парижанку Востока. Не волнам реки Бухареста сомнительной прозрачности, а прелестным валахским женщинам обязана своим происхождением поговорка: «О, Дембовица! кто испил твоей воды, тот не может тебя покинуть!»

Среди однородного валахского населения встречаются местами группы болгарских переселенцев; в недавно присоединенной Добрудже они численностью не уступают румынам. Болгары, родившиеся в Румынии и происходящие от древних завоевателей страны, изменились, повидимому, особенно сильно, вследствие браков с туземцами и под влиянием среды; теперь они здесь самые трудолюбивые земледельцы, и в окрестностях больших городов занимаются специально садоводством и огородничеством. Плоешти, один из самых цветущих городов Валахии, точно также начал с того, что был болгарской колониею. В городах болгары, совершенно почти орумынившиеся, занимаются исключительно торговлей.

Румынский крестьянин по натуре своей домосед. Он всей душой привязан к своей родине, к тому месту, где родился, вырос и кормится; принудить его к переселению может только или крайняя необходимость, или сила. В этом отношении он совершенно не похож на своих соседей, болгар и венгров, у которых сильно развита страсть к перекочевкам с места на место. Насколько в румыне сказывается искони оседлый землепашец, настолько в последних заметны исторические черты номадов. Вот почему переселение в Румынию значительно преобладает над эмиграцией из неё. Нормальный прирост населения, перевесом числа рождений над числом смертных случаев, можно считать в 60.000 человек (в период 1890-94 гг. он колебался между 23.000-66.000). Впрочем, было несколько лет неурожайных и голодных, и тогда смертность превышала рождаемость. По статистике, численное отношение рождающихся мальчиков и девочек в Румынии значительно превосходит, соответственно, таковое число в любом европейском государстве[1]. Число незаконнорожденных очень велико, что объясняется тем, что многие крестьяне не хотят справлять свадьбу, которая стоит очень дорого.

В различных частях Молдавии, главным образом в Яссах, Берладе и Добрудже, находятся в довольно значительном количестве и русские выходцы. Все они почти исключительно торговцы и пользуются общим уважением за свою высокую честность. Это староверы-раскольники (липованы), принужденные около века тому назад покинуть пределы России, дабы избежать религиозных преследований. Все они говорят по-румынски. Часть русских поселенцев принадлежит к секте оригенистов или скопцов. Эти фанатики, лишенные всякой семьи, пополняют свои общины, говорят, покупкой детей. Скопцов легко узнать по дебелости и безбородому виду. В Бухаресте они славятся, как лучшие кучера.

Ряд иноземных народностей, поселившихся отдельными колониями на румынской территории, завершается венграми, принадлежащими к трансильванскому племени секлеров, носящих здесь как-будто китайское название чангеев. Эти чангеи, пришедшие в централь-

1 Отношение числа рождающихся мальчиков к числу девочек, в среднем: Франция 1.052 мальч., 1.000 девоч. Румыния 1.160 мальч. 1.000 девоч.

ную Молдавию в то время, когда венгерские короли владели долиною Серета, в количестве 170.000, мало-по-малу орумыниваются; они не отличаются уже от румынов своим костюмом, постепенно перестают говорить на своем грубом мадьярском наречии, и если не слились еще совершенно с молдавским населением, то, без сомнения, только вследствие различия религий, ибо они римско-католики. Впрочем, они с каждым годом пополняются некоторым числом выселенцев из Трансильвании, привлекаемых более приятным климатом и плодородными землями молдавской равнины. Весною и осенью венгерские земледельцы и жнецы спускаются в равнины Молдавии целыми караванами. Около столетия тому назад несколько тысяч семей секлеров также перебрались на восточной склон Карпат, с целью избежать воинской повинности.

Между иностранцами цивилизованных классов первое место по численности принадлежит австрийским немцам. Им принадлежит большая часть общественных, промышленных и коммерческих учреждений, ими же ведется постройка железных дорог и, среди всех остальных иностранных языков, их язык первенствует, чему сильно способствуют евреи и венгерцы, владеющие им поголовно. Что касается французов, то хотя они и образуют довольно значительную колонию, французское влияние в практической жизни почти не существует. Влияние Франции прежде всего—умственное и вообще духовное, но не промышленное. В Румынии действуют не французские заводы и компании, а французская литература, французский язык—язык родственной для румын нации. Сотни молодых румын воспитываются во французских высших школах и только очень немногие—в германских университетах.

В прошлом веке, когда управление румынскими княжествами было отдано султаном на откуп фанариотам, т.е. богатым греческим купцам константинопольского Фанара, в Молдаво-Валахии чрезвычайно усилился эллинский элемент; но в настоящее время число их не имеет никакого значения. Они составляют всего-на-всего тысяч десять, если считать в том же числе и эллинизованных зинзаров из Македонии; но они умеют либо пристроиться управляющими у крупных владельцев, либо сделаться содержателями складов, экспедиторами товаров и оптовыми купцами. Экспорт хлеба в городах нижнего Дуная находится почти исключительно в их руках. Следы бывшего фанариотского господства остались только в языке и родственных отношениях, происшедших от браков их с боярскими семьями. Но гораздо многочисленнее греков и важнее по значению в будущих судьбах страны безродные племена евреев и цыган, живущих на румынской территории. Израильтяне испанского происхождения, очень немногочисленные и живущие преимущественно в больших городах,—вовсе не на дурном счету у населения; но совсем другое дело главная масса евреев, пришедших с севера, переселявшихся толпами из Польши, Малороссии, Галиции и Венгрии, и, в качестве шинкарей и посредников всей мелочной торговли, находящихся в ежедневных столкновениях с бедным народом; ими все гнушаются не только за их религию, но и за удивительное искусство переводить народные сбережения в свои кошельки. Кроме того, им приписывают всевозможные воображаемые преступления, и часто население с яростью нападало на них за мнимое убийство детей, которых они закалывают, будто-бы, вместо ягненка, к празднику Пасхи. И все-таки румыны не умеют обойтись без этих евреев, которыми они гнушаются, и с каждым днем усиливают торговую монополию наводняющего их страну племени. С недавнего лишь времени запрещено им законом приобретение поземельной собственности, практика в известных профессиях, вступление в армию, оседлость в сельских общинах. Все это в значительной, однако, степени парализуется займами Румынии у еврейских банкиров Европы. При каждом займе банкиры эти требуют всевозможных льгот для своих сородичей и, в случае отказа со стороны румын, угрожают неудачею займа. Если только произведенное исчисление количества евреев не ошибочно—а ошибиться в виду рассеянности евреев по всей Румынии очень легко,—то число их достигает седьмой части всего населения. В будущем можно ожидать, что отношение это увеличится, так как естественный прирост евреев, т.е. превышение их рождаемости над смертностью,—всегда весьма значи-

телен[1].

Их обычный язык—немецкий жаргон с примесью множества слов, заимствованных из восточных языков, и самый этот язык заставляет ненавидеть их, ибо, благодаря этому языку, в них видят предшественников немцев и задают себе вопрос, не составляет ли это коммерческое нашествие только прелюдию другого нашествия, которое могло бы уничтожить политическую независимость страны? Что касается другого торгового восточного племени, армян, то они имеют здесь своими представителями несколько цветущих колоний, особенно в Молдавии. Эти гайканы, потомки переселенцев, пришедших в различные времена, с одиннадцатого века по семнадцатый, ничем не отличаются от своих буковинских и трансильванских единоверцев; они живут изолированно, и если народ их не любит, то по крайней мере они не имеют способности возбуждать к себе ненависть. Небольшое число армян, переселившихся из Константинополя и говорящих по-турецки, живет также в низовьях Дуная. Затем в Добрудже турки и татары составляют около одной трети общего числа жителей.

Некогда презираемое племя цыган начинает понемногу сливаться с массою населения; благодаря относительной свободе, эти парии делаются румынами и патриотами. Недавно еще цыгане были рабами: одни из них принадлежали государству, другие составляли собственность бояр и монастырей, и все-таки большая часть их оставались номадами, работавшими, торговавшими или воровавшими для своих нанимателей. Они разделялись на настоящие касты, из которых главные были: *lingourari*, т.е. ложечники; *oursari*—вожаки медведей; *ferrari*—кузнецы; *aureri*—золотых дел мастера; *lautari*—хвалильщики. Последние, самые развитые из них, были музыкантами, обязанными воспевать славу и добродетели бояр: теперь же они либо деревенские скрипачи, либо городские музыканты—румынские трубадуры. Если они отличаются в социальном отношении от крестьян, то, может быть, только большею свободою. В 1837 г. цыгане в Валахии были приравнены к остальным земледельцам, и затем совершилась эмансипация всех крепостных без различия племен. Весьма немногочисленны цыгане *нетоци*—те падшие существа, которые скитаются полунагия по лесам, живут в шалашах, существуют воровством, питаются всякою дрянью и не хоронят своих мертвецов. Теперь почти все цыгане привязаны к земле, которую они умеют старательно возделывать, или занимаются какими-нибудь постоянными ремеслами. Слияние цыган с румынами совершается тем легче, что религия у них одна и та же, и что все бывшие кочевники говорят на местном языке. Как те, так и другие отличаются красивым типом, и браки между ними становятся все чаще и чаще, так что можно предположить, что через несколько поколений цыгане в Румынии перестанут существовать в виде особого племени. В этом-то и заключается главная причина того огромного скачка, с 100.000 на 300.000, который делается разными статистиками относительно численности цыган.

Приблизительное население Румынии в 1885 г. по национальностям:

	Валахия	Молдавия	Добруджа	Всего
Румын	3.131.000	1.463.000	49.725	4.613.725
Болгар	-	30.900	28.720	59620
Русских и др. славян	-	10.300	26.420	16.720
Венгерцев	-	51.500	-	51.500
Цыган	103.000	51.000	1.050	155.050
Евреев	105.000	315.000	2.850	423.850
Армян	-	10.300	810	11.110
Турок	-	-	26.490	26.490
Татар	-	-	6.540	6.540
	3.339.000	1.932.000	152.605	5.423.605

Иностранцы	Австрийцы всех наречий	31.270
	Греки	13.160
	Немцы Германии	6.200
	Французы	2.000

1 Приблизительное число евреев в Румынии 400.000; из них 360.000 польских и 40,000 испанских.

Других наций	6.310
	5.482.545
В 1893 г.	5.600.000

Пространство 131.020 кв. клм.

Румынская нация находится еще в переходном состоянии между феодальным периодом и новейшею эпохою. Революция 1848 г. имела, быть может, большее значение в придунайской Европе, чем во Франции и Италии, но она только потрясла старый строй румынских княжеств, но не разрушила его совсем. Еще в 1856 г. валахские и молдавские крестьяне были прикреплены к земле. Не имея ни прав, ни личного имущества, ни даже семьи, так как они находились в распоряжении чужого произвола, эти несчастные проводили свою жизнь за обработкою земли своих господ или монастырей, а сами жили в жалких, грязных логовищах, которые часто нельзя было отличить от кучи хворостника или мусора. Владельцами земли и её обитателей были пять или шесть тысяч бояр, потомков древних «храбрецов», или купивших дворянство за деньги; но и между самими господами существовало большое неравенство; большая часть были мелкими землевладельцами, и только семьдесят феодалов в Валахии и триста в Молдавии делили с монастырями владение почти всею землею.

Подобное состояние общества должно было иметь своим последствием ужасную деморализацию как между владельцами, так и между рабами, так что даже природные, хорошие качества румына, его великодушие, дружелюбие совершенно извратились при этом общественном строе. Дворяне-землевладельцы бежали от своих земель, где стеснял бы их вид страданий, жили вдали, занимаясь интригами и разгулом и сорили по игорным столам западных городов те деньги, которые высылали им управители, большею частью греки, уделив предварительно изрядную долю себе. Что касается до порабощенной массы населения, то она была ленива, ибо земля, хотя и плодородная, принадлежала не ей; народ стал недоверчив и лжив, ибо хитрость и ложь составляют оружия рабства; он был невежествен и суеверен, потому что все его воспитание давалось ему невежественным и фанатичным духовенством. Их священники были в то же время и знахарями, лечили болезни чарами и наговоренными напитками. Одни из монахов, крупные владельцы рабов, обладавшие шестою частью земель Румынии, были боярами в монашеском платье и отличались такою же жадностью, как и светские господа; другие же, жившие милостынею, были, в сущности, те же крестьяне, променявшие рабство на нищенство.

Лишенные всякого образования, кроме переданного им доннами, или песнями предков, подчиненные старым обычаям, румыны, еще в недавнее время, должны были напоминать собою народ, пребывающий во мраке средних веков; да и теперь еще в деревнях существуют многие старинные обычаи. Так, наемные плакальщицы на похоронах испускают раздирающие вопли, с которыми смешиваются прощания родных. В гроб кладут: палку, с которою мертвец должен переходить Иордан; кусок холста, который он будет носить вместо платья; монету, которую он даст св. Петру, чтобы он отворял ему двери рая; не забывают также положить в гроб хлеба и вина, которые могут ему понадобиться в дороге. Но если у покойника были рыжие волосы, то сильно боятся, чтобы он не вернулся на землю в образе собаки, лягушки, блохи или клопа, не проник бы в дом, не стал бы сосать кровь у хорошеньких молодых девушек. В таком случае гроб заколачивают как можно крепче или, еще лучше, протыкают грудь мертвеца осиновым колом.

Но нет никакого сомнения, что ум деревенского жителя скоро освободится от подобных заблуждений. С тех пор, как крестьянин обрабатывает свою собственную землю, умственный и нравственный прогресс народа по крайней мере равняется прогрессу материальному, а последний, по справедливости, замечателен. Освобожденный оффициально в 1856 г., крестьянин долго носил еще цепи полурабства, когда получил наконец клочек земли, и так как барин оставался владельцем земли, а следовательно и «владельцем хлеба», то бывший раб пользовался только лишь воображаемою свободою. Наконец, по закону 1862 г., который применялся более или менее хорошо в последующие годы, каждый глава земледельческой

семьи получил в надел, за определенные выкупные платежи, обрабатывавшуюся им землю, от 3 до 27 гектаров. Около 400.000 семей сделались таким образом собственниками, сообразно количеству имеющагося у них скота; свыше 5 гектаров тому, у кого 4 быка, 4 гектара—имеющему пару и 2 гектара всем, не имеющим ни одной головы скота. С этого времени часть крестьян, сделавшись свободными, энергично взялись за труд, но остальная и, к сожалению, большая часть, не имевшая возможности сразу выплатить долги помещикам и повинности, впала в крайнюю нищету. В будущем, если только правительство не объявит крестьянских наделов неприкосновенными, они снова станут рабами—не бояр, но жидов. И теперь уже они владельцы только по имени—все их труды уходят на уплату неоплатных долгов.

Что касается самой земли, то она так плодородна, что, несмотря на дурную обработку старинным римским плугом, без всякого удобрения, производит огромное количество хлебов[1].

Румыния стала теперь одною из первых стран по вывозу хлеба, и в благоприятные годы, когда не пожирает полей саранча, являющаяся с востока, и не убивают растительности резкие переходы температуры, она служит для Западной Европы одною из житниц, более богатой, чем Венгрия. Вывоз хлебов, пшеницы, маиса, ржи, ячменя в десять лет удвоился, и доставляемая ими ежегодная сумма колеблется между ста и двумястами миллионов франков. К сожалению, сам крестьянин вовсе не ест возделываемой им пшеницы, а оставляет для себя кукурузу, которая служит ему для приготовления своего обычного варева, *мамалыги*, и плохой водки, которою он утешается во время ста девяноста четырех дней ежегодного поста. Добрую половину года румынские деревни, особенно те, которые расположены по берегам Дуная, бывают затоплены смрадной грязью, в которой копошатся и люди, и скот. В хижинах, не защищенных ни от ветра, ни от дождя, свирепствует лихорадка и приканчивает то, что начинает голод. Возделывание винограда, которым прежде совершенно пренебрегали, увеличивается, несмотря на филоксеру, с каждым годом; низкие холмы Карпатских предгорий производят прекрасное вино. Теперь уже не то время, когда имя валаха, по отвращению румынов к труду, было на всем Востоке синонимом пастуха, но все-таки непроизводительные земли занимают еще более четверти всей Румынии, и, при трехпольной полевой системе, земля каждый третий год гуляет под паром. В Молдавии земли возделаны, повидимому, гораздо лучше, чем в равнинах Валахии, и это зависит главным образом от того, что многие крупные молдавские землевладельцы, в противоположность соседям своим, валахских баран, живут на своих землях и считают честью лично управлять хозяйством; но улучшения мало-по-малу распространяются по всей Румынии, и в большей части крупных имений уже действуют паровые молотилки. Мелкие землевладельцы также начинают применять мало-по-малу хорошие методы обработки земли, и во многих местах имеют благоразумие соединять свои силы вместе для разработки обширных пространств. Часто значительные земли арендуются целыми общинами, при чем каждый участник платит пропорционально величине возделываемого им поля.

Румыния, страна по преимуществу земледельческая, почти не пользуется богатствами, доставляемыми ей самою природою. Многочисленные залежи различных металлов в Карпатах остаются без разработки, вследствие недостатка дорог. Источники нефти доставляют ежегодно около 65.000 тонн. Большая часть слоев каменной соли остается под землею в запас на будущие времена. Разработываются только четыре соляные копи, и то на счет правительства: две—вольными рабочими и две—каторжниками, которые проводят свою жизнь

1 Земледелие в Румынии: невозделанных земель 4.433.000 гект. Лугов и пастбищ 3.850.000 гект. Лесу 2.100.000 гект. Земель, засеваемых хлебами, 2.225.000 гект. Виноградников 100 000 гект. Садов и проч. 50.000 гект. Итого 12.758.000 гект.

Средняя производительность: Маис 18.850.000 гектолитр. Пшеница 9.000.000 гектолитр. Ячмень и овес 7.000.000 гектолитр. Рожь 1.100.000 гектолитр. Вино 800.000 гектолитр

Домашния животные в 1880 году: быки, коровы и пр. 256.000, буйволы 112.000, лошади 600.000, свиньи 1.050.000. овцы 4.250.000, козы 500.000.

под землею. Соли добывается до 100.000 тонн (в 1893-94 гг. 117.000 тонн), но её легко можно было бы добывать во сто раз больше. Рыбная ловля составляет также один из промыслов в Румынии. Жители низовьев Дуная солят и сбывают рыбу, которая ловится в изобилии как в реке, так и в соседних озерах, и приготовляют икру, получаемую от крупных осетров. Вот почти все. Мануфактурная промышленность в Румынии может существовать только в соседстве больших городов;, истинного совершенства достигают здесь только варенья—предмет гордости здешних хозяек.

Тем не менее, однако, торговля не перестает возрастать[1]. Понятно, что прежде Румыния не имела другого средства для сбыта своих произведений, как «самодвижущиеся дороги». Действительно, Дунай был единственною дверью, открытою для большего торгового движения, и почти все товары должны были складываться в Галаце, расположенном в том углу реки, где сходятся на Серете главные пути Валахии и Молдавии. Дунай долго еще останется торговою дорогою[2]; Прут, по которому пароходы подымаются до Скулян, находящихся немного севернее Ясс, точно также не перестанет доставлять большие услуги отправителям товаров; Быстрица и другие стекающие с Карпат реки останутся путями для сплава леса: но железные дороги дали Румынии новый выход. Дельта Дуная связывается через Яссы и Буковину с Польшею, Северною Германиею и с берегами Балтийского моря, а посредством линии из Ясс на Прут она соединяется с Одессою, с Черным морем и со всею русскою сетью дорог: на западе линия от Крайовы до Турн-Северина соединяет близ Орсовы румынские железнодорожные сети с венгерскими линиями. Еще другие железные пути скоро пройдут чрез Карпатские ущелья до верхних долин Трансильвании и равнин Венгрии. Равнины Молдо-Валахии, благодаря горизонтальности почвы, неминуемо должны сделаться, как Пиемонт и Ломбардия, весьма важным в Европе местом соединения и встреч железных дорог. Закарпатские железные дороги будут приносить пользу главным образом австрийцам, евреям или тевтонам, как уже служат им железная дорога из Черновик в Яссы и пароходы на Дунае[3].

Румыны жаловались недавно, что Парижский трактат не восполнил их территорию со стороны Черного моря, предоставив им один берег Сулины. Некогда Дунайская дельта принадлежала Молдавии, как это доказывают развалины одного города, построенного румынами насупротив Килии, на южном берегу реки. До конца последнего века Сулинский порт подчинялся юрисдикции молдавского префекта в Измаиле, который распоряжался и очисткою прохода. Тем не менее западные державы предоставили всю дельту Турции, оставив Румынии только левый берег Килии и острова в её устьях. Вследствие этого у Молдавии и не было прямого выхода в Черное море, по крайней мере для больших кораблей, вход которым был совершенно прегражден песчаным порогом. Дежарден и другие инженеры выработали для румынского правительства проект канала для большой навигации, который соединял бы реку с бухтою Джибриани, к северу от дельты. Канал этот имел бы не более двенадцати километров длины и представлял бы, без сомнения, многие выгоды, но его конечный порт, как бы тщательно он ни был устроен, был бы открыт в весьма бурную бухту, в которой свободно дуют самые опасные в Черном море северо-восточные ветры. В настоящее время территория, на которой должен был по проекту находиться порт Кароль, принадлежит

1 Торговля Румынии 1873 г.; ввоз 97.867.160 фр., вывоз 157.570.700 фр., итого 255.437.860 фр.
Торговля Румынии 1882 г:, ввоз 268.851.000 фр., вывоз 244.730.200 фр., итого 513.582.120 фр.
На долю Австро-Венгрии в 1882 г. приходилось 209.000.000 фр. На долю Англии 143.000.000 фр. На долю Франции 50.000.000 фр. На долю Германии 35.700.000 фр.
Торговое движение в 1894 г.: ввоз 422.142.000 фр., вывоз 294.200.000 фр.
В привозе 1894 г. Германия участвовала 117. Австро-Венгрия 115, Англия 84, Франция 34 и Бельгия 23 миллионами фр.; в вывозе: Англия 79, Бельгия 61, Германия 58, Австро-Венгрия 43, Турция 20, Франция 10 миллионами фр.

2 Движение судоходства в Румынии в 1894 г: вошло 33.044 судна, вмест. 8.957.912 тонн; вышло 33.291 судна, вмест. 8.919.380 тонн.

3 Экспорт хлеба в 1894 г.: на 256.000.000 франк.

России, но зато Румыния имеет в своем распоряжении Сулинское устье, открытое для всех наций одинаково. Им-то Румыния главным образом и пользуется для экспорта своего хлеба[1].

Бухарест, или Букурешти, столица Валахии и румынского союза, принадлежит в настоящее время к числу больших европейских городов. После Константинополя и Пешта—это самый многолюдный город во всей юго-восточной части материка и сам себя называет «Восточным Парижем». Однако же еще недавно он представлял не что иное, как собрание деревень, которые, благодаря своим башням и блестящим среди зелени куполам, были весьма живописны, но внутри довольно неприглядны: постройки были плохи, улицы всегда неопрятны и наполнены, смотря по времени года, либо пылью, либо грязью. Но, благодаря притоку населения, быстрому развитию торговли и скоплению богатств, Бухарест изменяется быстро. Большие чистые улицы застроены красивыми отелями, весьма оживленные площади, обширные и хорошо содержимые парки придают его центральным кварталам вид европейской столицы, которая заслуживает своего названия, обозначающего «веселый город». Немногие здания и архитектурные украшения в турецком или персидском стиле напоминают в нем о бывшем турецком владычестве. Город окружен десятками четырьмя фортов. Он имеет музей, высшие школы и ученые общества.

Город Яссы, или Яши, который сделался столицею Молдавии после присоединенной ныне к Австрии Сучавы, занимает не столь центральное положение, как Бухарест; но плодородие его полей, соседство Прута и России, для которой он служит торговым складочным местом, наконец—его положение на большой дороге, соединяющей Балтийское море с Черным, должны были также привлечь к нему многочисленное население. Поэтому он, как и Бухарест, достиг цветущего состояния, хотя соединение двух румынских княжеств в одно государство и лишило его титула столицы. Построенные на последних разветвлениях обращенных к югу холмов, на маленькой, извивающейся в тени речке Балуй, Яссы представляют довольно грациозный вид, которому соответствуют и прекрасные внутренние кварталы. Население, в котором много евреев, армян, русских, цыган, татар и секлеров, представляет уже полувосточный характер; здесь как-будто находишься на пороге Азии. Церковь Трех Святителей, очень оригинальной архитектуры, представляет clief-d'oeuvre орнаментировки арабесками.

Все другие города Румынии также обязаны своим значением тому положению, которое они занимают на торговых пунктах. Ботошаны, на севере Молдавии, транзитный город для Польши и Галиции; то же самое можно сказать и о Фильтишени, в котором бывают многолюдные международные ярмарки. Барбоши является, главным образом, стратегическим пунктом, благодаря своим мостам на реке Серет. Торговле же обязаны своим возвышением и придунайские города: Галац или Галати, который считают древней колонией галатов и который ныне представляет главный торговый пункт на нижнем Дунае по экспорту хлеба; Браилов, представлявший бедную деревню, когда был турецкою крепостью, теперь-же весьма важный коммерческий пункт. До освобождения Болгарии он был центром болгарской печати и литературы. Ниже идут Гирсова, Черновода, Рассова,—все они на добруджинском берегу. Черновода представляет собою речной порт, связанный с Констанцой (Кюстенджи)—портом морским, железной дорогой. Стирбей или Каларази находится как раз напротив болгарского города Силистрии, близ которой стоит форт Араб-Табиа, знаменитый теми кровопролитными сражениями, которые происходили под его стенами при каждом нашествии русских. Постройка моста у Араб-Табии, проектированного Румынией еще в 1878 г., до сих пор еще, однако, отлагается по причинам дипломатическим. Журжево или Сан-Джоржио генуэзцев—порт Бухареста на Дунае и резиденция европейской коммиссии дунайских устьев: Турн-Северин—входные ворота Валахии к низу от великих теснин Дуная; Крайова, Пи-

1 Железные дороги в 1895 г. 2.604 кил., строющихся 637 кил. Телеграфы в 1894 г. 6.444 килом. Почтой переслано в 1894 г.: писем 20,3 милл.: произведений печати и образчиков товаров 12,2 милл. и посылок свыше полумилл. штук.

тешти, Плоешти, Бузео, Фокшаны—стоят при исходах дорог, идущих из верхних долин Трансильвании. Новый город Александрия, построенный среди равнин, простирающихся от Бухареста к Ольто, представляет складочное место земледельческих продуктов.

Прежде, во времена бесконечных средневековых войн, когда сильное стратегическое положение представляло больше выгод, чем удобство торговли, столицы «Домнии» строились в самом центре Карпат. Так, в тринадцатом веке столица была среди гор, в Кампу-Лунгу, которую заменила Куртея-Ардгеша, т.е. «двор Аргиса», основанная в начале шестнадцатого века князем Негоцем, или Ниагоном Бессарабою; от неё остались только монастырь и удивительная церковь, у которой стены, карнизы и четыре башни с блестящими оловянными крышами разукрашены, как изделие ювелира; нет ни одной индусской пагоды, которая была бы так нарядна, как этот большой византийский ковчег. Что касается прекрасного дворца, построенного *домнами* в третьей столице—Тирговиште на Яломице, то от него остаются только почернелые от пожара стены.

Приблизительное население главных городов Румынии в 1892 г.:

Валахия: Бухарест 221.000 жит.; Плоешти 35.000 жит.; Браилов 47.000 жит.; Крайова 30.000 жит.; Журжево или Журжа 21.000 жит.; Питешти 15.000 жит.; Бузео 17.000 жит.; Кампу-Лунгу 11.000 жит.; Александрия 17.000 жит.; Каларази (Стирбей) 5.000 жит.; Турн-Северин 5.000 жит.

Молдавия: Яссы 90.000 жит.; Галац 60.000 жит.; Ботошаны 31.000 жит.; Берлад 20.000 жит.; Фокшаны 17.000 жит.; Пиетра 20.000 жит.; Гуши 13.000 жит.; Роман 14.000 жит.; Бакау 15.000 жит.; Фельтишани 15.000 жит.; Догорой 10.000 жит.

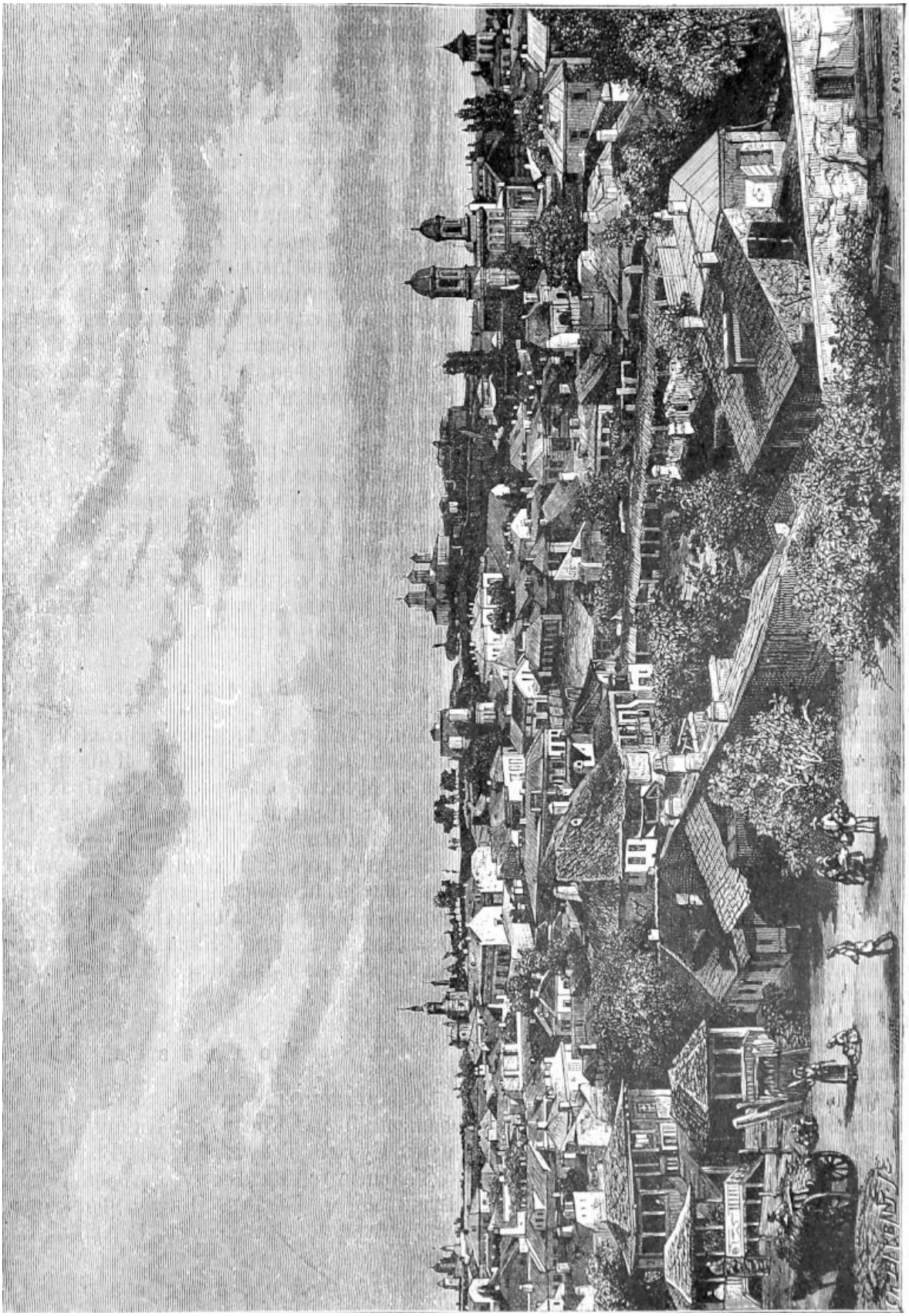
Добруджа: Тульча 12.000 жит.; Бабадаг 10.000 жит.

Румыния, составленная из двух больших княжеств, Молдавии и Валахии, и турецкой провинции Добруджа, представляет одно соединенное и независимое государство, под покровительством великих западных держав. Оно избрало себе наследственного князя из прусской фамилии Гогенцоллернов, который должен управлять им сообразно конституционным формам. Этот князь, провозглашенный в 1881 году королем, имеет право назначать должностных лиц на все общественные должности, производить во все военные чины, командовать армиею, чеканить монету, санкционировать законы или отказывать им в утверждении, миловать преступников или смягчать им наказания. При нем состоят министры. На содержание его ассигнуется ежегодно 1.200.000 франков.

Законодательная власть принадлежит двум палатам, составляемым посредством довольно сложной процедуры, благоприятствующей в особенности интересам богатых. За исключением наемной прислуги, все румыны, имеющие не менее двадцати одного года от роду и платящие государству какой бы то ни было налог, вносятся в избирательные списки, но разделяются на четыре коллегии, избирательные права которых весьма различны. К первой коллегии во всяком округе принадлежат избиратели, имеющие поземельного дохода от 3.300 франков и более; избиратели же, имеющие поземельного дохода от 1.100 до 3.300 франков, составляют вторую коллегию; к третьей коллегии относятся городские купцы и ремесленники, платящие не менее 29 франков налога, государственные пенсионеры, отставные офицеры, профессора и лица, имеющие университетские ученые степени; наконец, все остальные избиратели соединяются в четвертую коллегию. Первые две коллегии избирают по одному депутату от округа; третья, более многочисленная, избирает в маленьких местечках одного депутата, в более значительных—двух, в больших городах—трех, в Яссах—четырех и в Бухаресте—шестерых. Что касается четвертой коллегии, то она почти лишена прямого голоса: по закону каждые пятьдесят принадлежащих к ней лиц избирают известное число делегатов, которые уже, в свою очередь, избирают представителя; но на деле оказывается, что она почти совсем лишена избирательного права.

Сенат состоит преимущественно из представителей крупной земельной собственности. Депутат не обязан иметь ценза выше, чем у его доверителей, между тем как кандидат в пер-

вую камеру должен доказать, что он имеет по крайней мере 8.800 франков дохода, если только не занимал какой-нибудь высшей должности. Избиратели сенаторов разделяются в каждом округе на две коллегии: землевладельцев сельских и землевладельцев городских,



Бухарестъ.

имеющих, как те, так и другие, по крайней мере 3.300 франков дохода. В городах, где число избирателей не достигает сотни, они пополняются из менее состоятельных собственников, но меркою служит, во всяком случае, степень богатства. Кроме того, профессора университетов

в Бухаресте и в Яссах имеют право назначать от себя одного сенатора. Наследник престола, архиепископы и епархиальные епископы—состоят членами сената по праву. Каждое законодательное собрание существует четыре года, и в конце каждого периода все депутаты избираются снова; сенаторы же, избираемые на восемь лет, решают жребием, кому из членов каждого округа следует выбаллотировываться.

По букве конституции, румыны пользуются всеми правами и преимуществами, формулируемыми в документах этого рода: конституция предоставляет свободу ассоциаций и собраний; печать не стесняется ни предварительными разрешениями, ни цензурою, ни предостережениями; городское управление—выборное, как и мэры, и только в общинах, состоящих более чем из тысячи семейств, государь имеет право прямого вмешательства в выборы городских властей. Смертная казнь отменена и может применяться только в военное время. Образование свободное, даровое и обязательное «в тех обществах, где есть школы»; существует два университета—в Бухаресте и в Яссах[1]. Наконец, все вероисповедания свободны, хотя «восточно-православная» религия объявлена господствующею, и по старому, после Берлинского конгресса, утратившему свое значение закону, румынскими гражданами могут сделаться только христиане. Румынская церковь хотя и связана с Восточною в догматическом отношении, но совершенно независима от патриарха константинопольского и управляется сама собою посредством синодальных собраний. Во главе её стоят два архиепископа: бухарестский и ясский. В неупраздненных еще монастырях живут несколько тысяч монахов.

В судебном отношении страна разделяется на четыре округа апелляционных судов, находящихся в Бухаресте, Яссах, Фокшанах и Крайове. Кассационный суд заседает в Бухаресте. В 1865 г. в Румынии введены несколько видоизмененные французские кодексы.

Румынская армия в большей своей части организована по прусскому образцу. Все граждане обязаны служить в войске от двадцати до тридцати-шести лет: восемь лет в действующей армии и её резерве, восемь лет в ополчении и в запасе ополчения. В возрасте же от тридцати шести до пятидесяти лет жители зачисляются в национальную гвардию. Собственно действующая армия, численностью до 200.000 ч., разделяется на армию постоянную и территориальную. Первая не имеет определенных гарнизонов, и все люди находятся постоянно в строю, между тем как вторая пребывает в своей провинции и имеет только кадры и третью часть людей. В которую из этих армий должен поступить молодой человек—решает жребий; срок действительной службы в постоянной армии продолжается четыре года, в областной—несколько больше трех лет. Двинув все свои корпуса, Румыния легко может выставить в поле до ста тысяч человек. Кроме того, у ней есть свой небольшой флот, состоящий из пароходов и канонерских шлюпок, так что она может показываться в Черном море со своим флагом (в начале 1896 г. флот состоял из 25-ти судов).

Румынские финансы расстроены не особенно, хотя правительство и должно было жить постоянными займами, за которые оно платит, в среднем, по восьми процентов. Румынское государство пользуется кредитом, и займы его стоят хорошо на европейских рынках, потому что они обеспечиваются земельным залогом в виде более чем двух миллионов гектаров, составлявших часть огромных секуляризованных монастырских имений. Правительство продает из этих земель с аукциона ежегодно по несколько тысяч гектаров. Продажа соли и табаку составляет монополию государства.

По бюджету на 1895-96 г., как доходы, так и расходы исчислены в сумме 209.800.000 франков.

Государственный долг в 1895 г.: 1.178 миллионов франков.

В административном отношении Румыния, не считая Добруджи, разделяется на 30 дистриктов или департаментов. До войны 1878 г. она состояла из 164 округов или *плаз* и заклю-

1 Народное просвещение в 1891 г :
Начальных школ 3.566, с 220.600 учащихся; гимназий и лицеев 60, с 11.009 учащихся; университетов 2, с 960 учащихся.

чала из себе 62 общины городских и 3.030 сельских.

Валахия

Департаменты: Ардьеш, Браилов, Бузео, Дамбовица, Долье, Горджиу, Яломица, Мегединци, Мучель, Ольфов, Ольто, Прахова, Романешти, Рымник-Сарат, Вальцея, Телеорман, Влашка.

Главные города: Питешти, Браилов, Бузео, Терговист, Крайова, Тергутжиле, Калараш, Турн-Северин, Кампу-Лунгу, *Бухарест*, Слатина, Плоешти, Каракал, Рымник-Сарат, Рымник-Вальцея, Турн-Магурелли, Журжа.

Молдавия

Департаменты: Бакау, Догорой, Ботошаны, Фальчи, Яссы, Ковурлуи, Нямцу, Путна, Роман, Сучава, Текуч, Тутова, Васлюй.

Главные города: Бакау, Догорой, Ботошаны, Гуши, *Яссы*, Галац, Пиатра, Фокшаны, Роман, Фильтишени, Текуч, Берлад, Васлюй.

Добруджа

Казы (округи)—Килия, Сулина, Махмудиэ, Исакча, Тульча, Мачин, Бабадаг, Гирсово, Кюстенджи, Меджидиэ.

Глава VIII Сербия и Черногория

I. Сербия

До русско-турецкой войны, войны освободительной и поглотившей многие тысячи жизней на берегах Дуная и на Балканских переходах, Сербия была единственным славянским государством на Балканском полуострове, занимающим, более или менее значительное пространство, хотя в сущности ей принадлежала лишь небольшая часть северного склона гор, возвышающихся в центре полуострова. Отграниченная от Австро-Венгрии Дунаем и Савою, она со всех сторон открыта для Болгарии и Турции и вовсе не имеет естественных границ, на которые могло бы опираться её население. Большая центральная долина Моравы и долины Дрины и Тимока, ограничивающие Сербию—одна с запада другая с востока—точно также не составляют преград для иноземных вторжений, и в последнюю кампанию турецкия войска без малейших затруднений наводнили Сербию с востока. Гораздо лучше защищена страна с юга, благодаря тем горным массам, в которые упирается с этой стороны её граница.

Своего прежнего доминирующего положения среди других славянских народностей полуострова Сербия после Берлинского трактата не сохранила. До русско-турецкой кампании на нее были обращены взоры всего славянского населения Турции, от неё ждали политического освобождения, в ней должна была, по их мнению, вспыхнуть и разгореться заря свободы. Но теперь центр силы славян переместился, и Сербия заняла второстепенное место. Болгария превосходит ее народонаселением, энергией, влиянием, средствами и своей недавней победой, доказавшей её силу и слабость Сербии, еще более увеличила свое значение в среде балканского славянства.

Значительные ровные пространства страна представляет только по берегам Савы, где низменные равнины составляют собою южное продолжение бывшего моря, занимаемого ныне венгерским Альфельдом. В других же местах вся поверхность усеяна холмами, скала-

ми и горами, лабиринты которых были с трудом исследованы геологами[1]. Самая правильная из этих цепей та, которая составляет продолжение Трансильванских Альп через восточную Сербию, к югу от Железных Ворот и Казанской теснины. Её известковые слои совершенно соответствуют друг другу на обоих берегах реки, и главный хребет сохраняет одно и то же направление с северо-востока к юго-западу; средняя высота вершин, как на той, так и на другой стороне, одинакова и составляет около тысячи метров. К северу от этой гряды, в том углу, который образуют долины Дуная и Моравы, возвышаются многие другие вершины, с известковыми или шиферными утесами с вкрапленным порфиром. Эти горные группы, соответствующие богатым металлами горам Оравицы, расположенным по другую сторону Дуная, составляют обширную область сербских рудников, во многих долинах которой, как например в Майданцеке и Кучайне, разрабатывают медные, железные и свинцовые руды; но цинковые и серебряные копи оставлены. Долина Тимока, к югу от цепи Сербских Карпатов, точно также богата металлами, и золотопромышленники еще и ныне занимаются в ней промывкою песков. В то же время не много найдется долин, которые были бы так плодородны и красивы, как долина Тимока, и в особенности отличается красотою своих пейзажей бассейн Княжевац, орошаемый первыми притоками реки: его луга и плодовые сады оживляются ручьями, косогоры покрыты виноградом, а наверху всюду тянутся зеленые леса. Но эта очаровательная долина обращается вдруг в узкое ущелье, вырытое водами Тимока. Римские войска, которые должны были проходить чрез это дикое ущелье, чтобы выйти на Дунай, устроили здесь военную дорогу. У выхода из ущелья, в долине Зайчара. возвышается над всеми окрестностями укрепленный лагерь Гамзиград, порфировые стены и башни которого сохранились еще замечательно хорошо. К юго-западу от этого римского сооружения видна на горизонте одинокая пирамида, представляющая меловую глыбу, которую, по совершенной правильности профиля, также можно принять за произведение человеческих рук,—это Ртань или Ртани, у подошвы которой бьют теплые ключи Бани, самые целебные и наиболее посещаемые в Сербии.

Долина Моравы и её главного притока, Моравы болгарской, делит страну на две неравные части, горные группы которых не имеют между собою никакой общей связи. Берега Моравы, за исключением нескольких выступов, всюду представляют открытую естественную дорогу между Дунаем и внутренней Турцией, и меновая торговля, которую железная дорога, недавно сооруженная, сделает во сто раз обширнее, необходимо должна производиться при посредстве этой долины и пограничного города Алексинаца. Древняя столица Сербской империи Крушевац занимала совершенно центральное положение в средине бассейна сербской Моравы, недалеко от ущелья Сталат, где обе реки соединяются друг с другом при подошве одного выступа, увенчанного развалинами. Еще и теперь заметны остатки дворца сербских царей. Говорят, что во времена славы, предшествовавшие битве на Косовом поле, Крушевац имел не менее трех миль в окружности; теперь же он—жалкое местечко.

Между двумя Моравами возвышается самая замечательная горная группа Сербии, над которою господствует вершина Капаоник, представляющая высшую точку из всех гор, расположенных между Савою и Балканами. С её обнаженного и скалистого гребня можно любоваться одним из самых красивых видов на всем Иллирийском полуострове; благодаря изолированности этой горы, с неё виден к югу огромный полукруг равнин и долин, до самых вершин Скара и пирамид Дормитора. Но сам Капаоник некрасив. Его скалы, состоящие из гранита, порфира и в особенности из серпентина, имеют весьма унылый вид, особенно там, где они обезлесены. Долины серпентиновых гор не так плодородны и населены, как соседния местности; жители угрюмее и беднее своих соседей и большею частию страдают зобом. На территории, присоединенной к Сербии в последнее время, возвышаются другие горные группы и плоскогорья, высоты не меньшей Капаоника.

К северу от Капаоника, по обе стороны высокой долины Ибара, тянутся ряды гор, кото-

1 Пространство Сербии: в 1878 г. 37.560 кв. кил.; 1.353.900 жит., 36 чел. на 1 кв. кил. В 1894 г. 48.110 кв. кил., 2.256.084 жит., 47 чел. на 1 кв. кил.

рые еще сохранили свою красу дубов, буков и хвойных дерев. Эти альпийские виды сербской Моравы прерываются бассейнами Чачака, Карановаца и других, которые, по своему чрезмерному богатству, могут быть сравниваемы с равнинами Ломбардии; но к северу от этой реки снова возвышаются горы, которые, составляя продолжение цепи Капаоника, образуют горную группу Рудник, представляющую собою меловые скалы с возвышающимися местами гранитными куполами и с тесными и излучистыми ущельями. Эта трудно-доступная область, недавно еще сплошь покрытая дубами, и есть знаменитая Шумадия, или «область лесов», которая во время турецкого ига служила убежищем всем преследуемым райям и, во время войны за независимость, когда «всякое дерево превращалось в солдата», была настоящим оплотом сербской свободы. В одной из её долин стоит небольшой городок Крагуевац, который был столицею и плацдармом зарождающагося государства. В нем и теперь еще существует пушечная литейная, на которой употребляется каменный угол из бассейна Чуприя. Но подобное место могло быть естественным центром только для общества, находившагося в состоянии войны, поэтому, как только высшие интересы Сербии обратились к успехам промышленности и торговли, правительство должно было перенести свое местопребывание в Белград, этот прекрасный городок, построенный на последнем возвышении замирающих Шумадийских гор. Благодаря своему положению при слиянии Савы с Дунаем, на холме, с которого далеко виднеются обхватываемые двумя реками низменные земли Сирмии, Белград, древний Singidunum римлян, Alba Graeca средних веков, составляет в одно и то же время и важное торговое складочное место между Западом и Востоком, и в высшей степени важный стратегический пункт. В Белграде Венгерская железно-дорожная ветвь смыкается с Моравской. Железнодорожный путь проходит по мосту, переброшенному чрез Саву.

К западу от ряда тех высот, на северной оконечности которых стоит Белград, тянутся богатые равнины, орошаемые Колубарою, и волнистые холмы, на которых успокаивается взгляд после горных и скалистых видов; но далее к Дрине возвышаются, почти на тысячу метров, другие известковые вершины, которые на юго-западе соединяются с отрогами Капаоника. Эта часть Сербии, изрезанная расходящимися во всех направлениях долинами и наполненная горами с остроконечными гребнями, имеет весьма живописный вид. Сверх того, местность украшена старинными и древними крепостями, как например Ужица, обнимающими целый горный склон в своем лабиринте стен и башен. К сожалению, эти укрепления почти не доставляют защиты стране. Эта часть Сербии всего чаще подвергалась опустошениям во время войн настоящего века, и после пятидесяти лет мира она заселяется весьма слабо.

Главные высоты Сербии: Капаоник 1.892 метра; Стол, к югу от Железных Ворот, 1.250 метров; Ртань 1.233 метра; Белград 35 метров.

Некогда Сербия была одною из самых лесистых стран Европы; все её горы были покрыты дубами. «Кто убивает дерево, тот убивает серба», говорит одна прекрасная пословица, происхождение которой относится вероятно к той эпохе, когда угнетаемые райи спасались в лесах, а «священные деревья» служили им церквами; но, к несчастию, поговорка эта забывается: во многих горных местностях леса уже совершенно вырублены и утесы обнажены, как на Альпах в Карниолии и Далмации. Когда крестьянину нужен сучек или пук ветвей, он срубает целое дерево; пастухи, для поддерживания своего ночного костра, не довольствуются сухим валежником,—им нужен целый дуб. Величайшими после пастухов врагами лесной растительности являются козы и свиньи: первые из них общипывают молодые ветки, последние подрывают и обнажают корни деревьев. Упадет ли дерево, сломанное бурею, или срубленное дровосеками, его не заменяет ни один новый отпрыск. Правда, новые законы стараются оградить леса от варварского истребления, но они не применяются общинами и не имеют почти никакой силы. В некоторых округах топливо привозится из Боснии. Естественным последствием чрезмерного лесоистребления является ухудшение климата. По рассказам одного английского путешественника семнадцатого века, Эдварда Брауна, Морава в

большей части своего течения была судоходная, и множество торговых судов поднимались и спускались по ней во всякое время года. В настоящее же время количество несомых ею вод слишком непостоянно, чтобы возможно было организовать правильное судоходство. И это изменение в течении рек объясняется, быть может, тем же истреблением лесов на горах Сербии.

Лишая себя красы, больших лесов, Сербия по крайней мере избавилась от наводнявших ее диких зверей: весьма многочисленные когда-то волки, медведи, кабаны исчезли здесь, и те, которые встречаются еще по временам, приходят сюда вероятно из лесов Сирмии, переходя Саву по льду зимою. На полях Сербии царствует обыкновенно удивительное безмолвие; даже певчия птички здесь редки. Характер сербской фауны и флоры теряет свою оригинальность. Распространение возделываемых растений и домашних животных из Австро-Венгрии делает Сербию все более и более похожею по внешнему виду на южную Германию. Впрочем, климаты их мало отличаются друг от друга. Хотя Сербия лежит под тою же широтою, как и Тоскана, тем не менее она пользуется далеко не итальянскою температурою. Горные валы Далмации и Боснии лишают ее живительного влияния теплых и влажных юго-западных ветров, между тем как сухие и холодные ветры русских степей дуют свободно чрез валахские равнины, вдоль подножия Трансильванских Альп. Акклиматизироваться иностранцам здесь довольно трудно, вследствие резких переходов температуры.

Средняя температура в Белграде 9° Ц. Крайния температуры 41° и -16° Ц. Разница 57° Ц.

В Сербии живет лишь небольшая часть всех сербов восточной Европы; но, вероятно, не без основания, жители её считаются чистейшими представителями своего племени. Это вообще люди статные, сильные, широкоплечие; голову держат гордо, черты лица выразительные: нос прямой, часто орлиный; скулы немного выдавшиеся; волосы редко черные, весьма густые и хорошо причесанные; взгляд проницательный и строгий; усы представительные и придают всей фигуре воинственный вид. Женщины, хотя не обладают красотою, но имеют благородную осанку, и их полувосточный костюм отличается удивительною гармониею цветов. Некоторые сербки, даже в городах, съумели устоять против всемогущего влияния французской моды и носят еще свои красивые душегрейки, пояс, вышитую бисером и увешанную цехинами рубаху, маленькую шапочку, которую они носят на голове очень красиво и украшают бутоном розы.

К сожалению, обычай страны требует, чтобы сербская женщина имела богатые черные волосы и ярко-румяный цвет лица. Поэтому, как в деревнях, так и в городах, во всеобщем употреблении румяна и фальшивые косы, и даже крестьянки самых захолустных деревень красят себе волосы, щеки, ресницы и губы часто вредными, разрушающими здоровье веществами. Самые богатые поселянки стараются показать на платье свое богатство и поэтому портят свой костюм излишком золотых и серебряных прикрас всякого рода. В некоторых местностях невесты и молодые женщины носят такую странную прическу, которая непременно должна безобразит женскую голову. Волосы покрываются опрокинутым полумесяцем из картона, который украшен букетами, листьями, павлиньими перьями и искусственными розами с лепестками из серебряных денег. Под этим тяжелым украшением, обозначающим вероятно «тяжесть супружества», бедная женщина ходит переваливаясь и все-таки должна проносить этот праздничный убор целый год, часто до тех пор, пока не сделается матерью; во время пляски она должна подвергать себя мучениям, ибо этот груз скачет и бьет ее по голове при каждом движении. Но таков уже обычай.

Сербы занимают весьма почетное место среди народов Востока, как по благородству своего характера, так и по достоинству, с которым они себя держат, и по неоспоримой храбрости. Конечно, много нужно было пассивной энергии, чтобы противостоять в течение целых веков угнетению и завоевать себе независимость при условиях изолированности и бедности, в которых они находились в начале нынешнего века. От бывшего рабства у них остались, говорят, только леность и подозрительная осторожность, но они честны и правдивы: обмануть их трудно, но они не обманут никогда. Бывши равными между собою при господстве турка, они

остались равными и при общей свободе. «У нас нет благородных, повторяют они часто, потому что мы все благородны». К несчастью, за последнее время между ними стала развиваться страсть к чиновничеству и вредному для дела чванству. Они говорят, впрочем, еще до сих пор, друг другу по-братски «ты» на своем прекрасном, звучном и чистом языке, который весьма удобен для красноречия, и охотно дают друг другу имена ближайшего родства. Они даже колодника зовут братом. Еще недавно, когда приговоренный к тюремному заключению серб не видел в суде своих родных, его отпускали на честное слово проститься с семьей и, несмотря на свободу от всякого надзора, он аккуратно возвращался в тюрьму к назначенному сроку.

Семейные узы в Сербии отличаются прочностью, как и отношения дружбы. Хотя сербы вообще терпеть не могут произносить клятвы, тем не менее часто случается, что молодые люди, испытав друг друга в течение года, клянутся в братской дружбе, подобно братьям по оружию в древней Скифии, и это сердечное побратимство для них священнее кровного. О нравственной высоте сербов свидетельствует уже один тот факт, что их семейственный дух и уважение к дружбе не влекут за собою, как у соседей их албанцев, бесконечной взаимной мести. Серб храбр, всегда вооружен, но он мирен и вовсе не любит крови. И однако же он не совершенен, как и другие люди. Сколько еще рутины в деревнях, сколько невежества и суеверий! Простолюдины твердо верят в вампиров, колдунов, чародеев и, чтобы обезопасить себя от дурных влияний, старательно натираются чесноком в рождественский сочельник.

Земли в общем возделываются очень плохо, под культуру кукурузы и других хлебов, и даже можно сказать, что в некоторых округах поля и совсем оставались бы без обработки, если бы каждый год, в рабочую пору, не приходило в Сербию от 70 до 80 тысяч болгар-работников, которые к зиме возвращаются на родину, забрав сбережения крестьян-собственников.

Земледельцы в Сербии, как и во всех других странах южного славянства, владели и еще во многих местах владеют землею пообщинно. Они сохранили древнюю *задругу* в том же виде, как она была в средние века, и счастливее своих соседей, славонцев и далматских горцев, тем, что им не приходится бороться с путаницею, порожденною римским и германским правом. Напротив, сербский закон покровительствует древней форме землевладения и, в отношении наследств, ставит добровольно избранное, созданное ассоциациею, родство выше связей родства естественного. Сербский патриотизм требует также сохранения старинных национальных обычаев, и представители парламента, или скупштины, всегда стараются уважать славянский принцип общинного землевладения, видя в нем не без основания самое верное средство ограждения страны от пауперизма. Поэтому в Сербии можно изучать нормальный был землевладельческой общины. Нигде семейная жизнь не представляет столько радости, естественной простоты и внутренней нежности. Каждый вечер, после тяжелого дневного труда, является праздником: дети теснятся вокруг дедушки, слушают воинственные легенды из былых времен; молодые поют в унисон под аккомпанимент *гузлы*. Все, принадлежащие к общине, считаются членами одной семьи. *Старейшина*, или управитель общины, есть естественный опекун всякого ребенка и, как сами родители, обязан сделать из него «доброго, честного и полезного отечеству гражданина». И несмотря на все эти выгоды, несмотря на покровительство закона и общественнаго мнения, число задруг уменьшается с каждым годом. Торговля и промышленность и все усиливающийся вокруг них вихрь социальной и политической жизни нарушают обычный быт этих обществ, и их внутренния отправления становятся все труднее и труднее. Вероятно, они не будут в состоянии удержаться в своей настоящей форме. Ростовщичество поедает их. Разбогатевшие «одинокие» земледельцы (jednachi) переселяются в города, чтобы заняться там ростовщичеством. Благосостояние поселян, к несчастию, слишком охочих до праздников и забав, уменьшается таким образом год от году[1].

Страна населена не исключительно сербами: большая часть восточной Сербии принадле-

1 A. de Gerando: G. de Laveleye, и др.

жит этнологически завоевательному племени валахов. Зинзары, или южные румыны, издавна жили здесь мелкими колониями каменщиков, плотников и кирпичников, но в настоящее время их превосходят по численности северные румыны. После войны за независимость, большие опустошенные земли находились без хозяев, и сербскому правительству пришло на ум предложить их даром румынским крестьянам, которые обязались бы их возделывать. Множество валахов поспешили принять предложение и, убегая от «органического регламента», по которому родина обращала их в чистейшее рабство, вскоре населили покинутые деревни и вернули полям их культурный убор. Трудолюбивые, бережливые и более богатые детьми, чем сербы, румыны распространяются мало-по-малу, и некоторые их колонии уже перешли за Мораву: многие, когда-то сербские, деревни обратились в румынские, как в Банате и других южно-славянских странах; многие семьи, названия которых ясно указывают на их славянское происхождение, забыли своих предков и совершенно латинизировались. Румынские поселенцы много стараются о воспитании своих детей, и школы в их округах вдвое многочисленнее, чем в остальной Сербии, хотя обучение в них идет на славянском языке. Замечательно, что румынские поселенцы в Сербии имеют больше успеха, чем сами сербские переселенцы славяне, переселившиеся сюда из Венгрии и Славонии, чтобы избавиться от мадьярского правительства и присоединиться к независимой нации; вообще говоря, оно обеднели в своей новой среде.

Привлекаемые сербскою свободою, болгарские колонисты также переселились в долины Тимока и Моравы. Их ценят здесь за их трудолюбие, и те из них, которые сходят с внутренних гор для скудного заработка, как овернцы, возвращаются домой обыкновенно с значительными сбережениями. Город Белград снабжают овощами земунские болгары, приносящие их каждое утро на рынок столицы[1]. В восточной части Сербии некоторые клочки земли населены исключительно болгарами, которые, находясь под влиянием своих, более цивилизованных, соседей, отвыкают постепенно от своего природного языка. Во многих несомненно болгарских деревнях говорят только на языке страны, от которой они зависят политически: впрочем, и закон требует употребления в школах сербского языка. Граница языков мало отличается в настоящее время от политической границы между двумя странами, тем более, что новое разграничение присоединило к Сербии округа, где находятся почти исключительно болгарские поселения. Около Алексинаца, в небольшой боковой долине Моравы, есть также маленькая албанская колония. Кроме того, по всей стране рассеяно более тридцати тысяч цыган, которые почти все живут оседло и исповедуют греческую религию, как и сами сербы, главное занятие их—производство кирпича. Что касается испанских евреев, которых когда-то было очень много в Белграде, то они почти все удалились на австрийскую территорию, в Земун, или Землин, и теперь их заменили немецкие и венгерские евреи.

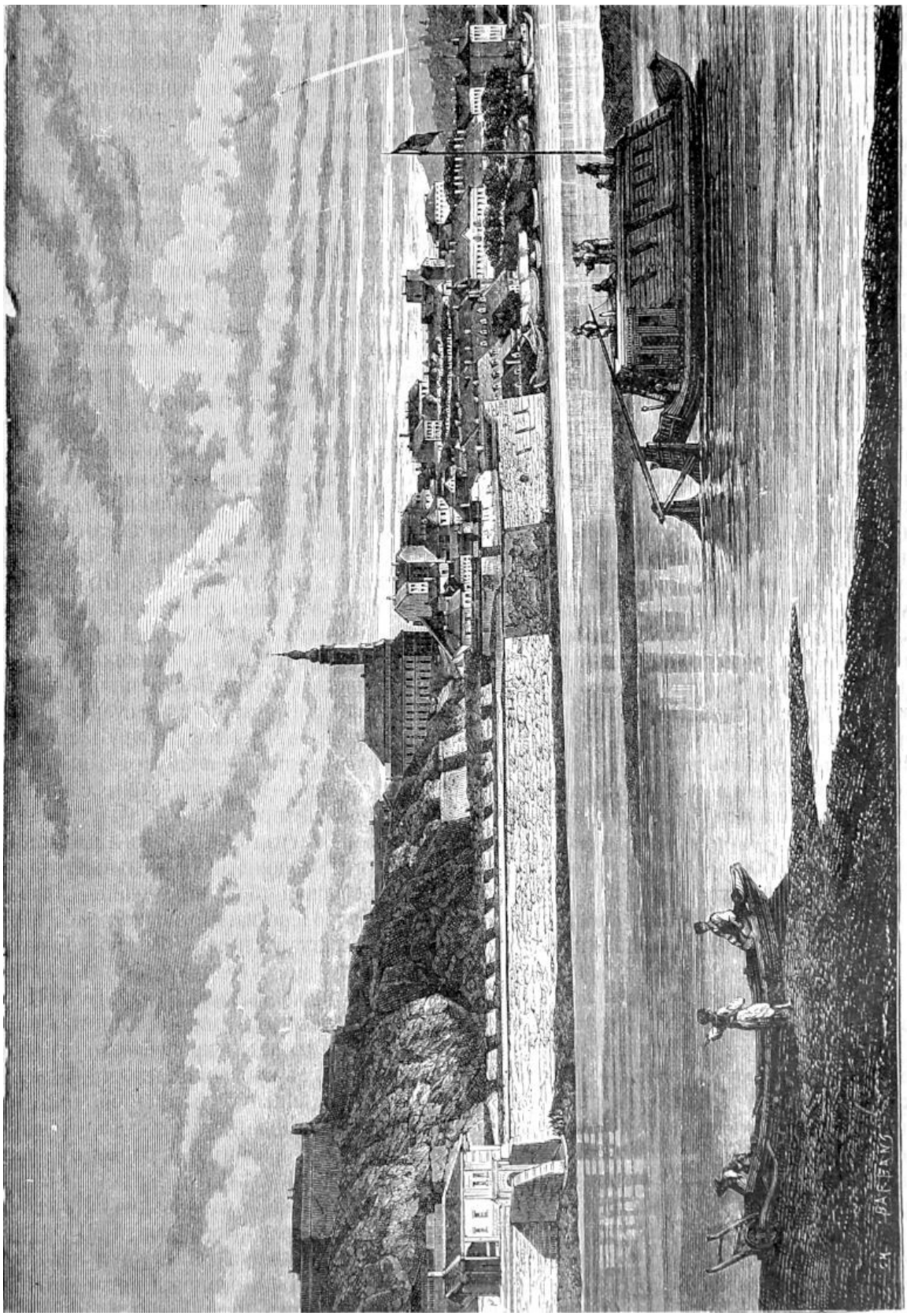
С начала независимости (с 1830 г.) население более чем удвоилось, не считая вновь присоединенных провинций и, благодаря перевесу рождений над смертными случаями, оно прибывает от 20.000 до 40.000 человек в год. Но все-таки нужно еще много, чтобы страна сравнялась по плотности населения с венгерскими и валахскими равнинами. Первобытное состояние деревенского хозяйства в Сербии доказывает и её вывоз, состоящий главным образом из плохо выкормленных свиней, отправляемых сотнями тысяч из Белграда и Смедерево в Германию. Продажа этих животных до недавнего времени составляла почти единственный доход крестьян: но в последние годы Сербия стала поставлять на рынки Западной Европы некоторое количество зерновых хлебов, сушеных плодов и вина,—последнего до миллиона гектолитров.

Торговля Сербии, значительно увеличившаяся за последнее время, должна возрасти еще более теперь, когда железная дорога соединяет Белград и долину Моравы с австро-венгерской сетью.

Внешняя торговля Сербии в 1894 г.: ввоз 34.881.000 франк. (динар.); вывоз 46.023.000 франк. (динаров).

1 E. de Laveleye, La Peninsule des Balkans.

Австро-венгерская часть в сербской торговле в 1891 г. 74 милл. фр.,в 1894 г.: 62 милл. фр.



Бѣлградъ.

Главные предметы экспорта в 1891 г.: животные и животные продукты 19.500.000 фр.; продукты садоводства и земледелия 25.000.000 франков. Железнодорожная сеть Сербии в 1893 г. 541 килом.; телеграфная сеть в 1894 г. 3.175 килом.; число депеш 898.535.

Промышленность страны, за исключением Белграда, находится еще в младенческом со-

стоянии. Серб жестоко ошибается, презирая все ручные работы, кроме земледелия; если он относится пренебрежительно к немцам, то, говорят, потому, что они являются в города Сербии в качестве ремесленников. Молодые люди, имеющие какое-либо образование, домогаются мест в администрации и тем способствуют развитию бича бюрократии. Но многие студенты, вернувшиеся из иностранных университетов, занимаются также распространением в стране образования, и в этом отношении страна достигает весьма больших успехов в сравнении с тем недавним временем (1839), когда сам государь сознавал, что он не умеет писать; успехи эти, можно сказать, громадны[1]. Школы и коллегии сделали Сербию, до освобождения Болгарии, умственным центром всей внутренности турецкого полуострова, и босняцкия и болгарские дети шли сюда учиться толпами. Конечно, кора невежества и старинные суеверия далеко еще не исчезли, но всякий серб знает, по крайней мере, одно—полную историю своих предков со времени пришествия славян в греко-латинский мир.

Снаружи Белград не дурен и имеет вид до известной степени внушительный, но внутри это—грязная деревня, случайно сделанная столицею королевства. Но перестройка и улучшение города идут весьма быстро. «Турецкий» Белград уже не существует: он заменен западным городом, как Вена и Буда-Пешт. На месте мечетей с минаретами и куполами возвышаются дворцы европейского стиля; старые кварталы с кривыми улицами перерезывают великолепные бульвары; на той площади, где турки ставили столбы с окровавленными головами, разбит прекрасный парк. Шабац на Саве сделался также, как говорят его жители, «маленьким Парижем». Точно также преобразовался и Пожаревац на Дунае, известный в истории трактатов под именем Пассаровица. Смедерево (Семендрия), в котором подан был сигнал к борьбе за независимость в 1806 г., должен был выстроиться заново, так как во время войны был весь разрушен: доминируемый своей внушительной крепостью, он соединен с Моравской железной дорогой ветвью, проходящей через богатые виноградники древней *mons aureus*, вино которых, почти черное, вывозится для купажа. Во внутренних местностях перемены идут медленно, но, тем не менее, совершаются, благодаря дорогам, которые начинают покрывать своею сетью всю страну. И другие города—Ягодина, Чуприя, Паратин, Алексинац, в долине Моравы, промышленный Пирот, «город ковров», Лесковац, Вранья, особенно Ниш, главный город южной Сербии и значительный промышленный центр, также, без сомнения, скоро примут вполне европейский вид. Близ Ниша видна еще «Башня черепов», которая некогда была унизана головами казненных христиан. В политическом отношении Сербия представляет наследственную монархию, государственное устройство которой похоже на устройство других представительных монархий Европы. *Король* управляет страною при посредстве ответственных министров, издает законы, вырабатывает их вместе с сенатом, или государственным советом, назначает чиновников на государственные должности, командует войском, подписывает трактаты. Получает он на содержание двора 1.200.000 франков. В случае неимения нисходящего потомства мужского пола, наследник ему выбирается непосредственно сербским народом. *Скупщина*, или национальное собрание, происхождение которой восходит к первым временам Сербской монархии, состоит из 174 членов, четверть которых назначается непосредственно государем. Всякий совершеннолетний гражданин, платящий налог, может быть избирателем; следовательно, подача голосов почти всеобщая. Кроме этого национального парламента, которому, совместно с королем, принадлежит законодательная власть, каждая коммуна, или *община*, состоящая из различных семейственных ассоциаций, имеет свой маленький парламент, который в местных делах пользуется почти абсолютною автономиею. В этих-то деревенских собраниях и складывается общественный дух и подготовляются ноты скупщины. На случай важных политических событий конституция предусматривает избрание чрезвычайной скупщины, состоящей из учетверенного числа членов. До 1875 г. Сербия была единственным государством во всей Европе, не имевшим государственного долга; но во время двух последних войн—с Турцией и с Бол-

1 Число начальных школ в 1892 г. 803, с 75.280 учащихся, и средн, учебн. завед. 31, с 7.000 уч. Главная школа в Белграде 560 учащихся.

гарией—ей пришлось заключить займы[1]. Кроме того, она должна была принять на себя часть турецкого долга, соответствующую капитализации её прежней дани и пространству уступленных ей Турцией земель.

Все вероисповедания свободны, но религия греко-кафолическая считается государственною. Главою её номинально признается патриарх константинопольский, но в 1832 году сербская церковь снова приняла титул «автокефальной», каковою она уже была с 1221 по 1765 г. Управляется она самостоятельно синодом, состоящим из архиепископа белградского, митрополита сербского, и трех епархиальных епископов: ужицкого, неготинского и шабацкого. Митрополит назначается непосредственно королем, и, вместе с синодом, замещает вакантные должности, но под условием королевской санкции. Высшие духовные должностные лица получают жалованье, простые же священники живут случайными доходами. Монахи, которых, впрочем, весьма немного, пользуются доходами с принадлежащих монастырям земель; но недавним решением скупщины упразднены все монастыри, за исключением пяти, в которых монахи будут жить до самой своей смерти. Доходы же с бывших монастырских имений должны употребляться на содержание школ. Новая монетная единица—динар, равный франку.

С 1889 г. в Сербии введена всеобщая воинская повинность. Однако, так называемая постоянная армии не превышает численностью 17.000 человек. На случай войны, армия эта может быть немедленно доведена до 90.000 человек по меньшей мере, посредством первого призыва, которому подлежат все сербы, обязанные еще сроком действительной службы. Этот призыв мобилизуется немедленно. Затем идет второй призыв, могущий собраться под знамена в продолжение одного месяца. В случае крайней опасности Сербия может выставить до 337.000 человек.

В административном отношении Сербия разделена на 21 департамент (*окружье*), заключающие в себе 81 уезд и 1.400 общин.

Собственно Сербия

Окружья	Главные города.		Уезды.	Общины.
Алексинац	Алексинац	6.000 жит.	3	44
Белград	Белград		5	56
Черна-Река	Зайчар	6 000 жит.	2	76
Ягодина	Ягодина	5.000 жит.	4	68
Княжевац	Княжевац	5.000 жит.	2	53
Крагуевац	Крагуевац	13.000 жит.	4	28
Крайна	Неготин	5.000 жит.	4	71
Крушевац	Крушевац	7.000 жит.	4	56
Подрины	Лосница		3	28
Пожарев	Пожаревац	11.000 жит.	7	150
Рудник	Милановац		3	47
Шабац	Шабац	10.000 жит.	3	47
Смедерево	Смедерево	7.000 жит.	2	54
Чачак	Чачак		4	49
Чуприя	Чуприя		2	70
Ужица	Ужица	7.000 жит.	6	83
Валиево	Валиево	6.000 жит.	4	68
Бел. (гор.)	Белград	54.000 жит.	1	1

Присоединение

Окружья		Число жителей
Ниш	Ниш	20.000 чел.
Пирот	Пирот	10.000 чел.
Вранья	Вравья	10.000 чел.
Топлица	Лесковац	12.000 чел.
Насел. Сер.	31 дек. 1895 г.	2.314.153 чел.

1 Сербский бюджет 1895 г.: Доходы 63.755.600 фр. Расходы 63.623.868 франков. Государственный долг 360 511.600 фр.

II. Черногория

Эта страна Иллирии известна на Западе вообще под итальянским именем Монтенегро, которое дала ей некогда Венеция и которое, впрочем, составляет перевод туземного славянского слова Черна-гора, т.е. «Черная гора». Но какого происхождения это, повидимому, странное название, прилагаемое к известковым горам, белый или сероватый цвет которых прежде всего кидается в глаза подъезжающему к ним по Адриатическому морю путешественнику? Одни полагает, что слово Черная гора следует понимать в фигуральном смысле, и что оно обозначало «Гору ссыльных» или «Гору страшных людей»; другие же думали, что оно происходит от скал, которые теперь голы, но некогда были темные от хвойных лесов. В конце пятнадцатого века, сербский воевода Чероевич, спасаясь от мести турок, укрылся с семьей и приверженцами на р. Ободе, впадающей в озеро Скодра. С этих пор Обод стал называться Чероевич. Несколько времени спустя, воевода опять переселился и укрылся в Зетской Планине, названной поэтому сначала Чероевой Горой, а потом Черной-Горой[1].

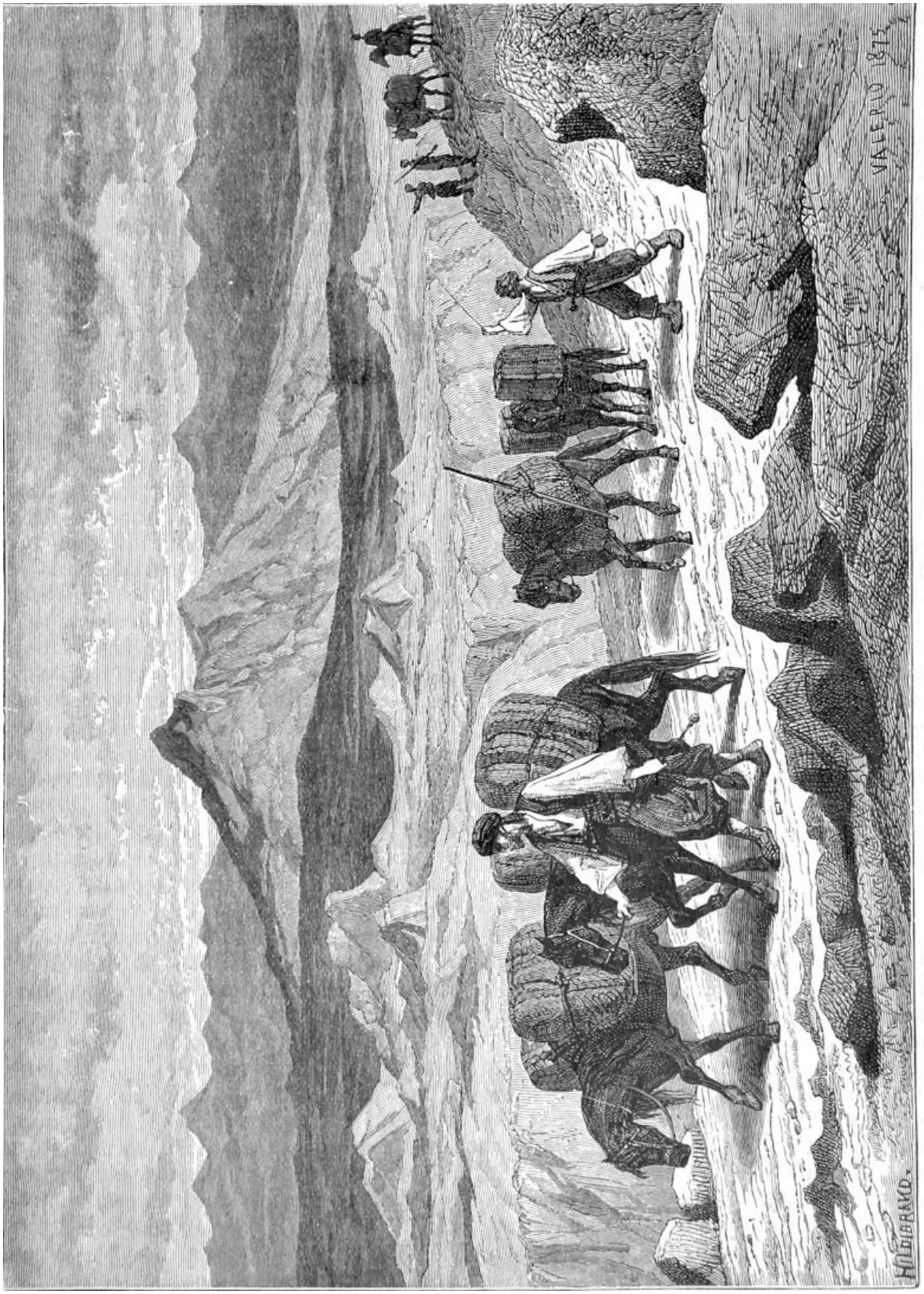
Черногорцы никогда не были порабощены турками. Все велико-сербское царство подверглось нашествию османлисов, и только одни черногорцы могли сохранить свою независимость, благодаря естественной горной крепости, в которой они находили себе убежище. Они часто имели покровителей; еще в давния времена они были под покровительством Венецианской республики, но не зависели от неё; они не склонились пред султаном и, благодаря частию силе своего оружия, частию поддержке иностранных держав, продолжают владеть своими высокими долинами Иллирийских Альп с полною самодержавностию. Но эти, покровительствующие им и составлявшие их силу против неприятеля, горы составляли также их слабость, отрезывая их от остального мира и удерживая их, при отсутствии сообщения, в состоянии первобытного варварства. С одной стороны, черногорцы были отделены от своих сербских братьев оградою весьма высоких горных вершин и полосою турецкой территории: с другой—австрийские горы, при выходе у Каттаро, заграждали им доступ к Адриатическому морю: их собственным морем было маленькое озеро Скодра (Скутарийское), питаемое национальною рекою Зетою, которая сливается с Морачею.

Восточная часть Черногории, называемая Берда или Брда, в которой протекает Морача со своими притоками, относительно еще довольно доступна. Её долины, над которыми с севера возвышаются доломитовые пирамиды Дормитора, а с востока округленная масса Кома, похожи на долины большей части горных стран и представляют те же котловины, переходящие последовательно в узкия ущелья, ту же извилистость, те же боковые долины, те же рвы, в которых соединяются первые воды потоков. Но западная часть страны, собственно «Черная Гора», представляет совершенно иной вид. Это—лабиринт впадин, долинок, простых ям, отделенных одна от другой известковыми валами неравной высоты, которые усажены остроконечными вершинами, изрыты пропастями и изрезаны во всех направлениях щелями, в которых пресмыкаются змеи. Только одни горцы и в состоянии не заблудиться в этом безвыходном лабиринте. «Когда Бог создавал мир», говорят они в шутку, «у Него в руках был мешок с горами, но этот мешок прорвался как раз над Черногорией, и из него выпала эта ужасная масса скал, которые вы видите».

Если бы посмотреть на Черногорию сверху, то она представилась бы в виде «громадной соты с тысячами ячеек», или в виде ткани с тысячами клеточек:—такое множество скалистых котловин вырыто на плоскогории дождевыми водами, которые уносятся отсюда либо широкими долинами, либо узкими *рудинами*, представляющими собою настоящие колодцы. В очень дождливые времена воды эти собираются во временные озера, заливающие луга и нивы; обыкновенно же они стекают непосредственно сквозь кустарник в сточные ямы известковых скал и вытекают наружу в виде тех прекрасных источников голубой воды, которые струятся из подошвы гор на берегах Каттарского залива. Сама Зета, река по преимуществу черногорская, образуется из ручьев, которые на севере поглощаются воронками в доли-

1 Дучич, Crnagora.

не Никшица и текут по неизвестному ложу под горою Планиницею. Карниольское плоскогорье, некоторые местности французских нижних Альп и многие другие горные страны имеют такое же ячеистое строение, как и Черногория: но нигде нет такого множества мелких



Турецкіе погонщики муловъ изъ Герцеговины.

котловин, соединенных в обширную систему, как здесь. Эти неровности плоскогорья, эти бесчисленные спуски и подъемы тем более утомляют путешественника, что дороги представляют собою или скверные тропинки по катящимся камням, или скалистые лестницы с про-

пастями по краям. Самая столица Черногории, маленькое местечко Цетинье, в котором считается немногим больше ста домов, расположена в горах, в одной из долин озерного происхождения и, чтобы добраться до нее, надо карабкаться по крутизнам. Недавно еще черногорцы опасались улучшать дороги, боясь облегчить доступ к своим деревням, ибо где может проехать повозка, там неприятель провезет и пушки. Впрочем, требования торговли и приличий маленького черногорского двора заставили недавно устроить проезжую дорогу из Цетинье в Каттаро.

Хотя жители Черной Горы и братья дунайским сербам, но отличаются от них своеобразными чертами, которыми они обязаны бесконечным битвам, возвышенности и суровости питающей их почвы, а также и соседству с албанцами. Черногорец не имеет той спокойной поступи, как серб равнины: он буен и сварлив, всегда готов схватиться за оружие; за поясом у него целый арсенал пистолетов и ножей: он даже пашет с карабином за плечом. Недавно он еще любил кровь: всякая царапина требовала кровавой отплаты, за рану платилось раною, за смерть смертью. Месть между различными семьями переходит из поколения в поколение до тех пор, пока число голов с той и другой стороны не достигнет приличных размеров, или пока не будет уплачено достодолжным образом денежное вознаграждение, определяемое обыкновенно третейскими судьями в 10 цехинов за «кровь». В наше время случаи наследственной мести стали редки, но изданный князем в замену обычного нрава закон должен был выказать ужасную жестокость: убийцы, изменники, бунтовщики, беглецы из военной службы, воры, попавшиеся во второй раз, поджигатели, детоубийцы, виновники в оскорблении величества, в кощунстве—все одинаково приговариваются к расстрелянию. В сравнении с дунайским сербом, черногорец еще варвар. Он и не так красив. Женщины не отличаются правильностью и благородством черт, как их сербские землячки, но они грациознее и эластичнее их в своих движениях. Они очень плодовиты, и когда семья слишком велика, то один или несколько детей часто усыновляются друзьями дома.

До нашествия османлисов верхния долины Черногории были еще необитаемы: по лугам и лесам бродили только пастухи и бандиты; но жители нижних долин, во избежание рабства, принуждены были искать убежища среди этих высоких скал, в суровом климате высот, и поддерживать здесь свое существование обработкой земли и разведением скота, а часто и разбоем. Варварский способ обработки и без того мало плодородной земли доставляет черногорцам скудные жатвы, страна же населена непропорционально её слабым средствам, так что неурожаи часто доводят жителей до совершенного голода. Прежде бедность еще более увеличивалась, благодаря множеству ускоков, т.е. босняцких беглецов, спасавшихся от турецкого ига, ибо часть обработанной земли, приходящейся на долю каждого, соответственно уменьшалась. Пахотную землю пришлось делить на множество мелких клочков, составляющих отдельную собственность; луга же остаются еще в общем владении, согласно старинному сербскому обычаю. По оффициальной переписи, в Черногории около двух сот тысяч жителей, но число это, вероятно, немного преувеличено для устрашения турок фантастическим количеством солдат, как это делается иногда на батареях, где бревна изображают собою жерла пушек; но если бы на самом деле черногорское население не превышало ста сорока тысяч человек, то оно все-таки было бы слишком значительно для этой маленькой горной страны[1].

Таким образом, набеги черногорцев в соседния долины были, так сказать, следствием экономической необходимости. Часто приходилось выбирать одно из двух: или умирал с голоду, или на поле сражения, и черногорцы предпочитали последнее. Насильственная смерть их пугала так мало, что они желали её новорожденным: «Дай Бог, чтоб не умирать ему в постели!»—произносили родители и друзья у колыбели ребенка. И если с кем-нибудь случалось несчастие умереть от болезни, или от старости, то род смерти обыкновенно скрывался под смягченным выражением: «Его убил старый убийца!»—так старались извинить умершего.

1 Пространство Черногории 9.080 кв. килом. Население в 1893 г. 236.000 душ. Километрич. население 21 ж

Военные, экспедиции черногорцев, совершавшиеся ежегодно до тех пор, пока не положила им конец Европа, были в действительности сбором жатвы вооруженною рукою. Набеги на север, в Герцеговину, в долины Грахово и Накшич, делались для поддержания существования; попытки завоевать плодородные земли на нижней Мораче и на берегах озера Скодры делались из-за хлеба; точно также для обеспечения своего существования, черногорцы заняли в 1806 и 1813 гг. устье Каттаро и не переставали требовать себе маленького порта Спицы, который доставил бы им доступ к морю и дал бы возможность провозить свободно соль, порох и другие предметы, продаваемые им каттарскими купцами в три-дорога. В виду этой же действительной необходимости был отдан им берлинским трактатом порт Антивари и предоставлена полная свобода навигации по Бояне. По настоянию же европейских держав, главным образом России, был им уступлен албанцами порт Дульциньо, впрочем, менее утилизируемый, чем Каттарский. Необходимость заставляла иногда черногорские семейства обработывать землю под пушками турецких крепостей; гарнизон обстреливал их сверху, а пахари держались на своем посте, и кто бежал, тот должен был платить большой штраф и надевал женский передник. Но когда вся Европа вмешалась в происходившие при всяком случае столкновения между черногорцами и их соседями-мусульманами,—граница Черногории была строго определена, и Черногория теперь стала довольно безопасна, так что путешественники без боязни могут пускаться в недавно еще недоступные местности на востоке Черногории. Горные жители принуждены вступать иногда в сношения с своими соседями равнины: летом они позволяют жителям побережья приводить свой скот на их высокие пастбища, а зимою—они сами спускаются к ним, и их принимают дружески.

Законная торговля способствует также прокормлению черногорцев. Черногория доставляет в Триест и Венецию копченую козлятину и баранину, которая требуется там для снабжения флота, и отправляет ежегодно около 200.000 голов мелкого скота, а также кожу, сало, соленую рыбу, сыр, мед, порошок от насекомых. Ежегодный сбыт её произведений простирается до пяти миллионов; эта экспортная торговля ведется большею частию за счет самих черногорцев, которые вступают в товарищество с судохозяевами Каттаро. Кроме того, черногорец, как и сосед его албанец, отправляется в большие города на заработки, которых он никогда не имеет в своей стране. В Константинополе черногорских выходцев целые тысячи: они занимаются там ремеслами носильщиков, землекопов, садовников, и при том живут в добром согласии со своим «исконным врагом»—турком. В мирное время они расходятся по всем большим городам Оттоманской империи и довольно многочисленны даже в Египте.

Единственные иностранцы, которые живут в Черногории значительными группами,—это цыгане; впрочем, они совершенно похожи на местных сербов: у них тот же язык, та же религия, те же нравы, и отличаются они только ремеслом, ибо все они кузнецы и слесаря. Ни один черногорец не стал бы заниматься этим презренным делом. Все цыгане держатся особняком и не имеют права брать себе жен из сербских семейств.

Правительство в Черногории представляет странную смесь демократии, феодализма и неограниченной власти. Граждане носят оружие и относятся друг к другу как равные, но на самом деле они далеко не равны. Различные классы нации всегда подчиняются авторитету влиятельных фамилий: государь же, в свою очередь, поддерживаемый влиянием России и получающий от неё денежные пособия, не преминул сосредоточить в своей особе все власти. Со времени итальянской войны в 1866 г. Австрия также выдает Черногории субсидию в 40.000 фр. На свое содержание князь получает около 100.000 гульд.; доходы Черногории простираются до 600.000 гульд. Сенат, или совет, который помогал князю в вырабатывании декретов, заменен ныне государственным советом, в котором заседают пять министров. *Скупщина* составляет простое собрание старейшин от колен, собирающихся выслушать «тронную речь» князя. Впрочем, с 1851 г. князь перестал соединять титул епископа или *владыки* с титулами верховного судьи и главного начальника войск. Правила греческой церкви запрещают епископам вступление в брак; поэтому князь Данило, чтобы жениться,

должен был передать епископство одному из своих двоюродных братьев.

Вся Черногория имеет военное устройство, почти такое же, какое имели еще недавно «Границы» австро-венгерских Кроации и Славонии. Население разделяется на воинские группы, готовые выступить по первому сигналу. Все начальники, воеводы, капитаны, сотники, десятские—представляют в одно и то же время и гражданских администраторов, и судей. Они налагают штрафы и получают из них свою часть.

В военном и административном отношениях страна разделяется на восемь *нахий*. Четыре из этих нахий, а именно: Белопавличка, Пиперска, Морачка и Кучка, находятся в долине Морачи и составляют Берды; четыре же другия—Катунска, Речка, Черница и Лешанска—занимают высокие плоскогория и образуют собственно Черную Гору. Все нахии, за исключением одной, разделяются на колена, состоящие из совокупности нескольких «родов», подразделяющихся, в свою очередь, на семьи.

Глава IX Италия

I. Общий вид

Итальянский полуостров представляет одну из стран, особенно резко ограниченных самою природою. Ограничивающие ее с севера Альпы возвышаются непрерывною стеною, которая тянется от лигурийских мысов до гористого полуострова Истрии и не имеет никаких брешей, кроме проходов, расположенных еще в поясе сосновых лесов, лугов или снегов. Таким образом, Италия, как и два другие южные полуострова Европы, Греция и Испания, была небольшим отдельным миром, назначенным уже по самой своей форме служить ареною особенной эволюции человечества. Латинский полуостров совершенно отличается от всех заальпийских стран не только рельефом почвы, но и прелестью своего климата, красотою неба и богатством полей. Перейдя раздельный хребет и начиная спускаться по солнечным склонам, человек замечает, что вокруг него все изменилось, что он попал на новую землю. Контраст этот еще больше даже той противоположности, которая в большей части стран земли существует между островами и соседним материком.

Итак, Италия, благодаря защищающему ее валу Альп и окружающим ее морям, представляет собою, так сказать, совершенно отдельную географическую особь. Все её пейзажи, от равнин Ломбардии до берегов Сицилии, имеют сходные черты и освещены одинаковым светом: они представляют как бы один фамильный тип; но сколько дивных противоположностей, сколько живописного разнообразия в этом великом единстве! И главный агент всех этих противоположностей—есть Апеннинская цепь, примыкающая к южной оконечности французских Альп. Сперва она тянется вдоль моря, как громадная стена, опираясь местами на могучия предгорья, а затем описывает чрез Итальянский полуостров огромную дугу и идет то съуживаясь в гребень, то расширяясь в узел, то расплываясь в плоскогорье, или разветвляясь на второстепенные цепи и выступы. Ее перерезывают во всех направлениях речные долины и равнины, у подошвы её утесов расстилаются озерные бассейны, то наполненные еще водою, то уже загроможденные наносами; над равнинами возвышаются вулканические конусы, правильная форма которых так резко отличается от неправильных откосов Апеннин. Море, то привлекаемое, то отталкиваемое извилистостью полуостровного рельефа, изрезывает побережье рядом бухт, следующих одна за другою с известною ритмичностью; почти все они образуют правильные дуги от одного мыса к другому. На севере полуострова они слабо врезываются в землю, но на юге они вдаются глубоко и закругляются в настоящие заливы. Эти бухты, в географическом смысле, представляют обвалы берегов по линии, па-

раллельной цепи Апеннин, почти под прямым углом к другой линии обвалов, образуемой берегами Иберии[1]. Впрочем, эта форма полуострова относительно недавняя: некогда существовала, вероятно, гранитная Италия, но теперь её нет, и почти вся нынешняя Италия имеет новейшее происхождение, как это свидетельствуют скалы Апеннин, параллельные цепи и посредствующие равнины. Лишь в эоценовую эпоху отдельные островки соединились в сплошной полуостров.

В сравнении с так причудливо изрезанною и изорванною Грециею Италия отличается большею умеренностью очертаний. Горы её тянутся более правильными цепями, берега её изрезаны не так глубоко, острова её маленьких архипелагов, которые можно сравнить в некотором роде с кругом Циклад, немногочисленны; её большие острова имеют почти геометрические очертания и совершенно континентальный вид. По общему очертанию своих берегов, Италия представляет именно переход от веселой Греции к серьезной Иберии, представляющей собою уже почти африканское плоскогорье. Географическое положение Италии, таким образом, соответствует развитию её форм.

В целом Итальянский полуостров представляет замечательную противоположность с полуостровом Балканским; последний обращен преимущественно к Эгейскому морю и смотрит на восток, между тем как собственно полуостровная часть Италии, к югу от ломбардских равнин, оживлена гораздо более с западной стороны: берега Тирренского моря представляют наибольшее число безопасных портов; к этому же морю, имеющему свободное сообщение с океаном, открываются самые обширные и самые плодородные равнины, и потому местности, лежащие на западной стороне Апеннин, прокармливали самое деятельное, самое интеллигентное население, политическая роль которого была наиболее значительна. Западная сторона—это сторона света, между тем как адриатический склон, обращенный к почти закрытому морю, составляющему простой залив, может быть назван стороною тени. Правда, на востоке южной оконечности полуострова равнины Апулии богаче и населеннее горных местностей Калабрии, но, тем не менее, соседство Сицилии должно было, в конце-концов, обеспечить преобладание западному побережью. Во времена великого влияния Греции, когда точкою отправления всякой инициативы служили Афины, города Малой Азии и острова Эгейского моря, неоспоримое преимущество над городами западного берега имели республики, обращенные к востоку,—Тарент, Локры, Сибарит, Сиракузы, Катана. Тарентским заливом и восточными берегами Великой Греции Италия была совершенно открыта греческому влиянию; именно с этой стороны она получила великий толчек жизни. Далее, к северу, полуостров, так сказать, оборачивается к западу, чем значительно облегчилось дальнейшее движение идей к Западной Европе: благодаря этому строению почвы, совершался переход через Апеннины, с одного склона на другой. Физическая конфигурация Италии много помогла историческому движению цивилизации, направившемуся с юго-востока на северо-запад, от Ионии к Галлии.

Италия была центром цивилизованного мира в течение почти двух тысяч лет, от падения Карфагена до открытия Америки. Гегемонию свою она поддерживала то силою завоевания и организации, как это делал «Вечный Город», то, как во времена Флоренции, Генуи и Венеции,—силою гения, относительною свободою учреждений, развитием наук, искусств и торговли. Главные деятели двух великих исторических событий: политического объединения средиземных народов под властью Рима и, позднее, обновления человеческого духа, так удачно названного «Возрождением», принадлежали Италии. Поэтому важно выяснить те условия географической среды, которым обязан латинский полуостров преобладающею ролью, которую он играл в мире в течение этих двух периодов жизни человечества.

Момзен и другие историки указывали счастливое положение Рима, как торгового рынка. Действительно, с первых времен своей истории, он был складочным местом товаров для всего соседнего населения. Расположенный в центре круга, образуемого холмами, на берегах судоходной реки, он обладал еще тем преимуществом, что стоял на общей границе трех на-

1 Ed. Suse. Das Antlitz der Erde.

родностей—латинян, сабинян и этрусков, и поэтому, когда он, благодаря завоеванию, стал хозяином всей окружающей страны, значение его, как торгового места, не могло не сделаться важным. Но как бы ни было велико значение этой местной торговли, одного этого было еще не достаточно для того, чтобы Рим сделался всемирным городом. Город этот не имеет такого исключительного положения, как Александрия, Константинополь или Бомбей, которое делает их пунктами неизбежного стечения товаров целого мира. Для общей торговли он расположен даже довольно дурно. Высокие Апеннины, окружающие полукругом область Рима, недавно еще были трудным для перехода валом, и купцы старались избегать его; прилежащее к Риму море негостеприимно, а порт Остия представляет лишь плохую гавань, в которую не могли входить без опасности даже маленькия галеры древнего времени. Если бы не человеческий труд, не прорытие морского канала, искусственных бассейнов, не устройство набережных и плотин,—устье Тибра никогда не могло бы служит для большой торговли. В настоящее время действительными портами Рима служат другие города: Чивита-Веккия, Санто-Стефано, Неаполь и Анкона.

Поэтому положение Рима, как торгового центра, может только отчасти объяснить могущество этого центрального города. Истинную же причину величия Рима, давшую ему изумительную силу для политической ассимиляции древнего мира,—независимо от причин, кроющихся в историческом движении самого народа,—составляет абсолютно центральное положение, которое он занимал по отношению к трем большим концентрическим кругам, соответствующим, для вечного города, трем фазисам его исторического развития. В первые времена борьбы за существование с соседними республиками, тот народец, который был предком гордых римских граждан, находился, по счастию, в центре хорошо ограниченной равнины, которую окружают хотя невысокие, но достаточно защищающие от внезапного нападения горы. Когда Рим, восторжествовавший после нескольких веков борьбы над всеми своими соседями, подчинил или, вернее, истребил окрестных горцев, он уже сделался заранее распорядителем всей остальной Италии, так как занимал географическую её средину, центр естественного тяготения. К северу простирались обширные равнины Циспаданской и Транспаданской Галлии, к югу—гористые области, усеянные препятствиями; но и с этой стороны не могло быть серьезного сопротивления, ибо варварские народцы этих плоскогорий и гор были в непосредственном соседстве с просвещенными гражданами греческих городов по окраине полуострова. Между этими двумя столь различными элементами невозможен был союз против общего неприятеля, и даже сами эллинские города, рассеянные на огромном протяжении побережья, не умели соединиться для сопротивления. Итальянские острова, Сицилия, Корсика, Сардиния, были населены недостаточно сплоченным населением, чтобы противиться могуществу римлян. Таким образом, к первоначальному владению, которое можно назвать кругом роста, присоединяется второй круг, круг завоевания: при этом оказалась еще одна неоцененная выгода, именно,—что обе оконечности итальянского мира: паданская равнина и Сицилия, были двумя богатыми житницами.

Поэтому Рим, обеспеченный необходимыми жизненными припасами, мог продолжать свои победы. Как Рим находится в центре Италии, так Италия—в центре Средиземного моря. Притягательная сила великого города заставляет себя чувствовать повсюду: на востоке—Иллирия, Греция, Египет, на юге—Ливия, Мавритания, на западе—Иберия, на северо-западе—Галлия и на севере альпийские страны—наполнили собою вскоре третий круг, круг владычества.

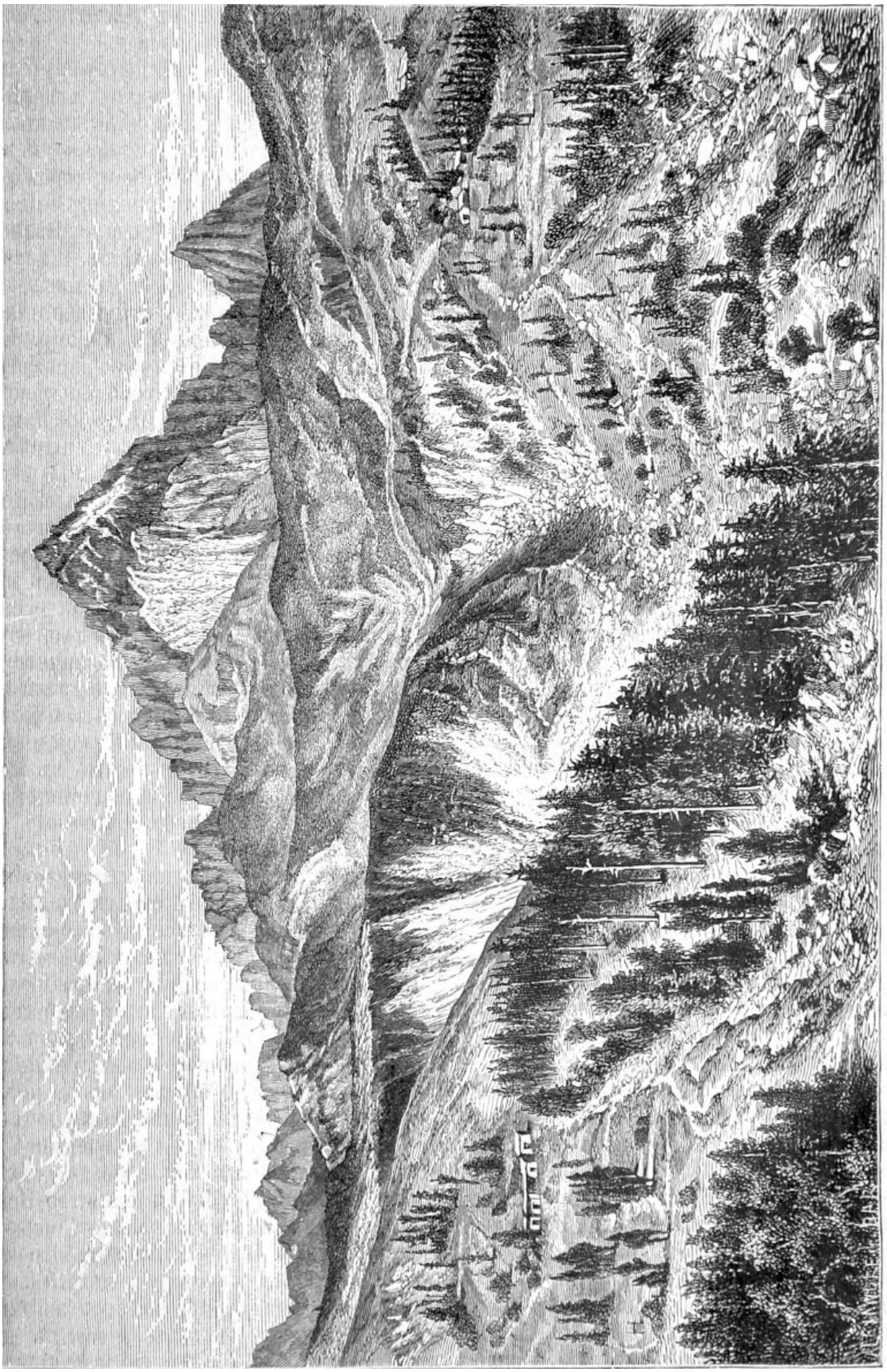
Пока продолжалось географическое равновесие средиземного мира, Рим сохранял свое могущество; но границы вселенной мало-по-малу раздвигались, и с тех пор, как Рим своими войнами против парфян и нашествиями на внутреннюю Германию вступил в столкновение с одной стороны с востоком, с другой—с теми неимеющими определенных границ странами, в которых бродили варвары,—«Город» перестал быть мировым центром, и великая жизнь европейских народов сосредоточилась на севере и северо-западе. Уже в конце империи Рим в Италии заменился Миланом и Равенною, из которых последний сделался столицею экзар-

хата, а потом Готской империи. Падение города Цезарей было окончательное. Правда, императоров заменили папы—те же верховные жрецы, хотя и нового культа. И как тень следует за телом, так предание хотело продолжить политические учреждения далее предела их природной живучести: единство церкви сменило собою единство империи. Главенство Рима сделалось настоящим догматом политическим и религиозным. Но если папы, сохраняя за собою управление душами, пребывали всегда в Риме, то истинные властители «Священной Римской империи», как в средние века, так и в начале нынешнего века, оставались по ту сторону Альп. Они искали в Италии только освящения своей власти, но самую власть получали иным путем. Тщетно народы, привыкшие повиноваться, пытались поддержать власть так долго господствовавшего над ними Рима; попытка эта основывалась на одной иллюзии: переместилась не только ось цивилизованного мира, но и ось самой Италии: впредь инициатива должна была исходить уже из Павии, Флоренции, Генуи, Милана, Венеции, Болоньи и даже Турина. Если Рим, хотя и павший, получил снова некоторое значение и даже опять сделался столицею, то это потому, что Италия хотела, во что бы то ни стало, вернуть себе его территорию, и что, так сказать, из археологического предразсудка она старается взять имя Рима за символ своего будущего могущества. Но, что бы ни делали, это все-таки будет уже не более, как искусственный центр Италии: тысяча пятьсот лет истории совершенно изменили все географические условия полуострова.

Объединение Италии в течение последнего столетия стало политическим фактом и, за исключением некоторых цизальпинских округов Швейцарии и Тироля, административные границы страны совпадают с границами естественными. Сила совершившагося факта освятила географическую индивидуальность Италии, и теперь удивляются, что эта страна была долго разделена на отдельные государства. Однако, это большое целое полуострова представляло значительные местные различия по расположению бассейнов и склонов. Острова, равнины, окруженные горами, крутые берега, отделенные от внутренности страны обрывистыми скалами, составляли отдельные страны, населения которых, различного происхождения: галльского, этрускаго, латинского, пелазгийского, греческого или сикульского,—естественно, стремились жить собственною жизнью, независимо от своих соседей. В некоторых местностях сообщение между долинами было так трудно, что море составляло самую обыкновенную дорогу. Форма полуострова, длина которого от Альп до Ионического моря в пять раз больше средней ширины и который разделяется Апеннинами на две отдельные параллельные полосы, делала неизбежным дробление территории на отдельные и даже враждебные государства. Правда, иногда итальянские провинции подчинялись господству одного властителя, но это единство всегда, до новейших времен, достигалось силою и разрушалось самими же народами. Страсть национального единства, сделавшая современную Италию театром столь великих событий, одушевляла весьма небольшое число граждан в республиках средних веков. Они умели соединяться против общего врага, но как только проходила опасность,—их интересы расходились снова и они ссорились из-за какой-нибудь безделицы и даже обращались к чужеземной помощи.

В половине четырнадцатого века, римский трибун Кола-ди-Риензо сделал воззвание ко всем итальянским городам и заклинал их «свергнуть иго тиранов и образовать святое национальное братство, освободить Рим, а следовательно, вместе с ним и всю святую Италию». Стало быть, уже пятьсот лет тому назад говорили на языке современных апостолов итальянского единства. Вестники Риензо ходили по всему полуострову с серебряным батогом в руке, разнося по городам выражение дружбы и приглашая их посылать своих депутатов в будущий парламент «Вечного Города». Все итальянцы получали от Риензо титул римских граждан, который давали им Цезари. Но это были классические подражания. Полный воспоминаний о древнем владычестве, Риензо объявлял, что Рим не перестал быть «властелином мира, что он вполне обладает правом управлять народами». Он хотел воскресить прошедшее, а не вызвать новую жизнь. Потому-то его дело исчезло, как мечта, и именно самые деятельные и самые интеллигентные города Италии: Флоренция и Венеция, видели в трибуне лишь химеру мечтателя. *Siamo Venetiani, poi Cristiani* (Мы прежде всего венецианцы, а потом уже

христиане)—говорили гордые граждане Венеции в пятнадцатом веке, не думая даже называть себя итальянцами и не предвидя, что потомки их должны будут страдать и сражаться так храбро за независимость полуострова, Впрочем, тут не следует заблуждаться: непреодо-



Видъ Монте Визо съ Кіафредо.

лимое движение, толкавшее итальянский народ к политической независимости, вовсе не исходило из глубины народных масс, и миллионы людей в Сицилии, Сардинии, Калабрии и даже Ломбардии не понимают еще и ныне смысла совершившихся перемен.

Недавно еще Италия, по презрительному выражению одного из её повелителей, была просто «географическим термином». Если выражение это превратилось в живую действительность, то страна обязана этим, быть может, столь частым нашествиям иностранцев. Под жестоким гнетом испанцев, французов, немцев, которые поочередно набрасывались на её равнины, итальянцы перестали наконец сознавать друг друга братьями. С первого взгляда казалось бы, что полуостров со своей континентальной окраины совершенно защищен полукруглою стеною Альп; но эта защита—призрачная. Действительно, хотя горы обращены к итальянским равнинам своим самым крутым и, повидимому, совершенно неприступным склоном, но зато наружный склон со стороны Франции, Швейцарии и немецкой Австрии гораздо моложе, так что все завоеватели, привлекаемые счастливым климатом и громадными богатствами Италии, могли без особенного затруднения подняться в альпийские ущелья, откуда они быстро спускались прямо в равнины. Таким образом, альпийский «барьер» составляет настоящий барьер только для самих итальянцев и, за исключением времен римских завоеваний, он всегда был уважаем ими, да и переходить его было не к чему, ибо за ним ни одна страна не стоила Италии. Напротив, французы, швейцарские союзники и немцы смотрели на Италию как на рай: это была страна их мечтаний, и эта чудная страна—почти достаточно было спуститься с гор, чтобы овладеть ею. История рассказывает нам, как они, повинуясь жажде завоеваний, обагряли кровью эти желанные ими богатые равнины. И самым возвращением своей независимости итальянская нация обязана не столько своей собственной энергии, сколько соперничеству своих соседей.

Открытая для внешних нападений и постепенно лишенная историею занимаемого ею некогда центрального положения, Италия окончательно потеряла *primato*, или принципат, который хотели восстановить для неё некоторые её увлеченные исключительным патриотизмом сыны. Но если она не первая по политической власти, если другие народы опередили ее в промышленности, торговле и даже в литературном и научном движении, то зато она не имеет соперников по богатству памятником искусства. Облагодетельствованная уже самою природою, Италия одна из всех стран мира обладает таким множеством городов, замечательных своими дворцами, сокровищами статуй, картин и украшений всякого рода. Во многих провинциях каждая деревня, каждая группа домов ласкает взор то фресками или скульптурными украшениями, то каким-нибудь резным карнизом, смело перекинутою лестницею или живописною галлереею: художественный инстинкт вошел в плоть и в кровь населения. Поэтому совершенно естественно, что итальянский крестьянин строит себе жилище, раскрашивает стены и садит деревья так, чтобы они эффектно гармонировали с окружающею перспективою. В этом и заключается главная прелесть дивной Италии: везде искусство помогает природе, чтобы очаровать путешественника. Сколько есть ломбардских, венецианских, тосканских художников, имена которых стали бы знаменитыми во всякой другой стране, но здесь забыты навсегда потому только, что их много, или что случай заставлял их работать в каком-нибудь захолустном местечке, вдалеке от больших дорог.

Но не только по красоте своих памятников и по удивительному множеству художественных произведений Италия остается в течение двух тысяч лет первою страною и вполне заслуживает того, что в нее стекаются любознательные люди со всех концов земли, но и по воспоминаниям всякого рода, оставленным там историею. В стране, где с таких давних времен теснится просвещенное население, начало каждого города естественно должно теряться в мраке преданий и мифов. На месте, где ныне возвышается совершенно новый город, находился некогда город римский, а не то стоял город греческий, этрусский или галльский. Всякая крепость, всякий загородный дом стоят на месте крепостцы, виллы римского патриция; всякая церковь занимает место древнего храма: религии менялись, но алтари богов и святых вновь строились на освященных местах, и мертвые хоронились веками один за другим в земле, которая освящена авгурами и жрецами различных культов. Интересно изучать на месте эти различные века, наслоенные, так сказать, как остатки зданий, воздвигавшихся одно за другим на одном месте. Влиянию этой жизни наций, концентрировавшейся с такою деятельностью в исторических местностях Италии, подчиняются все, даже невежды: все чув-

ствуют, что этот прах был одушевлен некогда.

После долгого периода упадка и порабощения, итальянский народ снова занял одно из наиболее выдающихся мест среди современных народов. Полуостров сильно изменил свой вид с тех давних времен, когда бродившие по нем стада доставили ему, как говорит Момзен, имя Италии (Виталия или Страна скота); ныне же её так хорошо обработанные земли, удивительные сады, торговые города могли бы доставить ей другое название. Выходы Альп и её положение в центре Средиземного моря дают ей возможность командовать всеми путями из Франции, Германии и Австро-Венгрии, которые сходятся к заливам Генуэзскому и Венецианскому. Она располагает огромными и постоянно возрастающими средствами в своих каменоломнях, серных и железных рудниках, винах, земледельческих продуктах всякого рода. Её ученые и изобретатели не уступают ученым других стран цивилизованного мира. Население страны возрастает быстро; относительно величины территории оно уже значительнее населения Франции, и, вероятно, скоро превзойдет последнее и абсолютно.

Кроме того, Италия эмиграцией способствует заселению пустынь Южной Америки.

Пространство Италии 286.589 кв. километр. (по Стрельбицкому 288.539). Население 31 декабря 1884 г. 29.361.030 человек. Население в конце 1893 г. 31.880.000 человек. На километр приходится 106,55 человек.

II. Бассейн По

Пиемонт, Ломбардия, Венеция и Эмилия

Большая долина По, называемая иногда Верхнею Италиею, так как занимает северную часть полуострова, должна была бы называться наоборот—Нижнею Италиею, потому что она занимает более низкую поверхность, чем другие группы провинций. Эта область резко ограничена, ибо входит в состав самого корпуса материка, и с южной стороны обнесена длинным валом Апеннин. Ныне это речная долина, а еще, вероятно, в плиоценовую эпоху она была морским заливом. Залив этот мало-по-малу был загроможден наносами, принесенными реками, и постепенно приподнят действием внутренних сил, между тем как выше ручьи увеличивали равнину, размывая и подтачивая основания гор. Таким образом, благодаря работе многих веков, бассейн получил весьма правильный наклон. В ту эпоху, когда воды Адриатического моря проникали в долины между подошвами Мон-Розы и Визо, Италия соединялась с материком только посредством тонкого стебелька Лигурийских Апеннин, если только не принимать в соображение неразрушенного тогда еще морем горного перешейка, соединявшего Корсику и Сардинию с континентальными Альпами.

Ни одна страна Европы не окружена таким горным поясом, и весьма немного стран в мире, которые можно было бы сравнить с Италиею по величию горизонта. На юге Апеннины возвышаются над поясом леса и своими скалами, лесами и пастбищами составляют совершенную противоположность однообразной равнины; на западе и севере, от ущелья Тенде до проходов Истрии, возвышаются во всем своем величии покрытые льдами Альпы. Над равнинами Салюса возвышается Визо, названный так за красоту своего вида и господствующий над всем гребнем своею отдельною высокою пирамидою; из маленьких озер его ледников вытекает журчащий ручей, который принимает название По; к северо-западу от Турина, опирается на огромные предгорья Большой Парадиз с громадными ледниками; недалеко от этой центральной группы является Гривола, представляющая, может быть, самую изящную и наиболее грациозно-изваянную вершину Альп; в углу всей горной альпийской системы возвышается, как остров над морем гор, купол Мон-Блана; громадная масса Мон-Розы, увенчанная своею семиконечною диадемою, выдвигает свои выступы в Швейцарию. Затем следуют группа Шплюгена, Ортелес, Адамелло, Мармолата и многие другие вершины во всей свойственной им красе. Когда, в ясное солнечное утро, вы видите с высоты Миланского

собора большую часть бесконечного амфитеатра, раскинувшагося вокруг зеленеющей равнины и её бесчисленных городов, вы можете восторгаться тем, что дожили до созерцания этой величественной картины.

Альпы, опоясывающие Италию, взятые в целом, могут быть рассматриваемы, как географическая принадлежность соседних стран. Та же самая причина, которой итальянский склон обязан своею прелестью, сделала эти горы естественной принадлежностью Галлии и Германии. Весь склон Альп с южной стороны можно охватить одним взглядом: вы созерцаете в одно и то же время и поля, засаженные виноградниками и шелковицею, и леса буков и лиственниц, и луга, и обнаженные скалы, и ослепительные льды; но земледелец решается пускаться в эти неприступные места только вследствие крайней бедности. На другом, более длинном и, сверх того, обращенном к северу склоне горы представляют вообще не столь разнообразный вид, земли здесь не столь плодородны, но зато жители верхних долин и плоскогорий имеют то преимущество, что могут легко переступать хребет и спускаться по южным склонам. Причина этнологического преобладания, выпавшего на долю народов галльского и германского происхождения, независимо от соблазнов, порождаемых в завистливых горцах видом равнин Италии, заключается также и в самом строении Альп. Вне альпийского пояса итальянский язык слышится только в отдельных пунктах, между тем как элементы французский и германский весьма сильны на внутреннем склоне.

По сю сторону линии раздела, ограничивающей бассейны По, Адижа и венецианских рек, Италия владеет нераздельно лишь немногими из больших горных групп, образуемых системою Альп. Самую значительную из них по высоте своих вершин, по массивности предгорий, по количеству льдов и обилию вод представляет Большой Парадиз, возвышающийся к югу от Доры Балтеи, между группою Мон-Блана и равнинами Пиемонта. Странно, что эта гордая группа смешивалась и теперь еще во многих документах смешивается с другим, гораздо более низким гребнем, который находится в 20 километрах к западу, на французской границе, рядом с ущельем или «горою» Изераном. Но эта мнимая гора Изеран, имя которой фигурирует на всех картах, вовсе не существует, как доказал впервые английский путешественник Матьюс, и приписываемая горе высота, превышающая 4.000 метров, составляет в действительности высоту Большого Парадиза. В начале нынешнего века в этой области Альп бывали лишь весьма немногие посетители, и в течение почти пятидесяти лет никто не был в состоянии обнаружить ошибку, в которую впал Корабеф, геодезист, давший название прохода измеренной им большой вершине. На карте инженера Бергонио, относящейся к концу семнадцатого века, есть также мнимая гора Изеран, обозначенная в большом расстоянии к северо-востоку от называемого этим именем ущелья.

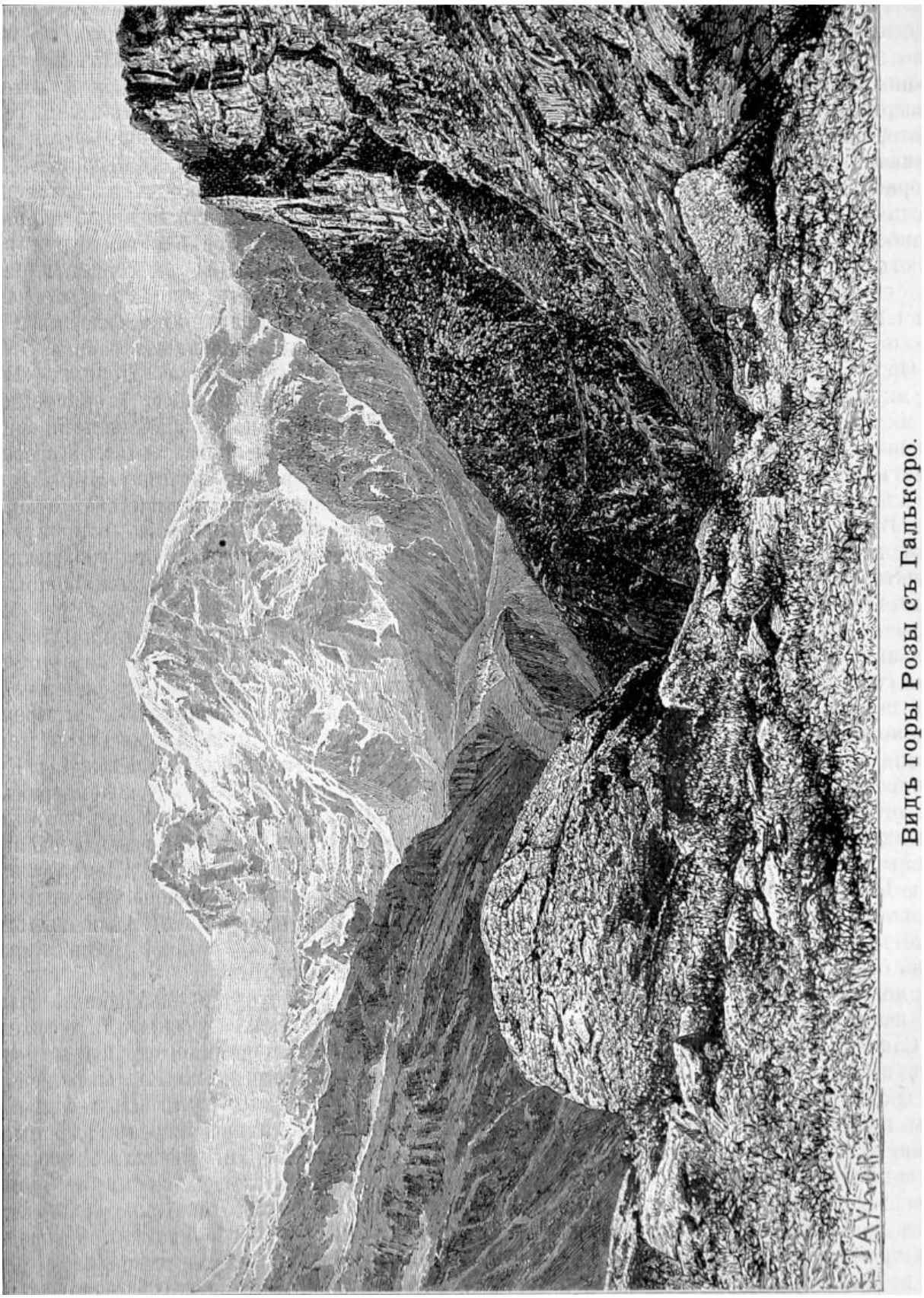
Другие группы итальянских Альп, возвышающиеся отдельно к югу от среднего хребта системы, уже не так высоки, как Большой Парадиз. Правда, Италия в этой части своих окраин была лишена Швейцарией и австрийским Тиролем значительных областей, которые по склону вод, а также по языку и нравам жителей, казалось-бы, должны принадлежать ей. Вся верхняя долина Тессина и даже некоторые из долин, изливающие свои воды в Адду, сделались гельветическими землями; весь верхний бассейн Адижа, до озера Гарда включительно, принадлежит политически Австрии, точно так же, как и верхняя Брента. Две единственные альпийские реки южного склона, которые текут почти целиком по итальянской почве,—это Пиаве и Тальяменто. Вследствие этого нарушения естественных границ, многие горы с ледяными вершинами, хотя географически и расположены к югу от центральной альпийской цепи, тем не менее, находятся либо в Австрии, либо на границе. Таковы, между гигантами центральной Европы Ортелес, Мармолата, Симон делла Пала, с вертикальными склонами, которые так же грандиозны, как и склоны Сервена. Что касается до страшной Монте-делле-Дисграцие, к югу от Бернины, то это вершина—итальянская; группа Камоника, которая ограничивает с севера ущелье горы Тональ, знаменитое в народных легендах и над которым господствует Адамо или Адамелло, весь покрытый ледниками, спускающимися к верхнему Адижу,—главными вершинами своими точно также принадлежит Италии;

наконец, далее на востоке, в бассейне Пиаве, гора Антелао, представляющая громадную изрытую пирамиду, с снежным обелиском на вершине, и многие другие, хотя и не столь высокие горы, выдвигаются своими выступами на венецианскую территорию. В главных ущельях и у входа в большие альпийские равнины недавно построено несколько метеорологических станций. Самая высокая из этих метеорологических обсерваторий находится в ущелье Вальдоббиа, к югу от Мон Розы, на высоте 2.548 метров, почти на 300 метров выше станции на бигорском Pic-du-Midi.

Большая часть альпийских групп Ломбардии и Венеции, представляющих собою предгорья между главною цепью и равниной, по своей средней высоте почти равны Апеннинам и не достигают границы постоянных снегов. Но зато вид их тем красивее. На вершине их вы находитесь между двумя поясами, и контраст является полным: во всех окружающих долинах виднеются города и обработанные земли, между тем как к северу рисуются на небе блестящие профили снежных вершин и пустынь, возвышающихся одни над другими. Некоторые из этих гор, по своей удивительной панораме, красивее больших вершин и ежегодно привлекают к себе толпу посетителей Италии. В особенности любят туристы взбираться на горы, окруженные синими водами ломбардских озер, как Моттероне, при озере Маджоре, Дженерозо, возвышающийся пирамидою среди равнин, в которых голубые воды перемешиваются с зеленью лесов и лугов, на величественные горы, возвышающиеся между двумя заливами озера Комо и морем зелени Брианцы, на продолговатую вершину Монте Бальдо, выдвигающую свои выступы, как львиные лапы, в волны Гардского озера. Прекрасные горы Вальтелины, или цепь Оробия, к югу от впадины, по которой течет Адда в своем верхнем течении,—уже не столь известны, вследствие отдаленности от больших городов; но они заслуживали бы таких же частых посещений, как и самые знаменитые вершины, расположенные в соседстве с равниною. Они образуют настоящую *сиерру*, высотою средним числом в 2.800 метров, изрезаны весьма высокими ущельями и на северных своих склонах имеют несколько небольших ледников; у подошвы этих гор можно подумать, что видишь Пиренеи. Что касается доломитовых вершин, возвышающих свои стены между Тиролем и венецианскими равнинами, то они весьма своеобразны. Их белые утесы виднеются сквозь зелень сосен, и выделяющиеся из синевы озер и слегка окрашенные в розовый цвет и другие тонкие оттенки, они производят удивительный эффект. Геолог Рихтгоф и другие ученые полагают, что эти отдельные группы представляют собою древние коралловые острова, *атоллы*, поднявшиеся со дна моря до различных высот, от 2.000 до 3.300 метров. Как бы то ни было, горы эти придают естественной красоте всех альпийских местностей чрезвычайную оригинальность цвета и вида.

Предгорья итальянского склона, точно так же, как и на северном склоне Альп, в Швейцарии и Австрии, по мере приближения к аллювиальной равнине, представляют все более и более новейшие геологические формации. Метаморфические породы, verrucano, доломиты, мраморы и различные другие породы опираются на граниты, гнейсы, сланцы верхних массивов; затем следуют преимущественно слои эпохи триасской и юрской; еще ниже—третичные террасы и холмы из мергеля, глины и скученного булыжника. К этой именно формации относится Монте Болька, к северо-западу от Вероны, знаменитая в геологическом мире множеством открытых в ней ископаемых животных и растений,—Агассиц насчитал там не менее ста двадцати семи видов рыб, половина которых существует еще и в настоящее время. Наконец, вся равнина Пиемонта и Ломбардии, за исключением возвышающихся здесь отдельных пригорков и редких клочков, оставшихся по её краям морских осадков, состоит из обломков, принесенных потоками. Толщина их вовсе неизвестна, ибо различные бурения, произведенные в глубинах этих куч, все не доходили до твердой почвы. Если предположить, что отлогости Альп и Апеннин продолжаются однообразно под равниною, то дно громадного слоя булыжника приходилось бы на 1.260 метров ниже поверхности. Очевидно, что масса обломков, оторванных от боков Альп потоками и ледниками, не меньше по объему иной большой горной системы, и при этом сюда надо присоединить еще громадное количество их, унесенное на дно морское.

Высоты некоторых вершин итальянских Альп суть: Монте-Визо 3.836 м.; Большой Параднз 4.178 м.; Монто-делле-Дисграцие 3.680 м.; Адамелло 3.556 м.; Антелао 3.255 м.; Бруноне (цепь Оробиа) 3.161 м.; Моттероне (предгорье) 1.491 м.; Дженерозо 1.728 м.; Монте-Бальдо



Видъ горы Розы съ Галькоро.

2.228 м.; Монте-Болька 958 м.

Большая равнина, которая, повидимому, составляет продолжение горизонтальной поверхности Адриатического моря до подошв Мон-Розы и Визо, окружает собою, как море,

полуострова и местами несколько архипелагов. Третичные холмы северного Монферата и Астезана, к востоку и северо-востоку от Турина, изрытые во всех направлениях бесчисленными ручьями, образуют горные группы от пяти до семи сот метров высоты, совершенно отделенные от Альп Лигурии и Апеннин впадиною, по которой протекает Танаро. У самого основания Альп, скалы Кавур и другие возвышенности из гранита, гнейса и порфира вздымаются своими круглыми или пирамидальными вершинами над равнинами, которые сглажены водами и правильно склоняются по течению По. К югу от Пиаве хребет Боско-Монтелло в венецианских равнинах представляет также совершенно островную массу; даже на берегу По, между Павией и Пиаченцою, есть каменистый и песчаный холм, весьма богатый ископаемыми, на котором стоит деревня Сан-Коломбано, с виноградниками. Наконец, к востоку от озера Гарда возвышаются среди равнины многие вулканические группы, прикрытые с боков меловыми формациями. Кратеры гор Беричи около Виченца и холмов Эвганейских, неподалеку от Падуи, не извергают лавы уже с незапамятных времен, но теплые и газовые источники, текущие в чрезвычайном изобилии из трахитовых и базальтовых расселин, свидетельствуют еще о значительной деятельности подземных горнов в этой области Италии. В соседних Альпах, особенно в окрестностях Беллуно и Бассано, землетрясения весьма часты,—оттого ли, что в глубинах обрушивается и оседает пещеристая почва, или оттого, что скрытые горны лавы имеют еще некоторый жар.

Средний склон По: исток По 1.952 м.; Салюс 366 м.; Турин 230 м.; Павия (устье Тессина) 100 м.; Пиаченца 66 м.: Кремона 45 м.; Мантуа 27м.; Феррара 5 м.

На северном склоне Апеннин, обращенном к вулканическим областям Вероны и Вичентина, тянется такой же пояс, который хотя и не имеет большего значения в геологической истории полуострова, но весьма любопытен по совершающимся в нем явлениям. В непосредственном соседстве с гребнем гор, к югу от Модены и Болоньи, из расселин земли вырываются местами струи водорода, особенно по близости серпентиновых скал; в некоторых местах пользовались этим огнем для приготовления извести и других мелких промышленных работ. Эти газовые токи—Пьетра-Мала, Поретта, Баригаццо—представляют собою «горящие фонтаны», которые были так знамениты в средние века, вследствие самопроизвольных возгораний, светивших по ночам путнику. Параллельно этому поясу горящих местностей, но гораздо ниже, при самом переходе в равнину, есть другая расселина почвы, обнаруживающаяся рядом грязевых вулканов, или bombi, из которых самый знаменитый—Сассуоло, близ Модены. Самый большой из этих вулканов, Нирано, имеет кратер около километра в окружности; стенки кратера, из синей глины, достигают 70 метров высоты, на внутренней его площадке находится до сорока второстепенных мелких кратеров. Другой вулкан, Кверцола, расположенный в 18 километрах к югу от Реджио, в 1881 г. изверг поток грязи длиною в 400 метров; извержению предшествовало землетрясение. До Пиемонта включительно чрезвычайно обильные теплые источники, особенно источники Акви, свидетельствуют, повидимому, об остатках вулканической деятельности.

Громадный полукруг альпийских долин, равнин и стелющихся у основания амфитеатра гор сохраняет еще многочисленные следы ледников, которые с начала нынешней геологической эпохи выступали из великой Сибири снегов, занимавшей центр Европы. От долины Танаро, в лигурийских Альпах, до долины Изонцо, спускающейся с гор Каринтии, нет ни одного речного выхода, который не представлял бы груд обломков, принесенных некогда льдами и одетых теперь растительностью. Большая часть древних ледяных потоков, изливавшихся в равнины, превосходили длиною своею глетчеры, текущие в Швейцарии по склонам Мон-Розы и Финстерааргона, и самые большие из них достигали такого развития, что их нельзя сравнивать даже с ледниками Каракорума и Гималайя. Надо идти в Гренландию или антарктические полярные страны, чтобы найти такия ледяные реки, которые могли бы напомнить тот вид, какой представляли швейцарские Альпы в ледяной период.

Уже один из самых маленьких потоков кристаллизованного снега, именно тот, который спускается с гор Тенде к Кунео, имел не менее 46 километров длины. Ледник Доры-Рипа-

рии, в который стекались льды гор Женевры, Табора и Сениса, был в два раза длиннее, и оставленные им морены, возвышающиеся почти до самого Турина, представляют настоящий амфитеатр холмов, местами размытых водою; простолюдины называют их областью камней, «*regione alle pietre*». Севернее, все ледяные потоки, родившиеся в впадине Пеннинских Альп, от Большого Парадиза до горной группы Мон-Розы, соединялись в одну реку, в 130 километров длиною, которая изливалась в равнину далеко за Иврею, и гигантские наносы которой оказываются на 330 и даже на 650 метров выше долины, в которой текут теперь воды Доры-Балтеи; простая боковая морена, « Забор» или *Серра* Иврейская, скаты которой одеты каштанником, тянется на пространстве 28 километров восточнее реки, подобно совершенно правильному наклонному валу. Большая же морена на западе, называемая холмом Броссо, не так заметна, потому что не столь высока, особенно в сравнении с возвышающеюся за нею группою высоких Альп; но на юге, разорванный вал передней морены тянется еще вполне сохранившимся полукругом. В нагроможденных обломках, у подошвы древнего ледника, смешиваются разрушившиеся скалы Мон-Блана с скалами, составлявшими некогда часть Маттергорна. И, однако же, этот удивительный, наиболее исследованный в своих подробностях геологами Гюйо, Гастальди, Мартеном и др., ледяной поток значительно уступал близнецам-ледникам Тичино и Адды, которые, от Симплона до Стельвио, текли к югу в котловины, занятые ныне озерами Маджиоре и Комо, наполняли боковыми своими ветвями извилистую впадину озера Лугано, и затем, пройдя от 150 до 190 километров, изливались в равнины Ломбардии, окружая многочисленными разветвлениями своей дельты, на подобие островов, наиболее выдвигавшиеся вперед отроги Альп. К востоку от этой сети ледников, ледник Олио или озеро Изео, длиною почти в 110 километров, конечные морены которого, по измерению де-Мортилье, имеют не менее 300 метров вышины, мог быть второстепенным потоком, но непосредственно за ним следовала громадная и самая значительная в южных Альпах ледяная река, именно река долины Адижа. От начала своего, в горной группе Эцталя, до конечных морен, к северу от Мантуи, эта твердая река имела около 280 километров длины: один из её рукавов, выходивший в долину Дравы, спускался в равнины, где находится ныне Клагенфурт, между тем как главная масса направлялась к югу по впадине, в которой течет Адиж, затем обтекала двумя рукавами Монте-Бальдо, наполняла впадину Гардского озера и несла перед собою настоящий полукруглый вал высоких морен. Что касается других ледников, находившихся далее к востоку, каковы ледники Бренты, Пиаве, Тальяменто, то они, по необходимости, были сжаты в более тесных границах, вследствие сравнительно небольшого пространства их бассейнов.

Эрратические валуны, из коих некоторые были величиною с целый дом, теперь уже не очень многочисленны: их разбивают каменщики, и если не позаботятся сохранить некоторые их образчики, как национальную собственность, то они скоро совсем исчезнут. В Пианецце, при выходе долины Сузы, есть один серпентиновый валун, выдающаяся часть которого, уже значительно обломанная, имеет не менее 25 метров длины, 12 ширины, 14 вышины, приблизительно 2.500 кубических метров в объеме; на одном из его концов стоит часовня. Великолепные эрратические камни встречаются также в горах, которые возвышаются между двумя разветвлениями озера Комо; из этих валунов были высечены огромные колонны окрестных церквей и дворцов. Наконец, обращенный к Альпам склон туринских холмов точно также усеян множеством блуждающих камней, но неизвестно еще, каким образом они могли попасть сюда, ибо морены древних альпийских ледников остаются в равнине на значительном расстоянии к северу. Что касается мелких ледниковых остатков, то их существуют такия огромные кучи, что человек вряд-ли был бы в состоянии расчистить их. Знаменитые в военной истории холмы Сольферино, Кавриана, Сомма-Кампанья состоят целиком из этих обломков, упавших с боков центральных Альп, которые тогда были гораздо выше, чем ныне.

Отодвигаясь к верхним долинам, ледники южного склона Альп постепенно обнажали по-

крытую ими почву и открывали те глубокия впадины, которые заняты теперь прекрасными озерами Ломбардии. Эти озерные резервуары, в новейшие времена нашей планеты, имели весьма различную геологическую историю. Когда равнина Пиемонта и Ломбардии была заливом Адриатического моря, эти впадины, дно которых ниже уровня моря, должны были представлять собою морские заливы, подобные нынешним *фиордам* Шпицбергена и Скандинавии. Есть даже одно весьма любопытное свидетельство этого древнего порядка вещей: во всех ломбардских озерах водится вид сардинки, *усатый головач*, который, по мнению натуралистов, имеет океаническое происхождение; в Гардском озере, которое ближе всех к морю и отделилось от него не в очень отдаленные времена, водятся кроме того еще две морские рыбы, применившиеся к своей новой среде, и еще одно маленькое морское ракообразное—кревет. Соленая вода, в которой жили эти животные, должна была постепенно исчезнуть от действия ледников; бассейны фиордов в конце-концов должны были оказаться почти совершенно заполненными, и единственными остатками древних морских рукавов оказалось несколько небольших резервуаров пресной воды, удерживавшихся там и сям, между стенами гор и наступающею массой льдов. В течение этого времени морены, ледниковые остатки, разнесенные потоками наносы—совершили свое геологическое дело, и когда, с новою переменою климата, ледники начали и отступательное движение, огромные впадины бывших фиордов были заняты постепенно, вместо льдов, голубыми водами озер; наносы же, принесенные с гор, преградили всякое сообщение моря с его бывшими заливами.

Число альпийских озер с тех пор значительно уменьшилось, и оставшиеся из них не перестают убавляться. В тесном корридоре Пиемонта, куда стекаются потоки с Апеннин, Монферата, западных и гельветских Альп, древние озерные впадины давно уже занесены толстыми слоями принесенных водою наносов, и вместо них остаются только незначительные «озерки». Первые водные площади, заслуживающие названия озер, встречаем только в нижнем Пиемонте, среди равнин, простирающихся по обе стороны Доры-Балтеи. Маленькое озеро Кандия, к западу от этой реки, представляет каплю на дне чаши в сравнении с тем внутренним морем, которое вытекло из неё, когда Дора прорвала себе брешь в полукруге больших морен, составлявшем южную плотину резервуара. Поверхность воды, изображенная на карте Пейтингера под именем *lacus Clisius*, расстилалась тогда на пространстве нескольких сотен квадратных километров. Дора, пересекающая ныне равнину с севера к югу, вытекала некогда из озера гораздо восточнее, к верху от невысокого порога, ограничивающего с юга *laghetto* Виверон или Азельо. Равнина, обозначаемая еще и теперь именем «Мертвая Дора» (*Dora morta*), свидетельствует о значительных переменах, совершившихся в географии этой части Пиемонта. По летописям, последний акт этого переворота в течении Доры совершился в четырнадцатом веке: поля Азелио, Альбиано, Страмбино, усеянные тогда торфяными ямами и болотами, еще только-что выходили из воды.

С истощением этого резервуара, ряд значительных озер стал начинаться на западе озером Вербано или Маджиоре, которое называется этим именем неправильно, так как уступает в протяжении озеру Гардскому. Древние морские берега, среднее возвышение которых над уровнем моря превышает 400 метров, показывают, что этот большой резервуар, равно как его западный данник, озеро Орта, и восточные озера Варезе, Коммабио и Лугано, ограниченные с юга древними передними моренами, составляли одну поверхность воды, разбитую на множество заливов, вдававшихся в альпийские долины. Но постоянное углубление русла выходной реки в кучах обломков, сдерживающих озеро над нижними равнинами, мало-помалу понизило выходной проток и произвело исчезновение всего поверхностного слоя озерных вод. Ледниковые террасы, подточенные в своем основании рекою Тичино, при выходе её из озера Маджиоре, возвышаются ныне крутым скатом, более 100 метров вышиною, над речным ложем; точно также всякий из потоков, заменивших собою соединительные проливы, как: Строна, озеро Орта, Треза, озеро Лугано и различные истоки Варезе, текут между высокими берегами или, вернее, по дну ущелий, промытых постепенно действием воды.

Эти значительные перемены в системе озер совершились в течение неизвестного ряда ве-

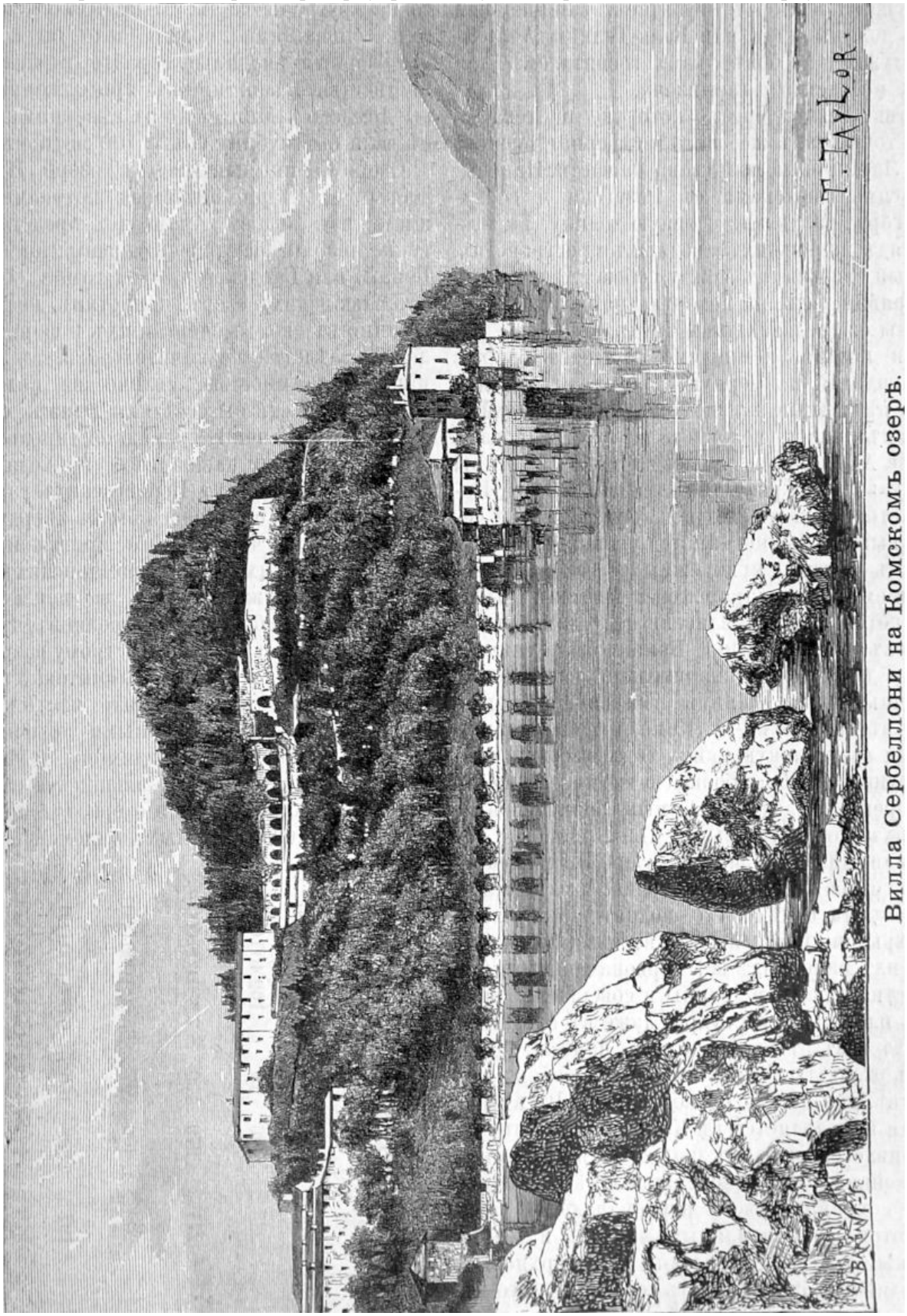
ков, но ход их все-таки был на столько быстр, что их можно, говоря сравнительно, рассматривать, как настоящий геологический переворот. Современная история рассказывает нам, что наносы рек Тичино и Маджии, на швейцарском конце озера Маджиоре, оттесняют озеро на наших глазах, и что пристани должны перемещаться постепенно вслед за убегающим берегом. Деревня Гордола, расположенная почти в двух километрах от берега, на Верзаске, семьсот лет тому назад была пристанью. В наше время вода так быстро отступает от пристани Магадино, при входе Тичино, что деревня эта беспрестанно должна передвигаться вдоль по берегу; дома нужно было бы делать подвижные, чтобы следовать отступательному движению озера Маджиоре. Шестьдесят лет тому назад суда нагружались более, чем на километр далее к верху, у пустынной набережной, окруженной ныне развалинами. Залив Локарно, наибольшая глубина которого теперь уже не более сотни метров, обречен на постепенное преобразование в отдельное озеро, ибо надвигающиеся в него широким полукругом наносы Маджии уменьшили уже на половину серединное пространство, отделяющее оба его берега. Подобное же явление совершается с заливом, в котором расположены Барромейские острова. Соединенные наносы Строны и Точе отрезали озеро Мергоццо от главной массы воды и оставили его среди полей, как-бы свидетелем бывших очертаний Вербано.

Озеро Ларио или Комо, соперник по красоте озеру Маджиоре, также находится на пути к быстрому засорению. Река Адда, входящая в озерную впадину сбоку, есть, как и Тичино, один из самых деятельных работников. В римскую эпоху навигация совершалась свободно до той деревни, которая по своему положению на северном конце озера получила, говорят, название *Summulacus*, ныне Самолако. Но пока поток Меры наполнял своими наносами верхнюю равнину, Адда перерезала постепенно озеро на две части болотистою равниною. К северу от дельты остается поверхность воды, убывающая с каждым веком и имеющая глубины не более 50 метров,—*lacus dimidiatus*, называемое ныне Меццола. Рано или поздно, это озерное пространство перестанет существовать и заменится просто речным руслом, извивающимся по равнине. Подымающиеся из полузатопленных еще земель миазмы часто обезлюживали окружающие местности, так что старый, бывший испанский, форт Фуэнтес, защищавший вход долины Адды или Валь-Телины (Valteline), служил не более, как госпиталем для своего несчастного гарнизона.

Ветвь Лекко, чрез которую протекает Адда, точно так же, как и северная оконечность Ларио, была разрезана на части. Наносы, приносимые потоками с Розегона и соседних гор, разделили озерную долину на целый ряд маленьких водных пространств, которые связывает между собою Адда, как серебряная нить, на которую нанизаны жемчужины ожерелья. Один труд природы, рано или поздно, неминуемо засыпал бы все эти впадины, и озерную долину превратил бы в речную; но на помощь геологическим агентам явился человек и урегулировал течение Адды сквозь заграждавшие ее плотины обломков и умерил тем разливы озера Комо, которое часто подымалось метра на четыре выше обыкновеннаго уровня и грозило низким частям прибрежных городов затоплением. Благодаря сломке жилищ рыбаков, которые останавливали воду, и прорытию порогов, нижнее озеро, Бривио, было уничтожено, а другие озера значительно уменьшены. Различные озера Бриянца, тянувшиеся цепью между ветвью Лекко и Комо и дополнявшие некогда треугольную кайму вод высокой горной группы Ламбро, большею частию осушены и покорены земледелию. Самые значительные из них, по свидетельству Паоло Джиовио, составляли одно озеро, именно озеро Эвпилийское.

Дно озера Комо достаточно исследовано, чтобы судить о ходе его поднятия наносами. Промера дна показали, что в северной части озера ил наполнил все первоначальные неровности подводной долины и совершенно уравнял площадь резервуара. Даже в средних местах и в ветви Лекко, где наносы Адды могут отлагаться лишь в весьма слабом количестве, дно почти горизонтально. В ветви, которая направляется в Комо и в которую не изливается ни один значительный приток, дно бассейна уже гораздо неправильнее; конечно, оно не сохранило своей первоначальной формы, потому что земляные частицы и мелкие животные постепенно падают с поверхности, но впадина не превратилась еще от этого в наносное ложе,

как в той части озера, куда изливается река Адда. Эта разница между двумя профилями дна представляет доказательство подводной работы рек, которые всевозможным образом способствуют опорожнению озерного резервуара: внизу они промывают ложе, вверху доставляют



Вилла Сербеллони на Комскомъ озерѣ.

толстые слои наносов, а на дне постоянно отлагают ил. Вследствие последней-то работы Комо и все другие альпийские озера имеют относительно довольно незначительную глубину: глубочайшия места озера имеют не более 400 метров. Гладя на крутизны скал, уходящих в

воду своими основаниями, можно было бы подумать, что озерные впадины гораздо глубже, чем в действительности: так, продолженные склоны Домассо и Монтеккио в северном бассейне дали бы глубину более 700 метров.

Озеро Себино или Изео и озеро Идро, к востоку от Ларио, питаемые потоками, текущими из льдов Адамелло, представляют те же явления быстрого засорения; но большое Бенако или Гардское озеро, самое обширное из альпийских озер, напротив, весьма постоянно в своих очертаниях и форме своего ложа, вследствие незначительного, в сравнении с вместимостью, количества получаемой им воды. Если бы соседняя Адиж следовала бы древнему течению громадной тирольской ледяной реки, а не нашла себе прохода сквозь ущелья известковых Веронезских гор, Бенако наверное обратилось бы в твердую землю на большей части своего протяжения. Что касается древних озер венецианских Альп, то они давно уже исчезли, за исключением нескольких небольших бассейнов, что должно приписать, вероятно, быстрому разрушению разселистых утесов доломитовых гор. Бассейн нижнего Тальяменто, место которого обозначается еще обширными торфяниками, представляет собою, повидимому, долее всех сохранявшееся восточное альпийское озеро.

Итальянские альпийские озера, с поверхностью более 10 квадратных километров, суть следующие:

Озера	Средняя поверхность	Средняя высота	Глубина Крайн	Средн	Приблизитель вместимость, куб. мет.
Озеро Орта	14 кв. кил.	342 мет.	147	100	1.400.000.000
Вербано или Маджиоре	211 „	199 „	375	210	44.000.000.000
Озеро Варезе	16 „	235 „	26	10	162.400.000
Черезио или Лугано	50 „	271 „	279	150	7.200.000.000
Ларио или Комо	156 „	202 „	406	247	35.000.000.000
Себино или Изео	60 „	197 „	298	150	9.000.000.000
Озеро Идри	14 „	378 „	122	100	14.000.000.000
Бенако или Гардское озеро	300 „	65 „	195	120	36.000.000.000

Озерные бассейны Итальянских Альп, как и все резервуары этого рода, служат регуляторами вод изливающихся в них рек. Они собирают в себя избыток воды во время половодья, чтобы отдать его во время засухи. Их собственный переход от высокой к низкой воде служит мерою колебаний речного уровня в выходном истоке. В Гардском озере, представляющем настоящее море относительно площади, с которой оно получает свои воды, эта разница уровней довольно незначительна, и Минчио течет всегда спокойною и чистою волною под черными арками Пескиерских гор. Но не то представляют Комо и Вербано. Количество воды, приносимой притоками этих озерных бассейнов, таково, что разница между мелководьем и половодьем составляет несколько метров, и выходные реки в своих изменениях уровня представляют отношение единицы к восьми. Так, Адда и Тичино, при выходе из альпийских озер, несут, по Ломбардини, следующее количество воды в секунду, выраженное в кубич. метрах:

	Среднее	Наименьшее	Наибольшее
Адда	187	16	817
Тичино	321	50	4.000

Переходя от крайнего мелководья к сильнейшим разливам, озеро Комо поднимается почти на четыре метра в вышину и увеличивается на восемнадцать квадратных километров в поверхности. Вербано, еще более неправильное в своем режиме, подымается иногда более чем на семь метров над уровнем низшей воды, и тогда поверхность его бывает на одну пятую более, чем при мелководье. Во время этих страшных разливов Тичино несет почти такое же количество воды, как Нил при среднем уровне; но этот потоп не представляет даже и половины той массы воды, которая изливается в озерный резервуар всеми его притоками. Если бы озеро Маджиоре не умерило прибыль воды, удерживая ее в своем резервуаре, то равнины Ломбардии были бы попеременно то затоплены водою, то лишены необходимой влажности.

Поэтому альпийские озера Италии имеют весьма большое значение в общей экономии страны. Так, они имеют известное умеряющее влияние на климат, вследствие большей равномерности температуры, сохраняемой жидкими массами в сравнении с атмосферой. Кроме, того, они, как естественные пути торгового обмена между равниною и верхними долинами, и как резервуары животной жизни, должны были привлечь население на свои берега, которые теперь усеяны многочисленными деревнями. Причину же существования по берегам больших озер множества дворцов и вилл, как в римскую эпоху, так и впоследствии, после того как отхлынули толпы варваров, составляет, главным образом, красота береговых пейзажей. В наши дни эти виллы насчитываются сотнями, и целые толпы посетителей беспрестанно устремляются в эту чудную страну. И действительно, не много мест в Европе могут сравниться с этим очаровательным заливом Палланца, в котором раскинуты Борромейские острова, с их рыбачьими селами, дворцами и почти тропическою растительностью! Не менее прекрасен и полуостров Белладжио, который походит на висячий сад, разбитый в виду высоких снежных Альп, и с которого видны две неровные ветви Комо, разбегающиеся между корридорами скал, нивами и виллами; но еще пленительнее, если только это возможно, прелестный полуостров Сермида. который выступает в синеву Гардского озера подобно тонкому стебельку, развернувшемуся в разноцветный венчик.

Горные озера весьма не похожи на озера нижней равнины, которые можно было бы сравнить с постоянным наводнением, но которые большею частию исчезли, благодаря труду земледельцев, спустивших их в ближайшие реки. Так, большое озеро Джерондо, упоминаемое в документах средних веков и находившееся к востоку от Адды, в округах Кремоны и Лоди, оставило после себя лишь болотистую лощину или *мози*, и многолюдный остров Фулькерия, отделявшийся водою от остальной равнины, ныне соединен с нею. Озера на южном берегу По, к северу от Гвасталлы, точно также осушены, и если не перестали еще существовать два, впрочем неглубокия, Мантуанские озера, то это потому, что в двенадцатом веке их удержали плотинами, чтобы они не обратились в болота. Но, конечно, было бы лучше спустить их и избавить город от продолжительных осад и их несчастных последствий.

Болота Адриатического побережья, обозначаемые вообще названием *лагун*, точно также уменьшаются с веками в своих размерах; правда, за ними в море образуются новые лагуны, но старые мало-по-малу исчезают. Старинные карты венецианского берега сильно отличаются от тех, что мы видим ныне; и однако же эти значительные перемены были делом немногих столетий. Каорлийские болота, между устьем Пиаве и заднею частью Триестского залива, так изменили свою форму, что невозможно и восстановить прежнюю топографию страны: знаменитые лагуны Венеции и Киоджии сохранили некоторое постоянство очертаний только благодаря непрерывному вмешательству человека, но лагуна Брондоло засорена уже с средины шестнадцатого века. Большая лагуна Комаккио, к югу от устьев По, разделена на множество частей плотинами из наносов, построенными реками в их блуждающем течении, и почти все её пространство состоит из *валли* или обширных отмелей наносных земель: впрочем, в юго-восточном углу её есть несколько и глубоких мест или *киари*—не засоренных еще остатков Адриатического моря. Лагуна Комаккио, посредствующее пространство между землею и водою, продолжалась некогда на большое расстояние к югу и образовывала лагуну Падузу, которая окружала своими каналами стоящий ныне на твердой земле город Равенну; описания этого города, данные Страбоном, Апполинарием Сидонским, Иорнандесом и Прокопом, вполне соответствуют полуостровному городу, как Венеция и Киоджия. Падуза засорена уже давно, но все-таки невысохшие еще пространства Комаккио занимают около 300.000 гектаров; средняя глубина их один или два метра.

Несомненно, что некогда воды Адриатического моря отделялись от внутренних лагун полосою земли, стрелкою в роде тех, которые окаймляют берега Каролин и Бразилии. Этот первобытный берег, тянувшийся километров на двести, частями существует еще теперь: Венецианские и Комакийские *лиди*, прерываемые там и сям брешами, дающими доступ живо-

творному приливу и служащими для прохода кораблей, суть не что иное, как остатки этого наружного побережья. В других местах следов этих должно искать не в море, а на твердой земле. Так, низкий полуостров, выдвинутый в море рекою По, пересечен с севера на юг рядами дюн, которые составляют продолжение венецианских *лиди* и даже продолжаются в болоте Комаккио параллельными нынешнему берегу возвышениями. Эти древние берега, между Адижем и Червией, относящиеся по крайней мере к римской эпохе, покрыты лесом мрачных и величественных сосен, с почти всегда опущенными и стонущими от морского ветра ветвями. В некоторых местах, в силу естественной сменяемости произведений почвы, сосны заменены дубами; кустарники подлеска состоят, главным образом, из боярышника и можжевельника. Здесь встречается еще кабан. Зима 1879-1880 г. была гибельной для многих из этих береговых рощ.

По мере того, как засоряются воды, охраняемые этими естественными валами от волн открытого моря, и наносы выступают наружу, море овладевает песками, точно также разносит их и образует постепенно новые криволинейные косы, подобные первым; так, непосредственно к югу от главного рукава По, расходятся веером три такия цепи дюн, начинающиеся в одной точке. Точно также к востоку от Равенны, главная дюна, одетая сосновым лесом, с его мрачною зеленью, на пространстве тридцати пяти километров в длину, при изменяющейся от пятидесяти до трех тысяч метров ширине, сопровождается двумя другими рядами дюн, из которых один уже закончен, а другой еще находится на пути образования. Для поднятия их трудятся совместно и волны, и ветер. Нормальное приращение берега, вдали от всякого речного устья, равняется, по мнению Парето, 230 метрам в столетие, а по близости текучей воды—гораздо значительнее.

Таким образом, все свои последовательные отступления море само отмечает рядом барьеров. Правда, оно производит иногда и обратные затопления, вследствие необъясненного еще понижения берегов Венецианской области. Так, мель Кортеллаццо, представляющая подводный бар из гравия, который тянется параллельно берегу Каорлийских болот, при глубине двадцати метров, в древнюю геологическую эпоху, составляла, повидимому, морской берег, исчезновение которого возвратило открытому морю пространство более, чем в тысячу квадратных километров. Цепь островов, окаймлявших в древние времена и даже в начале средних веков побережье Аквилеи, ныне исчезла почти совершенно. В римскую эпоху острова эти были весьма населенны, имели строительные верфи; на них были леса и пашни. Хроники средних веков рассказывают, как венецианский дож и аквилейский патриарх охотились на этих островах за оленями и кабанами, к большому неудовольствию жителей. Теперь же от ряда земель и защищавшей их полосы дюн остались только слабые следы, кустарники заменили собою леса и пашни, и Градо составляет единственную местность, в которой еще есть несколько жителей. О бывшем протяжении суши свидетельствуют молы, стены, мозаические мостовые и даже камни с надписями, находимые под водою моря и под болотами. Далее к западу венецианский берег опустился точно также. Под землею, на которой стоит ныне город лагун, бурение артезианских колодцев обнаружило существование четырех, расположенных друг над другом, слоев торфяника, из которых один, глубиною в 130 метров, служит мерою совершившагося здесь необыкновенного оседания почвы. Уже в историческую эпоху подземная церковь св. Марка стала подводною; мостовые, улицы, дороги и различные другие сооружения мало-по-малу опускаются под поверхность лагун, вследствие-ли естественного оседания ила, или вследствие совершенно иной геологической причины; и если море не затопляет постоянно своих берегов, то это только потому, что речные наносы вознаграждают с избытком понижение почвы. Равенна также оседает; пьедесталы её памятников уходят постепенно под мостовую улиц. Г. Парето определяет понижение по 15 сантиметров в столетие. В плиоценовую эпоху движение почвы совершалось в обратном направлении, потому что весь Пиемонтский залив в настоящее время выше Адриатического моря.

Наиболее деятельными геологическими агентами, работающими постоянно для измене-

ния различных отношений земли и моря, суши и вод, являются реки и ручьи расположенной у подножия Альп равнины. Перемены, производимые ими во внешней форме планеты, так быстры, что, несмотря на краткость человеческой жизни, мы можем быть их непосредственными свидетелями. Ни одна страна в Европе, кроме Голландии, не изменялась так часто от действия воды, как Северная Италия.

Один из самых замечательных примеров этих геологических переворотов представляет ручей Изонцо (служащий в части своего течения границею между Австрией и Италией), если только правда, что он в римскую эпоху и в начале средних веков был, как это весьма вероятно, подземным притоком истрийского Тимаво, и самостоятельною рекою сделался лишь в недавнее время. Древние писатели, знавшие хорошо эту область Италии, вовсе не причисляют Изонцо к рекам, изливающимся в Адриатическое море, и упоминают о ней в первый раз в начале шестого века, как о простой реке внутренней долины, под именем Сонциус. На карте Пейтингера также показано место *Ponte Sonti* (моста на реке Сонциус), но гораздо восточнее Аквилеи, около истоков Тимаво. О перипетиях её образования хроники умалчивают. Геологическое изучение окружающих гор позволяет думать, что первоначальные воды нынешнего бассейна наполняли некогда долину Тольмейн на верхнем Изонцо, и что избыток их вытекал не к югу, как ныне, а к юго-западу, чрез ущелье Капоретто, дно которого еще и теперь так же ровно, как ложе реки, кроме одного места, в котором обвалы скал, повидимому, прерывали древний канал истечения. По выходе из этого ущелья, Изонцо впадал в Патиссону, которая, соединясь с другими реками этого склона Альп, омывала стены Аквилеи и несла в море такую значительную массу воды, что суда могли подыматься далеко вверх по течению. Принужденный переменить течение и прорваться сквозь теснину, где всего около 6 метров ширины, при глубине 28 метров, Изонцо потек к югу, чтобы излиться вместе с Виппахом в другое озеро, бывшее некогда данником Тимаво и соединявшееся с ним подземными ходами. Но озеро это опорожнилось, как и первое, и тогда Изонцо мог вступить прямо в нижнюю равнину и направиться к морю независимою рекою по руслу, которое он не переставал перемещать постепенно к востоку. В 1490 г. он ринулся по означенному направлению внезапно и причинил великия бедствия. С тех пор он употреблял свое время на постройку в море полуострова Сдоббы, пред Монфальконскою бухтою, и на присоединение к суше многих островов.

Тальяменто, который берет начало среди гор ближе Изонцо и верхния долины которого получают ежегодно значительное количество дождя, является еще более деятельным работником, чем его пограничный сосед. По выходе своем из узких ущелий, в которых сперто его верхнее течение, он отложил в равнине громадное поле наносов; отсюда он разливается то направо, то налево и опустошает своими разливами все, оставляя после себя лишь пустыню, усеянную галькой, вместо лугов и пашен. Летом масса его воды, низведенная до узеньких струек, извивается среди камней, между тем как после больших дождей он становится могучею рекою в несколько километров ширины и бывает тем опаснее, что он как-будто висит над прибрежными местностями: так напр., почва города Кодронцо на 9 метров ниже его русла. Не менее опустошительны и верхние притоки Ливенцы—Медуна и Целлина, к западу от Тальяменто: их соединительная дельта, неподалеку от Порденоны, представляет поле округленных камней, пространством около тридцати квадратных километров, а книзу, в прибрежных лагунах, извилистые песчаные валы напоминают о другого рода работе потоков —это высокие откосы, построенные ими с каждой стороны их бывших русл. Замечательно, что все эти ручьи, изливаясь в море, отбрасывают свои наносы на западное побережье; их ил, увлекаемый береговым течением, отлагается регулярно вправо, и именно с этой стороны совершается непрерывное приращение берега материка. Благодаря этому-то течению и мог сохраниться Монфальконский залив, несмотря на громадное количество наносов Изонцо.

Пиаве, самый значительный поток к востоку от Адижа, также представляет грубую силу, опустошающую поля, заваливающую болота и образующую в море новые пляжи. Здесь, как и в устьях Изонцо, Тальяменто и Ливенцы, берег быстро подвигается вперед, так что

древняя Гераклея, ныне Читтанова, осталась далеко на суше, как на востоке города Порто-Груаро и Аквилея. В среднем, приращение берегов составило около десяти километров в две тысячи лет.

Прежде думали, что история Пиаве также представляет пример переворота, не менее замечательного, чем переворот, совершонный Изонцо: полагали, что река эта совершенно изменила свое русло более, чем на половине своего течения, как в области гор, так и в нижней равнине. Вниз от дикого ущелья доломитовых Альп, в том месте, которое называется Каподи-Понте, Пиаве спускается к юго-западу, к Беллуно, и соединяется с Кордеволою долиною, которою она и течет до самого моря; но предполагали, что долина Раи, которая открывается к югу от Capo di Ponte и, повидимому, продолжается на другом склоне долиной Мескио, составляет естественное продолжение верхнего русла Пиаве. Таково было общее мнение, и венецианский сенат поднимал даже вопрос о том, не следует ли направить воды Пиаве в её древнее русло, чтобы этим ослабить силу наводнений, производимых Кордеволой. Молва говорила, будто, вследствие землетрясения или вследствие естественного оседания скал, откосы возвышавшейся над Пиаве горы Пинеи, представлявшей границу между долинами Раи и Мескио, обрушились в двух местах, и поперек долины образовались два огромные барьера щебня. У подошвы этих куч обломков, на которых теперь находятся нивы и деревни, есть маленькия озера, на которые указывали, как на остатки древнего русла реки. Но наблюдения Мортилье разрушили окончательно эту гипотезу перемены течения Пиаве ниже Capo di Ponte. Оказалось, что раздельный порог не продукт обвала, как раньше думали, а ледниковая морена, залегающая на скалах, составляющих часть самого остова страны.

Тем не менее следует считать достоверным факт, что обвалы в бассейне этой реки имели место. Так, Кордевола, самый большой из притоков Пиаве, испытала большие перемены в относительно недавнее время, именно в 1771 г. Зеленеющие террасы Пеццы, против громадной стены горы Чивиты, изборожденной вертикальными расселинами, начали скользить по наклонной плоскости рыхлых слоев, и сперва медленно, а потом разом грохнулись в долину. Две деревни были раздавлены, а две другие затоплены превратившеюся в озеро Кордеволою. Когда вода спокойна, в ней видны еще остатки затопленных домов города Аллеге, бывшей метрополии долины.

Река Брента, берущая начало на тирольской территории, в дивной долине Суганы, всегда причиняла венецианцам много забот, по причине того беспорядка, который производят её воды и наносы в режиме лагун. Прежде она изливалась при Фузине в венецианский лиман; но её наносы запружали каналы и заражали атмосферу. Падуанцы и другие жители низких равнин были заинтересованы в том, чтобы река избрала себе самый прямой путь к лагунам и, понизив свой уровень, не пугала бы их наводнениями; венецианцы же, напротив, хлопотали об удалении Бренты и о сохранении глубины и здоровостп в лагунах. Это столкновение интересов было причиною многих войн, представлявших настоящую борьбу за существование. Отвоевание берега у суши стало для Венеции вопросом жизни и смерти, и с тех пор, как республика одержала победу, она принялась за дело перемещения реки. Посредством двух каналов, сначала первого, *Brenta nuova* или Брентона, а потом второго, *Brenta nuovissima*, реку отвели так, что она обошла всю лагуну и стала изливаться, вместе с Бакильоне и небольшими падуанскими ручьями, в порт Брондоло, в нескольких километрах к северу от устья Адижа. Но Брента, течение которой так значительно удлинилось, должна была течь по поднятому руслу, и удерживать ее в боковых плотинах можно было только с большим трудом. С 1811 по 1859 г. река двадцать раз прорывала эти плотины, а постепенное поднятие русла грозило еще более частыми несчастиями. Тогда решились укоротить течение на 16 километров, отведя ее в одну из частей лагуны Киоджио. Действительно, опасность разрывов была на время отвращена и, кроме того, Брента, наносы которой овладевают постепенно соленою водою, дала Италии площадь новой земли в 30 квадр. километров; но рыбный промысел в этой части озера совершенно исчез, и в городах соседнего побережья появилась лихорадка. Болезненность среди населения увеличилась в пять раз с тех пор, как

пресные воды Бренты стали смешиваться с соленою водою лагуны. Техники не знают, как устранить капризы этих ужасных соседей, стремительных рек.

Нет сомнения, что без всех этих усилий венецианских инженеров лагуны Лидо, Маламокко, Киоджия были бы с веками засорены, как и находящиеся далее к востоку лагуны Градо и Аквилея, но Венеция всегда понимала, с какою заботливостью она должна хранить свое драгоценное внутреннее море: она запретила даже обработывать *барены*—маленькие, непокрываемые водою во время приливов островки,—опасаясь, и основательно, чтобы жадность земледельцев не заставила их овладеть постепенно водною областью. Гидрологи республики не ограничились отведением всех ручьев, изливавшихся прежде в венецианские лагуны, но удалили к востоку, посредством искусственных каналов, и устья Сила и Пиаве для ограждения порта Лидо от соседства опасных речных наносов; они обсуждали даже громадный проект о сведении всех альпийских рек, от Изонцо до Бренты, в один большой обводный канал, который выносил бы всю массу ила к югу от лагун. Но этот гигантский план не мог осуществиться; наносы, принесенные береговым течением, заперли порт Лидо, и в конце пятнадцатого столетия пришлось его оставить и перенести на 12 километров к югу, на «проток» Маламокко, большого военного порта Венеции. Для защиты от наносов мусора громадные плотины или *murazzi*, которыми укреплена песчаная береговая коса, вооружены особыми откосами, и с некоторого времени из Маламоккского бара выдвигается в море, как огромная рука, плотина в 2.200 метров, которая задерживает морские наносы.

К югу от общей дельты Адижа и По, большая часть потоков, стекающих по параллельным долинам Апеннин, точно также блуждают в своем течении, как и реки венецианской Италии, и приводят инженеров в такое же отчаяние. Реки, орошающие округа Пиаченцы и Пармы—Треббия, Таро, Энца и другие соседние ручьи—протекают между Апеннинами и По в слишком узком поясе равнины, чтоб им возможно было видоизменять топографию на больших протяжениях. Но совсем другое дело в больших равнинах Модены, Болоньи, Феррары и Имолы: там все реки перемещали на просторе свои всегда изменчивые извилины, и страна покрыта развалинами плотин, между которыми прибрежные жители тщетно старались запереть реки. Самый город Модена был разрушен разливами Секкии и других рек, соединившихся в общий потоп. Танаро, Рено и параллельные им реки, изливающиеся к северо-востоку либо в обводный канал лагун Комаккио, либо непосредственно в море, также все имеют свою историю разрушений: их то благословляют за плодоносные наносы, то проклинают за опустошительные наводнения. Один из этих потоков, вероятно, Фиумичино, представляет собою тот знаменитый Рубикон, который служил границею римской Италии и который перешел Цезарь, произнеся роковые слова: *Alea jacta est.* Устье Фиумичино находится в 16 километрах от Римини, т.е. почти в том расстоянии, какое показано на карте Пейтингера для Рубикона, но так как потоки этой области изменяли весьма часто свои русла в прибрежных наносах, то вряд-ли кто отважится указать наверное пункт перехода Цезаря. Гуастуцци, Тонини и вслед за ними Дежарден, который изучал вопрос на месте, полагают, что верхняя Писчиателло, называемая еще и ныне в тех местах Ургоною или Ругоною, поворачивала к югу при своем входе в равнину и соединялась с нынешнею Фиумичино немного выше римского моста Савиньяно.

Из всех апеннинских рек всего изменчивее и опаснее—Рено. Слой аллювиальной почвы, принесенный ею в равнину, имеет от запада к востоку не менее 30 километров, и когда она прорывала где-нибудь в слабом месте свои плотины, то кидалась вправо или влево от валов, построенных ею же из её собственных наносов. Понятно, каковы должны быть неожиданные капризы потока, масса воды которого колеблется, смотря по временам года, от одного до 1.100 кубических метров в секунду, и который в некоторых местах течет на высоте более, чем на 9 метров над прибрежными равнинами. В течение нынешняго столетия опасность возрасла еще более, вследствие почти полного обезлесения склонов его бассейна. Инженеры, сбиваемые с толку неправильностями наводнений, предпринимали самые разнообразные работы и предлагали самые противоречивые проекты для укрощения этого врага, который

ужаснее побежденного Геркулесом Ахелоя. Сперва его отвели в По, потом повернули к востоку и пропустили прямо в море; предполагали также предоставить ему лагуну Комаккио, для сплавления ила на одно или два столетия. Но каждый новый отвод имеет свои неудобства: одни радуются освобождению от этого неудобного соседства, другие же, напротив, жалуются на наводнения, на приносимые ими лихорадки, на вред рыболовству и судоходству. Окончательное засорение песками Феррарского По произошло преимущество вследствие наносов того же Рено. Самый лучший план гидрографических улучшений был предложен инженером Манфреди и состоит в том, чтобы вдоль подошвы Апеннин вырыть новую реку, в которую впадали бы все горные потоки. Этот канал следовал бы общему склону равнины, сопровождая течение По с юга, как Адиж сопровождает его с севера, а промежуточное пространство орошалось бы во всех направлениях искусственною системою каналов. Проект грандиозен, но очень дорог и не может скоро осуществиться.

Одно весьма любопытное географическое открытие, сделанное знаменитым гидрологом Ломбардини, даст возможность узнать, просто по расположению полей, в каких местах земля низких равнин Эмилии была преобразована ручьями, и где начинались берега ныне засоренной древней лагуны Падузы. По Эмилийской дороге, между Чезеною и Болоньей, а также местами около Модены и Пармы, путешественника удивляет вид одинаковых дорожек, идущих совершенно параллельно друг другу, на одинаковом одна от другой расстоянии и перпендикулярно большой дороге в направлении к северо-востоку, к Полезине; все они пересекаются под прямыми углами с другими, точно также правильными, дорожками, так что поля имеют совершенно одинаковую поверхность. С предгорий Апеннин поля эти похожи на шахматную доску зелени или желтеющих нив, и подробные карты показывают, что земля в этих местах действительно разделена на геометрически равные прямоугольники в 714 метров длины и 51 гектар поверхности. Каждый такой квадрат представляет именно римскую *центурию*, и Тит Ливий рассказывает нам, что все эти земли, по отнятии у галлов, были измерены, оценены и разделены между римскими поселенцами. Следовательно, не подлежит сомнению, что эти столь правильные сети дорог, каналов, борозд существуют двадцать веков, и сделаны, очевидно, римскими ветеранами. Извилистая линия, идущая в направлении По, параллельно берегу древнего озера, определяет границу этого разделенного геометрически пространства и тех более низких земель, где начинается обыкновенный лабиринт канав и извилистых тропинок: очевидно, до этих мест и простиралась некогда засоренная наносами потоков лагуна. Наконец, эта сеть полей резко прерывается около рек, и причина этого заключается в опустошениях, производимых повторяющимися наводнениями. Конечно, можно думать, что границы обработанных полей в большей части стран сохраняются без перемен в течение целых веков, но положительно утверждать этого нельзя; между тем на равнинах Эмилии, среди местностей, большая часть которых изменена потоками, мы видим проведенные римским кадастром линии вполне сохранившимися в своем первоначальном, правильном виде. Наводнения и войны, низвергшие столько памятников и разрушившие столько городов, не могли в течение двух тысяч лет ни переместить тропинок, ни уничтожить полевых борозд. Равнины по другую сторону По, простирающиеся к юго-востоку от Постумийской дороги, между Тревизой и Падуей, по правильности расположения полей и дорог, представляют совершенное повторение эмилийских колоний.

Река По, по отношению к пространству своего бассейна и к длине своего течения, испытала меньше изменений, чем Пиаве и Рено, но богатство и население окаймляющих ее городов, её полей, обилие воды, громадность предпринятых для её регуляризации работ дают исключительное значение всякому малейшему уклонению её течения. По—великая река древнего Адриатического лимана, это—«Отец», как говорили римляне.

Поток, питаемый снегами Визо, вероятно, по причине красоты этой господствующей горы, считается главною ветвью великой реки и дает ей свое имя; но Макра, Варанта, Клузона могли бы оспаривать у него эту честь: воды у них при входе на равнину не меньше, и в

местностях, орошаемых их каналами, они распространяют не меньшее плодородие. Но общее ложе их скоро иссякло бы, если бы на помощь им не являлись другие реки горного полукруга. как-то, Дора-Рипария, Малая Стура, Орко, Дора-Балтея, питаемые ледниками Мон-Блана, занимающими поверхность в 72 квадратных километра, еще более обширными ледниками Большего Парадиза и некоторыми ледниками Мон-Розы. Затем в По текут с севера Сезия, с юга Танаро, соединяющая в своем русле воду Апеннин с водой Альп, и наконец Тичино, важнейший из притоков этой реки. По массе воды, он далеко превосходит все реки, вытекающие из альпийских озер: Адду, Олио, Минчио: «без него, говорят лодочники, *il Po non sarebbe Po*» (река По не была бы По). Из всех речных бассейнов Европы, равнина северной Италии изливает в море наибольшую, сравнительно с протяжением, массу воды: незначительные по своей длине реки, благодаря обилию альпийских снегов и дождей, несут весьма большое количество воды. Многие из больших притоков По составляли некогда весьма серьезные препятствия для движения армий, и неудивительно, что Тичино, Минчио, Энца, точно так же, как и сам По, служили политическими границами.

Ниже слияния своего с Тичино и в особенности вниз от устья Адды, По несет к морю уже пять-шестых воды своего бассейна и совершенно теряет характер горного потока. Он не катит уже ни одного камня, и самый песок его русла размельчен в тонкую пыль: на берегах его не видно никакого возвышения, ни одного плато древних переходных местностей, кроме небольшой группы Сан-Коломбано; он мог бы свободно разгуливать по полям, если бы не удерживался справа и слева плотинами или *argini*, которые, после голландских плотин, составляют самую полную и наилучшим образом расположенную систему оградительных валов в Европе. Вероятно, берега реки были защищены таким образом от разлитий еще во времена этрусков, ибо уже Лукан описывает плотины так, как-будто они существовали с незапамятных времен; но во время нашествия варваров прибрежные жители перестали продолжать борьбу с водою, потому что борьба эта, вследствие войны и бедности, стала для них невозможна, и только с девятого века начали приниматься за возобновление этих сооружений. В 1480 г. работа была совершенно окончена, по крайней мере настолько, насколько это возможно. Понятно, какую огромную важность представляет хорошее содержание плотин, потому что пространство защищенных ими местностей составляет 1.200.000 гектаров; местности эти дают земледельческих продуктов более, чем на двести миллионов, и представляют капитал в несколько миллиардов, к которому надо присоединить еще ценность прибрежных городов и находящихся в них промышленных заведений. Впрочем, города защитить легко, благодаря предусмотрительности их древних строителей, этрусков и кельтов, которые заботились об устройстве под городами искусственных террас, превышавших самый высокий уровень воды при наводнении. Только в начале нынешнего века постоянное возвышение уровня половодья, происходящее частию вследствие обезлесения гор, заставило жителей Реверы, Сермиды, Остильи, Говериоло, Боргофорте и других городов на берегах По окружить свои жилища вторым, дополнительным поясом плотин. С 1801 по 1872 г., по Ланчиани, уровень половодья По у Понте-Лагоскуро возрос с 6,81 метр. на 7,94.

Сплошные плотины по обоим берегами начинаются выше Кремоны. Во всех опасных местах они усилены при помощи «траверсов» или «противоплотин» и вторичных валов, построенных за первыми на случай, если бы последние не выдержали напора воды. В нижней части течения все притоки По обнесены плотинами точно так же, как и бывшие речные русла и каналы, сообщающиеся с водою в половодье. Вся сеть плотин, возведенных в нижней долине По, составляет, по крайней мере, тысячу километров в длину. Кроме того, самое русло реки пересечено во всех направлениях насыпями меньшей высоты, на которых находятся поля, ивняки и даже виноградники. Действительно, немного мест, в которых вода течет непосредственно у основания *froldo* или главной плотины: пространство, оставленное для принятия вод наводнения, имеет несколько километров ширины, а река от одного берега до другого имеет обыкновенно только от 200 до 500 метров. Значит, остается еще большая площадь свободных земель, которую прибрежные жители разделили на участки *golene* и окружили их плотинами, для защиты от обыкновенных разливов. Плотины голен, по предписа-

ниям синдикатов, должны быть на полтора метра ниже большой охранительной плотины, с тою целью, чтобы сильные разливы могли ослабляться, наполняя первоначально бесчисленные резервуары, занимаемые прибрежными полями. К несчастно, многие землевладельцы, желая охранить свою частную недвижимость, хотя-бы в ущерб всей стране, поднимают свои плотины до уровня *froldo* и, сокращая таким образом русло реки, усиливают опасности общего наводнения. Несмотря на все» прекрасные проекты, предлагаемые во имя общественного интереса, между общинами и синдикатами еще слишком сильна древняя система, выраженная в ужасной поговорке: *Vita mia, morte tua!* (Мне жизнь, тебе смерть!). Артур Юнг и другие писатели рассказывают, что фермеры часто умышленно проламывают бреши в плотинах противоположного берега, чтобы, губя ближнего, сохранить свой урожай. Поэтому плавание по реке По во время половодья ночью дозволялось только некоторым привилегированным лодкам, и речные стражи стреляли по всем остальным.

Русло наводнения, обведенное защитными плотинами, к югу мало-по-малу съуживается; от 6 километров оно уменьшается до 3, до 2 и даже до 1 километра. Наконец, на каждом из рукавов дельты пространство между плотинами имеет уже только от 300 до 500 метров ширины. Но этого вовсе недостаточно для прохода воды в наводнения, при которых она подымается до 8, до 9, а иногда даже и до 9 с половиною метров выше обыкновенного уровня. Впрочем, случалось зачастую, что прибрежные общины, или по недостатку денег, или по беззаботности, не принимали необходимых предосторожностей для поддержания плотин, и потому целые области оказывались иногда опустошенными только потому, что не были заделываемы кротовьи норы. Когда в плотине образуется трещина, и ее не зачинят сейчас же, происходят ужасные несчастия: не только погиб весь урожай, не только разрушены деревни и разрыта земля, но и спасшиеся там и сям жители подвергаются голоду, а вслед за голодом людей подбирает тиф. Разливы По, вместе с землетрясениями в Калабрии и болотными лихорадками морского побережья, составляют для Италии величайшие бедствия. В 1872 г. все пространство между Секкией и морем, от Мирандолы до Комаккио, превратилось в море, на котором там и сям виднелись, подобно островам, стены и дворцы городов. Часть суши, завоеванная на время водою, составляла не менее 3.000 квадратных километров, с 300.000 жителей, и ограничивалась с севера только плотинами Адижа и с юга плотинами Рено. Два года спустя, об этом наводнении напоминали еще лужи, и поля долго еще оставались бы под водою, если бы для осушения этих разбросанных озер не прибегли к употреблению паровых машин. Не менее сильное наводнение постигло побережия По в 1882 г. Больше всего разрушений оно произвело в равнинах Адижа. У Вероны высота воды была на 1,32 метра больше, чем во время наводнения 1848 г.; понесенных убытков было исчислено слишком на 71 миллион франков.

Понятно, что при этих великих бедствиях только самое отважное и самое деятельное население в состоянии энергично бороться с рекою и охранить свои жилища от волн. Так, во время ужасного наводнения 1872 г. маленькому промышленному городку Остилье удалось отвратить катастрофу, между тем как множество других, менее подверженных опасности, мест были опустошены водами. Город этот построен у самого края фрольдо, без сооружений передовых второстепенных плотин, на выемке бухты, на которую наталкивается течение. Насыпи грозила опасность быть прорванной, и жители сейчас же принимаются за устройство новой. В числе четырех тысяч, все способные к работе люди начинают таскать фашинник, вбивать колья частокола, насыпать землю. Ночь не останавливает работ: ряд воткнутых в землю факелов освещает балки. Но, по мере возрастания второй плотины, первая, сносится водою, и вода подкапывается уже под новую насыпь. Это—борьба на жизнь и на смерть человека со стихиями. Инженеры спрашивают себя всякую минуту, не бить ли набат к бегству, но остильянцы держатся стойко. Армия работников разделяется: одни укрепляют фрольдо, которое они уже окончили, другие строят третий охранительный барьер. Они одерживают, наконец, верх над рекою, и жители Остильи с удовольствием видят с высоты своих победоносных плотин, что воды начинают понемногу собираться в свое ложе. Город же Ревера, находящийся против Остильи и занимающий довольно счастливое положение на кон-

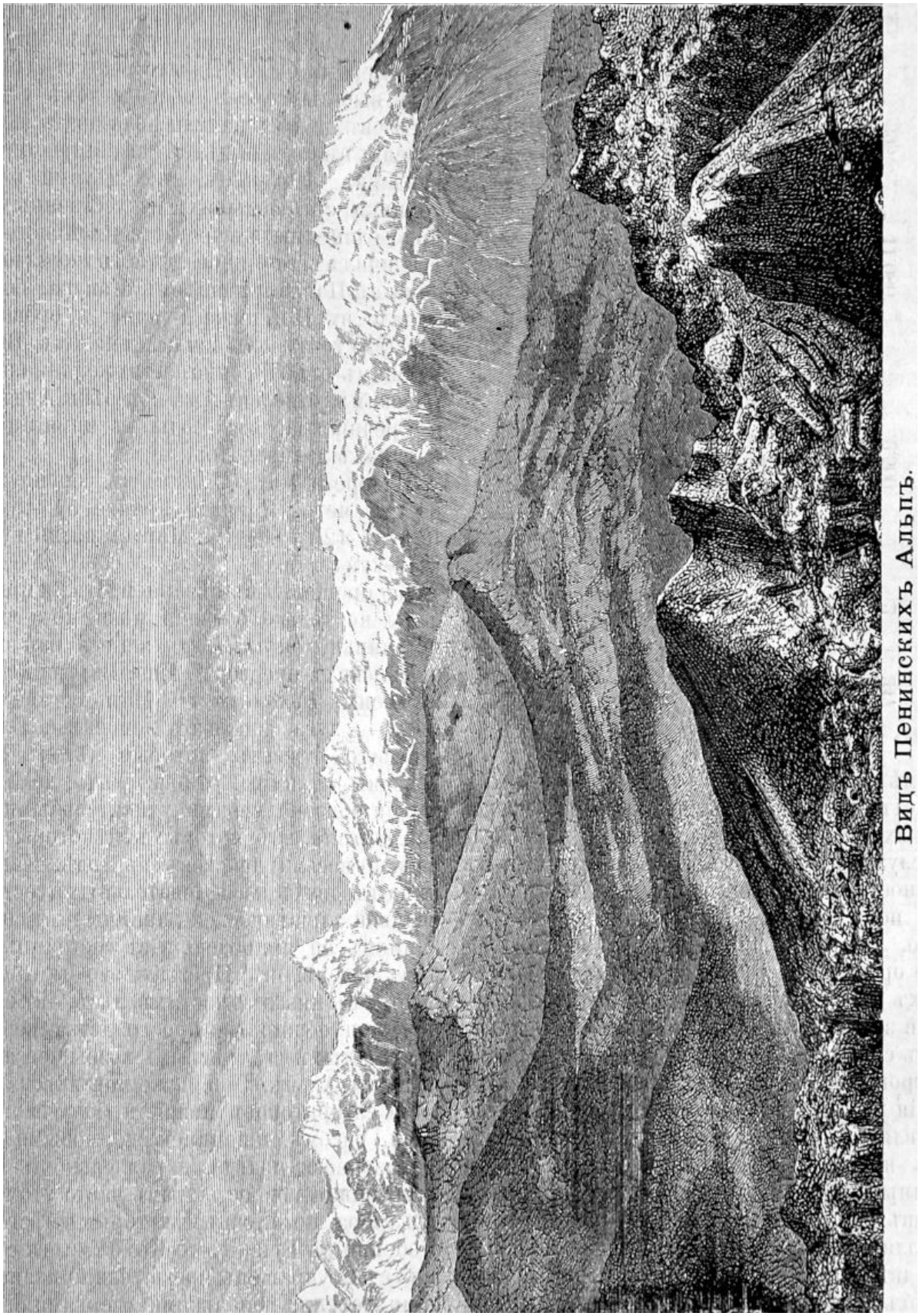
це возвышенности, должен был для своего спасения пожертвовать первым рядом домов и сбросить их в воду, чтобы сделать из них защитительную плотину.

Особенно значительные бреши имели последствием продолжительные изменения в течении По. Одно из таких больших перемещений вод образовало остров во сто слишком квадратных километров, книзу от Гуасталлы, и оставило далеко к югу изгибы По-Веккио, Старого По, преобразованного ныне в простой канал. Поля во всю длину реки, как по правому, так и по левому берегу, своим названием *mezzano* напоминают еще, что они находились когда-то среди потока. Но в самой дельте реки переделки оказались еще значительнее. С римской эпохи и до тринадцатого века главным рукавом дельты был По-ди-Волано, преобразованный в сплавной канал, снабженный шлюзами. Два другие рукава текли южнее чрез ту же лагуну, и след их древнего ложа обозначается извилистыми грядами, по которым устроены проезжия дороги. В какое время они исчезли—неизвестно, но в восьмом веке их уже заменил другой рукав, По-ди-Примаро, который изливался в море недалеко от Равенны, и все нижнее течение которого ныне занято потоком Рено. В 1152 г. произошло новое раздвоение, но в обратном направлении. Плотина правого берега была прорвана в Фикарола, выше Феррары, как говорят, вследствие злоумышленности верхних бережан, которые желали разорить своих нижних соседей, и большой рукав, По-ди-Маэстра или Венецианский По, покинул Феррару среди её болот и высохших русл и, направясь к северу от всех других рукавов, соединился с каналами Нижнего Адижа. Прорывы обыкновенно происходят в тех же самых местах в ноябре, или октябре, и никогда не бывали в январе. Наибольшей опасности прорыва подвергался всегда Корболо, между По-ди-Маэстра и её притоком По-ди-Горо.

Не менее изменений в течении представляет в свою очередь и Адиж или Эч. Едва только эта тирольская река выходит из узкой «клюзы», или «*chiusa*», своих ворот в известковых горах и искусственного ущелья фортов и стен Вероны, как непостоянная часть её русла уже начинает блуждать по равнинам. Во времена римлян Адиж текла гораздо севернее, около самого основания Эвганейских гор, в том самом ложе, которое занято ныне рекою Фразиною, и изливалась в Адриатическое море при порте Брондоло. В 587 г. Адиж прорвала свои плотины, и главная её ветвь приняла то направление, в котором течет еще и теперь и изливается в устье Фоссоны, но продолжает открывать себе новые ходы к югу. В конце десятого века появилась Адигетто-де-Ровиго, которая и пересекла цепь дюн к востоку от Адрии, а затем другой разрыв смешал воды Адижа с водами По в общем русле, которое называют каналом Бианко или По-ди-Леванте. Таким образом Адиж и По составили часть одной и той же гидрографической системы, и суда свободно могли проходить из одной реки в другую естественными каналами. В настоящее время эту сеть внутреннего судоходства регулируют прямолинейные плотины и рвы, но, в геологическом отношении, эти две большие параллельные реки нельзя считать имеющими общее устье. Полезина-ди-Ровиго, т.е. пространство, находящееся между двумя реками, постепенно возвысилось от их наносов, так что теперь оно немного ниже среднего уровня воды. Равнины Полезины Феррарской также немногим ниже По, и слова Кювье, будто уровень реки выше «крыш феррарских домов», повторяются совершенно ошибочно. Точные измерения, произведенные Ломбардини, ученым, который лучше всех знает долину По, показывают, что самые высшие наводнения только на 2 м. 75 с. выше двора замка. Во время больших наводнений, когда вся страна покрывается водою, Феррара служит главным убежищем для сельских жителей именно вследствие относительной возвышенности её местоположения.

И так, разлития По и частые перемены ею своего русла имели последствием почти полное уравнение поверхности прибрежных земель, но с тех пор, как все рукава реки обведены плотинами до самого моря, наносы, приносимые наводнениями, отлагаются главным образом на морском прибрежье и быстро выдвигают дельту в Адриатическое море. Прежде возрастание наносных полуостровов было, конечно, медленнее, ибо между цепью дюн, ограничивающею древний берег, и нынешним берегом, не более двадцати пяти километров, хотя

образование этих земель началось уже в средние века. В течение двух последних веков среднее наростание песчаного острова увеличивается все более и более, и в настоящее время составляет около 70 метров в год, так что присоединяемый ежегодно к суше пояс земли со-



Видъ Пенинскихъ Альпъ.

ставляет 113 гектаров. В исключительные годы река выносит в море более 100 миллионов кубических метров твердых веществ, а между тем уже 43 миллионов, т.е. среднего количества выносимого ею ила, достаточно для образования острова в 10 квадратных километров,

при 4 или 5 метрах толщины. Принимая во внимание незначительность протяжения бассейна, По является самою деятельною из всех «рек-работниц» Средиземного моря: Дунай и Рона не могут сравниться с нею по количеству наносов, а Нил стоит в этом отношении гораздо ниже её. При нынешнем ходе работы, По в тысячу лет образовала бы полуостров в 10 километров ширины через все Адриатическое море и уперлась бы в берега Истрии.

Главные реки северной Италии:

	Длина течения	Пространство бассейна	Наибольший расход	Наименьший расход	Средний расход
Изоцио	130	1450	(?)	(?)	85 (?)
Тальяменто	170	2590	1400	(?)	64
Ливенца	115	2690	1000	(?)	67
Пиаве	215	4100	3000	(?)	60
Сил	60	2660	2520	7	60
Брента	170	2304	870	39	60
Бакильоне	120	1600	770	(?)	30
Адиж	395	11080	2500	2	247
По	672	74907	5156	186	1720
Рено	180	4892	1161	1	37

Кроме естественных рек, северная Италия обладает еще удивительною сетью рек искусственных. Это классическая страна канализации и служит образцом для всей Европы. В особенности Ломбардия, некоторые части Пиемонта, поля Турина, Ломеллина вверх от Тичино, Полезины, Феррары и Ровиго прекрасно орошены системою мелких и крупных водных артерий, разносящих жизнь в форме текучей земли по всем истощенным полям. Еще в средине средних веков, когда почти вся Европа была в состоянии варварства, ломбардские республики применяли уже искусство разветвлять реки до бесконечности посредством ирригационных каналов и осушать низменные равнины посредством сточных каналов; они не нуждались в арабской учености для открытия секретов гидравлики. В конце двенадцатого века Милан, освободившись от немецких стеснений, создал себе настоящую реку, Навильо Гранде, которая была проведена из Тичино, на протяжении 50 километров, и которую умели вырыть с сохранением везде одинакового склона, сделав ее удобною как для плавания, так и для орошения. По всей вероятности, это было первым в Европе большим сооружением подобного рода. В начале тринадцатого века Адда давала еще большую массу воды и наполняла русло Муццы, которая, до прорытия больших каналов в Индустане, была самою полноводною искусственною рекою во всем мире. Впоследствии Адда дала Милану другую реку, Мартезану, которую довершил великий Леонардо-да-Винчи. Уже в прошлом веке миланскими инженерами было открыто искусство преодолевать высоты земель посредством устройства шлюзов, и им начали пользоваться для проведения в стране целой сети второстепенных каналов. Наконец, с успехами новейшей техники, сеть больших искусственных жил, присоединенных к естественной системе рек, увеличилась еще проведением *навильо* из Милана в Павию и каналом Кавура, берущим начало в По, ниже Турина, и орошающим 160.000 гектаров земли, каналом Вилорези, идущим от Тессина, а также каналом Веронским, отведенным из реки Адиж.

Средний расход воды в ирригационных каналах долины По:

Вилорези 70 куб. метр. в секунду; Муцца 61 куб. метр.; Навильо Гранде 51 куб. метр.; Кавур 42 куб. метр.; Мартезана 26 куб. метр. в секунду.

К орошению в северной Италии приспособлены не только большие реки, но и маленькие источники, *fontanili*, струящиеся из подошвы альпийских предгорий. Еще Виргилий говорил в своих *Буколиках*: «Дети, останавливайте воду,—луга довольно напоены». Благодаря этим-то ручьям, которые летом бывают холодны, а зимою, относительно, теплы, Ломбардия обязана своими удивительными лугами, или *marcite*, из которых некоторые могут дать до восьми покосов в год. Какая разница в двух последовательных состояниях великой адриатической равнины—в состоянии, данном ей природою, и в состоянии, созданном человеком!

Прежде—это было обширное болото в низких частях, лес—в среднем поясе, и обширные пространства вереска на каменистых и глинистых возвышенностях при подошве Альп. Теперь же почти вся равнина По и ее притоков покрыты богатейшими нивами, рисом, пшеницею, кормовыми травами, шелковицею: правда, параллельность полей и монотонная ровность трав часто утомительны для взора, но зато в некоторых местностях, особенно в Бриансе-де-Комо («сад сада Италии»), они украшены чрезвычайно изящно группами деревь, маленькими озерками и извилистыми долинами. Необыкновенное разнообразие, приданное стране попеременными выступами и отступлениями древних ледников, усеявших ее озерами и холмами, отдельными горками и сплошными цепями, принудило земледельцев оставить полям часть той красоты, которую представляет свободная природа. Только на некоторых верхушках морен виднеются еще земли, которые за недостатком воды остались бесплодными и в нынешнем состоянии даже не стоют обработки. Говорят, что в нынешнем веке эти, покрытые вереском, пространства стали еще бесплоднее, чем прежде, так как *авы* или просачивающиеся воды, текущие в глубинах сквозь слои гравия, по неизвестной еще геологам причине, понизились, и вся влажность ушла с поверхности вглубь.

Для уничтожения этих пустынь, последних остатков первобытного состояния, инженеры предлагают заимствовать воду прямо из больших альпийских озер в том количестве, какое необходимо для орошения пространств, поросших вереском. Они хотят утилизировать всю массу воды, которая теряется теперь в атмосфере и в Адриатическом заливе. Исчислено, что орошенная поверхность земли в долине По составляет 12.000 квадратных километров, и что каждую минуту употребляется для орошения около тысячи куб. метров воды. Таким образом, система орошения уменьшает средний объем воды в реке приблизительно на одну треть, но это еще только начало, и рано или поздно эта большая река, разливы и наносы которой играют такую важную роль в экономии страны, будет доведена отводами до весьма скромных размеров, если не считать времени наводнений.

Эти обильные воды, протекая по всей стране, то в естественных ложах, то искусственными каналами, наполняют атмосферу своими парами. Воздух всегда, влажен, так как дожди здесь хотя вдвое или втрое реже, чем на океанической стороне Франции и Англии, но по количеству изливаемой ими воды обыкновенно весьма значительны; гонимые южным ветром и почти всегда сопровождаемые грозами, тучи разражаются на горных склонах целыми потопами. Уже в Ломбардской равнине, в Милане, Лоди, Бресчии, средний слой дождевой воды таков же, как в погруженной в паровую ванну Ирландии, а в верхних альпийских долинах, где тучи, сгоняемые ветром в кучу, должны по необходимости разрешаться дождями, ежегодный слой дождевой воды можно сравнивать только с количеством дождей некоторых исключительно сырых местностей Португалии, Астурии, Гебридских островов и Норвегии.

Средняя влажность воздуха в Милане 0,745 метр.:

Среднее годовое выпадение дождя в Милане (за 119 л.) 0,999 метр.; в Турине (за 15 л.) 0,826 метр.; в Виченче 1,158 метр.: в Беллуне 1,433 метр.; в Удине 1,549 метр.: в Тольмеццо на верхнем Тальяменто 2,088 метр.

Если справедливы измерения расхода воды в устье Пиаве, то среднее истечение этой реки соответствует выпадению $1^1/_2$ метра воды на каждый квадратный метр её бассейна, не считая при этом воды, испаряющейся и поглощаемой растениями. Эти дожди выпадают без правильного порядка, но констатировано, что у них есть два периода ежегодного усиления: май и октябрь месяцы, и два периода, в которые они бывают реже,—февраль и июль. Поэтому бассейн По составляет промежуточное пространство между поясом летних дождей и поясом дождей осенних.

По направлению ветров, великая равнина, простирающаяся от Альп до Апеннин, взятая в целом, походит на узкую горную долину; атмосферные течения, изгибающиеся в своем движении сообразно форме бассейна, в который они вступают, распространяются главным образом в направлении от востока к западу или прямо наоборот; когда они исходят с Альп, они редко приносят дожди, так как изливают их ранее, на западном склоне; когда же поды-

маются с Адриатического моря, то бывают, напротив, влажны. Но равнина так широка и в горных валах её так много проходов, что этот нормальный прилив и отлив сухих и влажных ветров должен подвергаться частым изменениям. В альпийских долинах чередование верховых и низовых токов правильнее: каждое озеро имеет свой порядок восходящих и нисходящих ветров, которым и руководствуются лодочники при плавании по их водам.

По географической широте долина По представляет страну по преимуществу умеренную, так как реку в нескольких местах пересекает 45 параллель, отстоящая одинаково от полюса и от экватора. И однако же климат северной Италии далеко не так мягок, как это обыкновенно думают; он отличается неровностью и представляет весьма резкие переходы от крайнего тепла к крайнему холоду. В Вальтелине, или верхней долине Адды, температура может подниматься до 32 градусов и опускаться настолько же ниже точки замерзания. В равнине климат гораздо умереннее, благодаря влиянию Адриатического моря и Генуэзского залива, но все-таки имеет характер климата континентального, и поэтому жизнь в Турине, Милане и Болонье в этом отношении не особенно приятна. На берегах альпийских озер есть несколько облагодетельствованных природою местностей, которые, как напр. Барромейские острова, составляют счастливое исключение и пользуются, относительно, весьма ровною температурою, вследствие умеряющего влияния воды, которая ослабляет жары летом и отвращает холода зимою. В садах на берегу залива Палланцы термометр никогда не опускается ниже 5 градусов стоградусника; надо пройти Рим и вступить в Неаполитанскую область, чтобы найти такой же климат, при котором могла бы родиться и развиваться такая же растительность. Венеция, благодаря омывающему ее морю, точно также представляет привилегированную местность; несмотря на окружающие ее частью илистые лагуны, она отличается здоровым климатом. Замечательно, что соленые озера и болота северных берегов Адриатического моря безопасны от *malaria*—этого страшного бича берегов Средиземного моря. Это преимущество лагун Венецианского залива объясняется действием приливов, которые здесь сильнее, чем в Тирренском море, а может быть также и действием холодных ветров, дующих с Альп и препятствующих развитию миазмов. Когда молодому человеку в равнинах Полезины грозит чахотка, его отправляют работать на рыбных промыслах Комаккио. Но каждый раз, когда инженеры закрывали лагуну от свободного доступа морской воды и вводили в нее пресную воду рек, появлялись болотные лихорадки; болота Равенны и Червии, к югу от Рено, посещаются самыми злокачественными лихорадками, в особенности в тех местах, где землевладельцы, из печальной страсти к спекуляции, вырубили защищавшие страну сосновые и дубовые леса. Точно также наполнен миазмами воздух окрестностей Феррары и Малальберго (неприятное убежище) при начале паданской дельты.

Самые нездоровые по климату местности в северной Италии представляют узкия альпийские долины, в которые проникает недостаточно света. Там зобатые и кретины составляют значительную часть населения. В долине Аосты, где растительность так прекрасна, а люди так безобразны, почти все женщины имеют зобы, вероятно, вследствие свойств воды, которая течет по скалам, содержащим магнезию. Жители равнин, пересекаемых во всех направлениях ирригационными каналами, точно также подвержены частым болезням, вследствие вредных миазмов, подымающихся с парами из почвы; кроме того, пища рабочих слишком однообразна и недостаточна для того, чтобы они могли противостоять ослабляющим причинам:—они стареются прежде времени, и многие из них подвергаются неизлечимой болезни—миланской проказе, известной только в тех местностях, где главную пищу составляет *полента*, приготовляемая из маисовой муки. В провинции Кремона этой болезни подвергается один из двадцати четырех человек, да и в других провинциях число это вряд-ли меньше. Среди рисовых полей Миланской области и Полезины жизнь еще труднее, чем в других частях равнины. Женщины часто работают здесь по целым часам, стоя в нагретой солнцем и уже загнившей воде, где по временам им приходится наклоняться и отрывать от себя забравшихся на ноги пиавок.

	Средняя температура.	Самый теплый месяц.	Самый холодный месяц	Разница
Турин	11°,73	22°,85(апрель)	0°,61(январь)	23°,24
Милан	12°,8	23°,8 (июль)	0,7 „	23°,10
Венеция	13°,01	23,92 „	1,82 „	22°,10

Но, несмотря на болезни, нищету и голодовки, наступающие вслед за наводнениями, плодородная равнина По представляет собою одно из самых населенных мест на земле. Все пространство, каким только можно было воспользоваться, занято: места хватает только для человека и для домашних животных, которых сравнительно весьма немного. В лесах, которые почти все превратились в поросли, дичи уже не существует, кроме разве лесов по горным склонам. Птицы относительно редки, ибо как бы мелки они ни были, хотя-бы составляли один даже глоток,—оне попадают на обед крестьянина. Их преследуют ружьем, силками и всякими снарядами и истребляют не только бекасов, перепелок, певчих дроздов, но и ласточек и соловьев. На берегах озера Маджиоре убивается ежегодно, по Чуди, около шестидесяти тысяч певчих птиц; в Бергаме, Вероне, Киавенне, Бресчии их истребляют миллионами; на всяком холме альпийских предгорий бывает протянута небольшая сеть.

Население всей равнины, орошаемой По, древним Эриданом, весьма сложного происхождения. Латинское по языку, оно считает между своими предками: лигуров, может быть, родственных баскам; пеласгов, живших около устьев По; этрусков, группировавшихся в многолюдных городах и бывших большими мастерами в канализации воды; могущественные галльские племена, акцент которых, если не слова, остались в новейшем наречии северных итальянцев; кельтов умбрийских, которых историки считают самым древним народом Италии, и наконец, всех тех первобытных народов, «родившихся от красных дубов», неизвестный язык которых исчез еще, быть может, не совсем, так как в местных диалектах встречаются некоторые слова, совершенно не объяснимые этимологией ни древних, ни новых наречий. Широко открытые к востоку, равнины По, конечно, должны были быть посещаемы и наводняемы всеми народами, переполнявшими берега Адриатического моря и высокие альпийские долины. Вообще принимают, что к югу от По и в долине Танаро до Треббии преобладало лигурийское племя, между тем как к востоку страну занимали кельты и этруски.

Германские нашествия первых веков нынешней эры должны были также произвести, посредством смешений, глубокое влияние на жителей северной Италии, и об этом влиянии заальпийских народов свидетельствует изобилие людей высокого роста, встречаемых в долине По. Чужеземцы—готы и вандалы, герулы и ломбарды—вскоре слились с латинизованною массою народа, но их влияние на побежденных, приобретенное победою и обладанием феодальной властью, имело более значения, чем они могли бы иметь по своей численности. Древняя история Ломбардии представляет борьбу между леном и коммуною, и когда последняя победила первый, т.е. к началу десятого века,—немецкий язык был всюду заменен итальянским. Названия фамилий и мест ломбардского происхождения весьма обыкновенны на пространстве от левого берега По до подошвы Апеннин. Так например, Маренго соответствует немецкому имени Mehring. Потому, на множество названий местностей, оканчивающихся на *ago* и на *ate*, как Лурнаго, Гаривате, Белджирате, стали-было смотрел как на немецкия слова, в которых несколько видоизменено окончание *ach*. Но гораздо вероятнее, что это слова кельтские, так как они едва отличаются от названия мест с окончанием *ac*, которых множество встречается в южной Франции.

Дольше всего германское влияние на правый язык чувствовалось в Фрулии или Фриули, поместному, Фурланея,—провинции, ограниченной берегом Адриатического моря, Каринтийскимп Альпами и плоскогорьем Карсо. Влияние это было так значительно, что жители Фриула считались как-бы отдельным племенем, хотя предками их, как и большей части других северных итальянцев, были латинизованные кельты: многочисленные браки с соседними словенцами также способствовали образованию их провинциального характера, весьма

отличающагося от характера венецианцев и тревизанцев. Число их доходит до пятидесяти тысяч, не считая тех, язык которых почти совершенно слился с языком собственно итальянским.

Из многочисленных германских колоний, следы которых встречаются в равнинах северной Италии и на первых альпийских склонах, самые значительные были две: «Тринадцать Общин», расположенная к северу от Вероны, недалеко от левого берега Адижа, и «Семь Общин», в окруженной глубокими долинами горной группе, возвышающейся над Брентою к северо-западу от Бассано. В настоящее время *homines teutonici* этих местностей, мнимые кимвры, в которых ученые хотели видеть потомков варваров, побежденных Марием, обнаруживают свое происхождение только голубыми глазами и русыми волосами: язык же и нравы —такие же итальянские, как и у жителей долины: вряд-ли найдется какой-нибудь старик, который понимал бы наречие своих предков, которое, говорят, очень походило на баварский язык берегов Тегернзее. Неизвестно хорошенько, каковы были точные границы Тринадцати Общин, название и очертания которых изменились; территория же Семи Общин, или округ Азиаго, древне-немецкий *Schlage*, ограничен совершенно ясно самою природою. Но, несмотря на соседство с Австрией, он латинизован вряд-ли менее, чем первый. Впрочем, жители германских общин далеко не были борцами за немецкое господство на итальянской почве, как воображают по ту сторону Альп, напротив, им было поручено Венецианскою республикою защищать её границы от нападений с севера: они были избавлены от военной службы и пользовались административной автономией, с обязанностью не давать неприятелю прохода чрез их долины: и они всегда мужественно исполняли эту обязанность, отчего и происходит название «вернейшие», присоединенное венецианцами к носимому некогда этим древним ломбардским населением прозвищу «бедняков». Но ни покровительство Венеции, ни покровительство Австрии впоследствии не могли снасти немецкия общины от нашествия «Вельхов». К востоку от великих озер нет уже ни одной группы не итальянского населения, и только к северу от Пиемонта, на южном склоне Швейцарских Альп, могли еще удержаться германские колонии. Эти колонии, занимающие расходящиеся к югу от Мон-Розы долины и высокую долину Поммат, в которой только-что появившаяся на свет Тоза образует один из самых прелестных альпийских водопадов, точно также давно бы изменили свой язык, если бы не были поддерживаемы одноплеменными народами, живущими в соседних долинах Швейцарии. Недавно еще одна из этих немецких деревень, Аланья (Olen), сохраняла свои древние нравы: в ней искони не бывало ни тяжб, ни контрактов, ни завещаний, никаких нотариальных актов—все управлялось обычаем, т.е. абсолютною властью глав семейств.

Французский элемент на итальянском склоне Альп гораздо значительнее германского. Вся верхняя долина Аосты, между горною группою Большого Парадиза и Мон-Розы, и с другой стороны—Мориенские горы, верхния долины Доры-Рипарии, Клюзона, Пелличе или Пелиса, Вароши или Варанты—населены народом французского языка и того же самого происхождения, как савояры и дофинцы противоположного склона. Этому мирному нашествию западных кельтов, пришедших сюда в числе около 120.000, способствовало общее расположение альпийских горных групп. Всего больше места занимают горцы к западу от горного гребня и составляют многочисленные общины; господствуя над равнинами Италии, как с высоты крепости, они, естественно, спустились вниз и заняли весь пояс лесов и лугов, от тесных долин до подошвы гор. Во многих местах их границею было последнее ущелье, из которого горный поток вливается в равнину, и последние скалы выступающих цепей сохраняют еще развалины замков, защищавших древний французский Дофине. Но усиливающаяся централизация Итальянского государства, военная конскрипция, администрация, суды, школы все более и более оттесняют французский язык к политической границе: у каждой деревни два имени, и новое название мало-по-малу одерживает верх. Из всего говорящего по-французски населения противятся итальянизации ваатланцы или барбеты, жители двух долин Пеллиса и Клюзона, кверху от Пиньероля или Пинерола; только они и имеют литературу, живучия предания, историю и религиозный и национальный патриотизм. Их секта, которая гораздо старше реформации, была преследуема с тринадцатого столетия, и жизнь их

с того времени шла среди борьбы и страданий всякого рода; часто можно было подумать, что истребление этого маленького народца совершилось, но он всегда поднимался снова, и 1848 год дал ему равенство прав. Моральная сила, приобретенная привычкою жертвовать собою, доставляла изгнанным ваатланцам некогда большое влияние в странах изгнания, в Швейцарии, во Франции, в Англии: таким образом «Израиль Альп» занял в истории более важное место, чем мог предполагать этот народец, составляющий в настоящее время около двадцати пяти тысяч человек.

Плодородие почвы, обилие текучих вод и громадные земледельческие средства, завещанные предшествующими поколениями, все еще привязывают большую часть населения паданской Италии к земледелию. Напрасно пытались бы мы оценить громадное количество труда, представляемого сетью оросительных каналов, содержанием плотин, рвов, дорог, уравнением поверхности полей, преобразованием всех возделываемых горных склонов в совершенно правильные террасы или *ronchi*. Огромные землекопные работы, которыми хвалится новейшая техника при устройстве железных дорог, ничтожны в сравнении с теми обработанными ступенями, которые устроены земледельцами, как гигантские лестницы, вокруг всех холмов и при основании почти всех гор, опоясывающих долину По. Обычный способ обработки требует, сверх того, непрерывного труда, потому что здесь земледелец работает не железным плугом, а, так сказать, «заступом с золотым острием»,— его работа скорее садоводство, а не собственно хлебопашество. Зато и количество продуктов, доставляемых великою равниной,—хлебов, кормовых трав, листьев шелковицы и коконов, овощей и плодов, сыров, называемых пармезан, лодезан, горгонцола и др.,—простирается по крайней мере до суммы двух миллиардов, чего достаточно для поддержания весьма значительной вывозной торговли. По некоторым отраслям земледелия, Ломбардия и Пиемонт занимают первое место во всем мире и представляют почти единственные страны в Европе, в которых существует полутропическое возделывание риса, введенное в начале шестнадцатого столетия. Что касается виноградников, то вообще они содержатся плохо и дают лишь посредственное вино, за исключением холмов Асти и Монферрата, а также островного холмика Сан-Коломбано, вина которых пользуются заслуженною известностью. Говорят также, что *пиколито* окрестностей Удины не уступает токайскому.

Большие земледельческие полосы области По соответствуют естественным делениям почвы: горе, холму и равнине. Различие земель и климатов имею своим последствием не только различие обработок, но и существенное различие в распределении собственности. В верхних долинах, от ущелья Тенде до горы Трикорно или Триглавы, большая часть земли—лугов и лесов—была нераздельна между всеми жителями одной и той же общины, и итальянскому закону, относящемуся враждебно к этому способу землевладения, с трудом удалось изменить его постепенно. Но хотя почти все горцы—совладельцы общих альп (пастбищ) и лесов, у них все-таки есть куски земли, принадлежащие им в собственность: у всякого есть свой маленький косогор луга, своя скала, которую он своим трудом превратил в сад: социальное положение жителей похоже на положение французских поселян, которые также пользуются выгодами мелкой собственности. В стране холмов, при подошве горы, земля разделяется уже на более крупные фермы; земледелец уже не хозяин, а подчинен множеству обычаев и несет множество повинностей феодального происхождения, но по крайней мере имеет хоть часть произведений, которою он может располагать по своей воле. В нижней же равнине, где прорытие и содержание каналов требует больших капиталов, поля, хотя также разделены на многочисленные участки, но почти все принадлежат богатым землевладельцам, которые живут большею частью вдали от своих имений и отдают их в аренду. Большинство крестьян остается без средств к жизни и принуждено работать поденно на чужой земле. И вот, в этой-то самой плодородной области Северной Италии живут поселяне самые несчастные, всего чаще подвергающиеся болезням, всего менее заботящиеся об образовании. Какая разница в этом отношении между ними и ваатланскими горцами окрестностей Пиньероля или жителями Вальтелины! Провинция Сондрио в верхней долине Адды имеет меньше всего людей неграмотных между всеми местностями Италии. Она служит рассадником учителей для других

провинций.

Значительная часть горцев итальянских Альп каждый год отправляется на заработки в города равнины и чужеземные страны, оправдывая старую поговорку: «нет страны, в которой бы не было воробьев и бергамцев». Но последние, хотя и действительно весьма многочисленны, однако же составляют лишь незначительную часть тех странствующих горцев, которые ведут суровую борьбу за существование вдали от родной земли и бывают даже в Америке. Фриульцы, жители берегов озера Маджиоре, и пиемонтцы точно также принуждены покидать свои родимые лачуги. По весьма опасным зимою, вследствие глубоких снегов, ущельям западных Альп проходят в это время года пиемонтцы, спускающиеся в Марсель и другие города южной Франции, где они принимают участие во всех больших публичных работах, вместе с французскими рабочими, которые, впрочем, не очень их любят за понижение заработной платы, являющееся следствием их конкурренции. Пьемонтцы, привыкшие к строгой воздержности, могут довольствоваться нищенскою ценою и овладевают таким образом, в ущерб провансальским рабочим, большим числом мастерских. В Швейцарии строят дома и пашут землю тоже пиемонтцы, вместе с тессинцами. Они эмигрируют даже в Швецию и Россию. Они же, вместе с мароканцами, строили железную дорогу в Сенегале, между Сен-Луи и Дакаром.

Эмиграция из долины По:

В 1844 г. 103.920 чел., в 1885 г. 95.261 человек.

За исключением железных руд, служивших для фабрикации столь известного оружия в Бресчии, и золотых приисков в долине Анзаске, при подошве Мон-Розы, где уже во времена римлян работало до пяти тысяч невольников и где еще и ныне разработка доставляет некоторую выгоду, Северная Италия не имеет значительных металлических жил, но у ней есть свои каменоломни мрамора, гнейса, гранита, копи горшечной и фаянсовой глины, которые дают работу целым населениям различных местностей. Что касается собственно промышленности, то известно, каково было её значение во времена великих итальянских республик; известно, до какой степени совершенства довели ломбардские и венецианские мастера фабрикацию шелковых тканей, бархата, золотого и серебряного тканья, ковров, зеркал, стеклянных и фаянсовых изделий, металлических чеканных работ и всякого рода вещей, требующих вкуса и ловкости рук. С потерею свободы пала и промышленность, но в наше время традиции её начинают оживать, в особенности в фабрикации шелковых тканей. Только на фабриках недостает необходимых для машин дров и каменного угля, поэтому заводчики прибегают к воде потоков, составляющих великую двигательную силу, почему почти все большие заводы основаны при выходах рек из альпийских долин.

Между древними промыслами, существующими еще и ныне и принадлежащими собственно Италии, следует упомянуть рыбные ловли в лагунах Комаккио. Все озеро, занимающее пространство в 49.000 гектаров, представляет собою единственный в мире громадный аппарат для рыбной ловли. Проток Маньяваккa, сделавшийся ныне почти совершенно бесполезным для плавания, служит теперь входом для вод канала Палотты, который можно назвать аортою лагуны. Канал этот, вырытый с 1631 по 1634 г., вносит соленую воду внутрь материка и посредством разветвлений второстепенных каналов, снабженных затворами и шлюзами, заставляет проникать животворные волны до самых концов лагун. Таким образом большая лагуна Меццано, занимающая всю западную часть *valli*, оказалась соединенною с прибрежными лагунами, и её вода из пресной обратилась в соленую. Различные, обнесенные плотинами, бассейны, из которых в каждый входят артерии канала Палотты, составляют резервуары, в которых обсеменяется и развивается в изобилии приносимая морскою водою рыба; лабиринт с двойными и тройными стенками дает пришельцам из открытого моря свободный доступ сюда, но не выпускает их обратно; поэтому они остаются в резервуарах, и когда наступает время ловли, то их налавливают сетями столько, что нагружают целые суда. Спалланцани видел, как в одном таком «поле» в одну ночь наловили 60.000 фунтов рыбы. Но иногда вылавливают и еще больше, и в таком случае всю массу мяса употреб-

ляют как удобрение. Рыбачье население Комаккио составляет немногим более пяти тысяч человек, которые почти все отличаются высоким ростом, силою и ловкостью. Кост обратил внимание на тот замечательный факт, что целая колония, устроившаяся на уединенном острове Комаккио, отделенная от всех соседних мест обширными лагунами, принужденная существовать эксплоатацией воды, точно так же, как другие эксплоатируют землю, употребляющая исключительную пищу, состоящую только из трех пород рыб: головля, угря и аквадели, могла просуществовать длинный ряд веков и сохранить тип своего племени в таком же цветущем состоянии, как и населения богатейших местностей. К сожалению, рыбаки Комаккио не имеют права собственности на свои «поля», которые принадлежат государству и богатым частных лицам. Рабочие, обреченные на тяжелый труд, живут в больших казармах среди островов, и их жены и матери не имеют даже права посещать их, а сами они посещают город в определенное, назначенное для того время.

Огромное население долины По, почти не уступающее населению всей остальной континентальной Италии, распределено неравномерно, смотря по различиям рельефа и плодородию почвы; но, за исключением высоких и холодных альпийских местностей, жители её всюду скучены в местечках и городах. Сверху какой-нибудь башни вы увидели бы целые десятки их красных и белых масс, резко рисующихся там и сям среди зелени: но деревушек и поселков совсем нет. Собственно деревенскими жителями являются только арендаторы, деревенское же население не может скучиваться, и все земледельческие семьи остаются изолированными, а многочисленные землевладельцы все живут в маленьких городах и придают им такой богатый вид, какого вовсе не имеют равнозначительные места в других частях Европы. При одинаковой поверхности, ни одна область материка не населена так густо, как Северная Италия; не говоря уже о земледельческих местностях, Ломбардия представляет часть материка, наиболее тесно застроенную городами; подобного скучения народа нельзя найти до самого Ганга и Китая.

Вообще население Северной Италии представляется в следующем виде:

	Поверхность.	
	Цифры оффиц.	По Стрельбицкому.
Пиемонт	29.349 кв. кил.	29.494 кв. кил.
Ломбардия	23.507 „	24.205 „
Венецианская область	23.464 „	24025 „
Эмилия	20.515 „	20.749 „
	96.835 кв. кил.	98 473 кв. кил.

	Население 1 янв. 1884 г.	Население на километр.
Пиемонт	3.115.280 жит.	107 жит.
Ломбардия	3.749.770 „	159 „
Венецианская область	2.873.700 „	120 „
Эмилия	2.213.600 „	111 „
	11.951.750 жит.	123 жит.

Здесь также многочисленны и большие города, которые, благодаря своим памятникам, сокровищам искусства и историческим воспоминаниям, почти все приобрели себе значительное имя между городами всего света. В такой стране, как паданский бассейн, где всюду сосредоточивается множество земледельцев и сообщения были всегда необыкновенно легки, центры населения передвигались без труда, вследствие случайностей войны и превратностей истории. Отсюда-то и происходит это множество городов, которые были знаменитыми, как главные центры древних республик или как королевские и герцогские резиденции.

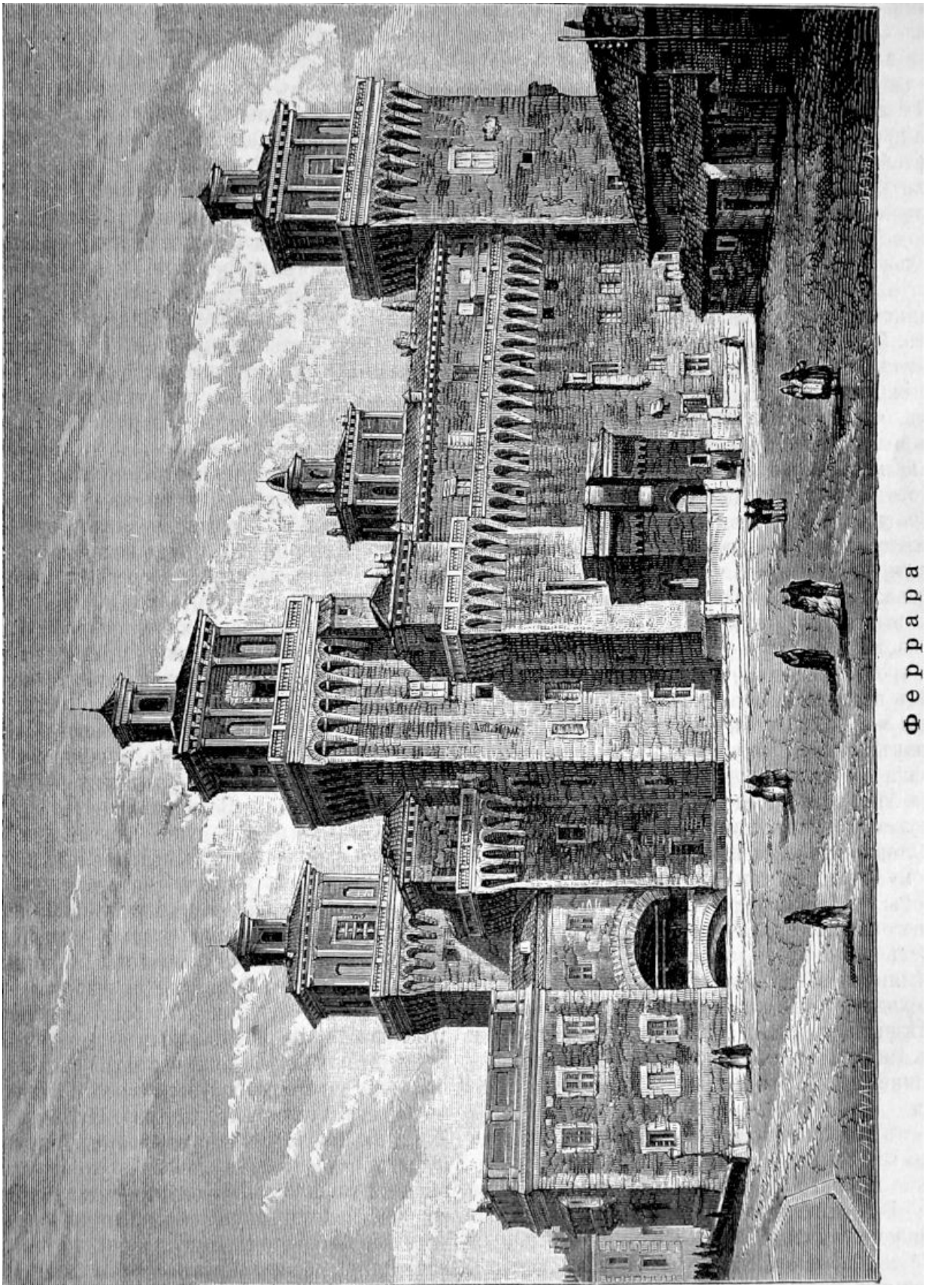
Но при подошве Альп и Апеннин есть города, места которым были указаны заранее самою природою. Это именно те населенные пункты, которые находятся при выходах горных проходов и служат разом и естественными торговыми складами, и военными стражами. Так, древний Ариминум, в новейшее время Римини, расположенный в южном углу великой

равнины По, в римскую эпоху охранял узкое побережье между Адриатическим морем и подошвою Апеннин. Это был вход в Северную Италию; здесь выходила к морю, спускавшаяся с гор, Фламиниева дорога; здесь брала начало дорога Эмилиева, которая и теперь еще составляет главный путь сообщения между Пиемонтом и Адриатическим морем; здесь же начиналась и шедшая по берегу дорога в Равенну. Позднее, когда Рим перестал уже быть столицею Италии и всего мира и когда Италия была еще разделена на враждебные государства, огромное стратегическое значение имели города, расположенный при входе в равнину с южной стороны и при переправах чрез По, как Болонья и Феррара. Пиаченца, расположенная в теснине По, между Пьемонтом и Эмилией, и теперь еще представляет военный пункт первостепенной важности. Александрия, расположенная при слиянии Тонаро и Бормиды, в одной из самых замечательных кровавыми битвами равнин, была также, уже по своему положению, предназначена сделаться грозною крепостью, хотя она еще носит данное ей в насмешку название Александрии «Соломенной». Наконец, в соседстве с Францией и Австрией, всякая долина имела при выходе укрепленную заставу: Винадио, Шато-Дофин, Пиньероль, Фенестрелла, Суза и другие места, которые большею частью стали ненадежными при нынешнем могуществе артиллерии, были некогда крепостями, защищавшими Италию от её могущественных соседей.

Но, со времени падения Римской империи, самой серьезной защиты требовал альпийский выход, спускающийся с Бреннера. Равнины, простирающиеся к югу от Гардского озера между берегами Минчио и Адижа, в военном отношении составляют самый слабый пункт Италии, что доказано и историей. Мирное деревенское население посвящало Бреннерский проход богам и торжественно отдавало его под покровительство смежных племен; но алтари не останавливали являвшихся из-за гор воинственных орд, а напротив очень часто они спускались на равнины Италии, как поток, как река, разлившаяся чрез слишком низкую плотину, грабя города и убивая жителей. Ни одно место на земле не напоено столько кровью. Выходы верхней долины Адижа до последней половины нынешнего века были главным театром сражений, происходивших за обладание Италией. Нет ни одного города, ни одной деревни на этом небольшом пространстве, который не приобрели бы печальной известности в истории человечества,—здесь именно находятся поля битв и смерти: Кастильоне, Лонато, Риволи, Сольферино, Кустоцца. Когда австрийцы владели Ломбардо-Венецианскою областью, они позаботились укрепить большие ворота Адижа четырьмя грозными крепостями, называемыми четыреугольником, именно в Вероне, Пескиере, Мантуе, Леньего и многими другими не столь значительными сооружениями—это были «ключи от дома». Сделавшись сама себе госпожою, Италия снова возвратила их себе: прежде эти ворота были заперты для неё, теперь они заперты для Австрии.

Те же самые условия почвы, которые заранее предназначили проходам Альп и Апеннин важное стратегическое значение, должны были дать им также значительную роль и в истории торговли: военные пункты и торговые города могли помещаться только при спусках проходов, одни для охранения самого прохода, другие, напротив, для радушного приема источника своих богатств—проезжих и товаров. Впрочем, воинский гений и торговля не любят жить в соседстве друг с другом, и торговые склады основываются большею частию так, чтобы пользоваться выгодами, представляемыми большими естественными путями передвижения народов, избегая всегда беспокойств и опасностей, которые обыкновенно влечет за собою состояние войны или вооруженного мира. Степень значения торговых городов определяется естественно числом идущих к ним торных путей. Место на одной из этих больших дорог—составляет не более, как простую станцию; при выходе двух или трех проходов—оно становится уже центром населения и богатства; в точке же соединения многих дорог—оно уже столица. Так, Турин, к которому сходятся все чрез-альпийские дороги от группы Мон-Блана до начала Апеннин, представляет уже по своему положению один из самых оживленных пунктов европейской торговли. Милан, к которому сходятся семь больших альпийских дорог: с Симплона, Готарда, Бернардина, Сплюгена, Юльера, Малойа и Стельвио, составляет также необходимый *emporium*. Болонья, отделявшаяся некогда от Альп трудными для пере-

хода болотами и руслом По, ныне связана железными дорогами со всеми значительными проходами горнаго полукруга; в ней соединяются линии из Вены, Парижа, Марселя и Неаполя.



Феррара

Без устройства дорог, долина По никогда не имела бы в истории Европы такого относительно важного значения, какое она имеет теперь. Высокая эллиптическая стена Альп совершенно отделяла ее от Франции, Швейцарии и Германии, а с юга не столь высокий вал

Апеннин затруднял её сношения с долинами Тибра и Арно. Она была открыта только со стороны Адриатического моря, прямо к крутому, дикому берегу, на котором и теперь еще живет полуварварское население. На всем материке Европы нет естественной, более замкнутой области, которая была бы обнесена более высокою и более трудною для перехода стеною, по крайней мере для жителей нижней долины; но открытие больших проезжих и железных дорог изменило все—и Северная Италия стала для европейской торговля одним из главных притягательных и распределительных центров. Через Венецию она связана с Адриатическим морем, а посредством апеннинских железных дорог с Генуею, Савоною, заливом Специя и Тирренским морем; она господствует разом над двумя морями, омывающими Италию. Железные дороги из Паданы, Сен-Готарда, Бреннера, Зиммеринга и Понтеббы привлекают в низменную Ломбардию часть торговли Франции, Германии, Австрии. Скоро и другие линии больших европейских сетей, спускающиеся с Женевра и ущелья Тенде, соединятся в цветущих городах долины По, как в центре одного огромного пояса. А более и более центральное положение, доставляемое стране пересечением дорог, вместе с удивительным плодородием её полей и другими преимуществами, способствует обращению Северной Италии в одну из самых жизненных частей великого организма Европы. История, т.е. труд человеческий, изменил первобытную географию: истинный центр полуострова ныне оказывается уже не в Риме, а в древней цизальпинской Галлии. Если бы при выборе столицы итальянцы руководствовались действительным значением места в истории труда, а не преданиями прошедшего, то по крайней мере четыре города северной равнины могли бы оспаривать честь быть «первым между равными»—Турин, Милан, Венеция и Болонья.

Турин, хотя он очень древен и был сожжен Аннибалом, в сравнении с другими городами Италии может считаться городом новым; его широкия и прямые улицы, пересекающиеся под прямыми углами, делают его похожим на импровизированные столицы государств Нового Света; но до выбора его в герцогские резиденции он был совершенно маленьким провинциальным городом. Со времени римлян и даже частию в средние века большая дорога с полуострова в Галлию шла по берегу Генуэзского залива. Проход горы Женевр был, как доказывают документы, путем относительно довольно торным; но верно и то, что с перемещением торговых сношений между двумя альпийскими склонами в северо-западном направлении, недостаток широких дорог чрез склоны и снега заставлял путешественников колебаться между различными альпийскими проходами от Аржантьера к большому Сен-Бернарду, и ни один из выходов верхних долин не мог приобрести преобладающего значения в торговле Италии. Впрочем, путешественники очень боялись Альп, и на долю каждого из городов, расположенных при выходах проходов, приходилась ничтожная часть торговли. И однако же этапные города были при спуске всякого прохода, точно так же, как и при выходах Апеннинских тропинок: Мондови—тройной город, построенный на трех вершинах; Кони (Кунео), прекрасно расположенный на своей треугольной террасе между Стурою и Гессу, где вытекают из Вальдиери всегда дымящиеся серные ручьи; Салюс, который возвышается на отлогом склоне, при основании предгорий Визо; башня (Torre di Lurevna), построенная у самого выхода из ваатландской долины, привлекает в эту местность множество английских туристов; Пиньерол (Пинероло), над которым возвышается древний укрепленный замок, служащий часто государственной тюрьмой; Суза—итальянская дверь горы Сениса; Аоста, еще богатый остатками римских времен; Иврея, построенная на месте древнего ледника, спускавшагося с Мон-Розы; Биелла—известный своими 350 заводами шерстяных изделий. Города, расположенные ниже в равнине, при встрече нескольких альпийских путей, должны были также приобрести некоторое местное значение. Таковы в верхнем Пиемонте: Фоссано, построенный на каменистой террасе, при соединении дорог из Мондови и Кунео; Савильяно, в котором к предъидущим дорогам присоединяются дороги из долин Макры и По; Бра—центр пересечения железных дорог; Карманьола, в котором оканчивается главная дорога с Апеннин. Самый многолюдный в восточном Пиемонте—город Новара, расположениый при озере Маджиоре, среди самых плодородных полей, благодаря которым он сделался главным хлебным рынком на западе Ломбардии; Верчелли, построенный на Сезии, ниже

слияния всех рек, стекающих с горных групп Мон-Розы, в том месте, где, по преданию, происходило знаменитое сражение кимвров, пользуется такими же преимуществами, как и Новара; Казале, древняя столица Монферрата, при одной из переправ По, которую он защищает во время войны своими укреплениями.

Турин, благодаря своему центральному положению между всеми этими городами верхнего и нижнего Пиемонта и соединению в нем всех путей из проходов, сделался естественным торговым центром верхней долины По до Тичино. Известно, какую пользу принесло этому городу усилившееся торговое движение, особенно после того, как он отделался от опасной чести быть столицею королевства; пустота, оставленная двором и высшей администрацией, восполнилась, и даже с избытком, иммигрантами, наехавшими сюда по железным дорогам. Его арсенал, библиотеки, прекрасный музей, университет, различные общества делают его одним из умственных центров полуострова, а по своим шелкопрядильням и шерстопрядильням, бумажным и другим фабрикам, он занимает одно из первых мест в Италии. Сверх того, в его окрестностях есть прелестные виды: его холм Суперга, находящийся в нескольких километрах к востоку и украшенный великолепною церковью, господствует над самой красивой панорамой итальянских Альп. В его обширном городском округе множество маленьких городов, известных своими замками, парками, виллами, как Монкальери, Киери, Каринья-но, которые представляют еще более живописные виды, чем Турин; служа дачами для жителей столицы, они делаются участниками в её благосостоянии. Что касается городов, расположенных в бассейне Танаро, к югу от группы холмов Турина, то они образуют, конечно, отдельную группу и имеют специальную географическую роль, а именно служат естественными посредниками между верхней долиной По, Ломбардией и генуэзскими берегами. Александрия (Алессандриа), военный пункт, отличающийся скучною правильностью построек и заменивший собою, в стратегическом отношении, Тортону и Нови, расположенные в той же равнине, есть узел восьми линий железных дорог и, следовательно, является одним из таких городов Италии, где совершается наибольшее передвижение. Соседние города: Асти, знаменитый шипучими винами, и Акви, славящийся еще со времен римлян своими обильными теплыми источниками, представляют также важные торговые места. Евреи в Акви, числом около пятисот, обладают значительной частью богатств страны; их теперь не изолируют более в еврейском квартале или гетто.

Производство виноделия в Пиемонте в среднем: 2.700.000 гектолитров.

Число жителей главных общин Пиемонта в 1882 г. в тысячах:

Турин (Торино) (1893 г.)—336; Александрия (Алессандриа) (1893 г.)—75; Асти—33; Новарра (1893 г.)—10; Казале Монферрато—29; Верчелли—29; Кони (Кунео)—25; Фоссано—18; Мондови—18; Савильяно—17; Пиньероль (Пинероло)—17; Салюс (Салюццо)—16; Киери—16;Биелла—15; Бра—15; Тортона—14; Нови—14; Карманьола—12.

Столица Ломбардии, Милан, является во всех отношениях одною из глав Италии: по населению своему, включая предместья, он уступает только Неаполю; по торговле уступает только Генуе; по промышленности он равен этим двум городам, а по научному и литературному движению, он, вероятно, первый из городов между Альпами и Сицилийским морем. Две главнейшие библиотеки Италии находятся в Милане, именно библиотека Брера и Амврозийская; в здании библиотеки Брера, кроме того, помещаются: школа изящных искусств, картинная галлерея, обсерватория, Ломбардский институт и собрание разных коллекций. С самого начала истории, Милан, этот естественный исходный пункт двух озер, Маджиоре и Комо, является нам важным кельтским городом; впоследствии, выгоды его положения доставляли ему то равенство с важнейшими городами, то преимущество над всеми городами Северной Италии. В средние века, по могуществу, его называли «вторым Римом»—так как уже к концу тринадцатого века он имел 200.000 жителей, между тем как Лондон не имел в то время и шестой части этого числа. Милану недоставало воды, у него была только ничтожная речка Олона, и он сделал себе настоящие реки: Навильо Гранде и Мартезану, ко-

торые несут вдвое больше воды, чем Сена в Париже в период мелководья. Он был обстроен также великолепными памятниками, но они погибли во время столь многочисленных войн, опустошавших Миланскую область,—и почти весь город принял вид новейших западноевропейских городов. Его знаменитейшее здание—Собор—с точки зрения искусства, есть не что иное, как громадная резная работа, драгоценная игрушка огромных размеров; но по красоте употребленных на него материалов, по законченности деталей, по громадному множеству статуй, которых, говорят, в нем до семи тысяч, он представляет диво архитектуры. Недалеко от озера Маджиоре, около устьев Точе, есть две большие каменоломни: одна белого мрамора, другая гранита, которые с конца четырнадцатого века служат исключительно для постройки и поддержания этого грандиозного здания.

Гордая своим прошедшим и свободно располагавшая своими судьбами, столица Ломбардии считает честью то, что она никогда не повиновалась рабски внешним давлениям; у ней свои взгляды, свои нравы, свои особенные моды, и даже все принимаемое ею иностранное получает отпечаток местной оригинальности. Точно также и все города, теснящиеся в равнине, стараются сохранить свой самобытный характер—все они держатся своих древних преданий и хвалятся своими летописями. Комо, на конце своего прекрасного озера, также древний свободный город, соперник Милана, обогащаемый ныне своими шелкопрядильнями и произведениями Брианцы; Монца, окруженная парками и виллами, город коронования; Павия, с низверженными ныне «пятьюстами двадцатью пятью башнями», вспоминает, что она была резиденциею ломбардских королей, и с гордостью показывает свой университет, один из самых старых в Европе, и свой великолепный картезианский монастырь, чудо эпохи Возрождения, самый пышный монастырь во всей Италии: в Виджевано, по другую сторону Тичино,—прекрасный замок и самые лучшие в стране нивы в его окрестностях; Лоди, имеющий еще весьма значительную торговлю, в одиннадцатом веке был самым могущественным в Италии городом после Милана, и вел с ним ужасные, истребительные войны; Кремона, старая республика, бывшая также в борьбе, с Миланом, славится своим torrazzo в 121 метр, который, до постройки больших готических соборов, был высочайшею башнею в мире; Бергамо, возвышающийся на своем холме над богатыми равнинами Брембо и Серио, хвалится тем, что если бы не существовало Флоренции, то он был бы самым богатым великими людьми городом Италии; еще более гордая Бресчиа, город оружия, объявляет себя матерью героев.

Мантуа, расположенная на р. Минчио и принадлежащая к числу укрепленных городов четырехугольника, может считаться не входящею в пределы собственно Ломбардии, хотя она и принадлежит ей политически. Город этот, в котором евреев сравнительно больше, чем в других неприморских городах Италии, представляет главным образом большую военную крепость и много утратил своей прежней коммерческой деятельности; его болота, леса, рисовые поля, сточные канавы, весь его лабиринт вод, составляющий нечто исключительное даже в сырой Ломбардии, отталкивают иммигрантов от родины Виргилия. Наконец, города, расположенные в горах, каковы Сондрио, главный город Вальтелины, на верхней Адде, и прелестный Сало, с деревенскими домами, рассеянными среди лимонных рощ, на берегу Гардского озера, имеют также свою особенную физиономию, совершенно отличающую их от городов Ломбардской равнины.

Население главных общин (город с округом) Ломбардии к 1 января 1882 г.

Милан (Милано) 321.840 жит.; (по исчислению 1894 г. 432.000 жит); Бресчиа 60.630 жит.; Бергам (Бергамо) 39.700 жит. (45 т., 1894 г.): Кремона 31.930 жит.; Павия 29.940 жит.; Мантуа (Мантова) 28.050 жит.; Монца 28.010 жит.; Комо 25.560 жит.; Лоди 25.800 жит.; Виджевано 20.100 жит.

Большие города по другую сторону По, в Эмилии, имеют большею частью меньше своеобразности, чем города ломбардской равнины, и вероятно потому, что стоят на Эмилийской дороге, при основании Апеннин, и что все оригинальное в них сглажено непрерывным движением товаров и солдат. Пиаченца—довольно скучный военный город, интересен своими

памятниками и воспоминаниями и имеет весьма важное значение как посредник торговли между Пиемонтом, Ломбардией и Эмилией. Страделла—город, расположенный между правым берегом По и склонами гор, покрытых дубовыми рощами и виноградниками. В Парме, бывшей герцогской резиденции, есть богатая библиотека, музей и церкви с удивительными фресками Корреджио. Другая важная станция Эмилийской дороги, Реджио, не имеет уже знаменитой *Ночи* Корреджио, который был самым знаменитым из сынов этого края, между которыми считают также Ариоста и Секки. Модена, которая недавно еще, как и Парма, была столицею герцогства, имеет также свой университет, музей и драгоценное собрание книг и рукописей, называемое библиотекой *Estense*. Наиболее сохранила свою оригинальность нынешняя столица Эмилии—«ученая» Болонья, родина Гальвани и других великих людей, принявшая себе девизом слово *libertas*. Она остается одним из самых любопытных городов Италии по своим дворцам, средневековым постройкам, по двум наклонным башням, наклон которых увеличивается понемногу с каждым веком, но своим картинам болонской школы и другим археологическим остаткам римского, этрусского и до-этрусского периода, рассеянным в окрестностях; на древнем кладбище Виллановы находятся памятники, которым насчитывают около 3.000 лет[1]. Болонья, как общий центр всех железных дорог, спускающихся с Альп и с Апеннин, пользуется в настоящее время большим торговым благосостоянием, и население её быстро возрастает. К несчастию её, соседния поля часто опустошаются разливами р. Рено, и именно благодаря этим бедствиям от наводнений, Болонья потеряла свое древнее прозвание «Дородной». Ни один из городов Северной Италии, между Болоньей и Когерой, не сообщается железной дорогой с тирренским склоном,—Парма, Реджио и Модена должны были бы прокладывать себе дороги через горную цепь. На одном из холмов, к юго-западу от Реджио, стоит знаменитый замок Каносса, где германский император Генрих IV предстал с повинной головой пред папой Гильдебрандом.

Другие бывшие столицы, невдалеке от оживленной торговлею Болоньи, остаются некоторым образом в забросе, и о былой их славе свидетельствуют только старинные здания. Феррара, получившая известность благодаря пребыванию в ней Ариоста и жестокостям дома Эсте, пала с тех пор, как перестал здесь течь По, отодвинувшийся отсюда дальше к северу. Впрочем, население её общины с разбросанными домами еще довольно значительно. Равенна же, древний Рим Гонория и Теодорика Готского, избранная столицею империи, вследствие затруднительности доступа к ней через болота, и наполненная, благодаря итальянским экзархам, прекрасными византийскими постройками, представляющими по своему архитектурному стилю и удивительным мозаикам столь любопытное и даже исключительное явление в истории итальянского искусства, покинута уже не рекою, а самим морским заливом. Во времена римлян она была в прямом сообщении с Адриатическим морем, а теперь соединяется с ним лишь искусственным каналом, в 11 километров длины, который доступен для судов, сидящих в воде на 4 метра, и портом Корсини, который обязан своим существованием также человеческому труду; древние же римские порты, один военный, другой коммерческий, совершенно исчезли. Древние постройки Равенны, вследствие рыхлости почвы, погружаются в нее; крестильница четвертого века опустилась на 3 метра ниже поверхности нынешних улиц: предполагают ныне поднять весь этот памятник. К счастью для истории искусств, ни один из древних памятников Равенны не был до сих пор реставрирован. Что касается древнего этрусского города Адрии, расположенного к северу от По, в Венецианской области, то он уже более двух тысяч лет не заслуживает того, чтобы соседнее море называлось его именем. Он удален от него почти на 22 километра. Но нельзя сказать, чтобы и в римскую эпоху он был в непосредственном соседстве с морем. Самое название, данное Адрии «город семи морей», доказывает, что он был окружен лагунами. Точно также одна из деревень, расположенных в равнине при подошве Эвганейских холмов, названием своим Порто обязана, вероятно, какому-нибудь озерному или речному порту. Местечко Коппаро, расположенное в Полезине феррарской, на берегу больших и не высохших еще болот нижней

1 Цанони, Гоциадини, Дезор и др.

долины По, считает в себе около 30.000 человек только вследствие обширности общины, занимающей около 40.000 гектаров. Ченто, родина живописца Гверчино, также довольно большой город, имеющий около 20.000 жителей.

Многолюдные и прославленные историческими событиями города теснятся в южном углу равнины, называемом Романья, между Апеннинами и морем. Имола, возвышающаяся своими зубчатыми башнями на берегу Сантерно, весьма богата минеральными водами; Луго, «город красивых романьолок», стоит в самом центре Равеннской области и, благодаря своему положению, представляет весьма оживленный рынок сельскохозяйственных продуктов: Фаэнца, через которую прямо, как стрела, проходит Эмплийская дорога, представляет скорее земледельческий город, чем промышленный центр, хотя он и сообщил свое имя фаянсовым изделиям, обогащающим ныне столько мест во Франции и в Англии. Форли, главный город провинции,—самый многолюдный после Болоньи при подошве романских Апеннин. Чезена известна в особенности превосходными коноплями, растущими на её полях. Наконец, Римини, в котором Эмилийская дорога выходит на морской берег, сохранил несколько римских развалин, и между прочим триумфальные ворота, указывавшие вход во всю Северную Италию. Население этой местности, быть может, самое крепкое физически и самое энергичное на всем полуострове. Романьолы обладают сильными страстями и силой для удовлетворения их. Это—племя либо героев, либо злодеев.

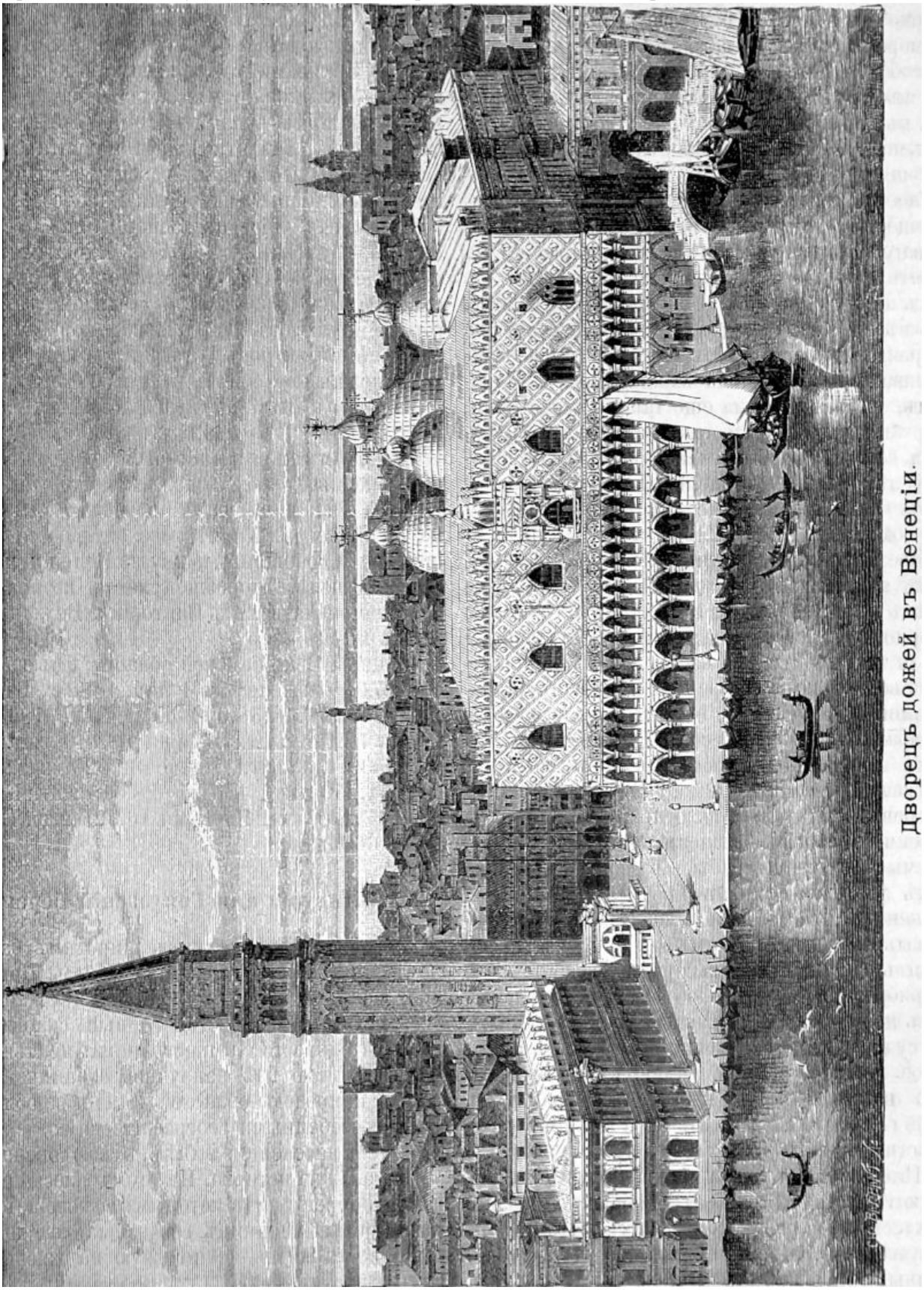
Население главных общин (город с его округом) Эмилии к 1 января 1882 г.

Болонья 123.275 жит. (147.000 в 92 г.); Феррара 75.550 жит.; Равенна 60.570 жит.; Модена 58.060 жит.: Реджио 50.650 жит.: Парма 45.220 жит.; Форли 40.950 жит.; Чезена 38.220 жит.: Фаэнца 36.040 жит.; Римини 36.080 жит.; Пиаченца 34.990 жит.: Коппаро 31.020 жит.; Имола 29.340 жит.; Луго 25.660 жит.; Ченто 19.720 жит.

Многие венецианские города, будучи главными городами провинций, имеют важное значение: Падуа—весьма богата драгоценными памятниками искусства, университетский город, бывший соперник Венеции; Виченца, родина Пигафетты, который первый описал кругосветное плавание, и Палладио, которому город обязан украшающими его памятниками; Тревизани Силе; Беллуно—в верхней долине Пиаве; Удине, в котором показывают холм земли, насыпанный по приказанию Аттилы, смотревшего отсюда на пожар Аквилеи; по своему положению на столь живописной альпийской железнодорожной линии Понтеббы Удине сделался одной из главных станций сети железных дорог Европы. Пальманова, на границе Австро-Венгрии, представляет самую правильную на свете крепость; она имеет форму орденской звезды, украшенной рельефным рисунком. Еще более сильная крепость, Верона, расположенная на другом конце венецианской территории, играла важную роль в истории Италии; но, как торговый и промышленный город, она сильно упала в сравнении с её прежним благосостоянием. Между поясом стен и бастионов её, в ней множество прекрасных зданий средневековых и эпохи Возрождения и громадный римский амфитеатр, в котором могут разом поместиться пятьдесят тысяч зрителей. Но из всех венецианских городов, быть может, в наибольшем упадке, по сравнению со своим прошлым, находится сама Венеция, «царица Адриатического моря».

Венеция—город очень древний. Остатки римских построек, найденные на острове Сан-Джоржио ниже уровня моря и приводимые в доказательство любопытного явления постепенного оседания венецианских лагун, доказали в то же время, в противность общему мнению, что наносные островки залива были населены еще до нашествия варваров. Эти полузатопленные земли могли служить убежищем для прибрежного населения именно потому, что представляли собою удобства, как торговые складочные места. Во всяком случае, настоящая Венеция является только с начала девятого века, с той эпохи, когда правительство морской республики вступило в свои права на большом острове. Известно, как удивительно счастлива была судьба города, населенного потомками древних венетов. Расположенная в промежуточной области, отделенная одновременно от моря посредством *лиди* и от твердой земли ли-

манами и болотистыми пространствами, Венеция имела то неоценимое преимущество, что во время беспрерывных войн, опустошавших Европу, она была почти неприступна для всякого неприятеля, как с сухого пути, так и с моря. Она же с своей стороны, могла свободно посы-



Дворецъ дожей въ Венеціи.

лать свои торговые и военные экспедиции ко всем берегам Средиземного моря и основывать там конторы или крепости. После войн, выдержанных ею с самым горячим патриотизмом, она сделалась самою могущественною и богатою из всех торговых республик Италии. Впро-

чем, она имела наилучшее положение для удобств торгового обмена. Обладая выгодами более высокого, чем в большей части средиземных вод, прилива, Венеция находится почти в центре областей, составлявших в средние века весь торговый мир. Кроме того, занимаемое ею положение на конце Адриатического моря, недалеко от той части Альп, где горный порог понижается между плоскогорьями Иллирии и снежными хребтами Каринтии и Тироля, позволяло ей легко сообщаться со всеми рынками Германии, Фландрии и Скандинавии. Сталкиваясь с людьми всяких стран, венецианец смотрел на иностранцев без предвзятой ненависти; он принимал армян и вступал в союз даже с турками. Во времена крестовых походов, венецианская республика была самым уважаемым государством Европы, государством, которое, по отсутствию всякого религиозного фанатизма, имело самую беспристрастную политическую роль, и посланники которого имели наибольший авторитет. Но это влияние поддерживалось громадною матерьяльною силою. Венеция имела до трехсот военных кораблей с тридцатью шестью тысячами мореходцев, и богатства мира, то приобретаемые законною торговлею, то приносимые в дань, то добываемые победой, скоплялись в её двух тысячах дворцах и двухстах церквах; какой-нибудь один из её островков мог бы купить целое царство в Африке или Азии. На болоте, где когда-то рыбак с осторожностью ставил свой шалаш из ветвей, вырос пышный и самый красивый на Западе город. Целые леса лиственницы, срубленные на горах Далмации, были употреблены на укрепление почвы; более четырехсот мраморных мостов с островка на островок соединили сеть улиц и площадей, а превосходные гранитные плотины, построенные «на венецианские деньги и с римскою смелостью», явились на защиту великолепнаго города от ярости моря. Блеск промышленности и великолепие искусства способствовали тому, чтобы *Venezia la Bella* не имела себе подобных.

Венеция—родина Марино Санудо, братьев Дзено, Кадамосто, Рамузио, и её путешественники, во главе которых следует поставить Марко Поло, этого «Христофора Колумба Азии», её мореплаватели и торговые караваны много способствовали исследованию отдаленных и малоизвестных стран. Но географические открытия, в которых сама Венеция принимала столь большое участие, нанесли решительный удар могуществу этого итальянского города. Средиземное море перестало быть торговым по преимуществу, а объезд вокруг Африки и открытие Нового Света перенесли крупную торговлю на берега северного Атлантического океана. С тех пор Венеция была обречена на упадок. Дорога в Индию ей уже не принадлежала, а со стороны востока торговый круг её тесно ограничивала возраставшая власть турок. Впрочем, она располагала еще такими средствами, и организация её была так крепка, что город мог сохранять свою независимость более трехсот лет после потери своих торговых контор. Она пала только от измены одного своего союзника, генерала Бонапарта.

Время австрийского управления было периодом наибольшего упадка. В 1840 г. город имел не более ста тысяч жителей; сотни его дворцов были в развалинах: площади поростали травою; ступени набережных покрывались водорослями. Со времени присоединения к Италии благосостояние его стало мало-по-малу возвращаться. Город, соединенный с материком замечательнейшим в мире мостом, имеющим не менее 222 арок и более 3.600 метров длины, может отправлял непосредственно товары и жизненные припасы, получаемые извнутри страны. Его порта, хотя и не так деятельные, как Триестский, и недавно лишенные льготы, позволявшей им конкуррировать с их истрийским соперником, производят однако же весьма серьезную каботажную и прибрежную торговлю, особенно с тех пор, как паруса стали заменяться паром. Движение судоходства в Венецианском порте почти вдвое меньше, нежели в порте Генуэзском. Оно выражалось следующими цифрами: в 1865 г. 499.000 тонн. В 1884 г. 4.206 судов вместимостью в 1.292.400 тонн.

Летом целые толпы купальщиков отправляются в Лидо. Наконец, фабрикация зеркальных стекол, кружев и других изделий дает новую жизнь Венеции и ближайшим, расположенным при лагунах, городам: Маламокко, Бурано, Мурано, Киоджио; тысячи рабочих постоянно заняты отливкою тех разноцветных стеклянных мелких изделий, которые отправляются во все части света и употребляются в некоторых странах Востока и в центре Африки

вместо денег. Впрочем, хотя по народонаселению и деятельности Венеция и пришла в упадок, сравнительно с периодом её процветания, она попрежнему обладает тем, за что так любят ее художники и поэты—своим приятным климатом, прекрасным небом, веселою жизнью, празднествами, площадью св. Марка, конной статуей Коллеони, драгоценными библиотеками, архивами, заключающими до двадцати миллионов дипломатических актов, а в своих дворцах памятниками архитектуры итальянской, византийской и мавританской и удивительными картинами своих великих мастеров: Тициана, Тинторета, Веронеза.

Из трех портов Венеции на «*Vecchia Mare*»—Старом или Суровом Адриатическом море,—Киоджио, Лидо и Маламокко, только последний, расположенный в 16 километрах от города, пригоден для больших кораблей; глубина его 9 метров, но внутренний фарватер лагуны во время отлива имеет только 7 метров и делает изгиб, стеснительный для судов. С 1882 г. работают над устройством порта, который должен заменит опасный рейд Лидо, к востоку от города; две плотины будут продолжаться в море на 2 километра. Кроме того, стараются улучшит пути сообщения вокруг Венеции проложением железнодорожной линии, которая будет направляться от Виктории и Беллунских Альп к Бреннеру.

Общины Венецианской области, имеющие более 15.000 жителей к 1 янв. 1882 г. Венеция 132.825 жит. (158.000 по исчисл. 1894 г.); Падуа 72.175 жит.; Верона 68.740 жит.; Виченца 39.430 жит.; Удине 32.020 жит.; Тревизо 31.250 жит.; Киоджио 28.015 жит.; Каварцере 17.220 жит.; Виттория 16.325 жит.; Беллуно 15.660 жит.

III. Лигурия или Генуэзский берег.

Лигурия, в сравнении с широким бассейном, в котором соединяются воды По и его притоков, есть не что иное, как узкая прибрежная полоса, простой горный склон. Но незначительность её пространства не мешает ей быть одною из наилучше ограниченных самою природою областей Италии и обладать своими особенными географическими чертами, почему и население её имеют свою совершенно оригинальную историю. На этом плоском песчаном берегу, над которым возвышается суровая стена Апеннин, генуэзцы долго должны были вести жизнь не похожую на жизнь других обитателей полуострова.

Лигурия, с несколькими округами, лежащими к северу от Апеннин, имеет: Поверхность, 5.324 кв. кил. (5.407 по Стрельбицкому). Население к 1 янв. 1882 г. 905.545 (964.615 по исчислению для конца 1893 г.). Население на километр 170.

Между севером и югом, между Паданской равниной и побережьем Средиземного моря существует полная противуположность: но переход от запада к востоку, от Прованса к Тоскане, не представляет резкой перемены. Между Альпами и Апеннинами не существует никакого ясного разграничения, и переход от одной орографической системы к другой выражается нечувствительными градациями. Когда, миновав приморские Альпы, вы следуете по горам, в направлении к востоку, то замечаете, что они мало-по-малу принимают общий вид Апеннин: горный вал, образуя местами широкия понижения, продолжается правильно вокруг Генуэзского залива, без всякого разрыва, без всякой перемены в строении, которая позволяла бы сказать, что в таком-то месте в образовании рельефа действовал какой-нибудь другой закон. Весьма отличаясь друг от друга вообще, Альпы и Апеннины соединены друг с другом так же тесно, как ствол с ветвями. Если основываться на направлении главной оси, то Лигурийские Апеннины начинаются на границе Франции, при истоках Тине и Везюбю: здесь край Французских Альп, и здесь расходятся провансальские и лигурийские цепи, образуя между собою равнину, где извиваются По и его притоки. Если же отличительными признаками альпийской системы считать высоту вершин, луга верхних плоскогорий, постоянные снега и ледники, то начало Апеннин будет восточнее горной группы Тенде, так как красивые горы Клапье, Фенетр, Гордоласк, высота которых местами достигает 3.000 метров, совершенно походят на Альпы, как по своим пастбищам, так и по маленьким окруженным

зеленью озерам, по своим ручьям, кучам камней, по сосновому лесу и снежным лавинам. В них есть даже небольшие ледяные реки—самые южные, какие еще только существуют в горах центральной Европы. Самую естественную границу геологи видят обыкновенно в том месте, где кристаллические породы западной части исчезают и заменяются более новыми формациями, в особенности меловыми третичными слоями. Но и это деление только условное, потому что кристаллические массы, составляющие гребень западных гор и одетые с боков осадочными слоями, продолжаются дальше на восток под прикрытием новейших формаций и, разрывая местами свою оболочку, возвышаются такими же вершинами, как и Альпы. Некоторые вершины гор Специи напоминают своими гранитными скалами горную группу Тенде.

Хребет, составляющий береговую цепь Лигурии,—далеко не однороден. Апеннины, как и Альпы, разделяются на отдельные горные группы, соединящиеся друг с другом переходными порогами. Самый низкий из этих порогов находится к западу от Савоны и называется именами трех окрестных деревень: Альтар, Каркар и Кадибона. Этот проход, не имеющий и 500 метров высоты, всегда считался в народе самою естественною границею великих Альп—и совершенно справедливо по крайней мере с военной точки зрения. Во все времена, когда война происходила на почве Северной Италии, войска старались прочно занять эти горные ворота, чтобы отсюда господствовать и над подступами к Генуе, и над верхними долинами пиемонтского склона. Две Бормиды и Танаро, текущие к западу от Альтарского прохода и соединяющиеся ниже Александрии, не раз текли кровью, так как в их долинах, благодаря стратегическому значению проходящих по ним дорог, происходили ужасные битвы.

К востоку от Альтарского прохода, Лигурийские Апеннины имеют среднюю высоту около 1.000 метров; затем за проходом Джиови, посвященным некогда генуэзцами богам в благодарность за то, что проход этот открывает им доступ в северные равнины, цепь поворачивает к юго-востоку, выдвигая несколько вершин выше 1.300 метров и отделяя к северу несколько изрытых потоками отрогов, из которых один раздавил своими обломками римский город Веллею. В то же время главная цепь удаляется от берега: в том месте, где дорога из Пармы в Специю идет чрез перевал Понтремоли, т.е. через порог, отделяющий Лигурийские Апеннины от Тосканских, главный хребет проходит в 50 километрах от берега. В этой восточной области генуэзских гор, от центрального горного хребта отделяется одна боковая отрасль, которая, понижаясь от вершины к вершине, образует в море прекрасный мыс Порто-Венере, представляющий гордую скалу черного мрамора, на которой стоял храм Венеры. Эта боковая цепь, защищающая своею оконечностью залив Специю от западных ветров, всегда была, как и главная цепь, большим препятствием к свободным сообщениям соседних населений, но не по высоте, а по крутизне своих склонов. Во многих местах расстояние между Средиземным морем и самым высшим гребнем Апеннин составляет, по прямой линии, не более 5 километров: склон подымается так круто, что почти неприступен, и дороги через хребет должны кружить и делать многочисленные извилины.

Главные высоты Лигурии:

Клапье-де-Пагарин 3.070 метров; Проход Тенде (Коль де Тенде) 1.908 метров; Монте-Карсино 2.681 метров; Проход Альтар 490 метров; Проход Джиови 469 метров; Монте-Пенна 1.740 метров.

Незначительная ширина морского склона Лигурийских Апеннин не позволяет ручьям соединяться и образовать постоянные реки. Самые значительные из тамошних потоков, Таджиа и Чента, к востоку от Ройи, текущей частию по французской территории, бывают похожи на настоящие реки только во время таяния снегов или в сильные дожди; обыкновенно же они текут простыми ручейками, журчащими по каменистым полям, и со стороны моря преграждены грядою валунов. От Альбенги до Специи, на протяжении берега почти в сто километров, ручьи представляют большую часть года сухие рвы, и только миновав холмы Специи, можно найти хотя перемежающуюся, но после дождей грозную, реку. Это—Магра, которая образует границу между Лигурией и Этрурией, а у римлян до времен Августа слу-

жила границей всей Италии. Наносы этой реки образовали пляж, в 1.200 метров ширины, перед древним тирренским городом Луни, который когда-то стоял на самом берегу. Те же наносы сделали из маленькой морской бухты—озеро.

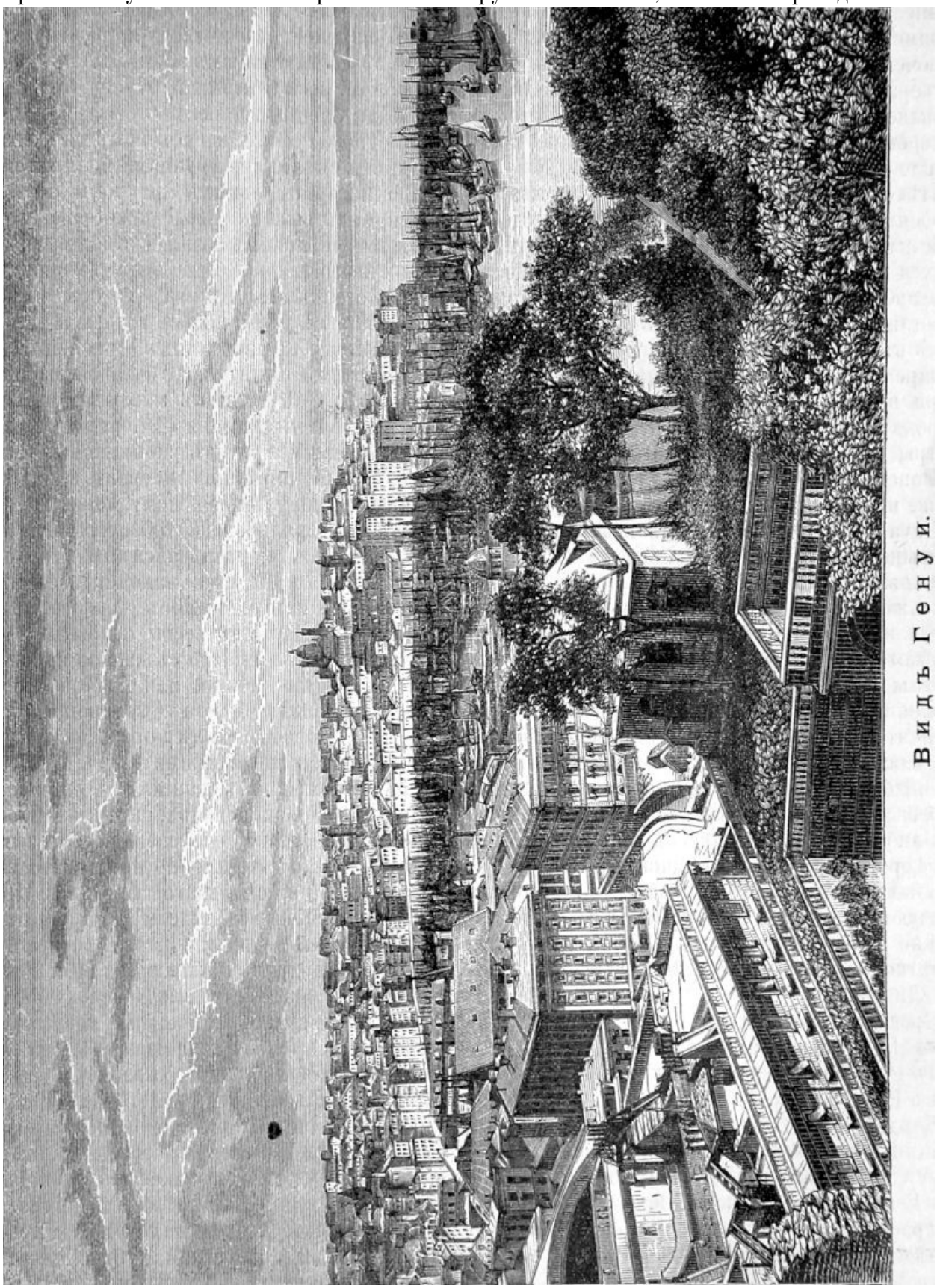
Если в Лигурии нет больших рек, то в некоторых местах их заменяют подземные ручьи. В этой области есть, хотя не в таком множестве, как Провансе, ключи, которые бьют в море, в некотором расстоянии от берега; при чем в некоторых из них масса воды весьма значительна. Так, два пресноводные источника Поллы, бьющие в заливе Специи около Кадимаре, с 15 метров глубины, заметны еще издали по сильному клокотанью моря и дают такое количество пресной воды, что итальянское правительство распорядилось изолировать их от соленой воды, для снабжения кораблей военного флота.

Бедность ручьев, суровость оврагов и крутизна склонов придают этой области берегов Средиземного моря характер, совершенно отличающий ее от других местностей умеренной Европы и даже от непосредственно противуположного склона. Перейдя хребет, после великолепных каштановых рощ, орошаемых водами Эллеро, Танаро, Бормиды, путешественник может подумать, что очутился в Африке или Сирии. Здесь совсем нет трав, которые по другую сторону Апеннин покрывают равнины своим дивным, усеянным цветами, ковром: от Ниццы до Специи вы их не найдете—разве встретите несколько естественных полян и искусственные лужки, содержимые с большими издержками в дачных садах, которые весьма мало напоминают сенокосные луга Пиемонта и Ломбардии. Если бы земледелие и садоводство не преобразили этих косогоров и узких долин Лигурии, то на Апеннинах здесь не было бы никакой иной зелени, кроме сосен и низкого кустарника. Странно, что даже большия деревья на Апеннинском склоне не достигают той высоты как на Альпийском, хотя первый пользуется гораздо более высокой средней температурой: на той самой высоте, на которой даже в Швейцарии встречаются еще прекрасные буки, на скалистых и крутых склонах генуэзских Апеннин те же деревья являются совершенно хилыми; наконец, лиственницы в Лигурийских горах почти совсем нет.

Само море точно так же бесплодно по природе, как и земля: рыбы в нем мало, вследствие почти совершенного недостатка мелей, островков и лесов водорослей; береговые скалы спускаются обрывом до глубины нескольких сот метров и представляют очень мало убежищ для морских животных; узкия прибрежные отмели, располагающиеся полукругами от одного мыса к другому, состоят из мелкого песку, без всяких следов раковин: от Порто-Фино до Лагуельи, на протяжении 140 километров, Соссюр не нашел ни одной раковины. Поэтому генуэзские рыболовы должны отправляться для ловли на отдаленные берега: из Алассио, на Западной ривьере они отправляются в Сардинию, а из Камольи, на Восточной ривьере—в тосканские области моря. Бесплодие земли и моря имеет соответствующие же и экономические последствия: из всех провинций полуострова, Лигурия посылает заграницу наибольшее число эмигрантов; более десятой части населения покинуло родину и переселилось в чужия страны.

Но если земля и вода Лигурии одинаково скудны естественными произведениями, то они имеют неоцененный дар, заключающийся в красоте и живописности, и человек, который во множестве других мест умел только портить природу, на Генуэзском берегу способствовал своим трудом к украшению своего обиталища. Прибрежье раскидывается от мыса к мысу рядом кривых линий правильного очертания; но все эти линии отличаются друг от друга тысячами подробностей в скалах, в береговых отмелях, в нивах и группах построек. Железная дорога силой пробивает себе проход, идя сквозь выступы галлереями и прокопами: между Генуей и Ниццой, на пространстве 140 километров, она проходит не менее 33 туннелей, между тем как обыкновенная дорога, легче приспособляющаяся к неровностям почвы, вьется постоянными изгибами, то подымается, то опускается, пейзаж изменяет свой вид с каждым её поворотом. Тут она идет по самому низкому краю берега, в тени тамарисов с розовыми цветами, и разбивающаяся волна обводит край дороги своею пенистою каймою; там вы поднимаетесь по скалам, которые земледелец обратил в террасы плодоносной земли, и

сквозь переплевшиеся ветви маслин, вы видите вдали голубоватый круг моря, уходящего все далее и далее к горизонту до туманных очертаний гор Корсики. С гребней и мысов вы видите ритмическую волнистость берега по всей окружности залива, со всеми переходами осве-



Видъ Генуи.

щения и колорита, производимыми светом и тенью, туманом и далью. Города, деревни, древние башни, дачи, фабрики и верфи до бесконечности разнообразят изменчивые черты пейзажей. Один город занимает вершину плато, и, когда смотришь снизу, его стены и купо-

ны резко вырисовываются на голубом небе: другой раскинулся амфитеатром вдоль склонов и оканчивается на плоском морском берегу, унизанном вытащенными далеко на песок судами; третий спрятался во впадине между маслинами, виноградниками, лимонными и апельсинными садами. Несколько финиковых пальм, раскиданных местами, придают общему виду восточную физиономию. Бордигьера, неподалеку от французской границы, совершенно окружена рощами пальм, ветви которых составляют предмет значительной торговли; плоды их, впрочем, редко успевают вызревать. Бордигьера, после испанского города Эльче, представляет в Европе единственное место, в котором африканское дерево удачнее всего нашло себе вторую родину.

Некоторые города генуэзского побережья, в особенности Албенга и Лоано, имеют нездоровый климат, вследствие миазмов, подымающихся из грязи, оставляемой потоками после разливов в каменистых ложах. Сама Генуя не отличается благоприятным климатом: воздух в ней, правда, не испорчен болотными испарениями, но сильные ветры с открытого моря врываются сюда, как в какую-нибудь воронку, со всем своим грузом влажности; ветры, дующие вдоль Западного берега (Riviera di Ponente), точно так же, как и атмосферные токи, идущие вдоль берега Восточного (Riviera di Levante), одинаково останавливаемые горами, возвышающимися в конце Генуэзского залива, должны освобождаться от избытка паров здесь же; поэтому число дождливых дней составляет здесь более трети года. Но если Генуя и некоторые другие местности побережья весьма богаты дождями, то количество последних постепенно уменьшается по мере приближения к Понентскому побережью, вследствие направления влажных ветров, так что в Сан-Ремо, расположенном в этой части лигурийского побережья, число дождливых дней меньше, чем где-либо во всей итальянской территории. Многие города Лигурии, защищенные с севера горным валом и стоящие вне пути, которому следуют дождевые облака, пользуются совершенно исключительною в Европе ровностью и мягкостью температуры. Климатические условия Лигурии:

Средняя температура: Генуя 15,9°, Сан-Ремо 17°. Число дождливых дней: Генуя 123, Сан-Ремо 58. Количество дождя: Генуя 1,307 м. Сан-Ремо 0,83 м.

Бордигьера и Сан-Ремо, около французской границы, являются по своему прекрасному климату соперниками Ментоны; Нерви, к востоку от Генуи, точно также прелестное место, как по красоте неба, так и по чистоте атмосферы. Вследствие мягкости климата и красоты видов на всех мысах, во всех долинах этих благословенных мест строится множество замков и вилл. Даже генуэзский берег на двадцать километров в обе стороны от города застроен сплошною линиею дач и дворцов. Население города, слишком многочисленное для его ограды, разливается в обе стороны и распространяется по предместьям. Эта длинная улица, извивающаяся между фабриками и садами, поднимающаяся на выступы мысов и спускающаяся в долины, непременно растянется по всему лигурийскому берегу, потому что не только генуэзцы, но и целая толпа праздных европейцев, чувствуют влечение к этим очаровательным местам. В действительности, весь генуэзский берег, от Вентимильи до Специи, все более и более принимает вид одного города, в котором многолюдные кварталы сменяются группами вилл и садов.

Вся история древних лигуров, составлявших, быть может, отрасль иберийского племени и населявших южный склон Апеннин до долины Магры, была заранее определена видом страны. Те из них, которые не нашли себе места на узкой полосе годных для обработки земель, и даже таких ступеней на склонах гор, которые можно было бы выровнять, по неволе отступали к морю и становились мореходцами и купцами. В римскую эпоху, Генуя, древний Анциум, упоминаемый Сцилаксом, был «emporium» лигуров, и моряки его ходили по всему Тирренскому морю; в средние века, во время наибольшего благосостояния республики, флаг её развевался во всех портах известного тогда мира: наконец, ей же, в лице одного из её сынов, Христофора Колумба, принадлежит честь открытия Нового Света, которое составляет начало новой истории. Джиованни Габотто или Кабот, который первый открыл берега Северной Америки, спустя пять веков после нормандских мореплавателей, был также гену-

эзец, как это доказано учеными изысканиями д'Авезака: Венеция ошибочно присвоивает его, и если англичане хотят сделать его своим соотечественником, то это только по неосновательным претензиям национального тщеславия. Правда, и Кабот, и Колумб делали свои открытия не за счет своей родины: корабли, которыми они командовали, принадлежали Англии и Испании, которые и разделили между собою богатство нового материка. Превосходные генуэзские моряки во все времена ходили по свету на своих маленьких и прочных кораблях, в поисках за поживой; для примера можно сказать, что и ныне они обладают монополией плавания в водах Ла-Платских республик, где почти на всех судах, плавающих по Паране, Уругваю и лиману Ла-Платы, экипажи состоят из генуэзцев. В Европе почти во всех больших городах берегов Средиземного моря встречаются искусные садовники из генуэзцев.

В варварские времена, когда человек не подчинил еще себе Апеннин удобными дорогами, Генуя, не имевшая внутри страны рынков снабжения, не имела никаких преимуществ пред остальными портами лигурийского берега; но как только искусство понизило горную стену, и равнины Пиемонта и Ломбардии оказались в свободном сообщении с заливом, географическое положение Генуи достигло своего полного значения. Находясь под подушкой Итальянского полуострова, в ближайшем месте от богатых внутренних ранвин, она должна была овладеть торговой монополией в этой части Европы. Из всех республик западных берегов Италии одна только Пиза могла пытаться оспаривать у ней её высокое положение; но после кровавой борьбы Генуя восторжествовала над своей соперницей. Она овладела Корсикой, население которой эксплоатировала жестоко, взяла у мавров Минорку и даже овладела многими городами Испании, которые возвратила потом за торговые привилегии. В Эгейском море её аристократы сделались владельцами Хиоса, Лесбоса, Лемноса и других островов; в Константинополе её купцы приобрели такой авторитет, что часто делили власть с императорами. Они обладали несколькими кварталами в этой столице Востока и сделали из неё филиальное отделение Генуи—по этому-то потеря Перы и Босфора была для них началом упадка. В Крыму они занимали богатую колонию Каффу; их укрепленные замки и конторы находились на всех торговых путях Малой Азии, до самых верхних долин Кавказа, где и теперь еще местами встречаются построенные ими и сохранившие свои имена башни; чрез Понт Эвксинский, равнины Грузии и Каспийское море, они держали в своих руках дорогу в центральную Азию. Все эти отдаленные колонии генуэзской республики объясняют причину существования в итальянском наречии лигурийских моряков небольшого количества арабских, турецких, греческих, а также провансальских и испанских слов; но в целом язык их—совершенно итальянский, хотя по произношению приближается к французскому.

Превосходя могуществом Пизу, Генуя не доросла однако же до того, чтобы победить в борьбе за торговое преобладание Венецию, ибо последняя имела над нею то громадное преимущество, что пользовалась свободным сообщением с германской и скандинавской Европой чрез альпийский кряж. Так, хотя в 1379 году генуэзцы и успели овладеть Киоджией, и даже блокировать на короткое время своих противников, но вообще влияние Генуи в политической истории было гораздо слабее, чем влияние Венеции. Её роль в общем движении искусств, науки и литературы была также относительно гораздо ниже: хотя Генуя и университетский город, но писателей, живописцев и скульпторов в ней было меньше, чем в каких-нибудь маленьких городах Ломбардии и Венеции. Про генуэзцев говорили, что они наглы и вероломны, жадны к роскоши и власти и беззаботны ко всему тому, что не дает им денег и права командовать. «Море без рыбы, горы без лесу, мужчины без веры, женщины без стыда—вот Генуя»! говорила старая поговорка, повторявшаяся врагами лигурийского города. Распри между благородными генуэзскими фамилиями, желавшими захватить дела в свои руки, были почти беспрерывны, но замечательно, что, над борьбой партий, непоколебимый банк Сен-Джорджа, составлявший настоящую республику в республике, спокойно продолжал вести торговые и денежные операции, и богатства не переставали стекаться в город. Вот почему Генуя могла построить себе эти дворцы, эти мраморные колоннады и висячие сады, за которые она получила прозвище «великолепной». Однако же, банк кончил тем, что его

постигло полное разорение: он вздумал ссужать не только промышленные предприятия, но и воевавших государей и, как следовало ожидать, в результате вышло банкротство, которое в половине восемнадцатого столетия привело Геную к политическому бессилию.

Несмотря на незначительную ширину, извилистость и покатость берега, не смотря на загроможденном и грязь слишком узких набережных и на тесноту, производимую окружающими город стенами и фортами, столица Лигурии представляет один из самых замечательных городов в мире по своим дворцам, архитектура которых отличается и роскошью, и в то же время оригинальностью. В прошлом веке и в начале нынешнего, Генуя была в большом упадке, и многие из её прекрасных зданий грозили разрушением; но с возвращением благосостояния, город начал улучшаться. В настоящее время Генуя составляет самый деятельный порт в Италии и главнейшие морские компании полуострова имеют здесь свои конторы. Половина итальянского коммерческого флота принадлежит генуэзским судохозяевам и три четверти всех ежегодно строющихся судов на всем полуострове принадлежит им же.

Оборот заграничной торговли Генуи в 1892 г. был: 525.698.361 фр., при чем, на долю ввоза пришлось 353.795.762 фр.

Заграничное движение судов: 4.543 судна, вместимостью в 4.902.913 тонн.

Движение судов во внутреннем сообщении: 7.709 судов, вместимостью в 1.720.495 тонн.

Торговый флот: в конце 1892 г. 123 парохода в 112.017 т. и 601 парусное судно в 237.699 т.

Генуэзский порт, поверхность которого хотя и составляет более 130 гектаров, все-таки недостаточен для всего количества посещающих генуэзский рынок кораблей, число которых доходит здесь иногда до семисот, не считая тысяч мелких судов—и, главное, недостаточно защищен: только четвертая часть его поверхности, и притом самая неглубокая, закрыта от всех ветров. Необходимо было бы удвоить размеры порта и усилить защиту от ветра устройством третьей линии ветровых заграждений, которая, отделяла бы обширный наружный рейд от открытого моря. Для расширения своих набережных город пожертвовал мраморной террасою, которая тянулась вдоль порта. Генуя убеждена, что итальянское правительство пренебрегает её интересами, и жалуется на то, что имеет только один железный путь чрез Апеннины, чтобы обслуживать торговлю, направляющуюся к ней из Северной Италии и из Германии через туннель Сен-Готарда. Она настойчиво требует другой линии, предвидя огромное усиление торговых дел, которое будет доставлено ей будущими железными дорогами швейцарских Альп. Она хочет сделаться для западной Германии и Гельвеции тем, чем есть Триест для Австро-Венгрии, т.е. главным центром средиземной торговли.

В ожидании достижения своих целей, Генуя, представляющая и без того уже весьма деятельный промышленный город, разрастается в обе стороны побережья своими предместьями, фабриками и верфями. Ей нужно все больше и больше места для её пекарных заведений, бумажных, шелковых и бархатных фабрик, мыловаренных, масляных и гончарных заводов, мастерских искусственных цветов и других предметов украшения: *l'ovrar del Genoes* (работа генуэзца) составляет, как и в средние века, одно из чудес Италии. Сан-Пьер д'Арена на западе стала настоящим промышленным городом. Корнильяно, Ривароло, Сестри-де-Поненте обладают самыми большими строительными верфями в Италии и даже на всем Средиземном море. Пельи, Вольтри—точно также многолюдные города, с прядильнями и литейными заводами, и связаны друг с другом так, что представляют собою один огромный муравейник. Савона, порт которой был некогда засыпан не хотевшими терпеть никакой конкурренции в торговле генуэзцами, точно также тянется вокруг всей бухты длинным промышленным рядом кирпичных и терракотовых заводов до самого Вадо. Благодаря железной дороге, которая соединяет ее прямо с Турином, Савона сделалась независима от Генуи и может отправлять продукты внутренних равнин прямо заграницу. Другие города по берегу Поненте отделяются друг от друга только каким-нибудь оврагом или скалою мыса. Таковы, например, близнецы Онелья и Порто-Маурицио, которые по своим обширным оливковым садам названы «Масляным фонтаном», хотя в Сан-Ремо масличных садов еще больше. Оба эти го-

рода, из которых один расположен на морском берегу, а другой на крутом холме, дополняют друг друга, как половины одного и того же города; у обоих порты одинаковой четырехугольной формы и выходят в ту же бухту, так что когда подплывает к берегу корабль, то кажется, что он колеблется—в который из двух открывающихся перед ним бассейнов войти ему.

Левантский берег (Восточная ривьера) поморья так унизан городами, как ожерелье жемчугом. Альбаро со своими прелестными дворцами Кварто, откуда отправилась экспедиция, отнявшая Сицилию у Бурбонов; Нерви, убежище чахоточных—оба тянутся длинным предместьем, как продолжение Генуи, к городам Рекко и Камолья, населенным судохозяевами и капитанами трехсот кораблей. Почти непрерывный ряд домов внешней Генуи ограничивается мощною границею каменистого мыса Порто-Фино, или порта Дельфинов, названного так по имени этих китообразных, резвящихся иногда в заливе; но к востоку от мыса, прорезанного галлереей, входные ворота которой служат рамами для удивительных картин, снова идут города: промышленный Рапалло, торговые Киавари, Лаванья с знаменитыми ломками серого аспида, рабочий город Сестри-де-Леванти,—которые образуют на своем великолепном заливе новую улицу зданий, прерываемую только скалистыми крутизнами побережных гор.

За Сестри берег уже не так населен, вследствие занимающих большую часть его прибрежных скал, но за поворотом гордого мыса Порто-Венере и за прелестным островом Пальмарией, с его залежами мрамора и «голубиным гротом», богатым остатками каменного века, открывается залив Специя, окаймленный сплошь фортами, верфями, арсеналами и различными постройками. Итальянское правительство хотело из него сделать большой военный порт для своего флота. Огромные работы для превращения Специи в приморский пункт первого разряда были начаты в 1861 г.; но это—труд многих поколений, и когда оканчивается одна часть сооружений, искусство разрушения делает такие успехи, что инженеры должны начинать съизнова свою бесконечную и дорогую работу. Два из таких сооружений возвышаются среди открытого моря, укрепляясь на подводной плотине. Как торговый рынок, порт этот играет совершенно второстепенную роль между портами Италии, так как хотя он и представляет безопасное убежище для кораблей, но не соединен еще железными дорогами с за-Апеннинскими странами; сам же может отправлять только произведения своих богатых окрестных долин. Без железной дороги, пересекающей Апеннины, он не может представлять никакой пользы для Ломбардии—этого огромнаго сада Европы. Но что ставит Специю и соседние города на одно из первых мест в Италии, так это красота их залива, который соперничает с Неаполитанским и Палермским. С высоты мраморного холма, который господствует над павшим городом Порто-Венере, и развалин храма, построенного пизанцами из белого и черного мрамора на месте древнего храма Венеры, вы созерцаете дивный горизонт, мысы и бухты, следующие друг за другом в направлении к Генуе, горы Корсики, подобные туману, остановившемуся на берегу голубого моря, убегающие берега Тосканы, и на удивительном фоне Апеннин и Апуанских Альп—леса маслин, рощи кипарисов и других дерев, окружающих живописные края противуположного берега. Прямо перед вами—очаровательная Леричи, далее к югу рисуется тот берег, на котором Байрон обратил в пепел тело своего друга Шелли—и действительно, нет места прекраснее этого для печального сожжения.

Общины Лигурии, имеющие более 10.000 жителей к 1 янв. 1882 г.:

Генуя (собств. город) 179.515 жит. Генуя (по исчисл. в 1894 г.) 216.000 жит.; Специя 30.750 жит.; Савона 29.615 жит.; Сан-Пьер-Дарена 22.030 жит.; Сан-Ремо 16.055 жит.; Вольтри 13.620 жит.; Киавари 11.620 жит.; Сестри-Поненте 10.870 жит.; Рапалло 10.180 жителей.

Движение судов в портах Лигурии в 1884 г.:

Генуя 5.718 груженых судов, вместимостью 2.254.000 тонн. Специя 1.371 груженых судов, вместимостью 227.698 тонн. Савона 3.186 груженых судов, вместимостью 483.333 тонн. Порто-Мурацио 496 груженых судов, вместимостью 25.397 тонн.

IV. Долина Арно, Тоскана.

Тоскана, как и Лигурия, расположена при южном основании Апеннин, но только занимаемая ею полоса значительно шире. Позвоночный хребет полуострова направляется в этой области Италии наискось от Генуэзского залива к Адриатическому морю и с южной стороны дает от себя побочные цепи, которые удвоивают нормальную ширину системы. Кроме того, к югу от долины Арно возвышаются отдельные плато и горные группы, которые расширяют землю к западу, почему Итальянский полуостров именно в этом месте достигает наибольшей ширины.

Пространство Тосканы 25.053 кв. километра.

Население (вычисленное для 31 дек. 1892 г.) 2.288.747 человек.

Вал Тосканских Апеннин тянется от одного моря к другому, но он извилист, весьма не одинаков в различных местах по высоте и прорезан проходами, в которых пролегают устроенные между обоими склонами проезжия дороги. В общем горы Этрурии расположены продолговатыми и параллельными группами, отделяющимися друг от друга бороздами, в которых текут потоки, образующие Серкио и Арно. На границах Лигурии, первый массив главной цепи, доминируемый вершинами Орсайо и Суккизо, сопровождается Луниджианскими горами, возвышающимися на западе по другую сторону долины Магры. Гарфаньянской цепи, составляющей вторую группу к северу от равнин Лукки, соответствуют на западе Апуанские Альпы или Масса-Каррара. Далее к востоку, параллельно Монте-Чимоне, покрытой великолепными соснами, и другим вершинам Апеннинских Альп, следующим друг за другом к северу от Пистойи и Прато,—идут цепи Монти-Катини и Монте-Албано, между пещеристыми боками которых находится знаменитое теплое озеро Монсуммано. Наконец, четвертая группа, пересекаемая в проходе Фута прямою дорогою из Флоренции в Болонью, точно также имеет свои боковые цепи: Монте-Муджелло, к югу от Сиевы, и Прато-Маньо, между верхним и средним течением Арно. Цепь Катенайскпх Альп, проходящая с севера на юг, между верхними долинами Арно и Тибра, заканчивает разом—с восточной стороны главную гряду Апеннин, составляющую линию водораздела, и не столь правильный ряд южных групп, к которым больше подходило бы название Анти-Апеннин, прилагаемое географом Мармокки специально к прибрежным горам. Через скалы этих южных гор пробивают себе путь все. ручьи, стекающие с большего хребта, и разбивают горы на отдельные массы.

Во многих частях своего протяжения Тосканские Альпы представляют совершенно альпийский вид и даже так и называются Альпами, вследствие высоты своих вершин, имеющих более 2.000 метров. Высоты главных вершин и наиболее торных проходов Тосканских Апеннин следующие:

Апеннины: Альпы Суккизо 2.019 метр.; Альпы Кампорагена (Garfagnana) 2.000 метр.; Мойте Чимоне 2.621 метр.; Монте-Фальтероне или Фальтерона 1.648 метр.; Проход Абетоне (гора Чимоне) 1.400 метр.; Проход Понтремоли (дорога из Зарцаны в Парму) 1.039 метр.; Проход Фиумальбо (дорога из Лукки в Модену) 1.200 метр.: Проход Фута (дорога из Флоренции в Болонью) 915 метр.; Проход Камальдуле 1.004 метр.

Анти-Апеннины: Пизанино (Апуанские Альпы) 2.014 метр.: Пиетра Марина (Монте-Албано) 575 метр.: Прато-Маньо 1.580 метр.; Альпы Катенайя 1.401 метр.

Большую половину года верхние склоны этих гор покрыты снегами, так что часто, проходя очаровательное дефиле Массы-Каррары, между синеющими водами Средиземного моря и подымающимися постепенно косогорами Апуанских Альп, вы напрасно стараетесь различить в белизне вершин, где кончаются снега и где начинаются мраморные обвалы. Грандиозному виду Тосканских гор, или, как их называет Ампер, «гор Данте», способствуют обрывистая форма и причудливость очертаний известковых скал Апеннинского хребта. Во многих местах горы сохранили еще прелесть, придаваемую цепи—на нижних склонах—каштановыми, а на высших—сосновыми и буковыми лесами. И сколько поэтов воспевали

чудные леса, покрывающие склон Прато-Маньо, над тем бассейном, в котором соединяются долины Сиевы и Арно! В этой лесистой местности, на лугах которой пасутся громадные белые быки древней породы, возвышались три богатых монастыря—Валломброза, Камалдула и Верна. Имя прелестной Валломброзы («тенистая долина»), высокие зеленые своды которой и рассеянные осенью по ручьям листья воспевал Мильтон, вошло в поговорку и стало обозначать все места, где восхищенный зритель проникается поэзией природы. Верна и Камалдула или «Малдульское поле», по имени которой было названо столько монастырей в остальной Европе, находятся в местности не столь восхитительной, среди скал и диких откосов. Ариосто воспевал пейзажи той Апеннинской дороги, «с которой разом видны моря Скиавонское и Тосканское». И действительно, поднявшись на один из ближайших к монастырю холмов, можно видеть оба моря, в виде голубоватых туманов.

Суровые крутизны больших Апеннин и украшающие их склоны леса составляют самую счастливую противоположность с долинами и мягко закругленными холмами низкой Тосканы: почти на всякой возвышенности стоит какая-нибудь старинная башня, развалины укрепленного средневекового замка; среди зелени склонов разбросаны прелестные виллы; между виноградниками и группами копьевидных кипарисов виднеются арендаторские домики, росписанные незатейливыми фресками; все годное для распашки пространство занято богатейшими нивами; над речками шелестят своею листвою ивы. Исторические воспоминания, природный вкус жителей, плодородие почвы, обилие воды, мягкость климата,—все способствует к тому, чтобы сделать центральную Тоскану самым привилегированным местом в Италии и одним из самых приятных на земле. Прекрасно защищенная от холодных северо-восточных ветров стеною Апеннин, она обращена к Тирренскому морю, откуда дуют теплые и влажные ветры тропическаго происхождения; но в дождях нет излишка, благодаря экрану, представляемому горами Корсики и Сардинии и счастливому расположению маленьких групп холмов пред Апеннинскою цепью. Климат Тосканы по преимуществу умеренный, мягкий, не имеет таких резких крайностей, как климат паданской равнины и, конечно, этому умеряющему влиянию климата и природной красоте страны тосканцы обязаны большею частью своей простой веселости, ровностью расположения духа, тонким вкусом, чуткостью в поэзии и живым, но всегда сдержанным, воображением.

Различные группы гор и холмов на юге Тосканы, обозначаемые вообще названием «Суб-Апеннин», совершенно отделены от главной горной системы нынешнею долиною Арно, которая, вместе с прорытыми ею ущельями и со своими древними озерами, составляет настоящий ров под стенами Апеннин. Первый широкий раздельный пояс между Апеннинами и южно-тосканскими горами составляет долина Кианы, бывшая сперва заливом Средиземного моря, а потом внутренним морем; затем следует некогда озерная флорентинская равнина, которую легко было бы снова затопить водою, завалив ущелье Гольфолину или Гонфолину, чрез которое прорывается Арно в 15 километрах ниже Флоренции и которое было сделано рукою «Геркулеса Египетскаго». В начале четырнадцатого столетия, знаменитый лукский генерал Кастручио имел намерение затопить таким образом гордый республиканский город, но, к счастию, его инженеры не съумели сделать нивеллировки: они думали, что запруда не причинит никакого вреда Флоренции, так как разница в уровне, по их мнению, была в 88 метров, между тем как на самом деле она только 15 метров. К низу от этой теснины начинаются большая равнина и древние морские заливы.

Ограниченные таким образом с севера, Суб-Апеннинские горные группы Тосканы состоят из однообразных округлых холмов тусклосерого цвета, почти без зелени. Сами Апеннинские горы принадлежат главным образом к юрской и меловой формациям, между тем, как Суб-Апеннины состоят из третичных земель, песчаников, глины, мергелей и пудингов, которые очень богаты ископаемыми и пронизаны местами серпентином. Впрочем, узнать правильное расположение их в высотах Южной Тосканы было бы трудно. На них следует смотреть, главным образом, как на весьма неровное плоскогорье, которое, благодаря перерезывающим его рекам, текущим то параллельно, то перпендикулярно к рекам Апеннин, об-

ращено в запутанный лабиринт холмов, пробуравленных воронками, в которых исчезают воды: таковы впадины «Инголлы», действительно поглощающие собою ручейки и дождевые воды плоскогорья и образующие затем обильные источники одного из больших притоков Арно, Эльзы-Вивы. Главная горная группа Суб-Апеннинской области и есть та самая, которая разделяет три бассейна: Арно, Чечины и Омброны, и вершина которой Поджио ди-Монтиери, с богатыми медными рудниками, возвышается более чем на 1.000 метров. Еще выше поднимаются горы к югу от долины Омброны, как-то Лаббро, Четона, Монте-Амиата; но их следует отнести уже к геологической области центральной Италии. Четона представляет юрский остров, окруженный новейшими землями; Монте-Амиата—трахитовой конус и высочайший вулкан Италии, который хотя и не извергал лавы в исторические времена, но не может считаться угасшим, как показывают множество существующих еще теплых источников и серных земель. Радикофини—представляет другой вулкан, лавы которого похожи на окаменевшую пену и во многих местах легко рубятся топором.

В большой подземной лаборатории, под всеми скалистыми формациями Тосканы, совершается еще, по всей вероятности, весьма значительная работа; металлоносные жилы разветвляются здесь в громадную сеть, и минеральные источники всякого рода, соленые, серные, железистые, кисловатые здесь сравнительно гораздо обильнее и чаще, чем во всех других частях Италии. На поверхности в тринадцать раз меньшей здесь оказывается около четверти всех теплых и целебных ключей полуострова и прилежащих островов, а между этими ключами есть славящиеся во всем мире, как напр. ключи Монте-Катини, Сан-Джулиано и знаменитые Баньи ди-Лукка, около которых выстроился многолюдный город, составляющий главную станцию между Луккой и Пизой. Естественные салины в Тоскане также весьма производительны, но самые любопытные и в то же время самые полезные с промышленной точки зрения водометы представляют собою знаменитые *lagoni*, в бассейне одного притока Чечины, при подошве горной группы Монтиери, с северной стороны. Еще издали вы видите клубящиеся в равнине густые тучи белого пара и слышите резкое шипение газов, которые со свистом вырываются из-под земли, производя клокотанье в лужах воды. Лужи эти содержат различные соли, кремнезем и борную кислоту, вещество, имеющее такое значение в торговле, что его тщательно собирают для английских фаянсовых и стеклянных фабрик и которое для Тосканы сделалось одним из главных источников дохода. Никакая другая страна в Европе, за исключением разве кратера Вулкано на Эолийских островах, не производит такого количестна борной кислоты, чтобы стоило извлекать ее, но в Суб-Апеннинских горах этого сокровища можно было бы собирать, вероятно, еще больше, чем сколько добывается теперь, так как в различных частях Этрурии, в особенности около Масса-Маритима, к югу от Монтиери, бьют еще другие *soffioni*, содержащие некоторое количество этого драгоценного химического вещества. (Производство «Семи Деревень»: 14 тонн буры в день).

Совершающееся в Тоскане подземное брожение происходит, вероятно, большею частию вследствие тех значительных перемен, которые произведены наносами во взаимных отношениях между землею и водами. Неподалеку от нынешнего берега, возвышается, подобно островам среди моря, множество групп холмов, которые и действительно были некогда морскими землями, но, благодаря речным наносам, присоединены постепенно к суше. Так, Пизанские горы, между нижним Арно и Серкио, представляют еще полуостровную группу вершин, так как окружены со всех сторон болотами и полями, которые были осушены с большим трудом. Древнее озеро Биентина, поверхность которого составляла самое возвышенное место из окружавших эту горную группу пресных вод, лежало не выше 9 метров над уровнем моря. Точно также высоты, которые тянутся параллельно берегу, к югу от Ливорно, хотя не совершенно отделены от моря, но уже соединяются с внутренним плоскогорьем невысоким порогом. Что касается до мыса, на одном склоне которого стоял древний город Популония, а на другом стоит новый город Пиомбино, против острова Эльбы, то это совершенно островная вершина, отделенная от суши низкою равниною, в песках которой теряются стекающие с внутренних гор ручьи. Но самый совершенный тип земель, принадлежащих разом и полуострову Италии, и Тирренскому морю, представляет гордая Монте-Арджентаро

или Арджентарио, на южном конце тосканского побережья. В целом мире найдется не много образований этого рода, которые представляли бы такую правильность в своем общем расположении. Крутая и скалистая гора, окруженная утесами с укрепленными замками и сторожевыми башнями, выдвигается далеко в море, как будто для того, чтобы мешать проходу кораблей; две низменные полосы, обращенные к морю своими грациозными вогнутостями и составляющими темною зеленью своих сосновых лесов такую противоположность с голубыми водами и бурым цветом скал, соединяют гору с выступами континентального берега и отделяют, таким образом, от моря правильной формы озеро, в центре которого расположен маленький городок Орбетелло, занимающий оконечность частию разрушенного волнами древнего берега. Можно подумать, что этот большой прямоугольный бассейн и окружающие его песчаные плотины созданы каким-нибудь гигантским народом. Лагуна Орбетелло служит тем же, чем и лагуна Комаккио: это большой рыболовный резервуар, в котором угри ловятся сотнями тысяч. К западу тянется к Корсике цепь островов с вершинами Джильо, суровым Монте-Кристо и рифом Формика. Расположенный севернее, остров Эльба составляет отдельный мирок.

Высоты Суб-Апеннин суть: Поджио ди-Монтиери 1.042 метра. Лаббро 1.192 метра. Монте-Амиата 1.766 метров. Монте-Серра (Пизанские горы) 914 метров. Монте-ди-Пиомбино 199 метров. Монте-Арджентаро 636 метров.

Уже в короткий промежуток времени с начала исторических времен, различныя реки Тосканы: Серкио, питаемая снегами Гарфаньяны и Апуанских Альп, могучий Арно, Чечина, Омброна, Албенья, произвели значительные перемены во внешнем виде прибрежных равнин и очертании морского берега. Материалы, необходимые для произведенной ими громадной геологической работы, доставляли им плохо укрепленные земли, по которым протекали они в большей части своего течения. Во многих местах, горные склоны, не укрепленные ни лесами, ни кустарником, при малейшем дожде превращаются в полужидкое тесто, которое и стекает понемногу вниз, пока реки не унесут его своим быстрым течением. В течение нескольких веков, начиная с добрых времен Пизанской республики, устье Арно выдвинулось в море на 5 километров. Впрочем, оно часто переменяло свое место; некогда Серкио и Арно имели в низовье общее русло, но, говорят, пизанцы отвели первую дальше к северу, во избежание опасности от её наносов. Исследование мест показало, что вниз от Пизы Арно долго текла к морю по низким землям Сан-Пиетро-дель-Градо, где течет ныне Коломброн, но с тех пор как природою или человеком, а может быть и обеими этими силами вместе, реке дан был нынешний исход, она постоянно перемещалась по равнинам, снося аллювиальные земли своих берегов и приращая берег в ущерб Тирренскому морю. По Страбону, в его время Пиза стояла в двадцати олимпийских стадиях, т.е. в 3.700 метрах, от морского берега, между тем как ныне она отстоит от него в три раза дальше. Когда в конце одиннадцатого века был построен монастырь, впоследствии *cascina* Сан-Россоре, то стены его возвышались над берегом, а в наше время место этого древнего здания отстоит от моря почти на 5 километров. К суше присоединены таким образом обширные равнины, занятые дюнами или *tomboli* и частию покрытые сосновыми лесами. На этих обширных песчаных землях пасутся большие стада полудиких лошадей и быков и кроме того верблюдов, в числе около двухсот, акклиматизированных здесь с успехом уже три столетия тому назад; это потомки тех верблюдов, которые были отняты у турок под стенами Вены. Впрочем, не все это приращение земель совершено наносами: весьма возможно, что Тосканский берег был приподнят и внутренними силами. Камень, называемый *panchina*, употребляемый в Ливорно на постройку зданий, есть не что иное, как морская скала, состоящая частию из подобных же раковин, какие встречаются и теперь в соседнем море.

Одно из важнейших изменений, совершившихся в системе вод бассейна Арно, составляет переворот, произведенный в долине Кианы искусством человека, направляющего грубые силы природы. Эта ложбина, служившая, вероятно, местом прохода Арно, когда последняя, будучи тогда притоком Тибра, не прорыла себе того ущелья выше Флоренции, чрез которое

она течет ныне,—представляет собою природную дорогу, промытую водою между бассейнами Арно и Тибра; в ней, как между Ореноко и Амазонскою рекою, хотя и в меньших размерах, существовал небольшой порог, от которого воды текли как в тот, так и в другой бассейн, и точка водораздела была неподалеку от Арно. Часть вод долины Кианы впадала в тосканскую реку, которая течет метрах в пятидесяти ниже, а другая наибольшая часть воды, не имея определенного течения, разливалась в длинные болота, тянувшиеся к югу до озер, на западе которых, на одном из высоких их берегов, стоит маленький городок Монтепульчиано; тут-то и начинает ясно обнаруживаться наклон, несущий воду к римскому Тибру. Нейтральная часть долины между двумя склонами была так неопределенна, что раздельный порог перенесли, по крайней мере, на 50 километров, устроив поперечные барьеры, которые сдерживали разливы временных озер, производимые большими дождями. Весь промежуточный пояс, в котором стояли наполовину прогнившие массы воды, приносимой боковыми ручьями, был гнездом заразы. Данте и другие итальянские писатели называют его проклятым местом, и даже ласточка не осмеливалась пускаться в эту роковую атмосферу. Жители долины тщетно пытались осушить почву, устраивая сточные каналы: горизонтальность длинной равнины делала недействительными все их труды для очищения воздуха. Знаменитый Галилей, к которому обращались за советом, объявил, что зло непоправимо, и после него уже не предпринималось никаких мер. Торричелли нашел, что для придания долине недостающего ей наклона, и, следовательно, для облегчения стока воды, можно воспользоваться силою ручьев, но до дела не дошло и при нем, вследствие споров между двумя смежными государствами: Римом и Флоренцией, не позволявшими очищение Кианы, так как каждое из двух правительств хотело, чтобы сточные воды были проведены по территории соседа.

Наконец, в половине восемнадцатого века работы начались под управлением знаменитого Фоссомброни. На конце каждого бокового рва были устроены бассейны для сплавливания земли, куда и отлагаются ежегодно слоями принесенные с гор твердые частицы. Таким образом, болота мало-по-малу засорились и почва утвердилась, уровень долины, возвышенный постепенно в избранной инженером линии раздела, сообщил воде движение, которого она до того не имела, и гнилостную топь обратить в чистый ручей. Общий склон возвышенной равнины был перевернут, и Арно обогатилась притоком в 71 километра длины, который более чем на две трети своего течения принадлежал прежде Тибру. Некогда смертоносный воздух долины стал одним из самых здоровых в Италии. Завоеванными вновь землями овладело земледелие, и к тосканской территории присоединилось тысяча триста квадратных километров земли, которую прежде тщательно обходили. Деревни, населенные еще недавно людьми, одержимыми лихорадкой, превратились в богатые местечки с здоровыми обитателями. Успех работы, названной так прекрасно «мелиорацией», был полный. Дикия воды должны были подчиниться дисциплине для правильного распределения своих наносов на пространстве 20.000 гектаров и на средней глубине от 2 до 3 метров; их заставили, как разумных работников, наложить насыпь в 500 миллионов кубических метров. Эта огромная операция спуска земли, в которой человек так удивительно направил природу, стала образцом для всех подобного рода предприятий. Так, обширное болото Кастильоне, озеро Прилиус римлян, расположенное между Гроссето и морем, около правого берега Омброны, посредством такого же процесса сплавливания земли было обращено мало-по-малу в твердую землю. В 1828 г. оно занимало пространство в 95 квадратных километров, из которого перенесенные рекою наносы сделали впоследствии громадную и относительно здоровую прерию. Сравнение карт различных времен свидетельствует о значительных изменениях, испытанных некогда Омброною в её устьях как бы случайно, но теперь силою этою управляет человек. Река эта—второй бык Ахелой, укрощенный новым Геркулесом.

Из больших осушительных работ, также доставивших славу тосканским гидрологам, следует упомянул еще о сети бесчисленных сточных каналов, вырытых на низких землях Фучеккио, Понтедеры, Пизы, Лукки, Ливорно, Виареджио. Тут были обширные внутренния моря, которые пытаются понемногу засорить и привести постепенно в состояние твердой земли. Одною из самых трудных операций этого рода было осушение озера Биентины или

Сесто, которое было расположено среди болотистых равнин, к востоку от Пизанских гор, и образовались, как думают, вследствие разлива вод Серкио. Прежде у озера этого было два естественные истока, один к северу в Серкио, другой к югу в Арно. Во время мелководья обеих этих рек, течение Биентины совершалось без затруднения, но как только в них начиналась прибыль воды, наступало обратное движение, вода обоих притоков текла назад в притоках, и если бы не закрывались во-время шлюзы, то Арно и Серкио, при подошве Пизанских гор, слились бы в одно внутреннее море. Лишенная своих естественных стоков, Биентина разрасталась так, что покрывала собою пространство в 10.000 гектаров, т.е. в шесть раз больше, чем её обыкновенная поверхность, почему, для спасения богатых полей этой части Тосканы, нужно было дать Биентине исток, который был бы независим от двух соседних рек. Поэтому явилась счастливая мысль прорыть канал, который выводил бы воду из озера чрез туннель, идущий под Арно, ширина которой в этом месте от плотины до плотины составляет 216 метров, а затем после подземного пересечения канала с рекою, новый исток направляется к морю по бывшему руслу Арно, замененного ныне Коломброною.

Главное препятствие, с которым приходилось бороться в этом победоносном деле, представляла крайняя нездоровость климата. Атмосфера миазмов тяготела особенно над прибрежною местностью, вследствие совершающагося здесь смешения пресных внутренних вод с солоноватыми водами Средиземного моря. Вследствие происходившей от этого смешения чрезмерной смертности между морскими и пресноводными породами животных и растений, воздух заражался, наполнялся смертоносными газами, происходящими от разложения органических веществ, и истреблял прибрежное население. Около половины прошлого века инженер Цендрини напал на мысль—в конце всех естественных и искусственных выводных каналов—устроить раздельные шлюзы между пресными и солеными водами. Лихорадки тотчас же исчезли, и воздух получил свою первоначальную чистоту. В 1768 г., вследствие дурного содержания затворов, снова началось смешение воды пресной и соленой, и сейчас же миазмы возобновили свое дело опустошения, и здоровый климат в прибрежных деревнях возстановился только после перестройки шлюзов. С тех пор беззаботность флорентийскаго правительства была еще два раза вымещаема таким же образом на несчастных прибрежных жителях каналов, и два раза приходилось прибегать к тому же серьезному терапевтическомо средству, т.е. лечить саму землю. С 1821 г., содержание шлюзов, несущих частию медицинскую службу, не оставляет ничего более желать, а вследствие этого и климат остается здоровым. Главный город этой области Виареджо, который в 1740 году был просто зачумленною деревушкой, в настоящее время представляет город с морскими купаньями, который летом посещают безнаказанно множество иностранцев. Разведение сосны и других деревьев тоже много способствовало оздоровлению местности.

Несмотря на все успехи в улучшении почвы, в Нижней Тоскане есть еже много местностей, нуждающихся в осушении земли и очищении атмосферы. Пространство неосушенной земли простирается до 3.000 квадр. километров; Маремма, большая часть которой находится в провинции Гроссето, между двумя скалистыми валами Пиомбино и Орбетелло, несмотря на все ассенизационныя работы, остается одною из самых нездоровый местностей в Европе: ее непроницаемая земля задерживает воду, которая портится от солнца и заражает воздух. Средняя жизнь жителей здесь очень короткая, в особенности же она ненадежна у «слишком счастливых землевладельцев», несмотря на то, что большая часть их спускаются в низкую равнину только для посева и уборки: они бегут оттуда, как только кончают работу, и все-таки часто уносят с собою зародыш роковой болезни. В лета 1840 и 1841 гг. было 36.000 больных лихорадкою из всего приблизительно 80-ти тысячного населения, которое почти все живет на высотах и только изредка спускаются в зараженную равнину. Для избежания гибельного влияния дурного воздуха, надо жить постоянно на высоте по крайней мере 300 метров; но и этого не всегда достаточно: епископальный город Сована очень нездоров, несмотря на то, что находится именно на вышеозначенной высоте, в верхней долине Фиоры. Лихорадки чувствуются даже в местностях весьма удаленных от всякого болота, и причина этого заключается, вероятно, как полагает Сальваньоли Маркетти, в свойствах самой почвы.

Malaria поднимается на те холмы, глинистая почва которых проникнута пригорелыми веществами, и поражает также местности, в которых обильны соленые источники, и в особенности местности с залежами квасцов. Смешение пресной воды с соленою, столь пагубное на берегу моря, оказывается не менее гибельным и во внутренности страны. Наконец, гибельно и влияние южных ветров, в особенности сирокко, и лихорадки сильно распространяются во всех открытых этому зараженному току воздуха долинах. Напротив, местности, свободно пользующиеся морским воздухом, совершенно здоровы: так Орбелетто и Пиомбино, несмотря на соседство обширнаго болота, совершенно безопасны от болотных миазмов.

Полагают вообще, что в эпоху благоденствия древних тирренских городов берега Этрурии вовсе не страдали от лихорадок. Действительно, при устройстве железных дорог в Мареммах было открыто существование многих подземных труб, проведенных во всех направлениях для осушения почвы; вся равнина была изрезана сточными каналами. Большие города, как знаменитая Populonia mater и многие другие, как Вен, Цере, Бола, Лабикум, Лавиниум, Лонгула, Толерия, Поллестия, от которых в настоящее время существуют только разбросанныя развалины или места которых еще не найдены, не могли бы возникнуть и развиваться, если бы местный климат был до такой степени нездоров, как ныне. Этруски были известны своим искусством во всяких гидравлических работах; они умели запружать плотинами реки, спускать болота, осушать поля, но когда они были порабощены, их плотины и каналы скоро перестали существовать, снова появились болота, и природе возвратилась к своему дикому состоянию. Но указывают также некоторые города, которые в средние века имели климат здоровый, а теперь страдают от лихорадки. Так Масса-Маритима, к северо-востоку от которой возвышаются вершины горной группы Монтиери, была богата и многолюдна в течение всего периода своей республиканской свободы, но как только ее разрушили пизанцы и сиеннинцы, как только она потеряла свою независимость, работы в полях остановились и воды ручьев собрались в лагуны. Ассенизационные работы настоящаго времени снова возвратили ей благосостояние.

Между матерьяльными причинами, всего более способствовавшими со времен римлян ухудшению климата, следует указать на обезлесение гор и на явившееся вследствие того—безпорядочное увеличение наносных земель. Наконец, в течение всех средних веков и даже в новейшее время тосканские монастыри владели в Мареммах большими рыбными сажалками и энергически противились всяким запруживаньям и спускам воды, которые могли бы лишить их, совсем или частию, их драгоценных запасов на время постов. Многие тираны внутренних городов были также очень рады владеть какою-нибудь очень нездоровою деревней в области болот, так как время от времени могли заключать туда тех, от кого желали отделаться, не подвергая себя неприятным угрызениям совести открытых убийц. Даже испанские короли заботились о приобретении какого-нибудь самого смертельного места на берегу, для устройства там тюрем или *presidios*; так, Таламон, бывший большим портом Сиеннской республики, был вполне обращен в настоящее кладбище; все ссыльные там умирали. От Монте-Леоне, древнего города этой страны ссылки, осталась только громадная стена, длиною около 20 километров.

Многие попытки улучшения, предпринимавшиеся наугад и без необходимой опытности, имели также не менее ужасные последствия. Различные правительства Тосканы, воображавшие, вместе с Макиавелли и другими государственными людьми, что для возвращения древнего здорового климата достаточно только снова заселить страну, посылали туда множество колонистов, вызванных из разных провинций Италии, Греции, Германии. Но эти иностранцы, которые, впрочем, не признавались собственниками земли и для которых акклиматизация была вдвойне опасна, при каждой попытке гибли целыми массами. Единственное средство восстановить климат древней Этрурии—это, прежде всего, заинтересовать в улучшениях самих земледельцев, отдавая им землю даром, затем совершать продолжительные работы сплавливания земли, дренажа и начатого с таким успехом разведения лесов. Устройство по берегу железной дороги в особенности способствует делу восстановления климата:

осушение и посадка дерев очистили воздух около многих станций. Для примера можно привести окрестности прежде необитаемой Популонии, которая ныне постепенно заселилась. Металлургический завод Фаллоника, обрабатывающий железо с острова Эльбы при помощи обильного лигнита соседних копей, также получил гораздо большее, чем прежде, значение; но он почти всеми покидается на время лихорадок.

Предки нынешних тосканцев, этруски или тирренцы, задолго до господства римлян, были преобладающим населением Италии. Они не только занимали весь южный склон Апеннин, до самых устьев Тибра, но основали в Кампанье союз двенадцати городов, из которых самым главным была Капуа, а в качестве купцов и пиратов обладали морем, которое и теперь называется по их имени Тирренским. С южной стороны, остров Капри был передовым стражем. Адриатическое море принадлежало им же. Адрия, Болонья, которую они называли Фальзиною, Равенна, Мантуа—были этрусскими колониями; в высоких же альпийских долинах жили реты или ретийцы, их союзники, а может быть и братья по крови. Но от какого великого этнического корня происходят сами этруски? Это самый спорный исторический вопрос. Их считали арийцами, уграми, семитами; их роднили с греками, германцами, скифами, египтянами, турками, а по мнению лорда Линдсея тирренцы—это те же тюрингенцы! В вопросе о происхождении этрусков могли быть пока еще только гипотезы; даже язык их, который легко читается по сходству букв его с другими итальянскими алфавитами, но не легко объясняется, или скорее весьма различно переводится, также не дает никакого разрешения. Ученые далеко не согласны с толкованиями, предложенными недавно с большою уверенностью Корсеном; по мнению этого лингвиста, а также и некоторых других ученых, тирренцы по языку принадлежал к числу других италийских народов.

По различным оставленным этрусками портретам их собственных особ на вазах подземных кладбищ, общий тип их представляет человека коренастого, часто полного, сильного, широкоплечего, с лицом слегка выдавшимся вперед, с горбатым носом, широким, уходящим назад лбом, темного цвета, с черепом немного сдавленным, покрытым волнистыми волосами и всего чаще долихокефалическим. Этот тип не свойствен ни большинству эллинов, ни большинству итальянцев. Между оставленными ими памятниками не встречаются *nuraghi*, эти странные постройки, возводившиеся в таком большом количестве древними жителями Сардинии; что бы ни говорил Бостеттен, настоящих дольменов здесь тоже нет. Надгробные памятники, которые открывались и еще открываются сотнями и тысячами не только в пределах нынешней Тосканы, но даже непосредственно около Рима, показывают, что искусство рисования стояло в Этрурии на высокой степени развития. Живописные изображения, украшавшие внутренности склепов, барельефы гробниц, вазы, канделябры и различная глиняная и бронзовая утварь свидетельствуют о внутреннем родстве гения между художниками Этрурии, Греции и Малой Азии. Архитектура их построек показывает, что они, отличаясь некоторыми особенностями, имели однако же внутреннюю связь, по общей цивилизации, с эллинами первых времен. Они были первыми руководителями римлян в искусствах; древнейший памятник «Вечного Города», сточные трубы Тарквиния, стена, называемая стеною Сервия Туллия, Мамертинская тюрьма, все остатки древнего царского Рима были их произведением. Храмы, статуи богов, самые дома, равно как и предметы украшения—все было этрусское. Бронзовая волчица, которая теперь находится в Капитолийском музее и которая была символом самого римского народа, была, как кажется, снимком с подобного же произведения этрусских художников.

Но исторические превратности, различные влияния сменявшихся в стране цивилизаций и культов и многообразные этнические смешения должны были сделать тосканцев весьма непохожими на своих предков этрусков. Если судить по живописи их подземных кладбищ, этруски имели в себе нечто грубое, чего вовсе нет в тосканском населении; те любили, повидимому, хорошо поесть, потомки же их представляют собою, напротив, народ воздержанный. Нынешний тип их представляет человека любезного, приветливого, умного, артиста,

легко поддающагося увлечению, и, может быть, отчасти чересчур эластичного характера. Тосканцы равнины, но не Маремм, самые приятные из итальянцев—они любят сами «жить и другим не мешать» и, благодаря своей природной мягкости нрава, часто умели смягчать и своих монархов. Но вот довольно странная черта, отличающая их от других жителей полуострова: они очень храбры, когда увлекаются страстью, но имеют необыкновенное отвращение к смерти и с ужасом отворачиваются от трупа, что должно отнести, конечно, к живучести древних предразсудков. Тирренцы всегда скрывали могилы, а между тем их главный культ был культом мертвых.

Каковы бы ни были, впрочем, черты сходства тосканцев с своими предками, они, как и последние, имели свою эпоху преобладания в Италии, да и теперь еще в некоторых отношениях занимают первое место во всей нации. После римской эпохи, когда движение цивилизации переместилось к северу, оказалось, что долина Арно расположена удивительно хорошо для того, чтобы сделаться большим центром деятельности не только для Итальянского полуострова, но и для всего европейского материка. Сообщения чрез Альпы были еще трудны и опасны, а следовательно сношения между народами, в большей своей части, должны были совершаться морем между берегом Тосканы и берегами Франции и Испании. Сверх того, Апеннинские горы, ограждая жителей с севера от холодных ветров и варварских нашествий, тянутся большим полукругом, оставляя им большие и плодородные долины, обращенные к Тирренскому морю. Тоскана была, следовательно, под покровительством природы, и умные её жители умели прекрасно воспользоваться всеми преимуществами, доставляемыми им географическим положением. Труд у флорентинцев был великим законом; всякий без исключения, должен был иметь какой-нибудь род деятельности. Пиза оспаривала у Генуи и Венеции первенство на море, Флоренция же более, чем все другие города, была местом больших коммерческих оборотов, городом по преимуществу богатым, распространявшим сеть своих денежных операций на все страны Европы.

Но Тоскана была не только страною торговли и промышленности,—период её благосостояния был в то же время моментом истинного процветания и для человеческого ума; Флорентинская республика стала в свою очередь тем же, чем две тысячи лет тому назад была Афинская республика, и это был второй из тех великих источников света, лучи которого светят нам еще и теперь. Это было истинное обновление человечества. Свобода и предприимчивость, а с ними науки, искусства, литература,—все, что есть прекрасного и благородного в этом мире,—создавалось и развивалось с таким жизнерадостным порывом, какого уже не проявляли последующие поколения. Гибкий гений тосканцев проявил себя во всех родах деятельности, и множество самых великих исторических имен флорентинцы могут назвать своими. Кто произвел более могучее влияние в мире науки и искусства, чем Джиотто, Органья, Мазачио, Микель-Анджело, Леонардо-да-Винчи, Андреа-дель-Сарто, Брунеллески, Данте, Савонарола, Галилей, Маккиавелли? Флорентинец же Америго Веспуччи дал свое имя новому материку, открытому за Атлантическим океаном. В этом названии Нового Света видели несправедливость судьбы, даже гнусный подлог в подстановке имени географа, астронома и путешественника Америго вместо имени мореходца Колумба. Но с исторической точки зрения так и следовало по справедливости. Флоренция, город республиканский, где любили всего более самую науку, где рассказы о путешествиях находили всего больше читателей, и откуда новости распространялись по Европе всего свободнее, не имела никакого интереса хранить в архивах рассказы и описания своего сына Америго. А между тем, благодаря этим рассказам и в особенности его знаменитому письму 1503 года, великое открытие всего сильнее овладело умами его современников: этот удивительный рассказ, это ученое и вместе с тем образное описание стран, «которые должны быть близки к раю, если только рай существует на земле»,—были переведены на все языки. Поэтому было совершенно естественно назвать Новый Свет именем ученого флорентинца. При том же Колумб до самой смерти претендовал на открытие им Японии и восточных берегов Азии, а Веспуччи еще в 1501 году называл вновь открытый материк novus mundus. Мартин Валдцемюлдер из Сен Дьё в 1507 г. предложил название Америки—и оно было принято его современниками и

потомством. Пешель замечает, что это название удержалось еще потому, что самое слово «Америка» отличается благозвучием, и в этом отношении представляет некоторое подобие названиям остальных частей света.

Тому же громадному преимуществу, заключающемуся в свободе, тому же гению своих писателей и влиянию своих поэтов на умственное развитие Италии Флоренция обязана тем, что сообщила свой язык всему полуострову, от Альп до Сицилийского моря. Конечно, ни один из удаленных от центра городов, как Генуя, Венеция или Милан, Неаполь, Тарент или Палермо, не мог создать из своего языка обработанный язык всех итальянцев; но, на первый взгляд, кажется удивительным, каким образом не опередил Флоренцию в создании литературного итальянского языка—Рим, этот древний царственный город, откуда латынь была навязана миру. Но это потому, что Рим, вместо того, чтобы жить свободною жизнью итальянских республик, был, напротив, связан поклонением прошедшему; язык, который он силился поддержать, был язык мертвый. Папский город не имел никакой иной литературы, кроме актов, издававшихся на латинском языке, подделывавшемся более или менее удачно к Цицерону. Поэтому, народный итальянский язык должен был оставаться для Рима провинциальным наречием, между тем как во Флоренции он был настоящим языком, несмотря на унаследованное от этрусков горловое произношение, а римляне были только участниками, хотя весьма важными, в сообщении этому языку музыкальности. Тосканские поселяне представляют у себя мистерии, эпопеи, как напр. *Энеида* и *Освобожденный Иерусалим*, и даже пьесы из более новой истории. Известно, какая прелесть чистой и деликатной поэзии звучит в тех *ritornelli*, которые поются по вечерам тосканскими крестьянами; известно также, какою силою оказался прекрасный флорентийский диалект для вступления Италии в число самостоятельных народов. Фанатичные почитатели Данте в известной степени правы, что национальное единство Италии было заложено заранее, в тот день, когда великий поэт, из всех употреблявшихся на полуострове наречий, выковал свой прекрасный, звучный и твердый язык. Можно сказать, что великое интеллектуальное движение, из которого главным образом возникла политическая независимость нации, подготовлялось на флорентийском наречии, в самой Флоренции, в её литературе и пропаганде с 1815 по 1830 годы.

Как влияние Тосканы на Италию и на остальной мир объясняется главным образом её географическим положением, так точно её частная история объясняется её внутренним строением. Апеннины, Анти-Апеннины и группа гор, возвышающаяся к югу от Арно, разделяют ее на множество отдельных бассейнов, в которых должны были возникнуть отдельные республики. И действительно, во времена тирренцев, Этрурия была конфедерацией городов; в средние века и даже в начале новых времен, когда начали образовываться крупные политические аггломерации, Тоскана была совокупностью демократий, которые были то в союзе, то в борьбе, но по духу всегда походили друг на друга. Впоследствии, перемены всякого рода, совершавшиеся в политических и экономических условиях страны, изменили как значение, так и население коммун, но большая часть вольных городов средних веков и некоторые из основанных еще древними этрусками сохранили свое высокое положение между провинциальными городами Италии.

Флоренция, которая недавно была временною столицею королевства и остается одним из главных его естественных центров, не принадлежит к числу городов, основанных древними тирренцами; она недавнего происхождения, сравнительно с многими другими городами Италии, и во все время империи была простой римской колонией. Господствующим городом этой страны был Фиезоле, один из двенадцати союзных городов Этрурии; он расположен севернее Флоренции, на холмах, и содержит еще остатки тех величественных построек, которые когда-то флорентинцы разрушили, и забранными колоннами и статуями обогатили свои собственные памятники. Фиезоле—родина Джиованни Фиезолийского, «божественного живописца». Быстрое усиление Флоренции в течение средних веков зависело от того, что она была тогда необходимой станцией на дороге, которая вела из Германии и Ломбардии, чрез Болонью, в южную Италию. Пока первенство принадлежало Риму, все, кто хотел перебрать-

ся из долины Тибра на противоположный склон Апеннин, спешили перейти горы поближе и спускались на берег Адриатического моря к Анконе или Ариминуму. Во время же упадка Рима, когда волна варварских народов шла в направлении с севера на юг, естественным путем стал путь, ведущий из ломбардских равнин в долину Арно чрез проходы Тосканских Апеннин, и так как военная дорога была в то же время и торговою, то в этом удивительном бассейне должен был возникнуть большой торговый и промышленный центр. «Город Цветов» вырос, расцвел и сделался тем чудом, которое мы видим в нем и ныне. Но самые его богатства стали для него роковыми. Банкиры, в сундуки которых стекалась большая часть сокровищ Европы, мало-по-малу сделались господами республики. Медичи приняли титул «князей государства», и толчек, данный первоначальной свободой, был так силен, что их господство совпадает вначале с процветанием искусства. Но вскоре нравы начали падать, граждане обратились в подданных, и умственная жизнь угасла.

Хотя муниципальные финансы Флоренции порядочно расстроены, у неё, однако, есть обильные источники доходов—в её труде[1]. Она имеет свои шелковые и шерстяные фабрики, мастерские соломенных шляп, мозаических изделий, хрустальные заводы, гранильни «твердых камней» (камеи) и другие производства, в которых требуется вкус и механическая ловкость. Окрестные поселянки плетут соломенные шляпы, а флорентийские садовники считаются одними из самых искусных. Но весь этот артистический и промышленный труд, в соединении с земледельческими произведениями равнины и с торговым движением, возбуждаемым сходящимися в её стенах обыкновенными и железными дорогами, делали бы ее только большим итальянским городом, если бы она не отличалась еще красотою своих памятников, благодаря которым она сделалась центром притяжения для всего мира и главным пунктом стечения художников. «Прекрасная» Флоренция богаче всех городов Италии, не исключая и Венеции, архитектурными произведениями средних веков и эпохи Возрождения. Её музей Уффици, дворец Питти, Академия искусств принадлежат к числу лучших в Европе и заключают в себе множество тех капитальных произведений, которые составляют драгоценнейшее сокровище человеческого рода; особенно картинная галлерея умелым подбором картин представляет настоящую школу вкуса; её библиотеки, Лаврентийская и Мальябеккианская, богаты рукописями, документами и редкими книгами. Самый город, несмотря на свой мрачный вид, представляет собою музей своими дворцами, церквами, башнями, статуями на улицах и площадях и домами, которые кажутся в одно и то же время и крепостями, и дворцами. Собор Брунеллески, колокольня Джиотто, которая, по распоряжению республики, должна была быть «прекраснее, чем может представить себе воображение», Крестильница (Baptisteria) и её несравненная бронзовая дверь, площадь Сеньории, монастырь Сан-Марко, в котором прогуливается тень Савонаролы, храм Санта-Кроче, гордость флорентинцев, Санта Мария-Новелла, которую Микель-Анджело называл своей «невестой», черный дворец Строцци, с его скромной и в то же время прекрасной архитектурой, и множество других памятников делают Флоренцию городом чудес. Проходя по этому дивному городу и смотря на его здания, понимаешь благородные слова общинного совета, сказанные им своему архитектору Арнольфо-ди-Лапо: «Общественные работы отнюдь не должны быть предпринимаемы, если они задуманы не так, чтобы согласовались с великим сердцем, составленным из сердец всех граждан, соединенных в одном общем желании».

Чудная местность, среди которой уютно расположился город, еще более увеличивает его красоту. Все путешественники сохраняют неизгладимое воспоминание о бульварах вдоль Арно, о холмах Сан-Миниато, о Белло-Сгуардо, о живописном мысе, на котором группируются виллы и развалины домов древней Фиезоле этрусков. К несчастию, климат Флоренции оставляет многого желать; ветры здесь часто переменяются внезапно, а летом жары не выносимы: *il caldo di Firenze* вошло в пословицу во всей Италии[2]. Надо сказать, что теснота улиц

1 Долг города в 1881 г.: 151.802.330 франк.

2 Температура Флоренции, по наблюдениям с 1866 по 1882 г.: наибольшая (июль и август) 39°,5, средняя в июле 25°,1, наименьшая (декабрь) 11°, средняя в январе 5°, средняя годовая 14°.6, количество дождей (среднее с 1832 по 1882 г.) 0,917 метр., число дождливых дней 107.

и некоторое пренебрежение к правилам гегиены производят здесь большую годичную смертность, чем в большей части больших городов материка. В средние века—это был один из тех городов, в которых всего более свирепствовала чума, и во время бедствия, описанного Боккачио, погибло сто тысяч жителей, т.е. две трети населения. Тарджиони Тоцетти, сравнивая географическое положение Флоренции с положением города Эмполи, древнего Emporium, находящагося западнее, в обширной равнине с лучше освежаемым воздухом, сожалеет, что не дано было хода в 1260 году проекту о разрушении Флоренции и переселении её жителей в местность, занимаемую городом Эмполи.

В верхней долине Арно, приобревшей громкую известность у антропологов, благодаря ольмонскому черепу, найденному в слое постплиоценовой озерной глины, только один город имеет некоторое значение, именно Ареццо—древний этрусский город и центр одной из наиболее благоденствовавших средневековых республик. Ареццо, как и Флоренция, хвалится тем, что он дышет «таким тонким воздухом, что и самые умы его жителей сделались тонкими». И действительно, список его ученых и художников, начиная с Петрарки,—один из самых длинных, каким только может похвалиться какой-либо итальянский город; но в наше время Ареццо в большом упадке и остается только при своих великих воспоминаниях и памятниках прошедшего. Кортона, расположенная южнее, неподалеку от Тразименского озера, оспаривает у городов Италии честь быть древнейшим из самых древних; но остатки его величия исчезли. Сиенна, город прекрасного языка, город, который был когда-то властителем над всею областью холмов между бассейнами Арно и Омброны, должен был, как Ареццо и Кортона, вынести долгие века упадка, и большею частию по вине своих же собственных жителей, которые населяли семнадцать отдельных кварталов, составлявших столько же городов в городе и вооруженных друга» против друга непримиримою ненавистью. Теперь Сиенна не соперничает, как прежде, с Флоренцией, по населению, по могуществу, по промышленности, но все еще может сравниться с городом реки Арно по красоте своих памятников, представляющих идеал итальянского готического стиля, по своим художественным произведениям Содомы и других живописцев собственной школы, по своим богатым архивам, содержащим 49.300 пергаментных свертков, по оригинальности своих улиц и площадей и по своему великолепному положению на склонах трех холмов и на гребнях их выступов: в нем есть университет. Киузи, один из самых могущественных городов древней Этрурии, замечателен только своими подземельями, по которым странствуют только археологи, и приписан ныне к Монтепульчиано, косогоры которого, производящие вино, называемое «царем вин», возвышаются на севере над равниною и её озерами. Сан-Жиминьяно, усеянный башнями коммунальными и феодальными,—ныне незначительное, почти безлюдное местечко. Что касается Вольтерры, то со времени нашествия на нее Ферручио в XVI веке, это—маленький угрюмый городок, который бесплодные склоны его холмов делают еще угрюмее. Расположенный в форме руки с распростертыми пальцами на гребнях своего изрытого рвами плоскогорья, Вольтерра стоит в стороне от всякого большего естественного пути сообщения, и если бы город не имел по соседству салин (которые дают от семи до восьми тысяч тонн соли ежегодно), алебастровых ломок, медных рудников Монте-Катини, серных источников и лагун, богатых бурой, то он представлял бы, вероятно, лишь группу раскиданных среди развалин домов. К достопримечательностям его принадлежат остатки циклопических стен, в которых уцелело еще двое больших ворот, и сотни гробниц и других остатков этрусского искусства, сохраняемых в его богатом музее.

Города по другую сторону Арно, при южном основании Апеннин, имевшие значение в средние века, и теперь остаются промышленными и многолюдными, потому что их торговое положение сохранило всю свою важность. Прато, при котором долина Арно имеет наибольшие размеры, представляет важный земледельческий центр, богат металлургическими заводами и, кроме того, имеет большие ломки серпентина, который употреблялся на украшение лучших зданий в Тоскане и его собственной церкви, знаменитой чудною кафедрою Донателло, изваянною на наружном углу фасада. Пистойя, к которой спускается с Апеннин железная дорога (снизу видно, как она восходит вверх по склонам и переходит через овраги

длинными извилинами)—замечателен весьма деятельными мануфактурами. Песчия, Капаннори, «сад Тосканы», со множеством загородных домов, разбросанных в долине, «промышленная» Лукка, знаменитая картинами фра-Бартоломмео,—также представляют собою общины, в которых идет непрерывная работа. Бассейн Серкио, ассенированный огородниками, по красоте своих нив—местность несравненная. Когда вы проходите по валам Лукки, под рядами могучих деревьев, обращенных одною стороною к городу с его башнями и куполами, а другою—к полям, вы наслаждаетесь удивительным зрелищем: луга и плодовые сады, виллы, выделяющиеся белизною своих фасадов среди зелени, отдаленные холмы с башнями на вершинах, улыбающаяся красота всего, что вы можете обнять взором в обширном горизонте, производят на вас глубокое впечатление мира: вам кажется, что в такой прекрасной и плодородной стране население должно быть счастливо. И действительно, если верить энтузиастам-писателям, луккские крестьяне, крестьяне долины Ньеволе, в бассейне Песчии, и земледельцы нижней Тосканы—вообще счастливы в сравнении с земледельцами остальной Италии. Они большею частию арендаторы и при том на долгие сроки, так что делаются полусобственниками земли; часть их продуктов остается за ними по традиционным условиям; поэтому, работая, они убеждены, что трудятся частию для самих себя, и земля возделывается наилучшим образом. Однако, земли им недостаточно, и они принуждены выселяться целыми толпами на заработки, которые, впрочем, они находят легко, так как луккские жители славятся своим усердием к труду не только в Италии, но и за границею. Большое число их отправляется периодически на о. Корсику для посева и уборки за ленивых владельцев, так что летом более двух тысяч земледельцев Капаннори находятся постоянно в отлучке из своей родины. Луккские эмигранты известны также как точильщики. Лукка, кроме того, есть родина путешественника Пиаджия.

Население верхней долины Серкио, известной под именем Гарфаньяны и естественным выходом которой служит город Лукка, так же трудолюбиво, как и население её метрополии, бывшей недавно столицей самодержавного государства. Город этот своими извилистыми улицами, остроконечными крышами и неправильными постройками очень похож на фламандский. Все склоны холмов, выступающих предгорьями Апеннин и Апуанских Альп, обработаны ступенями, правильная лестница которых нисколько не мешает красоте пейзажа, благодаря множеству деревьев и разнообразию нив. Главный город этой долины Гарфаньяны, Кастельново,—один из самым красивых и живописных во всей Италии—занимает одно из самых дивных мест этой прелестной страны, на выступе горы между Серкио и Торритой, при выходе из грозных ущелий Альтиссимо. В окрестностях его, говорят, самый лучший народный итальянский язык, который стоит еще выше Сиенского, благодаря смягчению гортанных звуков. В этой же местности тосканский гений создал лучшие из своих песен.

Долина Магры, верхний бассейн которой в Апеннинах замыкает городок Пентремоли с многочисленными деревнями его общины, гораздо люднее Гарфаньяны, благодаря большой дороге из Пармы к заливу Специи. Нижняя часть этой долины, называемая Луниджиана, по имени древнего исчезнувшего города Луни, не менее прекрасна, чем параллельная ей долина Серкио, и сверх того она представляет великолепные картины, образуемые мысами, морским берегом и приморскими городами, которые окружены масличными деревьями. При устье этой самой долины, именно к югу от прелестной Зарцаны, приближающиеся к морю Апуанские Альпы образуют столь важное в истории ущелье, где стоят города Каррара и Масса, которые в административном отношении еще недавно причислялись к Эмилии, но теперь присоединены к Тоскане, с которой по склону гор, по климату и по нравам жителей они действительно более связаны. Каррара, имя которой обозначает просто «каменоломню», заменила собою Луни. как место продажи прекрасных белых мраморов, которые добываются, для скульптурных произведений, в соседних горах, и лучшие сорта которых продаются по нескольку тысяч франков за кубический метр. В окружающих высотах пробито семьсот двадцать каменоломен, из которых, приблизительно, в трехстах работа в полном ходу. Весь город представляет как бы огромную скульптурную мастерскую и обладает академией, которая производила знаменитых мастеров. Масса, более приятная по климату, чем Каррара,

имеет уже не столь прекрасные мраморы, которые употребляются для обыкновенных промышленных работ: разработка их производится с 1836 года. Что касается до мраморов Серавеццы, добываемых на Альтиссимо и в других южных горах Апуанской цепи, около города Пьетра-Санта, то между ними встречаются неуступающие каррарским. Микель-Анджело, который очень ценил их, употребил три года на устройство дороги к самым лучшим слоям. Впрочем, город Флоренция давно уже пользовался этим мрамором; белые плиты знаменитой кампанилы добыты в каменоломнях Серавеццы. В окрестных каменоломнях и рудниках добываются также аспид, железо, олово и серебро.

В мраморных ломках Апуанских Альп с 1873 по 1878 г. извлечено: 513.044 тонн. Приблизительная стоимость: 47.200.000 франк.

Все описанные города приморского ущелья Апуанских Альп должны были развиваться соразмерно возрастанию общего благосостояния, между тем как Пиза, представлявшая в Тоскане в средние века большую торговую республику, должна была неминуемо пасть, как только исчезла причина её величия. Если бы даже она не страдала от конкуренции своей могучей соперницы, Генуи, если бы даже её флот не был уничтожен генуэзцами около конца тринадцатого века, и если бы башни и магазины её порта не были разрушены, Пиза все-таки не могла бы избежать падения. Наносы её реки, выдвигаясь все далее в море, засорили наконец совершенно древний *porto Pisano*, расположенный некогда в тринадцати километрах к югу от устья Арно: в 1442 г. в нем воды было не более 5 футов, сто лет спустя в него могли входить уже только мелкие гребные суда, почему он тогда же был окончательно оставлен, и в настоящее время от него не остается даже следа, и уже в прошлом веке спорили о месте его нахождения. Другие города должны были заменить Пизу в качестве посредников в тосканской торговле. Но *Pisa morta*, «мертвая Пиза», сохранила по крайней мере дивные остатки своего прошедшего: в ней есть удивительный собор—огромный ларец драгоценных вещей,—Крестильница весьма изящной формы, *Campo Santo*, т.е. кладбище, и украшающие его знаменитые фрески Органьи и Гоццоли, странная наклоненная башня, которая хотя и не нравится на взгляд, но тем не менее составляет одну из крупных редкостей Италии и господствует над удивительной панорамой Пизанских гор и наносных равнин Арно и Серкио. Упавшая в торговом отношении, но сохранившая весьма важное значение как земледельческий центр, Пиза живет умственной жизнью благодаря своему университету, одному из лучших в Италии. Наконец, она обладает тем, чего не может отнять у ней временная перемена в торговом движении—это её приятный целебный климат, которым приезжают наслаждаться зимою множество северных иностранцев.

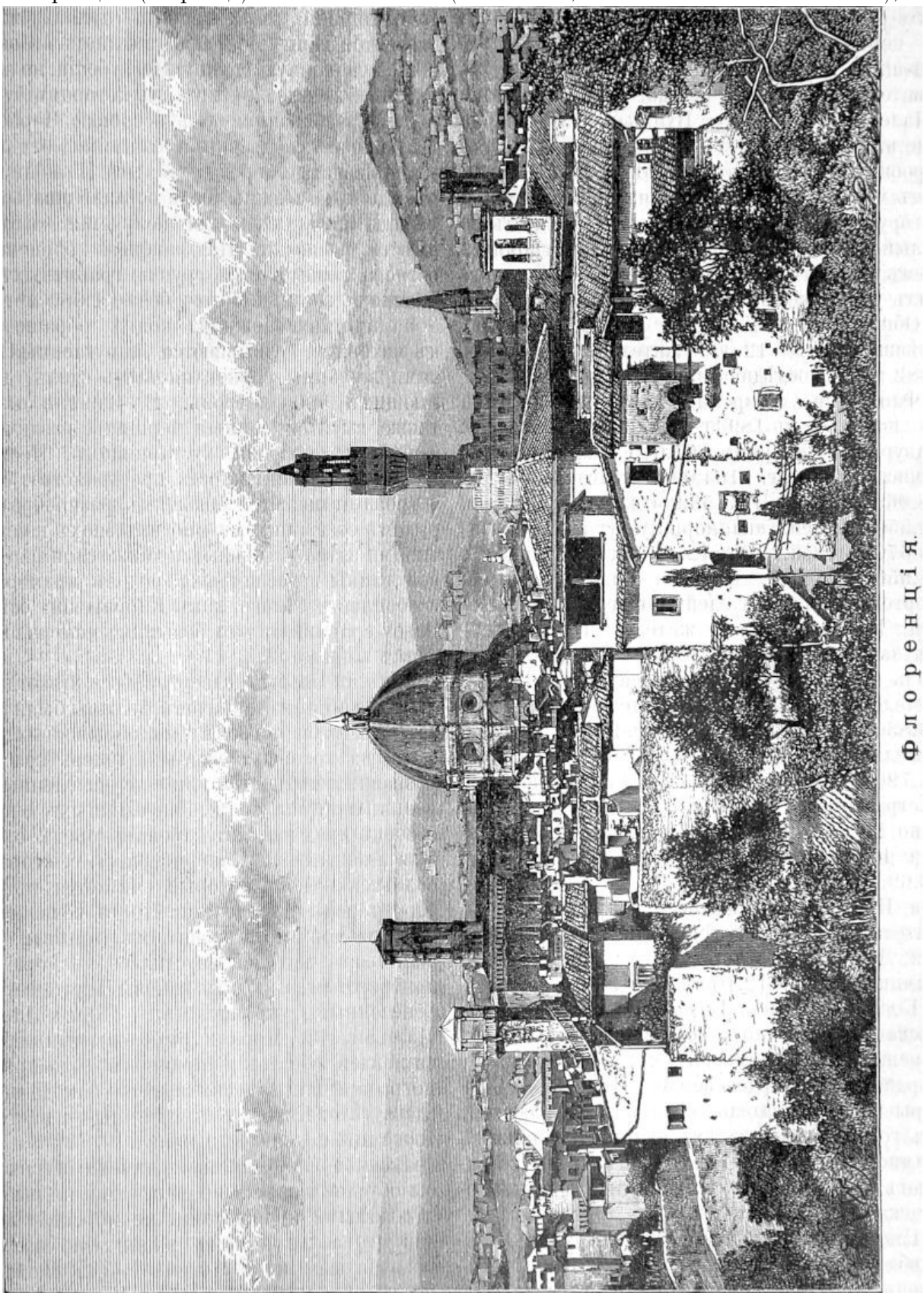
Ливурно или Ливорно сделался наследником Пизы в торговом отношении, и корабли его ходили постоянно теми же самыми путями к Левантским портам. Представляя естественный выход из богатых бассейнов Тосканы, он является более деятельным рынком. чем можно было бы предполагать по форме берега; недавно еще он был вторым портом Италии и следовал по своему значению непосредственно за Генуей; но в последнее время его превзошел Неаполь.

Движение в порте Ливорно в 1893 г. было: 7.799 судов, вместимостью в 2.276.731 тонна.

Тысячи укрывшихся здесь испанских и португальских евреев, которые впоследствии привлекли сюда множество своих соотечественников, много способствовали развитию ресурсов этого города. С архитектурной точки зрения—это один из наименее интересных городов Италии, но он весьма любопытен как памятник человеческого труда; для основания его нужно было укрепить болотистую почву, а для доступа судам нужно было вырыть резервуары и каналы. Таким образом, в нем устроена целая сеть лагун, окружающих искусственные острова, которые действительно достойны данного им названия «Маленькой Венеции». Вход порта Ливорно еще издали указывает волноразбиватель, построенный в открытом море; далее в открытом море, на мели, построена башня Мелория, которую неопытные моряки могут счесть за белый парус и которая служит воспоминанием ужасного морского сражения, в котором был уничтожен генуэзцами пизанский флот.

Общины (город и его округ) Тосканы, имевшие более 12.000 жителей к 1 янв. 1882 г. (по последней народной переписи):

Флоренция (Фиренце) 169.000 жителей (по исчисл., в 1893 г.—200.000 жителей); Ливурно (Ливорно) 97.615 жителей (по исчисл. 1893 г. 104.000 жителей); Лукка 68.060 жителей; Пиза 53.950 жителей; Пистойя 51.550 жителей; Капаннори (луккская Кампанья) 43.670 жителей; Прато 42.190 жителей; Арреццо 38.950 жителей; Каррара 30.100 жителей;



Флоренція.

Кортона 26.300 жителей; Сиена 25.200 жителей; Касчина 21.875 жителей; Баньи-Сан-Джульяно 19.560 жителей; Сан-Касчиано в Баль ди Пеза 18.830 жителей; Масса 20.030 жителей; Эмполи 17.485 жителей; Кимажоре 16.830 жителей; Сан-Миниато 16.740 жителей; Казелина и Торри 15.065 жителей; Галуццо 14.790 жителей; Фивиццано 14.775 жителей; Пиетра-Санта 14.380 жителей; Сесто-Фиорентино 14.220 жителей; Вольтерра 14.060 жителей; Фиезоле 13.890 жителей; Баньо и Риполи 13.695 жителей; Монтепульчиано 12.390 жителей; Песчиа 13.070 жителей; Виареджио 13.735 жителей; Кастильон-Фиорентино 12.710 жителей; Борго Сан-Лореццо 12.460 жителей; Кампи Бизенцио 12.100 жителей.

Континентальная Тоскана дополняется еще Тосканою островною, составляющею остаток перешейка, соединявшего некогда Корсику и Сардинию с твердою землею. Эти острова, которые мореплаватель видит выступающими из голубой воды, затем постепенно понижающимися и наконец исчезающими вдали, придают много красоты тосканским водам Тирренского моря.

Главный остро в тосканского архипелага—Эльба, бывшее маленькое королевство побежденного Наполеона. Пространство острова 22.000 гектаров, население в 1882 г. 24.000 чел. Эльба гораздо больше всех других островков, взятых вместе, каковы: Джильо, с прекрасными ломками гранита; Монте-Кристо, похожий на выступающую из моря, более чем на 600 метров, пирамиду; прекрасная Цианоза, покрытая масличным лесом; генуэзская Капрайя, с белыми домами, расположенными в розовом гранитном цирке; Горгона, простой холм, поросший кустарником. Остров Эльба, составлявший в древности принадлежность этрусской Популонии, представляет собою живописную горную группу. Неглубокий, но весьма опасный иногда, пролив, в котором бурные волны разбиваются об островки Черболи и Пальмаиола с древними башнями, отделяет её обрывистые берега от мыса Пиомбино, где прежде суда должны были останавливаться для уплаты пошлин и для получения «пломбы» вместо росписки. На западной оконечности острова возвышается группа гранитных Капанскпх гор, высотою более 1.000 метров, а на противоположном конце, обращенном к материку, возвышаются закругленные куполами вершины серпентиновых скал, достигающих 500 метров. В центре острова также высятся горные вершины различных формаций, поросшие кустарником. Несмотря на такую ограниченность пространства, скалы острова отличаются большим разнообразием: рядом с гранитами многих эпох и серпентинами здесь встречаются также слои фарфоровой глины и различных родов мрамора, в особенности белого, как Каррарский: остров Эльбу Сравнивают с большим минералогическим кабинетом.

Жители Эльбы, подвергавшиеся некогда частым набегам пиратов, должны были укрываться внутри острова и на обрывистых мысах, на которых видны и теперь красивые развалины крепостей или еще населенные деревни. Одно из таких населенных еще местечек представляет древний город с гордым названием Каполибери, т.е. «гора свободных людей», который считается в некотором роде акрополем. Но, с водворением мира на море и с развитием торговли, большая часть жителей спустилась к морю и к прибрежным городам, каковы Порто-Феррайо, обнесенный укреплениями, Порто-Лангоне, Марчиана, Рио. Моряки, рыболовы, занимающиеся ловлей тунцов и сардинок, солевары, виноградари или садовники—все находят себе здесь дело. Жители гостеприимны—и настоящие тосканцы по мягкости нрава.

Важное экономическое значение острова Эльбы обусловливается не её винами, не рыбными и соляными промыслами, не морской торговлей[1], а железными рудниками, наилучше разрабатываемыми во всем Средиземном море, после рудников Мотка-Эль-Надид в Алжирии. На северо-восточной оконечности острова возвышаются, как скалы, могучия железистые массы, покрывающие поверхность около 250 гектаров. С самого материка видны ржавые скаты, с которых текут красные от охристых веществ воды, а прибрежный песок весь чернеет остатками металла. Работники, между которыми встречается множество «интернов» (заключенных) из Южной Италии, прямо ломают руду, которую затем таскают к

1 Торговое движение в пяти портах острова в 1891 г. Вошло 3.607 судов, вместимостью в 222.620 тонн. Вышло 3.542 судов, вместимостью в 228.151 тонн.

дебаркадеру Рио или просто спускают по самокатной железной дороге. Громадные ямы, в которых добывается руда, походят на обширные кратеры, а темно-красный, фиолетовый или черноватый цвет скал дополняет иллюзию. Количество всего выброшенного из этих кратеров сотнями последовательных поколений рабочих, в течение двадцати пяти или тридцати веков, подавляет всякое человеческое воображение. Одной железистой пыли, легшей слоями, цвет которых различается по свойствам составляющих их остатков, нагромождены целые горы во 100 и в 200 метров вышиною, склоны которых заросли кустами. Для раскопки этих куч, заключающих по крайней мере сто миллионов тонн руды, достаточно кирки и лопаты. Что касается собственно рудников, то они могли бы доставлять на потребление миру в течение еще двадцати столетий по миллиону тонн в год, т.е. в пять или в десять раз больше, чем доставляют теперь[2]. Кроме того, руды, добываемые в залежах Эльбы и вывозимые главным образом во Францию, имеют то огромное преимущество для нынешней промышленности, что легко могут быть превращаемы в сталь. В одной из залежей, именно в Каламите, в руду входит в сильной пропорции магнит или «каламит», которым мореходцы Средиземного моря пользовались для направления своих кораблей, когда скрывалась Полярная звезда, кладя его на свободно плавающую в чаше пробку.

V. Римские Апеннины, долина Тибра, Мархии и Абруццы.

Та часть полуострова, главным естественным центром которой является Рим, с географической точки зрения представляет собою торс великого тела приморской Италии: здесь Апеннинские горы достигают своей наибольшей высоты, здесь же разветвляется самая обширная на юг от долины По гидрографическая система. Но как бы ни была важна принадлежащая этой части некогда историческая роль, население здесь реже и ежегодное количество труда меньше, чем во всех других больших областях Италии:

Пространство и население этой части видны из следующих цифр:

	Поверхность	Население к 1 Янв. 1893 г.
Рим (Лациум)	12.081 кв. кил.	994.400 чел.
Умбрия	9.709 „	597.930 „
Мархии	9.748 „	966.408 „
Абруццы	12.148 „	991.375 „
	3.550.013 чел.	43.686 кв. кил.

В целом римские Апеннины тянутся в виде вала, совершенно параллельного берегу Адриатического моря. Горный хребет, который возвышается над зеленеющим прибрежным поясом, соответствует слегка изогнутому берегу. который тянется с северо-запада к юго-востоку, от Римини до Анконы, потом еще более прямолинейному и едва отклоняющемуся от меридиана берегу между Анконой и устьем Тронто. С этой стороны цепь кажется совершенно правильною: вершина следует за вершиною, побочная цепь за побочною; все, спускающиеся с Апеннин, долины параллельны между собою и перпендикулярны к берегу. Общий скат гор везде сильно наклонен к морю и сохраняет один и тот же порядок геологических слоев: юры, мелу и третичных земель,—от убеленных снегами горных гребней до мысов, омываемых морем. Единственную неправильность в этом характере орографической архитектуры производит группа почти отделенных от Апеннин холмов, образующих Анконский мыс. Впрочем, этот угол берега, похожий на замок в своде арки, соответствует углу всей Апеннинской системы, так как именно в этом месте сгибается и сама горная ось. Эта область Италии составляет естественное повторение Лигурийских Апеннин: Анкона соответствует Генуе, а два побережья, из которых одно тянется к Эмилии, другое к полуострову Монте-Гаргано, напоминают два поморья: Понентское и Левантское; только профиль берега и гор очерчен в противуположном виде. Анконские Апеннины, как и Лигурийские, оставляют при своей подошве

2 В 1883 г. было добыто руды 100.000, в 1891 г. 177.000 тонн. Стоимость добытой руды в 1882 г., по статистическому ежегоднику: 2.189.184 франка.

только узкую полосу земли, так что идущая вдоль морского берега дорога должна обходить, как по карнизу, крутизны скал, и теснящиеся на берегу города должны лепиться по выступам гор. Но эта прибрежная страна Адриатического моря не так хорошо защищена природою, как Лигурия: с севера она широко открыта к равнинам По, а с запада—легко доступна с боковых плоскогорий главного хребта Апеннин: поэтому-то соседния державы в течение всех средних веков и даже в недавнее время беспрестанно боролись за обладание этой территориею, вследствие чего и дано ей название Мархий,—синоним спорной границы. Всякий город здесь—крепость, взгромоздившаяся на пригорок или горный гребень, так что местные жители, если бы они не знали никакой другой страны на земле, могли бы думать, что всякая вершина должна быть увенчана куполами и башнями.

Апеннины, составляющие общую границу между склоном Мархий и Римским склоном, разделяются, как и этрусские Апеннины, на довольно явственно отделенные друг от друга горные группы. Первая горная группа, возвышающаяся на востоке верхней долины Тибра, ограничивается с севера горами Монте-Комеро и Фумайоло, где берет начало римская река; с юга же, на восточном склоне, горою Монте-Нероне. Несмотря на то, что горы эти гораздо ниже многих других Апеннинских вершин, они носят название Альп—это *Alpe* (а не *Alpi*) *della Luna*. Цепь прерывается брешью, чрез которую идет дорога из Перуджии в Фано, а потом снова начинается группою Монте-Катрия. В этом месте Апеннины раздвояются. Горные валы, некогда расположенные параллельно, в роде французско-швейцарской Юры, так изрыты и изрезаны водами, что трудно узнать их первоначальное строение: отдельные плато и массивы, боковые разветвления, соединительные цепи к востоку от бассейна Тибра и его притоков образуют обширный лабиринт. Но, если не обращать внимания на тысячи мелких неправильностей, то все-таки можно сказать, что возвышенные земли Умбрии и Абруцц, на протяжении около 200 километров в длину и средним числом на 50 километров в ширину, ограничены с запада и с востока двумя цепями, юрского и мелового происхождения, которые, разделившись при Монте-Катрия, снова соединяются цепью Майелла, откуда расходятся во всех направлениях Неаполитанские горы. Ни одна из этих двух параллельных цепей не составляет водораздела: западная цепь пересекается Нерою и другими реками, вливающимися в Тибр, восточная же изрезана еще больше и через свои скалистые ворота пропускает множество рек, изливающихся в Адриатическое море. Самая большая из них, Пескара, берущая начало на плоскогорье Абруцц под именем Атерно, пересекает восточные Апеннины неподалеку от высочайших их вершин; масса её вод и увлекаемые ею камни вырыли глубокое ущелье, которым и воспользовались для проведения соединительной железной дороги между Адриатическим морем и бассейном Тибра.

Это высокое плоскогорье Абруцц, перерезанное поперечными цепями и усеянное впадинами бывших некогда озерных бассейнов, представляет собою естественную крепость центральной Италии. На западе, между многими вершинами, возвышается двойною пирамидой Монте-Велино; на севере тянется хребет Сивиллинских гор, замыкаемый вершиною Ветторе; на востоке вздымается высочайшая вершина Апеннин, на которую всходили немногие и которую справедливо назвали Гран Сассо д'Италия (Великая скала Италии). Туземцы с незапамятных времен знали, что эти гордые, белеющие почти целый год снегом, вершины—самые высокие на всем полуострове; поэтому-то находящееся неподалеку отсюда маленькое озеро, с плававшим на нем островом листьев и трав, римляне считали «пупом Италии»; здесь же неподалеку, удрученные тяжким римским игом марсы, самниты и их союзники избрали себе город Корфиниум и сделали из него, под именем Италики, главный центр всего свободного горного населения. Здесь же, в этом истинном центре Апеннинского полуострова, общие страдания и восстание положили основу тому единению, которое через две тысячи лет должно было обратиться в итальянскую национальность. Гран-Сассо, известковые стены которой громоздятся уступами до высоты 3.000 метров, представляет чрезвычайно грандиозный вид со стороны Адриатического моря; со стороны же Абруцц он расширятся в могучую массу, без особенной красоты профиля, но за то внизу его здесь открываются прелестные альпийские пейзажи. Здесь водятся еще медведи и не вполне еще истребленные охотни-

ками серны; пастбища с редкими травами напоминают швейцарские, но они красивее последних, благодаря яркому освещению, глубине неба, живописности развалин и ясным очертаниям дали. Наконец, там и сям встречаются еще буковые и сосновые леса, которые особенно привлекательны тем, что их вовсе нет в более низких местностях. Чрезмерное опустошение лесов составляет бедствие Италии: во многих местах римских Апеннин исчезла даже сама растительная почва; только в нескольких расселинах, где есть скопление пыли и мелкого камня, могут произрастать дрок и терновник.

К западу от главного Апеннинского хребта, каждая долина, в которой течет какой-либо приток Тибра, обставлена с обеих сторон известковыми горами, иногда довольно значительной высоты, но в среднем, общий склон страны понижается довольно равномерно к нижней долине реки. На конце Суб-Апеннинских цепей возвышаются пирамидами две высокие вершины, между которыми и проходит Тибр, словно чрез триумфальные ворота: на северной стороне реки—Соракт древних, переименованный в св. Ореста в средние века, а на южной—гора Дженнаро, составляющая переднюю горную группу Сабинских высот. Эти прекрасные вершины, вместе с их выступами и окрестными вулканическими группами, образуют полукруг гор, с которых открывается удивительный вид на окрестности Рима. Горы эти, и без того чрезвычайно красивые по силе и гармонии своих очертаний, еще более выигрывают, в глазах историка и артиста, совершившимися здесь замечательными событиями, картинами художников и песнями и описаниями поэтов.

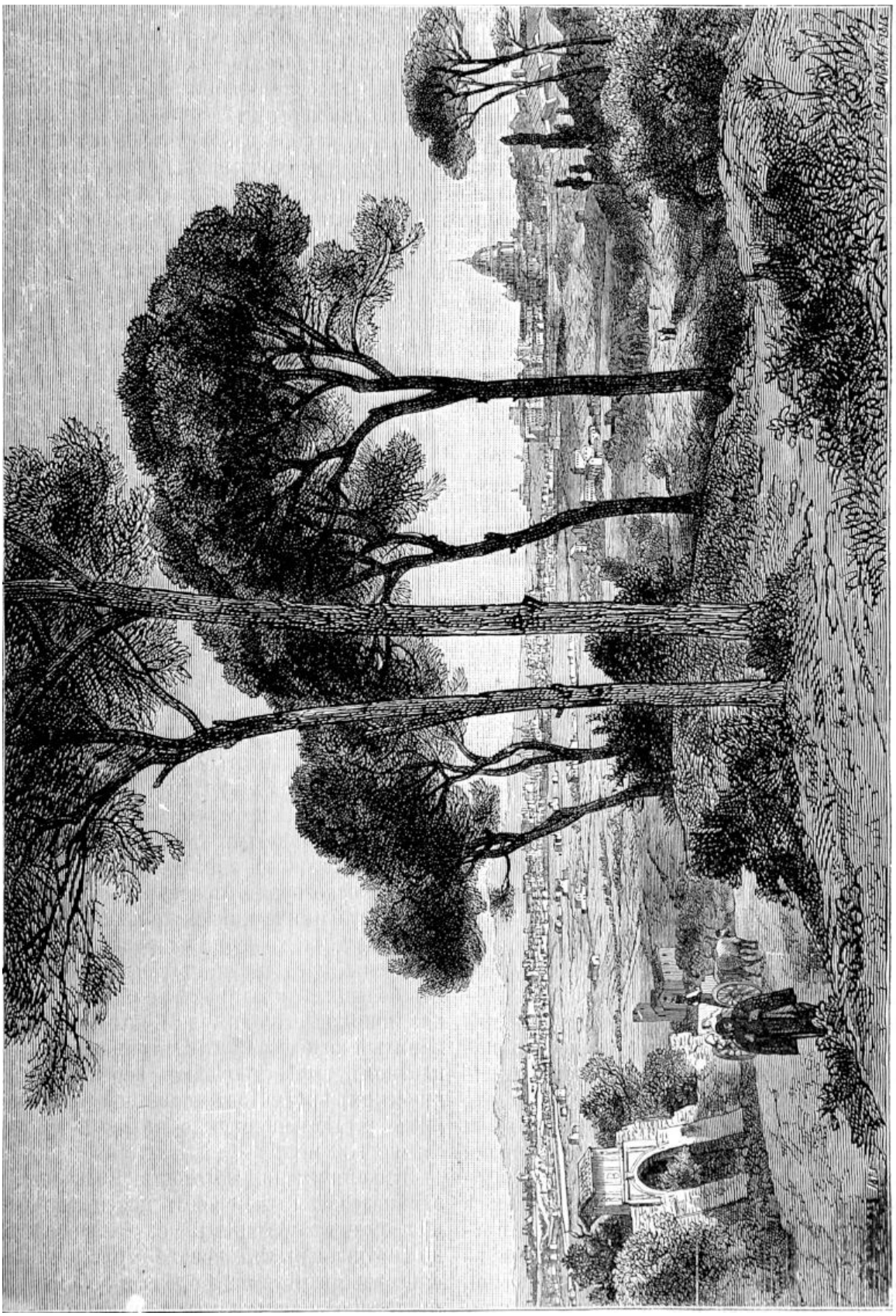
Несколько второстепенных цепей и отдельных массивов, состоящих, как и Суб-Апеннины, из известковых формации, окаймляют прибрежье Тирренского моря и прибрежные болота. Таковы высоты, богатые залежами квасцов, окружающие трахитовое жерло очень древнего вулкана Тольфы, источники которого питают Чивита-Веккию: таковы же monti Lepini, с их «ослиным хребтом» (*Schiena d'Asino*), которые своими голыми скатами представляют настоящую стену на востоке Понтийских болот. На них, впрочем, местами есть каштановые и буковые леса, где потомки вольсков пасут ныне свиней; но вообще почти все эти горы лишены растительности, и их сожженные солнцем скалы естественно делятся на угловатые куски, которые могли служить образцом для постройки циклопических стен во многих древних городах Лациума. К западу от этих болот возвышается десятиконечная вершина, покрытая густым лесом по склону со стороны материка, но суровая и голая со стороны моря; лишь там и сям в расселинах скалы растут малорослые пальмы, за которыми присылают из Рима для украшения садов. Эта-то островная масса, столь же грандиозная, как Монте-Арджентаро в Тоскане, и есть Чирчелло, тот самый знаменитый мыс, на котором волшебница Цирцея проявляла свои чары. Здесь и теперь еще показывают ту пещеру, в которой она превращала людей в животных, а несколько циклопических построек, возвышающихся над деревней Сан-Феличе, напоминают собою мифические времена Одиссея. В эпоху древних эллинских мореплавателей, когда Италия была известна лишь по её островам и мысам, она считалась архипелагом, а остров Цирцея, с его страшным мысом, слыл одною из самых значительных земель этих западных Циклад.

Различные высоты римских Апеннин:

Монте-Комеро 1.167 метр.; Монте-Нероне 1.526 метр.; Монте-Катрия 1.702 метр.; Монте-Ветторе 2.479 метр.; Гран Сассо д'Италиа 2.902 метр.: Монте-Маейлла 2.792 метр.; Монте-Велино 2.487 метр.; Монте-Комеро (Анконские холмы) 849 метр.; Соракт 692 метр.; Монте-Дженнаро 1.269 метр.; Скиена д'Азино 1.477 метр.; Монте-Чирчелло 527 метр.; Проход Фоссато (туннель Анконско-Римской жел. дороги) 535 метр.

На берегу морей и среди озер, в которых отложились известь, мергель, глина и песок Суб-Апеннинской области, некогда были действующие вулканы, и выбрасываемые ими из под воды расплавленные вещества падали на низкие скалы. Так образовался неправильный ряд состоящих из лавы гор, идущих параллельно самим Апеннинам и берегу Средиземного моря. Конусы извержения соединены друг с другом толстыми слоями туфа, которые стелются по всей равнине при основании известковых гор, занимая пространство около 200 кило-

метров, от Тосканской горы Амиаты до горной группы Альбано, и весь этот обширный пояс слоев вулканического происхождения прерывается только течением Тибра и отложившимися по его берегам наносами. В этих-то кучах склеившагося пепла и находятся знаменитые



Р и м ъ.

римские катакомбы. По мнению Понци, туф этот был извергнут из глубины внутренних горнов кратерами, которые были расположены вровень с поверхностью воды, а затем течения уже разнесли его по мелям; но так как слои вулканического пепла вовсе не содержат мор-

ских ископаемых, то из этого, по мнению Мортилье, можно заключил, что в ту эпоху Средиземное море уже отступило к западу. Следовательно, по среде, где они отлагались, римские туфы, совершенно отличны от вичентинских, столь богатых ископаемыми.

Область римских вулканов отличается множеством находящихся в ней озерных бассейнов. Самый большой из них, озеро Больсена, представляющее внутреннее море с тенистыми каштанами по берегам, считалось прежде кратером, и если бы это была правда, то впадина его была бы удивительнейшим свидетельством могущества подземных сил, даже в сравнении с вулканическими жерлами Андов и Явы, так как озеро Больсена имеет в окружности не менее 40 километров и занимает поверхность в 114 квадратных километров. Но новейшие геологи считают это кратеровидное озеро просто бассейном, происшедшим от провала и размывания земли водою: оно, действительно, находится среди плоскогорья из пепла, окалины и лавы, но плоскогорье это вовсе не образует вокруг него такого ребра, которое бы походило на бока вулканических конусов. Разница строения и образования видна сразу, если сравнить озерную впадину с настоящими кратерами страны,—например, с полулунным островом Мортарою, с круговою пропастью, над которой возвышается пик Монтефиасконе, с жерлом Джилио, наполненным водою маленького озера, и в особенности с громадным кратером Латеры, который находится в западной части вулканического плоскогорья и в центре которого выдвигается вулканический конус Спиньяно. Окружность Латеры, хотя она и гораздо меньше озера Больсены, представляет тем не менее один из больших кратеров земного шара: средняя ширина его от 7 до 8 километров. Знаменитый колодезь Сан-Патрицио, вырытый в плотном туфе, проходит через слой вулканических продуктов толщиной в 80 метр., а русло р. Палья вырыто в туфе на глубине свыше 100 метр.

Вулканическая местность Больсены, столь замечательная уже своим красивым озером и огромным кратером, весьма любопытна еще по вертикальным стенам туфа и лавы над окрестными реками. Города и деревни, взгромоздившиеся на эти мысы, удивительно живописны. Так, старый город Баньореа выступает как на громадном моле, между двумя головокружительными пропастями, и соединяется с новым городом такою дорогою, что иной робкий человек не отважится пройти по ней. Орвьетто занимает отдельную скалу, походящую на крепость. Питтильяно окружен безднами и был бы доступен только птицам, если бы уничтожить соединяющий его с остальным плоскогорьем узенький перешеек в несколько метров шириною. В средние века, во время, бесконечных войн между баронами и общинами, считалось большим торжеством овладеть этими орлиными гнездами.

К югу от озера Больсена, изливающагося непосредственно в Средиземное море чрез реку Марту, находится красивое озеро Браччиано, которое дает начало реке Арроне и представляет собою, повидимому, также не кратер, а котловину, происшедшую от провала. Что же касается до озера Вико, имеющего прелестную округлую форму, то это уже настоящий вулкан, хотя наружный край его лавы выломан с западной стороны. В центре его возвышается почти совершенно правильный конус Монте-Венере с отлогими лесистыми склонами, который некогда был опоясан кольцеобразным озером придававшим, вместе с зеленью и красными шлаками, удивительно красивый вид всему пейзажу; но порог, через который протекал его исток к Тибру, понизился, и озеро вследствие этого обратилось в замкнутый круг. Существует легенда, что в глубине этого озера погребен разрушенный город.

Горы Лациума, по другую сторону Тибра, возвышаются великолепною группою вулканов, или, вернее сказать, составляют один конус в 6 слишком километров в окружности, большой кратер которого, частию сгладившийся, заключает в себе несколько кратеров меньших размеров. В самом центре наружной ограды возвышается главный из второстепенных кратеров, именно гора Монте-Каво, на которую легенда, наперекор истории, указывала как на место, где стоял лагерь Аннибала. Наружные склоны этой горы состоят из разрытых водою весьма правильными расходящимися бороздами слоев пуццолановых земель, мелкого вулканического камня и пепла, различие строения которых показывает различные фазисы в деятельности этого древнего римского Везувия, который гораздо новее вулканов, располо-

женных с северной стороны Тибра. Лава его доходила до самого Рима, и именно до того места, где находится гробница Цецилия Метеллы. На западном склоне, главная дорога, заменившая собою *via Appia*, тянется в виде великолепного «карниза», под тенью исполинских сосен и дубов, с наклоненными стволами, поддерживаемыми колоннами.

Озеро Альбано отдает избыток своей воды в море посредством подземного канала, в 2.337 метров длины, который вполне сохранился в течение двадцати двух веков. Этот большой резервуар знаменит у зоологов одною породою краба, который водится в нем в изобилии и в посты вывозится в Рим. Этот краб, подобный крабам, находимым в рисовых полях на берегах По, заставляет предполагать, что озерный кратер сообщался некогда с морем и отделялся от него настолько постепенно, что крабы успели привыкнуть к перемене, совершившейся мало-по-малу в составе воды. Вероятно, прошел длинный ряд веков, прежде чем этот морской залив, обратившийся в отдельный резервуар, а потом возвышенный кучами выброшенного в него шлака, мог достигнуть своей нынешней высоты 300 метров, если только он не был поднят целиком. Впрочем, найденные под толстыми слоями вулканического *peperino* обделанные кремни и сосуды из обожженной глины показывают, что во время последних извержений страна была населена цивилизованным народом, при чем некоторые сосуды вдвойне драгоценны, так как они изображают дома этих доисторических времен. Монеты республики и бронзовые вещи свидетельствуют об относительно недавнем происхождении верхних слоев лавы. Сколько сменилось различных цивилизаций, сколько строено городов, деревень, дачных дворцов в этих древних кратерах! Альба-Лонга и другие города латинян заменены были римскими виллами, затем папы и высшие сановники церкви строили здесь свои замки, а теперь эти горы составляют места прогулок и дачной жизни для толпы иностранцев, стекающейся сюда со всех концов мира, для созерцания великого Рима. На самой возвышенной точке Монте-Каво стоял знаменитый храм Юпитера Лациумского, где совершались празднества латинского союза; последние остатки его были разрушены в 1783 г. С того места, где он стоял, в ясную погоду видны даже горы Сардинии.

Высота римских вулканов: Монте-Чимино 1.071 метр., Монте-Каво 955 метр.

Озеро Неми, в котором отражался ужасный храм Дианы, где единственный жрец должен был перед вступлением в должность убить своего предшественника, не имеет уже на склонах своей впадины осенявших его некогда больших лесов. Оно, как и озеро Альбано, понизилось посредством подземного истока. Что касается озера Реджилла, прославленного победою Рима над союзниками Тарквиния Гордого, то это было не что иное, как болото, расположенное при основании вулкана с северной стороны, которое теперь совершенно осушено. Наконец, инкрустирующее озеро Тартари и озеро Сольфатар или «Пловучих островов», названное так по причине плавающих по его воде куч слипшихся листьев, в сущности также простые болота, которые обязаны своей известностью только соседству своему с Тиволи.

Все еще существующие в вулканической римской области озера отличаются вообще большою глубиною; озера же известковой области, напротив, должны быть рассматриваемы скорее как постоянные наводнения.

Одно из них, озеро Фучино, совершенно опорожнилось; другое, Траземинское, скоро также опорожнится. В предыдущую геологическую эпоху, озеро Фучино занимало пространство в 270 квадратных километров, и избыток вод его изливался к северо-западу через порог Кампи-Палентини, в реку Сальто, текущую в Велино, а потом в Тибр. Но в неизвестную эпоху озеро изолировалось, вследствие уменьшения дождей, и заключенная в нем вода не имела никакого другого исхода, кроме испарения. Соответственно чередованию сухих и дождливых годов, озеро то сокращалось, то увеличивалось, и вследствие этого то оставляло по берегам болота, то разливалось на обработанные нивы и уничтожало жатвы, так что разница между уровнем воды в разливы и в мелководье была не менее 16 метров и, во время больших разливов, были уничтожены два города Маррувиум и Пинна. Уже древние римляне пытались опорожнить это озеро для уничтожения гнезда заразы и приобретения в пользу земледелия большего пространства плодородной земли, но так как невозможно было возвра-

тить ему прежний исток его в долину Тибра через слишком широкий порог, то они провели воду из озера в один из притоков Гарильяно, именно Лири, который один сохраняет ныне имя древней реки (*Liris*) и течет на незначительном расстоянии от озера с западной стороны. Во времена Клавдия 30.000 рабов работали одиннадцать лет над прорытием туннеля в 5.640 метров длины сквозь Монте-Сальвиано, которая отделяет озерный бассейн от нижней долины Лири. Предприятие, руководимое жадным Нарциссом, не могло быть вполне успешным, потому что разрез и дно канала были неодинаковы на всем протяжении подземной галлереи, отвод действовал всегда плохо и в конце-концов засорился. Канал этот пробовали прочистить в тринадцатом и восемнадцатом веках, но, чтобы сделать дело серьезно, было необходимо перерыть его весь снова—и этот труд был совершен в новейшее время, благодаря капиталам князя Торлониа и планам Монрише, исполненным Бермоном и Бриссом. В шестнадцать лет, с 1853 по 1869 г., был совершенно окончен новый канал, в котором не осталось ни одного кирпича туннеля Клавдия, и чрез который в Лири, а чрез этот поток в Гарильяно и в море вытекло более миллиарда кубических метров воды; теперь все пространство бывшего озера занимают нивы. Здоровость и богатство местности увеличились разом, хотя в первое время осушения воздух был испорчен мириадами оставшейся на мели рыбы, чешуя которой блестела по прибрежью громадным серебряным поясом. От устроенной вокруг равнины большой дороги, проведена целая сеть дорог более чем на сто километров; прибрежные деревни, осаждавшиеся периодически водою, часто обращались в острова и полуострова, между тем как новые группы жилищ стоят теперь безопасно в самых низких частях равнины; насаждения плодовых и других дерев очистили воздух и укрепили землю. Сравнивая с технической точки зрения бесполезную работу Клавдия с действительным трудом Монрише, можно представить себе, какой громадный прогресс совершило в этом отношении инженерное искусство со времен могущественного Рима[1].

Озеро Перуджиа, известное более, по связанным с ним воспоминаниям, под именем Тразименского и находящееся на другом конце римских провинций, между верхней долиной Тибра и долиной Киану, сохранило до настоящего времени почти все то пространство, какое оно занимало в начале истории. Этому морю Умбрии нужно бы было подняться на весьма незначительную высоту, чтобы отдавать излишек воды маленькому притоку Тибра—Трезе, но канал истечения, вырытый в начале XV в., слишком узок, чтобы быть существенно полезным; при том же он часто пересыхает; одного испарения достаточно для исчезновения всей воды, изливаемой в него маленькими ручьями, из которых один представляет собою знаменитый Сангвинетто. В долине этого-то ручейка и происходила битва между карфагенянами Аннибала и римскими войсками Фламиния, в пылу которой были «не замечены раскаты» землетрясения, совершившагося «под полем битвы[2]». На вид озеро очень красиво, благодаря усеявшим его островам и прекрасному очертанию берегов, но окружающие его низкие холмы мало плодородны, климат нездоров, вода бедна рыбою—поэтому прибрежные жители с нетерпением ждут от инженеров исполнения их обещаний и доставления земледелию 12.000 гектаров превосходных земель, находящихся еще под водою озера[3].

---

1 Сравнение двух подземных каналов:

	Древний туннель	Новый туннель.
Длина	5.640 метр.	6.303 метр.
Средняя профиль	10 кв. метр.	20 кв. метр.
Стоимость сооружения	247.000.000 фр.	30.000.000 фр.

(в деньгах и в цене рабов, определенная по Ротру).

2 . . . . . beneath the fray
An eartquake reeled unheededly away (Байрон).

3 Римские горные озера: Вулканические озера: Больсена: площадь 108 кв. кил., высота 303 м., глубина 140 м, объем 10.000.000.000 куб. метр. — Браччиано: площадь 58 кв кил., высота 151 м., глубина 250 м., объем 8.700.000,000 (?) куб. метр. — Альбано: площадь 6 кв. кил., высота 305 м., глубина 142 м., объем 480.000.000 куб. метр. — Неми: площадь 2 кв. кил., высота 338 м., глубина 50 м., объем 40.000.000 куб. метр., — Озеро Тразиментское (не вулканическое): площадь 112 кв. кил., высота 257 м., глубина 6 м., объем 576.000,000 куб. метр. — Озеро Фучино в 1860 году (не вулканическое): площадь 158 кв. кил.,

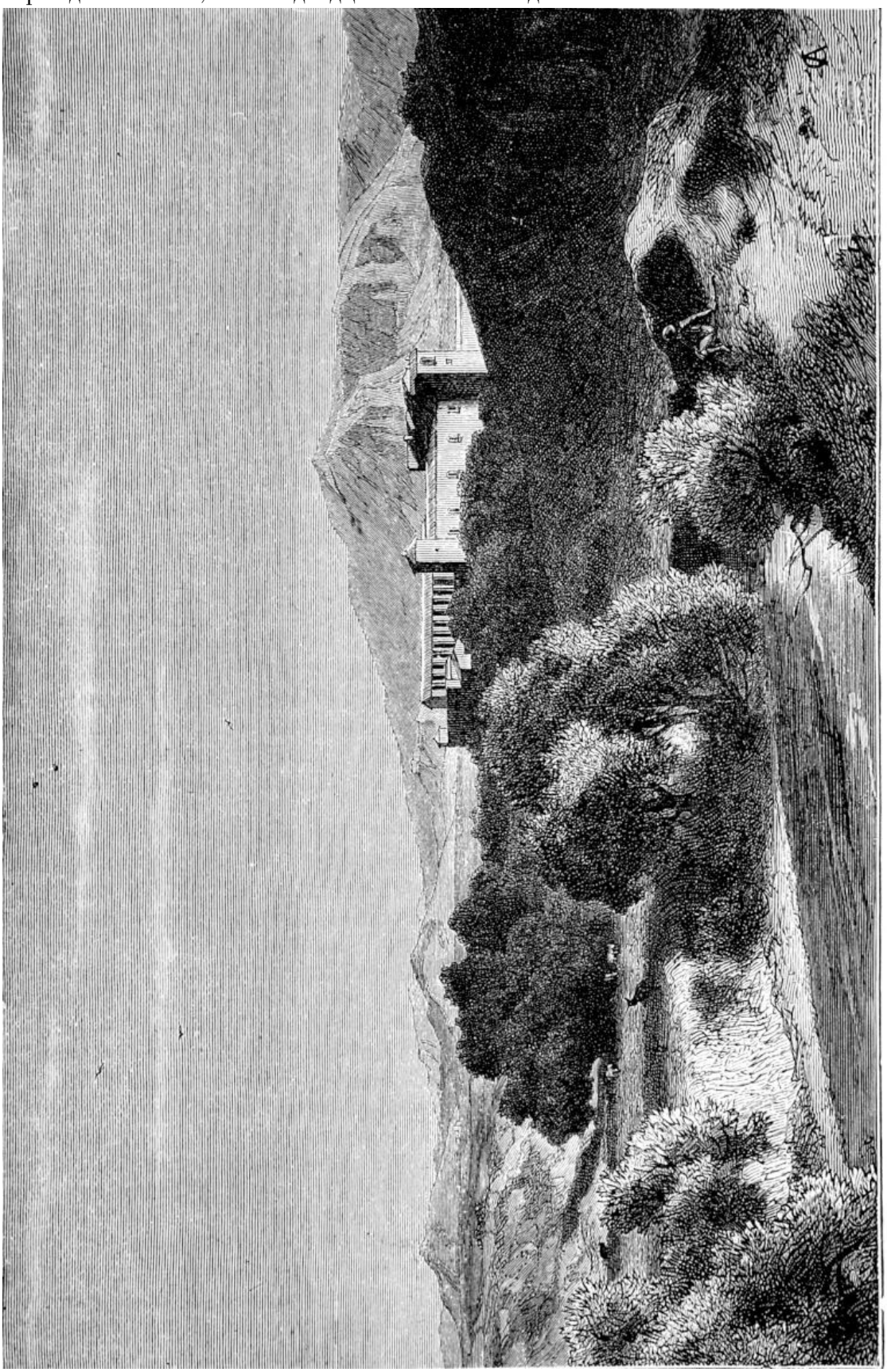
Но самых неотложных ассенизационных работ и земледельческих преобразований требует собственно так называемое «римское поле» (Римская Кампанья), т.е. пространство, заключающееся между Тольфою Чивита-Веккии, горою Соракгом, Сабинскими высотами и вулканами Лациума. У самых ворот столицы Италии начинается пустыня. Войны, рабство и дурная администрация обратили эту плодородную местность вокруг великого Рима, которая могла бы кормить многочисленное население,—в такую же пустыню, как Мареммы древней Этрурии. Живописцы наперерыв прославляют окрестности Рима, дивясь их мрачным пространствам, живописным развалинам, окруженным кустарниками, одиноким соснам с распростертыми ветвями, лужам, в которых пьют буйволы и в которых отражаются вечером пурпурные облака. Эти пейзажи, над которыми возвышаются горы резких очертаний, конечно, великолепны своею грандиозностию и мрачностию, но воздух здесь смертелен. Испортились и земля, и климат *Agro Romano*, и лихорадка царствует здесь неограниченно.

Римская Кампанья, которая тянется на пространстве более 200.000 гектаров к северу от Тибра, между морем и горами, две тысячи лет тому назад была богатою и обработанною местностью. Но обработка её перешла из рук свободных людей в руки рабов. Скупленная патрициями и разделенная на обширные поместья, земля эта покрылась виллами, парками и садами, которые тянулись от гор до моря, но когда великолепные жилища были разрушены, и рабочее население рабов было рассеяно, страна разом превратилась в пустыню. С тех пор большая часть *Agro* была «закрепощенною» собственностью религиозных обществ и больших княжеских фамилий. Когда остальная Европа двигалась вперед в земледелии, промышленности и богатствах всякаго рода, Кампанья становилась все пустыннее, угрюмее, нездоровее; низкие места затягивались болотами, и даже холмы покрывались атмосферою миазмов: малярия, производимая болотными испарениями, которые заражают атмосферу и не могут выноситься в море вследствие господства западных ветров, перешла наконец за стены Рима и пожирает население его предместий.

Ни одна деревня, ни один поселок этой изнеможенной местности не имеют достаточно значения, чтобы организоваться в общину; здесь есть только простые складочные лачуги в различных имениях, занимающих средним числом около 1.000 гектаров. Эти огромные имения состоят только из пастбищ, на которых бродят полудикия стада больших серых волов, которых считают,—вероятно, ошибочно,—потомками волов, приведенных в Италию гуннами, и могучие рога которых, в метр длиною, тщательно сохраняются в хижинах, как предохранительное средство от «дурного глаза». И однако же, почва этих полузаброшенных земель состоит из жирных наносов с примесью вулканических веществ и глинистого мергеля Апеннин; но жители ограничиваются только вспахиванием каждые три или четыре года незначительной части земель для факторов, называемых «деревенскими купцами». Пахарей и жнецов, хотя они спускаются с окрестных холмов только для работ, исполняемых ими на скорую руку, преследует лихорадка, часто так, что они заболевают, не успев дойти до своей деревни. Что же нужно сделать для того, чтобы возвратить почве её богатство, воздуху—его чистоту и привлечь население на Римскую Кампанью? Конечно,—дренировать землю, осушить болота, насадить деревья, которые, как eucaliptus, способны к легкому поглощению веществ своими листьями и корнями, т.е. именно то, что уже делается с успехом с 1870 года вокруг аббатства Трех Фонтанов. Но в улучшении земли прежде всего следовало бы заинтересовать самих обрабатывающих ее земледельцев. Нищета и последствия её—всякия болезни—пожирают население даже в таких римских местностях, почва и климат которых принадлежат к самым здоровым. Так, в долине Сакко, составляющей продолжение плодоносных полей Терры-ди-Лаворо, и столь богатой зерновыми хлебами, винами и плодами, для самих земледельцев остается только маис, так как часть, вычитаемая предварительно крупным землевладельцем, и проценты кредиторам поглощают все остальные продукты; богаты только те крестьяне, которые, продав землю, сохраняют право собственности на деревья. На основании недавно установленного закона, все землевладельцы, владения которых

высота 700 м., глубина 28 м., объем 2,370.000.000 куб. метр.

лежат в районе десяти километров от столба миллиария на форуме, обязаны, под страхом экспроприации, выполнять все, признанные необходимыми, ассенизационные работы. В вознаграждение за это, они на двадцать лет освобождаются от всяких налогов.



Видъ Римской Кампаньи.

К югу от Тибра пояс необработанных и нездоровых земель тянется вдоль моря; задерживаемые прибрежными дюнами, воды наполняют воздух опасными миазмами, и, чтобы избежать их, надо отправляться или на внутренние холмы, или на выступающие в открытое море

плотины, как в Порто д'Анцио. Смерть царит над теми самыми берегами, которые некогда были окаймлены от Остии до Неттуно длинным рядом дворцов, знаменитых своими великими сокровищами искусств, из которых до нас дошли *Гладиатор* и *Аполлон Бельведерский*. О совершенном болотами деле разрушения напоминают только мозаичные мостовые и фундаменты, ушедшие на половину в песок дюн или уже омываемые морем. Но самую опасную из подверженных лихорадкам местностей представляет равнина, занимающая пространство между Порто-д'Анцио и Террачине, при подошве Липинских гор. Это—бывшая некогда заливом Тирренского моря равнина Понтийских или «Помптинских» болот, названных так по имени уже не существующего города Помеции. В этой, ныне пустынной и смертоносной, местности когда-то процветали двадцать три города; это была самая плодородная страна могущественного союза вольсков, и, если судить по преданиям, сохраненным в поэтическом виде *Энеидою*,—страна благоденствующая. Но сюда явились завоеватели римляне и внесли в одно и то же время «мир и запустение». Местность эта представляла болото уже в 442 году от основания Рима, когда цензор Аппий строил через нее знаменитую дорогу, ведущую из Рима в Террачину; с тех пор не раз тщетно старались завоевать для культуры эту территорию, составляющую убежище кабанов, оленей и полудиких буйволов, родоначальники которых были вывезены в седьмом веке из Африки. Каналы, вырытые во времена Августа, не принесли, повидимому, большой пользы; работы же, предпринятые Теодориком, королем готов, были, говорят, действительнее, но стоячия воды и лихорадка скоро снова вступили в свои права. В конце восемнадцатого века, папа Пий VI вновь предпринял ассенизационные работы, приказав вырыть, сбоку восстановленной Аппиевой дороги, большой сточный канал, который должен был выносит воду всего болота; но рассчеты инженеров оказались ошибочны, и обширная низменность в 750 квадратных километров остается все таким же местом запустения и смерти: когда сюда скрывается разбойник, то его не преследуют, предоставляя ему умереть спокойно своею собственною смертию.

Здесь соединились все препятствия для осушительных работ. На западе Понтийских болот, параллельно морскому берегу, тянется ряд высоких, покрытых лесом, дюн, чрез которые некогда были вырыты, теперь уже сгладившиеся, водосточные каналы; но за этою первою цепью дюн тянется другой пояс болот, отделенных от моря другим песчаным валом, примыкающим с одной стороны к мысу Астуре, а с другой к мысу Цирцеи (Чирчелло) и также покрытым лесами, в которых запасаются дровами и углем неаполитанские моряки. Таким образом, отводу воды в ближайшие части моря мешают два барьера, почему осушительные каналы должны направляться к югу, к Террачине, но и там берег окаймлен цепью дюн. Притом же общий склон почвы от края болот к морскому берегу весьма мал и едва составляет шесть метров. Кроме того, вода задерживается в каналах настоящими лесами водных растений, и для очищения рвов от множества перепутавшихся трав и восстановления течения, в воду вгоняют стада быков, которые шлепают по дну и тем освобождают несколько канал от растительности. Правда, этот варварский способ портит откосы канала, почему и пытаются заменить его регулярным скашиванием; но едва успеют скосить болотные травы и отдать их на волю течения, как они уже снова отросли в изобилии и требуют нового скоса. Итак, масса воды остается стоячею, а между тем в этой части Италии не только часты дожди, но еще оказывается, что, вследствие особого геологического явления, во впадину Понтийских болот стекает излишек вод соседних бассейнов, проходя под горами. Прони определил, что масса воды, изливаемой в море чрез сточный канал Бадино, на половину более количества получаемой ежегодно бассейном дождевой воды. И это именно оттого, что Сакко, приток Гарильяно, и Теверона, приток Тибра, изливают часть своих вод в болота посредством скрытых ручьев, текущих под горами Липини и выходящих по другую сторону гор в виде весьма обильных источников. В большие дожди затопляется все, в сухое же время является другая опасность: беззаботные пастухи зажигают на сухих пастбищах кустарник, торфяная почва загорается и выгорает до самого уровня воды, отчего оказываются новые болотистые впадины, и именно в тех местах, которые считались наиболее обеспеченными от наводнений. Впрочем, большую часть года Понтийские болота имеют вид покрытой цветами и травою равнины—и

вы с удивлением спрашиваете себя, каким образом такия плодородные поля остаются необитаемыми. И однако же, город Нинфа, построенный около одиннадцатого или двенадцатого века в наименее нездоровой местности, на северном конце равнины, совершенно покинут: он почти весь еще цел, со своими стенами, башнями, церквами, монастырями, дворцами и домами, но он завит плющом, покрыт разными ползучими растениями и порос кустарником.

Для осушения Понтийских болот, казалось бы, совершенно естественно прибегнуть к помощи кольматажа[1], оказавшего такия услуги в долине Кианы. И действительно, способ этот испытан и здесь, и в некоторых местах дал хорошие результаты; но «слякоть» соседних гор, как заметил Прони, почти совершенно иссякла, и воды несут только осколки скал, булыжник и гравий; мелких же песков и глины, необходимых для поднятия почвы, дают очень мало. Поэтому придется прибегнуть к не столь простым и дешевым средствам ассенизации, а что средства эти существуют, в этом не сомневается ни один инженер. Стало быть, возможно осушить и заселить вновь местности, которые представляют теперь гнездо заразы, и редкое население которых трясется от лихорадки и подвержено малокровию. Употребленные дельно расходы будут с избытком вознаграждены произведениями этой плодородной равнины, которая почти без всякой обработки доставляет уже прекраснейшие сборы пшеницы и маиса. Когда эта великая ассенизационная работа будет совершена, из земли возродятся те древние города вольсков, развалины которых она покрывает.

Римская по преимуществу, река Тибр также остается до настоящего времени неисправимою, и её внезапные разливы, хотя и не сравнятся с разливами По, Лоары и Роны, тем не менее весьма опасны; теперь они, говорят, грознее, чем были во времена древней республики. Против её речных наносов борются с переменным успехом и неудачами со времен Анка Марция, стараясь переместить их и дать водам широкое и глубокое устье. Итальянским инженерам, которые отличаются смелостью своих предприятий, и которых должен ободрять пример их предков, великих строителей, предстоит много дела, чтобы урегулировать течение реки и направить её наносы по своему желанию.

Тибр—самая многоводная река полуострова Италии, и бассейн её, широко разветвляющийся к северу и к югу—самый обширный:

Поверхность бассейна составляет 16.725 кв. кил. Длина течения 418 кил. Длина судоходной части 96 кил.

Только один он и судоходен в своем нижнем течении на протяжении от Остии до Фиден и даже до притока Неры, хотя его быстрое течение и водовороты часто грозят опасностью мелким судам. Он берет начало как раз под широтой Флоренции, в тех самых Лунных Альпах (Alpi della Luna), с противоположного склона которых течет к Римини Марекккия. Долина, которою он протекает в Апеннинах, чрезвычайно красива: она то расширяется в пространные и плодородные котловины, то представляет пробитое в скалах живою силою ущелье. Ниже очаровательного бассейна Перуджии, Тибр принимает Топино, питаемую водами, скопляющимися в некогда озерной равнине Фулиньо, лежащей при подошве большого Апеннина, около извилистой дороги, подымающейся в проход Фиорито. Именно в этой самой дивной равнине центральной Италии находится устье реки Клитумнус, «в кристальной воде которого когда-то купалась Нимфа».

> . . . the most living crystal that was e'er
> The haunt of the river nymph, to gaze and lave
> Her limbs. (Байрон)

Над источником возвышается еще хорошенький храм, один из наилучше сохранившихся памятников римской эпохи; но пьющие эту священную воду стада не получают уже яркой белизны шерсти, как во времена Виргиния: священное свойство воды исчезло.

---

1 Кольматажем называемся искусственное поднятие низкой почвы, посредством речных каналов, для чего реке дают известное направление, при котором она отлагает свои наносы на определенном месте. Такой способ искусственного возвышения низменностей был впервые введен в Тоскане при Леопольде I в 1781 году и даже сделан был обязательным для некоторых местностей. *Прим. ред.*

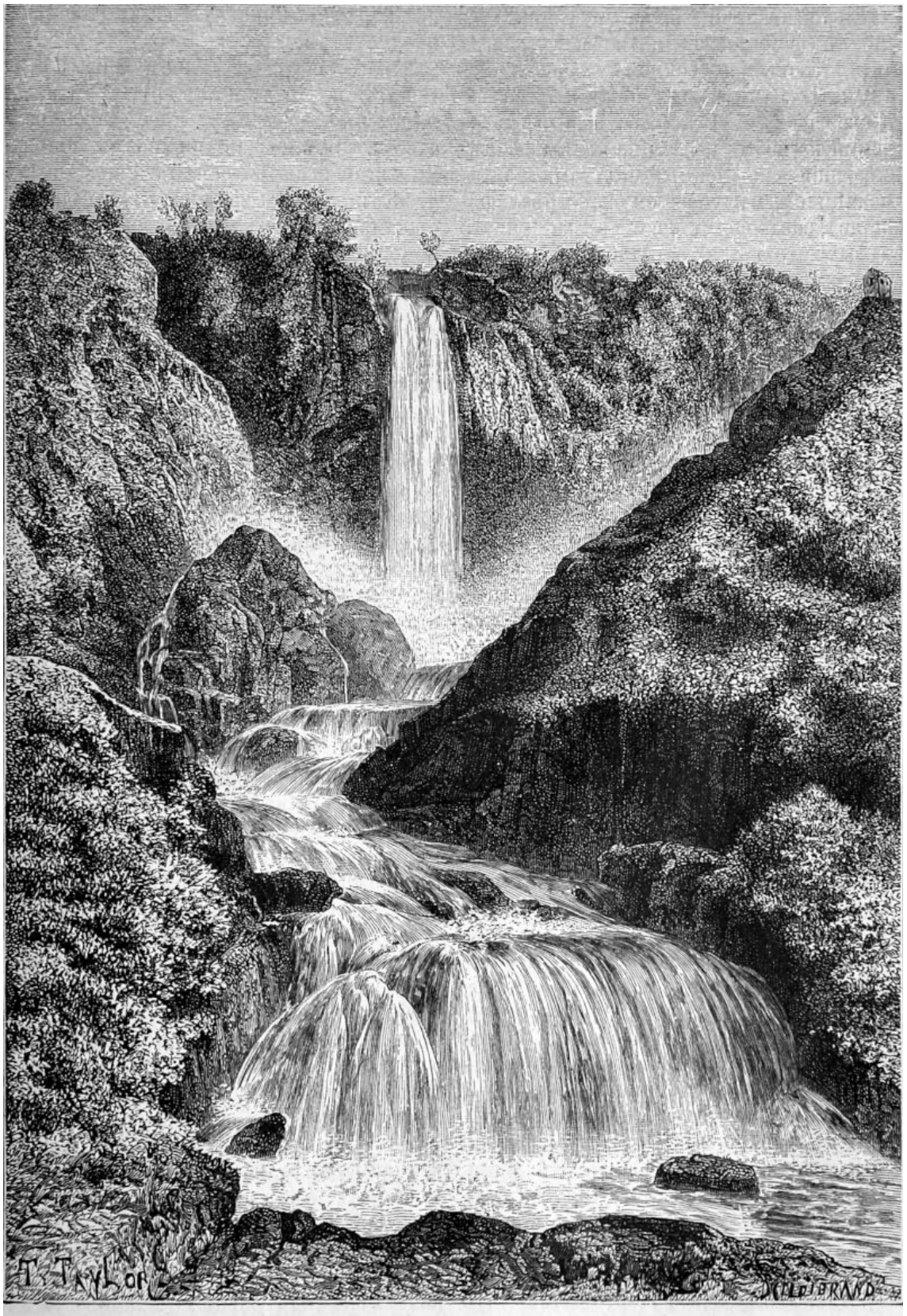
Соперником верхнему Тибру, по массе воды, является Нар или Нера, которая, как говорит итальянская поговорка, «поит» его, соединяя в своем нижнем течении множество рек, текущих с Сибиллинских гор, с Монте-Велино и Сабинских высот. Двадцать один век тому назад, говорят, самые значительные из этих рек не достигали Тибра, а останавливались в равнине Риэте и образовали *lacus Velinus*, от которого остаются теперь немногие маленькие бассейны и рассеянные там и сям болота среди богатых нив «Поля Роз». Но брешь, появившаяся в известково-осадочных утесах и прорываемая несколько раз со времен римлян, открыла водам озера Велино свободный путь выше Терни и образовала тот удивительный водопад *delle Marmore*, который наперерыв прославляли художники и поэты. Река падает сперва сплошною массою с вертикальной высоты 88 метров, затем с клокотаньем прорывается сквозь нагроможденные камни и, наконец, соединяется с более тихими водами Неры. Далеко не так грандиозны, но, быть может, еще прекраснее многочисленные каскады Анио (Аньена или Теверона), последнего, принимаемого Тибром выше Рима, притока. С зеленеющего холма, на котором возвышается живописный Тиволи, окруженный своими старыми стенами, вы со всех сторон видите серебряные водопады: одни скользят длинными скатертями по гладким скалам, другие вырываются из-под тенистого свода, мелькают минуту в воздухе, а потом снова исчезают под листьями, и при этом все они, будет ли то сноп воды или простая струйка, отличаются чертами особенной красоты и в целом составляют одну из самых дивных картин Италии. Поэтому-то Тиволи, имя которого во всем мире стало синонимом очаровательной местности, было всегда местом стечения римлян, вопреки народной поговорке:

Tivoli di mal conforto, - o piove, o tira vento, o suona a morto.
(Тиволи не уютно, - либо дождь, либо ветер, либо погребальный звон).

Несколько новейших вилл заменили собою действительные или мнимые дачи Мецената, Горация, Катулла, Проперция и огромную виллу Адриана, которая была некогда самою пышною и развалины которой, к западу от нынешнего Тиволи, занимают несколько квадратных километров. В настоящее время воды Аньены применены к целям промышленности, а также для электрического освещения Тиволи и некоторых зданий Рима. Река эта в половодье несет около 400 кубических метров воды в секунду и в мелководье никогда не менее 30 или 25 метров; инженеры вычислили, что эта масса воды, падая с высоты сотни метров, дала бы силу по крайней мере в 15.000 лошадиных сил, и строят планы для извлечения из неё пользы. Древние эксплоатировали водопады Тиволи в промышленном отношении только для извлечения «тибуртинского камня» или травертинского туфа, отлагаемого известковою водою реки по бокам её ложа и достигающего во многих местах толщины 30 метров, Они употребляли его для устройства римских памятников. Цвет травертина, при извлечении из каменоломни,—белый, но через несколько времени он превращается в желтый, а впоследствии принимает очень приятный для глаза красноватый оттенок, который придает зданиям характер величия.

Ниже слияния своего с Анио, Тибр принимает только незначительные ручейки. Он здесь вполне сформировался, и воды его, всегда, желтого цвета от принесенной ими с равнин Умбрии глины, катятся под мостами Рима уже со всею своею силою. Вскоре затем он обходит своими изгибами последние холмы, окаймляющие бывший, заполненный наносами залив, и, уже поднимаемый идущею ему навстречу волною прилива, раздвояется вокруг Священного острова, бывшего когда-то островом Венеры, и который был знаменит своими розами, а теперь представляет угрюмую болотистую пустыню, покрытую камышем и золотоцветом. Старый Тибр представляет рукав, текущий к югу от острова: он и ныне несет в море небольшое количество воды и выдвинул из материка весьма значительный наносный полуостров. Остия, которая в первые времена римской истории была «воротами» реки, теперь покоится под полями зерновых хлебов и чертополоха, в шести с половиною километрах от берега. Предпринятые с 1855 года раскопки воскрешают ее мало-по-малу, как неаполитанскую Помпею: здесь можно посетить храмы Юпитера и Цибеллы, войти в святилище Ми-

фры, пройтись по древней дороге могил и прогуляться по улицам с арками, мимо магазинов, которые заперты более двух тысяч лет тому назад. Римские купцы должны были оставить город, вследствие удлиннения речного ложа и песчаного бара, преградившего вход. Остия не



Водопадъ Терни.

имела порта уже во времена Страбона.

Для создания выхода в море, римские императоры велели вырыть канал севернее рукава Остии, который, благодаря размыванию и наносам Тибра, обратился постепенно в не-

большую извилистую реку; это Фиумичино. Клавдий приказал вырыть обширный резервуар при одной довольно глубокой бухточке, расположенной к северу от канала, где и возникла вскоре новая Остия. Траян открыл другой порт, немного юго-восточнее канала, который в течение нескольких веков был настоящим торговым портом Тибра. Но порт этот засорился уже тысячу лет тому назад; наносы выступают беспрерывно в море и удлиняют треугольник земель, образованный ими перед естественною кривою линиею берега, между Чивита-Веккией и Порто д'Анцио. В настоящее время древние бассейны остаются на равнине, километрах в двух от берега. Со стороны Фиумичино, где канал обозначается рядами свай, покрытых водою при подошве, прирост дельты составляет около метра в год, между тем как в устье древней Остии он достигает почти трех метров. На берегах большого пруда, служившего внутренним доком порта Траяна, встречается множество развалин дворцов, теплых бань и амбаров. Раскопки, предпринятые здесь на счет фамилии Торлониа, привели к открытию некоторых предметов искусства.

Таким образом, Тибр, как и Арно, По, Рона, Эбро, Нил и все другие реки, изливающиеся в Средиземное море, загроможден в своем устье песчаными мелями, непроходимыми для больших судов: и Рим, вместо того, чтобы пользоваться своею рекою для сообщения с заморскими странами, должен прибегать к помощи отдаленных портов; за неимением Остии, он сообщался с Сицилией, Грецией и Востоком чрез Анциум, Анксур (Террачина) и даже Пуццоллу, но в последние времена огромное политическое и торговое значение северных стран заставило перенести морской порт долины Тибра в Чивита-Веккию. В наши дни Рим делает гигантские усилия, чтобы преобразоваться в большой приморский торговый город. Ассенизационный канал, отделяющийся от Тибра, должен вынести все стоячия воды римской равнины, между тем как более широкое русло, в котором наносы Тибра будут останавливаться шлюзами, выйдет в обширный и глубокий порт в открытом море. Предприятие грандиозное, но и трудное для исполнения, ибо открытое море при римских берегах мелко и лишь на расстоянии 1.200 метров от берега зонд показывает глубину 10 метров, необходимую для прохода больших судов.

Инженеры-гидрологи встретят также, если не непреодолимые препятствия, то чрезвычайные затруднения к устранению наводнений Тибра, которые становятся так опасны для прибрежных городов. По древним писателям, разливы Тибра были весьма гибельны не только вследствие непосредственно наносимого ими вреда, но еще и потому, что они оставляли кучи разложившихся животных и растений и особенно утопленных змей. Река и теперь приносит в наводнения эти испортившиеся остатки и всегда производит большие опустошения. В Риме, который удален от моря на 36 километров, уровень половодья поднимается на 12 и на 15 метров выше уровня обыкновенной воды, а в декабре 1598 река вздулась даже более чем на 20 метров. Но что же делать для задержания этих вод и для постепенного пропуска их под мостами Рима? Если правда, что обезлесение Апеннин составляет одну из главных причин бедствия, то будет ли достаточною мерою восстановление лесов? Не следует ли восстановить при помощи плотин, по крайней мере, на время дождей, некоторые из древних озер, в которых оканчивались некогда реки, не имевшие выхода? Во всяком случае, затруднение будет велико, потому что западный склон Апеннин обращен именно к дождливым ветрам, и частые разливы приточных бассейнов Тибра соединяются обыкновенно вместе, составляя одну общую волну наводнения. При том, те же западные и юго-западные ветры, приносящие зимою тучи и ливни, дуют в дельте как бы на встречу речным водам и замедляют их сток в море.

Если большие зимния наводнения Тибра объясняются легко, то летнее состояние этой реки представляет явление, остававшееся долгое время необъяснимым. В сухое время года вода в Тибре держится на гораздо высшем уровне, чем это следовало бы при незначительном количестве выпадающих в пределах бассейна дождей: приход воды в мелководье никогда не бывает меньше половины среднего прихода. Этот факт, может быть, единственный в своем роде, которого ученые не наблюдали ни в какой другой реке. Так, если взять для сравнения

хорошо известную и относительно постоянную реку Сену, бассейн которой впятеро больше бассейна Тибра, а количество воды почти вдвое, то часто, после долгих засух, она уменьшается в три или в четыре раза. Чтобы объяснить постоянство Тибра, должно необходимо допустить, что в сухое время года река питается истоками подземных резервуаров, в которых вода собирается зимою. И если судить по воронкообразным провалам, которые встречаются местами в известковых горах Апеннин, то этих резервуаров очень много. Одна из таких пропастей, называемая «Итальянским Фонтаном» или Сантулловым колодцем, находится неподалеку от Алатри, близ неаполитанской границы, и действительно представляет нечто в роде колодца в 50 метров глубины и 400 ширины, на дне которого растет настоящий лес вытягивающихся к свету деревьев; под зеленью журчит множество источников, и овцы, которых сводят туда привязанными на веревке, едят сочную траву, растущую в тени этой удивительной рощи. Подобные-то пропасти и питают своими таинственными водами местные реки Сакко и Тибр. Инженеры Вентуроли и Ломбардини доказали своими вычислениями, что более трех четвертей тибрской воды в мелководье исходит из неизвестных озер, скрытых в известковых пустотах Апеннин. Доставляемая ими ежегодно Тибру вода составила бы бассейн в 63 квадр. километра, при средней глубине в 100 метров.

Среднее количество дождей в Риме 0,ᵐ94 (наблюд. с 1825 по 1882 г.). Среднее количество дождей при подошве Апеннин 1,ᵐ10 (Ломбардини). Среднее количество дождей на вершинах 2,ᵐ40. Средний расход воды в Тибре 292 к. м. в сек. (Вентуроли и Ломбардини). Наибольший расход воды в Тибре 4.500 к. м. в сек. (Вентуроли и Ломбардини). Наименьший расход воды в Тибре 160 к. м. в сек. (Вентуроли и Ломбардини).

Первобытный Рим большею частью своего могущества обязан Тибру, если не как судоходной реке, то по крайней мере как срединной линии обширного бассейна; да и теперь еще общее положение страны делает столицу естественным рынком значительной области Италии. К этим преимуществам города присоединились впоследствии преимущества его центрального положения в Италии и в *orbis terrarum*, но мы видели, что история, изменяющая беспрестанно относительное географическое значение различных местностей, постепенно отодвинула Рим от великого пути народов. Правда, город этот расположен почти в средине полуострова и занимает центр общей фигуры островных и континентальных земель, окружающих Тирренское море. Рим является центром и с метеорологической точки зрения, потому что средняя его температура (15,4°) ровно на 4 градуса выше, чем в Турине и на 4 градуса ниже, чем в Катане. Но ни геометрическое положение, ни преимущества климата, сильно компрометируемые, впрочем, нездоровостью Кампаньи и даже части города, не обеспечивают Риму значения великой столицы, которым он гордится. Хотя и резиденция двух монархов, короля Италии и папы, Рим только мало-по-малу, путем централизации, политической и административной, становится главой Апеннинского полуострова; но он не глава латинских стран. Утверждают, что в средние века, во время пребывания пап в Авиньоне, население «Вечного города» спустилось до 17.000 человек. Хотя факт этот и кажется весьма спорным Грегоровиусу, ученому, который лучше всех изучил этот период римской истории, но верно то, что после разграбления. совершенного конетаблем Бурбоном, Рим имел не более 30.000 жителей. В настоящее время он быстро растет, но еще много уступает Неаполю, и население его только немногим превышает население Милана; однако, он обладает более полными и более богатыми библиотеками и музеями. Римский университет один из многолюдных: в нем до тысячи студентов.

Жители в Риме с самых первых времен были различного происхождения; об этой первоначальной смешанности свидетельствует легенда о Ромуле и Реме, рассказ о похищении сабинянок, который в действительности применим ко всякой эпохе римской истории, и беспрестанные столкновения народов, замкнутых в одном и том же круге. Наконец, остатки городов, которые в римской провинции встречаются еще чаще, чем в собственной Тоскане, так называемые циклопическия стены, подземные кладбища, надгробные урны, сосуды всякого

рода, глиняная утварь и безделки показывают, что на правом берегу Тибра этрусский элемент был по крайней мере равносилен италийскому. В других местах, особенно на адриатическом склоне, преобладали галлы, и их племя перемешалось различным образом с другими этническими отраслями, откуда и произошло первоначальное римское население.

Смешение стало еще сильнее во времена римского могущества. Тогда к латинскому населению примешивались тысячи и миллионы иностранцев. В течение пяти веков в мировую столицу не переставали стекаться галлы, испанцы, мавританцы, греки, сирийцы, люди различных племен и стран Востока, рабы, вольноотпущенные и граждане, которые и видоизменили вновь её этнологические элементы. К концу империи, Рим, говорят, включал в своих стенах больше иностранцев, чем римлян, и последние, конечно, как и все постоянные жители больших городов, имели менее многочисленные семьи, чем переселенцы извне. Таким образом, итальянское племя уже было смешано с самыми разнообразными элементами, когда началось великое расстройство Западной империи, и царственный город начинали грабить орды, приходившие поочередно из Германии, Скифии и азиатских степей. Это бесконечное смешение победителей с побежденными, господ с рабами, и есть, может быть, главная причина той значительной перемены, которая совершилась в течение двух тысяч лет в характере и духе римлян. Впрочем, транстиверинцы, т.е. римляне правого берега Тибра, сохранили тот старый римский тип, который мы видим еще в статуях и на медалях.

Рим величественнее своими воспоминаниями, чем своим настоящим, привлекательнее своими развалинами, чем новыми зданиями; он скорее гробница, чем живой город. Вы чувствуете себя сильно потрясенным, как бы чьей-нибудь могучей рукою, когда находитесь лицом к лицу с памятниками, оставленными древними властителями мира. Вид этого колоссального, хотя частью разрушенного, Колизея возбуждает изумление и страх в путешественнике, который видит в человеческих сооружениях не простую груду камней. Мысль, что эта громадная сцена была наполнена людьми, убивавшими друг друга, что по всей окружности этих ступеней волновалось море голов, следя за переменным ходом резни, и что к бойцам летит сверху ободряющий их на убийство ужасный крик смерти, составленный из двадцати четырех тысяч голосов, воскрешает в воображении все прошедшее, полное низости и зверства, на которые тратились все живые силы римской цивилизации, и которыя заранее обрекли ее на добычу варварам, отодвинувшим человечество на десять веков назад во мрак первобытного невежества. Форум будит воспоминания другого рода: конечно, и тут совершались мерзости всякого рода, но в целом своей истории, это покрытое травою и неровное место, обращенное в средние века в скотный рынок (*Campo Vaccino*), является нам истинным центром римского мира: это, некогда священное, место, откуда в течение стольких веков исходил первый толчек для всех западных народов, от Атласа до берегов Эвфрата; здесь, как в живом мозгу, волновались идеи, а к концу империи—галлюцинации, сходившиеся со всех концов исполинского тела. Окружающие Форум стены, остатки колоннад, храмы, церкви рассказывают на своем немом языке о замечательнейших событиях в Риме, а древнейшие остатки, открытые раскопками под разнообразными строениями, дают нам возможность проникнуть еще далее в густой мрак веков: как на поле меняются жатвы одна за другою, так на этом месте, где волновалась беспрестанно зыбь римского народа, здания сменялись зданиями; для ученого—это летописи, которые стоют летописей Тацита. Да и во всех местах Рима и его окрестностей, где только найдется какой-нибудь старый памятник, арка или сломанная колонна, ниша или цоколь, каждый камень напоминает какую-нибудь дату, какой-нибудь факт из истории Рима. Часто бывает трудно истолковать это свидетельство прошлого, но из хаоса всех гипотез, из столкновения всех противоречий мало-по-малу выясняется истина.

Несмотря на массовые разграбления и разрушения, существует еще множество, правда, более или менее поврежденных, древних памятников, и между прочими Пантеон Агриппы—это чудо архитектуры. Вандалы, на счета которых относили дело разрушения, грабили, правда, беспощадно, но ничего не разрушали. Систематическое разрушение началось гораз-

до раньше вандалов, именно с постройки первого храма св. Петра, когда материалы для него брались из цирка Калигулы и других соседних памятников. То же самое делалось и для других возводившихся впоследствии бесчисленных церквей, равно как и для светских памятников и построек всякого рода. Статуи, если они не попадали под мусор, разбивались либо на известку, либо на постройку, так что в начале пятнадцатого века в Риме стояло на местах только шесть статуй—пять мраморных и одна бронзовая. Нашествие норманов, в 1084 году, и все войны средних веков, сопровождавшиеся грабежами и пожарами, оставили после себя также немало развалин; но число дворцов, цирков, триумфальных арок, колонн, обелисков, водопроводов было так значительно., что Возрождение, увлеченное этим величием прошедшего, могло найти в них еще многое для изучения и воспроизведения в виде более или менее удачных подражаний. С тех пор заботливо сохраняется заключающийся в стенах Рима обширный архитектурный музей, который даже увеличился еще капитальными произведениями Микель Анджело, Брамантэ и других архитекторов. Но этого мало: надо поднять на свет Божий все зарытые еще сокровища искусства и свидетельства истории. В настоящее время занимаются раскопками всех сооружений, какие только покрыты слоями мусора, копившагося в течение пятнадцати столетий. Дело идет об открытии под нынешним Римом древнего Рима, о восстановлении из праха улиц, как воскрешена из пепла Везувия Помпея.

Самые любопытные остатки—фундаменты дворцов Цезарей и стены древнего *Roma quadrata*,—частию уже открыты на горе Палатинской, недалеко от Форума и Колизея; весь этот холм представляет собою собрание драгоценнейших памятников. Именно здесь строили первые римляне город, чтобы защитить его разом и крутизною скалы, и водами Велабра и других болот, в которые стекали тогда наводнения Тибра. Но, сделавшись многолюднее, Рим скоро спустился с Палатина, растянулся в низменности Велабра, осушенной сточными трубами Тарквиния Этруска, и начал развертываться по долине Тибра и боковым оврагам, а затем стал взбираться по склонам окружающих высот. Воды реки, среди разроставшагося города, разделяли островок, считавшийся у римлян местом священным. Откосы его были облицованы камнем, в роде подводной части судна, в центре стоит обелиск, в роде мачты, а корму занимал храм Эскулапа. Остров уподоблялся кораблю, носящему судьбу Рима.

Существует еще другой Рим,—Рим подземный, который в особенности интересен для изучения, так как по нем лучше, чем по всяким книгам, можно узнать, что такое было христианство первых веков, и судить о переменах, произведенных в нем с того времени непрерывным историческим движением. Склепы христианских кладбищ занимают вокруг города пояс в два или три километра средней ширины, разделенный десятков на пять отдельных катакомб, которые исследованы еще не вполне. Длину всех галлерей, вырытых христианами в вулканическом туфе, Росси определяет в 876 километров. Средняя ширина их менее одного метра, но по числу комнат, служивших молельнями, и по числу этажей глубоких нишей, в которые клались тела, можно судить о громадности землекопной работы, представляемой этими подземельями. Надписи, барельефы и живопись этих могил были неприкосновенны для римских язычников, относившихся к могилам с большим уважением, и, к счастью, подземелья были завалены еще во время нашествия варваров, что и спасло их от разрушений, которым подвергались в течение всех средних веков памятники, находившиеся на поверхности земли; поэтому подземелья оставались нетронутыми до времени раскопок, начавшихся около конца шестнадцатого столетия. Эти христианские могилы обнаруживают народную веру далеко не в том виде, как она выражена в описаниях современников, принадлежавших почти всегда к другому специальному классу, чем масса верующих: они еще более расходятся с памятниками последующих времен христианства. В них все отличается светлою радостью, печальных эмблем нет: вы не найдете здесь ни изображений мучеников и мучений, ни скелетов, ни образов смерти, не найдете даже креста, сделавшагося впоследствии великим символом христианства, Самые обыкновенные изображенные здесь символы—«Пастырь добрый», с агнцем на плечах, ветка винограда с листьями, веселый сбор винограда. Фигуры в первых катакомбах второго и третьего веков, изваянные лучше, чем последующих веков, имеют нечто греческое и представляют языческие сюжеты: Пастырь добрый является раз

даже окруженным тремя Грациями. Две еврейские катакомбы, вырытые точно также в римском туфе, дают возможность сравнивать религиозные идеи двух культов этой столь интересной исторической эпохи.

По странному суеверию к мистическим числам, Рим продолжают называть «Семихолмным городом», именем, которое уже не подходит к нему с тех пор, как он перешел за ограду Сервия Туллия. Не считая горы Тестаччио, состоящей из набросанных на берег реки горшечниками и судовщиками черепков, в стенах нынешнего Рима возвышаются девять совершенно отдельных холмов: Авентинский, куда удалялись плебеи при своих попытках добиться независимости; Палатинский, на котором жили Цезари; Капитолийский, на котором стоял храм Юпитера; Целиус (Монте-Челио), Эсквилинский; Виминальский; Квиринальский; Читорио, невысокий пригорок, и Монте-Пинчио—пригорок садов, служащий для прогулок. Наконец, по другую сторону Тибра, и все-таки в нынешнем Риме, есть еще два холма: Яникульский, самый высокий из всех холмов, с которого всего лучше видна панорама города, и Ватиканский, названный так или потому, что он возвышается на обломках Ватики этрусков, или же потому, что там некогда давались предсказания оракулов.

Наследница древних преданий, эта возвышенность осталась местом «ватицинаций». Отсюда христианские пресвитеры, вышедши из мрака катакомб, где они держали свои тайные собрания, стали господствовать над городом Римом и всем западным миром. Здесь возвышается дворец пап, с его 11.000 окон, с его богатыми коллекциями, библиотекой, музеем, с chefs-d'oeuvre'ами античного искусства и произведениями Микель-Анджело и Рафаэля; а рядом с ним блистает знаменитая базилика Святого Петра—средоточие католического христианства. Длинною галлереею дворец соединяется с мавзолеем Адриана, лишенным своей высокой колоннады и сделавшимся, под именем замка Святого Ангела, папскою крепостью, которая возвышается на берегу Тибра и господствует над его мостом. Теперь её пушки не защищают уже Ватикана; все материальное могущество пап исчезло, но пышная церковь Святого Петра, удивительный полукруглый портик перед ним, возвышающийся над собором куполом, который еще издалека видят с моря пловцы, статуи, мраморы, мозаики, украшения всякого рода свидетельствуют о тех громадных богатствах, которые недавно еще стекались в Рим со всех концов христианского мира. Один только собор Святого Петра,—одна из трех сот шестидесяти пяти церквей папского города,—стоил около полу-миллиарда. Памятник этот представляет, в истории католичества, ту переходную эпоху, когда паганизм Возрождения и христианство средних веков стараются слиться в нео-католицизм, более гуманный, приноровленный к обновленному миру. Квартал Рима, в котором стоит церковь Св. Петра, был опустошен мусульманами в 846 г. Что касается евреев, то они пришли в Рим далеко не победителями. Водворенные в грязном квартале Гетто, на илистых берегах Тибра, недалеко от арки Тита, напоминающей разрушение их храма и избиение их предков, они в течение девятнадцати столетий несли бремя всеобщей ненависти и преследования. Они вынесли, однако, это, благодаря могуществу золота, которым они умеют орудовать лучше, чем их притеснители, и отныне, вольные обитать в любом квартале, четыре тысячи римских евреев принимают больше участия в преобразовании столицы Италии, чем сами христиане.

Направление идей в последние века слишком изменилось, чтобы итальянцы могли серьезно думать теперь об открытии третьей эры истории Рима постройкой роскошных зданий, которые могли бы равняться по величине Колизею или храму Св. Петра. Италии нужно прежде закончить разбор всех тех сокровищ искусства и науки, которые до сих пор еще беспорядочно ждут своей классификации в различных музеях, училищах, ученых обществах и в библиотеке Виктора-Эммануила, одной из богатейших в мире.

Если в Риме что-либо и строится новое, то все эти постройки возводятся не для удивления мира, а в силу настоятельной потребности. Они не блещут ни великолепием, ни оригинальностью стиля, но вполне удовлетворяют своему назначению. Главные труды и наибольшее внимание современных инженеров были посвящены возведению пятнадцати фортов, составляющих оборонительный круг Рима. Кроме того, проведена целая сеть новых

улиц, идущих на север и на запад, но не на восток, где им пересекают дорогу крутые откосы Яникула, и не на юг, где монументы античного Рима остановили строителей девятнадцатого века. Затем современному инженерному искусству предстоит еще немало труда и усилий, если они зададутся мыслью оградить Рим от разливов Тибра и вновь поставить его в хорошие санитарные условия. Правда, наваленные остатки множества разрушенных зданий возвысили уровень города по крайней мере на один метр, но и русло Тибра поднялось вследствие удлинения его дельты. Чтобы доставить водам разлива свободный сток в правильный канал, необходимо перерыть русло реки и окаймить его высокими набережными на всем протяжении города. Кроме того, для ассенизации города, надо переделать сеть подземных труб и разумно распределить чистую воду, доставляемую в водоемы фонтанов сооружениями древних эдилей.

Известно, какую громадную массу воды получал прежде Рим для своего ежедневного потребления. Во времена Траяна, девять больших водопроводов, общая длина которых составляла 422 километра, давали воды около 20 кубических метров в секунду, а проведенные впоследствии другие каналы увеличили это количество воды более, чем на одну четверть. Еще и в настоящее время, хотя сохранилась только десятая часть искусственных водопроводов, и от большей части древних акведуков возвышаются, среди необработанных полей, только разрушенные арки, столица Италии есть один из городов, наиболее обильно снабжаемых живой водой. Но если когда-либо Рим должен будет наполнить все пространство, заключающееся в его стенах, и будет разростаться присоединением новых кварталов, если форум, находившийся еще недавно за городом, сделается снова центром города, то в нем может оказаться такой же недостаток питьевой воды, как и в большей части столиц Европы.

Не говоря уже о нездоровости окружающих полей, нынешний Рим, по сравнению с древним, имеет еще одну слабую сторону: он уже не имеет той прекрасной системы дорог, которые расходились во все стороны от золотого межевого столба Форума. Широкая Аппиева дорога, начинающаяся при выходе из Рима рядом столь любопытных могил, представляет собою тип этих прочно устроенных и неуклонно правильных дорог, которые охватывали собою мир и сокращали расстояния к выгоде господствующего города. Правда, древние мощеные дороги заменены ныне частию железными дорогами, но последние еще очень немногочисленны, не прямолинейны в своем направлении и оставляют город в стороне от великих международных путей. Самая фигура их сети показывает, что движение по путям совершается далеко не так, как в других странах Европы, не от центра к окружности, а наоборот: Италия шла вновь на завоевание Рима из Флоренции. Болоньи, Неаполя.

Не имея портов и городского округа, вследствие миазмов окружающих полей, Рим представляет один из таких городов, которые всего менее могут существовать отдельно: он должен дополняться отдаленными местностями.

Местами огородничества, промышленности и дачной жизни служат ему ближайшие горные города: Тиволи: Фраскати, над которым возвышаются стены кратера, с развалинами Тускулума; Марино, около которого, в тени больших лесов, собирались союзные племена Лациума; Альбано, который, посредством нового перекинутого через широкий ров моста на арках, соединяется с городом Ариччиа; Веллетри, древний город вольсков, дома которого группируются по южным склонам большой горы Лациума; Палестрина, который древнее Альба-Лонги и Рима и весь построен на развалинах знаменитого храма Фортуны—слава древней Пренесты. Местами купаний ему служат морские пляжи Пало, Фиумичино и Порто д'Анцио—местечко, продолжение которого на юг составляет маленький городок Неттуно, славящийся красотою женщин. Из портов для заграничной торговли он сохранил на Тирренском море только Чивита-Веккию, скучный город, с прекрасным, построенным Микель-Анджело, бассейном, который может служить образцом морским инженерам, но очень тесен. В этом городе есть также большое заведение минеральных вод, которые текут с горы Тольфа по каналу, вырытому во времена Траяна.

Гавани, которыми владели древние римляне к югу от устьев Тибра, почти совершенно заброшены, и прелестная Террачина—пук зелени при подошве «белеющих скал», о которой говорит Гораций,—является дверью Рима только для приезжающих с юга по береговой до-

Крестьяне Римской Кампаньи.

роге[1].

1 Движение грузовых судов в римских портах:
Чивита-Веккиа (1891 г.) 1.318 судов, вместимостью в 317.416 тонн. Фиумичино (1892 г.) 875 суд. вмест.

Почти все города Лациума расположены по двум большим историческим дорогам, из которых одна поднимается к северу, к Флоренции, другая же идет к юго-востоку, в долину Сакко, и спускается в равнины Неаполитанские. На севере видна знаменитая Корнето-Тарквиана; на северо-западе—главный город Витербо—«город красивых фонтанов и красивых девушек»; на юге, на склоне Гарильяно—Вероли, Ферентино, Алатри, над которым господствует гордый Акрополь с циклопическими стенами,—большой рынок и фабричное место для окрестных поселян. На востоке, в одной из чудных Сабинских долин, по которой течет Апио «с вечно холодными волнами», стоит другой знаменитый город, Субиако, древний Сублаквеум, названный так вследствие трех озер, созданных посредством плотин Нероном, который ловил в них форелей золотою сетью. Около Субиако св. Бенедикт основал «в святой пещере» (*Sacro speci*) знаменитый монастырь, который предшествовал еще более славному монастырю горы Кассино, и который, после Леринского монастыря в Провансе, был колыбелью западного монашества.

Общины Лациума и Сабины, в которых более 10.000 жителей:

Рим (1896 г.) 488.913 чел.; Витебро (1882г.) 19.655 чел.; Виллетри (1882 г.) 16.490 чел.; Алатри (1882 г.) 13.240 чел.; Чивита-Веккиа 11.980 чел.; Тиволи 10.295 чел.; Вероли 10.275 чел.; Ферентино 10.040 чел.

Посредником между Римом и Анконою, между долиною нижнего Тибра и областью Тосканских Апеннин и Мархий, служит главный город Умбрии, древняя Перуза, один из могущественных этрусских городов первых времен истории, неподалеку от которого раскопки открыли могилы, возбуждающие живейший интерес. Благодаря своему счастливому положению на краю весьма плодородной равнины и в точке соединения многих естественных путей, город воскресал из развалин после каждой войны, после каждого периода разрушения. В эпоху Возрождения он, как город одновременно и тосканский, и римский, сделался местопребыванием одной из великих школ живописи и, благодаря Вануччи,—«Перуджино», пользуется самою блестящею славою в Италии. В Перуджии есть еще прекрасные памятники этой знаменитой эпохи. Теперь она уже не принадлежит к числу художественных столиц полуострова, но в ней всегда есть свой кружок литераторов и ученых. Она отличается также весьма оживленною торговлею шелком-сырцем; чистота её домов и улиц, которые однако же сохранили свой оригинальный вид, чистота атмосферы и очаровательность населения привлекают в нее каждое лето значительную часть колонии богатых иностранцев, проводящих зиму в Риме. Перуджия далеко оставила за собою своего бывшего соперника Фолиньо или Фулиньо, озерный бассейн которого обращен в чрезвычайно плодородные поля, и который был некогда главным рынком всей центральной Италии; его работящие жители сохранили некоторые специальные производства между прочим, дубление кож. Что касается города Ассизи, который имеет столь прелестный вид среди своего пейзажа масляничных рощ, то он, по справедливости, знаменит своим прекрасно сохранившимся храмом Минервы и великолепным монастырем, в котором любуются фресками «последнего из византийских живописцев», Цимабуэ, и продолжателя его «первого из итальянских живописцев», Джиотто. Теперь это—местечко, не отличающееся никакою деятельностью, но оно окружено земледельческим округом богатым и многолюдным; здесь родился в конце двенадцатого века Франциск Ассизский, основатель великого ордена францисканцев. Между Ассизи и Фолиньо находится город Спелло, осаждавшийся некогда Карлом Великим. Легенда рассказывает, что здесь был смертельно ранен герой Роланд.

Другие второстепенные города Умбрии, хотя и не имеют большего торгового значения, но отличаются либо замечательными в истории именами, либо красотою своих памятников и видов. Тоди, Маршиано известны своими оживленными ярмарками: Сполетто, которого не мог взять Аннибал, замечателен своим великолепным собором, с чрезвычайно оригинальною папертью, своим мостом, построенным Феодорихом чрез ущелье, и своими горами, покрытыми сосновыми и каштановыми лесами. В окрестностях Терни существует один из самых

в 39 860 тонн. Порто д'Анцио (1884 г.) 693 суд. вмест. в 25.140 тонн.

красивых видов Италии, а именно могучий водопад Велино, ложе которого высечено римлянами в глубоко уходящей в землю скале, и воды которого приводят в движение оружейный завод, важнейший во всем королестве. Риетти, прозывавшийся некогда счастливым, имеет озеро—остаток древнего моря, опорожненного водопадом Велино, с рвом delle Marmore; Нарни—с великолепными развалинами и высоким замком. К северу от Тибра, на границах Тосканы, стоит гордый и неопрятный Орвиетто, в котором фабриковалось некогда знаменитое лекарство *орвиетский териак*; это старинный папский город, колокольнями и башнями которого унизан весь выступ горы; собор его замечателен своим прелестным фасадом с инкрустированными мозаиками, представляющим шедевр орнаментации и почти ювелирного искусства. Наконец, два главные города Умбрийских Апеннин: Читта ди-Кастелло, расположенный на берегу ручья, образующего Тибр, и Губбио, который в средние века был одной из самых цветущих республик, оба богаты очаровательными или грандиозными ландшафтами и оба имеют часто посещаемые целебные воды. Ученые приезжают сюда осматривать хранящиеся в муниципальном дворце Губбио знаменитые «Эвгубинские таблицы»,—семь бронзовых дощечек, покрытых умбрийскими знаками: это единственные, дошедшие до нас, памятники этого рода. Маленький городок Фратта, переименованный недавно в Умбертиду, на половине пути между Перуджией и Читта ди-Кастелло, в одной из самых плодородных, омываемых Тибром местностей, имеет только местное торговое значение.

Общины Умбрии, имевшие более 11.000 жителей к 1 янв. 1882 г.:

Перуджия 51.355 чел., Читта ди-Кастелло 24.000 чел., Губбио 23.315 чел., Фолиньо 22.900 ч., Сполетто 21.505 ч.. Риетти 16.820 ч., Ассизи 16.200 ч., Орвиетто 15. 930 ч., Терни 15.850 ч.. Тоди 15.325 ч.. Нарни 11.670 ч., Маршиано 11.625 чел.. Умбертида (Фратта) 11.470 чел.

Портом для римских стран на Адриатическом море служит Анкона, древний дорийский город, называемый еще и ныне греческим именем, которым он обязан положению своему на самом углу полуострова между Венецианским заливом и Южно-Адриатическим морем. Красивая триумфальная арка, возвышающаяся около большого мола, составляет одну из самых лучших и наиболее сохранившихся построек этого рода и напоминает собою, какое значение придавал Траян обладанию этою морскою дверью: купеческая ложа, бывшая биржа,—самое красивое здание. Благодаря своему выгодному положению и, до недавнего времени и своему портофранко, а также углублению до четырех метров порта, Анкона является одним из трех крупнейших торговых городов восточного берега Италии и восьмым из городов всего побережья полуострова; она следует за Венецией и оспаривает первенство у Бриндизи, хотя и не составляет, как последний, станции индийской дороги. Её торговля держится не только тем, что идет к ней из Рима и Ломбардии, но и товарами Мархий, редкими плодами, маслами и асфальтом Абруцц, серою Апеннин и «лучшим в мире шелком», как думают по крайней мере местные жители. По отчетам порта, морская торговля значительно возрасла в последние годы; но это усиление в значительной мере только кажущееся и явилось, благодаря большим пароходам, заходящим в пристани города (в 1890 г. вошло в порт 1.063 купеческих судна, с грузом 253.536 тонн: вывезено грузов 20.607 т.).

Другие порты этого побережья, плохо защищенные, имеют маловажную торговлю. Пезаро, родина Россини, посещается только судами в двадцать и тридцать тонн; Фано—простыми барками; Сенигалия, больше известная иностранцам под именем Синигальи, посещалась довольно многочисленными судами только во время значительных ярмарок, на которых торговые обороты простирались до 25 миллионов: но её маленькая речная гавань, бывшая до 1870 г., т.е. до отмены ярмарок, вольною, доступна только судам, сидящим в воде не глубже двух метров. Все эти береговые города большую часть своих товаров отправляют в Анкону. На юге находятся пристани Гроттамаре, с заводами, и Сан-Бенедетто-дель-Тронто, с морскими купальнями.

Все города внутренних Мархий, за исключением Фабриано, Сан-Северино, расположенных в живописных долинах Апеннин, и Асколи-Пичено, на берегу реки Тронто, построены

на крутых скалах, но теперь начинают спускаться длинными предместьями в равнину, чтобы заняться обработкою земли; таковы: Урбино, прославившийся тем, что в нем родился Рафаэль, и производивший прежде, как и сосед его Пезаро, великолепные фаянсовые изделия, так высоко ценимые знатоками; Иези, Озимо, Чинголи, Мачерата, Реканати, родина Леопарди, Фермо и другие. Один из этих взгромоздившихся на горы городов, знаменитый Лоретто, был некогда наиболее посещаемым в христианском мире местом богомолья. До реформации, когда далекия странствования были еще не так легки, как ныне, к святыням Лоретто стекалось не менее двух сот тысяч странников в год. Правда, они созерцали там одно из великих чудес христианства—тот самый дом, в котором жила Пресвятая Дева, и который ангелы перенесли на то самое место, над которым возвышается теперь великолепно украшенный купол. Неподалеку от этого препрославленного места, именно в Кастельфидардо, была отнята у папы оружием Италии «вотчина Св. Петра». Хотя самое сражение представляет ничтожное военное событие, но оно отмечает весьма важную дату в истории.

Гористая область Абруцц, составлявшая прежде часть Неаполитанской области, но связанная с Римом своим Тирренском склоном, данником Тибра, и в особенности своею большою поперечною дорогою, имеет немного городов на высотах своего плоскогорья. Важнейший из них и в то же время главный город провинции—Аквила основан в тринадцатом веке императором Фридрихом II, который хотел сделать из него «орлиное гнездо». Другие горные города всегда были слишком недоступны, чтобы иметь много жителей, но все-таки они посылают в города равнины сильных и выносливых работников, *Aquilani*, которые считаются лучшими землекопами в Италии. Самые многолюдные места находятся в нижнем бассейне Атерно, или на прибрежной дороге и среди плодородных полей Адриатического склона. Солмона расположена в огромном саду, который некогда был озером, и ограничивается с юга крутыми склонами Монте-Майелла; Пополи, при выходе из ущелья, где Атерно принимает имя Пескары, представляет самый деятельный рынок между Адриатическим берегом и горною областью; Киети, построенный на той же реке ниже,—также промышленный город;—это, говорят, первая из бывших неаполитанских провинций, в которой был применен пар в прядильных и других заведениях. Терамо и Ланчиано—точно также довольно значительные города. Но на всем протяжении берега Абруцц существуют только два маленькие порта, да и те посещаются немногими судами,—Ортона и Васто.

Главные общины Махрий и Абруцц, имевшие к 1 янв. 1882 г. более 12.000 жителей.

Анкона 45.730 чел.; Аскели-Пичено 23.225 чел.; Сенигаллия 22.500 чел.; Киети 21.835 чел.; Фано 21.310 чел.; Пезаро 20.910 чел.; Терамо 20.310 чел.; Мачерата 20.250 чел.; Реканати 19.525 чел.; Иези 19.460 чел.; Фермо 18.880 чел.; Аквила 18.425 чел.; Солмона 17.600 чел.; Озимо 17.345 чел.; Ланчиано 17.200 чел.; Фабриано 17.150 чел.; Урбино 16.810 чел.; Сан-Северино 14.035 чел.; Васто 13.880 чел.; Чинголи 12.135 чел.; Ортона 12.120 чел.

Среди римских Махрий есть маленькое государство, соединяющееся с берегом только одною дорогою и сохранившее свое самостоятельное существование. На небольшом расстоянии от Римини к югу, на гордой скале Титана, основание которой изрыто с незапамятных времен каменоломнями, на высоте 750 метров, стоит, окруженный стенами и башнями, старинный и знаменитый город Сан-Марино. В ясное утро граждане его видят через весь Адриатический залив восход солнца из-за гор Иллирии. Сан-Марино, вместе с окружающими местностями, составляет «светлейшую» республику, единственную автономную муниципию, существующую еще в Италии.

Пространство её 59 кв. кил.; население в в 1892 г. было 8.200 чел., в среднем, 139 человек на 1 километр.

По летописям, *republichetta* Сан-Марино, названная так по имени одного далматского каменщика, жившего отшельником на скале Титано, была независимым и самодержавным государством с четвертого века. Как бы то ни было, маленькая республика успела сохранить свое существование в течение по крайней мере двух тысяч лет, благодаря соперничеству

своих соседей и необыкновенному искусству, с которым граждане её умели хитрить пред опасностью. Впрочем, в устройстве государства нет почти ничего демократического. Народ не подает голосов, и право это потеряно им уже неизвестно сколько веков тому назад; граждане, даже землевладельцы, имеют только право делать представления. Высшая власть принадлежит верховному совету, состоящему из шестидесяти пожизненных членов, в число которых входит треть благородных. треть горожан и треть поселян-собственников; когда открывается ваканция, остальные пятьдесят девять членов выбирают преемника из того же класса, к которому принадлежал выбывший член. Совет выбирает из своей среды 12 членов Сената, состав которого обновляется на две трети через каждые два года—равно как двух капитанов-регентов. одного для города, другого для земщины, которым принадлежит в продолжение шести месяцев власть исполнительная. Этот же совет составляет высшую судебную инстанцию. Сан-Марино имеет свою маленькую армию, в 1.200 чел. милиции, свой бюджет, который в 1892 г. представлял 227.000 фр. дохода и 226.000 расхода. Государственного долга нет. Акциз на соль и табак и субсидия от Италии, в возмещение таможенных пошлин, взимаемых с иностранных произведений при ввозе на полуостров, достаточны для поддержании равновесия в бюджете: блестящие предложения спекуляторов о разрешении открыть игорный дом в Сан-Марино, были отвергнуты. Оффициальные акты печатаются в Италии. В маленьком государстве нет ни одной типографии—совет отказался от этого нового изобретения, которым соседи, романьольцы, охотно воспользовались бы для своих выгод: он боится, чтобы изданные политические книги на его территории не бросили тени на окружающее республику королевство. Боргези, основатель эпиграфической науки, имел в Сан-Марино свою коллекцию, столь важную для изучения римской администрации.

VI. Южная Италия, Неаполитанские провинции.

Из всех государств, сгруппировавшихся для образования единой Италии, бывшее Неаполитанское королевство, даже не считая составлявших часть его Абруцц и Сицилии, является самым значительным по пространству, но не по цифре народонаселения и не по промышленности.

Пространство Неаполитанскй области, без Абруцц—72.630 к. кил. (66.885, по Стрельбицкому). Население (1884 г.)—6.761.000 человек. На километр—93 человека.

Неаполитанская область занимает всю южную половину полуострова, и берег её, изрезанный заливами и бухтами, имеет протяжения более 1.600 километров. Под именем Великой Греции, она составляла некогда самую известную часть Италии: ныне же, напротив, именно в Неаполитанской области встречаются наиболее неизвестные местности.

К югу от расходящихся горных групп Абруцц и Сабины, Апеннины представляют весьма неправильное расположение и не могут уже считаться настоящею целью: это отдельные группы, соединенные друг с другом второстепенными поперечными цепями и возвышенными порогами. Первый массив, отделенный от Абруцц глубокою долиною Сангро, впадающею в Адриатическое море, вздымает свой острый гребень Мета над поясом деревьев. Далее к югу, по другую сторону долины Изерниа, где берет начало Вольтурно, группируются горы Матезе, заключающие в себе прекрасное озеро того же имени, над которым возвышается Милетто—последний оплот самнитской независимости. Далее к Беневенто и Авелино, возвышаются другие вершины, которые, хотя и не так высоки, но так же круты и величественны на вид: это горы с дикими ущельями, в которых во время древних войн происходили кровавые битвы. По дороге из Неаполя в Беневенто и теперь еще известны «Кавдинские ущелья», в которых попавшиеся в сеть римляне должны были смириться перед самнитянами и дать им обещания, которые ими не были сдержаны: дорога Куадарола и деревня, называемая Форкия Арпайя, и теперь еще напоминают это достопамятное событие. Эта горная область, за которой можно было бы оставить название её древних обитателей, владельцев Южной Италии, оканчивается на юге поперечною горною цепью, гребень которой, неров-

ный и изрезанный глубокими выемками, направляется с востока к западу, где оканчивается между двумя заливами: Неаполитанским и Салернским, мысом Кампанелла—древний мыс Минервы. Красивый остров Капри, с крутыми известковыми прибрежными скалами. в которые проникает лазурное море, принадлежит к этому же поперечному ряду самнитских гор.

С восточной стороны, различные неаполитанские массивы мелового происхождения, как и почти все южные Апеннины, и известные вообще под именем Мурджии, понижаются пологими склонами и последними своими отлогостями исчезают под глинистыми «столами» (*tavoliere*), отложенными морем в плиоценовую эпоху. Эти невысокие столы Апулии, во всех своих невозделанных частях, представляют, быть может, самые бесплодные и унылые места на всем Итальянском полуострове. Глубокия русла узеньких рек Адриатического склона делят эти равнины на параллельные террасы: все население сгруппировано в городах, при выходах долин, на пригорках, удобных для защиты, или на больших дорогах, а сама равнина представляет огромную пустыню, по которой бродят только кочующие пастухи. В этих больших равнинах нет даже кустарника, и самое крупное растение здесь—один вид укропа, из которого густые плетни означают границы между пастбищами. Местами, среди равнины возвышаются хижины, похожия на могилы или просто на груды камней. Но древние феодальные обычаи, препятствовавшие обработке этих местностей и обязывавшие горных жителей содержать чрез свои поля широкия дороги или *tratturi* для прохода овец, к счастию, исчезли, и вид «столов» с каждым годом изменяется все более и более.

Эти *tavolieri* отделяют собою от системы Апеннин полуостровную горную группу Монте-Гаргано, образующую собою именно то, что обыкновенно называют «шпорою» итальянского «сапога». Северные склоны этой отдельной горной группы, с дикими рвами, покрыты еще местами лесом буков и сосен, доставляющих лучшую смолу в Италии, кустами рожкового дерева, ежевики и других растений, с цветов которых пчелы собирают нежный мед. Но уже самое название высшей вершины, Монте-Кальво или Лысая гора, свидетельствует об уничтожении здесь лесов, как и почти на всем полуострове. На Монте-Гаргано, как в крепости, укрывались некогда сарацинские пираты, при чем с запада их защищал род рва, образуемого долиною Канделяро, составляющею продолжение нормальной линии итальянского берега. Здесь они могли долго бравировать христианским населением, хотя святыни, воздвигнутые на крутизнах Гаргано, принадлежат к числу самых уважаемых в католической Италии; церкви и монастыри заменили собою здесь древние языческие храмы, и с самого начала исторических времен туда стремится непрерывный поток богомольцев. Самое священное место—это церковь на горе С. Анджело (Св. Ангела), крутые склоны которой возвышаются к северу от залива Манфредонии. До развития мореплавания, моряки, оставлявшие безопасное убежище залива, не без боязни готовились огибать полуостров Гаргано и пускаться в море между окрестными рифами и островами, составляющими продолжение полуострова в открытом море к далматскому берегу, каковы Тремити, Цианоза, Пелагоза. По Неймайру, острова эти составляют, вместе с мысом Гаргано, остатки перешейка, соединявшего Далмацию с Италией.

На южной границе Неаполитанских Апеннин, к югу от долины Офанто, возвышается древний вулкан Вультур. Начиная с него, почва постепенно понижается и представляет не более, как изрытое рвами плоскогорье, с которого воды расходятся в трех направлениях: в западном по Селе—к Салерному заливу, в юго-восточном—Терентскому заливу и в северо-восточном к Адриатическому морю. Самый Апеннинский хребет, вовсе не раздваиваясь, как показано на старинных картах, совершенно прерывается порогом Потенца, и длинный полуостров, образующий «каблук» Италии, представляет только возвышения в виде террас с неопределенными очертаниями и холмы с продолговатыми однообразными вершинами.

Другой полуостров, Калабрия, напротив, горист и имеет весьма разнообразный вид. Апеннинский хребет здесь начинается снова к югу от Лагонегро и поднимается крутыми откосами выше пояса деревьев. Гора Поллино, которая господствует разом над двумя морями, Ионическим и Эолийским, выше Матезы и всех других неаполитанских вершин; группа,

центр которой она занимает, перерезывает полуостров во всю ширину, от одного моря до другого, и тянется по западному берегу стеною скал, которые круче и, по совершенному отсутствию дорог, неприступнее, чем в Лигурии. На юге группа эта представляет красивые ле-

Абруццкіе крестьяне.

систые долины, в которых жители собирают на стволах ясеней лекарственную манну, отправляемую отсюда во все страны света. Долина Крати ограничивает эту горную группу с юга и отделяет ее от другой, не столь высокой, но имеющей более широкое основание, гор-

ной группы Силы, гранитные и шиферные скалы которой гораздо древнее Апеннин и сохранили еще свою красу—большие еловые и сосновые леса, в которых прежде бродили разбойники, а еще ранее—белые рабы. Леса эти, доставившие местности название «Страны камеди», доставляли эллинам Великой Греции, а потом римлянам необходимый на постройку кораблей лес, да и теперь еще строительные верфи Италии получают отсюда большую часть дубового леса. В хорошее время года на прогалинах этих лесов пасутся стада, пастухи которых считаются частию потомками, занимавших некогда эту местность, сарацинов.

К югу от отдельной группы Силы развертывается полукругом широкий залив Сквилаче, против которого в Тирренском море открывается другая полукруглая бухта, Санта-Евфимиа, так что между двумя морями остается только узенький перешеек, занятый маленькими плоскогорьями, которые расположены в виде ступеней, и окаймленный древними прибрежными отмелями, отмечающими постепенное отступление моря. Но за этим порогом, который некоторые государи имели мысль прорыть морским каналом, возвышается третий массив, с основною из кристаллических горных пород, справедливо называемый Аспромонте, т.е. «дикой горой» (если только название её не греческого происхождения—Аспрос, т.е. «Белая», которое она могла получить за свой зимний снежный покров). Гора эта, представляющая огромную округлую вершину, едва разрезанную на отдельные горы, но изборожденную по всей её окружности красноватыми рвами, в которых по зимам катятся бешеные потоки, широко расходится в Ионическом море своими выступами и исчезает, наконец, в волнах, образуя мыс, известный у моряков под именем «Раздела ветров» (Спартивенто).

Высоты Неаполитанских Апеннин суть:

Мета 2.245 метров. Монте-Милетто (Матезе) 2.047 метров. Монте-Кальво (Гаргано) 1.570 метров. С. Анджело (мыс Кампанелла) 1.470 метров. Капри (Монте-Солара) 597 метров. Монте-Поллино 2.344 метров. Ла-Сила 1.787. Аспроменте 1.909 метров.

Но кроме различных, более или менее отдельных, горных групп, которые можно рассматривать как часть Апеннинской системы, Неаполитанская область, как и римские провинции, имеет свои вулканические горы. Они образуют два неправильные ряда: один на суше, другой в Тирренском море, и соединяются, вероятно, под землею с вулканами Липарских островов и горою Этною. Одна из этих гор, Везувий, представляет знаменитейший вулкан в целом мире, не потому, что он деятельнее или выше всех, но потому, что история его есть история целого народа, живущего среди его лав. Он изучен лучше всех вулканов, так как по своей непосредственной близости к Неаполю является геологической лабораторией, действующей на глазах Европы.

Едва вы успеете выйти из ущелья Гаэты и вступить в рай Терра-ди-Лаворо, как увидите первый вулкан Рокка Монфина, возвышающийся между двумя известковыми горными группами, из которых одна, Массико, замечательна превосходными винами, прославленными поэтом Горацием. Вулкан находится в покое уже с до-исторических времен,—по крайней мере нет ни одного достоверного рассказа о его извержениях; в богатую зелень его поломанного кратера доверчиво забралась деревушка, заменившая собою укрепленное место древних противников римлян—авронцев, хотя внешний вид горы во многих местах еще так же грозен, как будто на другой день после извержения. Главное жерло, окружающее трахитовый купол горы Санта-Кроче, возвышающейся почти на 1.000 метров, представляет один из обширнейших кратеров Италии и имеет не менее 4.600 метров ширины; неподалеку от него открываются два другие кратера, а несколько побочных вулканических конусов, торчащих на наружных склонах горы, образуют как бы ограду с куполом по средине. Почва Кампании, до неведомой глубины, состоит из пепла, выброшенного некогда кратером Рокка Монфина или в воздух, или на дно вышедших впоследствии из воды бухт. В южных частях Терры-ди-Лаворо эти туфы содержат в себе множество раковин, которые во всем похожи на раковины соседнего моря. Значит, вся эта страна поднялась из моря недавно.

Холмы, возвышающиеся на юге этой чудесной равнины не имеют величия Рокка Монфины, но их близость к морскому берегу и совершавшиеся там замечательные явления до-

ставили им знаменитость совсем другого рода: с самой глубокой древности они считались великим дивом на земле. Если смотреть на них с господствующих над Неаполем Камальдульских холмов, то эти «Флеграйские поля», украшенные зеленью и близостью моря, не кажутся нам областью ужасов, с тех пор, как мы узнали в мире места, несравненно более опустошенные лавами, места, в которых извержения причиняли гораздо более ужасные бедствия. Вулканы Явы, Сандвичевых островов, центральной Америки и Андских Кордильеров уменьшают в нашем воображении значение вулканов залива Бай; но столь различные явления этой небольшой вулканической области должны были особенно поражать первых грекоромансских насельников. Их ум не мог понять этих чудес, почему и приписал их богам;—это был для них порог подземного мира. Эта дрожащая земля, это пламя, выходящее из тайного горна, эти зияющие отверстия, сообщающиеся с неведомыми пространствами, эти то вдруг исчезающие, то наполняющиеся озера, эти пещеры, извергающие смертельные газы—все это в значительной мере вошло в их мифологию, в их поэзию и невольно дало начало множеству и наших представлений, сравнений и идей. Во времена Страбона берега залива Бай были местами сборищ сластолюбивого люда, и на всех мысах, на всех окрестных холмах были пышные виллы: вся местность была роскошным садом, который еще более красил удивительный вид моря и островов; но и тогда еще ходили рассказы об ужасных вещах, совершающихся в мире пещер, об огне, скрытом в глубинах. Там существовал грозный оракул, окруженный подземными людьми, мифическими киммерийцами, к которым должны были обращаться иноземцы, желавшие вопросить богов: эти люди—троглодиты, никогда не видали солнца и покидали свои подземелья только ночью. Рассказывали, что Флеграйские поля были театром больших битв между гигантами; быть может, это было воспоминание о тех битвах, которые происходили здесь за обладание плодородными землями Кампании. В средние века верующие считали Пуццоли местом, чрез которое Иисус Христос сходил в преисподнюю.

У этого горна или «пирифлегетона» древних было до двадцати кратеров, считая только те, целые или разрушенные края которых еще ясно приметны; но есть еще много таких, которые сгладили друг друга, втесняясь один в другой, перекрещиваясь друг с другом или громоздя одни стены на другие. Если бы посмотреть на них сверху, без украшающей их растительности, то местность приняла бы вид, подобный лунной поверхности, усеянной неравными воронками. Самый Неаполь построен в кратере неопределенных очертаний, сделавшихся еще неопределеннее, вследствие восходящего по его склонам амфитеатра построек, но на запад рассеяно множество резко очерченных вулканических ровиков, из которых один опирается снаружи на длинный мыс туфа, на котором находится будто бы могила Виргилия. Пройдя одно из древних «чудес мира», туннель Позилипо, вы очутитесь в области собственно Флеграйских полей. Налево, как крайняя граница этой кучи вулканов, возвышается правильный конус островка Низиты или Низиды, с глубоким кратером, вырез которого, Порто Павоне, открывает доступ водам открытого моря.

Больше всех их по величине и дольше всех сохранял свою деятельность бассейн Сольфатары, *Forum Vulcani* древних. Последнее его большое извержение было в 1198 г.; но он продолжает выдыхать еще некоторое количество паров сернистого водорода и разлагать свои скалы действием газов. Ночью, из сотни маленьких отверстий, в которых вырабатываются сера и сернокислые соли, вырывается неопределенный красноватый отблеск, и когда вы идете по почве кратера, то шаги ваши раздаются в пористой земле, представляющей бесчисленное множество пустот, микрофон обнаруживает там беспрестанный и сильный шум. Непосредственно к северу находится другая вулканическая площадь, наполненная зеленью крупных деревь и отражающею их водою,—это парк Астрони, круглые склоны которого до такой степени круты внутри, что составляют достаточный барьер для запирания там кабанов и козуль. Единственный проход в стене составляет искусственная брешь. Другой, менее правильный кратер заключает в себе большое глубокое пространство по временам кипящей воды—озеро Аньяно, которое, как полагают, образовалось в средние века. В окрестностях его, из знаменитой «Собачьей пещеры» течет источник угольной кислоты, посещаемый мно-

жеством иностранцев. Источники серной воды струятся из всех окрестных земель, чему и обязан Пуццоли своим названием, если правда, что слово это значит «Вонючий». Город, в свою очередь, дал свое название «пуццоланской» земле—размельченной водою лаве,—которая доставляет превосходный цемент, употреблявшийся в древности при постройке амфитеатров, храмов, вилл, молов и резервуаров. В Пуццоли заметны еще остатки плотины, к которой примыкал значительный мост Бай, построенный через залив Калигулой.

Берега Пуццольской бухты часто меняли свой уровень, хорошо известным доказательством чему служат три колонны храма Нептуна, называемого храмом Сераписа. После римской эпохи, может быть, во время какого-нибудь неупоминаемого в истории извержения, здание осело в воду вместе с берегом, на котором оно стояло; колонны его должны были купаться в море в течение многих лет или даже столетий, потому что на мраморных их стержнях, до высоты метров пяти с половиною, видны оболочки кольчецов и многочисленные дырки, просверленные камнеточцами. В другую эпоху, о которой летописи также умалчивают, храм снова поднялся из воды и при том с такою правильностью движения, что колоннада частию устояла. Все заставляет думать, что этот выступ из воды совершился в 1538 г., когда внутренняя лаборатория лавы и пепла выбросила«Новую Гору» (*Monte Nuovo*). На низкой равнине, составлявшей продолжение залива к северу, в четыре дня вырос огромный конус в 130 метров высоты и в несколько километров в окружности. Под пеплом погибла деревня Трипергола; старый берег поднялся в виде прибрежной скалы, а у подножья его образовался новый берег, называемый Старца, и две водные площади, находившиеся к западу от Монте-Нуово, перестав сообщаться с морем, приняли другую форму.

Ближайшею из них к заливу было знаменитое озеро Лукрин, которое так высоко ценилось любителями устриц; от моря отделяла его простая песчаная коса, разорванная одним естественным протоком, чрез который проходили небольшие суда; эта отмель, по преданию составляла плотину, построенную Геркулесом, когда он возвращался из Иберии, гоня перед собою стада Гериона. С Лукрином, посредством узкого пролива, соединялось озеро Авернское, из которого Виргилий, согласно старинным легендам, сделал вход в преисподнюю. Его прозрачные и богатые рыбою воды, глубиною до 120 метров, наполняют бывший кратер, который теперь не представляет ничего страшного и не испускает смертоносных газов: вопреки этимологии его названия, птицы свободно летают над озером и отдыхают на его берегах. Тем не менее, вокруг озерного кратера носятся еще классические воспоминания о языческом аде: болотистое пространство воды при Средиземном море, т.е. озеро Фузаро, сделалось Ахероном в устах *цицерон*; рядом с ним существует пещера Цербера; тихий ручей Мертвой Воды, протекающий из болота в море, представляет собой Коцит; озеро Лукрин, или скорее вытекающий из него источник,—Стикс; искусственный грот, остаток прорытой древними от озера Авернского к морю подземной дороги—пещера Сивиллы. Жители Кум, древнего халкидского города, кое-какие остатки которого еще заметны на берегу Средиземного моря, между озерами Патрия и Фузаро, принесли в новую родину мифы Эллады, которыми овладела поэзия и заставила эти мифы дожить до наших дней.

Для контраста Тартару нужны были и Елисейские поля,—и действительно, этим именем названа часть полуострова Байи, где сластолюбивые римляне устроили самое очаровательное местечко в свете: все вельможи имели здесь свои виллы; Марий, Помпей, Цезарь, Август, Тиверий, Клавдий, Агрипина, Нерон, имели здесь резиденцию, и дворцы их бывали театром страшных трагедий. От всех этих зданий ныне остаются только развалины, наполовину обвалившиеся в воду. Природа взяла верх, и единственные достопримечательности этого полуострова, кроме устричных садков на озере Фузаро, составляют холмы туфа и кратеры. Конечный мыс, знаменитый мыс Мизенский, представляет один из древних вулканов и прежде составлял часть гораздо более значительной вулканической группы, заключавшей в себе прелестный островок Прочиду, отделяющийся от берега каналом менее восемнадцати метров глубины. С Мизенского мыса можно созерцать один из самых роскошных видов на земном шаре; отсюда виден весь чудесный Неаполитанский залив, этот «кусочек неба, упав-

ший на землю». В дивной раме, образуемой и морем, и Апеннинами, развертываются перед вами: веселая Иския, грозный Капри, синеющий вдали мыс Сорренто, Везувий с двойной оградой, цепь городов, белеющих вокруг залива, спускающиеся по склонам дома Неаполя, Паузилиппе, Низида и плодородные равнины Кампании.

Остров Прочида соединяет группу Флеграйских полей с цепью островных вулканов, которая тянется в открытом море от Гаэтского залива. Важнейший из этих островов—Иския, почти соперница Везувия по видимой высоте своего вулкана Эпомео, окруженного десятью или двенадцатью побочными конусами, в которых происходили боковые извержения несколько раз уже в исторические времена. В 1302 г. было большее извержение, в которое трещина извергала такую густую лаву, что на ней до сих пор нет никакой растительности. Замечено, что Везувий покоился тогда два столетия, и как только снова начались его извержения, то, как бы в силу чередования вулканической деятельности, успокоился в свою очередь Эпомео. Точно также, когда выступила из земли Новая Гора, большой неаполитанский вулкан впал снова в состояние сна, продолжавшагося сто тридцать лет. Существует или нет эта предполагаемая поочередность в движении подземных лав, но остров Иския спокоен уже пять с половиною веков, и естественным исходом для вырабатываемых в его глубинах газов служат десятка четыре горячих источников, около которых произрастает один вид южноамериканского папоротника, не встречающийся нигде в остальной Европе. Эти источники, вместе с чистым воздухом и красотою острова, способствуют увеличению с каждым годом притока посетителей, но в 1883 г. ужасное землетрясение разрушило большую часть города Казамичиолы: 3.075 человек было убито и до 800 раненых вынуто из-под обломков. Думают, что образовалась глубокая расщелина по прямой линии от центра Эпомео к берегам Казамичиолы. Быть может, это и так, но землетрясение с такою же вероятностью можно объяснить растворяющим действием источников на горные породы.

Островная масса поднялась несомненно уже в новейшую геологическую эпоху, так как её трахитовые лавы покоятся в многих местах на глине и мергеле, содержащих в себе раковины, которые похожи на живущие еще и ныне в Средиземном море. Такия же явления замечаются на берегах Пуццоли и Сорренто; но поднятие острова Искии было повидимому гораздо значительнее, так как здесь можно распознать свежие следы раковин на высоте до 600 метров. Но, поднявшись от повышения морского дна, ныне Иския уменьшается вследствие размывания волнами туфовых оснований её мысов. То же самое делается и с другими вулканическими островами, ряд которых продолжается к северо-западу. Вентотене, древняя Пандатария, служившая местом ссылки римских принцесс, представляет дикую трахитовую скалу, сохранившую на себе только нечто в роде шапки из шлака и пеплу. Все же остальное снесено водою, и два острова, Вентотене и Сан-Стефано, бывшие прежде частями одного вулкана, сделались двумя отдельными островами. Понца, другое ссылочное место римских времен, также была, вместе с двумя соседними островами, Пальмаролою и Цанноне, обрывком разрушенного некогда волнами вулканического вала. Но вулкан этот опирался на известковые массы, как и соседний материк, потому что восточная оконечность Цанноны состоит из юрской скалы, совершенно похожей на Монте-Чирчелло, возвышающуюся на римском берегу, как раз против последнего острова.

Везувий, дорогая и в то же время страшная, для неаполитанцев гора, также был в доисторические времена вулканическим островом: морские раковины, смешанные с туфом Монте-Соммы, доказывают, что эта часть вулкана была некогда погружена в воду, а со стороны суши гора и теперь еще окружена низкими равнинами, составляющими продолжение водного моря в виде моря зелени. Известно, как эта мирная гора, покрытая прежде богатейшими нивами, доходившими до самой её чернеющей вершины, обнаружила внезапным взрывом дремавшую в её глубинах ужасную силу. Скоро уже восемнадцать веков, как поднятый внезапно купол Везувия обращен был в порошок и взброшен в пространство. Туча пепла, извергнутого в воздушное пространство, покрыла всю страну густым мраком, солнце померкло даже в Риме; казалось, наступала на земле вечная ночь. Когда небо, наконец,

немного прояснилось, все было неузнаваемо: гора потеряла свою форму, все нивы исчезли под слоем обломков, и целые города оказались погребенными со всем неуспевшим бежать населением; их отыскали только в наше время.

После этого ужасного события Везувий—*formidable monte sterminator* («грозная гора разрушитель»), как называл его Петрарка,—часто извергал лаву и пепел; в 472 году случилось даже, что пепел переносился ветром в Константинополь, на расстояние 1.600 километров. В этих различных пароксизмах никогда не замечалось периодичности: Везувий покоился иногда так долго, что успевали вырастить леса, которые доходили до самых краев кратера; но с конца семнадцатого столетия извержения стали чаще: не проходит даже десятилетия, чтобы не было одного или двух извержений. Каждое из них видоизменяет профиль горы: большой конечный конус то имеет самую правильную форму, то перерезывается брешами на две или на три отдельные пирамиды, то в нем один простой кратер, на дне которого клокочет лава, то он усеян озерами или бугорками извержения, или получает огромное жерло, закраины которого как бы вложены одна в другую или перекрещиваются различным образом. Высота горы изменяется, также, как и её форма, и самые точные измерения при последовательных извержениях показывают различные высоты, хотя все они вероятно уступают высоте Соммы до её большего извержения 79 года. Разрушенный остаток вала, окружающего полумесяцем древний кратер, называемый Атрио дель Кавалло, заставляет предполагать, что вулкан был прежде гораздо значительнее. Все эти великие перевороты сопровождались внутренними переменами в составе и в свойстве газов. Благодаря близости Неаполя, известны все эти различные фазисы вулканической деятельности. *Летописи* Везувия, в которых подробно описаны все эти явления, уже настолько богаты, что могут служить для сравнительной истории всех вулканов, а обсерватория, построенная на склонах конуса и окружаемая иногда огненными волнами лавы, дает ученым возможность изучать извержения в самом их источнике.

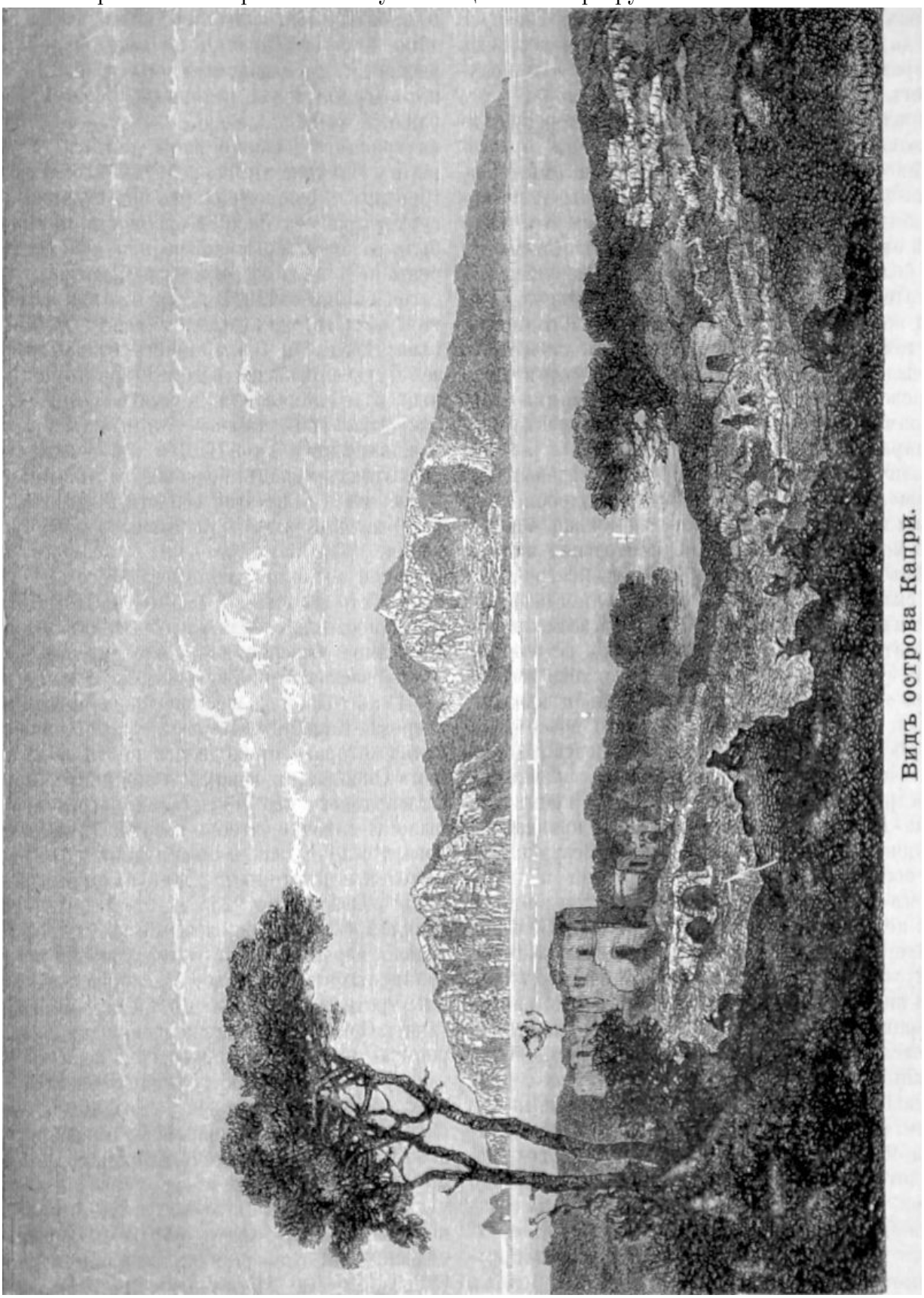
Везувий, как и все другие вулканы, имеет свой округ горячих источников и выходящих из земли паров, но у него вовсе нет второстепенных конусов. От Везувия до самого центра и даже до восточного склона полуострова, нет ни одного вулкана, кроме вулкана Вультур. Эта отдельная и правильная коническая масса больше самого Везувия; она превосходит его высотою вершины и диаметром основания, но в исторические времена из неё, кажется, не было извержений. Большой кратер её, открытый с северного бока горы, испускает только небольшое количество угольной кислоты при берегах двух озер, наполняющих дно воронки. Гора Вультур возвышается на продолжении линии, проведенной от Искии к Везувию, и на этой же самой линии, на половине пути между двумя большими горами, Везувием и Вультуром, находится самый обильный в Италии источник угольной кислоты, которая исходит из маленького озера, или скорее лужи, Ансато, т.е. «Безвоздушной», названной так вследствие её негодных для дыхания газов. Струя кислоты вырывается из расщелины с резким шумом кузнечного горна; вокруг вся земля покрыта остатками насекомых, которые погибали мгновенно, попав в область смертоносного газа. На берегу озера римляне воздвигли храм «Юноны Мефитийской».

Высоты неаполитанских вулканов:

Везувий 1.250 метр.; Эпомео 768 метр.; Вультур 1.328 метр.; Монте-Нуово 134 метр.: Камальдула 158 метр.: Рокка-Монфина 1.006 метр.

Как ни ужасны бедствия, причиняемые в Южной Италии вулканическими извержениями лавы и пепла, но они не так велики, как несчастия, производимые землетрясениями. Некоторые из этих роковых сотрясений составляют, очевидно, непосредственное следствие внутреннего движения лавы; так, когда Везувий в действии, то Терредель-Греко и другим городам, расположенным при подошве горы, грозит разом двоякая опасность: они могут быть разом стерты лавою или скорее погребены под пеплом, и могут быть разрушены сотрясениями земли. Но Базиликата и Калабрия, т.е. области, находящиеся между двумя очагами Везувия и Этны, кроме вулканических землетрясений, испытывали не раз еще ужасные колеба-

ния земли, причина которых неизвестна. Из тысячи землетрясений, наблюдавшихся в Южной Италии в течение трех последних веков, большая часть обнаруживалась именно в этой области и при том некоторые из них с ужасающею силою разрушения.



Видъ острова Капри.

Самая недавняя катастрофа этого рода, имевшая место в декабре 1857 г. в Потенце и её окрестностях, стоила жизни 10.000 человек. Но самое ужасное из землетрясений, о которых рассказывает история, было землетрясение 1783 года, поколебавшее оконечность полуостро-

ва Калабрии. Первый удар, начальная точка которого приходилась почти под городом Оппидо, в горах Аспромонте, продолжался только сто секунд, но этого времени было достаточно, чтобы разрушить 109 городов и селений, заключающих в себе 166.000 жителей, из которых 32.000 были раздавлены под развалинами. В этом бедствии много значило местное расположение земель. Действительно, изрытые скаты, опирающиеся на бока гранитных гор Задней Калабрии, составлены из третичных формаций, песку, мергеля и глины. Сотрясения, направляющиеся через одаренную некоторой упругостью, хотя и очень твердую скалу, распространялись без внезапных скачков, но, дойдя до рыхлых земель, они вдруг приостановились, движение путалось, изменяло направление, и происходили большие обвалы; обрушившиеся мергель и глина увлекали за собой нивы и здания, стоящие на поверхности, и, таким образом, сотрясения относительно слабые, как в равнине Сан-Сальвадор в Америке, оканчивались ужасными разрушениями. Такова причина этих странных расщелин и разрывов почвы, которым так удивляются ученые, и рисунки которых приводятся во всех геологических сочинениях. В некоторых местах земля была искрещена трещинами, как разбитое стекло, и щели эти имели недосягаемую для глаза глубину; ручьи низвергались в них и появлялись в других местах в виде озер; разжиженный мергель тек по склонам, как поток лавы, затопляя дома и покрывая поля своим бесплодным слоем. Развалины, перемены уровня земли и зияющие расселины сделали многие местности почти неузнаваемыми. Ко всем этим бедствиям от обвалов присоединяются бедствия, причиняемые сотрясениями моря. Большая часть населения Сциллы, боясь оставаться на колеблющемся берегу, спаслась на судах, но вдруг обрушилась в воду громадная масса земли, оторвавшейся от ближайшей горы—и волна ударилась в берег уже с остатками изломанных судов. Затем наступил голод, вследствие недостатка провизии, и естественное последствие подобных бедствий—тиф.

Если невозможно предвидеть землетрясения и потому предохранить себя от них иначе, как более разумным устройством домов, то по крайней мере существует еще причина нищеты и обезлюдения, которую могут устранить жители Неаполитанской области так, как удавалось это их предкам. Во времена греков, прибрежные болота были, несомненно, далеко не так многочисленны, как ныне; но войны и возвращение населения к состоянию варварства нарушили порядок распределения вод и, следовательно, испортили самый климат. Байя, место по преимуществу здоровое, дачный город падких к наслаждениям римлян, сделался ныне гнездом лихорадки. Точно также древний Сибарис, город роскоши и удовольствий, заменился лужами равнины лихорадок (Febbrosa) «гнилою землею, которая пожирает людей больше, чем может прокармливать их». Болотные миазмы составляют тот бич, который, вместе с нищетою и невежеством, пожирает жителей Апулии, Базиликаты и Калабрии. Азиятские болезни, как элефантиазис и даже проказа, также опустошают население, которому плодородием почвы и превосходством природного климата было предназначено большое благосостояние.

Действительно, неаполитанские страны, названные так удачно «континентальною Сицилиею» во времена господства норманнов, основавших королевства двух Сицилий, представляют счастливую область. Западный склон, орошаемый достаточным количеством ежегодных дождей, мог бы в особенности сделаться громадным садом, как сделались уже садами некоторые его прибрежные места: Сорренто, Салерно и Реджио. Средняя температура в Неаполе полутропическая: зимою она не бывает ни на один градус ниже средней годовой температуры Парижа. Снег выпадает здесь очень редко и только на вершинах гор иногда лежит по целым неделям и месяцам. В плодовых садах на берегу моря растительность совмещает в себе все южное богатство: апельсинные и лимонные деревья, покрытые прекраснейшими плодами, выростают здесь до полных, больших размеров; финиковые пальмы, группируясь в рощи, развертывают здесь свои веерные листья, а иногда, как например в Реджио, приносят зрелые плоды: американская агава вздымает свои высокие листья, идущие сверху как на капителях колонн; сахарный тростник, хлопчатник и другие промышленные растения, которые в остальной Европе редко выставляются из оранжерей, живут здесь в полях на полной свободе. Что касается маслины, дерева, свойственного по преимуществу берегам Средизем-

ного моря, то в Калабрии оно растет целыми прекрасными лесами, которые так же тенисты, как наши буковые рощи. Даже скала, едва посыпанная растительною землею и не имеющая повидимому никакой влажности, обладает большим плодородием; на террасах многих мысов с вертикальными утесами, разведены виноградные и фруктовые сады, приносящие превосходные плоды. Вместе с Сицилией, Андалузией, некоторыми местностями Греции и Малой Азии, Неаполитанская область представляет по истине идеал умеренно-теплого пояса. Только некоторые степи адриатического склона и высокие долины Апеннин напоминают центр Европы и составляют противоположность великолепию прибрежной растительности.

Климатические данные для Неаполя из наблюдений 1866-1882 гг. суть следующие:

Наивысшая температура +40°. Наименьшая температура -5°. Средняя годовая -15°.9. Годовое количество дождя 0м,824.

Эта дивная страна населена народом весьма различного происхождения. Не восходя ко временам доисторическим, мы находим самые разнообразные элементы в племенах, смешавшихся для образования нынешних неаполитанцев.

Две тысячи триста лет тому назад не только Апеннины, но и все пространство в ширину полуострова от одного моря до другого занимали самниты. Будучи многочисленнее римлян, владея более обширными землями, они сделались бы завоевателями Италии, если бы обладали связью, духом организации и дисциплиною, составлявшими силу их противников. Но, разделяясь на пять отдельных групп, говоря пятью различными наречиями, они не представляли достаточно определенной национальной индивидуальности. Самниты гор враждовали с своими братьями равнины: самниты, сохранившие свои варварские древние нравы, вели открытую войну с эллинизованными самнитами, жившими в соседстве прибрежных греческих городов.

Все южные берега Итальянского полуострова, от древнего города Кум, основанного более чем за тысячу лет до нашей эры купцами из Малой Азии, до Сипунтума, от которого теперь остались только кое-какие развалины, к югу от новой Манфредонии,—были окаймлены греческими городами. Основа населения в этих местах Южной Италии сильно отличается от населений других частей полуострова. К северу от Монте-Гаргано, господствовали кельтский, этрусский и латинский элементы, между тем как в южных частях преобладали повидимому эллины, пелазги и союзные с ними племена. Не только цивилизованные греки, ионийцы и дорийцы, основывали здесь достаточно колоний для образования «Великой Греции», но и сами туземцы, варвары, япиги, говорили языком, который, как полагают, был весьма близок к языку эллинскому: быть может, и основательна гипотеза Моммзена, который видит в них потомков племен того же происхождения, как и албанцы противуположного берега Адриатического моря: во всяком случае, они были родственны грекам по крови, и это родство способствовало быстрой эллинизации народа.

Впоследствии, все южане Италии, потомки япигов и греков, должны были преклониться пред всемогуществом Рима и принимать к себе его ветеранов и колонистов, но никогда они вполне не латинизировались. Они дали Риму почти всех его первых писателей и поэтов: Андроника, Энния, Невия, но все-таки с трудом говорили на языке победителей. После падения Римской империи, власть константинопольских Цезарей, которая еще долго могла держаться в Южной Италии, вновь доставила там греческому языку значение языка господствующего, а затем мало-по-малу взяли верх латинизованные наречия. Но само невежество и варварство, в которое снова впали жители полугреческих стран, не позволили им примениться к окружавшей их новой среде, они сохранили частию свой язык и свои нравы, и еще в наше время многие местности южных провинций кажутся итальянскими только по виду—и теперь еще указывают на восемь деревень Отрантской области, в которых говорят на пелопоннезско-эллинском наречии, но жители их, вероятно,—потомки средневековых беглецов. Не даром, конечно, Тирренское море сохраняет все-таки название Ионического. И города Неаполь или Наполи, Никестро, Тарент, Галлиполи, Монополи, сохраняя свои звучные гре-

ческие названия, сохранили и в своем населении такия черты, которые напоминают времена Великой Греции.

Из всех неаполитанских городов употребление греческого языка держалось, повидимому, всего долее в Реджио или «Городе пролива» (прорыва): патриции города, которые хвалятся своею чистою ионийскою кровью, еще в конце предшествовавшего века объяснялись, говорят, на языке своих предков. Во многих внутренних деревня, где древних нравов не изменили ни торговые, ни военные нашествия, греческий язык был также недавно местным наречием, и песни, собранные в Бове, местечке, расположенном близ южной оконечности Италии, представляют прекрасное ионийское наречие, которое приближается больше к языку Ксенофонта, чем к новогреческому. В Роккофорте дель Греко, в Кондофури и Кардето все крестьяне недавно еще говорили по-гречески, иногда являлись на суд в качестве свидетелей или обвиняемых, то судьи должны были приглашать переводчиков. Ныне же все молодые люди говорят по-итальянски, и родной язык забыт, хотя древний тип еще сохранился. В Кардето и мужчины, и женщины отличаются замечательною красотою: «здесь все Минервы», говорит историк страны. Главное занятие и источник благосостояния в их селении—это служить кормилицами у реджийских буржуа. Женщины Баньяры, между Сциллою и Пальми, точно также отличаются удивительною красотою, которая вошла в пословицу, но тип у них несколько суровый, что составляет, как думают, черту арабского происхождения: в лице их нет благородной кроткости греческого лица.

Рассказывают, что женщины эллинских селений в Калабриях часто исполняют один священный танец, который длится по целым часам и совершенно похож на танец, изображаемый на древних вазах: только они пляшут перед церковью, а не перед языческим храмом, по благословению священника. На похоронах, покойника провожают плакальщицы, которые испускают вопли и тщательно собирают свои слезы в слезницы. В иных местах, например в окрестностях Тарента, дети посвящают свои волосы душам умерших родственников. С древними нравами сохранилась, конечно, и древняя мораль. Женщина считается существом низшим относительно мужчины, и положение её в этой части Великой Греции в течение двух тысяч лет почти не изменилось. Даже в Реджио жены буржуа и благородных, сообразуясь с преданием, живут в гинекеях, в театр вовсе не ходят, из дому выходят редко и гуляют в сопровождении не мужей, а босоногих горничных.

К самнитским, япигским и греческим элементам, составившим главную массу населения Южной Италии, надо присоединить еще этруссков Кампании, сарацин, поселившихся на полуострове Гаргано, а также людей, которые считаются их потомками в Кампании, в Реджио, в Баньяре и во многих других прибрежных городах; потом ломбардов Беневента, которые еще восемьсот лет тому назад говорили на своём языке; норманнов, дети которых теперь пасут скот в горах; французов, господствовавших некоторое время в стране, когда ею владели государи из Анжуйского дома; наконец, испанцев, встречающихся во многих прибрежных городах, особенно в Бардетте, в Апулии. Из всех иноземцев, поселившихся в Южной Италии, самый значительный контингент в последние века составляли, вероятно, албанцы, которых много на всем восточном склоне полуострова, от мыса Гаргано до оконечности Калабрии. Один из их кланов основался в Италии в 1440 г., но большое переселение совершилось во второй половине пятнадцатого века, после геройской борьбы, выдержанной Скандербегом; побежденные шкипетары не имели тогда никакого иного средства для избежания мусульманского ига, кроме выселения из отечества. Неаполитанские короли, довольные тем, что могли принять в свою армию столь храбрых солдат, уступили албанским семействам многие разоренные деревни и необработанные земли, которые теперь принадлежат к числу наилучше возделанных мест Южной Италии. Потомки шкипетаров, поселившиеся большею частию в Базиликате и Калабрии, принадлежат к числу самых полезных граждан Италии: они стояли во главе интеллектуального движения в бывшем Неаполитанском королевстве и, когда дело дошло до освобождения его от Бурбонов, были в числе первых в освободительной армии Гарибальди. Множество албанцев совершенно итальянизировались, но

еще в пятидесятых годах насчитывали более 80.000 человек, которые не забыли ни своего происхождения, ни языка.

Какова бы ни была доля участия различных этнических элементов в составлении неаполитанского народонаселения, не подлежит никакому сомнению, что народ этот самый красивый в Европе. Калабрийцы, горцы Молизы, поселяне Базиликаты имеют прекрасное телосложение, прекрасную осанку и столько гибкости в членах и живости в походке, что и не приходит в голову упрекать их за их небольшой, по сравнению с северными народами, рост. Вы не замечаете также и того, что у многих неаполитанских женщин черты лица не совсем правильны,—так подвижна и выразительна их физиономия. Лица детей, с большими черными глазами и изящно сформированным ртом, блестят живым умом, хотя пошлость нищенской жизни, на которую осуждена большая часть их, заставляет наконец потухать этот взгляд и придает лицу вульгарное выражение. Но страшное невежество, тяготеющее над народом, не мешает ему быть прекрасно одаренным от природы. Страна, в которой было столько великих людей, начиная с почти мифических времен Пифагора, не может быть ниже никакой другой по природному гению своего населения. Её философы, историки, юристы имели могучее влияние на движение человеческой мысли; число первостепенных музыкантов, доставленное ею миру, также относительно весьма значительно. Неаполитанцам свойственно было воспевать природу и жизнь.

И однако же большинство жителей Южной Италии во многих отношениях занимает еще последнее место между европейцами. Со времен свободных эллинских городов, времен подобных периоду, который переживали в другом цикле истории республики Северной Италии, страна никогда не принадлежала сама себе—она только меняла господ: все завоеватели поочередно опустошали ее или систематически притесняли. За исключением Амальфи, ни один неаполитанский город не имел счастия управляться долго сам собою, как это делали многие города Северной Италии. Географическое положение страны, занимаемой Великою Грециею, ставило ее в особенно опасное положение; находясь в центре Средиземного моря, она была на пути всех пиратов и завоевателей: сарацин или норманнов, испанцев или французов, а отсутствие всякой естественной связи между различными областями страны не позволяло населениям противустоять им. Юг Италии не имеет большего речного басейна, как Ломбардия, Тоскана, Умбрия и Рим, он не имеет, так сказать, центра тяжести и разбегается во все стороны по отдельным склонам. Этот недостаток географического единства отнимал у страны политическую индивидуальность и заранее передавал ее чужеземцу.

Политическое правление, под которым жило неаполитанское население, недавно еще было одним из самых унизительных, почему всякое свободное стремление должно было заглохнуть. «Моему народу нет надобности думать!» писал неаполитанский король Фердинанд II. Всякая мысль, всякое слово, запрещенные цензурою из страха или из невежества, считались преступлением и наказывались с величайшею жестокостью. Никакого не было права, кроме нищенства и нравственного растления! Наука должна была уничижаться, история должна была скрываться в археологических катакомбах, остаток литературной жизни мог держаться только своею испорченностью и мелочностью; немного было неаполитанцев, которые, не прибегая к эмиграции, добивались силою энергии места в ряду знаменитых людей Италии. Вне больших городов школы были почти неизвестны и везде состояли под бдительным надзором полиции: на людей, умевших читать и писать, смотрели дурно, и чтобы не быть обвиненными в принадлежности к какому-нибудь тайному обществу, эти люди должны были прибегать к лицемерию. Старые предразсудки сохраняли все свое владычество, и масса народа, по обрядам своим все еще япигская и греческая, т.е. языческая, предавалась настоящим галлюцинациям в веровании своем в мир духов: она стояла в этом отношении не выше далматских морлаков и албанцев. Известно, с каким идолопоклонническим неистовством население Неаполя и теперь еще кидается на землю перед статуею св. Януария и какими оскорблениями осыпает его, когда он опаздывает источать свою чудесную кровь. То же самое и в других неаполитанских городах: в каждом из них есть свой обожаемый патрон,

или скорее свой бог; но если этот бог не покровительствует народу, его унижают, как врага. Еще в 1858 году калабрийские поселяне, раздраженные продолжительною засухою, сажали своих уважаемых святых в тюрьму. Около того же времени, Барлетта в Апулии имел плачевную честь быть последним городом в Европе, где сжигались протестанты, и составил таким образом продолжение традиций о резне, оставленных истребителями ваатландцев Калабрии. Но, если жители столицы и суеверны, то, по крайней мере их нельзя упрекнуть в агрессивном фанатизме; неаполитанцы с успехом возмутились против Карла V, который хотел было ввести у них инквизицию.

Еще в 1868 г. число венчавшихся, не умевших подписать свое имя, было следующее: Кампания, провинция наиболее образованная, мужчин 69 из 100, женщин 88 из 100. Базиликата, наименее образованная, мужчин 85 из 100, женщин 96 из 100.

Один из главных предразсудков неаполитанцев—это вера в «дурной глаз». Несчастный, которого судьба наградила крючковатым носом и большими круглыми глазами, считается разносителем порчи, *jettatore*, и, как бы он ни был честен, его всякий избегает, как существа рокового. Если кто-нибудь, по несчастию, подпадает под гибельное влияние его глаза, должен поспешить сделать ему рога или оградить себя силою какого-нибудь амулета, в роде *fascinum* древних; коралловые талисманы особенно сильны, и многие, отрицающие их силу, первые пользуются ими. Что касается калабрийских поселян, то большая часть их носят под рубашкою изображения святых, покрывая ими всю грудь, как щитом. Домашния животные и дома должны быть также защищаемы силою священных предметов и домашних богов. В Реджио почти все дома защищены от пагубных влияний одним видом кактуса, который ставится около дверей или на балконе—и известен во всей стране под именем *albero dei mal'occhio*,—«дерево от дурного глаза».

После суеверия, один из главных бичей Южной Италии—разбойничество. Имя Калабрии тотчас же возбуждает в уме представление об убийствах и вооруженных схватках; при разговорах об этой стране тотчас же приходят в голову бандиты, шляющиеся в горах в живописном костюме, с винтовкой в руке. К несчастию, «калабрийский разбойник» не простой миф, фигурирующий только в драмах и операх—он существует на самом деле, и ни перемены в политическом управлении, ни строгость законов, ни даже организованная столько раз охота на человека не могли совершенно уничтожить его.

Но не месть, как в Сардинии и Корсике, а почти всегда крайняя бедность заставляет калабрийского крестьянина браться за оружие. В этой стране, где феодализм отменен только юридически, а в действительности тем не менее существует, вся земля скуплена немногими крупными землевладельцами, и, следовательно, крестьянин, или *cafone*, осужден жить обременительным и плохо оплачиваемым трудом, даже крестьяне-арендаторы не уверены в завтрашнем дне, так как всегда могут быть прогнаны с фермы по капризу владельца или его представителя, *fattore*. В урожайные годы, когда ржи, каштанов и вина довольно на содержание его и его семейства, поселянин работает без жалоб, но как только начинает чувствоваться недостаток, тотчас же появляются и разбойники. Соединяясь против общего врага, феодального собственника, *диалано*, они поджигают его дом, крадут скот, хватают, если можно, его самого, и выпускают только за крупный выкуп. Некоторые из этих бандитов делаются наконец дикими зверями, жаждущими крови; но пока только они ограничиваются своею первою ролью, ролью «защитников угнетенных», они могут рассчитывать на сообщничество других крестьян: горные пастухи приносят им молока, провизии, предупреждают их об опасности и обманывают преследующих их карабинеров. Все бедняки на их стороне, все отказываются доносить и свидетельствовать против них. Большая часть весьма добросовестных, по-своему, неаполитанских разбойников отличается чрезвычайною набожностью: они дают обеты Богородице и своему специальному патрону, обещают часть добычи и, в случае удачи, действительно приносят ее набожно к алтарю. Говорят, что многие из них, не довольствуясь покрывающими их тело амулетами, делают на руке надрез и вводят туда частицу св. даров, сообщая таким образом смертельную силу всякой пуле своего ружья.

Крайняя нищета поселян Южной Италии породила еще более ужасный обычай, чем разбои, а именно—торговлю детьми. В неаполитанских горах семьи многочисленны; но смертность между новорожденными чрезвычайно сильна, и тысячи их предоставляются общественной благотворительности или беспечности. Кроме того, по деревням, особенно в Базиликате, шляются иностранные промышленники, христиане и евреи, которые за какой-нибудь жалкий кусок покупают у голодных родителей их мальчиков и девочек; чем дитя красивее и умнее, тем больше оно имеет шансов попасть к торговцу человеческим мясом. Последний, хотя ему и угрожают законы, чувствуя себя под покровительством обычая и гнусных сообщников, перевозит свой живой товар во Францию, в Англию, в Германию, даже в Соединенные Штаты, чтобы сделать из детей акробатов, шарманщиков, уличных певцов или просто нищих. В этой постыдной торговле рассчитано все: предприниматели знают наперед, сколько им будет стоить перевозка и смертность, сколько принесут им труд и порочность их маленьких невольников. Местечко Виджиано в Базиликате специально эксплоатируется ими, так как жители его отличаются способностью к музыке: все играют на каком-нибудь инструменте с замечательным природным вкусом.

Добровольное переселение также начинает все более и более усиливаться, и если бы правительство не приняло мер против уклонения молодых людей от конскрипции, то некоторые местности быстро обезлюдели бы на пользу Южной Америки, и остались бы только самые бедные поселяне. Но каковы бы ни были препятствия, эмиграционное движение стало уже весьма важным отвлекающим средством против разбойничьих нравов и, благодаря устанавливаемым им новым отношениям между двумя полушариями, оно, лучше всех оффициальных мер, послужит к умственному и нравственному обновлению этого грубого населения. Впрочем, дороги, проводимые со всех сторон в горную часть Неаполитанской области, железные дороги побережья и усиление промышленности близ больших городов неминуемо должны уподобить постепенно Южную Италию другим провинциям полуострова и остальной Европы. Это вовсе не будет, конечно, средством устранения нищеты, но, перемещаясь, она примет только другую форму: разбои и торговля детьми прекратятся, но, увы! их заменит рабочий пролетариат.

В настоящее время неаполитанские провинции представляют почта исключительно страну скотоводства и хлебопашества. *Tavolieri* Апулии и возвышающиеся над ними горы большею частию представляют еще, как мы видели, места пастбищ и выгонов скота; недавно еще пастухи Абруцц должны были каждую зиму спускаться в Апулию и нанимать пастбища по старым феодальным обычаям. Теперь этого уже нет, так как скотоводство заменяется культурой, и в Апулии число овец с 5.000.000 голов упало на 500.000. Как и во времена Рима, земли Неаполитанской области производят в особенности зерновые хлеба, оливковое масло, вина, и, кроме того, там культивируют табак, хлопчатник, марену и некоторые другие промышленные растения. При сколько-нибудь заботливой культуре, все эти продукты достигают редкой степени совершенства; масла Апулии требуются все больше и больше и начинают конкуррировать с маслами Прованса. Что касается вин, то вина, производимые на шлаках Везувия, всегда пользовались величайшею славой, и к известным уже сортам прибавились новые: так, фалернское Горация, получаемое на Флеграйских полях, на склонах Монте-Барбаро, которое прежде едва можно было пить, ныне оспаривает первенство у лакрима-кристи с Везувия и у белого вина с острова Капри. Провинция Отранто, еще недавно не имевшая виноградников, уже производит теперь значительное количество вин, употребляемых для купажа.

Так как в производстве земледельческих продуктов участвует почта исключительно только прибрежный пояс, то неаполитанская торговля, относительно впрочем весьма слабая, производится почти единственно морским путем; простые же и железные дороги принимают в торговом движении весьма незначительное участие. Внутренния земли, обработываемые еще первобытными способами, в большей же части своего пространства и совсем необработываемые, доставляют торговому движению лишь незначительное количество продуктов, а

почти полное отсутствие металлических руд делает эту часть Апеннин непривлекательною для заселения извне. По торговле, равно как по географическому рельефу и по историческому развитию, Южная Италия совершенно лишена естественного центра и живет только своими окраинами. Но эта странная противуположность между прибрежным поясом и внутренностью страны, при распространении торговли и обмена идей, должна неминуемо сгладиться в недалеком будущем.

Так как жизнь Южной Италии была существенно эксцентрической и приморской, то, натурально, на берегу моря и основались её самые богатые и многолюдные города. Две тысячи пятьсот лет тому назад, когда цивилизация шла из Греции, а Западная Европа была еще населена варварами, самые значительные города находились на берегах Ионического моря; но когда властелином Италии и всего известного мира сделался Рим. Великая Греция должна была, так сказать, сделать поворот кругом, и Сибарису и Таренту наследовал Неаполь. С этого времени он всегда сохранял свое преобладание, так как обращен не только к Риму, но также к Испании, Франции и Англии, одним словом,—к Западной Европе. Такова была, независимо от лютости завоевателей, причина, заставившая корабли покинуть прекрасный Тарентский порт и допустившая порости травою и лишаями развалины некогда самого большого города Италии—Сибариса. Эти два города были, однако расположены необыкновенно счастливо, на внутренних углах обширного залива; но непреодолимый поток истории, пройдя по ним, оставил их далеко за собою, как обломки разбитого корабля!

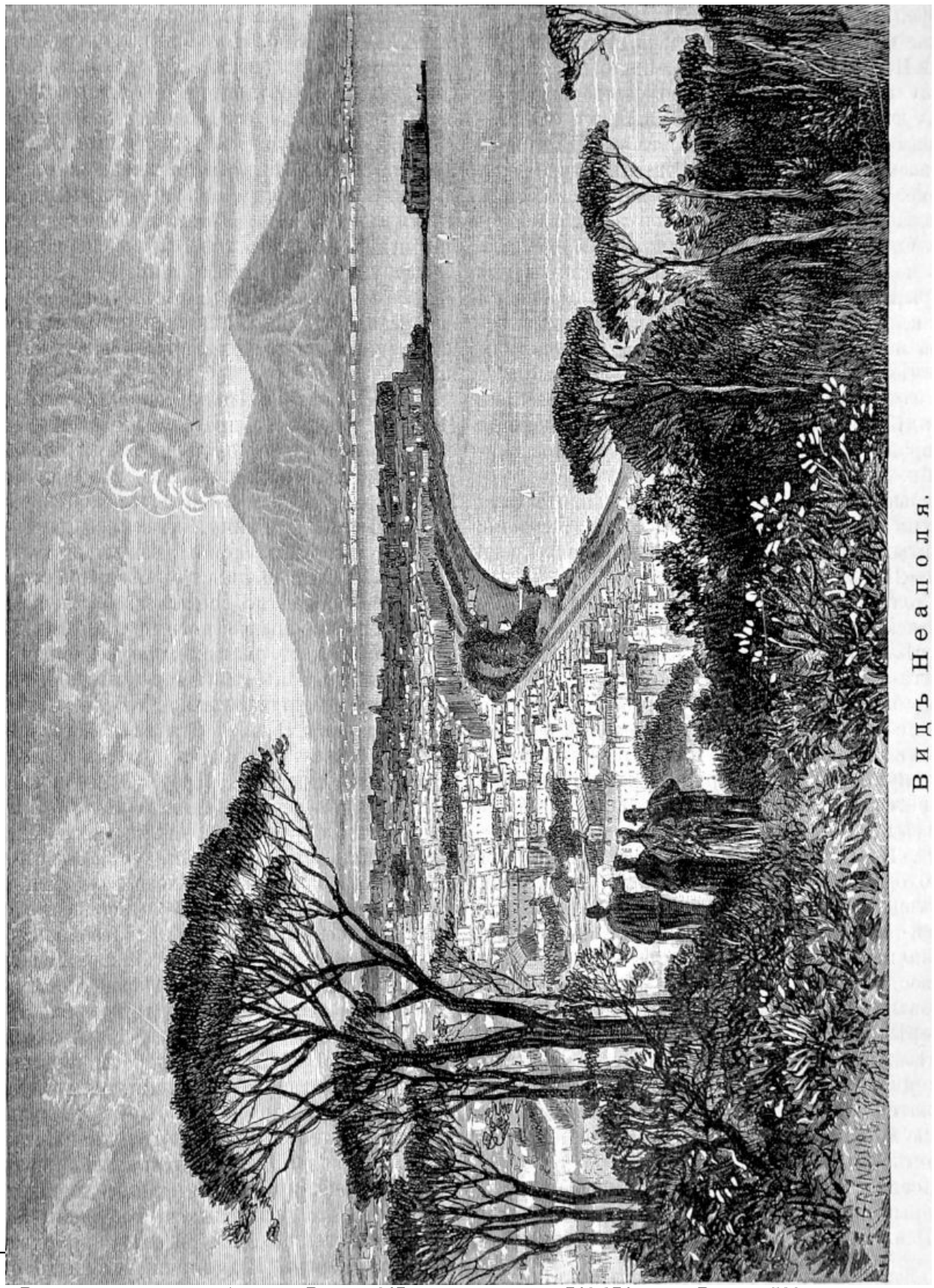
Неаполь, «новый город» кумейцев, уже в течение многих веков есть многолюднейший город Италии, и число его жителей все еще на целую треть превышает население Рима. Уже во времена Страбона Неаполь был большим городом. Все греки, заработавшие кое-какие деньжонки, либо учительством, преподаванием словесности, либо в какой-нибудь другой профессии, и желавшие провести остаток дней своих в покое, выбирали себе этот прекрасный город, с эллинскими нравами, с климатом, похожим на климат их отечества. Многие римляне следовали их примеру, и Неаполь с ближайшими к нему, основанными вокруг залива, колониями сделался таким образом по преимуществу местом мира и удовольствия. В настоящее время не только из Рима, но и из всех стран Европы и Нового Света, досужие люди стекаются в Неаполь наслаждаться прелестью жизни под благодатным небом, среди природы, почти ни с чем несравнимой по красоте, в обществе людей шумных в радости и в горе,—«мастеров в искусстве покричать», как говорит Алфиери. С высот Каподимонте, Вомеро и других холмов, покрытых виллами и рощами, окружающих огромный Неаполь, открывается дивное зрелище: эти разбросанные острова разнообразных очертаний, эти высокие мысы, далеко выдвинувшиеся в синия воды, эти белые города, выстроившиеся у подошвы зеленеющих холмов, эти корабли, плывущие по морю, словно птицы, парящие в лазури, весь ансамбль этой чудной бухты, которую греки назвали «Чашею»,—составляет действительно очаровательную картину. Даже Везувий, с его вершиной, днем—серой, ночью красной, с его столбом дыма, извивающимся от ветра, своей вечной угрозой прибавляет к наслаждению жизнью некоторое тревожное чувство.

Неаполитанцы умеют наслаждаться всеми благами, какие пожелает им уделить природа, а когда она обойдется с ними, как мачиха, они довольствуются тем, что она дает им. Благодаря своему природному уму, они могут все понять и все предпринять, но, не любя усилий, они легко оставляют начатое дело и смеются над своими собственными неудачами. Путешественники любили пространно описывать тип *lazzarone*, этого ленивого жуира, который, драпируясь в какие-нибудь холстинные лохмотья, спит на берегу моря или на ступеньках церкви и отказывается с спокойным презрением от всякого труда, когда уже имеет дневное пропитание. Кое-какие представители этого типа существуют еще и теперь; но все более и более настоятельные требования матерьяльной жизни, громадный механизм современного общества, с его тысячами колес, овладевают этими праздными оборванцами и заставляют их снискивать пропитание ежедневной работой, знакомя их вместе с тем с тягостью бедности. Виллари, Фучини, Умильта, г-жа Уайт-Марио рассказали печальное положение бедных

неаполитанцев, которые десятками тысяч «постоянно умирали с голоду» и жили, вместе с крысами, в сырых и грязных подвалах. Неаполь, раскинувший с высоты холма Паузилиппе свои дома вплоть до пригородов, образующих белый и розовый пояс у подошвы Везувия, кажется бесконечным городом; но, сравнительно с своим населением, самый город в сущности очень не велик. Во всей Европе найдется, немного городов, где бы жители были так скучены, как в Неаполе: в городских кварталах на каждого жителя приходится лишь от 15 до 16 кв. метров пространства, а в Портовом квартале не больше 7-8, тогда как в Лондоне на каждого обитателя считается до 344 кв. метров. Еще недавно чистой годной для питья воды было так мало, что её часто не хватало жителям бедных кварталов, и площадки городских фонтанов были местом ожесточенных схваток. Из десяти тысяч колодцев, рассеянных по городу, четыре пятых были осквернены сточными водами, которые, соединяясь в бесчисленные каналы, почти не проточные, подходили к самым фундаментам домов, распространяя вокруг себя смрад и заразу. Но после холеры 1884 года (когда из 14.233 заболевших умерло 7.152), нашедшей себе в этих нечистотах деятельного пособника, необходимость улучшить гигиенические условия города стала очевидна. Правительство ассигновало 100 миллионов франков на очистку и оздоровление Неаполя. Беднейшие, наиболее скученные кварталы были разрежены, и излишек народонаселения поселился взамен этого в новых кварталах, раскинувшись в сторону Везувия и на соседних с городом высотах. Сеть сточных канав была улучшена, прочищена, и нечистоты более не застаиваются. Что касается чистой воды, то теперь город снабжается в изобилии из источников близ Серино, к югу от Авелино. Новый водопровод, длиною в 85 километров, идет почти одною дорогою с древним акведуком самнитян и римлян, так что при постройке его некоторые части древнего водопровода были утилизированы. Количество воды, питающей теперь Неаполь (до 170.000 куб. метров в день) более чем достаточно. Неаполь принимает широкое участие в промышленном движении полуострова: он фабрикует макароны и вермишель, сукна, шелковые ткани, называемые «гроденапль» (gros de Naples), стеклянные и хрустальные вещи, музыкальные инструменты, искусственные цветы, предметы украшений всякого рода и все то, в чем нуждается большой город. Ни один город на Средиземном море, за исключением разве Торре-дель-Греко, не имеет таких искусных полировщиков коралла: в окрестностях Неаполя, в очаровательном Сорренто, делаются рабочие ящики, ларцы для драгоценных безделушек из пальмового дерева изящной работы. В Кастелламаре-ди-Стабия находятся самые деятельные в Италии строительные верфи, после верфей генуэзского берега и Специи. В Пуццоле также имеются верфи и пушечный завод. Моряки Неаполитанского залива принадлежат к числу первых на всем полуострове; по навыку к морю они могут сравниться с лигурийцами, а как рыбаки, по их словам, они превосходят последних. Жители Торре-дель-Греко, занимающиеся ловлею кораллов, так прекрасно знают подводную топографию берегов Сардинии, Сицилии и стран Варварийских, что малейшая примета в воде или воздухе открывает им такия явления, которые скрыты от всякого другого взора. Флотилия их, теперь значительно уменьшившаяся, состоит более чем из двухсот кораблей, которые всегда готовы сняться с якоря и пуститься в путь. Когда отправляется или, еще лучше, когда возвращается эта флотилия после удачной кампании, то это представляет разом такое трогательное и живописное зрелище, каких сама Италия являет немного. В 1884 г. судов, занятых ловлею коралов, в Торре-дель-Греко было 219, вмест. в 1.845 тонн.

Стоя на берегу такого залива, как Неаполитанский, вблизи такой плодородной равнины, как Кампания, настоящая «Страна Земледелия» (Terra-di-Lavore), Неаполь естественно должен быть большим торговым городом; но он не пользуется в этом отношении первенством в Италии, как можно было бы подумать при виде его огромного рейда, его молов и многолюдных набережных. Он уступает Генуе и недавно еще уступал Ливорно и Мессине. И это потому, что он не составляет необходимой станции для судов и не может пользоваться таким большим районом, для своей торговли, как Генуя и Ливорно. На незначительном расстоянии от него к северу, к востоку и к югу начинаются уже неправильные Апеннинские горные группы, которые перерезывают поперек во всю ширину три железные дороги, из Кампо-

Бассо, Фаджии и Потенцы, соединяющие Тирренское море с Адриатическим. Самую большую внешнюю торговлю порт ведет прежде всего с Англиею, а потом с Франциею[1].



Видъ Неаполя.

1 В международном сообщении: Вошло 647 судов, вместим. 749.274 тонн. Вышло 580 судов, вместим. 830.942 тонн.

В каботажном сообщении: Вошло 6.941 судов, вместим. 2.116.720 тонн. Вышло 6.891 судов, вместим. 2.020.809 тонн.

Неаполь славится своим университетом, который принадлежит к числу древнейших в Италии, так как основан в первой половине тринадцатого столетия; но он пережил несколько периодов постыдного упадка. Еще недавно, когда одни только археологические и нумизматические изыскания не подозревались в революционных стремлениях, университет этот служил, для большей части своих воспитанников, не более как местом умственной порчи. Но возрождение ученых занятий совершилось с удивительною быстротою. Это был как бы взрыв: молодые неаполитанцы кинулись на науку, как голодные, и вскоре красноречие, свойственное южанам, могло бы заставить думать, что Неаполь—главный центр науки во всем мире. По числу учащихся, Неаполитанский университет занимает первое место между университетами Италии; в 1892 г. в нем было 4.720 студентов. Зоологическая лаборатория Неаполя, по своим открытиям и изысканиям, принадлежит к числу выдающихся.

Для образования Италии и остального мира, Неаполь имеет еще прекрасный музей древностей, мраморов, бронз, надписей, медалей, резных камней, папирусов. Но еще более драгоценный музей его представляют развалины Пуццоли, Байи, Кум, его двух- или трехэтажные катакомбы, вырытые в туфе холмов, возвышающихся с северной стороны города, которые, по своим изображениям и надписям, любопытны не менее римских. Ему же принадлежит римский город Помпея, засыпанный пеплом Везувия, покрывавшим его в течение семнадцати веков. Без раскопок Геркуланума и Помпеи для нас осталась бы почти неизвестною целая отрасль античного искусства—живопись. Пред нами воскрес, после долгого исчезновения, не только мертвый город с его улицами, домами, могилами, с его храмами, амфитеатрами, дворцами с удивительными мозаиками, с его форумами, лавками и местами собраний,—воскресла сама жизнь провинциального римского общества, открытая во всей её действительности. Почернелые надписи на стенах и на восковых дощечках, различные, прерванные внезапною катастрофою, работы, трупы, обратившиеся в мумии в минуту бегства, работы или воровства—делают нас свпдетелями самого момента драмы. Из всех городов в мире, покрытых песками дюн, вулканическим пеплом или илом наводнений и разысканных впоследствии трудом человека, ни один не представляет такого разительного контраста между жизнью всего населения и внезапно охватившею его смертью. И все-таки мы знаем только часть тех достопримечательностей, которые хранились неприкосновенно под пеплом и лавою Везувия. Уже больше ста лет работают над раскопкою Помпеи, и все-таки отрыта только половина города; в греческом же Геркулануме, на котором лежит каменный слой твердой лавы в двадцать метров толщиною, а на нем стоят теперь дома и виллы Резины, Портичи и других предместий Неаполя, можно было открыть только незначительную долю его драгоценных тайн, и новые раскопки производились там недостаточно деятельно, чтобы дать серьезные результаты; наконец, Стабия, покоящаяся на морском берегу, под городом Кастелламаре, хранит еще совершенную тайну того, что такое была она прежде.

Неаполь окружен целым кортежем многолюдных и близких один к другому городов, которые оспаривают у него первенство по красоте вида. На южном берегу вокруг залива расположены знаменитые Портичи, Резина, Торре-дель-Греко, Торре-дель-Аннунциата, Кастелламаре и изнеженный Сорренто,—с превосходным климатом и очаровательными виллами, которые смотрятся в воду среди зелени оливковых деревьев. В открытом море от мыса Кампанелла, против возвышающихся на другом конце бухты вулканических островов Искии и Прочиды, поднимаются крутые стены острова Капри, сохраняющего еще воспоминания о Тиверии, который у местных жителей называется Тимберио. Здесь сохранились еще развалины двенадцати императорских вилл. К югу от этой суровой известковой горы сицилийского вида, в расщелинах которой можно встретить все растения южной Европы, развертываются берега другого залива, вход которого охраняется островками Сирен, напрасно пытавшихся очаровать мудрого Улисса. По красоте этот залив вряд-ли уступает Неаполитанскому; берега его не менее плодородны, и все-таки ни один из трех сообщавших ему поочередно свои названия городов: Пестум, Амальфи и Салерно, не могли удержать за собою первенства. Могущественная республика средних веков, Амальфи, город, торговые обычаи которого были законом для всех моряков, представляет не более, как местечко, в скалистой

бухте которато укрываются теперь лишь кое-какие местные суда, которое даже самое название порта уступило соседнему городу Маиори; но прелестны виды его соседних бухт и расположенного в одной из очаровательных окрестных долинок древнего мавританского города Равелло, который почти так же богат памятниками арабской архитектуры, как и Палермо. Салерно расположен еще лучше, чем Амальфи, так как находится в конце дорог из старой Кампании, и хвалится тем, что он построен, по словам легенды, одним из сыновей Ноя; овладевшие страною в одиннадцатом веке нормандские рыцари избрали его столицею своих владений, но он в значительной степени потерял свой античный блеск, приданный ему Робертом Гюискаром. Университет его, некогда самый славный в Европе своими профессорами медицины, бывший прямым наследником арабской науки, безмолвствует в течение целых веков, и Салерно не имеет никакого основания хвалиться названием «Гиппократова города»; не может он особенно гордиться и торговыми успехами.

Около южной оконечности прямолинейного берега, который тянется к юго-востоку от Салерно, находился древний владыка залива—Пестум или Посейдония, город Нептуна, основанный вновь сибаритцами, после владевших им с незапамятных времен тирренцев. Но Пестум, «город роз», воспетый римскими поэтами за его прекрасные источники, тень и приятный климат, прекратил свое существование со времени нашествия сарацин, в 882 г., и даже развалины его, до половины прошлого столетия, были знакомы только пастухам и разбойникам, а между тем он принадлежит к числу самых интересных мест в Италии, так как относится к эпохе, предшествовавшей римскому могуществу. Три его храма, из которых самый лучший, храм Нептуна,—святилище этого бога и должно было быть главнейшим памятником в городе Посейдона,—принадлежат к числу самых величественных храмов континентальной Италии, в особенности, благодаря окружающей их пустыне и бушующему у подножия их морю. Но хотя теперь разбойники и перестали шляться около дороги, созерцать это здание все-таки не безопасно, так как вокруг Пестума и его прекрасно сохранившейся высокой стены, в 5 километров длиною, простираются болотистые земли, в которых работа «ассенизации» далеко еще не окончена; при столь нездоровом воздухе с трудом могут быть доведены до конца уже предпринятые там раскопки. К югу от Пестумской станции железная дорога продолжается к Агрополи, названному так за его «акрополь», похожий на Афинский. Здесь именно утвердились в девятом веке сарацины, опустошавшие Кампанию в продолжение двадцати лет слишком и совершенно уничтожившие население соседнего берега. Дальше, при болотистом устье Аленто, находятся копи Элеи фокийской, Велий римлян, колыбели «Элеатической школы».

От Сорренто до Неаполя, на пространстве, отделяющем Везувий от первых предгорий Апеннин, тянется почти такая же непрерывная цепь городов и селений, как по берегу залива, между мысами Мизенским и Кампанеллою. Подымаясь от маленького городка Виетри, составляющего дальнее предместье Салерно, старинные постройки которого расположены по краю узкого рва, дороги, как обыкновенная, так и железная, выходят через разрывы холмов к тенистому Кава, с превосходными виллами, составляющими любимое летнее местопребывание иностранных посетителей и богатых неаполитанцев. От Кава, знаменитого в мире антикваров архивами соседнего монастыря, *la Trinita della Cava,* весьма богатого хартиями на пергаменте и грамотами, дорога спускается в равнину Сарно, где следуют один за другим несколько городов: Ночера—место дачной жизни древних римлян, Пагани—расположенный еще в области лесов, Ангри—обрабатывающий хлопок на своих собственных прядильнях, Скафати—еще более промышленный. Но мы уже приближаемся к городскому округу Неаполя и встречаем около Помпеи город Торре-дель-Аннунциата, а на южных склонах Везувия—полукруглый пояс домов, составляющих Боско-Тре-Казе и Боско-Реале. В жителях Ночеры и других ближайших городов некоторые ученые находят следы арабской и варварийской крови, оставленные поселенными здесь Фридрихом II двадцатью тысячами сарацин.

Вверх по долине Сарно, от Ночеры и до подошвы Апеннин, местность все еще весьма

многолюдна: у подошвы горы Термино, по направлению высоких долин, следуют друг за другом Сан-Северино и Солофра; на север тянется другая цепь селений к городу Авеллино, с полями, обнесенными орешником; город этот важен, как торговое место между горами и равниною; но наиболее скученные центры населения находятся в широкой полосе «Счастливой Кампании», которая простирается к северо-западу между Везувием и Монте-Вирджине. Сарно, носящий название реки того же имени, хотя он и не стоит на ней,—весьма важный земледельческий центр, ведущий торговлю не только хлебами, винами, плодами и овощами, но также шелком сырцом и хлопчатником. Пальма также окружен плодороднейшими полями; Оттаяно, город Октавия, расположенный на нижних склонах Соммы Везувия, производит превосходные вина; Нора, в котором умер Август и родился Джиордано Бруно, замечателен также удивительно обработанными землями, но славой своею он обязан, главным образом, прекрасным греческим вазам, найденным в его развалинах, и остатками своих древних памятников, из которых один, мраморный амфитеатр, больше амфитеатра в Капуе.

Древняя столица Кампании, знаменитая Капуа, которая была некогда соперницею Рима и имела в своих стенах до полу-миллиона жителей, теперь находится в упадке и не пользуется даже своим именем, так как новая Капуа, угрюмая крепость, построенная на излучине Вольтурно, есть не что иное, как древний *Casilinum* римлян. Город же Санта-Мария-ди-Капуа-Ветере, заменившая настоящую Капую, не имеет никаких других прелестей, кроме удовольствий большого и многолюдного местечка; но в окрестностях его еще посещают красивые развалины амфитеатра, триумфальную арку и другие остатки древнего огромного города. К югу, неподалеку от двух больших городов, Маддалони и Аверсы, представляющих настоящих спутников Неаполя, находится главное дачное место Кампании, город Казерта, с огромным дворцом, тенистыми парками и обширными садами, которые украшены статуями и фонтанами. Недавно он был «Версалем» неаполитанских Бурбонов, и к красоте больших линий и перспектив в нем примешано слишком много чрезмерной декоративности извращенного вкуса. Водопровод, несущий сюда воду из Маддалони, с расстояния 10 километров, проходит чрез долину по прекрасному мосту с тремя рядами расположенных друг под другом арок, построенному в средине прошлого столетия Ванвителли. Это—образцовое произведение новейшей архитектуры.

К северу от Капуи и изгибов Вольтурно, большая историческая дорога из Рима в Неаполь раздвоется: одна дорога, не замененная еще рельсовым путем, поворачивает к берегу для обхода гор; другая же, идущая рядом с железною дорогою и местами пересекающаяся с нею, обходит вулкан Рокка Монфина, идет в долину Гарильяно и притока его Сакко и выходит с западной стороны к подошве вулкана Лациума, откуда спускается в Рим. Береговая дорога, пересекаемая замечательными ущельями, принадлежит к числу самых знаменитых в истории. Она проходит сперва недалеко от Сессы, древнего города авронцев, которые поставили свой акрополь в самом кратере Рокка-Монфоны, затем, приближаясь к морю, вследствие близости гор, она пересекает Гарильяно, окаймленную еще нездоровыми землями, остатками Минтурнских болот, и входит в ущелье города Мола-ди-Гаэта. Город этот теперь оффициально называется Форши, в воспоминание древней *Formiae*, где жил и умер Цицерон и где показывают еще его гробницу, превратившуюся в дом виноградаря. Отсюда, на пути из Рима, открывается чудная картина Кампании и всего Гаэтского залива с вулканическими островами: Понца, Вентотена и отдаленною Искиею. Гаэта—крепость, защищающая вход неаполитанского рая, построена на Монте-Орландо, представляющей холм с полуостровною вершиною, на которой возвышается мавзолей Мунация Планка, основателя Лиона. Этот конус, напоминающий форму Монте-Арджентаро и мыса Цирцеи, соединяется с твердою землею перешейком в 280 метров ширины. Гаэтский порт, прекрасно защищенный от западных и северных ветров, принадлежит к числу самых оживленных в Неаполитанской области по каботажному плаванию и по рыболовству его[1]. Но, кроме того, Гаэта

1 Приход судов в портах Гаэты и Формии в 1892 г.: Гаэта 984 судна, вместим. 22.532 тонны. Формия 931 судно, вместим. 26.986 тонн.

была долгое время весьма важным военным городом. Здесь в 1861 году Франциск II подписал свое отречение от королевства обеих Сицилий.

На восточной дороге из Неаполя в Рим также есть города, имеющие некоторое значение. Главный из них Сан-Джермано, переименованный недавно в Кассино, в честь знаменитого монастыря Монте-Кассино, возвышающегося к северо-западу, на площадке, с которой можно созерцать знаменитый вид гор и долин. Это тот самый знаменитый монастырь, который был основан святым Бенедиктом в начале шестого века и устав которого сделался образцом для всех монастырей западной церкви. Ни одно религиозное общество не имело такого влияния на историю католицизма, как бенедиктинцы Монте-Кассино. Во времена могущества ордена владения его, раскиданные по разным частям Италии, могли бы составить целое королевство; из среды бенедиктинцев вышли многие папы и тысячи прелатов. В Кассинской библиотеке находятся драгоценные рукописи, важные грамоты и редкия издания, с которыми часто справляются ученые. В память услуг, принесенных некогда бенедиктинцами науке, Кассинский монастырь был пощажен законами от упразднения, подобно монастырям Кавы и Павии. Один из воспитанников Монте-Кассино был св. Фома Аквинский, прозванный так по соседнему городу Аквино, где он родился; Аквино же был родиною Ювенала.

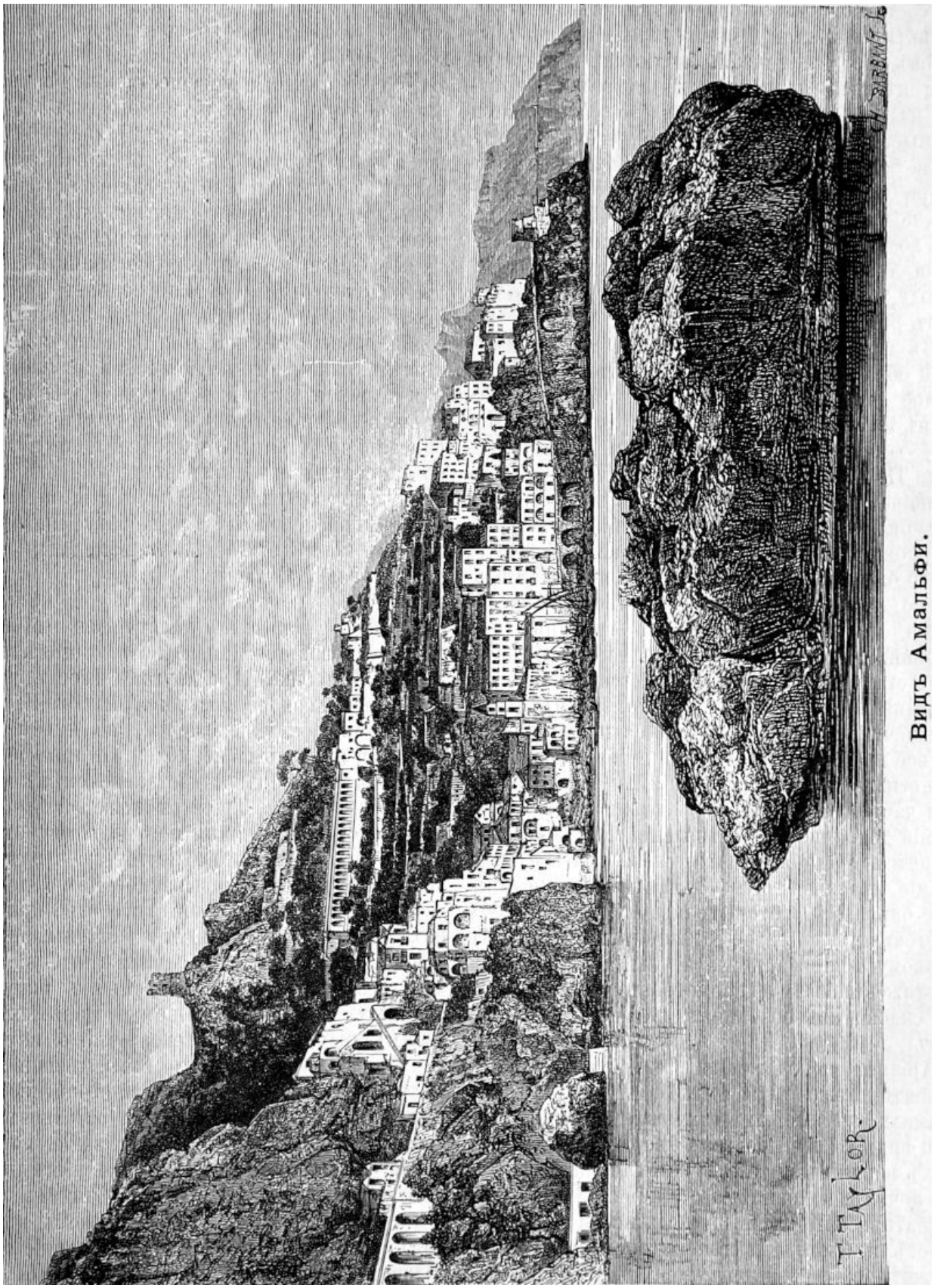
В горной, внутренней части Неаполитанской области значительных городов немного. Самое людное и замечательное место в бассейне верхнего Лириса, к югу от гор Матезе,—Арпинум, в наше время Арпино, родина Цицерона, и Мария, древняя крепость, циклопические стены которой «были построены Сатурном». Беневенто, входивший некогда в Церковную Область, есть центральный город всего бассейна Калоре, главного притока Вольтурно, и стоит в пункте естественного соединения дорог, идущих чрез Апеннины из провинций Молизы, Капитанаты и Апулии. Будучи старее Рима, древний *Maleventum* принял название *Beneventum*, вероятно, затем, чтобы обеспечить себе более благоприятную судьбу; но во все время своей длинной истории он часто выносил осады и разрушения или всего города, или частей его, и начатое людьми дело разрушения докончили землетрясения. В Беневенто остается от прошедшего только одно большое здание, красивая триумфальная арка, символические барельефы которой сохраняют память об ипотечных ссудах, сделанных Траяном мелкому землевладению. Окружающие город на протяжении более 5 километров стены построены сплошь из обломков древних памятников.

Ариано, расположенный к востоку от Беневенто, также в бассейне Вольтурно, на трех холмах, с которых открывается великолепный вид на все пространство от часто снежных вершин Матезе до конуса Вультура, стоит почти на половине расстояния от Неаполя до Адриатического моря, на Фоджийской железной дороге, и, благодаря самому своему положению, служит естественным торговым посредником между обоими склонами. Кампобассо, главный город провинции Молизы, представляет также естественное торговое место между склонами Апеннин.

На Адриатическом склоне торговые центры многочисленнее и оживленнее. Фоджиа, в которой сходятся шесть железнодорожных линий и многие большие дороги, представляет большой рынок земледельческих продуктов; если не по населению, то по богатству—это второй город всей Неаполитанской области. Многие города, в той же земледельческой равнине Апулии, служат телохранителями Фоджии, каковы: Сан-Северо, Черинъола, Лучера, которая была так богата и могущественна в тринадцатом веке, когда, изгнанные из Сицилии Фридрихом II, сарацины сделали ее центром своей промышленности; но, несмотря на приманку к торговле столь грациозно раскинувшагося залива Манфредонии, Фоджия и ближайшие к ней города не имеют прямого выхода к морю. Весь берег, на пространстве более 50 километров от Манфредонии до устья Офанто, единственной прибрежной реки, в которой бывает немножко воды даже в середине лета, окаймлен нездоровыми лагунами. Самая большая из них, лагуна Сальпи, занимавшая всю прибрежную полосу от устья Каранеллы до устья Офанто, на половину занесена наносами этих двух рек; но пока почва не будет укреплена и обработана, они не перестанут испускать смертоносные миазмы. На южном

конце этого болота находятся развалины древней Салапии.

К северу от этой болотистой местности есть два порта, из которых один—Манфредония, основанная Манфредом, сыном знаменитого Фридриха II, а другой—Виест, расположенный



Видъ Амальфи.

на оконечности полуострова Гаргано, по самому своему положению уже весьма полезен для парусных кораблей, которые должны заходить в гавань, вследствие перемен ветра; соседние острова Тремити тоже часто посещаются судами. Первый порт к югу от лагун—это красивая

Барлетта, к западу от которой есть место, называемое Кампо-де-Сангве, где происходила кровавая битва при Каннах; жители её отправляют значительное количество хлеба, вин, масла и плодов, получаемых в своем собственном округе и крупных имениях, еще феодальных по своим обычаям, которые окружают внутренние города Андриа, Корато, Руво, древний *Rubi*, последний замечателен по многочисленности найденных в нем древних остатков, идолов, ваз, монет и надписей; здесь найдена самая большая из завещанных нам древностью бронзовых статуй: она имеет более 5 метров в вышину и представляет, вероятно, Гераклия. Другие города, следующие с небольшими промежутками к юго-востоку от Барлетты, суть: Трани, который в конце средних веков вел большую торговлю с Востоком, Бишелье, Вольфетта, Битано, Бари, самый многолюдный город на всем Адриатическом склоне Неаполитанской области, наконец, Монополи: все они представляют довольно оживленные порты каботажного плавания. Неподалеку от Монополи расположен древний порт Гнациа, сделавшийся ныне городом Фазано—место столь же важных геологических открытий, как и Руво.

На северном углу Отрантского полуострова расположен Бриндизи, который уже два раза, в эпоху римлян и в эпоху крестовых походов, был одною из великих станций между западною Европою и Востоком и который ныне снова начинает играть ту же посредническую роль в мировой торговле. Действительно, Бриндизи, предпоследний город восточного берега Италии, расположен при самом входе в Адриатическое море; его столь деятельный в римскую эпоху порт, хотя и заваленный частию Цезарем, остается лучшим из портов Средиземного моря; его рейд превосходен, и когда корабли пройдут устье порта, то пред ними открываются две, уходящие далеко в твердую землю, бухты «в виде оленьего рога», откуда и происходит название города. Недавно еще вход этого прекрасного порта был загроможден обломками судов и кучами ила, но теперь, тщательно прочищенный, он стал доступен для больших пароходов. Сделавшись главным пунктом индийской дороги на европейском материке, Бриндизи растет и украшается, сообразно своему новому назначению; но он напрасно старается монополизировать восточную торговлю. Если четыре-пять тысяч богатых пассажиров, для которых одним из первых условий является скорость, и рады бывают отправляться в море и выходить на твердую землю именно в Бриндизи, то, напротив, отправители товаров предпочитают порты, расположенные в таких заливах, которые вдаются наидалее в континентальную массу, каковы: Марсель, Генуя, Триест. Впрочем, Бриндизи только временно является главным пунктом европейских железных дорог: с окончанием турецкой сети, ему наследуют Салоники и Пирей. Бриндизи вывозит большое количество вин.

Движение судов в Бриндизи и соседних портах: Бриндизи (1891г.) 2.482 судна вместимостью 3.217.723 тонн; Бари (1890 г.), вошло 1.114 судов вместимостью 488.863 тонны: Барлетта 654 судна вместимостью 171.236 тонн: Мольфетта (1894 г.), вошло 650 судов вместимостью 170.733 тонн: Трани (1884 г.) 861 судно вместимостью 76.725 тонн.

Город Тарент, на берегу своего «маленького моря» и своего залива, также делает усилия воскресить в себе торговую жизнь, как и сосед его Бриндизи. Порт его, *piccolo mare*, глубок и совершенно защищен от всех ветров: правительство обратило на него внимание и создало из него военный порт и арсенал; рейд, или *mare grande*, также защищен от волнений открытого моря двумя островами; в рейде и в порте, как и в большой гавани Специи, есть пресные источники Читро и Читрелло, бьющие среди соленой воды. Наконец, Тарент, по самому положению своему в глубине полуострова, может оспаривать у Бари и других портов адриатического прибрежья торговлю внутренних городов: Матеры, Гравины, Альтамуры; он назначен, повидимому, сделаться главным торговым центром ионической Италии, так как вершина большего треугольника железных дорог, основание которого оканчивается Неаполем и Фоджией, находится в 5 километрах от Тарента, около великолепных развалин древнего Метапонте, разрушенного Спартаком. Ни один город Южной Италии не представлял бы таких выгод, как Тарент, для устройства перворазрядного порта, если бы природа и людская беспечность не засорили почти совершенно соединяющих «два моря» каналов, одного есте-

ственного, другого искусственного; даже мелкие суда едва могут теперь проходить в эти проливы. Впрочем, препятствия скоро должны исчезнуть, и вход во внутренний рейд будет открыт даже для больших военных кораблей. Новый Тарент, маленький город, с узкими улицами, стоит не на месте знаменитого греческого города, некоторые следы которого заметны на восточном полуострове; все дома его, для лучшей защиты, теснятся на известковой скале, ограниченной двумя каналами; впрочем, теперь он уже разливается и по местоположению старого города, где недавно открыт античный некрополь и сотни различных вещей очень тонкой работы. Его каботажная торговля начинает понемногу усиливаться с открытием Барийской железной дороги; промышленность же, за исключением рыбной и устричной ловли и сбора соли, почти ничтожна. Тарентцы, между прочим, пользуются печальной репутацией самых ленивых людей на всем полуострове. Кучи раковин, покрывающих плоский песчаный берег, не дают уже им, как некогда, знаменитой пурпуровой краски, но они еще утилизируют виссон одной раковины для плетенья перчаток и шляп, замечательно прочных.

На оконечности Восточной Италии, к югу от Тарента и Бриндизи, нет значительных городов, кроме Лекке, окруженного плантациями хлопчатника, и Галлиполи (древний Каллиполис, т.е. «прекрасный город» греков), построенного живописно на скалистом островке, который соединен с сушею мостом. Окружающие поля, лишенные необходимой влажности, представляются относительно пустынными. Город Отранто, дающий свое имя полуострову и проливу Адриатики, очень незначительный городок с 2.300 жителей. У него их было до 20.000, в 1480 г., когда он выдержал двухнедельную осаду Магомета II. По взятии города, султан, как говорят, вырезал буквально всех жителей. Что касается западного полуострова Неаполитанской области, то хотя он орошен лучше области Отрантской, но имеет свои невыгоды, заключающиеся в гористой почве и частых землетрясениях. Так, город Потенца, занимающий одно из самых счастливых торговых положений, как раз на полупути от Тарентского залива к Салернской бухте, часто был разрушаем до основания.

На собственно Калабрийском полуострове не существует уже таких больших городов, как Метапонте и Гераклеа, находившаяся близ теперешнего Поликоро в пределах нынешней провинции Базиликаты. Могущественный Сибарис, стены которого имели 10-ть километров в окружности и предместья которого тянулись по берегам Крати на 12 километров, исчез под наносами и кустарником, так что от него «не остается даже развалин». Город Локры, находившийся к югу от Гераклеи и существовавший до десятого века, т.е. до разрушения его сарацинами, сохранил по крайней мере следы своих стен, нескольких храмов и других зданий. Из всех этих, могущественных некогда, греческих городов остается только порт Котрона, наследник по имени знаменитого Кротона, представляющий вход в «житницу Калабрии». Вообще, следуя по берегам Великой Греции, удивляешься малочисленности памятников того прошедшего, которое имело такое важное значение в истории человечества.

Нынешние города Калабрии почти ничтожны в сравнении с древними республиканскими городами Великой Греции. Россано, неподалеку от развалин древнего Сибариса, небольшой главный город округа, посещаемый только каботажными судами: Козенца, расположенный в прекрасной долине Крати, при подошве лесистых гор Силы, сообщается с Неаполем и Мессиною посредством порта Аментеа; Чиро, небольшой, но оживленный городок; Катанцаро, богатый маслами, шелковыми материями и плодами, отправляет товары своих полей с одной стороны чрез залив Сквилаче, на берегу которого стоял Аннибал, а с другой—чрез порт Пиццо, на южном конце прекрасного залива св. Евфимии. Здесь в 1815 г. был расстрелян Мюрат. Самый важный город Калабрии это—очаровательный Реджио, спрятавшийся в свои лимонные и апельсинные сады при подошве Аспромонте. Находясь против Мессины, на берегу канала, Реджио не может не принимать значительного участия в движении судоходства, совершающемся в этой центральной двери Средиземного моря, открывающей проход из Тирренского моря в Ионическое.

Движение в главных портах Тарентского залива и Калабрии в 1884 г.:

Реджио 1.292 судна, вместим. в 328.795 тонн. Тауро 2.085 судов вместим. в 128.900 тонн.

Пиццо 1.106 судов вместим. в 166.020 тонн. Котрона 1.078 судов вместим. в 114.400 тонн. Галлиполи 780 судов вместим. в 307.989 тонн. Паола 751 судно вмест. в 112.650 тонн. Тарент 692 судна вместим. в 252.880 тонн. Санта-Евфимия 563 судна вместим. в 117.415 тонн. Амантеа 397 судов вмест. в 140.900 тонн. Марина-ди-Катанцаро 214 судов вместим. в 124.490 тонн.

Главные общины (город с округом) Неаполитанской области, имевшие к 1 января 1882 г. более 20.000 жит.:

Неаполь 494.315 чел. (по исчисл. 1894 г. 538.400 чел.) Бари 60.575 чел. Фоджиа 40.820 чел. Реджио-ди-Калабрия 39.300 чел. Андриа 37.180. Тарент 33.940 чел. Барлетта 33.180 чел. Кастелламаре-ди-Стабия 33.100 чел. Салерно 31.245 чел. Казерта 30.550 чел. Корато 30.550 чел. Мальфетта 30.055 чел. Катанцаро 28.590 чел. Торре-дель-Греко 27.560 чел. Битонто 26.205 чел. Лечче 25.935 чел. Трани 25.645 чел. Черриньола 24.445 чел. Бесчелье 23.880 чел. Авеллино 22.900 чел. Торре-Аннунциатта 22.010 чел. Беневент 21.630 чел. Аверзе 21.470 чел. Кава-де-Тиррени 21.360 чел. Монополи 20.920 чел. Сан-Северо 20.380 чел. Потенца 20.280.

VII. Сицилия.

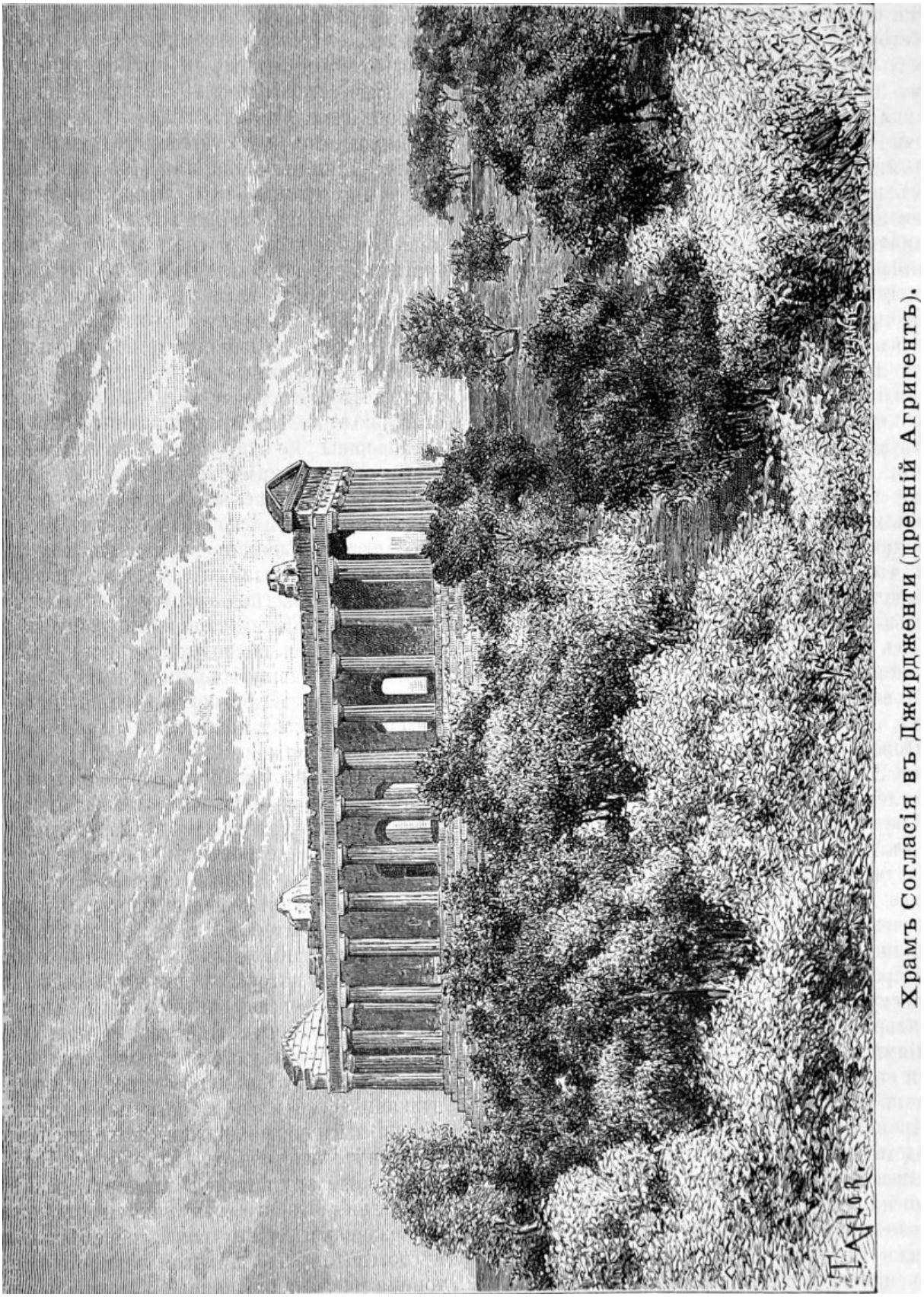
Древняя Тринакрия, правильный остров «с тремя мысами», составляет, очевидно, принадлежность Итальянского полуострова, от которого он отделяется лишь узким морским рукавом. В некоторых местах Мессинский канал имеет не более трех километров, т.е. пространство, которое легко переехать на лодке и которое переплывали некогда, привязанные к корме судов или к плотам, лошади Тимолеона Коринфского, Анния Клавдия и Рожера, графа нормандского. С теми средствами, которыми располагает теперь промышленность, нет ничего невозможного построить между Сицилией и твердой землею соединительный мост, ибо человек предпринимал и совершал уже почти такия же гигантские сооружения, и если торговые интересы полуострова потребуют такой работы, то это не более, как денежный вопрос. Весьма возможно, что к концу нынешнего века Сицилия будет соединена с Италией либо туннелем, либо постоянным или плавучим мостом. Тем или другим способом, но человеческая промышленность непременно восстановит древний перешеек, соединявший мыс Маяка с итальянскими горами Аспромонте. В какую геологическую эпоху произошел разрыв—неизвестно, хотя некоторые путешественники, увлекаемые своим воображением, видят где-то на горах обоих берегов следы его. Судя по данному ему древними названию Гептастад, можно думать, что пролив имел в их времена на более семи стадий, т.е. около 1.300 метров ширины—значит, был в два раза уже, чем теперь.

Ныне он имеет:

Наименьшую ширину в 3.147 метров, наибольшую глубину в 332 метра, среднюю глубину, на пороге пролива, 75 метров.

Как бы то ни было, с исторический точки зрения, Сицилию должно считать находящеюся в условиях страны континентальной. Переход через пролив не труднее переправы через большую реку: только одна война часто изолировала Сицилию, и недавно еще, во время нашествия гарибальдийцев, весь остров почти целый месяц был лишен всякого сообщения с Италией. Но эти исключительные обстоятельства не мешают острову быть географически придатком полуострова Италии. С другой стороны, он пользуется и всеми выгодами своего морского положения. Находясь в самом центре Средиземного моря, между двумя великими бассейнами морей Тирренского и Восточного, он господствует над всеми торговыми путями между Атлантическим океаном и Востоком. Его прекрасные порты привлекают корабли к его берегам; земли отличаются большим плодородием, и естественные богатства всякого рода обеспечивают существование населения, а счастливый климат благоприятствует развитию жизни. Немного стран в Европе, которые могли бы прокормить такое значительное населе-

ние. Вообще Сицилия гораздо многолюднее и богаче большего соседнего острова Сардинии и всех Неаполитанских провинций, за исключением Кампании; она соперничает в этом отношении даже с странами Северной Италии. Всякий период мира и свободы сообщает ей



Храмъ Согласія въ Джирджентѣ (древній Агригентъ).

удивительное движение вперед, и нет никакого сомнения, что она была бы одною из самых цветущих стран в мире, если бы не была столько раз опустошаема войною и не находилась почти постоянно под гнетущим управлением.

Поверхность и население Сицилии к 1 янв. 1884 г.:

Поверхность 25.461 кв. кил. (По Стрельбицкому 25.798). Население 3.005.980 человек. Население на 1 кил. 103 человека.

Треугольный остров Сицилии представлял бы в целом большую правильность строения, если бы над берегами Ионического моря и входа в Мессинский пролив не подымался могучею массою конус Этны. Громадный горб вулкана, от подошвы его до верхушечного кратера, образует совершенно особую географическую область, которая отличается от остальной Сицилии не только своими произведениями, обработанными землями, населением, но и своею геологической историей. Этна составляет отдельный мир.

Древние мореплаватели Средиземного моря представляли себе большею частию вулкан Сицилии величайшим колоссом между всеми горами на земле. И они мало ошибались относительно стран известного мира, ибо хотя на берегах Великого моря, именно на двух его оконечностях, в Испании и Сирии, есть горы выше Этны, но сицилийский вулкан отличается от этих гор своею величественною уединенностью, гордою чистотою своих очертаний, иногда также пылающим блеском своих лав и почти всегда высоким столбом извивающагося по небу дыма. Со всех окружающих Сицилию морей виден этот великий гигант, поднявший свою снежную и дымящуюся голову высоко над другими горами, составляющими его свиту. По космополитическим идеям древних, уже одно положение Этны в самом центре Средиземного моря давало ей первенство пред всеми остальными горами: это был «столб неба», «гвоздь земли», а для арабов впоследствии Джебель, т.е. «гора» по преимуществу, и местные жители еще и ныне дают ей, по преданию, имя Монджибелло.

Средние склоны Этны, продолженные потоками изливавшейся во всех направлениях лавы, очень пологи и довольно правильно понижаются к подошве. При виде её профилей, показывающих, как мала общая покатость горы, удивляешься тому, что вид её все-таки величествен. Подымаясь до вертикальной высоты с небольшим в три километра, Этна занимает в основании громадное пространство около кв. 1.200 километров, а окружность её подошвы, не считая мелких неправильностей очертания, имеет 35 лье. Все это пространство совершенно ограничено долинами Алькантары и Симето; только один порог в 860 метров вышины связывает Этну с горною системою остальной Сицилии; к северу от Алькантары, подымаются, вне массы вулкана, небольшие вулканические конусы, а на запад излились несколько потоков лавы, загромоздив бывшую долину Симето, так что заваленная река должна была прорыть себе в базальтовой скале новое ложе, образовав пороги и водопады.

Правильность склонов Этны со стороны Ионического моря нарушает одна огромная впадина, занимающая пространство около 25 квадратных километров и имеющая до 1.000 метров глубины—это Валь-дель-Бове. Этот огромный вулканический полукруг весь усеян побочными кратерами и состоит из возвышающихся одна над другою исполинских ступеней, с которых потоки лавы во время извержений свергаются огненными водопадами. По исследованиям Ляйеля, в долине Бове открывался некогда большой верхушечный кратер Этны, но, в неизвестное время, центр вулканической деятельности переместился, и теперь высшее жерло горы находится в нескольких километрах к западу. Быть может, даже этот второй кратер, размеры и очертания которого изменяются с каждым извержением, часто сам переменял свое место, потому что широкая платформа, на которой стоит верхушечный конус, поддерживала прежде массу, которая была на пятьсот или шестьсот метров выше и, вероятно, взорвана на воздух извержением. Бездны Валь-дель-Бове, во всяком случае, могут быть рассматриваемы как истинный центр Этны, ибо именно здесь ясно обнаруживается порядок расположения лав одних над другими, их взбросы, разрывы, сводообразные полости и вкрапленные горные породы. Ни в каком другом месте вулкана геологи не могли бы изучать лучше внутреннее строение эруптивных гор. Скалы на берегу моря, на которых стоит город Ачи-Реале, точно также дают возможность обозревать разом длинный период истории вулкана. Плоскогорье, которое оканчивается к морю крутою стеною в 100 метров высоты, состоит из семи потоков лавы, выброшенных последовательно расщелинами Этны. Каждый по-

ток, почти во всю толщину, представляет плотную массу, в которую едва могут внедряться своими корнями растения, но высшая часть каждого слоя, благодаря действию атмосферы в течение неизвестного ряда веков, обратилась в слой туфа или даже растительной земли. Спустившись с боков горы, каждый поток лавы имел время охладиться, покрыться чернозе-мом и зарости древесною растительностью, которая впоследствии была покрыта другою каменною рекою. Замечено также и то любопытное явление, что прибрежная скала, выростая все более и более сверху, при помощи наноса новых слоев, увеличивалась и снизу чрез по-степенное поднятие всей массы, при чем мерою движения, происходившего под этими ска-лами Этны, служат резко промытые морем линии на различных высотах над нынешнею по-верхностью Средиземнаго моря. Красивые гроты, обрамленные базальтовыми призмами, и Фаральони или скалы Циклопов, неподалеку от Ачи-Трезы, точно также свидетельствуют о значительных переменах, совершившихся в строении лав с тех пор как гроты эти вышли из внутренности вулкана.

В течение двадцати пяти веков нового периода, более или менее освещенного историею, который следовал за мифическим периодом, изображаемым гибелью гиганта Энкелада, кото-рый был раздавлен островом Сицилией, брошенным на него богиней Афиной, Этна изверга-ла расплавленные вещества более ста раз, при чем извержения длились иногда по несколь-ку лет. В этих пароксизмах горы, впрочем, нельзя было заметить ни какой-либо правильности, ни совпадения с вулканическими движениями Эолийских островов. Трещины образуются по всей окружности вулкана без всякого порядка, и количество выходящих из них лав весь-ма неодинаково. Самый значительный поток, о котором говорит история,—это тот, который излился на город Катану в 1669 году. Выйдя из земли при весьма высокой температуре, он разлился сперва озером по полям Николози, расплавил и унес, как льдину, часть прегра-ждавшего ему дорогу холма Монпильери, затем разделился на три потока, из которых самый широкий, повернув к юго-востоку, направился на Катану, стер с лица земли часть города, затопил сады в потопе шлака и выдвинул в море почти на целый километр мыс, который за-нял место бывшего порта. Количество лавы, вылившейся тогда из Этны и обратившей в ка-менную пустыню до сотни квадратных километров необыкновенно плодородных полей, на которых в четырнадцати городах и селениях жило более двадцати пяти тысяч жителей, определяют в миллиард кубических метров. Из пепла, выброшенного верхней отдушиной трещины во время большого извержения, образовался двойной конус Монти-Росси, с краси-вым кратером, заросший теперь лесом дрока с золотистыми цветами. По наружным склонам Этны раскиданы в разных местах, как памятники бывших извержений, более семисот по-бочных конусов такого же происхождения, как и Монти-Росси. Одни из них, более древние, почти совершенно разрушены непогодами или погребены под позднейшими потоками лав, другие же сохранили еще свою первоначальную коническую форму, представляя настоящие горы в несколько сот метров высоты. Многие из них покрыты лесами, а есть между ними и такие, кратеры которых обратились в сады, в очаровательные котловинки, в которых среди зелени ютятся дачные дома.

Пояс от тысячи до двух тысяч метров, в котором теснится больше всего паразитных кону-сов, указывает именно на ту область вулкана, где внутренняя сила действует всего сильнее. Около вершины подземная деятельность бывает не так сильна, и верхушечный кратер, в большей части извержений, представляет нечто вроде трубы, из которой вырываются стол-бом водяные пары и вулканические газы. Дымовые же скважины по всей его окружности делают из почвы нечто вроде каши, и вследствие выделения различных веществ пестрят ока-лину различными яркими цветами: багрово-красным, золотисто-желтым, изумрудно-зеле-ным. Жар внутреннего очага бывает обыкновенно весьма чувствителен на внешних склонах конуса; он слепляет камни в одну общую массу, по которой взбираться далеко не так трудно, как по рыхлому пеплу Везувия. Посетителям редко приходится бояться, при своем восхо-ждении, падения какой-нибудь вулканической бомбы, хотя и бывали иногда извержения камней, выбрасывавшихся снопами из верхнего жерла. Рекуперо видел даже каменные глы-бы, бросаемые на высоту двух тысяч ста пятидесяти метров, но это, конечно, явления исклю-

чительные. Если бы дожди из окалины были часты, то маленькое римское сооружение, называемое «Философской Башней», стоящее на плечах горы, над самыми безднами долины дель-Бове, давно бы было погребено под обломками. Поэтому там могли безопасно построить метеорологическую обсерваторию, на высоте 2.942 метров: ни одна станция не помещена более полезно, ибо наблюдатели присутствуют там при образовании гроз, разражающихся в равнине, и, в вышинах атмосферы, ветры, полярный и экваториальный, своим столкновением возвещают погоду, которая подготовляется для нижних областей Европы и Африки.

Вершина Этны не доходит до пояса вечных снегов, и теплота подземного очага растопляет большую часть фирна, скопляющагося в её впадинах. Впрочем, верхняя половина горы большую часть года остается белою. Таяние этих снегов и обильные дожди, приносимые морским ветром, должны были бы, повидимому, образовать множество ручьев по бокам вулкана, но камни и пепел, покрывающие откосы скал из твердой лавы, быстро поглощают на высотах всякую влагу, и лишь изредка встречаются счастливые места, в которых бьет какой-нибудь источник. Большие источники появляются только при подошве горы, а некоторые из них непосредственно около моря. Таков источник Ацис, вырывающийся из лабиринта скал, которыми «тысячеголосый» исполин Полифем, т.е. сама Этна, бросал в корабли мудрого Улисса; такова также река Аменано, появляющаяся в самом городе Катане и изливающаяся в море серебряными каскадами. При виде этих чистых, светлых источников, являющихся среди черных песков и горелых скал, становится понятным, почему древние греки считали их существами божественными, выбивали в честь их медальоны и воздвигали им статуи. Катана была под покровительством бога Аменаноса. который напоил ее своими водами.

Хотя текущей воды на склонах Этны почти совсем нет, тем не менее влажность сохраняется в пепле в таком значительном количестве, что питает богатую растительность: отлогости гор покрыты зеленью повсюду, где только кора потоков лавы не слишком твёрда для того, чтобы растения могли пускать в нее свои корни. Только верхния области, покрытые большую часть года снегами, сохранили, почти по всей окружности горы, свою первобытную наготу. Впрочем, довольно странно, что на вершине Этны не существует альпийской растительности, хотя средняя температура атмосферы и почвы здесь именно такая, какая для неё требуется. Геологи приходят поэтому к заключению, что Этна всегда была отделена от Альп большими пространствами, которые не могли перелетать птицы, несущие в своих зобах или на перьях лапок плодотворные семена.

Некогда вулкан был окружен полосою лесов: вниз от области снегов и пепла, и вверх от пояса пашен простиралась область больших дубовых, буковых, сосновых и каштановых лесов. Ныне же, по южным склонам, по которым обыкновенно взбираются на гору посетители, лесов уже не существует, и лишь там и сям встречаются толстые дубовые стволы с обрезанными ветвями. На других же склонах группы деревьев встречаются чаще, а остатки высокоствольных лесов на северной стороне придают некоторым пейзажам Этны совершенно альпийский характер. Но дровосеки с ожесточением продолжают свое дело лесоистребления, так что можно опасаться, что в непродолжительном времени от древних лесов не останется ничего. Роскошные каштаны западного склона, между которыми недавно еще вызывал удивление туристов знаменитый каштан «Ста Лошадей», который теперь от старости и непогоды распался на три отдельные части, свидетельствуют о необыкновенном плодородии вулканических лав. Молодые побеги кустарника, прямые, гладкие, распухшие от соков, всходят и растут так быстро, что если бы земледельцы захотели, то обезлесенная полоса Этны могла бы в несколько лет возвратить себе лиственную красу.

Что касается пояса обработанных земель, которые образуют широкую полосу вокруг основания горы, то многие места его представляют прекраснейший из садов. Рощи маслич-
ных, апельсинных, лимонных и других плодовых деревьев, к которым местами примешиваются группы пальм, превращают все нижние склоны в огромный фруктовый сад; над массами зелени всюду виднеются виллы, куполы церквей и монастырей. Земля так плодородна,

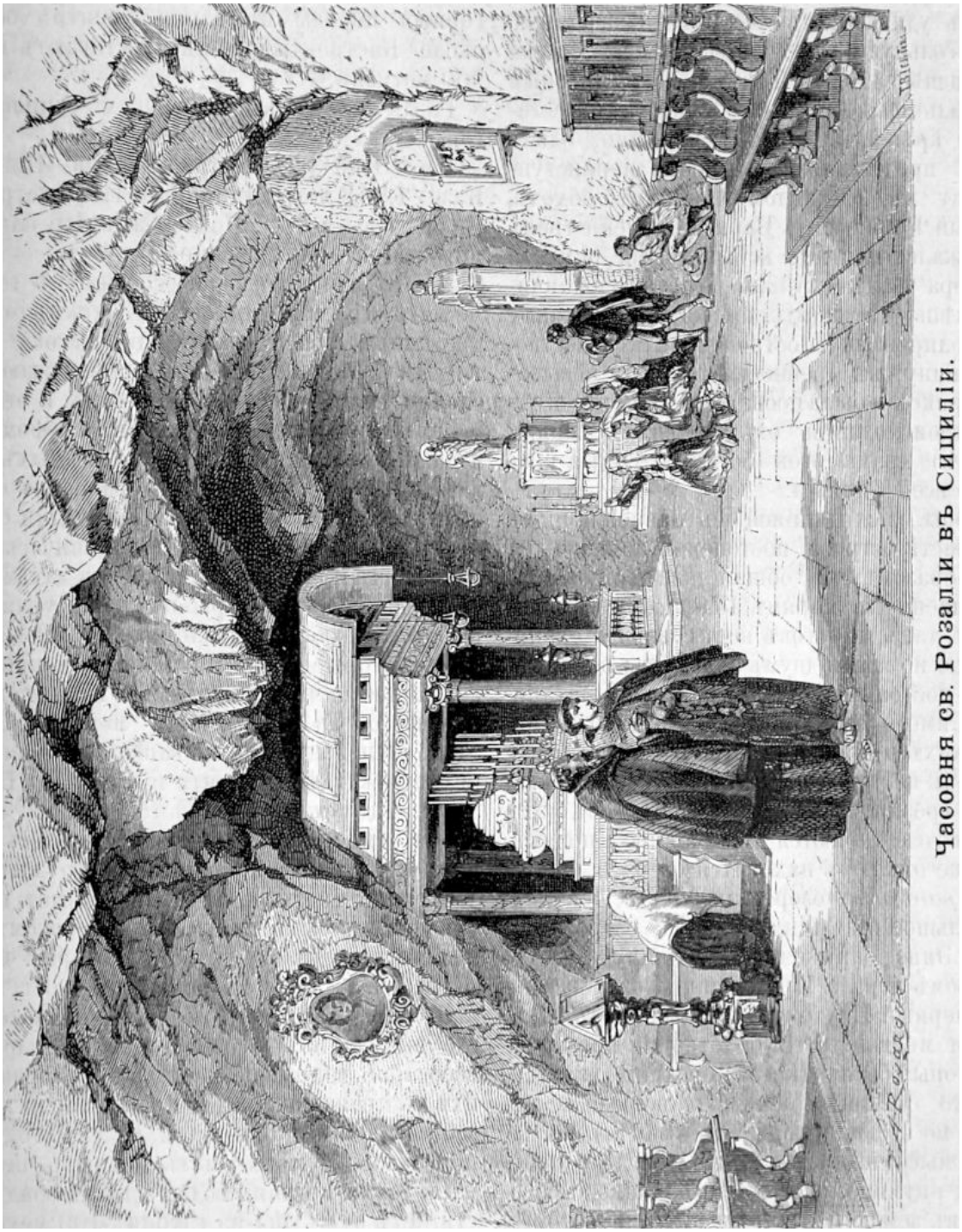
что произведений её достаточно для населения, которое в три или четыре раза гуще, чем в других местностях Сицилии и Италии. Более трехсот двадцати тысяч человек сгруппировались на пространстве в 1.200 километров, на склонах той самой горы, которую, как и прежде, считали местом ужасов, местом неминуемой опасности, и которая действительно разверзается от времени до времени и заливает свои поля огненным потопом. При подошве вулкана, города почти касаются друг друга и нанизаны один к другому, как жемчуг на ожерелье. Едва поток лавы успеет покрыть собою какую-нибудь часть этой цепи человеческих жилищ, как она снова восстановляется над остывшими камнями. Взобравшись на края кратера Этны, зритель с удивлением созерцает эти людские муравейники, кишащие при подошве могучей горы. Концентрический пояс зелени и домов составляет странный контраст с пустынею снегов и черного пепла, занимающею центр картины, и с необитаемыми крутизнами известковых гор по ту сторону Симето. Но это только часть громадной панорамы в 200 метров в окружности. Путешественники совершенно справедливо восхваляют почти ни с чем не сравнимое зрелище трех морей: Ионического, Сардинского и Африканского, которые окружают своими более синими, чем небо, водами треугольную массу Сицилии, высокие полуострова Калабрии и разбросанные Эолийские острова.

Горы Пелор, составляющие сицилийское продолжение итальянских Аспромонте, имеют весьма скромную высоту в сравнении с Этной, но они существовали уже давно, еще в то время, когда местность, в которой возвышается теперь вулкан, была морским заливом. Прежде думали, что высшая вершина Пелора, посвященная древними Нептуну, а нынешними сицилийцами Пресвятой Марии (*Dinna Mare*), имела некогда кратер, но в самом деле ничего подобного не бывало. Горы эти, состоящие из первобытных и переходных каменных пород и одетые по бокам известняком и мрамором, тянутся сперва вдоль берега Ионического моря, который весь окаймлен обрывистыми мысами, потом поворачивают свой главный хребет к западу и идут параллельно берегам Эолийского моря. В средине своей длины цепь, известная в этом месте под названием Мадонии, достигает своей наибольшей высоты, а пощаженные еще топором превосходные леса придают ей совершенно северный вид; можно подумать, что это Апеннины или Приморские Альпы. К северу от гор в море выдаются почти совершенно изолированные известковые мысы, и, благодаря красоте их профили и разнообразию форм, самый берег является одним из самых замечательных берегов Средиземного моря. Посетив даже берега Прованса, Лигурии и Неаполитской области, вы поражаетесь видом гордых мысов сицилийского берега и с удивлением смотрите на огромную четырехугольную глыбу Кефалу, на слегка волнообразный холм Термини, на отвесные массы Кальтафано и, в особенности, на естественную крепость Монте-Пеллегрино, близ Палермо, представляющую почти неприступную скалу в 20 километров в обходе, где старый Гамилькар Барка в течение трех лет держался против всех усилий римской армии. Гора Сан-Джулиано, которою оканчивается цепь на западе, представляет также почти изолированную остроконечную известковую вершину; в древности гора эта называлась Эрикс и была посвящена Венере. Женщины, происходящие от древних жриц (гиеродул) храма этой богини,—самые красивые во всей Сицилии.

Все горы, расходящиеся от главной цепи в южные части острова, постепенно понижаются таким образом, что общая покатость Сицилии обращена к морям Ионийскому и Африканскому, так что сток вод совершается почти только по этим двум склонам; все реки, имеющие постоянное течение, как-то: Платани, Сальсо, Симето, текут к югу от хребта гор Небродских и Мадонии, потоки же северного склона суть не что иное, как *fiumare*, которые бывают грозны только после дождей, в сухое же время года теряются в каменных полях. К югу же от гор находятся озера и болота острова, *pantani*, и озеро или *biviere*, Лентини, самое большое в Сицилии; далее, озеро Пергуза или Энна, окруженное цветущим лугом, на котором играла Прозерпина, когда ее похитил черный Плутон, «рыбный пруд» Терранова и многие другие болотистые пространства, которые были некогда морскими заливами. Насколько северный берег живописен, неожидан по своим очертаниям и богат обрывистыми мысами, настолько же южный однообразен и ритмически изрезан одинаково вдающимися в землю

песчаными бухтами, которые не дают никакой защиты судам. Естественные гавани на этом берегу немногочисленны и не прикрыты, так что в зимния бури корабли подвергаются там большим опасностям.

Длинная покатость Сицилии к югу от гор Мадонии состоит из третичных формаций и новейших слоев, содержащих множество ископаемых раковин, большинство которых встреча-



Часовня св. Розаліи въ Сициліи.

ются в соседних морях еще в живом состоянии. По большему или меньшему содержанию черепокожих, собираемых как на скалах, так и в воде, различные геологи, и в особенности Ляйель, могли определить относительную древность глин и известковых брекчий в этих местностях. Во всей Европе нет ни одной местности, в которой пласты новейшей формации были бы тверже, плотнее и толще, чем в Сицилии: так постплиоценовые горные породы в самом центре острова, около Кастро-Джиованни, достигают высоты 900 метров.

Различные же высоты других сицилийских гор суть:

Гора Этна 3.313 метр.; Мадония (Пиццо-ди-Казе) 1.931 метр.; Диннамаре 1.100 метр.:

Ченторби 736 метр.; Монте-Сан-Джулиано 700 метр.; Монте-Пеллегрино 600 метр.

Другая замечательная особенность геологического строения Сицилии состоит в том, что третичные слои, составляющие высокие холмы на юге Катайской равнины, перемежаются с слоями вулканических веществ, и эти слои, перемешанные с известняком и туфом, произошли, очевидно, вследствие подводных извержений. Глина, песок, кучи раковин отлагались на дне морском правильными слоями; открывавшиеся же внезапно вулканические жерла извергали пепел и шлак, а затем море снова начинало свою работу, т.е. уравнивало выбросски и образовывало новые аллювиальные слои, которые опять ломались и покрывались вулканическими веществами. Таким именно путем образовались под морем глубокие слои, расположенные к западу от банки Нериты, между Джирженти и островом Пантеллариа, где с начала исторического периода время от времени появляется вулкан Джулиа или Фердинандеа. Говорят, его видели в 1801 году; тридцать лет спустя, он появился снова и был окружен островком в 6 километров в окружности, который изучали Жюссье и Констан Прево; в 1863 г. он появился в третий раз; но время окончательного его выхода из воды еще не пришло. Море всегда смывало пепел и шлаки, разравнивало их в правильные слои и заменяло их своими собственными отложениями. В 1840 году холм подводного вулкана был покрыт не более как двумя метрами воды, а ныне зонд не достигает здесь дна на глубине 100 метров.

Эта вулканическая пасть, открывающаяся посреди Средиземного моря,—не единственное свидетельство деятельности подземного огня в южных частях Сицилии. Различные минеральные источники выделяют угольную кислоту и другие газы, происходящие от внутренней работы. В перемежающемся озере Нафта или Паличи, около Палагонии, на юге Катанской равнины, существуют три небольшие кратера, которые открываются среди нефтяных вод и испускают большими клубами негодные для дыхания газы; птицы боятся перелетать озеро, а от маленьких животных, которые приближаются к нему, остаются только одни трупы. Боги Паличи были так грозны в глазах древних, что святилище их считалось неприкосновенным убежищем, и укрывшиеся там беглые рабы приобретали право диктовать свою волю господам. И в наше время эти озерные кратеры внушают еще туземцам большой страх. Озеро Пергуза представляет, вероятно, иногда подобные же явления. Этот древний кратер, около 7 километров в окружности, почти всегда бывает густо населен угрями и линями, но иногда все эти рыбы погибают, и поверхность озера покрывается их разлагающимися трупами. Эту ужасающую смертность причиняют, без сомнения, выделения газа. Далее к западу, около палаццо Адриано, в декабре 1870 г. бил из земли новый газовый источник. Позднее, в 1878 году, произошло большое извержение жидкой грязи и газов на южной стороне Этны, близ Патерно, за год до извержения, называемого Фрументо, которое раскололо гору на протяжении 2 километров через верхние склоны и кратер. Вообще вся подпочва Сицилии находится в состоянии химического брожения.

Главный центр вулканической деятельности вне-этнинской Сицилии находится в окрестностях Джирженти, в местности, называемой «Маккалубами». Вид равнины здесь изменяется с каждым сезоном: летом маленькие кратеры бывают наполнены глинистой кашей и беспрестанно испускают пузырьки газа, и изливают на свои наружные склоны грязь; но когда наступают зимние дожди, все конусы разжижаются и превращаются в тесто, из которого подымается пар. В начале нынешнего столетия почву колебали иногда небольшие землетрясения, и фонтаны грязи и камней подымались снопами до высоты 10 или 20 метров; исключительное же извержение 1777 г. выбрасывало обломки на высоту 30 метров. В наше время Маккалубы спокойнее. Эти лаборатории грязи, как и вулканы, извергающие лаву, имеют свои периоды покоя и возбуждения.

Залежи серы, составляющей одно из главных богатств Сицилии, происходят, вероятно, косвенным образом от тех же подземных лавовых горнов, но ни на склонах, ни в непосредственном соседстве Монджибелло таких залежей нет ни одной. Массы серы, раскиданные небольшими бассейнами, расположены от востока к западу более чем на четверти поверхности острова, в третичных формациях, простирающихся от Ченторби до Каттолика в провин-

ции Джирженти. Все они относятся к последней эпохе миоценового периода и лежат на слоях ископаемых инфузорий, испускающих сильный запах нефти. Весьма вероятно, что сера эта происходит из сернистой извести, принесенной из недр земли теплыми источниками и разложившейся от действия атмосферы. Геологическая формация, в которой встречается сера, богата в то же время гипсом, каменною солью и сернокислым стронцианом, на который в последнее время появился большой спрос со стороны сахаро-рафинадных заводчиков; во многих местах близость соляных слоев узнают по виднеющимся на поверхности соляным налетам, известным под названием *occhi di sale*—«соляные глаза».

Сицилия, подобно Греции, пользуется счастливейшим климатом. Высокая температура лета умеряется морскими ветрами, которые дуют регулярно в самые жаркие часы дня. Зимние холода чувствуются только вследствие полного недостатка комфорта в домах, ибо морозы здесь неизвестны, и снег весьма редко падает на нижние склоны гор. Осенние дожди бывают весьма обильны, но они часто перемежаются с прекрасными солнечными днями и не успевают вполне охлаждать атмосферу. Господствующие ветры, дующие с севера и запада, весьма здоровы, но сирокко, дующий главным образом с юго-востока, напротив, весьма опасен, как ветер смертельный, в особенности на северной стороне, куда он достигает, потеряв почти всю свою влажность. Он продолжается обыкновенно три или четыре дня, в которые опасаются очищать вино, солить говядину и красить комнаты или мебель. Этот ветер составляет главный недостаток климата. В некоторых частях Сицилии также весьма опасны болотные испарения, но это уже вина человека, допускающего порчу воды. Оттого-то в Агосто и Сиракузах, на восточном берегу, и свирепствуют лихорадки.

Средняя температура в Палермо и Мессине 18° Ц. Средняя температура в Катане и Джирженти 20° Ц. Разница между зимней и летней температурой от 2° до 33° Ц. Среднее количество дождя в Палермо 0,595 м.

Благоприятствуемая условиями температуры и влажности, растительность в равнинах и низких долинах Сицилии представляет полу-тропический характер. Здесь легко акклиматизировалось множество чужеземных растений из Азии и Африки, до чайного дерева включительно. Справедливо или нет, карфагенянам приписывают введение гранатового дерева, а римлянам—вишни, персикового и абрикосового дерев; но это сарацинам остров обязан шелковицей, хлопчатником, сахарным тростником, дынями, рисом, фисташками, сумахом и в особенности лимонами и апельсинами,—неоценимое благодеяние. Финиковые пальмы растут группами не только в садах, но и на открытом поле: равнины, окружающие Шиакку и имеющие совершенно африканский вид, во многих местах сплошь покрыты малорослыми пальмами или *giummare*, благодаря которым древней Селинунте дали прозвание *Palmosa*; различные виды хлопчатника растут на склонах холмов до высоты 200 метров; банан, сахарный тростник и бамбук цветут без оранжерей; *Victoria regia* покрывает пруды своими широкими листьями и цветами; нильский папирус, неизвестный ни в каких других частях Европы, растет здесь вместе с большими тростниками, запруживающими реку Анапус, в окрестностях Сиракуз; недавно он рос также в Орето, около Палермо, но теперь исчез. *Cactus opuntia* или варварийское фиговое дерево, хотя и не европейского происхождения, сделался самым характеристическим растением на прибрежных полях Сицилии: самые неуступчивые для обработки потоки лавы в короткое время заростают негостеприимными кустами этого кактуса с зеленоватою, усаженною шипами мясистою поверхностью. При южной подошве Этны эти южные растения, равно как и все другие растения соседних тропических стран, подымаются до наибольшей высоты. Без особенно усиленного ухода крестьяне выращивают апельсинные деревья на высоте более 500 метров; виноград свободно растет на двойной высоте, а лиственница растет сама собою до высоты 2.250 метров. Эти склоны, обращенные к африканскому солнцу,—самые теплые места в Европе, и не только вследствие своего положения, но и вследствие полной защищенности вулканом от северных ветров и вследствие черноватого цвета шлака и пепла, на которые падают полуденные лучи солнца.

Местности, покрытые деревьями и кустами, всегда сохраняют зеленый вид; даже зимою

апельсинные и лимонные деревья, олеандр, мастиковое дерево, тамарис, кипарис, сосна всегда сохраняют свою листву и придают таким образом природе тот приятный вид, который так резко отличается от угрюмости наших северных зимних пейзажей. Таким образом, при некоторой заботе, садоводы постоянно поддерживают жизнь в своих садах: в Сицилии не бывает плодов-первинок, потому что круглый год можно получать свежия овощи. По близости Сиракуз сады отличаются особенною красотою, благодаря той противуположностп, которую составляет их дивная растительность с обнаженными скалами. В особенности замечателен из них один, в который вы попадаете как бы волшебством, по выходе из горной расселины: это волшебное место зелени, тени и благоухания, называемое Intagliatella или Latomia de'Greci,—одна из каменоломен, в которой греческие рабы тесали камни для сиракузских храмов и дворцов. Апельсинные и лимонные деревья, японская ирга, персиковые деревья, стручковый багряник, произрастающие на открытом воздухе, тянутся к свету и достигают высоты 15 и 20 метров; стволы деревьев окружены густым кустарником; ветви перемешиваются с гирляндами лиан; над аллеями висят цветы и плоды; в ветвях поют множество птиц. А над этим элизиумом душистых и цветущих дерев возвышаются отвесные утесы каменоломни, из которых одни голы и белы, как в те дни, когда здесь тесали камни афинские невольники, другие же одеты сверху донизу плющем или же заросли на выступах рядами кустарников.

Находясь на перепутье всех наций, споривших друг с другом за владычество на Средиземном море, Сицилия, в своем нынешнем положении, должна представлять смесь самых разнообразных элементов. Не говоря о сиканах, сикулах и других первобытных жителях, которым, по недостатку исторических сведений, нельзя отвести настоящего места среди других европейских народов, но которые говорили, вероятно, на языке родственном латинским наречиям, побережье острова колонизировали, как известно, финикияне и карфагеняне, а греки достигли почти такой же многочисленности, как на своей родине. Уже двадцать шесть веков тому назад Сицилия начала эллинизироваться основанием Наксоса на морском мысе, при подошве Этны. Вскоре затем число греческих городов увеличили Сиракузы, ставшие впоследствии столь могущественною республикою, а за сим Лентини, Катана, Мегара, Хиблея, Мессина, Химера, Селинус, Камарина, Агригент. Вся окраина острова, как в наше время берег Македонии, Фракии и Малой Азии, составляла вторую Грецию, в ущерб оттесненному во внутрь туземному населению. Да и не были ли берега Сицилии на самом деле второю Элладою по климату, по прозрачности воздуха, по виду гор и утесов? Мраморный порт и Сиракузская бухта, акрополь и гора Гибла—не представляют ли собою пейзажа, как бы перенесенного из Аттики или Пелопоппеза? Источник Аретузы, который появляется из залива у морского берега на островке Ортигии, и вода которого идет из внутренности страны, под морским проливом, походит на Эразинос и многие другие источники Эллады, которые теряются в пропастях плоскогорий и потом снова появляются на свет Божий у самого морского берега. Сиракузцы верили, что любовник нимфы Аретузы, поток Алфей, вовсе не смешивается с Ионическим морем, а, выйдя из равнин Элиды, исчезает под солеными водами и появляется снова на сицилийском берегу. Иногда видали, рассказывали мореходцы, как Алфей вспенивал воду на повархности моря около источника Аретузы, и в его потоке кружились листья, цветы и плоды с деревьев Греции. Найдется ли другая подобная легенда, которая говорила бы о такой трогательной любви к родине? Вся природа, со своими реками, источниками и растениями, следовала за эллином в его новое отечество.

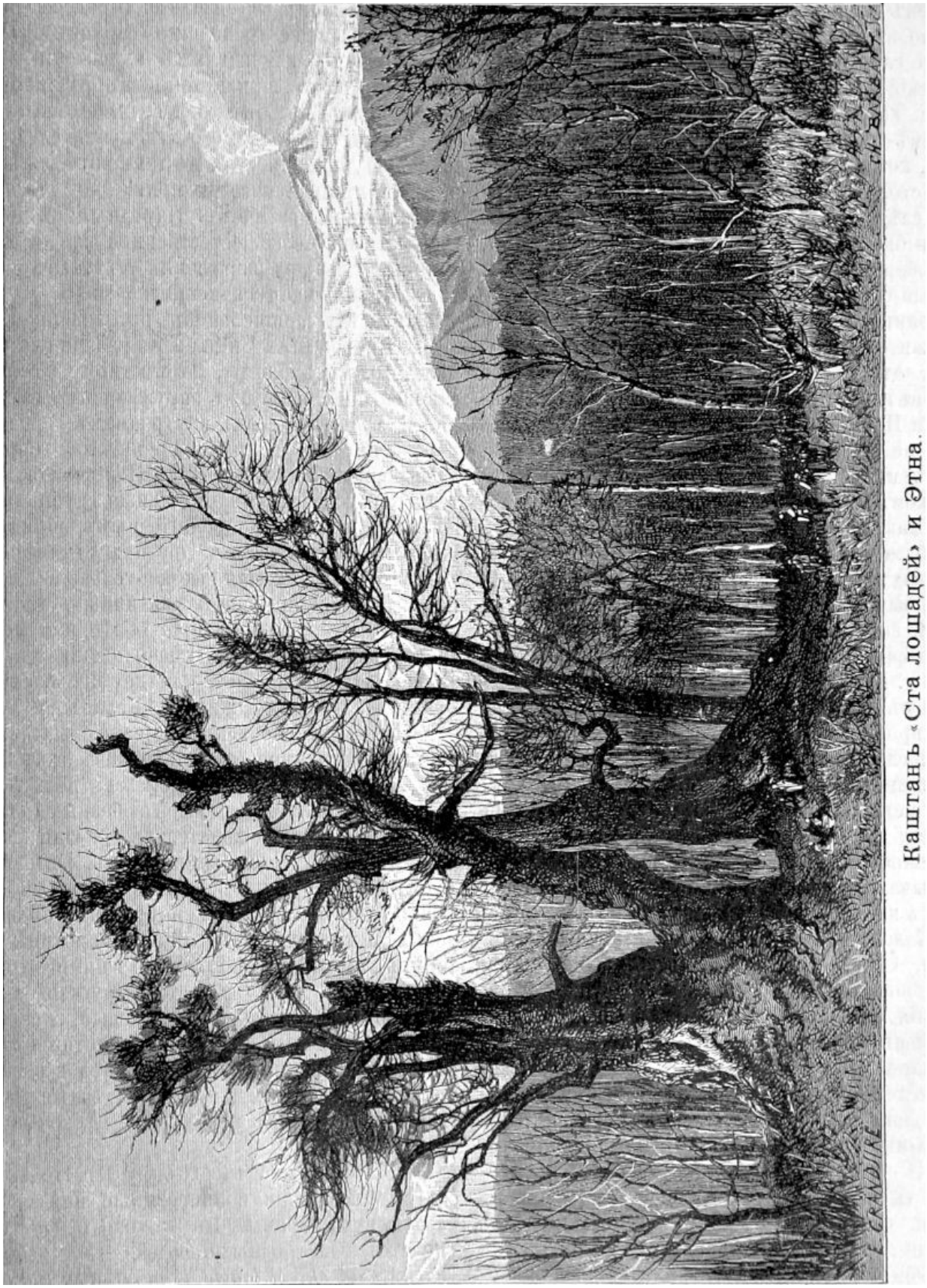
Сицилия была тогда гораздо населеннее, чем в наше время, и в эпоху своего процветания насчитывала несколько миллионов греков. Карфагенские купцы и солдаты больше эксплоатировали страну, чем колонизировали, и хотя они господствовали на различных частях острова в течение трех или четырех веков, но оставили на нем лишь слабые следы своих стен, монеты и надписи. Самые поразительные памятники их господства в Сицилии, как справедливо заметил Деннис, представляют опустошенные местности, в которых стояли города Химера и Селинус. Но как бы ни было ничтожно участие карфагенян, по сравнению с греками, в перекрещиваниях племен сицилийского населения и, следовательно, в будущих

судьбах народа,—участие это не следует оставлять без внимания: пунический элемент все-таки вошел в кровь нации. То же самое и с гораздо большим основанием должно сказать о римских завоевателях, которым остров принадлежал около семи столетий. Вандалы и готы также оставили свои следы. Сарацины, люди столь смешанной крови, бывшие в одно и то же время и арабами, и берберами, сообщили сицилийскому гению свой южный огонь, между тем как их победители и ученики в цивилизации, норманны, внесли положительные, свойства, отвагу, неукротимую силу, одушевлявшую в то время суровых сынов гиперборейских морей. Когда они осаждали Палермо, в 1071 г., на острове говорили не менее, как на пяти языках: на арабском, на еврейском, на греческом, на латинском и на народно-сицилийском; но арабский, как язык цивилизованный, имел такое преобладание, что надписи на дворцах и церквах, даже во время норманского господства, вырезывались именно на этом языке: при дворе короля Рожера, Эдризи составил свою географию, один из памятников науки. В 1223 г. последние арабы по языку были выселены в Неаполитанскую область, но примесь их крови уже глубоко изменила нацию.

Впоследствии, французы, немцы, испанцы, арагонцы точно также способствовали, хотя и в меньшей степени, образованию из сицилийцев народа, отличающагося от своих итальянских соседей как по виду, нравам и обычаям, так и по национальному чувству. Всех континентальных жителей, даже жителей Калабрии, островитянин считал иностранцами. А недостаток удобных сообщений давал возможность различным группам населения сохранять дольше свой язык и отличительные племенные черты. Так, изгнанные норманнами на остров, ломбарды сохраняли много германских выражений в Сицилии еще несколько веков после исчезновения всякого следа иностранного диалекта в самой Ломбардии. И еще в настоящее время около пятидесяти тысяч сицилийцев обнаруживают в языке свое ломбардское происхождение; в Пиацце, Армерине, Айдоне, Сан-Фрателло, Никозии продолжают говорить на испорченном ломбардском языке; всего же чище это древнее наречие в Сан-Фрателло, расположенном на крутом холме к северной стороне, острова; в Никозии, внутри острова, ломбардский акцент сохранил в себе еще нечто похожее на акцент древних франко-нормандских завоевателей. Вообще сицилийский язык, особенно в самых внутренних местах острова, не совсем еще итальянизирован, и содержит в себе также много греческих выражений; сверх того, множество арабских слов и названий городов напоминают бывшее господство сарацин. Одно из самых любопытных выражений—это название «валь», прилагаемое к различным провинциям Сицилии и производимое от вали—древний титул политических правителей. Сицилийский диалект, хотя не так звучен, как наречия итальянского материка, но, тем не менее, очень поэтичен. Народные песни в Сицилии, по своей естественной прелести и изящному выбору выражений, уступают разве только дивным тосканским *rispetti*.

Из всех пришельцев, поселившихся волею или неволею в Сицилии в различные времена, только албанцы, по местному *Greci*, не слились еще вполне с окружающим населением; в некоторых внутренних городах, и особенно в Пиана-де-Греки, на террасе, возвышающейся с юга над Палермскою бухтою, они составляют отдельные группы как по языку, так и по религиозным обрядам. Но хотя слияние всех других этнических элементов и кажется окончательным, тем не менее разница между различными частями сицилийского населения еще более или менее значительна, смотря по преобладанию в их смешениях крови того или другого племени. Этнинцы, особенно жители Катаны и Ачи-Реале, эллинское происхождение которых, быть может, чище, чем самих греков, так как они чужды славянской примеси, пользуются прекрасною репутациею людей любезных, гостеприимных и доброжелательных. Они умнее и образованнее всех сицилийцев. Жители же Трапани, говорят, всех красивее, и их женщины очаровывают иностранца правильностию и миловидностию лица. Напротив, палермцы, на которых арабское влияние отразилось сильнее, чем на всех других, представляют вообще черты тяжелые, некрасивые, почти варварские; они неохотно открывают свое жилище для иностранца и ревниво прячут своих жен в самые тесные уголки своего дома; нравы у них еще несколько мусульманские.

В Палермо же и в его округе всего дольше сохранялись дикие, воинственные, пиратские и разбойничьи нравы. По законам *omerta*—«кодекс благородных людей»—месть обязательна. «*A chi ti toglie il pane, e tu togli la vita!*» (Кто отнимет у тебя хлеб, у того ты отними



Каштанъ «Ста лошадей» и Этна.

жизнь!)—вот главная основа кодекса: но, на практике, палермская месть не имеет той простоты, как корсиканская *vendetta*: она усложняется правилами, установленными рутиной и котерией. По несколько, может быть, преувеличенной статистике, не менее четырех или

пяти тысяч палермцев принадлежали, в середине текущего столетия, к тайному обществу *maffia*, члены которого обязываются взаимно жить обманами, контрабандой и кражами всякого рода. Еще в 1865 году разбойники были почти полными хозяевами всех окружающих местностей до смежных провинций Трапани и Джирдженти. Они держали даже, так сказать, в осаде Палермо; ни один иностранец не осмеливался покидать столицу, боясь быть убитым или взятым в плен бандитами; ни один крупный землевладелец не ходил собирать свой хлеб, виноград, оливки, даже стричь свой скот, не купив у бродяг права прохода. Несмотря на все исключительные репрессивные меры, ассоциация эта, порожденная нищетой, покровительствуемая потворством населения, из боязни и ненависти к полиции, могла сохранять некоторую организацию.

История маффии неизвестна и рискует остаться в большей своей части тайною. Ее знают только по сценам убийств и по вызываемым ими кровавым преследованиям. Верно только то, что маффия существовала под другими именами со времен норманских королей, то увеличиваясь, то уменьшаясь, смотря по превратностям политической жизни. Не подлежит никакому сомнению, что в течение последних двадцати лет положение дел ухудшалось, вследствие увеличения налогов, нищеты, рекрутских наборов и всех резких перемен, последовавших за установлением нового политического режима. Народ, привыкший к рутине прежних злоупотреблений, не успел еще свыкнуться с новым бременем, наложенным на него присоединением его к Итальянскому королевству. Тем не менее, каковы бы ни были трудности политического перехода, сицилийское население итальянизуется сперва в городах, затем мало-по-малу и в деревне. Общность языка и интересов все более и более привязывает остров к полуострову, и отныне обе страны не могут уже не следовать по одному и тому же пути. Для Италии присоединение Сицилии будет иметь неоценимое значение, если только установится взаимное доброжелательство, если сохранится мир, и если сами сицилийцы будут разумно эксплоатировать богатства своего острова. Значительное увеличение населения, которое с 1734 почти утроилось, составляет признак естественных богатств страны. Что же произошло бы, если бы, вместо варварских способов, к эксплоатации этих богатств были приложены окончательно наука и искусство?

Известно, что Сицилия была некогда любимою страною Цереры; здесь, именно в Китайской равнине, добрая богиня научила людей пахать землю, бросать в нее зерна и жать колосья. И сицилийцы не забыли уроков Деметры: большая половина территории острова обрабатывается под зерновые хлеба: но надо сказать, что жители и не улучшили системы обработки, преподанной им богинею в баснословные времена, да почти и невозможно им работать лучше своих предков, ибо, в силу их условий с благородными собственниками, наследниками норманского феодала, земледельцы должны следовать в работе древней рутине». Почти все их орудия сохранили еще свою первобытную форму, навоз почти не употребляется, и, бросив в землю семена, крестьянин предоставляет обыкновенно заботы о своем поле благодетельной природе. Проезжая по полям Сицилии, вы удивляетесь совершенному отсутствию домов,—деревень нет вовсе, а существуют только многолюдные города на больших друг от друга расстояниях. Все земледельцы здесь горожане, которые, как и в древности, каждый вечер возвращаются в город, и между ними есть такие, которые обязаны делать каждый день двойной конец, километров в десять или больше, для посещения своего поля и возвращения на ночлег: впрочем, иногда им случается избавить себя от обратной ходьбы, проводя ночь в какой-нибудь пещере или во рву, прикрытом ветвями. Во время жатвы и сбора винограда рабочие укрываются под поставленными на скорую руку навесами. Благодаря этому отсутствию человеческих жилищ, обширные хлебные поля, покрывающие долины и склоны, представляют совершенно особый характер угрюмости и торжественности. Вы подумаете, что эта страна безлюдная, и спросите себя, для кого же зреют эти колосья?

Хотя хлебные поля и обширнее земель, посвященных другим родам культуры, однако же они не имеют большего значения по общей стоимости своих произведений. Земли, прилежащие к городам и занятые виноградниками, фруктовыми садами, составляют весьма обиль-

ный источник богатства. В настоящее время питательную пшеницу, как главный предмет вывоза, заменили в Сицилии *agrumi*—апельсины и лимоны. Сицилия ныне уже не «житница»,—она стремится обратиться в огромный склад фруктов. Семь главных пород апельсинного дерева, подразделяющихся на четыреста разновидностей, не считая множества помесей, представляют для Сицилии ценность около пятидесяти миллионов франков. Дивный сад, которым окружил себя Палермо, в ущерб прежним плантациям манны и других культурных растений, покрывает склоны до высоты 350 метров. Плоды отправляются ежегодно на ма терик Европы, в Англию и в Соединенные Штаты сотнями миллионов. За последнее время, болезни фруктовых деревь и иностранная конкурренция неблагоприятно стали влиять на цифру вывоза «золотого яблока». Апельсины низшего достоинства, не находящие себе покупателей на иностранных рынках, употребляются на приготовление эфирных масл, лимонной кислоты и лимоннокислой извести, из которых последняя, употребляемая в большом количестве для набивки материй, составляет монополию Сицилии.

Как страна виноградников, Сицилия также занимает одно из первых мест в Европе. По виноделию—это важнейшая из провинций Италии; она одна доставляет около пятой части всего производимого нациею количества вин. Возделывание винограда производится большею частию под руководством иностранцев и притом гораздо лучше, чем на соседнем полуострове, хотя филоксера и здесь не миловала виноградников. Марсала, Сиракузы, Алкамо, Милаццо отправляют много вин, которые справедливо славятся своими превосходными качествами. Южные и западные склоны Этны, от Катаны до Бронте, производят вина, которым теплота почвы сообщает необыкновенный букет и крепость; только здесь возделывателям приходится между виноградными лозами насыпать кучи земли, которые, сохраняя в себе влагу дождей, отдают ее впоследствии, в засуху, корням винограда. Главными покупщиками сицилийских вин, а равно и всех других земледельческих произведений: масл, миндаля, хлопка, шафрана и манны, выделяемой, как и в Калабрии, одним видом ясеня, являются Англия и Франция. Шелк-сырец, который на этом средиземном острове стал производиться раньше всех других стран Европы, точно также идет заграницу. Таким образом, Итальянское королевство, взимая в Сицилии налоги, в действительности большую часть их берет с европейских потребителей[1].

Главный минеральный продукт острова, сера, точно также сбывается почти исключительно на иностранные рынки. Содержание серных залежей весьма различно: в некоторых скалах она составляет четверть; но даже там, где её 5 или 6 процентов, достаточно приблизить к стене копи зажженную лампу, чтобы стена закипела, как смола. Для добывания серы в очищенном состоянии и употребляется именно этот простой процесс вываривания. Околотые в копи глыбы кладутся в кучи на открытом воздухе, где они и остаются более или менее долго под разрушительным действием переменной погоды, а затем остатки руды сваливаются кучею над огнем печи. Камень трескается, и растаявшая сера стекает в приготовленные для неё формы. Хотя при этой процедуре, совершающейся по рутинным правилам, теряется около трети всей содержимой в камне серы, тем не менее ежегодное производство весьма прибыльно и не может не расширяться по мере улучшения способов извлечения серы и открытия удобных путей сообщения. В 1883 году сицилийские серопромышленники вывезли в Европу 391.000 тонн серы, стоимостью на 37 мил. франков, т.е. по количеству и стоимости Сицилия дала более трех четвертей всего употребляемого в промышленности количества.

К сожалению, работы по добыванию серы производятся главным образом детьми от 10- до 12-летнего возраста и крайне тяжело отзываются на их здоровье. Исчислено, что одни только известные в Сицилии залежи содержат в себе от сорока до пятидесяти миллионов тонн серы, и что при нынешних размерах производства они истощились бы только в течение двадцати одного века. В некоторых местностях Сицилии, как например к северу от Джир-

1 Виноделие в Сицилии в 1884 г.: 3.782.000 гектолитра. Виноделие среднее: 4.000.000 гектолитра.

дженти, деревни построены из серного гипса, и атмосфера всегда пропитана запахом серы[2].

Каменной соли, которая находится в тех же формациях, как и сера, хватило бы на всю Европу на весьма значительное время, потому что в центре острова есть еще целые холмы, состоящие из этого минерала; но соль предмет вовсе не редкий, и в Сицилии есть весьма обширные прибрежья, на которых солеварам остается только собирать кристаллы, доставляемые даром Средиземным морем. На западной оконечности острова, в Трапани, есть обширные пространства, занятые сплошь солончаками, которые попеременно то затопляются водою, то белеют солью; сюда приезжают за нею норвежские и шведские корабли. В море, около того же Трапани, растут лучшие кораллы при сицилийских берегах; но самые богатые коралловые мели находятся к югу от Шиакка, где в иные годы добывали около миллиона килограммов коралла. Тунцы, ловля которых гораздо значительнее коралловой, ловятся в особенности в больших бухтах между Палермо и Трапани, между тем как меченос—в Мессинском заливе. Пастбища внутри острова все еще богаты стадами коз и баранов, как во времена Феокрита.

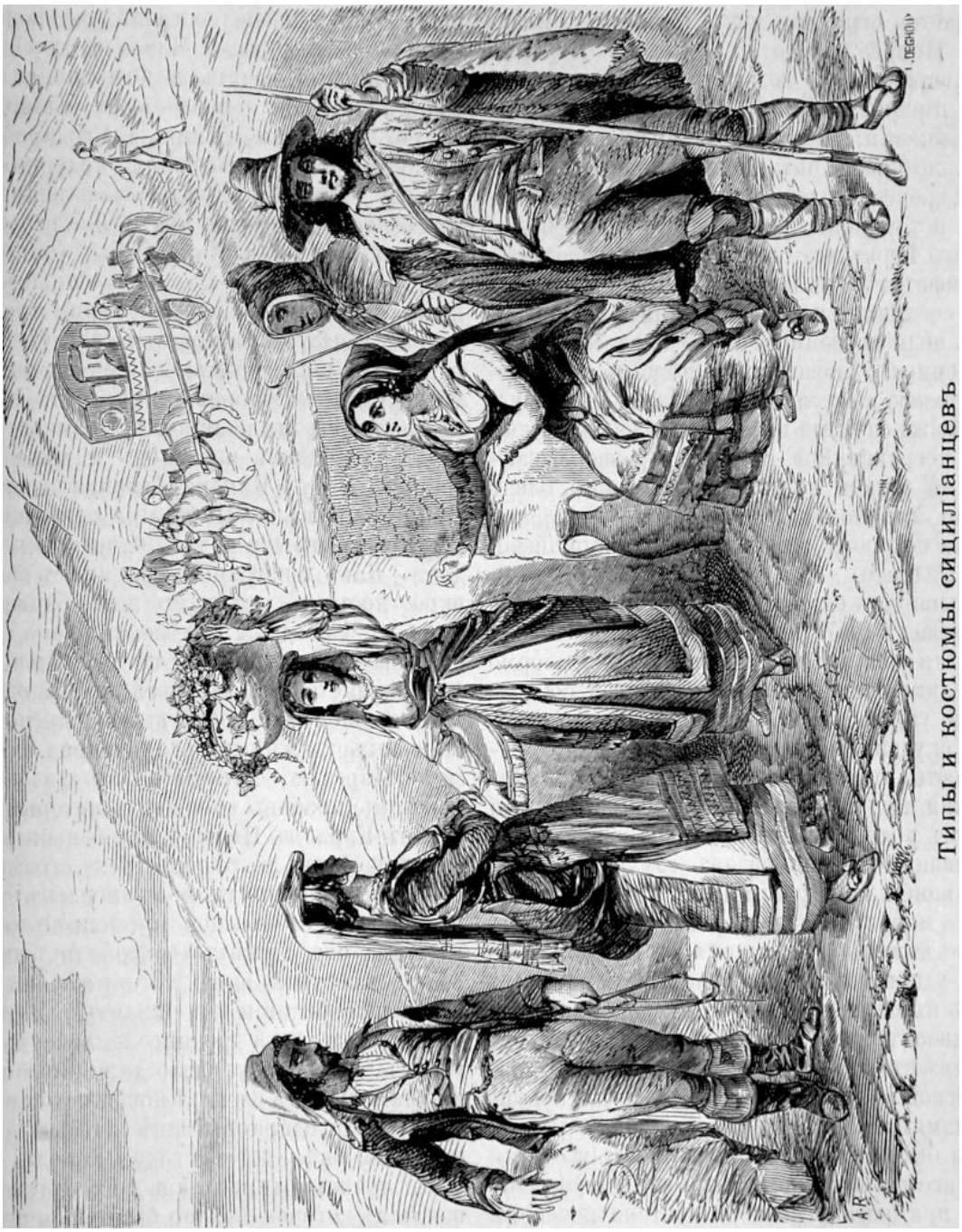
Морской путь недавно еще был для сицилийцев почти единственным путем сообщения, и только в последней крайности они решались переезжать из одного порта в другой сухим путем. Об этом можно судить уже по тому, что по единственной проезжей дороге на острове, соединяющей Палермо с Мессиною чрез Катану и Леонфорте, в течение 1866 г. проехало всего только четыреста человек. В большей части острова еще и ныне существуют совершенно первобытные способы передвижения. Самые важные серные и соляные копи соединяются с морем только посредством тропинок, по которым ездят на мулах, и сами местные жители противятся устройству дорог, боясь, чтобы промысел погонщиков мулов, употребляемых обыкновенно при перевозке, не заменился введением каких-нибудь новых проводников. Дорога из торгового порта Терранови в город Кальтаницетту строилась больше двадцати лет, хотя была единственным путем, соединявшим город с внутренними местностями. Сеть железных дорог, которая соединяет три стороны сицилийского треугольника, и вся длина оконченных участков которой составляет около 800 километров, служит уже для торгового движения, которое вчетверо или впятеро больше движения на Калабрийских линиях. Подземная галлерея в Марианополь на железной дороге из Кастро-Джиованни в Леркару, имеет 6.500 метров длины.

Столица Сицилии, «счастливый» Палермо, город университетский, есть один из главных городов Италии: при арабском господстве он превосходил, по количеству населения, все города полуострова, а теперь уступает только Неаполю, Милану, Риму и Турину; каждая новая перепись свидетельствует о быстром его возрастании. Ни один город в Европе не пользуется таким превосходным климатом, не имеет такой красоты издали и не расположен в таком гнездышке из цветов и зелени, как Палермо. Его величественные горы с обнаженными боками и гротами при подошве составляют раму дивного сада, знаменитой «Золотой раковины», среди которого виднеются башни и куполы, стволы пальм с веерообразными вершинами и раскидистые ветви сосен, и над которым с юга возвышается огромная масса церквей и монастырей Монреаля. По красоте, с Палермо может сравниться только один сицилийский город, именно соседний Термини, который, по справедливости, заслуживает, эпитет «блестящаго», которым он себя величает. Этот древний греческий город, в котором струятся теплые источники, придавшие членам божественного Геркулеса силу и ловкость, расположен амфитеатром по склонам террасы, которая соединяется зеленеющим перешейком с величественною горою Сан-Калогеро, испещренною беловатыми бороздами, с поросшими травою выступами по бокам. Этот чудный пейзаж служит восточным дополнением другой несравненной картины, развертывающейся на запад до горы Пеллегрино, близ Палермо, именно—картины садов Багариа и мыса, на котором стоял древний финикийский город Солунто.

Но пышность окрестностей составляет резкий контраст с бедностию и безобразием большей части кварталов столицы. В Палермо есть великолепные здания, есть свой собор,

2 Количество серных копей в 1882 г. 363. Стоимость добытой серы 41.582.515 фр.

который украшен чрезвычайно богато и покрыт скульптурами самой удивительной отделки, есть, в королевском дворце, своя Палатинская капелла—памятник единственный в своем роде, покрытый сплошь мозаиками и соединяющий в себе разом самую гармоническую комбинацию различных красот византийского, мавританского и римского искусства. Палермо может соперничать с Равенною по своему удивительному собранию мозаических картин в церкви Монреаля, города, который так близок к нему, что может считаться его предместьем.



Типы и костюмы сицилiанцевъ

Но кроме этих зданий, дворца арабской архитектуры, нескольких новейших памятников и двух больших улиц, которые были проведены по приказанию одного испанского губернатора так, что пересекаются под прямым углом в математическом центре Палермо, образуя таким образом знак креста чрез весь город,—этот многолюдный центр представляет лишь мрачные переулки с грязными и полуразвалившимися домами, у которых окна завешаны разноцветными тряпками. До недавнего времени Палермо вовсе не заслуживал своего греческого названия «порт всех народов». Стесненный горами и лишенный легкого сообщения с внутренностию страны, он имел внешнюю торговлю только для своего местного потребления, и продовольствовался продуктами своих рыбных ловель и великолепного сада. Несмот-

ря на то, что он на целую треть населеннее Генуи, торговля его вдвое меньше; впрочем, деятельность его порта теперь быстро усиливается.

Два западные порта острова, Трапани, древний карфагенский город, как и сам Палермо, построенный на полуострове, выдающемся в море в виде косы, и Марсала, город знаменитый винами, ведут, по отношению к числу своих жителей, гораздо более обширную торговлю, чем сама столица. Благодаря предприимчивости своего населения, недурному порту и рейду, Трапани ведет весьма значительную торговлю: он весьма деятельно разрабатывает, как мы видели, окрестные салины, которые принадлежат к числу самых обширных по всему побережью Средиземного моря; он с успехом занимается ловлею тунцов, коралла и даже губок; его ремесленники весьма искусны в фабрикации полотна и шерстяных тканей, в полировке мрамора и алебастра, в обделке кораллов и драгоценных вещиц. Порт Мацара, бывшая столица провинции или «вали» Мацары и служащий вывозным портом для двух значительных городов—Кастельветрано и Салеми, с тенистыми окрестностями, находится всего ближе к Тунису и, благодаря железной дороге, которая связывает его с Палермо и остальной Сицилией, является узлом всей железнодорожной сети, идущей из Европы в Африку, но не представляет судам никакого убежища. Что касается до Марсалы, «*Mars-et-Allah*», т.е. «Божья пристань» арабов, то её порт, который был завален Карлом Пятым из боязни варварийских набегов, в течение трех столетий представлял лишь пруд, восстановлен еще очень недавно, и для большой торговли недостаточно глубок; он служит только для отправления соли и местных вин, которые очень ценятся в Великобритании и во Франции. Марсала построен на месте древнего Лилибеума, в котором, по Диодору, было до 900.000 жителей; но знаменитость свою в новой истории он получил благодаря высадке здесь Гарибальди и его легиона в 1860 году. Город Марсала был точкою отправления того триумфального шествия, которое должно было окончиться битвою при Вольтурне и взятием Гаэты. Первое столкновение было при городе Калатафими, на дороге, которая идет в Палермо чрез многолюдные города: Алькамо, взгромоздившийся на голый скалистый холм розового или рыже-бурого цвета, и Партинико, в богатой «раковине» садов, которая наклонена к северу, к заливу Сан-Вито и его тунцовым ловлям.

«Благородная» Мессина, центральный город Средиземного моря, доминируемый замком Матта-Гриффоне, построенным Ричардом Львиное Сердце, есть неизбежная станция для всех пароходов, участвующих в громадной морской торговле между Западною Европою и Восточными странами. Рейд её представляет превосходное убежище для судов; в него могут безопасно входить корабли самой тяжелой нагрузки. Кроме того, если корабли, идущие из Тирренского моря, во время бури опасаются вверять себя гибельным теченияm пролива, то они имеют безопасное преддверье в порте Милаццо, служащем морским выходом для богатых и многолюдных сел Патти и Барселлоны; рейд защищается здесь от опасных западных ветров изогнутым в направлении к Эолийским островам полуостровом, пещеры которого, по Гомеровой легенде, служили хлевами для быков Солнца, бывших родоначальниками здешних крупных рыжих быков. Мессинский порт, образуемый низменным пляжем, который под прямым углом отделяется от берега и загибается серпом в открытое море,—откуда и происходит данное городу название Занкле,—расположен самою природою так счастливо, что волноразбиватели кажутся как бы сделанными самим человеком: древние видели в них косу отца богов Сатурна, уроненную им в Ионийское море. К сожалению, Мессина открыта для северных и южных ветров и, кроме того, расположена как раз на линии, соединяющей два вулканические горна Сицилии и Южной Италии, а положение её во рву, образуемом проливом, увеличивает опасность, может быть, еще больше. Немного городов в Европе, которым так непосредственно грозила бы опасность землетрясения, как Мессине. В ней заметны еще некоторые следы ужасного землетрясения 1783 года, во время которого потонули все корабли в порте, разрушились до основания дворцы на берегу, и более тысячи людей погибло под водою и под развалинами. При первых ударах, возвестивших землетрясение, почти все мессинцы успели спастись бегством.

Катана, т.е. «Под-Этнинская», как обозначает смысл её греческого названия, испытывает такую же опасность, как и Мессина, и не только от землетрясений, но и от потоков лавы. Как и Мессина,—это цветущий торговый город; он отличается изобилием земледельческих продуктов, как и соседние с ним города, расположенные при подошве вулкана, а именно: Ачи-Реале, окруженный апельсинными рощами, виноградниками и известный теплыми источниками Санта-Венеры, является городом довольно значительным, хотя и не имеет порта; Джиарре, с длинными улицами, по которым носится пыль ржавчинного цвета, имеет только рейд (Рипосто), но к этому рейду течет целая «река вин», скупаемая здесь негоциантами Сетты и Марселя: Патерно, богатый теплыми источниками: Адерно, построенный на высокой скале из лавы: Бронте, на перешейке между двумя потоками шлака: Рандаццо, в котором господствуют еще старинные норманские здания. Но Катана пользуется сверх того монополиею вывоза всех товаров внутренности острова; это—главное место самых богатых и цивилизованных восточных округов, центральная станция железных дорог острова и пункт соединения весьма многих обыкновенных дорог; её порт, образованный в шестом веке потоком лавы и заваленный, в настоящее время исправлен и увеличен. Катана, как и Мессина, город университетский. Здесь родился Беллини.

Совершенно естественно, что на таком острове, где ни одно место не отстоит от моря далее 60 километров, все большие города, повинуясь силе притяжения торговли, должны были основываться по берегам. Но и во внутренности острова, среди плодороднейших полей и в точках пересечения если не дорог, то по крайней мере естественных направлений торговли, есть несколько значительных аггломераций. Так, ломбардский город Низокия, расположенный при южном выходе из гор Мадониа, составляет необходимое переходное место между богатою равниною Катаны и северными городами Сицилии. Корлеоне есть точно также посредствующий пункт между Палермо и берегами африканского склона. Кастро-Джиовани, древняя Энна, занимает также одно из привилегированных положений, ибо находится почти в геометрическом центре Сицилии, на плоскогорье, с которого открывается необъятный горизонт и который древние назвали «пупом Сицилии»; около города жители и теперь еще показывают большой камень, который был будто бы алтарем Цереры. Пияца-Армерина, «*opulentissima*», и Кальтаджироне, «*la gratissima*», названная так по плодородию полей, ведут довольно деятельную торговлю чрез посредство Терранови, построенной среди столь знаменитых своим плодородием Гельских полей, на месте древней Гелы, и сохранившей еще остатки дворцов и храмов последней. Далее к западу, Кальтаницетта, главный город провинции того же имени, и соседний с нею Каникатти, также довольно населенный, снабжают своими вывозными товарами весьма значительную по торговле гавань Ликату.

Около вершины южного угла Тринакрии есть также довольно много отдаленных от моря групп населения. Два значительные города, Модика и Рагуза, стоят в нескольких километрах друг от друга; Спаккафорно и Сцикли, каждый километрах в пятнадцати от Модики, стоят ближе к морю; далее к западу промышленный Комизо, окруженный полями хлопчатника, и Виттория, солонцоватые равнины которой доставляют марсельской торговле в изобилии содовую золу, отделяются один от другого лишь долиною, с которой течет по временам, воспетая Пиндаром, река Гиппарис; Ното, главный город провинции, составляющей южную часть Сицилии, построен, как и почти все города этой части острова, на некотором расстоянии от берега; но близнец его—Авола—стоит на самом берегу Ионийского моря. Ното и Авола оба были разрушены землетрясением 1693 года, и оба выстроены вновь с геометрическою правильностью в нескольких километрах от занимаемых ими прежде мест. Поля Аволы, несмотря на сравнительный недостаток естественного плодородия, по своей обработке принадлежат к числу лучших в Сицилии; это единственная местность в Италии, где производство сахарного тростника имеет некоторое промышленное значение.

Другие города, к северу от главного хребта холмов, понижающихся к южному углу Сицилии, заключают в себе все земледельческое население страны. Лентини, древний Леонциум, хвалится тем, что он древнейший город во всей Сицилии, и жители его показывают пе-

щеры, которые были будто бы жилищами людоедов лестригонов; теперь это бедный город, перестроенный заново после землетрясения 1693 года. Милителло возник снова с того же времени, а Гранмикеле основан в восемнадцатом веке для помещения жителей города Окки-ала, который был также разрушен землетрясением. Виццини и Ликодия-ди-Виццини замечательны особенно своими потоками лавы, чередующимися со слоями морских ископаемых, а Минео стоит по близости небольшого кратера Паличи. Народные песни Минео славятся во всей Сицилии; в одном из его окрестных садов есть удивительный камень, «камень поэзии»: всякий, кто бы ни поцеловал его, говорит легенда, делается поэтом.

Южная часть Сицилии весьма богата земледельческими центрами, но, напротив, очень бедна естественными гаванями; на африканском море у ней были недавно только открытые рейды и низменные берега, но на Ионийском море у неё есть два безопасные порта: Агоста и Сиракузы, которые удивительно похожи друг на друга и общею формою своих очертаний, и положением господствующих над ними островных городов. Агоста или Аугуста, наследница греческого города Мегары Гиблеи, ныне не более как военный город, одолеваемый лихорадками. Сиракузы, древний дорийский город, который был одно время населеннейшим и богатейшим городом во всем бассейне Средиземного моря, ныне просто главный город своей провинции. Этот город, который еще в прошлом столетии праздновал свою великую победу над Афинами, теперь не что иное, как развалина; к его «мраморному» и окруженному некогда статуями порту теперь пристают только лодки, а его «большой» порт, который мог вмещать в себе целые флоты и в котором происходили морские сражения, представляет почти пустыню. Все, что остается от города, сосредоточивается на островке Ортигии, который отделяется от Сицилии укреплениями, частию искусственным рвом, и, к сожалению, еще нездоровыми болотами Сирака, от которых произошло название города: все население группируется на этом холмике, купленном когда-то за медовый сот. На известковых скалах обширного полуострова, где стоял некогда собственно город, нет никаких жителей, кроме нескольких фермеров в деревенских домах, расположенных по краям оросительных каналов. Резервуар фонтана Аретузы, служащий ныне портомойней; колонны, возвышающиеся на берегу Анапуса; укрепления Эпинолес и Эвриэлум, построенные Архимедом и известные ныне под более достойным их названием бельведера: остатки недавно открытых бань; огромный жертвенник в сто девяносто метров длины, на котором жрецы жарили и и сожигали по целой сотне быков; амфитеатр,—удивительный театр, в котором двадцать четыре тысячи зрителей, сидя на своих каменных местах, могли обнять одним взглядом весь город, его храмы и флот: вот грандиозные остатки зданий, воздвигнутых некогда сиракузцами. Но ни что не дает более полного представления о том, чем был некогда этот многолюдный город, как глубокия каменоломни или *latomie* (*lautumiae*), высеченные рабами, и подземные коридоры катакомб, где погребались миллионы трупов, от которых теперь нет и следа; эти галлереи значительнее неаполитанских, но они открыты лишь на ничтожной части своего протяжения, и будущие раскопки дадут нам, может быть, важные открытия. Вершина островка Ортигии, названного так в воспоминание цикладского Делоса, была увенчена акрополем, где возвышался храм Минервы, соперничавший с афинским Парфеноном, и который выходящие из порта моряки должны были созерцать, держа в руке вазу с горящими угольями, взятыми на жертвеннике Юпитера. Храм этот частию еще существует, но, к крайнему прискорбию, его прекрасные мраморные колонны исчезли под слоем песчаника и известкового раствора, в стене церкви весьма дурного вкуса; памятник еще существует, но новые люди сделали из него безобразную постройку.

Впрочем, здешния греческие развалины, из которых иные удивительно прекрасны, делают Сицилию в глазах художника соперницею самой Греции; храмов здесь больше, чем даже в последней. Джирдженти, древний Акрагас, или Агригент, в котором, как и в Сиракузах, были сотни тысяч жителей, и который ныне в таком же упадке, как и Сиракузы, обладает развалинами и остатками, по крайней мере, десятка священных зданий, из которых одно, храм Юпитера Олимпийского, самое большое здание во всей Сицилии, было употреблено на постройку мола в Джирдженти; другое святилище, храм Согласия,сохранилось лучше всех

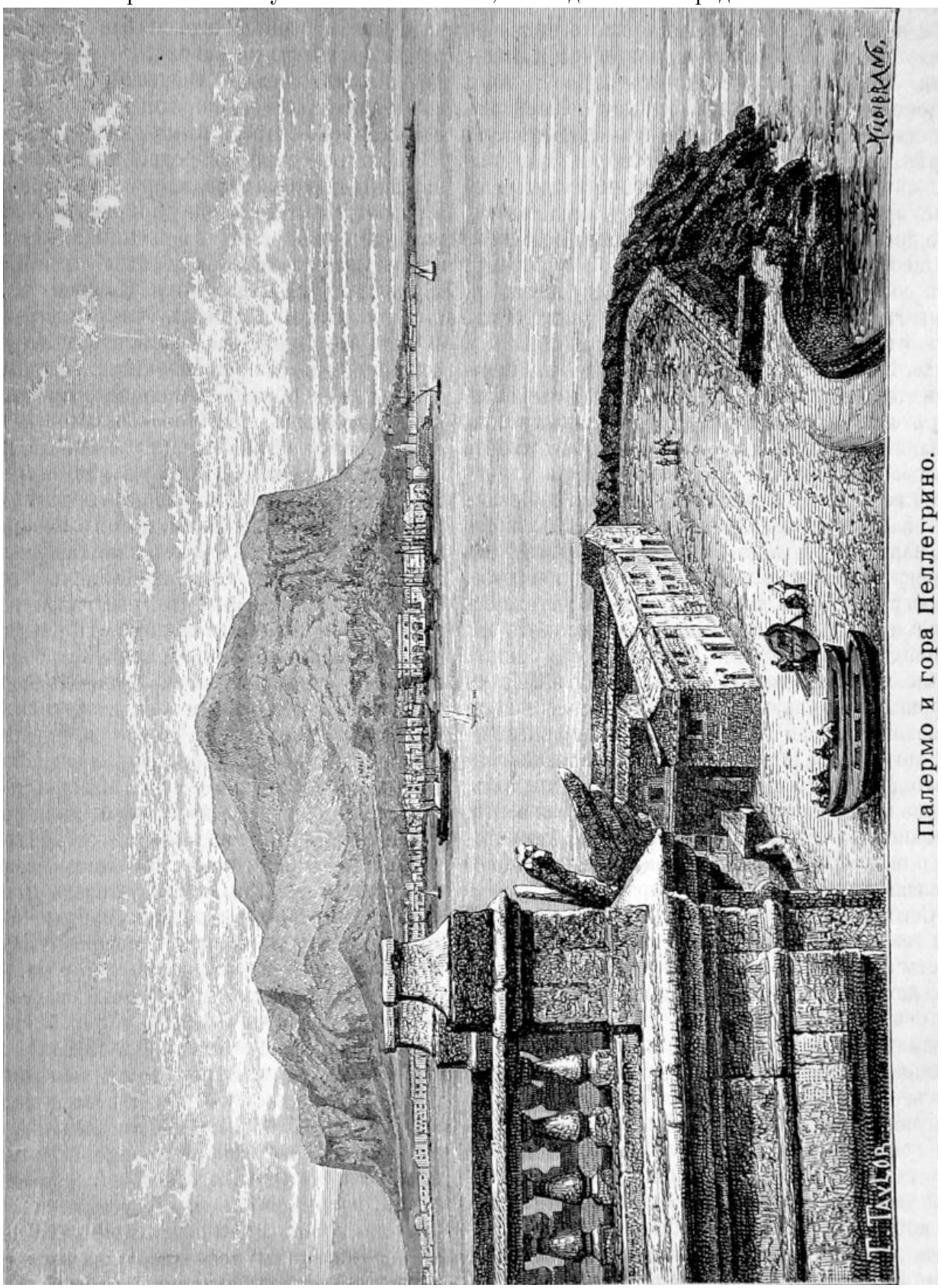
греческих храмов вне Эллады; храм Юноны, на мысе, над Сан-Биаджио, сохранил еще свой изящный перистиль. Нынешний город занимает только место древнего акрополя, на слое раковистого песчаника, откуда почва опускается к морю ступенями. Главное его здание—собор, на вершине холма Юпитера Атабириосского, остатки которого послужили на постройку новейшего памятника; даже его купели суть не что иное, как древний саркофаг, получивший большую известность, благодаря изысканиям и спорам археологов: он представляет любовные сцены Федры и Ипполита. Некогда Агригент отстоял от моря километра на три: южную границу древней стены его показывают большие храмы. Нынешний порт, которому дано название порта Эмпедокла, в честь одного из знаменитейших сынов знаменитого города, расположен западнее древнего эллинского порта или *emporium'a*, в шести километрах от города: впрочем, он составляет на южном берегу порт с самым деятельным торговым движением; он отправляет большое количество серы.

Далее к западу находится другой приморский торговый и рыболовный и с недавних пор занимающийся ловлею кораллов город, Шиакка, который лежит в одной из таких местностей Сицилии, где землетрясения случаются всего чаще и который считает себя также наследником древнего города Селинуса. или Селинунта, хотя последний стоял на берегу на двадцать пять километров западнее, к югу от Каете льветрано. От Селинунта остаются только развалины, но развалины эти громадные, и издали походят на башни. Семь храмов, возвышавшихся на берегах Африканского пролива, все почти совершению разрушены, если не людьми, то землетрясениями: но они представляют еще остатки чистейшего дорийского стиля: метопы трех храмов, принадлежащие к трем различным эпохам, сохранились в Палермском музее, для которого они были первым вкладом, и поныне составляют главнейшее его украшение.

Сегеста, на противуположном склоне острова, уже не существует, но среди каменистой пустыни, где она стояла некогда, воздымается, хотя несовершенно оконченный, но почти нетронутый рукою времени храм, который в тишине и уединенности пустыни кажется особенно величественным. И сколько еще других, не столь важных, остатков греческого искусства представляет Сицилия, не говоря уже об огромных подземных кладбищах Панталики, Палаццоло, Испики, в юго-восточной части острова, и римских памятников, в которых заметно влияние греческого искусства, каковы театры: один в Тиндарисе, против Эолийских островов, а другой в Таормине, в виду конуса Этны! И какая разница между этими дивными развалинами прошедшего Сицилии и всеми памятниками, возведенными впоследствии византийцами и арабами, норманнами, испанцами и неаполитанцами! Сравнительное изучение этих зданий свидетельствует не о прогрессе, а о жалком падении! Что такое нынешние сиракузцы в сравнении с согражданами Архимеда?

Сицилия представляет, быть может, более разительные примеры, чем Лигурия, Прованс и Каталония, того явления постепенного перемещения городов, которое влекут за собою перемены среды и нравов. Во времена своего могущества, древние греческие города могли смело спускаться к морским берегам; но когда явились беспрестанные опасности войны и грабежа, особенно в средние века, когда варварийские корсары наводняли окружающие моря, а разбой царствовал внутри острова, как пиратство на море, почти все сицилийские города взбирались на высоты, и их нижния предместья превращались в развалины, и, наконец, исчезали. Пример этому Джирдженти. Некоторые города располагались даже на таких природных укреплениях, которые почти непреодолимы без помощи искусства. Таков Ченгурип, или Ченторби, который тянется по самому острию гребня утесов, непосредственно к западу от Симето и лав Этны: таков также в своих древних стенах Сан-Джулиана, город Астарты, потом Венеры, который со своей богатой металлами пирамидальной горы, в 700 метров вышины, господствует над Трапани. Но, благодаря возвращению мира, жителям надоедает ежедневное лазанье вверх и вниз, и там, где болота не овладели еще низменными землями, люди покидают свои орлиные гнезда и селятся на морском берегу или на дорогах, идущих в равнину. По всему северному берегу, от Палермо до Мессинского мыса, каждая

marina (пристань) морского прибрежья мало-по-малу увеличивается на счет *borgo* (города) горного гребня, и старый город, в конце концов, обращается в развалины, которые и возвышаются на серых скалах кучами белых камней,—и над живым городом оказывается лишь



Палермо и гора Пеллегрино.

один остов бывшего города. Этот странный контраст двух последовательных перемещений лучше всех других сицилийских городов представляет Кефалу, греческий Кефаладион. Внизу стоит нынешний город, приютившись у основания выступа, на узкой отлогости, покрытой обломками; вверху же весь скат земли окаймлен еще зубчатою стеною, но на самом плоско-

горье остается пустыня, покрытая каменьями; всякая постройка исчезла, кроме самой почтенной по своей древности развалины небольшого циклопического храма, существующего тридцать веков и все еще не пожранного временем.

Порты Сицилии, движение в которых превосходило 100.000 тонн в 1884 г.:

Мессина 8.258 судов вместим. 2.246.850 тонн. Палермо 7.421 суд. вместим. 2.236.990 тонн, Катана 6.012 суд. вместим. 1.353.400 тонн, Трапани 5.740 суд. вместим. 455.210 тонн. Порт-Эмпедокла (Джирдженти) 1.841 суд. вместим. 400.375 тонн, Рипосто (Джиарре) 1.305 суд. вместим. 340.715 тонн, Сиракузы 2.791 суд. вместим. 326.015 тонн, Милаццо 1.953 суд. вместим. 278.295 тонн, Марсала 2.586 суд. вместим. 269.800 тонн, Скоглитти 1.839. суд. вместо;. 178.525 тонн, Поццало 1.254 суд. вместим. 176.040 тонн, Ликата 1.093 суд. вместим. 176.042 тонна, Мацарра 1.085 суд. вместим. 100.700 тонн.

Общины (город с округом) Сицилии, в которых, по последней переписи, было более 18.000 жителей к 1 января 1882 года:

Палермо 244.990 чел. (281.000 в 1895 г.); Мессина 126.500 чел.(146.000 в 1893 г.); Катана 100.420 (121.000 в 1893 г.); Модика 41.230 чел.; Марсала 40.250 чел.; Ачи-Реале 38.550 чел.; Трапани 38.230 чел.; Алькамо 37.695 чел.; Кальтаджироне 32.320 чел.; Кальтаницетта 30.030 чел.; Рагуза 24.340 чел.; Виттория 23.890 чел.; Сиракузы 23.510 чел.; Термини-Имерезе 23.150 чел.: Шиакка 22.195 чел.; Кастельветрано 21.550 чел.; Партинико 21.525 чел.: Монте-Сан-Джулиано 21.390; Агригент (Джирдженти) 21.275 чел.; Барселлона (Поццоди-Готто) 20.960 чел.; Джиарре 20.750 чел.; Адерио 20.160 чел.; Каникатти 19.680 чел.; Пиацца-Армерина 19.590 чел.; Монреале 19.540 чел.; Комизо 19.330 чел.; Кастроджиованни 19.980 чел.; Ното 18.240 чел.

Эолийские острова.

Эолийские острова, или Липарские, хотя и отделяются от Сицилии проливом более 600 метров глубины, тем не менее могут быть рассматриваемы, как дополнение большого острова: это, можно сказать, маленькие вулканы, родившиеся в тени Этны. Находясь частию на линии, соединяющей Везувий с высокою дымящеюся горою Сицилии, они относятся вероятно к той же эре образования и представляют, может быть, не что иное, как отдельные душники одного и того же подводного горна, прорвавшего дно Тирренского моря тремя звездчатыми щелями. Каждый из островов есть не что иное, как груда выброшенных веществ: лавы, пепла или пемзы; все они имеют вид или отдельных, или слившихся в группы вулканов, и два из них, именно Вулкано и Стромболи, и теперь еще находятся в периоде деятельности, и их пламя и волнующийся дым служат матросам и рыбакам признаком перемен температуры и ветра. Весьма вероятно, что различные вулканические явления, изъясняемые разумно для предсказания погоды, и были причиною того, что архипелаг назван Эоловым:—здесь именно бог ветра открывался мореходцам.

Остров Липари—самый большой во всей группе и находится в центре расхождения подводных трещин. В то же время он и самый населенный из островов и заключает в себе три четверти населения всего архипелага. На восточном берегу стоит значительный город, спускающийся двойным амфитеатром по склонам мыса, увенчанного старинным замком. Вокруг города простирается хорошо обработанная равнина, на которой разведены маслины, апельсинные деревья и виноградники, дающие превосходные плоды; склоны окружающих гор покрыты полями до самой вершины. Население, как и в Сицилии, составлялось из самых разнообразных элементов с тех пор, как явились греческие колонисты из Родоса, Книда и Селинунта и заключили союз с туземцами; теперь же кровь липариотов подновляется более чем когда-либо постоянным притоком и оттоком людей, производимым торговлею и пребыванием множества высланных из Калабрии бандитов, сделавшихся мирными гражданами острова. Все это население может умножаться на маленьком острове спокойно, так как липарские вулканы остаются в покое уже много веков:—это самое и выражается, вероятно, липариотскою легендою, по которой св. Калогер загнал с их острова всех чертей в огненную

печь Вулкано, из чего можно заключить, что извержения окончились уже по установлении на Липари христианства, т.е. около шестого века. Подземная деятельность, двумя главными центрами которой были Сант-Анджело и Монтеделла-Гуардия, обнаруживается теперь только теплыми источниками и выделением теплых паров, которыми издревле пользовались для лечения болезней. Впрочем, почва острова подвержена частым землетрясениям. Землетрясение 1780 года было так сильно, что испуганные жители острова дали обет Пречистой Деве, и, год спустя, Доломье нашел, что все они носят на руке цепочку, в знак того, что они стали рабами Мадонны «спасительницы».

Для геологов Липари—излюбленная земля по чрезвычайному разнообразию лав. Одна из его высот, Монте-делла-Кастанья, составлена целиком из обсидиана; другой возвышенный холм, Монте или Кампо Бианко, состоит из пемзы, которая издали придает ему вид снежного поля. Длинные потоки её, похожие на лавины, наполняют все рвы, от вершины горы до берега Средиземного моря; вода около острова бывает иногда покрыта этими плавающими камнями, которые походят на клочки пены и встречаются даже у берегов Корсики. Остров Липари снабжает пемзою всю Европу.

Величина и население Эолийских островов (к 1 янв. 1882 года) были следующие:

	Пространство	Население
Липари	32 килом.	14.000 человек
Вулкано	25 „	100 (?)
Нанария и соседние островки	20 „	200 „
Стромболи	20 „	500 „
Салина	28 „	5.635 „
Феликуди	15 „	800 „
Аликудп	8 „	300 „
	148 кв. кил.	21.535 человек

Вулкано, к югу от Липари, составляет странную противоположность с этим цветущим островом, от которого он отделяется проливом, имеющим в самом узком месте менее одного километра. За исключением южного склона, где на красноватых откосах есть несколько зеленых полосок маслины и винограда, Вулкано представляет голую груду шлака,—вот почему остров был посвящен в древности Вулкану. Большая часть скал черного или красивого красного цвета, как железо, а есть скалы багрового, желтого, беловатого цвета; в этом адском цирке есть почти все цвета, за исключением зеленого. Остров—двойной: на севере его возвышается небольшая вулканическая гора Вулканелло, которая выступила из воды в неизвестную эпоху и соединилась с главным вулканом посредством перешейка из красноватого пепла, в средине шестнадцатого столетия. Центральная гора имеет кратер в два километра в окружности, откуда клубами вырываются пары. Воздух пропитан газом, в котором преобладает трудный для дыхания серный запах. По всей окружности беспрерывно слышатся пыхтение и свист, и между камнями со всех сторон видны небольшие отверстия, из которых вырываются пары. В некоторых из этих душников температура выше 360 градусов. Другие не столь горячие воздушные фонтаны попадаются в разных частях острова и даже около самого моря. С краев большего кратера виднеются тучи паров, которые подымаются с моря и крутятся широкими белыми завитками, похожими на глинистую грязь. Извержения бывают редко,—в восемнадцатом столетии их насчитано только три; извержение 1871 года произошло после столетнего покоя; но с этих пор вулкан стал чаще проявлять свою деятельность,—и в 1878 и в 1879 годах извержения, хотя и не сильные, повторились. Население Вулкано еще недавно состояло только из нескольких несчастных ссыльных, обязанных собирать в кратере серу и борную кислоту, а также фабриковать в небольшом количестве квасцы, при чем провизия привозилась им каждую неделю с Липари. Но теперь этою большою лабораториею химических продуктов, представляемою кратером Вулкано, овладел один предприимчивый шотландец; он основал около порта значительное заведение, и несколько деревьев, посаженных около его резиденции мавританской архитектуры, изменили несколько угрюмый вид местности. Из этого завода получаются, между прочим, образцы недавно открытых ме-

таллов цезия и рубидия.

Самый северный остров архипелага, Стромболи, древний Стронги, меньше Липари и Вулкано, но больше их известен своими частыми извержениями; действительно, с самой отдаленной древности редкий из моряков, проходя мимо острова, не видел его вершины пылающею. В устьях кратера, среди трех, частию разрушенных, концентрических стен, составляющих высшую часть вулкана, в извержениях замечается весьма часто правильная периодичность: каждые пять минут, или еще чаще, лава вздувается в жерле пузырями, и затем происходит извержение клубящихся паров, сопровождаемых твердыми обломками. Но извержения эти, весьма красивые по блеску своего огня, не имеют ничего опасного, как и во времена Страбона, и стромболийцы живут при подошве Вулкано и не боятся, чтобы лава попортила когда-нибудь их виноградники и маслины; однако, у вулкана бывали и свои моменты раздражения, во время которых пепел не раз прилетал к берегам Калабрии, т.е. на расстояние более 40 километров. В борьбе огня с водою, последняя, вероятно, брала перевес, потому что островок Стромболуццо, который возвышался, как маяк, к северу от острова и о который бешено разбивались бурные волны, составлял прежде часть соседней земли, а теперь отделяется от неё морем.

Группа островов Панарийских, между Стромболи и Липари, точно также испытала много превратностей; если верить Доломье и Спаланцани, она представляет остатки одного острова, занимавшего прежде все пространство, на котором находятся ныне островки и песчаные банки: Панария, Базилуццо и Лиска-Бианка. Общий кратер их был неподалеку от острова Даттило, где теплый источник и по временам клокотание морской воды свидетельствуют еще об остатках его деятельности. Во времена Страбона, в этих частях моря нередко замечали огни, бегающие по поверхности воды. Тот же греческий географ рассказывает также, что в Липарской группе явился один остров лавы, положение которого не соответствует ни одному из нынешних. От этого же огненного горна Эолийской группы происходят, повидимому, некоторые паровые фонтаны сицилийского берега между Милаццо и Кефалу.

Что касается западных островов архипелага, Салины, называвшейся у греков за её двойную вершину Двойником (Дидим), Феликули, состоящего, как и Вулкано, из вулкана, соединенного узким перешейком с небольшим конусом, Аликуди, совершенно правильная вершина которого издали кажется раскинутою на краю горизонта палаткою,—то все они покоятся с самого начала исторических времен. Остров Устика, находящийся к северу от берега Палермо, точно также спокоен, хотя он также вулканического происхождения и находится, повидимому, на конце той самой глубокой трещины, из которой возникли Липарские острова. Устика, затерявшаяся, так сказать, среди моря, представляет одно из самых ужасных ссылочных мест для преступников полуострова. На небольшом расстоянии от него к северо-западу находится пустынный островок Медико, древний *Osteodes*, на котором белели кости карфагенских наемных солдат, оставленных там карфагенянами на голодную смерть.

Острова Эгадские и Пантеллярия.

Западная часть Тринакрии не оканчивается, как два другие её угла, узкими выступами, вытянутыми в полуострова, а притуплена в виде широкого носа, который как будто продолжается еще в открытом море в виде песчаных мелей, рифов, выступающих из воды скал и известковых островов той же самой формации, как и соседняя большая земля: это и есть Эгады, т.е. Козлиные острова, названные, как и многие другие острова Средиземного моря, по имени прыгающих на их крутизнах животных. Самый большой из Эгадов, Фавиньяна, при котором римляне одержали морскую победу, положившую конец первой Пунической войне, окружен частию скалами, в пещерах которых найдены груды раковин и изгрызанные кости, перемешанные с каменным оружием и посудою, оставленные здесь современниками мамонта и большего пещерного медведя. В этом лабиринте земель, каменных рифов и банок, идущих от Сицилии в открытое море, между морями Тирренским и Африканским, часто сталкиваются друг с другом противные ветры; волна здесь в особенности страшна, а непра-

вильность явлений прилива и отлива или, может быть, неравномерность давления атмосферы производят в этих местах, кроме того, опасные, течения. Внезапные изменения в уровне воды, известные в архипелаге под именем *marubia*, т.е. «пьяного моря» (*mare ubbriaco?*) были часто причиною кораблекрушений

К югу от большой банки Авентура, которая тянется от берега Маццары к Африке, среди пролива, соединяющего западное Средиземное море с восточным, возвышается довольно обширный остров Пантеллярия. Здесь снова начинаются огнезданные скалы. Пантеллярия, как и остров Джулиа, который неподалеку отсюда показывает по временам из воды свою макушку, есть массив вулканического извержения. Она богата теплыми источниками и, в особенности, паровыми фонтанами. Так, одна из её пещер, в которой газы собираются из душников в изобилии, превратилась по своей высокой температуре в настоящую баню; вообще, количество воды, выходящей из земли в виде пара, настолько значительно, что из неё образовалось довольно порядочное озеро. Находясь на пороге двух морей и на большой навигационной линии между Западом и Востоком, Пантеллярия была бы весьма населена и получила бы большое значение в европейской торговле, если бы обладала таким хорошим портом, как Мальта. Судя по открываемым там и сям на склонах остаткам, остров был прежде гораздо более населен, чем ныне. Здесь существует еще, может быть, до тысячи странных построек, которые были, вероятно, древними жилищами и называются у туземцев *sesi*. Это, как и сардинские *nuraghi*,—огромные ульи из камней, наложенных без цемента на двойной пьедестал, образующий нижнее жилье и первый этаж. Некоторые из этих лачуг имеют однако же до восьми метров вышины и до четырнадцати ширины. Найденные в одном из этих жилищ обломки обделанного обсидиана заставили археолога делла-Розу придти к заключению, что они относятся к каменному периоду. Жители Пантеллярии говорят на языке, представляющем из себя смесь арабских и семитических, вероятно, финикийских корней. В настоящее время Пантеллярия служит местом ссылки для преступников.

С вершины гор Пантеллярии, в хорошую погоду, ясно видны мысы Туниса. И действительно, остров ближе к африканскому материку, чем к Сицилии, но, однако же, если принять в соображение форму морского дна, то Пантеллярия принадлежит скорее к Европе. Но нельзя того же сказать ни про островок Липозу, представляющий потерявшуюся в море группу четырех вулканических гор к западу от Мальты, ни, в особенности, о «Пелагийских» островах. Лампедуза и её сторожевая скала Лампионе, хотя обе зависят от королевства Италии и даже от общины Ликаты, тем не менее по промерам, не давшим и ста метров глубины, земли эти и соседния банки должны быть причислены к берегам Сиртов. «Лампедуза и Лампионе» получили свои названия от огней, которые, по одной средневековой легенде, зажигались каждую ночь отшельниками и ангелами для руководства мореплавателям; ныне легендарная лампа заменяется небольшим маяком, указывающим вход в Лампедузский порт, в котором корабли в триста и четыреста тонн могут найти превосходное убежище от северных ветров. Бывшее пуническое владение, Лампедуза заключает в себе огромные карфагенские катакомбы, продолжающиеся будто бы, как говорили местные жители, под морем до мыса Бон. В конце восемнадцатого века русские хотели было основать в Лампедузе морскую станцию, но проект этот был оставлен.

Большую часть населения острова составляют солдаты, ссыльные и голодные колонисты, говорящие по-итальянски и по-мальтийски.

Числовые данные для. сицилийских островов в Африканском море.

	Высота вершины.	Пространство.	Население в 1882 г.
Пантеллярия	638	103 кв. кил.	7.315 чел.
Липоза	100	12 „	1.261 „
Лампедуза	100	8 „	

VIII. Сардиния.

Прежде, во времена пунического господства, Сардиния была, наверно, населеннее и производительнее, чем ныне; о многочисленности её тогдашних жителей свидетельствуют уже рассказы римских историков о совершавшихся там чудовищных избиениях людей. Падение было быстро и глубоко. Отчасти оно объясняется конфигурациею самого острова, который со стороны Италии, откуда он мог бы заселяться, очень крут и недоступен, а со стороны открытого моря окаймлен нездоровыми болотами и лагунами. Но главная причина того исторического сна, в который была погружена Сардиния в течение стольких веков, заключается не в природе, а в человеке. Различные завоеватели, наследовавшие Риму и Византии, как-то: сарацины, пизанцы, генуэзцы, аррагонцы, старались монополизировать в свою пользу все произведения острова; на открытые же части берега время от времени делали свои внезапные высадки варварийские пираты. И не далее как в 1815 году тунисцы высадились на остров Сант-Антиоко, между Иглезиасом и Кальяри, и всех жителей или перерезали, или увели в рабство. Из опасения разбойничьих набегов сардинцы удалились во внутренния равнины и горные долины и, подавляемые феодальными обычаями, жили, уединившись от остального мира, как-будто их остров был не в Средиземном море Европы, а среди какого-нибудь отдаленного океана. И только в последнее время Сардиния начала вступать в строй других итальянских провинций.

Поверхность Сардинии 24.078 кв. кил. Население (по переписи 1 янв. 1882 г.) 682.002 чел. Население (по исчислению 1894 г.) 741.362 чел.

Почти равняясь по величине Сицилии, хотя население последней вчетверо больше, Сардиния географически независимее её от Итальянского полуострова, а между нею и африканским материком находятся почти океанийские бездны от 500 до 1.000 метров глубиною. Вместе с близнецом своим Корсикою, она составляет группу островов, которая отделяется от Тосканского архипелага довольно узким проливом, наибольшая глубина которого 310 метров. С геологической точки зрения, Корсика и значительная часть Сардинии составляют одну и ту же землю, так так представляют одни и те же формации, а островки, скалы и рифы, рассеянные в проливе Бонифачио, суть не что иное, как остатки разорванного морем перешейка. Но если оба острова были некогда соединены, то, с другой стороны, изучение горных пород заставляет думать, что, быть может, еще в недавнюю эпоху Сардиния состояла из многих отдельных островков. Главный из них составлял южное продолжение горной цепи Корсики, другие же были разбросаны западнее и отделялись друг от друга неглубокими проливами, а потом были подняты постепенно наносами, вулканическими извержениями и, может быть, подземными толчками. Форма сандалии, которой Сардиния обязана своим древним греческим именем *Ichnousa*, совершенно случайна, так как геологически остров состоит из многих отдельных земель. Отделявшая их промежуточная борозда всегда служила естественным путем между Кальяри и Корсиканским морем и теперь служит как для большой продольной дороги, так и для параллельной ей железной дороги.

Сардинские горы начинаются уже в водах пролива Бонифачио островками Маддалена и и Капрера, а затем быстро повышаются, образуя горную группу Галлура, многочисленные пики которой, отделяющиеся от неё второстепенные цепи и извилистые долины хаотически перепутаны друг с другом, но в целом представляют возвышенный вал, направленный к юго-западу. С южной стороны эту горную группу ограничивает глубокая впадина, которая избрана простою и железною дорогою для соединения двух берегов острова, но за нею уже круто подымается большая горная цепь, спинной хребет Сардинии, идущий вдоль всего восточного берега острова, до мыса Карбонара, где горы уходят своими основаниями в глубокия воды. Цепь эта, составляя продолжение Корсиканской цепи, состоит, как и последняя, из кристаллических и шиферных скал, но различается от неё расположением своих боковых склонов. Самые длинные долины гор Корсики открываются в восточном направлении, к водам итальянским, а самый крутой их склон обращен к западному морю, тогда как Сардинская цепь обрывается круто с востока, а другой склон её, представляющий длинные от-

логости и второстепенные цепи, понижается постепенно. Можно сказать, что, вследствие такого расположения гор, Сардиния обращена к Италии спиною, т.е. самыми обрывистыми берегами и самыми дикими местностями. Вообще, местность понижается к западу, к относительно пустынному бассейну, отделяющему ее от Испании. Поэтому, сохранение испанского владычества на этом острове оправдывалось бы до некоторой степени основательными географическими аргументами, если бы присоединения могли иметь какую-либо другую уважительную причину, кроме воли самих населений. Железнодорожный путь из Терранови повернул, так сказать, Сардинию к Италии.

Почти в средине кристаллической цепи подымаются высочайшие вершины острова. Здесь возвышается Дженнарденту (Серебряная гора), называемая также Пунта-Флориза, представляющая единственный пик Сардинии, в углублениях которого сохраняется немного снегу даже в средине лета. Пока вершины не были еще измерены инженерами, северные жители острова, относящиеся недружелюбно к своим южным соседям, утверждали, что глава сардинских гор находится на их территории; но они сильно ошибались: их хотя и величественный по своей форме Джигантину, т.е. «Гигант», и сосед его Балестрери, господствующие над горами северной группы, Лимбарры, с боку главной цепи, едва достигают двух третей высоты главной вершины.

К западу от этих гор, принадлежащих к корсиканско-сардинской системе, есть еще второстепенные группы, возвышающиеся на бывших островах, которые присоединены новейшими формациями к главной массе Сардинии. Одну из таких островных местностей представляют гранитные скалы Нурра, которые почти необитаемы, несмотря на плодородие их долин, и остров Азинара, который расположен дугою на западе Сассарийского моря и густо населен черепахами. Другая горная группа, прерываемая очаровательною долиною Домус-Новас, занимает юго-западный угол Сардинии, между заливами Ористано и Кальяри. По мнению геологов, это самая древняя часть Сардинии, присоединившаяся к большому острову лишь в четвертичную эпоху, быть может, в те времена, когда Корсика отделилась от него проливом Бонифачио; но бывший морской рукав, обратившийся в равнину Кампидано, заметен еще в виде низменной полосы около 20 километров средней ширины. Наконец, в промежуточном поясе, простирающемся к западу от большого горного узла, разветвляется, параллельно горам Лимбарры, поперечный хребет Маргине. Здесь находятся также и широкия известковые плоскогорья, пронизанныя вулканическими скалами, но бывшие кратеры их не извергают уже ни лавы, ни даже газов; поселяне преспокойно строят себе хижины в жерлах вулканов, и единственным, повидимому, признаком подземной деятельности являются только теплые источники. Новейшие вулканические конусы возвышаются в северо-западной части, между Ористано и Сассари; несколько таких вулканов существует и на восточной стороне, в низменной равнине потока Орозеи. Но к гораздо более древней эпохе относятся трахитовые формации островов Сан-Пьетро и Сант-Антиоко, лежащих на юго-западе Сардинии; на них находятся весьма многочисленные горные массы архитектурного вида, которыми особенно замечателен южный мыс острова Сан-Пьетро, называемый «мысом колонн». Одни из его столбов, состоящих из грубых и угловатых, наложенных друг на друга камней, стоят одиноко, другие же располагаются длинными колоннадами, ушедшими на-половину в скалы; но их мало-по-малу разрушают, употребляя камень на мостовые, так что на этой части берега скоро будет совершенно уничтожен этот ряд грандиозных обелисков. На Сант-Антиоко, который соединяется с твердой землею старинным мостом с весьма высокою аркою, есть и другие редкости природы: это глубокия пещеры, где живет множество морских голубей-вяхирей. Охотники протягивают у входов сети и, входя внезапно в пещеры с зажженными факелами, ловят испуганных птиц сотнями.

Главные высоты Сардинии суть:

Дженнарденту 1.864 метра; Фонтана Конджиада около Арицо 1.507 метров; Балестрери 1.310 метров; Джигантину 1.310 метров; Нуоро (город) 581 метр; Темпио 586 метров; Озиери 371 метр; Сассари 220 метров.

Кроме внезапных движений, произведенных вулканическими силами, Сардиния являет на своих берегах еще следы медленных, до сих пор необъясненных колебаний, происходивших вследствие оседания и поднятия слоев земной поверхности. Недалеко от Кальяри, на древних берегах, Ла-Мармара нашел раковины Средиземного моря, подобные еще живущим в нем и ныне, перемешанными с глиняной посудою и другими произведениями человеческого труда. Эти берега, имеющие ныне от 74 до 98 метров высоты, были некогда подняты, по его мнению, уже в то время, когда местность была обитаемою. Некоторые же местности, напротив, опустились ниже уровня моря, как например древние финикийские города Нора, к юго-западу от Кальяри, и Таррос на северном полуострове залива Ористано: открытые в них древности были отчасти погружены в воду.

Из рек, которые так любят перечислять сардинцы, только одна Тирсо или Фиуме д'Ористано заслуживает этого названия как по массе воды, так и по спокойствию своего нижнего течения. Другие же реки, хотя с таким же пространством бассейна, но не пользующиеся снегами Дженнарденту и дождями, выпадающими на западные бока большой цепи, представляют собою только потоки, которые то разливаются по полям, то струятся маленькими ручейками среди олеандровых рощ. Большая часть стекающих с внутренних гор ручьев высыхают на целые восемь месяцев в году и даже в дожди не достигают моря, а сливаются с прибрежными лагунами. Впрочем, есть одна из них, в устье которой входят большие суда, благодаря предпринимавшимся в различные времена расчисткам:—это Фиуме, или поток Боза, между Альгеро и Ористано.

Все лагуны Сардинии—солоноватые или соленые. Самые обширные из них свободно сообщаются с морем, по крайней мере в дождливое время года, посредством проходов, открываемых избытком жидкой массы. Но есть между ними и такия, которые получают так мало текучей воды, что не в состоянии промыть себе канала сквозь прибрежные пески,—и тем не менее они остаются солеными и, благодаря подземному просачиванию морской воды, сохраняют одинаковый уровень. Наконец, болота, находящиеся во внутренности равнин, точно также имеют воду, насыщенную солеными веществами, благодаря свойствам окружающих их и некогда погруженных в море земель. Летом от солнечной теплоты они обыкновенно высыхают, и их ложе бывает покрыто слоем белой соли, которая походит на легкий снег. Этот соляной порошок так мелок и так перемешан с нечистыми элементами, что казне не стоит захватывать его себе и перепродавать жителям, но зато казна старается сделать его негодным для употребления. Недавно еще сборщики соляной пошлины имели варварский обычай сгонять окрестных поселян и заставлять их вместе со скотом топтать во всех направлениях ложе лагуны для того, чтобы соль перемешалась с грязью и с глиною. Только солончаки Кальяри и Карло-Форте на острове Сан-Пьетро разработываются в больших размерах компаниею, которая извлекает из них соли ежегодно около 120.000 тонн. Несколько сотен её рабочих состоят из каторжников, ссужаемых ей кальярскою тюрьмою.

Лагуны и болота окружают почта весь остров полосою миазмов, к которым присоединяются еще испарения вод, случайно оставшихся после разлива в речных долинах, а ветер переносит эти нечистые испарения даже на самые возвышенные склоны гор, и несчастные жители трясутся от лихорадки даже на высоких внутренних Альпах. Подымающиеся часто с этих водных пространств туманы, которые ползут по земле в утренние часы, способствуют своею нездоровою влажностью к распространению болезней, тем более что около болот почти совсем нет ни деревьев, ни даже кустарников, которые могли бы останавливать движение миазмов. Во многих местностях иностранцы, подышавши летом зараженною атмосферою болот, подвергаются почти верной смерти. По нездоровости прибрежья, где испорчена вся вода даже в колодцах и источниках, Сардиния самая несчастная страна во всей Италии: «непогода» свирепствует там почта на четверти всей поверхности острова. Зато, как бы в награду, сардинцы, относительно, свободны от английской болезни и даже миланской проказы, столь обыкновенной при подошве Альп, и кретинизм почти вовсе неизвестен в верхних долинах острова; но достаточно уже и одной *malaria*, чтобы задержать развитие Сардинии и

поставить ее ниже других итальянских провинций.

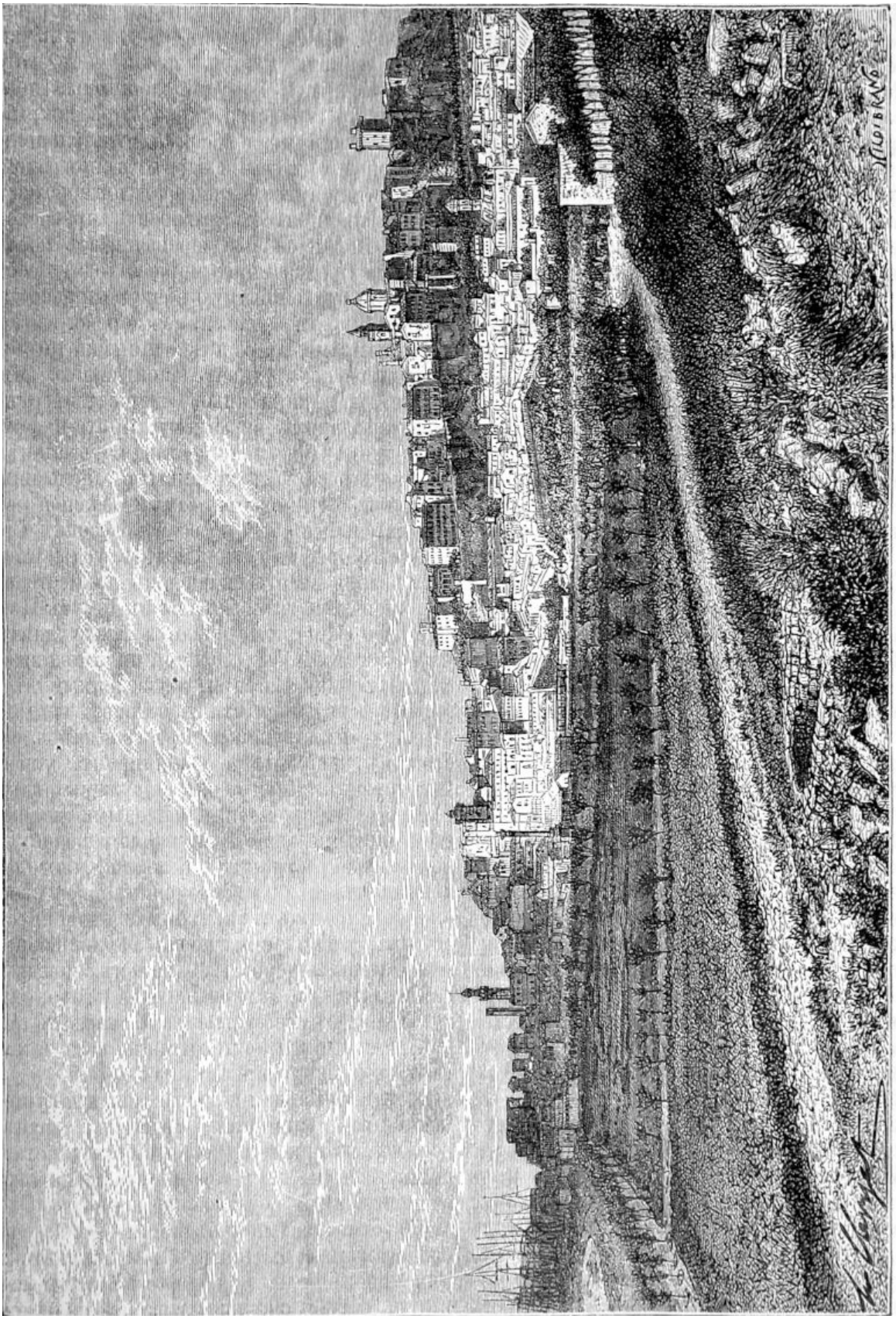
С римских времен нездоровость, вероятно, усилилась, вследствие допущенного людьми распространения блуждающих вод, но и в эпоху своего наибольшего благосостояния, когда остров был одною из главных житниц Рима и доставлял ему свои сыры, свинину, шерстяные изделия, свинец, медь и железо, берега его считались смертельными, и императоры ссылали туда тех, от кого им нужно было отделаться. Землевладельцы никогда не бывали там в полях в конце лета и с половины июля бежали от дурного воздуха в города. Итальянские чиновники, впавшие в немилость и назначаемые на опасные посты острова, считают себя большею частью осужденными на смерть, и те из них, которые не получают отпуска на вакации в места более здоровые, действительно погибают почти все. Что касается жителей деревень, приучавшихся к климату из поколения в поколение, то и они принуждены принимать для избежания лихорадки величайшие предосторожности. Они всегда старались предохранить себя толстыми одеждами из дубленой кожи, которая непроницаема ни для солнца, ни для дождя, ни для утренней росы и тумана. Для ограждения себя от дурного климата, крестьянин одевается всего тяжеле в самое теплое время; благодаря своему длинному овчинному одеянию *mastruca*, придающему ему некоторое сходство с румынским пастухом, сардинец создает себе нечто в роде своего внутреннего климата, который делает его не столь чувствительным к внешним влияниям. Говорят, что вот уже несколько лет, как опасность малярии уменьшилась. Зараза болот значительно уменьшена осушкою и посадкою гигроскопических растений.

Древние географы, как и сами жители Сардинии, говорят, что одна из главных причин нездоровости острова происходит вследствие недостатка северо-восточных ветров. По народному убеждению, горы Лимбарры, возвышающиеся на севере, действуют в роде экрана и, ко вреду всей нижней Сардинии, изменяют направление по преимуществу очищающего ветра. Может быть, в этих словах древних и туземцев есть своя доля правды, потому что благодетельный «северный ветер», т.е. нормальный ветер с полюса, представляющий нисходящий ток пассатов, в южной части полуострова дует редко; его отклоняет в южном направлении тройной барьер Апеннин, гор Корсики и цепи Лимбарры или, что еще вероятнее, притяжение горячих степей Ливии. Экваториальный ветер, или противупассат, известный в Сардинии под именем *libeccio*, дует здесь также редко, и когда дует, то обыкновенно с бурною силою.

Вследствие этого-то, так сказать, накручивания ветров, производимого специальными метеорологическими условиями Средиземного моря и африканской пустыни, двумя правильными в Сардинии течениями ветра оказываются не северо-восточный и юго-западный, а именно те ветры, которые дуют под прямым углом к этим нормальным направлениям, т.е. северо-западный (*maestrale*)—с Севенн и Пиреней, и *levanto*, или *sirocco*—с песков Ливии. Южные сардинцы очень боятся этого последнего ветра и называют его *maledetto levante*. Этот «проклятый» ветер пропитывается влажностью при проходе своем чрез Средиземное море, и температура его в действительности далеко не так высока, как можно было бы предполагать по тому состоянию изнеможения, в которое он приводит организм. Что касается до maestrale, то его встречают с радостью, потому что он приносит с собою телу энергию и здоровье; впрочем, он дует с необыкновенною силою, и подвергающиеся его действию деревья достигают лишь незначительной высоты. Достигая западных берегов, он часто роняет некоторое количество воды, которою запасается в Средиземном море, но при заливе Кальяри он бывает уже обыкновенно сух. Благодаря этому ветру, а также морским ветеркам, средняя температура в столице Сардинии не превышает 17° по Цельсию.

Грозы в Сардинии относительно довольно редки, а град, который в других местах производит опустошения, почти не известен. Дожди идут главным образом осенью и в декабре обыкновенно оканчиваются, уступая место сухому и самому приятному времени года, по ясности атмосферы и ровности температуры: это «зимородковые дни», во время которых, по древним поэтам, море успокоивается, чтобы дать возможность священной птице свить себе

гнездо. Но за этими здоровыми и счастливыми зимними днями следует печальная весна. «Двуличный», как говорят сардинские моряки, февраль приносит капризные холода, за которыми, в марте и апреле, следуют поочередно то внезапные ветры, то жар, то холод. Запаз-



Видъ города Кальяри.

дывающая от этой дурной погоды растительность Сардинии развивается гораздо медленнее, чем можно бы было ожидать по южной широте страны; растения начинают здесь цвести позднее, чем на берегу Прованса, хотя Сардиния южнее последнего, средним числом, граду-

са на три.

Растительность Сардинии походит на растительность других островов Средиземного моря. Пощаженные огнем пастухов и топором спекуляторов, леса верхних внутренних долин и непроходимых склонов состоят, как и леса Корсики, из сосен и особенно из обыкновенных и каменных дубов, перемешанных местами с белым буком и кленом; деревни окружены каштановыми и прекрасными ореховыми рощами; округлые вершины, на которых высокоствольные леса уже исчезли, одеты ароматическими растениями и зарослями кустарников, между которыми отличаются своими большими размерами мирты, ежовки и древовидные верески; в этих чащах пчелы собирают тот горький мед, который так презирал Гораций. Обширные невозделанные пространства около моря покрывает *olivastro*, или дикая маслина, с наклоненными стволами и согнутыми бурным мистралем к юго-востоку ветвями, которая дожидается только прививки, чтобы приносить превосходные плоды. Все плодовые деревья и все полезные растения Средиземного моря находят себе в Сардинии благоприятную почву; миндальное и, в особенности, апельсинное дерево, введенное здесь маврами в конце одиннадцатого века, принялись с удивительной силою. Милисские сады, защищенные совершенно от мистраля древним вулканом Монте-Ферру, к северу от Ористано, составляют в целом один из самых красивых апельсинных лесов и, быть может, самый большой и производительный сад во всем бассейне Средиземного моря: в обыкновенные годы в нем вызревает золотых плодов до шестидесяти миллионов. Фруктовые сады в Домус-Новас, Оциери и Сассари отличаются также удивительным богатством; особенно прославились масличные рощи Сассари, разведенные в XIV ст. В южных частях острова, везде, где обработанные земли распространяются по пустошам, покрытым ладонником, укропом и золотоцветником, они окружены, как в Сицилии, варварийскими фиговыми деревьями с иглистыми лопастями; около городов, особенно в окрестностях Кальяри, много финиковых пальм, распускающих свои веерные листья. Странно, что в южных низменностях острова, несмотря на почти африканский климат, нет малорослых пальм, между тем как на севере, в пустынях Альгеро, они составляют целые густые леса, как в Алжирии. Местные жители Сардинии, как и мавры, имеют обыкновение есть их корни.

Хотя в Сардинии легко акклиматизировываются все растения соседних стран,—остров, по природе, не так богат ботаническими видами, как континентальные страны, расположенные под тою же широтою. Это явление относительной бедности—обще всем островам; необходимым результатом ограниченности поля, на котором различные виды ведут борьбу за существование, является то, что из них погибают именно те, которые либо слабо вооружены для борьбы, либо имеют мало представителей. Но зато, большая часть островов, явившихся в открытом море и ничем не соединенных с ближайшими континентальными массами, имеют свою специальную небольшую флору, какой не найдешь в других местах. Но это не имеет места в Сардинии, составляющей, впрочем, остаток земли, соединявшей Европу с Африкою. Что касается знаменитого растения, о котором говорят древние, и которое, если съесть его нечаянно, производило будто бы «сардонический» смех и смерть, то ничто не доказывает, чтобы эта трава была свойственна одной только Сардинии. По описаниям Плиния и Павзания, Мимо полагает, что это—ибунка широколистная (Sium latifolium).

Число различных пород животных в Сардинии также гораздо меньше, чем на материке. Так, из млекопитающих здесь не встречаются: медведь, волк, барсук, каменная куница, крот, равно как ни випер и никаких ядовитых змей; единственное опасное животное, встречающееся на острове,—тарантул (*arza* или *argia*), от укушения которого вылечиваются пляскою до изнеможения или сидением в навозе. Обыкновенной лягушки, которая так распространена на Итальянском материке и даже на Корсике, в Сардинии вовсе нет, между тем как здешния бабочки составляют на острове специальный отдел европейской фауны. В горах корсико-сардинской системы водится еще каменный баран, животное, которое истреблено охотниками почти на всех островах Средиземного моря, и которое представляет, может быть, родоначальника наших овец. В средине прошлого века и еще в начале нынешнего, на остро-

ве Сант-Антиоко, к юго-западу от Сардинии, свободно бегали одичавшие лошади; маленькие же острова, окаймляющие берег, населены тысячами кроликов; наконец, на островке Таволара, представляющем известковый стол в заливе Терранови, живут дикие козлы, с длинными рогами и золотисто-желтыми зубами, происходящие от оставленных здесь в неизвестные времена домашних козлов. Остров Капрера, известный по пребыванию на нем Гарибальди, обязан своим названием населявшим его некогда стадам коз; привезенные сюда недавно животные того же вида одичали здесь в несколько лет.

Натуралисты заметили, что все породы диких млекопитающих, живущих в Сардинии, гораздо меньше ростом своих европейских родичей; одна только коза составляет исключение из общего правила. Олень, лань, кабан, лисица, дикая кошка, заяц, кролик, куница, ласка—все гораздо меньше тех же видов на материке. То же самое замечается и на домашних животных, за исключением свиней, которые достигают здесь больших размеров, особенно в дубовых лесах, где они бродят по целым месяцам; одна разновидность этих животных отличается полным копытом, почему ее следовало бы отнести к однокопытным. Ослы и лошади в Сардинии, говоря относительно, просто карлики; но как ни мала сардинская лошадь,—она доставляет человеку множество услуг, отличаясь крайнею воздержностью в еде, удивительною верностью шага, силою и выносливостью, и если бы искусство воспитания могло сообщить ей красоту форм, то сардинская порода лошади была бы одною из лучших в Европе. Что касается осла, который немножко больше дворовой собаки, то это—доброе маленькое животное, которое во многих местах, как, например, в предместьях Кальяри, разделяет с своими хозяевами единственную комнату лачуги. С шапочкою на голове, которая спускается ему на глаза, ослик, называемый здесь *mollenti*, медленно ходит обыкновенно вокруг своего манежа, занимающего средину комнаты, и мелет зерна. Ничто не изменилось с римских времен: такие же мулы изображены на барельефах Ватиканского музея. Как бы то ни было, Сардиния, по числу домашних животных, пропорционально числу жителей, является первою провинцией Италии.

Число домашних животных в 1881 г.

Лошади	Ослы	Рог. скот	Овцы	Козы
Сардиния				
64.801	31.981	279.438	844.851	261.531
на 1000 жителей				
95	47	410	1.239	384
Вся Италия				
657.544	674.246	4.783.732	8.596.108	2.016.307
на 1000 жителей				
23	23	178	302	71

Доисторическими памятниками Сардиния, кажется, богаче всех стран западной Европы. Как и в Бретани, здесь встречается множество мегалитов, называемых «Камнями Исполинов», «Жертвенниками», «Длинными» или «Воткнутыми Камнями», к которым, большею частию, не прикасался резец; но дольмены здесь редки; по крайней мере несомненный—только один. Между этими памятниками неизвестных времен есть, повидимому, и такие, которые напоминают собою культ какого-то восточного божества, так как на острове долго жили финикияне и карфагеняне; они основали здесь значительные города, каковы: Каралис, Нора, Таррос; даже в римские времена на могилах писались пунические надписи. После одной счастливой находки, сделанной в развалинах Тарроса одним английским лордом, на этот полуостровок ористанского берега кинулись тысячи искателей сокровищ и, действительно, нашли там множество золотых идолов и других вещей, большею частию египетских, завезенных сюда финикийскими купцами. Но главное свидетельство цивилизации древних сардов составляют постройки, называемые *нураги*, которые издалека виднеются на вершинах холмов, подобно остаткам древних крепостей. По всей окружности плоскогорья Гиары, представляющего чрезвычайно правильный известковый стол недалеко от центра острова, на всяком его естественном бастионе стоит по одной из таких развалин. Весь выемчатый

овал, образующий край плоскогорья, обнесен, таким образом, настоящим поясом нураги. Такие памятники встречаются во всех частях острова, то расположенные в порядке, то построенные как бы случайно. Число узнаваемых нураги доходит до четырех тысяч, а между тем сколько еще следов этих построек должно было сгладить время! Всего больше и всего лучше сохранились они в базальтовых местностях, в особенности к югу от Макомера. В одиночку они встречаются редко, а расположены обыкновенно группами и большею частию на обработанных землях, а не в голых степях.

Много было споров о происхождении и о значении нураги: одни находили, что эти сооружения были храмами, другие—что это могилы, «башни молчания», священные места, где поклонялись огню, жилища гигантов. Вероятными строителями этих таинственных построек различные писатели считали финикиян, троянцев и иберийцев, тирренцев, феспийцев и пелазгов, хананеян, неизвестных народов восточного происхождения, даже людей допотопных. Благодаря, неутомимому исследователю сардинских древностей, Спано, большая часть археологов сомневаются ныне только относительно имени строителей, назначение же самих построек известно; нураги были жилищами, и их финикийское название обозначает просто-на-просто «круглый дом». Грубейшие из этих сооружений, подвергавшиеся действию непогоды, быть может, в течение сорока веков и более, представляют только одну внутреннюю комнату; они относятся к каменному периоду и, как человеческие жилища, выражают собою тот период цивилизации, который следовал за периодом пещерных людей. Позднейшие нураги, т.е. нураги бронзового или даже железного периода, построены с гораздо большим искусством, хотя без цемента, и состоят из двух или трех комнат, расположенных друг над другом, куда поднимались по лестнице, сложенной из необделанных камней. Некоторые из нижних помещений достаточно велики, чтобы поместить до сорока или до пятидесяти человек, и снабжены, сверх того, прихожими, редюитами и небольшими полукруглыми бастионами. Недавно разрушенная нурага Су-Дому-С'Орку, около Домус-Новас, состояла из десяти комнат и четырех дворов; она была в одно и то же время крепостью и группою домов, и могла поместить в себе до сотни людей и защищаться во время осады, т.е. она походит на многие нынешния жилища албанцев в Турции и сванетов—в кавказских долинах.

Обломки всякого рода, скопившиеся в почве нураги, доставили множество предметов, которые рассказывают о жизни древних обитателей этих построек и свидетельствуют об их относительной цивилизации. Нижние слои содержат только каменное оружие и, сделанную руками, глиняную посуду, между тем как верхние, а следовательно позднейшие кучи остатков представляют уже много бронзовых вещей. По близости всех нураги встречаются еще другие памятники циклопического строения:-это «могилы гигантов». Называя их таким образом, туземцы ошибаются только на-половину; эти кучи камней, помещающиеся на конце полукруга больших каменных глыб, действительно—гробницы, так как все те, которые вскрывал Спано, содержали в себе человеческий пепел.

У сардинцев нет никаких преданий относительно древних жилищ первобытных жителей; несмотря на свое суеверие, они не рассказывают даже легенд об этих развалинах: самое большое, что они приписывают их постройку чорту—и больше ничего. Это молчание народа происходит, без сомнения, от того, что поочередные завоевания острова и бойни людей прервали всякое национальное предание. Карфагеняне, в своих войнах с туземцами, были беспощадны, а в первые века римского господства совершались такия истребления и выселения жителей, что исчезла большая часть первоначального населения, которое было заменено вольными колонистами и особенно множеством ссыльных. При таких условиях неминуемо должна была сгладиться всякая память о древней истории страны.

Из множества предположений о происхождении древних сардов наиболее соответствует физическому виду нынешних островитян именно то, которое относит их к группе иберийцев, но, исторически, они являются автохтонами страны. Они вообще небольшого роста,—как будто влияние климата, вследствие которого измельчали все дикия и домашния животные, действовало таким же образом и на них,—но они стройны и хорошо сложены; талия

тонкая, мускулы крепкие, волосы и борода всегда черные, очень густые и сохраняются обыкновенно до глубокой старости. Сардинцы обеих провинций одинаково грациозны и сильны, но имеют несколько различные черты лица: у северян более овальное лицо и более орлиный нос, между тем как жители окрестностей Кальяри, подвергавшиеся, быть может, большему смешению, имеют менее правильные черты лица и сильно выдавшиеся скулы. Таким образом, в этом отношении, как и во многих других, между жителями двух частей или «мысов» острова существует значительное различие.

Жители внутренней Сардинии сохранили, повидимому, начиная с средних веков, более чистую кровь, чем все остальные европейцы. В числе их предков были, без сомнения, весьма различные племена, смешанные с таинственным народом, строившим нураги; но, после римских времен, насильственные вторжения и наплывы иноземцев ограничивались большею частию прибрежьем, оттесняя туземцев в верхния горные долины и последуя за ними в их убежища. За исключением уже несколько успокоившихся вандалов, ужасные германские орды, опустошившие почти все другие страны западной Европы, пощадили Сардинию, и этот остров мог сохранить свое население, свои нравы и язык; мавританские, пизанские, генуэзские, каталонские и испанские завоеватели смешивались только с жителями окраин; можно привести только одно исключение, именно,—барбаричини, населяющих горную местность в самом центре острова, называемую по их имени Барбаджиею. В них сидят остатки одного варварийского племени, изгнанного вандалами из Африки и оттесненного во внутрь страны продолжительными войнами с туземцами. Придя в страну, они были еще язычниками и, сделавшись соседями точно также идолопоклонников, ильензов, они смешались с последними, и обращение их в христианство относится уже к седьмому веку. Женщины в Барбаджии носят еще темный костюм, напоминающий одежду варварийцев.

Из всех наречий латинского происхождения наречие сардинское всего более походит на язык римлян, не по своей грамматике, которая у них весьма различна, а по самым словам, из которых более пятисот совершенно одинаковы как в том, так и в другом. Множество фраз обыденного языка являются одновременно и латинскими, и сардинскими, так что бывали даже стихоплеты, которые пытались писать целые поэмы на языке, принадлежащем и к тому, и к другому наречию. В сардинском языке есть также, не встречающиеся в других латинских наречиях, греческие слова, которые вошли в него или во времена древних греческих поселенцев, или в византийскую эпоху; наконец, в сардинском языке употребительны два или три слова, которые не могут быть произведены ни от одного корня европейских языков и представляют, быть может, остатки древнего языка автохтонов. Два главные говора сардинского языка, Логодурский, или северный, и Кальярийский происходят прямо из латинского, как итальянский и испанский, но, быть может, ближе к последнему. Город Сассари и некоторые местности соседнего побережья принадлежат к поясу итальянского языка. Здесь говорят на языке, который весьма приближается к корсиканскому и генуэзскому. В городе Альгеро, каталонские переселенцы, поселенные здесь в большом числе около средины четырнадцатого века, вместо бежавшего в Геную древнего населения, говорят почти на чистом старинном провансальском наречии. Наконец *Maurelli*, или *Maureddus*, в окрестностях Иглезиаса, представляющие собою, вероятно, варварийцев, как предполагают по их узкому и продолговатому черепу, внесли в местный язык, по мнению Ла-Мармора, некоторое количество африканских слов. Мальтцан полагает, что чистейшими представителями африканских переселенцев являются жители громадного Милисского сада; они, как полагают, занесли в Сардинию апельсины.

Жители внутренней Сардинии, верные своему языку, остались частию верны своим древним нравам. Любимая пляска их та же самая, что была и в греческие времена. В северной части острова, молодые люди при пляске соразмеряют такт с голосами стоящей по средине круга кучки певцов, которые ускоряют или замедляют их па. В южных же частях Сардинии движение танцующих управляется инструментом, называемых *launedda*, который есть не что иное, как древняя флейта в две или три тростниковые дудки. Та же живучесть

замечается и во всех обычаях, относящихся к общественной жизни, и в особенности в церемониях и обрядах кумовства, свадьбы и похорон. Браку, как почти у всех древних народов Европы, предшествует некоторое подобие похищения: коль скоро молодая женщина вступит в дом своего мужа, т.е. станет пленницею, она должна пробыть целый день не шевелясь, не произнеся ни единого слова; немая и неподвижная, как статуя, она представляет не живое существо, а только вещь, вещь, принадлежащую мужу: таково, вероятно, значение этого символа. На том же основании ей запрещается в первые три дня супружества посещать своих родителей; в южных местностях острова большая часть женщин ходит с полузакрытым лицом.

У сардинских горцев точно также сохранилась еще печальная церемония сидения ночью у покойников, известная, под именем *titio*, или *attito*. Жены, родственницы, подруги или наемницы, входя в комнату мертвеца, рвут себе волосы, кидаются на землю, рыдают и произносят нараспев импровизированные причитывания. Эти старинные языческие церемонии принимают по истине ужасный характер, когда совершаются пред телом убитого родственника, за которого присутствующие клянутся пролить кровь убийцы. Еще в конце прошлого века и в начале нынешнего практикование *vendett*ы стоило Сардинии значительной части её молодого населения, доходившей иногда до тысячи человек в год. По статистическим, впрочем, весьма неполным, сведениям, число жителей острова в последние сорок лет, предшествовавшие 1816 году, уменьшилось более чем на шестьдесят тысяч человек, и главная причина этому была *vendetta*. В наше время этот ужасный обычай сохраняется только в самых отдаленных горных местностях острова, как напр. в Нуоро и Галлуре, где ни один крестный отец, во время крещения ребенка, не забудет тихонько положить в его пеленки несколько пуль, так как эти священные пули никогда не сделают промаха. Впрочем, теперь убийства из мести почти прекратились, и сардинцы стали забывчивее к оскорблениям, чем соседи их корсиканцы. Но еще более варварский, по нашим понятиям, обычай исчез только в начале прошлого столетия. Существовали женщины, называемые «довершительницами» (*accubadure*), обязанность которых состояла в том, чтобы ускорять кончину умирающих; последние часто и сами умоляли их об этом для избежания страданий. Но подобное дело варварского благочестия часто давало место гнусным деяниям с весьма тяжкими последствиями, так как сардинское население очень сутяжливо и изобилует законниками. Мальтцан считает эти рассказы старинных путешественников чистою клеветою, воображая, что «доканчивательницы» были женщины, которые должны были делать жизнь стариков до того горькою, что дни их сокращались сами собою; но он не подумал о том, что подобная практика была бы еще ужаснее, чем набожное довершение больных.

Сардинский земледелец имеет то огромное преимущество над земледельцами большей части итальянских провинций, что он если не собственник земли, то по крайней мере пользуется ею,—и это заметно и по его поступи, и по его гордому взгляду; он почти похож на кастильского крестьянина. Феодальная система существовала в Сардинии до 1840 г. и оставила после себя многочисленные следы. Крупные бароны, почти все испанского происхождения, были почти полными господами над общинами; еще в 1836 году они имели право творить суд и расправу, строили свои тюрьмы и ставили виселицы—символы своей власти. Тем не менее, крестьяне не были прикреплены к земле и могли переходить из одного лена в другой, а обычай почти всюду обеспечивал им более чем достаточное участие в пользовании землею обширных имений сеньоров: в силу *ademprivio*, они могли рубить в лесу дрова, пасти своих овец на горах и пользоваться полями в запущенных землях равнины; не имея права собственности, они пользовались по крайней мере ежегодными доходами. К сожалению, при таком господстве случайности и произвола, земля давала плохие урожаи. Владельцы ленов, живя почти постоянно вне пределов острова, не могли заниматься улучшением земледелия и, для ведения хозяйственных дел, держали жадных управляющих, а крестьяне, с своей стороны, пользуясь правом ademprivio, не могли заботиться о землях, которые постоянно переходили из рук в руки: земледелие было хищническое. В настоящее время, государство, сделавшись обладателем большей части впусте лежащих земель бывших ленов, стара-

ется освободиться от них для восстановления частной собственности, и разом уступило 200.000 гектаров земли одному англо-итальянскому обществу, которое обязалось построить в Сардинии сеть железных дорог.

Раздробленность земли в местностях с относительно густым населением доходит до крайних пределов; земля там искрошена, так сказать, на мелкие кусочки, поля искрещены изгородями, и каждое из них разделяется на столько клочков, сколько наследников. Случается иногда, что один из двух братьев стережет землю, а другой собирает урожай. Что касается кочующего пастуха почти пустынных округов, то он не имеет точно определенной земли, но у него есть свое стадо; степи, кустарниковые поросли принадлежат ему, и если ему придет фантазия, то он может завести себе клочек пашни в наиболее плодородном месте пастбища. Конечно, при постоянных переночевках, серьезная эксплоатация почвы невозможна. Для устранения этого зла некоторые экономисты предлагали лекарство, которое еще хуже самой болезни,—именно экспроприацию всех мелких участков, всех пустопорожних земель и предоставление их крупным феодалам или промышленным компаниям. Подобный порядок, возобновляющий в другой форме систему каталонских ленов, мог бы только усилить и без того уже большую нищету. Поземельные налоги здесь относительно больше, чем в континентальной Италии, и не проходит года без того, чтобы сотни мелких собственников не были лишаемы своих участков за невзнос налога. В некоторых местах, где деньги едва известны, подати, уплачиваемые в натуре, взимаются в большем против денежного размере, дабы покрыть издержки по продаже продуктов. Кроме муки из каштанов, которая, впрочем, приятна на вкус, пока свежая, поселяне округа Ольястры, на восточном берегу, едят еще хлеб из желудей (quercus ilex), замешанный на воде, протекающей сквозь маслянистую глину разложившихся слоев сланца, причем тесто поливается слегка топленым салом. Таким образом, Сардиния представляет единственный, вероятно, в Европе пример населения, которое отчасти ест землю, как это делают многие индейские племена в Колумбии и Венецуэле. В Испании тоже едят желуди, но то желуди дуба *quercus bellota*, действительно съедобные, и к ним не примешивают глины.

Хотя сардинец и владеет пастбищами или мелкими пашнями, но он не живет при своих полях. На тирренском острове, как и в Сицилии, земледельческое населие сосредоточивается в местечках и городах. Поселков и одиноких хижин вовсе нет, потому что прежде было опасно жить в стороне, вследствие грабежей магометанских и христианских пиратов, а также по причине лихорадок. Первая опасность, т.е. опасность войны, ныне уже не существует; но, тем не менее, привычка осталась, и сардинец продолжает строить себе хижину или дом в том самом местечке, стены которого давали убежище его предкам. Даже горные пастухи любят группировать свои хижины в виде деревушек, хотя без всякого плана, которые называют *stazzi*; сами же они соединяются в союзы для взаимной защиты и покровительства,—и составляют так называемый *cussorgil*, временные республики, представляющие собою образец взаимного уважения, справедливости и равенства. Когда какого-нибудь пастуха постигнет несчастие потерять свой скот от чумы или от пожара, то, по обычаю, он имеет право требовать себе у каждого из своих товарищей округа и окружающих кантонов, по крайней мере, по одному животному и таким образом восстановляет себе стадо, не принимая на себя никакой иной обязанности, кроме обязанности сделать то же самое, когда подобная беда случится с кем-нибудь другим. Кроме того, у них существуют еще, как напр., в окрестностях Иглезиаса, фруктовые сады, состоящие в общем пользовании. Несмотря на свою бедность, горные сардинцы с истинною радостию соблюдают древние обычаи гостеприимства, и хотя живут без всякого комфорта в домах, сбитых из глины или сложенных из грубых камней, но умеют сделать пребывание у них для иноземца приятным, при чем гость дает иногда общине случай устроить всегда желательные для них пиршества.

Произведения Сардинии составляют весьма незначительную часть в общей сумме произведений Италии. Большая часть крестьян бывают трудолюбивы только тогда, когда им вздумается, и количество обработанных земель составляет не более четверти или трети всей по-

верхности острова. Случается также, что в некоторые исключительные годы весь урожай сгарает от засух или даже пожирается саранчею, тучи которой приносятся ветром из-за Африканского моря. За исключением Сассарийского округа, сардинцы употребляют еще первобытные способы обработки земли и вовсе не знают искусства совершенствовать свои произведения. Всего больше они заботятся об оливковом дереве. Соблазняясь политическими привилегиями, которые, смотря по числу вырощенных деревьев, могли дойти до графского титула, тысячи собственников превратили свои невозделанные степи в фруктовые сады, а некоторые местности в долине реки Базы обратились в огромные масличные плантации, масла которых отправляются в Италию. Что касается до миллионов апельсинов, доставляемых садами Миллиса и других сардинских городов, то они считаются недостаточно ценными для вывоза на материк и продаются только на самом острове странствующими купцами. Лучшие плоды апельсинных деревьев имеют меньше значения в торговом обмене острова, чем солянки и другие соляные растения, которые ростут в низменных местах прибрежья, и зола которых отправляется в Марсель для фабрикации соды. Вся равнина Кальяри, слишком бесплодная для разведения каких-нибудь других растений, представляет теперь обширное поле солянки.

Некоторую выгоду дает также разработка гранитных и мраморных ломок; но собственно рудники, имевшие огромное значение во времена римлян, недавно только вновь стали более или менее значительно эксплоатироваться[1]. Железный рудник Сан-Леоне, серьезные и правильные работы в котором начались с 1862 г., дает ежегодно 50.000 тонн руды, содержащей около двух третей по весу чистого металла. В Сан-Леоне, находящемся в пятнадцати километрах от Кальяри, в горах, возвышающихся к западу от бухты, построена первая железная дорога на острове Сардинии. Округ Иглезиас, обширное место разработки древних рудников, где римляне основали города Плумбею и Металла, и где пизанцы также рыли ямы для розыска серебра, с 1867 г. начал приобретать прежнее значение, благодаря своим свинцовым и цинковым рудникам. Здесь, как в Лаврионе, в Аттике, занимаются также разработкой куч шлака, выброшенного древними из копей; при этом весьма интересный сталактитовый грот, проникающий в гору около Домус-Новас, превращен в туннель для доставления шахтам свободного воздуха. С тех пор как населением овладела горячка быстрой наживы и как французские, английские и итальянские компании разделили между собою рудоносную землю по выхлопотанным ими концессиям, Иглезиас принимает мало-по-малу европейскую физиономию, деревня Гонесса приобретает вид города, а маленькая гавань Порто-Скузо, едва посещавшаяся прежде немногими каботажными судами, запружена теперь судами небольшой вместимости, которые являются сюда за 800.000 тонн свинцовой руды и 100.000 цинковой, добываемых из соседних копей, Монте-Пони, Монте-Веччио и других, и перевозят их в порт Карло-Форте, который защищен от ветров открытого моря островами Сан-Пиерро и Сант-Антиоко. Порт этот, по своему движению, следует непосредственно за главным портом острова, Кальяри[2]. К западу от маленького города Мюравера открыты, в 1870 г., серебряные рудники[3]. К несчастию, горные работы острова Сардинии часто оказываются затруднительными вследствие нездоровости климата.

Рыбная ловля не соединяется с такими опасностями, потому что преследуемая рыбаком добыча живет по преимуществу в открытых для морского ветра заливах. Некоторые воды необыкновенно богаты рыбой, как например бухта Кальяри и морские рукава, с дном из кристаллических пород, извивающиеся в архипелаге Маддалены, где древние ловили пурпуровые раковины. Кроме того, в Сардинии есть мели, богатые анчоусами и сардинками, или «сардинскими рыбами», посещающими её берега периодически; к ней приплывают также

1 Производство рудников Сардинии:
С 1850 по 1870 г. 453.036 тонн, стоимостью 62.892.518 франк. С 1870 по 1880 г. 1.194.560 тонн стоимостью 129.725.440 франк. Стоимость в 1882 г. (62 рудника) 14.789.360 франк.

2 Экспорт из порта Карло-Форте в 1881 г.: на сумму 9.445.230 франк.

3 Серебряные рудники в 1871 г. 15 тонн. Стоимость 50.890 франк. Серебряные рудники в 1879 г. 1.409 тонн. Стоимость: 1.595.608 франк.

стаи тунцов, которые попадаются в «камеры смерти»—огромные загоны, протянутые при входах западных бухт; в один сезон их вылавливают до 50.000; впрочем, тунцы не всегда постоянны в своих переселениях, и с тех пор, как они исчезли при берегах Андалузии, около середины восемнадцатого века, к берегам Сардинии стали приходить на промысел испанские рыболовы. Кроме морской рыбной ловли, прибрежные жители занимаются также рыбною ловлею в лагунах, во входных проливах которых ловится сетями множество рыбы различных пород: железница—преимущественно в лагуне Кальяри, головли и угорь—в лагуне Ористано, золотая рыбка и щука—в лагуне Альгеро. Поэтому рыбный промысел имеет в Сардинии большое значение, но большая часть этого труда захвачена моряками с материка; даже маддаленские рыбаки—корсиканского происхождения, а рыбаки Карло-Форте, на острове Сан-Пьетро,—генуэзцы, переселившиеся сюда в начале восемнадцатого века с африканского острова Табарка, который был занят их предками четыреста лет тому назад;—в обеих колониях сохранился еще в чистоте язык предков. Ловля кораллов, для которой в порт Альгеро собирается иногда до двухсот судов, составляет исключительную монополию итальянцев. Они же занимаются собиранием *pinna nobilis*, раковины, шелковистый виссон которой служит для тканья различных принадлежностей одежды. То же самое надо сказать и относительно мореплавания. Хотя окруженные со всех сторон морем, сардинцы—вовсе не моряки: они боятся волн и охотно оставляют морскую торговлю своих портов в руках генуэзцев и других итальянцев. Замечательно, что из 2.400 собранных Спано сардинских пословиц, только три относятся к морю. Это отвращение сардинцев к омывающим их берега морям происходит вероятно оттого, что воды морей этих бороздили некогда корабли завоевателей и пиратов. Что касается торговли, то она не могла быть значительна, как вследствие малочисленности населения, так и вследствие окаймляющих берег болот, да и в наше время, несмотря на быстрое усиление торгового движения, торговля всего острова ниже торговли какого-нибудь второразрядного средиземного порта.

Движение в главных портах Сардинии в 1884 году:

Кальяри 2.437 суд. вмест. 585.460 тонн. Карло-Форте 1.125 суд. вмест. 202.850 тонн. Тортоли 755 суд. вмест. 192.400 тонн. Терранова 838 суд. вмест. 169.125 тонн. Маддалена 641 суд. вмест. 134.820 тонн. Порто-Торрес 1.029 суд. вмест. 133.220 тонн.

В 1894 г. во все 22 гавани острова прибыло 6.969 судов в 2.541.459 тонн.

Торговля Сардинии в 1894 г. Импорт 162.769 тонн. Экспорт 436.443 тонн.

Жители северного «мыса» считаются умнее, деятельнее и цивилизованнее жителей южного «мыса», чем они и не упускают случая похвастаться. Жители Сассари не называют себя сардинцами, предоставляя это, для них несколько варварское название, жителям внутренности и южных берегов острова. Прежде между жителями севера и юга существовало большое соперничество и даже ненависть, и те, и другие говорили о своих соседях не иначе, как в презрительных выражениях, а *vendetta*, разделявшая столько семейств и деревень, делила и весь остров на две враждебные половины. Следы этой вражды существуют еще и теперь, но ни одна часть не может подавить другую своим превосходством: если мыс Сассари, т.е. Верховой (*di Sopra*), и имеет перевес по своему земледелию, промышленности и по преданиям о свободе, зато мыс Кальяри, т.е. Низовой (*di Sotto*), обладает богатейшими рудниками и самыми разнообразными производствами, а также представляет столицу всего острова.

В настоящее время, как и во времена карфагенян, город *Caralis*, имя которого едва изменилось в течение двадцати слишком веков, представляет большой торговый рынок для товаров Сардинии с одной стороны и для иностранных мануфактурных предметов—с другой. От пунических времен в нем остаются только безобразные идолы, а от римской эпохи—множество погребальных пещер, развалины водопровода и высеченный в скале амфитеатр, открытый г. Спано; но город всегда имел превосходный порт, который почти сплошь окружен домами, и великолепный рейд, в котором кораблекрушения неизвестны. Как ни мало был Кальяри под мусульманским господством, однако, он представляет собою один из городов в

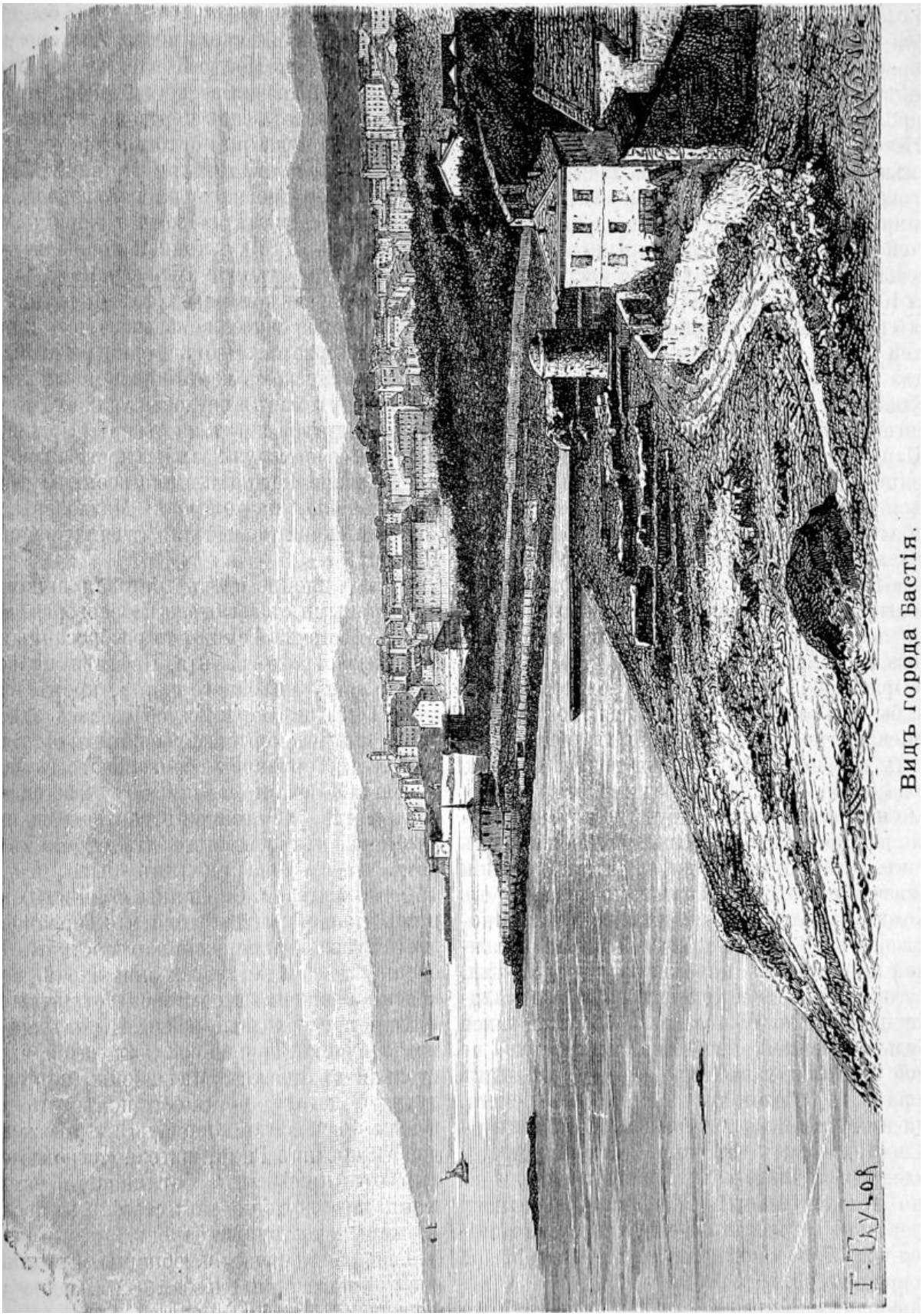
Европе с наиболее восточною физиономиею, благодаря множеству домов с куполами и повисшими над улицами *мушарабами* различной формы. Кальяри занимает превосходное торговое положение. Составляя самый ближайший центрально-европейский пост к африканскому берегу, он отстоит от карфагенских берегов только на 200 километров, т.е. в расстоянии, которое пароход может проехать меньше чем в день; кроме того, Кальяри расположен в проливе, соединяющем Сицилийское море с Балеарским. Поэтому столица Сардинии непременно должна возрасти и получить большое торговое значение, в особенности когда она дренирует нездоровые болота своих окрестностей и превратит в огромный сад бывший морской рукав Кампидано. На востоке, у залива Кварте, и на западе, у Сан-Пьетро, находятся солеварни, дающие соли больше двух третей всего, добываемого в Сардинии, количества соли.

Близ западного берега стоит Ористано, «город горшечников», город знаменитый в истории Сардинии, так как средние века служил резиденциею самых могущественных на острове сеньоров, а *Элеонора*, «судья» Арбореи, издала здесь знаменитую хартию страны (*carta de logu*), которая стала кодексом публичного права всей Сардинии; плодородие полей, прекрасный, глубокий залив, защищенный с запада полуостровом Фарос, где финикияне основали свой торговый эмпориум, возвратили бы Ористано все его былое благоденствие, если бы только город не осаждали болота. Для очищения атмосферы прежде был обычай зажигать, в «нездоровое время года», вокруг города большие огни, но средство это хотя и могло приносить какую-нибудь пользу, не заменяло, для ассенизации страны, тех обширных лесов, которые доставили этой части Сардинии её название Арбореи. Рассказывают, что в болотах Нураки, находящихся в Кампидано-Маджоре, к северо-востоку от Ористано, слышится иногда шум, похожий на мычание быка. Но это явление, происходящее вероятно вследствие прохода воздуха сквозь отверстие какой нибудь подземной пещеры, свойственно не одной Сардинии и наблюдалось не раз, как говорят, в болотах далматского берега. Вблизи железной дороги, связывающей Кальяри с Сассари через Ористано, открыты месторождения каменного угля. К северу от Ористано, незначительный Чиливани превратился в довольно заметный город, как место раздвоения железнодорожных линий: Сассарийской и Терранновской.

Соперник Кальяри, очаровательный Сассари, окруженный масличными плантациями, садами и дачами, есть единственный из сардинских городов, которому принадлежала слава быть в числе итальянских республик. От этих времен свободы он сохранил ту естественную живость, то стремление к инициативе, которых нет в других местах острова. Но в сравнении с Кальяри, он имеет одно большое неудобство, а именно—удален от моря, от которого его отделяет полоса низменностей и болот. Он мог бы отправлять свои товары чрез порт Альгеро и прекрасную гавань Порто-Конте, к югу от гор Нурры, но большая легкость сообщений заставила его избрать себе порт на глинистом берегу залива Азинара: портовый городок Порто-Торрес представляет не что иное как развалину одного древнего римского города, «плохо погребенного гиганта», как говорит Мантегацца, так как из тонкой почвы и кустарника выступают еще арки огромного водопровода и могучия колонны храма Фортуны, которые местные жители называют «Дворцом Короля Варвара». Этот древний римский порт, на Корсиканском море, обращенный к Франции и Генуе, мал и неудобен для входа судов. Нужен другой порт на севере Сардинии. В настоящее время уже заняты постройкою порта, предназначенного сделаться военною гаванью, как Специа, на острове Маддалены, этой «традиционной колыбели лучших моряков Италии».

Отсюда именно идет торговля винами, отправляемыми с высокого плоскогорья, из богатого местечка Темпио, с разбросанными домами из серого гранита. Не имея на восточном берегу ни одного порта, кроме маленького Тортоли, Сардиния обзавелась здесь недавно новым портом, соединив сеть дорог с бухтою Терранновы, ближайшего к Ливорно и Чивита-Веккии сардинского местечка. На том месте, где стоит этот городок, прежде возвышался вероятно город *Olbia*, в котором во времена римлян было не менее 150.000 жителей. Сардинцы, а вместе с ними и все итальянцы, надеются, что Терранова сделается важным emporium'ом острова. Порт очень тесен и неглубок при входе, но прекрасно защищен и со стороны открытого моря

имеет превосходные рейды. Кроме того, неподалеку от Терранови находятся якорные стоянки архипелага Маддалены, которые в дурную погоду могли-бы поместить целые флоты. Располагая конечную станцию железной дороги против Рима, жители острова рассчитывают



Видъ города Бастія.

приблизить Сардинию к её метрополии, повернуть ее, так сказать, к последней и оживить восточный берег.

Главные городские общины Сардинии, с цифрой населения 1 янв. 1882 г. (по последней

переписи).

Кальяри 38.600 жит. (43.000 в 94 г., по вычисл.): Сассари 36.320 жит. (41.000 в 94 г., по вычисл.); Иглезиас 12.095 жит. Темпио 11.190 жит. Альгеро 10.120 жит. Оциери 8.570 жит. Ористано 7.030 жит.

IX. Экономическое состояние Италии.

О нации можно судить только по её коллективным делам, потому что она заключает в себе все крайности и все последовательные переходы от усиленного труда до отвратительной лености, от чистейшей нравственности до самого гнусного унижения; разнородность отдельных лиц бесконечна. Но общая равнодействующая этих миллионов различных жизней ясно обнаруживается в политическом и социальном состоянии населения, в том отпечатке, который оставляет оно на населяемой им земле.

С тех пор, как Италия заняла свое место среди независимых народов, никто не станет отрицать, что она назначена, повидимому, играть в Европе видную роль. Уже дело её политического восстановления выдвинуло людей, выходящих из ряда по своему пониманию событий, по проницательности, по мужеству, неутомимому одушевлению, по стойкости и великодушной самоотверженности. А между ними есть и такие, которые заслужили название героев, которых потомство, наверное, поместит в ряду людей, составляющих славу целого человечества. Быть может, после этого великого усилия предварительных революций и окончательной политической эмансипации, Италия снова впадает на время в состояние некоторого морального упадка. Это явление случается постоянно в жизни народов после всякого перелома; но за поколениями, которые отдыхают от изнеможения, следуют поколения, жаждущие труда и борьбы. Поэтому и нечего чрезмерно тревожиться минутным ослаблением этой видимой энергии итальянского народа.

По наукам и искусствам, родина Вольты, Секки, Россини, Верди, Велы не равняется-ли уже самым передовым народам Европы? Итальянец может теперь смело говорить о двух великих веках Возрождения, потому что он вступил во второй период своего обновления; рядом с великими именами прошедшего, он смело может приводить и другие имена,—имена, принадлежащие к современному периоду; рядом с прежними научными изследованиями и открытиями, он может ставить не менее замечательные труды нынешнего века. Италия имеет искусных живописцев и архитекторов, великих скульпторов и несравненных музыкантов. Итальянские инженеры замечательны гидравлическими сооружениями каналов, мостов, плотин, брикватеров, для изучения которых являются сюда иностранцы. Между итальянскими физиками, метеорологами, геологами, математиками и астрономами есть несколько величайших имен новейшей науки, а университеты обещают питомцев, которые продолжат дело своих предшественников. Множество итальянских путешественников и естествоиспытателей в Южной Америке, Абиссинии, в центральной Азии, Японии, в Зондском архипелаге, Папуасии снова занимаются трудом открытий, который доставил такую славу предкам их —венецианцам и генуэзцам. Поэтому вовсе несправедливо иронически повторять, как это делается часто, что «Италия сделана, но итальянцев еще остается сделать!» По достоинствам отдельных лиц, как в этом легко убедиться, проникая в толпу и наблюдая её внешний вид и слушая её язык, можно сказать, что латинский полуостров вовсе не ниже других европейских стран; если он умел устроиться сам собою, значит—в нем нет недостатка в людях твердого закала.

Известно, что, по относительному числу жителей, Италия занимает одно из первых мест в Европе; она уступает в этом отношении только Саксонии, Бельгии, Нидерландам и Британским островам, хотя у ней есть обширные, почти необитаемые пространства, каковы: верхния Апеннины и вся болотистая область побережья в Тоскане, Лациуме, Неаполитанской области и Сардинии. Но возрастание итальянского народонаселения не так быстро,

как в России, Англии и Германии: в этом отношении она представляет в Европе нечто среднее;—ея период удвоения равен приблизительно веку, в России же—пятидесяти годам, а во Франции—двум векам. Ежегодный прирост равен в Италии 250.000 чел. Рождения всего многочисленнее в двух беднейших итальянских провинциях: Апулии и Калабрии, и относительно всего реже в самых богатых провинциях, в Мархиях и Умбрии[1]. Средняя жизнь итальянца не достигает даже тридцати двух лет, а следовательно уже по одной краткости своей возмужалой жизни обитатель полуострова может дать лишь две трети или три четверти труда, даваемого англичанином или французом.

Сравнительная с Италиею населенность других государств представляется в таком виде (среднее число жителей на 1 кв. километр):

Саксония (1881 г.) 198; Бельгия (1882 г.) 192.; Нидерланды (1883 г.) 128; Британские острова (1881 г.) 112; Италия (1881 г., по переписи) 99 (107, по исчисл. 1893 г.); Франция (1881 г.) 70.

Материальная деятельность Италии еще и в наше время направлена больше к земледелию и извлечению природных богатств из земли и моря, к добыванию минералов, соли, рыбы и кораллов, чем к собственно так называемой промышленности (почти всю серу, добываемую в Европе доставляет Италия). Более пяти шестых всей поверхности страны вполне производительны, хотя значительную часть её занимают горы и скалы. Земледельческая территория Италии распределяется следующим образом (1882 г.):

Под зерновыми хлебами 13.121.000 гект.; под лесами и рощами 4.157.000 гект.; под пастбищами 5.500.000 гект.; под виноградниками 1.879.000 гект.; под лугами 1.200.000 гект.; под маслинами 895.000 гект.; под каштанами 496.000 гект.; под рисом 232.000 гект.; под льном и коноплей 200.000 гект.; пустопорожния земли и болота 3.920.000 гект. Вся поверхность 31.600.000 гект.

Зерновых хлебов, составляющих главный предмет земледелия, недостаточно для внутреннего потребления, несмотря на значительное увеличение их производства за последние годы, между тем как другие произведения составляют предмет значительного вывоза. Италия первая в мире страна по производству оливкового масла, и её масличные рощи и леса занимают пространство около 900.000 гектаров; к сожалению, качество этого продукта не всегда соответствует его количеству. По столовым плодам, фигам, винограду, миндалю и апельсинам, Италия также стоит во главе всех стран Европы. По обилию каштанов, собираемых в Апеннинских и Альпийских лесах, она также превосходит их. Наконец, ей же принадлежит первенство и по культуре шелковицы и производству коконов; в отношении этого драгоценного продукта она превосходит Францию; полагают даже,—хотя предположение это основывается на неточных статистических данных,—что в исключительные годы, как напр. в 1873, она стояла по производству шелков выше центрального Китая. В 1884 г. Италия дала 2.810.000 килогр. шелка. Вот, для примера, сравнительные цифры производства шелка-сырца во всем мире.

	1882 г.	1883 г.
Италия	2.370.000 килогр.	3.200 000 килогр.
Китай (вывоз)	4.029.000 »	3.647.000 »
Япония	1.436.000 »	1.612.003 »
Мусульманский восток	655.000 »	830.000 »
Франция	772 000 »	611.000 »
Бенгалия	456.000 »	536.000 »
Испания	110.000 »	95.000 »
Греция	20.000 »	20.000 »

Шелководством в Италии занимаются около 200.000 лиц; но промышленности этой грозит опасность вследствие понижения цен, вызываемого конкурренцией крайнего Востока.

За свои вина полуостров все еще заслуживает данное ему древними название «Энотрии»,

1 Движение народонаселения в Италии (выведен средний год из 1880-1884 гг.): Рождений 1.067.001 Смертность 834.332. Прирост 232.669.

хотя его виноградари далеко еще не сравнялись в искусстве с французскими:—им остается сделать еще многое, за исключением виноградарей некоторых частей континентальной Италии и Сицилии, где встречаются превосходные виноградники[1]. Что касается культуры хлопчатника, культуры уже полу-тропической, то она имеет весьма малое экономическое значение. Гораздо более серьезный источник богатства составляет скотоводство и вообще разведение домашних животных; некоторые итальянские сыры отличаются превосходным качеством.

Пространство обработанных земель и приблизительная стоимость земледельческих произведений Италии, с 1876 г. по 1882 г., по Annuario statistico italiano, были:

Пахатные земли, виноградн. и плодовые сады 13.432.000 гект. Хлебные растения: зерновые хлеба, рис, маис и пр. 110.900.000 гект. 1.674.000.000 фр.; картофель 7.189.400 цент. 32.000.000 франк.; вина 27.530.000 гект. 688.000.000 франк.; плоды 2.601.260.000 гект. 52.000.000 франк.; шелковица 38.905.000 кил. 136.167.000 франк.; пенька, лен, хлопок и пр. 150.000.000 кил. 92.860.000 франк.; табак 5.811.000. кил. 5.810.000 франк. Маслина 805.130 гект. Масло 3.320.000 гектол. 386.000.000 франк. Каштановое дерево 496.100 гект. Каштаны 5.769.800 цент. 132.705.000 франк. Леса 4.157.000 гект. Дерево ?? Луга 1.200.000 гект. Пастбища 5.500.000 гект. Сено, произведения скотоводства и пр. 1.178.900.000 франк.;

Число домашних животных в 1881 г. было:

Быков, буйволов и коров 4.783.000 шт.; лошадей, ослов и мулов 1.626.000 шт.; овец 8.596.000 шт.; коз 2.016.000 шт.; свиней 1.164.000 шт.

Добывание, все более и более увеличивающееся, железной руды на острове Эльбе, мрамора и гранита в главных и в Апуанских Альпах, буры и борной кислоты в тосканских Суб-Апеннинах, свинца и цинка—в Сардинии и серы—в Сицилии составляет переход от простого извлечения сокровищ земли к собственной промышленности.

Произведения металлических и соляных копей составляли (в 1882 г.), по ценности 73.815.000 франков; добыча представляла следующие цифры:

Серы 445.918 тонн; руды железной 242.083 тонн; руды цинковой 91.366 тонн; руды свинцовой 46.334 тонн; руды медной 24.060 тонн; соли (не считая морской) 29.000 тонн; соль морская в 1879 г.: 320.000 тонн. Приблизительная ценность 6.560.000 франк.

Ценность продуктов горного промысла в 1882 г., по Annali di Agricultura 1885 года:

Сера 46.642.539 франк.; свинец 8.296.120 франк.; цинк 4.519.529 франк.:, железо 2.897.367 франк.

Собственно промышленность обнимает все специальности новейшего труда, от фабрикации булавок до постройки локомотивов и больших кораблей, но Италия пользуется первенством только в отношении некоторых предметов роскоши, каковы: шляпы из тонкой соломы, разные камни, инкрустированные мраморы и дерева, каралловые и мелкие стеклянные вещи, а также некоторые кухонные произведения печения и соления. Зато в шелковом производстве Италия обнаружила в последнее время весьма оживленную деятельность. Милан стал опасным соперником Лиону; фабрикация узорчатых шелков развивается все более и более, и материи эти пользуются большим спросом в Швейцарии и Германии. Фабрики шерстяных изделий в провинции Новарре, а особенно в Биелле, считаются сотнями и доставляют торговле весьма ценные произведения. Хлопчато-бумажные мануфактуры также распространяются, но еще уступают в числе испанским и имеют не более миллиона веретен, т.е. около пятой части количества веретен во Франции. Что касается льняных и пеньковых тканей, то они еще по большей части ручной работы. Кроме тканья материй, большая мануфактурная промышленность, с её городами фабрик и населением работающих машин, в Северной Италии еще слабо развита, а в Южной, за исключением Неаполя, и совершенно неизвестна. Рабочий класс, впрочем, весьма многочисленный, так как составляет пятую часть народонаселения, состоит большею частию из ремесленников, которые работают или

1 Среднее производство вина в Италии 27.530.000 гектолитров. В 1891 г. 36.992.135 гектол. В 1894 г. 24.486.400 гектол.

дома, или в маленьких мастерских; они не захвачены еще в громадный механизм разделения труда, чтобы быть сгруппированными в армии на службе пара. Поэтому, в современной истории экономической борьбы, Италия не представляет еще таких явлений, как Франция, Бельгия, Германия и Англия. Но различие это уменьшается со-дня-на-день, так как большая часть мелких промышленных заведений, с их разбросанными мастерскими и рабочими, занимающимися своим делом на дому, обречены на поглощение громадной фабрикою, поддерживаемой капиталами банков.

Торговле Итальянского полуострова предстоит пройти чрез такия же преобразования, как и её промышленности. Хотя торговый флот Италии весьма значителен и уступает только флотам Британских островов, Соединенных Штатов, Германии и Франции, хотя личный состав его моряков и рыболовов громаден и простирается до 200.000 человек—однако деятельность его далеко еще не соответствует его многочисленности и тоннажу.

Статистика итальянского мореплавания: коммерческий флот парусный в 1895 г.—судов 6.231 в 571.605 тонн, паровой—328 в 207.530 тонн, итого судов 6.559 в 779.135 тонн.

Движение морского судоходства 1893 г.: вошло судов 116.401 в 25.958.403 тонн, вышло—115.944 в 25.051.098 тонн.

Из этого числа на международное судоходство приходилось прибывших и выбывших судов вместе: 30.645, в 14.736.859 тонн, причем преобладал английский флаг (6 мил. тонн), затем следовали итальянский (4.100.000 тонн) и австро-венгерский (1.600.000 тонн).

За исключением Генуи, которая по своему спекулятивному духу походит на большие порты северной Европы и вместе с соседними городами владеет тремя четвертями всего национального торгового флота, огромная часть итальянских судов служит только для небольших рыболовных экспедиций и каботажной торговли Средиземного моря, и лишь относительно весьма немногие итальянские корабли отваживаются пускаться в открытый океан. Флаг Италии не показывался в Тихом океане до 1845 г., да и в наше время его редко можно увидеть в морях дальнего Востока, что составляет предмет беспокойства для патриотов, которые ведут деятельную пропаганду, чтобы заставить судовладельцев вступить в непосредственные деловые сношения с заморскими странами. Правда, благодаря своему положению в центре Средиземного моря, Италия имеет то верное преимущество, что может получать себе долю от всей торговли, какая производится между противоположными берегами её бассейна: она непременно будет выигрывать от всякого увеличения населения, от всяких промышленных успехов, совершающихся в средиземных странах, от Египта до Марокко; но зато сухопутные дороги, которые идут вовсе не по её территории, лишат ее весьма важного торгового элемента. Можно утверждать безошибочно, что железная дорога из Калэ и Антверпена в Салоники и Константинополь, т.е. великая будущая чрез-европейская дорога, отнимет у итальянских портов значительную часть их торговли. С 1876 г. паровой флот Италии почти удвоился, считая по его вместимости, и однако под национальным флагом производится лишь одна треть их внешней торговли. Моряки и корабли, считая с тонны и с человека, дают лишь незначительное количество того труда, который они давали бы в других местах.

Большое морское движение вокруг итальянских берегов может дать ложное представление о действительном торговом движении на полуострове. Продолговатая форма Италии, горные валы, затрудняющие сообщение внутри страны, недостаток водных сообщений—отбросили торговлю на прибрежье, а благодаря именно оживленности портов, отдаленные от моря дороги остаются без движения. Но этот недостаток торгового равновесия между берегом и внутренними местностями постепенно сглаживается, и география Италии, под влиянием политических событий и промышленного труда, совершенно видоизменяется: черты рельефа и контуров полуостровов приняли другое значение, и роль, которую они должны играть в настоящее время, совершенно отлична от той роли, которая принадлежала им в истории прошедших веков.

Главными агентами этого нового географического порядка были обыкновенные и же-

лезные дороги. Итальянцы с большим смыслом назвали одну свою, самую многолюдную, провинцию по имени проходящей во всю её длину дороги: значение больших дорог в историческом развитии народов до такой степени капитально, что Эмилия действительно обязана своим благосостоянием Эмилиевой дороге. Все её большие города, от Адриатического моря до По, получают жизнь, благодаря этой, соединяющей их друг с другом, артерии; а в северной Италии история крепости Вероны и окружающих ее полей битв не свидетельствует ли также о том громадном значении, которое имеет в судьбах народов простая дорога?

Важнейший географический переворот, совершенный внутри полуострова путями сообщения,—это покорение Апеннин, точно так же как самый значительный факт для сношений Италии с Европою составляет прорытие Альп[1]. Апеннины, разделявшие некогда Италию на множество отдельных бассейнов, имевших различные исходные пункты для торговли и различную политическую судьбу, составляют теперь весьма ничтожное препятствие между двумя склонами полуострова. Кроме больших конных дорог, Апеннины пересекаются уже восемью железными дорогами: между Турином и Савоною, Миланом и Генуею, Болоньею и Флоренциею, Анконою и Римом, Аквилой и Терни, Термоли и Беневентом, Неаполем и Фоджиею, Тарентом и Салерно, а в недалеком будущем и другие, подвигающиеся с обеих сторон, железные дороги соединятся друг с другом в подземных галлереях или на горных проходах. Этим-то рельсовым путям и вызываемым ими новым условиям Италия обязана своим великим политическим развитием больше, чем гению своих государственных людей. Отечество основалось тогда, когда все итальянцы, ломбардцы, пьемонтцы, генуэзцы, флорентинцы, римляне и романьольцы, перестали разделяться друг от друга материально и получили возможность поселяться в любом городе полуострова, как дома. Инженеры создали единство Италии, связав друг с другом железные дороги из Чивита-Веккии, Неаполя, Анконы и Флоренции в том самом месте, где римляне проложили некогда свои мощеные дороги.

Большое изменение в географии полуострова произвела также железная дорога, идущая вдоль Адриатического берега из Римини в Бриндизи и Отранто, и составляющая часть торгового пути из Лондона на Суэц и Бомбей. Живою половиною полуострова была до сих пор западная сторона Италии, которая обладает Арно, Тибром и Гарильяно, которая богата заливами, портами, архипелагами, на которой находились значительные рынки, богатые города, центры цивилизации, места столкновения иностранцев. И вот, железная дорога разом перенесла ось торговли на восточную сторону полуострова. Перворазрядные города на ней еще не родились, но это уже одна из главных дорог Старого Света, и тысячи кругосветных путешественников едут по ней, не сворачивая с своего пути для посещения Неаполя, Рима или Флоренции, по другую сторону Апеннин.

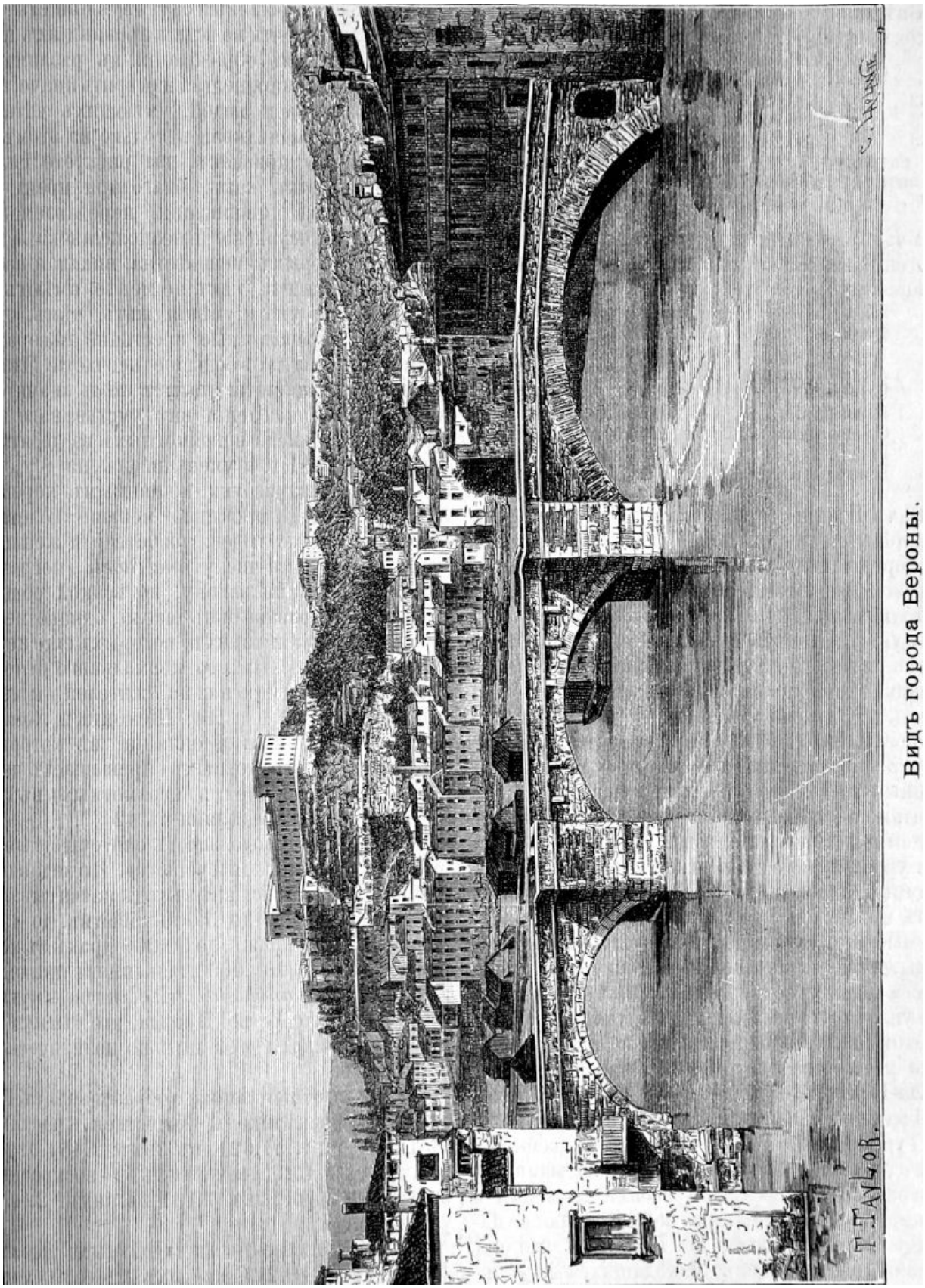
В настоящее время континентальные дороги Италии разделены на две главные сети: Средиземную и Адриатическую, отделенные одна от другой Апеннинами. Сети Сардинии и Сицилии образуют две отдельные группы. Из всех железнодорожных итальянских станций важнейшею является Милан, затем следуют Генуя, Турин и Рим.

Пути сообщения Италии представляются в таком виде: каналы и судоходные реки 2,900 килом.; большие государственные, провинциальные и общинные дороги (колесные) (1891 г.) 79,430 килом.: железные дороги (1 янв. 1895 г.) 14.944 килом.; пассажиров (1892г.) 51.000.000; груз в тоннах (1892 г.) 17.200.000; телеграфная сеть (1893 г.) 38.288 килом.; число телеграмм (1893 г.) 8.670.000; число писем 191.200.000.

В совокупности, внешняя торговля Италии, как сухопутная, так и морская, считая при этом и транзитное движение, простирается средним числом до двух с половиною миллиардов франков в год, что составит по 90 франков на душу населения. Торговый прогресс весьма велик, так как с 1870 года торговое движение увеличилось более, чем на треть, но в сравнении с другими европейскими нациями Италия еще значительно отстала в этом отношении: по торговой деятельности ее превосходят не только Англия, Франция, Германия, Австро-

1 Торговля Италии с Австро-Венгрией: 1861 года 67.000.000 фр., средняя годовая цифра с 1875 по 1882 г. 394.316.000 фр. В 1893 г. 239.700.000 фр.

Венгрия и Россия, но даже некоторые небольшие страны, как Бельгия и Голландия. Около трети торговых операций Италия ведет с Францией, около половины—с Англией, Австро-Венгриею и Швейцарией, остальное распределяется весьма неравномерно между различны-



Видъ города Вероны.

ми другими странами. Так, торговые сношения Италии с Испанией почти ничтожны, между тем как они довольно деятельны и быстро увеличиваются с Турциею и бывшими варварийскими государствами. Еще недавно итальянские суда отваживались переходить за Гибрал-

тарский порог только за тем, чтобы плыть к устью Ла-Платы, а теперь они уже знают дорогу в Соединенные Штаты и даже заменяют американские суда в международной торговле; посланные городом Генуею естествоиспытатели и купцы исследовали Новую Гвинею, Молукские острова и ближайшие к ним архипелаги для открытия новых торговых рынков; кроме того открыты сношения с Абиссинией и Чермным морем. Статистические таблицы полуострова показывают, что в торговых сношениях Италии с отдаленными странами с каждым годом совершаются весьма большие успехи.

Внешняя торговля Италии представляется в таком виде:

	Ввоз, франки	Вывоз, франки	Итого, франки
1862	830.029.350	577.468.350	1.407.497.700
1873	1.286.700000	1.133.100.000	2.419.800.000
1883	1.380.288.140	1.199.927.190	2.580.215.330
” (с транзитом)	1.468.517.730	1.288.156.790	2.756.674.520
1895	1.194.551.799	1.059.579.763	2.254.131.536

Участие различных стран в итальянской торговле в 1893 г. (в миллионах лир или франков):

	По ввозу.	По вывозу.		По ввозу.	По вывозу.
Франция	158,7	148	Швейцария	51,4	187,6
Англия	251,5	104,4	С. Америка	95.6	81,6
Австро-Венгрия	120,2	119,5	Россия	130,5	8,5
Германия	146,6	145,5	Британ. Индия	69,7	14,9

Бич Италии составляет нищета, гнетущая миллионы её земледельцев даже среди самых плодородных полей, как в Ломбардии и приморской Базиликате. Крестьяне в Абруццах и Молизе, лишенные принадлежащей им земли и не уверенные в следующей им заработной плате, остаются по прежнему крепостными помещика, хотя по закону они свободны. Если счесть все, что могут получить в самый благоприятный год отец, мать и дети, то оказывается, что выручки недостаточно даже на насущный хлеб; оттого пища их состоит из каштанов, маисовой поленты и хлеба из испортившейся муки. На платье, на меблировку или украшение убогой хижины, на часто необходимые лекарства не остается ничего! А между тем миланская проказа и все недуги, причиняемые недостатком питания, весьма распространены, и смертность между детьми значительна. Масса мелких землевладельцев не в состоянии уплачивать налоги и преследуются фиском. Поэтому выселение, лишающее полуостров такого множества его сынов, отправляющихся в Ла-Плату, в Перу, в Соединенные Штаты, во Францию, Швейцарию, в Алжир и Тунис, в Турцию и в Египет, является двойным благодеянием. Оно дает хлеб большинству эмигрантов, а последние своими письмами и присылаемыми деньгами поддерживают надежду в остающихся[1]. Говорят, что из миллиона итальянцев, находящихся заграницею, добрая сотня тысяч занимается в той или другой форме искусством, либо в качестве музыкантов, живописцев и скульпторов, либо в качестве уличных певцов и шарманщиков[2]. Запасшись кое-какими сбережениями, они, в большинстве случаев, возвращаются на родину.

Невежество, обычный спутник нищеты, еще очень велико почти во всех провинциях полуострова. Степень образования в различных странах, конечно, нельзя измерить иначе, как числом школ и людей, умеющих читать и писать; но останавливаясь только на этом поверхностном признаке, вы рискуете сильно ошибиться, так как, благодаря преимуществам долгой цивилизации, передаваемой по наследству, тосканские и неаполитанские земледельцы, которым неизвестна никакая азбучная тарабарщина, тем не менее имеют гораздо больше ума и умения жить, чем, относительно, образованные крестьяне севера. Во всяком случае, это большое несчастие Италии, что незнание грамоты ставит столь значительную часть её населения вне умственного прогресса. Хотя число неграмотных за десятилетие 1871-1881 г. и уменьшилось на 8%, все же в таинства азбуки, по данным переписи 31 дек. 1881 г., про-

1 Эмиграция из Италии с 157.193 чел. в 1885 г. возрасла в 1893 г. до 246.751 чел. (в 1894 г. 225-346).

2 Общее число итальянцев, живущих за границей, в 1891 г. определяли в 1.988.000 челов.

никло меньше половины всех взрослых людей: три четверти женщин принадлежат к числу *analfabeti* (неграмотных), и хотя, по закону, во всякой общине непременно должна быть школа, однако между ними есть тысячи таких, которых еще не посещал учитель. Вместо нормального отношения 1 учащагося на 6 или на 7 жителей является лишь отношение 1 к 14. Пиемонт и Ломбардия—единственные провинции, в которых число *alfabeti* (грамотных) превышает число неграмотных (процент неграмотных в Италии в 1893 г. определяли в 42%).

Вот почему продолжают еще существовать старые нравы насилия и убийства. По недавним сообщениям статистики, в год насчитывалось средним числом до 5.000 убийств, до 4.000 вооруженных краж, до 50.000 драк с поранением. Более 200.000 итальянцев принадлежат к числу *ammoniti*, т.е. подвергнутых ссылке на жительство. Правда, что тысячи из них подвергнуты этой каре по политическим причинам.

Состояние общественного образования в Италии: начальных школ, обществен. и частных в 1891-92 г. 57.621, в них: 2.454.032 детей. Кроме того, вечерних и воскресных школ для взрослых 7.131 в них: 224.301 учащихся.

Число общественных начальных школ в 1891-92 г.: 49.217, в них 2.266.593 учеников. Лицеев и гимназий в 1882 г. (считая и частные): 1.056, посещ. 73.238 учен. Реальных училищ и институтов технических: 473, в них 42.402 учащихся. Университетов (4 частных): 21, в них 17.792 учащихся. Книг издано в 1892 г.: 9.742. Газет и журналов в 1893 г.: 1.897 (из них 138 ежедневные).

Число неграмотных рекрут в 1881 г. 47.7 на 100; число неграмотных новобрачных в 1881 г. 48 муж., 70 женщ. на 100; число неграмотных в 1871 г. 72.96%; число неграмотных в 1881 г., 67.26%; число неграмотных в 1893 г. 42%.

Число осужденных в 1882 г. (по уголовн. делам): мировыми судами 234.022 или 82 на 10.000; исправительными судами 64.871 или 22.76 на 10.000; уголовными 6.144 или 2.15 на 10.000; число «*ammonizioni*» с 1874 по 1883 г. 201.438; средняя цифра за год 22.382; общее число осужденных в 1891 г. 360.340.

Одною из главных причин остановки и замедления в развитии итальянского народа является постоянное расстройство в государственных финансах и, последствие его, тяжесть принудительных налогов. Правда, по сравнению с Франциею, всякий национальный долг может показаться некрупным, но долг Италии доходит до 12 миллиардов, что составляет уже громадную сумму, тем более что она постоянно увеличивалась в течение, по крайней мере, одного поколения, сверх того, к ней присоединяется ежегодный дефицит, колеблющийся между 120 и 500 миллионов франков. Доходы теперь, впрочем, увеличиваются и даже были случаи нескольких бездефицитных лет. Налог на помол отменен, кредитные билеты дошли до *al-pari* с серебром. Тем не менее дефицит, вследствие экстраординарных расходов на армию и флот, не покрывается ни увеличением таможенных пошлин, ни налогами на потребление, ни лотереею, столь вредно влияющей на народную нравственность, ни продажею церковных имуществ.

Вот данные о финансовом положении Италии: расход государственный в 1874 г. 1.329.165.000 фр.; доход государственный в 1874 г. 1.293.759.000 фр.; дефицит государственный в 1874 г. 35.406.000 фр.; долг государственный в 1874 г. 9.787.743.000 фр.; % по долгу государствен. в 1874 г. 455.536.000 фр.; в 1882 г. расход 1.559.685.000 фр.; доход 1.569.677.000 фр.; остаток 9.782.000 фр.; в 1883 г. долг 11.969.768.000. фр.; % по долгу 525.310.000 фр.

Бюджет 1895-96 г.: приход 1.699.088.625 фр.; расход 1.721.842.764 фр.; бюджет общин в 1889 г. составлял около 640 мил.; бюджет провинций в 1891 г.: доходы, 90,4; расходы 97,9 милл. лир.

Долги в 1893 г.: государственный долг 12.909.666.000 лир; долги области. 170.400.000 лир; долги общин 1.037.400.000 лир. Доход с государственной лотереи в 1874 г. 75.000.000 франк.; продажа церковных имуществ с 26 окт. 1867 по 31 дек. 1883 г. дала 579.393.989

франк.

Папа, который прежде мог считать себя «солнцем между земными лунами», т.е. императорами и королями, потерял всякую политическую власть в своих бывших владениях. Он живет в Ватикане не как государь, а как гость, и деньги, которые предлагает ему итальянское правительство и от которых он не переставал еще отказываться,—уже не дань, а подарок. Тем не менее, папа, хотя и безоружный, не совсем еще безвластен, и одно уже его присутствие составляет значительное препятствие к прочному установлению Итальянского государства. Лишение духовного монарха светской власти вовсе не признано еще огромным большинством католиков, которые, как на самом полуострове, так и во всей Европе и в целом мире, протестуют против этого и не упускают случая порицать новый порядок вещей. Политическая Европа оказывается таким образом слишком заинтересованною во внутренних делах Италии, чтобы не позволять себе в них частые вмешательства:—вот опасность, отвратить которую, быть может, не удастся всем дипломатическим тонкостям. Этот уголок земли, этот дворец, этот сад, которые еще остаются у их владыки, сравниваются ревнителями папства с тою твердою точкою, которую искал Архимед, и которой, говорят они, достаточно для опоры рычагу, который перевернет весь мир. Как бы то ни было, борьба идет, и перипетии столкновения происходят не на одном полуострове.

Не подлежит никакому сомнению, что рано или поздно Италия выйдет из того ложного положения, которое сделало из её столицы центр независимого государства и в то же время местопребывание теократического правительства, которому повинуются католики всего мира. Это противоречие должно исчезнуть, тем более, что, среди больших европейских агломераций, Италия принадлежит именно к числу таких, которые силою самих вещей сохранят всего дольше свою национальную индивидуальность. Присоединясь поздно к составу централизованных народов, итальянцы тем более привязаны к своему отечеству, что они создали его еще недавно; оно составляет для них завоевание, которое они не захотят выпустить из рук, особенно пока оно не будет окончено и пока многие итальянские земли не присоединятся к группе соединенных провинций. Исключительная определенность географических очертаний полуострова поможет итальянцам сохранить свое национальное чувство во всей его силе. Альпийская стена останется пред их взорами, как символ, еще долго после того, как железные и другие дороги пройдут над нею или под нею чрез все значительные проходы. Но потому самому, что итальянская национальность резко ограничена и имеет все шансы держаться с большею стойкостью, чем другие национальности с не столь определенными границами, она обладает меньшей силой расширения. Если исключить эмиграционное движение в страны Ла-Платы, то роль Италии остается исключительно средиземною: её движение на внешний склон Альп почти ничтожно, а за Суэц и Гибралтар—еще меньше. Итальянский язык в Тунисе и в Египте, представляемый различными его провинциальными говорами, может приобрести некоторое преобладание, но он имеет весьма мало шансов бороться с языками английским, французским, испанским, немецким и русским. Прекрасный язык Данта, конечно, не будет мировым языком народов.

X. Правительство и администрация.

По основному статуту королевства, обнародованному в марте месяце 1848 г., Италия есть наследственная, представительная монархия. Конституционная хартия была введена первоначально только во владениях короля Сардинского, а потом, с каждым новым увеличением королевства, постепенно распространилась на Ломбардию, Тоскану, Эмилию, на Мархии, Неаполитанскую область, Сицилию, на Венецию и, наконец, на Рим и его провинцию.

Статут этот, как и большая часть подобных документов, гарантирует всем итальянским «уроженцам» равенство перед законом, индивидуальную свободу и неприкосновенность домашнего очага. Печать свободна, но «закон обуздывает её злоупотребления». Право собраний признано, за исключением «сходок в публичных местах»; все граждане одинаково поль-

зуются гражданскими и политическими правами и допускаются на все гражданские и военные должности, «кроме исключений, определенных законом».

Король один облечен исполнительною властью, но все законы и все правительственные акты должны иметь непременно подпись министра. Король, как глава государства, командует сухопутными и морскими силами, объявляет войну, заключает мирные, союзные и торговые трактаты, с единственным условием—давать о них отчеты палатам, «когда позволят интересы и безопасность государства»; однако, трактаты, влекущие за собою отягощение финансов или касающиеся территориальных изменений, имеют силу только по получении согласия палат. Король назначает на все государственные должности, в том числе и сенаторов королевства, и распускает палату депутатов; его именем отправляется правосудие; он имеет право помилования и смягчения наказаний. Он пользуется всеми преимуществами короны и может распоряжаться своим частным родовым имением, как при жизни, так и по завещанию, не стесняясь правилами гражданских законов, ограничивающих право распоряжения. Содержание, назначаемое ежегодным бюджетом нации королю и принцам королевской фамилии, превышает двадцать миллионов франков в год.

Число сенаторов не ограничено. Король избирает их из духовных, гражданских и военных сановников, из чиновников всех классов, богатых лиц, платящих государству более 3.000 франков налога, и из всех тех, кто, по его мнению, оказал отечеству важные услуги. Чтобы занимать место в сенате, надо иметь не менее сорока лет. Депутаты палаты представителей должны иметь не менее тридцати лет; они, в числе 508, избираются на пять лет, но их полномочие прекращается, если палата распущена до истечения этого срока. Как и сенаторы, они не получают никакого вознаграждения, чем и объясняется в некоторой мере недостаток усердия у большей части сенаторов и представителей к исполнению своих обязанностей: между ними есть и такие, которые ни разу не бывали в заседании. А так как постановления считаются действительными только тогда, когда они приняты собранием при наличности половины плюс одного члена, то иногда проходят целые недели, прежде чем возможно бывает решить окончательно какой-нибудь важный вопрос. Что касается второстепенных законов, то они, вопреки статуту, постановляются большею частью простым большинством голосов наличных членов.

Не все граждане бывают политическими избирателями: по закону 1882 г., их считается только немного более 2.000.000, которые и разделяются на 135 избирательных коллегий. Они должны иметь не менее двадцати одного года, уметь читать и писать и, кроме того, платить не менее 20 франков налога. Все члены академий, профессора университетов и коллегий, все занимающиеся свободными искусствами, оседлые и имеющие установленный патент купцы и все государственные пенсионеры, получающие более 600 франков, считаются избирателями по праву. Вообще политические избиратели в Италии не выказывают особого рвения к участию в выборах; в 1892 г. из 2.934.445 записанных избирателей участвовало 1.639.298, т.е. 55.9%.

В административном отношении всякая провинция Италии считается «моральною личностью», имеющею право владеть собственностью без разрешения центрального правительства и пользующеюся известною автономиею. Провинциальный совет заключает в себе от двадцати до шестидесяти членов, назначаемых на пять лет муниципальными избирателями, и обновляется ежегодно в пятой части своего состава. Этот совет заседает обыкновенно один раз в год и занимается почти исключительно местными хозяйственными делами и определением размера дополнительных налогов. Временно он передает свои полномочия провинциальной депутации, которая и представляет совет при префекте, действия которого она контролирует.

Организация муниципального города весьма похожа на организацию провинции. Городской совет состоит из 15-20 членов, избираемых также на пять лет, и ежегодно обновляется в пятой части состава. Муниципальных избирателей больше, чем политических; они могут пользоваться своими правами с двадцаии одного года, но должны иметь ценз и пла-

тить налога от 5 до 25 франков, смотря по значительности общины; к избирателям по цензу присоединяются избиратели «по правоспособности»: профессора, чиновники, военные кавалеры орденов и все итальянцы, занимающиеся свободными профессиями. Муниципальный совет собирается обыкновенно два раза в год и занимается сведением счетов, определением бюджета и поверкою общинного имущества, заседания его публичны, если того требует большинство членов. Совет сам избирает муниципальную юнту (*giunta*), возобновляющуюся по половине в год и состоящую из 2—12 собственников, смотря по значительности общины; она обязана вести текущие дела и служит представителем совета при мере или *sindaco*, который, как и провинциальный префект, утверждается правительством, но всегда должен быть выбран из среды муниципального совета.

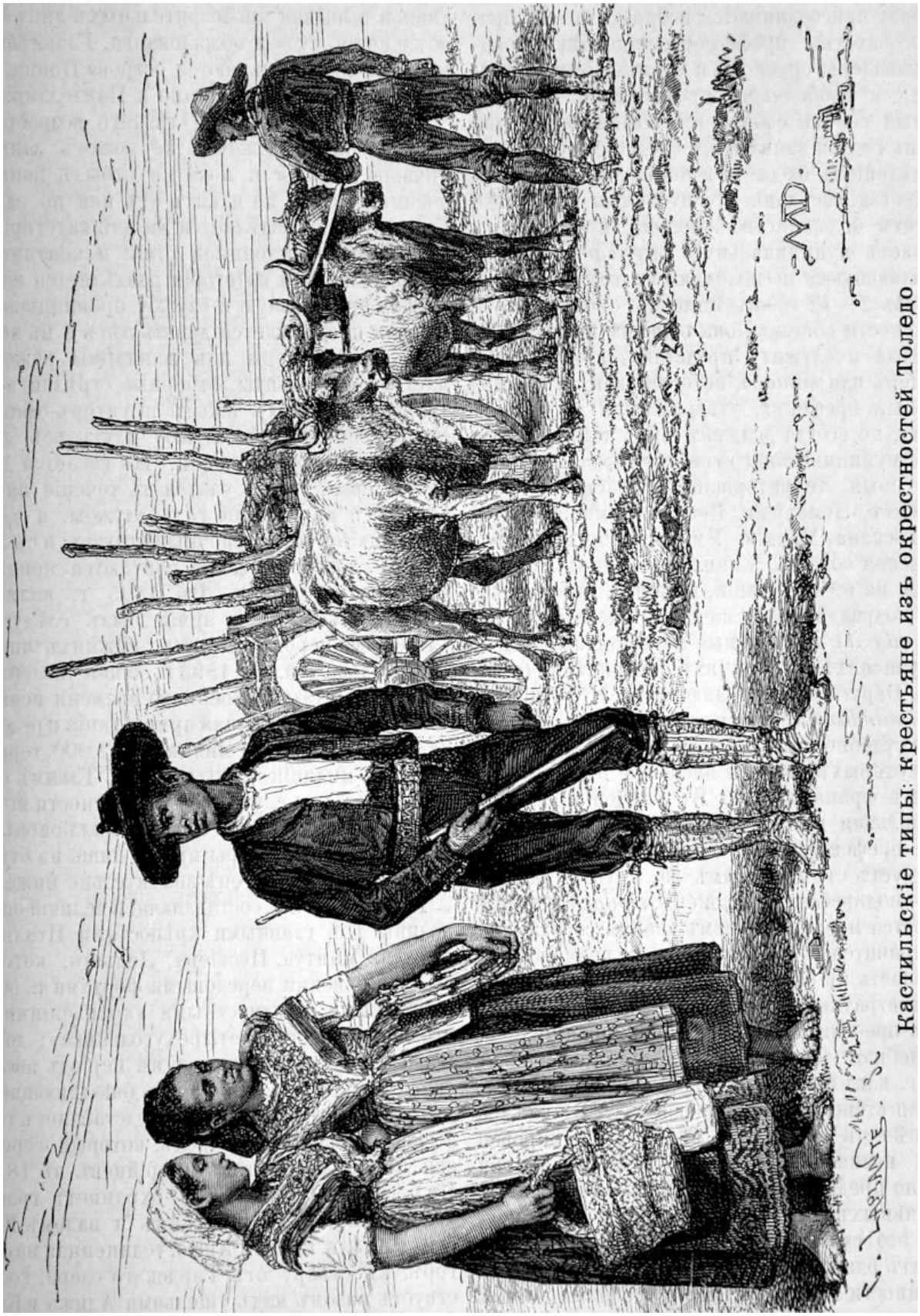
Крупные территориальные части Италии: Пиемонт, Ломбардия, Венеция, Эмилия, Лигурия, Тоскана, Мархии, Умбрия и Рим, Неаполитанская область, Сицилия, Сардиния, разделяются на 69 провинций, которые, в свою очередь, подразделяются на 284 уезда или округа (*circondarii*), называемые в венецианских и мантуанских провинциях дистриктами (*dictretti*). Округа подразделяются на 1.779 приказов (*mandamenti*), представляющих деление чисто судебное, и на 8.259 общин, пространство которых вдвое, а население втрое больше общин французских. В каждой провинции центральная власть представлена префектом и его префектурным советом; в округах действует с подобным же кругом ведомства—подпрефект; наконец, *sindaco*, который считается представителем своих сограждан при правительстве, есть в то же время выборная власть в общине. Это почти та же самая административная система, которая почти всегда преобладала в новейшей Франции.

Судебная иерархия была установлена в 1865 г., как и организация провинций и общин. Первая степень—это мировой суд. В каждой общине есть по крайней мере один мировой судья, назначаемый правительством на три года, по представлению муниципального совета. В главных местах «приказов» судит претор; это судья первой инстанции; при нем состоит один или несколько вице-преторов, обязанности которых подобны обязанностям мирового судьи. Над преторами стоят судьи 151 гражданских и исправительных судов, а за ними следуют судьи 23 апелляционных и 4 кассационных судов, во Флоренции, в Неаполе, в Палермо и в Турине, которые произносят окончательные решения. Королевство разделяется на 86 округов авизных судов и на 25 коммерческих, которые точно также подчинены юрисдикции апелляционных и кассационных судов. Министерство внутренних дел имеет право административной высылки «подозрительных лиц» без объяснения, суда и обжалованья. Главнейшими местами ссылки являются острова Понца, Трелити, Устика, Сан-Стефано и Пантеллярия.

Всякий итальянец 21-летнего возраста несет военную службу и не может занимать никакой должности, пока не отбыл воинской повинности или не изъят от неё по закону. Контингент разделяется на две категории: на контингент постоянной армии и контингент резерва. Первая категория разделяется еще на службу специальную и службу провинциальную. Первая продолжается девять лет и в ней состоят карабинеры, или жандармы, ружейные мастера, музыканты, отборные стрелки, воспитанники военных школ и унтер-офицеры. В провинциальную службу идут все другие рекруты первой категории. Что касается до людей резерва, то они учатся в течение пятидесяти дней в первый год службы, а затем увольняются в бессрочный отпуск, и с 26-ти летнего возраста уже не считаются принадлежащими к войску. В 1895 г. наличный состав сухопутной армии был следующий: 14.463 офицеров, 245.205 нижних чинов, 50.390 лошадей. В 1893 г. общая численность войска по штатам военного времени исчислялась так: действующая армия (линия и резерв) 848.000, подвижная милиция 372.000, территориальная милиция 1.630.000 чел. Таким образом Италия в случае особой опасности может выставить под ружье более 2 миллионов людей. Но все эти цифры верны лишь на бумаге, на самом-же деле оне значительно ниже.

После Вероны, составляющей великий оплот долины По, главными крепостями Италии являются: Мантуа, Пескиера, Леньяго, которые, со всеми своими передовыми фортами и

оборонительными предмостными укреплениями, составляют часть «четырехугольника», достигшего такой знаменитости в период австрийского господства. Венеция, дополняющая на материке форт Мальгеру, представляет также весьма укрепленный город, который героиче-



Кастильскіе типы: крестьяне изъ окрестностей Толедо.

ски защищался против австрийцев в 1849 г. Пальма, или Пальмануова, охраняет границу между заливом Триестским и валом Юлийских Альп. Рокка д'Анфо, уединенная на своей горе, к северу от Гардского озера, господствует разом над ущельями Адижа и Киезы. Пиччи-

гетоне на Адде не имеет большего стратегического значения с тех пор, как четырехсторонник принадлежит Италии; но Александрия, при слиянии Таларо и Бормиды; по-прежнему составляет стратегический пункт, по преимуществу для Пиемонта, и замечательнейший плац-д'арм в Европе. Казале—передовая крепость По, и Генуя, на Средиземном море—защищают Апеннинские проходы. Пиаченца и Феррара обе господствуют над переправою чрез По в весьма важной части его течения. Рим, с его пятнадцатью фортами, также представляет собою солидное укрепление. Другие укрепленные города королевства суть: Анкона—в средней Италии, Порто-Ферайо—на острове Эльбе, Гаэта, Капуа, Тарент—в южной Италии, Мессина—в Сицилии. Все альпийские дефилэ старательно защищены фортами.

Военный флот в 1895 году состоял из 334 судов разного наименования (в том числе 15 броненосцев), с 1630 орудиями; число экипажа—22.163 чел. Срок обязательной службы в мирное время 4 года, остальное время до сорокового года проходит в отпуску, за исключением военного времени. Заместители и избравшие морскую службу, вместо сухопутной, служат во флоте 8 лет. Главные морские станции суть: Специя, Генуя, Неаполь, Кастелламаре-ди-Стаббия, Венеция, Анкона и Тарент. Маддалена, со своими двумя входами и бассейном, окруженным островами и мысами, чрезвычайно удобна для защиты и самою природою предназначена быть военным портом Тирренского моря. Еще недавно Италия не имела ни одной значительной колонии—не полная владычица своих собственных земель, она не могла и думать о приобретениях в чужих краях. Теперь же, создав себе внушительный флот, она решила принять участие в дележе Африки, затеянном европейскими державами.

По первому параграфу основного статута, единственною государственною религиею считается религия римско-апостолически-католическая; все другие вероисповедания—только терпимы. Впрочем, антагонизм между гражданскою властью и папством давал возможность отправления всякой религии, несогласной с государственною, если бы этого пожелали итальянцы; но за исключением жителей ваатландскпх долин и иностранцев, поселившихся в больших городах, в Италии, можно сказать, нет протестантов; еврейские общины также, сравнительно, немногочисленны. Вообще население, взятое в целом, состоит из урожденных католиков, большая часть которых стала, правда, в ряды врагов церкви, или составляет часть огромного стада индифферентов.

Как резиденция папы, Италия занимает в мире совершенно исключительное положение. Рим является местопребыванием двух правительств, правительства короля и правительства духовного монарха. Не имея в настоящее время никакой политической власти, в принципе папа представляет независимейшего монарха. Он не отвечает за свои действия ни перед кем: как только он избран своими соединенными в конклав товарищами-кардиналами—в преемники св. Петра и в «наместника Иисуса Христа»,—для него нет ни парламента, ни совета, ни собрания верных, с которыми бы он обязан был советоваться; если он и спрашивает мнения священной коллегии, когда дело идет о каких-нибудь важных решениях, то он обязан к этому только обычаем. Все, что он думает и делает, считается божеским. Он не только единственный человек в мире, обладающий силою непогрешимости, но может по своей воле разрешать грехи другим: он «связывает и развязывает», «в его руках ключи», т.е. он открывает двери ада и рая, и его власть над людьми простирается даже за пределы жизни.

Высшими сановниками этого правителя душ являются кардиналы. Они назначаются папою в секретной консистории, большею частию из итальянцев, а также из других наций, но имена их не всегда объявляются тотчас по назначении. Число их со времен Сикста V ограничивается 70-ю, в воспоминание древнего Израиля и учеников Иисуса; впрочем, коллегия редко бывает в полном составе, ибо большая часть кардиналов, избираемых почти всегда из престарелых священников, пользуются званием не долго. Они разделяются на три класса: кардиналов-епископов, живущих в Риме, числом 6; Кардиналов-священников, составляющих большинство в Риме и за границею, числом 50, и 14 кардиналов-диаконов. Кардинал-камерлинг, называемый так потому, что председательствует в апостолической камере, или палате финансов, должен заменять временно папу, когда престол остается вакантным; он

принимает тогда от имени палаты в свое владение дворец и получает «кольцо рыболова»— символ власти, данный св. Петру и его преемникам; старейший кардинал, избираемый из самых престарелых кардиналов-епископов, пользуется также многими преимуществами. В исключительных обстоятельствах, кардиналы трех классов, архиепископы, епископы, генералы монашеских орденов, аббаты с епископскою юрисдикциею могут быть созваны на вселенский собор, для обсуждения дел церкви и разрешения догматических вопрос. Когда папский престол становится вакантным, то коллегия кардиналов соединяется в конклав и назначает нового первосвятителя из кандидатов, имеющих более 55 лет; для окончательного избрания достаточно большинства двух третей голосов. Новоизбранный получает *pallium* (омофор) и тиару (папская корона).

Как монарх, папа имеет своих представителей у многих государств Европы и Новаго Света, и большинство европейских держав аккредитовали своих послов при папе. В силу повторяемой часто со временем Кавура формулы «свободная церковь в свободном государстве», папа облечен всеми королевскими правами, созывает по своему желанию капитулы и соборы, назначает на все духовныя должности, имеет свой телеграф, свою почту, свою придворную и швейцарскую гвардию, пользуется всякою собственностью, не платя налога, Ватиканским и Лютеранским дворцами, а также виллою Кастель-Гандольфо, на берегу озера Альбано. Наконец, итальянский бюджет отягощается в его пользу дотацией слишком в 3 миллиона франков. Хотя по настоящее время он отказывается от этого содержания, но получает по крайней мере столь же значительную сумму, называемую «динарием святаго Петра» и доставляемую ему благочестивыми верующими. Впрочем, за последнее время приношения эти уменьшились.

В церковном отношении Италия делится на 47 архиепископств, подразделяемых на 206 независимых епископств и прелатств. Духовное население составляют около 100.000 священников. В 1866 г., когда были упразднены монастыри и их имущества присоединены к государству взамен пенсий, монахов и монахинь считалось приблизительно от 32.000 до 44.000. Клерикальная армия простиралась, следовательно, до 180.000 человек, т.е. равнялась армии в мирное время.

Следующая таблица показывает территориальные области и провинции Италии, с их пространством и населением по переписи 31 декабря 1881 года.

Территориальные области	Провинции	Пространство		Население	
		Территориальные области	Провинции	Территориальные области	Провинции
Пиемонт	Новара	29.004 11	6.543 50	3.070.250	677.926
	Турин (Торино)		10.269 53		1.029.343
	Александрия		5.005		729.710
	Копи (Кунео)		7.136 08		635.400
Ломбардия	Сондрио	23.532 83	3.259 81	3.680.616	120.534
	Комо		2.717 26		515.050
	Бергамо (Бергамо)		2.660 38		390.775
	Милан (Милано)		2.992 64		1.114.991
	Бресчия		4.620 74		471.563
	Павия		3.329 51		469.831
	Кремона		1.786 21		302.138
	Мантуа (Монтова)		2.216 38		295.728
Лигурия	Порто Маурици	5.323 87	1.210 34	892.373	132.251
	Генуя (Генова)		4.113 53		780.122
Венеция	Верона	23.657 09	2.854 02	2.814.173	394.065
	Виченца		2.696 02		396.349
	Беллуно		3.270 68		174.140
	Падуа (Падова)		2.086 32		397.762
	Ровиго		1.688 53		217.700
	Тревизо		2.431 36		375.704
	Удина		6.480 70		501.745
	Венеция		2.199 47		356.708

Территориальные области	Провинции	Пространство		Население	
		Территориальные области	Провинции	Территориальные области	Провинции
Эмилия	Пиаченца	20.527 34	2.499 78	2.183.391	226.717
	Парма		3.239 67		267.306
	Реджио		2.288		244.959
	Модена		2.502 25		279.254
	Феррара		2.616 23		230.805
	Болонья		3.603 80		457.474
	Равенна		1.922 32		225.764
	Форли		1.855 29		251.110
Мархии	Пезаро и Урбино	9.714 25	2.965 31	939.279	233.043
	Анкона		1.916 36		267.338
	Мачерата		2.736 81		239.713
	Асколи Пичено		2.095 77		209.185
Умбрия	Умбрия (Перуза)	9.632 86	9.632 86	572.060	572.060
Тоскана	Масса и Каррара	24.031 09	1.740 46	2.208.869	169.469
	Лукка		1.493 64		284.484
	Флоренция (Фиренце)		5.861 32		790.776
	Ливорно		325 67		121.612
	Пиза		3.056 08		283.210
	Ареццо		3.305 91		238.744
	Сиена		3.793 42		205.926
	Гроссето		4.484 59		114.295
Рим	Рим (Рома)	11.790 16	11.790 16	903.472	903.472
Абруццы и Молиза	Терамо	17.289 74	3.324 74	1.317.215	254.806
	Аквила		6.499 60		353.027
	Кието		2.861 46		344.048
	Молиза		4.603 94		365.434
Кампанья	Терра-ди-Лаворо	17.966 98	5.974 78	2.896.577	714.131
	Беневенто		1.751 51		238.425
	Неаполь (Наполи)		1.110 52		992.398
	Салерно		5.480 97		550.159
	Авеллино		3.649 20		392.619
Апулия	Капитанато (Фоджия)	22.119 58	7.652 18	1.589.064	356.267
	Терра ди Бари (Бари)		5.937 52		678.148
	Терра д'Отранто (Лекке)		8.529 88		553.298
Базиликата	Базиликата (Потенца)	10.675 97	10.675 97	524.504	524.836
Калабрия	Козенца	17.257 33	7.358 04	1.257.883	451.309
	Катанцаро		5.975		488.975
	Реджио		3.924 29		372.623
Сицилия	Мессина	29.240 24	4.578 89	2.927.901	460.924
	Палермо		5.086 91		699.151
	Трапани		3.145 51		283.873
	Кальтаницелла		3.768 27		265.930
	Джирдженти		3.861 35		312.487
	Катана (Катания)		5.102 19		563.440
	Сиракузы		3.697 12		343.036
Сардиния	Сассари	24.250 17	10.726 26	682.002	261.367
	Кальяри		13.529 92		420.635
		296.013 62		28.459.628	

Глава X Мальта и Гоццо.

Хотя Мальтийский архипелаг политически и принадлежит Великобритании, но состав-

ляет, неоспоримо, часть итальянского мира, так как находится на том же подводном пьедестале, как и Сицилия. Километров на сто к западу находятся глубочайшие бездны Средиземного моря, где лот может опуститься на три и на четыре тысячи метров; но севернее, к берегам Сицилии, слой воды имеет незначительную толщину; в этом-то, именно, месте море разрыло бывший соединительный перешеек. Для геологов очевидно, что земля, остатки которой составляют Мальта и Гоццо, занимала некогда значительное пространство. Между самыми недавними ископаемыми в известковых скалах найдены слоны различных пород и другие животные континентальных стран. Еще и в наше время Мальта уменьшается мало-по-малу: высокие прибрежные скалы её южных берегов, совершенно изрытые пещерами, называемые по туземному *ghar*; разрушаются волнами то в одном, то в другом месте и превращаются в песок, который разносится водою по прибрежным отмелям.

Находясь в центре Средиземного моря, в узком пространстве, отделяющем Тунис от Сицилии, Европу от Африки, и, обладая лучшими портами, чем в Пантеллярии, Мальтийский архипелаг не мог не сделаться важною торговою станциею для всех народов, наследовавших поочередно владычество над великим внутренним морем. Мальтою владели финикияне, карфагеняне, римляне и греки, но еще и до них страна эта была населена другими народами аутохтонами, или завоевателями; о долгом пребывании здесь этих неизвестных людей свидетельствуют вырытые в скалах многочисленные пещеры, башни «гигантов» и некоторые остатки тех странных памятников, которые походят на сардинские нураги и даже на буддистские дагобы. Может быть, от этих-то первобытных древних народцев и произошло мальтийское население, к которому примешано теперь столько различных элементов. Но как бы то ни было, оно сильно арабизировалось во время господства сарацин. Самый язык этого населения, особенно сельского, завещанный, вероятно, пуническими поселенцами, очень походит на арабский; но он заимствовал множество слов из всех наречий берегов Средиземного моря, особенно из провансальского и итальянского, который теперь—оффициальный язык администрации[1].

Великая военная роль Мальты началась с тех пор, как здесь поселились рыцари св. Иоанна Иерусалимского, по изгнании их в 1522 г. из Родоса, которые сделали из него оплот христианского мира против турок и варварийцев. Перейдя в руки англичан, в начале нынешнего века, Мальта служит им военным арсеналом и провиантским складом и обеспечивает за ними преобладание в Средиземном море. Они сделали из неё также обширное торговое складочное место, пункт соединения всех их пароходных линий и центральную станцию подводной телеграфной сети. Мальта—это сторожевая башня, с которой англичане надзирают за морем от Гибралтара до Смирны и Саида. И исполнение этой, разом торговой и военной, роли, которую играет остров Мальта в Средиземном море, в особенности облегчает для неё Ла-Валетский порт. Этот порт двойной, и каждая из его ветвей разветвляется еще на несколько второстепенных портов; в нем могут найти убежище целые эскадры, целые флоты, а для защиты их со всех сторон возвышаются бесчисленные крепости, стены, башни, бастионы и цитадели. Три столетия идет непрерывная работа, чтобы сделать Мальту неприступною. Сверх того, торговля находит здесь всевозможные удобства для склада товаров и починки судов. Мальтийский порт представляет огромнейший во всем мире бассейн для килевания кораблей. Торговля острова в течение последних десяти лет упятерилась и её огромное значение обусловливается главным образом привозимыми на кораблях из Черного моря хлебами России и Румынии, которые принимают здесь на английские суда[2].

Город Ла-Валетта, названный так по имени одного из гросмейстеров ордена, и который, с предместьями, заключает в себе около половины всего населения острова, сохранил свою

1 Мальта: поверхность, 275 кв. кил.; Гоццо и Коми но 94 кв. кил.; население в 1891 г. 177.225 чел.

2 Портовое движение в 1881 году:
Было судов 4.228 вмест. в 4.675.230 тон. В 1885 г. 5.805 вмест. в 5-269.488 тон.
Внешняя торговля (главным образом транзитная) в 1894 г.:
Импорт 13.773 783 фунт. стерл. Экспорт 13 086.085 фунт. стерл.

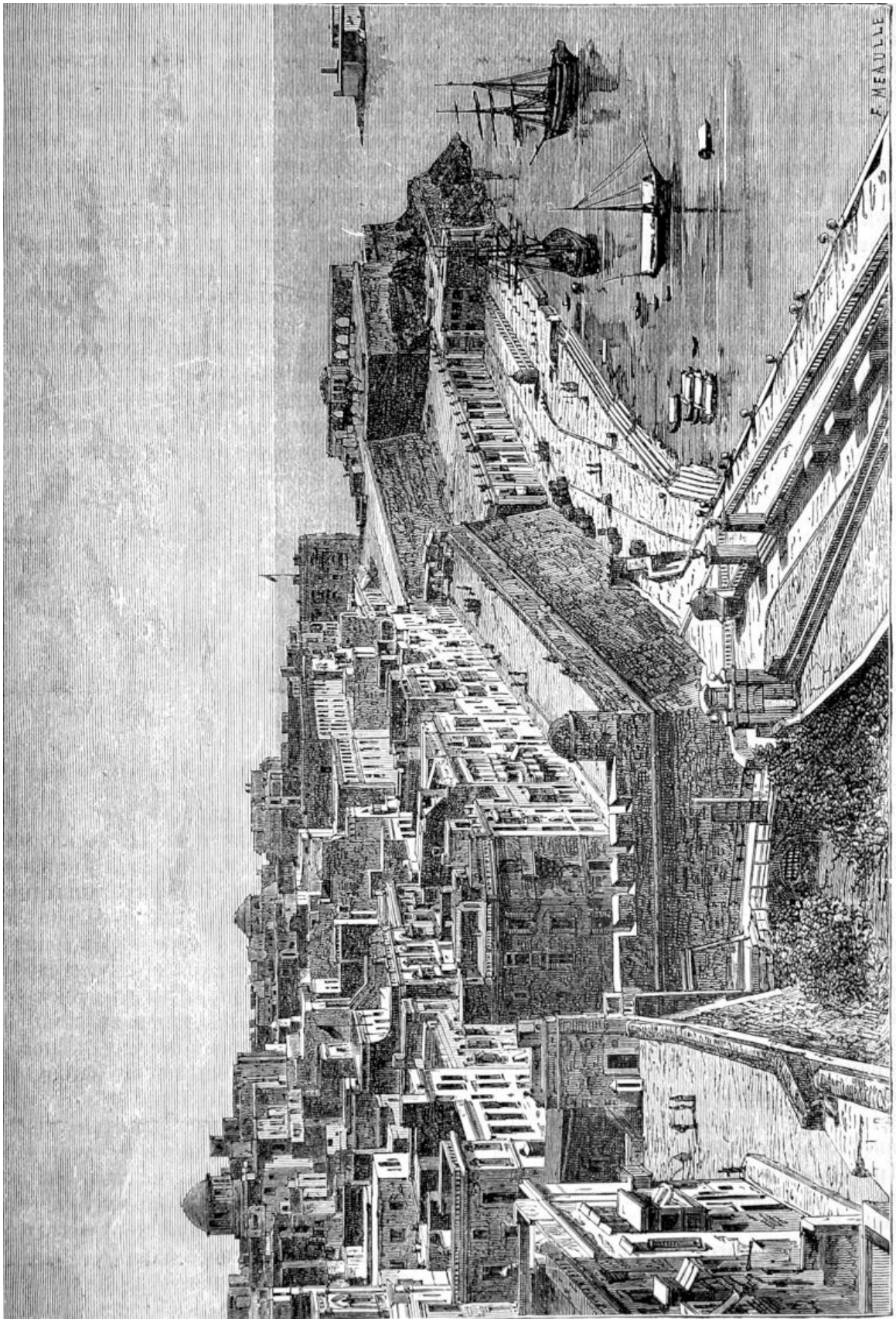
живописную оригинальность, несмотря на стесняющие его стены и правильность улиц. Высокие, белые дома, украшенные выдающимися балконами и стеклянными клетками с цветами, идут амфитеатром по склону холма, куда подымаются лестницы с ступенями из широких плит; с верхней части улиц видно голубое море, на котором стоят неподвижно большие корабли, и кишат, как в муравейнике, мелкие суда. По поверхности воды скользят гондолы, которые смотрят на путешественника своими нарисованными на корме большими глазами; по набережным тяжело катятся странные кареты, у которых колеса как будто отделяются от кузова. По улицам двигается пестрая толпа мальтийцев, английских солдат и матросов всех стран. По временам пробирается вдоль стены скорыми шагами какая нибудь женщина: она, как христианка Востока, покрыта *faldett*'ою—нечто в роде черного домино, под которым скрывается часто пышный наряд, и которым она может то закрывать, то кокетливо открывать свое лицо; но от беспрестанного трения её волос об материю она преждевременно становится безволосою. Ла-Валетта обладает богатейшею библиотекою.

Но за городом, Мальта,—«остров меда»—представляет унылый вид. Поля её, подымающиеся постепенно в направлении к югу, к Читта-Веккии и холмам Бен-Джеммы, усеяны серыми каменьями, а растения их покрыты тонкою пылью; деревни, с ярко-белыми от солнца стенами, походят на каменоломни. Не видно никаких деревьев, кроме апельсинных садов, знаменитых своими превосходными мандаринами. Но эти фруктовые сады—редкие оазисы. Постоянно текущей воды нет. Земля как будто сожжена, так что удивляешься, каким образом она дает такия прекрасные жатвы хлеба и кормов, производит такие луга клевера *sutta*, выростающего почти в рост человека, и с изумлением созерцаешь весной эту скатерть волнующейся под ветром зелени и алых цветов. Но мальтийские крестьяне, малорослые, суровые, сухие и мускулистые люди, отличаются в обработке земли удивительным трудолюбием и искусством: они взрывают землю до самых каменистых склонов, и где нет растительной почвы, там они приготовляют ее искусственно, перетирая камень; они выпрашивают ее даже у сицилийцев, и каждый корабль обязан был прежде привезти в виде балласта некоторое количество земли. Они с величайшею заботою ухаживают за этою драгоценною землицей и на боках скал строят стены, чтобы ветер и дождь не уносили её. И несмотря на этот чудовищный труд, земледельцы Мальты, Гоццо и Комино, названного так по имени тмина, составляющего, вместе с хлопком, главный продукт архипелага, собирают так мало продуктов, что их едва хватает на содержание населения в течение пяти месяцев в году, и часть ежедневного продовольствия привозится в Ла-Валетту каботажными судами из Сицилии. Мальтийцы, весьма многочисленные по отношению к небольшому пространству их территории, принуждены прибегать к каботажу и рыбной ловле для пополнения своих заработков, необходимых для их скромного существования. И в этот труд они вносят то же увлечение и терпение, что и в возделывание своих садов. В Гоццо есть отвесные скалы, с которых рыбаки спускаются на веревках и закидывают свои сени в шумящее под ними море. Но как ни воздержны и ни работящи мальтийцы, они все-таки умерли-бы с голоду на своей скале, называемой ими так нежно «Цветком мира», если бы избыток населения не расходился по всем берегам Средиземного моря: в Сицилию, в Италию, в Египет, в Тунис и, особенно, в Алжир, в провинцию Константины, где они отличаются, как и везде, своею изворотливостью и жадной страстью к наживе.

Зимою—эмиграционное движение частью компенсируется прибытием многочисленных английских семейств, являющихся на Мальту наслаждаться её сухим и теплым климатом, который так непохож на климат их туманной родины. В феврале месяце Мальта бывает во всей весенней красе и блистает зеленью: но летний жар быстро иссушает поля. Небольшая железная дорога, доставляющая Валетте легкое и постоянное сообщение с Читта-Веккиею, с бухточками берега и небольшими фортами против Гоццо, помогает устройству дач и купаний в этих приятнейших частях Мальты.

С политической точки зрения, Мальта не простое владение Англии: у ней есть,—по

крайней мере, для виду,—своя особая администрация и законодательство. При гражданском и военном губернаторе, назначаемом Великобританией, состоит, под его председательством, законодательный совет из 16 членов (половина по назначению губернатора, остальные—вы-



Лавалетта на островѣ Мальта.

борные). В каждом округе живет лорд-лейтенант, избираемый из благородных мальтийцев: всякая деревня управляется депутатами, назначенными высшею властью. Правосудие отправляется обыкновенными судами и высшими трибуналами: в объяснениях и судебных ак-

тах употребляется итальянский язык, но в высшем суде с 1823 года введено употребление английского языка.

Бюджет острова (в 1892 г. 7.230.000 фр.), далеко не достаточен на военные расходы; но английское правительство пополняет его из национальной казны. Колониальный долг в 1893 г. равнялся 79.168 фунт. стерл.

Главное вероисповедание—католическое. Жители религиозны в высшей степени. Не считая обычных денежных пожертвований, церкви принадлежит почти четверть земельного дохода. Мальтийский епископ, который в то же время носит титул архиепископа Родосского, назначается папою и получает в год 100.000 франков содержания: выбор же большей части приходских духовных властей принадлежит английскому правительству. Народное образование почти на том же уровне, как в Италии. Университет в 1885 г.: 74 студента; лицей и средние учебные заведения: 561 воспитан.; начальные школы: 83, с 9.308 учащихся.

Глава XI Корсика.

Кирнос древних греков, или Корсика латинян, древних туземцев и итальянцев, вместе с более значительною землею Сардиниею, составляет совершенно отдельную группу, как бы отдельный мир. Некогда, как мы знаем, она соединялась с соседним островом непрерывным горным хребтом, но из двух близнецов французская ныне Корсика является наиболее итальянскою, как по своему географическому положению, так и по историческим своим преданиям. При одном взгляде на карту уже очевидно, что Корсика составляет естественную принадлежность Итальянского полуострова. Отделяясь от берегов Прованса морскими безднами более 1.000 метров глубины, она соединяется с более близкими берегами Тосканы посредством подводного плато и мелкого, усеянного островами, порога. Её климат и естественные произведения—итальянские: по её древним летописям и по языку жителей она принадлежит также к Италии. А потому этот остров Тирренского моря следует описать непосредственно после омываемого теми же водами полуострова. Купленная у генуэзцев, а потом завоеванная у туземцев, лет более ста тому назад, обыкновенными насильственными средствами, Корсика отдалась впоследствии добровольно Франции, и храбрейший защитник независимости острова, Паскаль Паоли, явился при рукоплесканиях перед Национальным Собранием. Отечество было делом свободного выбора, и корсиканцы, хотя итальянского племени, но связанные с французами общею судьбою уже в течение четырех поколений, считают себя членами той же нации, как и их сограждане на материке.

Имея вдвое меньшее пространство, чем Сардиния, Корсика является все-таки довольно значительною землею, так как она гораздо больше средней величины французского департамента; она занимает четвертое место между островами Средиземного моря.

Поверхность Корсики 8.748кв. километров. Длина с севера на юг 853 кил. Средняя ширина 48 кил. Наибольшая ширина с запада на восток 84 кил. Длина берега 485 кил.

Почти равняясь по пространству Кипру, но значительно превосходя его по своему нынешнему значению, Корсика уступает по населению и богатству только Сицилии и Сардинии. Это прекрасная страна. Её горы, имеющие более 2.500 метров высоты, бывают в течение полугода покрыты снегом; их круто спускающиеся к морю склоны дают возможность обнимать одним взглядом и скалы, и пастбища, и леса, и нивы. Долины большею частию весьма обильны водою, и со всех сторон сверкают водопады. Старинные, построенные на мысах, генуэзские башни защищали некогда от сарацин вход каждой бухты; теперь же большая часть их служит только для украшения пейзажа.

Главная горная группа, Ниоло, возвышается на северо-западе острова, почти доходит до идеальной линии постоянных снегов и составляет нечто в роде гранитной крепости, верхния

долины которой действительно служили корсиканцам укреплениями во время всех их войн за независимость. С окружающих вершин, в ясную погоду, видна вся береговая окраина материка, от Прованских Альп до Тосканских Апеннин. К югу от Ниоло, главный горный хребет, состоящий сплошь из первозданных горных пород, идет рядом вершин к проливу Бонифачио, следуя почти параллельно западному берегу. Последнюю его большую вершину с южной стороны составляет могучая гора, называемая по своей форме Наковальнею (*Incudine*). К северу от Ниоло следуют другие горы, северное и северо-восточное направление которых обозначается линиею берегов при их подошвах, и которые соединяются с не столь высокою цепью мыса Корсо. Эта цепь, идущая параллельно меридиану, образует настоящий спинной хребет на всем полуострове Бастии и продолжается на юг восточнее бассейна Корте; прежде она служила барьером для внутренних озер, но её известковые скалы уступили, наконец, давлению воды, и теперь через нее текут в восточное море Голо, Тавиньяно и другие реки. Вообще, внутренность острова представляет такой лабиринт гор, что из деревни в деревню нельзя пройти иначе как по *scale*, уступчатым тропинкам, подымающимся из области маслин к пастбищам. Большая дорога острова, из Аячио в Бастию, поднимается на 1.100 метров высоты, и даже дороги, которые идут вдоль самого многолюдного, западного берега, представляют не что иное, как ряд спусков и подъемов, огибающих бесчисленные прибрежные мысы. Вот в чем заключается причина, заставившая Корсику отстать от своего близнеца, Сардинии, в постройке железных дорог. Железная дорога между двумя столицами острова проведена через перевал Виццавона. который она проходит туннелем; от этой линии идут ветви в Кальви и Гизоначчиа.

Горы и главные проходы Корсики суть:

Монте-Чинто, главная вершина 2.707 метр.; Монте-Ротондо 2.624 метр.; Монте-Палья-Орба, или Вальорба 2.525 метр.; Монте-д'Оро 2.391 метр.: Монте-Инкудине 2.063 метр.; проход Виццавона (дорога из Аячио в Бастию) 1.145 метр.; проход Верджио (дорога из долины Голо к заливу Порта) 1.532 метра.

С западной стороны остров глубоко изрезан заливами, разветвляющимися в бухты, к которым спускаются горные долины; некоторые из них имеют при входе до четырех сот метров глубины. Заливы эти походят частию на загроможденные уже наносами фиорды и, может быть, действительно они сохраняли свою первоначальную форму, благодаря существованию ледников; разбросанные по высоким горным котловинам озера указывают, повидимому, на бывшее действие льдов. Восточный склон, обращенный к Италии, т.е. «по сю сторону» (*di Qua*), понижается отложе, реки здесь шире и спокойнее, хотя все несудоходны, общий вид местности не так неровен; его называют иногда *Banda di Dentro*, т.е. «внутренний пояс», в отличие от западных берегов, называемых *Banda di Fuori*, т. е. «внешний пояс». Гранитные породы восточного склона острова покрыты меловыми формациями и новейшими наносами, над которыми там и сям возвышаются порфировые и серпентиновые горы. Берег, уравненный движением волн, стелется длинными и низменными отмелями, окружающими лагуны, которые были некогда морскими заливами. Эти низменные прибрежья,—которые, судя по их уступчатости над волнами и вышедшим из воды банкам из раковин, были, повидимому, как и прибрежья Сардинии, слегка приподняты в течение новейшего периода,—весьма нездоровы, вследствие разложения выбрасываемых на берег водорослей; над некоторыми болотами миазмы образуются в таком изобилии, что развешенное близ воды, для сушки, белье, в летние дни, принимает ржавый цвет. Лихорадки также господствуют на этих берегах, и пребывание здесь не менее опасно, чем и на берегах болот Кальяри и Ористано, в Сардинии. Главную причину этой лихорадочности климата, кроме горизонтальности прибрежья и существования лагун, составляет еще недостаток вентиляции в атмосфере, в соединении с сильным летним зноем и частыми и продолжительными засухами.

Средняя температура в Бастии 19,°24,по Кадэ. Средняя температура в Аяччио 17°,38, по Герину. Среднее количество дождей 0м,580, по Кадэ.

Возвышающийся на западе полукруг высоких гор останавливает как западные и юго-

западные ветры, так и очищающий воздух мистраль. Морской же бассейн, простирающийся к востоку от Корсики, почти совершенно отделен от остального Средиземного моря окружающими его землями; безветрие здесь чаще, чем в открытом море, а сменяющиеся ветры вообще слабее и переменчивее; поэтому висящие над берегами Корсики тяжелые пары редко разгоняются сильными морскими ветрами, а потому и дышать ими в жаркое время года в высшей степени гибельно. От Бастии до Порта-Веккио, на самом берегу, нет ни города, ни деревни, и с первой половины июля почти все земледельцы равнины спешат на высоты, чтобы не схватить лихорадки, так что в смертоносной полосе остается лишь несколько сторожей, чиновников и несчастных обитателей исправительного дома Казабианды, около пруда Дианы. Нет ничего унылее и печальнее этих равнин, которые когда-то были очень населены, но покинуты человеком, несмотря на их богатую зелень и чрезвычайное плодородие, как и этрусские мареммы и римская Кампанья. Недавно несколько плантаций эвкалипта положили начало делу обновления страны.

Значительная, по сравнению с пространством острова, высота гор Корсики дает возможность заметить почти так же хорошо, как на Этне, правильность расположения поясов климата и растительности. Вдоль берегов и на нижних склонах, до высоты, изменяющейся смотря по положению почвы, растения имеют подтропический характер и придают стране такой же вид, как в Сицилии, южной Испании и на Алжирском берегу. Некоторые счастливые, по естественному плодородию своих земель, местности могут считаться прекраснейшими местами из всех берегов Средиземного моря. Таково *Campo dell'Oro* (или *Campo l'Oro*), —«Золотое поле», окружающее город Аяччио, с живыми изгородями из крупного, как деревья, кактуса, которыми обнесены обыкновенные фруктовые сады. Таковы также возделанные места мыса Корсо, по обеим сторонам гористого полуострова, выдвигающагося в море к северу от Бастии: это страна душистых цветов и вкусных плодов, апельсинов, лимонов, миндаля и винограда. Масличные деревья покрывают целыми лесами низкие холмы побережья, и своею серебристою листвою резко отличаются от темной зелени каштанов, растущих выше на горах и дальше внутрь страны. Самая знаменитая маслинами местность—это Баланья, спускающаяся к Кальви, на северо-западном склоне острова: деревья этого кантона, в котором находится высокий пик, с деревнею, называемою Бельгодере, считаются самыми лучшими в средиземных странах и всего упорнее противустоят холоду. Другая долина, на противуположном склоне горы, со стороны Бастии, обладает одною из самых больших рощей Корсики, с высочайшими стволами и густою листвою. Каштаны составляют главную пищу бандитов, а во время различных опустошавших остров междуусобных и иноземных войн, они давали возможность побежденным сопротивляться в течение долгого времени. В некоторых местах острова они составляют главнейший элемент прокормления и избавляют довольно ленивых по природе туземцев от трудной обработки хлебных полей. Некоторые экономисты имели мысль уничтожить в Корсике все каштаны, чтобы таким образом принудить жителей к труду, и, действительно, в конце восемнадцатого века, в течение двух лет было запрещено разводить деревья этого рода.

Растительные поясы маслин и каштанов достигают следующих высот:

Маслина от берега до 1.160 метр. Каштан от 580 до 1.950 метр.

Что касается до покрывавших некогда весь средний пояс гор и плоскогорий острова, от каштановых рощ внизу и до горных пастбищ вверху, девственных лесов, то они большею частию исчезли, вследствие пожаров, производимых часто пастухами и бандитами: во многих местах не осталось ничего, кроме *macchie* (маки), которые кажутся «пятнами» на каменистых крутизнах. Впрочем, в некоторых горных местностях сохранились еще древние леса различных пород, между которыми преобладает самое красивое в Европе хвойное дерево—лиственница (*pinus altissima*); местами еще и теперь встречаются великолепные стволы от 40 до 50 метров вышиною; но нужно торопиться смотреть этих гигантов растительного мира, потому что здесь не ограничиваются только рубкою стволов на корабельные мачты, а пущены в ход паровые лесопильни, на которых эти великолепные деревья распиливаются на дос-

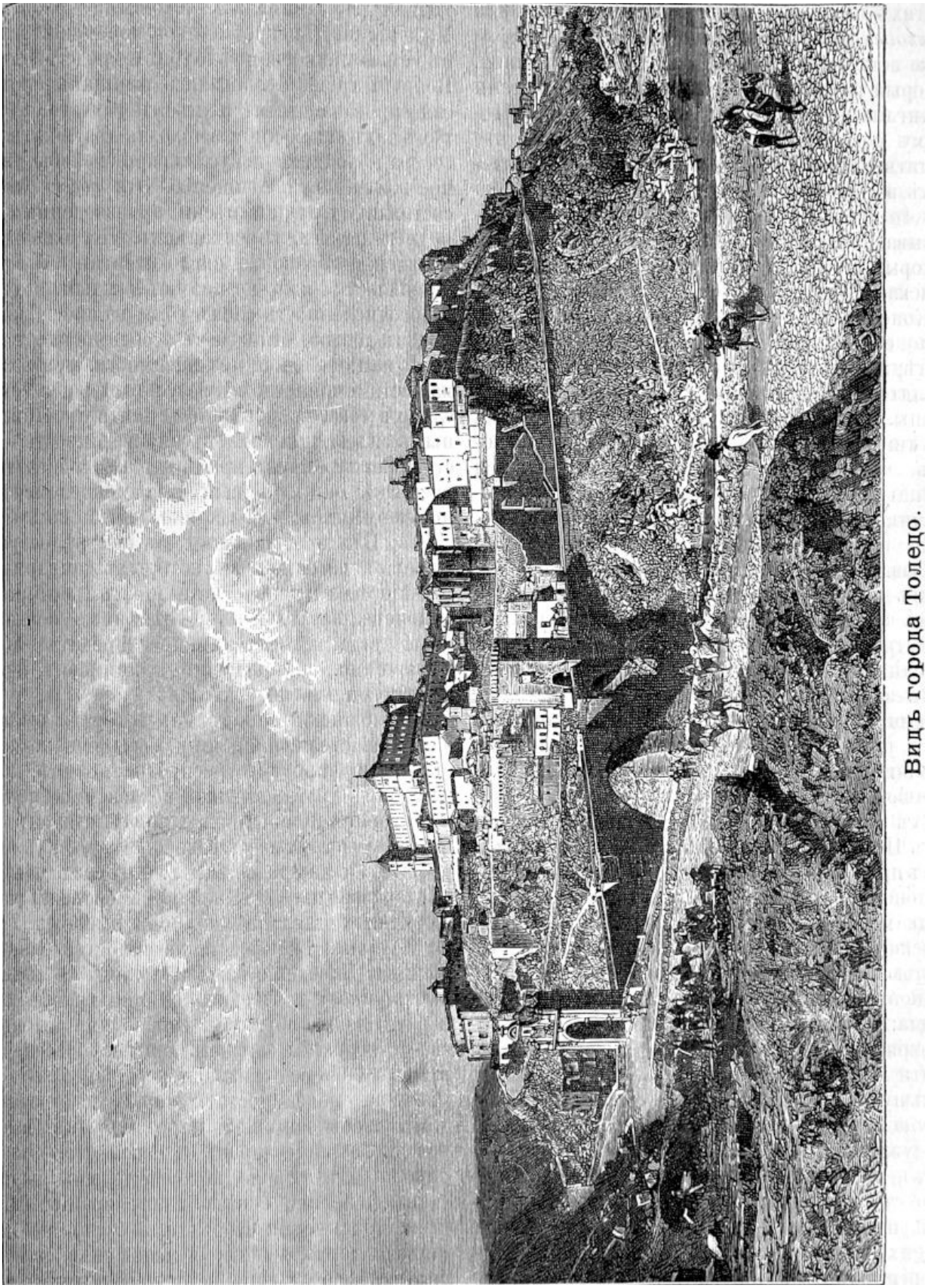
ки для сахарных бочек,отправляемые в Марсель и для мыльных ящиков. По оффициальным статистическим данным, в Корсике насчитывалось 125.000 гектар. лесу, т.е. более одной седьмой всей поверхности острова; но эти цифры ошибочны, потому что обширные пространства, значащиеся под лесами, на самом деле покрыты только кустарником. Теперь существуют только три группы действительно прекрасных лесов: в верхней Баланье, на северо-западе, в Вальдоньелло и Айтоне, на западных склонах группы Монте-Ротондо, и в Барелла, в горах, возвышающихся к западу от Сартены.

Над поясом лесов простираются обнаженныя пастбища, где летом пасутся овцы и козы, и возвышаются скалы, на которых водится еще муфлон (дикий баран),—удивительно прыткое животное, встречающееся также в Сардинии и на острове Кипре. Пастухи заметили, что кабан, вообще довольно распространенный в горах Корсики, никогда не встречается в тех местах, где водится муфлон; что касается волка, то он неизвестен на острове, а медведь исчез уже более века тому назад. Фауну корсиканских лесов дополняют лисицы, которые бывают весьма большего роста, и олени, которые, напротив, мелки и низки на ногах. Паук *malmignata*, укушение которого бывает иногда смертельно, представляет вероятно ту же породу, что в Сардинии и Тоскане: на острове встречается также неаполитанский тарантул; но ядовитый муравей, называемый *innafantato*, составляет специальную принадлежность фауны острова.

Неизвестно, какого происхождения были древние жители Корсики: лигуры, иберы, или сиканы. На острове нет нураг, как в Сардинии, нет также и такого множества идолов и различных вещей, по которым можно было бы распознать во мраке прошедшего нравы и обычаи, и определить до известной степени родство древних жителей страны, но есть, в соседстве с Сартеною и в других частях острова, несколько дольменов, или stazzone, друидских камней, или *stantare*, и даже остатков аллей из сложенных камней, которые похожи на встречаемые в Бретани и Англии, но не столь грандиозного вида. Поэтому совершенно естественно полагать, что памятники эти как на острове, так и на материке, и в Великобритании, воздвигались людьми одного и того же происхождения. Им же приписывают название корсиканских местностей, которые не могут быть производимы от латинского языка.

Конечно, к центре острова племя должно было сохраниться в своей первобытной чистоте; жители Корты и гордые горцы Бастелики хвалятся в особенности тем, что они корсиканцы по преимуществу. Удаляясь от Бастии, где тип совершенно итальянский, вы удивляетесь, что вам начинают реже встречаться крупные черты и продолговатые лица. У корсиканца центральных местностей, по Мериме, лицо широкое, мясистое, нос маленький, не имеющий особенно характеристической формы, цвет кожи светлый, волосы чаще каштанового, чем черного цвета. На берегах первоначальный тип сильно изменен иноземными переселенцами. За фокеянами и римлянами, а потом за сардинцами, которые были изгнаны отсюда окончательно только в одиннадцатом веке, пришли итальянцы и французы. Кальви и Бонифачио были генуэзскими городами; около Аяччио, в Каргезе, есть даже колония греческих майнотов, которые должны были покинуть Пелопоннез в конце семнадцатого века, под предводительством некоего Комнена Стефанополи, и которые говорят теперь на трех языках: по-гречески, по-итальянски и по-французски. Корсиканское наречие отличается мягкостью согласных, отсутствием шипящих звуков и двугласных. Литература очень бедна: песни, пословицы и молитвы. Но, несмотря на эти смешения, корсиканцы, как почти и все островитяне, сохранили, в целом, большую однородность характера. «*I Corse meritano la furca e la sanno sofrire*» (корсиканцы заслуживают виселицы и умеют ее переносить),—говорит генуэзская пословица, которую с некоторою гордостью любил приводить шутя Паоли. История свидетельствует об их патриотизме, храбрости, презрении к смерти, об уважении клятвы, но она рассказывает также об их безумной гордости, о ревнивом соперничестве, об ужасах мести. В средине прошлого столетия, царившая в семействах из поколения в поколение *vendetta* каждый год стоила Корсике тысячи ее сынов и обезлюживала целые деревни; в некоторых местах всякий крестьянский дом становился зубчатою крепостию, в которой мужчины были

всегда на-стороже, а женщины, под покровительством обычая, свободно выходили и занимались полевыми работами. Ужасны были погребальные церемонии, когда в семью приносили тело убитого родственника. Вокруг трупа бесновались женщины, потрясая окровавленным



Видъ города Толедо.

платьем убитого, между тем как какая-нибудь молодая девушка, часто сестра покойника, испускала крик злобы, ужасное воззвание к отмщению. Эти *voceri* смерти составляют лучшие песни, произведенные народною поэзиею корсиканцев. Но, благодаря смягчению нра-

вов, число жертв *vendetta* уменьшается мало-по-малу с каждым годом. Многочисленность сцен убийства прошедших веков должно отнести в особенности к потере национальной независимости: генуэзское нашествие принесло в результате рознь семей. Сверх того, уверенность не найти у поставленных силою чиновников справедливости—заставляла туземцев прибегать к собственной расправе: они и пришли к самой элементарной форме права—воздаянию «око за око, зуб за зуб». Близ Бокканьяно, в центре острова, живет семья бандитов, которых жандармы в течение 30 лет не могли изловить, и которых, наконец, оставили в покое: у них свои дома, поля, стада, и когда их предупредят заблаговременно, они радушно принимают любопытствующих посетителей.

Корсиканский народ, из которого вышел один властелин Франции, был однако же в сущности народом республиканским, как по своим нравам, дикой независимости, так и по горной природе населяемой ими страны. Римлянам трудно удавалось сделать из них рабов. С десятого века, т.е. гораздо раньше, чем освободилась Швейцария, большая часть Корсики составляла уже, под именем *Terra dei Commune*, конфедерацию самостоятельных общин. Население каждой долины составляло *pieve* (*plebs*), т.е. одновременно гражданскую и религиозную группу, которая сама выбирала своего *podesta* и «отцов общины». Последние, в свою очередь, назначали «капрала», специальная обязанность которого состояла в том, чтобы защищать народ против всего и всех. Собрание мэров с своей стороны выбирало «двенадцать», которые должны были составлять великий совет конфедерации. Такова была конституция Корсики, которая не переставала держаться в большей или меньшей силе в продолжение всех средних веков, несмотря на вражеские нашествия и завоевания. В восемнадцатом веке, во время войн, которые геройски вела Корсика с Генуею и с Франциею, она два раза, в 1735 и 1765 г., давала себе совсем иное республиканское правление, чем в Швейцарии, принимая за точку отправления абсолютное равенство всех граждан. Эти-то учреждения «свободного народа» возбудили в Руссо, правда, еще не оправдавшееся предчувствие, что «этот маленький остров когда-нибудь изумит Европу». Но впоследствии, открытая наполеоновскою эрою перспектива честолюбия и алчности имела, повидимому, последствием понижение характеров и заставила забыть исторические предания о свободе.

Корсиканское самоуправление не лишено страстей: зачастую сессии генерального совета расстраивается потому только, что один какой-нибудь член отказывается занять свое место рядом с каким-нибудь другим, неприятным ему членом.

Хотя население острова со средины прошлого века удвоилось, однако же оно еще сравнительно редко, и Корсика в этом отношении является одним из последних департаментов Франции. Впрочем, тут сказывается до некоторой степени влияние эмиграции, весьма сильно развитой. Любимые эмиграционные пункты: Марсель и Алжир.

Население Корсики: в 1740 г. 120.300 человек; в 1801 г. 164.000 чел.; в 1876 г. 262.700 чел.; в 1881 г. 272.640 чел.; в 1891 г. 288.596 чел.

Замечательно, что самый широкий, самый плодородный и прежде самый населенный восточный склон Корсики—ныне относительно пустынен, и жизнь перенеслась на западную сторону. Прежде остров смотрел к Италии, а ныне повернулся к Франции. Это притяжение жителей к западному морю объясняется здоровостью воздуха и превосходством портов. Древняя римская колония Мариана, на восточном берегу, уже не существует, а эмпориум Алерия, фокийского происхождения, недавно представлял лишь одинокую ферму на нездоровом пруде. Часто утверждали, что этот город имел некогда до 100.000 жителей, но пространство, покрытое остатками римской глиняной посуды, не позволяет полагать, чтобы Алерия, хотя она была расположена очень хорошо в устье долины Тавиньяно, главной реки острова, и почти на средине всего восточного берега, могла иметь когда-либо большее население, чем который-нибудь из главных городов нынешней Корсики: Бастиа и Аяччио. Алерия существовала еще в конце тринадцатого века, значит, тогда лихорадка не успела еще изгнать всех жителей. Впрочем, при необыкновенном плодородии окружающей земли, населе-

ние здесь легко восстановится, когда осушение стоячих вод возвратит местному климату его первоначальную здоровость: но это дело совершится, по всей вероятности, еще не скоро.

Корсиканцы пользуются репутациею людей ленивых, и, конечно, большая часть их засаживает её, судя по тому, как мало они дорожат огромными богатствами страны. Первобытные промыслы рыбной ловли и скотоводства идут у них лучше всего. Во многих местностях почти все земледельческие занятия вверены итальянским поденщикам, которых называют *Lucchesi*, т.е. «лукавцами», потому что все они являлись прежде из луккских деревень. Эти временные переселенцы, число которых достигает иногда 20.000 чел., исполняют всю тяжелую работу полотья, сбора и жатвы, и возвращаются с своим трудным заработком домой, а землевладельцы платят им деньги и сидят сложа руки. Впрочем, благодаря влиянию Франции, в Корсике начинают серьезно заниматься разработкою природных богатств. Масла, которые могут соперничать с лучшими маслами Прованса, и вина, которые до сих пор были весьма посредственны, теперь приготовляются тщательнее и становятся предметом довольно значительной торговли; но и здесь многое губит филлоксера. Сухие плоды вывозятся также в большом количестве и способствуют развитию морской торговли, которая в целом равняется уже торговле третьеразрядного французского порта, так что в более или менее близком будущем этот большой остров Средиземного моря, произведения которого те же, что и в Провансе, сделается для умеренной Франции её колониальным дополнением, так сказать, островным Алжиром. Пчеловодство развито слабо, хотя цветы каждой «*macchia*» могут прокормить сотни ульев.

Корсика обладает многими металлоносными залежами, но её жилы серебра, меди, свинца, железа и антимония, повидимому, не так богаты, как в сардинских горах. Железная руда недавно была единственным предметом серьезной эксплоатации и разработывалась для значительных заводов около Бастии и Порто-Веккии; теперь же разрабатывают медь в Кастифао, в Кортских горах, и сереброносный свинец—в Арджентелле, около Иль-Русса. Некоторая работа производится также в каменоломнях красного и синего гранита, порфира, алебастра, серпентина и мрамора, составляющих один из важнейших элементов будущего богатства Корсики. Наконец, минеральные источники, которые бьют большею частию в местах соприкосновения первозданных скал с другими формациями, ежегодно привлекают во внутренния долины некоторое число посетителей и больных; но европейскую известность приобрел до сих пор только один источник Орецца, текущий в прекрасной, живописной местности Кастаньиччиа. Он струит в большом изобилии железистую и в то же время газовую воду, которая содержит до двух литров угольной кислоты в одном литре воды; ее пьют в Корсике вместо обыкновенной воды: медики же приписывают ей самую действительную силу против множества болезней.

Но кроме богатств, заключающихся в почве Корсики, и еще более значительных богатств, которые могут быть производимы трудом человека, остров пользуется еще большими преимуществами своего климата для привлечения к себе иностранцев и для возвышения, таким образом, своего значения в общей экономии Европы. Город Аяччио, деревня Ольмето, обращенная к берегам Сардинии, и другие местности Корсики представляют такия же зимния резиденции, как Ницца, Канны и Ментон. Хотя посетители и рискуют подвергаться качке и бурям, однако же они являются сюда в некотором числе ежегодно и способствуют ознакомлению с этою любопытною страною Европы, где природная красота пейзажей соединяется с необыкновенною оригинальностью нравов населения.

Главный город Корсики, который не носит ныне названия столицы,—Бастиа, названная так по генуэзскому замку, построенному в конце четырнадцатого века, неподалеку от деревни Кардо. Как столица, она наследовала Бигулье, которая, в свою очередь, сама была наследницею города Мария-Марианы. Местоположение древнего города не известно; сохранилось только одно предание, что древняя столица была расположена на том самом месте, где стоит старинная, оставленная церковь около устья Голо. Бигулья не совсем еще перестала существовать, но теперь это—жалкая деревушка, в которую приносятся ветром миазмы об-

ширной лагуны, составляющей остаток залива, в котором пизанцы ставили свои галеры. Бастиа, расположенная в нескольких километрах к северу от обеих этих древних столиц, имеет те же выгоды географического положения: она стоит в ближайшей части Корсики к острову Эльбе, Ливорно и Генуе, и километров на двадцать ближе Аяччио к французскому порту Ницце. Из всех городов острова только одна Бастиа имеет удобное сообщение с противоположным склоном, так как залив Сан-Флорен, в 10 километрах к западу, глубоко врезывается в землю при основании полуострова, мыса Корсо. Наконец, жители этой части острова, благодаря частым сношениям с соседнею Италиею, принадлежат к числу самых цивилизованных и промышленных и лучше всех обработывают свои земли. Маленький порт Бастии, хотя по природе и принадлежит к числу наименее безопасных портов острова, тем не менее является самым оживленным; торговля его вдвое больше, чем во всей Корсике. Недавно его пришлось расширить и взорвать при его входе, для устройства мола, красивую скалу, имевшую форму льва. Город, построенный на холмах живописным амфитеатром, постепенно расширяется и теряет мало-по-малу свою генуэзскую физиономию, приобретая новейший вид и раскидываясь по окружающим садам все более и более многочисленными виллами. В Бастии находится и лицей округа, число учеников в котором доходит до 700.

Сан-Флорен, ближайший в Бастии порт, на западном берегу острова, по своему географическому положению и превосходству гавани, должен был, казалось бы, вести довольно значительную торговлю, но воздух его лагун смертелен, и потому главный рынок Баланьи оказывается южнее, в весьма здоровой и плодородной местности—именно Иль-Руссе, названном так, благодаря находящемуся неподалеку подводному рифу. Его основал Паоли, в 1758 году для уничтожения остававшагося верным генуэзцам города Кольви:—и цель его частью была достигнута. Иль-Русс, ближайший к Франции порт, отправляет в большом количестве произведения Баланьи: масло, шерсть и плоды, между тем как Кольви, построенный на склонах беловатой скалы, несмотря на свое название главного города округа, представляет безжизненное местечко, в котором иногда свирепствует лихорадка и которое уступает в богатстве и населении деревне Коленцане, расположенной в одной внутренней долине. Вся береговая полоса к югу от Кальви до залива Порто—почти совершенно пустынна; но надо надеяться, что новая дорога, высеченная в скалах мысов, поведет к заселению и обработке этой местности, так как природное плодородие земли могло бы сделать из неё вторую Баланью, и ни один залив берега не представляет такой глубины и безопасности, как залив Порто.

Сагонский залив, который открывается далее к югу и в который изливается Лиамон, омывает также безлюдные берега, и от всего города Сагоны, подверженного лихорадке, остается только одна башня да развалины церкви. Порт этого залива потерял своих жителей и торговлю, между тем как порт Аяччио, врезывающийся в берег к югу от мыса, который продолжается далеко в море, в виде красных гранитных глыб Сангвинерских островов, получил все более и более усиливающееся значение. Аяччио, бывший прежде просто приморским предместьем Костельвеккио, возвышающагося на холме внутри острова, уже в середине прошлого века считался самым лучшим и самым приятным городом Корсики: ныне он надеется вскоре сделаться соперником Бастии, а быть может, и превзойти его по населению и по торговому движению. Сверх того, он пользуется выгодами главного города острова в административном отношении, к которым присоединялось еще покровительство знаменитейшего из его сыновей, Наполеона Бонапарте, и всех связанных с его судьбою могущественных фамилий. Все здания и улицы Аяччо напоминают какими-нибудь признаками оба периода империи. Специальными промыслами жителей являются рыбная ловля и уход за богатыми, окружающими город, фруктовыми садами. С некоторого времени они пользуются также выгодами, которые доставляют посещения многочисленных больных или здоровых иностранцев, приезжающих сюда насладиться прекрасным климатом, удивительным видом залива и чудными прогулками по садам и окрестным косогорам. Фонтаны питаются чистой водой, проведенной из Гравоны.

Другие города Корсики представляют небольшие и незначительные местечки. Так, Сартен, хотя и главный город округа, есть не более, как простое село, и вся деятельность дистрикта сосредоточивается в небольшом порте Проприано, в заливе Валинко, куда пристают флотилии неаполитанских ловцов коралла. Корт, другой главный город округа, знаменитый в истории Корсики, как акрополь и родина героев независимости, едва-ли многолюднее Сартена. Порто-Веккио, хотя и обладает самою безопасною гаванью в Корсике, но посещается только несколькими каботажными судами; наконец, Бонифачио, бывшая союзная Генуе республика, имеет значение только по своим укреплениям. Город очень живописен, занимает совершенно уединенное положение на вершине беловатой известковой скалы, богатой пещерами, которые на половину завешаны гирляндами лиан и в которых исчезают морские волны. За водами пролива и его архипелага гранитных островов и рифов, где погибло столько кораблей, рисуются в небе очертания высоких гор Лимбары. И теперь еще памятно крушение фрегата «Lemidante» в 1855 г., с которым погибло около тысячи человек. Опасаться второго такого несчастия теперь нет оснований, благодаря прекрасному маяку, возвышающемуся на скалах Лавецци, на середине пролива.

В административном своем делении Корсика подчинена общим правилам французского департамента. Она делится на 5 округов, подразделенных на 62 кантона и 365 коммун. Находится она в ведении второго Тулонского морского под-округа, 7-й дорожной инспекции и Гренобльского минералогического округа. Местопребывание префекта—Аяччио, есть вместе с тем и пребывание корсиканского епископа. В Бастии имеется апелляционный суд.

Население главных городов Корсики, по переписи 31-го декабря 1881 г.: Бастиа 20.100 чел., Аяччио 18.000, Сартен 5.740, Корт 5.135, Бастелика 3.195, Бонифачио 3.115, Порто-Веккио 2.650, Каленцана 2.640, Кальви 2.020 чел.

Как департамент, Корсика делится на:

Округа	Кантоны	Общины	Поверхность	Население в 1881г.	Население на 1 кил.
Аяччио	12	80	205.403 гектар	72.609	35
Бастио	20	95	136.209 ”	78.842	58
Кальви	6	35	100.284 ”	24.371	25
Корта	16	108	248.509 ”	59.060	24
Сартен	8	47	184.336 ”	37.757	20
	62	365	874,741 ”	272,639	сред. 31

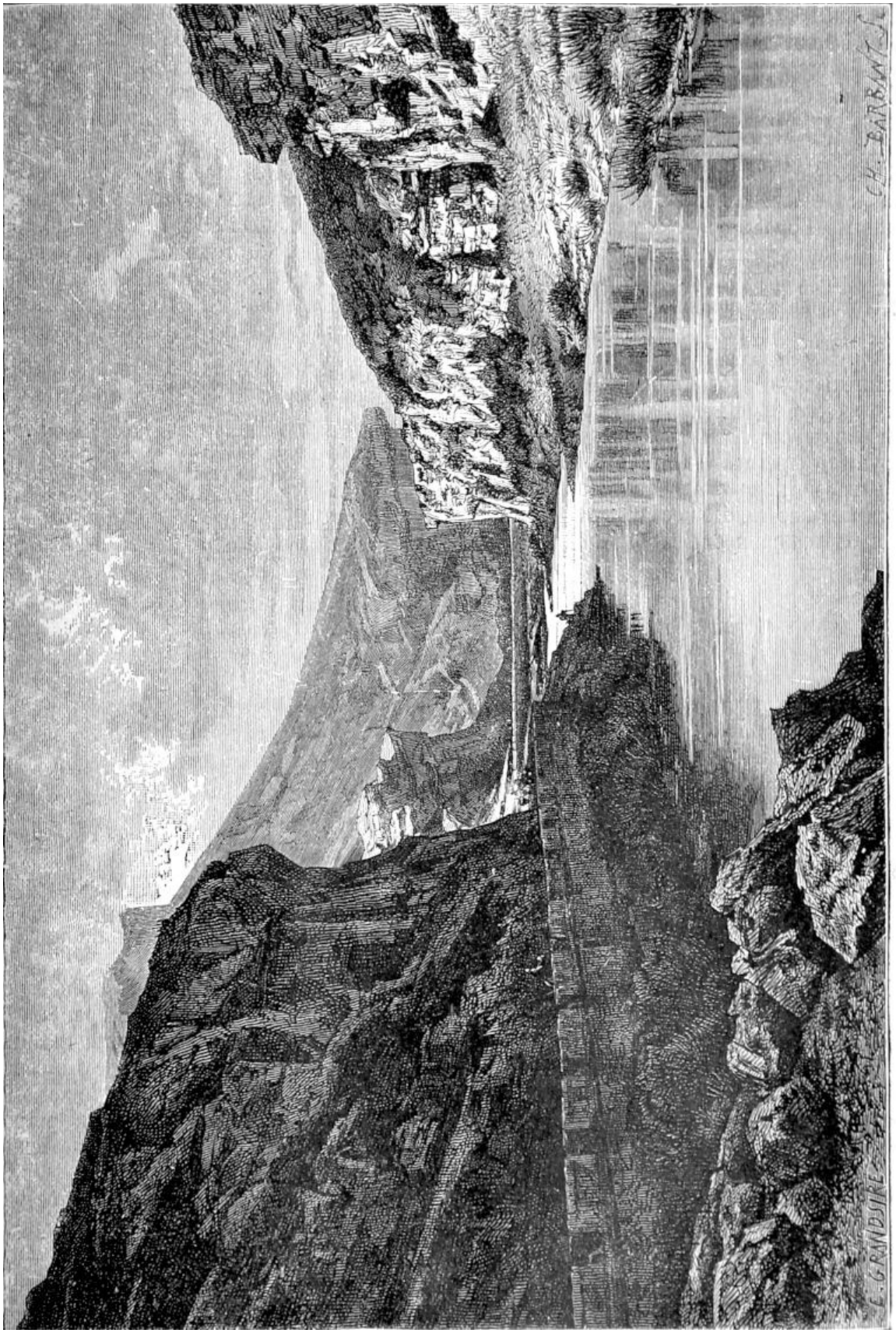
Глава XII Испания

I. Общий обзор

«С высоты Пиренеев открывается величественная Испания. Это—голова Европы. Её слава и могущество подвергались многочисленным революциям; но сила, хитрость и непостоянство судьбы не могли ни уничтожить, ни запятнать благородные сердца её граждан»[1]. К многочисленным народностям, населяющим полуостров и соперничающим друг с другом в доблести и благородстве, следует причислить также соплеменников Камоэнса, так так Иберийский полуостров, т.е. Испания и Португалия, должен быть рассматриваем как географическое целое. Разделение полуострова на два отдельные государства, хотя оно и оправдывается различиями почвы, климата, языка и внешних отношений, не мешает Испано-Лузитании быть одним неделимым членом европейского организма. Это одна и та же земля, одного и того же происхождения, имеет одну и ту же геологическую историю, образуя одно целое, как по строению гор и плоскогорий, так и по циркуляционной сети рек и потоков.

1 Камоэнс, „Луизиада“, III.

Пространство полуострова без Балеарских островов 584.301 кв. кил.; пространство Испании без Балеарских островов 494.926 кв. кил.; пространство Португалии без Азорских островов 89.355 кв. кил.; пространство Испании и Португалии с Балеарскими островами



Ущелье Таго въ Гвадалахарѣ.

589.778 кв. кил.; средняя высота, по Лейпольдту, 701 метр.

По сравнению с двумя другими полуостровами южной Европы, с Италией и полуостровом Гемуса и Пинда, Иберийская страна наиболее точно ограничена и представляет наибо-

лее островной характер. Перешеек, соединяющий Испанию с континентальным телом, составляет лишь около одной восьмой всей окружности полуострова и пересечен стеною Пиренеев, которая составляет восточное продолжение океанических берегов к Балеарскому морю. В сравнении с Италиею и Грециею, Испания отличается массивностью своих очертаний. Берега Пелопоннеза изрезаны бухтами и заливами в роде листьев, между мысами Италии море описывает полукруги. Берег же Испании изрезан легкими выемками дугообразных бухт, которые следуют одна за другой с известною ритмичностию, в виде цепей, перекинутых с одного столба на другой.

Окружность полуострова составляет 3.243 кил.; Пиренейский перешеек 418 кил.; длина берега океанийского 1.675 кил.; длина берега средиземного 1.150. Всего 2.825 кил.

Говорят давно и весьма справедливо, что «за Пиренеями начинается Африка». Действительно, по тяжести форм, по малочисленности прибрежных островов и приморских равнин, Испано-Лузитания походит на африканский материк; но эта Африка в миниатюре в пятьдесят раз меньше материка, послужившего ей, повидимому, моделью. Впрочем, её океанийский склон: Астурия, Галисия, Бейра, по климату, по обилию вод и по растительной природе, носит еще совершенно европейский характер; некоторое совпадение флоры этих местностей с флорою Британских островов заставляло даже предполагать, что в предшествовавшие времена Иберия составляла с этой стороны продолжение северо-западной Европы. Истинно африканская Испания начинается на внутренних голых плоскогорьях, и в особенности на берегах Средиземного моря: вот где переходный пояс между двумя материками. По своему общему виду, по флоре, фауне и по своему населению, эта часть Испании принадлежит к промежуточному поясу, заключающему в себе все варварийские страны до самой пустыни Сахары. Сиерра-Невада и Атлас, которые смотрят друг на друга с разных материков,—родные сестры, и отделяющий их пролив—не что иное, как простая случайность в экономии планеты.

Весьма замечательна та противоположность Испании с двумя другими полуостровами Средиземного моря, что первая является существенно континентальною землею, несмотря на то, что почти совершенно окружена морскими водами. За исключением португальской равнины Таго и прекрасных долин андалузского Гвадалквивира, внутренность Иберийского полуострова не имеет легких сообщений с морем. Большая часть страны состоит из весьма возвышенных плоскогорий, которые оканчиваются над морским берегом обрывистыми скатами и даже горными гребнями, которые можно сравнить с наружными валами крепости. А вследствие этого происходит то, что даже берега с хорошими портами посещаются кораблями реже, чем можно было бы ожидать при виде их богатства и плодородия. Береговая полоса слишком узка для поддержания значительной торговли, а жителям плоскогорий слишком затруднительно заботиться об участии в их торговле. Эти причины всегда отнимали у Испании значительную часть торгового движения, которое должно было бы, повидимому, принадлежать ей по её положению в океане при самом входе в Средиземное море; в лучшие времена своего морского могущества, она должна была широко пользоваться помощию иностранных мореплавателей.

Со времени открытия великих путей чрез океан в Америку и к мысу Доброй Надежды, океанийская сторона полуострова, т.е. сторона Гвадалквивира и Таго, имеет большее значение в торговом движении и в мировой истории, чем средиземная сторона, обращенная к Риму и Франции. Этот факт на первый взгляд может показаться странным, но было ошибочно видеть здесь действие воображаемого закона, который толкал будто бы человечество, роковым образом, от востока на запад. Причина тут заключается просто в общем расположении Иберийского плоскогорья. Испания, как и полуостровная Италия, обращена к востоку спиною и смотрит к западу. Вся страна постепенно склоняется к океану, и с этой именно стороны текут параллельные реки: Миньо, Дуэро, Таго, Гвадиана, Гвадалквивир, при чем линия водораздела, почти везде совпадающая с высшим гребнем Иберии, идет от Тарифы к Теруэлю, находящемуся в непосредственном соседстве с Средиземным морем. Эта береговая

стена прерывается узкою и опасною для доступа судов брешью устьев Эбро, но непосредственно за нею снова начинаются береговые горные цепи. Таким образом, почти вся масса Испании скрывалась от мореплавателя как за экраном. Поэтому «Земля Запада», как обозначает данное Испании греками название Гесперии, прилагавшееся раньше к Италии, была так далека от восточных полуостровов, как будто находилась на несколько градусов далее в Атлантическом океане.

Если первое население Испании, было ли оно иберийским, или каким-нибудь другим, не было первобытно-местным, чего, при нынешнем состоянии наших знаний, нельзя ни отрицать, ни утверждать, то оно должно было заселить полуостров или через проходы Пиренеев, или чрез морской пролив Геркулесовых Столпов. Поселенцы могли придти с океанийского берега разве только в ту эпоху, когда Ирландия была ближе к Испании и соединялась, может быть, с какою-нибудь Атлантидою. Не менее трудно было заселение и со стороны Средиземного моря, по крайней мере пока не было открыто искусство плавания в открытом море. Когда же по Средиземному морю стали свободно плавать греческие, массилиотские, финикийские и карфагенские мореходы, то они, вследствие крутизны горных скатов, образующих край испанских плоскогорий, могли населить только береговую полосу. Какое бы значение ни имели их колонии в истории, они все-таки оставались уединенными и имели весьма слабое участие в этнологическом смешении внутреннего населения.

Нынешнюю основу испанской нации составляет главным образом иберийское племя. Большею частию полуострова владели баски, оттесненные ныне в верхния долины западных Пиренеев. Об их пребывании и господстве почти во всей стране, от Гасконского залива до Гибралтарского пролива, свидетельствуют названия гор, рек и даже многих городов. Кельтские племена, придя из-за Пиренейского порога, местами поселились, в неизвестное время, чисто-племенными группами, а местами смешались с первобытными жителями и составили с ними народы, известные под составным именем кельто-иберов. Эти смешанные народы жили преимущественно на плоскогорьях, которые ныне известны под названием Кастилий; чистые же кельты, судя по названиям мест, занимали Галисию и большую часть Португалии. Главным местом цивилизация иберов были южные части полуострова; они подвигались далеко по плоскогорьям, населяли более плодородные местности средиземной окраины, долину Эбро, оба склона Пиренеев, проникали в Галлию до Гаронны и подошвы Севенн, затем тянулись вдоль берега Лионского и Генуэзского заливов и пускали свои последние отрасли за Апеннины; много иберийских имен встречается даже в Тессинских Альпах.

К этим первоначальным элементам присоединились колонисты торговых городов Средиземного моря: Кадикс и Малага—города финикийского происхождения; Картагена—наследница Карфагена; Сагунт—был основан выходцами Закинфа; Розас—родосская колония; развалины Ампуриаса напоминают Эмпориум массилиотов, тройной город, в котором, по Титу Ливию, жили отдельно иберы, греки и римляне. Но старые иберийская и кельтская основы должны были глубоко измениться лишь вследствие влияния Рима. После вековой войны, грубые легионеры овладели наконец полуостровом, и латинские колонисты могли безопасно селиться около всякого города, около всякого укрепленного места. Итальянская культура распространилась мало-по-малу от берега и долины Бетиса (Гвадалквивира) до самых многолюдных ущелий плоскогорий, и язык победителей сделался языком побежденных, за исключением жителей гор, населенных и в наше время басками. Поэтому участие римлян в образовании испанского народа было весьма велико: несмотря на свое иберийское и кельтское происхождение, народ испанский сделался одною из латинских наций, как по языку, так и по образу мыслей.

Когда падение Римской империи привлекло со всех концов мира людей, ищущих добычи, Испанию опустошали поочередно свевы, аланы, вандалы и визиготы. Но, погибая от своих собственных побед, равно как от перемены климата и образа жизни и теснимые следовавшими за ними народами, эти первые завоеватели скоро исчезли, не оставив по себе зна-

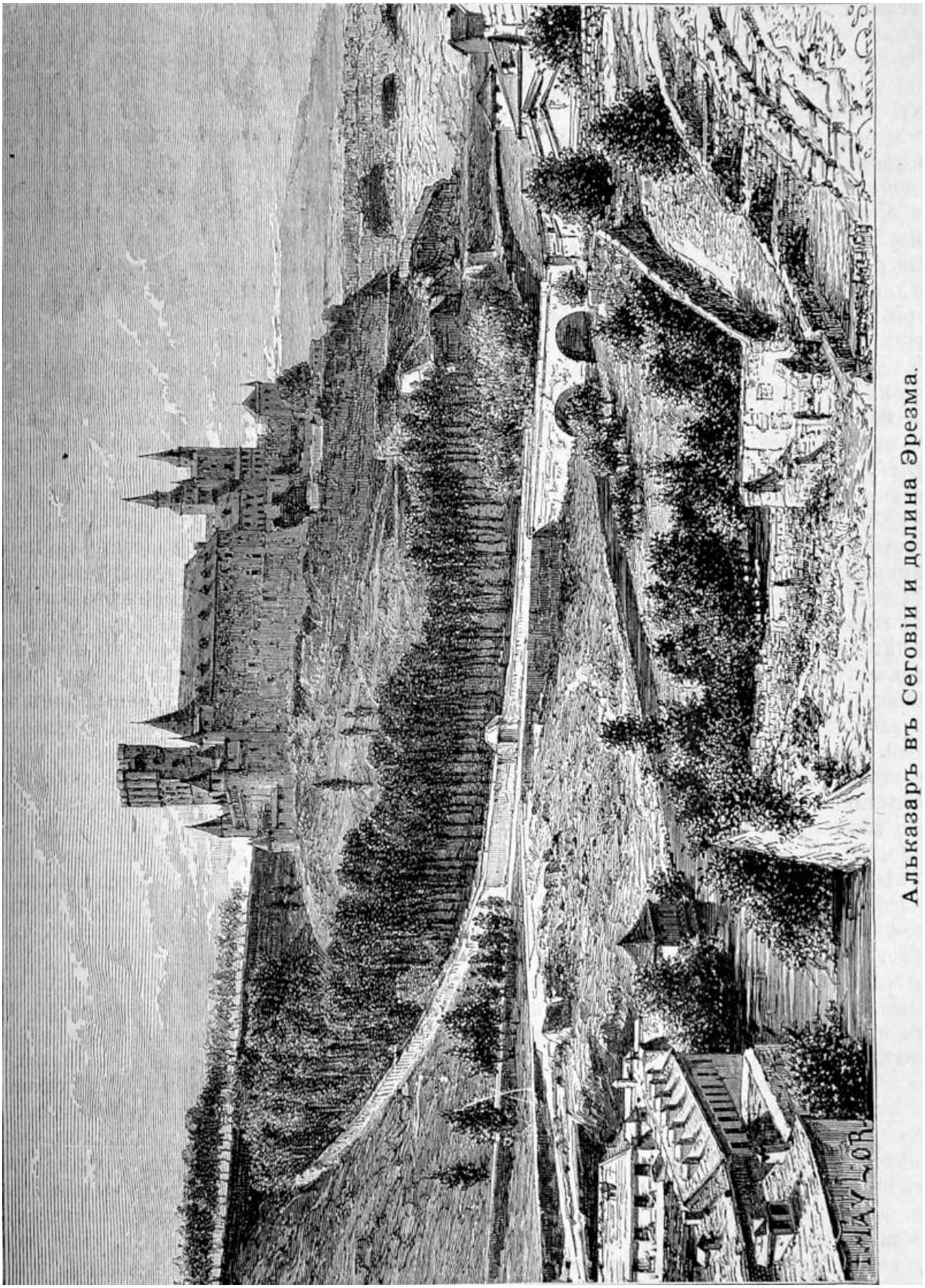
чительных следов. Кочующие аланы затерялись среди лузитанских народов или были истреблены другими ордами; свевы, племя чистой тевтонской крови, слились мало-по-малу с населением Галисии; вандалы покинули богатые Бетийские города, где они жили несколько лет, и отправились завоевывать себе эфемерное королевство в Африке. Но визиготы, пришедшие позднее и в большем числе, а также, быть может, одаренные большею твердостью характера, прочно утвердились на завоеванной почве и имели такое влияние на самую расу, что оно чувствуется и теперь в языке, нравах и духе испанцев. Быть может, пышная важность кастильца унаследована частию от визиготов. Тип этих скандинавских победителей сохранился еще до ныне в некоторых провинциях, а именно в Старой Кастилии, Астурии и Галисии, где встречается значительное число светловолосых.

За северною Европою и Африка должна была излить свою долю новых народов в население этого географически независимого от обеих этих частей света полуострова. В начале восьмого века прочно укрепились на гибралтарской скале мусульмане Мавритании, арабы и берберийцы, и в несколько месяцев завоевали всю Испанию. В течение семи веков Геркулесов пролив омывал с обеих сторон «Сарацинския» земли, и никакое препятствие не останавливало проезда купцов, колонистов и промышленников, принадлежащих ко всем племенам Северной Африки и даже Азии. Не подлежит никакому сомнению, что влияние этих переселенцев на первоначальное население полуострова было громадно: обыкновенный тип его изменился вследствие продолжавшихся многие века смешений, и это достаточно доказывают черты лица жителей южных местностей. Правда, инквизиция изгнала или обратила в рабство сотни тысяч, а может быть и миллион мавров, но так обращались только с мусульманами или подозрительными переселенцами: значительная масса населения, называвшагося испанским, тем не менее носила в своих жилах порядочную долю берберийской и семитской крови: около Мадрида, между Толедо и Аранхуэцем, указывают одну деревню, Вилласэку, которая населена, говорят, потомками мавров. И, действительно, в пользу такого происхождения говорят темный цвет лица и черные волосы его жителей, а также обычай, по которому женщина никогда не показывается на рыночной площади. Самый кастильский язык показывает, до какой степени велико было влияние сарацин: в нем гораздо более арабских слов, принесенных маврами, чем заимствованных из германскаго наречия визиготов; в кастильском языке до сих пор существует около двух тысяч семитических терминов, обозначающих по преимуществу предметы и понятия, которые свидетельствуют о прогрессивном состоянии цивилизации и напоминают период промышленного и научнаго развития, начатый в Европе арабами Гренады и Кордовы. Многие писатели думают, что горловой звук буквы *j* (*jota*) также арабского происхождения; но кажется, что это не так, ибо это придыхание гораздо сильнее в наречиях тех провинций, куда арабы никогда не проникали, а в языке португальцев, которые были порабощены магометанами, кастильской йоты совсем нет: следовательно, она, вероятно, местного происхождения и сохранилась в испанском языке, несмотря на влияние латинского.

Одновременно с маврами, на испанской почве особенно благоденствовали евреи, которых, по некоторым писателям, до эпохи преследований, жило на полуострове до 800.000 человек. При свойственной большей части их соотечественников ловкости, они служили обоим лагерям, как посредники в торговле между христианами и мусульманами; они обогащались, устраивая дела тех и других и доставляя им необходимые деньги для войны и истребления друг друга. Для ведения дважды святой войны креста и полумесяца, приходилось выжимать народ, и дело это было возложено на агентов казны—евреев. Когда же христианская вера восторжествовала и короли, в вознаграждение себя за издержки крестового похода, объявили второй крестовый поход против евреев, то народ обратился против них с настоящим остервенением и, по словам Мишле, преследовал их такою «непримиримою злобою, которой не могли утолить ни огонь, ни железо, ни пытки, ни костры». Без сомнения, некоторые семьи евреев, обратившихся из страха в католицизм, успели спасти свое существование и вошли путем смешения в общую массу испанского народа, но все-таки израильский элемент в населении полуострова теперь весьма ничтожен: это племя не только преследовалось, но и

искоренялось.

Счастливее евреев были цыгане, или цингары, называемые *Gitanos*, т.е. египтяне, которые в Испании настолько многочисленны, что некоторым кварталам больших городов сооб-



Альказаръ въ Сеговіи и долина Эрезма.

щают особенную физиономию. Сопровождающие их презрение и готовность, с которою они исповедуют национальную религию, сделали их везде терпимыми; инквизиция, сжигавшая столько евреев, мавров и еретиков, не погубила ни одного хитано, а предоставляла их пре-

следование, как обыкновенных преступников и бродяг, полиции Святой Германдады. Они могли жить спокойно, и в некоторых местах делались гражданами, имеющими постоянное жительство и постоянный заработок: тем не менее число их уменьшается, вероятно, вследствие смешений, втягивающих их в общую массу населения. Кровь у них далеко не чистая, потому что цыгане нередко женятся на испанках, но, наоборот, сами они часто запрещают своим дочерям выходить замуж за иноплеменников. Говорят, что оседлые цыгане, вспоминая, по инстинкту и по преданию, кочевую жизнь своих предков, выражают величайшее почтение тем из своих собратий, которые шляются еще свободно по лесам и равнинам, последние же, с своей стороны, гордятся своим титулом *viandantes*—«бродячих», смотрят с некоторым презрением на своих несчастных братьев, набивших собою вонючия городские лачуги. В дунайских странах, наоборот: оседлые цыгане—считаются в некотором роде аристократиею, почти другою расою. Впрочем, кажется доказано, что все испанские цыгане происходят от предков, живших в течение нескольких поколений на Балканском полуострове, так как язык их содержит в себе несколько сотен слов славянских и греческих, свидетельствующих о долгом пребывании их среди народов восточной Европы. Это подтверждается исследованиями Миклошича.

Бургоин, в сочинении своем об Испании, замечает, что испанские типы представляют такой контраст, что портрет галисийца больше походит на оверньята, чем на каталонца, а портрет андалузца походит на гасконца: в различных провинциях Испании те же противоположности, что и во Франции. Среди всех различий, происходящих от почвы, расы, климата и нравов, трудно говорить об общем типе, представляющем всех испанцев. Однако у большинства жителей полуострова есть некоторые общие черты, которые сообщают всей нации известную индивидуальность среди народов Европы. Хотя в каждой провинции свой особенный тип, но эти типы со многих сторон так сходны между собою, что можно представить себе нечто в роде идеального испанца, «разсудительнаго», как галисиец, жизнерадостного, как андалузец. Национальное дело было долго делом общим, особенно в эпоху вековых войн с маврами, а из этой общности действия, в связи с родством происхождения, происходят некоторые черты, свойственные всем частям полуостровного населения.

Вообще, испанец небольшого роста, но крепок, мускулист, необыкновенно жив, неутомим в ходьбе и выносliв ко всем лишениям. Воздержность иберийца хорошо известна. «Оливки, салат и редиска—вот кушанья рыцаря», говорит древняя национальная поговорка. Сила физического терпения в них кажется просто чудом; едва понятно, каким образом конкистадоры могли выдерживать такие труды под убийственным климатом Нового Света! При всех своих материальных качествах, хорошо руководимый испанец является первым солдатом в Европе, как это, впрочем, доказано и историею: пыл и отвага у него—южного человека, сила—северного, но при этом он не нуждается, как последний, в обильном питании.

Нравственные качества испанца не менее замечательны и, казалось бы, должны были обеспечить нации большее благосостояние, чем какое выпало ей на долю. Каковы бы ни были провинциальные различия испанского характера, испанец, при своей беспечности в обыденной жизни, отличается от массы других народов духом спокойной решимости, стойким мужеством и неутомимою выдержкой, которые, смотря по их хорошему или дурному употреблению, приводили то к славе, то к бедствию нации. Придворный человек, чиновник-скептик могут служить цинически тому, кто им платит; но если испанец из народа примет горячо к сердцу какое-нибудь дело, то будет ратовать за него до самой смерти, и, пока в нем есть еще дыхание жизни, нельзя сказать, что он побежден; и после него будут бороться его дети с тем же ожесточением, как и отец. Отсюда—эта продолжительность национальных и гражданских войн. Отвоевание Испании у мавританских завоевателей продолжалось почти без перерыва семь веков; завоевание Мексики, Перу и всей Андской Америки было долгою, вековою битвою. Война за независимость с войсками Наполеона представляет также такой пример коллективного самоотвержения и патриотизма, каких мало в истории, и испанцы могут сказать с гордостью, что французы не нашли между ними ни одного шпиона. Креолы

Нового Света, достойные сыны своего отечества, выдержали войну за освобождение, длившуюся целых двадцать лет, и в наши дни инсургенты на Кубе, главном из Антильских островов, опять ведут борьбу против метрополии. Наконец, где были возможны, кроме Испании, обе карлистские войны? Сколько раз удары казались решительными, но враг, побежденный вчера, поднимался снова сегодня,—и война возобновлялась с новой энергиею.

Поэтому нет ничего удивительного, что, сознавая себе цену, испанец, даже униженный судьбою до последней степени, говорит о себе с некоторою гордостью, которая у всякого другого показалась бы высокомерием. «Испанец—тот же гасконец, сказал один французский путешественник, но гасконец трагический». Дело у него следует за словом. Он хвастун, но если кто может иметь к тому основание, то это именно испанец. В испанце соединены такия качества, которые у других народов часто исключают друг друга. Несмотря на всю свою гордость, он прост и приветлив; он преисполнен самоуважения, но, тем не менее, любезен и предупредителен в отношении других; он очень проницателен и весьма удачно угадывает странности и недостатки ближнего, но никогда не унизится до презрения к нему. Даже когда он просит милостыню, он сохраняет благородную осанку. Из-за пустяков он разольется целым потоком звучных слов; но, коснись дело чего-нибудь важнаго—ему довольно одного слова, одного жеста. Он имеет часто важный и торжественный вид, в нем много серьезного, он обладает редкою твердостью характера, но вместе с тем он всегда добродушно-весел. Испанец (исключая старо-кастильца) имеет то громадное, неоценимое преимущество над большею частию других европейцев, что он всегда счастлив и доволен своей судьбой. Его не беспокоит ничто, он приспособляется к всему, ведет жизнь философски, т.е. живет как живется; нищета его не страшит, напротив: он с необыкновенною изобретательностию умеет даже извлекать из неё удовольствия и выгоды. Какой герой романа имел более превратностей в жизни и был в то же время веселее Жиль-Блаза, в котором так легко узнавали себя испанцы? Хотя это было во времена инквизиции, но Святое Судилище не мешало веселью. «Полное блаженство, говорит пословица,—жить на берегах Мансанареса; вторая степень счастия—быть в раю, но с условием, чтобы в слуховое окно неба видеть Мадрид».

Всеми этими странными для нас противоположностями хвастовства и мужества, низости и величия, важного достоинства и искренней веселости и объясняются те видимые противоречия, те капризные странности в поведении, которые так удивляют иностранца, и которые испанец называет шутя *cosas de Espana*, как будто только он один может проникнуть в их секрет. И, действительно, как объяснить, что в этом народе существует столько слабости рядом с его высокими качествами, столько предразсудков и невежества рядом с ясным здравым смыслом и тонкою ирониею, иногда столько жестокости с природным великодушием, бешеной мстительности со спокойным забвением оскорблений, столь простое и достойное равенства обхождение и такое насилие в притеснениях? Несмотря на страсть и фанатизм, вносимые испанцами во все их дела, они с величайшею покорностью судьбе подчиняются тому, чему не могут помешать. В этом отношении они совершенные мусульмане. Они не повторяют, как арабы: «Что написано, то написано!»—но они не менее философски говорят: «чему быть, того не миновать!» (*Lo que ha de ser no puede faltar*),—и, драпируясь в свой плащ, смотрят с достоинством на несущуюся мимо них волну событий. «Испанцы кажутся умнее, чем они есть», сказал уже три века тому назад канцлер Бэкон. Они все почти обладают страстию к игре и всегда заранее бывают одинаково готовы как к выигрышу, так и к проигрышу. И сколько неисправимых зол повлекла за собою эта фаталистическая невозмутимость испанца!

Что бы ни говорил Камоэнс, иногда можно было опасаться непоправимого упадка нации. Видя развалины, накопившиеся на почве Испании, присутствуя при бесконечной борьбе на этой обагренной кровью почве, видя битвы, увековечивающие себя на этой окровавленной земле, иные историки, не имевшие ясного понятия о солидарности, связывающей одни народы с другими, говорили уже об испанцах, как о совершенно павшем народе. Это, конечно, ошибка; но удивительный упадок кастильского могущества за последние триста лет объяс-

няет, как легко было впасть в подобную ошибку. Даже в соседстве больших городов и столицы есть много некогда обработанных полей, которые своими именами *despoblados* и *dehesas* вызывают воспоминание о насильно изгнанных маврах или отступивших перед опустошенною пустынею христианах. Сколько городов и деревень, постройки которых, красотою своей архитектуры и богатством орнаментов, свидетельствуют о том, что местная цивилизация в прошлые века была гораздо выше, чем ныне! Жизнь как будто бежала от этих, некогда одушевленных, камней! Да не развалина ли и сама Испания, как политическая держава, в сравнении с тем, чем она была во времена Карла Пятого?

Бокль, в знаменитом своем сочинении «*История цивилизации в Англии*», старается объяснить долгий упадок испанского народа различными причинами, выводимыми отчасти из климата и свойств почвы, отчасти из исторической эволюции. Сухость большей части территории, суровые ветры, сменяющиеся на плоскогорьях необыкновенными жарами, частые землетрясения в некоторых местностях—вот главные причины материального порядка, которые способствовали развитию в испанцах предразсудков и лености духа, но главнейшею и роковою причиною были продолжительные и религиозные войны, которые они вели с соседями. С самого начала монархии, визиготские короли с ожесточением защищали арианизм от франков; потом, когда испанцы, сделавшись, в свою очередь, католиками, не имели более основания воевать с другими христианами за веру, на остров нахлынули мусульмане, и история нации превратилась в историю нескончаемой войны; религиозные войны, длившиеся в течение двадцати поколений, у других народов были бы исключительными событиями, у испанцев же составляли обыкновенный порядок вещей. В результате из этого вышло, что патриотизм племени и языка почти совершенно отождествился с абсолютным повиновением приказаниям священников. Все сражавшиеся, от королей до последних стрелков, были больше бойцами за веру, чем защитниками родной земли, а следовательно их первою обязанностию было подчинение распоряжениям духовенства. Последствия этого долгого порабощения мысли были неизбежны. Духовенство завладело лучшею частию завоеванных у неверных земель, скупило все драгоценности для украшения церквей и монастырей и, что еще важнее, благодаря устройству трибуналов, овладело управлением и контролем над всем обществом. С средины тринадцатого века, в Аррагонском королевстве действовало «Святое Судилище» инквизиции, и, когда мавры были окончательно изгнаны из Испании, этот верховный трибунал сделался всемогущим, так что перед ним трепетали даже сами короли.

Между тем, пока эти продолжительные религиозные войны вели к умственному и нравственному упадку испанцев всех провинций, действовали и другие причины, и действовали в обратном направлении, т.е. развивая все прогрессивные элементы. Этой-то стороны столь сложного вопроса—Бокль и не выяснил. Для поддержания борьбы с мусульманами и для сохранения хотя призрака власти над своими воинственными вассалами, короли должны были уважать и покровительствовать льготам своего народа; этой только ценою война и могла быть национальною. Города, сделавшиеся свободными, принимали участие в великой борьбе по собственной воле; они одни вотировали фонды, и, в большей части кортесов, их представители не позволяли даже сидеть рядом с собою представителям дворянства и духовенства. С начала одиннадцатого века, т.е. за двести пятьдесят лет до первых упоминаний о представительных учреждениях в Англии, существовали уже, как говорит история, в Леонском, Кастильском и Аррагонском королевствах, города которые управлялись сами собою и формулировали свои обычаи в виде закона: старинные памятники показывают нам, что некоторые монархи считали себя не в праве входить в города без согласия муниципалитета. Благодаря этой автономии, дававшей испанцам неоценимые преимущества над большею частию других народов Европы, города полуострова быстро шли вперед в промышленности, торговле и цивилизации; степень совершенства, которой достигли в великую эпоху национального процветания литература и искусства, свидетельствует, как могуча была живучесть всех этих испанских общин, в которых было столько прекрасных зданий и из которых вышло столько замечательных людей. Города начали даже освобождаться из-под ига церкви; еще задолго до Лютера, они предоставляли себе право не допускать к обнародова-

нию индульгенций иначе, как удостоверившись в их уместности и цели. Кроме того, муниципальные вольности способствовали развитию того спокойного достоинства, того взаимного уважения и того благородства манер, которые кажутся как бы врожденною привилегиею испанской расы.

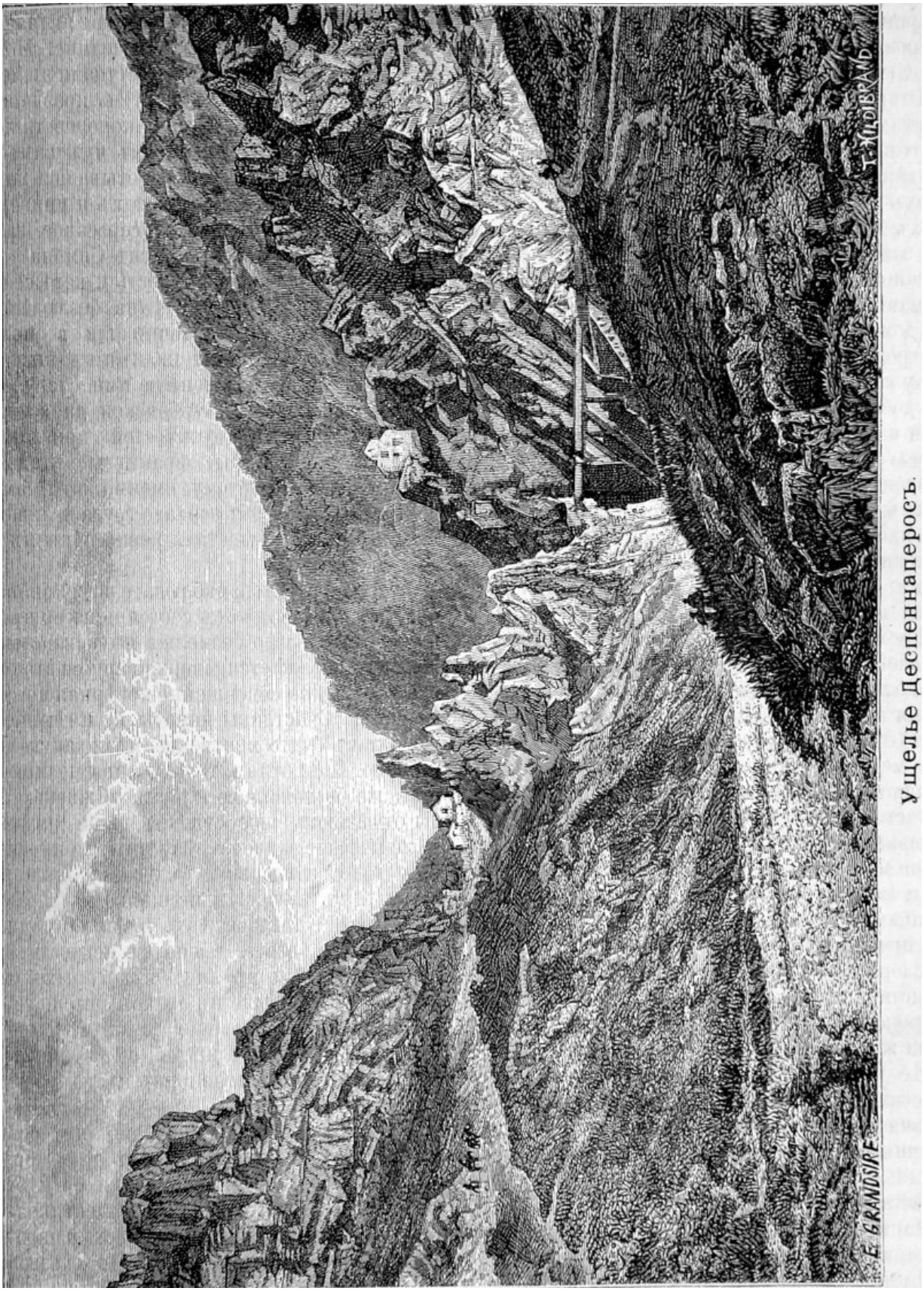
Между этими противоположными силами, из которых одни домогались индивидуальной свободы, другие же, напротив, стремились совершенно подавить ее для выгоды церкви и монархической централизации, не могла не разразиться рано или поздно открытая борьба. И действительно, как только было окончено христианами завоевание Испании, и религиозное рвение, верность государям и местный патриотизм уже не имели перед собой общей цели,—началась внутренняя война. Она скоро окончилась в пользу королевской власти и церкви; кастильские comuneros, сделавшиеся защитниками местных и областных вольностей, стали терять поддержку или даже встретили противников в жителях других провинций, Астурии, Аррагонии, Андалузии; даже мавры Альпухарры помогали подавлению народа: генералы Карла Пятого, при помощи португальского и американского золота, перебили защитников старинной свободы; и вскоре в городах полуострова, до того времени столь деятельных и веселых, воцарилось безмолвие.

Открытие Нового Света, совершавшееся в это самое время для обогащения испанской монархии, было для народа, может быть, еще большим несчастием. Удаление из родины всех храбрых молодых людей, всех отважных искателей приключений, отправившихся на завоевание Эльдорадо за Атлантическим океаном, наиболее способствовало ослаблению Испании. Уходили самые смелые; оставались же дома лишь люди слабые, боявшиеся смерти. Метрополия лишилась таким образом мало-по-малу самых закаленных своих сынов. Вся её доблесть, весь дух предприимчивости, пошли на завоевание Нового Света, и, упоенная своею заморскою славою, Испания без сопротивления допустила своих господ повергнуть себя в бездну глубочайшего позора. Корабль, слишком обремененный парусами, рискует опрокинуться при малейшей буре; так и Испания: слишком слабая для своих необъятных колоний, она подавила сама себя.

Громадное количество золота и денег, доставленное рудниками Нового Света казне метрополии, было также одною из причин обеднения и деморализации. В два века, с 1500 по 1702 г., присылавшиеся колониями драгоценные металлы достигли суммы 54 миллиардов франков. Такия суммы, получаемые без труда и расточаемые, главным образом, на дело развращения, должны были повести к чрезмерному развитию природной лености испанца. Получая золото без усилия, он перестал его зарабатывать; вместо того, чтобы производить все предметы потребления, их стали покупать, и вскоре все сокровища ушли за границу. Впоследствии, когда колонии перестали кормить свою метрополию, все привыкшие к лености должны были жить нищенством, уличным или, еще более низким и развращающим—бюрократическим. Быть может, Испания единственная страна в Европе, где рабочие оставляют свой обычный труд, отправляясь за получением порций при раздаче нищим милостыни, в известные дни недели.

Нация пала для мира с беспримерною быстротою не вследствие внешних нападений, а вследствие внутреннего упадка. С изгнанием самых промышленных граждан страны, мавров, в Испании угасла мало-по-малу всякая деятельность. Мастерские закрывались тысячами даже в промышленных некогда городах, каковы—Севилья и Толедо. Ремесленные производства прекратились за неимением мастеров, предоставленная монополии торговля покинула рынки и порты; рудники и каменоломни перестали разрабатываться; поля Наварры, как говорят хроники того времени, часто оставались бы незапаханными даже около самых деревень, если бы только не являлись для посева и жатвы беарнские поселяне. Молодые испанцы целыми толпами поступали в монахи, чтобы пользоваться привилегиею праздности,—и в различных частях королевства было основано более девяти тысяч мужских монастырей, поля которых обработывались на счет остальной Испании. В школах и университетах прекратилось всякое серьезное занятие; и по сильному выражению Сен-Симона «наука была

преступлением, глупость и невежество—первою добродетелью». Страна безлюдела; детей рождалось недостаточно для восполнения умирающих. Испанцы пали так низко, что потеряли столь заслуженную ими славу доблести. По водворении Бурбонской династии, для занятия



Ущелье Деспеннаперосъ.

высших должностей приглашались толпами иностранцы, французы, итальянцы, ирландцы, и это потому именно, что сами туземцы, отвыкшие от всякого труда и лишенные всякой инициативы, стали неспособны к управлению делами.

Безпристрастный наблюдатель, сравнивая современную Испанию с состоянием её в эпоху продолжительного безмолвия под властью инквизиции, поражается совершившимся в ней прогрессом. Одна совершенно неверная поговорка гласит: «Счастливы народы, не имеющие истории», как будто мертвецы имели какую-нибудь историю. Напротив, только живя полною, хотя бы даже беспокойною и шумною жизнью, народы отмечают свое существование имеющими историческое значение деяниями и приносимыми ими действительными услугами. Хотя возрожденная с начала нынешнего века, Испания жила всегда, так сказать, среди пламени,—но она сделала больше для наук, искусств и промышленности и в лице некоторых своих сынов дала больше в области высшего образования, чем в течение двух веков угрюмого мира, прошедших со времен Филиппа II, который водворил мрак и безмолвие в своем царстве.

Во всяком случае очевидно, что если бы жизнь Испании не тратилась в такой большой мере на междуусобные войны, и если бы она прилагалась вся к делам коллективного интереса, то польза её для остального мира была бы весьма значительна. Но оказывается, что именно географические условия полуострова мешали до сих пор свободному соединению жителей в одно сплоченное национальное тело. Хотя в целом европейского организма Испано-Лузитания представляет большое единство очертаний и форм, тем не менее, внутри её, благодаря горам и плоскогорьям, существует необыкновенная разнохарактерность, которая от природы перешла и на жителей. Можно сказать, что все выпуклости и впадины гористого плоскогорья Иберии отразились на самом её населении. На океанийской и Средиземной окраине соединились все выгоды: климат там самый приятный, плодородная земля покрыта богатейшею растительностью, легкость сообщений манит человека к путешествиям и торговле; поэтому-то в прибрежной области и теснятся земледельцы, купцы и моряки, и тут же основана большая часть больших городов. Внутри же страны, напротив—безплодные плоскогорья, голые скалы, дикия тропинки, ужасные зимы и отсутствие разнообразных произведений делают жизнь обитателей тяжелою, почему молодые люди, привлекаемые счастливыми равнинами, простирающимися при подошве их диких гор, часто выселяются отсюда в значительном числе. Вследствие этого, население по плотности распределено кольцеобразными полосами. Всего более оживлена прибрежная полоса полуострова, в которую входят берега Каталонии, Валенции и Мурции, Малага, Кадикс и долина Гвадалквивира, нижняя Португалия и морской склон западных Пиренеев:—здесь по преимуществу совершается движение людей и мысли. С другой стороны, столица королевства, занимающая господствующее положение в геометрическом центре страны и в средине сети дорог, не могла не сделаться также жизненным центром; но она окружена малолюдными пространствами, а в некоторых местах даже настоящими пустынями.

Эта неравномерность населения в низких равнинах побережья и на внутренних плоскогориях, а еще более—это раздвоение цивилизации полуострова на внешний пояс и центр, имели чрезвычайно важные последствия в общей истории Испании. Каждая из приморских провинций, сознавая свою собственную жизненность и одушевленная достаточною энергиею для самоуправления, стремилась отделиться от остальных частей Испании и жить самостоятельною жизнью. В течение семисотлетнего господства мавров, общая всем государствам племенная и религиозная ненависть могла поддерживать некоторое единство между различными христианскими королевствами Иберии и облегчить образование единой монархии: но, для сохранения этого искусственного единства, правительство прибегало к хитроумной системе терроризма и угнетения, каких не испытывал никакой другой народ. Впрочем, Португалия, которой её положение на океане, значительность торговли и громадные колониальные завоевания обеспечивали отдельную роль, оставалась под ненавистным господством кастильцев менее столетия и отделилась от Испании, как отрывается новый лоскут от платья, сшитого из разных кусков. Под натиском внешних событий, чуть было не погибла и сама Испанская монархия. Напрасно королевская власть, чтобы прочнее утвердиться, отупляла и разоряла народ, истощая, повидимому, его умственные силы: беспрестанные революции и войны в различных провинциях ясно показывали, что и под общим давлением сохранялась

сильная индивидуальность каждой естественной группы населения. Правда, благодаря возрастающей легкости передвижений и торговле, постепенной замене одним языком провинциальных наречий, невольному сближению, которые влекут за собою усвоение одних и тех же идей и образование политических партий, связь политического единства между различными народами Испании становится год от году сильнее; но андалузцы и галисийцы, баски и каталонцы, аррагонцы и мадриленосы все еще далеки от того, чтобы составлять совершенно однородную национальность.

Поэтому федеральное устройство, которое ввела было Испанская республика, вполне оправдывалось географическою формою страны и историею её жителей. Эта провинциальная автономия часто была восстановляема на время гражданской войною: насилие хочет осуществить то, чего не могло сделать доброе согласие. Такова, под разными названиями, федерализма или карлизма, и вместе с другими элементами гражданскаго раздора, главная причина революций, волновавших Испанию в последние годы. Населения ищут себе естественного равновесия, и одним из существенных условий этого равновесия является уважение границ, проведенных между провинциями различием почвы и климата, равно как и вытекающими из него различиями нравов. Поэтому каждую из этих естественных областей Испании необходимо изучать отдельно, в виду того, что политические деления не соответствуют вполне ни линиям водораздела между бассейнами, ни границам различных языков населения.

II. Плоскогорья Кастилии, Леона и Эстремадуры.

Центральное плоскогорье полуострова, между долинами Эбро и Гвадалквивира, вполне ограничено самою природою: с севера, с востока и с юга его окружает полукруглая стена гор от Кантабрских Пиренеев до Сиерра-Морены. С западной стороны, правда, общий склон плоскогорья спускается к Португалии и Атлантическому океану, но и там горные группы и особенно крутизны речных ущелий, по которым нужно спускаться, чтобы попасть в нижния долины, составляют настоящий в некоторых местах непроходимый барьер. Поэтому возвышенная область, в которой развиваются верхние течения Дуэро, Таго и Гвадианы, представляет отдельное географическое целое, опоясанное вокруг сплошною полосою земель с морским склоном; ее можно сравнивать с меньшим полуостровом, заключенным в больший и соединенным с французскими Пиренеями посредством узкого перешейка баскских провинций. Действительно, если бы море поднялось вдруг на 600 метров, то кастильские плоскогорья, изрезанные разнообразными заливами, отделились бы от остальной Испании. Значительность их пространства составляющего около половины всей страны, заранее обеспечивала им важнейшую историческую роль; благодаря своему господствующему положению, кастильцы присоединили к своему владению, составляющему и без того уже более двух пятых всей Испании, почти все окружающия их земли.

	Поверхность	Население в 1883 г.	Насел. на кил.
Бассейн Дуэро, Леон и Старая Кастилия без Логроньо и Сантандера	94.773 кв. кил.	2.179 330	23 чел.
Бассейн Таго и Гвадианы	115.819 кв. кил.	2.419.850	21 чел.
	210.592 кв. кил.	4.599.180	22 чел.

Кастилии, эта Испания по преимуществу, не принадлежат к числу красивых стран, или, по крайней мере, красота их, торжественная и грозная, не такова, чтобы быть понятной большинству путешественников. Обширные пространства плоскогорья, как например Тиера-де-Камнос, к северу от Вальядолида, представляют собою бывшие озерные ложа с весьма плодородною почвою, но, по недостатку разнообразия в возделанных землях и отсутствию всякой лесной растительности, отличаются чрезвычайною монотонностью пейзажа; почва выставляет на-показ свою глину и песок, переходящие в серый, синий, красноватый и кроваво-красный оттенки. Дороги, по которым тянутся вереницы мулов, вздымающих клубы

пыли, сливаются с окружающей землею. Другие, гораздо более неровные части плоскогорья, взгорблены каменистыми, желтеющими от солнца холмами, с полосами нив, где к хлебам примешиваются чертополох и другие колючия растения. Местами, как например к востоку от Мадрида, плоскогорье принимает гористый вид: горизонт со всех сторон окружен буграми и вершинами, одетыми тощею травою, а местами открываются темные, прорытые водами ущелья с каменными стенами. Местами же, как в нижней Эстремадуре, стелятся луга, которые теряются из виду при подошвах отдаленных гор, и в этих равнинах, похожих на некоторые из американских пампасов, не видно ни одного деревца. В округе Бадахосе, около ста лет тому назад, совершенно необработанные, хотя от природы весьма плодородные, земли занимали пространство более 5.000 квадратных километров;—в этой степи могли бы жить в довольстве полмиллиона человек.

При виде ужасающей наготы большей части этих равнин, трудно поверить, хотя это несомненный факт, что Кастильское плоскогорье в XIV веке представляло из себя сплошной лес, где медведей, оленей и кабанов было больше, чем людей. С половины прошлого века существует указ королевского совета, предписывающий каждому деревенскому жителю посадить по крайней мере пять дерев; но указ этот остался мертвой буквой. Обезлесение велось с большим усердием, чем разведение лесов. Поселяне предубеждены против деревьев: они говорят, что листва деревьев вредит тем, что защищает мелких птиц от хищных, и, таким образом, отдает их урожаи в добычу зерноядным пернатым, почему, не довольствуясь уничтожением всех птичек, кроме ласточек, они так ревностно уничтожают леса, что во многих местах деревья есть только в отдаленных от человеческого жилья пустынях: можно пройти целые дни и не увидеть ни одного дерева. Местность до того оголена, что, по пословице «жаворонок, перелетая Кастилии, должен нести с собою корм». Даже среди обработанных полей вы чувствуете себя как в пустыне, особенно когда после жатвы остается только засохшая солома. Лачуги из серой глины или из камня издали сливаются с окружающею землею, и самые города, окруженные своими проломанными желтоватыми стенами, походят на изрытые скалы. Во многих местностях плоскогорья воды нет, как в африканских пустынях. Многие города и деревни, в которых есть какой-нибудь источник воды, уже своим названием радостно возвещают, что они обладают таким богатым сокровищем. Через овраги построены огромные мосты, стоившие строителям не малого труда, между тем как в их каменистых ложах не видно ни капли воды в течение большей половины года.

Центральное плоскогорье Испании наклонено не только к западу, к Лузитанской части Атлантического океана, но спускается, хотя и весьма неровным склоном, от основания Кантабрских Пиренеев к северному краю долины Гвадалквивира. Между тем как верхний бассейн Дуэро склоняется от востока к западу от 1.000 до 700 метров средней высоты, Новая Кастилия и Ла-Манча, в бассейнах Таго и Гвадианы, имеют не более 600 метров высоты. Вообще, возвышенные земли центральной Испании можно сравнить с двумя ступенями разной высоты, отделенными одна от другой стеною с брешами. Эта стена, служащая общею границею двум террасам плоскогорья, и есть сиерра-де-Гвадаррама, западное продолжение которой составляет сиерра-де-Гредос. На севере воды, текущие в Дуэро, орошают провинции Леон и Старую Кастилию, а на юге бассейны Таго и Гвадианы составляют провинции Новую Касталию, Ла-Манчу и Эстремадуру.

В третичную эпоху оба эти плоскогорья, как надо полагать, были заняты большими озерными бассейнами, причем эти высокие озера Иберии соединялись друг с другом реками с водопадами, похожими на те каналы истечения, которые изливают в Атлантический океан воды Канадского Средиземного моря. Одно из этих озер, очертания которого обозначаются геологическими границами, состоящими из слоя оторванных от окружающих гор песчаных, глинистых и известковых обломков, вытекло чрез ущелья нижнего Дуэро. Некогда оно было заперто с этой стороны кристаллическими горами Португалии, и избыток воды изливался вероятно в бассейн Эбро, на северо-востоке, чрез брешь Панкорбо, чрез которую ныне идет железная дорога из Бургоса в Витторию. Кроме того, верхнее озеро, дно которого составляет

Старую Кастилию, соединялось, посредством широкого пролива, обходившего с востока Гвадаррамские горы, с нижним озером, место которого занимают ныне равнины Новой Кастилии и Ла-Манчи. Судя по протяжению третичных земель, оставленных водами в удостоверение своего пребывания, оба озера вместе занимали пространство в 76.000 квадратных километров, т.е. около восьмой части всей поверхности нынешнего полуострова. Значит, Иберийский полуостров, в сравнении с нынешним, был в те времена нашей планеты чем-то в роде необросшего еще мясом остова; гранитные группы и древние скалы, соединяясь друг с другом буграми триасовых, юрских и меловых земель, составляли как-бы двойное кольцо гор, ограниченных снаружи солеными, а извнутри пресными водами. Заливы снаружи и озера внутри одновременно наполнялись осадочными слоями, которые узнаются теперь по их ископаемым, которые с одной стороны морского происхождения, а с другой—пресноводного. Этот геологический период продолжался долгое время, потому что слои озерных земель во многих местах имеют более 300 метров толщины. Миоценовые слои, составляющие поверхностную часть обоих кастильских бассейнов, принадлежат к одной и той же эпохе Земли, потому что в них встречаются ископаемые скелеты одних и тех же больших животных, мегатериев, мамонтов, гипарионов.

Северо-западная и северная части горного пояса Леона и Старой Кастилии образуются системою Кантабрских Пиренеев; но непосредственно к востоку от высшей группы этих гор, узла Пена-Лабра, отделяются продолговатые бугры, которые, направляясь к юго-востоку, составляют водораздел между бассейном Дуэро и истоками Эбро. Эти бугры, известные под различными названиями, образуют прежде всего *parамos* Лоры, наклоненные слегка к южному плоскогорью, но круто обрывающиеся к Эбро, который течет по дну рва в несколько сот метров глубины. На востоке, водораздельная линия, высотою более 1.000 метров, продолжается довольно правильно до горной группы Брухула, чрез проход которой, на протяжении 934 метров, проложена железная дорога; путешественники, вводимые в заблуждение погонщиками мулов, считали прежде эту горную группу высочайшею точкою полуострова. Но за нею бугры эти, называемые ошибочно горами Ока, постепенно повышаются и соединяются с группами уже настоящих гор, с основою из кристаллических горных пород, называемых сиерра Деманда, над которыми господствует пик Сан-Лоренцо. К юго-востоку от них следует другая горная группа, опирающаяся, как и предъидущая, на могучия предгорья, над которою возвышается высокая вершина Пико-де-Урбион, дающая начало Дуэро. Цепь, называемая сиерра Цеболлера, составляет правильное продолжение линии водораздела и, понижаясь постепенно, разветвляется различным образом в обоих бассейнах Дуэро и Эбро. Наконец, эта часть стены плоскогорья оканчивается третьею горною группою, Монкайо, которая состоит, как и Сан-Лоренцо, из кристаллических пород и достигает еще более значительной высоты. Затем цепь совершенно исчезает и заменяется широкими буграми с волнистыми склонами, которые не представляют никакого препятствия к проведению дорог и которыми без труда воспользовались для проведения железной дороги из Мадрида в Сарагосу. Но к югу от Цеболлеры и Монкайо, параллельно этим большим горным массам, идут различные небольшие цепи, которые, наполняя собою восточный угол бассейна Дуэро, заставляют реку описать большой крюк чрез ущелье Сория. В этих-то горах, неподалеку от вершины раздела трех склонов Эбро, Таго и Дуэро, стояла крепость Нуманция, героическая борьба которой с чужеземным неприятелем послужила примером для многих других городов полуострова.

Водораздельная линия между бассейнами Дуэро и Таго вообще выше и правильнее, чем в северо-восточной части Старой Кастилии. Едва обозначаясь первоначально слабыми возвышениями почвы в сотню метров, на огромном пьедестале возвышенных земель, цепь вздымается мало-по-малу в западном и юго-западном направлении и вскоре образует знаменитую сиерра Гвадарраму, систему Карпето-Ветоникскую, по Бори де Сен-Винсену; это самая известная цепь во всей центральной Испании, не потому, что она выше всех, а потому, что ограничивает мадридский горизонт величественным полукругом своих гранитных скал. Гребень этой цепи, составляющей настоящую стену между Кастилиями, довольно узок, а склоны с обеих сторон круты, так что здесь не без труда можно было построить дороги, веду-

щие к проходам Сомосиерры, Навасеррады и Гвадаррамы. Фердинанд VI, гордясь проведенною чрез горы, в его царствование, железною дорогою, приказал поставить на одной из высочайших вершин статую льва с надписью, гласящею «Король победил горы». Что касается северо-испанской железной дороги, то она должна была обойти сиерру с западной стороны чрез Авилинскую выемку, по полям, покрытым кучами гранита, но все-таки идет на двадцать метров выше так называемой Мон-Сенисской железной дороги и вообще выше всех альпийских железно-дорожных линий. Естественный вал, образуемый горами Гвадаррамы на севере мадридской равнины, составляет для этого города в высшей степени важную стратегическую линию: здесь происходили кровавые битвы, из которых одна была за обладание проходами сиерры.

К юго-западу от пика Пеньялара, составляющего высшую точку Карпето-Ветоникского хребта, горы быстро понижаются, и вскоре, у пика Сиерва, цепь разделяется на две ветви. Северная ветвь, направляющаяся к западу и затем описывающая полукруг вокруг равнины Авилы, образует водораздельную линию между притоками Дуэро и притоками Таго, и во многих местах представляет скорее выпуклость почвы, удлиненный бугор, чем настоящую цепь. Южная ветвь выше и правильнее, как горная система, и составляла бы естественную соединительную цепь между сиеррой Гвадаррамою и сиеррой Гредос, если бы не была перерезана надвое ущельем, вырытым рекою Альберч, при выходе её из верхней долины, идущей между двумя параллельными горными стенами. Как будто для симметричности, примеров которой довольно много встречается в различных странах земли, Альберч, приток Таго, и Тормес, приток Дуэро, переплетаются своими истоками: река, которая течет к северу, берет начало с южной стороны горы, а которая течет к югу—с северной.

Сиерра-де-Гредос, составляющая продолжение орографической системы Испании, к западу от ущелья Альберча, представляет высочайшие вершины после Гренадской Сиерры-Невады и Пиренейских гор. Вершина, носящая звучное имя Плаца-дель-Моро-Альманзор, возвышается на 2.650 метров, т.е. до совершенно полярного пояса, гораздо выше границы лесов. Голые гребни кристаллических скал, белеющих снегом большую половину года, высятся над пустынными склонами, над громадными каменными обвалами и цирками, с бассейнами голубой воды. Сиерра-де-Гредос—одна из наименее исследованных и наиболее трудных гор для путешествия, по отсутствию деревень с каким-нибудь комфортом, но зато и одна из самых красивых областей полуострова. Южный склон её, ограниченный течением Тиетара,—очарователен; эта местность называется Вера. Прозрачные ручьи, красивые группы раскинутых по склонам деревьев, цветущие или зеленеющие фруктовые сады, в которых прячутся деревни, делают эту часть Испании второю Швейцарией: Карл V показал, что у него был вкус, удалившись под конец своей жизни в монастырь св. Юста, представляющий одну из приятнейших местностей страны. Прежде у подошвы Сиерра-де-Гредос было гораздо больше движения, так как непосредственно на западе её проходила большая стратегическая и торговая дорога римлян,—*via Lata* (Широкая дорога), называемая ныне *Camino de la Plata*, которая соединила долину Таго с долиною Дуэро, проходя через проход, называемый Пуэрто-де-Баньос. Но срединная артерия полуострова переместилась:—Толедо и Мадрид перенесли ее к горам Гвадаррамы, между тем как римский город Мерида удерживал ее прежде на западе от Сиерры-де-Гредос.

В общем, все черты географического рельефа этой части Испании имеют видимо параллельное расположение. От ущелья Альберча до холмов Плаценции и Пуэрто де-лос-Каштаньос, около Таго Сиерра-де-Гредос развивается в юго-западном направлении; южнее—небольшая цепь Сан-Винцент и общая выпуклость гранитных плоскогорий, расположенных к северу от Таго, следуют тому же направлению; притоки Таго: Альберч, в своем нижнем течении, Тиетар, Херт и нижний Алагон, направляются точно также к юго-западу; горная группа Трампал отделяет от себя длинный побочный хребет Трас ла-Сиерра—в том же направлении к Плаценции; лощина, в которой пролегала широкая римская дорога, расположена таким же образом; наконец сиерра де-Гата, возвышающаяся с другой стороны к границам

Португалии, и, далее, цепи, возвышающиеся в самых пределах Лузитании, протянули свои вершины в направлении с северо-востока к юго-западу, следуя направлению общего склона полуострова к Атлантическому океану.

Сиерра-де-Гата еще суровее и неизвестнее, чем Сиерра-де-Гредос. Она начинается при истоках Алагона под именем Паниа Гудина, затем, поднимаясь до высоты более 1.800 метров, принимает название Пенья де-Франсиа (Скала Франции), которым она обязана, вероятно, существованию капеллы французской Богоматери, построенной одним запиренейским рыцарем, на одной из самых крутых вершин. В ущельях этих гор находится дикая долина Батуэкас, которая долго оставалась почти неизвестною. На юге первая «клюза», образуемая поперечною цепью, которую Алагон прорвал силою своих вод, открывает вход в эту трудно доступную для жителей равнины область; выше вход в долину охраняет другое ущелье: жители здесь заперты, как в крепости с двойною стеною. Другая долина, лас-Гурдес, к юго-западу от Батуэкас, точно также хорошо защищена валами отрогов, оставляющий водам весьма узкий проход к Алагону. Здесь собственно горный хребет принимает свое специальное название сиерра-де-Гата, которое и сохраняет до вступления своего на португальскую территорию.

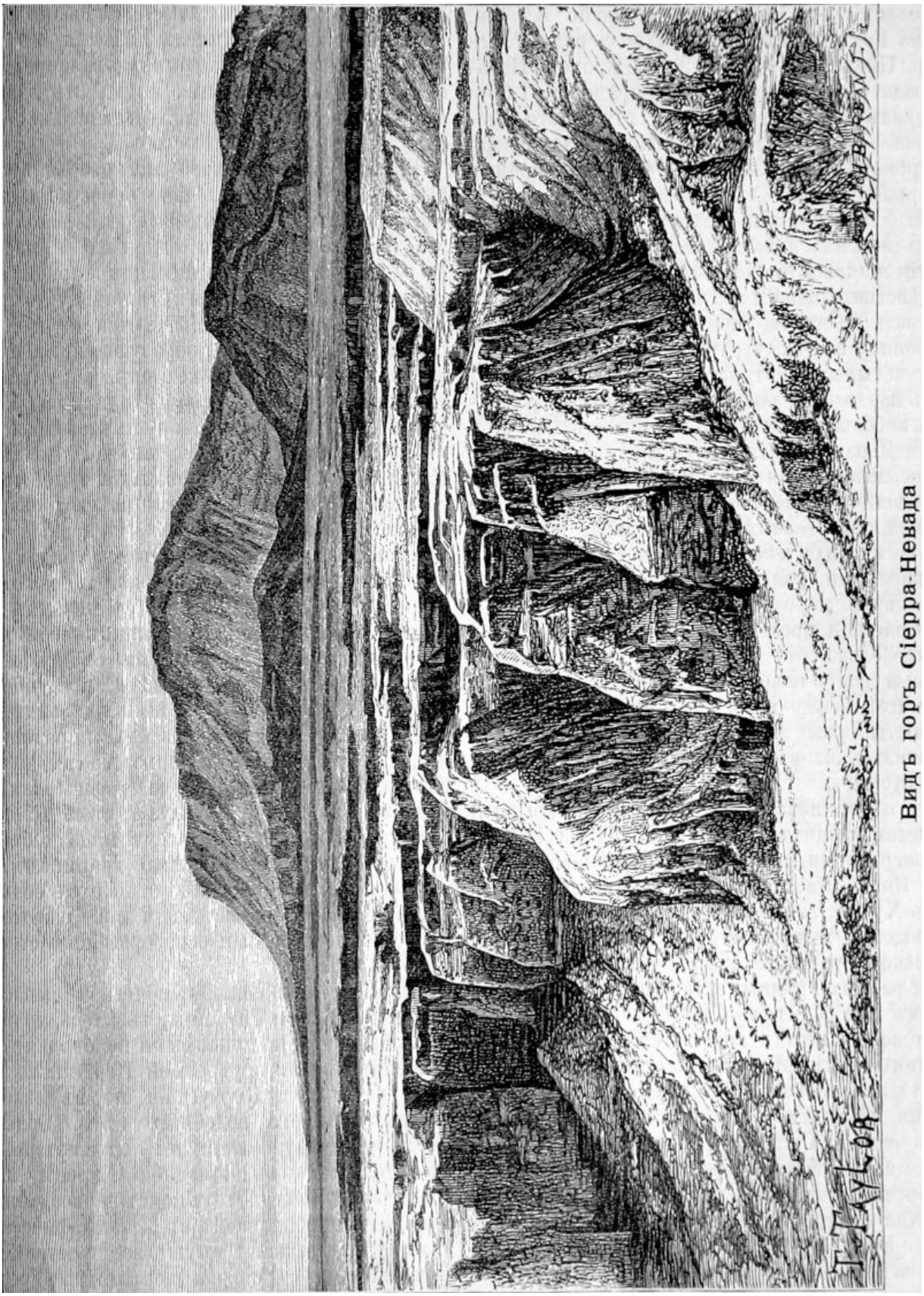
Высота гор и проходов между Эбро и Таго, по Франсиско Коэлло, следующая: к северу от Дуэро: Парамос де-Лора—1.088 метр.: проход Брухула—980; пик Сан-Лоренцо (сиерра Деманда)—2.303; пик Урбион—2.246; сиерра Цеболлера—2.145; пик Монкайо—2.346; сиерра Гвадарама: проход Сомосиерра—1.428 метр.: Пик Пеньяляра—2.400; проход Навасеррада—1.778; проход Гвадаррамский—1.533; перевал железной дороги—1.359; Альто дела-Сиерва—1.837; Плаца-дель-Моро Альманзор (Сиерра-де-Гредос)—2.650: Пенья де-Франсиа (Сиерра-де-Гата)—1.734 метр.

На большой части старых карт и даже на очень многих новых—на востоке Новой Кастилии значатся высокие горные цепи, которых в действительности не существует; здесь просто вся местность представляет громадную горбовину в тысячу триста или даже в тысячу четыреста метров высоты, где на могучем пьедестале заметно только несколько рядов небольших холмов; водораздел в этой части Испании составляют простые пригорки с весьма пологими склонами. Впрочем, потоки, вырывшие себе весьма глубокия русла в легко подающихся землях плоскогорья, придают ему во многих местах вид настоящих гор с изрытыми стенами; окрашенные в различные цвета, породы песчаника, слои глины и триасские или юрские слои известняка прорыты на несколько сот метров в глубину плоскогорья и дают повод считать местность весьма гористою, между тем как если бы сравнять промытые рвы, то вся возвышенная равнина обратилась бы в слабо волнистую однообразную пустыню.

В одной из таких частей плоскогорья, представляющих наибольшее сходство с горными группами, именно—в северо-восточном углу Новой Кастилии, возвышается Муэла де-Сан-Хуан, т.е. «коренной зуб» Св. Иоанна; эти высоты можно считать главною гидрографическою границею полуострова между склонами разных речных бассейнов, так как по их глубоким теснинам, с дикими скалами африканского вида, стекают в нижния равнины многие реки. Здесь, с одной стороны, берет начало Таго, река, разделяющая Испанию на две почти равные части; с другой стороны текут Хукар и Гвадалавиар, которые также являются средними реками средиземного прибрежья: наконец, одна из главных ветвей Халона принимает здесь на севере направление Эбро. Может быть, по этому-то расхождению вод по всем направлениям, ряд вершин, идущих к востоку от Муэлы, и называется «Всемирными Горами» (*Montes Universales*). Другая небольшая цепь, расположенная восточнее, в округе Албаррацина и называемая сиерра дель Тремедаль, подвергается, говорят, частым вулканическим потрясениям; из взбросов в оолитовых скалах, именно в соприкосновении их с черным порфиром и базальтовыми скалами, вырываются иногда серные газы. Некоторые триасские высоты окрестностей Куэнцы также весьма любопытны по своим залежам каменной соли: самые известные копи—Мингланилльские, в которые проникают по подземным галлереям со стенами из прозрачной соли. Эти широкие, высеченные в кристалле ходы считали прежде

одним из чудес полуострова.

Выпуклость восточного плоскогорья продолжается к югу, параллельно берегу Валенции,



Видъ горъ Сіерра-Невада

между водами, текущими в Средиземное море, и водами, образующими реки Таго и Гвадиану. Водораздел принимает вид горной цепи только между истоками Гвадианы, Сегуры и Гвадалимара: тут возвышаются первые вершины Сиерры-Морены, образующей, на протяже-

нии около 400 километров, естественную границу между Ламанчею и Андалузиею. Впрочем, Сиерра-Морена, равно как и все высоты, заканчивающие с востока плоскогорья Новой Кастилии, заслуживают названия цепи только со стороны наружного края полуострова. С плоскогорий, по которым текут первые воды Гвадианы, Сиерра-Морена кажется рядом невысоких холмов, простою закраиною с узкими прорезами. Напротив, с низких равнин Андалузии путешественник видит на севере настоящую горную цепь с профилем вершин, с крутыми склонами, предгорьями, глубокими долинами и дикими ущельями. Поэтому Сиерра-Морена и её западные разветвления, сиерра Арацена и сиерра Ароче, должны быть рассматриваемы как географическая принадлежность скорее Андалузии, чем Кастильского плоскогорья. При этом надо добавить, что, по административным границам, к южной провинции Испании относится большая часты марианийской системы и даже некоторые однообразные части плоскогорья по ту сторону хребта.

На западе, общий склон почвы, указываемый течением Таго и Гвадианы, казалось, должен был бы слить, постепенными переходами, возвышенные земли внутренней Испании с низкими равнинами Португалии, но в действительности ничего подобного нет. Большую часть Эстремадуры занимает одна из самых значительных в Западной Европе масс гранитных скал. Этот пояс первозданных земель, гранитов, гнейсов, метаморфических сланцев заключает в себе все пространство, ограниченное с севера сиеррами де-Гредос и де-Гата, а с юга—сиеррою д'Ароче; встречающиеся в этой области, там и сям, новые земли представляют лишь слои незначительной толщины, отложенные на горных породах древнего происхождения. Некогда, как мы видели, эта масса гранитов Эстремадуры сдерживала пресные воды, собравшиеся в озера в восточных равнинах, и только после многовековой геологической работы древние истоки с водопадами превратились в правильно проточенные в камне речные ложа. Горы, которые возвышаются средним числом до пяти сот метров между Таго и Гвадианою, представляют лишь менее разрушенные действием воды остатки древней горной массы: их называют Оретанскою цепью, или Толедскими горами. На границе Кастилии и Эстремадуры они образуют группу сиерра де-Гвадалупе, которая стала знаменита по своему, некогда часто посещавшемуся, месту богомолья и по чудотворной иконе Божией Матери, высоко чтимой эстременьосами и принявшими христианство индейцами испанской Америки. Западное продолжение этих гор, т.е. сиерра де-Сан-Педро, сливается в Лузитании с высотами Алентехо.

Другую, совершенно отдельную с геологической точки зрения, горную группу образуют холмы *кастро* де-Калатрава, на краю бывшего Ла-Манчского озера. Это группа потухших вулканов, занимающая по обе стороны Гвадианы, от востока к западу, пространство около 100 километров. Эти вулканы, как и большая часть огнедышащих гор, открывались около воды, на берегу внутреннего моря, замещенного ныне равнинами Ла-Манчи. Обширный цирк, открытый с восточной стороны, был окаймлен огнедышащими кратерами, из которых явились покрывающие теперь равнину трахиты, базальты и пепел, или *negrizales*. Единственным свидетельством внутренней деятельности служат теперь теплые воды, насыщенные углекислотою.

Различные высоты в бассейнах Таго и Гвадианы:

Церро де-Сан-Фелипе (Муэла-де-Сан-Хуан) 1.800 метр. Перевал железной дороги из Мадрида в Аликанте 710 метр. Виллуэркас (сиерра де-Толедо) 1.559 метр. Холмы кампо-де-Калатрава 695 метр.

Реки обеих Кастилий имеют гораздо меньшее географическое значение, чем можно было бы подумать при виде тех длинных извилистых линий, которые они описывают чрез большую половину полуострова. Уже одной высоты, на которой текут эти реки в своих верхних частях, и диких ущелий, чрез которые они прорываются к морю, достаточно, чтобы сделать невозможным всякое серьезное судоходство. Кроме того, количество падающей на их бассейны дождевой воды не настолько значительно, чтобы питать потоки, подобные рекам других стран Западной Европы. Влага дождевых ветров, задерживаемая Кантабрскими Пи-

ренеями, горами Галиции и гранитными массами Португалии и испанской Эстремадуры, осаждается почти вся на атлантических скатах гор, так что для кастильских плоскогорий её остается весьма незначительное количество. Вообще, дождь бывает в этих областях только в течение шестидесяти дней в году, и сумма дождей колеблется между пятою и десятою частью того количества, которое выпадает на наружном склоне гор. Сверх того, выпавшие дожди весьма деятельно испаряются от солнца и ветра: вся влага, полученная жаждавшею в летние месяцы землею, вскоре снова возвращается в атмосферу, и если главные реки еще и текут в это время года, то это только потому, что остаток зимних дождей продолжает выступать на поверхность посредством глубоких источников. Но сколько здесь высохших рек, сколько широких речных русл, на гальке и песке которых по целым месяцам не видно капли воды! Если бы дожди за целый год, вместо того, чтобы уходить в землю и выходить затем в виде ключей или быстро стекать по оврагам и речным руслам, разлились бы сплошною массою по плоскогорью, то они совершенно испарились бы в течение двух или трех месяцев; так, по крайней мере, думали прежние исследователи, хотя, по наблюдениям новейших метеорологов, сравнение это должно считаться несколько преувеличенным.

Количество дождя в Мадриде в 1868 г.: в год 0,231 м.; с апреля по август 0,085 м. Количество дождя в Саламанке в 1868 г.: в год 0,320 м.; с апреля по август 0,054 м. Количество дождя в Вальядолиде в 1868 г.: в год 0,545 м.; с апреля по август 0,109 м. Поверхностное испарение воды в Мадриде (12 лет наблюдения) с апреля по август 1,845 м. Среднее количество дождей в Мадриде (4 года наблюдения) с апреля по август 0,273 м.

Из трех больших рек—Дуэро, Таго и Гвадианы—последние две самые маловодные, так как они протекают по бассейну, который отделен от моря и его дождевых ветров дополнительным валом цепей Гвадарамы и Гредос. Но как ни маловодны в настоящее время эти реки, совершенная ими в доисторические времена геологическая работа—громадна. Выпив всю воду, стекающую с бывших озерных пространств плоскогорья, каждая из этих трех рек вступает в извилистую рытвину живой скалы и, спускаясь все ниже и ниже под террасы, вырывает себе полуподземное русло, чтобы пробраться в низкие равнины Португалии.

Так, Дуэро, усиленная уже всею широкою сетью своих притоков, каковы: Пизуэрга с Каррионом, Адаха, Эсла, вступает в узкую расщелину плоскогорья, которая, как препятствие к сношениям, натурально, сделалась границею двух соседних государств. Главнейший приток Дуэро, Тормес, питаемый снегами сиерры де-Гредос, Иельтес, Агведа, составляющая в нижнем своем течении границу Португалии, точно также текут в глубинах диких ущелий, которые можно было бы назвать «каньонами», как называются глубокия рытвины рек американского Запада. Те же явления представляет и Таго. Приняв в себя Альберч, сжатый между предгорьями сиерры де-Гредос и сиерры Альтамиры, река течет, то ровная как стекло, то стремясь удлиненными волнами, между тесными стенами, с обеих сторон которых выдаются соответственно углы и выступы; у самой границы, в Сальто дель-Гиганто, она низвергается с высоты 8 метров. Тиетар, Альмонт, Алагон, Эльхас, при соединении своем с главною рекою, текут точно также в узких желобах гранитной скалы. Что касается реки Гвадианы, то она прорывается чрез выходную «клюзу» плоскогорья уже на португальской территории.

Истоки и верхнее течение этой последней реки были предметом утрированных описаний, которые местные пастухи передают с такою гордостью, как будто их река единственная в мире. Тем не менее, гидрография верхней Гвадианы весьма любопытна. Первые воды бассейна родятся на юге плоскогорья Куницы, в тех местах с неопределенным наклоном, где ручьи еще блуждают и ищут себе пути: во многих местах довольно было бы одной плотины, чтобы отвести воды к западу, к Гвадиане, либо к востоку, к Хукару или Сегуре, либо даже к югу, к Гвадалимару или Гвадалквивиру. Местами на этой кровле встречаются даже временные лагуны стоячей солоноватой воды. Во всей Западной Европе Испания—единственная страна, представляющая подобное явление: это еще новое сходство её с африканским материком.

Два ручья могли бы претендовать по длине течения на честь дать свое имя этой реке—Зигуэла и Занкара, но они несут такое ничтожное количество воды, притом же высыхающей в летние жары, что началом настоящей реки по справедливости считались постоянные источники, называемые «глазами» (*ojes*, по-арабски *ain*) Гвадианы или Вильярубиа, чистые, отражающие небо воды которых совершенно естественно было жителям этих безводных стран сравнить с глазами, открывшимися, чтобы созерцать окружающую природу. Три группы этих источников дают воды до трех кубических метров в секунду. Такая значительная для плохо орошенной страны масса воды идет, очевидно, издалека и представляет сток обширного пространства. Общее мнение таково, что в виде «глаз» Гвадианы является прекрасный ручей Руидера, который течет из лагуны в лагуну чрез ряд порогов и живописных водопадов, с высот около 100 метров. Действительно, масса его воды почти такая же, общий склон почвы позволяет подземным водам принять направление этих источников. Руидеру часто называют Гвадиана-Альто (Верхней Гвадианой), как будто гипотеза о скрытом их сообщении неопровержима, между тем некоторые географы, как напр. Коэлло, сомневаются в том, чтобы верхний ручей достигал нижнего бассейна реки. Избыток его вод, после сильных дождей, стекает в Занкару по каменистому руслу, обыкновенно же одного испарения достаточно, чтобы исчерпать его целиком. Большой приток Гвадианы, Хабалов, орошающий кампо де-Калатрава, точно также питается обильными источниками, именно «глазами» Монтиеля.

Большая, сравнительно, сухость кастильских плоскогорий сообщает климату существенно континентальный характер. Главные ветры в Испании—те же самые, что и во всей Западной Европе; господствующий ток воздуха здесь, как и в Португалии, во Франции и в Англии, представляет влажный юго-западный ветер, которому эти страны и обязаны умеренною температурою в периоды холода и жара, и все-таки высокие бассейны Дуэро, Таго и Гвадианы представляют такую смену времен года и такия внезапные перемены температуры, что напоминают климаты африканских и азиатских пустынь. Зимние холода здесь бывают очень сильны, лета знойны, причем действительные их температуры еще более усиливаются в том или в другом направлении свободно дующими по большим горным равнинам ветрами. Зимою, *norte* (сиверка), пройдя над снегами и льдами Пиренеев, сиерры Урбион, Монкайо и Гвадарамы, свистит сквозь кустарники и проникает во все щели жалких крестьянских жилищ. Летом же южный ветер, страшный *solano*, иногда переходит через пролив и, врываясь на плоскогорье сквозь бреши Сиерры-Невады и Сиерры-Морены, давит природу тяжелою удушливой атмосферою, которая жжет растительность, раздражает животных и делает человека нервным и угрюмым. Под влиянием этих различных метеорологических причин, большая часть кастильских городов, типом которых можно считать Мадрид, имеют климат весьма неприятный, которого справедливо боятся иностранцы.

Средняя температура в Мадриде, по Гаррига, 14°,37 Ц. Высшая температура 40°Ц. низшая температура -10°Ц.

Воздух хотя чист, но обыкновенно слишком сух, слишком остр и резок, особенно зимою, отчего и сложилась известная поговорка: «Воздух в Мадриде не гасит свечи, но убивает человека!» Люди слабонервные и слабогрудые сильно страдают от такого свойства атмосферы и в первое время акклиматизации подвергаются серьезным опасностям. «Три месяца зимы и девять месяцев ада», говорит другая поговорка, указывающая на подавляющий летний зной. Говорят, правда, что во времена Карла Пятого Мадрид пользовался превосходным климатом: быть может, потому, что тогда еще равнина была покрыта богатыми лесами, но, быть может, такая репутация была делом низкой лести властелину, который выбрал этот город своей резиденциею.

Разнообразие растений между самыми низкими частями плоскогорий и вершинами господствующих над ними гор—весьма велико, но общий вид флоры представляет чрезвычайное однообразие. Число растений, способных выносить сильный холод и сильный жар, конечно, ограниченно; но вследствие отсутствия влажности и вследствие сухости климата

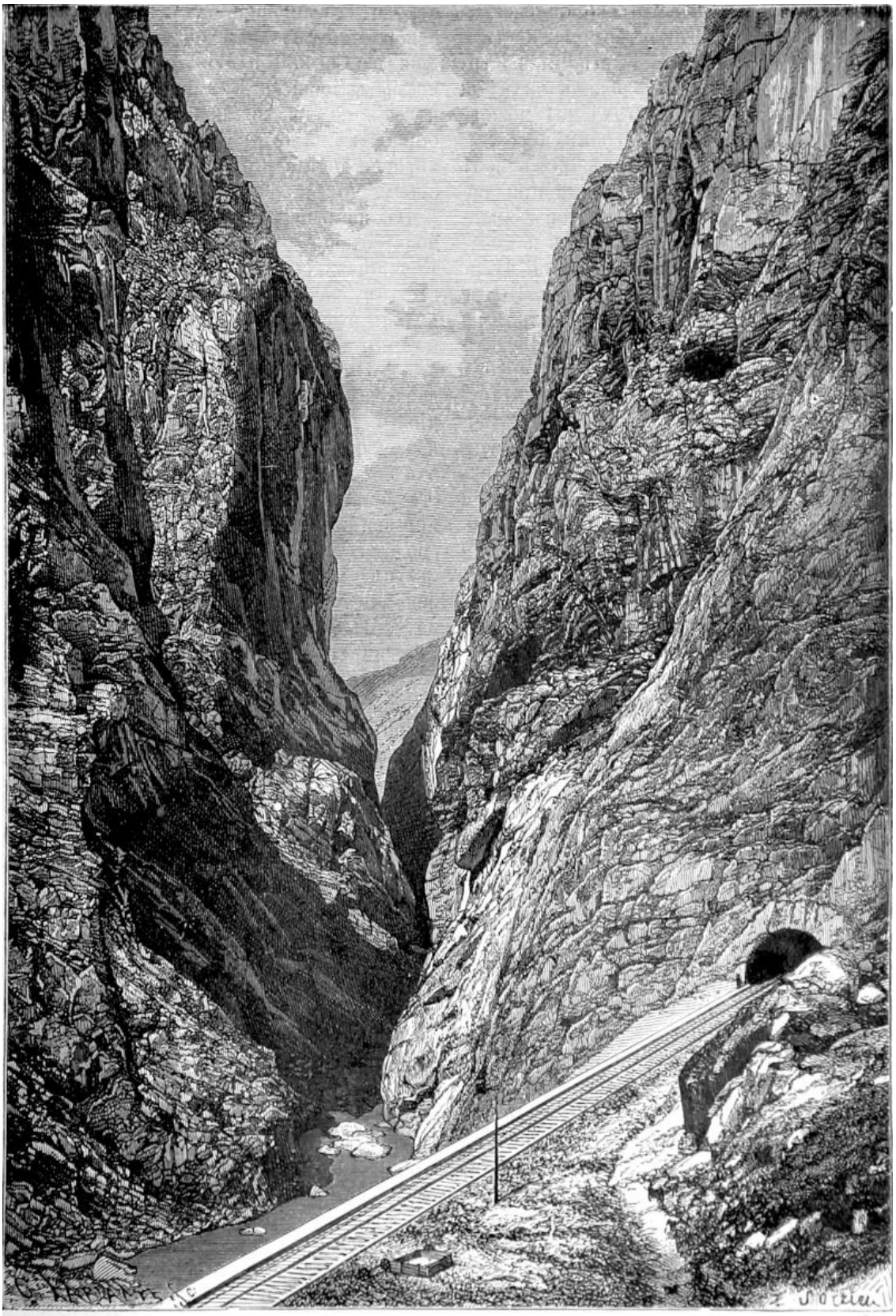
Кастилии, растительность, по необходимости, должна чахнуть; поэтому в некоторых округах вы можете пройти десятки и сотни километров, не заметив видимой перемены во внешнем виде страны. Господствующими растениями, придающими природе свой однообразный тон, являются большею частию низкие растения и полукустарники. Заросли верхнего бассейна Дуэро и плоскогорий, идущих к востоку от Таго и Гвадианы, состоят преимущественно из тимьяна, лавенды, розмарина, иссопа и других ароматических растений; на южном склоне Кантабрских гор преобладают над другими породами верески с розовыми цветочками; обширные пространства на высоких верхах гор Куэнцы поросли испанским дроком с цепкими жилками, а скалы соляных формаций окрестностей Альбацетты населены солянками. Эти места, называемые часто кастильскими степями, заслуживали бы скорее названия пустынь, так как вследствие свойств почвы и незначительного количества дождей страна остается в своей первобытной наготе. Степь эта, местами совершенно горизонтальная, местами однообразно волнистая, тянется в виде обширных безлесных пространств, краснобурого цвета—на триасовых породах, и серого или белаго—на гипсовых формациях. Вокруг местечка Сан-Клементо, на протяжении нескольких миль, не видно ни ручья, ни источника, ни деревца. К западу степь продолжается нескончаемыми равнинами Ла-Манчи, «изсушенной земли», как ее называли арабы; хлебные поля, виноградники и пажити перемешиваются здесь с порослями исполинского чертополоха, из-за которых едва виднеются ветряные мельницы; возделанные местности Ла-Манчи часто посещаются грозами и саранчей. Эстремадура и склоны Сиерры-Морены одеты главным образом различными породами ладонников: с некоторых гор на всем горизонте не видно ничего, кроме ковра *jarales*, то синевато-зеленого, то бурого цвета, смотря по времени года; весною земля блистает белыми цветами, как недавно выпавшим снегом.

Что касается деревьев, то леса их, или, скорее, реденькия рощи, заметны только на горных склонах. В нижнем поясе встречаются каштаны и в особенности дубы: дубы *tauzens*, пробковые, малорослые, дубы с двойными желудями и других пород,—составляющие остатки древних лесов страны. Выше, до предела древесной растительности, растут сосны различных видов, из которых один встречается только в центре Европы и в Сибири; они составляют еще обширные леса на буграх плоскогорья Куэнцы. Обширные пространства сыпучего песку, простирающиеся к северу от Гвадарамской цепи, в провинциях Авиле, Сеговии и Вальядолиде, точно также покрыты соснами. Земли эти, похожия на французские ланды, не поддаются легко никакой обработке, кроме разведения сосны,—дерева, которое доставляет по крайней мере дрова и смолу.

В покрывающих горы остатках лесов водятся еще дикие звери. На южном склоне Кантабрских гор и в сиерра Деманде лет сто тому назад были многочисленны медведи; волки, рыси, дикия кошки и лисицы водятся вдали от человеческого жилья, в зарослях Гвадарамы, Гредоса и Гата; здесь встречаются даже каменные бараны, или муфлоны. Охотники стреляют здесь также оленя, лань, зайца и всякую мелкую дичь Западной Европы. Кабан водится в дубовых лесах, где он достигает удивительного роста и силы; домашняя свинья, почти такая же дикая, как и её сродник, и нередко водимая оборванным пастухом, напоминающим древних дикарей, оспаривает желуди у свободного еще животного. В былое время, после торжества христиан над магометанами, считалось весьма похвальным держать большие стада свиней. Путешественник, странствующий вдали от городов в провинциях Леоне, Вальядолиде и верхней Эстремадуре, может убедиться, что старинное поверье не исчезло еще и теперь, так как на опушках дубовых лесов он встретит часто целые орды свиней, имеющих не особенно успокоительный вид. Черные свиньи из окрестностей Трухильо и Монтанчеза славятся во всей Испании за их превосходные окорока, доставляемые на рынки полуострова.

Обширность пастбищ сделала пастушеский труд главным занятием населения Кастилий, и, естественно, разведение овец и крупного скота увеличило пространство пастбищ в ущерб лесам и обработанным землям. Некоторые местности обеих Кастилий удивительно удобны для возделывания хлебных растений, и в среднем дают весьма обильные урожаи. Такова, в

бассейне Дуэро, Тиерра де-Кампос, в которой текут Каррион и Ппзуэрга, и которые оплодотворяются, посредством капиллярности, водами подземного озера, разстилающагося на небольшой глубине под поверхностью; таковы также *mesa* в Окане и других округах верхних



Ущелье Лосъ-Гайтаносъ.

бассейнов Таго и Гвадианы, которые только кажутся сухими, а на самом деле питаются скрытою влажностью. На бесплодных каменистых землях, виноградная лоза, умело культивируемая, могла бы давать превосходные продукты; даже предоставленная почти единствен-

но заботам матери-природы, она дает вино прекрасного качества. Тем более можно то же сказать о маслине, составляющей богатство кампо де-Калатрава. Поэтому, земледелие, вместе с восстановлением лесов, представляет для жителей Кастилий верные выгоды: но материальная и духовная леность, господство рутины, существование более или менее видоизменных феодальных обычаев, а иногда и производимое долгими засухами уныние—поддерживали старинный порядок кочевой жизни, почему обширные пространства превосходных земель, которые могли бы поддерживать существование сотен тысяч земледельцев, служат не более как простыми пастбищами; они оживляются стадами только на один сезон, а затем до следующего года остаются угрюмыми пустынями.

Большая часть стад мериносов, состоящих каждое из десятка тысяч годов, подразделяющихся на группы от 1.000 до 1.200 животных, проходят для прокормления около половины всей Испании. Этот отряд овец направляет от стоянки до стоянки *mayoral*, имеющий, в качестве помощников, столько *rabadanes*, сколько отдельных стад, и каждый *rabadan* начальствует, в свою очередь, над небольшою группою подчиненных. Лучшие пастухи, говорят,—в округе Балия, в провинции Леоне, где и животные отличаются самою тонкою шерстью. В начале апреля мериносы оставляют пастбища Андалузии, Ла-Манчи или Эстремадуры и поднимаются на север, идя чрез страну широкою полосою, по которой пыль подымается густыми тучами. Ширина дороги, которую могут занимать овцы при своем странствии на горные выгоны, определена законом в 80 метров, но животные беспрестанно сбиваются то направо, то налево, в особенности при ночных привалах. Лето одни стада проводят в горах Сеговии, Авилы, Пуэрто-де-Баньос, другие идут до плоскогорья Куэнцы, до Монкайо, Урбиона и Кантабрских гор; а затем, в конце сентября, путешествие начинается снова, и скот направляется обратно в «крайнюю» страну, т.е. Эстремадуру. Не считая неизбежных поворотов дороги и беспрестанных перемещений на месте пастьбы, пространство, проходимое ежегодно некоторыми стадами, составляет больше тысячи километров. Целая территория, можно сказать, предоставляется опустошениям барана, животного, которое один экономист называет «свирепым» по преимуществу. Прежде оно было еще опаснее, потому что все четыре или пять миллионов овец принадлежали одной могущественной корпорации *mesta*, располагавшей с седьмого века истинно королевскою властью. Большие княжеские дома и религиозные общества, соединявшиеся для общего пользования пастбищами Испании, присвоили себе чрезвычайные привилегии, злоупотребляя ими до того, что запрещали распахивание земли. Их пастухи создавали пред собою пустыню. Только в 1836 г. была отменена *mesta*, и собственники *estremenos* снова получили право возделывать свои земли или оставлять их под выгон с большею для себя выгодою.

Несмотря, однако, на все выгоды, предоставленные пастушеской промышленности природою и обычаями, породы животных вырождались. Испания, которая в средине восемнадцатого века доставляла остальной Европе прекраснейших мериносов, кончила тем, что сама должна была ввозить заграничные породы для подновления своего овечьего хозяйства. Точно также и лошаки, которые по силе и верности шага почти необходимы на каменистых и горных дорогах Кастилий, происходят не исключительно из провинции Леона и Андалузии, а большею частию приводятся из Франции, главным образом от заводчиков Пуату, которые содержат в своих стойлах чистокровных производителей. Что касается введенных в Испании экзотических животных, верблюда, ламы, кенгуру, то число их никогда не было так значительно, чтобы сказать, что они акклиматизировались на почве полуострова. По своей как домашней, так и дикой фауне, равно как и по культурным и растущим на свободе растениям, кастильские плоскогорья сохраняют тот же характер однообразия, какой они имеют по своему общему рельефу и геологическому виду.

Сами жители замечательно походят на населяемую ими землю. Люди в Леоне и Кастилиях важны, кратки в разговоре, величественны в походке, ровны в расположении духа: даже веселясь, они всегда держат себя с достоинством, и те из них, кто сохраняет предания доброй старины, до самых малейших движений держатся стеснительного и монотонного этикета. А

между тем они любят в свое время и повеселиться, и манчегосы, т.е. жители Ла-Манчи, приводятся в пример особенной живости танца и веселой звучности песни. Кастилец, хоть он и равнодушен, но гордец из гордецов. «*Yo soy Castellano!*»—(«я кастилец!»)—Это слово—для него заменяло всякую клятву: требовать больше—значило оскорбить его. Он не признает никого выше себя, но в то же время уважает гордость своего ближнего и оказывает ему всякую вежливость, должную равному. Слово *hombre* (человек), которым кастильцы, а по их примеру и все испанцы, называют друг друга в разговоре, не выражает ни подчиненности, ни превосходства, и произносится всегда гордым и полным достоинства тоном, как подобает между людьми равными. Все иностранцы, которые попадают в толпу в Мадриде или в каком-нибудь другом городе Кастилий в первый раз, удивляются той естественной непринужденности, с которою разговаривают между собой богатые и бедные, франты и оборванцы, без спеси с одной стороны и без унижения—с другой. В подтверждение этих нравов равенства, можно привести маленький городок Казар, недалеко от Касереса, где недавно еще существовал обычай, подобного которому не представляет ни одна европейская страна. Жители его, в числе около 5.000, все совершенно равные по достоинству, общественному положению и званию, с величайшею заботою следили, чтобы это равенство никогда не нарушалось каким-нибудь внешним знаком почестей и отличий.

Хотя кастильцы, благодаря своему стойкому мужеству и центральному положению их страны, сделались хозяевами над остальною Испанией, тем не менее, по странному противоречию, они не господствуют более в столице государства. Мадрид, этот центр притяжения всего полуострова, представляет кастильский город только с географической точки зрения, а говорят в нем всего громче не туземцы. В нем встречаются массами галицийцы и кантабрийцы, аррагонцы и каталонцы, жители Мурции и Валенции, и наконец андалузцы, которые всех более заметны по своим жестам, одушевлению и блестящему красноречию. Только их и видно и слышно, и поэтому их иногда принимают за истинных представителей испанского характера и таким образом рискуют наделать в своих суждениях большие промахи. Эти люди юга во многих отношениях составляют полный контраст со своими соседями-северянами. Если они и не имеют всех качеств кастильцев относительно силы и достоинства характера, то их нельзя упрекнуть и в вялости и апатичности.

Наводнение Мадрида и Кастилий провинциалами всей Испании происходило не только вследствие административной, политической и торговой централизации, но также вследствие редкости жителей на плоскогорье Кастилий. Население представляет пробелы, которые только и могут пополнять эмигранты из более богатых людьми местностей. Кастильянцы не способны сами пользоваться богатствами своей страны, а потому должны допустить к поселению среди себя колонистов. Вообще, можно сказать, что галицийцы, баски и каталонцы с Пиреней и Балеарских островов занимаются в Мадриде материальным делом, между тем как южане заняты преимущественно умственным трудом. Самих же кастильцев не хватило бы ни на то, ни на другое. Рост населения плоскогорий должны были останавливать уже, как мы видели, сравнительная суровость климата и скудость почвы, но к этим естественным причинам присоединяются еще и другия—исторические. Нет сомнения, что если бы жителям Кастилий не пришлось переносить тот экономический и политический порядок, которому они были подчинены, то они бы лучше утилизировали богатые земли, орошаемые Дуэро, Таго и Гвадианою. Если плотность населения в некоторых кастильских провинциях едва равняется 13 человекам на квадратный километр, то в этом надо винить не землю, а человека.

Хотя у историков мы не находим точной статистики относительно прошлого Испании, но некоторые, переданные писателями, документы дают возможность утверждать, что область кастильских плоскогорий была прежде гораздо населеннее, чем ныне. Долина Таго и равнины Гвадианы были покрыты городами, которые теперь обратились в местечки; река эта была судоходна от моря до Толедо, потому ли, что несла более значительное количество воды, или потому, что лучше содержались её ложе и берега. Эстремадура, которая ныне составляет

одну из самых пустынных провинций Испании, и которая, по отношению к своему протяжению, кормит наименьшее количество людей и кормит их наиболее скудно, во времена римлян была населена весьма густо: в ней находился самый значительный на полуострове город, колония Августа-Эмерита. Во время господства мавров страна эта продолжала занимать одно из первых мест между областями Иберии; её плодородные равнины, которые теперь почти бесполезны для человека, отличались тогда изобилием плодов земных.

Никто не сомневается, что одною из великих причин запустения центральных провинций Испании и особенно Эстремадуры было истребление и изгнание мавров; но, кроме общих для полуострова причин упадка, были и причины частные, способствовавшие обезлюднению плоскогорий. Многочисленность замков (*castillos*), сообщивших свое имя центральным провинциям, необезпеченность труда, захват земли крупными королевскими вассалами, религиозные общества и военные ордена каковы: Алькантара, Калатрава и другие, имели роковым последствием отвращение земледельца к своему делу и удаление его от земли: поля запустели, нищета стала всеобщею, города и деревни обезлюдели. Впоследствии же, когда Кортец, Писарро и другие конквистадоры, уроженцы Эстремадуры, совершили свои удивительные подвиги в Новом Свете, за ними увлеклась вся отважная молодежь страны. Воображение разгорелось, жителями овладел общий дух авантюризма, к мирному занятию земледелием стали относиться с презрением, и тысячи людей, которые не могли отправиться в Америку, шли искать счастья в города и в войско. Естественным последствием этой эмиграции было то, что обширные пространства в стране оказались обратившимися в пастбища, которыми завладели крупные владельцы скота, и сорок тысяч пастухов, постоянно странствующих и вечно остававшихся холостяками, из поколения в поколение отвлекались от полевой работы и от возобновления семей. Таким образом, быть может, лучшие из всех испанцев, *Estremenos* (жители Эстремадуры) превратились, как их называют, в *los Indios de la nacion* (бродяг).

Уменьшаясь в числе, население плоскогорий теряло и в приобретенном им умственном развитии; бывши в некоторых промыслах учителем Европы, оно стало не в состоянии даже и подражать ей. Наибольший упадок торговли и промышленности из всех частей Испании, после Эстремадуры, совершился в королевстве Леон и Старой Кастилии, где население быстрее всех возвратилось к первобытному варварству. Все эти местности, из которых движение, естественно, должно было бы направляться к Лиссабону, политической границею отрезаны от сообщения с Атлантическим океаном, куда впадают реки. Некоторые округа Новой Кастилии, как например, Толедо, конечно, также пали очень низко, но самый печальный упадок оказался в долине Дуэро, именно там, где установилось могущество христианской Испании. Область, занимающая северный склон сиерры Гвадарамы, три века тому назад, была богатейшею в мануфактурном отношении на всем полуострове; шерстяные изделия и сукно Авилы, Медины-дель-Кампо и Сеговии пользовались известностию во всей Европе; фабрики одного только последнего из этих городов давали занятие 34.000 рабочих; Бургос и Аранда-дель-Дуэро были городами с весьма оживленною торговлею и промышленностью; в Медине де-Рио-Секо были столь важные по своим оборотам ярмарки, что ее называли «Маленькою Лидиею», *India Chica*. Но под тяготевшим над ними гнетом духовных трибуналов, казны и крупной собственности, жители верхних равнин Дуэро утратили всякую инициативу и сделались совершенно неспособными бороться с иностранною конкурренциею. Таким образом, те местности Испании, откуда не приходилось изгонять мавров, обеднели еще гораздо больше, чем округа, наиболее промышленные, жители которых изгонялись толпами: целые деревни исчезли, и от больших и недавно богатых городов, как Бургос, «оставалось только одно имя», как говорит один писатель семнадцатого века. За отсутствием евреев, подбирать оставшиеся в разоренной стране крохи явились каталонцы. Для объяснения общего упадка надо прибавить еще, что местной промышленности должны были наносить чрезвычайный вред отсутствие сообщений и недостаток в топливе, тем более, что жизнь стремилась все сильнее и сильнее с одной стороны к столице, с другой—к торговым городам побережья, находящимся в сношениях с заграницею.

Обезлюднение и материальный упадок были бы еще полбедой, если бы не сопровождались прогрессивным отупением жителей. Знаменитый Саламанкский университет и другие школы сделались мало-по-малу коллегиями умственной порчи. Еще накануне французской революции профессора «Матери наук» отказывались говорить о тяготении небесных светил и кровообращении; открытия Ньютона и Гарвея считались редкими, слыхавшими о них, кастильскими «учеными»—ужаснейшею ересью; они во всем держались системы Аристотеля, «как единственно согласной с откровением». Испанец Торрес рассказывает, что, проучившись в Саламанке пять лет, он совершенно случайно узнал, что существует отрасль наук, называющаяся математикой. Если таково было состояние университетов, то можно судить о том глубоком невежестве, в котором коснели жители глухих местностей, куда путешественник никогда не заносил отголоска далекого мира!

Именно в провинции Саламанке, всего в каких-нибудь шестидесяти километрах от этого «средоточия» знаний, среди дикой долины Батуэкас, под скалами Пенья-де-Франсиа, живет еще население, слывущее «диким», которое, как говорят, очевидно, ошибочно, не знает даже времен года. Недавно еще об этом народце рассказывали разные легенды: так, говорили, что они до новейшаго времени были вовсе неизвестны своим соседям и были открыты нечаянно двумя бежавшими любовниками. Но старинные грамоты установляют несомненно тот факт, что с конца одиннадцатого века батуэки были данниками одной соседней церкви, а впоследствии принадлежали монастырю, построенному в той же долине; тем не менее, если верить рассказам путешественников, жители долины не знали даже, какого они вероисповедания. Далее к югу, округ де-лас-Гурд, на восточном склоне сиерры де-Гаты, почти так же недоступный, как и округ батуэков, населен тоже крестьянами, обратившимися в состояние какого-то одичания.

Впрочем, во всех гористых и удаленных от больших дорог местностях Кастилий сохраняется население, если не варварское, то, во всяком случае, живущее далеко вне того, что называется новою цивилизациею. Для примера можно привести *charros* в Саламанке и особенно знаменитых *maragatos* в Асторгских горах; это—большею частию погонщики мулов, извозчики, вожаки скота, чрез руки которых проходит значительная часть испанской торговли. Они брачатся только между собою, и вероятно не без основания считаются потомками какого-то древнего иберийского народца: между тем, по какой-то странной игре слов, из них хотели сделать «мавроготов», т.е. визиготов, которые слились-де с маврами и усвоили их нравы. Они ничем не напоминают мусульман. Их старинное одеяние вовсе не мавританское. Мавроготы носят широкие штаны, суконные штиблеты, подвязанные выше колен, короткую и узкую куртку, кожаный пояс, оттопыренную фрезу вокруг шеи и войлочную шляпу с широкими полями. В большинстве они высокого роста и крепкого телосложения, но сухопары и угловаты. Почти всегда молчаливые, они не смеются и не поют дорогою, погоняя своих вьючных животных. Их трудно рассердить, но, раз выведенные из терпения, они становятся свирепы. Честность их абсолютна: им можно без опасения поверить самые драгоценные вещи—и они доставят их вам с одного конца Испании на другой, и будут защищать их от всякого нападения, потому что они храбры и владеют оружием с замечательною ловкостью. Мужчины странствуют по большим дорогам, женщины же обрабатывают землю; но почва там суха, камениста и дает скудные урожаи.

Несмотря на необыкновенную оригинальность Кастилий и их населения, там замечается, как и во всей остальной Испании, одно явление, совершающееся хотя медленно, но непрерывно: это уравнение людей и вещей. Под влиянием исторической среды, кастильцы севера и юга, земель гористых и ровных, становятся все более и более похожими на других испанцев, точно так же, как последние приближаются к остальным европейцам. Богатства страны, известные лучше иностранцам, чем местным жителям, извлекаются теперь серьезнее, промышленность возрождается, но в других местах и в новой форме, смотря по местам сбыта, представляемым железными дорогами, по изменяющимся потребностям человека и по изобретаемым им способам производства. Поэтому и население распределяется сообразно новым

законам их группировки, при чем центрами притяжения служат уже не те города, что прежде.

Благодаря историческим превратностям и в особенности непрерывному состоянию войны, в котором жила Испания со времен мавров, многие города Кастилии имели временную честь носить титул столицы. Последовательность этапов в движениях завоевания или поражения, а иногда каприз короля, раздел его владений между несколькими сыновьями;—таковы были причины, доставлявшие многим провинциальным городам Леона и Кастилий временное первенство и обеспечивавшие им место в летописях страны.

Древняя Нуманция, прославившаяся своим геройским сопротивлением римским легионам, не существует более; неизвестно даже, представляют ли собою развалины, находящиеся в нескольких километрах от скучного города Сориа, бывшего лена Дюгесклена, остатки тех самых стен, которые были разрушены Сципионом Африканским. Но немало есть весьма древних городов, сохранивших некоторое значение до настоящего времени. Таков, например, Леон, столица одного из бывших испанских королевств, главная квартира одного римского легиона (*septima gemina*), испорченное название (*Legio*) которого послужило поводом к помещению в гербе города львов. Это первый значительный город, отвоеванный христианами у мавров; его стена, в которой некоторые ряды камней состоят частию из крапленого мрамора, на-половину разрушена, а собор его один из лучших памятников церковного зодчества на всем полуострове, был, к сожалению, реставрирован без всякого соображения с первоначальным планом, и превращен в куб довольно массивных форм. Асторга, «великолепный город», Астурика Августа римских времен, находится в большем упадке, чем Леон, между тем как другой его соперник, Палланция, ныне Паленсия, пользуется некоторым благосостоянием, благодаря своему счастливому положению при узле плодородных долин и нескольких торговых дорог. Главный памятник его, как в Асторге и Леоне, пышный средневековой собор; но самый город обновляется, благодаря выгодам, доставляемым ему разветвлением железных дорог во всех направлениях. Паленсия и соседняя станция, Вента-де-Баньос, находятся как раз в том месте, где главная линия Мадридской дороги выделяет из себя ветви в Галицию и Астурию, Сантандер, Бильбао, Ирэн и во Францию. Здесь же сливаются различные реки, которые образуют Писуэргу и своими обильными водами двигают машины многих шерстяных фабрик.

Бургос, сохранивший некоторое первенство, как бывшая столица Старой Кастилии, находится в большом упадке по сравнению с прошлым блеском: в нем нет и пятой части прежнего населения; его улицы и площади почти пусты, и толпа, которая в известные часы теснится перед церквами и отелями или на вокзале железной дороги, состоит частию из нищих. Но Бургос, все еще горделивый, показывает с гордостию свои здания, свою главную площадь, «Plaza Mayor», бывшую свидетелем стольких аутодафэ, свою сторожевую башню и в особенности свой собор, готический памятник тринадцатого века, который имеет немного соперников в Европе по скульптурной отделке и по легкости шпицев и колоколенок. В этой, вычеканенной, как драгоценная игрушка, церкви, много реликвий: особенно знаменит Христос, одетый частию человеческою кожею, обагренной кровью; здесь можно видеть также знаменитый ларец, который Сид дал в залог евреям, наполнив его песком и «золотом своего слова». Бургос, благородный из благородных, хвалится тем, что он обладает прахом Сида Кампеадора, который, по легенде, родился неподалеку отсюда, в деревне Бивар. Исторические монастыри его окрестностей, Картуха-де-Мирафлорес, Сан-Пердо-де-Кардена, лас-Гуэльгас, представляют собою здания, которые хотя и потеряли большую часть своих сокровищ искусства, но остаются весьма интересны по своим архитектурным деталям.

Вальядолид, бывший временно столицею всей Испании, расположен гораздо лучше Бургоса. Находясь ниже последнего на 180 метров, он пользуется лучшим климатом и стоит в той самой равнине, где верхний Дуэро соединяется со всеми восточными реками бассейна, Сегою, Адахою. Писуэргою с Арланцоном, Каррионом и Эсгуэвою. Вальядолид, древний Бе-

лад-Уалид, хотя также оживлен до некоторой степени, но во всяком случае, меньше чем в те времена, когда он был населен арабами; в нем много фабрик, устроенных каталонцами, и есть даже университет. Впрочем, «благородный» Вальядолид имеет, как и Бургос, интересные памятники и исторические воспоминания. В нем показывают дом, в котором умер Колумб; дом, в котором жил Сервантес; богатый фасад монастыря Сан-Пабло, где жил монах Торквемада, который, говорят, произнес более ста тысяч обвинительных приговоров и погубил огнем или железом восемь тысяч еретиков. В окрестностях Вальядолида, неподалеку от слиянии Дуэро с Писуэргою, возвышается замок Симанкас, драгоценное хранилище испанских архивов.

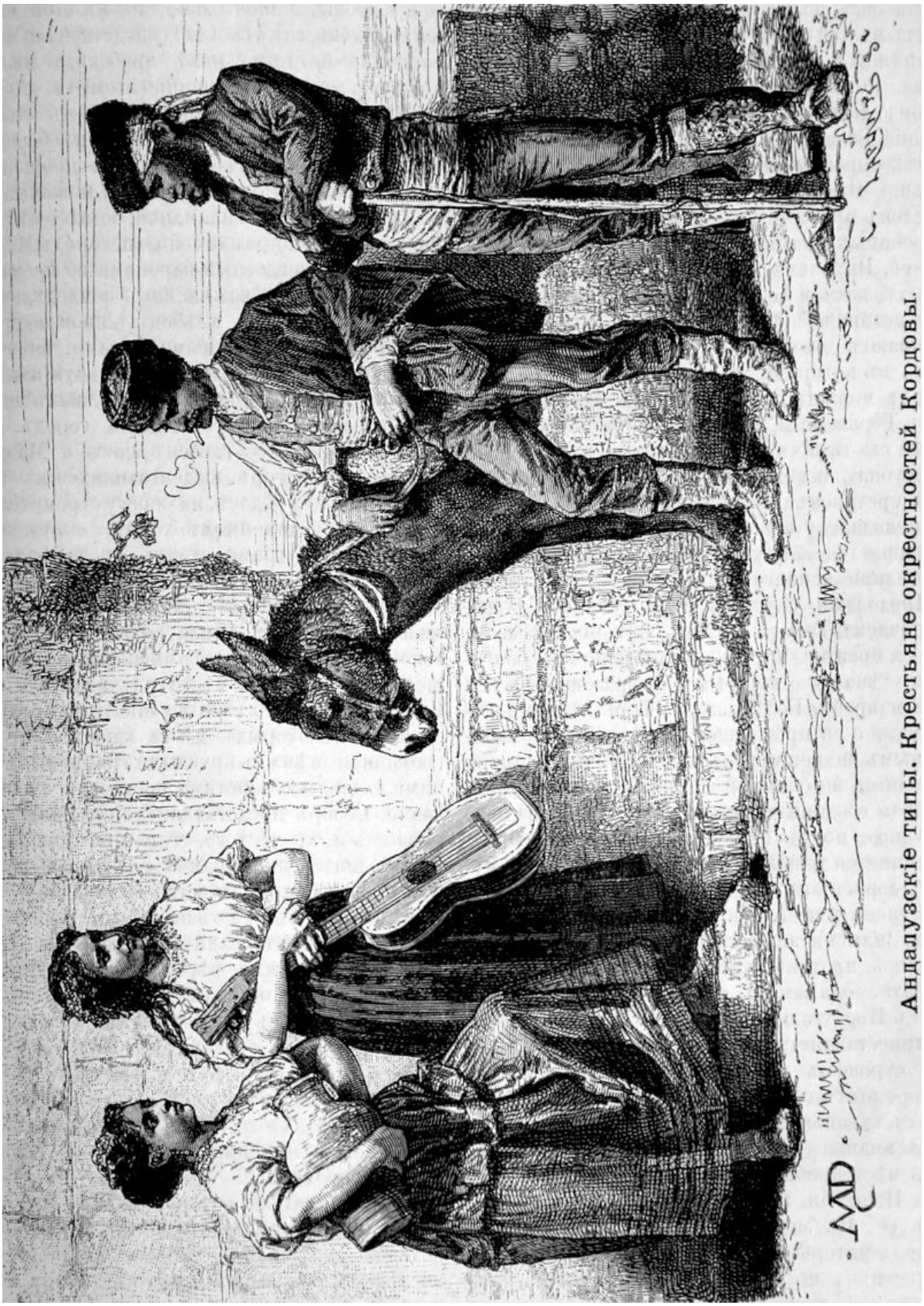
Продолжая спускаться по течению Дуэро, встречаем Торо, а затем Замору, называвшуюся прежде «хорошо огражденною», благодаря стенам, о которые долго разбивалась вся сила мавров. Более знаменитая песнями *romancero* о её прошедшей славе, чем промышленным значением в новой Испании, Замора находится на большой железнодорожной линии, которая соединит город Порто с западною Европою, но с португальскою границею она соединяется только дорогами для езды на мулах; дороги эти извиваются по бокам горных выступов и по каменистым ущельям потоков. Знаменитая Саламанка, расположенная на Тормесе, против передних выступов сиерры де-Гата, обладала не лучшими путями сообщения с Португалиею: природа с этой стороны противоставляет людским сношениям еще всю суровость своего первобытного рельефа. Теперь этот город соединен железной дорогою с гаванью Монбего.

Саламанка (древняя Сальмантика римлян), как местопребывание университета, наследовала Паленсии; роман «Жиль-Блаз» прославил ее. В эпоху Возрождения она была не только «матерью всех добродетелей, наук и искусств», но и «маленьким кастильским Римом», и, можно сказать, она заслуживает еще этого последнего прозвания по своему великолепному мосту из семнадцати арок, воздвигнутому Траяном, и по прекрасным зданиям пятнадцатого и шестнадцатого веков, которые отличаются редким изяществом. Что касается умственного превосходства, то Саламанка не имеет уже права претендовать на него с тех пор, как она, привязавшись упрямо к преданиям прошедшего, отстала от своих университетских соперников остальной Европы. Удивительно, что в этой стране кастильцев, где некогда господствовали мавры, сохранилось так мало арабских названий деревень и городов; причина этому та, что победители-христиане с остервенением жгли и разрушали убежища неверных; все было уничтожено, не исключая и памяти прошлого, и старые названия были заменены новыми.

К востоку от Саламанки, богатое местечко Аревало и некогда знаменитый город Медина-дель-Кампо, сожженый баронами во время войны с общинами, важны как земледельческие рынки для сбыта хлебов, производимых плодородными окрестными полями; впрочем, Медина приобретает исключительную важность как узел схождения пяти железных дорог; относительно путей сообщения город этот так же хорошо обставлен, как и Мадрид. Южнее, среди гор, выдвигающихся к северу от сиерры де-Гредос, на берегу стремительной Адахи, на уединенном холме, окруженном гранитными буграми, стоит город Авила, который гораздо любопытнее всех городов хлебородной равши ны ,с их невзрачными домами из битой глины. Авила, родина св. Терезы, и теперь еще представляет нисколько не изменившееся укрепленное место пятнадцатого века. Стены старинного города удивительно сохранились; с некоторых мест кажется, что эта громадная стена с круглыми гранитными башнями и девятью воротами построена очень недавно. Собор представляет также настоящую крепость и, кроме того, чудо архитектуры; он весь полон вещами самой тончайшей работы. Эти произведения искусства составляют странный контраст с изваяниями животных, высеченными из гранита грубыми мастерами, принадлежавшими, вероятно, к древним первобытным племенам. Этих изваяний существует много в окрестностях Авилы, где называют их «быками Гвизандо», по имени одной деревни в сиерре де-Гредос, в которой они встречаются часто. Соблюдая какое-то предание своих предков, кастильянцы приходили сюда принимать присягу на верность своим королям.

Сеговия, жители которой пользуются репутацией «людей рассудительных», имеет некото-

рое сходство с Авилою. Подобно этой последней, она расположена в непосредственном соседстве с горами, близ одного притока Дуэро. Построенная некогда Геркулесом, как говорит легенда, она все еще имеет вид неприступной крепости. Опоясанная стенами с башнями, она



Андалузскіе типы. Крестьяне окрестностей Кордовы.

высится на крутом утесе, который, по словам местных жителей, имеет форму корабля, обращенного кормой к востоку, а носом—к западу. Спереди корабля, над слиянием Кламореса с Эрезмою, возвышаются остатки мавританского Альказара, с большою четырехугольною

башнею, усаженною башенками; собор же, расположенный в центре города, изображает мачту. Для продолжения этого морского сравнения, можно было бы сказать, что великолепный римский водопровод с двойным рядом арок, несущий в Сеговию чистую воду с сиерры Гвадарамы, представляет мост, перекинутый с берега к кораблю. Это лучший памятник своего рода, какой только завоеватели Иберии оставили после себя на полуострове. Другие замечательные сооружения в окрестностях Сеговии, на первых лесистых склонах сиерры,—королевские дворцы Сан-Ильдефонсо, или Гранха, один из мадридских Версалей; постройки здесь не красивы, но окружены великолепными парками, где живые воды текут и бьют ключом в изобилии.

К югу от поперечной стены, образуемой сиеррами Гвадарама, Гредос и Гата, самый знаменитый в истории город—Толедо, древний Толетум, *Ciudad Imperial*, «мать городов», которую знаменитейший из её сынов, Хаун де-Падилья, называл «венцом Испании и светочем мира». Он построен еще задолго до того времени, говорит легенда, когда Геркулес проходил здесь, идя основывать Сеговию, и потом королями у него была целая династия героев и полубогов. Подобно Риму, он имел свой цирк, свой акведук и был построен, конечно, на семи холмах, которые узнают, более или менее сбивчиво, в буграх под покрывающими их памятниками. Но, независимо от приписываемых ему национальными историками фиктивных достоинств, Толедо отличается действительною красотою, которую придают ему его положение, на красноватом выступе горы, у подножия которого протекает Таго, его древние стены, ворота, башни и здания как мусульманской эпохи, так и христианских веков, содержимые в плачевном виде. Его собор, дворец примаса Испании и монастырь Сан-Хуан де-лос-Рейес ослепляют своим богатством, которое так резко контрастирует с бедностью окружающих домов. Город, который во времена мавров, говорят, вмещал до 200.000 жит., теперь в большом упадке; в ту эпоху его школы были «разсадником знания», и его мастерские давали лучшие изделия промышленности. Известно, что сталось с фабрикациею оружия с тех пор, как мастерские вольных мастеров были заменены правительственным оружейным заводом, а клинки стали носить казенное клеймо. Многие окрестные, прежде весьма многолюдные, города представляют теперь только развалины. Исчезли даже остатки древнего дворца визиготских королей, и только случайно, в 1858 г., открыт был в Фуэнтэ Гварразане, под неровными бороздами одного поля, погреб, в котором висели девять королевских корон любопытной работы: они перевезены в Париж. В Толедо говорят на лучшем кастильском наречии.

Ниже Толедо, по течению Таго, с которым соединяется Альберч, находится Талаверо дела-Рейна, соединяющаяся с левым берегом реки посредством моста в 400 метров: город сохранил некоторые остатки своей шелковой и фаянсовой промышленности. Далее к низу, Пуэнте-дель-Арзобиспо и другие прибрежные города по Таго представляют лишь незначительные местечки. Трехсотлетний мост Альмараз, который перекинут через реку двумя арками на головокружительной высоте, удален от всякого людного города. Знаменитый мост Алконетар, чрез который шла когда-то римская дорога из Эмериты в Сальмантику и который, говорят, был построен на тридцати арках белого мрамора, уже не существует:—от него остались только слабые следы. Алькантара, что значит по-арабски собственно «мост», который перекинут через Таго недалеко от португальской границы, представляет образцовое произведение среди римских построек в Испании: имя архитектора, построившего мост, как гласит надпись, «с божественным искусством», было испанское—Лацер. Мост был окончен в 105 г., в царствование Траяна и реставрирован в 1543 г.; в последнее полустолетие он представлял из себя не более как развалины; недавно он снова восстановлен. С высоты его шести арок, над которыми в самой середине возвышается триумфальная арка, видны на большой глубине быстро несущиеся воды Таго, который, смотря по времени года, то возвышается, то опускается в своем каменном коридоре от двадцати до тридцати метров; средний уровень воды—на 50 метров ниже моста.

Несмотря на большую длину его течения и относительную многоводность, испанским Таго пользуются так мало для орошения и судоходства, что все значительные города Эстре-

мадуры расположены вдали от его берегов: Плаценция возвышается своими старинными башнями километрах в тридцати к северу от реки, на покрытом садами холме, с которого открывается обширный вид, с одной стороны, на высокие, часто покрытые снегом, горы, с другой—на прекрасные бугристыя зеленеющие равнины. Касерес, отличающийся здоровым воздухом—почти на таком же расстоянии от реки. То же самое надо сказать и о полуразрушенном городе Трухильо, в который завоеватели Перу отправляли громадные сокровища, и который теперь должен обогащаться только стадами свиней и мелкого скота. В той части Эстремадуры, которая орошается Гвадианою, города Бадахоз, Мерида, Меделлин и Дон-Бенито—пользуются некоторым значением, благодаря своему более счастливому положению, ибо они стоят на берегу этой реки.

Бадахоз находится в нескольких километрах от маленького ручья, отделяющего Испанию от Португалии. В виду лузитанской крепости Эльвах, он охраняет испанскую границу, и его собор, который должен быть убежищем на случай осады, представляет в то же время и крепость, и не боится бомб. Но военное значение Бадахоза уменьшилось с тех пор, как он стал служить главным торговым посредником между двумя нациями, а единственная, пересекающая границу железная дорога сделала его торговым складочным местом между Лиссабоном и Мадридом. Мерида расположена на той же железной дороге, но она значительно утратила свое бывшее благосостояние и теперь представляет просто развалину в сравнении с прежним. Из всех городов Испании Мерида сохранила наиболее памятников римской эпохи, так-то: триумфальную арку, водопровод, от которого остаются высокие гранитные и кирпичные столбы, амфитеатр с семью рядами ступеней, навмахию, мощеные дороги, бани и наконец удивительный мост в 800 метров длины, на двадцати четырех гранитных арках. Бадахозский мост, пользующийся также вполне заслуженной славой, имеет не более полу-километра длины; постройка его относится к концу XVI века.

Хотя Мерида гораздо известнее по своим памятникам прошедшего, но она далека не так богата и многолюдна, как другой город Эстремадуры, расположенный вверх по течению Гвадианы, при выходе из обширной раввины Серены: это Дон-Бенито, почти совсем незнакомый ни легенде, ни истории. Он основан в шестнадцатом веке беглецами, из которых одни покидали свои деревни для спасения от наводнения реки, а другие—от жестокостей господствовавшего в Меделлине графа. Как и соседка его Вильянуева, Дон-Бенито пользуется большими выгодами, доставляемыми ему плодородием окружающих земель; его фрукты и особенно арбузы ценятся весьма высоко. Равнины, простирающиеся по другую сторону Гвадианы и поднимающиеся к сиерре де-Монтанчец и Гваделупе, богаты фосфорнокислою известью, составляющей настоящее сокровище для удобрения истощенных полей. Некоторое количество этих фосфатов было уже вывезено в Англию и во Францию, но громадные запасы их, можно сказать, едва только початы.

Города Ла-Манчи, в верхнем бассейне Гвадианы, не богаче Дон-Бенито историческими памятниками и обладают только немногими средневековыми постройками. Циудад-Реаль, отличавшийся прежде значительною промышленностью; Альмагро—обогащенный производством кружев; Даймиель, около которого находится главный замок ордена Калатравы; Манзанарес, где раздвояются железные дороги Андалузии и Эстремадуры; Валь де-Пеньяс, на каменистых холмах,—все имеют значение главным образом как складочные места для произведений края—складочные места хлеба и вина. Валь де-Пеньяс дал название большинству сортов столовых вин, употребляемых в Испании. Альмаден, по-арабски «рудник», расположенный в одной из длинных долин силурийской формации, идущих к северу от Сиерры-Морены, замечателен киноварными рудами, которыми пользовались еще римляне для приготовления краски и которые в течение трех веков доставляли Новому Свету всю ртуть, необходимую для обработки золотых и серебряных рудников; еще и ныне здесь добывается ртути ежегодно, средним числом, от 1.000 до 1.200 тонн. Рабочие занимаются до двадцати дней в месяце, а в остальное время обрабатывают свои поля. С 1564 по 1875 г. из ртутных рудников Альмадена добыто более 620 миллионов килограммов металла, представляющих

стоимость в полтора миллиарда франков. Горное училище, основанное в Альмадене в 1777 г., в 1836 г. было переведено в Мадрид.

Интересно, хотя это случай не единственный в истории, что Ла-Манча знаменита гораздо больше по роману, чем по действительным событиям. Гордые рыцари Калатравы, замки которых еще стоят там и сям, давно забыты, но все помнят рыцаря «Печального Образа», созданного гением Сервантеса. Тобозо, поля Монтиеля, Аргамасилья-де-Альба, ветряные мельницы, махающие своими огромными крыльями над сжатыми нивами, воскрешают в мысли бессмертный тип человека, который великодушно борется за потерянное дело, и которого преследуют сарказмы тех, кому он посвятил свои силы.

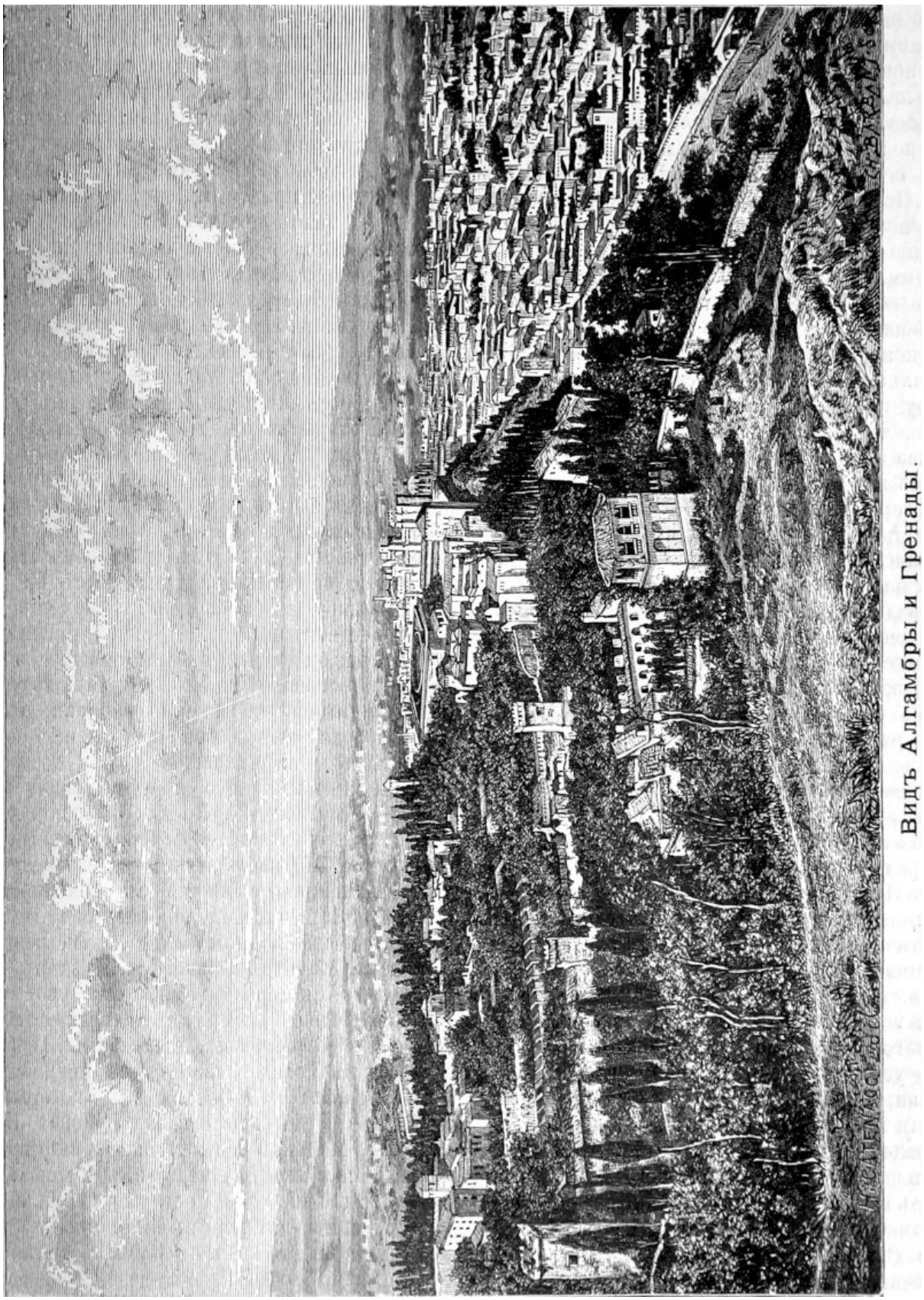
Восточная Кастилия, при её слишком суровом климате и слишком неровной и овражистой почве, не в состоянии прокармливать более густое население, чем какое заключают в себе Ла-Манча и Эстремадура. Поэтому сколько-нибудь значительные аггломерации в ней не многочисленны, и даже самая её столица, Куэнка, представляет не более, как третьеразрядный провинциальный город; она, как и Толедо, имеет только воспоминания о бывшей промышленности и пользуется живописным положением на крутой скале, над глубокими теснинами, в которых текут Гуэкар и Хукар. Чтобы найти другие поселения, заслуживающие названия города, надо спуститься до верхнего бассейна Таго. Там, на берегах Генареса, следуют, один за другим, два древние города: Гвадалахара—с римским, доселе действующим водопроводом, и Алькала—родина Сервантеса, университетский город, в котором число студентов доходило до 10.000. Если бы королевская фантазия избрала резиденциею, вместо Мадрида, один из этих городов, то они достигли бы такого же благосостояния, как и нынешняя столица Испании, так как они пользуются не менее счастливым географическим положением относительно всего полуострова.

При первом взгляде может показаться, что Мадрид принадлежит к числу таких столиц, которые обязаны своим существованием преимущественно капризу, и которые, если бы они не служили местопребыванием двора, всегда оставались бы маленькими городами, не имеющими большего значения. Не имея реки, так как Манзанарес—простой ручей, наполняющийся внезапно водой зимою и весною, не пользуясь ни благоприятным климатом, ни плодородною почвою, Мадрид представлял, конечно, меньше выгод, чем старинный римский и визиготский город Толедо; но, раз уже выбранный столицею, он не мог не приобрести постепенно преобладания даже с торговой и промышленной точки зрения.

Действительно, благодаря своему центральному положению, Мадрид пользуется естественным первенством пред всеми другими городами Испании, расположенными вне верхнего бассейна Таго. По преданию, математическая средина полуострова приходится в незначительном расстоянии к югу от Мадрида, в маленьком местечке Пинто, название которого произошло, говорят, от латинского *punctum*, т. е, центральная точка по преимуществу. Триангуляционные измерения скажут нам точную цифру; но уже при простом взгляде на карту видно, что ошибка, если она существует, не должна быть значительна: центра всей фигуры Иберии надо искать в равнине, доминируемой, с северной стороны, сиеррой Гвадарамой. Всякий раз, когда различные провинции Испании пытались сгруппироваться в одно политическое тело, или когда они должны были подчиниться централизационной власти, отношения завязывались именно в этой области, и отсюда исходило действие правительства. Здесь же совершился материальный факт перекрещивания больших дорог, столь важный в истории наций.

В римскую эпоху великим перекрестком дорог, главным военным пунктом Испании и общею сокровищницею, куда скоплялись продукты рудников до отправления их в Италию, сделался Толедо, положение которого не менее центрально, чем положение Мадрида. Но в то время Испания была только колониею, и притяжение императорского Рима переместило центр политической и торговой жизни к берегам Средиземного моря. С окончательным отделением от Рима, Испания, которая уже свободно могла искать своей естественной средины, нашла ее в городе Толедо: там происходили соборы, там установилась правительствующая

власть церкви; там же поселились везиготские короли. Двести лет Толедо был религиозною и политическою столицею королевства, и когда эта «цитадель Испании» досталась в руки мавров, вскоре сдалась и вся остальная страна вплоть до Пиренейских и Астурийских гор.



Видъ Алгамбры и Гренады.

Раздел полуострова между двумя непрерывно воевавшими расами и религиями быстро изменил историческое значение верхней долины Таго: из центральной области она сделалась пограничною полосою, спорною «мархиею» между войсками; столицы должны были

перемещаться, соответственно превратностям войны. Но как только мавры были изгнаны из Кордовы, Испания, как и во время вестготов, вернулась опять к своему естественному центру тяготения—на юг от сиерры Гвадарамы. Сперва монархи колебались между Толедо и его соседом, маленьким городком Мадридом, где кортесы уже несколько раз собирались в свои заседания и где уже живали короли Кастилии. Толедо имел большие преимущества; он богат дворцами и великолепными остатками прошедшего, стоит на берегу большой реки, занимая сильную позицию, укрепленную и искусством, и природою; он обладал, кроме того, тем обаянием, которое придавали ему его бывшее могущество и звание примасского города Испании; но он принимал участие в восстании комунеросов против Карла Пятого, тогда как Мадрид был центром военных операций против возмутившихся граждан. Это и решило, вероятно, судьбу обоих городов. Король, придворные и чиновники нашли единодушно, что пребывание в Мадриде приятнее, тем более, что этот открытый город мог свободно расширяться в окружающей равнине. В 1561 г., Филипп II окончательно порешил с упразднением двух бывших столиц: Вальядолида и Толедо; последний сохранил только часть королевской власти—как местопребывание Инквизиционного Суда. Напрасно Филипп III старался возвратить Вальядолиду значение столицы:—естественное центральное притяжение снова привлекло двор в Мадрид. С того времени, основание школ, музеев, высших общественных учреждений, фабрики, заводы всякого рода и в особенности стечение обыкновенных и железных дорог доставили растущему городу такую преобладающую роль, что, при нынешних условиях, её не может отнять у него никакая сила. Преимущество, доставляемое Мадриду легкостью его медленно установлявшихся сношений с оконечностями полуострова, вознаградило, наконец, все неудобства почвы и климата. И в умственном отношении Мадрид должен был занять первое место, которое дает ему употребление благородного кастильского языка, сделавшагося общеупотребительным в Испании. Правда, в Толедо говорят на прекрасном языке Сервантеса и Эспронседы, «который кажется всегда исходящим из рупора». Но на практике Мадрид видоизменяет, смягчает и обновляет язык; он пользуется журналами и газетами для низведения остальных диалектов полуострова на степень провинциальных говоров и для наложения на все умы своей кастильской печати. Это на Пуэрта-дель-Соль, форуме мадриленьосов, обширной, расположенной полукругом площади, в которой сходятся десять больших улиц, изливающих каждая свой поток прохожих, подготовляется в большой части общественное мнение испанцев, меняются министерства, создаются и разрушаются репутации. Если Мадрид опередил давно все другие города полуострова в своей политической деятельности, равно как в промышленном труде и торговом движении, то он далеко остается ниже Толедо, Сеговии и Саламанки по красоте памятников. Со времени своего возвеличения он уже переживал только периоды безвкусия или безразличия в области искусства, во время которых зодчие считали единственною заслугою постройку огромных зданий, бросающихся в глаза своею тяжелою величественностью: таков, напр., Королевский дворец, возвышающийся над садами по берегу Манзанареса своим длинным фасадом, с терасами и перекрещивающимися лестницами. Тем не менее, некоторые новейшие постройки города отличаются действительною красотою. Но зато Мадрид обладает неоцененными сокровищами искусств. Его картинная галлерея—одна из богатейших во всем мире:—это собрание великих произведений. В ней считаются чуть не сотнями удивительные картины с именами Веласкеца, Мурильо, Рибейры, Цурбарана, Тициана, Веронеза, Рафаэля, Дюрера, Ван-Дика, Рубенса. «L'Armeria» (Оружейная палата), с её богатым собранием оружия всех эпох, трофеев, флагов и знамен, свидетельствующих о знаменитых сражениях, оспаривает первенство у Туринского арсенала. Родина Лопе-де-Вега (дом, в котором он жил, можно видеть еще и теперь) и Кальдерона, Мадрид есть умственный центр, город литературы и высших школ; в нем—национальная библиотека, содержащая до 440.000 томов, академии, многочисленные ученые общества; в его университете обучается до семи тысяч молодых людей. Будучи городом роскоши и местопребыванием многочисленных сановников и государственных лиц, Мадрид не имеет своей специальной промышленности, но как большой город, он, тем не менее, послужил местом для развития значительного труда. Когда Манзанарес ка-

тит достаточно воды для прачек, очень оригинальное зрелище представляют его берега, сплошь увешенные бельём, от одного конца города до другого, на протяжении нескольких верст.

Население главных городов Кастильских плоскогорий, по последней переписи (31 дек. 1887 г.): Мадрид 470.283 чел.

Старая Кастилия:

Вальядолид—62.012 чел.; Бургос—31.301 чел.; Саламанка—22.000 чел.; Паленсия (1877 г.)—15.028 чел.; Замора—15.000 чел.; Леон—13.446 чел.; Сеговия—14.000 чел.; Авила—10.935 чел.

Новая Кастилия:

Толедо—21.000 чел.; Валь-де-Пеньяс (1877 г.)—15.000 ч.; Циудад-Реаль—14.702 ч.; Алькаля-де-Генарес—13.543 чел.; Талавера-де-ла-Рейна—12.000 чел.; Даймиэль—11.508 чел.; Манзанарес—9.699 чел.; Альмагро—8.712 чел.: Гвадалахара—11.235 чел.; Куэнца—9.747 чел.; Альмаден—8.165 чел.

Эстремадура:

Бадахоз (1884 г.)—27.279 чел.: Кацерес (1877 г.)—14.880 чел.: Дон Бенито—16.287 чел.: Воллануэва-де-ля-Серена—12.000 чел.; Трухильо—11.000 чел.; Мерида—10.063 чел.; Пласенция—8.044 чел.

«Салон Прадо», который некогда ограничивал город с восточной стороны, ныне представляет только площадь, и новые кварталы разрослись к северо-востоку до рва Энсанче; но город все еще имеет прекрасные места прогулок: на востоке—парк Буэн-Ретиро и на западе, по другую сторону Манзанареса,—«каса-дель-Кампо».

Непосредственно за местами мадридских прогулок начинаются бесплодные и слабо населенные пространства: «город окружен огнем», говорит одна пословица, намекающая на разбросанный по окрестным полям кремневый булыжник. Пространства эти кажутся весьма унылыми путешественникам, которые отправляются из столицы, чтобы посетить либо Аранхуэц, с его великолепными садами, где лениво течет Таго, либо стоящий среди амфитеатра диких скал, громадный Эскориал, построенный из гранита Филиппом II и представляющий в одно и то же время церковь, монастырь, библиотеку, дворец и гробницу королей, с таким большим количеством реликвий, что ими можно было бы наполнить целое кладбище. Несколько загородных дворцов рассеяны в лесистых долинах сиерры Гвадарамы и её предгорий. Эти тенистые места, доставляющие Мадриду чистую воду его водопроводов и фонтанов и лед его столов, противопоставляют еще шумному городу очаровательный контраст свободной и дикой природы. Недавно еще там была даже одна местность, жители которой считали себя независимыми от Кастилий. Один из небольших боковых бассейнов долины Торрелагуна больше тысячи лет обладал если не могуществом, то по крайней мере титулом королевства. Во время нашествия мавров, в эту удобную для защиты котловину среди гор укрылось довольно значительное число жителей равнины Харамы, которые и удержались там, благодаря тому, что о них все забыли. Они называли сами себя Патонами. Избранный ими предводитель, или король, достоинство которого было наследственно в мужском поколении, по изгнании мавров, признал сюзеренитет королей Кастилии, но сохранил свой титул, который ему охотно и оставили, без сомнения, по причине той забавной фигуры, которую изображал этот крохотный королек в соседстве трона. Последнему из этих королей, жившему еще в половине восемнадцатого века и занимавшемуся ремеслом носильщика дров, надоел наконец этот высокий ранг, приносивший ему так мало прибыли, и он вручил свой царский жезл королевскому офицеру. С тех пор Патоны состоят в ведомстве Уседы.

III. Андалузия.

Не считая небольших неправильностей очертания, Андалузия, древняя Бетика, в целом представляет совершенно отдельную от остальной Испании естественную область и, по своему рельефу и климату, имеет совершенно специальный характер. Резко отличаясь от кастильских плоскогорий и крутых склонов Средиземного моря и при-атлантических провинций, она образует большую, равномерно наклоненную между двумя горными склонами и широко открытую к морю долину. Бассейн Эбро, на другом конце полуострова, представляет повторение бассейна Гвадалквивира, но повторение весьма несовершенное, вследствие гор, отчасти заграждающих вход в долину. Главная река Андалузии, от Велезских гор и до песчаных берегов Кадикского залива, течет параллельно Средиземному морю с совершенною правильностью, а горные хребты, по обе её стороны, везде держатся от дна долины приблизительно в одинаковом расстоянии. Вне же этого большого речного бассейна находится лишь незначительная часть андалузских провинций, воды которых изливаются или в Гвадиану, или в лиман Гуэльвы, или прямо в Средиземное море.

Бассейн Гвадалквивира занимает 55.892 кв. кил., по Стрельбицкому. Андалузские провинции 87.867 кв. кил.. по Стрельбицкому. Население Андалузии (31 дек. 1887 г.) 3.431.555 чел.

На португальской границе, горы, составляющие часть марианской системы, т.е. системы Сиерры-Морены, хотя и не высоки, но весьма беспорядочны и представляют настоящий лабиринт, изрытый потоками. С гранитными скалами в них перепутываются громадные вулканические массы порфира и серпентинного мрамора, образуя неправильные массивы, где воды не могут найти себе дороги к Гвадиане, Гвадалквивиру, Одиелю и Рио-Тинто иначе, как описывая длинные извороты. Из гор этой местности всего более подходят к форме отдельных горных цепей: сиерра де-Арацена—к северу от области рудников Рио-Тинто, сиерра де-Ароч, возвышающаяся среди настоящей пустыни на границах Португалии, и сиерра де-Тудия, воды которой текут к югу, к Севилье.

К востоку от этого последнего массива орографическая система, в которой переплетаются различным образом притоки Гвадалквивира и Гвадианы, понижается, переходя в длинные бугры и местами на обширных пространствах вовсе не имеют вида горы, хотя на подземное существование оси продолжения указывают некоторые небольшие второстепенные цепи, идущие большею частию в направлении с запада к востоку, таковы: сиерра делос-Сантос и горы, в которых возвышается вершина Пелайо, около Бельмеза и его небольшого каменноугольного бассейна. В целом вся эта часть водораздела Гвадианы и Гвадалквивира образует нечто в роде плоскогорья, оканчивающагося с южной стороны уступами в виде лестницы, которые с равнины и особенно из окрестностей Кордовы кажутся настоящими горами; но с северной стороны идут почти такия же ровные и однообразные пространства, как верхняя Манча, между Альбацетою и Манзанаресом. Таковы Лос-Педрочес, представляющие настоящую равнину, если не по высоте, то по крайней мере по общему виду местности.

Непосредственно к востоку от этого малобугристого плоскогорья начинается собственно Сиерра-Морена (Черная гора), названная так по темной зелени покрывающих её склоны сосен; в этом месте она носит также местное название сиерры Мадроны: с северо-западной стороны она примыкает к Альмаденским горам. Прерываясь многочисленными брешами, чрез которые текут воды южного склона Ла-Манчи, цепь эта, которую можно считать просто краем Кастильского плоскогорья, представляет весьма неодинаковую высоту; но на восточном конце её, именно там, где она, под именем сиерры Алькараз, пускает от себя последние отроги, замирающие в равнинах Альбацеты, возвышается высшая вершина всей цепи, Пунта-Альменара. Второстепенная цепь Лома-де-Чиклана, понижающаяся с юга к Гвадалквивиру, разделяет друг от друга два верхние притока этой реки.

От берегов Гвадианы до Альбацетского плоскогорья, сиерра представляет ту замечательную черту, что вовсе не составляет водораздела между смежными бассейнами. Сланцевые массы цепи, пронизанные местами вулканическими породами, не могли противустоять дей-

ствию воды, и боковые притоки и реки Гвадалквивира протекают именно чрез ось Сиерры-Морены. Воды, зарождающиеся на северном склоне сиерры Арацены, по примеру самой Гвадианы, открывающей себе проход сквозь продолжение Сиерры-Морены, прорываются сквозь теснину и спускаются в поля Андалузии. Далее к востоку, то же самое делают Виар, Бембезар и Гвадиато, а также Пуэртоллано и Френедас, которые, вытекая из гор Калатравы, соединяются вместе и, до впадения своего в Гвадалквивир выше Андухара, под именем Хандулы, пересекают четыре горные цепи, а затем сиерру Мадрону и другие второстепенные хребты. Те же самые явления представляют Румблар, Маганья, Гуаризас, Гвадален и Гвадалимар. А так как подобные же геологические явления произошли и во многих других местах, то оказывается, что раздельная линия между расходящимися в разные стороны водами вовсе не совпадает с линиею соединения горных вершин, а водораздел идет по Ла-Манчскому плоскогорью, параллельно хребту Сиерра-Морена и на среднем расстоянии от него—20 километров к северу.

Понятно, что, при таком расположении склона, явления размывания должны были создать в горах поразительно эффектные ущелья. Самое знаменитое из них—ущелье Деспеньяперрос, или «кладбище собак», чрез которое идут шоссейная и железная дороги из Ла-Манчи в Андалузию, проходящие по ряду мостов, перекинутых с одной береговой скалы на другую. Грозное ущелье, со дна которого слышится гул потока, кажется тем прекраснее, что оно ведет из унылого и голого плоскогорья в богатую равнину. Иные путешественники, проехав всю Европу, находят ущелье Деспеньяперрос самым пленительным местом, какое им удавалось видеть. Составляя переход между долиною Гвадалквивира и центром Испании, оно не могло не получить и первостепенного военного значения. Во время всех опустошавших страну междоусобных и иноземных войн, было главным делом—обезпечить себе свободный проход чрез ущелье Деспеньяперрос. В 1212 г., при подошве этого прохода происходила ужасная битва при Навас-де-Толоза, в которой, по хронике, перебито 200.000 мусульман.

Высоты гор и проходов Сиерры-Морены, по Коэлло, суть следующие:

Сиерра де-Арацена 1.676 метр.; Виллягарция (дорога из Бадахоза в Кордову) 569 метр.; Сиерра де-лос-Сантос 760 метр.; Сиерра де-Кордоба 466 метр.; Поцо-Бланко (Педрочес) 503 метр.; Деспеньяперрос (перевал) 745 метров; Пунта-Альменара 1.800 метр.

Восточная часть стены андалузского бассейна состоит также из гор, изрезанных водами на отдельные массивы. Первую группу, ограниченную с севера впадиною, по которой текут с одной стороны приток Гвадалквивира, Гвадалимар, с другой—приток Сегуры, Мундо, составляет короткая цепь Каларес. Немного юго-западнее идет вторая группа, метров на полтораста выше первой, над которою господствует Эльмо де-Сегура, с расходящимися к западу отрогами, которые переходят в цепь холмов, извивающуюся между верхними реками андалузской равнины: Гвадалимаром и Гвадианою Малой. Наконец, еще более высокая третья горная группа, сиерра Сагра, служит пределом юго-восточной части бассейна. По своим горным породам и географическому положению, эта группа напоминает Муалу-де-Сан-Хуан, возвышающуюся между бассейном Таго и склоном Средиземного моря; видом она похожа на Пюи-де-Дом. Она образует один из важнейших водоразделов и окружена плоскогорьями, в которых реки вырыли ущелья от 300 до 350 метров глубиною, дикая красота которых так резко отличается от монотонности окружающих верхних земель.

Высоты восточных горных групп бассейна Гвадалквивира суть:

Калар-дель-Мундо 1.657 метр.; Эльмо-де-Сегура 1.806 метр.; Сиерра-Сагра 2.398 метр.

Хребты, возвышающиеся к югу от углового плоскогорья Испании, строго выдерживают одно и то же направление от востока к западу и частию служат границей южной части Бетийского бассейна. Сиерры де-Мариа и де-лос-Эстанциас, а также сиерра де-лос-Филабрес, знаменитая своими горами белого мрамора, следуют друг за другом с севера к югу параллельными валами, огибаемыми с запада притоками Гвадалквивира. С востока они резко отделяются друг от друга реками, впадающими в Средиземное море; но с запада две самые

южные цепи сближаются и сливаются в одну группу, сиерра де-База, которая, посредством невысокого перешейка с обрывистыми склонами, соединяется с высокою горною цитаделью Сиерры-Невады, составляющею высочайшую точку на полуострове.

Крестьяне Мурціи.

Эта громадная масса, состоящая большею частию из сланцев, которые проходят сквозь серпентиновые и порфировые скалы, кажется тем выше, что стоит на небольшом основании; с востока к западу, от Монте-Негро до Церро-Кабалло, она имеет только 90 километров дли-

ны, а ширина её от севера к югу, от одной равнины до другой, не достигает и 40 километров. Горы, как будто вскинутые одним взмахом, представляют со всех сторон трудные для доступа крутизны, и везде можно видеть правильно сменяющиеся по склонам поясы растительности до области постоянных снегов, в которую входят три вершины: Мулагасен, Ппкачо-де-ла-Велета и Альказаба. За первыми подгорьями, одетыми виноградом и маслинами, следуют отлогости, покрытые местами ореховыми деревьями и каштанами, затем различными породами дубов, над которыми виднеется бледная зелень лугов, покрытых в течение полугода снегом. Кучи снега, в хорошо защищенных рытвинах, в особенности на северном склоне, образуют естественные ледяные погреба, которые нанимают жители Гренады и посылают туда *neveros* для запаса снегу на лето; снега эти называются *ventisqueros*, вследствие вихрей, или *ventisca*, которые часто крутят целые кучи снежных игл. Одна из таких куч, наполняющая цирк, или *corral* Велеты, между двумя вершинами Мулагасен и Пикачо, обратилась в настоящий ледник от 60 до 100 метров толщины и вся окаймлена моренами. Это ледяное поле, дающее начало главному истоку Гениля, есть самое южное в Европе и, быть может, единственное во всей полуостровной Испании к югу от Пиренейской цепи; некоторые мелкие озера, разбросанные там и сям на высоте 3.000 метров, свидетельствуют о существовавших и исчезнувших в неизвестное время древних ледниках. Благодаря тающим снегам Сиерры-Невады, поля долин и окружающих равнин отличаются необыкновенным богатством растительности. Их журчащим ручьям обязана воспетая всеми поэтами Вега-де-Гренада своею роскошною зеленью, блеском цветов и превосходными фруктами. Вследствие того же обилия вод еще более очаровательная долина Лекрин, при основании южных склонов Пикачо и Велеты, носит название «Долины веселья» и «Рая Альпухарры».

Всякое название, всякая легенда об этих горах напоминают о пребывании мавров. Главная вершина, Мулагасен, носит имя одного из их князей (Мулей Гасан); на вершине Пикачо-де-ла-Велета они зажигали сигнальные огни, извещавшие мусульманское население Андалузии о приближении христиан; Альпухарра, или Гора Пастбищ, представляет совокупность южных отрогов гор, где они пасли своих овец. Галицийские и астурийские переселенцы, получившие завоеванные у мавров земли, по изгнании и истреблении их в кровавую войну, продолжавшуюся до конца шестнадцатого века, остаются с тех пор большею частью в состоянии настоящего варварства. Они ничем не выше обращенных мавров, которые получили за деньги право оставаться в столице Альпухарры—Ухихаре. Ни те, ни другие не дали себе труда эксплоатировать богатства этих прекрасных гор, окруженных поясом *despoblados*, а ограничивались только опустошением лесов. Правда, Сиерра-Невада во многих отношениях не может сравниться ни с Альпами, ни даже с Пиренеями, потому что она хотя и выше последних, но, по ограниченности занимаемого ею пространства, не может представлять такого же разнообразия скал, климатов и пейзажей. Но красота нижних долин, дикий вид ущелий Альпухарры, словно высеченных резцом в толщине скал, и особенно дивная панорама, открывающаяся взорам с вершин, делают Сиерру-Неваду одною из восхитительнейших гор.

Чудная картина открывается уже перед глазами путешественников, когда они взбираются по западным предгорьям сиерры, по дороге в Альпухарру: за взгромоздившимся на дикую скалу Альгендином показывают то место, куда, по словам легенды, вернулся изгнанник Абу-Абдала, или Баобдил, чтобы взглянуть последний раз и оплакать прекрасные поля Веги, башни и дворцы Гренады, всю эту чудную картину городов, нив и гор, которая была его безвозвратно утраченным королевством: таково происхождение названия «Последний Вздох мавра» (*Ultimo Suspiro del Moro*) или «Косогор Слез» (*Cuesta de las Lagrimas*), которое дано испанцами Альгендинскому проходу. Но еще несравненно более грандиозное зрелище открывается с высоты горных вершин. С Пикачо-де-ла-Велеты вид, может быть, не менее прекрасен, чем с вершины Этны. Под ногами у вас весь юг Испании, с её роскошно орошенными долинами, дикими скалами, затянутыми туманною далью красноватыми пустынями, черною стеною гор Эстремадуры и Сиерры-Морены, окаймляющих центральное плоскогорье. С юга, выступают, как из бездны, другие горы, но взгляд стремится к зеленею-

щей кайме прибрежья, к великому морю и к туманным горам Берберии, к островку Альборану и высокому марокскому мысу Трес Форкас, которые, как остатки перешейка, как будто связаны с материком Европы. Иногда, при южном ветре, ясно слышится шум бушующих волн. Мулагасен—одна из тех горных вершин Испании, которые были соединены с горами Алжира посредством ярких световых сигналов, для измерения дуги меридиана.

Все горы, составляющие свиту гренадского колосса, имеют более скромную высоту и покрыты местами эрратическими камнями, принесенными ледниками Сиерры-Невады. К северу, между долиною Гениля, Гвадианы-Менор (Малой) и Гвадалквивира, они стоят в беспорядке на овражистом плоскогорье, при чем одни из них похожи на скалистые острова, как Хабалкон-де-База, другие расположены цепями, направляющимися большею частию с востока на запад и с северо-востока к юго-востоку, параллельно берегу Средиземного моря и оси долины Гвадалквивира; таковы, на равнинах Хаэна, сиерра Хабалкуц и сиерра Мажина, а южнее цепь Альта-Колома, пересекаемая Хаэно-Гренадскою дорогою в ущелье Пуэрто-де-Аренас, которое по своим угрюмым скалам, по грудам обвалившихся каменных глыб, по почти отвесным крутизнам, ужасным пропастям, походит на Деспеньяперрос. Наконец, над самою Гренадою тянется хребет сиерры Сузаны, западное продолжение которой составляет массив Парапинда, барометр земледельцев Веги.

Почти все горы этой области рассечены потоками на отдельные группы и носят имена расположенных на них городов или деревень: как группы человеческих жилищ, так и соседния вершины называются одними и теми же именами.

К югу от Сиерры-Навады и сиерры Филабрес, которую можно рассматривать как восточное продолжение главной гренадской группы, горы представляет то же расположение. Юго-восточный угол полуострова занят совершенно отдельною горною группою, называемой сиерра де-Гата, с потухшими вулканами, из которых один, Моррон де-лос-Геновезес, имеет истинно величественный вид. Мыс де-Гата, обозначающий вход в находящийся к западу от него залив Средиземного моря, состоит из базальта, между тем как во многих других местах побережья встречаются трахиты и слои пуццолана, обсидиана и пемзы. Между этими остывшими лавами и Филабрскими горами, от залива Веры к заливу Альмерии, тянется небольшая цепь Альгамилья, с различными невысокими отрогами; спускающиеся с неё ручьи текут между песчаных берегов, так богатых кристаллами граната, что эти самоцветные камни употребляются охотниками вместо крупной дроби. Прерываясь рекою, горы снова начинаются на западе и, над самым берегом Средиземного моря, образуют величественную сланцевую сиерру де-Гадор, которая, в свою очередь, также пересечена потоком, текущим с Альпухарры. Таким образом, горные группы тянутся, с перерывами, вдоль берега до Тарифы, образуя полукруглый, то простой, то двойной или тройной вал, с глубокими брешами, который продолжается и в Африке прибрежными цепями.

Та часть этого вала, которая отделяет Средиземное море от склона Альпухарры, известна под именем Контравиезы и сиерры де-Лухар и представляет со стороны моря такие крутые склоны, что овцы могут взбираться по ним только в предшествии указывающего им путь барана. То же самое надо сказать и о сиерре де-Альмихара, начинающейся по другую сторону узкой долины Гвадалфео и соединяющейся с сиеррою де-Алхама, которая также называется сиеррою Техедой. За проходом д'Альфарнат, или де-лос-Алазорес, гора эта представляет простой край некогда озерного плоскогорья, которое с севера ограничивается бугроватою выпуклостью, называемою сиерра де-Эгуас. Южный край плоскогорья, в том месте, где чрез него проходит дорога из Малаги в Антекверу, известен под названием Торкала. Это одно из самых любопытных мест полуострова. Меловые скалы с красноватым оттенком, вследствие содержания значительного процента окиси железа, разбросаны в страшном беспорядке, и некоторые из них, надвигаясь друг на друга или помещаясь на вершине крутых пирамид, представляют удивительные примеры равновесия; по своему странному профилю они кажутся фантастическим городом, с постройками всевозможных стилей, с неровными и извилистыми улицами, в которых стоят какие-то чудовищные окаменевшие животные. Гора эта,

на вершине которой находят много котловин, носящих еще следы древних озер, доставляет прекрасный строительный камень, который употребляют для построек в Антекевере. Неподалеку от Торкала археологи нашли несколько долменов и чрезвычайно интересных построек, возведенных доисторическими жителями Иберии.

К западу от долины Малаги, орошаемой рекою Гвадалхорсом, снова начинаются суровые горы. Цепи сближаются, и в сиерра де-Толокс, или де-лас-Ниевес, достигают высоты около 2.000 метров, при чем пары Средиземного моря осаждаются на них в виде снегов, сохраняющихся во всю зиму. Массив Толокс представляет горный узел, от которого расходятся во всех направлениях горные цепи, которые обращают южную оконечность Испании как бы в модель всего полуострова. Сиерра Бермеха, идущая к юго-западу, продолжает тесниться к морю и окаймлять его крутыми мысами; к западу, дикая «серрания» де-Ронда соединяется с группою Сан-Кристобаль, которая сама опирается, в свою очередь, на многочисленные отроги и различные разветвления; извиваясь между маленькими речными бассейнами, горы оканчиваются наконец южными мысами Иберии: Сан-Роком, Трафальгаром и Тарифою. Что касается до Гибралтарской скалы, вздымающейся так гордо над внутреннею дверью Средиземного моря, то с геологической точки зрения она представляет настоящий островок; её крутые известковые скаты, опирающиеся на рифы силурийского сланца, высятся среди воды, и только двойная прибрежная отмель, нанесенная волнами, соединяет гордый мыс с материком.

Высоты гор и проходов между Гвадалквивиром и морем, по Фр. Коэлло:

Сиерра де-Мариа 2.039 метр.; Тетика де-Бакарес (Филабрес) 1.915 метр.

Сиерра-Невада: Мулагасен 3.554 метр.; Пикачо-де-ла-Велета 3.470 метр.; Альказаба 2.314 метр.; Суспиро дель Моро 1.000 метр.

Хабалкон де-База 1.498 метр.; Сиерра де-Гадор 2.323 метр.; Контравиеза 1.895 метр.; Сиерра Техеда (Альхама) 2.134 метр.; Проход д'Альфарант 830 метр.; Торкал 1.286 метр.; Сиерра Бермеха 1.450 метр.; Серрания де-Ронда 1.550 метр.; Сиерра де-Сан-Кристобаль 1.715 метр.; Пейьон-де-Гибралтар 429 метр.

Эти гористые местности Андалузии часто подвергались землетрясениям. За последнее столетие насчитывают десять больших землетрясений, из которых самое сильное было 25-го декабря 1884 г. Более 12.000 домов было совершенно разрушено и около 6.000 более или менее попорчено; больше всего несчастий обрушилось на деревню Аренас-дель-Рей, где, на 1.500 жителей, было вытащено из-под развалин 135 трупов и 253 раненых. Центральная точка землетрясения находилась близ соединения сиерры Техеды с сиеррой Альмехарою, и волны колебания распространялись вдоль гор главным образом к югу, в сторону Гибралтара, следуя направлению больших взбросов между геологическими слоями. Однако сама почва не сильно пострадала от землетрясения: только места с рыхлым грунтом дали кое-где трещины, и замечено было небольшое изменение температуры источников.

Различные горные группы, занимающие пространство между бассейнами Гвадалквивира и морем, разорваны и искажены водами, как и Сиерра-Морена, так что гребень высоких вершин вовсе не совпадает с линиею водораздела. Река Алмерия, простой ручей, в котором летом иногда вовсе не бывает воды, принимает в себя временные притоки с обоих склонов Сиерра-Невады; Адра прорывает себе путь сквозь горную цепь, от которой остаются только два отрезка, сиерра де-Гадор и Контравезиа; Гвадалфео таким же образом отделил Контравезию от Альмехары; Гвадалхорс, различные притоки которого начинаются на плоскогорье Антекверы, перерезывает гору узким ущельем Гайтан или де-лос-Гайтанес, составляющим одно из самых диких и грандиозных ущелий на полуострове, где поезды железной дороги проходят один за другим семнадцать туннелей и внезапно являются среди апельсиновых рощей Алоры; наконец, Гвадиаро берет свое начало также на северном склоне прибрежных горных хребтов. Крутость покатостей, внезапность прибыли и убыли воды дают всем рекам, текущим по средиземному склону Андалузии, характер бурных потоков. Реки с правильным течением встречаются только на стороне, обращенной к Атлантическому океану, и из них

одна, именно Гвадалквивир, имеет важное значение, как по объему её вод, так и по удобству, которое она представляет для судоходства.

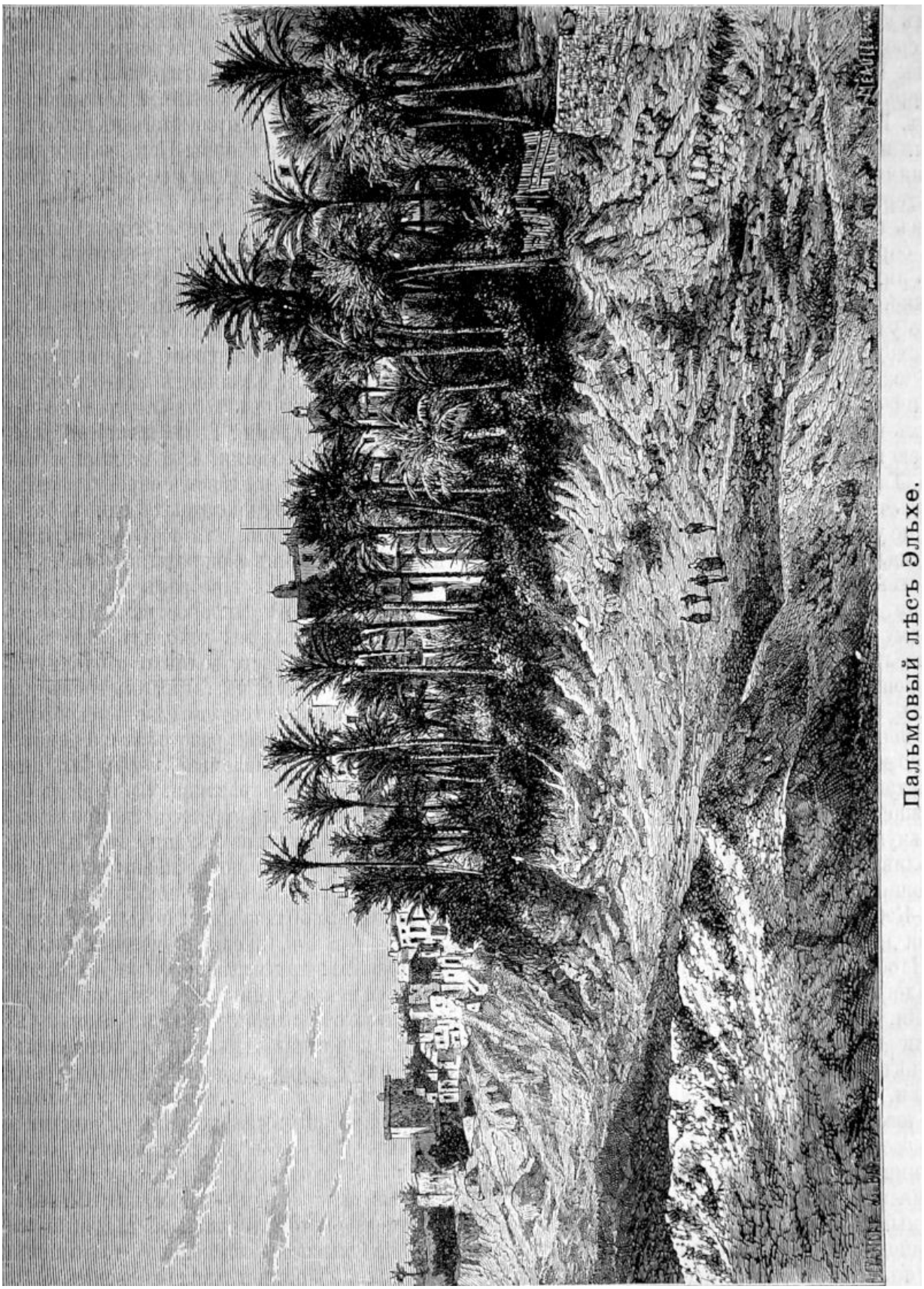
Река Бетики, выходящая из сиерры Сагра, отличается, как мы видели, от рек, берущих начало с нагорных равнин Кастилии, своею широкой долиною. Между тем как Дуэро, Таго и Гвадиана текут сначала по горным террасам и затем спускаются в долины по узким расщелинам, проложенным ими в скалах плато, Гвадалквивир, гораздо дальше их ушедший в своей геологической эволюции, уже расчистил направо и налево, по своему течению, стеснявшие его препятствия и низвел свою долину средним числом на 400 метров ниже соответствующих областей речных бассейнов обеих Кастилий. Падение его постепенно уменьшается, начиная от истока до морского лимана, и в своем общем очертании представляет правильную параболу. Нижнее течение реки имеет весьма незначительную покатость: воды текут медленнее, разливаются в очень широкое русло, описывающие большие излучины: отсюда имя Уэд-эль-Кэбир, «Большая река», которое арабы дали древнему Бетису.

Чтобы достичь этой правильности течения, аналогичной с течением рек Франции и Германии, Гвадалквивир и его притоки должны были выполнить трудную и упорную работу разъедания горных масс. Все маленькие ручейки, берущие начало на плато Ла-Манчи, проложили себе дорогу сквозь Сиерру-Морену; все озера, помещавшиеся на высоких горных равнинах, между различными перекрещивающимися или параллельными между собою каменными громадами, совершенно осушились, вылившись узкими проходами, проложенными ими в скалах; осталось лишь небольшое число луж без стока. Все притоки, сбегающие с гор,—Гвадалимар, более длинный, хотя и не столь обильный водою, как Гвадалквивир, Гвадален, Гвадиана-Менор, более обильный водою, чем ниже впадающий приток того же названия,—все они прорвали, таким образом, плотины верхних водоемов; но кто выполнил самую значительную работу,—так это Гениль Гренады, главный данник Гвадалквивира. Прорезываемая им плодоносная равнина, которая прославилась под именем Веги, некогда была частию залита водами озера, которому перегораживала выход горная стена, по соседству с Лоха. Это препятствие было преодолено, и кончилось тем, что, после многих прорезов в горах, воды, спускающиеся с Сиерры-Невады, соединились с потоками, питаемыми сиеррой Сагрой и Сиеррой-Мореной.

Обломки, приносимые с гор непрестанно размывающим их края течением, мало-по-малу наполнили Атлантический лиман, куда выливались воды. Немного повыше Севильи, там, где перекинут через реку, достигающую не менее 200 метров ширины, последний мост, прилив начинает замедлять течение реки; еще ниже он заставляет ее поочередно менять направление. Гвадалквивир, извивающийся между холмами, находящимися как на правом, так и на левом берегу, разделяется на два рукава, из которых один был вырыт искусственно, для сокращения плавания; потом, соединив свои воды в одном канале, он разветвляется еще раз и образует два больших болотистых острова. Без сомнения, морской лиман доходил еще в новую эпоху до этого места долины, отодвинутого в настоящее время на 50 километров дальше. Вдоль обоих берегов, но главным образом—с южной стороны, расстилаются низменные земли, так называемые *marismas*, лежащие ниже уровня вод разлива. В период бездождия, эти болотистые пространства представляют на всем своем протяжении, от 10 до 12 километров, голую потрескавшуюся почву серого цвета, с которой поднимаются в воздух густые облака пыли под копытами полудиких быков, предназначаемых для бойни на аренах; при малейшем же дожде они становятся непроходимыми трясинами. Там и сям пробиваются соляные ключи, теряясь в песках, или в грязях, смотря по времени года. Ни одна деревня, ни один поселок не могли основаться на этих наносных землях, местами заросших неприступными чащами тростников. В более значительном расстоянии от реки, пески, уже совершенно сухие, покрываются малорослыми пальмами. На юге равнины, среди этих пустынь, выдвигаются, наподобие мысов, несколько возвышенностей третичной формации и видом своих виноградников, оливковых рощ, групп пальмовых деревьев и живописных деревенек утешают взор, утомленный однообразием угрюмой пустыни, расстилающейся у их подно-

жия.

Подобно тому, что мы видим на многих других речных устьях, и старый засыпанный лиман Гвадалквивира в своих наружных пределах обозначается съужением наносной долины.



Пальмовый лѣсъ Эльхе.

На левом берегу возвышается Сан-Люкар-де-Баррамеда, город, имеющий чисто восточную физиономию, а между морем и низменною местностью правого берега идет цепь песчаных холмов, лежащих на слое раковин новейшей формации и продолжающихся под водою, в

виде песчаной отмели, которую суда средней вместимости проходят с большим трудом при входе в реку. Эти дюны, известные под именем *Arenas Gordas*, или «Крупных песков», служат естественною границею, воздвигнутою самим морем между соленою водою Атлантического океана и пресными внутренними водами. Они много ниже дюн и ланд Гаскони и едва достигают вышины тридцати метров; на склоне, обращенном к морю, они еще и теперь подвижные, но на восточной стороне, в историческую эпоху, напротив, были всегда устойчивы: сосновый лес закрепил откосы из белого кварца. На менее возвышенных дюнах, окружающих Сан-Люкар, огородники выкопали, доходя до сырого слоя подпочвы, глубокия впадины, называемые *navasos*, где разбили прекрасные сады, дающие сборы по нескольку раз в году.

Гвадалквивир—единственная из всех рек Испании, имеющая преимущество быть судоходною на довольно значительное расстояние от океана; суда, вместимостью во 100 и 200 тонн, которые миновали благополучно песчаную отмель, доходят до самой Севильи, удаляясь от моря, таким образом, на расстояние ста километров. При содействии коммерческих привилегий и даже положительных монополий по отношению к торговле, этот речной порт мог сделаться некогда главным складочным местом заморских продуктов и главным меновым рынком; в настоящее же время он потерял свое значение, и место его занял превосходный порт Кадикс. Но каботажные суда все-таки заходят в него нагружаться местными товарами, а пароходы легко ходят вверх и вниз по Гвадалквивиру, между Севильею и Сан-Люкаром. Что же касается до других рек Андалузии, впадающих в Атлантический океан, то они все не судоходны. Гвадалета, вливающаяся в бухту Кадикса,—неглубокая река, медленно текущая по низменной болотистой равнине; Одиэль и Тинто, впадающие в Гуэльвский лиман,—просто быстрые потоки, мало-по-малу засоряющие своими наносами судоходные каналы у выхода в море. Точно также был занесен и порт Палос, из которого отправились корабли Колумба для открытия Нового Света: жалкия хижины маленькой деревеньки, неопределенные очертания низменного прибрежья, которое волны поочередно то заливают, то вновь обнажают,—вот что представляет собою знаменитое место, где совершилось одно из важнейших событий, которыми открывается история новых времен!

Но что значат все эти маленькия геологические изменения, произведенные речными наносами, в сравнении с переворотом, происшедшим на юге Андалузии и изменившим границы самого океана! Несомненно, что, по общей форме своего бассейна, Средиземное море находится в большей зависимости от восточных морей, чем от Атлантического океана. Оно отделяется от Красного моря, то-есть, от Индийского океана, лишь низменными странами и уступами недавнего происхождения, где новейшая индустрия, без слишком большого труда прорыв перешеек, восстановила соединительный пролив. На северо-востоке оно отделяется от Ледовитого океана материком Азии во всю его ширину; но это огромное пространство покрыто еще в некоторой своей части солеными и солоноватыми водами, составляющими остатки древнего моря; тут нигде поверхность не представляет ряда гор и холмов, подобных тем, которые, от Альмерии в Испании и до Мелиллы в Марокко, опоясывают западный рукав Средиземного моря. И, однако, эта преграда была разрушена, между тем как восточные перешейки выступали мало-по-малу из лона моря.

Кто же этот геологический Геркулес, мощь которого преодолела препятствие и открыла проход? Пещеристая природа скал на обоих конечных полуостровах Марокко и Андалузии, конечно, в сильной степени облегчила дело разъедания, в особенности если Средиземное море, вследствие более быстрого испарения своих вод, очутилось вдруг на более низком уровне против Атлантического океана. В этом случае, трещины камней должны были весьма быстро расшириться под влиянием океанических течений; каменные преграды, задерживавшие последние, могли быть снесены даже и тогда, если бы землетрясения нисколько не способствовали делу разрушения. Огромная масса воды, извергаемая непрерывно Атлантическим океаном в Средиземное море,—с среднею скоростью четырех с половиною километров и с наибольшею около десяти километров,—позволяет нам судить о силе, с которою дей-

ствовал океан, как только образовавшаяся расселина дала ему возможность устремиться между двумя материками. Настоящий раздельный пункт между океаном и Средиземным морем находится вовсе не в самой широкой части Гибралтарского пролива, на юге от укрепленного острова Тарифы. Он помещается ближе к западу, у самого входа в пролив, продолжая, от мыса Трафальгар до мыса Спартель, правильную дугообразную линию океанических берегов Испании и Марокко. Гребень этой подводной возвышенности довольно неровен и местами доходит от 100 до 550 метров вышины, так что средняя высота не превышает 275 метров, между тем как с восточной стороны морское дно понижается постепенно к Тарифе и Гибралтару более чем на 900 метров. Таким образом, весь пролив составляет уже часть средиземного бассейна, и подводный скат канала наклонен к востоку, т.е. противоположно направлению покатостей соседних земель.

Увеличилась ли ширина пролива в течение исторической эпохи? В этом отношении не могло бы быть никакого сомнения, если бы судить на основании свидетельства древних. Размеры, которые они дают «Устьям Кальпе», гораздо меньше тех, которые находят моряки нашего времени. Скилакс Кариандский говорит, что пролив Геркулесовых Столпов не шире Босфора, и со времен этого географа, т.е. в течение 2.400 лет, то же самое расстояние, указываемое от одного столпа до другого, постоянно возрастало. В настоящее время ширина пролива в самом узком месте определяется в 1.000 метров. Однако, исчисления греческих и римских географов не отличались точностью, и ошибка могла произойти от оптической иллюзии, по причине высоты и крутого профиля противоположных мысов. Факт тот, что описания древних еще вполне соответствуют нынешнему виду пролива[1]. Два Геркулесовы столпа, или «Гадиридские ворота», все так же возвышаются с той и с другой стороны средиземного прохода: на севере—величавая гора Кальпе; на юге-длинный, крутой Абиликс. В новейшее время, с тех пор, как скала Гибралтар сделалась одною из важнейших военных позиций континента, не было замечено, чтобы берег её отступал от моря.

Хотя гора Кальпе—Гибралтар или Джебель-Тарик на языке мавров,—не самый южный мыс Иберийского полуострова, и хотя она даже немного отступает к материку по отношению ко всей береговой линии пролива, но она обязана красоте своего местоположения и своему стратегическому значению тем, что пролив был назван её именем и что ее считают стражем ворот между двумя морями. Для мореплавателей и путешественников она есть грань по преимуществу между безбрежным океаном и внутренним морем, между водами, ведущими в Новый Свет—с одной стороны, и в Левант и в Индию—с другой. Её беловато-известковые скалы, с фундаментом из силурийского сланца, с остроконечными верхушками, вырезывающимися на почти всегда голубом небе, представляют взорам тех, которые плывут у их подножия, непрестанно изменяющийся вид, вследствие разнообразия уступов, отлогостей, террас и обвалов; но с какой бы стороны ни смотреть на них, они представляют величественный вид и во многих местах принимают те могучие контуры, которые подали повод сравнить Гибралтар с львом, сторожащим ворота двух морей. Скала в особенности крута со стороны Средиземного моря; здесь едва осталось достаточно места под крутизнами и нагроможденными одна на другую массами обвала для того, чтобы могло приютиться кое-где несколько домиков и деревьев; между тем как на противоположной стороне, на выступах и на отлогих склонах, расположился и самый город, и бесчисленные укрепления с плац д'армами. Констатировано также, что песчаная полоса земли, или *linea*, соединяющая скалу с материком Испании, представляет, со стороны Средиземного моря, несравненно более крутой спуск, чем в Алжезирасской бухте. С востока приходят большие волны зыби, принося землистые остатки, которые и служат главным образом к созиданию плотины; на противоположном же скате пески осыпаются, расстилаясь по морскому прибережью в виде пологого пляжа.

В многочисленных пещерах Гибралтарской скалы, исследованных Рамсаем, Гейке и другими учеными, между остатками скелетов львов, пантер и гиен были найдены также кости

1 A. Dureau de la Malle, Geographie physique de la mer Noire;—Tissot. Geographie comparee de la Mauretanie.

людей типа долихоцефала, принадлежащие к каменному периоду. Эти пещеры совершенно тождественны по своему наружному виду и содержанию с теми, которые расположены по берегам Далмации и на Ионических островах. Как ни отделены в настоящее время эти различные страны друг от друга морями, островами и полуостровами, тем не менее они принадлежат к одной эпохе и к одной и той же геологической формации.

Островок Гибралтар, естественная принадлежность Испании, сделался, в силу завоевания, английскою крепостью. Честолюбивое стремление владычествовать в морях, побудившее Великобританию владеть Мальтою, Кипром, Перимом, Сингапуром, Гон-Конгом и портом Гамильтон, не могло позволить англичанам оставить такую сильную позицию, как Гибралтар, в руках её естественных и законных обладателей, и они сделали из него сильную цитадель, грозные укрепления и вооружения которой не лишены своего рода «кокетства». Дело в том, что стратегическое значение Гибралтара находится в непосредственной связи с его огромною важностью в движении меновой торговли. Между мысами Европы и Африки ежегодно проходят десятки тысяч судов, вмещающих миллионы тонн разного рода товара, и тем же проходом пользуются и многочисленные военные суда, отправляясь в какую-нибудь далекую страну с целью заявить о своей силе, или просто сделать какую-либо демонстрацию. Морские сражения, происходившие в самой Гибралтарской бухте и у западных подходов к проливу, при Трафальгаре и мысе Сент-Винценте, свидетельствуют о той значительной роли, которую играли в военной истории мира врата двух морей. Поэтому неудивительно, что в ту эпоху, когда никто не признавал за народностями их права располагать собою по своей воле, Англия завладела пунктом такой важности. Испанцы смотрят на этот захват, как на обиду, и, конечно, всякий признал бы правоту их дела, если бы они сами не удерживали за собою, по другую сторону пролива, город и территорию Цеуты. Следовательно, англичане, взявши у них один из Геркулесовых столпов, поступили точно по такому же праву, по какому они завладели другим.

Частые исторические отношения между Андалузией и варварийскими странами объясняются не только соседством этих земель, разъединенных морем, но, кроме того, и сходством их климатов. Южная Испания находится относительно температуры, влажности и воздушных течений точно в таких же условиях, как и Марокко. Южная Андалузия, Мурция, Аликантэ, вместе с некоторыми местностями Сицилии, Греции и Архипелага, суть страны Европы, в которых средняя температура наивысшая. Таблицы температуры, составленные Коэлло, Вилькоммом и другими географами, позволяли даже думать, что изотерма 20 градусов проходит в этой части Испании. Новейшие наблюдения не подтверждают этой гипотезы. Средняя температура не более 17-18 градусов в Гибралтаре и Тарифе.

Как бы то ни было, пояс наибольшего тепла занимает, до некоторого расстояния внутрь страны, прибрежье португальской Альгарвы и провинции Гуэлвы, затем вдается далеко в равнину Гвадалквивира, охватывая Севилью, Кармону, Эсиху (Ecija), эту «Печь» Испании, и поворачивает на юго-запад, чтобы идти к морскому берегу у Сан-Люкара де-Баррамеда. Эта область образует тепловой остров, ограничиваемый со всех сторон поясами более низкой температуры.

К югу от большой, относительно прохладной по климату, площади, образуемой бухтою Кадикса и всем гористым округом южной оконечности, где свободно дует *virazon*, или океанийский ветер, область сильных жаров снова начинается городами пролива; она захватывает Алжезирас и Гибралтар и, доходя до различных высот, распространяется по склонам всех гор, которые тянутся на востоке до мыса Гата, и затем, по ту сторону Картагены и Аликантэ, до мыса Нао. В этой приморской области, холода, так сказать, совершенно неизвестны: самая низкая месячная температура 12 градусов по стоградусному термометру. Остров Мадера, лежащий на 500 километров ближе к экватору, имеет далеко не столь жаркое лето, как Гибралтар и Малага, хотя он обладает драгоценным преимуществом—меньшими скачками температуры в чередованиях тепла и холода. Самые знойные части Андалузии на берегу Средиземного моря—не мысы, далеко выступающие к югу, а полукруглые бухты, вдающиеся в ма-

терик по направлению к северу. Совершенно защищенные от всех холодных ветров, они доступны только атмосферическим течениям с африканского материка, отчего средняя температура их возвышается. По той же причине все прибрежные места Средиземного моря отличаются климатом несравненно более тропическим, чем город Кадикс и соседние города, расположенные по берегу Атлантического океана. Между тем как к последним имеет западный ветер свободный доступ, берега Испании, развертывающиеся внутри пролива, совершенно лишены этого освежающего дуновения. Гибралтарские ворота естественно представляют то место, в котором сталкиваются и борются между собою воздушные течения. Ветры тут всегда очень сильны, в особенности в середине пролива, а зимой тут часто свирепствуют бури. Едва-ли где бывает так часто внезапное волнение моря, происходящее вследствие столкновения противоположных течений, как в Гибралтарском проливе и у мыса Трафальгара; оно образуется вдруг, без всяких предвестников, у всех мысов, где берег сразу изменяет направление; всего чаще явление это происходит в половине прилива. Преобладающие ветры западные зимою и восточные-летом: первые приносят с собою часто сильные дожди, постепенно уменьшающиеся от Кадикса к Гибралтару: обыкновенно ветры—предвестники хорошей погоды. Два пограничные столба Африки и Европы, стоящие друг против друга, служат для мореплавателей отличными метеорологическими указателями. Когда они заволакиваются густыми облаками или окутываются туманом, иногда столь же непроницаемом, как в Лондоне,—это предвестник восточного ветра; когда же они отчетливо вырисовываются на фоне голубого неба,—это верный знак, что задует западный ветер. Температура и влажность некоторых городов в описываемой части Испании, по Коэлло, суть следующие:

	Гренада	Севилья	Гибралтар
Температура	18°,9	20 (?)	20°,7 (?)
Средняя годовая дождей	1,232 м.	0,664 м.	0.735 м.
Дожди с октября до марта	1,023 „	0,588 „	0,516 „
Дожди с апреля до сентября	0,209 „	0,076 „	0,219 „

Полутропический климат нижней Андалузии иногда бывает тягостным для северных европейцев; сухость атмосферы становится для них под конец невыносимою. В равнине и на морском прибрежье лето почти всегда проходит без дождя: с июня по сентябрь редко упадает с неба несколько капель. В глубине боковых долин, где воздух не обновляется течениями, жара часто невыносима; да и на открытой равнине такой же палящий зной, вследствие того, что пассатные ветры, освежающие атмосферу под тропическими широтами, не дуют вовсе в бассейне Гвадалквивира. Даже в Кадиксе, который однако окружен водами, континентальный ветер, известный под именем *medina*, так как он пробегает по пустыням имения герцога Медина Сидония, приносит с собою удушливый воздух, невыносимый для людей с слабыми нервами. Говорят, что под влиянием этого ветра буйные и свирепые поступки, ссоры и убийства происходят гораздо чаще, чем при всяком другом состоянии атмосферы. Что касается южного берега, то здесь самый опасный ветер *solano*, или *levante*. Когда он начинает дуть, атмосфера становится как бы раскаленною печью. Можно подумать, что находишься в центре Сахары. На южном небосклоне подымается и стоит в воздухе пар, иногда красноватый, всего же чаще белого цвета и неисследованный еще по своей природе, называемый *calina*; знойное дуновение подымает на дорогах, на полях даже, целые вихри пыли, осаждающейся на листву деревьев и способствующей её увяданию; часто случается, что если ветер свирепствует в продолжение нескольких дней, птицы падают на землю мертвыми как бы от задушения.

Тогда как в умеренном поясе Европы лето—время года, когда растительность достигает пышного развития, когда деревья покрываются листьями и цветами, в Андалузии, напротив, оно период засухи и смерти. За исключением полей и садов, которые поливаются и возделываются искусственно и удерживают свой блеск и яркость во все продолжение жаров, вся остальная растительность сгорает, свертывается и принимает сероватый оттенок, сливающийся с цветом почвы. Но в эпоху ливней осеннего равноденствия, выпадающим дождем на низменные места и снегом на гористые, растения выпрямляются и снова оживают; они на-

слаждаются вторичною весною. В феврале все цветет и благоухает. Мартовские дожди, впрочем, довольно неправильные и почти всегда сопровождаемые грозами, поддерживают сначала это богатство флоры, но затем жары и засухи берут верх, и природа снова увядает.

Климат Андалузии, рассматриваемый в его общих чертах, без сомнения, не доставляет почве достаточной влажности. Некоторые части страны совершенно безводные степи, без всякой древесной растительности, без человеческих жилищ. Самая обширная из этих бесплодных равнин занимает оба берега долины Гениля (Хениля), между Агвиларом, Эсиха, Осуна и Антеквера; в некоторых местах она достигает 48 километров ширины, и на этом обширном пространстве нигде нельзя найдти пресной воды, кроме как только в самом Гениле. Местность покрыта маленькими озерами с солоноватою и соленою водою, с глинистыми берегами, белеющими летом от осевшей на них соли: можно подумать, что находишься в пустыне Алжирии или на персидских нагорьях. Культура тут невозможна; она появляется только у подножия ручьев, дающих свои названия окрестным деревенькам Агвадульче, Поцо, Анчо, Фуэнтес. Другая значительная степь, называемая «королевской Ламанчей», простирается на восток от Хаэна, по восточному склону гренадских террас, и примыкает к различным бесплодным местностям, над которыми возвышаются сиерры: Сагра, Мария, делас Эстанциас, с которых сбегают соленые ручьи. По склонам Андалузии к Средиземному морю, пустыня еще более расходится в ширину, чем в бассейне Гвадалквивира. Таким образом, вся юго-восточная оконечность Испании, загроможденная базальтовыми и порфировыми массами хребта Гата, совершенно бесплодна, и тут не видишь других сооружений, кроме крепостей для обороны, выстроенных в далеком друг от друга расстоянии на выдающихся мысах. Прибрежные солончаки, перемежающиеся с хорошо возделанными искусственно полями, имеют весьма скудную растительность, состоящую почти единственно из видов крестоцветных; более чем одна пятая часть из всего числа видов—чисто африканского происхождения. Эти солончаки пригодны только к возделыванию, или скорее к собиранию бариллы, растения, пепел которого идет на приготовление соды.

Но обыкновенно имя Андалузии не вызывает в уме представления об этих бесплодных местностях. Скорее приходят на ум апельсинные рощи Севильи, роскошная растительность гренадской Веги, вспоминаются названия Елисейских полей и сада Гесперид, которые были даны древними долине Бетиса. Даже по своей самопроизвольной флоре Андалузия заслужила название «Испанской Индии», но ко всем своим азиатским и африканским растениям, требующим почти тропического климата, эта страна, настоящая теплица Европы, присоединила огромное число акклиматизированных видов, ввезенных с востока и из Нового Света. Вместе с финиками, бананами и бамбуками здесь произрастают каучуковые и драконовые деревья, магнолии, синецветные ясени; клещевина, дурман разростаются огромными кустами; кошенильные кактусы растут как на Канарских островах, земляные фисташки как на Сенегале; бермудский картофель, хлопчатник и кофейное дерево дают правильный сбор заботливому хозяину, а в защищенных местностях привольно поднимается сахарный тростник. Страна, простирающаяся на юг от гренадских гор, а именно—от Мотриля до Малаги, есть единственный уголок в Европе, где это растение имеет действительное экономическое значение. Торрокс, близ Старой Малаги,—город, напоминающий своими плантациями ближе всего плантации по берегам Кубы. Во время арабского господства, сахарные заводы были разбросаны в большом количестве по всему берегу Средиземного моря, до самой Валенции: в настоящее время их опять много в равнине Малаги. Исчисляют, что сахарное производство приносит малагеньосам около полмиллиона франков чистого барыша.

Фауна Андалузии так-же, как и её флора, хотя и в меньшей степени, имеет африканскую, или по крайней мере, берберийскую физиономию. Все типы моллюсков, встречающихся в настоящее время в Морокко, принадлежат равным образом и Андалузии. Ихневмон попадается на правом берегу нижнего течения Гвадалквивира, а также и в других частях бассейна; хамелеон встречается очень часто, особенная порода каменного барана, живущего, как говорят, в гористых местностях Марокко, существует одинаково в Сиерре-Неваде и

окружающих ее массивах. Наконец, общепризнанный факт, что африканская обезьяна (*Inuus sylvanus*) долго водилась, а может быть, живет и до сих пор на Гибралтарской скале. Была ли она завезена, как некоторые предполагают, английскими офицерами? Не есть ли она, поэтому, такой же пришлец, как верблюды Фронтеры, близ Кадикса, и как андалузские лошади, несомненно берберийского происхождения? Или же, действительно, она есть исконный обитатель горы Кальпе и, таким образом, свидетельствует о существовании, в доисторическую эпоху, соединительного перешейка между Европою и Африкою? Различные авторы расходятся в мнениях касательно этого вопроса, так что ничего нельзя сказать утвердительно; но одно, что действительно верно, это то, что обезьяна нашла себе, на скалах европейских мысов, среду, которая так-же для неё удобна, как и горы противоположного берега.

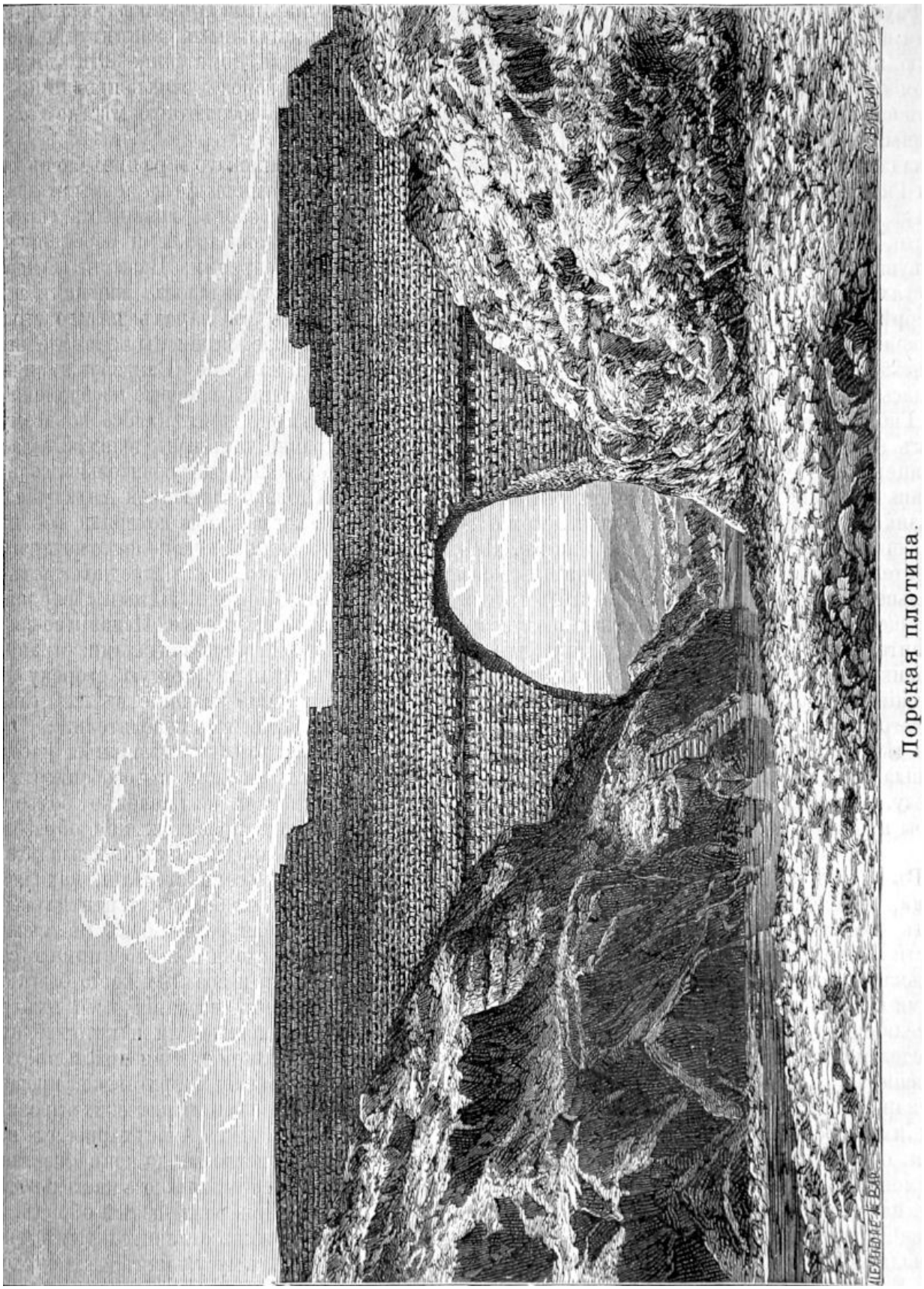
В начале нашей европейской истории, племена, населявшие страны, известные ныне под именем Андалузии, были по большей части иберийского происхождения, то-есть, весьма вероятно, одной отрасли с современными басками. Бастулы, бастарны и бастетаны, населявшие гористые местности склонов к Средиземному морю, турдетаны и турдулы, жившие в долине Бетиса,—все они носили евскарийские имена; равным образом, названия их городов обозначались словами, которые объясняются баскским языком нашего времени. Тем не менее, во всей его совокупости, население было и тогда, без всякого сомнения, очень смешанное. Кельтские племена занимали гористую местность на северо-запад от Бетиса, по направлению к Лузитании.

Турдетаны—относительно весьма цивилизованные, ибо имели свои летописи, поэмы, писанные законы,—приняли на свою территорию финикийские, карфагенские и греческие колонии; потом они облатинились, забыли свой язык, и города их сделались маленькими Римами. За исключением Италии, немногие страны были более римскими, чем их земля, и они более прочих народов разделяли общие судьбы империи. В Малаге, и позднее в Осуне (Colonia Julia Genetiva), были найдены тексты муниципальных конституций времен Юлия Цезаря и Домициана: эти документы доказали, что города этих провинций пользовались почти абсолютною местною автономиею.

Разрушение римского мира привело в южную Испанию новые этнические элементы: вандалов, византийских греков, западных готов, за которыми следовали арабы и берберийцы, сопровождаемые евреями. Название Андалузии производят от вандалов, живших в ней несколько лет в начале пятого столетия. Правда, испанские летописцы не давали никогда старой Бетике название «Вандалузии», и название Андалу является впервые во времена арабов; но тогда оно применялось ко всему полуострову, равно как и к долине Гвадалквивира; оно сделалось исключительным названием одной только нынешней Андалузии лишь в ту эпоху, когда арабы потеряли все прочия испанские провинции. Очень легко может быть, что действительно, как предполагает Вивьен-де-Сен-Мартен, жители северной Африки дали это название всей Испании со времени завоевания их страны вандалами: страна, которую они видели по другую сторону моря, имела потому лишь значение в их глазах, что из неё вышли их повелители.

Сами мавры, то-есть смешанные населения севера Африки, арабы и в особенности берберы содействовали несравненно более племен германского происхождения образованию андалузского народа. Будучи владетелями страны в течение семи столетий, находясь в огромном числе в больших центрах, обработывая везде поля бок-о-бок с прежними жителями страны, они вошли с ними в самые близкия сношения, и позднее, когда был обнародован указ об изгнании всей их расы, те, которые его произнесли и которые приводили его в исполнение, сами имели в своих жилах большую дозу мавританской крови. В некоторых районах андалузских провинций, а именно: в долинах Альпухарры, где мавры оставались независимыми до конца шестнадцатого века, население сделалось настолько африканским, что лишь религиозный обряд, а не цвет кожи, служил отличительным признаком христиан от

мусульман. Андалузское наречие еще более кастильского приблизилось к арабскому акценту, словами и оборотами речи; во многих округах название мест семитического происхождения гораздо многочисленнее названий иберийских и латинских; праздники, церемонии,



Дорская плотина.

нравы сохранили свои мавританские черты. В городах почти все замечательные здания—альказары или мечети, и даже новейшие постройки имеют оттенки арабского стиля, видоизмененного римскими традициями. Все богатые дома Андалузии, вместо того, чтобы быть об-

ращенными передними фасадами наружу, как в прочих европейских странах, обращены к внутреннему двору (patio), вымощенному белыми или разноцветными мраморными плитами: там собирается обыкновенно семейство, чтобы подышать воздухом около фонтана, струя которого непрестанно падает в шлифованный бассейн.

Со времен арабов, никакой новый этнический элемент, сколько-нибудь значительный, не примешивался к первобытным населениям. Правда, во второй половине восемнадцатого столетия основались деревни, населенные колонистами,большею частью немецкими,в некоторых пустынных местностях (*despoblados*) Андалузии, в Каролине, по дороге из Деспеньяперроса к Гвадалквивиру, в Карлоте и Футэнэ-Пальмере, между Кордовою и Севильею: но эти колонии, дурно содержанные, не процвели. Огромное число жителей вымерло, другие возвратились на родину; менее чем в одно поколение иностранцы слились с остальным народом. Немногие негоцианты из иностранцев, поселившиеся в андалузских портах, имели несравненно более серьезное влияние.

Часто повторяли, что андалузцы—это испанские гасконцы. Они вообще очень грациозны, стройны и гибки, манеры у них обворожительные, речь красноречивая, физиономия и жесты полны выражения. Они очаровательны, но этою чарующею силою они часто пользуются лишь для достижения самых ничтожных целей: вообще они мелочны; под всею их блестящею внешностью и звучными речами скрывается пустота и бедность мысли. Хотя андалузцы не лишены храбрости, но они чрезвычайно склонны к фанфаронству и хвастовству, любят выставлять свое достоинство в ущерб истине, любят выставлять на-показ не только те качества, которые имеют, но также и те, которых не имеют, и желание их блистать заставляет их часто лгать. Но эта склонность к выставке, эта живость и пылкость воображения тем хороши, что андалузец видит во всякой вещи лучшую её сторону; он всегда счастлив, лишь бы можно было шуметь или слышать шум; разоренный, без всяких матерьяльных средств, он не утрачивает ни игривости своего ума, ни своей веселости; он эгоист, но эгоист добродушный, так как он хочет не только быть сам счастлив, но видеть также и других счастливыми и довольными. Впрочем, в Андалузии, как и во всей остальной Испании, горные жители отличаются от жителей низких местностей движениями и походкою более медленными и плавными, а равно и более сдержанною речью. Так, горцы Хаена (хаетаносы) известны под именем «андалузских галициян». Красота горных женщин, а также обитательниц высоких долин—более строгая и благородная, чем красота уроженок низменных равнин. Сравнительно с очаровательными гадитанками, с прелестными *majas* Севильи, женщины Гренады, Гвадикса и Базы имеют более гордые и благородные черты лица.

Хотя в Бетике встречаются деятельные и трудолюбивые работники, в особенности в горных областях и в горнопромышленных округах, однако вообще нельзя сказать, чтобы трудолюбие было главною добродетелью андалузцев. И потому огромные источники богатства края, который мог бы быть для остальной Европы обширной теплицею почти тропических продуктов, приносят весьма мало пользы. Но было бы не справедливо обвинять в этом только жителей; причина заключается также и в условиях землевладения. Нижняя Андалузия, более еще чем Кастилии, есть страна крупной поземельной собственности. Там княжеские владения—настоящие государства. Во времена победы над маврами, когда королевская власть, сильная давностью традиции и укрепленная победою, дошла до полнейшего презрения к народу, кастильские вельможи размежевали страну на огромные участки и разделили ее между собою. Множество таких имений, состоящих из превосходных земель, расположенных под одним из самых благодатных климатов мира, превратились мало-по-малу в пастбища, остающиеся почти без всякого употребления. Подобно тому, как в Сицилии и в некоторых местностях Италии, здесь почти нет деревень, и еще менее сел и отдельных ферм. Поля возделываются плохо и преимущественно городскими рабочими, которые из разных мест стекаются в деревни ко времени посева, жатвы и уборки хлеба или винограда. Громадные имения захватили все, лишая крестьян, виноградарей и пастухов земельной собственности и средств к жизни, которые могли бы, давать им собственный садик, клочек поля, лужок, пти-

чий двор, в придачу к скудным заработкам обеспечивали бы их на время безработицы и дороговизны. На пространстве нескольких миль не встречается ни одного жилища, ни одного фруктового сада и ни малейших следов человеческого труда. «Владелец этих пустынь, говорит Бургоин, царствует там, как будто лев в лесах, удаляющий всякое живое существо, которое могло бы приблизиться к нему». В горных районах земля также разделена на крупные владения, но эти владения распределены между многочисленными мызниками, платящими владельцу треть продуктом и приплода стад. Их положение лучше положения жителей равнины, но их способ культуры один из самых первобытных.

Великолепные апельсинные сады Севильи и Сан-Люкара, Кармоны, Эстепы, Утреры, масличные рощи, фруктовые сады и виноградники Малаги и других городов Андалузии— доставляют торговле значительное количество фруктов; богатые жатвы хлебных растений сделали из страны одну из главных житниц Испании, но вина составляют единственную отрасль земледельческой производительности Андалузии, имеющую важное экономическое значение в мировой торговле. Хересские поля, на востоке Кадикской бухты, производят громадное количество вина, которое, под именем шерри, хереса, происшедшим от названия соседнего города, отправляется в огромном количестве на все английские рынки. Болезнь винограда, опустошавшая все европейские виноградники, долго обходила лозы Хереса, и это одна из причин, наиболее способствовавших вывозу хереса; впрочем, значительное понижение ввозной пошлины, вотированное английским парламентом, содействовало этому еще более. Значительная часть виноградников находится в руках английских землевладельцев; масса негоциантов и фабрикантов той же нации занимается смешиванием продукта этих разнородных виноградов с грубыми винами Чиклана, Роты и Сан-Люкара и вообще всеми операциями, законными или незаконными, составляющими принадлежность этого рода торговли. Некоторые вина высшего сорта, сладкая *tintilla* из Роты, *manzanilla*, которую пьют из особенного стакана, *pajarete*, и которая приготовляется из винограда особенного рода, высушиваемого до кладки его под пресс, составляют монополию нескольких владельцев и могут сохранять свою подлинность, тогда как «столовыя» вина подвергаются усиленной фальсификации. Но, в общем, эти промышленности распространили в стране привычку к труду, которой не существовало прежде. Из порта Санта-Мариа, в бухте Кадикса, вывозится наибольшее количество вин. Со времени появления филлоксеры, виноградники Малаги и других андалузских городов уменьшились, и их, подобно тому, как и во Франции, стараются обновлять пересадкою американских лоз.

Так называемая собственно промышленность, бывшая в таком цветущем состоянии в мавританские времена, когда андалузские сукна, кожи, шелки славились во всей Европе, и в мастерских одной только Севильи работали, говорят, 100.000 рабочих, в настоящее время осталась лишь тенью того, чем была тогда; но разработка рудников если не вполне производится так же успешно, как в былыя времена, то, по крайней мере, стала опять заметно подниматься и приобретать хотя часть своего прежнего значения. Во времена Страбона, Турдетания, т.е. главная часть долины Бетиса, пользовалась в такой степени этою двойною привилегиею плодородия и богатства рудников, что никакое выражение не могло дать верного понятия о действительности. Нигде не находили золота, серебра, меди, железа в таком изобилии и в таком чистом состоянии, как там, «а каждая гора, каждый холм Иберии, повествовал Посидоний с своею обычною напыщенностью, говоря о той же стране турдетанов, представляется кучею материала, приготовленною руками щедрой Фортуны для чеканки монеты... Для иберийцев не бог ада, но бог богатства, не Плутон, но Плутус царствует в подземных глубинах».

Сравнительно с рудоносными районами Австралии и Нового Света, южная Испания не заслуживает более этих преувеличенных похвал, но, тем не менее, она обладает очень значительными минеральными богатствами, которыми частию и пользуется современная промышленность. Огромное препятствие к систематической эксплоатации дознанных мест нахождения минералов заключается в недостатке путей сообщения. Высчитано, что нужно около

ста ослов для транспорта того количества руды, которое может вместиться в одном вагоне железной дороги. А потому всякое, хотя бы очень богатое, месторождение железа, находящееся на расстоянии более двух или трех километров от железной дороги или от порта, не может быть эксплоатируемо и представляет ценность лишь в будущем. Залежи более ценных металлов, как свинец, медь или серебро, могут быть эксплоатируемы с пользою и в местах, находящихся несколькими верстами далее от точки отправления сухопутного или водяного пути сообщения; но и этот предел скоро достигается, и жители страны должны довольствоваться уверенностью, что в соседних скалах находятся сокровища в запасе для их потомков. Вот причина, которая вместе с недостатком воды и топлива, несовершенством разработки, спорами между владельцами, требованиями государственной казны и жадностью исполнителей закона, тормозит эксплоатацию андалузских рудников. В Англии подобные местонахождения металлов были бы источником несметного дохода.

Производительные горнопромышленные округа южной Испании рассеяны в гористых областях. В юго-восточном углу полуострова, сиерра Гадор, говорит пословица, «заключает в себе более металла, чем горнокаменной породы»; в боках различных сиерр около Гвадикса, Базы, Альмерии выкопаны сотни шахт, в которых добывается железо, медь и сереброродный свинец. Высокая долина Гвадалквивира имеет близ Линареса богатые рудники, также сереброносные, производящие, говорят, лучший во всем мире свинец: между этими рудниками показывают шахты и галлереи карфагенян и римлян: около начала восемнадцатого столетия эксплоатация была возобновлена, но большие работы добывания стали производиться только с открытием железной дороги: тогда образовались английские, французские и немецкия компании и прибыли иностранные инженеры, которые вырыли свои двести шахт и изменили вид страны[1]. Линаресские рудокопы слывут самыми смелыми во всей Испании: но чахотки, лихорадки и свинцовые колики, причиняемые их родом занятий, производят между ними большие опустошения, и эвкалипты, или «лихорадочные деревья», рассаженные в огромном количестве в крае, очистили только снаружи воздух, но не в рудниках. Ни лошади, ни собаки, ни кошки, ни куры не могут выносить атмосферы свинцовых рудников, но на крыс она не производит вредного действия. В 15 километрах от Линареса, не далеко от развалин, известных под названием Palazuelos, или «маленькие дворцы» находится древний рудник, одна из шахт которого носит название шахты Ганнибала. В руднике найдены остатки колонн и барельеф, изображающий древних рудокопов с инструментами в руках.

Более на запад, в районах Сиерры-Морены, отделяющей Эстремадуру от провинции Севильи, находятся другие, некогда не менее знаменитые серебряные рудники в Константине и Гвадальканале; они эксплоатируются с перемежками, работы в них то прекращаются, то возобновляются, смотря по богатству находимой руды и по условиям рынка.

Каменноугольные бассейны Бельмеца и Эспьела, расположенные на север от Кордовы, в соседстве весьма богатых месторождений железа и меди и лучше снабженные дорогами, чем константиновские и гвадальканальские рудники, также представляют большие сокровища для современной промышленности и в будущем могут иметь важное значение. Эти залежи простираются под землею гораздо далее видимых и эксплоатируемых границ; существует даже предположение, что с одной стороны они тянутся до входа в долину Гвадалквивира, а с другой—до нагорной равнины Эстремадуры. Топливо, которое они доставляют, сухое или «жирное», т.е. длиннопламенное, превосходно; однакоже, несмотря на это, различные компании, эксплоатирующие этот бассейн, добывают не более 200.000 тонн, так как сбыт весьма ограничен, вследствие недостатка потребителей в юго-западной части Испании. Самые богатые копи в деревне Пенья Ройя получили название «ужасных», вследствие часто бывающих там взрывов газа; средняя глубина шахт от 100 до 200 метров. Некоторые каменноугольные копи в горах, расположенных на север от Севильи, отправляют еще свои произведения на спинах лошаков; естественно, что при таких условиях работа может произво-

1 Производство линаресских рудников, в 1872 г., по Роза: 210.000 тонн свинца: ежегодная добыча содержащей серебро свинцовой руды свыше 80-000 т.

диться только самыми варварскими способами.

Из всех рудников Испании наиболее деятельно разработываются копи провинции Гуэльва, на южном склоне марианикской системы. Силурийские сланцы этой страны представляют, в местах соприкасания с порфировыми и диоритовыми скалами, которые прошли сквозь них, необыкновенно мощные рудные жилы колчедана и меди: во всем мире не найдется, быть может, столь громадных формаций. Рудники Рио-Тинто, расположенные, к несчастию, в 80 километрах от моря и на высоте 500 метров, поражают глаз своими размерами. Спускаясь в их бездны, высеченные в камне, наполненные полунагими рабочими, или проникая в их галлереи, расположенные ярусами, везде представляется взорам только колчедан: груды окалин поднимаются настоящими холмами; на севере долины Дегеза, находится громадный стол из железистых сростков, называемый «*mesa de tus Pinos*» и представляющийся кучею сплавленного металла, вышедшего из доменной печи. Остатки зданий, вероятно, финикийских и римских гробниц, и в особенности огромные пещеры, вырытые древними рудокопами, свидетельствуют о продолжительности работ эксплоатации во времена, предшествовавшие вторжению варваров; монеты, которые находят в галлереях, заставляют предполагать, что рудники разрабатывались еще весьма деятельно во время Гонория, и что появление вандалов внезапно прервало работы, которые возобновились лишь в 1730 г., но и то весьма слабо. Рудокопы энергически принялись за дело только в наше время. О громадных сокровищах, остающихся в запасе для будущей промышленности, можно судить по тому факту, что два главные местонахождения Рио-Тинто содержат в себе более 300 миллионов тонн руды; одна только ныне эксплоатируемая рудная жила оценивается в 19 миллионов тонн, несмотря на огромные раскопки, сделанные там прежними рудокопами. Местонахождения Фарзиса, в котором некоторые археологи узнают древнюю «*Thartesis Baetica*» римлян, ничтожны, в геологическом отношении, сравнительно с рудными жилами Рио-Тинто, так как в них содержится руды всего только около 14 миллионов тонн; но, благодаря соседству моря и меньшей высоте, построена железная дорога прямо от рудников к Гуэльвскому порту. Фарзисские рудники представляют удивительное зрелище: рудник под открытым небом в 900 метров длиною походит на большой амфитеатр, окруженный дикими и красноватыми скалами с уступами, в виде лестниц. Голубой слой сернистой смеси железа и меди, на котором двигаются толпы рабочих, имеет не менее 138 метров толщины; чтобы исчерпать его, нужно было бы срыть самую гору; вероятно, к этим огромным залежам относятся слова Страбона, что медь в некоторых местонахождениях представляла четверть извлеченной массы из земли; есть рудные пласты, содержащие в себе действительно до 12 и даже до 20 процентов чистой меди. В окрестностях копи, в особенности с восточной стороны, почва покрыта на необозримое пространство кучами обломков, наслоившихся в разные века. Сотни очагов, в которых расплавляют руду, горят там и сям, отравляя атмосферу своими серными парами, от которых гибнет вся растительность в окрестностях; более 130 тонн серы улетучивается таким образом ежедневно в дыме. Реки уносят также огромное количество металлических веществ. После сильных дождей воды Одиеля, Рио-Тинто, обязанного своим названием цвету руды, становятся железистыми и отравляют всех рыб и ракообразных, заплывших в них из моря; желтоватая охра отлагается на берегах, тогда как ниже, на берегах лимана, металл, смешиваясь с серою морских разложившихся организмов, превращается в черноватую тину. Хотя Фарзисский рудник эксплоатируется и более деятельно, чем все прочие, однако он далеко не содержит в себе таких богатств, как рудники Рио-Тинто. Высчитано, что около пятой доли меди, добываемой на всем земном шаре, происходит из Фарзисского рудника, и что более половины 500.000 тонн серной кислоты, фабрикуемой в Шотландии, происходит из того же источника.

Рудники Рио-Тинто ежегодно дают около миллиона тонн руды и 20.000 тонн меди.

Как ни пустынна Андалузия сравнительно с тем, чем бы она могла быть, если бы её источники богатства были утилизируемы как следует, она однакоже по красоте и славе своих городов может назваться второю Италиею. Гранада, Кордова, Севилья, Кадикс,—прославле-

ны поэтами, имена их воскрешают в уме самые светлые образы. Исторические воспоминания еще более, чем великолепие монументов, сделали эти старые мавританские города общим достоянием не только испанцев, но и всех, кто интересуется жизнью человечества и развитием наук и искусств. Города Андалузии, хотя падшие по большей части, занимают од-

Крестьяне изъ окрестностей Хереса.

нако не последнее место между прочими городами Испании, ибо из шестнадцати агломераций, имеющих свыше 50.000 жителей, шесть находятся в одной провинции Гвадалквивира; впрочем, каково бы ни было в настоящем или будущем экономическое значение этих андалузских городов, они будут всегда привилегированными местами пилигримства для людей, желающих расширить свой умственный горизонт созерцанием памятников прошлого.

Большие города Андалузии имеют все природные выгоды положения, объясняющие их настоящее или прошлое процветание. Кордова, Севилья имеют богатые долины Гвадалквивира, прелестной реки, которая омывает их; имеют дороги, спускающиеся с перевалов соседних гор; Гранада имеет свои обильные воды и богатые поля; Гуэльва, Кадикс, Малага, Альмерия имеют свои порты на океане или Средиземном море; Гибралтар имеет свою гавань между двумя морями. Другие города, менее важные в торговом отношении, но имевшие некогда большое стратегическое значение, Хаен (Jaen), Антеквера, Ронда, стерегут дороги, связывающие долины Гвадалквивира и Гениля прямо с морем.

Между этими городами, игравшими историческую роль, благодаря своему положению на пути, ведущем от одного склона к другому, следует также упомянуть находящиеся на восток от Гранады: Гвадикс, на равнине Гвадианы-Менор; Велец-Рубио и Велец-Бланко, расположенные уже на покатости Средиземного моря, один в долине, другой на крутизне утесов; Куллар-де-База с подземными домами, вырытыми в гипсовых слоях на западном склоне *Vertientes*, или «вершин раздела»; Гуэскар, наследник древнего карфагенского города; База, окруженный превосходно возделанными полями окрестной долины, называемой рвом, или «*hoya*». База был некогда маленькою Гранадою; высокие стены и зубчатые башни, господствующие над ним, свидетельствуют о важном военном значении, которое он имел во времена мавров; но с тех пор как испанские завоеватели сделали его христианским городом, он имеет вид развалин. Под деревьями, осеняющими его места прогулок, показывают еще пушки, из которых бомбардировали, за два года до взятия Гранады, его укрепления.

Сама Гранада, хотя и празднует танцами и криками годовщину дня, когда армии Фердинанда и Изабеллы вошли в её стены, теперь уже далеко не такой цветущий и многолюдный город, каким была до осады. В течение слишком двух столетий столица королевства, она заключала в своих стенах до шестидесяти тысяч домов и до 400.000 жителей. По прошествии славных дней Кордовы, она сделалась самым оживленным, самым промышленным и богатым городом полуострова, и немногие из европейских городов могли сравняться с нею. В настоящее время по цифре населения она все еще шестой город Испании; но между её жителями как много бедняков, несчастных оборванцев, живущих вместе с свиньями в самых ужасных логовищах! Сколько покривившихся домишек, в которых узнают обломки древних дворцов! Около самого предместья Альбансин, прежнего убежища беглецов из Баезы, пресмыкается целое население, состоящее в особенности из цыган и не имеющее другого приюта, кроме пещер, вырытых в боках холма!

За исключением этого живописного предместья Альбансин, на севере Гранады, собственно в городе не осталось ни одного здания мавританской постройки: фанатизм национальной и религиозной ненависти все истребил, и пестрые дома сохранили из арабского стиля лишь некоторые архитектурные подробности, перешедшие по наследству от предков. Но вне города великолепные памятники свидетельствуют еще о славе прежних владетелей Испании; на одном холме, на котором, как говорят, были построены первые здания Гранады, поднимаются «Алые башни»; гораздо восточнее и господствуя одинаково над водами Дарро, находится летний дворец Генералифе, с своими великолепными садами, струящимися водою, которая то бьет фонтанами, то падает сверкающими каскадами, то разливается в бассейнах. Между Алыми башнями и дворцом Генералифе, на пространстве около километра, возвышается над громадною массою стен, бастионов, выдвинувшихся вперед башен, дворец Альгамбра, el-Homra, или «Красный», массивный снаружи, но очаровательный внутри. Карл V, в припадке глупого каприза, велел выстроить рядом с арабским памятником претенциозное здание, оставшееся, впрочем, неоконченным, которое представляет жалкий контраст с обиталищем магометанских повелителей, этим чудом искусства, одним из тех совершеннейших произведений архитектуры, которые служат типом и образцом, которым подражали, более или менее удачно, в стольких других зданиях, во всех странах мира.

Внутренность Альгамбры, хотя и лишена большей части своих сокровищ и украшений, утомляет посетителя бесконечным разнообразием своих зал, дворов, портиков, чередующих-

ся с роскошными тенистыми садами. В особенности восхитительны—Львиная зала, зала Посланников и ворота башки Инфантов; но все стены без исключения представляют одинаковую роскошь гипсовых арабесок, разнообразных перевивок, полных гармонии в своем разнообразии, разноцветных фаянсов, покрытых глазурью и составляющих очаровательные рисунки, тексты Корана, вырезанные рельефом в верху колонн; взор очарован всеми этими орнаментами, так искусно перемешанными; воображение устает следовать за их бесконечным сплетением. Во времена арабов слоновая кость и золотые листья своим контрастом увеличивали красоты рисунков, украшающих все здание. Это именно тот дворец, «который гении украсили как грезу, как мечту!»

С высоты башни Вела и других сторожевых башен, господствующих над крепостью, наслаждаешься одним из тех чудных зрелищ, вид которых составляет эпоху в жизни человека. Внизу Гранада, со своими щетинистыми башнями, с своими кварталами, вдающимися в долины её двух рек, великолепными бульварами и холмами, усеянными белыми домами, сияющими сквозь зелень. Дарро, текущий между тенистыми берегами, выходит из «Райской долины» и соединяется с Генилем, который спускается из «Адской долины» и часто угрожает Гранаде наводнением во время своих разливов. Эти две реки, соединившись, орошают роскошные поля Веги, их серебристые волны сверкают то тут, то там, посреди громадного плодового сада, который сравнивался так часто христианскими и арабскими поэтами с изумрудом, вставленным в сапфир. Голубые горы, господствующие над этою зеленеющею долиною, служившею театром стольких сражений, следуют одна за другою до крайнего горизонта и придают всей этой картине торжественно-величественный вид. На юге поднимаются исполинские массы Сиерры-Невады; на востоке и севере—менее возвышенные горы, но также дикия и обнаженные, своими красноватыми и изрытыми склонами внезапно ограничивают поля, покрытые густою растительностью. Почти изолированная вершина, гора Эльвира, вдающаяся мысом в середину долины, напоминает своим извращенным именем иберийский город Или-Бери (Новый город), один из предшественников Гранады.

Контраст диких гор с плодородною долиною, обрывистых утесов с изящным городом придает особенную прелесть этому чудному пейзажу Гранады. Мавры, у которых встречается подобный же контраст,—наружное бесстрастие и внутреннее пламя,—были влюблены в этот андалузский город. Для них он был «царем городов», «Западным Дамаском», «частицею неба, упавшей на землю». Испанские пословицы также не менее похвал расточают ему: «*Quien no ha visto Granada,—no ha visto nada*» (Кто не видал Гранады, не видал ничего). «Хорошенькая» Гранада, как ее называют,—действительно один из прелестнейших уголков мира, особенно в летний сезон, когда города нижних равнин истомлены зноем и засухой. Тогда-то именно воды, спускающиеся из Сиерры-Невады, текут с наибольшею силою и распространяют вокруг себя плодородие, изобилие и радость. Гранада имеет университет, с пятью факультетами и более 1.000 студентов; во времена мавров она обладала 50 высшими школами и 70 библиотеками.

Другие города генильского бассейна также имеют виноградники, оливковые рощи, сады, поля, засеянные хлебными и прядильными растениями, но ни один из них не может сравниться с богатою Гранадою, ни даже Лоха, с её прохладными водами, этот «цветок между терниями», как его называют, этот оазис среди диких скал и ущелий. Впрочем, Хаен почти достоин этого сравнения. Этот старый город, бывший столицею одного из арабских королевств и выдержавший борьбу с своею могущественною южною соперницею, занимает великолепное положение, у слияния многих ручьев, весело бегущих к Гвадалквивиру. На ограде его возвышалось более тысячи башен. Холмы, господствующие над городом, покрыты развалившимися стенами, между которыми пробивается богатая растительность; у подножья этих возвышенностей расстилаются поля, обильно орошаемые и покрытые богатою растительностью и тенистыми плодовыми деревьями; местами поднимаются высокие, стройные пальмы, распускающие свои веерообразные листья над густою листвою других деревьев. Посреди этой долины, имеющей восточный характер, Хаен сохранил свою средневековую маври-

танскую физиономию: его выбеленные известкою дома имеют весьма немного отверстий, как будто в них живут еще жены мусульман, ревниво охраняемые от всякого постороннего взгляда.

В верхней долине Гвадалквивира города теснятся один возле другого. Вот Баеза—«Королевское Соколиное гнездо»; в его стенах насчитывалось 150.000 жителей в эпоху его процветания под владычеством мавров; но война обезлюдила его в пользу Гранады, наполнив его переселенцами предместье Альбецин; он не забыл еще своего прошлого и гордится им; его процессии могут поспорить в блеске и великолепии с процессиями Севильи. В непосредственном соседстве с ним находится город Убеда, бывший также некогда большим мусульманским центром, и который и теперь еще казался бы, если бы изменение костюмов не разрушало иллюзии, городом, населенным маврами. Выше, на горе, находится рудокопный город Линарес, до недавнего времени вмещавший в себе 8.000 жителей, ныне вынужденный давать убежище 30.000 пришельцам. Спускаясь ниже по течению реки, встречаем Андухар, знаменитый своими *алькарразасами* (охладительные кувшины из пористой глины) и известный путешественникам, как одно из самых удобных мест для переправы чрез Гвадалквивир. Километрах в тридцати оттуда, ниже города Монторо, находится Альколейский мост, построенный на двадцати арках из черного мрамора и сделавшийся знаменитым вследствие сражения двух армий, оспаривавших друг у друга обладание им.

Кордова, иберийская, римская, арабская, появляется в истории Испании одновременно с испанской цивилизациею. Она была во все времена знаменитою и могущественною, и потому родовитая испанская аристократия любит связывать свое начало с началом Кордовы; там находится главный источник «*голубой крови*», sangre azul, которая, по мнению испанских дворян, течет в их благородных жилах. Апогея своего величия Кордова достигла в мавританскую эпоху; с девятого века до конца двенадцатого она заключала в своих стенах около миллиона жителей, и её двадцать два предместья простирались далеко в равнину и в боковые долины. Богатство её мечетей, дворцов, частных домов было баснословно; но высшая её слава заключалась в том, что она заслуживала название «кормилицы наук». Во времена великого Маймонида, медика, философа и переводчика Аристотеля, она была первым умственным центром во всем свете; её школы, её коллегии и свободные университеты сохранили и развили научные традиции Афин и Александрии: без неё ночь средних веков была бы еще темнее. Кордуанские библиотеки не имели себе подобных в мире: одна из них, основанная сыном первого Абдерахмана, содержала более 600.000 томов, каталог которых состоял из сорока четырех томов. Но междоусобные войны, вторжение иностранцев и фанатизм уничтожили все эти сокровища. Завоеванная испанцами полустолетием ранее Гранады, Кордова низошла мало-по-малу на степень второстепенного города. Хотя она находится в центре Андалузии, однако же со времени изгнания мавров она сделалась гораздо ниже Севильи, Малаги, Кадикса и Гранады.

Кордова сохраняет еще арабскую физиономию, придаваемую ей её узкими улицами, в которые никогда не проникает прямой солнечный луч. Большая часть её памятников погибла, но она сохранила свою знаменитую мечеть (*mezquita*), ничего подобного которой нет во всем мире. В Гранаде находится великолепнейший дворец мусульман, в Кордове же—их великолепнейший храм. Это здание, чудо арабского архитектурного искусства, было построено в начале восьмого века Абдерахманом и его сыном; при виде его спрашиваешь себя с удивлением, каким образом в продолжение одного поколения могла быть воздвигнута такая исполинская постройка? При входе в него, взорам представляются убегающие вдаль перспективы колонн, как будто сосны в темном лесу; арки с своими изгибами в два яруса один над другим, самых разнообразных форм, кажутся в полусвете храма гигантскими, переплетенными ветвями. Хотя часть колоннад, может быть, треть, была сломана, чтобы дать место для клироса и католических капелл, однако же их остается еще восемьсот шестьдесят штук, не считая колонн портика и колокольни; нёфы, или аллеи колонн, в числе девятнадцати в ширину, пересекаются двадцатью девятью другими аллеями, или улицами (*calles*), как их на-

зывают испанцы, отличая их одна от другой конечными капеллами. Колонны, происходящие из всех римских храмов Андалузии, остальной Испании, мусульманской Галлии, Мавритании и из числа которых сто сорок были присланы в подарок из Византии, представляют почти полную коллекцию самых драгоценных матерьялов: зеленого египетского гранита, красного и зеленого античных мраморов, крапленого мрамора разных цветов; «одни из них желобчатые и витые, другие шероховатые, как пальмы, узловатые, как бамбук, или гладкия, как банан». Коринфские, дорические или арабские принадлежат к самым разнообразным стилям; также и арки имеют различные формы: одни сделаны в виде дуги, большая же часть в виде подковы в три, пять, семь или даже в девять и одиннадцать долей, так что образуют каменную ленту. Нигде не встречается утомительной симметрии; архитекторы сохранили везде великую свободу фантазии. Везде также они щедро расточали самые роскошные орнаменты; нефы были вымощены серебром, алтари украшены золотыми бляхами с драгоценными каменьями, черным деревом и слоновою костью. Чтобы судить, какова была пышность мечети, надо войти в *михраб*, где была некогда «святая святых» и где сохраняли копию Корана, написанную собственноручно Османом. Мозаика михраба, византийской работы, и арабески, недавно очищенные от тех орнаментов, которыми их закрыли христианские архитекторы,—великолепнейшие во всем мире.

Самые богатые округа окрестностей Кордовы—не те, которые омываются Гвадалквивиром; самые богатые и многолюдные земледельческие центры находятся внутри, в особенности в бассейне Гвадахоса, при подошве гор, составляющих западное продолжение сиерры де-Хаэн. Монтилла славится своими великолепными винами; Агвилар, местные вина которого известны в торговле тоже под именем *монтилла*, уступает соседу лишь очень мало в достоинстве своих произведений; Баена, Кобра, Приего-де-Кордоба, Алькала-ля-Реаль, Мартос производят тоже в изобилии вина, масло, хлеб; Люцена имеет, кроме того, некоторую промышленную деятельность. Вообще же во всей равнине Гвадалквивира, между Кордовою и Севильею, на расстоянии около 150 километров по извилинам реки, нет ни одного большого города; даже Пальма-дель-Рио, расположенный в оазисе апельсинных рощ, при слиянии Гвадалквивира с Генилем, представляется только слабо населенным городком, известным лишь как место сбыта товаров из окрестностей города Эсиха, построенного в области степей нижнего Гениля. Берега этой реки, в некоторых местностях, болотисты, а деревни опустошены лихорадкою.

Севилья, нынешняя королева Гвадалквивира, один из самых многолюдных городов Андалузии, также обладает чудесами архитектуры; у неё есть Альказар с его «вышитыми стенами», мало уступающий в красоте Альгамбре гранадской и еще более замечательный своими садами, пропитанными запахом апельсинов; затем богатый собор, весьма высокий и эффектный на вид, и дворец, названный Каза-де-Пилатос, дом Пилата, в коем стиль Возрождения соединен удивительным образом с мавританским стилем. По замечанию Эдгара Кине, возрождение в архитектуре в Севилье было арабское, тогда как в остальной Европе оно было греческое и римское. Из всех монументов Севильи самый известный—*Хиральда*, «флюгер», названный так по бронзовой статуе, вертящейся на верху колокольни. Севильяне очень гордятся этою прелестной мавританскою башнею и считают ее покровительницею города. Но не Хиральда, не другие памятники Севильи, родины Мурильо и Веласкеца, не её сокровища искусств и прекрасные картинные галлереи подали повод прозвать Севилью «очаровательной» и повторять часто поговорку:

«Quien no ha visto Sevilla,
No ha visto maravilla».
(Кто не видел Севильи,
Не видел чудес!)

Что доставило этому городу громкую славу во всей Испании—это приятности жизни, танцы, празднества, бесконечная веселость, одушевляющая население. Бой быков в Севилье—самый замечательный на всем полуострове; школа тавромахии, где преподавалась «философия боя быков», уже не существует; но всякий уличный мальчишка обладает её традициями. Се-

вильский университет принадлежит к числу самых многолюдных на всем полуострове. В Севилье же находится драгоценное сокровище—«Индийский архив».

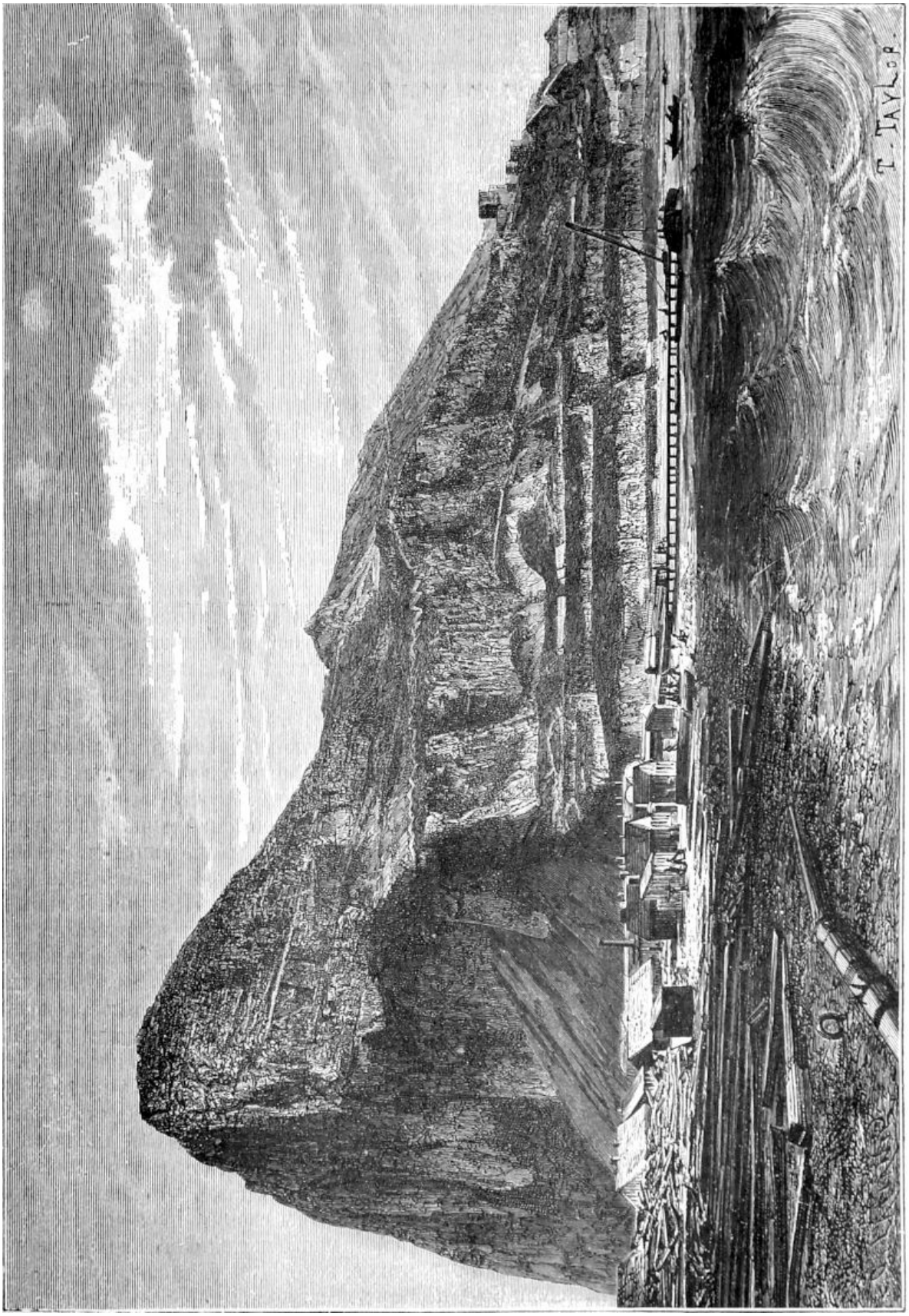
Севилья—испанский город с половины XIII века. Будучи независимою республикою, она геройски сражалась против войск короля Кастилии, но наконец изнемогла в неравной борьбе, и, рассказывают, что 300.000 её жителей, т.е. почти все население, должны были искать убежища в берберийских владениях и в мусульманской Испании. Таким образом древний Гиспалис римлян, Избалия мавров, сделался Севильею Кастилии. В продолжение двух с половиною веков, арабский элемент сосредоточивался в королевствах восточной Андалузии, тогда как Севилья населялась преимущественно христианскими эмигрантами. Только предместье Триана, находящееся на правом берегу Гвадалквивира и соединенное железным мостом с Севильею, сделалось главным местом сборища цыган полуострова: там происходят их тайные совещания, которые, впрочем, избегают всякого столкновения с гражданскими или духовными властями. Недалеко от Триана, к северу, на берегу Гвадалквивира, находятся, возле деревушки Сантипонсе, остатки прекрасного амфитеатра города Итали́ка, древнего соперника Севильи, и родины Силия Итали́ка и императоров Траяна, Адриана и Феодосия. Кория, другой римский город, который в средние века имел право чеканить монету, находится к югу от Севильи, также на правом берегу реки; но теперь это не более, как деревня.

Благодаря прекрасной реке, допускающей свободное сообщение с поморьем и морем, Севилья приобрела значение промышленного города; в ней заслуживают внимания большие фаянсовые заводы, особенно в Триане; но фабрики шелковые и других материй, ткани золотые и серебряные не в состоянии выдерживать иностранной конкурренции. Торговая монополия, которою пользовался прежде Севильский порт в ущерб другим испанским городам, имела неизбежные последствия, которые влечет за собою каждая привилегия: она не допустила развиться промышленности, и когда пришла минута действовать наравне с другими городами, то результат оказался злополучный. Главная отрасль местной промышленности в Севилье все-таки осталась в руках правительства, это фабрикация табаку. Огромное здание табачной фабрики, как говорят, стоило до 10 миллионов франков и дает занятие нескольким тысячам работников. На одном из мысов, господствующих к югу над равниною Гвадалквивира, возвышается маленький городок Алкала-де-Гвадайра, или де-лос-Панадерос, с мавританскими укреплениями, который также можно считать обширною фабрикой, потому что в нем изготовляется большая часть хлеба, потребляемого жителями Севильи; приготовляемое здесь тесто дотого хорошо, что хлеб отправляется и в Мадрид, и в Барцелону, и даже в Португалию. Алкала снабжает Севилью не только хлебом, но доставляет также и воду, которая сбегает с холма бесчисленными и светлыми ключами. Приведя в движение несколько мельниц, вода эта вступает в Севилью длинным водопроводом, с более чем четырьмя стами арок, известным под названием Аркос-де-Кармона. Название это происходит оттого, что он расположен параллельно дороге, ведущей сквозь виноградники и оливковые деревья к старинному римскому городу Кармона (Carmo), господствующему с высоты своего холма над окрестностями.

К югу от Севильи, старинные города нижней Бетики, густо населенные во времена мавров, ныне не имеют почти никакого значения. Утрера, самый значительный и довольно красивый город, имеет то редкое в Испании преимущество, что он лежит на перекрестке четырех линий железных дорог, а именно: в нем соединяется главный путь Андалузии с моронскою железною дорогою, по которой привозится прекрасный мрамор сиерры, и с путями, ведущими в Осуну и Марчену, города, к которым на востоке прилегает степь. Утрера известен в мире aficionados, любителей боя быков, своими боевыми быками, пасущимися к западу от его территории, в болотистых местах Гвадалквивира. Лебриха, окруженный старинными стенами и гордящийся своею церковною башнею, построенною по образцу Хиральды, находится еще ближе, чем Утрера, к болотам, которые начинаются почти непосредственно у подошвы его косогора и тянутся к юго-западу до устья Гвадалквивира. В Лебрихе родился

Жуан Диац-де-Солис, мореплаватель, открывший Рио-де-ла-Плата.

Санлукар-де-Баррамеда, с белыми и розовыми домами, осененными пальмами, стоящий стражем в устье реки, не служит уже, как во времена арабов, большим отправочным портом



Видъ Гибралтара.

долины Гвадалквивира: его каботажные суда, так же, как и суда маленькой гавани Бонанца, лежащей немного выше по реке, в местности, где прозрачные морские волны сливаются с желтоватою водою реки, служат только для перевозки местных товаров. Санлукар, населе-

ние которого обвиняли прежде, справедливо или нет, в разгуле и буйстве, замечателен тем, что из его гавани, в 1519 году, вышли три корабля Магеллана и, три года спустя, в эту же гавань вернулось первое судно, обошедшее вокруг света. Но несмотря на свои права на коммерческую славу, Санлукар, пляжи которого очень удобны для купанья, является скорее дачным местом, чем пунктом морской торговли. Самым деятельным торговым центром между Севильею и Кадиксом является Херес-де-ла-Фронтера, находящийся в другом речном бассейне, на берегу Гвадалеты, может быть, Леты древних. Вокруг этого красивого, даже пышного города расположены обширные погреба, или *бодегас*, в которых хранятся бочки с драгоценными винами. Репутация вин Хереса установилась с начала XVIII века, и с того времени она все возрастает; в настоящее время херес, вместе с портвейном, наполняют большею частию погреба Англии. Поднимаясь к живописному городу Аркос-де-ла-Фронтера, построенному на вершине беловатой горы, можно обозревать богатую долину, где собирается виноград, дающий этот превосходный напиток. Небольшой холм посреди виноградников означает, по преданию, место знаменитого сражения испанцев с мусульманами.

Бухта Кадикса, хорошо защищенная от ветра и зыби океана удлиненною косой, которая начинается у острова Леон, окружена со всех сторон портами, городами и деревнями, образующими вместе как бы большой приморский город. Близ северного угла бухты, который кажется остатком древнего прибрежья, разорванного напором волн, старинная ограда циклопического вида окружает город Рота, сборное место рыбаков, населенное виноградарями, которые хотя пользуются репутациею беотийцев, но тем не менее умеют приготовлять одно из лучших вин Испании. Затем, после ряда бухточек и мысов, открывается лиман Пуэрто-де-Санта-Мариа, где Гвадалета вливается в Атлантический океан, место, откуда торговцы вином, магазины коих расположены вдоль набережной, отправляют за границу почти все произведения виноградников Хереса. Во все времена шло большое торговое движение через этот порт, более удобный, чем Кадикс, вследствие схождения в нем путей сообщения, идущих из внутренних частей страны. Говорят даже, что жители Буэнос-Айреса обязаны своим именем Портеньос, *Portenos*, многочисленным андалузским эмигрантам, которых доставил ему порт Санта-Мария. Знаменитый флорентинец, именем которого назван Новый Свет, Америго Веспуччи, отправился также с бара Гвадалеты, Пуэрто-Реаль, древний *Portus Gaditanus*, расположенный в середине лабиринта лагун, где пресная вода беспрестанно сменяется соленою, служит в настоящее время просто пристанью; соседния верфи, известные под именем Трокадеро, или «места обмена», и которые напоминают собою события из французской экспедиции 1823 года, большею частью пустынны, и часто карракский арсенал, его доки, обширные амбары, укрепления с казематами бывают населены только ссыльными, гарнизоном и тюремным начальством. К востоку и югу тянутся салины, где добывается до 150.000 тонн соли, считающейся лучшей для солений.

Сан-Карлос, к югу от внутренней бухты Кадикса,—один из прибрежных городов, представляющий из себя вид острова. Судоходный канал Санти-Петри или Сан-Педро, глубиною от 7 до 8 метров при половодии и пересеченный обыкновенной и железною дорогами, отделяет город от континента и холмов, на которых построены дачи и гостиницы Чикланы, города, известного своими купальнями, и который в то же время есть место рождения и школа знаменитых тореро Андалузии. Сан-Карлос—это собственно предместье Сан-Фернандо, называемого также *la Isla*, в котором находится морская обсерватория, через которую испанские астрономы проводят свой первый меридиан. За новым каналом начинается скалистый и покрытый отчасти песком выступ Арресифе, который можно сравнить со стеблем, распустившимся цветком которого будет Кадикс; на корне же этого стебля когда-то находилась высокая финикийская башня, служившая пьедесталом бронзовой статуе бога, простиравшего правую руку к неизвестным морям запада. За укреплениями, насыпями и рвами Кортадуры, вырытыми жителями Кадикса в 1810 г., берег, по мере приближения к морю, становится более и более отлогим. Налево, в открытом море лодочники показывают путешественникам мнимые остатки храма Геркулеса, будто-бы поглощенного волнами. Несомненно только то, что в историческое ли время, как утверждают моряки, или еще раньше, вся эта

местность значительно осела. Бары, линия прибоя которых продолжается в море на 3 или 4 километра, параллельно нынешнему морскому берегу, суть не более как остатки прежнего берега. Правда, оседанию предшествовало повышение почвы, что доказывается тем, что полуостров, на котором расположен город Кадикс, состоит весь из остатков раковин, устриц и окаменелых моллюсков.

Наконец, пройдя последнюю линию укреплений, мы входим в знаменитый Кадикс, потомок древнего Гадира финикийцев, Гадиры греков, Гадеса римлян. В первые века иберийской истории этот город пользовался первенством между всеми городами полуострова, первенством, переходившим затем поочередно к Таррагоне, Мериде, Толедо, Кордове, Гранаде, и, наконец, три века тому назад, доставшимся Мадриду. В истории мы встречаем Кадикс то на верху славы, то в сильном упадке; но, благодаря своему счастливому географическому положению, он всегда быстро возрождался, на-перекор разным политическим переворотам и постановлениям правительства. Он обладает не только превосходным рейдом, или, лучше сказать, несколькими соединенными в одну гаванями, но находится также близ выхода из широкой речной равнины, рядом с проливом, соединяющим воды океана с Средиземным морем, и недалеко от конечной точки всего континента. Кадикс—естественный порт отправления для кораблей, идущих к берегам Нового Света; рейд его мог бы оспаривать у главного порта реки Таго привилегию быть для всего европейского континента исходным пунктом на дороге в южный Атлантический океан.

Когда три каравеллы, вышедшие из небольшого порта Палос, расположенного на берегу лимана Рио-Тинто, открыли Вест-Индию, то Кадикс на долгое время завладел всею торговлею с этою страною, торговлею, которая получила особенное развитие с 1720 года, когда трибунал Индии переведен был из Севильи в Кадикс. В 1792 году жители Кадикса отправили в Америку товаров на 67 миллионов франков и получили оттуда продуктов и драгоценных металлов на сумму 175 миллионов. Правда, что вскоре после этого Испания, после трех столетий торговой монополии, почти внезапно лишилась своего обмена с Новым Светом, и Кадикс потерял, таким образом, большую часть своих доходов; ему в это время оставались только рыбная торговля, именно вывоз скумбры и сардинок, доставляемых из Роты, Айямонте и с острова Христины, в устье Гвадианы, и еще—салины г. Сан-Фернандо,—которые всегда были самыми деятельными между соляными промыслами Испании; но счастье ему снова улыбнулось—и опять корабли толпятся перед его набережными.

Вывоз соли из Кадикса: 225.000 тонн, стоимостью 2.500.000 франков.

В этой части испанского прибрежья, между Алгарвою португальскою и проливом, Кадикс—единственный город, имеющий торговые сношения с целым светом; Гуэльва, значительная прежде, в настоящее время ведет только специальную торговлю рудами, отправляемыми на заводы Англии.

По своей торговле и значительному населению, Кадикс занимает, сравнительно, очень небольшую площадь; прибрежье его залива насчитывает около 200.000 жит., одна треть которых не нашла себе места в городе. Правда, к востоку, вне «Ворот Земли», находятся места, которые можно бы увеличить, оградив плотиною отмели залива; но инженеры не дозволяют там строить больших зданий, и этот внешний квартал остается при очень скромных размерах. «Кадикс—это серебряное блюдо, положенное на воду», говорит испанская пословица. Окруженная со всех сторон водами, эта «испанская Венеция» вознаградила недостаточность своей площади высотою построек: пяти и шести этажные дома имеют еще наверху бельведеры, откуда виден весь город, опоясанный водою, и хотя мест для прогулки почти вовсе нет, но, тем не менее, Кадикс имеет веселый вид; дома, выкрашенные в светлые цвета, приятные для глаз; жители, известные своею любовью к удовольствиям, своею живостью, бойкостью речи, и наконец, изяществом, достойным креолов, заслужили вполне название своего города «веселый Кадикс»; но, между гражданами Испании, они имеют еще и другие преимущества: во все времена они выказывали дух независимости, и это среди них народилась современная Испания, когда кортесы, собиравшиеся на острове Леон, представляли отечество, восстав-

шее против чужеземного завоевателя. В Кадиксе родился математик и ботаник Мутиз, которого бессмертное имя, по словам Линнея, не будет никогда забыто.

На берегу Средиземного моря, в Андалузии, есть другой порт, который в прежнее время был вторым Кадиксом в отношении торговли: это Альмерия. В эпоху, когда оба противуположные берега моря были населены народом, говорившим на одном языке и исповедывавшим одну религию, не было ни одного порта, который был бы удачнее расположен, чем Альмерия, для сношения между обоими берегами, потому что в этом месте начинается пролив Средиземного моря, и путешественники избавлялись таким образом как от морских опасностей, так и от длинного обхода через Гибралтарский пролив. Предание о древнем величии Альмерии сохранилось и поныне в стране, и по этому поводу повторяют следующую народную поговорку:

«Cuando Almeria era Almeria,
Granada era su alqueria».
(Когда Альмерия—была Альмериею,
Гранада была её мызою).

Но испанцы положили конец этому благоденствию, завоевав город с помощью генуэзцев и пизанцев, в XII веке, и наложили свою руку на ту «священную чашу» (*sacro catino*), которую легенда называет св. Гралем, мистический сосуд, завоевание которого стоило больших трудов рыцарям Круглого Стола. Хотя и побежденные, однако Альмерия и другие окрестные города остались еще надолго мавританскими, каковы они доныне по происхождению своих жителей. Им часто приходилось также защищаться против набегов варварийцев, и собор в Альмерии, начатый в XVI веке и очень похожий на крепость, ясно показывает, каким опасностям подвергались жители. Что касается до беловатых домов с террасами, кривых улиц и старой *kasbah*, вмещающей в себе до 20.000 человек, то все это сохранило вполне арабскую физиономию, и через полуоткрытые двери можно всегда видеть женщин, сидящих, по восточному обычаю, на корточках и плетущих циновки. С тех пор как западная Алжирия сделалась страной испанской колонизации, Альмерия возобновила свои прежния торговые сношения с Мавританией, и кроме отправки своих руд в Англию и Францию, она поддерживает еще торговые отношения с своим соседом, алжирским портом Ораном. К востоку и северовостоку от Альмерии находятся горнопромышленные города Нихар, Вэра, Куэвас де-Вэра и Уэркал-Овэра.

К западу от Альмерии следуют один за другим города, принадлежащие по климату и произведениям к тропическим. При выходе из равнины Рио-Гранде д'Альпухарра, находится порт Адра, через который идут товары из городов Берха и Далиас; последний вполне оправдывает свое арабское название «Виноградная беседка» производством отличного винограда; это было, говорят, первое прочное поселение арабов, пришедших из Африки. Затем следуют небольшие порты Мотриль, Кала-Хонда и Барадеро; далее Альмуньекар, Велец-Малага и, наконец, «очаровательная» Малага, окруженная фруктовыми садами, орошаемыми водами Гвадальмедины.

Малага, финикийского происхождения, как и большая часть других прибрежных портов,—после Севильи самый многолюдный и важнейший торговый город Андалузии; менее богатый в отношении прекрасных арабских памятников, чем Гранада, Кордова и Севилья,—так как он обладает лишь полуразрушенными дворцами,—менее знаменитый в отношении исторических событий, чем Кадикс, соперничествующий с ним на берегу Атлантиды, город Малага обязан своему превосходному порту и необычайному плодородию своих окрестностей тем, что он превзошел большинство других городов южной Испании числом и деятельностью своих жителей; по значительности цифры ежегодного торгового обмена, его превосходит во всей Испании лишь одна Барцелона. Малага имеет перед Кадиксом то преимущество, что она не есть только простое складочное место. Все товары, вывозимые из неё, как-то: сахар, вино, апельсины, винные ягоды и фрукты различных родов, но, в особенности, изюм (*pasas* и *lechos*),—все это выходит из её непосредственнаго округа, чудесно орошаемого ис-

кусственными каналами и осушенного в настоящее время от всех болот, которые некогда покрывали эту местность. Малага имеет, чтобы поддерживать свою торговлю, даже то, чего не имеет и Кадикс, а именно: она имеет промышленные заведения, огромные мыловарни, литейные и тростниково-сахарные заводы. Говорят, что весьма обширному, но плохо защищенному от южного ветра, порту Малаги угрожает современем уменьшение в объеме, вследствие поднятия уровня его дна; но завоевания берега, может быть, следует приписать наносам потока Гвадальмедины; перед набережными на прежних водах образовалась широкая полоса сухой земли, обращенная в бульвар. С моря собор, возвышающийся над портом, кажется почти столь же большим, как и остальная часть города, который, впрочем, быстро растет; но, кроме домов, сгруппированных у подножия холма и крепости Гибралфаро, следовало бы считать тоже принадлежащими к городу и бесчисленные виллы, рассеянные по склонам окружающих холмов и в долинах Гвадальгорце и Гвадальмедины. Города с сернистыми водами и другие, которые разбросаны в самых живописных уголках соседних гор, Алора, Большой Алгорин, Карратрака и даже Альгама, на северном склоне сиерры Альгамы, все они могут быть рассматриваемы, как зависящие главным образом от Малаги, так как эти места оживляются в продолжение лета преимущественно жителями Малаги, куда они стекаются для дачной жизни и для пользования лечебными водами. Альгама была частью разрушена землетрясением в 1884 г. Говорят, целебные источники Альгамы привлекали так много посетителей во времена мавританских королей, что приносили им ежегодно 500.000 дукатов. Воды Ланхарона, в долине Лекрин, отличаются, говорят андалузцы, большей целебной силой, чем Виши, а помимо этого имеют то преимущество, что находятся в «Раю» Альпухарры, среди самой величественной и прекрасной местности. Тамошние жители принадлежат к числу самых красивых на всем полуострове. «В Испании только один Ланхарон!» говорит пословица.

Города Антеквера и Ронда принадлежат оба к бассейну Средиземного моря, так как первый расположен на Гвадальгорце, впадающем в море немного западнее Малаги, а второй помещается в бассейне Гвадиаро, воды которого омывают восточные склоны холмов Сан-Рока, севернее Гибралтара. Антеквера, иберийская и римская, один из самых древних городов Испании, служит посредником в торговле между Малагою и долиною Гвадалквивира; кроме того, изобилует земледельческими продуктами своей замечательной веги, одной из самой плодородных долин во всей Андалузии. На одном из окрестных холмов возвышается огромный долмен в шесть метров длиною, весьма любопытный по своему географическому положению, в равном расстоянии от мегалитов Галлии и северной Африки: он носит название *Cueva del Mendal*. Что же касается Ронды, еще совершенно арабского города, то он не может иметь значения Антекверы, как торговый пункт, уже потому, что находится в самом сердце цепи зубчатых гор, *serrania*, помещаясь на двух скалах, разделенных между собою огромным перерезом, так называемым Тахо, глубиною в 160 метров и шириною от 35 до 70 метров. В верхней части этого прохода, оба берега соединены мостом, как полагают, римского происхождения; другой мост, построенный во времена арабов, перекинут через дефиле на 40 метров выше Гвадалевина; наконец, три, одна на другую положенные арки новейшего моста соединяют противуположные скалы у самого выхода ущелья. Приводя к окончанию это гигантское сооружение, руководимое им в продолжение сорока восьми лет, с 1740 по 1788 гг., архитектор Альдегуэла ознаменовал его открытие грустным образом, упав сам в пропасть, над которою парят орлы и коршуны. С верхней площадки и висячих террас открывается восхитительный вид на долину Гвадалевина и на сиерру де-Сан-Кристобаль; но самое поразительное зрелище представляется взору, когда, спустившись со скалы, по которой извивается арабская лестница, высеченная в камне, вы доходите до самого основания таинственного ущелья, видите вокруг водопады Гвадалевина, а над головою деревья, башенки и высокие арки, вырезывающиеся на фоне лазурного неба. Тихий ручеек, вытекающий из расщелин скалы, смешивает свою прозрачную воду с ревущим потоком.

Как крепость, Ронда прекрасно охраняла проходы горы между долинами Гениля и Гвадиаро, и, во время войн, всегда была важным стратегическим пунктом. Хотя она была завое-

вана за семь лет до покорения Гранады,—окрестные жители защищали еще свою мавританскую национальность против испанских христиан вплоть до 1570 года. *Rondenos*, то-есть жители Ронды, весьма искусны в выездке местных лошадей, легко и смело взбирающихся по крутым гористым тропинкам; кроме того, они доставляют торговому движению большое число деятелей, не фигурирующих, впрочем, в рядах сословий, признаваемых оффициальною статистикою: труд ввоза в Андалузию бумажных тканей, табаку и других товаров, сложенных в магазинах Гибралтара, главным образом принимают на себя контрабандисты из Ронды, Порты Марбелла и Эстепона, на берегу Андалузии, прилежащем к Средиземному морю, а с другой стороны европейского мыса, хорошенький городок Альжезирас также участвует в этой контрабанде. Часто пытались сделать из Альжезираса соперника Гибралтару в отношении меновой торговли; но как могло бы это осуществиться? Где промышленные города, которые могли бы снабжать своими продуктами альжезирасский рейд? Некоторые патриоты предлагали преобразовать Альжезирас в крепость, из которой можно было бы обстреливать рейд, препятствуя этим приближению кораблей и вынуждая, таким образом, англичан покинуть Гибралтар.

Что касается этой узкой скалы, которою завладели англичане в 1704 году и которую они пробуравили на несколько километров проезжими дорогами, унизали со всех сторон жерлами тысячи пушек, с целью защитить, как можно лучше, вход в пролив, то, надо сказать, что они съумели из неё сделать не только неприступную крепость, но также и чрезвычайно оживленное складочное торговое место.

Торговое движение в Гибралтаре в 1881 г. было:

7.633.246 тонн, из которых 7.231.622 тонн приходится на паровые судна.

В 1885 г. в Гибралтар вошло: 6.146 кораблей, вместимостью в 4.610.630 тонн; в 1892 г.: 4.947 суд., вместимостью в 4.393.019 тонн.

За исключением небольшого количества плодов, вызревающих в садах, которые разведены на каменных откосах, Гибралтар сам ничего не может производить. Тангер снабжает всем свою европейскую соседку: мясо и хлеб привозятся большею частию с африканского берега пролива, и многие из городских негоциантов, по своему происхождению,—марокканцы, занимающиеся на Гибралтаре выгодным сбытом жизненных припасов. Но если английский город страдает отсутствием собственных рессурсов, зато он с избытком вознаграждает себя теми выгодами, которые он извлекает из своей контрабандной торговли с Испаниею, главным образом табачной, и от непрестанного прохода военных и торговых судов. Важность Гибралтара, как порта, значительная уже сама по себе, хотя не настолько, как можно бы заключить из чрезвычайно сильного движения навигации, возвысилась бы еще больше, если бы гавань не была открыта южным и юго-западным и даже восточным ветрам. Когда стоит переменная погода, суда Гибралтара так же, как суда Альжезираса, бывают вынуждены подвинуться к северо-восточной оконечности залива, в маленькую бухточку Пуэнте-Майорга. Только четвертая часть судов, проходящих проливом, останавливается в Гибралтаре; другие же хотя и пристают сюда на время, но не для торговых операций. Пароходы, относительное число которых увеличивается год от году, по причине быстроты их хода и правильности рейсов, заходят в Гибралтар лишь за тем, чтобы взять из его магазинов потребное им количество угля, а парусные суда заходят в пристань в ожидании приказов судохозяев или перемены ветра. Из общей огромной суммы тоннажа судов, пристающих в Гибралтар, около пяти шестых принадлежат Англии; Италия и Франция оспаривают друг у друга второе место, а испанский флаг, развевающийся, однако, в виду берегов отечества, занимает лишь четвертое место.

Несмотря на живописную красоту его скалы и вида на рейд, Гибралтар составляет не особенно приятное местопребывание, по причине нездоровых испарений, поднимающихся с болотистых местностей острова и еще более того вследствие господствующего тут строго военного режима. Только одни английские подданные имеют право основываться здесь и приобретать собственность. Сотни испанцев, приходящих каждый день на рынок, должны зару-

чаться пропускным билетом, чтобы попасть в город, и должны выйдти из крепостных стен до вечерней пушки. С другой стороны, англичане, живущие в Гибралтаре, которых называют в шутку «ящерицами скалы» (*lizards of the rock*), чувствуют себя несколько стесненными на своем знойном полуострове, где невыносимая яркость солнечного света причиняет болезни глаз, и, вследствие этого, каждый город, каждая деревня в окрестностях Гибралтара получают оттуда маленькую колонию. Сан-Рок в особенности походит на английскую колонию, вследствие большого числа эмигрантов из Гибралтара, приезжающих туда летом подышать более свежим воздухом, чем тот, которым они дышат на своем мысе. С открытием охотничьего сезона, местные горы, богатые дичью, оглашаются ружейными выстрелами живущих на даче островитян.

Цифры населения главных городов Андалузии по последней переписи (31 дек. 1887 г):

Севилья 143.182 жит.; Малага 134.016 жит.: Гранада 73.006 жит.; Херес-де-ла-Фронтера 61.708 жит.; Кадикс 62.531 жит.; Кордова 55.614 жит.; Альмерия 36.200 жит.; Сан-Фернандо 29.000 жит.; Антеквера 27.070 жит.: Эсиха 23.615 жит.; Линарес 29.692 жит.; Велец-Малага 25.000 жит.; Санлукар-де-Баррамеда 24.000 жит.; Хаен 26.000 жит.; Пуэрто-Санта-Мария 20.590 жит.; Куэвас-де-Вэра 20.027 жит.; Люцена 21.271 жит.; Ронда 18.350 жит.; Гибралтар (1891 г.), с гарнизоном 25.755 жит.; Лоха 19.120 жит.; Убэда 19.000 жит.; Осуна 19.376 жит.; Кармона 17.159 жит.; Мотриль 17.122 жит.; Аркос-де-ла-Фронтера 16.199 жит.; Алькала-ла-Реаль (1884 г.) 15.802 жит.; Приэго-де-Кордоба 15.766 жит.; Берха 13.582 жит.; Уэркал-Овера 15.631 жит.; Утрера 16.000 жит.; Морон-де-ла-Фронтера (1884 г.) 16.013 жит.; Мартос 16.356 жит.; Баэца 13.911 жит.; Марчена 14.752 жит.; Кабра 13.391 жит.; Нихар 14.221 жит.; Баэна 12.036 жит.; Монторо (1884 г.) 12.563 жит.; Монтилья 13.790 жит.; Уэльва 18.195 жит.; База 11.998 жит.; Лебриха 11.933 жит.; Альгецирас 12.381 жит.; Медина Сидония 11.705 жит.; Тарифа 4,3.000 жит.; Андухар 15.214 жит.; Гвадикс 11.989 жит.; Агвилар-де-ла-Фронтера 12.451 жит.; Чиклана-де-ла-Фронтера 12.348 жит.; Адра 9.029 жит.

IV. Склон главного плато к Средиземному морю, Мурция и Валенция.

Нагорья внутренней Испании и горы, образующие их закраину, понижаются к Средиземному морю так круто, что путешественник может менять климат и горизонт в несколько часов. Из суровых местностей, где, при северном ветре, бывают сильные холода, спускаешься в области, согреваемые постоянно солнцем. Вместо рек, уносящих свои воды в далекий северный Атлантический океан, мы видим у себя под ногами сверкающие волны Средиземного моря. Эти отлогости, обращенные к африканскому морю, узкия равнины, расстилающиеся у их подножия, бастионы мысов, которые служат им точкою опоры,—все это вместе взятое составляет естественную область, совершенно отличную от остальной Испании. Правда, административные границы Мурции и Валенции не всегда точно согласуются с границами природными; Мурция занимает часть возвышенностей, принадлежащих центральной Испании, а с другой стороны, аррагонская провинция Теруэль захватывает речные долины, воды которых изливаются на территорию Валенции; но, если рассматривать главным образом население, то оказывается, что оно сосредоточилось в соседстве прибрежья, тогда как верхния кручи почти пустынны. Живой пояс двух названных провинций указывается чертами географического рельефа.

	Пространство	Насел. 31 дек. 1887 г.	Насел. на 1 кв. кил.
Мурция	26.400 кв. кил.	720.541 жит.	27,3
Валенция	22.876 »	1.459.465 »	63,8

К северу от сиерры де-Гата, образующей юго-восточный угол полуострова, звенья гор, принадлежащих к системе Сиерры-Невады, опускаются ступенями, по мере приближения к морю, и оканчиваются извилистою линиею гор и неровных холмов, разделенных оврагами, *ramblas*, почти всегда сухими. Нормальное направление этих звеньев идет от запада к восто-

ку и от юго-запада к северо-востоку.

Сиерра де-лос-Филабрес, прерываемая долиною, в которой по временам появляются воды Альманзоры, снова выступает в виде небольшой прибрежной цепи и, под именем сиерры Альменара, тянется между Лоркою и Картагеною; полуостров, в форме серпа, далеко вдающийся в море мысом Палос, можно рассматривать как отдаленный отрог этой цепи, которая, в свою очередь, служит продолжением Сиерры-Невады. Хребет Эстанциас, понижающийся, в ущелье Велец Рубио, затем пересекаемый ущельем Сангонера, в верховье Лорки, далее к северу присоединяется к соседним высотам сиерры Эспунья. Сиерра Эспунья, возвышающаяся более чем на 1.500 метров над равнинами Мурции, в свою очередь, присоединяется к сиерре Марии посредством кряжа, называемого «Исполином», *el Gigante*. Наконец, сиерра де-Сагра и сиерра дель-Мундо также выделяют к северо-востоку отроги, которые заставляют верхние притоки Сегура делать длинные обходы. Одна только сиерра Альказар, возвышаясь в виде «Скал», или Пенья-де-Сан-Педро, остается отделенною от гор Чинчилья равнинами, почти лишенными возвышенностей.

На левом берегу Сегура, разные сиерры, так-то: Чинчилья, Кабрас, Карче, Пила, Кревильенте, следуют по тому же среднему направлению; затем, соединившись в один запутанный узел,—самая высокая вершина которого Монкабрер возвышается над городом Алькой,—все эти цепи съуживаются, образуя целую группу мысов, выдвинутую по направлению к Балеарским островам. Гора, заканчивающая цепь на мысе Сан-Антонио, знаменита в истории геодезии:—это Монго, природная, обсерватория, где Мешэн, Био, Араго работали над измерением дуги меридиана. С развалин, украшающих вершину горы, открывается великолепный вид на море, обнимающий группу Балеарских островов и весь берег Испании, от дельты Эбро до мыса Палос. Одна из высот, соседних с Монго, Пеньон-де-Гифак, соединенная с берегом лишь очень узким перешейком,—происхождения вулканического.

Горы, господствующие над долинами Хукара и его притоков, представляют, повидимому, лишь обломки большой плоской возвышенности, которая подымается на западе. Вершины с склонами, изрытыми водою, расщеленные кряжи, неровные, спутанные отроги, покрывающие покатость к Средиземному морю, почти все гораздо ниже массивного западного хребта, от которого они были оторваны разъедающим действием вод: лишь некоторые их вершины, именно: Пико-Ранера, сиерра Мартес имеют вид настоящих гор. В бассейне Гвадалавиара самостоятельные сиерры более высоки и величественны. Около Муэла-де-Сан-Хуан, центрального водораздела речных бассейнов, различные передовые кряжи, как-то: сиерра Альбарацин, сиерра Вельдемека, «Всемирные горы», все еще на-половину сливаются с толщею плоской возвышенности; но далее к востоку кряж с закругленными очертаниями, с пирамидальною вершиною Хаваламбр, достигающий более двух километров высоты, имеет вполне горный характер. К северу от этого кряжа и речки Михарес, часто высыхающей, возвышается другая господствующая горная группа, Пеньяголоса, соединяющаяся на западе посредством гористого плато с сиеррою Гудар, северные склоны которой принадлежат уже к бассейну Эбро.

От Пеньяголосы до большого поворота реки, все кряжи, носящие каталонские названия, именно: Муэла-де-Арес, Тозаль-де-лос-Энканадес, Бош-де-ла-Эспина и другие, менее значительные, расположены в виде прибрежной цепи, параллельной берегу Средиземного моря. У их подошвы, при самом море, выступают две маленькия цепи, местами перерезанные аллювиальными или каменистыми долинами, по которым струятся потоки; эти цепи идут параллельно друг другу, оставляя между собою впадину, в которой проведены обыкновенные и железные дороги. Сиерра Монтсиа живописно заканчивает эту двойную цепь на самом берегу Эбро. Прежде чем Эбро прорвал горный вал, задержавши его в виде озера в Арагонской равнине, маленькая прибрежная цепь, равно как и более высокая сиерра внутри страны, продолжались правильно к Пиренеям.

Высоты гор средиземноморского склона, по Коэлло.

Исполин (*el Gigante*) 1.499 метр.; Моррон-де-Эспунья 1.582 метр.; Монкабрер 1.385

метр.; Пик-де-Хаваламбр 2.002 метр.; Пеньяголоса 1.811 метр.; Муэла-де-Арес 1.318 метр.; Тозаль-де-лос-Энканадес 1.392 метр.; Сиерра Монтсия 762 метр.

Вообще горы Средиземного склона центральной Испании представляют обнаженный вид; кустарники являются издали в форме темных пятен на ослепительно блестящих скалах. Здесь, подобно тому как в Греции и Провансе, можно проследить взором отчетливо вырисовывающиеся гребни вершин, и чистота этого профиля, освещаемого голубым небом, еще более увеличивает строгую красоту пейзажей. Вследствие необычайной прозрачности воздуха. Мурция была названа *Reino Serenisimo*, «Светлейшее королевство». По той же причине горы этой местности получили поэтическое прозвище *montes de Sol y Aire*, «горы Солнца и чистого Воздуха». Климат бассейна Сегура, еще более чем климат Андалузии, можно назвать вполне африканским. Весны и осени, как времен года, здесь не существует; подобно тропическому поясу, бывает период жаров и зимний сезон, продолжающийся с октября до января. Но, к счастью, резкие переходы времен года умеряются летом мистралем, спускающимся с плоских возвышенностей, а зимою—правильными ветрами, дующими с соседнего моря. В марте месяце ветры чаще всего переходят в ураганы.

Растительность этого поморья, особенно в Мурции, представляет смесь произведений тропического и умеренного поясов. Большая часть деревьев сохраняет листья целый год, а другие теряют их зимою. Рядом с пшеницею, рисом, маисом, маслиною, апельсинами и виноградом южной Европы, здесь произрастают: хлопчатник, сахарный тростник, пататы, индийская смоковница, агава, финиковая пальма. Многие степи этой страны напоминают Африку, даже окраины Сахары. Тропические болезни также находят в климате юго-восточной Испании подходящую для себя среду. Желтая лихорадка, занесенная американскими кораблями, много раз свирепствовала на средиземноморском берегу Испании; даже Барцелона, соседняя французским берегам, еще помнит опустошения этого бича. Холера тоже посещала эту местность. Берега Валенции, подобно другим прибрежным областям Средиземного моря, страдают также от дурных испарений, особенно после внезапных наводнений, когда гниющие вещества отлагаются на полях. Смешение пресной и соленой воды в прибрежных лагунах, или *albuferas*, также портит воздух и порождает опасные лихорадки. Напротив, вполне соленые озера, которые тянутся близ берега, к югу от Сегуры, и большая внутренняя бухта Мар Менор, отделенная от открытого моря одною только песчаною косой в двадцать километров длины, не оказывают никакого вредного влияния на климат.

Юго-восточный край Испании представляет часть полуострова, наименее орошаемую дождями.

	Мурция	Аликанте	Валенция
Средняя температура, по Коэлло	(?)	20°,7(?)	18°,5
Среднее количество дождя в метрах	0,362	0,427	0,446
Число дождливых дней	63	48	45

Между Альмериею и Картагеною среднее годовое количество выпадающего дождя едва достигает двадцати сантиметров; в окрестностях Аликанте и Эльче дожди несколько обильнее: Мурция, расположенная у подошвы гор, задерживающих дождевые облака, и Валенция, находящаяся в глубине залива, обращенного к востоку и северо-востоку, лучше орошаются; но среднее количество влаги в полметра толщиной слишком незначительно для климата почти тропического. Часть выпавшей дождевой воды тотчас же испаряется; лишь очень небольшой излишек влаги пробирается к морю по извилистым каменистым оврагам. Такое количество воды, если его распределить по всей поверхности средиземноморского склона, окажется вполне недостаточным: воздух, жадно впитывающий водяные пары, поглотил бы его без остатка. Если возделывание почвы и возможно, и даже дает превосходные результаты в некоторых прибрежных местностях, то единственно потому, что они расположены по течениям рек, хранящих остатки дождевой воды, или, как Каркаженте или Альцире,—по соседству с подземными хранилищами воды, которую можно добывать при помощи паровых насосов. Зато сколько земель, плодородных по своим составным частям, лежат пустырями за недо-

статком необходимой влаги! Между Картагеною и Мурциею крестьяне возделывают поля, дающие жатву средним числом лишь через каждые три года, вследствие редко выпадающих дождей. С обеих сторон прибрежного пояса реки Сегура простираются настоящие степи, остающиеся салончаками за недостатком промывающей и оплодотворяющей воды; окрестности Картагены, по выражению одного путешественника, имеют «растительность печей для обжигания известки». На протяжении приблизительно 500 километров по изгибам побережья от Альмерии до Виллахоиоза, все прибрежные *campos*'ы бесплодны и обнажены, кроме редких оазисов и берегов постоянных или временных потоков; у подошвы скал триаса, где находятся значительные залежи каменной соли, соляные или магнезиальные источники скопляются в виде озер, высыхающих летом и оставляющих на поверхности почвы белый кристаллический слой; таково озеро Петрола, или «Горькой соли», после которого летом остается пласт сернокислой магнезии. Равным образом, приморские лагуны окрестностей Оригуэля, снабжающие превосходною солью провинции средиземноморского прибрежья, покрываются в августе месяце столь толстою корою розовой соли, что ее рубят топорами.

Благодетельные реки, воды которых дают соки растительности *huertas* или садов, расположенных на их берегах,—Сегура, Виналапо, Хукар, Гвадалавиар, называемый также в нижнем течении Туриа, Михарес и другие второстепенные rios. Все эти маленькия реки замечательно сходны между собою угрюмым характером их высоких долин и диким, грозным видом ущелий. Сегура пересекает многие горные цепи до входа в равнину Мурции, спускаясь с одного уступа на другой и проходя через столько же горных теснин, с средней высоты от трех до четырех сот метр.; главный приток её, Рио-Мундо, начинается в амфитеатре гор, подобно амфитеатру Гаварни, тремя последовательными водопадами; затем, как и Сегура, он должен был прорезать себе русло в горах и над самым местом впадения в главную реку проходит в узком ущелье (*canon*) красных вертикальных скал величественного вида. Хукар, Гвадалавиар (Уэд-эль-Абиад), или «Белая река», протекают с меньшими препятствиями, вследствие большей простоты орографического профиля; но многие из ущелий этих рек поражают своею красотою даже в Испании, столь богатой дикими утесами и глубокими ущельями. Наиболее живописными на всем полуострове считаются клюзы, пробитые потоками, спускающимися с Муэла-де-Сан-Хуан и гор Альбаррацин. Хукар в начале течет как бы направляясь к Таго, но затем вдруг поворачивает к югу и юго-востоку и, пройдя целый ряд ущелий, достигает бассейна Средиземного моря. Что касается Гвадалавиара, то он берет начало на восточном склоне Кастильской плоской возвышенности; при входе в равнину Валенции через проход Кулилла, он спускается с высоты 140 метров через множество порогов.

Реки средиземноморского склона, плохо питаемые и истощаемые испарением, приносят в низменные равнины незначительное количество воды. Поэтому прибрежные земледельцы, по крайней мере в провинции Валенции, где они промышленнее своих соотечественников Мурции, тщательно сберегают речную воду. В устьях всех долин постоянные и временные воды, приносимые потоками, удерживаются при помощи плотин в бассейне, или *pantano*, и затем до последней капли разливаются по полям посредством дренажных каналов. Многие притоки до-суха вычерпываются для искусственного орошения прежде, чем достигнуть своей главной реки, да и сами реки, отводимые то направо, то налево, достигают моря лишь после внезапных, обильных дождей. Если орошаемые поля не вполне издерживают драгоценную влагу, то остаток воды, наполненный землею и нечистотами, изливается близ моря в какую-нибудь лагуну, и в редких случаях имеет силу, достаточную для проложения пути к морю.

Вот цифровые данные для главных рек Мурции и Валенции:

	Поверхность бассейна	Длина течения	Наименьший расход воды
Сегура	22.000 кв. кил.	350 кил.	8 куб. метр.
Хукар	15.000 „	511 „	22 „
Гвадалавиар	8.000 „	300 „	10 „

Благодаря питающей воде, растительность орошенных полей отличается роскошным ро-

стом и представляет приятный контраст с *campos*'ами, или землями, обработываемыми без искусственнаго орошения. Последние производят хлеба, виноград и другие, употребляемые в пищу растения, и в годы, обильные дождями, дают даже богатый сбор; но как они голы и бедны в сравнении с садами (уэртами), оживляемыми журчанием ручейков, скрытых в тени дерев, сквозь которые виднеются крестьянские домики, крытые тонкой рисовой соломой!

Самая знаменитая из уэрт Испании та, деревья которой на половину скрывают стены и башни Валенции. Весьма вероятно, что искусственное орошение применялось на обоих берегах Гвадалавиара еще со времен римских завоевателей; но систематические работы по орошению несомненно введены арабами. При помощи восьми главных каналов, подразделенных на многочисленные второстепенные канальцы, или *acequias*, они преобразовали всю окрестность Валенции в настоящий райский сад. Влажная почва, производительности которой помогает удобрение, собираемое трудолюбивыми земледельцами не только в хлевах, но даже на улицах, дает урожаи, не требуя отдыха, и при том в замечательном изобилии. В этих «садах» встречаются стебли маиса в 5, 6 и даже в 8 метров высоты; тутовое дерево дает три и четыре сбора листьев в год; от четырех до пяти жатв различных растений производятся на одном куске земли; сенокос бывает от девяти до десяти раз. Вся эта скороспелая растительность, правда, водяниста и не представляет прочного строения: отсюда и произошла поговорка у соседей, недоброжелателей Валенции:

«. .En Valencia
La carne es yerba, la yerba agua,
Los hombres mujeres, las mujeres nada!
(В Валенции мясо как трава, трава как вода,
Мужчины как женщины, а женщины ничего не стоят).

Драгоценная вода, питающая такое огромное количество сельско-хозяйственных растений и обогащающая поля Валенции, не могла не сделаться предметом частых споров между смежными землевладельцами. Поэтому необходимо было ограничить пользование водою строгими правилами. Каждая община имеет для этой цели свои определенные часы; сигнал к поднятию и замыканию шлюзов оросительных каналов дается с соборной колокольни в Валенции. Особая водяная судебная коммисия разбирает все вопросы по орошению, возникающие между земледельцами; эта коммисия состоит из восьми старшин—по числу *acequias*,—простых землепашцев, выбранных самими поселянами из своей среды не за способность к крючкотворству, а за здравый ум и честность. Честь основания этого судилища приписывают одному мусульманскому владетелю, Аль-Гакем-Аль-Мостанзир-Билаху; однако, весьма вероятно, что оно чисто народного происхождения и не потребовало для своего учреждения никаких хартий и грамот, в которых не нуждается и для поддержания своего существования. Вся обстановка этого трибунала заключается в бархатном диване, которым его снабжает соборный капитул, унаследовавший обязанности священнослужителей мечети. Каждый четверг, в полдень, судьи торжественно восседают на этом диване, под открытым небом, перед одною из дверей собора. Челобитчики являются перед ним без «бумаг и авдокатов»; Каждый излагает свою жалобу, суд расспрашивает, обсуждает и затем постановляет приговор. Не было примера, чтобы виновные отказались уплатить штраф, или даже уступить часть своей земли или воды, в вознаграждение за причиненные ими убытки. Они очень хорошо знают, чего им будет стоить обратиться к судам неответственным, члены которых выбраны не ими.

Сады берегов Хукара не так знамениты, но богаче, если только это возможно, чем сады Валенции, с которыми они соединяются непрерывным рядом плантаций. Хукар, задерживаемый плотинами, которые подымают его над уровнем окружающих равнин, разливается тысячами каналов среди садов. Здесь преобладает апельсинное дерево: около одних только городов Альцира и Каркагенте ежегодный сбор превышает двадцать миллионов апельсинов, и значительная часть этих плодов доставляется в марсельскую гавань; они продаются под названием «валенток» (*valences*) на всех французских рынках. В хороший год сбор в садах Каркагенте простирается до 48 тонн с одного гектара. Другие сады, не менее обильные, чем

альцирские и при том более живописные разнообразием окружающих скал, занимают юго-восточные террасы в долинах гор, которых крайние выступы образуют мысы Св. Антония и Нао. В низменной области, простирающейся по другой стороне Хукара, на прибрежных лагунах Валенции, вода употребляется преимущественно для искусственного орошения рисовых плантаций, которые дают обильную жатву, но заражают воздух.

Оазисы большой степи, так сказать, африканской части Испании, между горами Алькуи и Альмерии, не так плодородны, как в бассейне Хукара и Гвадалавиара, вследствие меньшего изобилия воды; но каждый из них имеет свою специальную физиономию. Сады Аликанте орошаются водами Кастайла, собираемыми в бассейн Тиби, прославившийся в целой Испании высотою и прочностью плотин. Сад (уэрта) в окрестностях города Эльче, на берегах речки Виналапо, большею частью занят пальмовым лесом, единственным в Европе, так как с ним не могут сравниться рощицы Бордигеры, на берегах Лигурии, и группы финиковых пальм, рассеянных местами по прибрежью Средиземного моря. Эти деревья обогащают жителей Эльче своими плодами, вывозимыми даже во Францию, и еще более своими вайями, отправляемыми в Италию и во внутреннюю Испанию к празднику вербного воскресенья. Культура этого дерева требует постоянного, очень трудного ухода; финиковую пальму необходимо не только поливать и очищать окружающую ее почву, но часто надо взбираться по шероховатому стволу, чтобы осмотреть цветы и плоды, повернуть их к солнцу, связать листья в пучки и исправить беспорядок, причиненный ветром. Вероятно, всем этим трудностям ухода следует приписать постепенное уменьшение пальмовых рощ; в конце прошлого столетия в округе Эльче насчитывалось еще 70.000 пальм, как в большом оазисе Сахары; теперь их осталось только половина. Финиковые пальмы, как оказывается, очень любят соленую почву; для поливки их употребляют солоноватую воду, даже в Аликанте, который засадил пальмами свой прекрасный портовый бульвар. В 1882 году были разведены, между мысом Хуэртас и Рио-Монегро, пальмовые плантации. Деревья принялись прекрасно, а между тем корни их погружены в соленую лагуну.

Сад нижнего Сегура, около города Оригуэла, не представляет живописной оригинальности леса Эльче, зато более производителен; здесь апельсинные, лимонные деревья, в перемежку с миндальными, гранатовыми и тутовыми деревьями, защищают от солнца низкую растительность и сами местами укрываются в тени пальмовых корон. Хлебные растения Оригуэла дают лучшую муку и лучший хлеб во всей Испании. Местная поговорка, которую можно перевести так:

„Дождь или ведро,
Жатва всегда хороша!“

приписывает такое плодородие почвы столько же умению и трудолюбию возделывателей, сколько доброкачественности земли и превосходным свойствам воды Сегура. Выше по берегам той же реки, жители Мурции, которых природа наделила теми же преимуществами, далеко не пользуются ими с таким усердием и практичностью. Их сады, в которых живет треть всего населения провинции, конечно, очень богаты, но не могут сравниться с садами, возделываемыми их соседями. Равным образом, окрестности Лорки, живописные сами по себе, значительно уступают в красоте окрестностям Оригуэлы: правда, что в 1802 г. они были страшно опустошены наводнением, которое всегда одинаково угрожает всем садам средиземноморского прибрежья: несколько плотин, следовавших одна за другою на пространстве более 400 метров общей высоты, прорвались под напором воды одного из бассейнов для орошения; жидкая масса, перемешанная с увлеченными ею обломками, ринулась на город; предместье в шестьсот домов было снесено, многие деревни увлечены потоком с тысячами жителей. Внезапное наводнение произвело значительные опустошения даже в городе Мурции до самых садов Оригуэла, на 100 километров вниз от вылившагося резервуара. Одна из прорванных плотин и теперь еще возвышается над равниною, на подобие триумфальной арки в 110 метров высоты.

В 1879 году, 14 октября, новый ураган разразился в верхней долине Гвадалентина, при-

нимающего в нижнем течении имя Сангонеры, и опустошил сад Мурции. Поток, несший 212 куб. метр. в секунду, поднялся на 3 метра выше арки, пробитой наводнением 1802 года в Лоркской плотине, и смочил соседний камень, на котором находится надпись XV ст., предсказывающая разрушение Мурции в тот день, когда вода достигнет этой высоты. В одной лишь «vega» Мурции 2.612 домов были совершенно разрушены; наводненное пространство было никак не меньше 3.810 кв. километр., и общая цифра убытков, не считая расходы на восстановление плотин, простиралась до 56.260.000 франков.

Страна, представляющая столь резкие контрасты, как обнаженное, холодное плоскогорье, и роскошная оживленная долина, пустыня и сады, представляет, конечно, столь же оригинальное разнообразие в физической и нравственной физиономии своих обитателей. Происходя от одних предков, иберов и кельтов, финикиян, карфагенян, массилиотов и римлян, визиготов, арабов и берберов, жители безлесных пространств значительно отличаются от населяющих вечно зеленеющие рощи. С переменою местности меняется и само народонаселение.

Говорят, жители провинции Мурции, хотя находящиеся в более непосредственном соприкасании с враждебною природою, с голыми скалами, иссушающими ветрами, пыльною, лишенною влаги атмосферою, всего менее умеют реагировать против почвы, воздуха и климата; с чисто восточным фатализмом они предают себя на волю судьбы, довольствуются всем в том виде, как оно им представляется, не стараясь произвести никаких улучшений по собственной инициативе. Очень любят они беспечность и покой, практикуют сиесту в положенное и не в положенное время; даже в часы работы они задумчиво-серьезны, как бы преследуя какую-то внутреннюю мечту. Редко они предаются веселью: пляска у них не в обычае, несмотря на соседство их с танцорами-андалузцами и с жителями Ла-Манчи, певцами *seguidillas*. В то же время они склонны к злобе и часто с дикою ненавистью отстаивают свои предразсудки. Верны или неверны эти строгия суждения, высказываемые насчет жителей Мурции их соседями и даже некоторыми уроженцами их страны, во всяком случае несомненно то, что в общей жизни Испании эта провинция до сих пор имела самое ничтожное значение. Она доставила наименьшее число способных людей; её сыны не могут выдержать даже отдаленного сравнения с каталонцами, наварцами и галисианами.

Валенсийцы, напротив, хорошие работники. Они не только возделывают и орошают свои равнины с замечательным старанием и успехом, но вместе с тем окружают свои горы фруктовыми садами, в виде террас, и добывают жатву из скал, едва прикрытых тонким слоем принесенной ими земли. Живя среди природы более веселой, чем в Мурции, они и сами веселее своих соседей; они постоянно поют, а их танцы, преподаваемые лучшими артистами в Испании, сделались знаменитыми. Но говорят, что к этой веселости примешиваются нередко дикие инстинкты; одна пословица, более чем преувеличенная, гласит: «рай Гуэрты населен демонами». Факт тот, что человеческая жизнь мало ценится в Валенции. Этот город и его округ в прежния времена пользовались весьма незавидною честью доставлять наемных убийц для высоких особ мадридского двора. Многочисленные кресты на самых стенах, окружающих главную базарную площадь, напоминают о частых убийствах, совершавшихся во время случайных драк. Впрочем, надо заметить, что в Валенции, как и в большей части Испании, дуэли на ножах не более порицаются в народе, чем дуэли на шпагах или на пистолетах во французском обществе. Они составляют рыцарскую традицию, и легко играть жизнью своей и чужой—значит свидетельствовать о благородстве своего происхождения. Убиение человека считается несчастием, но никто не видит в этом преступления; у самого убийцы совесть совершенно спокойна; он вытирает нож концом пояса и, минуту спустя, режет им свой хлеб.

Главная причина, создавшая для жителей Валенции репутацию более дурную, чем они того заслуживают, заключается в замечательно оригинальном характере, отличающем их от всех народностей Испании; а всякое выделение из окружающей среды, как известно, не остается безнаказанным. По одному уже костюму, которого валенсийцы придерживаются

очень упорно, они скорее стоят ближе к маврам, чем к испанцам: в этом отношении они, вероятно, очень мало отличаются от своих мусульманских предков. Их широкия белые шаровары поддерживаются красным или лиловым поясом; бархатный жилет украшен серебряными монетами: из-под белых шерстяных штиблет выглядывает загорелая кожа их колен и ног, обутых в эспадрили; их бритые головы покрыты ярких цветов фуляром, на котором надета низкая шляпа с завороченными полями, украшенная разными лентами и бантами. Пестрый плащ с длинною бахрамою дополняет костюм и, то накинутый на одно плечо, то обернутый вокруг бюста, придает последнему нищему вид благородства и грации. По обычаям, нравам, образу мыслей и действий валенсийцы также значительно отличаются от своих соседей высоких плоскогорий, кастильцев. Хотя с давних пор присоединенная к Арагонскому королевству, а через Арагонию к Кастилии, Валенция сохраняла свое самоуправление до начала восемнадцатого столетия; у неё были свои особые законы, свои муниципальные права, свои кортесы, разделявшие законодательную власть с сюзереном. Для лишения валенсийцев их широкой автономии потребовалась ожесточенная война, во время которой были истреблены целые населения; все жители Хатива, за исключением нескольких женщин и священников, были перебиты, и самый город превращен в груды пепла. Воспоминание об этих ужасах еще не изгладилось и ослабляет насильственно-созданную связь между Мадридом и этой провинциею поморья. Валенсийцы, кроме того, отличаются от кастильцев своим языком, представляющим чистое провансальское наречие. Наречие Валенции, хотя и содержит значительную примесь арабских слов, ближе, чем каталонское, к языку древних трубадуров. Оно очень приятно для слуха, особенно в устах женщины.

Кроме земледелия, составлявшего во все времена главное занятие населения, в Мурции и Валенции развита до известной степени и промышленность. Прежде всего множество рабочих рук занято приготовлением экспортных товаров, масла, вин и фруктов всех сортов. Тонкия вина Аликанте, простые темные вина Винароца и Беникарло, получаемые на границах Каталонии, составляют предмет деятельных операций по купажу и отправке за границу; изюм, добываемый из виноградников Дениа, Хавса, Гандиа, между долиною Хукара и мысом Нао, подвергается довольно сложному процессу выщелачивания; наконец, испанский дрок, или espartos (stipe tenacissima), растущий в изобилии на солнечных склонах Альбасеты и Мурции, служит для выделки множества предметов: сандалий, цыновок, корзин. Во времена римлян, рассказывает Плиний, это растение применялось для всевозможных хозяйственных потребностей: из него делали кровати, мебель, одежду, башмаки, даже огонь домашнего очага поддерживался испанским дроком. Но в наше время это растение, подобно алжирскому alfa, ценится весьма высоко за прочность его волокон; англичане находят его> превосходным для выделки бумаги, основы ковров и других тканей, и с 1856 г., когда начался вывоз его в Англию, жители так усердно стараются удовлетворить огромному спросу на дрок, что холмам и равнинам, на которых он произрастает, вскоре угрожает полное опустошение. Во многих округах производилось по два сбора ежегодно, с целью воспользоваться возрастающими ценами, которые учетверились в течение нескольких лет; однако никто не занимается сеянием и насаждением этого растения, потому что надо ждать от восьми до пятнадцати лет, пока лист приобретет волокна, годные для продажи. Между тем было бы очень желательно, чтобы испанский дрок был разведен на всех утесистых склонах внутри страны, потому что это одно из растений, наиболее выдерживающих сухость почвы и воздуха: оно растет на каменистых скалах, даже в песке; но никогда не встречается на глинистой почве.

Металлоносные жилы, исследованные и прежде разработывавшиеся, насчитываются сотнями в прибрежных горах Мурции и Валенции; но единственные, в настоящее время имеющие важное экономическое значение, эксплоатируются английскими, французскими и бельгийскими компаниями в холмах Геррериа, в небольшом расстоянии к востоку от Картагены; кроме того, груды шлаков, оставленные римлянами и находимые на склонах холмов под тонким слоем растительной земли, содержат некоторое количество свинца, который легко извлечь недорогими способами. Сребросвинцовые копи, которые две тысячи лет тому назад разработывались в Картагене 40.000 работников, за счет Римской республики, представляли

одну из главных статей государственных доходов; недавно еще, во время войны областных провинций с центральным правительством, рудники Геррериа доставляли защитникам Картагены финансовые средства для продолжения борьбы. Около рудников и заводов Геррерии и Карбанзаля группируется целое население, более 20.000 человек, образующее одну общину, называемую Ла-Унион. Месторождения цинка, не разработываемые до 1861 г., с этого времени получили довольно важное промышленное значение; спрос со стороны Бельгии простирается средним числом до 10.000 тонн в год. Горные инженеры нашли, что в этой области диоритовые породы всегда сопровождаются медью, а свинец всегда залегает в трахитах. Когда удобные для сообщения дороги соединят прибрежье со всеми внутри лежащими долинами, тогда представится возможность разработывать и другие месторождения меди, свинца, серебра, ртути, которые столь же богаты, как и в окрестностях Картагены; кроме того, эксплоатация целых гор каменной соли позволит преобразовать в рыбные промыслы или в годную к обработке землю соляные болота прибрежья Аликанте и Эльче.

Мануфактурная деятельность, в настоящем значении этого слова, сосредоточивается почти вся в наиболее промышленной из двух рассматриваемых провинций—Валенции. Город Альбацета, расположенный на Мурсийском плоскогорье, имеет, правда, свои фабрики ножей, производящие, между прочим, страшные *navajas*; Мурция имеет свои шелковые прядильные фабрики,—остаток некогда процветавшей промышленности; в Картагене находятся канатные мастерские и заводы морского ведомства; в Хативе, где арабы ввели из Китая фабрикацию бумаги, и теперь есть несколько писчебумажных фабрик; но главная мануфактурная промышленность сосредоточивается около Валенции и другого города той же провинции, Алькоя. Валенция приготовляет плащи, употребляемые местными крестьянами, шерстяные и шелковые материи, фаянсовые изделия, разукрашенные фанерки или *azulejos*, служащие для обшивки домов. Алькой также производит фаянсовые изделия, имеет шелковые фабрики и красильни; но главную отрасль промышленности, доставившую Алькою популярность до самых крайних пределов Испании, составляет приготовление папиросной бумаги. Для удовлетворения громадного потребления на полуострове этого, повидимому, ничтожного продукта, Алькой изготовляет его и высылает сотнями бочек. В настоящее время Франция также отправляет в Испанию большое количество этой бумаги.

Приморские порты Мурции и Валенции служили прежде только для вывоза производимых в крае продуктов и товаров и для ввоза предметов местного потребления; но с окончанием постройки железных дорог, связывающих прибрежные города с Мадридом, эти порты, кроме того, получили национальное значение, как пункты меновой торговли полуострова. Именно, чрез Аликанте столица Испании имеет ближайший путь к морю, следовательно, через этот город мадридские негоцианты могут с выгодою отправлять свои товары, избегая значительных издержек продолжительной сухопутной перевозки.

Соседство берегов Алжира, простирающихся с юго-запада на северо-восток, почти параллельно прибрежью Картагены и Аликанте, также содействует деятельному участию в мировой торговле этой части полуострова. Пароходы совершают частые рейсы от одного берега к другому. Испанцы, десятками тысяч, пользуются этими судами для своих деловых сношений с городом Ораном; ежегодно довольно большое число жителей Оригуэлы, Дении, Альтеи, Хавеи и берегов Хукара, видя себя стесненными в слишком густо населенных садах (уэртах), отправляются искать нового отечества на алжирской территории. Таким образом, по прошествии многих веков, возобновились родственные узы между христианскими потомками мавров и их мусульманскими родичами.

Значительные города средиземноморского склона Испании должны были основываться и могли возрастать или на каком-нибудь береговом пункте, благоприятном для торговли, или на берегу реки, снабжающей в изобилии водою для орошения, или наконец в месте соединения нескольких торговых путей. Города Альбацета и Альманза обязаны своим значением в истории полуострова именно этому последнему положению. В самом деле, Альбацета расположен на восточной окраине Ламанчского плоскогория, в том месте, где начинается среди-

земноморский склон и где наиболее сближены две высокие долины Сегура и Хукара: здесь во все времена была главная станция путешественников и самый обширный торговый рынок между центральными городами Испании и городами юго-восточного прибрежья; неподалеку отсюда начинаются разветвления линии железной дороги, идущей от Мадрида к Средиземному морю. Такия же местные условия создали значение Альманзы. Этот город расположен к западу от Алькойского горного кряжа и господствует над двумя путями: от Валенции к северу, и от Аликанте и Мурции к югу. На склонах нагорья, города Геллин, Мораталла, Каравака, Мулья, Чиеза, Хумилья, Экла и Реквена являются наиболее населенными. В Хумилье находятся богатые залежи фосфата.

Но все города обеих провинций, имеющие действительно важное значение по их самостоятельной промышленной деятельности, расположены на берегу или по соседству с ним, не далее 40 километров от моря. Наиболее южный из этих городов, Лорка, живописно расположен по склонам и у подножия холма слоистого сложения, увенчанного развалинами старинной мавританской цитадели. Подобно всем военным поселениям, превратившимся современем в промышленные торговые города, Лорка должен был необходимо спуститься с утесов и расположиться на равнине, среди плодородных полей, орошаемых Гвадалентином. Остатки древних арабских дворцов, возвышающиеся среди лабиринта извилистых горных улиц, были предоставлены цыганам, а новый город, с прямыми улицами, выстроен на ровной местности, в долине. Торговое значение Лорка пополняется прекрасною дорогою, соединяющею его с маленькими приморскими городами Агвилас и Мазаррон, гавани которых, к сожалению, неудобны и не безопасны.

Следуя, если не по водам, которых часто не бывает, то по крайней мере по руслу Гвадалентина, то влажному, то высохшему, путешественник встречает два города: Тотану, главное местопребывание цыган, и Алгаму, теплые источники которого прежде часто посещались маврами; далее тянутся тутовые и апельсиновые рощи, окружающие главный город провинции. Этот сад (уэрта) не менее прекрасен, чем сады Андалузии, только усеян зданиями невзрачной наружности. Сама Мурция, раскинутая на большом пространстве, не имеет вида большого города; её улицы мало оживлены, и здания некрасивы: после знаменитой соборной башни, на которую всходят не по лестнице, а по спиральной наклонной плоскости, наиболее замечательны тенистые аллеи вдоль берега Сегура и дренажные каналы, прорезанные на склонах гор, среди желтовато-белых утесов и легких покатостей, покрытых садами, в которых солнце совсем исчезает в густой зелени. Несмотря на свой титул главного города «Светлейшего королевства», Мурция не так интересна, как сосед её, порт Картагена, и не может сравниться с ним по историческому значению.

Картагена предназначалась, в замыслах её финикийских основателей, сделаться вторым Карфагеном. Когда главный центр морской торговли находился на северном берегу африканского континента, на юго-восточном берегу Иберийского полуострова само собою определилось место для менового рынка; притом же никакая гавань не представляла таких удобств, как маленькое внутреннее море, превосходно защищенное обнаженными мрачными скалами нынешней Картагены. Это морское значение финикийской колонии еще увеличилось с тех пор, как серебряные рудники в ближайших окрестностях стали доставлять свои сокровища. Как сильный стратегический пункт, Новый Карфаген был одним из важных римских городов Иберии. В разные времена, властители Испании старались возвратить ему прежнее стратегическое значение помещением в нем главной стоянки национального флота, постройкою складочных магазинов, арсеналов, верфей, литейных заводов и особенно размещением укреплений на высотах, господствующих над портом и гаванью. Таким образом, испанские властители, как это доказал недавний эпизод междоусобной войны, достигли того, что Картагену можно взять не иначе, как голодом или изменою: однако, состояние хронического дефицита, в котором находится испанский бюджет, не позволяет удовлетворять обширным требованиям арсеналов и флота, так что грандиозные кораблестроительные заведения Картагены обыкновенно представляют вид развалины: народонаселение города едва до-

стигает трети того, которое было в половине восемнадцатого столетия. Что касается мирной торговли, то она, как известно, не прививается в местах воинственных, в соседстве с пушками: поэтому торговая деятельность избегает превосходного картагенского порта. Кроме того, и географическое положение этого города может способствовать торговым сношениям полуострова разве только с Алжиром; большие торговые пути идут главным образом через Барцелону, Малагу, Кадикс. Поэтому Картагена остается совершенно в стороне с своею местною торговлею дроком, циновками, фруктами и металлами.

Аликанте, хотя и не столь щедро одаренный природою, гораздо промышленное, благодаря плодородию садов Эльче, Оригуэлы, Алькоя и железной дороге, соединяющей его непосредственно с Мадридом. Аликанте расположен у подножия скалы с длинными откосами и остатками разрушенной крепости: у его набережных и за молами толпится множество мелких судов, а большие корабли должны бросать якорь в открытом море, по причине мелководья, и быть на-готове к бегству с приближением бури или опасных ветров. Другие города валенсийского прибрежья, Дениа, имя которого напоминает о культе Дианы, Куллера, расположенный на изолированной приморской скале, представляют еще более опасные пристани, но тем не менее часто посещаются каботажными судами, благодаря богатству и промышленности прибрежных областей. До устройства искусственного порта (*Grao*) Валенции, близ устья Гвадалавиара, парусные суда, приходившие зимою в залив Валенции, должны были принимать серьезные предосторожности и спешить укрыться где-нибудь в других местах, потому что восточные и особенно северо-восточные ветры, которые гонят к берегу, дуют иногда с чрезвычайной силой; когда они разражаются бурею, гибель судна, не успевшего укрыться в рейде, почти неизбежна, тем более, что берег скрывается тогда густою завесою тумана, и залив с песчаным фарватером не представляет ни одной природной бухточки для убежища. Остовы разбитых судов свидетельствуют об опасностях плавания в этом страшном заливе. К счастью, молы порта Валенции и его аван-порта построены таким образом, что могут защитить от всех ветров и представляют легкий вход судам во время бури.

Все города обширной уэрты Хукара и Градалавиара, Онтениента, доблестная Хатива, Каркадженте, Альцира, Альджемези, Лириа имеют один общий центр в «великой» Валенции, третьем городе Испании по народонаселению, первом по роскоши своих полей, садов и плантаций. Несмотря на будничный вид новых построек в коммерческих улицах, Валенция все-таки не лишена некоторой оригинальности во внешности, равным образом и в её жителях. «Город Сида» сохранил свои зубчатые стены, свои башни, бойницы, узкия, извилистыя улицы, белые дома, украшенные балконами, свои драпировки и камышевые циновки, свешивающиеся с окон, полотна, растянутые над улицами для защиты прохожих от солнечных лучей. Среди многочисленных городских зданий, одно наиболее замечательно, именно *Lonja* de Seda. «Шелковая биржа», грандиозный памятник конца пятнадцатого столетия, состоящий из обширного нефа, поддерживаемого рядами витых колонн; из готической двери в глубине здания открывается вид на лимонный и апельсинный сад. Вообще сады, аллеи, усаженные деревьями, рощи, ботанический сад, составляют славу и очарование Валенции. Аламеда, идущая вдоль берега Гвадалавиара, представляет, может быть, лучшее городское место гулянья в целой Европе; тут тропические растения, бананы, бамбуки, чиримойи, пальмы чередуются с европейскими деревьями, вязами, тополями, платанами. Виллы, окруженные прекрасными тенистыми садами, рассеяны повсюду в предместье города и особенно близ пляжей Грао и Пуэбло-дель-Мар, посещаемых купающимися в море.

К северу от Валенции, незначительная ширина годного к обработке пояса земли, идущего по берегу моря, у подножия гор, не допустила основаться и развиться здесь значительным городам. Кастеллон де-ла-Плана, построенный на равнине (plana), от которой заимствовал свое название, и которая тоже представляет уэрту, почти не уступающую богатством садам Валенсии, у подножия холма, на котором помещалось старинное укрепление, обязан своим значением положению при устье долины Михарес; он главный город одной из провинций Испании. Соседние с ним города, являющиеся в сущности его предместьями: Виллареаль,

Бурриана богаты и оживлены; но далее все местечки, следующие одно за другим, до границы Каталонии, как-то: Алкала-де-Чиесверт, Беникарло, Винароц, населены почти исключительно рыбаками и виноградарями. В прежния времена, возвышенные пункты, господствующие над приморскими теснинами этой части береговой полосы, были защищены укрепленными замками, или *atalayas*, живописные развалины которых теперь густо поросли кустарником; главная оборонительная крепость находится при самом входе в эти испанские Фермопилы, в том месте, где дорога покидает широкую равнину Валенции и извивается между горами и морем. Этот укрепленный город, основание которого древние историки приписывают закинфским грекам, был Сагунт, заслуживший известность упорным сопротивлением, которое он оказал осаждавшему его войску Аннибала. Римские развалины, от которых он заимствует свое настоящее название Мурвиедро, т.е. «Старые Стены», не представляют ничего особенно грандиозного: развалины храмов, разрушенные стены перемешиваются с разбросанными обломками каменных глыб. Говорят, римский Сагунт обязан своим падением скорее природе, чем людям; берег постепенно поднялся, море отступило, гавань таким образом обмелела—и город утратил свое торговое значение и свое население.

Главные города средиземноморского склона между мысом Гатта и Эбро, с цифрой населения по последней переписи (31 дек. 1887 г.): Валенция 170.763 чел.; Мурция 98.538 чел.; Картагена 84.230 чел.; Аликанте 40.115 чел.; Алькой 30.373 чел.; Лорка 58.327 чел.; Ла-Унион (1877 г.). 23.400 чел.; Оригуэла 24.364 чел.; Эльче 23.854 чел.; Альбацета 20.794 чел.; Альцира 18.448 чел.; Каравака 15.053 чел.; Хатива 14.099 чел.; Хмилья 14.334 чел.; Эльин 13.679 чел.; Реквена 14.457 чел.; Виллареаль 13.500 чел.; Каркажент 12.503 чел.; Онтениеите 11.165 чел.; Виллена 12.000 чел.; Мораталла 11,926 чел.; Кульера 11.713 чел.; Мацаррон 16.445 чел.; Цьеза 10.905 чел.; Пуэбло-Нуево дель-Мар 11.291 чел.; Вурриана 10.237.

V. Балеарские острова.

Группа Балеарских островов имеет подводную связь с испанским полуостровом. Как по условиям географического положения, так и по историческому развитию, она представляет естественную принадлежность Валенции и Каталонии. От мыса Нао до Ибизы (Ивисы), от Ибизы до Маиорки и Минорки тянется между пропастями Средиземного моря возвышенное плато, указывающее, повидимому, на когда-то существовавшую в этом месте соединительную полосу суши. Направление этого подводного перешейка вполне совпадает с направлением гор Мурции и Валенции; ряд островов развивается с юго-запада к северо-востоку, при чем их высокие вершины, в общем, следуют той же главной оси. С другой стороны, маленький полуостров Бана, соединенный с низовьями дельты Эбро, продолжается в море в виде скалистых отмелей, направляющихся к Ибизе. Группа островков возвышается вершинами своих холмов среди этой подводной косы: это вулканические острова группы Колумбрет; их наивысшая остроконечная вершина, Монте-Колибре, господствует над полуразрушенным кратером, в форме подковы, который, может быть, указывает присутствие в этом месте центра подземного очага, обнаруживаемого также медленным и непрерывным поднятием Балеарских островов. Все скалы Колумбрет, вместе взятые, не представляют поверхности и половины квадратного километра. Говорят что там водится много змей, и само название островков, взятое с латинского *Colubraria*, означает «островки Ужей».

По пространству, Балеарские острова не составляют и сотой части Испанского полуострова. Они не имеют того исключительного географического положения, которое обусловливает столь важное значение таких островов, как Сицилия и даже маленькая Мальта; Балеарские острова лежат в стороне от больших судоходных путей, и моря, их окружающие, подвержены столь частым бурям, что коммерческие суда стараются обогнуть их с юга, для достижения безопасной стоянки. Зато Балеарские острова отличаются красотою местоположения, мягкостью климата и плодородием почвы. Эти острова, щедро одаренные природою, древние называли Эвдемонами, т.е. «Островами Добрых Гениев», и Афродизиадами, или

«Страною Любви». Эти лестные названия, конечно, свидетельствуют прежде всего о стремлении находить прекрасное во всем отдаленном и трудно досягаемом; впрочем, Балеарские острова, в сравнении с Испанским полуостровом и большинством прибрежных стран Средиземного моря, действительно, могут похвалиться своею счастливою звездою. Они, правда, не избегли многочисленных вражеских вторжений; война, чума и другие бичи рода человеческого часто их опустошали; однако, все эти бедствия ничтожны в сравнении с бесконечными несчастиями, поражавшими Испанию. Так, в настоящем столетии, Балеарские острова не страдали непосредственно от междоусобиц, свирепствовавших на полуострове. Народонаселение могло там беспрепятственно умножаться и обогащаться земледелием и торговлею. На том же пространстве земли число жителей Балеарских островов вдвое больше, чем в Испании; оно было бы еще значительнее, если бы большинство обширных поместий, обремененных залоговыми долгами, не обработывалось крестьянами, которые все еще подчинены почти феодальному режиму.

Пространство и население этих островов следующее:

		Пространство кв. кил.	Население 31 дек. 1887 г.	Население на 1 кв. кил.
Питиузские о-ва	Ибиса	592	312.593	62
	Форментера	96		
Балеарские о-ва	Маиорка	3.505		
	Кабрера	20		
	Минорка	760		
		5.014		

Острова эти, по их естественному положению, делятся на две группы: западную, или Питиузские острова, названные так в древности по причине сосновых лесов, покрывающих там все горы, и Гимнезийские, или собственно Балеарские острова. Название Гимнезийских, недавно введенное в учебники географии, но совершенно неизвестное в народе, напоминает о варварских временах, когда население жило в самом первобытном состоянии. Что-же касается названия Балеарских, то единогласное свидетельство древних авторов приписывает его ловкости туземцев в искусстве метания пращи. Страбон рассказывает, что родители совершенствовали своих детей в этом искусстве, выставляя им для мишени хлеб, приготовленный к обеду: молодые стрелки получали пищу не прежде, как пробив ее камнем. Метелл «Балеарский», прежде чем высадиться на Гимнезийские острова, позаботился обтянуть палубу каждого корабля кожами, чтобы предохранить экипаж от камней пращников. На острове Минорке, где долго сохранялись древние нравы, как слышно, дети и теперь еще упражняются в искусстве метания пращи.

Климат Балеарских островов мало отливается от климата испанских берегов, лежащих под тою же широтою. Он только мягче и ровнее, кроме того, более влажен, благодаря чисто морскому воздуху, который питает их дождями, особенно весною и осенью, при перемене времен года. Сильные ветры часты в этих местах, и по временам являются страшные смерчи. Эти водяные метеоры загубили немало судов: рассказывают случаи, когда большие корабли исчезали без всякого следа.

Балеарские острова были обитаемы уже во времена до-исторические. Маиорка усеяна постройками, называемыми *ialayots*, т.е. маленькими *atalayes*, или «сторожевыми башенками», которые похожи на *nuraghi* в Сардинии и, как полагают, были сооружены коленами одного и того же племени. Минорка еще богаче памятниками этого происхождения: самый большой из них, возвышающийся на одном холмике в южной части острова, известен у туземцев под именем «языческого жертвенника». Впрочем, каково бы ни было происхождение первоначальных обитателей Балеарских островов, они вполне изменились с начала исторических времен, под влиянием пришельцев многочисленных племен, говоривших на всевозможных языках: финикиян и карфагенян, греков и массилиотов, римлян и латинизированных иберийских поселенцев, готов и вандалов, арабов и берберов, генуэзцев, пизанцев, арагонцев, каталонцев и провансальцев. В виду такого племенного смешения, попытка причислить балеарцев к тому или другому племени, на основании их родственного сходства с

первобытными обитателями, была бы более чем смелой. По языку они каталонцы, но их наречие менее смешанное, ближе подходит к старинному лимузинскому говору, чем диалект жителей Барцелоны.

Маиорканцы и их соседи, обитатели мелких островов, большею частью худощавы и хоро-

Типы жителей Балеарскихъ острововъ.

шо сложены. В некоторых округах, именно в округе Соллер, женщины замечательно красивы; даже в тех случаях, когда лицо не отличается правильностью черт, оно оживлено выразительным взглядом и улыбкою. Подобно всем сельским жителям, крестьяне островов рассудительны, осторожны, жадны к деньгам, но вместе с тем они относительно честны, вежливы,

любезны, радушны, гостеприимны. Их широкия шаровары, пояс, стройно охватывающий талию, суконный или пестрый полотнянный жилет придают им весьма изящную наружность, значительно отличающую их от неуклюжих поселян северной Европы. Вечером, когда они возвращаются с работы, покрытые козьими шкурами, шерстью вверх, с хвостом, болтающимся под такт шагов, любо смотреть на их веселую пляску под звуки гитары или флейты, на которой наигрывает предводитель артели. Так, по всей вероятности, делали их предки до карфагенского нашествия.

Ибиза (Ивиса), больший и ближайший от континента из Питиузских островов, отстоит от полуострова всего на 85 километров. Он состоит из массы холмов неправильной формы, по окружности прорезанных равнинами, где зимою текут дикия воды, скоро высыхающие с приближением больших жаров. На северной оконечности острова возвышаются горные вершины около 400 метров высоты, над берегом мало приступным и окаймленным крутыми мысами. Острова и многочисленные островки рассеяны близ берега, особенно к западу от Пормани (Порт-Мань, или Великий-Порт), который глубоко врезывается в часть берега, обращенную к заливу Валенции. В южный берег острова также вдается большая бухта, где останавливается флотилия рыбаков; на береговых склонах этой бухты живописно раскинулся маленький главный городок, древняя карфагенская колония, с его домами, башнями и старинными стенами. Подобное же расположение берегов представляет остров Форментера, соединенный с одним из мысов Ибизы цепью островков и рифов, аналогичных с знаменитым «Адамовым мостом» Цейлона; он также разделяется на две части заливами, на севере Плайа-де-ла-Трамонтана, на юге—Плайа дель Медиодиа. Пространство между Форментерою и Ибизою представляет превосходное убежище для больших судов.

Климат Питиузских островов замечательно здоровый. Островитяне, пока еще незнакомые с законами распространения видов, приписывают совершенное отсутствие змей и всех других пресмыкающихся на их острове чистоте атмосферы; никакой яд, говорят они, не может зародиться на их благословенной земле. Вообще все Балеарские острова, как и большинство островов, удаленных от континента, обладают фауною беднейшею, чем на большом материке. По Страбону, даже зайцы, в настоящее время до того размножившиеся, что два островка этой группы получили название Конильера и Конейера, не были известны на островах и ввезены туда только при римлянах. Под влиянием местных условий, некоторые из видов животных образовали здесь особые разновидности. Так, например, на острове Форментера водится фазан, который по оперению разнится от фазанов континентальных. Борзая собака Балеарских островов также отличается от своих европейских родичей: она великолепного сложения и, говорят, не очень верна.

Несмотря на плодородие почвы и превосходный климат, оба Питиузские острова слабо населены и имеют лишь посредственное экономическое значение для метрополии. Их гавани, даже гавань Ибизы, имеют тот недостаток, что вовсе не защищены от ветров, и суда всегда рискуют быть выброшенными на берег внезапно образующимися большими волнами западного Средиземного моря. Вместо того, чтобы привлекать суда в свои гавани, Ибиза, напротив, пугает их своими рифами и быстрыми течениями. Моряки издалека замечают остров, но редко пристают к нему: многие острова Океании, лежащие у антиподов, гораздо чаще посещаются.

В недавнюю еще эпоху, когда варварийские пираты крейсировали по Средиземному морю, опасение внезапных нападений способствовало устранению всякой торговли и промышленности от Питиузских островов и держало их население в постоянном страхе. Сторожевые башни, исполнявшие свое назначение еще в начале нынешнего столетия, возвышаются на всех мысах островов; каждая деревня имеет свою крепостцу, куда народ укрывался при малейшей тревоге. Впрочем, жители Ибизы пользуются репутациею людей весьма храбрых; привыкнув к опасностям в течение веков, они отличаются мужеством своих предков. Благодаря отдаленности и относительно ничтожному значению островов, жители также пользуются драгоценным преимуществом—быть почти предоставленными самим себе цен-

тральным правительством и сохранили значительную часть административной самостоятельности. Они очень этим довольны и дурно принимают всякое вмешательство континентальных властей.

Маиорка, или Большой Балеарский остров, Мальорка по-испански,—единственный из всей группы, имеющий настоящую горную цепь, настоящую сиерру. Северо-западный берег, слегка выгнутый и тянущийся от мыса Ребезада, или скорее от острова Драгонера до мыса Форментор, параллельно берегу Каталонии, повсюду загроможден крутыми отрогами цепи; снизу видны уступы скал, склоны, покрытые лесом и кустарником; громадные вершины порфировых, диоритовых утесов высятся одни над другими, исчезая в далекой синеве неба. Первая вершина, близ западной оконечности цепи, сразу вздымается на высоту около 1.000 метров; затем к северо-востоку тянется ряд более высоких гребней, над которыми господствуют две вершины, Маиор и Торрелла. В том месте, где цепь, понижаясь, состоит из одних только холмов, она продолжается в море в виде узкого скалистого полуострова, оканчивающагося мысом Форментор; один из зубцов этого гребня, известный под именем Агуйеро, имеет сквозное отверстие, чрез которое виден свет с открытого моря. В целом, эта горная группа, обрывистая со стороны моря, прилегающего к Каталонии, и пологая со стороны склона к африканскому берегу, есть одна из богатейших в свете великолепными пейзажами. Тенистые долины внутри цепи, Соллер, Вальдемоза, красивы и сами по себе, и видами, с них открывающимися. На севере море так близко подходит к берегу, что, нагнувшись с края террас, чтобы заглянуть вниз, боишься упасть в неизмеримую морскую бездну сквозь переплетающиеся ветви сосен. К югу, напротив, взору представляются обширные равнины, слегка волнообразные, покрытые яркою зеленью или желтеющие хлебами и усеянные городами и многочисленными местечками. И здесь вдали видно море, только в форме серебристой ленты, окаймляющей чудную картину. Островок Конехера и, еще дальше, маленький остров Кабрера, на котором погибло, от болезней и даже от голода, много пленных французов во время войн империи, кажутся плавающими на горизонте в виде прозрачных пятен тумана.

Сиерра в тесном значении слова, имеющая местами настоящий альпийский характер, и где, в сосновых лесах, среди лабиринта скал, и теперь еще водятся, по словам крестьян, муфлоны, представляет незначительную ширину. Некоторые из её отрогов, имеющих белый и розовый цвет в эпоху цветения ладанников, вдаются маленькими цепями внутрь острова; но наибольшая часть пространства Маиорки состоит из равнин, метров в пятьдесят высоты, на которых там и сям возвышаются уединенные «пики», *puigs*, увенчанные каждый какой-нибудь старинной постройкой—церковью, пустынью или укрепленным замком. Одна из этих возвышенностей, Пиг-де-Ранда, откуда виден обширный ковер равнины, развертывающийся вокруг склонов, служила некогда центром для богомольцев всего острова, и с высоты её священники благословляли жатву. Холмы группируются в настоящий горный кряж только в восточном углу острова, у мыса, до сих пор носящего арабское название Ферруткс (Ferrutx); несколько южнее находится обширный грот Арта, один из замечательнейших в Европе, по богатству и разнообразию сталактитов: галлереи этого грота спускаются под уровень моря.

Самая низкая часть равнины указывается вырезками окружности острова. Два залива, один с юго-запада, другой с северо-востока, врезываются в берега острова, как-бы разделяя его на две половины. Первый из них представляет обширную полукруглую бухту Пальма, заканчивающуюся маленькою искусственною гаванью главного города. Второй есть двойной залив Алькудиа, Пуерто Маиор и Пуерто Менор, разделенный живописным полуостровом мыса Пинар.

Высоты Майорки, по Виллькому: Пиг ден' Галацо 1.200 метр. Пиг ден'Торрелла 1.445 м. Пиг Маиор 1.500 м. Ущелье Соллер 562 м. Мыс Ферруткс 568 м. Остров Драгонера 320 метр.

Что касается северного берега, то он слишком крут и потому не имеет удобных гаваней: корабли могут приставать здесь только в одной скалистой бухточке Соллер, знаменитой в

наше время по вывозу апельсинов и прославленной в легендах, как место, откуда святой Раймонд де Пеньафор поплыл на своем плаще в Барцелону.

Пиг ден'Торрелла и другие горы сиерры, хотя и лежат значительно ниже линии вечных снегов, тем не менее в углублениях, ближайших к вершинам, содержат довольно значительные количества снега, потребляемого жителями Пальмы во время летних жаров. Кроме того, горы эти питают временные потоки, которые иногда, после больших дождей, разливаются по прибрежным местам, покрывают возделанные поля песком и камнями, и разрушают здания. Так, например, Риера, впадающий в Средиземное море близ Пальмы, часто причинял городу больше зла, чем осада или эпидемия: говорят, что наводнение 1403 г. разрушило около двух тысяч домов и погубило 6.000 человек. Но обыкновенно эти потоки, которых один маиоркский писатель насчитывает, будто-бы, более двухсот, едва в состоянии доставить достаточное количество плодотворной воды для *acequias*, оросительных каналов арабского происхождения, разветвляющихся по всем полям и лугам острова. Между тем Маиорка крайне нуждается в обильном орошении. Остров, вполне защищенный сиеррою от северо-западных ветров, дующих с Пиренеев и из долины Эбро, поворочен к Африке и расположен подобно тепличной шпалере для согревания всею силою солнечных лучей.

Pageses, или маиоркские крестьяне, всегда пользовались репутациею превосходных земледельцев, насколько позволяло им пристрастие к рутине и замечательная скупость, когда дело касается издержек на улучшения. Вообще земля Маиорки несравненно лучше эксплоатируется, чем в остальной Испании. Правда, заслугу столь хорошего содержания земли нельзя приписывать одним только островитянам. В начале нынешнего столетия, когда иноземная война опустошала Полуостров, и затем, когда, христиносы, карлисты и бойцы других партий спорили за обладание Испаниею, множество трудолюбивых каталонцев переселилось на Балеарские острова, ища там мира и благосостояния: они заняли преимущественно центральную часть Маиорки, в окрестностях Инки. Именно этим колонистам остров обязан значительною частью своих террас, выровненных с большими издержками по склонам гор, своих оливковых рощ, хорошо содержимых виноградников, своих прекрасных померанцевых и миндальных садов. Все сбережения употребляются на то, чтобы отвоевать на скале или на болоте клочек земли, тотчас же подвергаемый обработке. Однако, несмотря на искусство и трудолюбие жителей, поверхность пахатной земли недостаточна для скученного на ней населения, и избыток его должен выселяться. Маиорканцы, равно как их соседи с Минорки, превосходные садовники «магонцы», встречаются во множестве в городах средиземноморского прибрежья, в Алжире и на испанских Антильских островах.

Впрочем, «золотой» остров обладает весьма разнообразными источниками богатства и никогда не испытывает голодовки в случае неудавшейся жатвы. На нем, правда, нет горных промыслов, кроме соленых озер, близ мыса Салинас, против острова Кабреры; зато, кроме хлебных растений, доставляющих превосходный «Мальоркский хлеб», славящийся во всей Испании, остров производит чудесные вина Бенизалема, вывозимые на континент, масло, потребляемое преимущественно в Англии и Голландии, овощи, для которых главным рынком служит Барцелона, наконец, всевозможные фрукты, вывозимые во Францию. Долина Соллер, слава Маиорки, большею частью покрыта апельсинными лесами, произведения которых вывозятся массами в Эг-Морт, в порт Агд, в Марсель; к сожалению, болезнь, которой не удалось еще уничтожить, произвела большие опустошения на плантациях, и возделыватели в течение долгого времени имели основание опасаться утраты одного из важнейших источников их дохода. Маиорканцы занимаются также разведением животных: для крупного скота у них недостает пастбищ, зато кухонные и растительные остатки, корни, плоды—позволяют откармливать множество свиней, отправляемых в Барцелону. Наконец, Маиорка проявляет даже некоторую промышленную деятельность. Её фабриканты обуви изготовляют свои изделия как для вывоза за границу, так и для самого острова. Маиорканцы вывозят шерстяные и полотняные материи, плетеные корзины и сосуды из пористой глины; однако, они утратили монополию тех фаянсов, которые так славились в эпоху Возрождения, и кото-

рые до сих пор сохранили название *majolica* (маиолик)—итальянская форма имени Маиорка. Маиоранки все еще претендуют на славу первых вышивальщиц в мире. Они довели свое искусство до вышивания целых картин шелками и золотом.

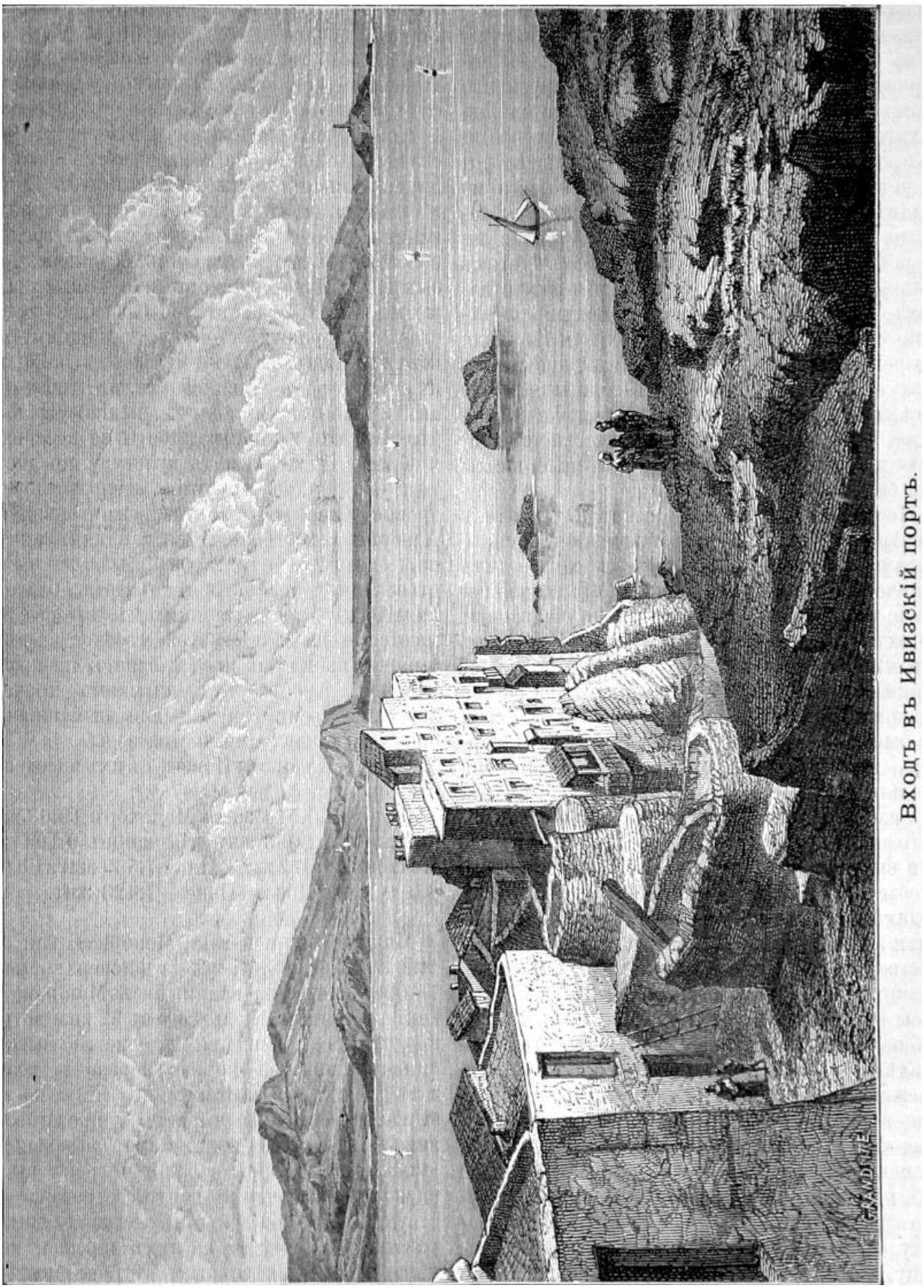
Нынешняя столица острова, Пальма,—многолюдный и оживленный город. С моря она представляется очень красивой, с её домами, расположенными амфитеатром, её стенами, усаженными бастионами, старинным укрепленным замком Белльвер, кафедральным собором, стоящим на холме и доминируемым «башнею Ангела», весьма красивой и смелой архитектуры. Жители Пальмы гордятся своими постройками и утверждают, что их *Lonja*, с четырьмя восьмиугольными башенками по углам, по оригинальности архитектуры, гораздо выше валенцийской биржи. Оставляя в стороне некоторое преувеличение в этих претензиях, объясняемое местным патриотизмом, нельзя не признать, что полумавританский стиль старинных архитекторов эпохи Возрождения отличается большим изяществом и замечательною легкостью. Колонны черного и серого мрамора, поддерживающие готические окна, удивительно тонки, сравнительно с длиною: их можно принять за железные шесты или бамбуковые стволы.

Постоянный прилив и отлив негоциантов и матросов содействовал смешению коренного населения Пальмы, где, впрочем, хотя один этнический элемент сохранился от всякой помеси: это крещеные евреи, отлично узнаваемые по их характерному типу и известные в стране под именем *Chuetas*. Они и теперь занимают отдельный квартал, сочетаются браком только между собою, имеют свои особые школы. У них есть также своя церковь, так как только ценою крещения они избавились от смерти или, по меньшей мере, от изгнания: единственная разница в их религиозном культе заключается в том, что они выкрикивают свои молитвы, вместо того чтобы читать их тихим голосом; это происходит, конечно, от того, что вначале священники заставляли их говорить громко, чтобы явственно слышать произносимое. Впрочем, несмотря на принятие христианской веры, чуэтасы не утратили своих меркантильных способностей и, с помощью ростовщичества, завладели большею частью поместий острова. В прежния времена практиковалось удобное средство препятствовать их чрезмерному обогащению: когда общественное мнение, несмотря на нищенскую наружность евреев, подозревало их в слишком быстром наполнении сундуков, немедленно сочинялось обвинение в богохульстве или ереси, ввергавшее их в темницу, а состояние их вскоре переходило в другие руки. Реестры пальмской инквизиции свидетельствуют о страшных преследованиях, которым подвергались эти несчастные крещеные. Даже в прошлом столетии они еще должны были опасаться за свою свободу и жизнь.

Железная дорога соединяет гавань Пальмы и восточный берег, проходя по округам Санта-Мария и Бенизалем, богатейшим на острове после южных местностей, окружающих многолюдные города Манакор и Феланич. Алькудиа некогда оспаривала у Пальмы титул главного города, и если бы ей не приходилось страдать от малярии и недостатка хорошей воды, она, вероятно, сохранила бы свой ранг, потому что занимает превосходное приморское положение. С вершины своего скалистого холма она господствует сразу над двумя заливами, ближе лежащими к Испании и Франции, чем залив Пальмы, и представляет удобное сообщение с внутренними областями. Северный залив, обыкновенно называемый Пуэрто-Менор, или Полленца, может вмещать суда с глубокою посадкою, представляя хорошую стоянку, защищенную от всех ветров; тем не менее он мало посещаем; остров слишком мал, чтобы иметь два больших меновых рынка. Надо надеяться, что обширные работы по ассенизации и обращению земли под культуру, предпринятые к югу от Алькудии, возвратят этому древнему городу часть его прежнего значения. Альбуфера, или болотистая равнина, занимающая около 2.800 гектаров, была по частям отвоевана у болот и лихорадок, благодаря английским промышленникам, которые занимаются эксплоатациею этой местности; в настоящее время она представляет прекрасную равнину, пересекаемую широкими, прочными дорогами, дренируемую паровыми машинами и орошаемую каналами чистой воды.

Города Маиорки и Ибизы, с их населением (по переписи 31 дек. 1887 г.):

Пальма 60.514 жит.; Манакор 19.635 жит.; Феланич 12.053 жит.; Льюмаиор 9.194 жит.; Полленца 9.072 жит.; Инка 7.539 жит.; Соллер 8.000 жит.; Ибиза (Ивиса) 7.423 жит.



Входъ въ Ивизскій портъ.

Минорка (по-испански Менорка), или «Малый Балеарский остров», с поверхностью в 78.000 гектаров, видимый с Маиорки, так как отстоит от неё всего в 37 километрах, продолжает, повидимому, слегка выгнутую линию маиоркской сиерры сперва к востоку, затем к

юго-востоку; но сам по себе этот остров мало горист и представляет лишь уединенные пики. Самая высокая вершина, гора Торо, в 368 метров высоты, расположена почти в центре острова и господствует над обширными, слегка холмистыми равнинами; растущие на них деревья, не защищенные от северных ветров, постоянно склоняют свои ветви в сторону Африки; апельсинные деревья могут расти только под прикрытием балок, или *barrancos*, которыми изборождена равнина. Отсутствие сиерры делает климат Минорки менее приятным и здоровым, чем на соседнем острове; почва также менее плодородна вследствие малого количества источников. Правда, дожди здесь обильнее, чем на Маиорке, но известковые скалы пропускают влагу сквозь поры, и поля всегда сухи. Воду можно найти только в глубоких гротах. Близ Циудаделы в одной скале находится целый лабиринт пещер, из которых одна сообщается с морем.

Сравнение климатов Маиорки и Минорки, по Каррерасу и Барцело-и-Комбир:

	Пальма	Магон
Средняя температура	18°,1	17°,1
„ температура самого теплого месяца	(?)	22°,4
Средняя температура самого холодного месяца	(?)	9°
Среднее количество дождей	0,436 м.	0,960 м
Число дождливых дней	67	82

Подобно Маиорке и обоим Питиузским о-вам, Ибисе и Форментере, в политической истории и торговле Минорки замечается некоторое колебание, благодаря портам, расположенным на двух её противоположных оконечностях. Остров имеет два главных города, которые всегда спорили между собой за право первенства,—Циудаделу и Порт-Магон (Маон). Первый имеет преимущество в своем положении против Маиорки и двух заливов Алькудии, но представляет дурную гавань с болотистыми берегами. Второй, до сих пор носящий имя своего карфагенского основателя, обладает превосходною природною гаванью, разделенною островками и полуостровами на бухты и второстепенные бассейны; в этом рукаве моря соединены всевозможные удобства. Между тем, при виде слабого торгового движения в порте, не трудно догадаться, что это та самая знаменитая гавань, которую Андрей Дориа восхваляет в своей известной шутке, относящейся, впрочем, и к картагенской бухте; «июнь, июль и Магон—лучшие порты в Средиземном море». Порт-Магон значительно утратил свою торговую деятельность с тех пор, как англичане покинули его в 1802 г., сделав из него богатый, благоденствующий город. Для них он служил второю Мальтою, хотя и низшею по достоинству, вследствие положения его среди открытого, бурного моря, вдали от таких портов, которые обусловливают сообщение между двумя морями и придают столь важное значение Ла-Валетте, Мессине, Гибралтару. В стиле построек Магона сохранилось нечто английское; большая дорога, проходящая во всю длину острова, от Порта-Магона до Циудаделы, также есть британское наследие, однако, дурно оцененное. Превосходная гавань Форнелльс, открывающаяся между двумя скалистыми полуостровами и могущая вместить целый флот, служит пристанищем лишь для нескольких рыболовных судов. Порт-Магон (Маон) имеет 18.445 жит., Циудадела—8.447 жит.

VI. Долина Эбро, Арагония и Каталония.

Подобно бассейну Гвадалквивира, долина Эбро в её средней части совершенно отделена от остальной Испании. Она представляет широкую ложбину между внутренним плоскогорием полуострова и системою Пиренейских гор. Если бы воды Средиземного моря поднялись на 300 метров, то наполнили бы все треугольное пространство, по которому извивается Эбро, от Туделы до Меквиненца, и которое было проводным озером, пока река не пробила себе дороги через Каталонские горы. К северу эта область ограничена исполинским валом Пиренеев, крепчайшим природным барьером, какой только существует в Европе; с юга и юго-запада она граничит с крутыми склонами нагорья и его бордюром гор; всего более она отгра-

ничена той неопределенной и изменчивой, но очень трудно переходимой, демаркационной линией, которую проводит различие климатов. На северо-западе верхняя долина Эбро продолжает собою, по направлению к Кантабрским Пиренеям, Арагонскую равнину. Следовательно, с этой стороны естественной границы не существуют; однако холмы, сходящиеся с обеих сторон, придают стране особенный характер. Кроме того, значительная часть этой области населена людьми другого племени, с иным языком и обычаями, противопоставляющими, следовательно, живую стену жителям равнины. И в историческом отношении верхняя долина Эбро должна была играть роль совершенно отличную от Арагонии. Там именно находятся главные места прохода между западным порогом Пиренеев и Кастильским плоскогорием; там во все времена происходил прилив и отлив людей между Францией и внутренними частями Полуострова.

Как по историческим событиям, так и по условиям географического положения, Арагония и Каталония образуют одну из естественных областей Испании, менее обширную, чем Кастилии, но едва-ли менее важную в истории развития нации и гораздо более населенную сравнительно с относительным их пространством, которое выражается следующими цифрами:

Области	Пространство	Нас. 1 дек. 1887 г.
Арагония	47.391 кв. кил.	883.830 ж.
Каталония	32.197 «	854.549 ж.

Более семи столетий Арагония и Каталония имеют одинаковые политические судьбы и почти всегда защищали одни и те же интересы в войнах и революциях. Тем не менее, в наружном виде, рельефе и климате этих двух провинций существуют резкие контрасты, и эти природные контрасты отразились на характере и истории населения. Арагония, состоящая из равнин и окруженная со всех сторон горами, есть по преимуществу страна континентальная; жители её, лишенные источников промышленности и торговли, должны были главным образом сделаться пастухами, землепашцами или солдатами. Каталония, напротив, страна гор, долин, открытых к морю, богатая морскими прибрежьями и мысами, должна была населиться моряками и присоединить к своим природным богатствам продукты, доставляемые меновою торговлею. Кроме того, она должна была вступить в тесные сношения с смежными областями, омываемыми тем же морем, особенно с Руссильоном и Лангедоком. Семь или восемь веков тому назад, каталонцы принадлежали даже более к провансальской группе народов, чем к испанской. По национальным нравам и обычаям так же, как и по языку они тесно были связаны с населением северной части Пиренеев.

Причину перемены равновесия в истории Каталонии, отдавшего эту страну кастильцам, надо искать в политической революции, которой самою ужасною драмою была Альбигойская война. Пока провансальское общество сохраняло свой естественный центр тяжести между Арлем и Тулузою, все прибрежные народы средиземноморского побережья вплоть до Эбро и даже жители берегов Валенции и Балеарских островов находились под влиянием окружавшего их образованного общества и были, так сказать, увлечены в его орбиту протяжения. Находясь между Провансом, с одной стороны, и арабскими государствами—с другой, христианские обитатели Полуострова и островов естественным образом чувствовали себя ближе к провансальцам, родственным им по племени, религии и языку; этим именно обстоятельством объясняется преобладание так называемого лимузинского наречия, с его литературою, в Каталонии и до самой Мурции и Пальмы. Но после того как жестокая война превратила многие альбигойские города в пустыни, после того как северные варвары уничтожили цивилизацию юга, и область южного склона Севенн была силою низведена на степень политической составной части бассейна Сены, Каталонии по необходимости пришлось искать других естественных союзов. Центр тяжести быстро переместился с севера к югу, из южной Франции на Пиренейский полуостров. Кастилия выиграла то, что утратил Прованс. И вот провансальский язык, некогда распространившийся из Каталонии и Тулузы по всей Арагонии, был там постепенно заменен кастильским. Впрочем, местные наречия защищают-

ся с удивительною энергиею: и теперь ежегодно до сотни произведений издается по-каталонски, и журналы на этом языке выходят даже в Америке, в Нью-Йорке и Буэнос-Айресе.

Северный склон плоскогорий и гор, окаймляющих с юга бассейн Эбро, пробит многочисленными брешами, служащими для путей сообщения. Постоянные реки и временные ручьи изрезали возвышенные места на куски, отделенные друг от друга, которые носят название *sierras*, если имеют некоторую длину, и *muelas* или «коренных зубов», если представляются в виде обособленных масс. Это уцелевшие «свидетели» плоскогорий предшествовавшей геологической эпохи. Если представить себе вновь выполненными все трещины, широкия равнины и ущелья, то можно мысленно восстановить прежний однообразный, слегка волнистый склон, постепенно спускавшийся от возвышенного центра Испании в долине Эбро. С самых высоких выступов этого плоскогорья ясно видно, что верхние фасы мнимых сиерр расположены соответственно и составляли часть одной и той же наклонной плоскости. Так, сиерра Сан-Жуст, или Сан-Юс, отделенная высокою долиною Гвадалона от сиерры Гудар, представляет не что иное, как обломок. То же можно сказать о сиеррах Сегура, Кукалон, Викор, Аглерен, Вирхен, которые продолжаются в виде прорванных валов до живописной скалы Монкайо. Сиерра Альменара, возвышающаяся к западу от этой цепи, на самом рубеже кастильского плато, также представляет отрывок плоскогорья, изрезанный метеорами.

Гранитная масса Монкайо, или Кайо, гораздо более прочная сравнительно с меловыми утесами восточного плоскогорья, выдержала разрушительное действие вод и остается соединенной с раздельным кряжем, где берет начало река Дуэро, откуда начинаются первые пики хребта Гвадаррамы. Монкайо, представляющий лабораторию, в которой приготовляются грозы для Арагонской равнины, вместе с тем служит наблюдательным пунктом, откуда кастильцам видна долина Эбро. В самом деле, эта угловая пирамида, весьма крутая на северном склоне и легко доступная по южным откосам, тем самым составляет естественную часть кастильских владений; при помощи этой скалистой громады кастильцы получили возможность спуститься в верхний бассейн Эбро и достигнуть у берега этой реки границ Наварры. Арагонцы, напротив, обязаны многочисленным проломам восточного плоскогорья возможностью подняться по его склону далеко за свои естественные границы. Чрез долины Гвадалона, Мартена, Хилока, они заняли всю верхнюю площадь Теруэля, именно область Маэцтрацго, столь важную в стратегическом отношении, вследствие её господствующего положения между бассейнами Эбро, Михареса, Гвадалкавиара, Хкара и Таго. При всех междоусобных войнах занятие этого возвышенного пункта и его укрепленных мест составляет главный предмет стремлений сражающихся сторон, так как крутизна утесов и недостаток дорог до чрезвычайности затрудняют в нем преследование неприятельских сил. Но по той же причине почти невозможно эксплоатировать средств страны. Близ Теруэля огромная сточная яма, глубиною до 200 метров, служит убежищем для миллионов диких голубей, прилетающих туда вечером и затем перпендикулярно упадающих в это черное отверстие. Сотнями тысяч бочек определяют гуано, которое вмещает дно этой пропасти.

К северу от Эбро и его притоков тянется высокий снежный гребень Пиренеев, отделяющий Испанию от остальной Европы. Северный склон гораздо населеннее и лучше известен, благодаря удобным конным и железным дорогам, связывающим его купальные города с остальною Франциею. Но главную массу пиренейской системы составляет её южная часть или испанская, о величине которой можно судить по огромному четыреугольному хребту, вдающемуся в пределы Франции лишь северо-западною конечностью, разрезанною в виде башен и пиков. В Испании находятся самые высокие вершины Пиренеев, от Мон-Пердю до Мон-Моди, и самые обширные плоскогорья, доминируемые конусами и башнями, имеющими еще от 2.500 до 2.900 метров вышины. В толще этих плато открываются огромные цирки, склоны которых состоят из правильно расположенных разноцветных пластов: там начинаются долины в форме ущелий (клюзы), направляющиеся параллельно пиренейской оси, т.е. от северо-запада к юго-востоку. В целом, испанские Пиренеи, на подобие ледяных гор (seracs) глетчера, разрезаны на отдельные массивы правильными трещинами. Эта орографи-

ческая система вовсе не представляет того вида, который ей еще недавно приписывали, сравнивая эту цепь с листом папоротника или стволом, снабженным боковыми ветвям. Это ясно доказано исследованиями Шрадера и других туристов, совершавших восхождения на Пиренеи.

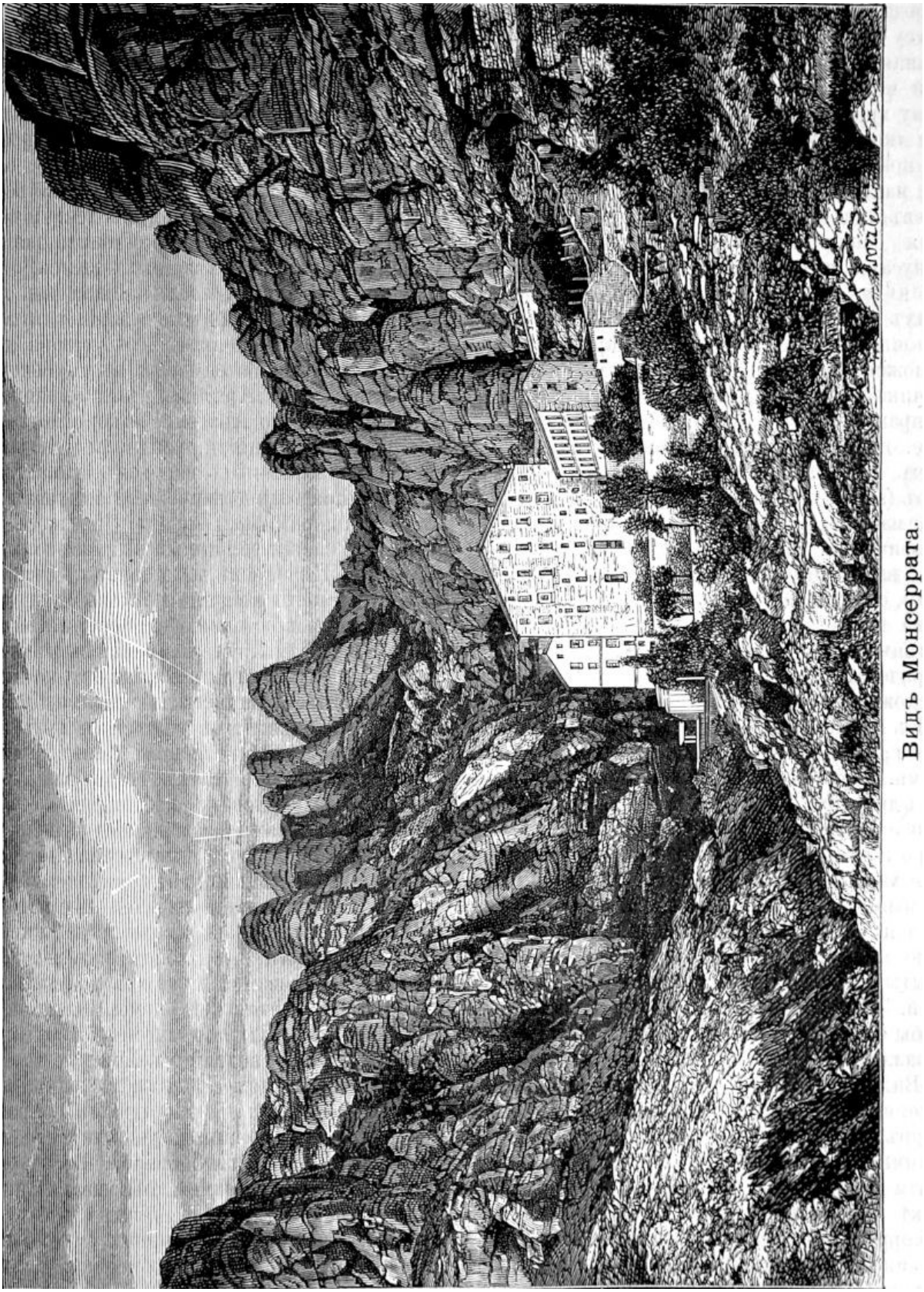
К югу от собственно Пиренеев, некоторые кряжи являются совершенно изолированными. Первый ряд независимых высот, остаток древних разрушенных плоскогорий, возвышается непосредственно к северу от реки Эбро и местами имеет тоже почти вполне горный характер. Этот кряж, местами прорываемый долинами пиренейских рек, начинается довольно скромно против гиганта Монкайо маленькими холмами, бесплодными, покрытыми папоротником и кое-где группами елей. Это—Барденас-Реалес. К востоку от Арбы эти высоты продолжаются в виде цепи, параллельной Кастелляру и всему округу Цинко-Виллас, затем, прерванные течением Галлего, снова подымаются, образуя, сиерру Алькубиерр, которая спускается во все стороны широкими террасами по направлению к долинам почти пустынным, известным на юге и востоке под именем Монегрос. Хребет Алькубиерр, расположенный в самом центре древнего арагонского озера, сохранил свой островной характер: порог, посредством которого он соединяется с горами Хуэски, поднимается не более 380 метров над уровнем моря.

Наконец, в средине пространства, разделяющего прибрежные холмы Эбро и главный гребень Пиренейских гор, возвышается настоящая горная цепь, которая в целом растет с некоторою правильностью в направлении от запада к востоку; она, по всей вероятности, представляет остаток горной системы, гребни которой тянулись параллельно Пиренеям, но были различным образом прорваны и местами снесены действием вод. Меловые скалы, составляющие главную массу этих гор, не представляли непреодолимого препятствия для пиренейских вод, сбегающих в изобилии по очень крутому склону. Однако, сопротивление гор было все-таки настолько велико, что принудило реки к многочисленным изгибам, и во множестве мест оставило для них узкие проходы в роде горных щелей.

Самая знаменитая и высочайшая из этих второстепенных горных цепей, тянущихся параллельно Пиренеям,—это сиерра де-ла-Пенья; в северной её части, в глубокой долине, протекает Арагон, река, именем которой называется Арагонское королевство. На восточной оконечности этой цепи, господствующей над старинным городом Хака (Jaca), возвышается великолепная песчаниковая гора в форме пирамиды, Пенья-де-Ороель, с которой открывается обширный вид на горы и долины, от Пиренеев до Монкайо. Дикая местность, отчасти покрытая буковым и сосновым лесом и составляющая центр этой грандиозной панорамы, есть знаменитая страна Собрарб, почитаемая испанскими патриотами почти наравне с Астурийскими горами Ковадонга. Это место для них священно: тут началась, со стороны Пиренеев, война, вырвавшая Испанию из рук мавров. По словам легенды, несколько человек, избавившись от власти арабов, жили несколько лет в пещерах и лесах сиерры; число их постепенно увеличивалось недовольными, и в конце восьмого столетия один из предводителей толпы, баск, по имени Ариста, атаковал мавров, живших в той местности, и разбил их на-голову. Иберийское название нового королевства Собрарб, почти латинской формы, подало повод хроникерам придумать легенду о чудесном дереве, будто-бы виденном Аристою во сне и покрывавшем своею тенью все страны, завоеванные его мечем. Верхния долины Арагона, Галлего, Цинка до сих пор слывут на местном языке за округи Собрарба. В одной небольшой лесистой долине, открывающейся к западу от Пенья-де-Ороель, существует, между прочим, грот, в котором, будто-бы происходило видение чудесного дерева. Над пещерою находится старинный монастырь, в одной из его зал, богато отделанной мрамором, покоятся останки древних королей Арагонии.

К югу возвышаются без всякого порядка вершины горной цепи, не так правильно расположенной, как сиерра де-ла-Пенья, и соединенной с нею возвышенным порогом: это сиерра Санто-Доминго, боковые уступы которой понижаются террасами в холмистую равнину Цинко-Виллас. К востоку, узкий проход, по которому протекает Галлего, отделяет цепь Санто-

Доминго от её естественного продолжения—гор, идущих до реки Цинка под разными названиями, но в целом их можно обозначить именем сиерры де-Гуара; другие второстепенные цепи или размытые остатки хребтов следуют параллельно главному гребню Гуара и вместе с



Видъ Монсеррата.

ним останавливаются на берегу Цинки. По ту сторону этого потока параллельные выступы почвы перепутываются и перекрещиваются с оконечностями пиренейских отрогов; однако, в них все-таки можно еще различить общее направление от запада к востоку. Далее это среднее направление гор опять делается вполне явственным. Монсеч, названный так за сухость

своих известковых размытых склонов, тянется до Сегра правильно, как крепостной вал, хотя и рассекается под прямым углом двумя реками: Ногера Рибагорцана и Ногера Паллареза. К северу от Монсеча, еще более высокая цепь, но гораздо менее правильная, обозначается живописными гребнями сиерры Сан-Гервас и сиерры Бумор. Весьма вероятно, что в предшествовавшую геологическую эпоху все воды, собиравшиеся в верхних долинах южного склона Пиренеев, были задерживаемы в виде озер поперечным оплотом этих второстепенных гор. Следы разрыва, произведенного выходными потоками, видны еще в нижней части этих *conques*; некоторые ущелья так узки, так обрывисты и изрезаны пропастями, как будто вода древних озер, едва успев прорвать гору, хлынула потопом в равнины Эбро.

Одно из таких ущелий, где Сегр, хотя и многоводный, протекает в трещине, которую можно перейти одним скачком, представляет единственный перерыв, отделяющий предгорье сиерры Бумор от сиерры Кади. Последняя цепь, с геологической точки зрения, должна был рассматриваема как особая система, независимая от Пиренеев в тесном смысле. Косая борозда, образуемая со стороны Испании долиною Сегра, со стороны Франции ущельем Перш и течением Тэт, представляет линию раздела между обеими группами гор. Пиренеи оканчиваются огромным собранием скал, окружающих долину Андорры, и горами Карлитты, опоясанными обширными плато из обвалов; Кади принадлежит к той, не менее грандиозной цепи, на французской оконечности которой находится великолепная пирамида Канигу. Исполин испанской части цепи, Кади, вероятно, равен этому колоссу по высоте; с главной вершины, рытвины и овраги которой почти всегда наполнены снегом, видны внизу, следующие одна за другой, словно волны бурного моря, все горы Каталонии.

От сиерры Кади и её восточного продолжения отделяется к югу большое число второстепенных ветвей, которые постепенно понижаются и в разных местах смешиваются с горами каталонского прибрежья. Эта область, очень трудно доступная по причине проходящих по ней параллельными стенами возвышенностей, весьма богата геологическими формациями, от силурийской до меловой, и содержит в изобилии железные, медные руды и даже золото; эти рудные месторождения отчасти разработываются, и могли бы иметь важное значение, если бы удобные конные и железные дороги проникали в верхния долины. Наиболее разработываемую рудную область представляет каменноугольный бассейн Сан-Хуан-де-лас-Абадезас, занимающий, близ истоков Тера, пространство более 32 квадратных километров посреди красноватого цвета гор, с закругленными очертаниями. Этот запас топлива не единственный в Каталонии: на западном склоне Кади другие мощные залежи каменного угля ожидают своей очереди для разработки.

Знаменитые соленосные скалы Сольсоны и Кардоны находятся в той же области, среди отрогов гор, служащих фундаментом хребту Кади. Один из этих холмов, к востоку от Кардоны, принадлежит к числу достопримечательностей Испании по относительной чистоте составляющей его соли. Соляная скала, возвышающаяся метров на сто над поверхностью земли, до такой степени источена и разрезана дождями на пирамиды, остроконечия, трещины, лощины, что имеет вид ледника. Атмосферные явления поработали над уменьшением её объема несравненно деятельнее рудокопов; тем не менее, громадная масса уцелевшей соли могла бы еще в течение веков снабжать Испанию: содержание в ней соли определяется приблизительно в 300 миллионов кубических метров.

Большое разнообразие металлов, заключенных в скалах этой местности, произошло, быть может, от соседства с подземным резервуаром лав. Единственные вулканические горы северной части полуострова находятся в верхнем бассейне Флувии, непосредственно к востоку от долины Тера, и как-раз на прямой линии, соединяющей утесы мыса Гата, и вершины Гифак и островков Колумбрет с вулканом Агд, на французском берегу. Каталонские вулканы, вообще невысокие и прорезанные кратерами, частью обвалившимися и поросшими остатками лесов, рассеяны вокруг Оло и Санта-По, на пространстве около 800 квадратн. километров. Могучие потоки базальтовой лавы, вышедшие из четырнадцати кратеров, выдвинулись в виде мысов, в долины, поверх скал, отложившихся в этой местности в третичную эпоху;

один из таких потоков, на котором стоит город и старые стены Кастель-Фоллит, поднимается высоким валом, при самом слиянии Флувии с другою рекою; черные, неявственно очерченные колоннады этого потока; кустарник, растущий в трещинах базальта; голубая вода, подмывающая основания столбов; мулы, которые тянутся длинными караванами, переходя в брод и взбираясь по крутым дорогам, высеченным в скалах,—все это представляет очаровательную картину. Вулканы этой местности, вероятно, потухли задолго до исторической эпохи, хотя историки неопределенно упоминают об извержениях, происходивших, будто-бы, в конце пятнадцатого столетия. Во всяком случае, достоверно, что в те времена сильное землетрясение опрокинуло город Оло и потрясло всю область восточных Пиренеев до Перпиньяна и Барцелоны. Течения теплого воздуха, являющиеся местами в трещинах скал и известные в стране под названием *bufadors*, отчасти свидетельствуют о работе, продолжающейся во внутренней лаборатории лав.

Система гор каталонского прибрежья служит точным продолжением системы берегов Валенции: очертания рельефа с каждой стороны ложбины Эбро согласуются между собою по общей форме, направлению и геологическому составу. На протяжении более 50 километров в ширину, от морского берега до внутренних равнин, называемых Льянос-дел-Ургель, местность всюду очень гориста; однако, скалы с настоящим горным характером начинаются только выше Тортозы. Первая цепь с крутыми склонами, обращенными к югу и омываемыми с востока Эбро, тянется параллельно берегу; вторая, затем третья с «Святою Горою» (Монунт-Сант) и сиеррою Прадес, наконец, еще четвертый гребень возвышаются с запада, по ту сторону голубой долины Циурана. К северу эти возвышенности прерываются ущельем Франколи, по которому протекает поток того же имени и проведена конная и железная дорога от Таррагоны к Лериде; затем горы снова поднимаются, образуя кряж с вершиною Монтагю. Другая борозда, по которой течет Нойа, приток Льобрегата, еще раз прорезывает каталонские горы и граничит с запада и юга с прекрасным хребтом Монсеррат, который с прочих сторон отделяется Льобрегатом, Кардонером и ущельем Калаф, являясь, таким образом, во всем своем величии.

Монсеррат («Зубчатая гора») относительно не высок, хотя пользуется гораздо большею известностью в Испании, чем пик Мульгасен и Нету, почтив три раза превосходящие его высотою и достигающие области постоянных снегов и льдов; зато на «Горе-Пиле», на одной из её площадок, повисшей в виде балкона на вертикальном утесистом склоне, находятся остатки монастыря, одного из самых знаменитых в христианском мире. Кардиналы, даже папы, лично посещали его, а Лойола сложил в нем свой меч. В сундуках монастырской ризницы заключались несметные сокровища, часть которых весьма кстати послужила для уплаты расходов во время войны за независимость. В наше время Монсеррат отчасти утратил свое значение святыни, зато для геологов представляет тип гор весьма интересных для изучения по их форме и природе скал. Монсеррат, хотя уединенный сам по себе, находится как раз в точке встречи трех горных осей: на юго-западе и северо-востоке он соединяется с каталонскими горами, идущими параллельно берегу; на западе он продолжается в виде возвышения почвы без определенных очертаний, примыкающего к Монсечу и сиерре Гуара; наконец, на севере скалы и береговые цепи, принадлежащие, подобно ему, к нуммулитовым образованиям, связывают его с сиеррою Кади. Монсеррат состоит из известковых, сланцевых и гранитных конгломератов, связанных красноватою глиною и происшедших из разрушенных потоками древних гор; галлереи и залы, прорытые водою в толще горы, обнаруживают огромные глыбы, нагроможденные без всякого порядка и, повидимому, в самом неустойчивом равновесии. С юго-запада и юга к подошве Монсеррата примыкают многочисленные горки; но на севере сразу поднимается страшная стена, усаженная остроконечными пиками и изборожденная вертикальными корридорами. Прежде эта гора, конечно, была значительно выше, но дожди, ветры, солнце и мороз нарезали в ней бесчисленные зубцы и «увенчанные колонны», которые и теперь еще покрыты на концах камнями, в форме капителей. С самой высокой вершины, называемой Сан-Иеронимо, открывается чудная панорама: отсюда можно обозревать пространство в 350 километров, от больших хребтов Пиренеев до Балеарских

островов.

С другой стороны пропасти, образуемой у подошвы могучей стены долиною Льобрегата, возвышенности тянутся до Монсена, гранитного столба, приподнявшего окрестные меловые пласты; эта возвышенность значительнее Монсеррата. За исключением Ампурданских болот, древнего залива, наполненного аллювиальными наносами, весь этот крайний угол Каталонии, между морем и Альбересом, покрыт холмами в форме цепей и массивов; на крутых склонах самых высоких из них, между прочим, на Мадре-дель-Моунт, также находятся церкви, часто посещаемые богомольцами. Ряд холмов, расположенных цепью, тянется вдоль берега, с обеих сторон Барцелоны, и своими выступами и песчаными, выходящими на морской берег долинами, придает всему прибрежью чрезвычайно живописный вид. Последний из этих мелких хребтов представляет гранитный выступ, образующий восточный конец Испании и южную границу Лионского залива: это сиерра Розас, некогда чтимая греками. Здесь, на самой видной вершине, находился храм Венеры, впоследствии замещенный монастырем Сан-Педро-де-Рода; в нем уже нет монахов, но матросы всегда издали салютуют ему. чтобы отвратить капризы ветра. Наиболее выдающийся утес хребта, мыс Креус на наших картах, есть древний Афродизион, с рифами, населенными коралловыми полипами.

Разные высоты бассейна Эбро, к югу от Пиренеев, суть:

К югу от Эбро: Сиерра-Сан-Юст 1.513 метр.; Пико-де-Херрера 1.306 метр.; Пико-де-Альменара 1.429 метр.

Между Эбро и Сегром: Котиелла 2.910 метр.; Пенья-де-Ороель 1.769 метр.

Между Сегром и морем: Сиерра Кади 2.900 метр. (?); Монсант 1.071 метр.; Монтагю 840 метр.; Монсеррат 1.237 метр.; Монсен 1.608 метр.; Мадре-дель-Моунт 1.224 метра.

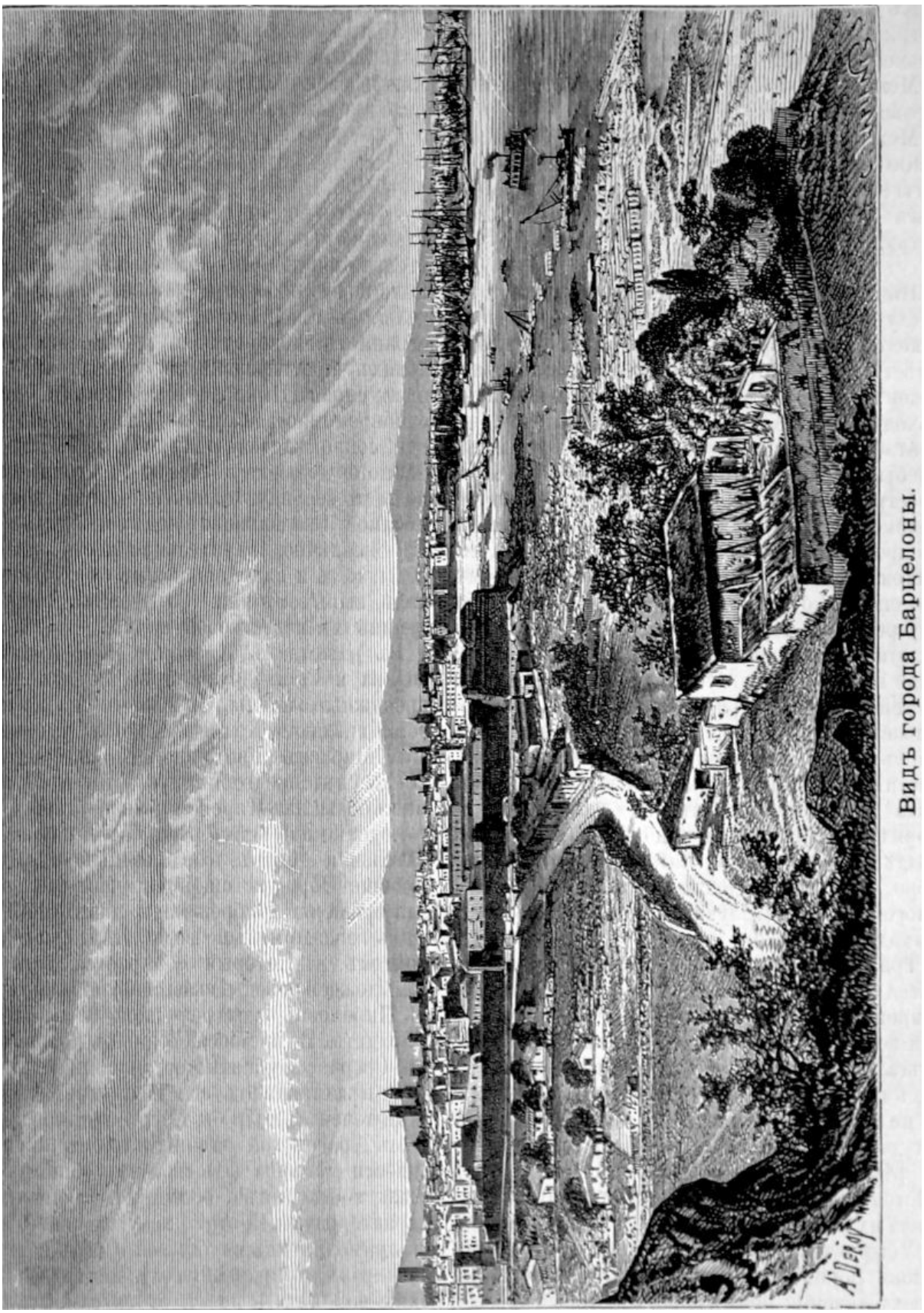
В целом, бассейн Эбро принадлежит к числу самых геометрически правильных, какие существуют на земной поверхности. Он имеет форму треугольника, основание которого покоится на Каталонских горах, а вершина находится близ Атлантического океана, в кантабрских Пиренеях. Слегка извилистые хребты, ограничивающие со всех сторон это пространство, занимающее более 80.000 квадр. километров, имеют весьма различную высоту, но представляют общее сходство в том, что состоят из гранитного ядра, на котором постепенно отлагались, по мере выполнения внутреннего моря, позднейшие образования, вплоть до новейших аллювиальных наносов. Эбро извивается в глубине срединной впадины бассейна и, несмотря на свои изгибы, придерживается строго перпендикулярного направления к берегу Средиземного моря, куда впадает; почти неизменною правильностью своего течения река вполне соответствует геометрической форме бассейна. Но с приближением к преграде, представляемой Каталонскими горами, Эбро необходимо должен был образовать многочисленные излучины, прежде чем найти выход к морю.

Три пруда Фонтибр, «Fons Iberi», находящиеся в одной высокой долине Кантабрских Пиренеев, начинают реку значительной массой воды, к которой примешиваются тающие снега цепи Пенья-Лабра, сиерры Изар и других гор. Однако, настоящий исток находится не в Фонтибре; в 16 километрах кверху оттуда, с покатостей Пенья-Лабра низвергается речка, гораздо более многоводная, чем «Источники Эбро»: фильтрации этого потока и питают их в значительной мере. Близ Рейноза, где бьет также очень сильный ключ, другая голова Эбро, река как будто колеблется в своем течении; низкий порог, который прежде, может быть, служил для неё руслом в сторону Гасконского залива, направлен к северу, по Эбро, круто поворачивая к югу, затем к востоку, пересекает в разных местах, от одного ущелья к другому, горные массы, некогда проходившие поперег его долины. Он усиливается в пути принятием в себя нескольких речек, посылаемых ему Пиренеями, сиеррою Деманда, массивом Убриошь; но вид настоящей реки он принимает .тишь по выходе из равнин Наварры, где Цидако и Альгама с южной стороны, Эга и Арагон, подкрепляемый Аргою,—с северной, соединяют свои воды в общем русле. По этому поводу сложилась поговорка:

Arga, Ega. Aragon

Hacen al Ebro varon.

Эти-то речки и образуют своим слиянием главную реку. Отсюда Эбро становится уже на-



Видъ города Барцелоны.

столько могуч, что может в изобилии снабжать водою побочные каналы, вниз от Туделы. С левой стороны канал Таусте распространяет плодородие на прежде бесплодных полях, простирающихся у подножия Барденас; справа Императорский канал, служащий одновременно

для судоходства и орошения полей, сопровождает реку до Сарагоссы: обыкновенно он несет не менее 14 кубич. метров воды в секунду; это почти половина воды, приносимой Гвадалквивиром в меженное время. К сожалению, значительная часть как этой воды, так и находящейся в судоходном канале, вырытом ниже Сарагоссы, теряется в трещинах известковой почвы.

В равнинах Арагонии Эбро принимает справа и слева другие притоки, наполняющие дренажные каналы. С южного склона плоскогорий впадают Халон, Хилока, Хуерва, Агуаз, Мартен, Гвадалопе; с севера, с пиренейских предгорий, спускается Арба, а с самых больших Пиренеев низвергается Галлего; однако из всех рек бассейна самая значительная—Сегр, соединенный с Цинкою. Вообще Эбро, истощенный частыми займами для орошения прибрежных плантаций, содержит гораздо меньше воды, чем упомянутый приток, в который собирается весь избыток дождевой воды, выпавшей на южном склоне Пиренеев, между группою Мон-Пердю и Карлитты. Во время ежегодных половодий волны Сегра совершенно останавливают течение Эбро и заставляют его воду стремиться против течения. Если бы Сегр занимал осевую часть Арагонской равнины, то он по справедливости мог бы дать свое имя общему стволу реки; но вследствие особенной распланировки, характеризующей этот треугольный бассейн с прямолинейными боками, Сегр изливается как раз в правый угол центральной впадины равнины и идет вдоль самой подошвы гор, образующих одну из сторон большой геометрической фигуры.

Непосредственно ниже места слияния, соединенные Сегр и Эбро пролагают свой путь через параллельные цепи Каталонских гор. От места слияния до моря общий наклон равняется 56 метрам на пространство более 150 километров, однако река сравняла свое русло так, что на ней не встречается ни водопадов, ни порогов. Матерьялы, оставшиеся после столь громадной работы разрушения, отложились в море вне нормальной береговой линии. Дельта Эбро выходит на 24 километра в Средиземное море; его низовья, покрытые солончаками, лагунами, болотными реками, занимают около 400 квадр. километров. Впрочем, с южной стороны аллювиальные осадки Эбро находят точку опоры на отмели, тянущейся к группе Колумбретских островов: твердые частицы, несомые течением, направляющимся к югу и юго-западу, отлагаются преимущественно с этой стороны; таким путем образовалась песчаная стрелка, соединяющая с болотистою дельтою высокий остров Пунта-ла-Банья и прикрывающая порт Альфак. В этот порт, находящийся на северной оконечности дельты и отличающийся иловатым грунтом, подобно «Пуэро-дель-Фангал», выходит искусственное устье Эбро, состоящее из канала Сан-Карлос де-ла-Рапита, прорытого в низовьях; канал имеет 14 километров длины, и сила его падения ослаблена тремя шлюзами. Тщетно старались приспособить его для большого плавания. Боковые плотины, построенныя при устье, не могли помешать образованию отмели, которая задерживает суда при входе. Равным образом и природные устья, окружающие островок Буда, недоступны для судов, вследствие переносных отмелей, покрытых неглубокою водою.

Если бы геологические исследования дельты Эбро были полны, если бы промерами дна был точно определен объем аллювиальных наносов до подлежащей породы и было бы вполне известно ежегодное приращение дельты,—тогда представилась-бы возможность для приблизительного определения числа веков, прошедших с того дня, когда внутреннее озеро начало изливаться в море через Эбро. Впрочем, захваты дельты в области моря будут уменьшаться с каждым годом, и с начала нынешнего столетия они уже уменьшились пропорционально успехам земледельцев в орошении их полей. Среднее приращение наноса Эбро, по Антонио де-ла-Меза, составляет только половину прежнего и не перестанет уменьшаться, если осуществятся все проектированные улучшения. И теперь большую часть года многие из притоков Эбро до-суха исчерпываются каналами для орошения и не достигают главного речного русла; но большие пиренейские водоемы вмещают еще значительные массы воды, которая теряется в море и которая могла бы произвести богатые жатвы в прибрежных степях. Арга могла бы оплодотворить и почву Барденасов, и округ Цинко-Виллас; Арагон про-

ходит по высоким долинам, которые легко было бы превратить в питательные резервуары; изобильные воды Галлего, Изуэлы, Цинка, повидимому, предназначены для того, чтобы окружить сиерру Алькубиерр сетью плантаций; в особенности Сегр скрывает в своих бурных водах будущее плодородие льяносов дель-Ургель, далеко не вполне возделанных. Громадные капиталы, вверенные бесчестным спекулянтам, были поглощены различными предприятиями этого рода; однако, несмотря на неудачи, придется снова взяться за работу, чтобы воспользоваться слабым избытком дождевой воды, остающейся без употребления в бассейне Эбро. Рано или поздно, большая река, а вместе с нею и другие резервуары воды в Каталонии, Льобрега, Тер, Флувиа, будут походить на реки Валенции, каждая капля которых применяется к делу и превращается в растительные соки.

Поверхность бассейна Эбро составляет 99.922 кв. килом. Среднее количество дождей в бассейне на метр поверхности 0м.500; расход в половодье 5.000 куб. метр.; расход средний 100 куб. метр.; расход в мелководье 50 куб. метр. Среднее истечение на метр поверхности 0м.037. Отношение истечения к выпадению атмосф. осадков 114(?)

Необычайное богатство искусственно орошаемых полей свидетельствует о доброкачественности почвы в Каталонии и Арагонии. Даже земли, от природы насыщенные солеными веществами, как, напр., в окрестностях Сарагоссы, превращены в чудесные сады, доставляющие овощи и особенно превосходные фрукты. На каталонском прибрежье, тропические растения, агава, кактусы, и к югу от Барцелоны группы пальм, простирающих свои веерообразные верхушки у подножия скал, напоминают о прекрасных пейзажах южной части полуострова. В бассейне Эбро происходит постепенный переход от почти африканской природы Мурции и Валенции к суровому климату плоскогорий и гор; но нигде, за исключением разве самых речных берегов, воды нет здесь в достаточном количестве. В некоторых горных областях встречаются на высоких утесах дома красного цвета, потому что известка для штукатурки разводилась на вине: после хорошего сбора винограда гораздо экономнее достать из погреба необходимую жидкость, чем идти отыскивать где-нибудь в глубокой долине и по дурным дорогам драгоценную воду, которая с большею пользою может быть употреблена для орошения полей. Западные ветры, задерживаемые горами и наклонными плоскогорьями Кастилий, не приносят никакой влаги в яму, на дне которой протекает Эбро; влажные северо-западные ветры, дующие с Кантабрского моря, также отчасти задерживаются горами Наварры. Что касается ветров с Средиземного моря, то они орошают только восточный склон Каталонских гор и проникают в арагонские равнины лишь через небольшое число ущелий.

Такой недостаток дождевой воды представляет большие невыгоды для некоторых областей бассейна Эбро. Там встречаются настоящие пустыни, ничем не лучше африканских: в них нет ни текучей воды, ни возделанных полей, ни лугов, ни лесов. Большая часть Барденасов, между Арагониею и Арбою: Монегрос, ограничиваемый реками Эбро, Сегром и Цинкою; террасы Каланды, к югу от Эбро и на западе от Гвадалопы, представляют самые обширные и необитаемые из этих пустынь. В названных пустынных областях, и в некоторой степени во всем углублении арагонских равнин, климат крайне непостоянен: он то слишком холоден, то слишком жарок, не только при переходе от лета к зиме, но и в течение одного и того же времени года; несмотря на соседство моря, климат здесь вполне континентальный. Редкая растительность, беловатый цвет поверхности земли, отражающий дневную теплоту, и близость снежных гор делают зиму особенно суровою; летние жары, напротив, часто бывают невыносимы; в этой впадине можно окончательно задохнуться, потому что морские ветры проникают туда очень редко, неравномерными дуновениями; а ослепительные скалы со всех сторон отражают солнечные лучи. Ветер, дующий на берегах Каталонии, теплый, гибельный для растительности, нездоровый для людей,—не тот, который идет из Африки: это ветер, пришедший через раскаленные равнины Арагонии.

Каталония пользуется климатом гораздо лучшим, чем Арагония, благодаря водам Средиземного моря, омывающим её берега, морским ветрам, приносящим дожди, пропитанному соляными испарениями воздуху и равномерности температуры. В этом заключается один из

контрастов, который, вместе с другими географическими различиями и разницею происхождения жителей, сношений, торговли, объусловливает характерные индивидуальные особенности обеих пограничных стран.

Средняя температура и изменения температуры вообще в Арагонии и Барцелоне выражаются следующими цифрами:

	Сарагосса		Барцелона	
Средняя температура	16°		17°,20	
Крайняя степень жары	41°	Разница 48°	31°	Разница 30°
Крайняя степень холода	-7,°81		0°	
Количество дождей	0,м347		0,м400	

Не стараясь узнать невозможное, т.е. происхождение аборигенов и пришельцев, населявших в доисторические времена долину Эбро и горы Каталонии, можно утверждать, что население приморской области всего более приняло в себя разнородных чуждых элементов. Море приводило сюда колонистов всех мореходных народов, между тем как другие посетители, как враждебные, так и мирные, могли приходить с юга по природной дороге на морском прибрежье, или с севера по невысоким ущельям Альберес. Таким образом, карфагеняне и финикияне, греки и массилиоты, римляне, арабы, норманы, французы, провансальцы последовательно примешивались к первоначальным жителям Каталонии. Арагония, страна континентальная, неизвестная морякам и защищенная от переселений с севера оплотом скал и снегов, должна была в гораздо большей степени сохранить относительную чистоту своих народов; но зато победители, которым удавалось завладеть этою страною, могли прочно утвердиться в ней, не опасаясь быть вытесненными новыми пришельцами. Когда мавры овладели Арагониею, они долгое время оставались в ней. Барцелона уже три столетия пользовалась свободою, между тем как сарацины продолжали удерживать Сарагоссу. В сравнении с подвижною, переменчивою Каталониею, Арагония представляет нечто солидное, прочное.

В массе жители долины Эбро отличаются немного нахальною гордостью, холодным, презрительным высокомерием и большою, так сказать, неповоротливостью ума: они рутинеры и суеверны, но вместе с тем обладают замечательною силою воли, и своею храбростью делают честь своим предкам кельтиберам. Эти красивые, широкоплечие молодцы, с головою, повязанной шелковым платком, стянутые в талии лиловым поясом, которых встречаешь шагающими позади своих ослов, всегда готовы к бою. Не далее как в конце прошлого столетия между деревнями или братствами было в обычае вступать в кулачный бой, единственно ради удовольствия драться и выказать свою отвагу: такого рода битва, никогда не кончавшаяся без смертных случаев, называлась *rondalla*,—слово, употребляемое теперь для названия концертов уличных певцов. В малых делах арагонцы так же упрямы, как и в великих. По этому поводу сложилась поговорка, что они «вбивают гвозди своей головой». Эта энергия и решимость характера отражаются в мужественно резких чертах лица и у мужчин, и у женщин, соединяясь большею частью с классическою красотою.

Первые века борьбы арагонцев с маврами представляли беспрерывную войну, во время которой каждый горец доблестно жертвовал своею жизнью. Короли были тогда не более, как «первые между равными», причем эти «равные» принимали величайшие предосторожности, чтобы постоянно контролировать власть государя. Великий народный судья, сам лицо ответственное, наблюдал за королем и заставлял его уважать привилегии своих подданных. Справедливо восхищались гордою речью, которую великий арагонский судья обязан был произносить перед коленопреклоненным королем, когда последний приносил клятву управлять по закону: «Мы, которые равны с вами по достоинству и могущественнее вас, мы избираем вас нашим королем и господином с тем, чтобы вы охраняли наши права и преимущества. В противном случае вы нам не король!» Впоследствии, мало-по-малу, судья стал говорить уже не от имени народа, а в качестве представителя «богатых людей». Фуэросы, которые король клялся поддерживать, превратились в привилегии знати. Когда в купцах, ремесленниках и

землепашцах не было больше надобности для ведения войны, они очутились вне права; у них не было уже никакой свободы, которую бы короли, судьи или дворянство обязаны были уважать, а если и удостоивали иногда входить в их интересы, то не прямо, а чрез посредство «университетов» или муниципальных властей.

И так, хотя конституция Арагонского королевства далеко не имела республиканского характера, тем не менее она контролировала королевскую власть настолько действительно, что властители нередко старались всеми мерами избавиться от неё. Наконец, Филиппу II удалось тайно провести войска в Арагонию; великий судья был внезапно арестован, и голова его упала на плахе на Сарагосской площади, перед глазами устрашенной толпы. Этим дело не кончилось: король, пользуясь общим смятением, велел собраться среди своей армии, расположившейся лагерем в Тарацоне, мнимой государственной думе, которая провозгласила смертную казнь каждому, кто будет «кричать о вольности». Остатки прежних местных учреждений были окончательно уничтожены в начале восемнадцатого столетия, и Арагония утратила всякую автономию, превратившись в «генерал-капитанство» кастильской короны. Центральная власть могла поздравить себя с таким результатом; но народ, лишенный всякого стимула к самодеятельности, был тем самым обречен на прозябание в умственной закоснелости. В настоящее время Арагония во многих отношениях, даже в материальном благосостоянии, отстала от тринадцатого века, великой эпохи её политического преобладания в бассейне западной части Средиземного моря.

Каталонцы не менее арагонцев самодовольны; жители плоскогорий, особенно пастухи, которым старинные предания приписывают знатность рода, любят хвастать своим происхождением, но их гордость близка к тщеславию, потому что они большие болтуны. Они столь же говорливы, насколько молчаливы их соседи; они много кричат, охотно бранятся, но у них редко дело доходит до рукопашной. В их характере, как говорят, меньше положительности, чем у арагонцев; тем не менее, они еще дольше отстаивали свои местные вольности. Находясь дальше от Кастильского плоскогорья, будучи более многочисленны и, следовательно, более уверены в своих силах, при том же закаленные в опасностях плаванием по бурному морю, они не могли выносить власти презираемых ими кастильцев. Мало найдется городов, которые выдержали бы столько осад, как Барцелона; немногие, даже в героической Испании, защищались с большим мужеством; нередко этому городу удавалось заставлять снимать осаду одними своими силами. Междусобные войны, столь часто, под разными знаменами, обагрявшие кровью улицы Барцелоны и её предместий, а также и ущелья окрестных гор, все почти имели главной причиной проявление этого старого каталонского инстинкта независимости, который мадридское правительство не умеет принимать во внимание. Еще недавно у кастильян старого закала было в ходу позорящее прозвище для их соотечественников к северу от Эбро: они называли их «мятежными каталонцами»; но те принимали это прозвище как лестный титул славы.

Каталонцы приписывают себе еще одно достоинство, которого никто не станет у них оспаривать,—большую ревность к труду. Они не только обратили в прекрасно орошаемые сады обращенные к морю долины, но забрались на обнаженные склоны гор, и из размельченных камней, смешанных с землею, принесенною из равнин, составили плодородную почву для виноградников, маслин, зерновых хлебов. Отсюда сложилась поговорка: «Каталонец умеет делать хлеб из камня». Но так как одно земледелие не могло пропитать слишком многочисленного народонаселения, то каталонцы деятельно занялись промышленностью. Барцелона, её предместья, окрестные и соседние города имеют многочисленные мануфактурные заведения, в которых приготовляются бумажные, шерстяныя и другие ткани, обработывается железо, дерево, кожи и различные химические препараты. Хлопчатобумажная промышленность утвердилась в Каталонии полстолетия тому назад, и с тех пор Барцелона сохранила за собою первенство и почти монополию в этой отрасли национального труда.

Провинция Барцелона обладает двумя третями всех паровых машин, находящихся на Полуострове: она вполне заслужила название испанского Ланкашира, с её тысячью фабрик

и заводов и сотней тысяч рабочих. Междуусобная война только замедлила производительность, но не прекратила её; Барцелона осталась обширною мастерскою, снабжающею Испанию и её колонии продуктами современной промышленности. Посредническая роль, принадлежавшая населению Каталонии до альбигойской войны, возвратилась к нему, только в другой форме. Прежде оно распространяло в Испании провансальский язык и цивилизацию; теперь оно передает ей промышленное движение севера Европы. Через Барцелону проникло на Полуостров большинство новейших открытий, пар, газ и электричество. Поэтому тем более удивительно, что Барцелона так долго не имела скорых сообщений с пограничным государством—Францией. До недавнего времени она пользовалась для сношений с этой страной только морским путем и единственною большою сухопутною дорогою, которая часто бывает неудобна во время разлива прибрежных ручьев. Последствия централизации окончательно сделали обитателей двух пиренейских скатов почти чуждыми друг другу. Стена Пиренеев еще существовала даже там, где она переходит в холмы и скалы.

Каталонцы Полуострова, подобно балеарцам, охотно эмигрируют: жадные к наживе и ловкие в уменье орудовать деньгами, они расходятся по разным провинциям Испании, с целью воспользоваться теми источниками благосостояния, которыми не умеют пользоваться сами жители этих провинций: во всех городах внутренних плоскогорий есть свои каталонцы, пробующие составить себе состояние и почти всегда успевающие в этом. Во множестве испанских провинций слово «каталонец» есть синоним купца, лавочника, промышленника. На Филиппинских островах, в Пуэрто-Рико, на о. Кубе, каталонские колонисты также встречаются в значительном числе, отличаясь замечательным усердием к обогащению. Поэтому белые и черные креолы, видящие в них своих соперников или господ, относятся к ним с чувством глубокого отвращения. Это между каталонцами была навербована большая часть тех «волонтеров свободы», которые бились с таким ожесточением, иногда с яростью, для удержания кубанцев в состоянии политического рабства, а чернокожих—в невольничестве.

Города Арагонии и Каталонии представляют тот же контраст, как и их населения. Арагонские города, более редкие, имеют важный, торжественный, даже мрачный вид; каталонские, расположенные большею частью живописнее,—вообще деятельнее и оживленнее. Последние чаще обновляют свои здания; они принадлежат к современному миру, тогда как их арагонские родственники все еще служат представителями средних веков.

Царагоца, Colonia Caesar-Augusta римлян, Сарагосса у французов, занимает одно из наивыгоднейших естественных положений. Она находится почти в геометрическом центре Арагонской равнины, при слиянии Эбро с двумя притоками, из которых один, весьма значительный, Галлего, приносит сюда студеную воду непосредственно из источников горы Пердю, которую иногда видят сарагосцы в ясную погоду. Километрах в двадцати выше города, Эбро принимает в себя Халон, самую обильную реку южного склона, открывающую дорогу к кастильскому плоскогорью и бассейнам Хукара и Гвадалавиара. Таким образом Сарагосса лежит в точке пересечения всех естественных дорог в стране, а искусственные пути по неволе должны были сойтись сюда же.

Подобно городам Андалузии, Сарагосса имеет свой мавританский альказар, Алхаферия, который прежде был дворцом инквизиции, а теперь обращен в казармы. Другой любопытный памятник представляет знаменитая наклонная башня, относящаяся к началу шестнадцатого столетия; она наклонна более чем на 3 метра, почти столько же, как и Пизанская башня, и, по своей изящной архитектуре, легкости и красоте орнаментов, может считаться красивейшим зданием в этом роде, хотя и реставрированная в основании постройкою подпорного пьедестала. Сарагосса хвалится также своим проспектом Косо, где происходили турниры, и тенистыми аллеями своего бульвара, идущего кругом всего города; но её славолюбивые жители в особенности дорожат славой «Геройского города», и конечно, Сарагосса имеет полное право на этот титул. Осада, выдержанная городом в 1808 и 1809 гг. против целой

французской армии, служит вечным памятником доблести сарагосцев. Для них дело шло не только о защите своих очагов, но также и о спасении патронессы города, «Пресвятой Девы на Столбе» (Virgen dei Pilar), статуя которой, роскошно украшенная, помещается в кафедральном соборе на массивном серебряном столбе.

«Излюбленный город св. Марии, предводительницы арагонской рати», отстаивал улицу за улицей, дом за домом, с ожесточением, какое редко можно встретить в летописях народов. И теперь еще ежегодно бывает бой быков в честь Мадонны на Столбе. Сарагосса один из университетских городов Испании.

В столице Арагонии в лабиринте старых извилистых переулков проложено несколько новых прямых улиц и широких бульваров; но другие города арагонских провинций сохранили свою прежнюю наружность. В высокой долине Арагона, между Перинеями и сиеррою де-ла-Пенья, расположена Хака, с серыми, полуразвалившимися домами, и теперь еще окруженная высокими стенами, четыреугольными башнями и цитаделью; прежде она была столицею королевства Собрарб, а теперь представляет незначительное местечко, которое было бы совсем забыто, если бы не находилось при устье Сомпорта и знаменитых монастырей Пеньи. У подошвы первых гор лежит Хуэска, главный город провинции того же имени, древний Оска, имя которого напоминает название французского города Ош и древнее господство Осков или Эвскариев. Этот город сохранил некоторое значение, благодаря обширной, искусственно орошаемой равнине, окружающей холм, на котором он стоит; в нем находится богатый кафедральный собор, заменивший мечеть, опустелые монастыри, дворец арагонских королей, превращенный в университет, и развалины городской стены, имевшей, прежде девяносто девять башен. Барбастро, занимающий сходное с Хуэской положение, неподалеку от Цинки, остался, подобно Хаке, средневековым городом; он сообщается с Францией посредством проезжей компортской дороги: кроме того, к нему проведена ветвь от железнодорожной линии Барселона-Сарагосса.

В южной части бассейна Эбро, ниже слияния Халона и Хилокп, расположен Калатаюд (город Жидов?), второй город Арагонии по торговле и наследник Бильбилиса иберов, который стоял на склоне соседней горы,—имеет наклонную башню, подобно Сарагоссе; при городе есть предместье, состоящее сплошь из мазанок и вонючих берлог, в которых живет целое население голодных нищих. В продолжение всего времени, когда он был городом арабским, Калатаюд фабриковал, соперничая с Малагою, глиняную посуду золотистого цвета, с металлическим отблеском, которую разыскивают любители. Теруэль, главный город Маецтрацго, господствующий над Гвадалавиаром, с его зубчатыми стенами, башнями, крепкими воротами, имеет вид средневекового укрепления: можно подумать, что видишь Авилу или Толедо. Арабская башня на церкви этого города есть одна из главных достопримечательностей «неизвестной Испании»; его водопровод шестнадцатого столетия, проходящий через долину по мосту в 140 арок, представляет замечательное сооружение.

Многие города внутренней части Каталонии также имеют весьма старинную наружность; между ними есть совсем развалившиеся, которые останутся в таком состоянии, пока не будут вновь соединены удобными путями сообщения с остальною Испаниею. Так напр., «Гордая Пунцерда», которая с высоты холма, лежащего на самой границе Франции, господствует над прекрасною равниною, прежде болотистою, орошаемою Сегром, представляет собрание лачуг, окруженных валом. Сеу д'Ургель, построенный также на берегу Сегра, в плодороднейшей долине, орошаемой, кроме Сегра, Эмбалирою, выходящею из Андорской долины, представляет весьма важный стратегический пункт, потому что крепость этого города господствует над окружающими долинами; однако, его грязные улицы, ветхие дома, глиняные, размытые дождем стены производят весьма неприятное впечатление. До сих пор ни одна проезжая дорога не проведена по нижним ущельям, по которым уходят воды Сегра к Балагеру и Лериде.

Этот последний город, происхождение которого древнее самой испанской истории, находясь в руках римлян, арабов или христиан, всегда играл важную роль, вследствие своего

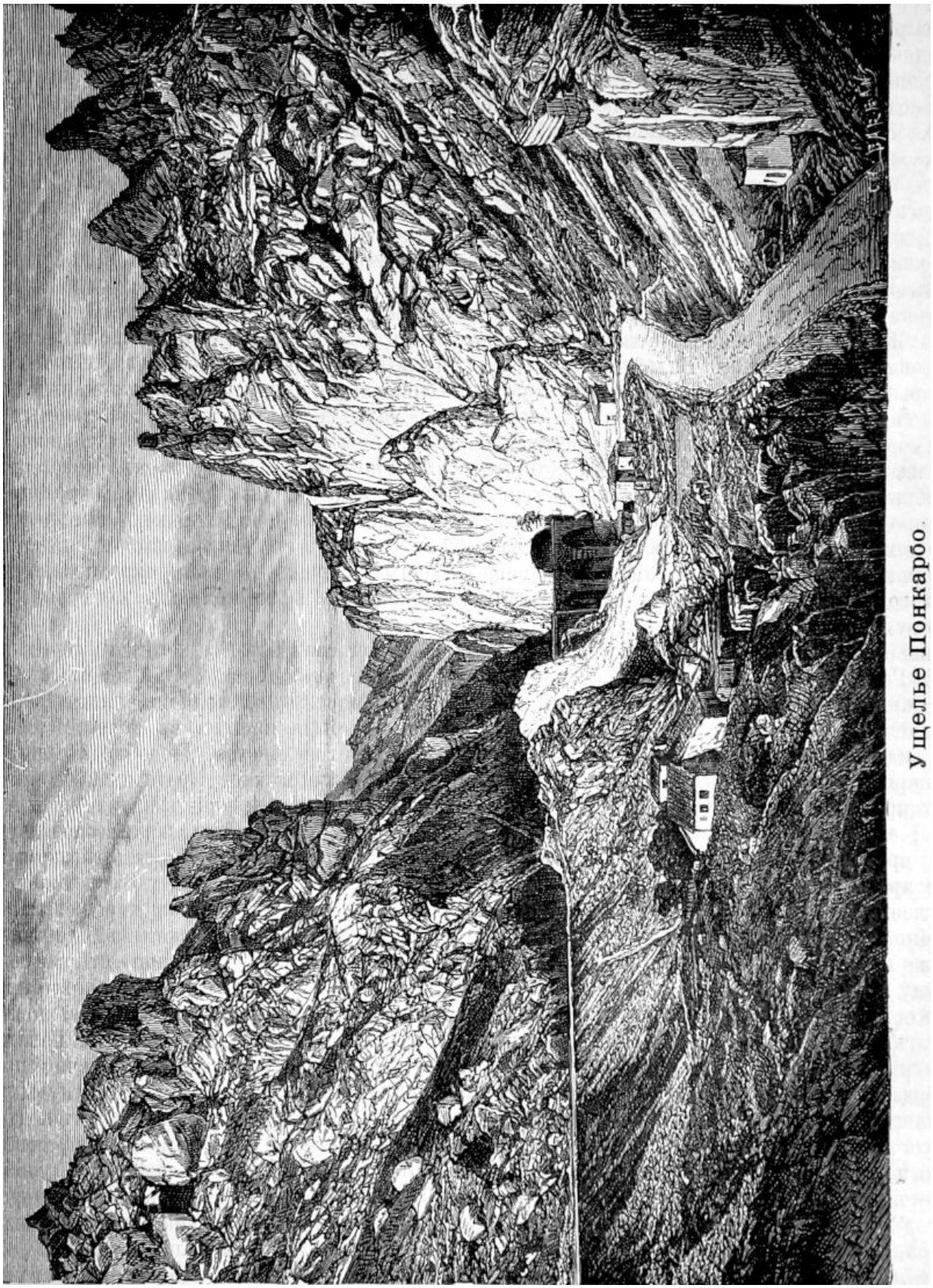
стратегического положения на Сегре, при входе в Арагонскую равнину, при выходе из пиренейских долин и проходов в Каталонские горы. Поэтому соседния с ним равнины часто были театром кровавых битв между армиями, спорившими за обладание долиною Эбро, и стены городской крепости подвергались многочисленным приступам. На вершине его холма, в группе зданий церковных и военных, стоит замечательный собор тринадцатого века, стиля византийского и готического. В настоящее время Лерида служит посредником в торговле между Сарагоссою и Барцелоною: кроме того, великолепные окрестные сады дают этому городу собственные средства для меновой торговли с остальною Испаниею; но других источников благосостояния он не имеет; он ждет, чтобы чрезпиренейская железная дорога, проходящая по ущелью Сала, сделала его одним из главных складочных пунктов международной торговли и одним из жизненных центров Полуострова.

Живописная Тортоза, последний город, омываемый водами Эбро до его впадения в Средиземное море, представляет лишь тень того, чем она была прежде, в качестве столицы арабского государства. Подобно Лериде, она имела прежде важное стратегическое значение, как пограничный город Каталонии и Арагонии и как укрепленное место, господствующее над проходом Эбро. Она есть также складочный торговый пункт между Барцелоною и Валенциею, и если бы обладала хорошею гаванью, то, без сомнения, снова достигла бы цветущего состояния. Но тинистые заливы, открывающиеся с обеих сторон дельты Эбро, вовсе не пригодны для устройства пристаней и молов, необходимых для обмена товаров. Гавань де-лос-Альфак представляет, конечно, превосходную стоянку для судов, застигнутых бурею, но, к сожалению, они не могут подходить к низменным берегам, и искусственный порт Сан-Карлос-де-ла-Рапита, сообщающийся с Эбро посредством канала, прорытого рукою человека, но весьма дурно содержимого, доступен только для мелких судов.

Подобно тому как Марсель представляет настоящее торговое устье Ронской долины, так точно Таррагона, бывший рынок финикиян, затем карфагенян, сделалась обширным морским рынком бассейна Эбро; благодаря своему положению против Рима, на другой стороне Средиземного моря, она сделалась также главною точкою опоры латинского могущества на Иберийском полуострове; она обладала прекрасными памятниками, цирками, амфитеатрами, дворцами, храмами, тюрьмами, водопроводами. Население её состояло из нескольких сот тысяч человек, может быть, из миллиона; городская стена имела, как надо полагать, более шестидесяти километров в окружности, и маленький порт Салу, лежащий теперь в двух часах ходьбы на юго-западе, находился в городской черте древняго Таррако римлян. Современный город, «весь желтый на серой скале», почти целиком построен из обломков разрушенных зданий; надписи, античные барельефы вмазаны в разных местах в грубо сложенных постройках; циклопические стены и памятники времен доисторических свидетельствуют о глубокой древности Таррагоны. Массивный кафедральный собор, высокие средневековые башни, полуразрушенные стены, несколько пальм, выдающихся из темной зелени апельсиновых садов, водопровод, частью римский, пересекающий равнину, покрытую превосходными садами,—вот что представляет Таррагона в наши дни. Её археологический музей, обогатившийся в последнее время открытием гимназии и теплых римских бань, обладает прекрасною коллекцией статуй, бюстов, мозаик, надписей, ваз, посуды, медалей и других предметов, найденных в месте расположения латинского города. Таррагона дополняется мануфактурным городом Реусом и земледельческим городом Вальсом, которые находятся в некотором расстоянии внутри страны и быстро разрослись с начала нынешнего века. Кроме того, в соседстве находится монастырь Побле, в котором покоятся останки арагонских королей. Торговля Таррагоны снова достигла значительного развития в последнее время, благодаря плодородию окрестных местностей. Вино, масло, миндаль, орехи—главные предметы экспорта; орехи вывозятся тысячами мешков.

Между Таррагоною, древнею метрополиею, и Барцелоною, новым главным городом долины Эбро и вторым городом в Испании, население теснится в многочисленных аггломерациях. После роскошных полей Панадеса и следующей за ними не менее плодородной доли-

ны, орошаемой красноватыми водами Льобрегаты, где города чередуются с селами, начинаются предместья Барцелоны (римский Барцино, быть может, карфагенский город Барка, основанный Гамилькаром, или фокейская колония Баркинон). Собственно город располо-



Ущелье Понкарбо.

жен на берегу моря, у восточного основания крутого утеса Монхуич, усеянного грозными укреплениями, которые чаще обстреливали самих барцелонцев, чем их неприятеля. Недавно цитадель, впрочем, без стратегического значения, защищала город с восточной стороны; она

была срыта и преобразована в бульвар. Город смотрит очень веселым у подножия своих батарей, которые могли бы превратить его в пепел. Барцелона хвалится, что она—по преимуществу место веселья и удовольствий. Значительно уступая Мадриду по числу жителей, она соперничает со столицею своим великолепным театром, своими драматическими и музыкальными обществами. Широкий бульвар Рамбла, или «Овраг», названный так потому, что идет по ложу ручья, пересекавшего город и отведенного в сторону; затем набережная порта, или «морская стена», окаймленная вдали фасадом города; аллеи, отделяющие Барцелону от цитадели и предместья Барцелонетты—главные места прогулок, и в прекрасный вечер, при шумной толпе народа, теснящейся под платанами и у роскошных кафе, они представляют по-истине очаровательную картину; другая аллея, называемая «Ensanche» или «Расширение», потому что находится вне старинных стен города, соединяя старую Барцелону и его предместье Грацию, не менее оживлена, чем Рамбла. По своей веселости Барцелона, без сомнения, тот «единственный город», о котором говорил Сервантес, «местопребывание самого утонченного общества и отечество доблестных людей», но было бы слишком смело утверждать, что она, кроме того, заслуживает название «общего центра всех симпатий». Как умственный центр, она занимает одно из первых мест в Испании; её университет, основанный в 1430 году, посещается слишком 2.000 студентов (университетская библиотека содержит более 160.000 томов); кроме того она имеет различные технические училища и многочисленные ученые общества. В числе жителей города считается до 30 тысяч французов, людей почти все промышленных и коммерсантов.

Барцелона—важнейший город Полуострова; даже во время междоусобной войны, когда люди бьются в её предместьях, она сохраняет свое первенство над остальными испанскими портами. Перед её набережными сосредоточивается более четверти всей морской торговли Испании; Малага, приморский город, непосредственно следующий за Барцелоною по степени важности, не имеет даже половины торговых оборотов каталонского рынка. Движение судоходства в Барцелонской гавани в 1890 г.: Вошло 3.467 кораблей с измерением 2.137.366 тонн. Вышло 3.521 корабль с измерением 2.411.665 тонн. Обороты внешней торговли: ввоз 1.120.080 тонн на сумму 373.800.000 песет; вывоз 408.346 тонн, на сумму 375.000.000 песет.

До недавнего времени гавань Барцелоны, отлично защищенная с запада, севера и востока, была открыта южным ветрам, и именно с этой стороны, при входе в порт, находился опасный риф, вмещавший в себе два миллиона кубических метров грязи; кроме того, глубина почти всего бассейна была недостаточна. Обширные работы, исполненные в последние годы под управлением местного комитета или junta, сменившего в 1868 году государственное управление гаванью, окончательно исправили её недостатки. В настоящее время Барцелона, по срытии морской стены и увеличении набережных, представляет превосходно защищенную гавань, в которой большие суда находят глубину 8 метров; броненосцы, под защитой восточной плотины, имеют якорное место с глубиной от 10 до 12 метров. Другие порты этого побережья, Матаро, Аренис-дель-Мар, представляют собою не более как внешние рейды, без прикрытия, но есть возможность защитить их от ветров и волн открытого моря постройкою волноломов на рифах, которые тянутся параллельно берегу. Эти длинные подводные утесы суть, вероятно. остатки прежнего опустившагося берега.

Барцелона, как большой торговый город, сборный пункт моряков, промышленников и иностранцев всех частей Европы, естественно должна была постепенно утратить оригинальность своей архитектуры. В настоящее время она представляет второй Марсель, с большими бульварами или проспектами, окаймленными правильными рядами домов; некоторые из её кварталов, между прочим, нездоровая Барцелонетта, построенная к востоку от порта на частью искусственно насыпанном мысе, по однообразию не уступают американским городам. За исключением редких римских и арабских развалин, старого дворца биржи, *Casa Lonja*, в Барцелоне нет других интересных памятников, кроме неоконченного кафедрального собора, Ла-Сео, с высоким, мрачным готическим нефом, да древнего дворца инквизиции, с его мрачными тюрьмами. Зато в окрестностях города, вокруг его предместий, состоящих из за-

водов и рабочих зданий, настроено множество чудесных вилл среди зеленеющих балок долин и на крутых склонах гор. Веселая Барцелона усеяла своими дачами и увеселительными местами все холмы, все пляжи и долины своего округа. Высоты Монкака и Саррии покрыты изящными замками, в которых живет элегантное общество. В Испании нет другого места очаровательнее приморского берега, который тянется к северу от Барцелоны и Бадалоны, с его многочисленными заводами, рассеянными среди густой зелени, и затем продолжается к Мазну, Матаро и реке Тордера. Горы выходят в море отрогами, вершины которых покрыты соснами; на склонах возделаны виноградники, а местами, на высоких гребнях, гнездится какой-нибудь старый замок или укрепленный городок с зубчатыми стенами; каждая из промежуточных долин представляет сплошной сад, окруженный изгородью из алоэ; города и села, в виде непрерывного предместья, занимают все полукружие низменного берега, где, на отмелях, стоит множество лодок, на которых сушатся рыбачьи сети. Железная дорога идет сначала вдоль берега, затем проходит чрез один из городов, пересекает апельсинную рощу, прорезает тоннелем скалистый мыс и опять выходит на поляну, покрытую зеленью и фруктовыми садами. Картина, постоянно меняясь, всегда остается прекрасною и поучительною с исторической точки зрения. Здесь взор разом обнимает—на вершинах холмов, деревушки, боязливо окруженные стеною, как бы все еще опасающиеся нападений корсаров, а на берегу моря—свободно раскинувшиеся современные поселения, с их деятельною торговлею. Во многих местах, поселение раздвоилось: на утесе осталось старое орлиное гнездо, *de alt* или *d'amaunt*, на пляже расположилась современная агломерация *de baix* или *de mar*.

В провинции Барцелона почти все города следуют за метрополией в отношении мануфактурной деятельности: 120.000 работников ткут ежегодно около 250 миллионов метров материй для Испании и её колоний. Игуалада, над которою с северо-востока возвышаются скалистые громады Монсеррата; Сабадель, лежащий в долине, наполненной фабриками и заводами; Тарраза, древний римский город, близ которого находятся знаменитые минеральные воды Пуда; Манреза, с домами, расположенными по склону, у подножия которого протекает ручей Кардонер; Вич, старинная столица примаса Каталонии; Матаро, с его предместьями, раскинутыми по песчаному прибрежью:—каждый из этих городов имеет свою специальность по производству сукон тонких или грубых, полотен, шелковых и хлопчатобумажных тканей, ниток, лент, кружев, кожаных изделий, шляп, фаянса, стеклянной посуды, бумаги. Мануфактурная промышленность распространилась также в провинции Герона, или Херона, именно в городе Оло, окруженном вулканами. Однако, соседство французской границы, привычка к контрабанде, вторжения войск, присутствие значительных гарнизонов в крепостях Героны и Фигуерас помешали промышленной деятельности развиться здесь в полной силе. Живописная Герона, Жеронь у французов, обладающая некоторыми интересными памятниками, в числе которых находится кафедральный собор и монастырь с остатками мавританских бань, особенно прославилась многочисленными осадами, которые ей пришлось выдержать; ныне вокруг её валов, старые рвы обращены в огороды. Фигуерас, или Фигьер, первый испанский город, построенный на равнине Муга, при выходе из ущелья Пертус, также часто переходил из одних рук в другие, хотя и обзавелся с начала нынешнего столетия огромною цитаделью, в два с половиною километра в окружности, способною вместить более 20.000 гарнизона, с провиантом на два года. Маленький укрепленный порт Розас, приобревший известность в морских войнах, представляет теперь деревню, окруженную разрушающимися стенами. Но по крайней мере в нем хоть что-нибудь сохранилось, а от древнего греческого города Эмпориона, лежавшего на другой стороне бухты, не осталось и следа. Развалины этого «Города-Рынка», в котором, как говорят, жило более 100.000 человек, были совершенно покрыты аллювиальными осадками Флувии и морскими наносами. Берег, где город находился, сохранил название Ампуриас, и вся эта страна, называемая Ампурдан, носит имя уже несуществующего города.

Главные города Арагонии и Каталонии, с числом их жителей:

В Арагонии: Сарагосса (Царагоца) (1887) 92.407 жит., Хуэска (1887) 13.041 жит., Кала-

таюд (1887) 11.055 жит., Теруэль (1877) 9.500 жит.

В Каталонии (Каталунья): Барцелона (1887) 272.481 жит., Барцелона с предместьями слишком 400.000 жит., Реус (1887) 28.780 жит., Тортоза (1887) 25.000 жит., Таррагона (1887) 27.000 жит., Лерида (1887) 21.885 жит., Сабеделль (1877) 18.120 жит., Матаро (1887) 18.425 жит., Манреза (1887) 22.685 жителей, Герона (1887) 15.497 жит., Бадалона (1887) 15.974 жит., Вилланова-Гельтрю (1877) 13.600 жит., Валльс (1877) 13.250 жит., Вих (1877) 12.500 жит., Йгуалада (1887) 10.201 жит., Фигуерас (1887) 11.912 жит., Тарреза(1887) 11.200 жит.

Верхний гребень Пиренейских гор составляет на большей части своего протяжения границу между Испаниею и Франциею; здесь дипломатические соображения провели ту идеальную линию, которая, смотря по распоряжениям, исходящим из Парижа и Мадрида, разделяет то добрых друзей и союзников, то смертельных врагов. Но, во всяком случае, межевая линия не всегда придерживается гребня гор. В очень многих местах её извилины спускаются то на один, то на другой склон, отделяя, то для Испании, то для Франции, луга и леса, которым, повидимому, следовало бы принадлежать не той стране, которой они достались. На восточной Пиренейской цепи Испания наделена гораздо выгоднее: она обладает всею долиною Бидассоа, на французском склоне. На другой оконечности Пиренеев Франция вознаградила себя, завладев всем хребтом Канигу и верхнею долиною Сегра, на южном склоне гор Карлитты. Однако, в общем, Франция обижена захватами Испании, что, впрочем, весьма понятно, потому что склон более покатый и, следовательно, более доступный, обращен к югу. Пастухи арагонские и баскские, более многочисленные и привыкшие к жизни в горах, захватывали, при всяком удобном случае, пастбища на северном склоне, и затем международные договоры должны были освятить претензии первого занявшего землю.

Живописная долина Арана, в самом центре орографической системы Пиренеев, есть результат одной из тех побед, которые Испания одержала над Франциею без пролития крови. По направлению течения своих вод эта долина должна бы, повидимому, скорее принадлежать Франции, потому что обе Гаронны берут в ней начало и соединяются в одну реку; но выходное ущелье весьма узко и легко может быть заперто; всюду в других местах горы поднимаются в виде четыреугольного вала, покрытого снегом большую часть года. До восемнадцатого века аранцы имели так называемое «pas pleinier», т.е. право свободной торговли с пограничною страною; кроме того, они пользовались полною административною автономией. Вообще эти двенадцать тысяч горцев Арана, изолированные от остального мира, имели бы еще более прав, чем всякий другой европейский народ, на образование независимой республики. В скором времени международный железный путь пройдет по соседству этого кантона, недавно столь отдаленного; железная дорога из Тулузы в Сан-Жерон продолжится на юг по ущелью Сала, одному из самых узких порогов горной цепи, и дойдет в Испании до Лериды по долине Ногуера-Палареза.

Другая горная страна, лежащая к востоку от Арана, не столь ясно отграниченная и широко открытая в сторону Испании, есть, по крайней мере по имени, страна республиканская —это Андорская долина. Эта маленькая территория, в роде итальянской республики Сан-Марино, занимает пространство около 600 квадратных километров, с населением около 6.000 человек. Кроме пастбищ Солана, расположенных на французском склоне, на левом берегу верховьев Ариежа, воды всей Андорской области изливаются в живописный поток Эмбалиру, или Валиру, который сам впадает в Сегр, в красивой долине Сео д'Ургель. Почти все горы этой страны сделались бесплодны, и андорцы стараются окончательно лишить их остатков производительной земли: дровосеки уничтожают повсюду на горных склонах последние сосновые и дубовые леса. Таким образом, древния морены, лишенные укреплявших их лесов, обрушились; одна из них, лежавшая близ местечка Андорры, завалила, в 1865 г., поселок, находившийся у её подножья.

Предания, не подтверждаемые впрочем историею, связывали происхождение Андорской республики с одною победою Карла Великого, или Людовика Благочестивого над сарацинами, и до сих пор показываются сооружения, несправедливо им приписываемые. Факт тот, что до французской революции Андорская долина не была независимым государством. При начале феодальной системы андорская территория представляла сеньерию, зависевшую от графства Ургель, и, следовательно, от королевства Арагонского. После переходов по наследству, процессов и войн, в 1278 г. было решено, что долина, с политической точки зрения, останется нераздельным леном, управляемым на равных правах епископами ургельскими и графами Фуа: это установлено изысканиями Бладе. В 1793 г. французская республика отказалась от обычной дани, которая и не взималась до 1806 г.; затем, в 1810 г., испанские кортесы уничтожили феодальную систему. Вследствие этого, Андорра получила автономию и сделалась маленьким государством, самоуправляющимся, но не имеющим того, что в международном праве обозначается термином, «souverainete exterieure». Однако жители, предоставленные самим себе, не перестали управляться по старинным феодальным обычаям, какие были бы немыслимы в эгалитарной республике, основанной собразно современным идеям. Вся территория принадлежит исключительно небольшому числу семейств. Закон о майорате в полной силе; старшие сыновья являются господами, а их младшие братья, не пользующиеся почти никакими преимуществами над простыми рабочими, обязаны повиноваться главе семейства и пользуются его гостеприимством лишь под условием работать для него. Десятинный налог существовал еще в 1842 г.; для его уничтожения необходим был пример монархической Испании. В действительности, свобода андорских горцев ограничивается тем, что они не отбывают воинской повинности, не платят обычных податей и могут безнаказанно заниматься контрабандою. Главный источник богатства страны составляет тайный ввоз на испанские рынки французских товаров и табаку. После контрабанды, главный промысел Андорской долины—скотоводство; андорские пастухи сгоняют на зиму большую часть стад в равнины, называемые Льянос-дель-Ургель, на левом берегу Сегра. Кроме того, республика имеет небольшие железоделательные заводы и одну фабрику для изготовления материй, которые валяют в сернистых водах Эскалдас. Однако, эта незначительная промышленность и торговля недостаточны для прокормления андорцев; многие из них покидают родину, с надеждою или без всякой надежды на возвращение.

Андорская республика признает двух сюзеренов,—епископа Ургельского и французское правительство,—которые оба вместе получают ежегодную дань свыше тысячи франков. Представителями власти являются два земских судьи (viguiers): один французский, назначаемый Францией на неограниченное время; другой андорскии, избираемый Испанией на три года; кроме того, военный губернатор Сеу д'Ургельский исполняет обязанности вице-короля. Уголовную юстицию ведают исключительно только одни земские судьи и судят окончательно, даже в случаях применения тяжких наказаний: они начальствуют над местной милицией и назначают уездных судей (бальи); они могут даже издавать временные законы, в ожидании собрании кортесов, где заседают сами, вместе с апелляционным судьею, назначаемым попеременно обоими сюзеренами, и с двумя *rahonadors*, или защитниками андорских привилегий. Во главе каждого прихода находятся первый и второй консул, взятые из разряда caps grossos или «больших голов», при которых состоят двенадцать советников, избираемых главами семейств. Генеральный совет, заседающий в селе Андорра, состоит из консулов и делегатов от шести приходов; он избирает себе президента, синдика, нечто в роде главы исполнительной власти, обязанности которого пожизненны[1]. Политические страсти довольно сильны в этой маленькой республике, имеющей также свою правительственную сторону и парламентскую оппозицию. В эти последние годы бывали сильные столкновения между двумя партиями, французской и ургельской. Однако, несмотря на все фикции независимости, Андорра, принимающая в оффициальных актах название «Долин и Государства Андорры», в сущности лишена автономии, и испанские карабинеры, без всяких стеснений,

1 Reynal, «Revue de Geographie», 1881.

нарушают неприкосновенность мнимой республики. Впрочем и неудивительно, что андорцы находятся в большей зависимости от Испании, чем от Франции, потому что по языку, даже оффициальному, по костюму и обычаям,—они каталонцы, и в течение полугода остаются вполне отделенными от бассейна Ариежа, между тем как через долину Эмбалиры всегда могут иметь сообщение с Ургелем, главным городом их епархии. Впрочем, огромное преимущество никогда не быть тревожимым войною позволило населению превзойти своих испанских соседей в умственном развитии и благосостоянии. Вообще андорцы очень смышлены и ловки, даже слишком ловки, потому что боязнь потерять свою непрочную свободу и привычка к контрабанде развили в них чрезмерную хитрость. Они отлично умеют прикидываться простаками, когда это нужно для их выгоды. Ловко вывернуться из беды или расставить ловушку называется в соседних долинах «андорскою штукой».

Столпца Андорры представляет довольно чистенькое селение, расположенное ниже слияния Массаны, или Валира-дель-Норт, при самом выходе её из «grau», или дикого ущелья, с Валира-дель-Ориен, в которую впадает минеральный серный и железистый источник лас-Эскалдас. Но главное селение долины есть Сан-Хулиа-де-Лориа, простым ручьем отделяющееся от испанской границы: это огромный склад контрабандных товаров.

VII. Баскские провинции Наварра и Логроньо.

Провинции Баскские и бывшее королевство Наваррское по пространству составляют лишь незначительную, едва тридцатую часть испанской территории. Провинции эти не составляют области, географически обособленной от остальной части Полуострова: занимая гребень западных Пиренеев, они принадлежат как к бассейну Гасконского залива, так и к бассейну Эбро; кроме того, их политические границы, проведенные неровными, излучистыми линиями по долинам и горам, в некоторых местах еще усложняются чересполосицей. Тем не менее, земля Басков и Наварра должны рассматриваться как отдельная страна в общем составе Испании. Большая часть её населена особым племенем, сохранившим свое старое наречие, свои нравы и политические обычаи. В истории эта страна играла совершенно специальную роль, не только вследствие особенного характера её жителей, но также благодаря её положению на границах Франции, в том месте, где горы понижаются, оставляя проход для переселения народов и передвижения войск. Кроме того, населения Бискайи и Наварры могли существовать своими собственными средствами и развивать вполне самостоятельно экономическую сторону быта, благодаря природным богатствам страны. Следовательно, в этнологическом и историческом отношениях эти области представляют вполне обособленную страну, к которой можно еще присоединить провинцию Логроньо, политически принадлежащую к Кастилии, но расположенную на северном склоне большого плоскогорья, в бассейне Эбро.

Пространство и население описываемых областей суть следующие:

Области		Пространство, кв. кил.	Население 31 дек. 1887 г., жит.	Население на 1 кв. кил., жит.
Баскские провинции	Гвипуцкоа	1.885	181.845	96
	Алава	3/045	92.915	30
	Бискайя	2.165	235.659	100
Наварра		10.506	304.122	29
Логроньо		5.041	181.465	36
		20.757	995.906	48

В провинциях Баскских, или Васконгадских, и в Наварре, различные системы гор, разделенные в нижней части долинами Арагона, сближаются и перекрещиваются, образуя лабиринт гор и холмов, связывающий, подобно неразрывному узлу, Пиренейские горы с Кастильским плоскогорьем. Здесь весьма трудно различить направление главных хребтов, вследствие их незначительного возвышения над второстепенными хребтами и вследствие

множества ущелий и долин, рассекающих горную массу на бесчисленные отрывки. Если смотреть с вершины одной из гор, откуда вид открывается на далекое пространство, то местность представляется чрезвычайно похожею на море, взволнованное противными ветрами: всюду, до самых краев горизонта, вздымаются и перекрещиваются между собою волны разной величины, как будто на поверхности кипящей воды.

Средняя цепь Пиренеев в этой области своего протяжения уже не имеет вида больших гор: её высота не превышает, средним числом, тысячи метров. В том месте, где цепь оставляет французскую границу и вступает в испанскую Наварру, вершина Ицтербегуи и другие округленные высоты, находящиеся в юго-западном углу французской долины Альдюд, орошаемой Нивою, представляют не более как высокие холмы, при чем покрывающая их растительная земля не пробита ни одной скалой. Эта часть Пиренейского хребта сначала тянется довольно правильно по направлению к западу, затем, прерываясь глубоким ущельем Ацпирос, она утрачивает свое название и, вместе с тем, тот нормальный ход, который характеризует Пиренейские горы: в этом месте оканчивается цепь в собственном значении слова. Горы, неопределенно продолжающие по другую сторону пиренейскую горную систему, называются сиеррою Аралар, затем следуют совершенно местные названия. Эти горные выступы, не более 600 метров средней высоты, соединяют оба склона, позволяя конным и железным дорогам свободно проходить от берегов моря к долине Эбро. Два самых западных хребта этой неявственно очерченной горной массы, соединяющие французские Пиренеи с Кантабрскими, суть Пенья-Горбея, где растет в диком состоянии кассия,—и сиерра Сальвада. Они возвышаются, первый на востоке, второй на западе, над котловиною Ордунья, в которой берет свое начало Нервион, и извивается крутыми спусками и подъемами железная дорога из Бильбао в Миранда-дель-Эбро.

Малые цепи, отходящие от этой горной массы Пиренеев к Гасконскому заливу, также представляют весьма неправильный вид. Большая часть из них соединены между собою поперечными хребтами, параллельными пиренейской оси, так что потоки с трудом находят себе выход. Так, напр., Бидассоа, служащий своею нижнею частью границею между Франциею и Испаниею, сначала течет к югу, через долину Бацтан, затем, после длинного изгиба, возвращается к северу и смешивается с солеными водами лимана Фонтараби. Таким образом он отделяет от Пиренеев явственно очерченный хребет, одна из главных вершин которого есть знаменитая гора Рюн, на французской границе. Многие другие прибрежные вершины точно также уединены и по высоте равняются вершинам, расположенным на оси горной цепи. Между этими господствующими высотами можно упомянуть о Мендауре, возвышающемся на запад от долины Бидассоа, о Гайе, или горе Трех-Корон, служащей со стороны равнин Адура живописным началом испанского материка. Далее заслуживает внимания гора Оиц, окруженная красивым поясом тенистых долин, и горы, заканчивающиеся, между Бильбао и Гверникою, крутыми скалами мыса Мачичако. Не менее уединенная гора возвышается на севере равнины Ирун,между устьем Бидассоа и бассейном лос-Пасажес, узким ущельем между скалами, периодически затопляемым и обнажаемым морскими приливами. Это Хаизкибель, Эазо древних; гора с почти правильными верхними пластами и длинными крутами, поросшими вереском; с вершины её открывается чудная панорама, образуемая горами и долинами земли Басков, Адуром, французскими ландами и океаном. Конечный выступ Хаизкибеля, мыс Хигуэр, представляет крайний угол кантабрского прибрежья и лежит против двух скал св. Анны, подымающихся в открытом море, по другую сторону залива Бидассоа: это—южные пограничные столбы французского берега.

В этом узком поясе баскского склона находятся представители многочисленных геологических формаций, от гранита и порфиров до юрских и меловых известняков и до аллювиальных наносов, отложенных реками. Благодаря такому разнообразию геологических пластов и происшедшему от того множеству трещин, баскские провинции обладают богатыми рудными месторождениями, которыми всегда пользовались, и которые, без сомнения, рано или поздно обеспечат этой стране значительный горный промысел. Медь и свинец

встречаются здесь в изобилии, но по сие время главное богатство заключалось в железных рудах всякого рода, пригодных для всевозможных чугунных и стальных изделий. Железо «лакированное», или «замороженное», доставляемое рудником Мондрагон, в холмах Гвипуцкоа, употреблялось прежде для выделки несравненной стали для знаменитых толедских клинков. В настоящее время соседния с этим рудником копи дают часть стали, употребляемой для крупповских пушек. Целые горы в этой стране дотого наполнены железистыми пластами, что горнозаводские компании покупают их оптом, не с целию разработывать их целиком, а с намерением лишить соперничествующие компании превосходной руды. Рудное поле, если не самое обширное, то по крайней мере наиболее известное, как по деятельной его разработке, так и по кровавой битве, там происходившей во время последних карлистских войн,—есть Саморростро, к западу от рейда Бильбао. Это месторождение, занимающее пространство в 20 квад. километров, состоит из железистых масс, заключенных в слое слюдяного песка, очень легко расплавляемых и дающих чрезвычайно ковкий металл. Когда разработка рудников не приостановлена междоусобною войною, вся страна окрашивается цветом ржавчины: «поля, дороги, дома и даже кожа людей. Минеральная пыль покрывает все предметы однообразным красноватым цветом, на котором резко выделяется яркая зелень маиса и больших каштановых дерев». Недавно другие рудные месторождения, жилы галмея, получили огромную экономическую важность; возможно, что постепенное истощение Старой Горы скоро будет иметь результатом приобретение северной Испанией господствующей роли на рынке цинковой руды.

Сиерры, проходящие в Арагонии параллельно оси Пиренеев, продолжаются также в Наварре и Васконгадских провинциях, но при этом во многих местах сливаются с боковыми ветвями главного горного хребта. Сиерра де-ла-Пенья продолжается на запад от реки Арагона двумя хребтами, из которых один соединяется с пиренейскими ветвями и проходит к северу от Пампелуны под именем гор Сан-Кристобаль; другой, сиерра дель-Пердон, тянется довольно правильно к западу и образует Хига-де-Монреаль, гору, знаменитую в легендах и представляющую лучший наблюдательный пункт, с которого видна вся Наварра. К западу от Пампелуны и Арги северная, цепь расширяется в гористое, усеянное вершинами, плоскогорье: это сиерра Андиа, продолжающаяся до Эбро в виде гор Виториа; её отроги, перепутываясь между собою, образуют область Амецкуас, столь благоприятную для партизанских действий. Вторая цепь, вначале не столь явственная, граничит на юге с Карраскалем или «страною зеленых дубов», областью столь же дикою, как и Амецкуас, и столь же часто бывшею поприщем кровавых междоусобных войн. По другую сторону этих гор главный хребет образует горы Кантабрио; эти последние, некогда, до открытия ущелий Эбро, соединялись с горами Обаренес, представляющими зубчатую кайму, которая, на южном берегу реки, ограничивает кастильское плоскогорье; в этих же горах находятся знаменитые ущелья Панкобро. Так замыкается круг всех горных систем страны Басков. Пиренеи соединяются с сиеррою Андиа горным порогом Альзазуа, где проходит железная дорога из Витории в Пампелуну, и сами нижне-пиренейские горы связываются с горными цепями Кастильского плоскогорья. Что касается провинции Логроньо, то все проходящие по ней небольшие цепи представляют внешние выступы того же плоскогорья: на западе они состоят из ветвей хребта Деманда; на востоке они образованы двумя цепями: Камеро-Нуево и Камеро-Виехо, понижающимися от сиерры Цеболлеры к равнинам Эбро.

Главные высоты Наварры и страны Басков: Ущелье Велат 868 метр.; ущелье Ацпироз 567 метр,; гора Эцкорри 1.535 метр.; ущелье Арлабан 617 метр.; Пенья-Горбеа 1.537 метр.; гора Мендаур 1.132 метр.; гора Хайа 987; Хаизкибель 583 метр.; сиерра Андиа 1.454 метр.; ущелье Альзазуа 596 метр.; Виториа 513 метр.; Пампелуна (Памплона) 420 метр.

Обширный лабиринт баскских и наваррских гор представляет во многих округах, главным образом на покатости Эбро, пейзажи вполне кастильского характера по дикости и обнаженности горных склонов: беспощадное уничтожение лесов, которым занимаются хозяева железных заводов, способствовало утрате природной красоты и обеднению страны. Южная

Наварра представляет даже настоящие пустыни, переходящие в печальные ланды арагонских Барденасов; между Капаррозо и Вальтиеррою путешественник встречает одни только гипсовые и соляные холмы, почти без всякой растительности. Но в баскской земле и западной Наварре, где дожди выпадают в изобилии, все возвышенности, сохранившие зелень, представляют чудные ландшафты. Буковые леса, каштановые и дубовые рощи, покатые луга долин, речки, сверкающие под тенью ольх, составляют живописный контраст с вертикальными песчаными или известковыми утесами, вздымающимися над массой зелени. В долинах, на холмах, по склонам гор, рассеяны, среди виноградников, белые домики деревень. Бесчисленное множество яблонь, во время цветения, придает зимний вид весеннему ландшафту.

Влажные северо-западные ветры, очень часто дующие с Гасконского залива, поддерживают в этой местности умеренную, равномерную температуру. Дожди здесь весьма обильны, особенно при перемене времен года; впрочем, ни одно время года не лишено дождей. На атлантическом склоне гор, ежегодное количество дождей равняется, по меньшей мере, метру с половиною, т.е. втрое более, чем на равнинах Арагонии. Поэтому и климат в этой местности вовсе не имеет африканского характера, преобладающего на внутренних плоскогорьях и средиземноморских берегах; он гораздо более походит на климат Ирландии и Голландии, чем на климат Валенции и Мурции. Благодаря влиянию соседнего океана, страна не страдает от сильных летних жаров; ей нечего также опасаться и зимних холодов, потому что они умеряются морским ветром, а передовые Пиренейские горы задерживают суровые северные и северо-восточные ветры. Если бы страна Басков не страдала от излишка сырости, она обладала бы одним из приятнейших климатов на земном шаре; но климат её, по крайней мере, один из самых здоровых. Кроме того, он принадлежит к числу наиболее благоприятных для земледелия. В мирное время Наварра, Баскские провинция и Риоха, лежащая на левом берегу Эбро, могут быть причислены к самым богатым в Испании областям по количеству производимых хлебов, вина, масла и скота; Наварра снабжает южную Францию разного рода мясом, Баскские провинции отправляют в Англию и даже в Германию свой излишек пшеницы и кукурузы, и даже во время междоусобной войны армии, проходившие по этим полям, не истощили их. Во время первой большой войны, карлисты, почти постоянно запертые между Эбро и Пиренеями, всегда имели обильный запас провианта; несмотря на недостаток рабочих рук и грабежи, которые влекли за собою битвы, осады, приступы, почва всегда могла прокормить сражающихся, а подпочва доставляла в изобилии железо для войны.

Равномерность температуры и влажность почвы способствуют быстрому развитию древесной растительности. На атлантическом склоне, многочисленное население пользуется этими преимуществами климата для возделывания множества разновидностей фруктовых деревь, особенно яблонь, из которых сидр, или *zagardua*, представляет напиток, весьма распространенный во всех трех провинциях. В пиренейских долинах Наварры, где население еще довольно редко, леса сохранили свой первоначальный однообразный вид; они, тем не менее, прекрасны. Долина Ирати, куда можно проникнуть не иначе, как чрез узкия ущелья и крутые горы, одна из самых грандиозных и вместе с тем одна из наиболее уединенных в той области, которая тянется к югу от французских Пиренеев, между пиком Ани и Альдудесами. Более к западу, леса, смежные с долиною Карлос (Валькарлос) или долиною Карла Великого, и с знаменитым Ронсевальским ущельем, или Ронсево, может быть, и не так грандиозны, зато значительно приветливее, вследствие разнообразия пейзажа, и интереснее, благодаря историческим воспоминаниям и отголоскам старинных преданий. Судя по сказаниям легенды, этот горный проход рисуется воображению в виде страшного ущелья между отвесных утесов, тогда как в действительности он представляет живописную долинку. Знаменитая гора Альтабискар, возвышающаяся к востоку, имеет форму небольшой покатости, на которой розовые цветы вереска перемешаны с золотисто-желтым дроком и диким терном, а *playa* Андрес Царо, где произошло великое побоище, есть не что иное, как веселая равнина, в которой журчат ручейки под тенью ольх. На широкой проезжей дороге из Пампелуны стоит старинный монастырь, окруженный зубчатыми стенами и несколькими хижинами; да-

лее, к Франции, живописная тропинка, в роде аллеи парка, пробирается в тени буков и поднимается, пологим скатом, к ущелью, покрытому зеленью, где находится часовня Ибаньета. Эта приветливая местность, будто бы, и есть Ронсеваль печальной памяти. Здесь не видно ни одной скалы, откуда баски могли бы скатывать глыбы в нахлынувших к ним франков; тщетно ищешь глазами пропасти, на дне которой Роланд в последний раз затрубил в свой костяной рог. Горцы восторжествовали над армиею Карла Великого благодаря своему мужеству и хитрости, а не крутизне ущелий Альтабискара. На противуположном склоне, собственно в долине Карлоса, дно этой долины, где теперь проходит прекрасная дорога, гораздо уже и недоступнее.

Кто этот древний народ, непобедимое мужество которого прославляют предания и который и в наше время давал многочисленные доказательства своего геройского духа? Каково его первоначальное происхождение? Какое его родство с другими народами Европы и всего мира?—Все это вопросы, на которые невозможно ответить. Баски—племя самое загадочное. Они стоят одиноко среди толпы людей. У них, насколько известно, нет никаких родичей.

Нельзя даже сказать с достоверностью, что все эвскарийцы, или баски, имеют одно общее происхождение, потому что они не представляют между собою никакого сходства. Типа басков не существует. Большая часть местных жителей, правда, отличается строгою красотою черт, блеском и твердостью взгляда, гордою, грациозною осанкою; но зато сколько разнообразия в росте, форме черепа и чертах лица! Среди басков существуют такия же резкия различия, как между испанцами, французами и итальянцами. Между ними встречаются и рослые, и малорослые, брюнеты и блондины, длинноголовые и короткоголовые; некоторые преобладают в одном округе, другие—в другом. Решение загадки становится все более и более затруднительным, потому что если баски действительно составляют особую расу, то они постоянно утрачивают свой первоначальный тип через смешение с другими народами. Очень может быть, что во времена доисторические в описываемой стране соединились народы различного происхождения посредством переселений или завоеваний, и что язык наиболее образованного из них сделался господствующим. Жизнь каждого народа изобилует фактами этого рода.

Оставляя в стороне различия и даже резкие контрасты, существующие между басками испанских провинций и французской Наварры, можно сказать вообще, что большинство басков отличается широким лбом, прямым крупным носом, резко очерченным ртом и подбородком, пропорциональным, стройным телосложением. Их физиономия крайне подвижна. Женщины в особенности отличаются чистотою черт; хороши их большие глаза, тонкий, улыбающийся рот, гибкий стан. Даже в городах и деревнях, часто посещаемых иностранцами, от Байоны до Витории, где, следовательно, тип племени наиболее пострадал от скрещивания, всякий поражается красотою большей части женщин и их природною грациею. В некоторых отдаленных округах некрасивое лицо составляет настоящий феномен. Две местности Гвипуцкои: Ацпеитиа и Ацкоитиа, близ которых находится знаменитый монастырь Лойолы, в особенности славятся красотою жителей, как мужчин, так и женщин. Говорят, что там трудно найти девушку, которая не была бы совершенством по красоте форм.

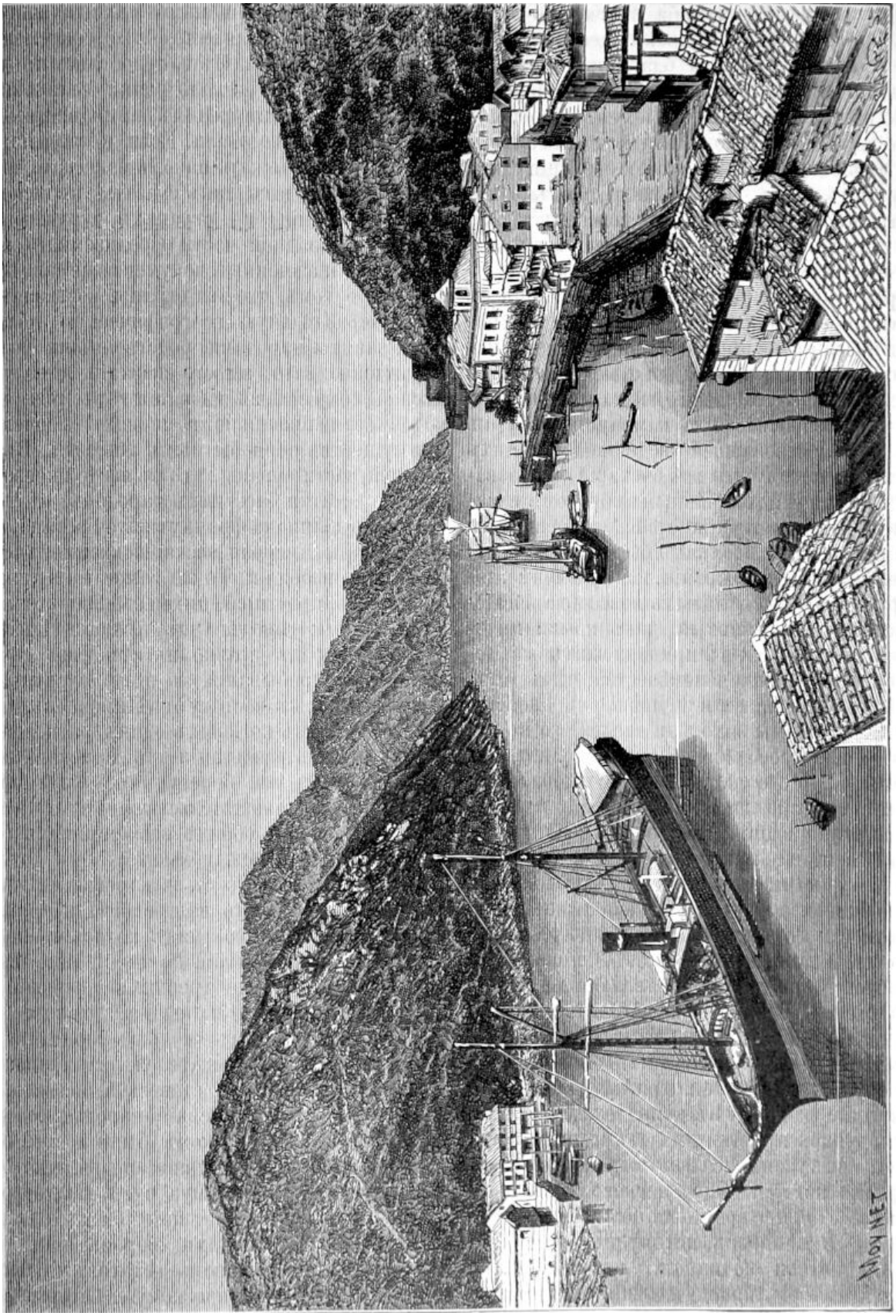
Кроме физической красоты, баски отличаются также благородством осанки. Любо смотреть, как горделиво они расхаживают в камзоле, накинутом на левое плечо, широком красном поясе, стягивающем стройный стан, и берете, надетом слегка на бекрень. Встречая путешественника, они приветливо кланяются ему, но как равному себе, не опуская глаз. Женщины, почти всегда скромно одетые в темные цвета, отличаются столь же благородною осанкою. Они высоко держат голову и, хотя идут очень скоро, имеют поступь богини. Привычка носить тяжести на голове, вероятно, придает им эту горделивую осанку, замечательное равновесие, к которому они должны приучаться для того, чтобы сходить и подниматься по склонам гор, не роняя своих кувшинов, развивает в их членах уверенность и стойкость, которая редко встречается у женщин соседних областей. Их шея и плечи в особенности от-

личаются чистотой очертаний—качество, редко встречающееся у крестьянок, привыкших к тяжелой полевой работе.

Баски сами себя называют эвскальдунаками, или эвскарийцами, а свой язык эвскара, или эскуара. До сих пор точно не известен смысл этого слова; но, по всей вероятности, оно просто значит «речь». Следовательно, «эвскарийцы» можно перевести «говорящие люди». Таким же именем славяне и многие другие племена называют себя в своих наречиях. Этот язык «по преимуществу», которым говорят баски, и благодаря которому они действительно составляют совершенно особую нацию среди всех племен Европы и целого мира, насколько известно до сих пор, не имеет себе подобного по конструкции слов и оборотам фраз. Он должен был заимствовать много терминов из языков соседних народов; все предметы, с которыми баски познакомились при помощи сношений с иностранцами, все новые идеи, доходившие к ним со времен доисторических, конечно, получали названия, не принадлежащие к первоначальной основе их идиома; для отыскания первоначальной чистоты баскского языка пришлось бы, вероятно, возвратиться к каменному веку, к эпохе, предшествовавшей введению домашних животных, потому что все эвскарийские названия этих животных, равным образом и металлов,—происхождения арийского, финского или семитического. Но, как бы ни были многочисленны эти заимствования, тем не менее, достоверно, что баскский язык вовсе не арийский; это язык не флексивный, как языки индоевропейской семьи. Он принадлежит к периоду более древнего человечества, чем тот, из которого родились все прочие европейские языки. Если бы мы захотели ввести его в какую-либо из глоссологических групп, уже известных, то его скорее всего следовало бы причислить к «агглютинирующим» наречиям алтайских народов. Антуан д'Аббади находит в нем черты африканские и относит его к роду «хамитическому»; другие высказали предположение, мало правдоподобное, что его следует отнести к группе «полисинтетических» северо-американских диалектов. С своей стороны, баскские патриоты объявляют, что их «речь» стоит гораздо выше всех ныне существующих языков: по мнению некоторых авторов, первый человек на земле говорил языком эскуара; туземные патриоты возвели это произведение фантазии в непреложную истину, и очень дурной прием ожидает путешественника, если он усомнится в этом первоначальном факте истории человеческого рода. Впрочем, в настоящее время все филологи могут разбирать этот вопрос, потому что, не считая целой библиотеки сочинений, посвященных языку эскуара, различные наречия этого языка имеют свою литературу, к тому же почти вполне кастильскую или французскую по духу и происхождению,—песни, комедии, переводы, сделавшиеся доступными для ученых.

Пока сравнительное изучение языков всех народов не выяснит, действительно ли эвскарийский идиом независим от всех остальных, мы должны смотреть на басков, не имеющих родичей на континентах, как на совершенно особую нацию, как на обломок древнего человечества, поглощенного нахлынувшими со всех сторон волнами более современного нам человечества. Нет недостатка в доказательствах, что эвскальдунаки были некогда многочисленным народом, занимавшим большое пространство земли. Если до сих пор не удалось еще отыскать начал баскского языка, зато его находят, так сказать, в ископаемом состоянии, в странах, окружающих бассейн западной части Средиземного моря. Ни один письменный документ не свидетельствует о том, что эти страны, составляющие одну нераздельную географическую область, были заняты народами, родственными по происхождению; зато, вместо сказаний, легенд или песней, сохранились названия гор, рек и городов, заявляющие после многих тысячелетий о могуществе первобытных жителей. В восточной части страны, где в настоящее время живут остатки баскских народов, в пиренейских долинах французского Бастана, Арана, Андорры, Кверолья, эвскарийские имена встречаются в изобилии. То же самое находим в равнинах, простирающихся к северу от гор до Гаронны; город Ош, некогда Илиберри («новый город»), напоминает еще своим именем о пребывании в нем аусков или эвскарийцев; к востоку от Пиренеев, Эльн и Коллиур, из которых один расположен в недалеком расстоянии от Лионского залива, а другой—на берегу его, были также Илиберри, как свидетельствуют о том испорченные названия обоих современных городов; наконец, между

множеством других испанских городов с эвскарийскими названиями, можно указать на третий Илиберри, соседний с Гранадою, над которым возвышается гора, названная, по имени его, Эльвирою. А сколько еще древних городов, построенных теми же народами, должны



Входъ въ бухту «Походъ».

были предшествовать этим «новым городам»!

Большая часть писателей, занимавшихся Испаниею, допускают, с весьма большою вероятностью, что эти древние народы, говорившие эвскарийским языком, были иберы, о кото-

рых упоминают древние авторы, и которые некогда занимали большую часть полуострова. Таким образом, нынешние баски оказываются прямыми потомками иберов; они, говорит Мишле, составляют «остаток мира, предшествовавшего кельтическому, и который история застала уже в эпоху упадка». Естественно, что предкам басков приписывали и различные надписи на памятниках и монетах неизвестными письменами, *letras desconocidas*, открытые в Испании и южной Франции, и которые Будар истолковал как действительно принадлежащие эвксарийскому языку. Теперь почти не может быть никаких сомнений в полном тождестве иберов и басков. Следовательно, в древности этот пиренейский народец не имел такого изолированного существования. Под именем гасконцев он занимал юг Франции; разные иберийские и кельтиберийские колена его населяли Испанский полуостров. Эвскальдунаки распространялись и по ту сторону Геркулесовых Столпов, до самых склонов Атласа, так как древние авторы упоминают и здесь о нескольких местностях. названия которых вполне баскские; один из народов, перечисляемых Страбоном, носит даже вполне эвскарийское имя Мутур-Горри («красные лица»), которое произошло, вероятно, от загорелого цвета кожи этого племени. Наконец, римские писатели единогласно свидетельствуют, что иберы колонизовали большие острова Средиземного моря; многие племена, населявшие берега Италии, принадлежали, вероятно, к тому же корню.

Многие не понимали, каким образом баски могли существовать в виде отдельной нации, говорящей своим языком, именно в той части Пиренеев, где горы, слишком низкие для того, чтобы служить барьером против вторжения войск завоевателей, пропускали то с одной, то с другой стороны все проходившие народы. Но прежде всего надо припомнить, что западные Пиренеи наиболее удалены от Рима и, следовательно, легче могли избежать влияния народа-властелина; вместе с тем малый подъем гор помогал эвскарийцам сохранить их взаимную национальную связь, нравы и язык. В других частях гор, иберийские племена, разделенные снежными трудно проходимыми хребтами, были отброшены врагами в узкия боковые долины и не могли помогать друг другу в случае общей опасности. Баски, напротив, имели то преимущество, что жили в стране, представлявшей в одно и то же время и серьезное препятствие иноземному нашествию, и удобное сообщение для туземцев через параллельные невысокие хребты. Народцы различных пиренейских долин, северных и южных, могли таким образом сплотиться в могущественное племя среди наций, которые окружали их, и одна за другою, по собственной воле или по принуждению, должны были войти в состав латинизированного мира.

Неизвестно, как велико было, после римской эпохи, территориальное пространство, занятое населениями, говорившими баскским языком, но весьма вероятно, что это пространство мало изменилось, потому что с тех пор эвскарийцы всегда были сами себе господа, и никакая важная причина не могла заставить их отречься от своего языка и принять язык соседей, которых они презирали. Со стороны Франции нынешняя граница распространения эвскарийского диалекта довольно хорошо исследована; со стороны Испании она определена с меньшею точностию. Она вовсе не соответствует границам административным и политическим. Нынешняя область распространения баскского языка начинается к западу от долины Нервион, ниже Бильбао; граница этой области окружает город Бильбао, который сделался почти вполне испанским, и к югу проходит через ущелье Ордунья, затем направляется по склонам Пенья-де-Горбеа и проходит на некоторой высоте по южному склону Пиренеев, оставляя в стороне все города, расположенные в долине Алавы. По ту сторону Сальватиерры граница спускается, затем восходит по склонам сиерры Андиа и присоединяет к земле басков всю долину, по которой проходит железная дорога из Альзазуа в Пампелуну; однако, последний город, древний Ирун иберов, принадлежит эвскарийцам лишь по историческим воспоминаниям, и далее, к востоку, по-баскски говорят только в верхних долинах Ронсеваля, Орбецеты, Охагавии, Ронкаля, между тем как на юге уже одни названия деревень, Бэгорри, Мендивиль, Сансоэн, Лацагуриа, напоминают о прежнем наречии. Пик Ания, составляющий со стороны Франции границу баскского языка, служит тем же и со стороны Испании. Таким образом, из четырех эвскарийских провинций одна только Гвипуцкоа целиком

входит в состав области древнего наречия; кроме того, два города, Ирун и Сан-Себастьян, образуют оазисы кастильского наречия. Весь южный пояс областей, политически составляющих часть Наварры и Васконгадских провинций, с незапамятных времен был захвачен латинскими диалектами, и население этой местности говорит кастильским языком, смешанным с некоторыми терминами эвскарийского происхождения. По уверению крестьян, которое, однако, не подтверждено пока ни одним подлинным документом, баскским языком прежде говорили еще в Олите и Пуэнте-ла-Рейна, расположенных на значительном расстоянии к югу от внешней области эвскарийского языка. В этом перемещении языков, существование которого требует еще доказательств, Брока видит весьма естественное следствие непосредственного соседства баскского языка с наречием, обладающим административным преобладанием и влиянием литературным, общественным и религиозным. К югу от Пиренеев баскский язык не в состоянии бороться с испанским, между тем как к северу от Пиренеев ему даже не угрожает беарнское patois.

Испанский язык, с одной стороны, французский—с другой, работают над вытеснением баскского идиома, но не путем насильственного завоевания, а посредством медленной дезорганизации. Баскский язык иберов, уже распавшийся на семь наречий, измененный словами и оборотами, противными его духу, все более старается приспособиться к понятиям иностранцев, поселяющихся в стране; он постоянно утрачивает свой первоначальный характер, свою оригинальность и преобразовывается в патуа. Каждая большая дорога, проникающая в баскскую территорию, в то же время производит перемену в языке. Всякий прогресс, особенно в образовании народа, является роковым для эвскарийских наречий; полмиллиона басков, замкнутые в настоящее время в тесном горизонте холмов и гор, едва-ли могут рассчитывать на продолжительное существование языка их предков.

Приблизительное число жителей, говорящих баскским языком, в 1875 г. было следующее:

Нижние Пиренеи (Франция) 116.000 жит.; Баскские провинции: Гвипуцкоа 170.000 жит.; Бискайя 120.000 жит.; Алава 50.000 жит.; Наварра 100.000 жит. Всего 556.000 жит.

Страбон говорит о кантабрах, ближайших предках басков, с уважением, смешанным с ужасом. Их отвага, любовь к свободе, презрение к жизни казались ему качествами столь нечеловеческими, что он видел в них нечто в роде свирепости или животной ярости.

Он с ужасом рассказывает, что, во время войны с римлянами за независимость, кантабры убивали друг друга, чтобы не отдаться в плен: матери умерщвляли своих детей, желая избавить их от позора и бедствий рабства: пленники, распятые на крестах, не переставали петь победные песни. Силиус Италикус говорит с своей стороны, что кантабры, потерявшие способность воевать, убивали себя, кидаясь с высоты скалы, чтобы не томиться в старости, которую они считали позорящей. В эту эпоху иберы имели привычку предохранять себя от неожиданных несчастий, всегда нося с собою яд, который приготовлялся из одного растения, похожего на дикий сельдерей, и убивал без страданий. Распоряжаясь по произволу своею жизнью, они ничего не боялись; они легко рисковали ею, особенно когда приходилось защищать друга.

Их мужество, много раз испытанное со времени борьбы с римлянами, никогда не ослабевало; но, кроме мужества, они отличаются другими похвальными качествами. История и законы пиренейских федераций свидетельствуют о превосходстве, которое имели баски над соседями, благодаря своей правдивости, великодушию и уважению к свободе человека. Жалкие рабы, окружавшие их, воображая в своем уничижении, что свобода есть привилегия знатных, видели в басках людей благородного происхождения. Все жители Гвипуцкоа и собственно Бискайи были людьми благородными даже в силу испанской иерархии, между тем как в Алаве и Наварре, где некоторое время господствовали мавры, а впоследствии действовало кастильское влияние, возникло поместное дворянство, с его обычною свитою вассалов и оброчных крестьян. Однако, все провинции с прежним ревнивым усердием охраняли свои местные права и заставляли своих сюзеренов буквально исполнять условия союза.

Синдик Виктории клялся ножем, который должен был ему отсечь голову, если он не исполнит своего долга. В то время, как европейская история представляла непрерывный ряд побоищ, баски почти всегда жили в мире; ежегодно общины, занимавшие противуположные склоны гор, клялись взаимно в вечной дружбе, и их послы поочередно, с большою торжественностью, клали символический камень на пирамиду, воздвигнутую их предками посреди горных пастбищ. Все эти маленькия республики, которые, при разъединении, сделались бы легкою добычею завоевателей, были связаны братскими узами в одну общую федерацию; каждая обязывалась «жертвовать имуществом и жизнью» для поддержания «права и справедливости» в общем отечестве. На их знамени изображены три соединенные руки: *Irurak bat*, «три составляют одно»:—вот прекрасный девиз Васконгадских провинций.

Насколько эвскарийское общество, несмотря на его малочисленность, превосходило по элементам цивилизации соседние народы,—это всего лучше показывает большое уважение, которое там имели к человеческой личности. Каждый баск был совершенно неприкосновенен в своем доме: никто не мог лишить его лошади или оружия. Если другие иберы, такие же свободные люди, как и он, обвиняли его в чем-нибудь перед советом, его дом все-таки оставался священным для всех, и, когда наступал момент отвечать на обвинение, он выходил гордо и величаво, с беретом на голове и тростью в руках, и с достоинством являлся под вековым дубом, где заседали судьи. В национальных собраниях все имели одинакое право голоса. Во многих долинах и женщины пользовались этим правом. Древние хартии Алавы оффициально предоставляют женщинам место в совещательных «братствах» Арриаги. Однако женщины, обыкновенно, не садились за одним столом с *etchecojaua* (хозяином дома) и его сыновьями; они обедали стоя у очага; даже и теперь этот старинный обычай не исчез из деревень, и сила предания так велика, что женщина сочла бы бесчестьем для себя сесть рядом с мужем во всякое другое время, кроме дня свадьбы. Равным образом, во время общественных праздников, женщины держатся всегда в сторон: они танцуют между собою, а мужчины предаются своим, более шумным, играм.

Но за исключением этого остатка первобытного варварства, забавы басков обнаруживают лишь природные качества. Если правда, что о народе можно судить по его играм,—потому что человек, предаваясь какому-нибудь удовольствию, забывает наблюдать за собою,—то эвскарийцы много выигрывают, когда их видишь в праздничные дни; тогда они без конца любезны, обходительны и ведут себя с достоинством. Их игры всегда представляют упражнения в физической силе и ловкости. На мягких лугах долин молодые баски упражняются в прыгании, танцах, бегании, игре тяжелыми камнями. Игра в мяч составляет славу нации и возведена в своего рода культ. Большие партии возвещаются заблаговременно, и баски собираются со всех сторон на место игры с таким же рвением, как греки некогда собирались в Дельфы и на Олимпийские игры. Подобно эллинам, эвскарийский народ заботится не об одних только телесных упражнениях; у него существуют также более утонченные, умственные удовольствия. Баски разыгрывают под открытым небом мистерии и пасторали; у них есть свои актеры и поэты.

Не следует, однако, думать, что эвскарийские племена во всех отношениях превосходят своих соседей: вместе с хорошими качествами, у них есть и недостатки. В настоящее время главное несчастие басков происходит от их старинных национальных привилегий. Они хотят придерживаться преданий прошлого, потому что это прошлое было героическою эпохою; хотят замкнуться в узких пределах их отечества, потому что оно было свободно рядом с рабскими нациями; они не желают участвовать в историческом движении европейских народов, так как считают их ниже себя по благородству происхождения. По странной непоследовательности, баски, защищая свои народные права, сделались поборниками абсолютизма относительно других провинций: они хотят, чтобы их «фуэросы» оставались неприкосновенны; еще недавно, чтобы обеспечить эту неприкосновенность, они не хотели допустить своих соседей освободиться из оков. Отсюда происходят самые странные несообразности и недоразумения, главная причина которых заключается в невежестве басков. Впрочем, алаванцы и

наварцы отличаются своей относительной культурностью: с 1794 года, обучение было объявлено обязательным для наварских детей обоего пола.

До закона, изданного кортесами в 1876 г., *fueros* или привилегии басков, были в принципе те же, что и в 1332 году, когда депутаты этих провинций явились в Бургос, чтобы предложить титул «господина» кастильскому королю, Альфонсу Правосудному. В силу заключенного договора, этот иностранный государь не имел права строить или владеть ни крепостью, ни деревнею, ни домом на эвскарийской территории. Баски обязаны были сражаться только за свое отечество: они освобождались от испанского рекрутского набора и держали своих солдат, или «микелетов» в пределах своих провинций. Во время войны баски, правда, обязаны были нести воинскую повинность, однако, на известных условиях. В собственной Бискайе контингенты, без их согласия, не могли быть уводимы далее известного дерева на границе, и в последнем случае они имели право на особую плату; подобные же формальности соблюдались и в Алаве: но провинция Гвипуцкоа не могла отказывать в наборе моряков для королевского флота. Подати налагались и распределялись всегда провинциальными юнтами; почти все собираемые налоги шли на покрытие местных расходов, а государству предлагалась часть в виде добровольного приношения. Торговля была свободнее, чем в остальной Испании; монополий не существовало. Наконец, все местные муниципалитеты были вполне независимы: представляемые своими алькадами, членами ayuntamiento «старейшинами» или arientes-mayores они сами распоряжались своим бюджетом.

Но сколько различий, контрастов и странностей феодализма в этой организации общин и провинций, повидимому, вполне демократической! Одно местечко представляет независимую республику; другое, вместе с известным числом деревень, образует державную общину; иные состоят лишь из анклав. В одной деревне новый общинный совет избирается своим предшественником; в другой члены его назначаются избирателями, имеющими определенный ценз, или дворянами известной категории, или даже местным владетелем или его представителем. Провинциальные юнты избираются также весьма разнообразными способами, по самым разноречивым традициям. Подача голосов, считаемая в современных демократиях естественным правом всякого свободного человека, у басков все еще составляет привилегию и предоставлена не всем гражданам. Кроме того, пользование этой привилегией обставлено ребяческими формальностями и регулируется строгим этикетом: законы местничества соблюдаются «под дубом правосудия» так же свято, как при дворе королевы английской. Понятно, что при таких учреждениях, в которых феодальные традиции перемешаны с старым расовым инстинктом, баски, республиканцы, сделались ярыми поборниками старой испанской монархии. Это они дали католической церкви её гения-вдохновителя, её настоящего главу, в лице Игнатия Лойолы.

Наварра, с 1839 г., сравнена с остальною Испанией в отношении военной службы, податей, состава муниципальных властей. Даже в самой стране басков были введены те же перемены. Исторический закон неизбежен: если потомки эвскарийцев не хотят свободы общей с прочими жителями полуострова, то тщетны будут все их попытки к тому, чтобы только они одни были свободны. Война уже дважды сломила их; но мир, как и война, ведут их к утрате национальной индивидуальности и к принятию участия в политической жизни остальных испанских населений. Современная индустрия, при содействии торговли и путешествий, изменяет местные нравы, научает языку соседей, уничтожает старинные предания. Баски не только «народ весело пляшущий на высотах Пиренеев», как говорил Вольтер; они, кроме того, народ трудящийся,—и именно через труд совершится слияние нации с прочими испанцами.

Сами баски как будто стремятся ускорить предстоящее исчезновение их народности; они массами переселяются, оставляя пустые места, которые частию занимают их соседи. Те из них, которые населяют долины, отчасти покрываемые снегом зимою, сотнями спускаются вниз при наступлении холодного времени года и временно занимаются каким-нибудь прибыльным ремеслом в городах равнины; другие, увлекаемые страстью к приключениям, кото-

рая у них традиционна и выработала из их предков замечательно отважных китоловов, уезжают, не думая о возвращении. Прежде испанские баски выселялись в гораздо меньшем числе, чем их французские собратья по национальности, изгоняемые из отечества страхом воинской повинности; но в настоящее время и первые массами следуют данному им примеру, при чем большинство переселенцев состоит из людей самых энергичных, лучших в народе. В республиках Ла-Платы, куда почти все они отправляются искать счастия, их племя должно исчезнуть, как отдельная народность, еще быстрее, чем в Европе: тщетно некоторые эвскарийские патриоты мечтают об основании новой кантабрской республики в американских пампасах.

Правда, что, вдали от родины, баски тщательно сохраняют дух солидарности, придающий им такую силу у себя дома. В Мадриде и других городах собственной Испании, равным образом в Бордо, Монтевидео и Буэнос-Айресе они помогают друг другу, поддерживают один другого в несчастий, соединяются против соперников, и таким образом живут гораздо лучше других племен, относительно более многочисленных; однако, как бы ни была велика эта солидарность, она может только отсрочить, но не изменить ожидающую их участь. Пройдет немного поколений—и баскский язык будет вычеркнут из списка живых европейских языков, как это случилось с наречиями *корнишским* и *кревинским*, как случится с *орским*, *манкским*, *вендским*, *ливонским*,—и еще прежде языка исчезнут старинные нравы и политические учреждения.

Васконгадские провинции и Наварра имеют немного городов, да и те большею частию населены иностранцами. Эвскариец, подобно астурийцу и жителю Галиции, любит природу: он избегает городов и больших населенных мест. Исключая торговых и промышленных округов, дома эвскарийские стоят уединенно на возвышенностях, по склонам холмов или по берегам ручьев: перед домом обыкновенно расстилается лужайка, усаженная дубами, где каждый вечер, после дневных трудов, молодежь отдыхает, занимается танцами и пением. Такой выбор мест для жилищ приписывали созерцательному уму и склонности к уединенной жизни басков и их соседей в западных Пиренеях; однако, в этом скорее можно видеть прямое следствие того обстоятельства, что баски были народ свободный, не опасавшийся своих соседей. Населения остальной Испании, Франции, Италии и почти всех стран Европы принуждены были, для спасения от воинственных набегов и грабежей, укрываться в крепостях или городах, защищенных стенами; а баски, всегда жившие в мире между собою и с соседями, могли спокойно селиться среди принадлежавших им полей.

Бильбао, самый большой город баскских провинций, с наиболее оживленным портом,- вовсе не эвскарийский город; занимаясь издавна торговлею с отдаленными колониями Нового Света, он представляет естественное место вывоза для кастильской муки и прежде был местопребыванием высшего коммерческого суда в Испании. И теперь еще Бильбао, хотя и лишен прежних прав монополии и расположен далеко не так выгодно для торговли, как многие другие испанские города, все-таки соперничает, по размерам торговли, с Валенцией, Сантандером и Кадиксом; он сделался третьим портом на Полуострове по сумме оборотов, благодаря соседним железным и цинковым месторождениям, соединенным ветвью железной дороги с гаванями рейда; бар в устье Нервиона, где глубина воды была только в 1м.14 в 1878 г., теперь углублен, так что корабли с осадкою в 4 метра могут свободно проходить. Бильбао жил совсем иною жизнью, чем баскское население окрестных гор. Сделавшись вполне испанским городом, он был во время карлистских войн много раз осаждаем жителями своих же предместий. Прекрасная долина, среди которой расположены городские здания, крутые горы, окаймляющие город в виде полукруга, воды Нервиона, несущие торговые суда в гавань Португалеты и в море, не раз обагрялись кровью. Перед стенами Бильбао знаменитый баскский генерал, Цумалакареги, получил в 1835 г. смертельную рану.

Самый многолюдный город Гвипуцкоа, Сан-Сабастьян,—также испанский. Представляя торговый порт, подобно Бильбао, и в то же время укрепленное место с кастильским гарнизоном, он, как по наружному виду, так и по языку жителей, сравнялся с городами внутренней

части Полуострова. Утес ла-Мотта, или Монте-Оргулло, в 130 метров высоты над уровнем моря, со склонами, усеянными крепостными башнями, возвышается к северу от города; к западу,—«раковина» (la Concha), или залив прозрачной голубой воды, омывает прекрасный пляж, где прогуливаются купающиеся; к востоку от крепости протекает река Урумеа, беспрестанно борющаяся с пенистыми волнами моря; тенистые бульвары, амфитеатр зеленеющих, усеянных селами холмов, которые с юга окаймляют горизонт—весь этот чудный пейзаж делает Сан-Себастьян одним из самых приятных мест, одним из тех мест, где теснится самое разнообразное космополитическое население людей отдыхающих и праздных: в некоторые годы, число купающихся, привлекаемых пляжами Кончи, превышает 50.000. Впрочем, сам город вполне утратил свой оригинальный характер: в 1813 г. он был сожжен своими союзниками, англичанами, которых завистливость по ремеслу побудила к уничтожению всех промышленных заведений, и был заново отстроен с однообразно правильным расположением; теперь новый город, отделенный от старого прекрасными аллеями, продолжается далеко на юг между р. Урумеа и заливом Конча. Сан-Себастьян имеет также фабричное предместье, с заводами стеклянными и другими и лабораториями химических продуктов. Его порт, довольно часто посещаемый каботажными судами, недостаточно безопасен и не глубок; тем не менее в него ежегодно приходит до четырехсот кораблей, с измерением в 40.000 тонн, для вывоза железной руды в Германию и Англию, свинца, кожи, асфальта и цемента во Францию. Главною портовою гаванью этой области должна бы быть прекрасная бухта «Проход» (Pesages), открывающаяся далее к востоку, вблизи французской границы. Она отлично защищена, потому что с неё не видно даже моря, с которым она сообщается посредством узкого прохода, удобного для защиты. В предшествовавшие века, когда баски еще занимались ловлей «гасконскаго» кита, в эту бухту проникали большие суда, останавливаясь у города Лезо, ныне разрушенного: по берегам внутреннего залива существовали деятельно работавшие верфи; однако разливы Ойярзуна и других речек, благодаря нерадивости жителей, засорили часть бассейна; впрочем, маленькия каботажные суда и теперь заходят в бухту «Проход», которая сделалась складочным пунктом для отправки вин из Наварры и Риоха.

Живописная Фонтарабия, Ондаррабия басков, с раскрашенными домами, также отделена от моря порогом, опасным для мореходов; своим настоящим некоторым значением этот город обязан морским купаньям и соседству с Францией, к которой он обращен с высоты террасы своими стенами, пробитыми ядрами. Ирун также был бы незначительным городом, если бы не находился по близости Франции, в голове линии испанских железных дорог, и не представлял стратегического ключа всей этой местности. Толоза, окруженная бумажными и другими фабриками, величает себя столицей Гвипуцкои; Цароц имеет свои пляжи, посещаемые купающимися; Гветария, родина Эль Кано, который, более счастливый, чем его начальник Магеллан, совершил первый кругосветное плавание; Леквейтио и Бермео замечательны морскими купаньями и рыбными промыслами, на которых работает более тысячи моряков; Цумайя, расположенная в устье долины Урола, обладает гипсовыми ломками, доставляющими превосходный цемент; Эйбар фабрикует драгоценности, продающиеся даже за границей: Вергара, некогда славившаяся оружейными заводами, замечательна многочисленными железными источниками, протекающими в её окрестностях, знаменитою коллегиею, основанною в 1776 году баскским обществом, и воспоминанием о достопамятной конвенции, положившей конец, в 1839 году, первой карлистской войне. Дуранго, равным образом, представляет город, имя которого часто раздавалось во время междоусобиц на севере Испании. Гверника, расположенная в Бискайе, замечательна своим дворцом «судилищным» и знаменитым дубом, под которым и теперь собираются местные законодатели; но, подобно всем остальным баскским городам, Гверпика, в сущности, есть не более как местечко.

На южном склоне Пиренейских гор большие аггломерации также немногочисленны; это объясняется, между прочим, тем обстоятельством, что здесь население втрое реже, чем на атлантическом склоне. Витория, главный город провинции Алавы, расположенный при железной дороге из Парижа в Мадрид,—город промышленный и торговый: это—складочный

пункт меновой торговли между провинциями баскскими и кастильскими; в то же время это —«умственная столица» баскских провинций и имеет даже географическое и ученое общество. Пампелуна, или Памплона, имя которой напоминает её возобновителя Помпея, есть по преимуществу город укрепленный, выдерживавший частые осады, часто попадавший в руки неприятеля, теперь окруженный укреплениями, делающими из него стратегический пункт: его кафедральный собор—один из богатейших и наиболее интересных в Испании. Тафалла, «цвет Наварры» (*la flor de Navarra*), древняя столица королевства, сохранила лишь остатки своего дворца; строитель его, дон Карлос Благородный, хотел, как говорят, соединить его галлерею в милю длины с дворцом Олит, расположенным также в долине Цидако. Пуэнтела-Рейна знаменит винами. Эстелла,—один из самых оживленных городов Наварры, господствует над несколькими ущельями, в которых проходят дороги из Кастилии и Арагонии: это—один из жизненных узлов страны. Во время последней войны, карлисты преобразовали его в сильную крепость, защищая горную часть Амецкуа. В соседней провинции, входящей в состав Старой Кастилии, находится город Тудела, замечательный винами; Калагорра, отчизна Квинтилиана, и Логроньо,—с мостом, построенным в одиннадцатом столетии, также представляют довольно важные стратегические пункты, потому что господствуют над переходом через Эбро. Калагорра, усвоившая гордый девиз: «я превозмогла Карфаген и Рим», служила оплотом для Сертория против Помпея; но она дорого поплатилась за свой героизм. Граждане её, осажденные римлянами, почти все погибли от голода: защитники города принуждены были питаться мясом своих жен и детей. Калагорра, древний Калагорри иберов, хотя и расположен вне области распространения эвскарийского языка, среди роскошных равнин Риохи, тем не менее тесно связывается с историею Васконгадских провинций, потому что фуэросы Алавы, принятые с 1332 года сюзереном Альфонсом Правосудным, составлены на основании древних законов Калагорры.

Число жителей главных городов баскских провинций, Наварры и Логроньо:

Бискайя(Вискайя): Бильбао (1887) 50.782 жит.

Гвипуцкоа: Сан-Себастьян (1887) 29.000 жит.; Толоза (1877) 7.500 жит.

Алава: Виториа 17.639 жит.

Наварра: Пампелуна (Памплона) (1887) 27.000 жит.; Тудела (1877) 10.100 жит.

Логроньо: Логроньо (1887) 15.567 жит.; Калагорра (1887) 8.821 жит.

VIII. Сантандер, Астурия и Галиция.

Океанический склон Кантабрских Пиренеев, к западу от Васконгадских провинций, представляет область, до того отличную от остальной Испании, что ее скорее можно сравнить с французскою Бретанью, даже с Англиею и Ирландиею, чем с областями кастильского плато и особенно с средиземноморским склоном Полуострова. Повсюду горы, холмы, долины, текучия воды, леса и возделанные земли сменяются в бесконечном разнообразии; повсюду берег крутой, окаймленный высокими мысами и перерезанными лиманами, куда впадают быстрые потоки вод; повсюду климат влажный и здоровый. По истории населяющих ее народов, иберийской и кельтской расы, эта часть Испании также представляет замечательное единство; она почти всегда избегала больших переворотов, постигавших другие провинции Полуострова, и потому население в ней сделалось очень многочисленным относительно пространства годной к возделыванию почвы. Тем не менее, несмотря на большую аналогию всех областей кантабрского склона, несмотря на сходство почвы, климата, истории и нравов народа, эта страна, слишком узкая сравнительно с длиною, разделена на множество отдельных участков с точки зрения политической географии. На западе, в северо-западном углу Испании, приютилось древнее королевство Галиция (Галисия), с его четырьмя провинциями, образуя большой, почти правильный четырехугольник между Атлантическим океаном, границами Португалии и веерообразными отрогами верхних Кантабрских Пиренеев; Асту-

рии в собственном смысле, стесненные между горами и водами Гасконского залива, разделились на две части: с одной стороны находится Астурия Овиедская, с другой—Астурия Сантиланская, которые в настоящее время отчасти соединены в административном отношении; наконец, на востоке, на границах Баскской земли, находится округ, известный прежде на языке народа под названием «Гор Бургоса и Сантандера», или просто «Гор». Кастилии сделали из него одну из своих провинций, но в географическом отношении Сантандер представляет естественный переход от страны Басков к Астурии.

Пространство и население этих частей суть следующие:

	Пространство, кв. кил.	Население 31 дек. 1887 г., жит.	Население на 1 кв. килом.
Сантандер	5.460	244.271	44
Астурия (Овиедо)	10.895	595.420	55
Галиция	29.154	1.894.558	65

К западу от сиерры Сальвада и долины, известной под именем Валле-де-Мена, начинается упомянутая область «Гор», которая занимает всю провинцию Сантандер своими кряжами и извилистыми отрогами, изборожденными горными потоками. В этой части Кантабрския Пиренеи, если можно назвать этим именем беспорядочную массу высот, в сущности имеют только один склон, именно к Гасконскому морю; с южной стороны они опираются на возвышенности, с которых начинается Эбро. Так напр., проход, или *puerto* Эскудо, разсекающий горы, прямо на юг от Сантандера. имеет около 1.000 метров высоты над берегом, между тем как южный склон, до плоскогорья Вирга, имеет всего 140 метров. Далее к западу находится ущелье Рейноза, которым воспользовались для проведения железной дороги из Мадрида к порту Сантандер; это ущелье представляет еще более любопытный образчик здешней формы горного рельефа. В этом месте плоскогория разделены почта непроходимым порогом, спускающимся в виде лестницы к кантабрскому берегу; стоит только прорыть здесь канал в 2 километра длины и 18 метров глубины, чтобы отбросить воды Эбро в реку Бесайа, которая унесла бы их в Атлантический океан, к порту Сан-Мартин де Суанс. Неудивительно, что этот горный порог, находящийся в том месте, где Эбро не представляет никаких затруднений для переправы, и где путешественники, спустившись с высоких равнин Дуэро, могут легко достичь приморского склона, сделался большою дорогою для кастильцев, к Кантабрскому морю. Здесь они нашли естественный выход для их торговли, и потому провинция Сантандер показалась им законною добычею с точки зрения административной и политической. Подобно тому, как каждый народ, живущий по берегам реки, старается завладеть её устьем, население плоскогорий стремится приобрести наиболее удобные пути для сообщения с морем.

Но, непосредственно к западу от долины Рейноза, горы принимают другой вид и поднимаются высокими кряжами, представляющими и с южной стороны значительные кручи. Вершины более 2.000 метров высоты достигают пояса продолжительных зимних снегов. Пенья-Лабра господствует над первым из кряжей, откуда спускаются реки по всевозможным направлениям: к востоку—Эбро, к югу—Пизуэрга, к северу Нанза, или Тина-Менор, к северо-западу—поток, впадающий в лиман, или *ría* Тина-Маиор. Далее к западу находится Пенья-Приета, превосходящая высотою два с половиною километра и питающая своими снегами Каррион и Эслу; это одна из значительных пиренейских вершин. Она со всех сторон опирается на мощные отроги и связывается на севере посредством соединительного хребта с кряжем, еще более высоким, носящим странное название, может быть, эвскарийского происхождения, Picos de Europa, или «Европейских вершин». Гора Торре-де-Черредо представляет главную вершину этой группы, третью в Испании по высоте, потому что ее превосходят только гиганты Сиерры-Невады и центральных Пиренеев. В углублениях лощин, обращенных к северу, собираются массы затверделого снега, похожия на настоящие ледники, питаемые обильными снегами, приносимыми зимою морскими ветрами. Это замечательный пример важного влияния влажности на образование ледников, так как в горах, лежащих севернее, на той же высоте не замечается ледяных полей.

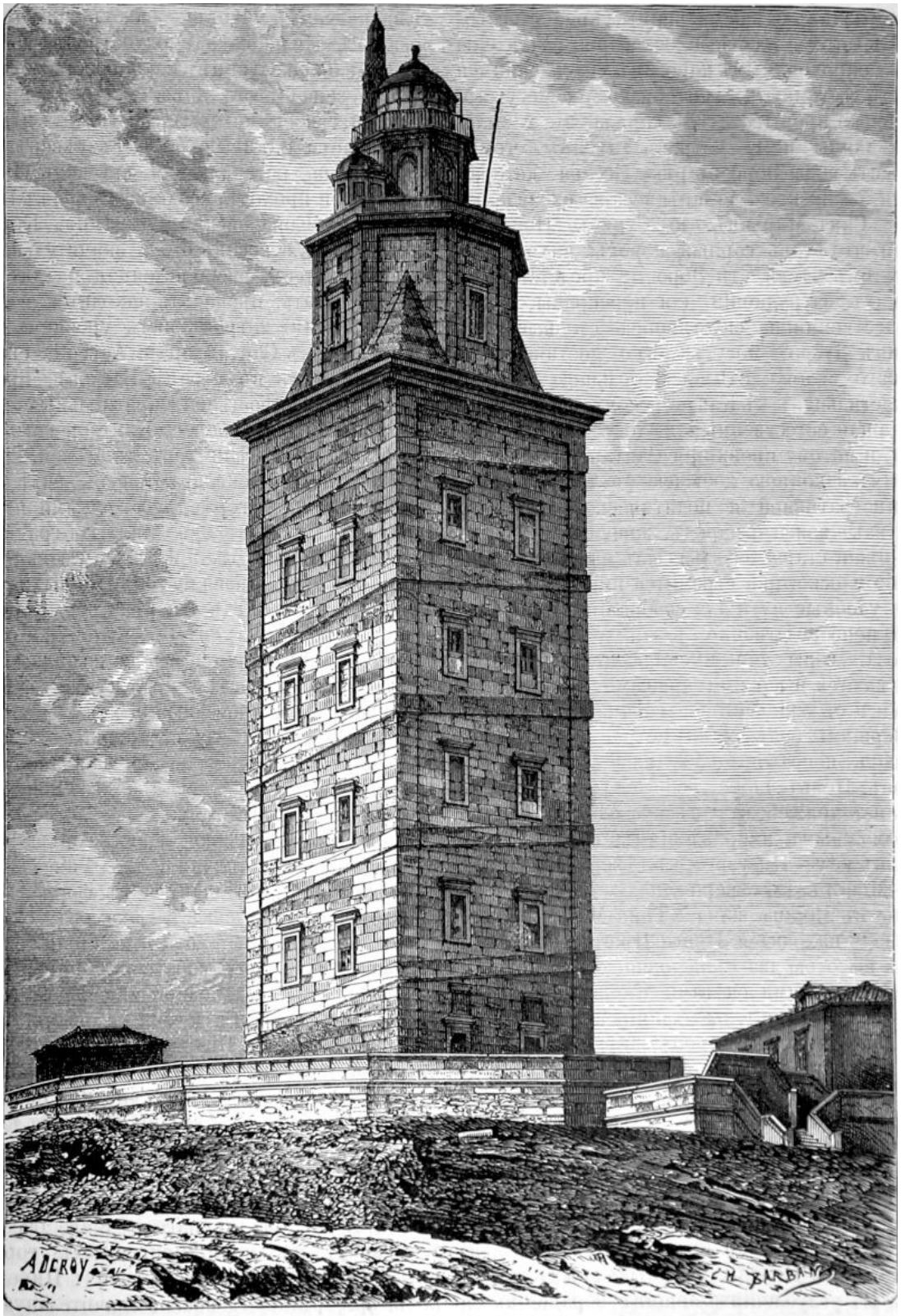
Долина Лиебана, или Потес, лежащая, в виде огромного котла, у восточного подножия «Европейских пиков», может считаться самою замечательною на полуострове, по своей относительной глубине и воронкообразной форме. С запада, юга и востока она окружена кручами, гребень которых достигает или даже превышает 2.000 метров; с севера, поперечная цепь, оставляющая для вод Лиебаны очень узкий проход, соединяет кряж Пенья-Сагра с «Европейскими горами». Крутизна внутренних откосов столь значительна, что деревня Потес, расположенная на дне этой, можно сказать, пропасти, находится все-таки на высоте 300 метров над уровнем моря. Горный пояс Сантандера и Астурий еще явственнее, чем в стране Басков, представляет множество цепей, параллельных общей пиренейской оси и берегу Кантабрского моря; второстепенные цепи гор триасовой, юрской, меловой эпох располагаются в виде стен перед высокими горами, состоящими из силурийских сланцов, приподнятых гранитами. По этой причине здешния реки имеют течение весьма неровное, извилистое. По выходе из верхних долин, где эти реки образуют живописные водопады, они бросаются направо и налево и направляются вдоль подошвы гор, ища себе выхода: некоторые из них, между прочим Азон, протекающий между Бильбао и Сантандером, уходят в пещеры от задерживающих их преград и появляются с другой стороны, совершая более или менее длинный подземный путь.

По ту сторону «Европейских гор» хребет понижается, представляя проходы иногда ниже 1.500 метров. Две долины, в форме пропастей, именно Вальдеон и Сахамбр, сходные с долиною Лиебаны, хотя и не столь большие, открываются между собственно пиренейскою сиеррою и параллельною ей маленькою цепью, которую выделяют из себя на север «Европейские вершины». Эта последняя цепь пересекается бурными потоками, низвергающимися в Астурийское море; однако, средняя её высота весьма значительна, и её дикия верхния долины весьма основательно присоединены к провинции Леон, с которою они представляют более легкое сообщение, чем с низменною частью их же собственного речного бассейна. К западу от этих природных горных укреплений, хребет Кантабрскпх Пиренеев вновь приобретает довольно значительную правильность, подобно Французским Пиренеям. Удаляясь постепенно от берега, цепь, с некоторыми вершинами более 2.000 метров высоты, мало-помалу уклоняется к юго-западу до границ Галиции, где принимает южное направление, образуя концентрический изгиб с морским берегом. Здесь она вполне утрачивает характер правильной сиерры, разветвляясь по всем направлениям на большое число вторичных цепей и отрогов, которые, под разными названиями, заканчиваются на приморских мысах или соединяются с другими горными системами. В общем, эти хребты постепенно понижаются по мере приближения к Галиции. Только к югу от Силя и Миньо горы снова являются в виде больших кряжей. Пенья-Негра, Пенья-Тревинка, Кабеца-де-Манцанеда и других, которые соединяются с португальскими горами.

Астурийские горы, особенно те, которые возвышаются между Овиедо и «Европейскими вершинами», пользуются большим почетом у всех испанских патриотов. Они чрезвычайно живописны: их передние склоны покрыты тенистыми лесами каштана, орешины, дуба, а на верхних склонах буковые и лещинные леса чередуются с лугами. Такия красоты природы поражают народное воображение, тем более, что эти горы служили оплотом для христиан в первое время нашествия мавров. Подобно тому как в Арагонии славится Пенья-де-Ороэль, близ которого основалось королевство Собрарб, здесь показывают: гору Ансена, где бежавший Пелагий скрывался с войском: леса Вердойянта, где он совершал свои походы; аббатство Ковадонга, напоминающее о его первых победах над исламом. «Достославные горы»,— это их оффициально признанное название,—известны не одними своими историческими воспоминаниями, своими живописными деревушками, с разбросанными домами, своими стадами и роскошною зеленью: они, кроме того, заключают в своих недрах богатые копи каменного угля, составляющие главный источник благосостояния Астурии.

Возвышенности Галиции, рассеянные без всякого порядка, изрытые со всех сторон потоками, представляют незначительное число мелких цепей, или *cordales*, и не могут быть свя-

заны в одну правильную систему. Это массы первичных горных пород, большею частью закругленные, расположенные маленькими плоскогорьями различных размеров; над этими плоскогорьями местами господствуют холмы, достигающие, средним числом, сотни метров над общею поверхностью страны. Однако, цепи эти следуют почти по одному направлению с



Маякъ на башнѣ Геркулеса.

самыми берегами, при чем одне из них направляются с запада на восток, продолжая васконгадские берега, другие спускаются с севера на юг, к португальскому побережью. Параллельно цепи Раньядоиро, которую можно считать естественною границею Галиции и Астурии, тянется на западе сиерра Меира; далее, по ту сторону большой долины Миньо, идет горная

группа, которой южные отроги заканчиваются в Эстака де-Вар, главным угловым мысом Галиции и мысом Ортегаль или Северным (Norte-Gal), неподалеку откуда виднеется высокая пирамида Квадрамон. На западе, поперечно идущие горы, в том же направлении, как и Кантабрские Пиренеи, образуют знаменитые мысыТориньана и Финистерре, или «Конец земли». Последний мыс, который моряки прежде считали самым западным на Иберийском полуострове, повидимому, не без основания может назваться концом света, подобно одноименным мысам Франции и Англии. Представляя узкий, скалистый полуостров, вдающийся в открытое море к западу от большой бухты, он возвышается своими крайними утесами, точно алтарь, воздвигнутый среди необозримой водной поверхности. В этом месте находился храм языческих богов, замененный впоследствии церковью в честь Богоматери.

Разные высоты Астурии и Галиции:

Горы Сантандера: Пуэрто-де-Эскудо 988метр.; Пуэрто де Рейноза 847 метр., Пенья-Лабра 2.002 метр.

«**Европейские вершины**» (**Picos de Europa**). Пенья-Приета 2.529 метр.; Торре-де-Черредо 2.678 метр.; деревня Потес 299 метр.; деревня Кэн (Вальдеон) 466 метр.

Западные Кантабрские горы. Пенья-Убинья 2.300 метр.; Пенья-Рубиа 1.930 метр.; пик Миравалес 1.939 метр.; пик Квинья 1.936 метр. Ущелье Пахарес 1.363 метр.; ущелье Пьедрафита 1.085 метр.; Квадрамон 1.019 метр.; Фаро 1.155 метр.; Кабеца-де-Манцанеда 1.776 метр.

Астурийский берег, на вид довольно правильный, изрезан множеством маленьких бухт, или *rias*, с крутыми скалистыми берегами, в которые впадают бурные речки, бегущие с Кантабрских Пиренеев. Малая ширина прибрежного пояса не допускает эти заливчики врезываться далеко внутрь страны; многие из них имеют вид слегка расширенных речных устьев. Берега Галиции имеют совершенно иную наружность. Они изрезаны извилистыми, ветвистыми заливами, которые своими многочисленными извилинами, глубиною воды и крутыми берегами напоминают шотландские *firths* или фиорды Скандинавии, Исландии и Лабрадора. Это—морские долины, широко открытые со стороны океана, который уже в ста километрах от берега имеет не менее 1.800 метров глубины.

Как объяснить происхождение этих *rias*? Следует ли считать их, подобно фиордам, руслами ледников, не успевшими еще засориться речными наносами во время нынешнего геологического периода? Или не были ли эти лиманы, как во Французской Бретани, первоначально прорыты морскими водами, проницавшими в гранит чрез трещины, которые они мало-по-малу расширяют, и затем разветвляют боковыми проломами? Во всяком случае, существование в столь южных широтах заливов, сходных с заливами берегов, близких к полярному поясу, представляет весьма интересный географический феномен. Кроме замечательного сходства в климате, эти страны отличаются также одинаковостью почвы. Другая, не менее любопытная аналогия заключается в том, что бухта Виго, вероятно и другие *rias* Галиции,—эти шотландские заливы, попавшие на Иберийский берег,—обладают морскою фауною, напоминающею гораздо более формы животных великобританских, чем лузитанских: из двухсот видов ракообразных, собранных здесь Мак-Андрью, только восьмая часть не принадлежит великобританской фауне. Присутствие в южном море такого множества северных видов, вместе с родственностью растений Астурийских гор и Ирландии, в значительной степени подтверждает гипотезу Форбса о существовании, до последнего ледникового периода, перешейка между Азорскими островами, Ирландией) и Галициею: перешеек исчез, но его оконечности сохранились.

Как бы то ни было, климат северо-западных областей Иберии, особенно всего внешнего склона Кантабрских Пиренеев и примыкающих к ним гор, весьма сходен с великобританским. Дожди, приносимые морскими ветрами, из которых одни дуют с юго-запада, с контр-пассатами, другие—с полярными течениями, более или менее уклонившимися от первоначального направления, падают в значительном количестве на внешние склоны Астурийских гор: с одной стороны этих гор вода изобилует, между тем как у основания другого склона, лишенного влаги, простираются сухия равнины Леона и Кастилии. До сих пор еще

не определено точными измерениями, которая из долин Кантабрскпх Пиренеев обильнее орошается; однако известно,что некоторые местности Астурии получали в год более четырех с половиною метров дождевой воды. И так, атлантический склон Иберийского плоскогорья по количеству вод равен, если не превосходит западный склон швейцарских и норвежских гор и южную покатость Швейцарских Альпов. Название Астурия, означающее, по мнению знатоков эвскарийского языка «Страну Потоков», вполне оправдывается климатическими условиями этой страны. Если Тессино представляет самую обильную реку в Европе относительно величины своего бассейна, то потоки, выходящие из снегов «Европейских вершин» выносят в море наибольшую массу горных вод.

Дожди выпадают в астурийских Пиренеях во все времена года. Продолжительные засухи —здесь явление весьма редкое; впрочем, иногда, именно в конце лета, случается, что дождя не бывает по неделям. Осеннее равноденствие всегда сопровождается ливнями, при чем очень часто происходят столкновения воздушных течений, производящие бури в Гасконском заливе: немного найдется морей, которые были бы так опасны в это время года; морские летописи повествуют об ужасных драмах, происходивших в Гасконском заливе. Эти бури составляют самый важный недостаток кантабрского климата; зато эта страна имеет неоценимое преимущество над прочими частями Испании, за исключением Васконгадских провинций: именно она пользуется довольно умеренною морскою температурою, относительно теплою зимою и прохладным летом. Здесь «не вечная весна», как хвастают туземцы; но по крайней мере смена времен года происходит без резких переходов. Берега астурийские и английские, разделенные Британским и Гасконским морями, на протяжении семисот или восьмисот километров, представляют замечательное сходство в климате; но тогда как Девоншир и Корнваллис, обращенные к югу, обладают более равномерною среднею температурою, местности, лежащие у подошвы Кантабрских Пиренеев, хотя и обращены к северу, но, благодаря их положению в южной широте, пользуются большей суммой тепла.

Сходство климатов обнаруживается также в изобилии паров, скользящих по поверхности почвы в виде густых туманов, подобных туманам Британских островов: эта форма облаков— очень обыкновенное явление в Галиции и Астурии, где их называют *bretimas*. Эти метеорологические явления, столь отличные от всех происходящих в остальной Испании, не могли остаться без влияния на суеверное воображение галисиян (*gallegos*). Народ представляет себе особых волшебников в образе *nuverios*, или облачных рыцарей, которые носятся в бурях, то растягиваясь в тучи, то сжимаясь в маленькия облака, то появляясь или улетучиваясь по произволу. Эти духи любят путешествовать преимущественно по ночам. Иногда тени мертвых, с факелами в руках, переносятся туманами от одной могилы к другой: эти страшные ночные процессии известны под именем *estadeas* или *estadinhas*.

Климат Галиции и Астурии по наблюдениям 1858 г.:

	Средняя температура	Максимум	Минимум	Количество дождей
Овиедо (228 метр)	15,°25	27,°8	-4,°5	2м064
Сантьяго (220 »)	15,°04	35,°0	-2,°0	1м084

Несмотря на изобилие текущих вод, кантабрские провинции не имеют судоходных рек. В Астурии узкий береговой пояс имеет слишком крутой скат, чтобы потоки могли развиться в реки с спокойным течением. Астурийские потоки: Азов, Безайя, Нанза, Селла, могучий Налон д'Овиедо, Навиа, Эо, спустившись с гор, вскоре исчезают в Кантабрском заливе. Реки Галиции: Тамбр и Улла, более тихия вследствие меньшего наклона почвы, переходят при устьях в широкия *rias*, при чем трудно определить, где кончается течение реки и начинается морской залив. Единственная настоящая река Галиции, Миньо, в нижней части её течения, служит политическою границею между обоими государствами Полуострова.

Воды Миньо собираются с двух склонов Пиренеев. Собственно Миньо получает все свои притоки из долин, обращенных к океану, а Силь, главная ветвь реки, берет начало к югу от Пенья-Рубиа, на откосах Кантабрских гор, обращенных к равнинам Леона. Испанская пословица говорит, что «Миньо носит имя, а воду несет Силь». Кроме того, и по направлению

русла Силь заслуживает названия настоящей реки; но географическая номенклатура, как известно, сообразуется главным образом с удобствами населения, и совершенно естественно, что древние Gallaeci и нынешние галицийцы удержали название Миниуса и Миньо за рекою, которая вся протекает по их территории, между тем как Силь выходит с другой стороны гор, из страны, населенной племенами иного происхождения и защищенной трудно проходимыми горными ущельями.

Перед выходом из провинции Леон, Силь протекает по широкому бассейну Виерцо, окруженному со всех сторон горами; от этого бассейна теперь осталось прекрасное маленькое озеро Карруседо. Подле самого озера начинается угрюмое выходное ущелье. Силь, приняв Кабреру, спускающуюся с Пенья-Тревинка, вступает в другой бассейн с озерами, гораздо меньший Виерцо, затем проходит под утесами Монте-Фурадо (Пробитая гора), в русле, прорытом римлянами, с целию облегчить предпринятую ими эксплоатацию рудников; остатки этих рудников до сих пор видны в разных местах. По другую сторону этого замечательного тоннеля, Силь извивается в одном из самых диких ущелий Испании: откосы гор, поднимающихся с севера и юга и служивших некогда соединительным звеном между Кантабрскими Пиренеями и португальскою цепью Герец, вздымаются над рекою, сжатою между крутыми утесами и иногда вертикальными стенами высотой в 300 и 400 метров. Тотчас за слиянием Силя и Миньо, река съуживается в новом ущелье; затем соединенные воды, увеличиваемые по временам мелкими притоками, впадает в море широким устьем. Берега Миньо очаровательны, и вообще эта область—самая красивая в Иберии: прозрачная вода, омывающая островки и мысы из гладких, словно отшлифованных скал, деревни с белыми домами, утопающими в зелени, луга, поля, рощи, виноград, расположенный трельяжем на гранитных колоннадах, сосновые леса, покрывающие склоны, горы, зеленые у основания, лазурные у вершины, представляют непрерывный ряд восхитительных картин. Под городом Туи Миньо делается судоходною на протяжении тридцати километров; но вход в реку загорожен опасным баром, и маленькая гавань Гвардия находится уже вне черты лимана, у подошвы горы Санта-Текла. Камина, на берегу португальском, хотя имеет несколько сот гребных судов, но они исключительно служат только для рыбной ловли. Хотя Миньо имеет ничтожное значение для судоходства, тем не менее из восьми больших рек Иберийского полуострова она несет наибольшую массу воды сравнительно с объемом своего бассейна; абсолютным средним количеством воды она уступает одному только Дуэро.

Вот приблизительные цифры для сравнения рек полуострова:

	Площадь бассейна, кв. кил.	Длина главной ветви	Среднее количество дождей	Средний расход	Истечение сравнит. с дождями
Миньос Силем	25.000	305	1,^{m}200	500 (?)	50 на 100
Дуэро	100.000	815	0,^{m}500	650 (?)	40 на 100
Таго	75.000	895	0,^{m}400	330 (?)	33 на 100
Гвадиана с Занкарою	60.000	890	0,^{m}350	160 (?)	25 на 100
Гвадалквивир (Гвадалимар)	55.892	560	0,^{m}480	260 (?)	30 на 100
Сегур	22.000	350	0,^{m}300	20 (?)	10 на 100
Хукар	21.790	511	0,^{m}320	25 (?)	15 на 100
Эбро	99.922	750	0,^{m}450	200 (?)	20 на 100
Всего на полуострове	584.300		0,^{m}400	3.000 (?)	33 на 100

Катимая р. Миньо масса воды, которая представляла бы неоцененное богатство во всех частях Испании, расположенных к югу от Пиренейской цепи, так же мало полезна для кантабрского земледелия, как и для перевозки товаров: она должна бы быть употребляема главным образом как движущая сила промышленности, так как дождевая вода, проникающая в почву, вполне достаточна для развития роскошной растительности. Астурия и Галиция, подобно Англии, изобилуют превосходными темнозелеными лугами. Впрочем, здешняя флора, в общем, носит характер несколько более южный, чем в странах, расположенных по другую сторону Гасконского залива и Французского моря. В садах апельсинные деревья растут в перемежку с яблонями, каштанами, орешиной, лещиной, а в одном из садов Овиедо можно

видеть даже могучия финиковые пальмы, растущие на открытом воздухе. Однако, при достаточно теплой температуре, избыток влажности не позволяет некоторым растениям приобрести серьезное промышленное значение. Так, напр., разведение шелковичного червя идет посредственно, несмотря на изобилие листвы на тутовых деревьях; даже виноград, исключая некоторые округа, доставляет терпкое, неприятное на вкус вино; напротив того, астурийский сидр славится во всей Испании и даже вывозится в Америку.

Астуры, или астурийцы, как известно, хвастают своим происхождением от людей свободных, никогда не носивших мусульманского ига; некоторые горные населения, действительно, сохранили независимость, и даже округи, завоеванные арабами при первом вторжении, вскоре были отняты у них христианами; город Овиедо получил название «Столицы Епископов», благодаря множеству беглых прелатов, которые поселялись здесь и составляли из себя соборы. Галицийцы также весьма энергично сопротивлялись мавританскому нашествию, и потомки их с гордостью указывают на некоторые горы, где было сломлено могущество африканцев. Как бы то ни было, достоверно то, что Галиция, вместе со всеми пиренейскими странами, в продолжение всех средних веков, с небольшим перерывом, принадлежала политически к тому европейскому миру, часть которого она составляет по климату и географическим условиям. Поэтому племя, населяющее эту область Испании, происхождения кельтического, сохранилось в относительной чистоте. Астурия и Галиция, расположенные вне главных путей завоевателей и переселенцев, с самого начала писанной истории весьма редко посещались иноземцами, если не считать портов, в которых утвердились каталонцы; кровь астурийцев и галиицийцев не изменилась в такой степени, как в других частях Полуострова. Ни мавры, ни евреи не смешивались с этим первобытным народом, и цыгане весьма редко встречаются в здешних местах. Некоторые астурийские народцы даже сохранили, почти без изменения, свои нравы и обычаи со времен римского владычества. Между прочим, указывают, как на совершенно особый элемент населения, на пастухов гор Лейтариегос, обитающих в том массиве, где сиерра Раньядоиро отделяется от Кантабрских Пиренеев. Их название *vaqueros*, или «пастухи коров», означает не один только их промысел: оно, в то же время, служит как-бы именем племени. Перекочевывая с своими стадами, они живут всегда отдельно от остальных астурийцев: их молодые люди вступают в браки только между собою. В этом краю говорят еще старинным патуа. На кантабрском берегу крестьяне говорят своим *bable*; в Галиции они употребляют разные наречия, которые меняются даже от деревни до деревни. Можно сказать вообще, что язык *gallego*, особенно тот, которым говорят на берегах Миньо, скорее португальского, чем испанского корня. Впрочем, лузитанец с трудом понимает галицийцев, вследствие их странного говора на-распев. Даже жители различных долин не всегда понимают друг друга.

Хотя описываемая страна относительно густо населена, однако большие поселения в ней редки. Многие уездные города состоят, в сущности, из церкви, ратуши да кабака, несмотря на то, что община состоит из 10.000, а иногда и более 20.000 жителей; остальные здания рассеяны в окрестностях, в тени и под прикрытием больших дерев. Следует ли видеть в этом обычае астурийцев и галицийцев следствие инстинктивной любви к природе, или, подобно тому, как у соседей басков, это уединение среди природы является результатом глубокого мира и спокойствия, среди которого почти всегда жили кантабрские обитатели? Благодаря своей изолированности, жители северо-западной Испании пользовались счастливым преимуществом между своими соотечественниками в том смысле, что их пощадила война, как внешняя, так и междоусобная. Астурия и Галиция, как гористые страны, расположенные при «конце света», вне больших завоевательных путей, избавились от наплыва разных угнетателей; кроме того, мирный характер туземцев удерживал их от всяких революций: они стараются достигнуть благосостояния усидчивым, терпеливым трудом. Тип испанского «головореза» появился не в этих странах. Галлего, преданный своим мирным занятиям, не имеет той врожденной свирепости, которая привилась к крови остальных испанцев вследствие бес-

прерывных войн. Ни в одном из северо-западных городов не существует цирков для боя быков; они не чувствуют, подобно их соседям, кастильцам, варварского удовольствия любоваться тем, как быки пропарывают лошадей, топчут людей и наконец сами падают, пораженные метким ударом шпаги.

Впрочем, в уединении и мирной жизни кантабрских обитателей были и свои невыгоды. В средние века местные властители пользовались мирным характером земледельцев, порабощая их, лишая всякой собственности и всяких прав свободных людей. В остальной Испании общая опасность принуждала дворян, духовенство, среднее сословие и простой народ делать взаимные уступки и приучала их к равноправности. Не так было в Астурии, за исключением части её, примыкающей к Васконгадским провинциям. В этой последней части крестьяне, действительно, считались не ниже дворян, подобно их соседям, эскальдунакам и общины их пользовались такими же преимуществами, как и в Бискайе; но в «Достославных горах» и во всей собственно Астурии земледельцы третировались как скот: по свидетельству старинных документов, их можно было закладывать и продавать, как всякий товар. Еще в начале нынешнего века все земли обеих Астурий находились в руках восьмидесяти фамилий и монастырей; за исключением весьма немногих земледельцев, большая часть крестьян находилась в крепостной зависимости. То же самое, хотя в меньших размерах, было и в Галиции: и здесь народ не имел почти никакой собственности, и большая часть земель принадлежала дворянам, церквам и монастырям.

С начала нынешнего столетия это положение вещей понемногу изменилось. Обеднением помещиков и упразднением монастырей воспользовались промышленные астурийцы и галицийцы: они выменивают на земли свои, трудом накопленные, сбережения. Таким образом, вследствие перехода земель в собственность крестьян совершается важный экономический переворот в стране. Даже бывшим арендаторам удалось, в конце концов, выиграть дело против феодальных владельцев в одном очень щекотливом процессе. В прежния времена вассалы и монастыри, получавшие от королей вотчины, имели обыкновение отдавать часть земли в временное пользование земледельцам, обязывая их к подчиненности и уплате оброков; такое пользование помещичьею землею, смотря по округам, должно было продолжаться не долее периода царствования двух или трех королей; в других местах право крестьянина-собственника на землю оканчивалось через сто лет; в Галиции же, согласно местному обычаю, срок пользования полагался в 329 лет. Но эти договоры подавали повод к различным недоразумениям; каждый объяснял их в свою пользу, и, по смерти двух или трех королей, по прошествии одного или трех столетий, крестьяне отказывались возвращать землю. Кончилось тем, что они одержали верх.

Прибрежные галицийцы занимаются земледелием и рыбным промыслом. В сезон ловли, более 20.000 человек, с тремя или четырьмя тысячами судов, протягивают свои мадраги и другие, меньших размеров, сети в заливах Коронья, Мурос, Ароза, Понтеведра, Виго, изобилующих сардинками. Пойманная рыба свозится в береговые заведения для соленья, где женщины и дети, нанимаемые владельцами тоней, наполняют пресованными сардинками до 35.000 боченков в год. Местное потребление рыбы громадно и, кроме того, в нормальные годы, одна Америка покупает в порте Коронья до 17.000 тонн сардинок.

Распределение земли между большим числом рук и правильная эксплоатация морских богатств безусловно необходимы для того, чтобы Галиция могла, как следует, прокормить свое значительное население, превосходящее по плотности все остальные части Испании. Так напр., провинция Понтеведра, при равной поверхности, в три раза населеннее всей территории государства, и даже на одну треть превосходит Мадридскую провинцию. И, однако, в Галиции нет ни больших городов, ни многочисленных, хорошо построенных дорог, ни богатых мануфактур! Соседство моря, легкость рыбной ловли, умеренность и равномерность климата недостаточны для объяснения столь сильного размножения народонаселения. Если бы астурийцы и галицийцы не выселялись массами, с целию искать в чужих краях хлеба, которого недостает на родине, то голод не замедлил бы уменьшить их численность и таким

образом восстановить равновесие между количеством жизненных припасов и потребителями. Целые семьи отправляются на заработки в Лисабон, Мадрид и другие большие города Португалии и Испании. Галицийцы—это оверньяты Полуострова. Большие охотники до наживы, весьма экономные с заработанными деньгами, поддерживающие друг друга с чисто сословною солидарностью, они успевают монополизировать некоторые профессии, и весьма многие из них богатеют, начав карьеру поденщиками или водоносами.

Те из них, которые возвращаются к своим очагам почти всегда более состоятельными, чем при отъезде, или по крайней мере более опытными и наученными, являются настоящими просветителями этих отдаленных областей, население которых еще недавно коснело в безграничном невежестве и грубой нищете. Вероятно, вследствие крайней нечистоты в хижинах, а также преобладания рыбной пищи, Галиция, одна между испанскими провинциями, до сих пор еще не избавилась от простой и слоновой проказы. Последняя из этих болезней в особенности ужасна; не так давно, закон обязывал сжигать трупы несчастных, пораженных слоновою проказою, и разбрасывать их пепел по ветру. Всеобщий предразсудок приписывал заразительную способность даже трупам жертв; думали, что если бы похоронить умершего от проказы на кладбище, то он сообщил бы свою болезнь всем соседним покойникам.

Наиболее существенным улучшением материального быта страны послужило бы окончательное соединение Галиции и Астурии с Мадридом и с остальною частью Полуострова удобными дорогами. В половине прошлого столетия была построена из Мадрида в Коронью прекрасная военная дорога, которая, по остроумному замечанию, была вымощена серебром: так дорого обошлась она казне: однако, этой дороги оказывалось недостаточно, и явилась настоятельная потребность пересечь сиерру Леон и различные конечные разветвления Кантабрских Пиренеев железною дорогою, которая могла бы наконец достичь до океана. Постройка этой линии, замедлявшаяся политическими и финансовыми соображениями, была наконец окончена в 1883 году. Следующий затем год был посвящен постройке дороги, соединяющей Леон с Овиедо и Гихоном по каменноугольному бассейну Миереса. Что же касается соединительных путей, которые должны будут когда-нибудь связать оконечности лучеобразно-расходящихся линий, следуя по окружности Полуострова, то эти пути пока только проектированы. От Понтеведра до Короньи еще долго придется довольствоваться простою конною дорогою: часть прибрежья, обращенная к кантабрскому берегу, от Ферроля до Сантандера, не имеет даже и такой дороги. Во многих местах надо пробираться вдоль берега по узкой опасной тропинке, извивающейся между утесами: в долинах, орошаемых потоками, тропинка заменяется гатями, где приходится перепрыгивать с камня на камень.

Вследствие незначительной ширины кантабрского прибрежья, обилия превосходных гаваней и прибыльности рыбной ловли, большая часть главных астурийских поселений сосредоточена на берегу моря. Непосредственно к западу от Васконгадских провинций расположены приморские городки: Кастро-Урдиалес, Ларедо, Сантонья, служившие сборными пунктами для флотилий во время междоусобиц, которые происходили в Бискайе. Гавань Сантонья, славящаяся своею превосходною рыбою, представляет одну из наиболее удобных и защищенных гаваней Полуострова. Когда Наполеон отдал Испанию своему брату Иосифу, он удержал за собой одну только Сантонью и начал укреплять этот порт, надеясь преобразовать его во французский Гибралтар. Впоследствии подобный же проект был предпринят испанским правительством; однако он не осуществлен и наполовину.

Сантонья, представляя весьма важный стратегический пункт, и в мирное время могла бы служить деятельным торговым центром; однако все движение торговли в стране привлек к себе город Сантандер; порт его также представляет прекрасную якорную стоянку, и кроме того, в его новых кварталах, построенных на осушенных отмелях бухты, находятся, внутри самого порта, все необходимые сооружения, как-то: доки, верфи, магазины.

Служа естественным портом Кастилии, Сантандер пользуется настоящею торговою монополией по вызову муки из Вальядолида и Валенции, а также шерсти, называемой *sorianas* и

leonesas—по тем странам, из которых она получается. Кроме того, Сантандер получает из Кубы и Пуэрто-Рико большое количество колониальных товаров, которыми снабжает центральную Испанию при помощи железной дороги, идущей по узкому проходу Реноза, и его негоцианты ведут постоянные деловые сношения с Франциею, Англиею, Гамбургом и Скандинавией. Сантандер оспаривает у Бильбао, Валенции и Кадикса третье место по заграничной торговле.

Торговое движение в нем в навигацию 1881 г. было: 3.001 судно, с измерением в 1.095.537 тонн; в остальных же портах Сантандера: 462 судна, с измерением в 85.631 тонн.

В верхней оконечности бухты находятся верфи, имевшие прежде важное значение; но потом их деятельность прекратилась, и теперь их заменили, как главная отрасль местной промышленности, казенные фабрики сигар, которых в городе Сантандере изготовляется огромное количество. Из числа причин, способствовавших процветанию порта, следует указать на одну, которою не может похвалиться Испания: эта причина заключается в частых междоусобных войнах, опустошивших Васконгадские провинции и принудивших торговое движение между Испанию и Франциею сделать значительный обход к западу от страны басков. Франция, несмотря на свою пограничную линию более четырехсот километров длины, кроме средиземноморских путей, имела только один свободный доступ в Испанию, именно чрез Сантандер. Летом сотни семейств приезжают из Мадрида и других внутренних городов брать морские ванны на берегу Сардинеро, к северу от полуострова Сантандер. Кроме того, в горах, расположенных к югу, находятся часто посещаемые теплые источники, серные и щелочные: Альцеда, Онтанеда, лас-Кальдас-де-Безайя.

По ту сторону порта Сантандера, на пространстве 150 километров, до самого Гихона, встречаются лишь незначительные приморские деревни: Сан-Мартин-де-ла Арена, порт пришедшего в упадок городка Сантиллана, Сан-Висенте де-ла-Баркера, Льянес, Ривадесella, Ластр. Гихон, построенный на месте римского города, и прежде был городом незначительным, хотя и был резиденциею Пелагия и столицею всей Астурии; но пляжи его привлекают летом много купающихся; кроме того он имеет табачную мануфактуру, на которой работает более 1.000 человек, и различные фабрики, пользующиеся каменным углем, доставляемых по Лангреоской железной дороге. Он служит, вместе с городком Авилес, лежащим на другой стороне Кабо-де-Пеньяс, приморским предместьем Овиедо, расположенного в 25 километрах оттуда, в одной долине, воды которой собираются в Налон. Подобно всем остальным астурийским городам, и главный город Овиедо не имеет важного торгового значения. В нем есть несколько больших фабрик, один из десяти испанских университетов, вероятно, наименее важный в Европе, затем прекрасный готический собор, который считается богатейшим в свете по количеству мощей и разных предметов, «изготовленных ангелами и апостолами». Эта церковь построена на месте другой, более старинной, вокруг которой сгруппировались все городские здания. Овиедо, защищенный горами Наранко от северных ветров, пользуется одним из самых здоровых климатов Испании; в нем есть также целебные минеральные источники. В окрестностях встречается множество любопытных местностей, с одной стороны к западу, по направлению к плодоносным долинам Кангас де-Тинео; с другой—к востоку, на пути к Кангас де-Онис, знаменитой деревне, которая была первою столицею королевства Пелагия. Близ этой деревни, в долине, орошаемой каскадами и отененной каштанами, буками и дубами, находится посещаемая пилигриммами пещера Ковадонга, в которой покоятся останки Пелагия, и у входа в которую воздвигнут памятник испанскими патриотами.

Западные астурийские порты, Кудильеро, Луарка, Навиа, основание которой её жители приписывают Хаму, Ноеву сыну,—затем Кастрополь, с старинным греческим названием, далее, на противуположном берегу того же лимана—Рибадео, Ортигуэра—все они не более, как маленькия рыбачьи поселения; чтобы встретить настоящие города, надо отправиться к прекрасным *rias* берега, обращенного к Атлантическому океану. Первый из этих городов, Ферроль,—создание новейшей эпохи: в половине восемнадцатого столетия это была рыбачья

деревушка; но тогда правительство поняло, как велико может быть военное значение ферролъской гавани для постройки судов, снабжения и защиты флота. На высотах, господствующих над рейдом, соорудили укрепления; на обоих берегах входного канала, находящагося в 6 километрах от города, поставили сильные батареи и наконец воздвигли целый военный город по всем правилам искусства, с пристанями, верфями и огромными магазинами. Смотря по состоянию испанских финансов и важности морских сил государства, население Ферроля то увеличивается, то уменьшается; иногда он слишком тесен для множества рабочего люда, иногда бывает почти пуст, и улицы в нем заростают травою.

Население Коруньи гораздо постояннее, чем в Ферроле, потому что этот город не исключительно военный; в нем процветает торговля, рыбная ловля и даже мануфактурная промышленность, дающие занятие большому числу жителей. Двойной город Корунья расположен амфитеатром на склоне холма, между укрепленными высотами и островом с старинною башнею, называемою башней Геркулеса и построенною, быть может, римлянами, а может быть финикиянами или карфагенянами; это один из живописнейших городов атлантического прибрежья Испании; вместе с тем, ему, повидимому, предназначена великая будущность, благодаря его счастливому положению в углу Полуострова, на одном из главных торговых путей Испании и притом против Северо-Американских Соединенных Штатов, но в настоящее время Корунья ведет торговлю почти исключительно с Англией; английские суда, специально построенные для этой цели, нагружаются здесь десятками тысяч голов скота. Испанское правительство имеет в Корунье одну из громаднейших табачных фабрик Полуострова. Арес и Бетанцоз, известные своими хлебопекарнями, расположены на двух *rias* того же имени, представляющих второстепенные бухты большого залива, откуда некогда выступила Великая Армада; эти города состоят всего из нескольких улиц и не могут сравниться с своими соседями, Ферролем и Коруньей. Соляные источники Артейхо и серные Карбалло, расположенные на юго-запад от Коруньи, очень ценятся купающимися.

Каждая из риа южной Галиции также имеет по нескольку портов. Порт Коркубион защищен с запада полуостровом мыса Финистерре, изогнутым в форме крючка; лиман Нойа омывает городки Нойю и Мурос; Ароза служит якорною стоянкою для судов с переселенцами, отправляющимися в республики Ла-Платы из портов Падрона и Карриля, главных выходов на море для города Сант-Яго; Рио-Понтеведра гонит свои волны приливные в реку Ведра, до города, имя которого он носит; наконец, далее к югу, на южном берегу другого большого лимана, представляющего прекрасную, глубокую гавань, защищенную с моря островами, которые древние называли островами богов, расположены города Редондела, Виго и Байона. Если бы берег Галиции не был столь богат превосходными портами, бухта Виго несомненно сделалась бы большим сборным местом для торговых судов; но на этом побережье хорошая якорная стоянка не представляет ничего исключительного, и Виго, несмотря на все его удобства для мореплавания, давал пристанище лишь каботажным и рыболовным судам; теперь он служит пристанью многим пароходным линиям дальнего плавания. Виго не столь замечателен своею торговлею и промышленностью, как сокровищами, погибшими в глубине его порта, где, в 1702 г. английские и голландские корсары потопили галионы, нагруженные перуанским золотом. Для извлечения этих сокровищ, основывались целые компании, снабженные всеми снарядами новейшей индустрии, но все их поиски остались бесплодными.

Три города внутренней Галиции, заслуживающие упоминания, расположены на берегах Миньо; это: Луго, Орензе и Туи. Древний римский Луго (Lugus Augusti), опоясанный своими средневековыми стенами, обладает серными минеральными источниками, замечательными по целебным свойствам; о них упоминают уже латинские писатели. Орензе, с прекрасным мостом через Миньо, происхождения, может быть, римского, также знаменит своими фонтанами теплой воды, или *burgas*; эти источники, как говорят, столь обильны, что чувствительно повышают среднюю зимнюю температуру на равнине. Ими пользуются не только для лечения больных, но вообще для всех домашних хозяйственных потребностей; само на-

звание Орензе, по объяснению, не подтвержденному и не опровергнутому историею, есть немецкое прозвище *Warmsee* (теплое озеро), данное свевами, в эпоху переселения варваров. Туи, расположенный на правом берегу реки, против португальского города Валенца, замеча-

Типы крестьянъ Валенціи.

телен лишь как пограничный пост; но окрестности его восхитительны.

Древняя столица всей Галиции, знаменитый Сантьяго (Сант-Яго), т.е. город св. Иакова, построенный на холме, у подножья которого извивается речка Сариа, остался одним из многолюдных городов северо-западной Испании. Местоположение города, хотя и очарова-

тельное, однако не представляет ничего такого, что могло бы привлекать жителей; но зато здесь находится «Поле звезд», или Компостелла (*Campo Stele*), где в начале девятого века были обретены мощи апостола Иакова, привлекавшие в средние века миллионы богомольцев. Теперь, когда погас прежний религиозный жар, трудно представить себе, как жива была вера, сделавшая из Компостеллы второй Рим и приводившая из Франции, из Нидерландов, из глубины Германии и Польши огромные караваны паломников, из которых многие погибали в дороге от усталости и болезней. Но это паломничество окружало богомольцев ореолом святости, в роде той, какая присвояется мусульманским хаджи; кроме того, во время странствия к св. месту, они избавлялись от судебного преследования за долги и обыкновенные проступки. Одно время Млечный путь считался народом за чудесное отражение пути св. Якова, по которому шли на земле пилигримы и который еще доселе известен в стране под именем «французской дороги». Святилище наполнялось разного рода богатыми приношениями. В часовне с мощами всюду виднелись золотые статуи, серебряные орнаменты, бриллиантовое и жемчужное шитье. В этом святом городе все объяснялось чудесами, и местный университет не противоречил такому объяснению Неподалеку от Сантьяго, по дороге к Нойе находится церковь лос-Анхелес, построенная самими ангелами, подобно тому, как они перенесли по воздуху Лоретский храм. Церковь Ангелов стоит на золотой опоре, которая входила в состав небесного свода и простирается под землею до фундамента Компостельского собора.

Значительнейшие города Кантабрии:

Кастилия

Сантандер—42.125 жителей.

Астурия

Овиедо—42.716 жит.; Гихон—35.170 жит.; Льянес—18.808 жит.: Лангрео—13.000 жит.; Кудильеро—11.000 жит.

Галиция

Коронья (Корунья)—37.251 жит.; Сантьяго—25.000 жит.; Ферроль (ель Ферроль)—26.000 ж.; Понтеведра—19.996 жит.; Луго—19.952 жит.; Ортигуера—17.563 жит.; Виго—14.000 жит.; Орензе—14.168 жит.; Туи—12.000 жит.; Карбалло—11.350 жит.; Редондела—11.399 жит.; Монфорт де Лемос—11.325 жит.

IX. Нынешнее состояние Испании.

В современной Испании господствует большой беспорядок. Различные сменявшие друг друга правительства все жили в очень критическом финансовом положении, замаскировывая банкротство бухгалтерскими фокусами бюджета, и часто бедные чиновники оставались в напрасном ожидании жалованья.

Впрочем, несмотря на видимый упадок страны, в ней заметен существенный прогресс. Чтобы безошибочно судить о современной Испании, надо вспомнить, что едва прошло столетие со времени юридических убийств, совершавшихся инквизицией. Еще в 1780 г. одна женщина из Севильи, «уличенная в колдовстве», была сожжена живою. В ту же эпоху мертворучные владения занимали еще большую часть страны, а общая праздность мешала эксплоатировать остальные земли. Невежество было самое грубое, особенно в университетах и школах, где царила схоластика, противная всякому здравому смыслу.

Со времени великих событий, ознаменовавших начало девятнадцатого века, испанцы, стряхнув с себя оцепенение, жили в беспрерывной борьбе, как бы среди пламени. Однако,

страна, несмотря на временный застой, несомненно выигрывала с каждым десятилетием в населенности, промышленности и богатстве. Точные статистические сведения здесь, правда, не многочисленны: эфемерные правительства, сменявшие друг друга, публиковали ложные или весьма неопределенные цифры. Для ознакомления в общих чертах с положением испанских дел, приходится прибегать к рассмотрению частных отчетов по разным отраслям экономической и общественной жизни. Во-первых, надо отметить тот факт, что народонаселение увеличилось: с 1861 по 1883 гг., число жителей возросло на полтора миллиона: вероятно, это увеличение продолжалось и во время междоусобной войны; но оно имело замедление в 1884 и 1885 гг., во время холерных эпидемий. Эмиграция отнимает ежегодно только слабую часть этого излишка. Ежегодное число испанцев, отправляющихся искать счастия в другие страны, определяют в 25.000. Это преимущественно баски, отправляющиеся в Аргентинскую республику, галицийцы, уходящие в Португалию, и каталонцы, уезжающие в Кубу и другие отдаленные владения и, наконец, жители поморья, от Мурсии до Малаги, переселяющиеся в Оран, в Алжирии.

Вообще, труд теперь гораздо больше уважается, чем прежде; тогда как монастыри пустеют, мастерские наполняются. Правда, что инициатива труда явилась сюда из других стран, благодаря промышленной и торговой солидарности современных народов. Испания в значительной мере обязана Франции, Англии и Бельгии развитием её матерьяльного благосостояния. Она не только получала инженеров, химиков, массы рабочего люда, но и миллиарды денег прилагались остальными европейскими нациями для эксплоатации её экономических рессурсов. Одни только Бельгия и Франция ссудили Испании более полутора миллиарда франков, в надежде на прибыли, которая не всегда осуществлялась, но, тем не менее, эти иностранные капиталы обогатили страну и подвинули ее к промышленному уровню остальных государств Западной Европы: по виноградарству и виноделию Испания уже соперничает с Францией, а по горному промыслу с Англией. Англичане дали живой толчек земледелию, покупая у андалузцев их превосходные вина, у валенсийцев—оливковое масло и апельсины, у кастильцев—зерновой хлеб и муку, у галийцийцев—скот: кроме того, англичане деятельно способствовали восстановлению горнозаводской промышленности в Испании, эксплоатируя громадные рудные богатства округов: Гуэльвы, Линареса, Картагены, Соморростро и других приморских и речных областей.

Земледельческое производство Испании, в среднем: 2.000.000.000 (?) франков.

Сбор хлебных злаков (средний с 1861 по 1878 г.): Пшеница 61.000.000 гектолитров. Ячмень 27.800.000 гектолитров. Рожь 11.600.000 гектолитров. Овес 6.700.000 гектолитров. Маис 13.200.000 гектолитров. Сбор картофеля 18.330.000 гектолитров. Сбор масл 2.500.000 гектолитров. Сбор вин 25.000.000 гектолитров.

Домашния животные: Лошади 700.000, ослы и мулы 2.500.000, быки и коровы 3.000.000, овцы 23.000.000, козы 4.500.000, свиньи 4.500.000, верблюды 3.000.

В области собственно промышленности, вообще очень отсталой, за исключением Каталонии и северных провинций, французы были деятельными инициаторами, основывая и поддерживая своими капиталами многочисленные фабрики в Каталонии, Валенции и Баскских провинциях, изготовляя значительную часть промышленных машин для других провинций и вывозя вина из Арагонии и Наварры, даже из Маецтразго, чтобы частью пополнить потери, причиненные Франции филоксерою. Вывоз испанских вин во Францию в 1886 году доходил до 5.600.000 гектолитров, стоимостью 250.000.000 франков. В 1895 г. общий экспорт испанских вин равнялся, по ценности, 99.692.906 песет (около 63% во Францию и 12,5% в Англию). Наконец, капиталистам и инженерам всех стран Европы Испания обязана многочисленными пароходными линиями, окружающими длинною гирляндою все побережье, и сетью железных дорог, пока еще не оконченною, но уже значительно густою: железные дороги теперь расходятся из Мадрида к шестнадцати городам Полуострова: Барцелоне, Тарагоне, Валенции, Аликанте, Картагене, Малаге, Кадиксу, Гуельве, Лисабону, Порто, Виго, Корунье, Гихону, Сантандеру, Бильбао и Сан-Себастьяну; но железнодорожная ветвь пере-

ходит пока стену Пиренеев только в двух концах, в Фонтарабии и Цербере; вскоре она еще переступит эту горную цепь у Сомпора и прохода Салау, что на несколько часов сократит путь между Парижем и Мадридом. Недостает еще многих поперечных линий, и вообще система путей сообщения оставляет еще многого желать. Из городов побережья, Алмерия осталась вне железнодорожной сети, и из Аликанте в Картагену до сих пор ездят в дилижансах, иначе пришлось бы делать огромный крюк чрез плоскогорья. Железнодорожные компании жалуются на недостаток подъездных путей, ограничивающий торговый район каждой дороги узкой полосой вдоль рельсов.

Длина железных дорог в 1893 г. 10.803 килом. Длина телеграфных линий в 1892 г. 29.386 килом. Число депеш в 1892 году 4.896.735 килом. Число перевезенных почтой писем в 1892 г. 118.459.000.

Впрочем, благодаря поддержке своих европейских сестер, испанская нация могла восторжествовать отчасти над этими матерьяльными преградами, которые разделяли провинции Полуострова между собою и обусловливали для них совершенно различные интересы, служившие неизбежною причиною междоусобиц. Даже маленькие внутренние города начинают менять свою наружность. Еще недавно они напоминании о продолжительном усыплении нации своим мрачно важным видом; путешественник мог подумать, что он попал в средневековой город: те же площади, улицы, те же дома с узорчатыми решетками—ничто не изменилось. Но в настоящее время происходит постепенное преобразование под влиянием экономических условии и совершенно иных нравов и идей. Франция и Великобритания оспаривают друг у друга первенство в движении торгового обмена с Испанией; но, принимая во внимание торговлю, непрошедшую чрез таможни, которая производится чрез Пиренеи, надо полагать, что Франция стоит первой по порядку важности.

Участие различных стран в испанской торговле в 1893 году (в миллионах песет):

	Ввоз.	Вывоз.
Франция	204.3	205.7
Великобритания	161,9	181,7
Америка	164,5	194,9
Германия	20,3	14,5
Бельгия	28,0	14,5
Швеция и Норвегия	25,4	2,4
Россия	32,8	-
Италия	16,5	8,1
Португалия	20,0	30,2
Турция	13,2	-
Нидерланды	5,8	12,3
Филиппины	20,8	22,6
С. Африка	23,1	5,6
Проч. страны	34,1	17,1
Итого	770,7	709.7

Коммерческий флот в 1895 г.:

1.041 парусных судов, с измерением 172.729 тонн; 427 пароходов, с измерением 313.178 тонн; всего 1.468 судов, с измерением 485.907 тонн.

Движение судоходства в испанск. портах в 1891 г.:

	Судов			(Измерение в тоннах)		
	исп.	иност.	всего,	испанск.	иностр.	всего.
Вошло	8.996	10.252	19.248	5.093.671	6.952.561	11.646.232
Вышл.	8.103	10.099	18.202	5.348.349	6.494.669	11.843.018

В 1892 г. вошло: 17.367 суд. вместим. 11.585.712 т.; вышло: 17.116 суд. вместим. 11.579.217.

Внешняя торговля Испании в 1895 г.: Привоз 686.700.802 песет, вывоз 660.875,994 песет.

Главные предмета вывоза составляют вина, южные фрукты, руды и металлы, оливковое

масло, пробки, шерсть и пр.

В умственном отношении прогресс в Испании шел быстрее. Конечно, невежество еще велико в этой стране, особенно на кастильских плоскогорьях, школа еще не в большой чести, во многих людных городах нет даже книжного магазина; катехизисы и альманахи составляют всю литературу в деревнях. Однако то участие, которое Испания приняла в движении литературы и искусств в нынешнем столетии, достаточно доказывает, что родина Сервантеса и Веласкеца может снова занять подобающее место среди других стран Европы. По части собственно наук испанцы более отстали. Надо заметить, что христиане Испании, хотя одаренные большими умственными способностями и оказывавшие значительное влияние на остальной мир, дали цивилизации только одного человека, арагонца Михаила Серве, научные произведения которого составили эпоху в истории прогресса. Но если кастильцы и прочие испанцы играли лишь второстепенную роль в истории развития человеческих знаний, зато гвадалквивирские арабы долгое время были настоящими руководителями в этом отношении. В продолжение нескольких поколений они были учителями и воспитателями Европы по астрономии, математике, механике, медицине, философии: одна только неблагодарность и недобросовестность могли не признать их заслуг. Испанский араб Альганец открыл явление атмосферной рефракции и уменьшение плотности воздуха по мере удаления от поверхности земли; кордуанские физиологи знали многие факты из естественной истории, которые с удивлением нашли в их сочинениях уже после того, как факты эти недавно вновь были открыты; изобретательный гений испанских мусульман, может быть, пробудится когда-нибудь в их потомках: пора проснуться после многих столетий усыпления!

Население особенно нуждается в первоначальных познаниях, даваемых народным образованием. Школы, весьма слабо поддерживаемые государством и содержимые почти вполне на средства общин и частных лиц, принимают еще только десятую или девятую часть народонаселения, тогда как нормальная величина этого приема должна бы доходить до одной пятой. Число девочек, посещающих школы, значительно менее числа мальчиков.

Типы крестьян Валенции

Народное образование Испании в 1885 г.:

Общ. нач. школ	Частных школ	Всего школ	Число учеников
24.529	5.576	30.105	1.843.183

Статистика среднего образования в 1878 г.:

Образование духовное: 58 епархиальных семинарий с 45.676 учен.; образование гражданское: 61 общественных заведений, с 18.903 учен. 128 частных школ с 6.385 учен. Всего 189 гражданских заведений с 25.188 учен. Образцовые учительские школы: 48 с 2.289 учениками. Образцовые для наставниц: 29 с 970 ученицами.

Высшее образование: 10 университетов, посещаемых 16.000 студентов, из которых 40 проц. медиков, 37%—юристов; 64 школы специальных, профессиональных и военных с 9.102 учащихся.

Желательно также, чтобы умственный прогресс сопровождался смягчением нравов. Игра в мяч, столь любимая басками и другими испанцами,—не единственная, которая увлекает толпу. Грустно видеть, что «благородная наука тавромахии» имеет еще стольких приверженцев, и лучшим праздником считается резня животных, при чем сила ощущений увеличивается гибелью, грозящею человеку, исполняющему обязанности мясника. Что бы ни говорили любители «coleur locale», бои быков так же, как драки петухов, которыми увлекаются андалузцы,—недостойные забавы, и гордая Испания должна бы стыдиться их: нельзя без стыда видеть, как иные госпитали, напр. в Валенции, учрежденные для облегчения страдающего человечества, эксплоатируют, за свой собственный счет, арены, откуда приносят раненых или убитых бойцов на окровавленных носилках. Давно пора исчезнуть этим варварским развлечениям, как исчезли «дела веры» (ауто-да-фе), состоявшие в сожжении людей на костре и на которые толпа сбегалась как на интересное зрелище. Впрочем, несмотря на журналы, специально посвященные благородной науке *torreo*, это «великое искусство», повидимо-

му, ослабевает; *torreros* уже не почитаются наподобие богов; школа тавромахии, основанная в Севилье в 1830 г., не могла существовать, несмотря на то, что в этом городе иногда бывает до семи журналов, занимающихся разъяснением вопросов, касающихся этого искусства; из сотни цирков, большинство, за исключением мадридского, открывается всего два, три раза в год. Уважение к жизни животных, без которого и жизнь человека мало ценится, повидимому, делает успехи между испанцами; но сколько еще диких возвратов к войне с её грабежами и поголовным избиением!

Испания имела счастие освободиться от одной из главных причин материальной и нравственной слабости: она лишилась своей громадной империи в Новом Свете. Аргентинцы, чилийцы, перувианцы, колумбийцы, мексиканцы сбросили с себя невыносимое ярмо кастильской монополии; они образовали независимые республики. Метрополия избавилась, таким образом, от обязанности «составлять счастье своих заморских народов»; она не должна была более содержать у них инквизиций, поддерживать рабство, торговую монополию, касты и привилегии; ее избавили от содержания там армии и собирания податей. Прежния колонии, сделавшись самостоятельными, должны были, правда, выдержать страшный кризис революций и контрреволюций; переход от колониального образа правления к автономии совершился с большим трудом во многих из новых республик; однако, в общем, они сделали большие успехи в численности населения, обогащении, торговой деятельности, с тех пор как сами начали заботиться о своей судьбе. Мать-Испания и её дети-колонии одинаково выиграли, разорвав соединявшую их насильственную связь. Впрочем, Испания не без задней мысли приняла независимость своих бывших владений в Новом Свете; можно даже сказать, что в принципе продолжается все еще дух вражды между Испаниею и этими новыми республиками Южной Америки. С той минуты, как её флот был отброшен фортами Кальяо, война прекратилась силой вещей, но мирного договора никакого заключено не было. Вследствие этого происходит то, что, несмотря на общность происхождения, языка и нравов, Иберийский полуостров не имеет почти прямых сношений с испанскою Америкою; это чрез посредство англичан, северных американцев, французов, испано-американцы входят в сношение со страною своих предков.

К сожалению для некоторых колоний и для самой Испании, заокеанская империя Иберийского полуострова не вся была потеряна.

Эти колониальные земли, особенно Куба и Филиппинские острова, обыкновенно считались источниками богатства для Испании. Дело в том, что, после временного освобождения от ига метрополии во время войн Французской империи, остров Куба мог доставлять ежегодно значительные суммы мадридскому правительству. Благодаря привилегиям, которыми пользовались полуостровитяне, в ущерб туземцам, испанские эмигранты могли быстро обогащаться и разыгрывать роль хозяев; особенно высшие чиновники имели легкую возможность скорой наживы, и многие администраторы съумели поправить свои расшатанные финансы посредством продажи своей благосклонности за хорошую цену кубанским плантаторам и негро-торговцам всех наций. Антильских «наместничеств» добивались с таким же усердием, как в прежния времена проконсульств в римских провинциях и с тою же целию наживы. Но если испанские колонии доставляют возможность некоторым лицам обогащаться, честными или нечестными путями, то эти выгоды тяжело отзываются на самом населении. Куба, недавно возделываемая руками невольников, не уравняла еще черных в гражданских правах с белыми, потому что освобожденные остались под «покровительством» государства. Даже белые жители острова находятся в некоторой административной подчиненности; всякий испанец, только что прибывший на корабле из Барцелоны или Кадикса, может в отношении их принять на себя роль властителя. С 1868 по 1878 гг. междоусобная война опустошила страну: с одной стороны—поборники республиканской независимости острова и освобожденные черные, с другой—испанские эмигранты и рабовладельцы при помощи регулярных войск оспаривали друг у друга обладание островом.

В Пуэрто-Рико тоже часто происходили восстания, хотя местность этого острова совсем

неудобна для войны против регулярных войск. На Филиппинских островах населения различных рас, вооружаемых одна против другой традиционной политикой всех завоевательных правительств, вообще, были очень послушны своим властителям, хотя рабство тяжело отзывалось на них; но, по мене того как жители обучаются и цивилизуются, главным образом под влиянием китайцев, они становятся менее покорными, и уже бывали столкновения, полные угроз для будущего[1]. Если Испания не применит к своим колониям политики, подобной той, какой следует Великобритания, и не предоставит им полной административной свободы, она, без сомнения, потеряет остатки своих колониальных владений, после тщетных усилий удержать их за собою.

Итак весьма желательно, в интересах самой же Испании, чтобы она не тратила своих сил на поддержание за морем устарелой политики Карла V и Филиппа II, и признала право населений располагать своею судьбою. Она же первая с выгодою воспользуется этою переменою, потому что тогда будет в состоянии сосредоточить всю деятельность на своем внутреннем развитии. Впрочем, что бы ни случилось, влияние народов Иберийского полуострова на остальной мир сохранит свою силу еще в продолжение многих веков. Мощный гений Испании увековечил себя прочностью своих созданий в тех странах, где он господствовал в течение более или менее продолжительного исторического периода. В Сицилии, в Неаполитанской области, в Сардинии, даже в Ломбардии архитектура и нравы жителей показывают, какой сильный отпечаток оставили эти прежние властители. В латинской Америке множество городов, хотя населенных преимущественно индийцами и метисами, до такой степени напоминают Испанию, как-будто они находятся среди равнин Эстремадуры, а не в лесах Нового Света; можно подумать, что это кварталы, отделившиеся, от Бадахоца или Вальядолида. Сами племена американские, ацтеки, квичуасы и арауканцы, объиспанились по языку, нравам, образу мыслей. Громадное пространство земли, в два раза превышающее Европу, которое когда-нибудь будет прокармливать сотни миллионов людей, принадлежит этим народам кастильского языка, уравновешивающим народы английского языка, сгруппированные в Северной Америке. Из всех европейских наций одни испанцы могут оспаривать у англичан и русских будущее преобладание в этнических движениях человечества. Как бы то ни было, они имеют еще в запасе значительную долю труда в общем деле, благодаря их замечательной оригинальности, их твердому характеру, благородству и прямодушию.

X. Правление и администрация.

Со времени революции в сентябре 1868 г., низвергнувшей правительство королевы Изабеллы II, в Испании последовал целый ряд политических переворотов; она выдержала диктатуру генерала Прима, потом регента Серрано; затем было провозглашено королевство, и кортесы избрали государем Амедея, сына короля итальянского. Попав в положение без легального выхода, неспособный бороться против своей непопулярности, как иностранец, Амедей должен был отказаться от престола и предоставить Испанию самой себе. Страна преобразилась в федеральную республику, изменившуюся позднее в республику унитарную; затем вспыхнувшее в войске восстание изгнало кортесов из места их заседаний, провозгласив диктатором Серрано; но второе *pronunciamiento* тотчас же изгнало диктатора, предоставив вакантный престол молодому Альфонсу XII, сыну Изабеллы. Таким образом, повидимому, закончился цикл революций. Недавно королевство мадридского государя было ограничено с севера другим королевством, границы которого часто менялись, сообразно с поворотами военного счастья, и которое занимало почти все Баскские провинции, половину Наварры, часть Арагонии и Каталонии. По странной насмешке судьбы, вполне, впрочем, объясняемой историею Испании, монарх «милостью Божиею», неограниченный властитель, «ответственный лишь перед своею совестью», собирал депутатов своего народа и клялся соблюдать

1 В настоящее время на Кубе и на Филиппинских островах опять вспыхнуло восстание. *Ред.*

его фуэросы и вольности, тогда как король конституционный более года обходился без всякой конституции и управлял по усмотрению своих советников. Ныне при регентуре королевы-чужестранки, партии наблюдают перемирие, признаваемое всеми как временное. Нынешний правительственный механизм состоит из двух палат. Согласно конституции 1876 года, члены палаты депутатов, по одному на 35.900 жителей, выбираются на пять лет избирательными коллегиями, а сенат состоит, во-первых, из пожизненных членов, числом не более 181 (принцы крови, гранды, высшие сановники государства, и 123 сенатора, назначаемых короной) и во-вторых, из 180 членов, избираемых государственными корпорациями и гражданами, 130 платящими наибольшую сумму налогов. Король назначает президента и вице-президентов сената. Он может распустить, одновременно или отдельно, палату депутатов и выборную половину сената, с условием повелеть приступить к новым выборам в продолжение трех месяцев. Он имеет право отказать в утверждении законов, вотированных парламентом. Министерство состоит из девяти членов.

Правительственные перевороты, быстро следовавшие один за другим, были для нации не более как переменою декораций, потому что деятельность как республиканских, так и монархических «канцелярий» мало изменялась во время политического кризиса. Несмотря на все ухищрения бюджета, казна находится в состоянии постоянного банкротства; для уплаты государственного долга недостало бы всех ежегодных доходов, и недавно одни военные расходы превышали весь приход. Налоги были преобразуемы лишь в смысле их увеличения; тысячи маленьких недвижимостей были проданы за недоимки; рекрутский набор, столь ненавистый испанцам, потребовал более людей, чем прежде.

Испанский бюджет на 1896-97 г.: доходы 773.766.261 песет; расходы 757.765.657 песет; чрезвыч. расходы 236.344.883 песет, вся сумма долга в 1896 г. 5.941.459.300 песет; платежи по долгу на 1896-97 г. исчислены в 314.991.533 песет.

Разделение политическое и административное осталось в том виде, как оно было определено декретом 1841 г. Испания делится на 49 провинций, со включением Канарских островов. Каждая из этих провинций управляется гражданским губернатором и подразделяется на округи, от 6 до 7 средним числом в каждой провинции. Общины управляются алькадами (*alcades*) или мэрами, при содействии муниципальных советов, или *ayuntamientos*, состоящих от 4 до 28 членов, смотря по значению общины, и вновь избираемых каждые два года. В больших городах алькады имеют помощников или товарищей (*alcades tenientes*). Судебная администрация устроена по образцу Франции: судебная иерархия состоит из 9.400 мировых судей, по одному на общину, около пятисот судов первой инстанции, 15 апелляционных судов и одного верховного суда, находящагося в Мадриде. Но междоусобная война и осадное положение, в котором, оффициально или нет, находится вся Испания, придают разделению страны в военном отношении гораздо большее значение, чем в гражданском и судебном. Континентальная часть государства разделяется на 12 генерал-капитанств: Новую Кастилию, Каталонию, Арагонию, Андалузию, Валенцию и Мурцию, Галицию, Гранаду, Старую Кастилию, Эстремадуру, Бургос, Наварру и Васконгадские провинции. Балеарские, Канарские о-ва, Куба, Пуэрто-Рико и Филиппинские о-ва образуют пять отдельных генерал-капитанств, подразделяющихся на военные округа. Главные крепости континентальной Испании: Сан-Себастьян, Сантонья (Сантандер), в Бискайской губе: Ферроль, Корунья, Виго на rias Галиции: Циудад-Родриго на португальской границе; Кадикс и Тарифа при входе в Гибралтарский пролив: Малага, Алмерия, Картагена, Аликанте, Барцелона на Средиземном море; Фигуэрас, Пампелуна и Сарагосса у выходов пиренейских дорог. Большая часть древних крепостей, сооруженных маврами или христианами во времена их столетних распрей, ныне обращены в присутственные места или казармы. Сеговия, Авила, Толедо и города юга имеют каждый свой альказар (al-kasr), господствующий над низкими домами своими треснувшими, хотя по виду грозными башнями. Все испанцы обязаны служить в армии, за исключением тех, которые представят заместителя; казна, почти всегда пустая, не могла пренебречь откупом от службы для удовлетворения своих самых настоятельных по-

требностей. Ежегодный контингент рекрутов определен в 80.000 чел. и меняется сообразно с ходом политическим; но декретами было иногда созываемо под знамена даже до 100.000 человек.

Наличная действительность испанской армии в 1895 году:

	Офицеров.	Нижн. чинов.
Генералов и главн, штаб	475	-
Пехота	6.688	45.697
Кавалерия	1.360	13.139
Артиллерия	963	8.386
Инженеры	425	3.399
Телеграфная бригада	7	226
Всего	9.318	70.829

Сюда не вошли корпуса жандармский и пограничной стражи (карабинеры).

В Испании, как и в Неаполитанской области, время призыва рекрут всегда совпадает с увеличением разбойничества. Взятый по неволе, солдат охотно вступит во всякое *pronunciamiento* и будет драться против правительства, принудившего его вступить в службу. Время службы продолжается семь лет в кавалерии и артиллерии, а в пехоте восемь лет, из которых пять лет служат в линейных войсках, а три года в провинциальной милиции. В армии Полуострова считается около 200.000 человек; 90.000 служащих в действующей армии и около 110.000 в резерве. Прежде армия Кубы состояла по меньшей мере из 60.000 человек, из которых ежегодно погибала четвертая часть на войне и от болезней. Гарнизоны Пуэрто-Рико и Филиппинских островов в обыкновенное время состоят соответственно из 3.300 и 10.000 чел.

Испанский военный флот силен: он состоял в 1895 году из 44 больших судов (не считая малых) в 186.964 индикаторных сил, с 635 пушками, при 1.002 офицерах, 725 механиках, 14.000 матросах, 9.000 морских солдат. Общее же число военных судов в 1894 г. равнялось 95, не считая транспортных, вестовых и т.п. Главные морские арсеналы находятся в портах Картагена, Ферроль и Корунья.

Дворяне ныне не пользуются уже никакими привилегиями. Они, вероятно, относительно многочисленнее, чем в остальных странах Европы, потому что целые населения, в Баскских провинциях, в Астурии, хвалятся, что в их жилах течет «благородная» кровь. В 1787 г. в королевстве насчитывалось 480.000 дворян, кроме женщин и детей, так что если это отношение сохранилось с тех пор, то в настоящее время три милл. испанцев могут причислять себя к *hidalgos*. Испанских грандов, которые, по обычаю, остаются с покрытою головою в присутствии короля, около 1.500 человек; из них 200 первого класса; однако не всем им этот титул принадлежит по рождению. Многие разночинцы, пользуясь бедностью казны или жадностью министров, получали звание грандов. Орден «Золотого Руна», учрежденный Филиппом Добрым, представляет знак отличия, которого более всего добиваются европейские принцы и дипломаты.

Религия государства—католическая, апостольская и римская; прелаты пользуются здесь большими привилегиями. В больших городах исповедания не-католические более или менее терпимы, благодаря вмешательству иностранных держав; но отправление их обрядов должно быть совершаемо частным образом, и всякое приглашение участвовать на них посторонним считается незаконным; по одному из параграфов конституции, «нация обязывается поддерживать культ и служителей римско-католической религии». Число испанских протестантов доходило в 1887 году до 6.650. Надзор за школами принадлежит исключительно церкви; театральные пьесы подлежат духовной цензуре. Число священников в 1884 г.: 32.435 в 62 епархиях; монахов: 1684 в 161 монастырях; монахинь 14.592 в 1.027 монастырях. Хотя со времени реставрации монархии, монастыри были также восстановлены, но монашеские ордена слабо представлены. Прежде Испания была страною, наиболее населенной монахами и монахинями, сравнительно с числом светских жителей. В конце прошлого века духовенства в королестве было более 250.000 душ, из них 71.000 монахов и 35.000 монахинь; в 1787

году, число инквизиторов, обязанных наблюдать за чистотою веры и наказывать ересь, простиралось до 2.705. В ту же эпоху число купцов не превышало 34.000, следовательно, в семь раз меньше числа служителей церкви. В 1835 г. революции, войны и общественные реформы значительно уменьшили число духовных; однако население монастырей все еще было свыше 50.000 душ. Затем последовала первая мера для уменьшения числа монашествующих, при чем было закрыто около тысячи монастырей. В следующие годы были изданы более радикальные законы против монастырей и относительно монастырских имений; в 1869 г. в Испании не было ни одного монаха; последние из них, именно из картезианского монастыря в Гранаде, должны были оставить страну. По странной игре судьбы, они приютились в Бельгии, в той стране, где три столетия тому назад испанцы силою водворили господство прелатов. С постановлением монархии, духовные конгрегации начинают расцветать в стране.

Административная иерархия в Испании состоит из 9 архиепископств и 43 епископов. Архиепископства находятся: в Толедо, резиденции примаса Испании, Бургосе, Гранаде, Сантьего, Сарагоссе, Севилье, Таррагоне, Валенции и Вальядолиде.

Следующая таблица, составленная по новейшим приблизительным статистическим данным, представляет численность населения различных испанских провинций, соединенных в естественные области:

ПРОВИНЦИИ	Пространство провинции в квадратных километрах	Народонаселение провинции по переп. 31 дек. 1887 г.	Население километрическое по провинциям
Кастилия, Леон, Эстремадура			
Мадрид	7.989	682.644	86
Авила	7.882	193.093	24
Бадагос	21.894	481.508	22
Бургес	14.196	338.551	24
Кацерес	19.863	339.793	17
Циудад-Реаль	19.608	292.291	15
Куэнка	17.193	242.462	14
Гвадалахара	12.113	201.518	17
Леон	15.377	380.637	25
Паленция	8.434	188.845	22
Саламанка	12.510	314.472	25
Сеговия	6.827	154.443	23
Сориа	10.318	151.530	15
Толедо	15.257	359.562	24
Вальядолид	7.569	267.148	35
Замора	10.615	270.072	25
Андалузия			
Алмейра	8.704	339.452	39
Кадикс	7.342	429.872	58
Кордова	13.727	420.728	31
Гранада	12.768	484.638	38
Гуэлва	10.138	254.831	25
Хаэн	13.480	437.842	32
Малага	7.349	519.977	71
Севилья	14.063	544.815	39
Валенция и Мурсия			
Альбацета	14.863	229.105	15
Аликанте	5.660	433.050	76
Кастелон-де-Плана	6.465	292.437	45
Мурция	11.537	491.436	43
Валенция	10.751	733.978	68

ПРОВИНЦИИ	Пространство провинции в квадратных километрах	Народонаселение провинции по перепи. 31 дек. 1887 г.	Население километрическое по провинциям
Балеарские острова			
Балеары	5.04	312.593	62
Каталония и Арагония			
Барцелона	7.690	902.970	117
Герона	5.865	306.583	52
Гуэска	15.149	255.137	17
Лерида	12.151	285.417	23
Таррагона	6.490	348.579	54
Теруэль	14.818	241.865	16
Сарагосса	17.429	415.195	24
Наварра, Бискайя и Логроньо			
Алава	3.045	92.915	30
Гвипуцкоа	1.885	181.845	96
Логроньо	5.041	181.465	36
Наварра	10.506	304.122	29
Бискайя	2.165	235.659	109
Сантандер, Астурия и Логроньо			
Коронья (Корунья)	7.903	613.881	78
Луго	9.881	432.165	44
Орензе	6.979	405.127	58
Овиедо	10.895	595.420	55
Понтеведра	4.391	443.385	101
Сантандер	5.460	244.274	44
Во всей Испании	504.517	17.560.352	35

Испанские колонии находятся во всех частях света. Не считая Канарских островов, которые сравнены с континентальными провинциями, и presidios или тюрем каторжников на марокском берегу, Куба «Перл Антильских островов» и его сосед Пуэрто-Рико остались во власти испанского правительства; наконец, в других местах океана, Испания владеет островами Фернандо-По и Аннобон близ берегов Гвинеи, и на востоке Азии, Филиппинскими, Палаоскими, Марианскими и Каролинскими, которые Германия пыталась недавно отнять у неё. Испания заявляет также притязания на западную Сахару, где кочуют только несколько племен берберских и арабских.

Материк	Колонии	Пространство, кв кил.	Народонаселение, жителей	
Америка	Куба	118.833	в 1894 г.	1.631.696
	Пуэрто-Рико	9 315	,, 1887 г.	813.937
	Канарские острова	7 624	,, 1887 г.	291.625
Африка	Сахара западная	120.000	,, 1887 г.	25.000
	Фернандо-По, Аннобон	2.088	,, 1887 г.	30.000
	Владения в Гвинее	20.000	,, 1877 г.	100.000
	Сеута и Пресидион	66	,, 1887 г.	15.799
	Филиппинск о-ва, Соулу.	300.000	,, 1887 г.	7.000.000
Океания	Каролинские и Палогоские острова	1.450	,, 1887 г.	36 000
	Марианские острова	1.140	,, 1887 г.	10.172
		580.516		1.954 229

Глава XIII Португалия.

I. Общее обозрение.

Португалия представляет одну из самых малых европейских держав, хотя в продолжение короткого исторического периода она была могущественнейшим государством. По пространству, она меньше многих губерний Европейской России и даже, при столь незначительном протяжении, довольно скудно населена, если не считать её северной части, принадлежащей к наиболее густо населенным странам континента,

Пространство Португалии, с островами, 92.346 квад. кил.

Народонаселение в 1893 г. 5.368.000 ж.

Население на 1 квад. километр: 58,2.

С первого взгляда может показаться, что Португалия, по своим географическим условиям, непременно должна была войти в состав одного иберийского государства, заключающего все запиренейские области: однако Португалия почти всегда существовала отдельно от Испании, и это обстоятельство не зависит ни от игры случая, ни от хода исторических событий. Прежде всего надо заметить, что португальская часть берега почти прямолинейна; она отличается крайним однообразием очертаний и совершенно разнится от испанских берегов. Направления ветров, течения, климат, фауна и растительность одинаковы на всем лузитанском берегу, и потому народы, их населявшие, должны были привыкнуть к одинаковому образу жизни, одинаково мыслить и сплотиться в одно политическое тело. Португалия понемногу соединилась в одно независимое государство из частей лузитанского прибрежья: королевство формировалось последовательно, от одной речной долины до другой, от Дуро,—Дуэро испанское—до Миньо и Таго, от Таго до Гвадианы, «со ступеньки на ступеньку», по выражению географа Коля; затем государство португальское было временно уничтожено и опять восстановилось тем же путем. Полоса земли, одинаковой ширины, отделившаяся от общей массы Иберийского полуострова, чтобы соединить свою судьбу с судьбой прибрежной области, тоже была заранее ограничена характером почвы и климатическими условиями. В целом, этот пояс образован склонами испанских плоскогорий, понижающихся уступами к берегу океана. Естественная граница обильных дождей, приносимых западными ветрами на холмы и горы Португалии, точно совпадает с границею между обоими государствами: с одной стороны атмосфера влажна, дожди часты, леса в изобилии: с другой—безоблачное небо над высохшею землею, обнаженные скалы, безлесные равнины. Изобилие дождей на португальском склоне быстро увеличивает объем рек, спускающихся с внутренних плоскогорий; в Испании—они были незначительными речками, загроможденными камнями; в Португалии они являются многоводными, даже судоходными реками. Естественные границы судоходности рек Миньо, Дуро, Таго, Гвадианы, полагаемые ущельями и порогами, находятся близ политической границы. Все эти причины до некоторой степени объясняют, почему Португалия, отделившись от Испании, приняла форму правильного четырехугольника. Подобно тому как кристалл, выделяясь из раствора, ограничивается правильными, определенными гранями, так и Португалия отделилась от остальной части Полуострова, приняв почти прямолинейные границы. Превосходно расположенный порт Лиссабона служил, так сказать, ядром этой кристаллизации. В нем развилась особая сила, независимая от той, которая притягивала к Толедо или Мадриду весь остальной Полуостров. Живая, деятельная часть огромного иберийского тела вырвалась из тяжелой массы Испании, которая была слишком медленна для того, чтобы поспеть за её движением.

Как нередко случается с пограничными народами, подвластными разным законам и часто вооружаемыми друг против друга по капризу их государей, большая часть португальцев и испанцев долго были проникнуты чувством взаимной ненависти. Старинные путешествен-

ники рассказывают, что на многих португальских гостиницах красовалась вывеска: «Смерть кастильцам!» и что во многих местах первый лузитанский дом, по переезде чрез границу, был украшен статуэткою, делающей жест презрения по адресу испанцев. Песни, легенды, поговорки и сама история свидетельствуют о вражде, существовавшей между этими соседями. В этой слепой ненависти, португалец, как более слабый, воодушевленный более горячим патриотизмом, выказывал настоящую ярость; испанец, как сильнейший, относился больше с презрением. *Portugueses pocos y locos!*—«Сумасшедший маленький народец», говорит про португальцев кастильская поговорка. Когда иберийский союз, желаемый небольшим числом людей, наперед принимаемый индифферентами, сделается неизбежным, вследствие экономических интересов, когда торговля и промышленность восторжествуют над границами,—эта политическая федерация установится не без борьбы и столкновений.

Португалия была, несомненно, обитаема еще во времена до-историческия—найденные Рибейрой и Беллучи в миоценовой формации, у подошвы горы Редондо, обделанные кремни дали некоторым антропологам повод думать, что человек здесь поселился еще в третичном веке. В эпоху, когда отложился озерный аллювий, содержавший эти каменные орудия, страна имела субтропическую флору, климат её был теплее, чем в остальной Европе. Во всяком случае, исследованием найденных в долине Тахо, близ Сальватерры и Мугена, горок морских раковин, подобных датским доисторическим кучам кухонных, отбросов, положительно доказано, что к началу следующего за третичным периода в стране существовала раса людей, вероятно, *долихоцефалов*, как берберы Африки. Эта раса, к которой позднее примешалась другая, брахицефальная, имела крайне слабое развитие. Оставленные ею кремни не имеют ни той тонкости в выделке, ни того разнообразия, как остатки каменного периода во Франции и Бельгии. После неолитового периода, Португалия также имела свой бронзовый век.

По свидетельству древних писателей, первоначальный этнологический элемент, составляющий португальское население, почти тот же, что в пограничных испанских провинциях; некоторые корни слов свидетельствуют также о существовании здесь народов, родственных племенам Бретани. Древняя Лузитания была населена кельтическими и иберийскими племенами, которые долго успешно боролись против римских войск. Однако, эти племена, по берегам, должны были измениться под влиянием колонистов греческих, финикийских и карфагенских; гораздо сильнее повлияли на них римляне, которые ввели свой язык, свою администрацию, правительственные и судебные формы. Латинское давление было наиболее продолжительно, особенно в северных областях; сравнительно с этими завоевателями, северные варвары, свевы и вест-готы, оставили по себе лишь слабые следы. Магометане различных происхождений, в свою очередь, завладевшие страною, также содействовали значительному изменению в крови и нравах обитателей. Именно в Альгарве, где владычество мусульман удержалось до половины тринадцатого столетия, население на-половину мавританское, и некоторые обычаи бывших властителей сохранились до наших дней: во многих глухих деревнях женщины ходят с закрытым лицом, как африканские мавританки. Многочисленные крепости, виднеющиеся на вершинах холмов, старинные охранные стены напоминают, вместе с легендами, об ожесточении, с которым велась племенная и религиозная борьба в этой стране.

Подобно испанским королям, португальские государи, по наветам инквизиции, изгнали из своей страны всех подданных не католиков. Против мавров карательные меры были неумолимы: но в преследовании евреев были периоды отдыха. Тысячи испанских евреев, спасаясь от рабства и смерти, поселились в Португалии, близ испанской границы, и, благодаря наружному обращению в христианство, образовали в изгнании значительные общины. И теперь существует множество следов древнего израильского населения, особенно, как говорят, в окрестностях Браганцы и во всей области Трас-ос-Монтес, хотя все некрещенные евреи, племя энергичное и умное, выселились из страны и распространили свою промышленность, предприимчивость и познания в различных частях Европы и Востока. Известно, каким

влиянием пользовались и теперь еще пользуются португальские евреи в Голландии, Франции, Великобритании. В эпоху изгнания, они были писателями, врачами, законоведами, равно как и главными спекулянтами в Португалии; они основали в Лиссабоне академию, откуда выходили образованнейшие люди королевства: первая книга в Португалии была напечатана евреем. Спиноза, этот честный, великий мыслитель, был родом португальский еврей.

В состав португальского типа входят не одни только арабский, берберский и еврейский элементы: в нем замечается также весьма сильная примесь негритянского элемента, особенно в Альгарве и больших городах. Прежде чем чернокожие из Гвинеи стали вывозиться во множестве на американские плантации, торговля ими уже была весьма деятельна: тогда африканские невольники продавались в южных портам Испании и Португалии. Португальский историк Дамиаон Гоэс определяет число негров, ввезенных в Лиссабон в течение шестнадцатого века, около двенадцати тысяч ежегодно, не считая мавров. В каждом буржуазном доме прислуга состояла из негров и негритянок. В конце прошлого столетия цветные жители составляли еще пятую часть населения Лиссабона; когда они отправлялись процессиею в церковь их покровительницы. Атарайской Богоматери, построенную на холме противуположного берега Таго, путешественник мог подумать, что он находится в Африке. Невозможно, чтобы путем скрещиваний не вошли в состав португальского населения некоторые из этих этнологических элементов разнообразнейших племен тропической Африки. Однако, многочисленные свидетельства говорят о большой смертности, постигавшей африканцев, вывезенных в Европу, и обыкновенное отвращение одной расы к другой делали браки между ними довольно редкими. Большая часть скрещений, имевших место в последнее столетие, происходили косвенным путем. Города португальские имеют многочисленные колонии бразильцев и португальцев, долго живших в Бразилии. Расовое предубеждение не существует в южно-американской Лузитании, и смешение крови там обычное явление: это в особенности чрез посредство Бразилии совершается соединение одной расы с другой. Впрочем, португальцы, благодаря их южному климату, легче колонистов остальной Европы привыкают к климату Бразилии, Индии и южной Африки. Воздержность португальских колонистов составляет вторую причину их сравнительно легкой акклиматизации.

В настоящее время из чужеземцев—галицийцы оказывают наибольшее влияние на население: они приходят в большом числе в Лиссабон и другие португальские города, и делаются булочниками, носильщиками, сторожами, мажордомами, лакеями. Из всех испанцев они более всех похожи по происхождению на португальцев. Вообще они мало смешиваются с остальными обитателями, тем более, что над ними насмехаются за их грубый язык и неотесанность: несмотря на то, колонии галисиян беспрерывно разростаются, и, вместе с тем, увеличивается их влияние на окружающее население: кроме того, довольство, которым они всегда пользуются, благодаря их воздержности и экономии, заставляет забывать об их происхождении. Смешение всех этих разнообразных элементов не всегда производило красивую породу. Тем не менее, между португальцами встречается очень мало калек и расслабленных, и большинство женщин отличается красотою цвета лица, блеском глаз, обилием волос, малостью и изяществом ноги, живостью физиономии, грацией манер. Наиболее красивые португальки—это женщины из Авейро и соседних деревень, встречаемые тысячами в Лиссабоне и занимающиеся солением и продажею рыбы; особенно восхищаются их гордою осанкою, изяществом походки, благородством черт лица.

Путешественники очень хвалят приветливость, услужливость и природную доброту португальских поселян, еще неиспорченных привычками торговых людей: хотя за границею они слывут за варваров, по воспоминанию об их поступках в завоеванных странах Индии и Нового Света, тем не менее большинство португальцев отличается деятельным доброжелательством и сочувствием к страждущим. Они любят игру, но никогда не ссорятся; любят также бои быков, однако всегда насаживают пробки на рога быков, так что животное сохраняется для следующего примерного боя. В противоположности своим соседям, испанцам, пор-

тугальцы хорошо обращаются с домашними животными и даже отличаются искусством приручат диких зверей. На берегах Гвадианы они воспитывают каменную куницу, которая употребляется против крыс и змей. В сношениях между собою португальцы кротки, предупредительны, вежливы: сказать лузитанцу, что он «не деликатен»,—значит оскорбить его самым чувствительным образом. Многие удивляются также изящной форме их разговорной речи, хотя и слишком церемонной; до последнего времени их катихизис дополнялся книгою приветствий и познаний детской и добронравной учтивости. Португальские крестьяне, выгодно отличаясь в этом случае от галицийцев, говорящих труднопонятным патуа, отличаются вообще замечательною чистотою произношения и легкостью выражения для столь мало образованного народа. Хотя они большие говоруны, даже болтуны, однако всегда следят за своими выражениями. Португалия произвела великих ораторов, и один из её поэтов, Камоэнс, стоит на-ряду с самыми знаменитыми. Но страна эта не имела художников в тесном смысле слова, потому что кроме мифического Гран Васко, которого неизвестно даже месторождение, в Португалии не было ни живописцев, ни скульпторов, ни архитекторов. Камоэнс сам в этом признается: «Наша нация, говорит он, первая по своим достоинствам. Наши мужчины доблестью превосходят других мужчин; наши женщины прекраснее всех других женщин; мы отличаемся во всех искусствах мирных и военных, кроме искусства живописи».—Многие суеверия, например, вера в духов и влияние небесных светил, сохранились еще в некоторых частях Португалии, так же как многие старинные народные обычаи, особенно относящиеся к свадебным церемониям; в Миранде, напр., религиозному обряду предшествует единоборство между женихом и невестой, в присутствии толпы.

Язык португальский очень похож на кастильский по корням и общей конструкции, но он не так богат и звучен. Слова очень часто «потрошатся» выпусканием согласных л, жи, н (*l, j, n*) между двумя гласными; кроме того, они притупляются в окончаниях, нередко оканчиваются носовыми звуками и усложняются шипящими, к которым иностранцы с трудом привыкают. Зато у португальцев нет гортанных звуков испанского языка. Историки высказали мнение, что французский язык принимал значительное участие в образовании португальского. По их предположению, герцог Бургундский, получивший Португалию в ленное владение, в конце двенадцатого столетия, и французские рыцари, помогавшие ему в войнах против мавров, передали народу свое иностранное произношение и обороты речи. Но гипотеза эта мало вероятна, тем более, что в округе Порто, именно там, где утвердились французы, португальское произношение наиболее подходит к испанскому. Причину той или другой формы языка надо искать в умственном движении, происходящем в среди самого народа. Впрочем, косвенное влияние французского языка было значительно, вследствие тесных отношений, существовавших между Францией и Португалией), до тех пор пока испанская политика Людовика XIV обратила эту страну против Франции. В течение многих столетий португальцы имели обыкновение посылать во французские школы тех молодых людей, которых они впоследствии полагали сделать учителями собственных школ. Таким образом большое число студентов посещали французские университеты, и в 1526 году была учреждена «португальская коллегия», присоединенная к коллегии Святой Варвары. Наконец, влияние современной журналистики и обычай пользоваться, при преподавании, почти исключительно французскими руководствами ввели в португальский язык целые сотни французских слов. Что касается португальских слов, вошедших во французский язык, то Франциск Мишель таковых насчитывает только пять, но они встречаются десятками в европейском патуа в Сенегамбии и Пондишери. Арабские слова, употребляемые исключительно для обозначения предметов, введенных в страну маврами, и для фактов, перешедших от них же, не так многочисленны в португальском языке, как в испанском; но лузитанцы, подобно испанцам, продолжают клясться, не сознавая того, мусульманским богом: *Oxala* (*Ojala*), «да будет угодно Аллаху!», часто говорят они. Быть может также, что некоторые фаталистические народные поговорки перешли от старых властителей Португалии. Из бразильских наречий перешли сотни слов в язык португальских завоевателей и проникли также в европейский лузитанский язык.

Португальцы, представляя незначительный по численности народ в сравнении с сотнями миллионов людей, населяющих Европу, в настоящее время имеют весьма малое значение в судьбах мира. В один исторический момент они были первыми по торговле; своею предпри-

Типы португальскихъ крестьянъ.

имчивостью они превосходили все остальные народы. Испанцы, правда, разделяли с португальцами славу великих открытий пятнадцатого столетия; однако, португальцы первые, после венецианцев и генуэзцев, сделали возможными эти открытия, усовершенствовав море-

плавание; они перестали плавать около берегов и пустились в открытое море; точно также, один португалец, Магеллан, первый предпринял кругосветное плавание, оконченное лишь после его смерти. Подобное первенство более не повторится. Силы уравновешиваются между народами; стремление к равенству географического значения является в различных странах, вследствие возрастающей легкости средств для торговли и сообщений. Португалия не может надеяться снова занять то место, которое она занимала некогда среди других наций: но её природные богатства, разумно утилизируемые, и выгоды её положения на оконечности континента достаточны для обеспечения за нею в будущем одного из наиболее почетных мест.

II. Северная Португалия, долины Миньо, Дуро и Мондего.

Португальские горы связаны с орографической системой остальной части Полуострова; однако, они не представляют простых предгорий, постепенно понижающихся к морю; они являются вполне обособленными кряжами с характерными формами и своеобразными очертаниями. Индивидуальность Португалии выражается в рельефе её гор, так же как и в истории её народа. В целом, горные группы, возвышающиеся в северо-восточном углу Португалии, к югу от долины Миньо, могут быть рассматриваемы, как внешняя плотина древнего озера, некогда занимавшего все верхния равнины Старой Кастилии. От Пиренеев до сиерры Гаты горы шли непрерывною массою, и их раздробление на отдельные цепи произошло в относительно недавний период времени от разрушающего действия потоков. Однако, главный пролом, брешь р. Дуро, не мог быть сделан без преодоления огромных препятствий. Река, ниже своего слияния с Эслою, встречает стену португальских плоскогорий и принуждена на сотню километров идти вдоль её основания, прежде чем отыскать слабый пункт, через который она убегает к Атлантическому океану.

Самый северный кряж Португалии, находящийся между течением Миньо и Лимы, удачно выбран политическою границею между двумя нациями, так как гора Гавиарра, или *Outeiro Maior*, «Большой Холм», с её крутыми утесами, возвышающимися над лесным поясом, господствует как над сиеррою Пеньягаш, лежащею к востоку со стороны Испании, так и над португальскими высотами, заканчивающимися на западе холмами Санта-Луциа. Непосредственно к югу от ущелья, в которое Лима вступает при выходе из Испании, возвышается другой утесистый горный кряж, гребень которого, направленный с юго-запада к северо-востоку, служит границею между обоими государствами: это сиерра Герец, горная область, до того беспорядочная, что подобной ей в этом отношении нет на всем полуострове, кроме знаменитой серраниа де-Ронда. Хотя эта сиерра ниже Гавиарры, тем не менее ее можно считать продолжением главной цепи Кантабрских Пиренеев; гранитные скалы, ее составляющие, и направление различных групп вершин, следующих одна за другой на северо-востоке, через провинции Орензе и Луго, до пика Миравалес, ясно доказывают, что серра Герец составляет продолжение большой Пиренейской цепи: все остальные горные группы, которые, под различными названиями, ветвятся лабиринтом в провинции «За-горной», *Tras os Montes*, представляют высоты второго разряда в сравнении с серрою Герец. Впрочем, они кажутся еще ниже, чем на самом деле, потому что лежат на плоскогории от 700 до 800 метров средней высоты: во многих местах их можно принять за простые холмы. Гранитные вершины их, почти все круглые, не имеют тех изящных форм, которые принимают песчаники и сланцы, трахиты и базальты. Живописность Миньо заключается не в величественном виде гор, но скорее в прелести долин с их прозрачными источниками, кристальными ручьями.

Большие пограничные горы Гавиарра, Герец, Ларуко походят на Галицийские горы по контрасту различных флор, которые, повидимому, не должны бы встречаться в одном и том же поясе. На склонах этих гор ботаники находят странную смесь растительности французской, даже немецкой с пиренейскою, бискайскою и равнин португальских. Самые южные вершины, именно серра Мараон, вдаются выступом, между рекою Дуро и её большим прито-

ком Тамегою, защищая Порто с его округом от северо-западных ветров, слишком холодных зимою и слишком жарких летом; эти высоты почти лишены древесной растительности, так как их склоны повсеместно обнажены. Равным образом, сланцеватые плоскогорья, которые тянутся к востоку, господствуя над долиною верхнего Дуро, утратили свои леса: здесь, между виноградниками, виднеются лишь темные массы выветрившихся утесов. Древняя фауна диких животных частью исчезла из этих стран, подобно прежней флоре: но волки еще многочисленны и составляют предмет ужаса для пастухов; они наиболее встречаются в области гор, называемой серра Амарелла или «Желтая сиерра». Горная коза (*carpa aegagrus, hispanica*) встречалась стадами в серре Герец в конце прошлого столетия; современные путешественники говорят, что она еще не вывелась. Вероятно, присутствию этих диких коз обязаны своим названием серра Кабрера, горы, откуда вытекает Ава, к северо-востоку от Браги и Гвимарайеса.

Если серру Герец можно рассматривать как оконечность пиренейской системы, то величественная серра Эстрелла, возвышающаяся между Дуро и Таго, может считаться западным продолжением ряда цепей, образующих срединный хребет Полуострова между двумя кастильскими плоскогорьями. Но, подобно сиеррам Гвадарама, Гредос, Гата, «горы Звезды» (Эстрелла) ясно обособлены и связываются с остальною частью системы одним только горным порогом, глубоко изрытым водами. Сиерра Гата, проникая в Португалию на подобие плоскогорья, принимает на этом основании название *las Mesas* (Столов) и возвышается неявственными цепями серры Гардунга, серры Морадель, между Зезерою и Таго. Длинный ряд гранитных утесов Эстреллы, более уединенной и более грандиозной, чем все эти второстепенные кряжи, подымается пологим скатом над холмистою областью, на которой берет свое начало Мондего и различные притоки Таго и Дуро. С этой стороны доступ к горам не труден: это *serra mansa*, «кроткая гора»; напротив, с южной стороны, над долиною Зезеры, склоны круты и малодоступны: это *serra brava*, «дикая гора». По соседству с главною вершиною Мальгайо (Мальяо), встречаются живописные озера, расположенные уступами, подобно пиренейским «озеркам» и «морским глазам» Карпатов. Эти озера,—называемые также *Olhos marinhos* (морские глаза),—доставляют матерьял для различных легенд, к которым присоединяют имена маврских эмиров, а также Вириатуса, сделавшего из серры Эстреллы свой последний оплот против римлян: по народному поверью, эти озера находятся в сообщении с морем, участвуют в его приливах и бурях и, подобно ему, скрывают громадные сокровища в своих водах. Озера и водопады подали повод к названию «кувшинами» многих гор этого хребта: действительно, они представляют резервуары источников, никогда не иссякающие, благодаря западным ветрам, всегда приносящим дожди.

Верхние склоны серры Эстреллы покрыты снегом в продолжение четырех месяцев в году, и некоторые глубокия впадины сохраняют его даже летом. Серра Лузайо, продолжающая к юго-западу Эстреллу, получает зимою столько снега, что снабжает им лисабонские кафе. Последними выступами Лузайо заканчивается орографическая система Эстреллы. Высоты и холмы Эстремадуры, тянущиеся на юго-запад, принадлежат к особой геологической формации; они состоят главным образом из юрских пластов, одетых с севера и юга меловыми слоями. Вообще все эти мелкия серры и те, которые возвышаются на плоскогорье Бейра-Альта, к югу от глубокой впадины, где протекает Дуро, могут быть лишь в самых общих чертах причислены к «карпето-ветоническому» хребту полуострова.

Высоты различных гор Португалии, к северу от Таго:

Утейро-Маиоръ (Гавиарра) 1.441 метр.; серра Герец 1.442 метр.; Ларуко 1.580 метр.; серра Мараон 1.422 метр.; Мальяо да-серра (серра Эстрелла) 1.993 метр.; Браганца 684 метр.; Ламего 1.514метр.; Кастелло Бранко 1.468метр.

Горы Бейра и промежуточные между Дуро и Миньо получают ежегодно весьма значительное количество влаги, потому что находятся под влиянием морских ветров и противупассатов, насыщенных парами экваториальных морей. Дожди выпадают в изобилии на склоны этих гор, но не внезапными, сильными грозами, как в тропических странах, а про-

должительными сильными ливнями. Облака льют дождь чаще всего зимою и весною; однако, дожди бывают и в другие времена года. Кроме того, в устьях долин и по прибрежью до широты Коимбра, часто бывают туманы. Случалось, что в этом городе ежегодное количество дождевой воды достигало нескольких метров, как на западных берегах Шотландии и Норвегии. Только некоторые тропические страны в Индии и Новом Свете орошаются такими обильными ливнями. Кроме того, нужно заметить, что на востоке Лузитанских гор Эстреллы, Монтемура, Мараона, Гереца, климат значительно суше прибрежного и скатов, обращенных к морю. Воздух океана теряет, на самом деле, значительную часть своей первоначальной сырости, подымаясь по скату гор, чтобы затем спуститься в противоположные долины. В узкой долине трансмонтанского Дуро, в которой дожди менее обильны, чем в Порто, большая сухость воздуха сейчас же замечается по изменению растительности: дубы с опадающей листвой сменяются дубами с листвой постоянной, и лес на минуту опять принимает характер, свойственный лесам сухих областей к югу от Таго.

Температура северной Лузитании: Коимбра (по Коэлло).

Средняя 16°, 15°,22 (Пери). Зима 11°,24. Весна 17°,25. Лето 20°,50. Осень 17°,40.

Месяц самый холодный (январь) 10°,7. Месяц самый жаркий (июль) 20°,8.

Порто (по Пери):

Средняя 15°,66. Зима 10°,6. Весна 14°,8. Лето 21°,0. Осень 16°,2.

Месяц самый холодный (январь) 10°,1. Месяц самый жаркий (август) 21°,3.

Средняя дождей: Порто 1.523 милим. в 115 дожливых дней; Лисабон 769 милим. в 138 дней.

Это огромное количество влаги в воздухе, эта паровая ванна, в которую погружена северная Португалия, обусловливает значительную равномерность климата. В Коимбре разность между самым теплым и самым холодным месяцами едва достигает 10 градусов. Сильные стужи бывают только на плоскогориях, где дует северный ветер, а почти невыносимые жары—в глубоких впадинах, где воздух не имеет свободного движения: такова, напр., лощина, на дне которой протекает верхний Дуро; у подошвы скал, отражающих солнечные лучи, человек чувствует себя как в печи. Но если не брать во внимание этих исключительных температур, то в общей сложности климат северной Лузитании вполне умеренный. Вообще, судя по виду лесов, лугов и полей, северная Португалия принадлежит более к полосе центральной Европы, чем к Средиземноморской. Пальма вовсе не растет в Португалии к северу от долины Таго, разве в садах; зато маслина, апельсинное дерево, кипарис составляют здесь приятный контраст с деревьями Франции.

Характеристическое дерево северной области—морская сосна, встречающаяся на всем побережья значительными лесами, и южную границу которой составляет река Садо, разделяющаяся две метеорологические области. Действительно, к югу от реки климат слишком сух для произрастия морской сосны, требующей известной сырости; в Сетубале, по Баррос-Гомесу, испарение, производящее превосходную соль этой местности, на одинаковой поверхности, в восемь раз больше, чем в салинах Авейро, в центре пояса морской сосны.

Другим следствием крайней влажности воздуха и часто выпадающих дождей является изобилие текущих вод. Камоэнс и за ним множество других поэтов прославляли красоту окрестностей Коимбры, орошаемых рекой Мондего, прелесть водопадов, прозрачность источников, струящихся по скалам, покрытым коврами зелени. К северу от Мондего, Вуга, впадающая в приморские пруды Авейро, затем различные притоки Дуро, а по другую сторону этой реки, Ава, Кавадо, Нейва, Лима протекают также среди роскошнейших полян, где красота пейзажа увеличивается горными утесами. Лима не единственная река этой страны, которая, по рассказам Тита Ливия, могла заставить римских солдат позабыть об их отечественных реках и заслужить от них название греческого источника Леты. Все остальные реки северных провинций имеют столь живописные берега, что, если бы не слишком частые дожди, там приятно было бы и жить, и умереть. Лима, называемая испанцами Лимиа, находится еще в периоде геологического развития. Другие реки уже опорожнили свои озера на плоско-

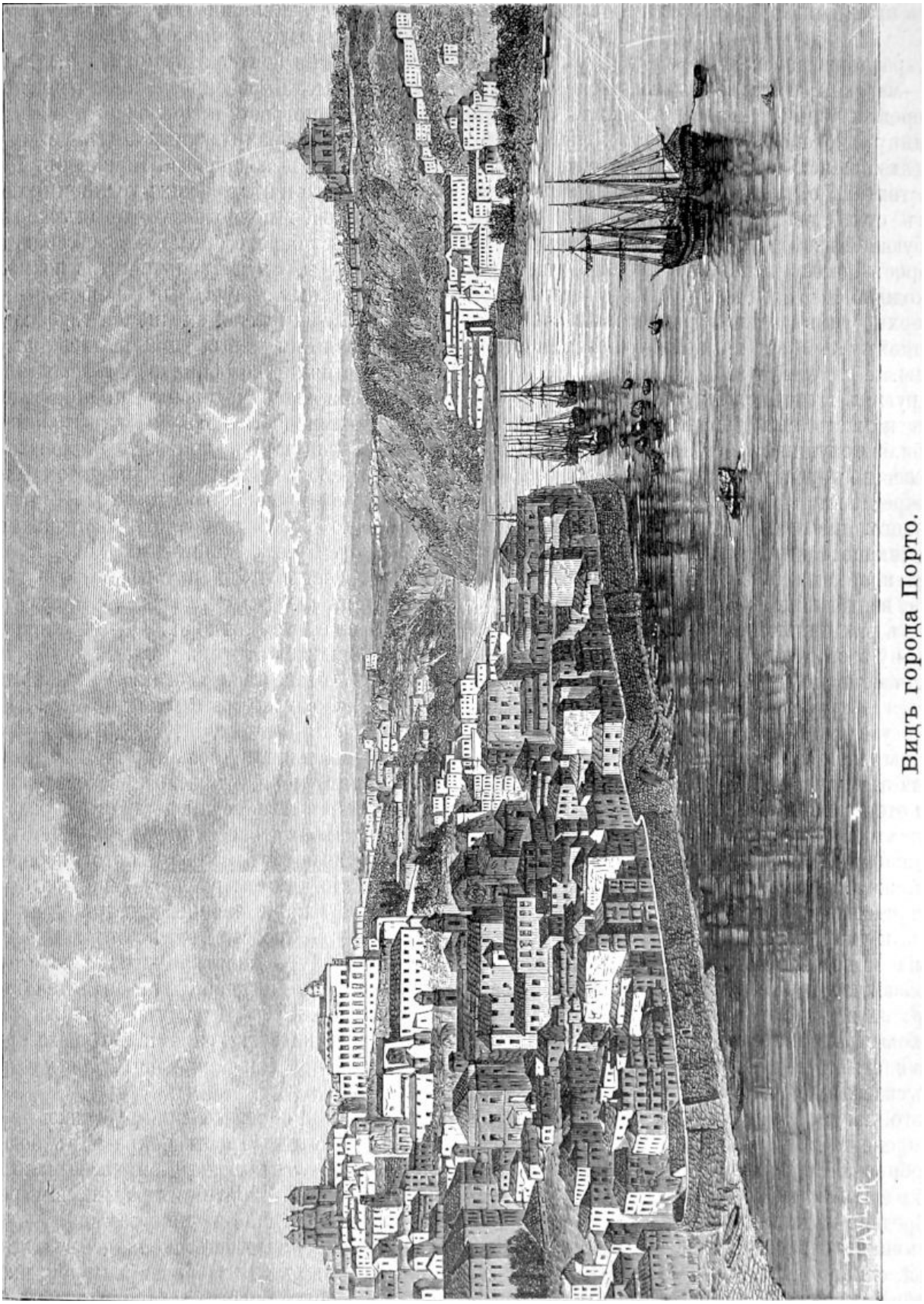
горьях, где собралась вода их верховьев. Лима, которую с запада задерживала плотина из скал, еще не унесла излишек вод своего первоначального бассейна: огромное болото, лагуна Беон или Антела, напоминает те времена, когда обширное внутреннее море, подобное Женевскому озеру, наполняло свой прекрасный цирк среди гор.

Среднее падение португальских рек слишком значительно, а пороги, загораживающие их устья, слишком опасны, чтобы эти реки могли приобрести важное значение как судоходные пути. Все они, правда, имеют свои гавани; но, за исключением Дуро, который катит воды шестой части Иберийского полуострова, ни одна из этих гаваней не может служить местом вывоза для обширных внутренних округов, и потому ни одна не имеет серьезного значения для общей торговли страны. Берег всей северной Португалии, значительно отличаясь от прибрежья Галиции, изрезанного заливами, *rias*'ами и бесчисленными безопасными бухтами, тянется длинными отмелями, весьма опасными, когда дует морской ветер; моряки не без основания боятся этих отмелей. От устья Миньо до мыса Карвоенро, на пространстве около 300 километров, прибрежная полоса походит на берега французских ланд, между устьем Гаронны и подошвою Пиренеев. Кроме мыса Мондего и нескольких уединенных возвышенностей, у подножия которых скопляются пески, весь берег представляет лишь длинные штранды, с правильными изгибами: все первоначальные береговые неровности, все разнообразные бухты, входившие глубоко между основаниями гор, прикрылись полосою песку, постоянно возобновляемою волнами, которые собирают матерьял, приносимый реками, и сами добывают его из гранитных скал Галиции. В конце ледникового периода, преобразовавшего Западную Европу во вторую Гренландию, долины Португалии уже давно освободились от своих льдов, тогда как берега Галиции и Астурии были еще погребены подо льдом; оттого аллювий сделал свое дело на юге, а на севере оно далеко еще не кончено. Общий характер страны свидетельствует, что вся глубокая долина Вуга была некогда заливом, разветвлявшимся глубоко внутрь страны; но с одной стороны морские отложения, с другой—речные наносы выполнили большую часть древнего внутреннего моря. С геологической точки зрения, бассейн Авейро представляет разительное сходство с бассейном Аркашона. Воды его, подобно водам всех рек этого побережья, чрезвычайно богаты рыбою; Дуро представляет самую южную европейскую реку, в которую заходит лосось. В некоторых частях испанского Дуро животная жизнь дотого изобильна, что, по пословице, в нем течет «не вода, а уха». Губа реки Дуро и пляжи северного берега кишат крабами, которых крестьяне покупают или сами ловят, для удобрения своих земель.

Подобно прибрежью французских ланд, прямолинейный берег Бейра-мар большею частию окаймлен дюнами, нанесенными морским ветром. За этими дюнами, внутренния пресные воды, мало-по-малу заменяя соленые воды древних заливов, скопились в виде прудов, вредных для здоровья жителей; их берега, подобно берегам стоячих вод юго-западной Франции, покрыты вереском, папоротником, ежевикою, великолепным дроком, от 6 до 10 метров вышиною, между тем как соседние леса состоят из пробкового дуба и сосен. Благодаря однородности геологических формаций, вся растительность носит одинаковый характер. В прежния времена португальские дюны были подвижны и надвигались на возделанные внутренния поля, но мысль укрепить эти дюны посредством растений явилась в Португалии еще раньше, чем во Франции. Со времен короля Диниза «Земледельца», с начала четырнадцатого века, песчаные холмы перестали двигаться: сосновые леса закрепили их. Дюны Авейро соперничают в вышине с дюнами Гаскони; одна из них только на 3 метра ниже Трюктрюкской, самой высокой из всех дюн европейских. Пока еще неразъясненный геологами факт представляет существование крупных камней в лесках некоторых португальских дюн, тех, которые находятся южнее, между Виейра и Педрогано: они содержат целыми «гнездами» куски кварцитов толщиною в кулак или даже в голову. Каким образом эти тяжелые предметы могли быть перенесены с движущимися песками на высоту до 35 метров?

Население возделываемой части бассейнов Миньо и Дуро весьма многочисленно, сравнительно с пространством земли. В провинции, заключающейся между обеими реками, населе-

ние даже гуще, чем в соседней провинции Понтеведра, самой многолюдной во всей Испании. Если бы Франция имела такую же относительную населенность, как провинция Минью, то в ней было бы около 75 миллионов жителей. Для того, чтобы прокормиться на столь



Видъ города Порто.

тесном пространстве, северные португальцы должны работать очень усердно; и действительно, их провинция—наилучше возделанная на Полуострове. Это объясняется, впрочем, еще тем обстоятельством, что большая часть земледельцев собственники или, по крайней мере,

foreiros, т.е. вечно пользующиеся землею за ничтожную аренду в несколько франков, платимую владельцу по праву. Почти все крестьяне лично заинтересованы в эксплоатации земли и могут передавать свои участки одному из детей, вознаграждающему своих братьев и сестер известною суммою денег, установленною законом.

Благодаря такому распределению земли, почти все низменные части северной Лузитании возделаны, как сад. Линк констатировал, что с прошлого столетия число зажиточных крестьян возрастало пропорционально уменьшению роскоши монастырей и объема больших поместий: в провинции Миньо нередко можно встретить крестьянок, которые, подобно фрисландкам и богатым сербским женщинам, носят на себе целый ларец драгоценностей, преимущественно золотые ожерелья в мавританском стиле. В 1846 г., во время бунта, вызванного увеличением податей, одна энергическая женщина, Мария да-Фонте, стала во главе горцев, и вскоре все население севера взялось за оружие. Жители этой страны придумывают очень остроумные способы для орошения верхних склонов скалистых холмов; во многих местах сооружения для розысков ключевой воды представляют целые подземные галлереи. Многие горы, изрезанные террасами, следуя преданиям арабов, орошаются самым тщательным образом и превращаются в искусственные луга. Эта замечательная любовь к труду соединяется у северных португальцев с высокими нравственными достоинствами. По всеобщему свидетельству, жители этих стран—лучшие во всей Португалии по кротости характера, веселому нраву и радушию; неудивительно, что Педро Иво, Бенто Морено и другие новейшие рассказчики любили брать их за героев своих *деревенских историй*; Жиль Виценте, Антонио Престес и другие комические авторы также искали вокруг Эстреллы и на берегах Мондего типов и персонажей, олицетворяющих национальный характер во всем, что в нем есть наиболее приятного. Относительно танцев и пения, они, по выражению одного писателя, настоящие Феокритовы пастухи. Нередко какой-нибудь молодой человек состязается в стихах с товарищем, и тот отвечает ему импровизованными рифмами. Говорят, что прежде эти крестьяне разыгрывали еще духовные мистерии. Крауфорд находит у туземцев этих округов черты, физиономию и нравы восточных народов.

В настоящее время самую важную отрасль земледельческой промышленности в северных провинциях составляет культура винограда и приготовление вин, известных под общим названием вин Порто (портвейн). В горных странах севера виноградную лозу разводят в огороженных плетнях и аллеях, где она обвивает свои ветви вокруг дубов, виргинских тополей и каштанов; в других местах ее поддерживают посредством latadas, серых гранитных столбов, которые образуют длинные колоннады, напоминающие ряды колонн в Карнаке. Вино, добываемое из этих лоз, слишком прикрытых, остается «зеленым», т.е. кислым, и в народном наречии получало название «дурного скрипача» или rascante. Главная область виноградников, обыкновенно называемая *Paiz do Vinho*, занимает обнаженные, некрасивые склоны холмов к северу от Дуро, между двумя большими его притоками Тамегою и Туа; эти холмы, состоящие из черноватых, выветрившихся сланцев, летом подвержены всей силе солнечных лучей, а зимою охлаждаются суровыми северными ветрами и иногда бывают покрыты снегом; но, кроме этой области, производящей тонкия вина, на всем протяжении страны возделываются виноградники обширными участками: лучшие вина получаются из местности между Корго и Туа. В конце семнадцатого столетия округ верхнего Дуро был очень мало обработан, и жители его слыли за самых бедных; все вина, называемые портвейном, получались тогда с берегов нижнего Корго. Англичане не успели еще оценить вин этих областей, и Лиссабон сбывал им в изобилии все вина туземного изделия, которые до тех пор приходились им по вкусу. Виноградники Дуро получили некоторое значение лишь после договора, заключенного лордом Метуэном в 1703 г. С тех пор слава сухих вин Порто не переставала возрастать; привилегированная компания, основанная маркизом Помбаль и несколько раз преобразовывшаяся после того, была учреждена специально для продажи вин и покровительства культуры винограда; город Поцо-де-Регоа, расположенный на берегу Корго, в воронкообразном углублении между высокими холмами, прославился своими винными ярмарками, на которых сделки, совершенные в какой-нибудь час времени, имели следствием ра-

зорение или обогащение негоциантов; наконец, на левом берегу реки, против холма, на котором расположен Порто, возник целый город, состоящий из погребов и складочных магазинов. Уже более столетия портвейн, настоящий или фабрикованный, и, впрочем, всегда сильно сдобренный спиртом, составляет одно из неизбежных вин каждого английского стола. Поэтому почти весь сбор виноградников Дуро отправляется или прямо в Англию, или в британские колонии и Соединенные Штаты; до 1852 г. лучшие сорта, так называемые «вина фактории» (*vinhos de feitoria*), могли быть отправляемы только в Англию. Капская колония, английские владения в Индии, Гонконг, Австралия, Новая Зеландия—все получают значительный запас этих вин через Англию, между тем как Франция, покупающая за последние годы много вин из Бейры и Эстремадуры, непосредственно вывозит всего только от 7 до 8.000 гектолитров портвейна, да и то низшего качества. Бразильцы и бразильские португальцы, после англичан,—лучшие клиенты Порто; Германия занимает третье место по важности покупок. Надо заметить, что португальские виноградники производят весьма незначительную часть напитка, продаваемого под именем «портвейна»: высчитано, что в годы плохого сбора винограда мировое потребление, так называемого, «вина из Опорто» в пятьдесят или шестьдесят раз превосходило его действительное производство.

Производительность португальских виноградников до мильдиу (1853 г.) была 4.800.000 гектолитров. Производство в Альто-Дуро, в 1884 г., после мильдиу и филлоксеры 828.665 гектолитров. Производство во всей Португалии в 1892 г. 4.500.000 гектолитров. Производство во всей Португалии в 1894 г. 1.500.000 гектолитров. Вывоз в Англию в 1882 г. 143.283 гектолитров. Вывоз в Бразилию в 1882 г. 137.620 гектолитров. Вывоз в Германию в 1882 г. 12.955 гектолитров. Вывоз всего в 1882 г. (морем) 316.950 гектолитров. Средний итог с 1872 по 1882 гг. 294.178 гектолитров. В 1894 г. всего вывезено вин на 9.742.000 мильрейсов.

В эти последние годы филлоксера произвела значительные опустошения в области Дуро. Поверхность приблизительно в 15.000 гектаров потеряла свои виноградники; однако, вследствие распространения, которое приняла культура виноградной лозы с появлением этого бича, продолжающего распространяться, общее производство виноградников значительно возросло, и Порто отправляет ныне более вин, чем прежде. Но в торговле этого города происходит важная перемена. Тогда как прежде Англия и Бразилия ежегодно покупали старые вина и высшего качества, ныне торговля по преимуществу обращена на покупку простых вин.

Разведение мулов, которым успешно занимаются горцы в Трас-ос-Монтес, тоже представляет источник значительных доходов для северных провинций, так же, как и откармливание быков, замечательно красивых животных, которых ввозят из пограничных испанских провинций, чтобы затем отправлять их в Англию. Вывоз скота из Порто в Англию, в 1882 году, простирался до 22.415 голов. Кроме того, португальцы занимаются разведением скороспелых плодов для рынков Лондона и даже Рио-Жанейро. Что касается собственно мануфактурной деятельности, особливо мелкой, то она приобрела значительное развитие в этой части Португалии, начиная с средних веков; присутствие множества англичан, умеющих искусно пользоваться доходными источниками страны, значительно подвинуло вперед фабричную промышленность. Состояние мануфактурной деятельности в области Порто в 1881 году было: 556 заведений, занимающих 63.104 человек, стоимость произведений: 57.208.765 франков. Порто имеет много прядильных хлопчато-бумажных, шерстяных и шелковых фабрик, металлургических и сахарных заводов; его ювелиры и соседнего города, Кондомар, золотые мастера и перчаточники пользуются известностью. Однако, возделывание земли, промышленность, законная торговля и наконец контрабанда, производимая в обширных размерах на границах округа Браганца, недостаточны для прокормления всего населения; страна, слишком густо населенная, должна высылать ежегодно тысячи эмигрантов, которые, подобно их соседям галлегосам, отправляются искать счастья в Лиссабон, или даже по ту сторону океана, в Пару, Пернамбуко, Багию, Рио-Жанейро, на бразильские плоскогорья. Благосо-

стояние Бразилии создано и поддерживается смелыми колонистами, выходящими главным образом из бассейнов Миньо и Дуро: хотя бразильцы косо смотрят на них, однако, они суть истинные производители богатств американской Португалии. Большая часть эмигрантов из Миньо и Трас-ос-Монтес, отправляющихся в Бразилию в числе от десяти до двадцати тысяч ежегодно, садятся на корабли либо в Виго, либо в Лиссабоне; сам же Порто имеет лишь маловажное значение, как эмигрантский порт. Прежде, когда путешествие еще не было облегчено железными дорогами, земледельческие рабочие севера, отправлявшиеся в Лиссабон, шли многочисленными артелями, под предводительством старшины, или *capataz*, следуя, от гостиницы до гостиницы, по проторенному пути. Жители округа Вианна ходят на заработки преимущественно в качестве штукатурщиков и каменщиков. Некоторые округи населены почти исключительно женщинами; половина мужчин на отхожих промыслах.

Жители верхних провинций не только пользуются привилегиею беспрерывно обновлять кровь южных португальцев и их заморских родичей,—они же дали государству и политическое его положение. Именно Порто-Кале, бывший на том месте, где теперь находится предместье Вилланова-де-Гайя, против города Порто, сообщил свое название всем португальским областям, вместе взятым; в Ламего, расположенном на возвышенности, господствующей с юга над глубокою долиною Дуро, кортесы провозгласили в 1143 г. Португальское королевство, судя по преданию, более или менее вероятному. Порто был первоначально столицею нового государства, как Брага некогда была столицею свевских королей; когда, после короткого владычества испанцев, страна вновь приобрела политическую независимость, на престол были избраны герцоги Браганцские, из Трас-ос-Монтес, жившие по большей части в своем замке Вилла-Висоза в Алемтехо. Хотя прекрасное местоположение Лиссабона и его центральное положение обеспечивают за ним выдающуюся роль, тем не менее, в случае каких-нибудь переворотов, инициатива действии часто исходит из Порто. Замечено, что успех национальных революций и шансы партий зависят в особенности от образа действий энергичных населений севера. Они вполне самостоятельны и не повинуются Лиссабону, не обсудив предварительно его распоряжений; поэтому Порто получил название «строптивого города». Если верить самим *Portuenses*, то они стоят гораздо выше своих соперников *Lisbonenses* по энергии и нравственным силам; они одни являются достойными потомками тех португальцев великого века, которые странствовали по морям в поисках неизвестных стран; во всяком случае, они отличаются от жителей столицы более решительною поступью, более короткою речью и более открытым взглядом. В народном языке жители Порто и Лиссабона получили прозвища *tripieros* (питающиеся требухой) и *alfasinhos* (питающиеся лактуком).

Порто или Опорто, т.е. «Порт», представляет естественную метрополию всей северной Португалии и второй город королевства по торговле и населенности; в промышленном отношении он занимает первое место; приблизительно треть его жителей живет промышленностью. С берегов Дуро, имеющего в этом месте не более 200 метров, Порто является живописно раскинутым двумя амфитеатрами. Два холма, на которых он расположен, разделены узкою долиною, наполненною зданиями; на холмах возвышаются с одной стороны собор, с другой—высокая, изящная колокольня *dos Clerigos* (священников), служащая путеводным пунктом для моряков, которые подходят с океана к устью порта. Внизу расстилаются широкия щеголеватые улицы, вытянутые по прямым линиям, но очень дурно вымощенные; прекрасные площади, похожия на существующие во всех современных городах, прорезывают правильными четыреугольниками этот торговый и промышленный город; по склонам холмов тянутся к верхним кварталам крутые, извилистые улицы и даже лестницы. Порто имеет высшие школы наук и искусств, музеи, библиотеки и ученые общества. Студентов в разных школах, политехнической, медицинской и проч., в 1883-1884 г. было 879, в промышленном институте в том же году 1.223 воспитанника. По левому берегу реки тянется, в виде длинного предместья, город фабрик и складочных магазинов,—Гайя; в его погребах, как говорят, находится средним числом до восьмидесяти тысяч пип, т.е. четыреста тысяч гектолитров, вина. Оба города, прежде соединенные маленьким висячим мостом, теперь связаны друг с

другом железною аркадою с отверстием в 172 слишком метра. Эта колоссальная арка, одна из замечательнейших построек новейшей индустрии, поддерживает два моста, нижний раздвижной, соединяющий обе набережные на высоте 12 метров над меженным уровнем воды, и другой большой, перекинутый с одного холма на другой; верхний мост имеет в пролете 391 метр. длины и проходит на высоте 62 метров над рекой. В двух километрах выше по реке, железная дорога из Лиссабона в Порто проходит по другому железному мосту, подобной же конструкции, построенному несколькими годами ранее, но немного меньшему. По берегам Дуро и господствующим над нею террасам тянутся прекрасные бульвары, откуда видна живописная панорама реки, с её длинными извилинами, с плывущими по ней судами и рядами вилл и дач, которые отражают в водах *azulejos* или синеватые изразцы своих фасадов. Вдали, на холмах, виднеются старинные монастыри, сторожевые башни, деревни, полускрытые в зелени; таково, между прочим, селение Авинтес, расположенное на холме южного берега Дуро, к юго-востоку от Порто, и славящееся красотою своих женщин; как рыбачки, они отправляются ловить рыбу в открытое море. Они ежедневно приносят в город *broa*, или маисовый хлеб, broya беарнцев, играющий важную роль в пище жителей Порто; обыкновенный хлеб получается из Валлонго, лежащего километрах в пятнадцати к северо-востоку от Порто.

Со стороны моря, оба родственные города, Порто и Гайя, продолжаются в виде предместий по направлению к устью реки, которого современем, вероятно, и достигнут, когда новые пути сообщения с внутреннею Испаниею будут доставлять на рынки нижнего Дуро более значительный матерьял для торговли. Вход в реку не безопасен. При низком стоянии воды порог имеет не более 4 метров глубины; кроме того, устье очень узко, и соседния скалы угрожают опасностью проходящим судам. Наконец, в самой реке суда от четырехсот до пятисот тонн, идущие к пристаням Порто и Гайя, должны остерегаться еще одной опасности, именно—половодья; после сильных дождей, когда река вздувается в своем узком русле, часто разрываются кабельтовы и волочатся по дну якоря. Следовательно, порт р. Дуро, торговое движение которого, постоянно возрастающее, доходит до 100 миллионов, соперничает в торговой деятельности с портом реки Таго при очень невыгодных условиях.

Внешняя торговля Порто в 1893 году по ценности: ввоз 13.456.739 мильрейсов; вывоз 11.684.449 мильрейсов. Движение судоходства в его гавани в 1894 году: вошло 992 судна, вместимостью 410.309 тонн;вышло 988 судов, вместимостью 405.506 тонн.

С 1884 года предпринята была постройка порта на морском берегу, непосредственно к западу от Порто, против деревни Лейксоенс, и окончена в 1892 г. Площадь нового порта около 400 гектаров, при глубине более чем достаточной для больших кораблей, от 7 до 15 метров; он ограничен к югу насыпью, длиной в 1.151 метров, к северу и северо-западу плотиною в 1.546 метров, которая соединяется с рядом подводных камней. В порте Лейксоенс в 1894 году было в приходе 408 судов, вместимостью 327.874 тонн; в отходе 404 судна, вместимостью 328.175 тонн.

Городок Сан-Жуан-да-Фоц, незначительная крепость которого сторожит устье реки, имеет маяк, предупреждающий об опасности подходящие суда; но в самом городке нет никакого торгового движения; как и его сосед, Леса, он посещается преимущественно благодаря красоте его окрестностей, чистоте воздуха и соседству сосновых лесов; летом с каждым поездом приезжает сюда множество жителей из Порто; он все более и более делается предместьем этого города. Дачники отправляются также в большом числе на пески Эспиньо, красивой деревни, населенной еще в 1840 году лишь одними рыбаками, промышляющими ловлею сардинок. Множество маленьких гаваней побережья, тянущагося к северу, до испанской границы, подобно Сан-Жуану, обязаны своим торговым движением более посетителям, приезжающим купаться, чем торговым судам. Все речные порты северной Португалии имеют еще меньше воды на баре, чем Дуро, а потому в них производится лишь незначительная каботажная торговля. В устье Миньо самый глубокий проход имеет не более 2 метров при низ-

кой воде, по которому тем не менее ходят сотни рыбачьих судов; вход в реку охраняют укрепленный городок Камилья и «островок», или Insua, замечательный источником ключевой воды. При устье Лимы, представляющем еще более затруднительный доступ, расположен городок, имеющий несколько большее значение, чем городки при устье Миньо; это хорошенькая Вианна-до-Кастелло, приютившаяся среди плодородной поляны, усеянной дачами. При устье Кавадо тоже есть маленький порт,—городок Эспоценде; затем на Аве расположена Вилла-до-Конде, имевшая прежде деятельные верфи; здесь строились узкия, быстроходные суда для торга невольниками; во времена больших экспедиций с целью открытий, увенчавших славою Португалию, все лучшие суда были построены на верфях Вилла-до-Конде.

Свевские населения, почти не смешавшиеся с туземным, говорят, еще удержались внутри этих областей, вдали от приморских портов. Особенно указывают как на германские поселения на две деревни Соажо и Сан-Мигуэль, близ города Аркос-де-Валь-де-Веца, лежащие в боковых долинах Лимы, открывающихся по соседству горного хребта серра де-Герец. Жители этих деревень, рослые и сильные, с голубыми глазами и светлорусыми волосами, как у их предков, сохранили еще в своем португальском патуа несколько слов тевтонских. Соажо была маленькая республика, управляемая «лучшими людьми», *homens bons*, избираемыми всеобщею подачею голосов; должностные лица, назначаемые правительством, не имели никакого влияния: все решения принимались и исполнялись именем коммуны этими «лучшими людьми». Даже в случае совершения преступлений, обыкновенным судам редко доводилось там судить: ни один член коммуны не выдавал другого. «Кто совершил преступление?» спрашивали у них. «Мы все его совершили!» кричали они хором. Они сами наказывали виновного штрафом или изгнанием. Осужденный не имел права более находиться в коммуне; никто не хотел его знать, ему не отвечали на его слова: хотя его не изгоняли, но, покинутому всеми, ему оставалось только бежать. Вследствие отдаленности этих селений, в коммуне Сан-Мигуэль, равно как в Брителло, сохранились еще частью эти старые обычаи, но они исчезнут с появлением первой большой дороги в эти деревни. *Soajenses* (соаженцы), уже в большом количестве переселяющиеся в города, сами собою разрушают эту общинную жизнь.

Между городами, расположенными внутри провинции Энтре-Дуро-э-Миньо, Понте-де-Лима, с римским мостом о тридцати одной арке, издавна славится красотою своих окрестностей; Барселлос, родина Жиль Виценте, так сказать, висит на утесах, господствующих над Кавадо и её тенистыми берегами; Амаранте, известный своими винами и рыбною ловлею, гордится своим прекрасным мостом чрез Тамегу. Самые целебные термальные воды этого края, Кальдас-де-Герец, температура которых достигает 63 градусов, бьют ключом в одной из боковых долин Кавадо, у подошвы скалистых гор, покрытых буками и соснами. В окрестностях Гимаранеса находятся также серные воды, очень посещаемые, которые были известны еще римлянам под названием Aquae Levae. Но из всех городских поселений этой области действительно важное значение, по населенности, промышленности и богатству, имеют два соседние города, Врага и Гимаранес; оба они живописно расположены на холмах, откуда открывается вид на роскошные поляны. Брага (*Bracaraugusta*), бывшая римская колония, столица калланкесов и галицийцев, затем свевов, резиденция древних португальских королей и примаса всего Полуострова, замечательна не одними только историческими воспоминаниями: она представляет также торговый и деятельный промышленный пункт: здесь изготовляются шляпы, шерстяные изделия, оружие, разные резные работы из слоновой кости и дерева, филиграновые изделия тонкой изящной работы, для Португалии, Бразилии и Гвинейских колоний. Недалеко от Браги, на горе Сан-Роман, Сарменто открыл одну citania,—родовое имя, данное в стране постройкам до-римской эпохи,—Цитаниа Британейрос, занимающую около одного квадратного километра и в которой отрыли дома, площади, улицы, кругообразные стены, памятники со скульптурой и надписями, род Помпеи кельтического, как полагают, происхождения, что доказывают остатки посуды, одинаковые с теми, которые находят в долменах; впрочем, многие остатки Цитании, обитаемой еще в римскую

эпоху, дают право предполагать и финикийское происхождение. Гимаранес интересен не менее Браги своими памятниками и средневековыми легендами; в старинном замке, возвышающемся над городом и его башнями, родился Аффонзо, основатель португальской монархии. Здесь показывают у паперти одной церкви священную маслину, выросшую из vavapau, палки крепкой и легкой, с набивными медными наконечниками,—оружие наступательное и оборонительное, которое португальский крестьянин любит не менее баска. Когда Вампа был еще земледельцем, он воткнул в землю свой варапау, который тотчас же пустил корень и ростки, и с тех пор распускаясь из века в век, дает ежегодно плоды,—«наивный символ трудолюбивого народа укоренившагося на своей земле, прицепившагося к утесам и живущего так же долго, как и священная маслина». Гимаранес—весьма промышленный город; в нем находятся фабрики ножевые, разных мелких медных и железных изделий, мастерские столового белья, кожевенные, консервов; англичане всегда запасаются здесь коробочками слив, оригинально изукрашенными.

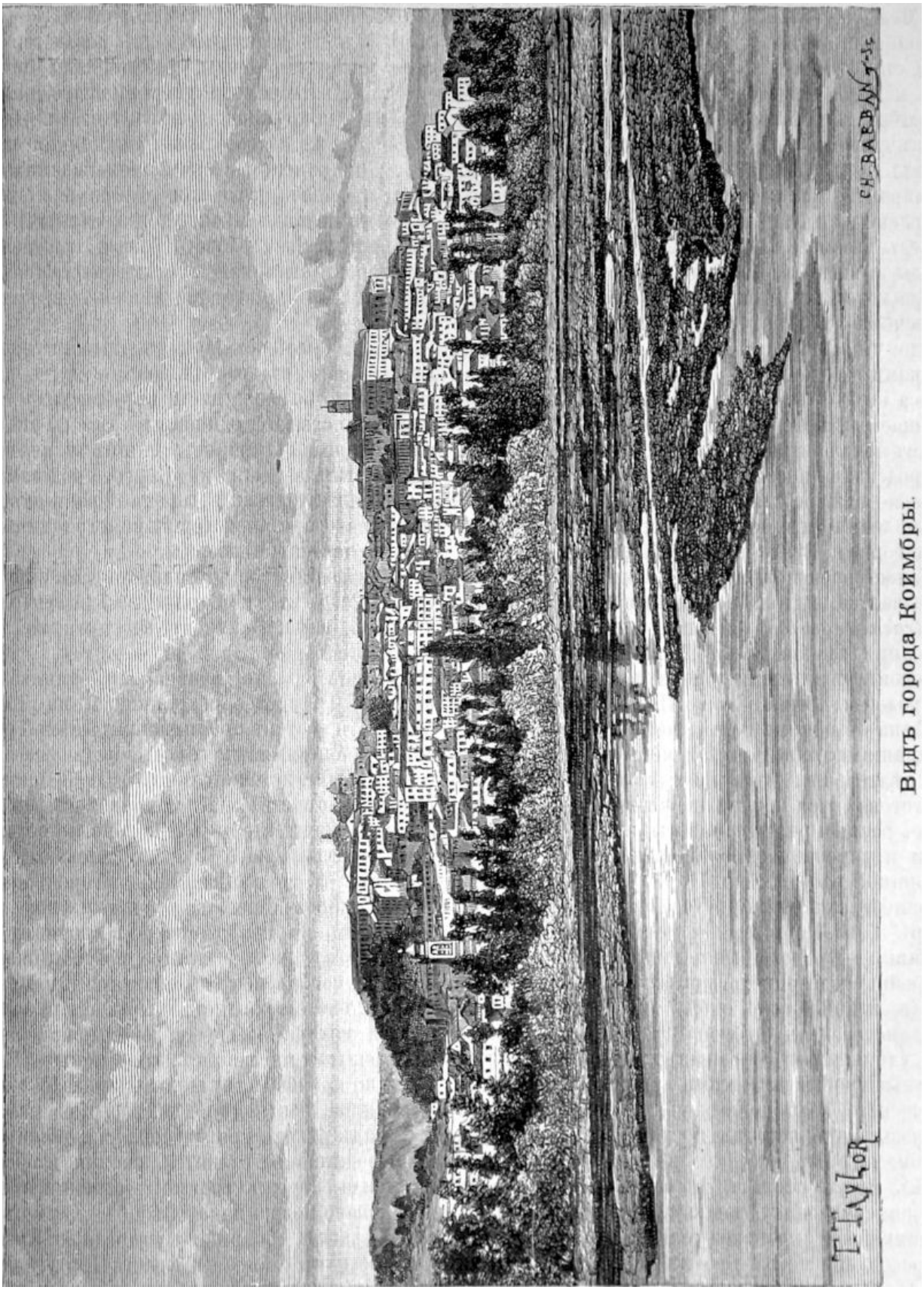
Города Трас-ос-Монтеса, подобно городам Беира-Альта, к югу от долины Дуро, расположены по большей части в областях слишком гористых и слишком удалены от больших торговых дорог, и потому не многолюдны: Вилла-Реаль, на Корго, представляет важнейший торговый город Трас-ос-Монтеса, благодаря окрестным виноградникам, и имеет настоящие дворцы.

Производство виноградников в округе де Вилла-Реал в 1884 году 223.745 гектолитр.; площадь виноградников в том же году: 14.460 гектаров.

Шавес, близ испанской границы, есть древняя крепость, сохранившая, на Тамеге, один из мостов, прославивших век Траяна; во времена римлян город был знаменит термальными источниками (50° до 56°), имя которых (Aquae Flaviae) сохранилось, в искаженной форме, в названии города; воды Видаго, португальского Виши, привлекают много посетителей. Браганца, главный город провинции Трас-ос-Монтес, с прекрасною цитаделью, занимает, в северо-восточном углу королевства, очень выгодное для торговли положение; сообразно с колебаниями таможенного тарифа, она отправляет открыто или контрабандой материи и другие товары из своих складочных магазинов; это—центр Португалии по производству шелка-сырца. К югу от Дуро, живописный город Ламего, расположенный над рекою, против области обширных виноградников, славится своими окороками; Альмейда, страж границы, стоящий против испанского пограничного города Сиудад-Родриго, некогда оспаривал у города Эльваса первенство, как главная крепость Португалии; Гуарда—тоже старинная крепость; Визеу, прославленный подвигами лузитанца Вириатуса в эпоху римского владычества, представляет важное место прохода между долинами Дуро и Мондего: его сентябрьская ярмарка—одна из наиболее посещаемых во всей Португалии. В соборе его находится самая замечательная картина Португалии, мастерское произведение, приписываемое Гран-Васко. Пастухи окрестностей Визеу отличаются красотой и силой; с обнаженною головою и голыми ногами, они имеют дикий вид, хотя, подобно всем своим соотечественникам, весьма вежливы и держатся с достоинством. Округ Визеу занимает одно из первых мест по производству вин.

Коимбра (Куинбра), древний *Aeminium* и преемница римской Конимбрики, расположенная в Беира-Мар, есть самый значительный и населенный город, после двух метрополий —Лиссабона и Порто. Коимбра особенно замечательна своим университетом, одним из старейших в Европе; тысяча или полторы тысячи лицеистов и студентов, число которых прежде было вдвое более, профессора в длинных мантиях, и целый отдельный школьный мир, напоминающий университетские республики средних веков, придают городу своеобразный характер. В Коимбрском университете в 1883-1884 г. было 1.154 студента; библиотека его состояла из 100.000 томов. Здесь говорят самым чистым португальским языком. Коимбра отличается также красотою окрестностей, апельсинными рощами, дачами, рассыпанными в зелени, своим прекрасным ботаническим садом, в котором тропические растения живописно чередуются с растительностью умеренного пояса. На берегу прозрачного Мондего, откуда

виден весь город, живописно расположенный амфитеатром по склону холма, находится *quinta das Lagrimas* (сад Слез), в котором была умерщвлена прекрасная Инеса де-Кастро, впоследствии столь жестоко отмщенная её мужем, Петром Правосудным. Над телом Инесы



Видъ города Коимбры.

нимфы Мондего проливали слезы, превратившиеся в источник чистой воды: так гласит легенда, внушенная, может быть, прекрасными стихами Камоэнса, которые вырезаны на камне, под тенью величавых кедров.

В Европе не много найдется местностей столь очаровательных, как равнины Бепрамар, орошаемыя Мондего, этою «рекою Муз», которая тем более дорога португальцам, что вся протекает на их территории. Одна из деревень, расположенных между Коимброю и морем, носит вполне заслуженное название Формозельа (красотка); соседний с нею город носит имя Кондекса-Нова, которое производят от слова Кондеса, что значит «Корзина Плодов»; трудно придумать удачнее название для этого города: его апельсины превосходны и составляют один из главных предметов торговли для Коимбры; его прекрасно возделанные сады с роями пчел замечательны своею зеленью, цветами и фруктами. На юге, Мирандаде-Корво и Соуре имеют также прекрасные плодовые сады. К северу, в живописной горной группе расположен, замечательный по красоте, древний монастырь Буссако, построенный на террасе среди величественного леса, состоящего из кипарисов, кедров, дубов, вязов; особенно замечательны кедры: одна из папских булл грозила духовными наказаниями каждому, кто повредил бы черенки, вывезенные монахами Сито с Ливана. Широкая дорога, ведущая к монастырю, преобразованному теперь в палаццо для богатых жителей Коимбры, извивается крутыми заворотами в тени густых аллей. У подошвы горы струятся минеральные источники Лузо, которые в последнее время начали привлекать многочисленных посетителей, в особенности благодаря красоте окружающей местности. Пихты Гоа и другие экзотические деревья в первый раз в Европе были посажены в лесу Буссако.

Порт города Коимбры, Фигуэйра-да-Фоц, один из наилучше защищенных портов этого побережья, подобно всем речным гаваням северной Португалии, имеет одно важное неудобство: вход в него загроможден подвижною песчаною мелью. Тем не менее в устье Мондего, на южной стороне которого находятся посещаемые купальни Лавос, заходит довольно значительное количество каботажных судов за фруктами и другими растительными продуктами этой плодородной страны: все вина округа Барраида, производимые в местностях между Мондего и Вугою, даже получили название «Фигуэйрских вин» от порта их отправления, и под этим именем очень ценятся в Бразилии. Железная дорога соединяет теперь этот порт с Коимброй и чрез Саламанку с европейскою сетью. Это ближайший к Парижу португальский порт. На севере, Мира имеет лишь опасный песчаный берег. Два другие, наиболее деятельные порта в стране, Овар и Авейро, расположены в «португальской Голландии», на берегах лагун, отделенных от моря прибрежными дюнами; господствующую там малярию старались ослабить насаждениями евкалиптуса. В средние века и в период великих открытий, при посредстве этих двух городов производилась весьма обширная меновая торговля и рыбная ловля. Авейро имел до ста шестидесяти судов, употреблявшихся для рыбной ловли в больших размерах. Берег, покрытый песком, не выдерживает напора волн и перемещался бы после каждой бури, если бы жители не старались укрепить вход в гавань рядами свай, к основанию которых наносятся течением груды ила; однако, эти укрепляющие средства не всегда достаточны, и фарватер часто перемещается. Прежний проход, называемый Барра-да-Вагейра, находился у южной оконечности длинного внутреннего лимана. В настоящее время проход находится прямо против Авейро; здесь провозится соль, хлеб и фрукты, сплавляемые из внутренних областей по реке Вуге, снабженной каналами. Varinos или Vareiros, моряки Овара, Авейро и соседних с ними Ильяво, Муртоца, главным образом занимаются сбором водорослей, ловлею сардинок, разведением устриц и имеют обширные заведения для солення рыбы; они пользуются репутациею самых храбрых моряков этого берега. Сильные физически, неутомимые ходоки, вариносы в значительном числе эмигрируют в Лиссабон, где они, образуя сплоченную колонию, делаются грузильщиками судов, солельщиками и торговцами рыбы.

Города Португалии к северу от серры Эстрелы, имевшие более 5.000 жителей в 1878 году:

Порто 105.838 (139.856 в 1890 г.) жит.; с Гайя и соседними деревнями 170.000 жит.; Брага 20.260 жит.; Коимбра 16.550 жит.: Повоа-де-Варцин (1890 г.) 12.463 жит.; Овар (1890 г.) 11.002 жит.; Вианна-де-Кастелло 9.250 жит.; Муртоца 9.150 жит.; Ильяво 8.600 жит.: Ламего 8.400 жит.: Гимаранес 8.200 жит.: Визеу 7.250 жит.; Авейро 7.170 жит.; Мира 6.554

жит.: Шавес 6.524 жит.: Соуре 6.219 жит.: Миранда до-Корво 5.855 жит.; Вилла-Реаль 5.525 жит.; Браганца 5.495 жит.

III. Долина Таго, Эстремадура.

Таго своим нижним течением разделяет Португалию на две неравные части, весьма различные по общему виду, почве и климату. В долине этой реки совершается естественный переход от северной Португалии к южной; здесь же, благодаря великолепному заливу, возникла столица государства, один из значительнейших городов мира.

При входе в Португалию, ниже грандиозного Алькантарского моста, Таго, образующий вначале границу между обоими государствами, все еще порожист, быстр и непригоден ни для торгового движения, ни для орошения прибрежных плоскогорий; он протекает около 140 метров выше уровня моря и должен еще пройти через цепь утесов, сквозь ущелье Вилла-Вельа-де-Родан. По другую сторону гор речная долина понемногу расширяется; здесь Таго принимает приток Понсуль, проходящий у подножия холма, на котором стоит древний укрепленный город Кастелло-Бранко; затем, по соединении с Зезерою, берущею начало в серре Эстрелле, выше Ковильи меняет направление, и течет к юго-западу в русле, усеянном островами и песчаными банками. В этой части течения спокойные воды Таго судоходны во всякое время года. Выше селения Сальватерра начинается настоящая дельта; главное русло идет, с правой стороны, вдоль основания холмов, а второстепенное русло принимает слева две реки, Соррайю и Санто-Эстевано, и окаймляет с восточной стороны большой низменный остров Лезириас, почти необитаемый и прорезанный болотистыми каналами. Два рукава, окружающие остров с южной стороны, содержат уже морскую воду; морской прилив два раза в сутки расширяет эти рукава и разливается на далекое расстояние по низменным берегам. Река теряется в обширном лимане Лиссабона, шириною в 18 километров, за которым сохранилось название Таго, но который представляет настоящий залив, с более или менее соленою водою, смотря по тому, бывает ли половодье или низкое стояние воды; уже близ самой северной оконечности этого обширного бассейна, между Сакавемом и Альгандрою, берег окаймлен салинами. Граница между морем и речною водою ясно обозначается: с одной стороны являются глубокия воды, подымающие суда; с другой—быстрое течение по песчаному руслу, которое во время засухи крестьяне переходят в брод, и которое очищается потоком в период половодья.

Таго принадлежит к числу рек, ясно доказывающих, направлением своего течения, стремление текучих вод северного полушария наступать на земли своего правого берега. Прежде Таго нес огромную массу воды, которая смыла часть прибрежных земель в низовье. По конфигурации почвы, видно, так же отчетливо, как на рельефной карте, что потоки пронеслись потопом по землям левого берега и сравняли все его выступы, и что они беспрерывно подвигались вправо, т.е. к северу, чтобы течь вдоль подножия гор и холмов системы Эстреллы. Оба берега Таго представляют тот же резкий контраст, как берега сибирских рек: левый берег, или заТагский (Ален-Тежу)—низовый или луговой; правый, напротив,—крутой, нагорный; с этой стороны находятся крутые скаты, утесы, иногда в несколько сот метров высоты, которые, по их величественному виду, можно даже сравнить с горами.

Небольшая неправильная горная цепь, образующая хребет полуострова, заключенного между Таго и океаном, соединяется с горами Эстреллы изборожденным порогом, через который проходит железная дорога из Сантарема в Порто, и где собираются источники обоих склонов. К югу от Лейрии, холмы, более высокие, служат предгорьями господствующей вершины, Серра-до-Аире или «Горы ветра», откуда виднеются, в виде громадного узорного ковра, зеленеющие поляны, орошаемые Таго, и желтые ланды Алемтехо. На юге возвышается Монте Жунто (Junto), другая выдающаяся вершина гор Эстремадуры; к западу от неё отделяется боковая ветвь, образующая треугольный береговой выступ и соединяющаяся посредством низменного берега с скалистым островом мыса Карвоейро. На этом острове, не

столь грандиозном, как Арджентаро и Чирчелло итальянских берегов, но не менее интересном в геологическом отношении, находится крепость и городок Пениш, где женщины, почти совершенно уединенные от остального мира, занимаются плетением кружев. Маленькая пещера (Furninha) в известковых утесах, на которых построен Пениш, доставила большое количество остатков каменного века, в числе которых найдено было много человеческих костей, намеренно изломанных. Это последнее обстоятельство, подтвердившееся во многих других португальских пещерах, как бы указывает, что жители пещер каменной эпохи были антропофаги. Мыс Карвоейро соединяется подводною мелью с архипелагом Берленга, окруженным неприступными скалами, и с островами Фарильонскими, тоже опасными для моряков. Самый большой из этих островов, Берленга, освещаемый маяком, представляет массу красного гранита, доступного только с южной стороны, и пробитую двумя естественными туннелями. Прежде эти две группы островов составляли одну землю.

Полуостров, съуженный между лиманом Лиссабона и морем, образует целый лабиринт невысоких холмов, представляющих, однако, большие затруднения для сообщений, вследствие узких долин и их ломанных очертаний. В этом лабиринте Веллингтон, во время войны на Пиренейском полуострове, разместил свои знаменитые Торрес-Ведрасские линии, преобразовавшие весь лиссабонский округ в один обширный укрепленный лагерь. К югу от этих холмов, из которых каждый имел свой редут, возвышаются другие холмы. Вся страна повышается до живописных гранитных гор Синтра, воспетых Байроном в Child Harold'e и приобревших такую громкую известность своими дворцами, тенистыми долинами, с цветущими на них голубыми и розовыми гортензиями, фукциями, камелиями, достигающими нескольких метров вышины, своим чудесным климатом и историческими воспоминаниями. К востоку от этих гор, идущих от Лиссабона до Сакавема, на северном берегу лимана, простираются базальтовые площади, выброшенные древними вулканами, по всему вероятию, подозерные, потому что слои мергеля, их покрывающие, содержат большое количество разнообразных земных ископаемых. В нынешнюю геологическую эпоху ни один новый поток лавы не вылился из трещин этих гор, но весьма вероятно, что страшные землетрясения 1531 и 1755 годов произошли от волнения расплавленных масс и газов, заключенных в поверхностных слоях. Первый ряд подземных толчков продолжался восемь дней и разрушил множество зданий. Что касается последнего землетрясения, то его страшные последствия всем известны; кажется, ни одно разрушительное явление природы не производило такого сильного впечатления на умы европейских народов. С первого же подземного удара, продолжавшагося не более четырех или пяти секунд, большая часть Лиссабона лежала в развалинах; более пятнадцати тысяч жителей, даже до тридцати и сорока тысяч, по словам некоторых историков, были раздавлены под развалинами 3.850 зданий; минуту спустя, волна в двенадцать метров высоты ринулась с моря и затопила бегущих, столпившихся на набережной. Один только квартал, Альгама, или Мурариа, древнее местопребывание мавров, избегнул гибели. Пожар, возникший из развалин, уничтожил тысячи домов, уцелевших от землетрясения; среди развалин маркиз Помбаль велел соорудить виселицу, с целию воспрепятствовать грабежам: без энергии этого человека, двор бежал бы, говорят, чтобы перевести резиденцию правительства в Рио-Жанейро. От центра землетрясения, находившагося, вероятно, под самым Лиссабоном или где-нибудь по близости, колебания почвы распространились на огромное пространство, различно определяемое историками ужасной катастрофы; во всяком случае, оно занимало не менее трех миллионов квадратных километров. Порто был наполовину разрушен; гавань Альвор, в Альгарвии, обмелела; стены Кадикса рушились; утверждают также, что все большие города Марокко пали от сотрясения.

Очертания берега и гор «Лиссабонской скалы», на мысе Эспикель, позволяют предполагать, что в геологической древности наружный вид страны претерпевал еще большие изменения. Замечательно правильный береговой изгиб, начинающийся у входа в лиссабонскую гавань, имеет один общий контур, разделенный на две части устьем лимана. Самый пролив, правильнее прорезанный, чем Гибралтарский, имеет вид прямолинейного ущелья, на подобие «корридора», между океаном и внутренним лиссабонским морем; он походит на лощину

между горами Синтра и уединенным хребтом Аррабида, который к северу граничит с бухтою Сетубал и главная масса которого состоит из меловых утесов, подобных утесам северной части полуострова. Весьма вероятно, что обе группы высот составляли часть одной и той же горной системы, и Таго, вливающийся в настоящее время в море через лиссабонский лиман, прежде соединялся с ним посредством лимана Садо, проходя по обширным равнинам третичного происхождения, составляющим почву Алемтехо.

От землетрясения прошлого столетия остались лишь незначительные следы; столица Португалии, хотя и в-половину менее населенная, чем в начале шестнадцатого столетия, вполне восстала из развалин. Даже центральные кварталы, которые были разрушены до основания, заменились рядами правильных зданий, если и не отличающихся архитектурными красотами, то, по крайней мере, имеющими тот холодно величественный вид, который придается симметричностью очертаний и длинною перспективою. Древний город Олиссипо, основанный, по классическому преданию, хитроумным Улиссом, занимает в настоящее время пространство около семи километров на берегу Таго, но если считать заодно с столицею её предместья, идущие к востоку и западу вдоль берега, то пространство, занимаемое городом, будет не менее 14-ти километров, от Посо-до-Биспо до Башни Беллем. С внутренней стороны Лиссабон, который сравнивается с Римом и считается также построенным на семи холмах, заполняет впадины долин и взбирается по холмам на протяжение от 2 до 3 километров; кроме того, город разросся в сторону лимана, после осушения и укрепления наносов, покрывавших мелкое дно моря, и теперь приводится в исполнение общий план улучшения порта, которое значительно расширит его набережные. На месте зловонных болот находится теперь прекрасное место для гулянья, Атерро де-Бона-Виста, которое тянется от Лиссабона к Беллему на пространстве более трех километров. Панорамою города удобнее всего любоваться с лимана Таго или, еще лучше, с южных холмов. Отсюда Лиссабон, с его башнями, куполами, бульварами, представляет действительно очаровательное зрелище, особенно украшаемое картиною реки, с её противоположными течениями, флотами на якоре, парусными и паровыми судами, проходящими по всему порту. При виде этой чудной картины невольно вспоминается испанский поэт Эспронседа, бросивший в Таго последние имевшиеся у него мараведисы. «Не будут говорит, что дворянин входит как нищий в такой славный город!»

Внутренность этой великолепной метрополии,—которая, впрочем, очень нездоровый город, судя по тому, что средняя смертность в ней 1881 по 1885 г., по оффициальным таблицам, была 33,65 на 1.000 жителей,—не соответствует её внешней красоте. Разделенный на две части долиною или «низиною», перпендикулярною к Таго, Лиссабон имеет, в конце её, большую площадь, называемую Прасадо-Коммерсио или Террейро-до-Пасо; широкия, очень оживленные улицы соединяют эту площадь с Роцио или центральною площадью, позади которой открываются прелестные, обставленные домами, аллеи, постепенно подымающиеся к высотам. Это—самая великолепная часть города. Кроме того, в Лиссабоне имеются все здания, входящие в состав организма столицы и большего торгового порта, как-то: дворцы, церкви и собор, биржа и таможня, академия наук, академия художеств, библиотеки (публичная с 300.000, академии наук с 75.000 и дворца Ажуда с 20.000 томов), музеи, ботанический и зоологический сады, театры, лицеи и высшие учебные заведения—институты политехнический, агрономический, медико-хирургический и пр. Но в городе нет особенно замечательных зданий. Знаменитая часовня Иоанна Крестителя, в церкви Сан-Рок,—одна из самых пышных во всем свете. Она была вполне отстроена в Риме и выставлена на время в базилике св. Петра, откуда ее перевезли по частям: колонны, алтарь, пол в этой часовне сделаны из мрамора, порфира, яшмы, сердолика, лазуревого камня. Вне города единственная грандиозная и, по справедливости, знаменитая постройка,—это водопровод, Аркос-дас-Агоас-Ливрес, который снабжает город чистою водою из окрестностей Белласа, километрах в пятнадцати к северо-востоку. Большую часть пути вода проходит под землею, но, подходя к Лиссабону, она протекает над долиною по великолепному мосту с 127 готическими арками, из которых одна, перекинутая через ручей Алькантара и всю его долину, имеет 65 метров высоты. Этот водопровод был построен в царствование Иоанна V, *Rei Edificador*, в первой

половине восемнадцатого столетия. Землетрясение 1755 г. не причинило ему никакого вреда. Водосборная башня, стоящая на холме, к северу от Лиссабона, и оканчивающаяся террасой, с которой виден весь город, получает одновременно воды «Агоас Ливрес» и с 1881 года еще из другого акведука, приносящего целую речку, Алвиелла, ключи или «глаза» которой бьют на севере от Сантарема. Воды «вольныя» (*Agoas Livres*), которые должны были быть доставляемы бесплатно всему городскому населению, ныне оплачиваются потребителями. Некоторые лиссабонские кладбища доминируют, как и водяная башня, над дивной панорамой; на английском кладбище почиет прах романиста Фильдинга.

Если Лиссабон относительно беден интересными памятниками, зато он пользуется неоцененными преимуществами, данными ему природою. Подобно тому, как доброкачественность почвы и климата объясняют главным образом историческое развитие Португалии, так и история Лиссабона тесно связана с его географическим положением. Во-первых, этот город лежит почти в самой середине португальского прибрежья, в том пункте, около которого могли всего лучше сосредоточиться силы страны. Кроме того, Лиссабон обладает превосходною гаванью, доступною для самых больших судов, потому что глубина входного канала всюду превышает 30 метров; она отлично защищена от опасных юго-западных ветров и продолжается более десяти километров выше города: суда проходят в нее с приливом и выходят с отливом. Эта гавань представляет лиман и устье одной из рек полуострова, наиболее годных для торговых передвижений в нижней части течения: барки с местными продуктами страны и большие суда сходятся здесь на одном рейде. Флот, сосредоточенный в лиссабонском порте, не только безопасен от бурь, но, благодаря счастливой конфигурации побережья, он легко может быть защищен от внешних нападений. С обеих сторон, берега выдаются в виде мысов, оставляя для судов узкий проход, окаймленный живописными холмами; ширина этого прохода варьирует от одного до трех километров; берега его обнесены бастионами и фортами. При самом входе в пролив находятся два укрепления, скрещивающие свои огни: одно на северном мысе—форт Сан-Жулиан; другое на островке, находящемся в южной оконечности,—Тур-до-Бужио. Кроме того, в последнее время возведены и другие оборонительные верки, на всех высотах, господствующих над городом.

Впрочем, географическое положение Лиссабона лишь в незначительной степени обусловливает его важное значение относительно остальной Португалии; этим значением он обязан главным образом положению, занимаемому им в отношении к Европе и всему свету. Пока великое историческое движение не выходило из бассейна Средиземного моря, именно в греко-римский период и в течение почти всех средних веков, Лиссабон еще не стоял на одной из больших дорог наций и потому не мог выйти из мрака неизвестности. Но когда Геркулесовы Столпы перестали задерживать мореплавателей; когда итальянские моряки передали свое искусство португальцам, прекрасный порт Таго сделался одним из главных пунктов отправления судов для географических открытий. Лиссабон приобрел значение настоящей европейской обсерватории для исследования морей Атлантического океана. Ни один из городов не представлял, по своему положению, таких удобств для исследователей, которые желали посетить Азорские острова, Мадейру, Канарские острова, или которые намеревались плавать вдоль берегов Марокко, представляющих естественное продолжение португальского прибрежья к югу, и которые стремились, от одного мыса к другому, обогнуть африканский континент. Всем известно, с каким успехом лиссабонские мореплаватели исполнили свое дело; они приобрели отечеству громадные пространства земли, представлявшие значительно большее береговое протяжение, чем окружность всего земного шара. Земли, считавшиеся принадлежностью маленькой Португалии в Африке, Америке, Азии и на островах крайнего Востока, занимали необъятное пространство, о котором никакой географ не мог бы составить точного представления. Подобные завоевания встречаются только в области эпических сказаний; чтобы воспеть их, нужен был Камоэнс; они составляли ту огромную «империю, которую солнце узревало первую, рождаясь, которую оно опять видело в середине полушария и покидало последнею».

Эта эпоха славы недолго продолжалась. Гордый Лиссабон, названный восточными народами «столицею Франков», как будто он был столицею Европы, утратил свое первенствующее значение в конце шестнадцатого столетия. Подавленный страшным режимом Филиппа II, испорченный страстью к роскоши, ослабленный пренебрежением к труду, порожденным употреблением на работы невольников, Лиссабон должен был уступить значительную часть своей торговли своему испанскому сопернику; а голландские мореплаватели отняли у него самые богатые колонии в Америке и Индии: монополия, которою он пользовался более полустолетия, была навсегда утрачена. Однако, несмотря на все эти невзгоды, несмотря на страшное землетрясение, Лиссабон всегда играл видную роль среди торговых городов. Конечно, гавань его далеко не так оживлена, как в Марсели, Ливерпуле или Нью-Йорке, и лес мачт в нем далеко не так обширен, как во времена его процветания, но он вступил в период нового возрастания.

Главный город Португалии сделался центром, в котором сходятся многие линии трансокеанских пароходов; кроме того, он находится в голове сети европейских железных дорог. Непосредственный соединительный путь чрез Саламанку во Францию и остальную Европу сокращает на 480 километров расстояние между Лиссабоном и Парижем. Возрастающее значение Бразилии, с которою Португалия сохранила столько близких связей, не замедлит благоприятно отозваться на благосостоянии бывшей метрополии. Когда эта колония избавилась от уз монополии, Лиссабон, лишенный своей исключительной торговли, считал себя окончательно разоренным; однако, он может ожидать от Бразилии свободной гораздо больших выгод, чем получал от Бразилии порабощенной. Эта заморская страна есть лучший клиент Португалии, потому что в нее уходит половина всех вывозимых из Лиссабона товаров; относительно ввоза Бразилия занимает второе место; ее значительно превосходит в этом случае Англия.

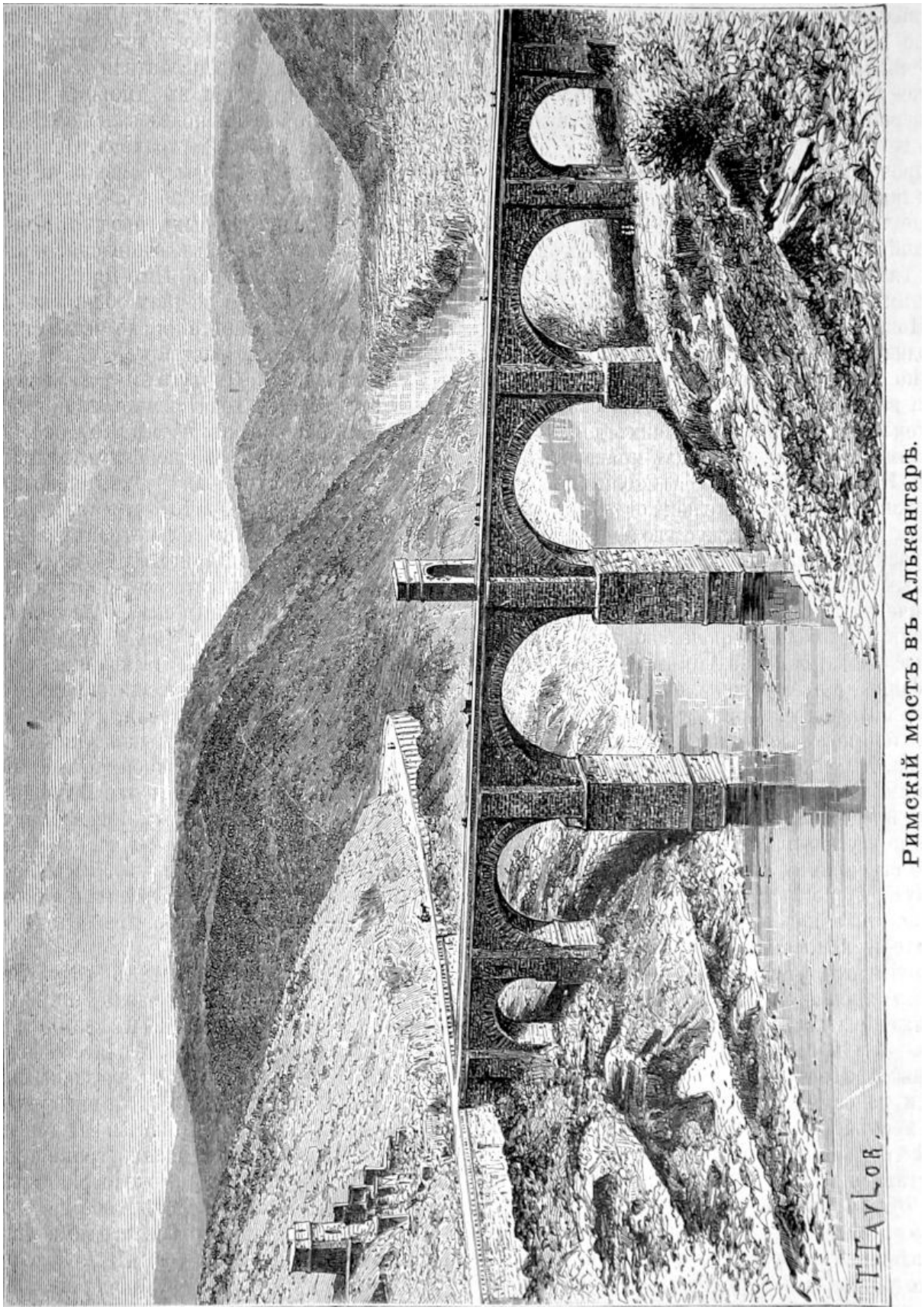
Торговля Лиссабона в 1885 году: Ввоз 100.985.000 франков. Вывоз 93.233.000 франков. Общий оборот 194.218 000 франков. Движение судоходства в Лиссабонском порте в 1893 г.: вошло 2.791 груженых судов, вместимостью 2.329.147 тонн; вышло 2.503 судов вместимостью 1.842.401 тонн.

С Испаниею, которая, однако, граничит с Португалией на протяжении около 1.000 километров, Лиссабон не ведет, собственно говоря, никакой морской торговли; а по железной дороге он отправляет туда почти только рыбу и алемтехских свиней. Недавно еще, между Лиссабоном и Испаниею было очень мало сношений, даже простых соседских, но последние междоусобные войны принудили выселиться в Лузитанию столь значительное число кастильских семейств, что от их наплыва изменились даже местные нравы. Прежде на лиссабонских улицах видны были только одни мужчины, португальские женщины сидели почти взаперти, как во времена мусульманского владычества, но пример живых и общительных испанок нашел многочисленных подражательниц, отчего наружность Лиссабона много выиграла.

Города, окружающие столицу, столь же знамениты красотою местоположения, как сама португальская метрополия своим торговым и историческим значением. Португальская Эстремадура, находясь в счастливой области, недосягаемой для полярных холодов и не страдающей от засух и безконечных туманов, представляет одну из европейских стран, климат которой наиболее подходит к климату «Счастливых островов» и «благословенных Антильских о-вов»; к сожалению, колебания температуры бывают здесь иногда очень резки. Снег так редко выпадает в Лиссабоне,что его называют там *chuvabranca*, или «белый дождь»; обыкновенно он виден вдалеке блестящею пеленою на вершинах серры Эстреллы и серры Лузайо; но когда снег, в исключительных случаях, выпадает на побережье, жители видят в этом явлении дурное предзнаменование. Еще в прошлом столетии обильно падавший снег дотого пугал жителей Лиссабона, что они устремлялись в церкви, воображая, что наступает конец мира.

Другое важное преимущество климата городов в окрестностях Лиссабона заключается в

правильной смене береговых ветров. Начиная с мая месяца, в продолжение всего лета, ветер дует с суши при восходе солнца; около полудня он делается южным; вечером дует с запада и северо-запада, а ночью превращается в северный ветер; этот вращающийся береговой ветер,



Римскій мостъ въ Алькантарѣ.

которому приписывают самое благодетельное влияние на климат, производит полный оборот в продолжение двадцати четырех часов; его называют vento rodeiro или «вертящимся ветром». Что касается главных ветров, то они далеко не так правильны. Так напр., полярные

ветры, задерживаемые поперечными серрами, не могут следовать своему нормальному пути; они дуют прямо с севера вдоль берега, или же превращаются в восточный ветер, проходя по всем плоскогорьям внутренней Испании. Это те атмосферные течения, приходящие с востока, которые приносят тяжкия жаркия лета. В Лиссабоне температура доходит до 38 градусов; в 1798 г. термометр подымался даже до 40 градусов; сравнительные наблюдения показывают, что хотя средняя температура выше в Рио-Жанейро, зато в Лиссабоне летния жары более чувствительны.

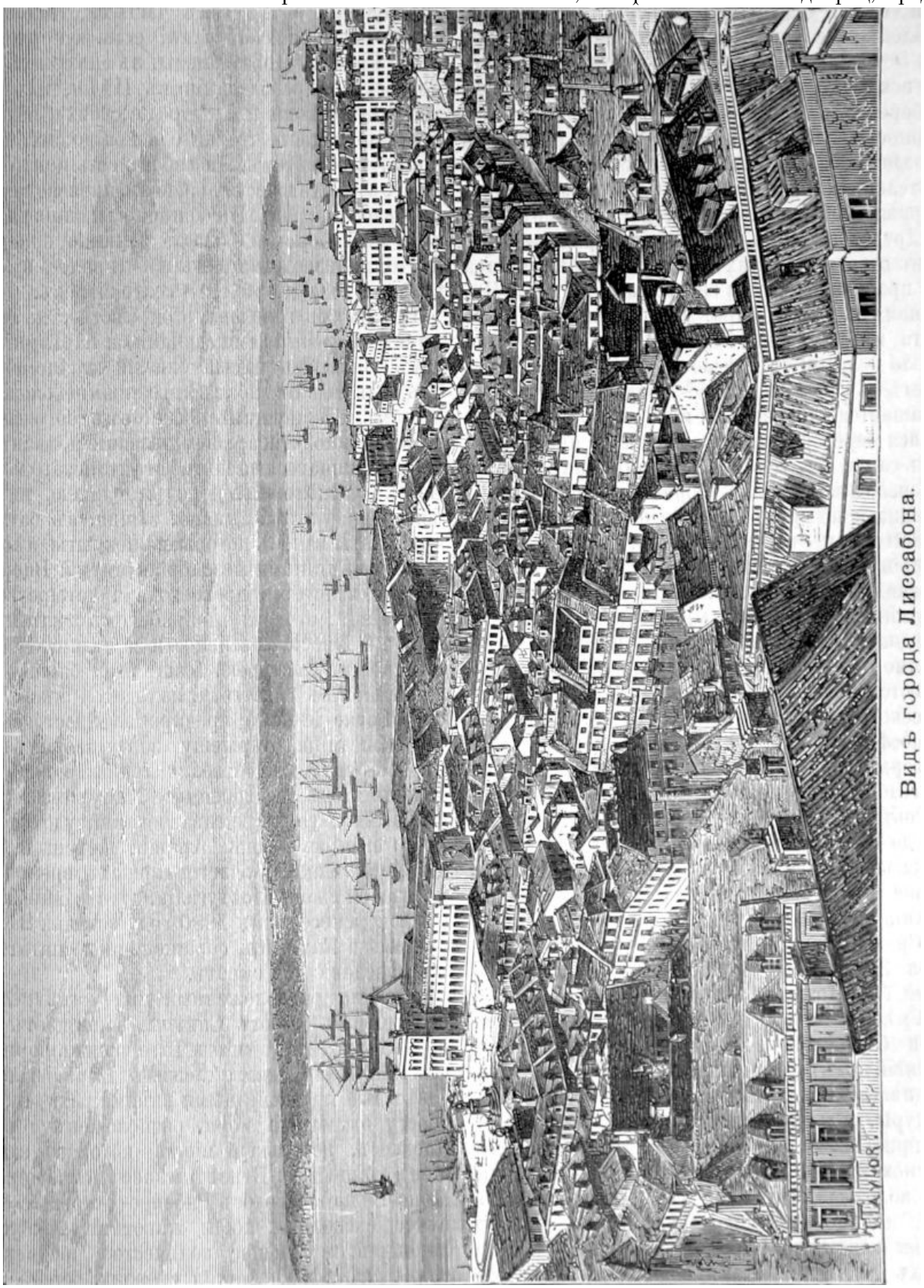
Средняя температура Лиссабона 15°,65, высшая 39°; низшая -2°,5; число безоблачных дней 150. Дожди 769 миллиметр.

Смешение северного и южного климатов в этой благословенной стране обусловливает двоякий вид растительности. Финиковая пальма начинает появляться в садах нижней Эстремадуры, пальма chamairops растет свободно по прибрежью; мексиканская агава, с великолепною кроною цветов, дотого обыкновенна, что положила основание особой промышленности, именно плетению кружев из «ниток агавы»; здешния камелии красивее, чем во всех других странах Европы, индийская смоковница растет вокруг полей, как в Сицилии и Алжире. Все фруктовые деревья средиземноморских стран произрастают здесь в изобилии; даже манговое дерево Антильских о-вов, недавно перевезенное, акклиматизировалось в Португалии. Апельсины на многих наречиях и даже в Египте заслужили название *portogalli*, как будто в Лузитании люди в первый раз увидели это золотое яблоко. По объяснению некоторых филологов, название апельсинов во многих частях Индостана *chintarah* или *chantarah*, есть испорченное слово Синтра. Португальцы, в эпоху их коммерческого преобладания в Индии, так восхваляли роскошь и плодородие своих великолепных садов, что жители Гоа до сих пор помнят об этом. Лиссабон есть центр богатого земледельческого района, производящего хлеб и виноград. По обширности виноградников Лиссабонская область занимает первое место; производство вин простиралось в ней, в 1884 году, до 967.818 гектолитров.

Из всех городов этой местности, окруженных *quintas*'ами (дачами) и парками, Белем (Вифлеем) самый близкий к Лиссабону; он отделен от последнего лишь небольшим ручьем, получившим обычное в географической терминологии арабов название Алькантара от находящагося на нем мавританского моста. Белем расположен перед столицею, на самом берегу устья лимана, защищен батареями, скаты валов которых покрыты летом красными цветами мезембриантемума. Впереди батарей красуется превосходная четыреугольная башня, отчасти в арабском стиле, мощная по своей массивности и отличающаяся изящною скульптурою. Близ этой башни, законченной в 1520 году, находится место, откуда Васко-де-Гама предпринял достопамятную экспедицию, открывшую португальцам путь в Восточную Индию: великолепный монастырь Иеронимитов, построенный Мануэлем «Счастливым», «государем завоеваний, судоходства и торговли в Эфиопии, Аравии, Персии и Индии», напоминает о легендарных временах минувшей славы Португалии. Это здание, куда были перенесены в 1880 году останки Васко-де-Гама и Камоэнса, обращено в воспитательное заведение для сирот.

Оэйрас, расположенный при устье речки, сходящей с высот Синтры, защищает северный вход в лиман Таго своим фортом Сан-Жулиано; далее лежит Каркавеллос, известный превосходными винами; затем, на берегу открытого моря, расположен город Каскаес, небольшой порт которого защищен крепостью. Близ Каскаес, в пещерах Поцо-Вельго, Карлос Рибейро открыл человеческие скелеты, кости животных, морские раковины и большое количество предметов каменного века. Другая сторона берега пустынна; только местами, по берегам отмелей и утесов, стоят сторожевые башни. Напротив того, крутые склоны Синтры, возвышающиеся на севере этой части прибрежья, представляют одну из самых населенных областей полуострова и наиболее оживляемых наплывом путешественников. Если подыматься от Лиссабона к высотам Синтры, по обыкновенной или по железной дороге, то справа и слева виднеются замки и виллы Бенфика, королевский дворец Квелуц, дачи Беллас, с мине-

ральными источниками. Сама Синтра окружена городками, состоящими из гостиниц и садов, как-то: Сан-Педро, Аррабальде, Санта-Эстефиана. К югу от этих поселений возвышается холм с великолепным и оригинальным замком Пенья; это фантастический дворец, пред-



Видъ города Лиссабона.

ставляющий смесь индийского, персидского, итальянского и готического стилей, странные контрасты которых смягчаются тенистыми деревьями и гирляндами цветущих лиан. Многочисленные посетители Синтры обыкновенно взбираются на холм, где находятся развалины

старинного мавританского замка, и проникают в пещеры «пробкового монастыря», названного так потому, что его стены были покрыты пластинками пробки для предохранения от сырости. Со всех этих возвышенностей открываются великолепные виды; ландшафт особенно грандиозен с высоты береговых утесов, заканчивающихся знаменитым мысом Рока, который назван моряками «Лиссабонскою скалою»: это самый западный мыс на европейском континенте. Волны Атлантического океана разбиваются в мелкие брызги об основание этой скалы и, превращаясь в пену, с ревом забиваются в береговые пещеры, в которых кружатся стаи морских птиц. На северной стороне мыса Рока расстилается одна из прекраснейших долин Полуострова, долина Колларес, знаменитая своими садами и апельсинными рощами:- это португальский «Сан-Ремо».

Город Мафра, расположенный севернее, недалеко от морских купален Эрисейры, на бесплодном, однообразном плоскогорий, также обладает громадным замком, Эскуриалом королей Браганцского дома: этот замок преобразован в настоящее время в военную школу. Для окончания этого грандиозного сооружения, состоящего из церквей, часовен, келий и покоев для духовенства, король Иоанн V истратил всю португальскую казну: зато он получил от римской курий титул «Христианнейшаго». После его смерти, в казне не оставалось достаточно денег для того, чтобы отслужить обедню за упокой его души. Гораздо интереснее громадного казарменного здания Мафры, с его тысячью покоями и 5.500 окнами, другие здания, основанные королями и находящиеся в сотне километров к северу, у западной подошвы серра до-Айре, близ знаменитых терм Кальдас-да-Раинья и старинного мавританского города Обидоса. Заброшенный монастырь Алькобаса, построенный в половине двенадцатого века в память побед над маврами, представляет прекрасный памятник строго-готического стиля, красоту которого еще более увеличивает живописность руин. Баталья, другой монастырь, в память поражения кастильцев на равнине Альжубаррота, в 1385 г., гораздо богаче скульптурными украшениями. Орнаменты портиков, монастырского здания, часовни, называемой «недоделанною», потому что она была не окончена королем Мануэлем, до такой степени изобилуют всякого рода скульптурными работами, что кажутся увешанными кружевами. Все почти путешественники утверждают, что он построен из белого мрамора, между тем как в действительности матерьялом для его постройки служил известковый песчаник, весьма похожий на тот, из которого жители строят свои хижины.

Город Лейриа, в округе которого находится Баталья, сам по себе город старинный и интересный; он расположен в очень живописной местности, при слиянии двух рек, Лица и Лены, у основания холма, на котором стоит древний мавританский дворец. Некогда этот город был резиденциею «короля-земледельца», того самого, который развел *pinhal* Лейрии, лучший лес в Португалии, хотя деревья его во многих местах очень редки на дюнах. После продолжительного упадка, эта часть страны снова оживилась; в окрестностях города, в Маринья-Гранде, находится большой стеклянный завод, сообщающийся железною дорогою с портом, имеющим почти кругообразную форму и называемым Конка де-Сан-Мартино, имевшим прежде кораблестроительные верфи.

На восточном склоне гор, господствующих над равнинами Баталья и Альтобаса, расположен Томар, город, некогда славившийся своим монастырем; это резиденция тех рыцарей Христа, которые выхлопотали себе исключительное право завоевания и эксплоатации отдаленных стран Индии и Нового Света; после громких подвигов, эти рыцари сделались главными виновниками упадка отечества, благодаря их жадности в торговле и беспощадной монополии. В настоящее время Томар, омываемый со всех сторон водами, подобно Венеции,— город фабричный; но важнейший промышленный центр этой области, «Манчестер португальский», представляет город Ковильян, лежащий в высокой долине р. Зезера, на восточной покатости серры Эстреллы; пять тысяч человек работает на его суконных мануфактурах. Кастелло Бранко—большой рынок для шерстяных товаров и масл. Торговая деятельность перешла равным образом в прибрежные области Таго, особенно в исторический город Сантарем, замечательный своими лошадьми, и в Торрес-Новас, где фабрикуются камчатные из-

делия. Со склонов своего холма, называемого «Чудом», Сантарем господствует над извилистым течением Таго, над его зеленеющими островами и над холмистою областью Алемтехо; мост длиной в 1.200 метров соединяет оба берега реки. В настоящее время Сантарем и его сосед, укрепленный город Абрантес, занимаются преимущественно снабжением Лиссабона овощами, фруктами и маслом. Их окрестности покрыты целыми лесами маслин. Производство виноградников Сантаремского округа в 1884 г.: 292.127 гектол.

К югу от лимана Таго, незначительная глубина моря, песчаный грунт, болота, окаймляющие ручьи, представляют большие препятствия для возникновения значительных городов; это низменное прибрежье представляло бы, по всей вероятности, пустыни, если бы Лиссабон не имел надобности строить на этом берегу мастерские, магазины, верфи, пристани. Таким образом, после Альмады, дачного города, расположенного при самом входе в лиман, многие селения, Капарика, Сейксаль, Баррейро, Альдеа-Галлега, Алькошете, Аррентелла, славящая своими суконными фабриками, сделались предместьями столицы. Напротив того, порт Сетубал, связанный с Баррейро железною дорогою, пользуется преимуществами первого разряда, как место вывоза продуктов богатой долины; его порт хорошо защищен утесистою горною цепью, возвышающеюся на северо-западе, и длинным песчаным мысом, изгибающимся к юго-западу; большая бухта, открывающаяся между двумя мысами, Эспикелем и Синесом, может служить гостеприимным пристанищем для моряков; но Лиссабон слишком близок: Португалия не так богата, чтобы обеспечить торговлю двух городов, расположенных в незначительном расстоянии друг от друга. Сецимбра, лежащая к западу от Сетубала, на крутом берегу, заканчивающемся мысом Эспикелем,—небольшой порт, откуда отправляют рыбу в Испанию; наконец, Троя, или Сетобрига (Сетобра, Сетобре), предшествовавший Сетубалу, как торговый рынок лимана Садо, покоится теперь под песками дюн; недавно предпринятые раскопки открыли в нем несколько римских мозаик, куски тесанного мрамора и целую улицу, проложенную, может быть, финикиянами. Ботаник Линк, видевший остатки города в конце прошлого столетия, нашел в нем развалины дворов, в роде тех, которые находятся внутри каждого мавританского дома.

Сетубал, хотя гораздо менее оживленный сравнительно с своим сильным соперником берегов Таго, тем не менее, ведет довольно значительную торговлю своими мускатными винами, превосходными апельсинами и особенно солью, весьма ценимою в северной Европе; это драгоценный груз для судов. Сетубалская соль считается, и притом не в одной Португалии, «лучшею в свете» для соления рыбы. Сетубалские солевары могли бы получать соль несколько раз в месяц, но они добывают ее только два раза в год; кроме того, они никогда не вычерпывают маточного рассола, остающагося в камерах их солончаков, и оставляют на дне покров водорослей, отделяющих поваренную соль от других хлористых соединений и способствующих образованию почти химически чистых кристаллов.

Добыча соли в Португалии 320.000 тонн. Добыча соли в округе Сетубала 184.000 тонн.

В морях, соседних с Сетубалом и Сецимброю, водится, кроме того, громадное количество рыбы разных пород. Воды, омывающие Португалию, чрезвычайно богаты животною жизнью, без сомнения, вследствие встречи у этих берегов морских течений, из которых каждое приносит свою особенную фауну. Из всех этих вод Сетубалские, пожалуй, самые богатые; в сравнении с ними Средиземное море и Гасконский залив можно назвать безжизненными. Рыбаки очень умело эксплоатируют эти сокровища. За много веков до того времени, когда ученые вздумали исследовать дно морей, для изучения живущих там организмов, когда большинство зоологов утверждало, что в мрачных глубинах океана даже невозможна никакая животная жизнь, сетубалские моряки вылавливали на глубине от 500 до 600 метров огромных акул, не встречающихся в высших слоях воды: эти акулы, вытащенные на палубу рыболовного судна, готовы, повидимому, лопнуть: до такой степени они надуты внутренним воздухом, уравновешивающим давление верхних слоев морской воды. Что касается пород рыб, живущих близко к поверхности, то их ловят мириадами. Сардинки ловятся такими огромными массами в водах Сецимбры, что народ не только сам употребляет их в пищу, но

и откармливает ими свиней. Во времена своего торгового процветания, Португалия снабжала рыбою значительную часть Европы, она пользовалась даже отчасти монополиею в продаже трески; португальские купцы вывозили эту рыбу до самой Норвегии. В конце четырнадцатого столетия город Лиссабон приобрел, по договору, право рыбной ловли у английских берегов. Теперь странно подумать, что прежде португальцы были промышленными инициаторами для населений Великобритании.

Население городов Эстремадуры и Бейра Баиксы, в 1878 г.:

Лиссабон, с предместьями, 274.000 жител.; Лиссабон с Белемом (1891 г.) 308.700 жителей; Сетубал 15.600 жителей; Ковильян 11.000 жителей; Сантарем 9.400 жителей; Торрес-Новас 8.300 жителей; Кастело-Бранко 7.460 жителей; Торрес-Ведрас 7.270 жителей; Капарика 6.930 жителей; Сецимбра 6.815 жителей; Палмела 6.540 жителей; Абрантес 6.380 жителей; Картаксо 5.650 жителей; Алдеа-Галлега 5.550 жителей; Томар 5.200 жителей.

IV. Южная Португалия, Алемтехо и Алгарвия.

Горы, лежащие за Таго, в очень немногих местах имеют вид правильных цепей; большею частью они представляют небольшие выступы над обширными плоскогорьями с основаниями, изрытыми водою. В общем эта местность лишена рельефности и крайне однообразна: всюду встречается один и тот же пейзаж. Вся область между Таго и горами Алгарвии—самая неживописная в Португалии. За исключением серры Аррабида, возвышающейся между Лиссабонским и Сетубалским лиманами, повсюду видны низменные равнины, холмы с однообразными склонами, леса, кустарник, обнаженные лайды, среди которых рассеяны редкия поселения, как острова среди моря. Низменные земли, окаймляющие левый берег Таго и морское побережье, образованы мощными пластами тонкого песку, который покоится на плотной глине и кое-где порос лесами морской сосны и рощами пробкового дуба (*azinheiras*), остатками древних лесов, покрывавших страну. Выше тянутся обширные ланды, или *charnecas*, с их бесконечным разнообразием кустарников и вечно-зеленых низкорослых дерев, каковы различные виды вересков, из которых иные достигают двух метров высоты, ладанник, можжевельник, розмарин, мирт, ползучий дуб, которого густая бледно-зеленая листва едва выдается над ковром остальных растений. Однако, разнообразие растительных видов, покрытых розовыми и белыми цветками до самой середины зимы, не изменяет скучного, однообразного характера страны, вследствие почти полного отсутствия культуры. На более высоких холмах, почти сплошь состоящих из слюдяных сланцев, природа становится даже мрачною; вся поверхность этих холмов покрыта ладанником (*cistus ladoniferus*), с смолистыми листьями. Эта местность представляет западное продолжение пояса *jarales*, который занимает тысячи квадратных километром в Сиерре-Морене и других горных областях Испании.

Самый высокий хребет южных провинций находится на самой португальской границе, между долинами Таго и Гвадианы; это серра Сан-Мамеде, параллельная серре Порталегре: её ветви из гранитных утесов, перерезанные узкими долинами, где текут, либо к северо-западу, либо к юго-востоку, притоки двух вышеназванных рек, достигают нескольких сот метров высоты над поверхностью плоскогорья, а самая высокая вершина имеет более 1.000 метров высоты. К югу от широкой впадины, в которой проложена железная дорога из Лиссабона в Бадахоц, появляется другой, менее высокий, гранитный хребет, стоящий на плоскогории подобно крепости, со множеством бастионов: вид этих гор довольно грандиозен с берегов Гвадианы, протекающей у их восточного основания: это серра Осса, известная также под названиями различных городов, лежащих в соседстве с нею, именно: Эльваса, Эстремоца, Эворы. Она соединяется высокими буграми плоскогорья с различными *serras*, окаймляющими берега Гвадианы и Садано и однообразные равнины, известныя под названием Кампо-де-Бежа. Эти равнины продолжаются к югу знаменитым «Урикским полем», где, в половине двенадцатого столетия, двухсот-тысячное войско мавров, предводимое пятью королями,

потерпело страшное поражение, дозволившее португальским принцам основать их монархию. Со времени этого сражения и следовавших за ним побоищ равнины, расположенные к югу от Таго, превратились в пустыни.

Все горные высоты, занимающие южную часть Алемтехо, принадлежат к системе испанской Сиерры-Морены. Предгория сиерры Арок и сиерры Арацены, богатые медными рудами, перемешиваются между собою лабиринтом холмов в части Португалии, расположенной на левом берегу Гвадианы, в форме неправильного трехугольника. Река не представляет для них препятствия; сжатая между прорытыми ею утесами, она во многих местах съуживается до объема канала, и даже, в ущелье *Pulo do Lobo*, «Волчий Прыжок», спускается водопадами с утеса на утес. И только ниже этого ущелья, у города Мертола, Гвадиана становится судоходною для мелких судов; эта река утилизируется для перевозки грузов на протяжении шестидесяти пяти километров от Мертолы, где открыли римский некрополь, жилища троглодитов, и шахты, относящиеся, вероятно, к финикийской эпохе.

К западу от Гвадианы, горы моренской системы продолжаются параллельно морскому берегу. Сначала они довольно низки, представляя простые «земляные холмы», или *cumeadas*, затем возвышаются до 500 метров в серра Мальян и в серра Мескита. Плоскогорье, изрытое верхними потоками Миры, соединяет эти хребты с серрою Кальдейрано, или «Котлом», названною так, говорят, от находящагося в ней кратера вулкана, и с другой цепью, оканчивающеюся, к северу от мыса Синеса, вершиною Атарайа, или «Сторожевою горою». Другое плоскогорье, по которому должна пройти железная дорога от Алгарвии в Лиссабон, служит продолжением главной системы и образует основание живописной группы серра Моншике, углового хребта Португалии, доминируемого горой Фойя. По другую сторону этих гор, остроконечный кряж, называемый «Собачьим хребтом», тянется по крайнему южному полуострову Португалии, между западным и южным морями, и соединяется с утесами мысов: Св. Винцента и Сагрес, некогда «священным», откуда и произошло его настоящее название.

Высоты португальских гор к югу от Таго: серра Сан-Мамеде 1.025 метр., серра Осса 649 метр., Фойа Моншике 903 метр., Аталайа 325 метр., Бежа (Кампо-де-Бежа) 252 метр., Урик (Кампо-де-Урик) 222 метр.

В понятиях древних народов Священный мыс представлял «водорез корабля Европы». По старинным сказаниям, тем, кто ходил смотреть оттуда на заходящее солнце, оно казалось во сто раз больше, чем в других местах, при чем можно было слышать шипение громадного светила, погасавшего в волнах океана. Страбон дает себе труд оспаривать и опровергать этот народный предразсудок, вполне, впрочем, согласный с представлениями необразованных греков о границах мира: подобно западным мысам в странах каллаиков и арморикапцев, Священный мыс казался «Концом земли»; только он заканчивал континент не со стороны туманов и морозов, а со стороны теплого полудня. «Боги, говорит Артемидор, отдыхали по ночам на этом мысу после своих трудов и путешествий по свету». В начале новой истории, Генрих Мореплаватель, знаменитый инфант, поселился на Священном мысе; отсюда он поджидал возвращения экспедиций, посылавшихся для открытия островов и ознакомления с отдаленными краями. Немного найдется местностей, которые имели бы такой интерес для географа-историка, как этот конечный пункт европейского материка. Многолетние мирные труды, которые там производились с целью найти прямой морской путь в Индию, имеют в его глазах большее историческое значение, чем кровопролитное морское сражение, известное под именем битвы у Сан-Винцента, которое происходило в этих водах в 1797 г. и окончилось в пользу англичан, уничтожением эскадры испанского флота.

Холмы Сагреса, подобно высотам Таго,—происхождения вулканического; но подземная деятельность в них, повидимому, совершенно прекратилась. Одно только геологическое явление на южном берегу Алгарвии может отчасти свидетельствовать о медленной подземной деятельности в этой области Португалии. Значительная часть альгарвского берега окаймлена песчаными стрелками, представляющими вторичный берег впереди главного и образующи-

ми нечто в роде морской аллеи, защищенной от ветров с открытого моря и очень удобной для мелких судов. Этот вал, построенный волнами в открытом море, тем более интересен, что идет параллельно берегам гористой местности: почти во всех остальных частях земного шара, где образовались подобные прибрежные валы, они всегда тянутся по низменным берегам равнин, уходящих на необозримое пространство внутрь страны. Кроме того, замечено, что большая часть прибрежных валов окаймляют те именно берега, которые подвержены общему медленному опусканию: в тех местах, где берега постепенно погружаются, волны, беспрерывно ударяющие в берег, уносят песчаные обломки и собирают их в длинные отмели, часто указывающие на прежнюю форму береговых очертаний. Геологи еще не доказали непосредственными наблюдениями явления понижения суши в португальской Алгарвии; но существование прибрежных песчаных стрелок служит замечательным на то указанием: оно придает большую вероятность мнению тех, которые полагают, что берег между мысом Сагрес и устьем Гвадианы находится в площади оседания. Предания, более или менее неопределенные, относящиеся к провалу берегов Кадикса и разрыву Геркулесова перешейка, превратившагося в Гибралтарский пролив, отчасти подтверждают эту гипотезу о колебаниях уровня Лузитанского берега.

Путешественник, достигший вершины одной из горных цепей, служащих южною границею однообразным равнинам Алемтехо, поражается резким контрастом между северным склоном и южными откосами Алгарвии. С одной стороны простираются обширные, почти пустынные пространства; с другой—виднеются каштановые леса, местами на горных террасах появляются деревни, а на берегу моря белеют города; по голубым волнам плавают флотилии рыбачьих лодок. К северу, до самых границ горизонта, тянутся мертвые поляны; к югу следуют одни за другими разнообразные, живописные местности до самого моря. Контраст столь же значителен и в образе жизни обитателей обеих провинций. Обитатели Алемтехо—самые степенные из всех португальцев; они не любят даже танцев. Они очень редко расселены по своим ландам, при чем одни занимаются земледелием, другие ведут отчасти кочевую жизнь, следуя за стадами свиней и овец. Пастухи бродят в лесах *azinheiras*'ов, где их свиньи откармливаются желудями; летом переходят через Таго и удаляются на верхния пастбища гор Беиры; в конце осени они возвращаются к югу и пасут свои стада в чаще ладанника, покрывающего значительную часть Алемтехо. Жители Алгарвии, в три раза многочисленнее относительно занимаемого ими пространства, принуждены более тщательно обработывать почву: они возделывают хлеба, виноград, фруктовые сады, и хотя земля обильно вознаграждает их труд, тем не менее они, кроме земли, добывают себе пищу из обильного рыбою моря.

Слабая относительная населенность Алемтехо объясняется отчасти тем обстоятельством, что большинство войн происходило на её слегка холмистых равнинах; она объясняется также преобладанием в этой провинции обширных помещичьих имений; крестьянин здесь вовсе лишен земли; он возделывает ее без всякой охоты, а влажная почва порождает лихорадки. Во времена римского владычества эти области были густо населены, что доказывается множеством каменных глыб с надписями. найденных на поверхности земли.

Разница в высоте и расположении обеих провинций необходимо влечет за собою резкое различие в климатах. Равнины Алемтехо имеют несомненно африканский характер уже по одной их монотонности и по общему виду флоры, состоящей из низких растений и кустарников; Алгарвия, с её масличными рощами, финиковыми пальмами, кактусами, напоминает почти тропические страны, но морская бриза умеряет здесь и зимние холода, и летние жары. Средняя температура этой провинции весьма высока, не ниже 17° по стоградусному термометру[1]. Защита, представляемая серрой Моншике и другими горами против северных и северо-западных ветров, и, кроме того, преграда, образуемая во многих местах песчаными валами свободному проходу морских ветров, содействуют усилению летних жаров. При восточ-

1 Климат Лагоса, по наблюдениям с 1864 по 1872 г.: средн, температура: 17°,45: наибольшая: 38°,3; наименьш.: 0°.4. Средняя дождей: 585 м.м.: средняя дождл. дней: 76,5.

ном, или «испанском ветре», жары делаются невыносимы и часто сопровождаются миазмами, порождающими лихорадку: *De Espanha nem bom vento, nem bom casamento* («Из Испании ни хорошего ветра, ни хорошего мужа»), говорит пословица.

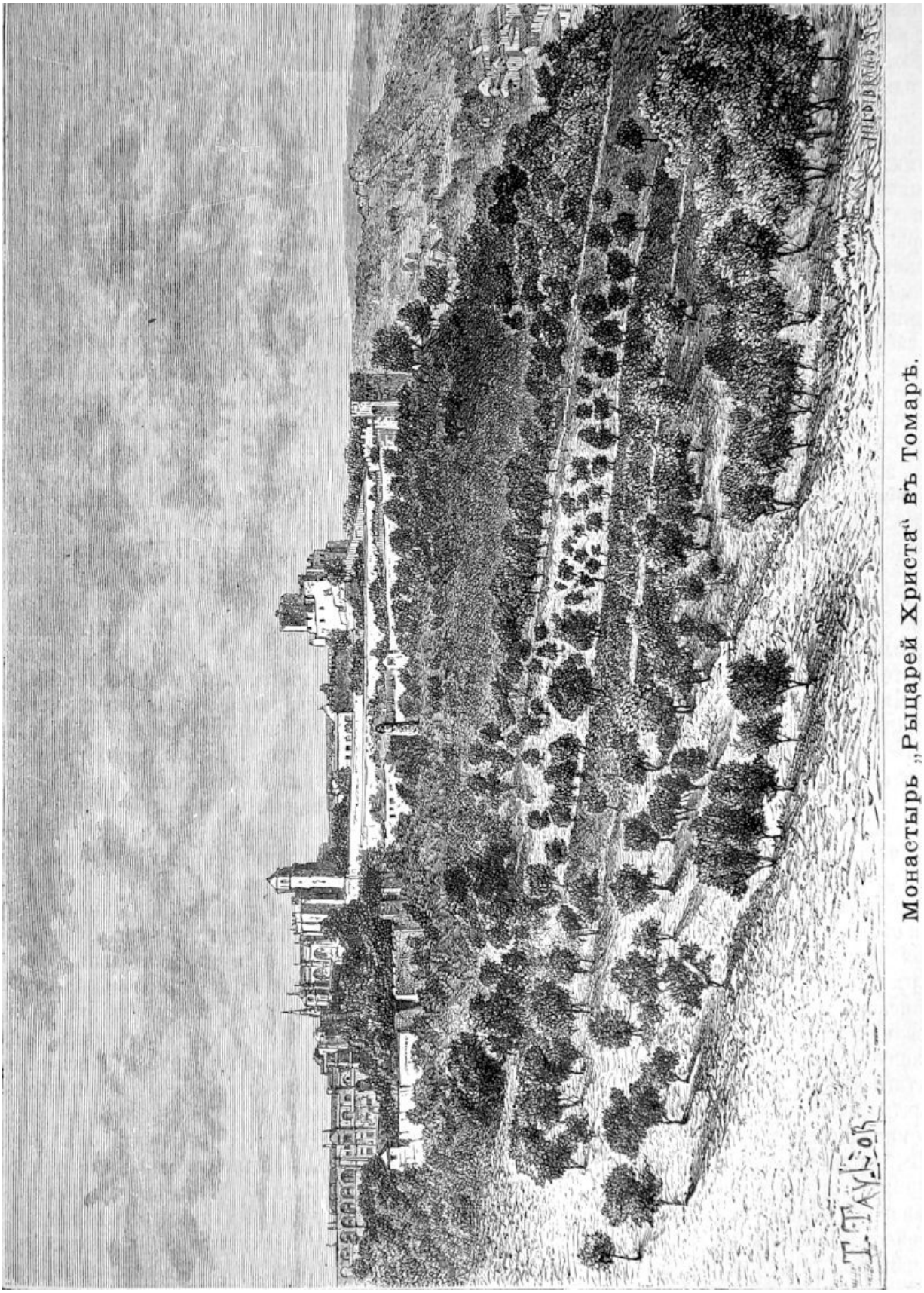
Вилланова-де-Портимано, лежащий к югу от серры Моншике, долгое время считался первым в Европе городом по высоте средней температуры. Впоследствии было доказано, что многие другие местности в Испании могут поспорить с ним в этом отношении. Эта часть Лузитании получила от арабов тоже название, как и мароккский берег, обращенный к Атлантическому океану и позднее также завоеванный на короткое время португальцами: обе части обширного полукружия, образованного этими берегами, были у арабов две страны Гхарб (Гарб), две Алгарвии, или «западные области», расположенные вне внутреннего моря. Португальская Алгарвия, или д'Аквем-Мар (по эту сторону моря), сделавшаяся христианскою, все-таки сохранила свое арабское название; равным образом и её население, бывшее мусульманским до половины тринадцатого века, и теперь еще, несмотря на иной язык, заключает в себе элементы берберский и семитический.

В верхнем Алемтехо, весьма редко населенном, города немногочисленны и не имеют важного значения: они остались бы большими деревнями, если бы не соседство Испании и не транзитная торговля, в которой эти города служат посредниками. Крато в настоящее время представляет главную станцию железной дороги, соединяющей Таго и Гвадиану, подобно тому, как его сосед, Порталегре, служил промежуточною станциею на конной дороге; Кастелло-де-Вид вывозит шерсть и копченую свинину. Кампо-Майор имеет значение, как оживленный рынок. Далее к югу расположен Эльвас, откуда виден прекрасный мавританский водопровод, с четырьмя рядами арок; этот город построен амфитеатром на склонах горы, среди садов, славящихся сливами, и увенчан укреплениями, которые в прошлом столетии считались образцовыми произведениями военной архитектуры; укрепления Эльваса обращены к испанскому укрепленному местечку Оливенца, которое венскими трактатами причислено к Португалии, но которое Испания, однако, не отдала. На одной из гор серры Оссы лежит Эстремоц, известный во всей Португалии своими *pucaros*, глиняными кувшинами изящной работы, распространяющими приятный аромат. Монтемор, окруженный старинными развалинами, с высоты одной из горных вершин господствует над обширными пространствами ланд и однообразными лесами. Эвора, в центре провинции, также доминирует с высоты своей горы над обширными равнинами; *Ebora*, или *Ebora Cerealis*, некогда расположенная на большой римской дороге, соединявшей бассейн Гвадианы с лиманом Лиссабона, была многолюдным городом; в средние века она служила второю резиденциею королей и местом собрания кортесов: теперь от прежнего величия города остался прекрасный реставрированный римский водопровод, развалины храмы Дианы с коринфскими колоннами, да остатки феодальных сооружений.

Бежа, древний *Pax*, *Julia* или *Colonia Pacensis*, в настоящее время есть не более, как развалина прошлого; зато на полуострове, образованном Гвадианою и Шансою, недавно еще вовсе неизвестная деревушка, Сан-Домингос, превращается в деятельный торговый город. Залежи медного колчедана и других металлов, встречающиеся в изобилии в окрестных горах, составляющих западное продолжение гор Рио-Тинто и Тарсиса, весьма усердно разрабатываются промышленными англичанами и, с 1859 г., ежегодно доставляют более 100.000 тонн руд; они могли бы доставлять даже вдвое больше; впрочем, главное промышленное применение этих руд основано на содержащейся в них сере, из которой получается серная кислота. Рудники Сан-Домингос с их магазинами, мастерскими и железными дорогами считаются образцовыми сооружениями в этом роде. Они сообщили свою деятельность нижней Гвадиане, которая защищена у входа Кастро-Маримом, древним стратегическим пунктом, где собирались экспедиции против мавров, и Вилла-Реаль-де-Санто-Антонио, которая недавно была простым селением рыбаков. Ежегодно около пятисот судов приходят в устье Гвадианы, к Вилле-Реаль за грузом руд. При слиянии Гвадианы и Шансы лежит деревня Помарано, к которой примыкает железная дорога из Сан-Домингос и которая сделалась об-

ширным рынком и деятельным торговым портом, несмотря на её нездоровый климат. На севере наиболее заметные города: Мура и Серпа.

Бывший главный город европейской Алгарвии во времена мавров, Сильвес, в настоящее



Монастырь „Рыцарей Христа“ въ Томарѣ.

время потерял всякое значение; он расположен внутри страны, вдали от торговой деятельности. Фаро, нынешний главный город, имеет, по крайней мере, ту выгоду, что построен на берегу моря и обладает хорошо огражденным, но не глубоким портом, откуда мелкие каботаж-

ные суда вывозят всякого рода фрукты, тунцов, сардинки, устрицы, составляющие местное богатство. Ольхана, Тавира, также защищенные от волн и ветров с открытого моря прибрежным валом, имеют такия же удобства для торговли и местные продукты, как и главный город: Тавира—самый красивый городок Алгарвии. Луле, расположенный среди живописной внутренней долины, город весьма красивой наружности; когда лечащиеся, которые стремятся в настоящее время в Ниццу, Канн, Алжир, Мадеру, узнают путь в Алгарвию, тогда Луле, Тагос и другие соседния местности несомненно превратятся в «города для зимнего сезона» чающих выздоровления. Теплые серные источники Кальдас-Моншике и теперь пользуются громкою известностью, не только по целебной силе их вод, но также вследствие мягкости климата и красоты местоположения. Отсюда, как говорят, получаются лучшие португальские апельсины.

Главные города Алемтехо и Алгарвии:

Луле—14.860 жителей; Эвора—13.460 жит.; Тавира—11.650 жит.; Эльвас—11.200 жит.; Порталегре—7.220 жит.; Фаро—8.670 жит.; Бежа—8.500 жит.; Лагос—7.880 жит.; Эстремац—7.575 жит.; Ольхана—7.510 жит.; Сильвес—7.020 жит.; Вилла-Нова де-Портомано—6.425 жит.; Серпа—5.905 жит.; Моншике—6.160 жит.; Мура—5.650 жит.; Кампо-Майор—5.280 жит.

V. Статистика Португалии.

Маленькое королевство Португалия в настоящее время уже не может, как в конце пятнадцатого столетия, делить мир с своими соседями, испанцами: теперь оно только удерживает еще в своей власти, и то с трудом, кое-какие остатки прежней громадной колониальной империи. Для сохранения исключительного права на открытые земли португальское правительство с чрезвычайною строгостью хранило их в тайне: за вывоз из государства всякой морской карты, с указанием пути в Калькутту, назначалась смертная казнь; но такия меры принесли вред самим же португальцам. Соблюдая в строгой тайне свои открытия, тщательно охраняя свои архивы, они кончили тем, что забыли эти открытия и не допускали себя к пользованию ими: множество морских путей, впервые пройденных португальскими кораблями, должны были снова разыскиваться и при том мореплавателями других наций. Кроме того, грандиозная роль завоевателей и колонизаторов, которую приняли на себя португальцы, оказалась не по силам маленькому народу, лишенному свободы. Силы нации вскоре истощились, и другие деятели: голландцы, англичане, французы, выступили на обширное мировое поприще, которое португальцы хотели удержать за собою. В настоящее время они, правда, владеют, вне европейского материка, землями, в сорок раз превосходящими по пространству их отечество: но что значат эти земли в сравнении с теми, которые они потеряли? Потомки Васко де-Гамы и Альбукерка владеют ничтожным клочком земли в той самой Индии, куда они первые открыли морской путь. Гоа, Сальсетта, Бардец, Дамано, Диу занимают пространство не более 3.300 квадратных километров и принадлежат Португалии только благодаря доброму расположению Англии. Макао, лежащий при устье реки Кантона, недавно еще был рынком человеческого мяса, откуда торговцы невольниками вывозили «наемных» китайцев на плантации Перу. Группа островов, связывающая Азию с австралийским континентом и представлявшая самые ценные владения португальцев. в настоящее время вся почти находится в других руках, а прежним завоевателям принадлежит только часть острова Тимора и островок Камбинг. В Африке, земли, которые принадлежат Португалии, правда, весьма обширны: если судить по оффициальным документам и недавнему договору с Германией, то целый пояс, во всю ширину африканского континента, от Анголы и Моссамедеса до Мозамбика и Софалы, следует считать португальским; однако, большая часть этих стран еще не исследована, и лица, занимающиеся их исследованием, вовсе не португальцы; география обязана англичанину Ливингстону научным завоеванием этих стран. Единственные поселения, о принадлежности которых Португалии можно говорить с уверенностью, на-

ходятся в западной части Африки, к югу от Конго. Тут имеются более или менее оживленные коммерческие порты, соединяющиеся с внутренностью страны сносными дорогами, здесь приступают даже к постройке железных дорог. Весьма возможно, что эти колонии, так долго игнорировавшиеся, сделаются современем африканской Бразилией. Несколько километров земли к северу от Конго, Биссагоский архипелаг и часть соседнего берега, известного под именем Гвинеи, дополняют, с островами Св. Фомы, Принцев и архипелагом Зеленого мыса, португальские владения в Африке: Дагомейское королевство, состоявшее некоторое время под протекторатом Португалии, перешло под власть Франции. Что касается Бразилии, богатой колонии Нового Света, то она уже полстолетия живет самостоятельною жизнью и значительно превосходит свою бывшую метрополию по населенности и богатству. Наконец, земли в Атлантическом океане, Мадера и Азорские острова, первые завоевания лиссабонских мореплавателей, составляют непосредственную часть Португалии и разделяются на провинции, одинаковые по правам с провинциями на твердой земле. Эти владения далеко не из бедных, и их население, их торговля, после короткого неблагоприятного периода, когда болезни опустошали виноградники и апельсинные рощи, снова начинают возрастать.

Португальские колониальные земли:

	Пространство кв. кл.	Население, чел
Атлантич. ок.		
О-ва Азорские	2.388	269.401 в 1881
Мадера и др	815	133.950 в 1882
Африка.		
О-ва Зеленого мыса.	3.851	107.026 в 1883
Сенегамбия (Гвинея).	42.000	150.000 в 1885
О-ва Св.Фомы и Принцевы	1.080	21.035 в 1879
Аюда, порт в Дагомее	35	4.500 в 1875
Ландана и Кабинда.	1.500	30.000 в 1886
Ангола, Бенуэла, Моссамедес	809.400	1 000.000 в 1880
Мозамбик, Софала и др	991.500	1.350.000 в 1880
Внутренния земли	1.700.000	20.000.000 в 1886
Азия.		
Гоа, Сальсета и др.	3.270	420.868 в 1881
Дамано	80	47.988 в 1881
Диу	30	2.611 в 1881
Половина Тимора и Камбинг	16.300	300.000 в 1880
Макао и друг	11	68.085 в 1878
Всего...	**3.571.910**	**29.915.469.**

Когда Португалия, с потерею Бразилии, утратила единственную часть своего колониального могущества, доставляющую ей существенное значение среди других наций, этот маленький европейский народец дошел, действительно, до жалкого состояния. Истощенный иноземною войною, он продолжал еще в течение многих лет бороться с внутренними неурядицами. Его финансы окончательно истощились; при том отсутствие сообщений с внутренними частями страны и путей для сношений с заграницею не позволяло восстановить благосостояние страны посредством вывоза местных продуктов. Португалия могла окончательно исчезнуть, и никто не понес бы от этого чувствительных потерь, кроме нескольких английских негоциантов, владеющих виноградниками Дуро, да испанских пограничных контрабандистов. Еще в 1851 г. в целой Португалии существовала только одна проезжая дорога, от Лиссабона к Синтре, если только можно назвать дорогою простую аллею для гулянья между двумя королевскими дворцами. Кроме того, состояние умственного развития народа столько же оставляет желать, как и экономическое. Невежество, в котором пребывали лузитанцы в половине нынешнего столетия, почти можно сравнить с необразованностью их соседей Ма-

рокко, живущих к югу от залива Алгарвии. В северных округах: Вианне, Браге, Браганце, молодая девушка, умеющая читать, считалась настоящим феноменом; и в наши дни число мальчиков много превосходит число девочек в португальских школах. Впрочем, и число неграмотных мужчин велико—еще десять лет тому назад оно составляло 75% населения. Впрочем, эти невежественные португальцы значительно отличаются от большинства крестьян северной Европы, грамотных и притом все-таки грубых; португальцы спорят, не горячась, говорят изящным языком, даже импровизируют стихи, в которых есть и размер, и неподдельная поэзия[1].

Во время последнего поколения образование весьма распространилось в Португалии; значительная часть пространства, отделявшего португальцев от прочих европейских наций, с точки зрения практического образования, теперь пополнилась, и с каждым днем заметны новые успехи. В этом случае достаточно привести один пример, свидетельствующий вообще о прогрессе в экономическом отношении: именно страна покрылась сетью железных дорог, все главные линии которых через несколько лет будут вполне закончены. Лиссабон не только в скором времени будет соединен со всеми второстепенными городами Португалии, даже с городами Алгарвии, Трас-ос-Монтес, но и теперь он уже начинает заводить торговые сношения с внутренними частями обеих Кастилий через различные пограничные пункты на Миньо, Дуро и Гвадиане. Движение торговли заметно возрасло во время междоусобных войн, когда испанские порты, расположенные у Средиземного моря, нередко находились в осадном положении: Лиссабон и Порто даже отчасти заменили эти торговые города, снабжая иностранными товарами внутренния части полуострова. Кроме того, в таможенных отчетах значится только часть всей действительной торговли: на огромном протяжении гористой границы, в 800 километров, весьма трудно уследить за контрабандою, и португальцы, подобно испанцам, хвалятся уменьем обманывать карабинеров. Сухопутная таможня стоит правительству гораздо больше, чем приносит[2].

Внешняя торговля Португалии более, чем утроилась с половины нынешнего столетия, благодаря пароходам, составляющим около четырех пятых всего количества тоннажа торговых судов. Большая часть этих торговых сношений производится с Великобританией, которая недавно пользовалась даже почти полною монополиею во внешней торговле Лузитании. Нетрудно понять, даже с географической точки зрения, столь значительное влияние Англии на Португалию. Португальский берег находится на самом пути английских судов в Средиземное море, Бразилию, на мыс Доброй Надежды, в Индию; ни один морской путь не посещается так часто англичанами. Порто и Лиссабон служат для них местами привала и запаса съестными продуктами. Понятно, что английская торговля с её громадными рынками, завладела португальскою производительностью и постаралась укрепить свое влияние разными политическими комбинациями. Помощь, оказанная Англиею Португалии во время войны полуострова, доставила ей благовидный предлог для приобретения в этой стране почти власти сюзерена и покровителя, и нередко она злоупотребляла своим влиянием. Но в настоящее время Англия пользуется лишь превосходством своей торговли, и если английское золото играет существенную роль в оборотах португальских рынков, то единственно благодаря громадной закупке вин и всяких фруктов, которая производится лондонскими негоциантами.

Внешняя торговля Португалии:

Ценность оборотов в 1842 г. 100.408.000 франк.; ценность оборотов в 1856 г. 203.185 000

1 Статистика народного образования в Португалии (с Азорскими островами и Мадерой) в 1890-91 гг.: Образование элементарное: 5.639 школ с 248.520 учеников. Образование среднее: 438 лицеев, гимназий и нр., с 97.787 воспит. Образование высшее: (1885 г.): 1 университет и 8 других высш учебн. завед., с 2.400 учащихся. Образование специальное (1885 г): 19 заведений, 2.600 учащихся. Число неграмотных (в 1884 году): Женщин 89%, мужчин 75%, среднее число 82,5%.

2 Пути сообщения Португалии в 1884 году: Обыкновенные дороги 10.000 килом. Железные дороги в нач 1895 г. 2.340 килом. Телеграфные линии в 1890 г 6.830 килом., число телеграмм в 1890 г. 1.330.803. Число писем в 1893 г. 27.000.000.

франк.; ценность оборотов в 1877 г. 316.175.010 франк.: ценность оборотов в 1882 г. 342.011.000 франк.

В 1895 г.: ввоз 40.996.000: вывоз 29.281.000 мильрейсов (1 мильр.==5 фр. 68 сантим.)

Торговля с Англией в 1881 г. 164.958.000 франк.; торговля с Бразилией в 1880 г. 45.382.000 франк.; торговля с Испанией в 1882 г. 43.344.000 франк.

Движение судоходства в португальских портах в 1895 г :

5.990 судов, вместим. 6.257.757 тонн, из которых 5.938.381 тонна приходится на паровые суда.

Коммерческий флот (не считая мелких кабот. судов) в 1895 г.:

258 суд. (из них 51 паров.), вместим. 88.885 тонн.

Возрастающее значение торговли Португалии с Бразилиею, соединенных в настоящее время подводным телеграфом через океан, также есть необходимое следствие относительной близости обеих стран и их родственных связей, общности преданий, связывающих эти два народа[1]. Все экономические успехи Бразилии отразятся на её прежнем отечестве; и теперь уже не трудно предвидеть будущее благосостояние народов, населяющих Лузитанию Нового Света; когда исчезнет невольничество, когда реки бассейна Амазонки будут окаймлены плантациями и железные дороги соединят долины боливийских Андов с портами Атлантического океана, Лиссабон и Порто будут посредниками между Бразилиею и Европою по вывозу массы колониальных и мануфактурных товаров.

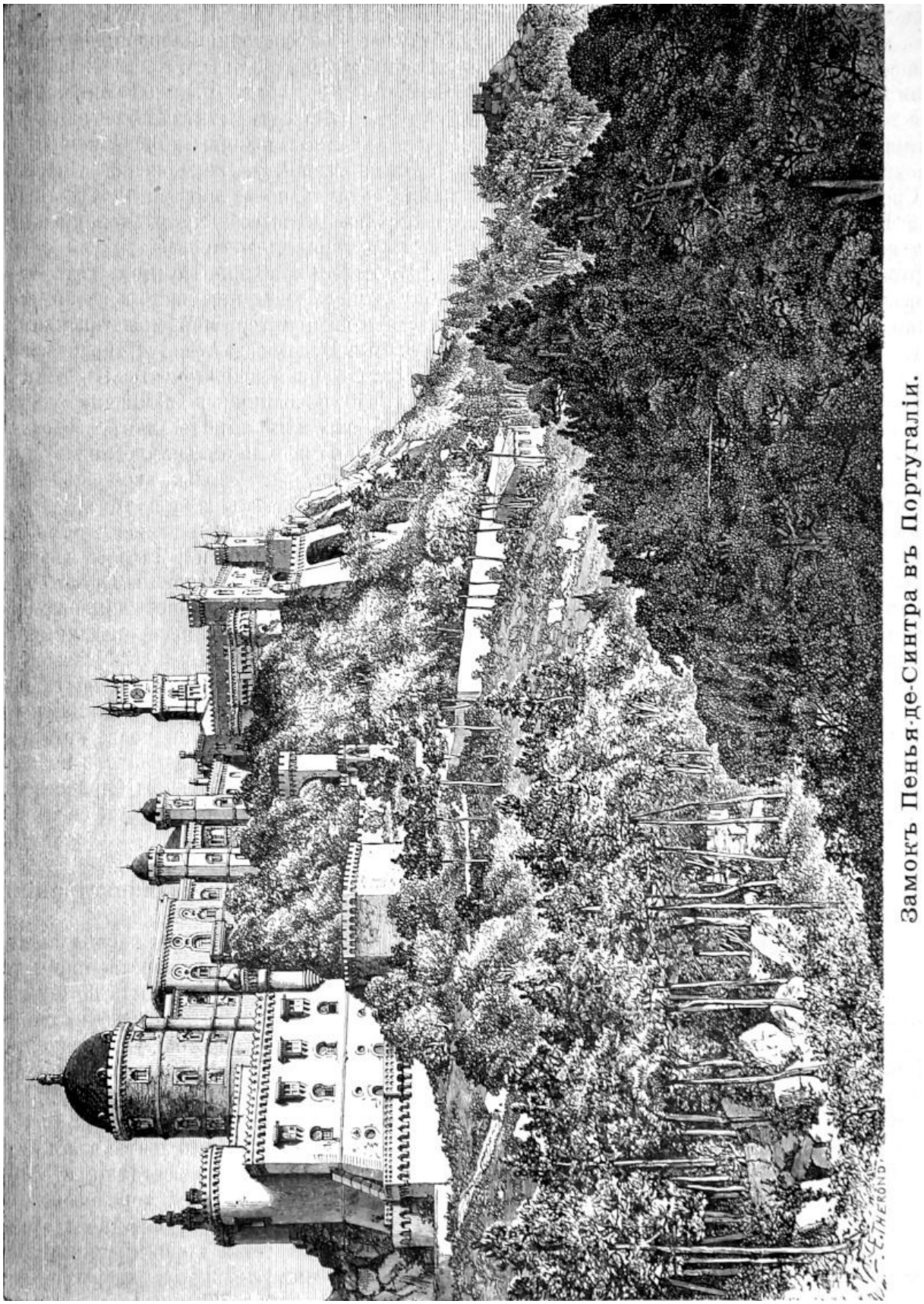
Вместе с тем, не трудно понять, что, несмотря на родовую ненависть и разногласие династических интересов, между рынками Португалии и Испании должна установиться самая тесная торговая солидарность. В конце концов обе пограничные нации не могут не слиться в один народ, как это случилось с арагонцами и кастильцами, андалузцами и манчегосами. Это только вопрос времени: и нельзя сомневаться в том, что общность промышленной и общественной жизни непременно возьмет перевес и поведет за собою политическую федерацию. Остается только пожелать, чтобы это будущее слияние произошло мирным путем, без несправедливых притеснений, без нарушения прав каждой нации на свободное управление своими частными делами. Португальцы, равные испанцам по их величию в прошлом, по роли, которую они играли в эпическую эпоху начала новой истории, могут смело, по своим нравственным достоинствам, стать на-ряду с своими соседями.

VI. Правление и администрация.

Португалия есть монархия наследственная и конституционная. По государственному уложению 1826 г., называемому Carta de ley и пересмотренному в 1852 г., правительство состоит из четырех властей: умеряющей, законодательной, исполнительной и судебной: из этих различных властей первая принадлежит исключительно короне; кроме того, корона разделяет законодательную власть с двумя палатами и остается всегда не ответственной. Liste civile для всей королевской фамилии составляет 3.300.000 франков; кроме того, король пользуется коронными имениями и обладает замечательными драгоценностями, между которыми находится знаменитый «браганцский брильянт». Король носит титул «Христианнейшаго» и по-прежнему титулуется «Королем Алгарвии, государем Гвинеи и всех покоренных стран». За неимением детей мужского пола, престол могут наследовать дочери. Министры государя, в числе семи, несут ответственность за королевские постановления: они могут быть привлечены к суду палатой депутатов и должны тогда предстать перед камерою пэров высшею судебною инстанциею. Все дела, касающиеся администрации, рассматриваются королем в присутствии государственного совета, состоящего из шестнадцати членов, избираемых

1 Ежегодная эмиграция из Португалии в Бразилию: С 1866 по 1870 г. 5.411 чел. С 1871 по 1874 г. 9.600 чел. Общая эмиграция с 1872 по 1881 г. 133.008 чел. Эмиграция в Америку с 1872 по 1881 г. 129.543 чел. Средняя эмиграция в Америку с 1880 по 1885 г. 15.475 чел.

пожизненно. Наследный принц—постоянный член этого совета и принимает участие в заседаниях с восемнадцати-летнего возраста.



Замокъ Пенья-де-Синтра въ Португаліи.

Палата пэров, состоящая, начиная с 1878 года, из 153 членов, назначается королем. Из членов её одни—наследственные, другие—пожизненные, остальные—избранные делегатами округов, университетом и другими учеными учреждениями; члены последней категории

должны иметь не менее 35 лет от роду и отчасти принадлежать к классу плательщиков наибольшей суммы налогов. Принцы королевского дома, архиепископы и епископы заседают в камере пэров по праву; президент и вице-президент этого собрания назначаются королем. Палата депутатов, избираемая всеобщею подачею голосов, специально уполномочена обсуждать и вотировать государственный бюджет. По закону 1878 года, избирателем является каждый глава семейства и все те, кто умеет читать и писать. Ценз существует лишь для избираемых.

Территория Португалии разделена на 112 избирательных округов,—96 для континента, 4 для прилежащих островов и 12 для остальных колоний. Эти округа, чрезвычайно неравные по численности, избирают 1, 2, 3, 4, даже до 6 депутатов каждый; общее число избираемых было до сих пор 180, но с 1895 года декретом правительства уменьшено до 120. Период депутатского полномочия—четыре года, а нормальный срок заседаний—три месяца. Президент камеры назначается королем из списка пяти кандидатов, избираемых депутатами.

Судебная власть в Португалии распределена по разным степеням, от приходского «выборного судьи» (juizeleito) и до членов высшего судебного учреждения, заседающего в Лиссабоне. Страна разделяется на два больших судебных округа, Лиссабонский и Порто, которые, в свою очередь, подразделяются на comarcas, соответствующие территориальному разделению. О-ва Азорские образуют третий округ, Мадера отнесена к Лиссабонскому. Суд присяжных занимается процессами гражданскими и уголовными, но коронные судьи имеют неслыханное право кассировать решения жюри, как «несправедливыя». Португальские судебные законы частью заимствованы из французского свода, частью из старинных местных уставов, заключающихся в эдиктах «альфонсийских», «мануэлийских» и «филипповских». Коммерческие дела подлежат особым коммерческим судам, с выборным из коммерсантов же жюри.

Господствующая религия в государстве римско-католическая; другие вероисповедания терпимы при условии, что для отправления обрядов они будут выбирать дома, не имеющие по наружному виду сходства с храмами. Духовное ведомство подчинено патриарху лиссабонскому, двум архиепископам, брагскому и эворскому, и четырнадцати епископам. Инквизиция уничтожена с 1821 г., и её доходы, равным образом и доходы 750 мужских монастырей, большею частию закрытых в 1834 г., присоединены к государственному бюджету; последние монастырские общины, мало-по-малу сокращающиеся вследствие запрещения принимать послушников, возвращаются к гражданской деятельности. Большая часть женских монастырей также были упразднены.

Армия, численность которой в военное время или во время внутренних волнений полагается не менее 125.000 человек, а в мирное—38.000, в действительности представляет две трети нормального состава; в ней числится, однако, до 2.500 офицеров. Прежде, благодаря льготам и возможности замещений, вся тяжесть рекрутской повинности падала на бедное население; но закон о воинской повинности был изменен в последнее время по прусскому образцу, с целию более равномерного распределения этой повинности и увеличения оборонительных сил страны. Армия состоит из 51 полка инфантерии, так называемых chasseur'ов, кавалерии, конной артиллерии и саперных войск. Срок службы—12 лет, из них 3 под знаменами, 5 в первом и 4 во втором резерве. В 1894 году войско состояло из 35.353 чел.; по штатам военного времени—около 150.000 чел. Крепости в Португалии многочисленны, но немногие из них хорошо укреплены; важнейшие из них Эльвас, Абрантес, Валенца—на испанской границе; а со стороны моря: форт Сан-Жулиано и крепость Пениш. Флот уже не имеет теперь тысячи кораблей, как в то время, когда король Себастьян готовился в поход на Марокко; он состоит из 60-ти небольших судов; из них 40 пароходов. Экипаж заключает 3.460 матросов.

Ежегодный бюджет с 1834 года постоянно представлял дифицит; государственный долг в 1890 году простирался до 3.269.709.000 франк.,—цифра, по истине поразительная для такой маленькой страны: это составит более 500 франков на каждого португальца. Проценты по

долгу зачастую не выплачивались, хотя в 1852 г. королевский декрет уменьшил их до 3%[1]. Однако, доходы страны, с присоединением продажи общественных имуществ и табачной монополии, возрасли быстрее дефицита, и с 1875 г. правительство могло избавиться от печальной необходимости удерживать часть жалованья служащих, в размере от 5 до 30%. Кредит португальского правительства, окончательно было упавший, мало-по-малу поднялся, и его фонды котируются теперь выше половины номинальной стоимости.

Оба старинные «королевства», Португалия и Алгарвия, разделяются в административном отношении на 17 округов, или провинций, хотя прежнее деление на исторические области: Миньо, Трас-ос-Монтес, Бейра, Эстремадура, Алемтехо, Алгарвия и теперь сохраняется в обыкновенном языке. Округи, в свою очередь, разделяются на *concelhos*, или «советы», которые гораздо обширнее французских общин, потому что содержат средним числом тринадцать приходов, или *freguezias*, представляющих подразделения религиозные и вместе гражданские.

ОКРУГА	Пространство округов в квадратных километрах	Население округов в 1881 г.	Число жителей на 1 кв. кил.
Миньо			
7.213 квадратных километр.; 1.014.768 человек.			
Брага	2.602	336.248	125
Порто	2.304	466.981	203
Вианна-до-Костелло	2.261	211.539	100
Трас-ос-Монтес			
11.033 квадратных километр.; 396.676 человек.			
Браганца	6.644	171.586	26
Вилла-Реаль	4.369	225.090	51
Алемтехо			
24.294 квадратных километр.; 367.169 человек.			
Бежа	10.841	149.187	14
Эвора	7.053	112.735	16
Порталегре	6.400	105.247	16
Бейра			
23.891 квадратных километр.; 1.337.432 человек.			
Авейро	2.919	270.266	95
Коимбра	3.682	307.426	80
Визеу	969	387.208	78
Гуарда	5.540	234.368	42
Кастелло-Бранко	6.596	178.164	27
Эстремадура			
17.958 квадратных километр.; 946.472 человек.			
Лейриа	3.463	199.645	58
Лиссабон	7.599	518.884	68
Сантарем	6.816	227.947	33
Алгарвия или Паро			
4.834 квадратных километр.; 204.037 человек. 42 человека на 1 квадратный километр.			
Континентальная Португалия			
89.143 квадратных километр.; 4.306.554 человека; 48 человек на 1 квадратный километр.			
Португалия, с Мадерою и Азорскими островами			
92.346 квадратных километр.; 4.708.178 человек; 51 человек на 1			

1 Бюджет 1894-1895 гг.: доходы 43.905.093; расходы 41.264.947 мильрейсов. Государственный долг в 1894 г.: 665.205.469 мильрейсов

квадратный километр. В 1893 году 5.368.000 жителей; 58,2 жпт. на 1 квадратный километр.

КОНЕЦ ПЕРВОГО ТОМА

Оглавление

От редакции....3
Предисловие автора к 1-му тому....3
Предисловие автора к 2-му тому....5
Главнейшие источники к 1-му тому....5
Т о м I....8
Греция-Европейская Турция-Болгарские земли-Румыния-Сербия-Черногория- Италия-Испания и Португалия....8
Глава I Общий взгляд....10
Глава II Европа....13
I. Границы....13
II. Естественные разделы и горы....15
III. Морской пояс....17
IV. Климат....19
V. Племена и народы....21
Глава III Средиземное море....24
I. Форма и воды бассейна....24
II. Фауна, рыболовство и соляные промыслы....29
III. Торговля и мореплавание....31
Глава IV Греция....34
I. Общий вид....34
II. Континентальная Греция....42
III. Морея или Пелопоннез....52
IV. Острова Эгейского моря....62
V. Ионические острова....67
VI. Нынешнее состояние Греции....71
VII. Управление и политическое деление....76
Пелопоннез....77
Континентальная Греция....78
Острова....78
Глава V Европейская Турция....78
I. Общий вид....78
II. Крит и острова Архипелага....84
III. Поморье Эллинской Турции и Болгарии. Фракия, Македония и Олимп....91
IV. Албания и Эпир....105
V....117
Глава VI Болгарские земли....122
I. Деспото-Дагг и Восточная Румелия....122
II. Балканы и собственно Болгария....125
Глава VII Румыния....134
Глава VIII Сербия и Черногория....152
I. Сербия....152
II. Черногория....161
Глава IX Италия....165
I. Общий вид....165
II. Бассейн По....171
III. Лигурия или Генуэзский берег....208
IV. Долина Арно, Тоскана....216
V. Римские Апеннины, долина Тибра, Мархии и Абруццы....232
VI. Южная Италия, Неаполитанские провинции....255
VII. Сицилия....280
Эолийские острова....301
Острова Эгадские и Пантеллярия....303
VIII. Сардиния....305
IX. Экономическое состояние Италии....320
X. Правительство и администрация....328
Глава X Мальта и Гоццо....334
Глава XI Корсика....338
Глава XII Испания....346

I. Общий обзор....346
II. Плоскогорья Кастилии, Леона и Эстремадуры....358
III. Андалузия....382
IV. Склон главного плато к Средиземному морю, Мурция и Валенция....413
V. Балеарские острова....424
VI. Долина Эбро, Арагония и Каталония....432
VII. Баскские провинции Наварра и Логроньо....453
VIII. Сантандер, Астурия и Галиция....466
IX. Нынешнее состояние Испании....479
X. Правление и администрация....484
Глава XIII Португалия....489
I. Общее обозрение....489
II. Северная Португалия, долины Миньо, Дуро и Мондего....494
III. Долина Таго, Эстремадура....507
IV. Южная Португалия, Алемтехо и Алгарвия....517
V. Статистика Португалии....522
VI. Правление и администрация....525